

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. Водянскаго.

1867

Генварь — Мартъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА

въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ, на Страстномъ бульварѣ.

1867.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. Водянскаго.

1867

Генварь — Мартъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ, НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРЪ.

1867.

Помѣщаемыя статьи въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ ни къмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть перепечатываемы безъ согласія Общества и Редакціи оныхъ.

І
ИЗ СЛѢДОВАНІЯ

О

САМОЗВАНКЪ,

ВЫДАВАВШЕЙ СЕБЯ ЗА ДОЧЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ
ПЕТРОВНЫ.

ПО

АРХИВНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

СЪ

ДОКУМЕНТАМИ.

СООБЩИЛЪ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ .

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ ОНАГО

Графъ В. Н. Татищевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы сообщаемъ нашимъ читателямъ достовѣрныя свѣденія о Самозванкѣ, ошибочно называемой Таракановою разными писателями, ибо она сего имени никогда себѣ не присвоивала.

Изъ сихъ свѣдѣній видно, что она не погибла во время наводненія, но скончалась отъ болѣзни, въ Петропавловской крѣпости, 4-го Декабря, 1775-го года.

САМОЗВАНКЪ, ВЫДАВАВШЕЙ СЕБЯ ЗА ДОЧЬ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Едва ли удастся когда либо открыть, кто и откуда была Самозванка, выдававшая себя за дочь Императрицы Елисаветы Петровны. На основаніи имѣющихся въ настоящее время данныхъ, можно только предполагать, что она была родомъ изъ Германіи. ¹

По словамъ ея, въ 1775-мъ году ей было отъ роду 23 года, слѣдовательно, она родилась въ 1752-мъ году. Но, по видимому, она была старше, ² и упомянутый годъ выбрала для какой ни будь особенной цѣли. По свидѣтельству всѣхъ, видѣвшихъ ее, ³ она имѣла весьма привлекательную наружность, хотя и косила на одинъ глазъ, отличалась быстрымъ умомъ, не лишена была нѣкотораго образованія, весьма свободно говорила по Нѣмецки и по Французски и немного по Англійски и Итальянски.

¹ Императрица Екатерина, въ письмѣ къ С-Петербуржскому Генералъ-Губернатору, Князю А. М. Голицыну, сообщаетъ ему, что Англійскій Посланникъ подозрѣваетъ въ ней дочь Пражскаго трактирщика. Англійскій Консулъ въ Ливорнѣ, Серъ Джонъ Дикъ, въ послѣдствіи утверждалъ, что Самозванка, какъ ему то положительно извѣстно, была дочь Нюрнбергскаго булочника.

² Никто не описываетъ ее столь молодою. Серъ Джонъ Дикъ рассказывалъ, что въ 1774-мъ году она показалась ему нѣмощею около тридцати лѣтъ.

³ Польскаго Посланника въ Римѣ, Маркиза Д'Античи, Аббата Роккатани, перскаго Посланника Кардинала Альбани, и Князя А. М. Голицына.

Изъ найденныхъ, при взятіи ея подъ стражу, писемъ, изъ которыхъ ни одно, къ ней относящееся, не писано ранѣ осени 1772-го года, видно, что она уже до этого времени, сначала въ Берлинѣ, а потомъ въ Гентѣ, выдавала себя послѣдовательно то за дѣвицу Франкъ, то за дѣвицу Шель, то за Госпожу Тремуиль.

Изъ Гента она пріѣхала въ Лондонъ, кажется, съ своимъ любовникомъ, молодымъ купеческимъ сыномъ, Вантурсомъ (Van-toers), который бѣжалъ отъ жены и вѣрителей. Онъ принялъ фамилію Барона Эмбса, между тѣмъ какъ сама она называлась Али-Эмете, Приицессой Волдомирской, съ Кавказа. Чтобы укрыться отъ своихъ вѣрителей, Вантурсъ, весною 1772-го года, долженъ былъ оставить Англію; однако, въ исходѣ лѣта, они снова сошлись въ Парижѣ. Къ ихъ обществу присоединился, какъ должно полагать, еще въ Лондонѣ, какой-то Господинъ, называвшійся Барономъ Шенкомъ, вѣроятно, прежній любовникъ Самозванки, которому она въ это время служила орудіемъ для разныхъ обмановъ.

Всѣ они очень роскошно жили въ Парижѣ и вскорѣ успѣли вступить въ сношенія со многими лицами. Прочныя же связи были заключены ими съ богатымъ купцомъ Понсе, съ нѣкимъ Макке, старымъ развратникомъ Де Мариномъ, Графомъ Рошфоръ Валькуромъ (Гофмаршаломъ Князя Лимбургскаго), и наконецъ съ Гетманомъ Литовскимъ, Михайломъ Огинскимъ. Послѣдній принадлежалъ къ предводителямъ Польской Конфедераціи, которые, по раздѣлѣ ихъ отечества въ 1772-мъ году, домогались за границую, въ особенности же при Французскомъ Дворѣ, возстановленія древнихъ предѣловъ Польши. Онъ нѣкоторое время, кажется, былъ въ весьма короткихъ сношеніяхъ съ Самозванкой, по крайней мѣрѣ, многочисленныя его къ ней записки исполнены любезности и живаго участія, и даже не лишены нѣкотораго довѣрія къ ея рассказамъ о баснословномъ богатствѣ Персидскаго ея дяди. Впрочемъ, можно утвердительно сказать, что Огинскій ни въ это время, ни послѣ, не побуждалъ ее наименоваться дочерью Императрицы Елисаветы Петровны, но отъ него она могла, однако жъ, получить первыя свѣдѣнія о Польскихъ дѣлахъ, о Русскомъ Дворѣ и вообще о политическомъ положеніи Сѣверныхъ Государствъ.

Въ началѣ 1773-го года дѣла Али-Эмете находились въ дурномъ положеніи. Вантурсъ; по которому поручителемъ состоялъ Макке, былъ задержанъ за долги. Не смотря на значительныя суммы, получаемыя Принцессою въ займы отъ Понсе, нужда увеличивалась съ каждымъ днемъ. Огинскій, къ которому обращалась Самозванка, не могъ, или не хотѣлъ, болѣе доставать денегъ. Но дѣла устроились, благодаря Шенку. Онъ заставилъ Де Марина усыпить общапіями, какъ Макке, такъ и Понсе, даже выдать по сѣдному заемныя росписки. Такимъ образомъ общество ихъ, въ томъ числѣ и Вантурсъ, получило возможность, сперва переѣхать въ окрестности Парижа, а потомъ, въ концѣ Апрѣля, уѣхать въ Германію, ⁴ при чемъ Де Маринъ, ради собственной безопасности, присоединился къ нимъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ ихъ ожидалъ Графъ Рошфоръ, которому Шенкъ въ Парижѣ столько наговорилъ о мнимыхъ богатствахъ Принцессы, что онъ захотѣлъ на ней жениться. Между тѣмъ Понсе и Макке не замедлили принять свои мѣры. Едва успѣла Али-Эмете расположиться въ Франкфуртской гостинницѣ, какъ Вантурса, по требованію Макке, посадили въ темницу, при чемъ употреблено было даже насиліе. Когда эта постыдная исторія сдѣлалась извѣстною, содержатель гостинницы выгналъ все общество изъ своего дома. Принцесса тщетно требовала удовлетворенія отъ Магистрата, представляя черновыя письма, коими она просила защиты у Русскихъ Посланниковъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Уже Де Марина хотѣли было задержать по требованію Понсе, какъ вдругъ явился спасительнымъ гениемъ Графъ Лимбургскій.

Филиппъ-Фердинандъ. Владѣтельный Графъ Лимбургскій и Стирумскій, Совладѣлецъ Графства Оберштейнъ, ревностный Католикъ, какъ человекъ холостой, весьма легкаго поведенія, имѣлъ въ то время 42 года отъ роду. Онъ былъ образованъ, но его умственныя способности были ограничены, а характеръ слабъ. Незадолго предъ тѣмъ, вступивъ на престолъ, по смерти старшаго

⁴ Для оправданія предъ Огинскимъ приводился крайне важныя дѣла въ Германіи. Онъ еще принужденъ былъ выслать Самозванкѣ бланковый патентъ на чинъ Капитана въ Литовскихъ войскахъ, въ который она потомъ вписала имя Барона Эмса. Подлинный патентъ, подписанный Огинскимъ, находится при Дѣлѣ (I № 165 и № 143).

брата, онъ, какъ потомокъ Графовъ Шауенбургскихъ, объявилъ притязанія ⁴ на Герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ, о правѣ владѣть которыми въ то время спорили Кабинеты С -Петербургскій и Копенгагенскій. Хотя притязанія его повсюду встрѣчали отказъ, тѣмъ не менѣе онъ подписывался на документахъ Герцогомъ этѣхъ земель, не смотря на то, что обыкновенно его называли Княземъ Лимбургскимъ. Онъ жилъ такъ, какъ жили въ то время всѣ мелкіе Имперскіе Князья: имѣлъ Повѣренныхъ по дѣламъ въ Парижѣ и Вѣнѣ (Де Бура и Барона Фонъ Горнштейна), содержалъ войска, раздавалъ, имъ самимъ учрежденные, ордена и велъ тяжбу съ Прусскимъ Королемъ о нарушеніи своихъ державныхъ правъ. ⁶

Вскорѣ по прибытіи Князя во Франкфуртъ, Графъ Рошфоръ просилъ у него позволенія переселиться, съ будущею своею супругою, ради безопасности и до полученія ею денегъ изъ Персіи, въ одинъ изъ Княжескихъ замковъ. Князь представился Принцессѣ, былъ обворожень ею и, не смотря на предостереженіе банкира Алленца, далъ ей въ займы значительную сумму денегъ, для уплаты ея Франкфуртскихъ долговъ, велѣлъ Де Буру успокоить Понсе и наградилъ Макке орденомъ. Съ симъ послѣднимъ заключили договоръ объ отсрочкѣ. Вантурсъ, въ которомъ не имѣли болѣе надобности, остался до времени въ темницѣ. Де Маринъ, слишкомъ осторожный, чтобы довольствоваться одними обѣщаніями, вступилъ Интендантомъ въ придворный штатъ Принцессы, отправившейся, въ началѣ Іюня, 1773-го года, вмѣстѣ съ Княземъ, въ его владѣнія. Здѣсь она хотѣла дожидаться полученія денегъ изъ Персіи, чтобы потомъ пуститься въ обратный путь на Востокъ. Шенкъ остался во Франкфуртѣ, въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ, заставивъ Принцессу вручить ему свои бумаги, за исключеніемъ переписки Огинскаго и нѣкоторыхъ другихъ писемъ. Этѣмъ онъ приобрѣлъ полную власть надъ Самозванкой, имѣвшей вообще

⁴ При Дѣлѣ находится рукописная Французская по сему предмету записка (II № 32) и печатная Нѣмецкая (I № 258).

⁶ Въ числѣ бумагъ находятся, между прочимъ, и напечатанные Уставы орденовъ, различные документы, за подписаніемъ и приложеніемъ печати Князя, печатные меморіалы, въ доказательство его притязаній на Княжескій титулъ, рукописныя о претензіяхъ на Герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ и печатныя сочиненія противъ Пруссіи (I № 258).

странную привычку сохранять всѣ получаемыя ею письма, хотя бы они ее и выдавали. Таковы были и бумаги, врученныя ей Шенку.

Князь и его спутница, уже во время дороги вступившіе въ самыя короткія отношенія, поселились въ замкѣ Нейсесъ. въ Франконіи. Спустя нѣсколько дней по ихъ прибытіи, Гофмаршалъ былъ посаженъ въ темницу, какъ Государственный преступникъ, гдѣ его держали нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ Принцесса, принявши имя Елеоноры, начала жизнь вполне блестящую и роскошную.

Изрѣдка являлся въ Нейсесъ, по приглашенію Князя, пріятель его, Баронъ Фонъ Горнштейнъ, Конференцъ-Министръ у извѣстнаго друга Езуитовъ, Трирскаго Курфюрста, Климента-Вячеслава. Въ скоромъ времени обворожительная незнакомка успѣла плѣнить его такъ, что онъ началъ присылать ей ноты и маленькіе подарки и объявилъ себя Менторомъ новыхъ Калипсо и Телемака. Она съумѣла увѣрить его въ дѣйствительности существованія своихъ Персидскихъ сокровищъ и даже поручила ему покупку для нея значительной поземельной собственности. Еще гораздо болѣе привлекло его къ ней положительное ея обѣщаніе, дать въ займы Князю нужную сумму для выкупа правъ Курфюрста на Графство Оберштейнъ. Дѣло это, очень выгодное для Министра и Князя, было немедленно начато, и Принцесса слѣдила за нимъ съ большимъ вниманіемъ, надѣясь, вѣроятно, по внушеніямъ Шенка, выпросить это Графство себѣ въ подарокъ отъ слабаго своего любовника. Около того же времени Де Маринъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы помогать Де Буру при продажѣ Франціи Лотарингскихъ леновъ Князя, который входилъ все болѣе и болѣе въ долги, чтобы удовлетворить мотовству обожаемой имъ Принцессы. Между тѣмъ она, опасаясь, чтобы Князь, во время частыхъ своихъ поѣздокъ въ Кобленцъ, столицу Курфюрста, по выкупу Графства Оберштейнъ, не былъ отъ нея отвлеченъ, старалась всѣми мѣрами принудить его къ браку, и съ этою цѣлью вдругъ объявила, будто она получила письмо отъ опекуна, который требуетъ ея возвращенія въ Персію, гдѣ она, конечно, не замедлитъ выйти замужъ. Горнштейнъ, пользовавшійся вполне, какъ казалось, ея довѣренностію, долженъ былъ достать ей на дорогу де-

негъ, которыя она обѣщала возвратить немедленно по прїѣздѣ въ Персію, равно какъ и деньги на уплату сдѣланныхъ ею долговъ на выкупъ заложеннаго Графства Стирумскаго и на пріобрѣтеніе правъ полнаго владѣнія Оберштейномъ. Князь вдался въ обманъ, предложилъ ей руку и, когда она, не смотря на это, все еще настаивала на своемъ отъѣздѣ, готовъ былъ даже отречься отъ престола, въ пользу младшаго брата, и ѣхать съ нею въ Персію. Горнштейнъ, у котораго Князь тогда былъ въ гостяхъ, старался его успокоить. Онъ обратилъ его вниманіе на необходимость имѣть положительныя данныя касательно происхожденія Принцессы, и при этомъ сообщилъ ему нѣкоторые невыгодные слухи, распространившіеся на ея счетъ. Едва вѣсть объ этѣхъ разговорахъ достигла Стирума, куда переселилась Самозванка, для того, чтобы быть ближе къ Кобленцу, какъ она объявила, что опекунъ согласился на болѣе продолжительное пребываніе ея въ Европѣ, и даже разрѣшилъ бракъ ея съ Княземъ. Не смотря на это, Министръ продолжалъ требовать отъ Принцессы свѣдѣтельства объ ея происхожденіи и намекнулъ ей на необходимость принять Римско-Католическую Вѣру. Въ такихъ обстоятельствахъ она, въ письмѣ къ Горнштейну,⁷ открыла свои семейныя отношенія, о которыхъ, по ея словамъ, Россія не замедлитъ въ газетахъ дать подробныя поясненія, и выдала себя за владѣтельницу Азова (*Dame d'Asow*), состоящаго подъ владычествомъ Русской Императрицы, и за единственную наслѣдницу весьма древняго рода Волдомировъ, имуществами котораго, отобранными въ 1749 году и освобожденными отъ задержанія въ 1769 году, она во всякое время можетъ вступить во владѣніе. Ее увезли, по смерти отца, четырехлѣтнимъ ребенкомъ, къ дядѣ въ Персію, откуда она, только полтора года тому назадъ, прїѣхала въ Европу. Обо всемъ этомъ она просила Горнштейна довести до свѣдѣнія Князя.⁸

⁷ Это письмо отъ 7 Августа, 1773 года (III № 44).

⁸ Первое по полученіи этѣхъ свѣдѣній письмо Князя, отъ 24-го Августа, 1773 года (I № 243); имѣло слѣдующій адресъ: «A Son Altesse Serenissime Madame la Princesse Elisabeth de Voldomiro»; таковы и всѣ послѣдующіе адреса. Не смотря на новый титулъ Самозванца, Князь, въ душевныхъ наліяніяхъ, все еще называлъ ее просто Али, а потомъ въ письмахъ, писанныхъ пѣрзямъ, Бетти.

Между тѣмъ вѣсти изъ Парижа были для Принцессы крайне неприяты. Понсе, встревоженный сообщеніемъ Вантурса, все еще продолжавшаго сидѣть въ тюрьмѣ, началъ грозить своей должницѣ, что онъ приметъ противъ нея строжайшія мѣры, которыя не были приведены имъ въ исполненіе только по тому, что Де Маринъ и Де Буръ сообщили ему о скоромъ ея бракосочетаніи съ Нѣмецкимъ Имперскимъ Княземъ, а, можетъ быть, и по тому, что ему былъ обѣщанъ одинъ изъ Княжескихъ орденовъ, которыми, по порученію Принцессы, Де Маринъ, какъ кажется, торговалъ въ Парижѣ. ⁹ Около этого же времени Самозванка прислала къ Огинскому проектъ лотереи, съ настоятельною просьбою, распространить ее между Парижскими банкирами, и, въ доказательство того, что мысли ея постоянно имъ заняты, записку о Польшѣ, для Версальскаго Кабинета. ¹⁰

Князь зналъ объ ея перепискѣ съ Огинскимъ, но содержаніе оной было ему не извѣстно, а по тому Принцесса, старавшаяся возбудить въ немъ ревность къ Польскому вельможѣ, чтобы тѣмъ заставить его скорѣе на себѣ жениться, беззабѣчиво увѣряла его, что переписка касается политическихъ дѣлъ, для совѣщанія по которымъ Огинскій намѣренъ въ скоромъ времени посѣтить его. Между тѣмъ дѣло о приобрѣтеніи правъ на Оберштейнъ подвинулось до того впередъ, что (въ половинѣ Августа) Князь уже могъ туда ѣхать, чтобы показаться своимъ подданнымъ. По этому случаю Принцесса придумала планъ, состоявшій въ томъ, чтобы Князь помѣстилъ ее въ Оберштейнѣ, вмѣстѣ съ Шенкомъ и Де Мариномъ, а самъ, для сохраненія приличія, поселился въ Стирумѣ,

⁹ Въ это время, вѣроятно, выданы были дипломы на ордена, конфискованные осенью 1858 года въ Парижѣ, по случаю извѣстнаго дѣла о торгѣ орденами, а именно: *La croix de l'ordre asiatique, fondé par la Sultane Alina; l'ordre de mérite du Lion de Holstein-Limbourg; les ordres réunis des quatre Empereurs et del'ancienne noblesse.* (*Independance Belge 1858. Octobre 9*). Уставы ордена *del'ancienne noblesse* находятся при Дѣлѣ.

¹⁰ Въ письмѣ отъ 28 Августа (I № 156) онъ довольно холодно и рѣшительно отказывается отъ всякаго участія въ дѣлѣ по лотерейному проекту и сообщать, что записку передалъ, кому слѣдовало. Уже въ предшествовавшее своею письмѣ онъ довольно прощически отвѣчаетъ на предложенныя ею денежные ссуды.

Это предложеніе было отвергнуто Княземъ (24 Августа), который при этомъ, касательно Шенка, замѣтилъ, что ей слѣдовало бы считать за особое счастье освободиться отъ человѣка, алчности котораго не удовлетворили бы всѣ сокровища Азіи.¹¹ Отсутствіе доказательствъ о происхожденіи Принцессы и свѣдѣтельства объ ея крещеніи, по тому что она, выдавая себя за владѣтельницу Азова, какъ будто принадлежала къ Греко-Восточной Церкви, служило препятствіемъ къ совершенію брака. Время шло, свѣдѣтельства не доставлялись, а заявленіе Принцессы, что она не можетъ и не намѣрена сочетаться бракомъ, пока отъ Русскаго Двора не будетъ сдѣлано управительственнаго поясненія правъ ея на наследство Князей Волдомирскихъ, мало по малу потеряло всякое значеніе. Тогда Самозванка почувствовала, что надобно покончить дѣло.

Въ письмахъ, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, она, передавая Князю, еще жившему въ Оберштейнѣ, какъ дошедшіе до нея слухи о томъ, будто его хотятъ женить на другой, такъ и о блестящемъ предложеніи, ей сдѣланномъ, замѣчаетъ, что теперь ни что не мѣшаетъ имъ разойтись, тѣмъ болѣе, что признаніе правъ ея со стороны Россіи не можетъ послѣдовать ранѣ заключенія мира съ Турками. Самозванка намѣревалась, какъ видно изъ одного ея письма, окончательно уволить Шенка и Де Марина, прервавъ всѣ прежнія сношенія съ разными лицами, и предоставить свое имущество въ распоряженіе Князя; приложенный вексель въ довольно значительную сумму на имя (вымышленнаго) банкира служилъ какъ бы залогомъ, что это обѣщаніе будетъ непременно приведено ею въ исполненіе. Сверхъ того, она прислала Князю, для его свѣдѣнія, черновое¹² письмо къ своему опекуну, Русскому Вице-Канцлеру, Князю Голицыну. Въ этомъ письмѣ она сообщала ему, какъ о любви своей къ Князю Лимбургскому, такъ и о желаніи вступить съ нимъ въ бракъ; изъявляла сожалѣніе, что тайна, покрывавшая ея происхожденіе, дала поводъ ко многимъ про

¹¹ Слѣдовательно, Князь около этого времени уже догадывался объ обстоятельствахъ прежней жизни своей возлюбленной.

¹² Это черновое письмо и записка сохранились: въ послѣдней Самозванка старается доказать важность, въ особенности для Россіи, сосредоточенія Азіятской торговли на Кавказѣ (III № 5 и II № 43).

нее расскажем, и что сдѣланные ею незначительные долги преувеличены, съ цѣлю, чтобы имѣть возможность скорѣе воспользоваться ея сокровищами. Въ заключеніе письма она увѣряла въ неимѣнности своихъ чувствъ благодарности и привязанности къ Императрицѣ и въ постоянномъ своемъ рвеніи о благѣ Россіи, что вполне можетъ доказать приложенная при письмѣ записка, для объясненія которой она готова сама пріѣхать въ Санктпетербургъ, если бы въ этомъ встрѣтилась надобность.

Въ отвѣтахъ Князя Лимбургскаго на письма Принцессы пламенные увѣренія въ любви къ ней смѣняются открытымъ сомнѣніемъ во всемъ, ею рассказанномъ; онъ въ нихъ то отказывается отъ ея руки, то грозитъ удалиться въ монастырь, коль скоро она его оставитъ; умоляетъ открыть ему истину, за которую онъ готовъ простить ей все ея прошедшее; проситъ ускорить доставленіемъ свѣдѣтельства о рожденіи, такъ какъ теперешняя ихъ связь лежитъ тяжелымъ камнемъ на его совѣсти и такъ какъ только брачный союзъ, совершенный по обряду Римско-Католической Церкви, можетъ сдѣлать его счастливымъ; наконецъ, совѣтуетъ воздержаться отъ излишнихъ расходовъ, которые уже увлекли его на край гибели и при которыхъ даже ея Персидскихъ сокровищъ было бы недостаточно для обезпеченія будущности ожидаемыхъ маленькихъ Али. Догадки Князя о прошлой жизни его возлюбленной получили новую пищу во Франкфуртѣ (въ началѣ Сентября мѣсяца), гдѣ онъ хлопоталъ о томъ, чтобы не выдавали Вантурса его Гентскимъ заимодавцамъ. Банкиръ Алленцъ прямо намекнулъ ему о Шенкѣ и показалъ письмо отъ Де Марина, изъ котораго можно было видѣть намѣреніе Принцессы уѣхать въ Парижъ, что вновь пробудило въ Князѣ ревность къ Огинскому. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ Принцессы увѣдомленіе, что въ Стирумъ прибылъ Императорскій Фискаль для наложенія на Графство запрещенія за долги. Дѣло это, впрочемъ, успѣли уладить, при помощи Горштейна, который счелъ долгомъ при этомъ сообщить легковѣрному Князю, что повѣсть о Русскомъ опекунѣ — чистая ложь.

Не смотря на это, Князь черезъ нѣсколько времени былъ вынужденъ, съ одной стороны, плохимъ состояніемъ своихъ финансовъ, а съ другой возобновившимися слухами о прежнемъ без-

нравственномъ поведеніи своей подруги, объявить ей, что долженъ съ нею разстаться на вѣки, Стирумъ предоставить заимодавцамъ и озаботиться сохраненіемъ своему семейству остатковъ имѣнія. На это Принцесса, не отрицая справедливости слуховъ касательно своего прежняго поведенія, сообщила Князю о своей, можетъ быть выдуманной, беременности, въ слѣдствіе чего онъ поклялся ей, что никогда ее не покинетъ, и съ тѣхъ поръ говорилъ всѣмъ, что общалъ на ней жениться.¹³ Въ Кобленцѣ, куда онъ прибылъ по своимъ дѣламъ, ему рассказали про одну госпожу, которая своими плутнями, совершенными ею въ послѣдніе годы въ Берлинѣ, Гентѣ и Лондонѣ, сильно себя опозорила. Судя по описанію, госпожа эта имѣла большое сходство съ его подругою. Лишь только Принцесса узнала объ этомъ, какъ немедленно объявила, что важныя дѣла призываютъ ее въ Санктпетербургъ, и письменно просила Князя, а также Горнштейна, достать ей на дорогу денегъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она поручала послѣднему выкупить въ Парижѣ оставленныя ею тамъ драгоценныя вещи. Однако жъ Де Маринъ рѣшительно воспротивился этой поѣздкѣ, намекнувъ при томъ весьма ясно на прошлую жизнь Принцессы. Она жаловалась на это Князю, который, не смотря на сомнѣніе въ существованіи Волдомирскаго Княжества и Персидскихъ сокровищъ, и на двусмысленное поведеніе Принцессы, до такой степени былъ ею обвороженъ и до того желалъ удержать ее отъ поѣздки, что самъ указалъ на средства успокоить Де Марина и получить отъ Горнштейна вспоможеніе, возбудивъ самолюбіе и алчность послѣдняго разными общаніями. Въ сихъ видахъ онъ предложилъ ей выдать какого-то Русскаго Князя, находившагося тогда въ Спа, за своего опекуна, и совѣтовалъ объяснить Министру, какъ причину своей болѣзни, дабы онъ не противился болѣе ихъ совмѣстному житію, такъ и намѣреніе въ непродолжительномъ времени присоединиться къ Римско-Католической Церкви, что доставитъ большое удовольствіе ему и Курфирсту, которымъ припишутъ честь обращенія ея къ исповѣдуемой ими Вѣрѣ.¹⁴ Хотя поѣздка въ Санктпетербургъ и не состоялась, однако жъ Горнштейнъ су-

¹³ О всемъ этомъ Князь въ послѣдствіи самъ напоминалъ Самозванкѣ (I № 186).

¹⁴ Письма о семъ Князя (I №№ 198 и 221) доказываютъ, что онъ былъ не безполезнымъ участникомъ въ обманахъ Самозванки.

дять деньгами Принцессу и позволилъ Князю перевезти ее въ Оберштейнъ (въ Октябрѣ мѣсяцѣ), и тамъ поселиться съ нею и съ Де Мариномъ, принявшимъ званіе управляющаго ея финансами.

Кажется, что Князь, вмѣстѣ съ клятвою, никогда не покидать возлюбленную, далъ, по случаю ея беременности,¹⁵ обѣщаніе обезпечить за нею пожизненное владѣніе Оберштейнскимъ Графствомъ въ случаѣ, если бы бракъ не состоялся. Правда, при дѣлѣ нѣтъ письменнаго на это доказательства, но на существованіе подобнаго договора встрѣчаются многочисленныя указанія. Во всякомъ случаѣ, уже въ Октябрѣ мѣсяцѣ слухъ объ этомъ распространился между прислугою.¹⁶ До конца Декабря Князь часто посѣщалъ Оберштейнъ. Въ этѣ пріѣзды Самозванка старалась познакомиться съ тѣмъ, какъ должно пользоваться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни цѣлою системою обмановъ, и при этомъ неоднократно высказывала, что она не только намѣрена, но и въ состояніи, держаться подобной системы до конца. Вообще она пріобрѣла надъ этѣмъ слабымъ человѣкомъ такую власть, что въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ онъ съ ужасомъ вспоминаетъ объ этой системѣ, которой невольно слѣдовалъ. Въ слѣдствіе подчиненія его этѣмъ кознямъ, становится понятнымъ, по чему онъ, 28 Декабря, 1773 года, формальнымъ образомъ уполномочилъ Принцессу¹⁷ вести переговоры съ Русскимъ Вице-Канцлеромъ, Княземъ Голицынскимъ, касательно требованій, предъявляемыхъ имъ къ Ольденбургскому Владѣтельному Дому. Но важнѣе всего, по своимъ послѣдствіямъ, былъ слухъ, разнесшійся во время пребыванія его въ Оберштейнѣ, будто Принцесса—дочь покойной Россійской Императрицы Елисаветы, отпущенная въ Сибирь шести или семилѣтнею дѣвочкою, оттуда сострадательными людьми вывезенная въ Персію, гдѣ, при дворѣ Шаха, получила

¹⁵ Со времени прибытія Принцессы въ Оберштейнъ о беременности ея уже болѣе не упоминается.

¹⁶ Въ Оберштейнѣ къ Принцессѣ нанялась горничною Франциска Фогъ Мешедѣ, дочь Прусскаго Капитана, до конца оставшаяся при Самозванкѣ.

¹⁷ Въ уполномочіи для имени и фамиліи оставлены чистыя мѣста послѣ титула Принцессы. Видно, что она еще не знала, какое по обстоятельствамъ себѣ присвоить имя (I № 240).

воспитаніе, и потомъ, въ слѣдствіе возникшихъ тамъ безпорядковъ, надѣленная большими сокровищами, въ сопровожденіи многочисленной свиты пріѣхавшая въ Европу.¹⁸

По всей вѣроятности, эта басня родилась первоначально въ головѣ самой Самозванки не изъ политическихъ цѣлей, а преимущественно какъ средство къ добыванію денегъ, тѣмъ болѣе, что разсказу о Персидскихъ сокровищахъ, принадлежащихъ будто бы Владѣтельницамъ Азова, вѣроятно, уже перестали вѣрить. Въ созданіи этой басни не принимали участія Поляки. Нѣтъ ни какого слѣда, чтобы Самозванка до осени 1773-го года находилась въ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ нихъ, исключая Огинскаго, писавшаго къ ней въ послѣдній разъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ о томъ, что, за неимѣніемъ денегъ, онъ былъ принужденъ выѣхать изъ Парижа въ провинцію. Напротивъ того, Огинскій уклонился отъ участія въ политической интригѣ, затѣянной Самозванкою. Что касается Князя Лимбургскаго, то можно предполагать, что онъ зналъ объ этомъ новомъ обманѣ, но видѣлъ въ немъ, можетъ быть, только средство къ скорѣйшему полученію согласія родственниковъ на его свадьбу съ Принцесою. Уже въ началѣ Генваря, 1774 года, вскорѣ послѣ оставленія имъ Оберштейна, съ дороги въ Аугсбургъ,¹⁹ онъ пишетъ къ Горнштейну, чтобы Принцесса вспомнила о Лейпцигскихъ корреспонденціяхъ, присовокупляя, что ни чего уже не будетъ болѣе казаться сверхъестественнымъ, какъ скоро узнаютъ о подобныхъ превращеніяхъ. При этомъ онъ привѣтствуетъ ее, какъ самодержавную Государыню Азіи и Европы. Прибавимъ, что въ письмахъ отъ 14 Генваря изъ Бартенштейна, куда заѣхалъ Князь, чтобы посѣтить сестру свою,²⁰ онъ, мимоходомъ и безъ малѣйшаго удивленія, упоминаетъ о слухахъ, будто бы Принцесса дочь Елисаветы; но въ послѣдствіи (въ пись-

¹⁸ Это основано на показаніи Франциски Фонъ Мешеле, заслуживающемъ тѣмъ болѣе довѣрія, что она оказалась весьма ограниченаго ума (Протоколъ Слѣдственной Коммисіи, стр. 84).

¹⁹ Курфирерь Трирскій владѣлъ и Аугсбургскимъ Епископствомъ.

²⁰ Жозефину-Фридеріку-Поляксену, бывшую въ супружествѣ за Княземъ Гогенлое-Бартенштейнскимъ.

мѣ изъ Аугсбурга) съ явнымъ испугомъ передаетъ извѣстіе о вскрытіи во Франкфуртѣ письма Шенка.

Горнштейнъ пригласилъ Князя въ Аугсбургъ, какъ для того, чтобы заняться съ нимъ дѣлами, такъ и для того, чтобы положить конецъ соблазнительной его жизни съ Принцессою въ Оберштейнѣ. Вѣроятно, она сама заботилась объ удаленіи своего стараго любовника, который теперь уже не могъ ускользнуть изъ ея сѣтей, а между тѣмъ служилъ помѣхою ея новымъ планамъ. Во всякомъ случаѣ, тайная ея переписка съ Горнштейномъ оправдываетъ это предположеніе. Какъ сей послѣдній, такъ и Князь, очевидно, были слѣпыми и послушными ея орудіями. Во время пребыванія въ Аугсбургѣ они очень часто получали жалобы разныхъ лицъ на самовластіе Принцессы въ Обернштейнѣ, но это ихъ не столько огорчало, сколько извѣстіе, что она посѣщаетъ Протестантскую церковь, между тѣмъ какъ она сама писала, что съ величайшею ревностію занимается изученіемъ догматовъ Католическаго Исповѣданія. Это послужило поводомъ къ неудовольствію, и въ письмахъ Принцессы къ Князю, относящихся къ этому времени, кромѣ требованія дать ей въ займы 100 т. гульденовъ, для начатія, въ товариществѣ съ Огинскимъ, блестящаго предиріятія, и сообщенія, что Оберштейнскій Священникъ обвиняетъ ихъ и безъ свѣдѣтельства о крещеніи, мы встрѣчаемъ снова заявленіе желанія ѣхать въ Персію, для устройства денежныхъ дѣлъ.²¹ Горнштейнъ помирилъ Князя съ Принцессою, но при этомъ потребовалъ отъ перваго, чтобы онъ не видѣлся съ нею до свадьбы. Князь далъ согласіе и сообщилъ о томъ Принцессѣ. Впрочемъ, мысль о женитьбѣ на ней такъ сильно овладѣла имъ, что онъ даже готовъ былъ ѣхать съ нею на Востокъ, чтобы скорѣе добыть свѣдѣтельство о крещеніи, и вынудилъ отъ Горнштейна обѣщаніе дать Принцессѣ 1000 гульденовъ, если только она дѣйствительно туда поѣдетъ.

Въ это время въ Пфальцѣ жило много Поляковъ, Конфедератовъ, принадлежавшихъ къ партіи Виленскаго Воеводы, Князя

²¹ Къ этому же времени относится и выдумка ея о сношеніяхъ съ Лордомъ Мельфордомъ, оставленная, впрочемъ, безъ вниманія, по настоятельному требованію Князя (Ш № 16).

Карла Радивила.²² Самъ онъ пріѣхалъ лѣтомъ 1772 года въ Прирейнскій край, чтобъ отсюда войти въ ближайшее сношеніе съ Версальскимъ Кабинетомъ. Не принадлежа къ правительственнымъ главамъ Барской Конфедераціи, онъ, однако, болѣе чѣмъ кто либо изъ нихъ старался противодѣйствовать Варшавскому Правительству. До весны 1773 года онъ жилъ въ Мангеймѣ, откуда въ Мартѣ того же года послалъ довѣреннаго своего, Михайла Доманскаго,²³ въ Ландсгутъ, гдѣ собирався Конфедераціонный Генералитетъ для совѣщанія о противодѣйствіи трактату о раздѣлѣ Польши. Миѣніе Воеводы объ обнаруженіи протестующаго Манифеста²⁴ и о необходимости поддержать низверженіе Станислава Августа, кажется, было принято. Въ Апрѣлѣ 1773 года Радивиль перѣѣхалъ въ Страсбургъ. Не смотря на изданный Королемъ Польскимъ Универсалъ, которымъ призывались Конфедераты обратно въ Польшу и обѣщалось имъ прощеніе, Воевода остался вѣренъ Конфедераціи.²⁵ Въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ небольшую часть осени, Версальскій Кабинетъ изъ подъ руки, кажется, подалъ ему надежду на помощь. По крайней мѣрѣ, немедленно по возвращеніи въ Страсбургъ, онъ послалъ Косаковскаго въ Константинополь, чтобы склонить Порту на сторону Конфедератовъ, и доставить ему денегъ и пашпортъ на проѣздъ въ Турецкій станъ. Вскорѣ послѣ этого Радивиль получилъ письмо отъ Епископа Масальскаго, приглашавшаго его возвратиться въ Варшаву и ручавшагося за полное прощеніе Короля. Но, въ слѣдствіе совѣщанія съ Французскимъ Министромъ, Герцогомъ Эгильономъ, Воевода отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, и въ концѣ Декабря отправился изъ Страсбурга въ Венецію, съ намѣреніемъ дожидаться здѣсь Фирмана, куда и прибылъ въ концѣ Февраля.

²² Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о Радивилѣ заимствованы изъ книги Котлубая: *Galerja Nieświeżska Radziwillowskich*. Wilno. 1859 (стр. 494—500).

²³ Михайлъ Доманскій весьма замѣчательная личность въ настоящемъ разсказѣ, другъ Виленскаго Воеводы, былъ въ 1769 году, во время Конфедераціи, Консильярусомъ Пинской дистрикціи (*Konsiliarz Piński*).

²⁴ При дѣлѣ сохранилось нѣсколько экземпляровъ этого Манифеста (II №№ 4, 5).

²⁵ Французскій переводъ переписки Радивила съ Вельгорскимъ объ этомъ предметѣ находится при Дѣлѣ (III № 41).

Вскорѣ прѣѣхала сюда же и Самозванка, которая, какъ мы увидимъ ниже, поѣхала съ Радивиломъ въ Дубровникъ (Рагузу) и признана имъ за Русскую Великую Княжну. Теперь предстоитъ предварительно рѣшить вопросъ: не находились ли они уже въ сношеніяхъ до своей встрѣчи въ Венеціи, и путешествіе ихъ не было ли заранѣе между ними условлено? Отъ этого вопроса находится въ зависимости и слѣдующій: какъ Самозванкѣ пришло въ голову выдать себя за дочь Императрицы Елисаветы Петровны и сдѣлать изъ этого политическую интригу?

Арестованные съ нею, Михаилъ Доманскій и Янъ Чарномскій, показали,²⁶ что Принцесса, по прѣздѣ въ Венецію, услыхавъ, что Воевода намѣревается ѣхать въ Константинополь, куда и она собиралась, пожелала совершить это путешествіе подъ его покровительствомъ. Сама же она увѣряла,²⁷ что прѣѣхала въ Венецію по денежнымъ дѣламъ и искала знакомства съ Радивиломъ только для того, чтобы онъ помогъ ея вѣрному слугѣ безопасно добраться до Персіи. Такимъ образомъ этѣ показанія существенно противорѣчатъ между собою. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что Доманскій говорилъ, будто Радивиль въ Дубровникѣ поручалъ Секретарю своему, чрезъ посредство Бернатовича, собрать ближайшія свѣдѣнія объ иностранной Принцессѣ. Если бы можно было вполнѣ положиться на показаніе Доманскаго, въ такомъ случаѣ изъ него слѣдовало бы заключить, что, какъ онъ самъ, такъ и Радивиль, познакомились съ Самозванкой только въ Венеціи; что только здѣсь узнали о ея притязаніяхъ на званіе Русской Великой Княжны, и что вся эта политическая интрига родилась въ ея головѣ, или въ головѣ ея сообщника, Шенка, а Радивиль лишь только помогъ ей. Но этому противорѣчатъ слѣдующія обстоятельства: Самозванка въ теченіи зимы 1773 и 74 года, живя въ Оберштейнѣ, имѣла любовную интригу съ молодымъ человѣкомъ, котораго называли Мосбахскимъ незнакомцемъ. Этотъ незнакомецъ былъ Полякъ не слишкомъ знатнаго происхожденія, жившій потомъ съ Радивиломъ и Самозванкою

²⁶ Показаніе Доманскаго на стр. 75 и слѣд. Протокола Слѣдственной Коммисіи, а показаніе Чарномскаго на стр. 67 и слѣд.

²⁷ Показаніе Самозванки на стр. 51-й Протокола Слѣдственной Коммисіи.

въ Дубровникѣ, гдѣ его близкія отношенія къ ней не только продолжались, но даже огласились. Слухи о томъ, а также и о прежней Оберштейнской его интригѣ, дошли изъ Дубровника и до Князя Лимбургскаго. Самозванка сама призналась ему въ этой связи, тѣмъ болѣе, что, какъ кажется, эта связь должна была окончиться бракомъ, которому помѣшалъ Радивилъ.²⁸ Кто же могъ быть этотъ Полякъ? Доманскій, проживавшій въ Приврейнскомъ краѣ зиму 1773 и 4 годовъ и назначенный въ Венеціи Радивиломъ для сопровожденія Самозванки на корабль, самъ-сознался въ Петербургѣ, что, страстно полюбивъ Принцессу, бѣгъ для нея оставилъ Радивила, когда послѣдній изъ Дубровника возвратился въ Венецію, и даже соглашался на вѣчное тюремное заключеніе, лишь бы ихъ обвѣнчали. Если предположить, что Мосбахскій: незнакомецъ и любовникъ Самозванки въ Дубровникѣ не былъ Доманскій, то тогда непременно нашелся бы какой ни будь слѣдъ объ этомъ лицѣ въ показаніяхъ его и Чарномскаго. Конечно, въ темницѣ Самозванка не хотѣла и слышать о немъ, называла его неучемъ, не знающимъ ни одного языка, и при очной ставкѣ говорила съ нимъ только по Итальянски; но Доманскій, столь долго жившій съ Радивиломъ во Франціи и Германіи и исполнявшій его различныя порученія, вѣроятно, лучше говорилъ по Французски и по Нѣмецки, чѣмъ по Итальянски. Впрочемъ, они оба старались, къ взаимной выгодѣ, скрыть свое знакомство въ Германіи, чтобы, такимъ образомъ, встрѣча Радивила съ Принцессой въ Венеціи не могла показаться подготовленною на Рейнѣ. Вся система защиты Самозванки состояла въ отрицаніи заранѣе обдуманнаго и заключеннаго союза съ Радивиломъ, а Доманскій очень хорошо зналъ, что Слѣдственной Комисіи всего важнѣе получить свѣдѣніе о зачинщикахъ и помощникахъ, которые не были бы ею пощажены.²⁹ Слѣдующія данныя почти несомнѣнно доказываютъ

²⁸ Всѣ эти обстоятельства явствуютъ изъ двухъ писемъ Князя Лимбургскаго къ Самозванкѣ, отъ 30 Октября, 1774 года (I № 235), и отъ 20-го Декабря того же года (III № 20).

²⁹ Должно имѣть въ виду и то, что Доманскій, приближенный, даже другъ Воеводы, долженъ былъ скрывать всякое предварительное соглашеніе Самозванки съ Радивиломъ, дабы не подвергнуть сего послѣдняго гнѣву Императрицы, милости которой онъ, по заключеніи мира, долженъ былъ снискивать.

существованіе предварительнаго соглашенія. Въ одномъ, написанномъ цифрами, письмѣ Князь Лимбургскій увѣдомлялъ свою любовницу, что такъ какъ онъ не согласился принять Воеводу въ Оберштейнѣ, то послѣдній избралъ мѣстомъ своего жительства Цвейбрюккенъ, гдѣ живетъ Докторъ, проведеншій долгое время въ Польшѣ и пользующійся большимъ довѣріемъ и похондрма Радивила, и гдѣ ожидаетъ прибытія Воеводы его довѣренное лицо.³⁰ Письмо это, какъ кажется, ясно указываетъ, что свиданіе должно было состояться въ Оберштейнѣ, согласно плану, предварительно составленному лицами, заинтересованными въ дѣлѣ. Сверхъ того, сохранилась еще записка Радивила къ Самозванкѣ, въ которой онъ называетъ ее «призванною Провидѣніемъ для спасенія Польши» и назначаетъ для свиданія съ нею нанятый имъ нежилой домъ, по тому что не желаетъ возбудить подозрѣніе въ публикѣ своимъ появленіемъ у нея въ Польскомъ костюмѣ.³¹ Самозванка же, въ показаніи своемъ, данномъ Петербургѣ, относительно этой записки объявила, что Радивиль назначилъ ей первое свиданіе въ Венеціи, въ пустомъ домѣ одного Сенатора, и что намековъ его на Польшу она тогда не поняла. Но противъ этого можно замѣтить, что во время ея пріѣзда въ Венецію, Радивиль уже жилъ тамъ, по крайней мѣрѣ, два мѣсяца, со многими другими Поляками,³² такъ что національный костюмъ ихъ уже не могъ болѣе бросаться въ глаза и привлекать на себя вниманіе. При томъ для Самозванки приготовленъ былъ въ Венеціи домъ Французскаго Резидента,³³ что могло быть устроено только Радивиломъ. Во всякомъ случаѣ, достоверно то, что Самозванка, немедленно по отъѣздѣ изъ Оберштейна (въ Маѣ 1774 года), писала Горшштейну, что дѣла ея идутъ

³⁰ Письмо (I № 177) къ сожалѣнію, безъ числа. Князь въ то же время пишетъ, что ему дали знать изъ Вѣны, что взглядъ Императора на его притязанія изменился, такъ что дѣла его (Князя) примутъ очень благопріятный оборотъ, какъ скоро подтвердится слухъ о разрывѣ Швеціи съ Даніею.

³¹ Записка эта уцѣлѣла (I № 112).

³² Уже въ первыхъ числахъ Апрѣля 1774 года многіе Поляки (между прочимъ и Пулавскій) отправились изъ Венеціи въ Дубровникъ, чтобы оттуда ѣхать въ Константинополь (*Journal historique de Genève*,) (1774 г., стр. 329, 456).

³³ Это явствуетъ изъ одного письма Князя Лимбургскаго къ Самозванкѣ (I № 190).

хорошо, о чемъ Князь Лимбургскій, вѣроятно, уже извѣщенъ депешей Радивиля. ³⁴ Кромѣ того, по показанію Франциски Мешедѣ, ³⁵ Радивиль былъ у Принцессы на второй день по прїѣздѣ ея въ Венецію, а на третій день уже прїѣхалъ къ ней съ своею сестрою, Графинею Моравскою. Изъ всего этого можно съ вѣроятностію, кажется, заключить, что путешествіе Самозванки въ Венецію было слѣдствіемъ предварительнаго соглашенія между ею и Радивиломъ и что Доманскій велъ все дѣло. Но посредствомъ кого послѣдній вошелъ съ нею въ сношенія? Между привезенными въ Петербургъ арестантами находился нѣкто Іосифъ Рихтеръ изъ Познани. Этотъ Рихтеръ, до Апрѣля 1773 года, былъ въ числѣ слугъ Огинскаго, зналъ его сношенія съ Самозванкой и, вѣроятно, черезъ его посредство Доманскій, къ которому онъ поступилъ уже въ Германіи въ услуженіе, познакомился съ нею. Что же касается вопроса: сама ли Самозванка, для политической интриги, изобрѣла басню, будто она дочь Императрицы Елисаветы, или же кто либо другой, то этотъ вопросъ трудно разрѣшить не только положительно, но даже и съ нѣкоторою вѣроятностію. Выше уже замѣчено, что на Огинскаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать подозрѣніе въ сочиненіи этой басни. Еще въ Августѣ 1773 года Самозванка объявила, что владѣетъ имѣніемъ Азовомъ. Съ половины Октября она жила въ Оберштейнѣ подъ немъ Принцессы Елисаветы Володомірской. Въ Декабрѣ уже разнесся здѣсь слухъ, будто Принцесса — дочь Русской Императрицы того же имени, и Князь Лимбургскій не только зналъ объ этомъ слухѣ, но еще содѣйствовалъ къ его распространенію. Слѣдовательно, изобрѣтеніе этой выдумки относится къ поздней осени 1773-го года. Около этого времени, можетъ быть, началось и знакомство Самозванки съ Доманскимъ, тѣмъ болѣе, что она въ это время путешествовала по Пфальцу и была въ Мангеймѣ. Доманскій въ крѣпости признался, что еще съ 1769-го года онъ узналъ отъ Русскаго Офицера о слухѣ, что Императрица Елисавета Петровна имѣла дочь, о чемъ и могъ передать Самозванкѣ.

³⁴ Это разсказывалъ Горюштейнъ въ письмѣ къ Князю Лимбургскому (I № 172).

³⁵ Показаніе Франциски Мешедѣ на стр. 84 и слѣд. Протокола Слѣдственной Коммиссіи.

Въ головѣ послѣдней, узнавшей объ этомъ обстоятельствѣ, легко могла родиться мысль воспользоваться имъ для новыхъ обмановъ, по тому что, какъ было выше замѣчено, изъ басенъ о сокровищахъ Принцессы Володомірской, владѣтельницы Азова, становилось уже довольно трудно что ни будь извлечь. Вѣрилъ ли, или не вѣрилъ, Князь этѣмъ слухамъ, рѣшить трудно, но, во всякомъ случаѣ, онъ могъ ими воспользоваться, чтобы расположить своихъ родственниковъ въ пользу брака его съ Принцессою. Шенкъ, вѣроятно, былъ посвященъ въ тайну и старался о распространеніи выдумки. Въ началѣ Генваря 1774 года она уже была извѣстна въ Бартенштейнѣ. Доманскій, узнавъ, что прекрасная Оберштейнская Принцесса дочь Императрицы Елисаветы, долженъ былъ, съ одной стороны, увѣдомить о томъ Радивиля, а съ другой рассказать Самозванкѣ о намѣреніяхъ Воеводы возобновить борьбу съ Россіею при помощи Турціи. Въ то же время газеты разгласили о подвигахъ Пугачова, которому удалось выдать себя за Петра III-го и произвести значительные беспорядки. Князь Лимбургскій часто бывалъ въ Мангеймѣ. Здѣсь онъ могъ легко познакомиться съ Поляками, по тому что повѣренный его, Курфюртскій Совѣтникъ Мобюсонъ, безъ всякаго сомнѣнія, зналъ жившаго при дворѣ Курфюрста, Князя Иеронима Радивиля и гувернера его, Бернатовича. Воевода, по дорогѣ изъ Страсбурга въ Венецію, конечно, посѣтилъ брата въ Мангеймѣ. Въ это время (въ концѣ Декабря, 1773, или въ Генварѣ 1774 года) онъ могъ имѣть свиданіе съ Самозванкой въ Цвейбрюккенѣ. Намѣреніе Самозванки играть политическую роль уже было въ то время задумано, такъ какъ Радивиль величалъ ее спасительницею Польши. Сама ли она напала на эту мысль, внушилъ ли ее ей Доманскій, самъ собою, или по наученію Радивиля, это, вѣроятно, навсегда останется тайною. Но, во всякомъ случаѣ, Князь Лимбургскій въ то время еще ни чего не зналъ объ этомъ намѣреніи, хотя невольнo способствовалъ этому свиданію, давая своей любовницѣ полномочіе вести переговоры съ Русскимъ Вице-Канцлеромъ о его притязаніяхъ на Гольштейнъ.

Кажется, между Самозванкой и Воеводой было рѣшено спова привлечь Огинскаго въ Конфедерацію, по тому что въ Генварѣ и Февралѣ 1774 года она нѣсколько разъ писала къ нему,

приглашая его въ Оберштейнъ, при чемъ таинственно намекала на нѣчто важное для будущности Польши. 1-го Марта онъ отвѣчалъ изъ Парижа. ³⁶ куда только что возвратился изъ провинціи, что не понимаетъ заключающихся въ ея письмахъ намековъ, и не можетъ, къ сожалѣнію, предпринять путешествіе въ Германію; не навлекая на себя подозрѣнія въ политическихъ интригахъ. Отвѣтъ на другое письмо ея, исполненное кокетства, попалъ въ руки Князя Лимбургскаго, о которомъ Огинскій упоминалъ въ выраженіяхъ не очень лестныхъ.

Это письмо снова возбудило ревность въ несчастномъ любовникѣ, тѣмъ болѣе, что изъ Оберштейна онъ давно не получалъ ни какихъ писемъ. Къ тому же, по извѣстіямъ изъ Парижа, Макке опять затѣвалъ предъявить свои требованія. На упреки Князя Принцесса возражала намеками на извѣстныя ей отношенія его къ одной женщинѣ, имѣвшей даже отъ него нѣсколькихъ дѣтей, и успѣла успокоить его на счетъ Огинскаго. При этомъ она прямо объявила ему о невозможности отдѣлиться отъ Шенка, вѣроятно, опять требовавшаго денегъ, такъ какъ у него въ рукахъ всѣ ея прежнія бумаги, по содержанію коихъ она можетъ подвергнуться большимъ неприятностямъ, и что, во всякомъ случаѣ, она намѣрена до конца слѣдовать принятой ею системѣ. Въ этомъ же письмѣ, написанномъ, какъ надо полагать, во второй половинѣ Марта, она въ первый разъ намекнула на то, что надѣется, съ помощію Поляковъ, играть политическую роль. Отвѣтъ Князя изъ Бартенштейна, отъ 30-го Марта, наполненъ сильными упреками. Упомянувъ о томъ, что она, въ слѣдствіе своей безразсудности, погубила себя, довѣрившись людямъ, подобнымъ Шенку, и разочаровала его, единственнаго человѣка, который никогда ее не покинетъ, онъ, далѣе въ своемъ письмѣ, спрашиваетъ ее, за чѣмъ въ настоящее время она опять запутываетъ себя въ какіе-то таинственные замыслы? Вообще изъ его письма видно, что онъ во все не принималъ живаго участія въ ея новыхъ предпріятіяхъ, и что ему не было ни какого дѣла ни до Персіи, ни до Россіи; онъ заботился лишь о ней одной, и готовъ былъ забыть все, если бы она довѣрилась ему безусловно, и только въ случаѣ, когда

³⁶ Письмо находится при дѣлѣ (I № 140).

бы она предпочла упорно держаться своей системы, онъ требовалъ, чтобы она оставила Оберштейнъ до его пріѣзда.³⁷

Но очаровательницѣ не трудно было вновь привлечь въ свои сѣти этого слабого человѣка, какъ скоро онъ пріѣхалъ въ Оберштейнъ. Вѣроятно, Князь въ Мангеймѣ получилъ положительныя свѣдѣнія о политическихъ сношеніяхъ Радивила съ его возлюбленной, и по тому началъ вѣрить Русскому ея происхожденію. Еще болѣе онъ убѣдился въ этомъ, когда Принцесса сообщила ему, что Княгиня Сангушко³⁸ увѣдомила ее, будто Французскій Король (Людовикъ XV) одобрилъ ея намѣреніе отправиться съ Радивиломъ, чрезъ Венецію, въ Турцію, дабы оттуда предъявить свои права на Россійскую Корону³⁹ и, посредствомъ новой революціи въ Польшѣ и продолжающейся войны Турокъ съ Русскими, низвергнуть съ престола Екатерину.⁴⁰ О надеждахъ ихъ на Пугачова Князь Лимбургскій узналъ, кажется, уже въ послѣдствіи. Но всякомъ случаѣ, онъ дозволилъ ей пригласить Огинскаго, отъ его имени, въ Оберштейнъ, между тѣмъ какъ самъ отправился къ сестрѣ въ Бартенштейнъ, чтобы приготовить свое семейство къ предстоящему бракосочетанію его съ знаменитой иностранной Принцессою.

³⁷ Письмо Князя отъ 30-го Марта повторяетъ все, что она ему писала (I № 164).

³⁸ При дѣлѣ находится присланный, будто бы Княгиненю Сангушко, списокъ мѣстъ, занятыхъ Пугачовымъ (III № 26). Бабка Радивила была урожденная Сангушко, по этому онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ этому роду. Во всякомъ случаѣ, ссылка на Княгиню Сангушко доказываетъ, что Самозванка въ это время уже имѣла подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ, существовавшихъ между Поляками. Какимъ же образомъ могли сдѣлаться извѣстными ей въ Оберштейнѣ эти обстоятельства, если не чрезъ Поляка, принадлежавшаго къ Радивиловской партіи?

³⁹ Едва ли Версальскій Кабинетъ въ чемъ ни будь благопріятствовалъ продѣлкамъ Самозванки, особенно когда Огинскій и Вельгорскій, жившіе при Дворѣ, не имѣли ни какихъ свѣдѣній объ ея предпріятіи. Однако жъ, этотъ Кабинетъ, безъ всякаго сомнѣнія, зналъ и поощрялъ помыслы самаго Радивила и другихъ Поляковъ, отправлявшихся въ Константинополь.

⁴⁰ Этѣ обстоятельства явствуютъ изъ письма Князя Лимбургскаго отъ 17 Мая къ Самозванкѣ, въ которомъ онъ рассказываетъ свою бесѣду съ агентомъ Огинскаго (II № 183).

Въ Бартенштейнѣ, промѣ дозѣрительнаго письма, написаннаго съ цѣлю успокоить въ немъ возбужденное чувство ревности, "получено было имъ офиціальное, въ которомъ Принцесса извѣщала его, что, будучи готова принести ему въ жертву блестящую свою будущность, она въ настоящее время намѣрена предпринять небольшое путешествіе, для устраненія послѣднихъ препятствій къ ихъ брачному союзу. Познакомиться съ его родными она желаетъ уже послѣ того, когда сдѣлается его женою и когда будутъ возвращены всѣ уплаченные имъ за нее деньги. Въ отвѣтъ на послѣднее Князь написалъ Принцессѣ такое же офиціальное письмо, исполненное самаго искренняго чувства: въ немъ, между прочимъ, онъ доказывалъ, что, не имѣя возможности вознаградить часть рода человѣческаго (должно быть, Русскихъ) за потерю такой прекраснѣйшей Принцессы, онъ не можетъ принять подобной съ ея стороны жертвы. По этой перепискѣ, о которой, вѣроятно, они предварительно и тайно уговорились, оба они съѣхались въ Нейсесѣ, и въ первыхъ числахъ Мая опять были въ Оберштейнѣ, гдѣ условились относительно устройства ихъ будущности и приготовленія къ путешествію. Князь не только досталъ Принцессѣ, впрочемъ, съ большимъ трудомъ, на дорогу денегъ, но и открылъ ей кредитъ у, находившагося еще въ Аугсбургѣ, Министра Горнштейна, и даже передалъ ей деньги, назначенныя для собственной поѣздки въ Вѣну. За это она обѣщала сама въ послѣдствіи съѣздить въ Вѣну, и заставила его выдать ей полномочіе вести при Дворѣ Императора переговоры касательно притязаній Князя на владѣніе Шлезвигомъ и Гольштейномъ. Князь, сверхъ того, долженъ былъ выдать ей свидѣтельство въ томъ, что Де Маринъ,⁴³ бывшій въ это время

⁴¹ Дѣло шло о какомъ-то молодомъ незнакомцѣ, который нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Оберштейнъ во время отсутствія Князя, вмѣстѣ съ Господиномъ Фокъ Лянденбахъ; надобно полагать, что это воображаемая фамилія, подъ которой скрывался Бернатовичъ, Мобюсонъ, или какой ни будь другой повѣренный Радвица. Молодой человѣкъ былъ, вѣроятно, Иеронимъ Радвигъ, или, можетъ быть, Доманскій.

⁴² Оба документа при дѣлѣ (I № 166 и 128), равно какъ и проектъ о знаменитыхъ гранильныхъ фабрикахъ агата въ Оберштейнѣ. Самолованка ускорила, должно быть, отвѣдомъ для того, чтобы воспользоваться отлучкою Де Марина.

въ отсутствіи, вполне предоставилъ на ея благоусматрѣніе уплату своихъ требованій. Самозванка, 9-го Мая, письменно простилась съ Огинскимъ, и при этомъ довольно ясно намекнула ему какъ о своемъ рожденіи, такъ и о своихъ планахъ, предлагая соединиться съ нею и Радивиломъ въ Венеціи, для совмѣстнаго путешествія въ Константинополь. Въ то же самое время она проводила къ нему проектъ займа, къ принятію котораго онъ долженъ былъ побудить Парижскихъ банкировъ. Въ Константинополѣ, судя по ея письму, она надѣялась найти навѣрное свои Персидскія деньги, но до тѣхъ поръ, для осуществленія ея предпріятія, ей крайне нужны значительныя суммы. 13 Мая Принцесса, въ сопровожденіи Князя, выѣхала изъ Оберштейна. Въ Цвейбрюккенѣ они разстались: Принцесса поѣхала въ Аугсбургъ, чтобъ видѣться съ Горнштейномъ, а Князь возвратился въ Оберштейнъ.

Здѣсь онъ засталъ агента Огинскаго, посланнаго имъ 9 Мая, до полученія письма отъ Принцессы, чтобы окончательно разъяснить таинственные намеки, ею сдѣланные. Агентъ Бернгарди, наставникъ дѣтей Графа Вельгорскаго, шурина Огинскаго, былъ крайне удивленъ, когда Князь объяснилъ ему положеніе дѣлъ, о которомъ оба лица, уполномочившія его, не имѣли ни малѣйшаго понятія. Положительность, съ которою Князь сослался на депешу Княгини Сангушко, убѣдила Бернгарди въ истинѣ всего писаннаго, и онъ обѣщавъ тотчасъ же возвратиться въ Парижъ, чтобы, съ помощію Вельгорскаго, побудить, черезъ чуръ осторожнаго и лѣниваго, Огинскаго къ немедленному отъѣзду въ Венецію, если только Французскій Король еще не умеръ отъ тяжелой своей болѣзни. “ Въ случаѣ же кончины Короля, необходимо было выждать, какое направленіе приметъ политика его преемника. Князь, приписывавъ успѣхъ своихъ переговоровъ съ Бернгарди, страстнымъ поклонникомъ Короля Прусскаго, особенно обѣщанію, что Принцесса присоединится къ политикѣ сего послѣдняго и нисколько не сопротивится расширенію границъ Пруссіи къ востоку посредствомъ сношеній съ Пугачовымъ, “ стараясь, между

⁴³ Король скончался 10 Мая, на другой день послѣ отъѣзда Бернгарди изъ Парижа.

⁴⁴ Оба политика не знали, кажется, что въ то время звѣзда Пугачова уже начала гаснуть.

тѣмъ, отвлечь вниманіе Австрійцевъ Турецкими дѣлами, а вниманіе Русскихъ Шведскими. Бернгарди уѣхалъ въ Парижъ 16-го Мая, и тогда же увѣдомленіе объ этѣхъ переговорахъ было послано Принцессѣ въ Аугсбургъ. ⁴⁵

Изъ Вирцбурга Принцесса отправила впередъ къ Горнштейну курьера, чтобы при прїѣздѣ своемъ найти нужныя ей деньги. Встрѣженный Министръ бросился къ Князю, и умолялъ его не впутываться въ замыслы Принцессы, слѣдуя за ней въ Венецію. 20 Мая Горнштейнъ, не желая возбуждать общаго вниманія въ городѣ, съѣхался съ Принцессою въ Зусмарсгаузенъ. Здѣсь онъ настоятельно отклонялъ ее отъ дальнѣйшаго преслѣдованія ея замысловъ и, кажется, съ успѣхомъ; по крайней мѣрѣ, она обѣщала послѣдовать его совѣту, пробыть въ Венеціи самое короткое время и потомъ или возвратиться къ нему, или проѣхать въ Вѣну, для устройства дѣлъ Князя. Министръ выдалъ ей на счетъ Князя 200 червонцевъ, за которыми она и отправилась въ Бриксенъ. Не мало былъ удивленъ Горнштейнъ, когда, спустя нѣсколько дней, онъ получилъ два письма: одно отъ Князя, съ просьбою доставить его по надписи Принцессѣ Елисаветѣ Всероссійской, а другое отъ Принцессы, съ просьбою доставить оное ея супругу. ⁴⁶ Горнштейнъ немедленно написалъ къ ней, обращая ея вниманіе на множество противорѣчій, встрѣчающихся какъ въ прежнемъ, такъ и теперешнемъ, ея поведеніи. Однако это не помѣшало ему, виѣстѣ съ тѣмъ, обѣщать ей всякую, зависящую отъ его положенія, помощь, равно какъ и убѣждать ее непремѣнно выбрать въ Венеціи хорошаго Римско-Католическаго Священника, которому она могла бы вполне довѣриться. Принцесса, употребивъ небольшую хитрость, сама вызвала такой совѣтъ. Она написала ему изъ Бриксена, что будучи принуждена остаться въ Венеціи долѣе, нежели предполагала, намѣрена воспользоваться своимъ пребываніемъ тамъ для основательнаго изученія догматовъ Римско-Католической Вѣры.

Хотя Князь Лимбургскій былъ посвященъ въ замыслы Самозванки, но въ его характерѣ не было надлежащей послѣдова-

⁴⁵ Это письмо, отъ 17-го Мая, приведено уже выше сего.

⁴⁶ Этѣ обстоятельства явствуютъ изъ писемъ Горнштейна къ Самозванкѣ (I № 168) и Князя Лимбургскаго къ ней (I № 202).

тельности и твердости. Съ одной стороны, онъ приходилъ въ отчаяніе, что разстался съ нею, а съ другой не зналъ, что дѣлать, когда Де Маринъ прѣѣхалъ и не засталъ своей должницы, а Понсе началъ преслѣдовать Де Марина. Хотя онъ въ это время началъ надѣяться на успѣхъ своихъ переговоровъ съ Бернгарди, по тому что получилъ, вѣроятно, изъ Мангейма, извѣстіе о томъ, что новый Король Французскій выгодно отозвался о предпріятіи Радивила, ⁴⁷ однако письмо Огинскаго, отъ 22 Мая, ⁴⁸ разрушило окончательно надежду на сего послѣдняго. Онъ отказался отъ всякаго участія въ замыслахъ Принцессы, конечно, не безъ изящныхъ фразъ о великомъ поприщѣ, открывающемся предъ нею, и весьма саркастически извинился, что не можетъ содѣйствовать успѣшному ходу порученнаго ему займа. Это письмо поколебало въ Князѣ довѣріе къ предпріятію Принцессы, особенно когда въ то же время газеты сообщили нехорошія извѣстія о Пугачевѣ. ⁴⁹ По этому онъ немедленно написалъ письмо къ своей возлюбленной, въ которомъ умолялъ ее возвратиться въ Обернштейнъ и отказаться навсегда отъ своихъ сумасбродныхъ замысловъ и требовалъ, чтобы она отнюдь не выдавала себя за его жену. Въ довершеніе бѣдствій, обрушившихся на Князя, въ Вѣнѣ его тяжба была проиграна и всѣ безъ исключенія имѣнія подверглись секвестру, а перехваченное письмо послужило доказательствомъ, что Принцесса вошла въ новыя сдѣлки съ Макке, теперешнимъ Княжескимъ Маіоромъ и кавалеромъ. Но и это все не излѣчило Князя отъ его ослѣпленія: онъ не только не разорвалъ съ нею связи, но, напротивъ, просилъ Министра Горнштейна выслать къ ней 200 червоицевъ, о чемъ увѣдомилъ ее письмомъ, въ которомъ, между разными совѣтами, упрекнулъ ее въ томъ, что она разстроила его состояніе. ⁵⁰

⁴⁷ Письмо Князя Лимбургскаго къ Самозванкѣ (I № 200).

⁴⁸ Оно уцѣлѣло (I № 131).

⁴⁹ Когда по газетамъ звѣзда Пугачова закатилась, то въ Князѣ возбудилось желаніе соединиться вновь съ предметомъ его страсти.

⁵⁰ Письмо Князя къ Самозванкѣ отъ 8 Юня (I № 82).

Въ послѣднихъ числахъ Мая мѣсяца Принцеса съ свитою ⁵¹ прибыла въ Венецію подъ именемъ Графини Пиннебергъ, и съ этѣхъ поръ она уже постоянно носила это имя, вѣроятно изъ желанія возбудить догадки, будто подъ этѣмъ чужимъ именемъ скрывается супруга Герцога Шлезвигъ-Гольштейнскаго. ⁵² Для нея было приготовлено помѣщеніе въ домѣ Французскаго Резидента. На третій день послѣ ея пріѣзда Радивиль былъ у нея съ посѣщеніемъ, которое она ему вскорѣ отдала въ жилищѣ сестры его. Послѣ того они часто видѣлись для тайныхъ переговоровъ, и Радивиль обыкновенно являлся къ ней въ сопровожденіи только Секретаря Микошты. ⁵³ Когда разспрашивали сего послѣдняго о таинственной иностранкѣ, онъ подъ тайной объяснялъ, что она дочь Императрицы Елисаветы и пріѣхала сюда изъ Германіи, чтобы, подъ покровительствомъ Радивила, проѣхать въ Константинополь. ⁵⁴ Надобно полагать, что объ этомъ узнали многіе изъ Поляковъ, собравшихся въ Венецію, и изъ Французскихъ Офицеровъ, находившихся тамъ же, чтобы, вмѣстѣ съ Воеводой, отправиться на помощь Туркамъ. Сама Самозванка какъ будто хлопотала о распространеніи этого слуха: вмѣсто того, чтобъ жить скромно, она тотчасъ же начала вести роскошную жизнь и искать новыхъ знакомствъ. Къ числу ихъ принадлежали, кромѣ двухъ Капитановъ изъ Варварійскихъ владѣній Порты,

⁵¹ Въ Брисенѣ присоединились къ ней, кажется, еще разныя лица, быть можетъ, также и Доманскій. Полковникъ Баронъ Кнорръ, назначенный Княжескимъ Резидентомъ въ Венецію, былъ Гофмаршаломъ Самозванки.

⁵² Пиннебергъ — Графство въ Гольштиніи.

⁵³ Такъ, кажется, слѣдуетъ читать весьма нечетко написанную фамилію.

⁵⁴ Доманскій при допросѣ утверждалъ, что онъ выманилъ эту тайну у Секретаря, когда частыя посѣщенія Радивила подстрекнули его любопытство. Но это утвержденіе его точно также лишено всякаго правдоподобія, какъ и другое, будто Радивиль намѣревался поѣхать въ Константинополь единственно для исхода-тайствованія себѣ прощенія по случаю заключенія мира. Этому противорѣчитъ во первыхъ, то, что Радивиль стоялъ въ главѣ цѣлой толпы Польскихъ и Французскихъ Офицеровъ, съ которыми хотѣлъ ити на помощь Туркамъ; во вторыхъ, что онъ принялъ участіе въ преступныхъ замыслахъ Самозванки, выдавшей себя за наследницу Россійскаго Престола; и въ третьихъ, церешска его съ Радзшевскимъ, о которой мы скажемъ ниже.

Гассана и Мехемета, Англичанинъ Монтегю,⁵⁵ чуждакъ, бывший долго на Востокѣ, Графъ Пржездецкій, Староста Пинскій, и Янъ Чарномскій,⁵⁶ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ Генеральной Конфедерациі и главы ея, Графа Потоцкаго. Этотъ Чарномскій въ Венеціи присоединился къ Воеводѣ Виленскому, чтобъ, подъ его покровительствомъ, безопасно доѣхать до Турціи. Между знакомыми Самозванки слѣдуетъ упомянуть еще банкира Мартинелли, который, однако, съ Итальянской хитростію сумѣлъ охранять свою кассу отъ ея притязаній. Впрочемъ, точно такая же неудача, кажется, была ей и у прочихъ банкировъ, хотя она не переставала повторять баснословные рассказы о богатыхъ ломкахъ агата, находящихся въ принадлежащемъ будто бы ей Графствѣ Оберштейнѣ. Лишь одинъ Венеціанскій банкъ рѣшился дать ей въ ссуду двѣсти червонцевъ. Въ такихъ обстоятельствахъ надлежало снова просить денегъ у Министра Горнштейна. При этомъ случаѣ Самозванка въ первый разъ сообщила ему о своемъ домогательствѣ на престолъ, что дало ей возможность указать на блестящее положеніе, ожидающее ее въ Россіи. За истощеніемъ денежныхъ средствъ, Графиня Пиннебергъ не противилась болѣе ускоренію своего отъѣзда изъ Венеціи. Баронъ Кнорръ остался здѣсь для устройства ея денежныхъ дѣлъ и веденія переписки. Быть можетъ, онъ же разыгрывалъ въ Почтамтѣ роль Господина

⁵⁵ Эдуардъ Вортли Монтегю былъ сынъ извѣстной писательницы Леди Мери, дочери Герцога Книгстонскаго; онъ умеръ въ Венеціи въ 1776 году.

⁵⁶ Уже въ 1768 году Чарномскій былъ въ перепискѣ съ Бенеславскимъ, Красинскимъ и Потоцкимъ; въ 1769 году перешелъ съ Конфедератами черезъ Австрійскую границу и посланъ былъ Потоцкимъ съ просьбою о помощи къ Сераскиру и Крымскому Хану. Въ Парижѣ онъ опять сошелся съ Потоцкимъ и Красинскимъ и отправился въ Турцію въ качествѣ офиціального ихъ агента. Въ Февралѣ 1774 года онъ былъ въ Веронѣ у Потоцкаго, а въ Маѣ сей послѣдній и Путкаммеръ уполномочили его къ тому, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ Каленскимъ, офиціальнымъ агентомъ Конфедерациі въ Турецкомъ станѣ, побуждалъ Турокъ къ подаванію помощи Полякамъ, и чтобы совѣтывался объ этомъ съ Радзивиломъ. Потоцкій самъ его проводилъ до Венеціи и вручилъ ему, на имя Султана и Верховнаго Визиря, формальныя письма Конфедерациі, подписанныя 15 Апрѣля, 1774 года, Красинскимъ и Пацомъ, а отъ себя рекомендательное къ Верховному Визиру письмо, равно какъ различныя Манифесты и другія бумаги, находящіяся всѣ при дѣлѣ (I №№ 3—66, II №№ 6, 34, 37, 38, 42).

Крымова, знатнаго Персіянина, котораго Самозванка съ начала зимы начала выдавать за вышепомянутаго своего опекуна, а теперь велѣла на его имя доставлять всѣ письма, приходившія изъ Германіи и Парижа.

16 Іюня Радивилъ съ своимъ обществомъ сѣлъ на суда Капитановъ Мехемета и Гассана, чтобы плыть въ Корфу. Доманскій заѣхалъ за Графиню Пиннебергъ, и Радивилъ, котораго сопровождали его сестра и дядя, встрѣтилъ ее на кораблѣ съ большими почестями. Присутствовавшимъ при этомъ Полякамъ и Французамъ, на ихъ вопросы о Графинѣ, было сообщено за тайну, что она—Русская Принцесса, родившаяся отъ тайнаго брака Императрицы Елисаветы, и что въ настоящее время, при помощи Турокъ и Поляковъ, намѣрена принять сама предводительство надъ своими многочисленными приверженцами въ Россіи. Съ тѣхъ поръ всѣ оказывали ей уваженіе, должное Русской Великой Княжнѣ, хотя и называли ее Графиню. Дядя и сестра Радивила возвратились на кораблѣ Гассана изъ Корфу въ Венецію, откуда намѣревались предпринять дальнѣйшее путешествіе въ Польшу. Прочее же общество, за противными вѣтрами, затруднявшими плаваніе, только въ послѣднихъ числахъ Іюня прибыло въ Дубровникъ. По просьбѣ Радивила, Французскій Консулъ Дериво уступилъ Графинѣ Пиннебергъ свой домъ, сдѣлавшійся нѣкоторымъ образомъ главной квартирой Польско-Французской Экспедиціи, такъ какъ Воевода ежедневно обѣдалъ съ знатнѣйшими членами своей свиты у Графини, которой давалъ нужныя на хозяйство деньги.⁵⁷

Въ Дубровникѣ Графиня нашла письма изъ Германіи. Князь Лимбургскій въ открытомъ письмѣ писалъ, что онъ явится по первому вызову, присланному къ нему Радивиломъ чрезъ Турецкаго Посла въ Вѣнѣ. Въ довѣрительномъ же письмѣ, исполненномъ пламенной любви, онъ объявлялъ Графинѣ, что ни какъ не въ состояніи слѣдовать за нею и умолялъ ее избѣгать новыхъ сумасбродныхъ предпріятій. Графиня, чрезъ Гассана, которымъ, кажется, уже вполне располагала, отправила письмо, отъ 1 Іюня, въ Венецію, для доставленія Князю. Она въ немъ передавала самыя блестящія

⁵⁷ Такъ показали Чарномскій и Франциска Мешедо.

надежды и уговаривала его пріѣхать какъ можно скорѣе, по тому что курьеръ Радивила, которой долженъ доставить имъ необходимыя къ путешествію въ Константинополь Фирманы, уже посланъ за ними. Далѣе она писала, что Воевода у ея ногъ,⁵⁸ а какъ скоро они будутъ въ Турецкомъ станѣ, то и Огинскій не замедлитъ къ ней присоединиться. Князь тотчасъ же отвѣтилъ, что онъ не въ состояніи пріѣхать и не можетъ прислать къ ней ни требуемаго груза агата, ни поваровъ, по тому что она, вѣроятно, уже оставила Дубровникъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ее просилъ: не полагаться слишкомъ на Огинскаго, представить въ Константинополь въ надлежащемъ видѣ притязанія его на Шлезвигъ и Гольштейнъ и, ради Бога, не выдавать себя за его жену. Между тѣмъ, планъ Самозванки уже созрѣлъ. 10-го Іюля она написала къ Министру Горнштейну, что, надѣясь на помощь его, какъ мужа Государственнаго и Католика, намѣрена скинуть съ себя теперь покрывало, тѣмъ болѣе, что старались уже распространить слухъ о ея смерти; что прежде всего она намѣрена склонить на свою сторону Флотъ, стоящій въ Ливорнѣ, и распорядиться такъ, чтобы объ ней заговорили въ газетахъ, между тѣмъ какъ Порты Оттоманская обнародуетъ ея Манифесты. Въ Константинополь она останется не на долго, дабы скорѣе стать въ главѣ своего народа и быть провозглашенною Государыней. Всѣ извѣстія газетъ о предстоящемъ въ скоромъ времени мирѣ—⁵⁹ чистая выдумка: миръ заключенъ будетъ тогда только, когда удовлетворятъ ея требованія, вполне согласныя съ выгодами Турціи. Духовныя завѣщанія ея дѣда и матери несомнѣнно даютъ ей право требовать владычества надъ народомъ, который ее къ себѣ призываетъ.⁶⁰ Здѣсь Самозванка въ первый разъ упомянула о документахъ, на которыхъ

⁵⁸ Сэръ Джонъ Дикъ позднѣе рассказывалъ, будто Самозванка въ Дубровникѣ сдѣлалась любовницей Радивила, но въ доказательство этого нѣтъ ни какихъ положительныхъ данныхъ.

⁵⁹ Именно въ это время побѣды, одержанныя Русскими, поставилъ Турокъ въ крайне затруднительное положеніе, что и было причиною слуховъ о заключеніи мира.

⁶⁰ Весьма странно, что при изслѣдованіи дѣла такъ мало обратили вниманія на это замѣчательное письмо, которое вчернѣ отъ начала до конца писано рукою Самозванки и находится при дѣлѣ (III № 6).

хотѣла основывать свои притязанія и которые она въ послѣдствіи не рѣдко сообщала лицамъ, отъ коихъ ожидала помощи. Документы сіи, сохранившіеся въ собственноручныхъ ея рукописяхъ, суть слѣдующіе: 1) Духовное завѣщаніе Петра Великаго о престолонаслѣдіи; ⁶¹ 2) Духовное завѣщаніе Императрицы Екатерины I, ⁶² и 3) Духовное завѣщаніе Императрицы Елисаветы. ⁶³ Въ немъ Императрица назначаетъ наслѣдницею престола дочь свою, Елисавету, сначала подъ опекою Петра, Принца Ольденбургскаго, при чемъ излагаетъ правила, по которымъ слѣдуетъ управлять Государствомъ. На сколько Радивилъ участвовалъ въ составленіи этѣхъ документовъ, опредѣлить трудно. Даже не видно, вѣрилъ, ли онъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ, баснѣ о томъ, что Принцесса — дочь Императрицы Елисаветы. Но, во всякомъ случаѣ, въ Венеціи и вскорѣ по прибытіи въ Дубровникъ, онъ несомнѣнно долженъ былъ пособлять ей въ роли, которую она начала играть. Утвердительно можно сказать, что этѣ документы составлены не одною Самозванкою; по крайней мѣрѣ, Духовное завѣщаніе Императрицы написано лицомъ, знавшимъ Французскій языкъ лучше ея. Документы сіи, по видимому, не были писаны въ Оберштейнѣ, ибо почеркъ переводовъ не имѣетъ ни какого сходства съ почеркомъ Князя Лимбургскаго и лицъ, составлявшихъ его общество; по этому, кажется, можно заключить, что списки съ документовъ, вѣроятно, сдѣланы Доманскимъ, или Чарномскимъ. ⁶⁴ Почеркъ ихъ извѣстенъ по даннымъ ими при допросѣ письменнымъ показаніямъ,

⁶¹ При этомъ должно замѣтить, что въ дѣлѣ нѣтъ копій, отправленныхъ Самозванкою въ Ливорно къ Графу Орлову. Духовное завѣщаніе Петра Великаго существуетъ въ двухъ экземплярахъ (II № 31 и № 29), написанныхъ рукою Самозванки.

⁶² Копія съ Французскаго перевода (II № 29) написана съ начала до конца рукою Самозванки.

⁶³ При дѣлѣ находятся: экземпляръ Духовнаго завѣщанія Императрицы Елисаветы (IV № 7), писанный Самозванкою, и копія съ него, писанная не ея рукою (II № 35), но имѣющая на оборотѣ надпись, сдѣланную ею: «Testament d'Elisabeth, Princesse Impériale de toutes les Russies.»

⁶⁴ Слѣдственная Коммисія ни обратила ни какого вниманія на отличіе почерковъ и вообще сдѣлала важную ошибку въ томъ, что упомянутыхъ Поляковъ приняла за простыхъ бродягъ.

конечно, онъ не имѣетъ сходства съ почеркомъ копій, но это еще не опровергаетъ сказаннаго. Для этѣхъ двухъ Поляковъ искаженіе своего почерка представлялось важнѣйшимъ условіемъ спасенія, по тому что они должны были опасаться, чтобы, въ числѣ бумагъ Самозванки, не нашлись бумаги, писанныя ими. Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что письмо Самозванки къ Гамильтону изъ Рима, о которомъ мы скажемъ ниже, писано гораздо лучшимъ слогомъ, чѣмъ все, положительно писанное ею самою; слѣдовательно, она, вѣроятно, въ Римѣ имѣла особаго редактора, что едва ли не доказываетъ и отсутствія при дѣлѣ черноваго этого письма, между тѣмъ какъ Самозванка сохраняла всѣ безъ исключенія черновыя письма свои къ знатымъ лицамъ.

Курьеръ, посланный Радивиломъ въ Константинополь, въ то время еще не возвратился. Въ Дубровникѣ не имѣлось ни какихъ достовѣрныхъ извѣстій съ театра войны; Французскіе и Польскіе Офицеры свиты Радивила питали самыя блестящія надежды. «Обѣды Графини Пиннебергъ служили средоточіемъ для ея общества, и она охотно сообщала гостямъ всѣ подробности своей превратной жизни. Вотъ существенное изъ ея разсказовъ о себѣ. До девятаго года она находилась при матери своей, Императрицѣ Елисаветѣ; по смерти ея отправлена была въ Сибирь, откуда черезъ годъ спасена и доставлена въ домъ Разумовскаго, гдѣ ее хотѣли было отравить; послѣ этого Разумовскій отослалъ ее къ родственнику своему, Шаху Персидекому, который въ день, когда ей минуло 17 лѣтъ, открылъ ей тайну ея рожденія и предложилъ свою руку, съ условіемъ отречься отъ Православной Вѣры. Когда она этому воспротивилась, то Шахъ, надѣливъ ее большимъ богатствомъ, отправилъ въ Европу, подъ покровительствомъ знаменитаго Гали. Въ мужской одеждѣ она проѣхала Россію, познакомилась въ Петербургѣ съ нѣкоторыми знатыми друзьями ея отца, въ Берлинѣ весьма хорошо была принята Королемъ и снова назвалась Принцессою. По смерти Гали она жила въ Лондонѣ и Парижѣ, и наконецъ покупкою приобрѣла въ Германіи

⁶⁶ Въ какой-то корреспонденціи изъ Неаполя, отъ 4 Августа, много говорится о великихъ почестяхъ, оказанныхъ Польскимъ Княземъ неизвѣстной Принцессѣ въ Дубровникѣ (*Gazette d'Utrecht 1774, № 68*).

Графство Обернштейнъ. ⁶⁶ Разсказъ этотъ показался Французскимъ Офицерамъ до того страннымъ, что одни изъ нихъ писали въ Парижъ, а другіе даже въ Лондонъ и Берлинъ, чтобы убѣдиться въ его достовѣрности.

Не извѣстно, наскучила ли Радивилу эта комедія, Самозванка ли повела себя уже слишкомъ неосторожно, или, быть можетъ, Воевода началъ отчаяваться въ успѣхъ свѣго предпріятія, только 23 Іюля Самозванка, въ письмѣ къ Князю Лимбургскому, жаловалась на совершенную переимъну къ ней Радивила. По разнымъ намекамъ въ ея письмѣ, можно предполагать, что онъ воспрепятствовалъ обнародованію выше упомянутыхъ документовъ, но крайней мѣрѣ, въ газетахъ они напечатаны не были. Въ этомъ письмѣ она выразила еще большую самонадѣянность и сообщила, что, вѣроятно, въ скоромъ времени отправится въ Константинополь и присоединится къ Турецкой арміи. Послѣдняя находилась въ довольно жалкомъ положеніи уже въ то время, когда агентъ Радивила, Радзишевскій, 13 Іюля, писалъ къ Воеводѣ изъ Адрианополя, слѣдовательно, не за долго до заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. ⁶⁷ По донесенію агента, Полякамъ въ Турецкомъ станѣ было очень плохо, и Французскій Дворъ, на который они возлагали всю свою надежду, предпочелъ, напротивъ, быть посредникомъ въ заключеніи мира. Фирмашъ еще не былъ изготовленъ, а по тому нельзя было и хлопотать о выдачѣ Радивилу и находящимся при немъ Оттоманскою Портою какого либо пособія деньгами, или жизненными припасами. Должно полагать, что это письмо не было сообщено всѣмъ приверженцамъ Воеводы они все еще надѣялись, что можно побудить Турокъ къ новымъ усиліямъ. Но если вообще у сообщниковъ Радивила не доставало денегъ, то Самозванка лишена была всѣхъ средствъ. Кнорръ и Монтегю, по ея порученію, обратились къ банкиру Мартинелли

⁶⁶ При допросѣ Доманскій разсказалъ содержаніе разговоръ Самозванки.

⁶⁷ Письмо Радзишевскаго находится при дѣлѣ въ Французскомъ переводѣ (II № 30), въ которомъ почеркъ очень похожъ на почеркъ, встрѣчающійся въ другихъ документахъ, но съ тою только разницею, что онъ не отличается тщательностію. Это письмо, очень любопытное, разоблачаетъ намѣренія Поляковъ въ Турціи, а также доказываетъ разногласіе, существовавшее между Радивиломъ и Потцимъ.

и представили ему даже письмо Принцессы къ Министру Горнштейну, отъ котораго она требовала 1500 червонцевъ; но банкиръ остался непоколебимъ и далъ Кнорру въ займы только 12 червонцевъ, на которые онъ совершилъ поѣздку въ Оберштейнъ, чтобы достать тамъ денегъ. Староста Пинскій, ⁶⁶ будучи признателемъ за примиреніе его съ Огинскимъ, соглашался ссудить Принцессу деньгами, но только тогда, когда она сама обратится къ нему съ просьбою. Столь неприятное для Принцессы извѣстіе привезено было въ Дубровникъ Гассаномъ во второй половинѣ Августа, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ успѣхахъ Русскаго оружія.

Между тѣмъ Князь Лимбургскій жилъ уединенно въ Оберштейнѣ; разлука съ возлюбленною приводила его въ отчаяніе; долгое ея молчаніе и сумасбродные замыслы его сокрушали. Одному ему было извѣстно, гдѣ она находилась. Даже Де Маринъ не зналъ объ этомъ, по тому что Министръ Горнштейнъ отказался пересылать письма, писанныя на имя Самозванки. Но вскорѣ пріѣздомъ, сперва Герцога Ларошъ-Фуко, а потомъ Графа Бюсси, были возвращены снова жизнь и надежда владѣтелю Оберштейна: по ихъ словамъ, будущность Принцессы, на основаніи слуховъ, дошедшихъ до Парижскихъ гостиныхъ изъ Дубровника, представлялась въ самомъ блестящемъ видѣ. ⁶⁷ Впрочемъ, все это продолжалось не долго; извѣстіе о заключеніи мира уничтожило всѣ надежды. Мобюсонъ писалъ, что письма Радвила вскрыты въ Австріи, въ слѣдствіе чего онъ, вѣроятно, принужденъ будетъ оставить Дубровникъ. ⁶⁸ По соглашенію Парижскихъ гостей съ Княземъ, было предложено Радвилу скрыться, вмѣстѣ съ Принцессою, въ Оберштейнѣ, соединиться съ Огинскимъ и, такимъ образомъ, выждать болѣе благопріятнаго времени. Въ это время Мобюсонъ и Князь вели переговоры о предполагаемомъ бракѣ младшаго брата Воеводы съ Принцессою Гогенлоэ-Бартенштейнскою, ⁶⁹ и о промѣнѣ Стирума на помѣстья въ Польшѣ, въ слѣд-

⁶⁶ Графъ Пржездецкій.

⁶⁷ Такъ писалъ къ Самозванкѣ Де Маринъ (III № 4).

⁶⁹ Этотъ бракъ не состоялся. Иеронимъ Радвиль въ 1776 году женился на Принцессѣ Турнъ и Таксисъ.

ствіе чего родъ Радивиловъ приобрѣлъ бы въ Германіи права гражданства, чего они давно желали. Сообщая этотъ планъ своей подругѣ, Князь настоятельно приглашалъ ее тотчасъ же возвратиться. ⁷¹

Еще до полученія этого письма, Самозванка положительно узнала о заключеніи мира и старалась теперь открытымъ объявленіемъ своихъ притязаній на Россійскій престолъ воспрепятствовать его утвержденію. Курьеръ Радивила долженъ былъ взять съ собой письмо ея къ Султану, отъ 24 Августа, 1774 года, въ которомъ она провозглашаетъ себя дочерью Императрицы Елисаветы, ⁷² и наследницею престола послѣ нея, рассказываетъ о своей молодости и проситъ Султана снабдить ее и Радивила Фирманомъ. Союзъ, предложенный ею Оттоманской Портѣ, долженъ былъ также служить къ возстановленію прежнихъ предѣловъ Польши. Къ этому союзу хотѣла она склонить Швецію уступкою ей нѣкоторыхъ незначительныхъ крѣпостей. Наконецъ, указаніемъ на побѣды своихъ приверженцевъ въ Россіи и на то, что съ ея стороны уже сдѣлано воззваніе къ Русскому флоту, стоящему въ Ливорно, она доказывала Султану необходимость возобновить войну. Копія съ этого письма была послана на имя Верховнаго Визиря, при очень привѣтливомъ письмѣ ⁷³ и съ просьбою доставить ее сыну Разумовскаго, Monsieur de Puhaczew, ⁷⁴ которому просила оказывать всякую помощь. Радивилъ, узнавъ о содержаніи этѣхъ писемъ, хотя и обѣщалъ доставить ихъ, но не оправилъ по назначенію. ⁷⁵

⁷¹ Письмо Князя (I № 190).

⁷² Черновое письмо и списокъ съ него (II №№ 3 и 43) сохранились; оба написаны рукою Самозванки, которая въ нихъ подписалась: «De Votre Majesté Impériale la fidèle amie et voisine Elisabeth».

⁷³ Это письмо находится въ рукахъ Анолинарія Контскаго. Оно только подписано Самозванкою, а писано тою же, рукою, которою писаны вышеупомянутые списки. Правописаніе Puhaczew (вмѣсто Pougatchew) (IX) указываетъ на сочинителя Поляка. — А правописаніе Bouhachew (№ VII—VIII) на Нѣмца. О. Б.

⁷⁴ Такимъ образомъ Самозванка, вѣроятно, хотѣла обратить на себя вниманіе Пугачова. О прямыхъ между ними сношеніяхъ нѣтъ ни какихъ указаній.

⁷⁵ Такъ показалъ Доманскій.

Это доказываетъ, что въ концѣ Августа Радивиль уже отказался отъ виѣшательства въ этѣ провски, и что помощниками Самозванки въ это время были, вѣроятно, лишь Чарномскій и Доманскій, и не по порученію Радивила.

Намѣреніе Самозванки, обратиться съ воззваніемъ къ Русскому флоту въ Ливорно, не было пустымъ выраженіемъ. Одновременно съ письмами къ Султану и Верховному Визирю Гассанъ получалъ отъ нея пакетъ для доставленія въ Венецію Господину Монтегю. Въ письмѣ къ сему послѣднему она просила его, приложенныя бумаги немедленно переслать въ Ливорно къ Графу Орлову и достать ей денегъ. Монтегю взялся исполнить порученіе, но денегъ достать не могъ, и въ отвѣтъ своемъ совѣтовалъ ей быть осторожною съ Французскими Офицерами, изъявившими желаніе принять участіе въ экспедиціи Радивила, присовокупляя, что Французскій Резидентъ въ Венеціи осмѣлился отозваться о ней, какъ кажется, по приказанію своего Двора, весьма страннымъ образомъ.¹⁶ Бумаги были отправлены на имя Орлова, получившаго ихъ, вѣроятно, еще до истеченія Сентября мѣсяца, и состояли изъ письма Самозванки, изъ списка съ Духовнаго завѣщанія Императрицы Елисаветы и изъ проекта Манифеста отъ имени «Елисаветы II, Божіею милостію, Княжны Россійской».¹⁷ Въ письмѣ къ Графу Орлову Самозванка выразила, что блистательные успѣхи народнаго возстанія, затѣяннаго братомъ ея, называющимся нынѣ Пугачовымъ, ободряютъ ее, какъ законную наследницу престола, къ предъявленію своихъ правъ, тѣмъ болѣе, что покровительство Султана обезпечиваетъ ея безопасность и что многіе Монархи оказываютъ ей содѣйствіе. За тѣмъ она сообщила Графу, что имѣетъ огромное число приверженцевъ въ

¹⁶ Письмо Монтегю (I № 104).

¹⁷ Черновое письмо къ Орлову (II № 13), писанное и исправленное во многихъ мѣстахъ рукою Самозванки, ровно какъ и копія (IV № 24), снятая съ него въ Римѣ для Кардинала Альбани, находится при Дѣлѣ; мѣсто и время, гдѣ и когда писано письмо, не означены ни въ черновомъ, ни въ спискѣ. Проектъ Манифеста (II № 14) находится только въ спискѣ, писанномъ не извѣстно кѣмъ; на оборотѣ его Самозванка собственноручно написала: «Copie du Manifeste, qu'a envoyé la Princesse Elisabeth à Monsieur le Comte Orlov à Livourne».

народѣ, уже давно страдающемъ подъ тяжкимъ игомъ честолюбивой женщины, славолубіе которой не знаетъ предѣловъ; что если бы онъ желалъ перейти на ея сторону, то пусть издастъ Манифестъ на основаніи приложеннаго проекта, и наконецъ, что она сама готова пріѣхать въ Ливорно, если онъ признаетъ это нужнымъ. Подлинное Духовное завѣщаніе, прибавляла она, отдано на сохраненіе въ вѣрныя руки; въ немъ, по особенной причинѣ, не упомянуто объ ея братѣ (въ семъ письмѣ она, по видимому, разумѣетъ подъ эгѣмъ именемъ Пугачова). Въ заключеніе она обѣщала Графу свое покровительство, величайшія почести и даже нѣжнѣйшую благодарность.

По отсутствію данныхъ, вопросъ о томъ, зналъ ли Орловъ о намѣреніяхъ Самозванки до полученія сего письма, остается нерѣшеннымъ; но онъ положительно до того времени и послѣ, до Генваря 1775 года, не былъ съ ней ни въ какихъ посредственныхъ, или непосредственныхъ, сношеніяхъ. Это доказывается уже тѣмъ, что Самозванка ни разу не упомянула о таковыхъ сношеніяхъ Аббату Роккатиани (наперснику Кардинала Альбани). 26 Сентября и 7 Октября, 1774 года, Графъ донесъ Императрицѣ, что подозрѣніе его, не принимаютъ ли какого либо участія въ Пугачовскомъ возстаніи Французы, еще болѣе подтверждается полученнымъ имъ письмомъ безъ подписи, которое онъ и препровождаетъ вмѣстѣ съ приложеніями. Слогъ его нѣсколько напоминаетъ воззванія Пугачова. Такъ какъ эгѣмъ письмомъ, быть можетъ, хотѣли испытать ° его вѣрность къ Государынѣ, то по этому онъ и не отвѣчалъ на него, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разувѣрить всѣхъ въ существованіи таковой особы. Далѣе онъ пишетъ, что уже послалъ повѣреннаго (Графа Войновича) въ Парось; ибо узналъ, будто тамъ, на Англійскомъ кораблѣ, находится госпожа, которая объявила, что ждетъ его прибытія. Если онъ замѣтитъ въ этой особѣ что либо сомнительное, то постарается заманить ее на корабли въ Ливорно и отослать прямо въ Кронштадтъ. ⁷⁸ Въ Дѣлѣ нѣтъ ни какихъ указаній на то, были ли приняты Орловымъ какія либо другія мѣры къ розысканію той, которая отправила къ нему упомянутое письмо.

⁷⁸ Пять подлинныхъ писемъ Орлова къ Императрицѣ о Самозванкѣ намъ извѣст-

Между тѣмъ Самозванка съ нетерпѣніемъ ожидала въ Дубровникѣ извѣстій отъ Орлова и отвѣта Султана. До сего времени (до начала Сентября) она жила довольно дружно съ Радивиломъ и Французскими Офицерами, а также съ Консулами, Французскимъ Дериво и Неаполитанскимъ: всѣ они еще обходились съ нею, какъ съ Принцессою. Но денежные средства общества мало по малу совершенно истощились. Монтегю, къ которому Самозванка обратилась съ просьбою о помощи, учтиво отказалъ ей, сообщилъ при этомъ дурныя вѣсти, пришедшія изъ Константинополя, и наекнулъ на предположеніе Старосты Пинскаго, что Радивиль, расточительности котораго онъ не надивится, вѣроятно, въ скоромъ времени возвратится въ Венецію. Съ тѣмъ вѣстѣмъ Монтегю вновь совѣтовалъ Принцессѣ обратиться съ просьбою о деньгахъ къ Пинскому Старостѣ, такъ какъ она едва ли можетъ рассчитывать на пособіе отъ Князя Лимбургскаго, прибавивъ, что онъ ручается за успѣхъ.⁹⁹ Такое стѣсненное положеніе побудило Самозванку только къ новымъ выдумкамъ, чтобы посредствомъ ихъ пріобрѣсти возможность отправиться въ Константинополь. 11 Сентября она написала второе письмо къ Султану, стараясь отклонить его отъ утвержденія мира и прося о намеренной присылкѣ Фирмана, къ чему присовокупила свои разнаго рода политическія соображенія.¹⁰⁰ Радивиль, кажется, отказалъ Принцессѣ отправить это письмо, при чемъ она узнала, что и первое также не было послано. Въ слѣдствіе сего произошла сильная ссора, и Принцесса нѣсколько дней сряду находилась въ такомъ отчаяніи, что

ны; изъ нихъ четыре находятся въ подлинникахъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а послѣднее въ Дѣлѣ. При Дѣлѣ нѣтъ подлинниковъ препровожденнаго Орловымъ письма безъ подписи съ приложеніями, а только Русскіе переводы. Судя по письму Орлова отъ 26 Сентября стараго счисленія, Императрица не упоминала о Самозванкѣ въ письмахъ своихъ отъ 24 Юля и 23 Августа ст. сч. Надобно думать, что Государыня въ то время не имѣла еще никакихъ свѣдѣній о ней, иначе она бы навѣрное дала Орлову въ этомъ отношеніи какіе либо наказы.

⁹⁹ Въ этомъ письмѣ отъ 11 Сентября (I № 126) Монтегю уже ясно говоритъ о ея намѣреніяхъ, о помощи Султана и о надеждѣ видѣть ее на престолѣ.

¹⁰⁰ Черновое письмо, написанное рукою Самозванки (III № 8), сохранилось, равно какъ и списки съ него.

наконецъ Воевода уступилъ и послалъ курьера съ обоими письмами; но Графу Косаковскому, своему корреспонденту въ Константинополь, на имя котораго надписанъ былъ пакетъ, приказалъ оставить ихъ у себя.⁸¹ Несогласіе между Радивиломъ и Самозванкою росло съ каждымъ днемъ. Не мало содѣйствовало къ его усиленію еще и то обстоятельство, что все болѣе и болѣе стали распространяться слухи о любовныхъ связяхъ Принцессы, и что Французскіе Офицеры получили о ней отъ своихъ корреспондентовъ неудовлетворительныя извѣстія. Но, не смотря на это, Радивиль и окружающія его лица все еще продолжали, для наружнаго вида, оказывать Русской Княжнѣ глубочайшее почтеніе. Маіоръ Русской службы, прибывшій, на обратномъ пути, изъ Черногоріи въ Ливорно, сообщилъ Графу Орлову,⁸² что въ Дубровникѣ ему угрожала величайшая опасность послѣ того, какъ онъ рѣшился заявить, что Принцесса должна быть какая ни будь искательница приключеній.

Принцесса около этого времени получила письмо отъ Кнорра изъ Аугсбурга. Изъ него она увидѣла, что Министръ Горнштейнъ не хочетъ болѣе имѣть съ нею ни какого дѣла, и что въ Оберштейнѣ носятся о ней весьма неблагопріятные слухи, происшедшіе въ слѣдствіе распространенія писемъ изъ Дубровника о любовныхъ связяхъ Принцессы. Вѣроятно, она уже нашла невозможнымъ убѣдить въ ихъ ложности Князя Лимбургскаго, а по тому и рѣшилась сознаться во всемъ и написать къ нему послѣ двухмѣсячнаго молчанія. Въ письмѣ, отъ 21 Сентября,⁸³ она сильно жалова-

⁸¹ Переданный здѣсь рассказъ объ удержаніи Радивиломъ писемъ основанъ на показаніи Доманскаго, утверждавшаго будто самъ Воевода сообщилъ ему объ этомъ.

⁸² Время пребыванія этого Офицера въ Дубровникѣ не видно изъ письма Орлова отъ 23 Декабря. Но такъ какъ онъ въ немъ уже говоритъ о послѣдствіяхъ мѣръ, принятыхъ по полученіи вѣхъ извѣстій, въ письмѣ же отъ 26 Сентября не упоминаетъ еще о Маіорѣ, то, вѣроятно, сей послѣдній видѣлъ Принцессу въ Дубровникѣ въ концѣ Сентября, или въ началѣ Октября.

⁸³ Письма этого нѣтъ, какъ и вообще всѣхъ писемъ къ Князю, но содержаніе ихъ извѣстно намъ изъ отвѣтовъ Князя, который почти всегда касался въ нихъ подробностей, заключавшихся въ ея письмахъ. Здѣсь идетъ рѣчь о письмѣ Князя, посланномъ въ концѣ Декабря, въ отвѣтъ на письмо Самозванки

лась на рѣзкое обращеніе съ нею Радивила и увѣрдала Князя въ блистательныхъ успѣхахъ, ожидающихъ ее въ Турціи и Россіи, и добычала къ нему открытыя письма съ просьбою отправить ихъ къ Королю Шведскому и къ брату Россійскаго Канцлера. Съ тѣмъ виѣстѣмъ она просила у него нѣсколько подписанныхъ имъ патентовъ на ордена для разныхъ лицъ,³⁴ между прочимъ, для одного молодого человѣка, который, хотя не знатнаго происхожденія, но находится въ близкихъ къ ней отношеніяхъ, вызванныхъ страстною ея натурою. Вѣроятно, этотъ молодой человѣкъ былъ названъ въ ея письмѣ, до насъ не дошедшемъ.³⁵ Судя по всѣмъ даннымъ, мы имѣемъ право предполагать, что это былъ Доманскій. Вполнѣ полагаясь на слова Князя, который клялся, что никогда не оставитъ ее, она къ признанію своему присоединила просьбу о денежномъ пособіи для путешествія въ Константинополь. Письмо это она отправила въ Вѣну на имя Повѣреннаго въ дѣлахъ Князя, Барона Горнштейна, которому сообщила при этомъ свои странныя мысли объ Европейской политикѣ.

Въ концѣ Сентября Радивиль послалъ Чарномскаго къ Потоцкому въ Верону, вѣроятно, для примиренія съ Конфедераціею и полученія чрезъ то денегъ, а, быть можетъ, и для прекращенія прокурствъ Каленскаго, который, какъ казалось, воспрепятствовалъ выдачѣ Фирмана.³⁶ Самозванка, пользуясь отправленіемъ Чарном-

отъ 21 Сентября, отправленномъ чрезъ Вѣну и полученномъ имъ только въ Декабрѣ (III № 20).

³⁴ Именно названы были: Монтегю и Графъ Бранковичъ, пріѣзжавшіи нѣсколько разъ въ Дубровникъ.

³⁵ Это можно заключить изъ письма Князя, посланнаго въ Декабрѣ мѣсяцѣ, въ которомъ онъ сообщаетъ Самозванкѣ, что отъ земляковъ Мосбахскаго незначительнаго происхожденія. По разнымъ намекамъ, сдѣланнымъ Княземъ, видно, что Самозванка писала ему о своемъ желаніи выйти замужъ за этого молодого человѣка и что Радивиль этому противился. Во всякомъ случаѣ, Князь въ Октябрѣ уже получалъ извѣстіе объ ея любовной связи и желаніи выйти замужъ, какъ это оказывается изъ письма его отъ 30 Октября (I № 233).

³⁶ Странно, что, не смотря на отправленіе въ Константинополь нѣсколькихъ курьеровъ, Чарномскій не отослалъ туда ни писемъ, врученныхъ ему Потоцкимъ въ

скаго, поручила ему и Монтегю, общими силами, достать ей денегъ подъ залогъ Оберштейнскихъ ломокъ агата и добиться ссуды у Мартинелли и Старосты Пинскаго. Чарномскій порученіе къ Потоцкому выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ, и получилъ отъ него 12 Октября письма къ Верховному Визирю и Каленскому,⁸⁷ а также рекомендательное письмо къ Принцессѣ.⁸⁸ Мартинелли на отрѣзъ отказалъ ссудить деньгами, по тому что онъ не имѣлъ ни какихъ свѣдѣній ни о Баронѣ Горнштейнѣ, ни о Кноррѣ, ни о Князѣ Лимбургскомъ. Венеціанскій Банкъ требовалъ уплаты прежняго долга. Только Староста Пинскій, къ которому она на этотъ разъ сама написала, выслалъ ей 300 червонцевъ и просилъ доставить, по возможности скорѣе, документы на Оберштейнъ, такъ какъ онъ нашелъ Генуезца, который согласился дать въ займы деньги подъ вѣрный залогъ.⁸⁹

9 Октября Самозванка писала въ С.-Петербургъ къ Графу Панину письмо, которымъ, по всему вѣроятію, желала скрыть слѣды своего мѣстопребыванія, ибо въ немъ указывала на то, что въ Кобленцѣ можно узнать ея адресъ. Въ это письмѣ⁹⁰ она

Маѣ, ни гѣхъ, которыя онъ получилъ отъ него въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Всѣ эти бумаги находятся при дѣлѣ, и по тому очень удивительно, что Слѣдственная Коммиссія повѣрила показаніямъ Чарномскаго, будто Радивиль послалъ его въ Верону единственно для полученія съ Потоцкаго частнаго долга. Не подлежитъ также сомнѣнію, что Чарномскій просилъ о назначеніи его, вмѣсто Калепскаго, агентомъ Конфедерации въ Турціи (I № 3).

⁸⁷ Письмо къ Визирю (I № 45) отъ 12 Октября, письмо же къ Каленскому (I № 5), отъ 4 Октября, 1774 года.

⁸⁸ Письмо къ Самозванкѣ (I № 87) отъ 12 Октября.

⁸⁹ Письмо Графа Пржездецкаго къ Самозванкѣ (I № 109) отъ 16 Октября, 1774 года.

⁹⁰ Не извѣстно, было ли отправлено и получено это письмо; черновое, писанное все рукою Самозванки, находится при дѣлѣ (II № 27). Не мѣшаетъ упомянуть здѣсь о разказахъ, ходившихъ въ послѣдствіи въ Римѣ, будто Дубровницкій Сенать тайно предписалъ Повѣренному своему въ Петербургъ обратить вниманіе Графа Панина на мнимую дочь Императрицы Елисаветы, и гѣмъ отчасти ослабить неблаговидные толки по поводу пребыванія ея въ Дубровникѣ; Панинъ же, которому, вѣроятно, все это уже было извѣстно, отвѣтилъ, какъ говорили, на это сообщеніе одною презрительной улыбкой (Изъ письма аббата Роккатани, отъ 15 Генваря, 1775 года).

указываетъ на запутанныя обстоятельства того времени, снова изъявляетъ готовность прїѣхать въ Петербургъ, если бѣ онъ сохранилъ этотъ прїѣздъ въ тайнѣ и поручился за личную ея безопасность; заявляетъ, что до тѣхъ поръ, пока будетъ жива, не перестанетъ стоять за право свое на престолъ; но о мирѣ умалчиваетъ, по тому что Графъ не такъ знакомъ съ политическими обстоятельствами, какъ она. По возвращеніи Чарномскаго, въ исходѣ Октября, недостатокъ въ деньгахъ сталъ уже сильно дѣйствовать на расположеніе духа общества, собравшагося въ Дубровникѣ подъ начальствомъ Радивила. Французскіе Офицеры становились съ каждымъ днемъ болѣе нетерпѣливыми и дерзкими, даже въ присутствіи Принцессы. Воевода, сознавая теперь все безумство своего предпріятія, болѣе и болѣе удалялся отъ нея, что особенно сдѣлалось замѣтнымъ съ того времени, когда курьеръ его привезъ изъ Адрианополя извѣстіе объ окончательномъ подписаніи, мирнаго договора, въ слѣдствіе чего должны были исчезнуть всѣ мечты. Въ это время Самозванка, все еще ожидавшая отвѣта изъ Константинополя, узнала, вѣроятно, отъ Доманскаго, что Косаковскій, по приказанію Радивила, утаилъ письма ея къ Султану. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого былъ окончательный разрывъ ея съ Воеводой, который теперь располагался возвратиться въ Венецію, тогда какъ она хотѣла, или, вѣрнѣе сказать, принуждена была искать другого пути къ осуществленію своихъ плановъ. Итакъ она рѣшилась прежде всего побѣхать въ Южную Италію, или въ Римъ, съ цѣлію принять Католическую Вѣру, извлечь изъ того всевозможную для себя пользу и какимъ ни будь образомъ попасть оттуда въ Константинополь. Къ Монтегю писала ⁹¹ она, что намѣрена достать себѣ Неаполитанскій пашпортъ и съ нимъ пробраться въ Турцію; что заключеніе мира съ Россією — чистая ложь, и что приверженцы ея въ Россіи, за которыхъ она готова жертвовать своею жизнію, одержали вездѣ побѣды. Радивиль, прибавила она, одинъ виновенъ въ продолжительномъ и бесполезномъ пребываніи ея въ Дубровникѣ, которое привело ихъ всѣхъ на край гибели. Письмо оканчивается сообщеніемъ, что ей необходимо занять отъ 3 до 4,000 червонцевъ,

⁹¹ Черновое письмо, написанное съ начала до конца Самозванкою, находится ир. дѣлѣ (II № 28).

которыя она обѣщаетъ замлатить черезъ три мѣсяца. Къ Князю Лимбургскому писала она, напротивъ, чтобъ онъ или съѣхался съ ней въ Италию, или велѣлъ прислать ей денегъ чрезъ Гайльо, такъ какъ она имѣетъ теперь непоколебимое намереніе предпринять путешествіе въ Азію. ⁹²

Въ то же время отошли отъ Радивила и присоединились къ ней: Эксъ-Езуитъ Ганецкій, бывшій до того однимъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Воеводы и имѣвшій обширное знакомство въ Римѣ; Доманскій, находившійся уже нѣсколько лѣтъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Радивилу, и наконецъ Чарномскій. Ганецкій, въ качествѣ спутника знатной госпожи, желающей принять Католическую Вѣру, хотѣлъ, какъ кажется, обратиться въ Римѣ на себя общее вниманіе; Чарномскій, быть можетъ, дѣйствительно надѣялся отправиться съ нею въ Константинополь, или же былъ ея замодавцемъ, а Доманскій слѣдовалъ за нею, по тому что страстно былъ въ нее влюбленъ. ⁹³

⁹² Это явствуетъ изъ упомянутого отрывка отвѣта самаго Гайльо (III № 24).

⁹³ Показанія Чарномскаго и Доманскаго при допросѣ о причинахъ, которыя побуждали ихъ слѣдовать за Самозванкою въ Италию, во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ лишь признанія Доманскаго въ страстной къ ней любви, кажутся лишеными всякаго вѣроятія. Не возможно, чтобы Чарномскій, движимый одною только дружбою къ своему товарищу и желаніемъ видѣть Римъ, могъ забыть всѣ данныя ему отъ Конфедерации порученія и поѣхать въ слѣдъ за повелѣніемъ приключеній, имѣя въ своемъ портфелѣ офиціальныя письма, тѣмъ болѣе, что тогда же, какъ самъ онъ говоритъ, пересталъ безусловно вѣрить Русской Княжигѣ, и что Французскій Консулъ въ послѣднее время предостерегалъ его отъ нея. Онъ могъ бы и съ Радивиломъ поѣхать въ Италию, прямо къ своему покровителю, Потоцкому. Остается только предполагать, не надѣялся ли онъ, при помощи Самозванки, попасть какъ ни будь въ Константинополь, и не выманила ли она у него деньги, врученныя ему Конфедерациею, что объяснило бы, по чему онъ пѣзъ Рима не поѣхалъ прямо въ Верону. А эти деньги могли быть тѣ самыя, которыя Доманскій, какъ увѣрялъ, занялъ въ Дубровникѣ для Самозванки. Точно также вѣроятнѣе показаніе Доманскаго о томъ, что его будто бы побудило ѣхать съ нею въ Римъ любопытство и то обстоятельство, что она состояла ему должною значительныя суммы, которыя онъ отчасти самъ ей далъ въ займы, отчасти досталъ, поручившись за нее въ Дубровникѣ; изъ другихъ же его показаній мы знаемъ, что онъ надѣялся совершить съ нею на ея счетъ путешествіе въ Римъ.

Но прежде, чѣмъ займемся дальнѣйшими похождениями Самозванки, намъ слѣдуетъ обратиться къ Князю Лимбургскому. Послѣ письма, написаннаго къ нему Принцессою 23 Іюля, онъ болѣе не получалъ отъ нея писемъ. Его отчаяніе значительно возросло, когда Министръ Горнштейнъ объявилъ, что отказывается отъ всякихъ съ нею сношеній, такъ какъ она предалась самымъ безумнымъ замысламъ; отъ всѣхъ, отъ кого можетъ, требуетъ денегъ и даже печатаетъ свои письма Княжескою печатью. Къ тому же начали приходить въ Оберштейнъ со всѣхъ сторонъ, и, какъ кажется, также со стороны Французскаго Правительства, запросы на счетъ таинственной незнакомки. Наконецъ, въ газетахъ появились изъ Дубровника разнородныя статьи и были получены частныя извѣстія о любовныхъ похожденияхъ Принцессы и о желаніи ея выйти замужъ. Въ это же время Горнштейнъ, по-вѣренный въ дѣлахъ Князя, въ письмѣ къ нему изъ Вѣны, описывая роскошную жизнь Самозванки въ Дубровникѣ, доносилъ, что она прислала къ нему, на имя Шведскаго Короля, письмо, котораго онъ, однако жъ не отправилъ. Все это наконецъ вывело Князя изъ терпѣнія: 30 Октября написалъ онъ къ бывшей своей возлюбленной письмо, въ которомъ, напомнивъ ей о всѣхъ ея продѣлкахъ, обвиняетъ въ томъ, что она совершенно разстроила его состояніе, навлекла на него презрѣніе всей Европы, по тому что прежнія его близкія отношенія къ ней сдѣлались всѣмъ извѣстными, и заставила Версальскій Кабинетъ публично отречься отъ всякаго участія въ ея дѣйствіяхъ. Далѣе онъ пишетъ, что ему представлялись весьма выгодныя партіи, на которыя онъ, по причинѣ своей связи съ нею, не могъ изъявлять ни согласія, ни отказа, и что до него дошли слухи, будто она съ кѣмъ-то въ связи и даже располагаетъ выйти замужъ. Онъ ни сколько не думаетъ мѣшать ея счастью, если желанія ея согласны только съ честію. Впрочемъ, если она готова отказаться отъ своего прошлаго и никогда болѣе не станетъ упоминать ни о Персіи, ни о Пугачовѣ, ни о прочихъ такого же рода глупостяхъ, то еще есть время вернуться къ нему.³⁴

³⁴ Письмо Князя къ Самозванкѣ (I № 235).

Отъѣздъ въ Римъ.

Это письмо уже не застало Самозванки. Въ началѣ Ноября Радивиль со свитою отправился въ Венецію, она же, ⁹⁵ съ Неаполитанскимъ пашпортомъ на имя Графини Пиннебергъ, въ сопровожденіи трехъ Поляковъ, чрезъ четыре дня отплыла на фелукъ Гассана въ Барлетту, на Неаполитанскомъ берегу, а оттуда тотчасъ же поѣхала въ Неаполь. Неизвѣстно, была ли поѣздка въ Константинополь отложена на время, или окончательно, только Самозванка съумѣла отъ Англійскаго Посланника въ Неаполь, извѣстнаго Сера Вильяма Гамильтона, ⁹⁶ достать для себя и своихъ спутниковъ пашпортъ въ Римъ, съ которымъ, 6 Декабря, и прибыла туда. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Папскую столицу, благодаря Ганецкому, сдѣлавшемуся теперь ея Гофмейстеромъ, распространилась новость о пріѣздѣ Русской Княжны, сохраняющей строжайшее инкогнито. Сначала она жила очень скромно, выѣзжала только въ каретѣ съ поднятыми стеклами, ни къ кому не ѣздила и къ себѣ также никого не принимала, кромѣ нѣкоторыхъ Поляковъ, въ числѣ которыхъ находились бывшіе Езуиты, Воловичъ и Монсовичъ (Вонсовичъ?), Дворяне Линовскій и Станишевскій, крайне въ нее влюбленный, ⁹⁷ и Докторъ Саличетти. Но потомъ она повела жизнь довольно роскошную, такъ какъ довѣріе, которымъ пользовался Ганецкій, служило достаточнымъ ручательствомъ для ея вѣрителей. Впрочемъ, вскорѣ Самозванка начала нуждаться въ средствахъ. Вспомнивъ о скоромъ доставленіи Гамильтономъ пашпорта, она рѣшилась обратиться къ нему, и 21 Декабря написала ему длинное письмо, ⁹⁸ въ которомъ передала исторію сво-

⁹⁵ Изъ прислуги, взятой изъ Оберштейна, осталась при ней одна Франциска Мешедде; прочіе же слуги отошли отъ нея.

⁹⁶ При дѣлѣ находится записка Министра Таннучи изъ Казерты, отъ 1 Декабря, къ Гамильтону съ просьбою сообщить ему имена лицъ, для которыхъ онъ требуетъ паспорты (II № 36).

⁹⁷ Этѣ два Дворянина были, по всему вѣроятію, Чарномскій и Доманскій, которые постоянно окружали Самозванку. Роккатани, посѣщавшій столько разъ Принцессу, никогда о нихъ не упоминаетъ, но говоритъ очень часто о Линовскомъ и Станишевскомъ, и въ особенности о послѣднемъ.

⁹⁸ Письмо находится при дѣлѣ, но только въ копіи, подлинникъ же былъ препро-

ихъ походовъ. Изъ этого письма видно, что Пугачовъ уже не назывался ею братомъ, а Козацкимъ мальчикомъ, привезеннымъ Разумовскимъ въ Петербургъ и взятымъ потомъ въ пажы къ Императрицѣ, которая послала его, для окончанія военнаго образованія, въ Берлинъ, по возвращеніи откуда онъ принялъ предводительство надъ сборищами недовольныхъ. Приверженцы Принцессы, какъ сказано въ письмѣ, совѣтовали ей, для успѣха ея дѣла, лично вести переговоры въ Константинополь, въ слѣдствіе чего она изъ Венеціи, гдѣ нашла себѣ въ Лордѣ Монтегю друга и отца, отправилась съ Радивиломъ въ Дубровникъ, и оттуда написала два (приложенныя въ копіяхъ) письма къ Султану. Недостатокъ денегъ принудилъ Воеводу возвратиться въ Венецію, а ее отправиться въ Италію, откуда она хотѣла найти случай проѣхать въ Константинополь сухимъ путемъ, по тому что не въ состояніи переносить морскихъ путешествій. Въ Римѣ дошло до нея достовѣрное извѣстіе, что мирный договоръ не утвержденъ; здѣсь же она получила письмо отъ Пугачова, который извѣщалъ ее о своихъ удачныхъ дѣйствіяхъ, между тѣмъ какъ газеты распространили ложный слухъ о взятіи его въ плѣнъ.⁹⁹ Въ настоящее же время она, для достиженія своихъ цѣлей, нуждается въ 7000 червонцахъ, которые и проситъ Гамильтона дать ей въ займы, подъ залогъ Графства Оберштейнъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она просила у него рекомендательныхъ писемъ къ Англійскимъ Посланникамъ въ Вѣнѣ и Константинополь, и паспортъ на имя Госпожи Вальмондъ, или другой какой ни будь Ганноверской подданной.

Это письмо послужило для нея гибелью, по тому что Гамильтонъ препроводилъ его, чрезъ посредство Англійскаго Консула въ Ливорно, Сера Джона Дика, къ Графу Орлову, открывшему такимъ образомъ настоящее мѣстопробываніе Самозванки. Графъ, находившійся тогда въ Пизѣ, какъ только узналъ отъ вышеупомянутаго Русскаго Маіора, что мнимая дочь Императрицы Елиса-

вождень Графомъ Орловымъ къ Императрицѣ. Слогъ письма доказываетъ, что его сочиняла не сама Самозванка, а кто ни будь другой. Этому, кажется, служить доказательствомъ отсутствіе черноваго между ея бумагами. Кто же могъ быть сочинителемъ его письма (II, № 21)? По всему вѣроятію, или Чарномскій, или Доманскій, но не Гавецкій, который не понималъ по Французски.

⁹⁹ Пугачовъ былъ пойманъ уже въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

веты находится въ Дубровникѣ, послалъ тотчасъ же туда агента, Славянина, разузнать о госпожѣ, съ которою Орловъ будто бы былъ прежде въ любовной связи.¹⁰⁰ Спустя нѣкоторое время онъ отправилъ въ Дубровникъ одного изъ своихъ Офицеровъ, уволеннаго имъ съ этою цѣлю въ отставку, и поручилъ ему вступить на службу къ Радивилу, или къ самой Самозванкѣ, для собранія вѣрнѣйшихъ свидѣній. Между тѣмъ курьеръ привезъ Орлову собственноручное повелѣніе Императрицы, отъ 12-го Ноября стар. числ., захватить Самозванку, во что бы то ни стало.¹⁰¹ Вскорѣ послѣ этого Графъ Войновичъ возвратился съ извѣстіемъ, что таинственная госпожа въ Паросѣ уполномочена была Султаномъ подкупить Графа Орлова, который, донося обо всемъ этомъ Императрицѣ, 23-го Декабря, обѣщалъ, что употребить всѣ старанія къ исполненію ея приказанія, хотя бы даже принужденъ былъ для этого самъ ѣхать въ Дубровникъ.

Въ Германіи также полагали, что Самозванка все еще находится въ Дубровникѣ, какъ это видно изъ отрывковъ разныхъ писемъ, писанныхъ Княземъ Лимбургскимъ и Гайльо вскорѣ по полученіи письма Самозванки, отъ 21 Сентября, а именно 20 и 23 Декабря,¹⁰² и адресованныхъ: «*À Son Altesse, Madame la Princesse Elisabeth, à Raguse.*» Въ нихъ Князь отказывался отъ всѣхъ своихъ правъ на прежнюю любовницу, такъ какъ она теперь надѣялась найти счастье съ другимъ, но обѣщалъ сохранить къ ней непоколебимую дружбу, вполне увѣренный, что она его не опозоритъ. Въстѣ съ этимъ, однако, онъ нашелъ нужнымъ передать ей, что газеты дозволяютъ себѣ довольно унижительныя и постыдныя выраженія объ ея сношеніяхъ съ Мосбахскимъ незнаком-

¹⁰⁰ Этотъ агентъ потомъ пропалъ безъ вѣсти; такъ писалъ Орловъ отъ 23 Декабря.

¹⁰¹ Серъ Джонъ Дикъ въ послѣдствіи рассказывалъ, будто бы Орловъ сообщалъ ему полученное имъ предписаніе Императрицы, развѣдать Самозванку въ Дубровникѣ и требовать ея выдачи отъ тамошняго Сената, а въ случаѣ отказа — бомбардировать городъ. — Объ отношеніи Графа А. Г. Орлова къ Дубровнику и пребыванію въ немъ Радивила съ его Поляками и Самозванкой, смотри показаніе одного современника въ «Матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагуской Республикой», помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1865 года (кн. 3, стр. 161 — 163). О. Б.

¹⁰² Письма этѣ находятся при дѣлѣ (III № 20).

цемъ, о которомъ онъ узналъ отъ его же земляковъ, находящихся въ Пфальцѣ впрочемъ, онъ готовъ допустить, что и въ низшихъ сословіяхъ общества можно встрѣтить людей, заслуживающихъ уваженія. Такъ какъ любимецъ ея врядъ ли владѣеть доказательствами Дворянства, нужными для пожалованія его большимъ крестомъ ордена «de l'ancienne noblesse», то онъ намѣренъ дать ему другой орденъ, освободивъ его отъ платежа установленной пошрины въ 300 червонцевъ; это можетъ служить ей доказательствомъ, что онъ желаетъ остаться ея другомъ. Хотя его со всѣхъ сторонъ уговаривали жениться, но онъ этимъ совѣтамъ не послѣдовалъ. Это письмо, очевидно, писано подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія: за выраженіями спокойными и отчасти ироническими слѣдуютъ другія, исполненные страсти; мысли въ иныхъ мѣстахъ остаются не досказанными и замѣняются точками; но Князь не могъ вопли обуздать своей досады, и наемкнулъ ей, что счастье зависитъ не отъ высокаго званія, а отъ непорочной жизни. Послѣ того, объясняя, что ему равнодушны принятія ея различныя наименованія и похождения ея, онъ присовокупляетъ, что, пока живъ, никогда не перестанетъ ее любить. Другое письмо, писанное, по порученію Князя, Гайльо, содержитъ въ себѣ одни только упреки въ ея безуміи, необыкновенномъ легкомысліи и неосторожности въ перепискѣ, которая могла быть прочтена и послужить поводомъ къ ея обвиненію какъ со стороны Поляковъ, такъ и со стороны властей, а по тому онъ умолялъ ее скорѣе принскать себѣ надежное убѣжище въ Италіи, или Германіи. Она можетъ всегда рассчитывать на участіе Князя и возвратиться къ нему, какъ къ отцу, но ни въ какомъ случаѣ не должна ждать отъ него денегъ, по тому что предполагаемый обмѣнъ Стирума на помѣстья въ Польшѣ и брачный союзъ съ Радивиломъ не состоялись, вѣроятно, въ слѣдствіе разнесшихся слуховъ о прежнихъ его отношеніяхъ къ ней. Въ заключеніи письма Гайльо прибавилъ отъ себя, что недостатокъ денегъ и множество дѣлъ воспрепятствовали ему присоединиться къ ней, согласно съ ея желаніемъ. Этимъ письмомъ прекратилась переписка Князя съ Самозванкою, но отъ Гайльо она получила отвѣтъ на послѣднее письмо ея изъ Дубровника, въ которомъ онъ упоминаетъ, между прочимъ, о томъ, что изъ Франкфуртскихъ газетъ узнали о приѣздѣ ея въ Римъ, гдѣ она, вѣроятно, приметъ

Католическую Вѣру.¹⁰³ Этѣ письма были посланы на имя Монтегю, къ которому, равно какъ и къ Старостѣ Пинскому, Самозванка обратилась за деньгами, кажется въ Генварѣ 1775 года. Но Монтегю, вѣроятно, предостереженный Гамильтономъ, въ отвѣтъ своемъ, отъ 21 Генваря, отказалъ ей на отрѣзъ и, препроводивъ къ ней вышеупомянутыя письма, прибавилъ при томъ, что Староста Пинскій оставилъ Венецію, не простившись съ нимъ.

Въ зиму съ 1774 на 1775 годъ Римъ былъ въ большомъ волненіи; не смотря на то, что Папа Климентъ XIV умеръ еще въ Сентябрѣ, преемникъ его не былъ еще избранъ Конклавомъ. Пронски, вызванныя смертію Папы, много помѣшали Самозванкѣ. Объ ней вскорѣ позабыли, между тѣмъ какъ нужда ея въ деньгахъ все возрастала. Она обратилась съ просьбою о ссудѣ къ Графу Ланьяско, Куртрирскому Резиденту, ссылаясь на свои сношенія съ Министромъ Горнштейномъ и Княземъ Лимбургскимъ, но получила отъ него только пятьдесятъ червонцевъ. Офіціальное принятіе Римско-Католической Вѣры также не обѣщало особенно выгодныхъ послѣдствій, безъ вмѣшательства въ это дѣло Папы, или, по крайней мѣрѣ, кого либо изъ Кардиналовъ. Наибольшимъ вліяніемъ въ Священной Коллегіи пользовался въ это время Кардиналъ-Деканъ Альбани; по этому Самозванка и рѣшилась войти съ нимъ въ сношеніе. 1 Генваря, 1775 года, Ганецкому удалось пробраться къ окну Кардинала Альбани въ Конклавѣ и передать записку Принцессы Елисаветы, въ которой она извѣщала его о своемъ приѣздѣ. Его отослали къ Аббату Роккати, ¹⁰⁴ который, получивъ черезъ два дня отъ Полиціи свѣдѣнія объ иностранкѣ, явился къ ней на вечеръ по приглашенію. Когда Ганецкій и Станишевскій, представившіе его Принцессѣ, удалились, между ними начался живой разговоръ о политикѣ,

¹⁰³ Орывокъ этого письма находится при дѣлѣ (III № 24).

¹⁰⁴ Обильнымъ источникомъ для времени пребыванія Самозванки въ Римѣ служатъ донесенія этого наперсника Кардинала Альбани, который онъ разъ и два раза въ недѣлю посылалъ къ Каноннику Гиджіотти въ Варшаву, равно какъ и письма Самозванки къ нему и Кардиналу; на связкѣ этѣхъ писемъ Аббатъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: «*Romanzo della Principessa Elisabeta di Moscovia.*» При дѣлѣ находятся письма Кардинала къ Самозванкѣ, писанныя Аббатомъ, и нѣкоторые черновыя письма Самозванки къ нимъ.

объ Езуитахъ, о которыхъ она отозвалась не слишкомъ благо-склонно, и преимущественно о Польскихъ дѣлахъ. ¹⁰⁵ Принцесса на вопросъ Аббата: «Сколько времени она намѣрена остаться въ Римѣ?» отвѣчала, что, хотя и желала бы лично познакомиться съ Кардиналомъ Альбани, будущимъ, по вѣроятію, преемникомъ Папы Климента XIV, но опасается, чтобы медленность Конклава и состояніе здоровья не заставили ее поспѣшить отъѣздомъ. Роккатани былъ обвороженъ ея умомъ и приемами; то же самое онъ слышалъ отъ Саличетти, съ которымъ встрѣтился въ передней и который сообщилъ ему, что здоровье Принцессы очень разстроено. Не смотря на это, Аббата все еще преслѣдовала мысль, не кроются ли тутъ виды на карманъ Кардинала, такъ какъ онъ узналъ, что банкиръ Беллони, у котораго Русская Княжна хотѣла занять подъ вексель значительную сумму денегъ, потребовалъ прежде всего надежнаго поручителя. Но его окончательно сбило съ толку показаніе Патера Лиадея, служившаго нѣкогда въ Русской арміи, который утверждалъ, что не разъ встрѣчалъ въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ супругу Принца Ольденбургскаго, двоюроднаго брата Петра III-го, которую Принцесса напоминаетъ своимъ сходствомъ. Между тѣмъ Самозванка, въ письмѣ къ Кардиналу, спрашивала его, можетъ ли она во всемъ довѣриться Аббату, по тому что ея затруднительное и опасное положеніе требуетъ самой строгой тайны. Приѣздъ ея можетъ быть весьма важенъ для Римскаго Двора, по тому что ей суждено нѣкогда носить вѣнецъ, назначенный ей свыше для благоденствія Церкви и счастья многочисленныхъ отдаленныхъ народовъ. По всему этому она именно и нашла необходимымъ для себя посоветоваться съ Кардиналомъ Альбани, любопытство котораго было сильно возбуждено всѣмъ этѣмъ, въ запискѣ къ ней, сочиненной самимъ Аббатомъ Роккатани, отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ полного довѣрія.

6-го Генваря, вечеромъ, Роккатани лично передалъ записку Принцессѣ, которая, по словамъ Станишевскаго и Саличетти, весь день лежала въ слѣдствіе кашля и сильныхъ лихорадочныхъ припадковъ. На другое утро, когда онъ опять явился къ ней, она

¹⁰⁵ Альбани былъ Кардиналомъ-Протекторомъ Польши.

объявила ему, что рѣшилась отправиться, чрезъ Польшу и Россію, въ Константинополь. Въ Варшавѣ намѣревалась она, не смотря на свое строгое никогнито, лично увидать Короля, а въ Россіи, гдѣ только что умеръ самый лучший ея Намѣстникъ, она возьметъ съ собой часть войска для конвола. Если только она останется въ живыхъ, то Польша должна быть восстановлена въ продолженіе шести мѣсяцевъ, а Екатерина можетъ быть очень довольна, ежели оставятъ ей Прибалтійскій край съ С.-Петербургомъ. Она не считаетъ себя виновною въ томъ, что Радивиль не помирился съ Королемъ, между тѣмъ какъ ей вполне удалось помирить съ нимъ Огинскаго. ¹⁰⁶ Этотъ разговоръ обворожилъ Аббата Роккатани до такой степени, что Альбани долженъ былъ самъ обратить его вниманіе на несообразности въ ея разсказѣ. Виѣсть съ тѣмъ онъ убѣдительно просилъ его сохранять строжайшую осторожность и скромность, такъ какъ не слѣдуетъ употреблять во зло довѣріе женщины. Но это не удерживало Аббата: въ своихъ донесеніяхъ въ Варшаву онъ разсказалъ все, что узналъ. При свиданіи Роккатани съ Принцессою, 8 Января, она вручила ему, для свѣдѣнія, списки съ писемъ къ Графу Орлову и Султану и открытое письмо къ Кардиналу. Въ послѣднемъ, послѣ многихъ комплиментовъ талантамъ и мудрости Альбани, она выразила свое соболѣзнованіе о несчастномъ положеніи Польши, которое уже давно было бы удучшено, если бы не были разстроены ея планы въ Дубровникѣ. Лишь только удалось бы ей въ то время осуществить свои желанія и одержать побѣду, она тотчасъ же вошла бы въ сношеніе съ Римскимъ Дворомъ, а въ послѣдствіи приложила бы все стараніе, чтобы убѣдить свой народъ подчиниться Папскому престолу. Только Кардиналу Альбани она рѣшилась довѣрить эту завѣтную тайну. Ему надлежитъ принять въ уваженіе то опасное положеніе, въ которомъ она находится, и понять, сколько она нуждается въ его совѣтѣ и помощи. Къ сожалѣнію, именно въ настоящую минуту, когда она принуждена во что бы то ни стало возвратиться въ Россію, у нея совершенно недостаетъ средствъ для путешествія. Однако же, она не теряетъ еще послѣдней надежды и утѣшаетъ себя мыслию,

¹⁰⁶ Огинскій, дѣйствительно, возвратился уже въ Польшу, но, разумѣется, безъ посредничества Самозванки.

что Альбани будетъ избранъ Папою. Роккатани, прочтя письмо, въ присутствіи Принцессы, ни чего въ немъ не понявъ, тѣмъ болѣе, что еще только наканунѣ узналъ изъ весьма вѣрныхъ источниковъ, съ одной стороны, что Графъ Панинъ осмѣлялъ предостереженіе Дубровничанъ, а съ другой, что Радивиль и его дядя оказывали этой госпожѣ почести, какія только оказываютъ вѣрно-подданные. На вопросъ Аббата Принцессы, какого она мнѣнія о Панинѣ и братьяхъ Орловыхъ, она отвѣчала, что Панинъ чело-вѣкъ съ большими достоинствами, обязанъ своимъ положеніемъ ея матери, но что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, не можетъ перейти на ея сторону; на Орловыхъ же, людей низкаго происхожденія и вообще мало уважаемыхъ, опасно полагаться. При дальнѣйшемъ разговорѣ она сообщила Аббату, что уже велѣла флоту приблизиться къ Ливорно; что надѣется сдѣлать заемъ, съ помощію своего пріятеля Монтегю; что въ скоромъ времени намѣрена распустить весь свой придворный штатъ, по тому что не считаетъ себя безопасною среди этихъ Поляковъ,¹⁰⁷ которые питаютъ вражду другъ къ другу, такъ какъ одни изъ нихъ приверженцы Радивила, а другіе Потоцкаго; наконецъ, что послѣдняго она навѣрное надѣется склонить на сторону Короля, лишь только прійдетъ въ Верону. Когда Аббатъ донесъ о семъ Кардиналу, то онъ, 9 Января, выразилъ въ письмѣ къ Принцессѣ, до

¹⁰⁷ Она неоднократно жаловалась Аббату Роккатани на лица своего придворнаго штата, за исключеніемъ Станишевскаго, котораго всегда очень хвалила, не смотря на его молодость, неопытность и страстное увлеченіе. Однажды Станишевскій, бывъ у Аббата, заговорилъ объ умѣ, любезности и красотѣ Принцессы, равно объ ея богатствѣ и связяхъ, увѣряя при томъ, будто бы онъ ей обѣщавъ сопровождать ее повсюду. При семъ онъ далъ почувствовать Аббату, что надѣется со временемъ играть важную роль, но въ то же время выразилъ желаніе предварительно посоветоваться о своемъ положеніи съ Кардиналомъ-Деканомъ. Аббатъ отклонилъ это требованіе именемъ Альбани и обратилъ вниманіе молодаго чело-вѣка на опасность, которой онъ можетъ подвергнуться, или по этому пути, а также на неудовольствіе Короля. Хотя Станишевскій не хотѣлъ отказываться отъ намѣренія неразрывно связать свою судьбу съ судьбою Принцессы, однако сказалъ, что рѣшился уѣхать въ Неаполь, дабы отвлечь отъ себя подозрѣніе другихъ Поляковъ. Разговоръ этотъ внушилъ хитрому Аббату мысль, что не скрывается ли тутъ попытка ослабить Кардинала. Все это подтверждаетъ предположеніе, что Станишевскій и Доманскій были одно и то же лице.

какой степени его занимаетъ сказанное ею о Польшѣ и Римско-Католической Церкви, и присовокупилъ при этомъ желаніе, чтобы Провидѣніе руководило ее въ благихъ намѣреніяхъ, если только правда на ея сторонѣ.

11-го Генваря Аббать снова былъ приглашенъ къ Принцессѣ, которая на этотъ разъ показала ему письма Министра Горнштейна и Герцога Гольштейнскаго (Князя Лимбургскаго) касательно брака ея съ послѣднимъ, при чемъ замѣтила, что ей поставляютъ условіемъ переходъ въ Католичество, что равносильно отреченію отъ Россійскаго престола. Когда за тѣмъ хитрый Итальянецъ, по видимому, старался избѣгать намека на Герцогскій орденъ большого креста, то бесѣда вскорѣ прекратилась; впрочемъ, ему былъ обѣщанъ противень съ Завѣщанія Императрицы Елисаветы Петровны. 14 Генваря онъ получилъ переписанное Завѣщаніе съ письменною просьбой передать его Кардиналу, при чемъ ему подана была надежда на полученіе значительной награды. Самому же Кардиналу Принцесса писала, что рѣшилась избрать дорогу черезъ Польшу и Кіевъ для того, чтобы имѣть возможность немедленно отправить стоящія у этого города войска на помощь Станиславу Августу. Какъ будто совершенно случайно, она упомянула въ письмѣ о надеждѣ получить отъ Посланника Курфирста Трирскаго въ заемъ шесть, или семь, тысячъ червонцевъ, и при этомъ просила, чтобы, въ случаѣ свиданія съ нимъ, Кардиналъ замолвилъ слово въ ея пользу. Между тѣмъ Принцесса искала знакомства съ Маркизомъ Д'Античи, Польскимъ Резидентомъ при Папскомъ Дворѣ.¹⁰⁸ Сначала онъ уклонялся отъ знакомства съ нею, ссылаясь на офиціальное свое положеніе, но наконецъ долженъ былъ уступить и назначилъ ей свиданіе на 16-е число въ S. Maria degli Angeli. Роккатиани, чтобы сберечь деньги Альбани, много содѣйствовалъ какъ этому знакомству, такъ и знакомству Принцессы съ Графомъ Ланьяско. Маркизъ былъ пораженъ умомъ и любезностью молодой иностранки, которая передала ему повѣсть о судьбѣ своей, съ извѣстными намъ подробностями, и просила

¹⁰⁸ Подлинныя и черновыя письма Принцессы къ Д'Античи и его отвѣты на нихъ сохранились вмѣстѣ съ подлиннымъ донесеніемъ Маркиза 11 Февраля, 1775 года, къ вышеупомянутому Канонику Гиджіотти въ Варшавѣ.

снабдить ее рекомендательнымъ письмомъ къ Королю Польскому, съ которымъ ей, при проѣздѣ черезъ Варшаву, необходимо будетъ переговорить по весьма важнымъ для него дѣламъ. Д'Античи, впрочемъ, не обольстился ея разсказами, но указалъ всю мечтательность и вмѣстѣ несбыточность ея плановъ, увѣщавая ее при томъ не сообщать ихъ ни кому и искать, какъ возможно поспѣшнѣе, вѣрнаго убѣжища. Тотъ же совѣтъ повторилъ онъ письменно 19 Генваря, въ слѣдствіе письма Самозванки, наполненнаго блистательнѣйшими политическими соображеніями.

Въ началѣ Генваря Офицеръ, посланный Орловымъ въ Дубровниковъ, возвратился съ извѣстіемъ, что Самозванка уже отправилась моремъ въ Южную Италію. Въ слѣдъ за симъ онъ получилъ, черезъ посредство Гамильтона, свѣдѣніе о временномъ ея мѣстопребываніи. Орловъ немедленно отправилъ въ Римъ Адъютанта своего, Ивана Христинка, съ порученіемъ найти Самозванку, познакомиться съ нею и уговорить ее пріѣхать въ Пизу. Въ то же время онъ просилъ Англійскаго Консула въ Ливорно, Сера Джона Дикъ, съ которымъ былъ коротко знакомъ, дѣйствовать на нее въ этомъ же смыслѣ посредствомъ своихъ Римскихъ агентовъ, и преимущественно черезъ банкира Женкинса. Гамильтону же на его письмо Орловъ отвѣчалъ, что обратившаяся къ нему госпожа должна быть сумасшедшая, и что, во всякомъ случаѣ, было бы хорошо, если бы онъ посоветовалъ ей отправиться въ Пизу, по тому что ему крайне любопытно повидаться съ нею.¹⁰⁹ Около 18 Генваря Христинекъ, кажется, уже былъ въ Римѣ. Вскорѣ Принцесса узнала, что какой-то таинственный незнакомецъ постоянно бродитъ около ея дома, собираетъ свѣдѣнія и говоритъ о ней съ величайшимъ участіемъ и крайнею почтительностью. Съ безпокойствомъ разсказала она о томъ Аббату, подозрѣвая въ незнакомцѣ Русскаго агента, и просила Кардинала подробно разузнать объ этомъ. Роккатави, однако жъ, выразилъ мнѣніе, что Кардиналу неприлично вмѣшиваться въ такое дѣло и посоветовалъ ей обратиться къ Трирскому Резиденту. Послѣдній между тѣмъ, 18 же Генваря, только что отказалъ Принцессѣ въ деньгахъ. Изъ сопровождавшихъ отказъ увѣреній въ благодарности можно вывести почти положительное заключеніе, что ему былъ

¹⁰⁹ Довесеніе Орлова объ этихъ распоряженіяхъ помѣчено $\frac{1}{16}$ Генваря, 1773 года.

данъ орденъ. Вообще только торговлею орденами объясни-
 каинымъ образомъ Принцесса съ своимъ обществомъ могла
 ствовать въ Римѣ. 22 Января она опять пригласила къ
 Аббата, долго бесѣдовала съ нимъ о важныхъ политиче-
 извѣстіяхъ, полученныхъ ею отъ разныхъ Кабинетовъ, и з-
 чила разговоръ желаніемъ, чтобы онъ расположилъ Д'А-
 къ большей откровенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ сказала, что
 жетъ сама Русскаго и постарается его разгадать. Роккати-
 риль все, въ особенности же сближеніе съ Д'Античи и
 ско, по тому что при самомъ приходѣ узналъ, какъ о ду-
 состояніи денежныхъ средствъ Принцессы, такъ и о томъ
 Ганецкій скрывается отъ одного изъ своихъ вѣрителей.
 уходѣ Самозванка вручила ему письмо къ Альбани, въ ко-
 предлагала Кардиналу, на случай, если онъ не надѣется
 избраннымъ Папою, склонять голоса въ пользу Курфирста-
 скаго. Новыя старанія Принцессы завлечь Ланьяско и Д'
 въ свои сѣти были также безплодны, какъ и первыя. 24 Г
 Роккати принесъ отрицательный отвѣтъ Альбани на предл-
 Принцессы, которая при этомъ случаѣ жаловалась Абб-
 крайній недостатокъ въ деньгахъ и на то, что Ганецкій
 шенно отдалъ ее въ руки ростовщиковъ.¹¹⁰ Но Аббат
 обняковъ объявилъ ей, что требуемыхъ ею шести, или
 тысячъ червонныхъ она не получить ни отъ одного б-
 Не взирая на свое стѣсненное положеніе, Самозванка,
 чемъ, отвергла предложенія Женкинса, извѣстившаго е
 Графъ Орловъ поручилъ ему освѣдомиться о Графинѣ
 бергъ и открыть ей довѣренность на полученіе денегъ
 она еще находится въ Римѣ. Но одновременно съ эт
 допустила къ себѣ Христинка, который выдавалъ с
 Лейтенанта Русскаго флота. Онъ много ей говорилъ
 вѣйшемъ участіи къ ней Орлова, въ слѣдствіе чего П
 са потребовала, чтобы Графъ высказался яснѣе. Уже
 воря Христинкѣ писалъ ей, что онъ только что получ
 своего Начальника письмо, о которомъ нужно перегово-
 словахъ, по чему и просить приѣма Ея Свѣтлости.¹¹¹ Са

¹¹⁰ Передъ своимъ отъѣздомъ она прогнала Ганецкаго, который кромѣ
 увѣряла она, вмѣстѣ съ Воловичемъ, распространялъ о ней дурныя с

¹¹¹ Письмо Христинка, на Нѣмецкомъ языкѣ, сохранилось (I, № 101).

долго не рѣшалась вступать въ сношенія съ Орловымъ; принудить къ тому могла ее только самая безвыходная нужда. Она снова написала къ Альбани, умоляя его дозволить Роккатани занять для нея 1,000 червонцевъ. Уклончивый отвѣтъ Кардинала, присланный чрезъ Аббата, ускорилъ ея рѣшимость, особенно когда вѣрители начали принимать полицейскія мѣры. 31 Генваря она дала знать Кардиналу, что деньги ей болѣе не нужны, въ слѣдствіе совершенно измѣнившихся обстоятельствъ. Черезъ 10 дней она собирается оставить Римъ, а за тѣмъ вскорѣ и суету свѣта, и ожидаетъ только писемъ и векселей изъ Венеціи. Увѣренная въ его благорасположеніи, она проситъ только о томъ, чтобы онъ ее благословилъ и возвратилъ врученные ему акты. Роккатани отвѣчалъ на слѣдующій же день, по порученію Кардинала, что послѣдній очень жалѣетъ о неудачѣ лично познакомиться съ столь достойною Принцессою, и что бумаги, для большей вѣрности, имъ сожжены. Послѣднее, какъ это видно изъ донесенія Аббата въ Варшаву, было чистая выдумка. Послѣ наведенныхъ справокъ онъ узналъ, что Принцесса действительно думаетъ объ отъѣздѣ. Это сказалъ ему Станишевскій, объявивъ при томъ, что рѣшился всюду слѣдовать за нею. Между тѣмъ Принцесса только что склонилась на убѣжденіе Христинка написать Орлову съ курьеромъ¹¹² и сообщить ему, что письмо его къ Лейтенанту даетъ ей смѣлость ѣхать въ Пизу и предать съ полною увѣренностью свою судьбу въ его руки. Въ этомъ же письмѣ она, между прочимъ, писала, что желаніе блага Россіи въ ней столь искренно, что ни что не остановитъ ее въ исполненіи лежащихъ на ней обязанностей, и что она недѣль черезъ шесть ожидаетъ значительныя денежныя суммы; но такъ какъ скорое свиданіе ихъ въ Пизѣ необходимо, то по этому проситъ Графа прислать ей 2,000 червонцевъ.

Вечеромъ, 3 Февраля, Аббатъ, явившись къ Принцессѣ, нашелъ ее въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Изъ разговора съ нею онъ узналъ, что отреченіе ея отъ свѣта еще не рѣшено положительно; что она черезъ Д'Античи дала знать Королю Польскому о скоромъ отъѣздѣ изъ Рима; что на дняхъ, по совѣту

¹¹² Черновое письмо сохранялось (III № 34).

Графа Орлова, оставитъ фамилію Графини Пиннебергъ, подъ которою скрывалась; что ея дѣла вездѣ принимаютъ самый счастливый оборотъ, и по сему ей предстоитъ возможность удовлетворить корыстолюбивыхъ Римскихъ капиталистовъ, такъ много ее обманывавшихъ; что Аббатъ можетъ рассчитывать на блистательнѣйшее доказательство ея благодарности, но предварительно долженъ принять на себя исполненіе нѣсколькихъ порученій, которыя ему будутъ даны предъ ея отъѣздомъ. 5 Февраля она письменно простилась съ Д'Античи, котораго много благодарила за совѣты, побудившіе ее удалиться въ одно изъ своихъ Нѣмецкихъ помѣстій и жить тамъ въ одиночествѣ. Съ Альбани она хотѣла проститься непремѣнно лично и требовала, чтобы Роккати провелъ ее переодѣтою въ Конклавъ. Аббатъ тщетно отговаривалъ ее отъ исполненія этого намѣренія; 8 Февраля она положила ити туда, для засвѣдѣльствованія благодарности Кардиналу и для полученія отъ него наставленій. Въ письмѣ своемъ къ нему, она увѣдомляла его, что отъ Женкинса получила 2,000 червонцевъ, что уже успѣла устроить всѣ свои дѣла и что, по совѣту Орлова, вѣроятно, останется въ Пизѣ. Всѣ долги дѣйствительно были заплачены, даже Ланьяско и Венеціанскому Банку; по словамъ Д'Античи, на это было употреблено 11,000 червонцевъ. Когда вечеромъ, 8 Февраля, явился Роккати къ Принцессѣ, ему сказали, что она лежитъ въ сильной лихорадкѣ; то же онъ услышалъ и въ слѣдующій день. Но 10 вечеромъ она приняла его, чтобы проститься, при чемъ сдѣлала ему нѣсколько богатыхъ подарковъ. Она рассчитывала пробыть въ Пизѣ около 6 недѣль, и отдѣлаться тамъ отъ остальной своей Польской свиты. Къ Кардиналу она послала еще прощальную записку, съ обѣщаніемъ постоянно увѣдомлять его о своихъ дѣйствіяхъ.

Утромъ 11 Февраля Принцесса уѣхала съ своею свитою въ двухъ экипажахъ, раздавъ богатую милостыню нищимъ, собравшимся у Церкви San Carlo. Въ Римѣ долго говорили о столь внезапно отъѣздѣ таинственной незнакомки. Знали, что она избрала дорогу въ Тоскану и что Русскій Офицеръ, Христинекъ, поѣхалъ въ слѣдъ за нею. Никто не могъ понять, какъ она, выдававшая себя за притязательницу на Русскій престолъ, могла сойтись съ Графомъ Орловымъ, и по тому нѣкоторые думали, что

она — бывшая его любовница, возвращающаяся отъ Радивила къ своему прежнему любовнику. Впрочемъ, были и такіе, которые находили, что Орловъ очень ловко интриговалъ, чтобы приманить къ себѣ простодушную иностранку. ¹¹³

15 Февраля Самозванка прибыла въ Пизу подъ именемъ Графини Силлинской. Орловъ, приказавшій нанять для нея домъ, посѣщалъ ее ежедневно, обращался съ нею съ величайшею заботливостью въ присутствіи другихъ, почти съ вѣрноподданинческімъ почтеніемъ; даже съ Доманскимъ и Чарномскимъ былъ особенно любезенъ. Онъ сопровождалъ незнакому всѣмъ госпожу на гулянья въ открытомъ экипажѣ, показывалъ ей достопримѣчательности города, вывозилъ ее въ оперу. Словомъ, спустя нѣсколько дней, въ Пизѣ заговорили, что онъ разошелся съ женщиной, доселѣ считавшейся его любовницей. ¹¹⁴ Дѣйствительно, Орловъ притворился страстно влюбленнымъ въ прекрасную иностранку и просилъ ея даже руки. ¹¹⁵ Она очень благосклонно выслушала это признаніе, приняла его портретъ, но сказала, что къ рѣшительному шагу приступить еще не время, что ея настоящее не позволяетъ ей о томъ и думать, но что если она когда либо достигнетъ принадлежащаго ей званія, то непременно соединится съ нимъ бракомъ. Хотя съ того времени Принцесса и стала болѣе довѣрять Графу, но послѣднему не удалось вполне проникнуть ея тайны. Она рассказала ему только уже извѣстную намъ повѣсть, ¹¹⁶ упомянула, что открыла свое настоящее положе-

¹¹³ Этотъ и другіе слухи находятся въ донесеніяхъ Роккатани и Д'Античи Капо-нику Гиджіотти.

¹¹⁴ Все это находится въ Итальянскомъ письмѣ, отъ 15 Марта, 1775 года, изъ Пизы, найденномъ въ бумагахъ Роккатани.

¹¹⁵ Серъ Джонъ Дикъ рассказывалъ въ послѣдствіи, что Самозванка сдѣлалась любовницей Орлова, который продолжалъ оказывать ей особенное вниманіе и въ первый день пребыванія ея на Адмиральскомъ кораблѣ; что прежде она уже была любовницей Радивила, а еще ранѣе въ Лондонѣ вела распутную жизнь. Этѣ показанія относительно Радивила и Орлова ни на чемъ положительномъ не основаны.

¹¹⁶ О Пугачовѣ она, кажется, на этотъ разъ не упомянула, хотя, можетъ быть, и не знала, что онъ уже казненъ.

ніе Королю Прусскому, подружилась съ многими Имперскими Князьями, преимущественно же съ Курфирстомъ Трирскимъ и Герцогомъ Гольштейнскимъ, а въ Парижѣ дозволяла Министрамъ, съ коими познакомилась, догадываться о дѣйствительномъ своемъ происхожденіи; что Вѣнскій Кабинетъ ей кажется подозрительнымъ, но что она можетъ совершенно положиться на Пруссію и Швецію; что съ Польскою Конфедераціей находится въ лучшихъ отношеніяхъ; что теперь она собирается въ Константинополь, куда уже послала напередъ довѣренное лице.¹¹⁷ Не взирая на этѣ намеки о своемъ происхожденіи, Принцесса, кажется, не требовала еще отъ Орлова, чтобы онъ съ флотомъ перешелъ на ея сторону, хотя, по видимому, она безусловно вѣрила его преданности. Въ Дѣлѣ нѣтъ доказательствъ, чтобы она питала уже надежду на успѣхъ такого рѣшительнаго предпріятія, а по всему вѣроятію она надѣялась только завлечь Орлова въ свои сѣти и выпрашивать у него денегъ, сколько возможно будетъ. Дабы окончательно убѣдить Принцессу въ ея совершенной безопасности и въ ея вліяніи на Орлова, Христинекъ утромъ того дня, въ который совершенно было роковое для нея путешествіе въ Ливорно, явился къ ней съ просьбою выхлопотать ему у Графа производство въ Полковники. Самозванка немедленно написала объ этомъ Орлову.¹¹⁸ Послѣдній предложилъ проводить ее до Ливорно, гдѣ обѣщалъ показать Русскій линейный корабль и морскіе маневры. Чарномскій и Доманскій тоже были приглашены¹¹⁹ и съ ними поѣхалъ Христинекъ. Въ Ливорно все общество остановилось въ домѣ Англійскаго Консула,¹²⁰ который, будучи заранѣе пред-

¹¹⁷ Такъ Орловъ увѣдомлялъ Императрицу 25 Февраля.

¹¹⁸ Письмо это, отъ 22 Февраля, не находится при Дѣлѣ, хотя Князь Голицынъ получилъ его 14 Юня отъ Графа Орлова въ запечатанномъ конвертѣ съ нѣкоторыми другими бумагами. Впрочемъ, Князь сдѣлалъ извлеченіе изъ всѣхъ этѣхъ бумагъ.

¹¹⁹ Такъ какъ почъ должно было провести въ Ливорно, то по этому горничная Принцессы, Франциска Мешедѣ, а также камердинеры: Маркезини и Кальфонигеръ, сопутствовали Самозванкѣ на Адмиральскій корабль.

¹²⁰ Кастера, въ своемъ сочиненіи, обвиняетъ Сера Джона Дикъ, что онъ при этомъ случаѣ велъ себя не соотвѣтственно своему званію, противъ чего онъ не счелъ нужнымъ оправдываться. Въ послѣдствіи онъ рассказываетъ, что около 11 ча-

упрежденъ, угостилъ Графа съ его свитою обѣдомъ, послѣ котораго, на шлюпкѣ Графа, отправились на Адмиральскій корабль, гдѣ Контръ-Адмиралъ Грейгъ принялъ общество съ изъявленіями глубокаго почитанія; весь флотъ салютовалъ прибывшимъ гостямъ.

Прибытіе на Адмиральскій корабль.

По осмотрѣ корабля подали угощеніе и начались маневры. Принцесса смотрѣла на послѣдніе съ такимъ увлеченіемъ, что не замѣтила, какъ Орловъ и Грейгъ исчезли. Вдругъ Капитанъ Гвардіи Литвиновъ подошелъ къ ней съ вооруженными людьми, потребовалъ сабли у обоихъ Поляковъ, шпагу у Христинка и объявилъ ихъ и Принцессу подъ стражей. Тщетно спрашивали они о причинѣ такого насилія, тщетно требовали, чтобы позвали къ нимъ Орлова. Литвиновъ сослался на приказаніе Адмирала и намекнулъ, что и Графъ арестованъ и находится подъ надлежащимъ присмотромъ. ¹²¹ Самозванка отведена была въ одну изъ каютъ Адмиральскаго корабля вмѣстѣ съ горничною; Итальянецъ камердинеръ оставленъ ей для услугъ. Чарномскій и Доманскій съ камердинеромъ Кальтфонгеромъ, а также, какъ кажется, Христинскъ, перевезены были на другой корабль. Въ Пизѣ между тѣмъ захватили всѣ вещи и бумаги общества и отправили ихъ вмѣстѣ съ остальною прислугою, ¹²² тоже на корабли.

Опомнившись въ своей каютѣ отъ такой неожиданности, Самозванка написала Грейгу дерзкое письмо, требуя отчета въ совершенномъ противъ нея насиліи. Адмиралъ велѣлъ отвѣчать на

совѣ присланъ былъ къ нему ординарецъ отъ Орлова съ извѣщеніемъ, что къ обѣду пріѣдетъ Графъ съ обществомъ. Графъ, по пріѣздѣ, представилъ сопровождаемую имъ госпожу, впрочемъ, не называлъ ее по фамиліи, какъ Леди Дикъ, такъ и другой госпожѣ (Адмиральшѣ Грейгъ). Консулу лице госпожи показалось знакомымъ, и онъ ее спросилъ: «Говоритъ ли она по Англійски?» на что она отвѣчала: «Конечно, но мало.» Послѣ обѣда Орловъ предложилъ Леди Дикъ и другой госпожѣ (женѣ Грейга) ѣхать на корабль, отъ чего онѣ, однако жъ, отказались; за тѣмъ Графъ, съ сопровождавшими его лицами, сѣлъ въ лодку.

¹¹ Показаніе Чарномскаго при допросѣ объ арестѣ отличается особенною полнотою.

¹²² Рихтеръ, Лабенскій и Анчіотти.

словахъ, что онъ долженъ былъ повиноваться высшей власти. За тѣмъ она написала Орлову, выражая ему свое удивленіе, за чѣмъ онъ, неоднократно увѣрившій ее въ своей вѣрности и преданности до гроба, не замѣтно удался отъ нея именно въ то время, когда готовились ее взять подъ стражу; что ей будетъ утѣшеніемъ; если онъ самъ придетъ разъяснить ей случившееся; что она готова на все; что постоянно сохранить къ нему свои чувства, не взирая даже на то, отнялъ ли онъ у нея навсегда свободу и счастье, или еще имѣетъ возможность и желаніе освободить ее изъ столь ужаснаго положенія. ¹²³ Тѣмъ же тайнымъ путемъ, какимъ было отправлено письмо Самозванки къ Орлову, получила она на слѣдующій день ¹²⁴ отвѣтъ отъ него на Нѣмецкомъ языкѣ. Онъ писалъ, что онъ глубоко огорченъ отъ одной мысли, что она могла считать его виновникомъ своего несчастія, которое вмѣстѣ съ нею постигло и его; что, при приѣздѣ его на корабль, Грейгъ предупреждалъ его и совѣтовалъ тотчасъ же съѣсть на лодку и искать вѣрнаго убѣжища; но онъ опоздалъ; близъ пристани окружили его шлюпки, посланныя въ догоню, принудили сойти на Русскій корабль, Капитанъ котораго, съ слезами на глазахъ, задержалъ его. Онъ еще не теряетъ надежды освободиться, по тому что Офицеры ему преданы и старый пріятель Грейгъ, конечно, будетъ по возможности снисходителенъ. При этомъ онъ проситъ обожаемаго друга успокоиться и беречь здоровье и увѣрять, что лишь только освободится, какъ тотчасъ же найдетъ ее, гдѣ бы то ни было, и сумѣетъ спасти. ¹²⁵ Несчастная, кажется, въ самомъ дѣлѣ почерпнула въ этомъ письмѣ и надежду

¹²³ Обоихъ писемъ Самозванки при Дѣлѣ не находится, хотя они и были въ числѣ бумагъ, которыя Голицынъ получилъ въ Юнѣ и изъ которыхъ онъ сдѣлалъ извлеченіе.

¹²⁴ Серъ Джонъ Дикъ рассказывалъ, что Орловъ приходилъ къ нему, рано утромъ 23 Февраля, крайне взволнованный и разстроенный, въ слѣдствіе дурно проведенной ночи, и просилъ самой занимательной книжки изъ его библіотеки для развлечения его спутницы, оставшейся на кораблѣ.

¹²⁵ Письмо это находится при Дѣлѣ (см. Прилож. X). Оно, конечно, написано самимъ Орловымъ, по тому что Самозванка знала его почеркъ. Нѣмецкій языкъ столь же неправиленъ, сколько нелѣпы.

и угѣшеніе. Эскадра Грейга 24 Февраля снялась съ якоря и оставила Ливорнскій рейдъ.

Христинокъ, оставшійся, для устраненія подозрѣній, подъ стражей въ теченіе 24 часовъ, отправился послѣ того сухимъ путемъ съ донесеніемъ Орлова къ Императрицѣ. Графъ начинаетъ свое письмо ²⁵/₁, Февраля радостнымъ извѣстіемъ, что ему удалось поймать плутовку живою, которая, съ своею свитой, сидитъ теперь плѣнницею на кораблѣ; Грейгу приказано соблюдать глубокую тайну, не допускать ни какихъ сношеній между плѣнницей и людьми экипажа, удалять въ пристаняхъ всякое покушеніе къ перепискѣ, или бѣгству, и сдать ее въ Кронштадтъ тому лицу, которое явится съ собственноручнымъ повелѣніемъ Императрицы. При Самозванкѣ онъ оставилъ только горничную и камердинера и дозволилъ посѣщать ее Доктору. При всемъ стараніи онъ не могъ узнать, кто она дѣйствительно, но изъ бумагъ легко будетъ усмотрѣть, въ какомъ отношеніи она находилась къ Конфедерациі; ¹²⁶ онъ подозрѣваетъ въ сношеніяхъ съ нею одного Русскаго путешественника, по сходству его почерка съ нѣкоторыми не подписанными письмами. ¹²⁷ Для исполненія воли Государыни, онъ долженъ былъ притвориться очень влюбленнымъ въ Самозванку. При этомъ онъ вспоминаетъ Шмидтшу ¹²⁸ и свое счастье на невѣсть. У плѣнницы найдутъ его портретъ, что въ Россіи его врагамъ можетъ дать поводъ взвести на него обвиненіе, и Нѣмецкое письмо, написанное послѣ ея задержанія, для отклоненія отъ себя подозрѣнія въ участіи; къ сему Орловъ присовокупилъ,

¹²⁶ Кажется, что и Орловъ отчасти находился въ томъ же заблужденіи, какъ позже Слѣдственная Коммиссія, полагая, что письма Конфедерациі принадлежатъ Принцессѣ, а не Чарномскому.

¹²⁷ Орловъ, кажется, подозрѣвалъ Ивана Ивановича Шувалова; по крайней мѣрѣ, при дѣлѣ находятся двѣ записки Шувалова самаго незначительнаго содержанія, изъ Флоренціи, 6 Октября, 1772 г., изъ Рима 21 Января, 1773 г., вѣроятно, для сравненія почерка, вмѣщающаго дѣйствительно нѣкоторое сходство съ почеркомъ Князя Лимбургскаго. Этѣ записки находились, вмѣстѣ съ третьею, въ бумагахъ, полученныхъ въ Юнкѣ Голицынымъ отъ Орлова.

¹²⁸ Незвѣстно, на кого намекалъ здѣсь Орловъ. Одна Г-жа Шмидтъ была въ 1756 году надзирательницею за живущими при Дворѣ фрейлинами. Здѣсь, вѣроятно, идетъ рѣчь о ней, или объ ея дочери.

что Самозванка убѣждена въ его арестованіи. За симъ Гр: представляет на особое милостивое воззрѣніе Государыни Хстинка, который изустно передастъ всѣ подробности о дѣ Документы онъ послалъ съ Грейгомъ, а не съ Христинко по тому что послѣдній можетъ быть убитъ и ограбленъ при женцами злодѣйки. Этѣхъ приверженцевъ Орловъ очень бо ся, ¹²⁹ даже для себя самага, особенно же Езуитовъ. Онъ им намѣреніе (объяснялъ онъ далѣе) постараться, чтобы общественное мнѣніе въ Пизѣ не было возбуждено задержаніи Самозванки. ¹³⁰ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предувѣдомлялъ Государыню что, быть можетъ, для спасенія жизни, принужденъ будетъ съ команду и поспѣшить въ Петербургъ. Христинекъ, вѣроятъ прибылъ въ Москву во второй половинѣ Марта, по тому что сударыня только 22 Марта ¹³¹ благодарила Орлова и написала Князю Голицыну, С.-Петербургскому Генераль-Губернатору, Самозванка, выдающая себя за дочь Императрицы Елисавет Петровны, задержана на эскадрѣ, съ которою Грейгъ приид въ Ревель, или Кронштадтъ, какъ скоро то дозволитъ ледъ. первомъ случаѣ слѣдуетъ позаботиться въ Ревелѣ о приготовленіи надежнаго темничнаго помѣщенія, во второмъ же случаѣ послал арестантовъ въ Петропавловскую крѣпость. Бумаги, которыя ставитъ Грейгъ, Императрица повелѣла внимательно размотать и донести ей, особенно о томъ, кто виною всему дѣлу; Ей до

¹²⁹ Орловъ говоритъ въ письмѣ, что свита Самозванки состояла изъ 60 человекъ изъ которыхъ часть оставлена ею въ Римѣ, часть же, по его убѣжденію, съ сена въ Пизѣ. Это явное, можетъ быть, даже преднамѣренное, преувеличеніе. Въ Римѣ Самозванка не имѣла столько людей, а при отъѣздѣ они всѣ пристали въ каретѣ да въ коляскѣ. Орловъ, кажется, искалъ благовиднаго повода для возвращенія въ Россію, въ случаѣ нужды, безъ повелѣнія Императрицы.

¹³⁰ Достоверныхъ свѣдѣній о впечатлѣніи, произведенномъ этѣмъ дѣломъ въ скандъ, мы не имѣемъ. Въ письмѣ изъ Пизы, отъ 15 Марта, 1775 г., сохранившемъ Роккатиани, упоминается о слухѣ, что пльница будто была умерщвлена на кораблѣ. Извѣстный Нѣмецкій писатель Архенгольцъ рассказываетъ, что прибылъ въ Ливорно нѣсколько дней послѣ отплытія эскадры и еще заселъ весь городъ въ волненіи по случаю сего происшествія, которымъ было бенно раздраженъ Тосканскій Дворъ (*Engeland und Italien. Leipzig, 1 IV, стр. 157, 158*).

¹³¹ Съ этого мѣста приводимыя числа считаются по старому численію.

вѣрно извѣстно, что злодѣйка выдавала себя за сестру Пугачова. Грейгъ, кажется, послалъ бумаги впередъ съ курьеромъ изъ Кадикса, или Плимута, по тому что извлеченіе Голицына ¹³² изъ важнѣйшихъ документовъ помѣчено 19 Апрѣля, а эскадра пришла въ Кронштадтъ 11 Мая.

Во время плаванія эскадры, до самаго Англійскаго берега, Самозванка была спокойна и находилась, кажется, въ твердой увѣренности съ помощью Орлова освободиться въ какой либо Англійской пристани. Но, не получая ни какихъ отъ него писемъ, узнавъ, что и отъ Англійскихъ береговъ снимутся для перехода въ Кронштадтъ, можетъ быть, даже и о томъ, что Орловъ спокойно продолжаетъ пребывать въ Пизѣ, она ясно увидала, съ какими легкомысліемъ вдалась въ обманъ. Сильный порывъ бѣшенства и отчаянія кончился столь продолжительнымъ обморокомъ, что боялись за самую ея жизнь. Когда же пришла въ себя и ее вынесли на палубу, то она хотѣла броситься въ стоящую у Адмиральскаго корабля, Англійскую шлюпку. Съ тѣхъ поръ за нею нуженъ былъ самый зоркій и строгій присмотръ, по тому что она нѣсколько разъ пыталась кинуться въ море, или другимъ образомъ лишитъ себя жизни. Грейгъ, 18 Апрѣля, изъ Зунда, извѣщавшій о томъ Орлова, увѣрялъ, что никогда не исполнялъ болѣе тяжелаго порученія и что онъ оставилъ Англійскій берегъ ранѣе, чѣмъ предполагалъ, отчасти по тому, что нѣкоторые лица, пріѣзжавшія осматривать его корабль, знали, какъ онъ могъ замѣтить, объ арестанткѣ. ¹³³

11-го Мая, какъ уже сказано, эскадра прибыла въ Кронштадтъ. Грейгъ медлил выдачею Самозванки, пока ему не принесли собственноручный приказъ Императрицы (изъ села Коломенскаго, отъ 16 Мая). Въстѣ съ этѣмъ и Голицынъ получилъ наказъ, по которому, 24 Мая вечеромъ, Капитанъ Гвардіи

¹³² Въ этомъ извлеченіи Манифесты Конфедераціи противъ раздѣла Польши, подлинныя письма Конфедераціи къ Султану и Визирю, Турецкіе пашпорты ея агентамъ, многія Польскія письма,—все признается доказательствами сношеній Самозванки съ Конфедераціею.

¹³³ Донесенія Грейга не сохранились: свѣдѣнія этѣ заимствованы изъ письма Орлова къ Императрицѣ ¹⁴/₂₂ Мая, изъ Пизы.

Александръ Толстой, давшій клятвенное обѣщаніе вѣчно молчать объ этомъ дѣлѣ, выѣхалъ, съ командой Преображенскаго полка, на яхтѣ въ Кронштадтъ, и 26 Мая, утромъ, въ 2 часа, сдалъ арестантовъ въ Петропавловскую крѣпость. Главный Комендантъ, Андрей Чернышевъ, принялъ ихъ и размѣстилъ въ рavelицѣ по разнымъ казематамъ. Еще въ то же утро, по приказанію Голицына, слуга Доманскаго, Кальтфингеръ, потомъ Чарномскій, Доманскій ¹³⁴ и Франциска Фонъ Мешедде, были допрошены. Каждому изъ нихъ было объявлено передъ допросомъ, что уже извѣстны многія обстоятельства ихъ жизни и, слѣдовательно, всякая ложь будетъ совершенно бесполезна; что всѣ средства будутъ употреблены для дознанія сокровеннѣйшихъ ихъ тайнъ, и что только безусловная откровенность можетъ заслужить имъ снисхожденіе и помилованіе. Изъ этѣхъ показаній приведемъ только то, о чемъ не было упомянуто въ предшествовавшемъ разсказѣ.

Кальтфингеръ ¹³⁵ объявилъ, что поступилъ въ услуженіе къ Доманскому въ Дубровникѣ, куда прибылъ съ однимъ Французскимъ Офицеромъ. Изъ Дубровника онъ съ Доманскимъ пріѣхалъ въ Римъ. Здѣсь его Господина посѣщало много Поляковъ. Принцесса часто бывала больна, такъ что къ ней ежедневно являлся Докторъ. Когда общество выѣзжало изъ Рима, онъ хотѣлъ было остаться тамъ, но Принцесса уговорила его слѣдовать за нею.

Чарномскій признался, что онъ, вмѣстѣ съ Каленскимъ, былъ въ 1772 году посланъ Потоцкимъ въ Турецкій станъ, чтобы развѣдать, нельзя ли оттуда получить помощь; по передачѣ Потоцкому отвѣта Великаго Визиря, онъ немедленно поступилъ на службу къ Радивилу. Такимъ образомъ онъ скрываетъ, что Конфедерация, весною 1775 года, довѣрила ему доставленіе новыхъ писемъ къ Султану и Великому Визиру, что онъ просилъ назна-

¹³⁴ Показанія этѣхъ трехъ лицъ сохранились; они написаны собственноручно и подписаны ими. Русскій переводъ обихъ Польскихъ показаній тоже подписанъ ими.

¹³⁵ Странно, что Рихтеръ (другой камердинеръ Доманскаго), прежде бывшій въ услуженіи у Огювскаго, именно въ пору его знакомства съ Самозванкою, можетъ быть, сопровождавшій послѣднюю въ Германію, не былъ допрошенъ обстоятельно.

читъ себя официалльною агентомъ Конфедераціи на мѣсто Каленскаго, и что сближеніе съ Радивиломъ было только средствомъ безопасно достигъ Константинополя. Точно также онъ ложно показавъ, что путешествіе его изъ Дубровника къ Потоцкому имѣло цѣлью будто бы требованіе уплаты частнаго долга. Упомянувъ о сношеніяхъ съ Монтегю и Мартинелли, онъ умалчалъ о Старостѣ Пинскомъ, о посылкѣ имъ денегъ къ Принцессѣ и о томъ, что Потоцкій писалъ къ нему, 6 Января, 1775 года, о возвращеніи ввѣренной ему переписки Конфедераціи съ Турецкими властями. ¹³⁶ По увѣренію Чарномскаго, Радивиль на кораблѣ сказалъ своимъ спутникамъ, что Принцесса — дочь покойной Императрицы Елисаветы Петровны, чему повѣрили какъ онъ, такъ и другіе. Консулы Французскій и Неаполитанскій не разъ обѣдали у нея въ Дубровникѣ и обращались съ нею въ первое время, какъ съ Принцессой. Когда Радивиль возвратился въ Венецію, онъ и Доманскій рѣшили посѣтить Римъ и Неаполь. По этому они охотно приняли предложеніе Принцессы сопутствовать ей на ея счетъ, черезъ Неаполь и Римъ, въ Германію. Въ Римѣ сію госпожу, вскорѣ по прибытіи, начали признавать Русскою Княжною и обращались съ нею очень почтительно. Посланникъ Курфирста Трирскаго нѣсколько разъ былъ у нея, а Польскій Резидентъ велъ съ нею переписку и на адресахъ давалъ ей титулъ Принцессы. По случаю истощенія денежныхъ средствъ Самозванки, онъ и Доманскій просили уволить ихъ, съ цѣлью отыскать Потоцкаго и возвратиться въ Польшу, но она взяла съ нихъ обѣщаніе проводить ее до Оберштейна. Разказавъ потомъ о прибытіи Христинка и о полученіи Принцессою денегъ, Чарномскій прибавилъ, что она сообщила ему и Доманскому, что Орловъ обѣщавъ помочь ей во всемъ, и что она по этому собирается къ нему въ Пизу, гдѣ заплатитъ Доманскому и отпустить ихъ обояхъ. Въ заключеніе Чарномскій передалъ подробности путешествія и задержанія.

Доманскій, при допросѣ, не сказалъ ни чего о своемъ пребываніи въ Германіи, а началъ прямо съ Венеціи. Иностранная госпожа пріѣхала туда, узнавъ изъ газетъ, что Радивиль отправляется въ Константинополь, куда собиралась и она. Радивиль, поручая

¹³⁶ Въ Петербургѣ думали, что эта переписка была довѣрена не ему, а Самозванкѣ.

ему проводить ее на корабль, сказалъ, что это—дочь Императрицы Елисаветы, чему онъ повѣрилъ, тѣмъ болѣе, что еще въ 1771 году слышалъ отъ состоявшаго въ Русской службѣ Адьюта Графа Паца, будто покойная Императрица была съ кѣмъ-то тайномъ бракъ. Изъ Добровника Радивилъ писалъ въ Мангеймъ Бернатовичу, прося его доставить точнѣйшія свѣдѣнія о Принцессѣ, и отъ него узналъ, что она принадлежитъ къ знатному роду и обладаетъ замѣчательными способностями. Французскіе Спиритисты, сопровождавшіе Радивиловъ, которымъ она разсказывала свою жизнь, писали въ тѣ мѣста, гдѣ она, по ея разсказу бывала, и свѣдѣнія, ими полученныя, состояли въ томъ, что черезъ этѣ мѣста проѣзжала какая-то Принцесса Елисавета. Радивилъ мало по малу началъ сомнѣваться въ истинѣ ея разсказа, отдалился отъ нея и, какъ ему самому признался, утаилъ ея имя отъ Султана. Когда Радивилъ возвратился въ Венецію, тамъ съ Чарномскимъ тѣмъ охотнѣе согласились на предложеніе Принцессы слѣдовать за нею въ Италію, что это путешествіе соотвѣствовало ихъ желанію. Кромѣ того, онъ лично долженъ былъ явиться на предложеніе и по тому, что онъ ожидалъ отъ Принцессы уплаты 800 червонцевъ, изъ которыхъ 300 принадлежали ему, а 500 были заняты имъ для нея въ Дубровникѣ. Когда французскій Консулъ предостерегалъ Чарномскаго не вѣряться Принцессѣ, онъ, по совѣщанію съ своимъ другомъ, просилъ ее быть вполне откровенною, обѣщая, во всякомъ случаѣ, заплатить за нею, кто бы она ни была. Но она съ гнѣвомъ отвергла подозрѣніе въ принятіи ложнаго имени. Тогда онъ, подкупивъ ея обворожительнаго обращенія и ума, уговорилъ Чарномскаго проводить ее хотя до Рима, гдѣ она намѣревалась остановиться восемь дней. Стѣсненныя денежныя обстоятельства Принцессы породили въ немъ новое подозрѣніе, но на его неоднократныя вопросы о дѣйствительномъ ея званіи, она постоянно отвѣчала, что она дочь — Императрицы Елисаветы. Получивъ деньги Орлова, она заплатила и взятые имъ въ займы для нея въ Дубровникѣ 500 червонцевъ. Любопытство его видѣть, чѣмъ кончатся запутанныя обстоятельства, и страстная привязанность къ Принцессѣ заставили его остаться при ней и уговорить къ тому друга своего Чарномскаго. Когда спросили Чарномскаго о обстоятельствахъ, переданныхъ о немъ Доманскимъ, онъ п

дѣлъ все, имъ сказанное, извиняясь слабою памятью въ томъ, что онъ этого прежде не показалъ.

Изъ показаній Франциски Мешедѣ видно, что Принцесса постоянно держала себя въ отношеніи къ прислугѣ крайне осторожно и таинственно: только тогда, когда садилась въ карету, она указывала мѣсто, куда слѣдуетъ ѣхать. Деньги у нея были всегда, но Франциска никогда не видала, отъ кого она ихъ получала. О беременности Принцессы осенью 1774 года Франциска не упомянула. Кромѣ того показала, что хотя госпожа ея часто бывала въ Католической церкви, но въ Католичество не переходила.

Д о п р о с ы.

Еще до пріѣзда задержанныхъ, Князь Голицынъ составилъ вопросные пункты Самозванкѣ.¹²⁷ Цѣлью его было узнать, кто внушилъ ей мысль выдать себя за дочь Императрицы Елисаветы Петровны, и съ кѣмъ она по этому поводу была въ сношеніи. Первый допросъ былъ 26 Мая. Когда Голицынъ вошелъ къ арестанткѣ, она въ сильномъ волненіи спросила его, по какому праву и по какой причинѣ съ ней такъ жестоко обходятся? Онъ отвѣчалъ на это строго и увѣщевалъ ее дать прямые и неуклончивые отвѣты на всѣ вопросы, которые ей предложатся. За тѣмъ начался допросъ: вопросные пункты предлагались на Французскомъ языкѣ, а отвѣты Самозванки записывались по Русски. Изъ нихъ составила цѣлая историческая повѣсть,¹²⁸ подписанная ею, послѣ сдѣланнаго ей изустнаго перевода записанныхъ отвѣтовъ, именовъ: «Елисаветѣ.» Вотъ содержаніе сихъ отвѣтовъ:

Зовутъ ее Елисаветой, отъ роду ей 23 года, откуда и кто ея родители, не знаетъ. Въ Килѣ, гдѣ провела дѣтство у одной Г-жи Пере или Перонъ, крещена по Греко-Восточному Обряду,

¹²⁷ Секретаремъ къ Князю Голицыну былъ назначенъ Коллежскій Ассессоръ Василій Ушаковъ.

¹²⁸ Протокола допроса, равно какъ и Протоколовъ о допросахъ прочихъ арестантовъ, въ дѣлѣ не находится, но всѣ изложенныя здѣсь подробности заключаются въ дописаніяхъ Князя Голицына и приложеніяхъ къ нимъ, сохранившихся въ Дѣлѣ.

при комъ и кѣмъ, ей не извѣстно. Ее постоянно утѣшали скорымъ прїѣздомъ родителей. 9-ти лѣтъ отъ роду, три незнакомца привезли ее и няньку Катерину, родомъ изъ Голштиніи, сухинъ и темъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь ей сказали, что ее повезутъ родителямъ въ Москву, а вмѣсто того отвезли на Персидскую границу и помѣстили у образованной старушки, которая говорила, что она сослана сюда по повелѣнію Петра III-го.¹⁰⁹ Эта старушка жила въ домикѣ, который стоялъ одиноко и находился вблизи стана кочующаго племени. Въ теченіе 15 мѣсячнаго сего здѣсь пребыванія она часто хворала, въ слѣдствіе даннаго будто яда. Отъ няньки она узнала нѣсколько туземныхъ словъ похожихъ на Русскія; здѣсь она начала учиться Русскому языку, но въ послѣдствіи его забыла. Съ помощью одного Татарина, нянькѣ наконецъ удалось бѣжать въ Багдадъ. Здѣсь принялъ богатый Персіанинъ Гаметъ, къ которому нянька имѣла рекомендацію. Годъ спустя, другъ его, Князь Гали, перевезъ ее въ Исфаганъ, гдѣ она получила блистательное образованіе, подъ руководствомъ Француза Jean Fournier. Гали часто говорилъ ей, что она дочь покойной Русской Императрицы, о чемъ ей повторяли другіе. Когда, въ 1769 году, въ Персіи возникли безпорядки, Гали рѣшился удалиться въ Европу, и взялъ ее съ собою. Хотя и просила не ѣздить чрезъ Россію, гдѣ ей могла угрожать опасность, однако онъ привезъ ее сначала въ Астрахань, гдѣ, въ Персидской, нанялъ Русскую прислугу, принялъ имя Крымой и ее выдавалъ за свою дочь. Въ Петербургѣ они только перемѣнились; въ Кенигсбергѣ, гдѣ Русская прислуга была смѣнена немецкою, они пробыли шесть недѣль. Послѣ столь же продолжительной остановки въ Берлинѣ, они отправились въ Лондонъ. Здѣсь жили долгое время, пока наконецъ Гали не былъ отосланъ въ Персію. Послѣ его отъѣзда она оставалась въ Лондонѣ 5 мѣсяцевъ, получивъ отъ своего баснословно богатаго покровителя значительную сумму денегъ, и какъ здѣсь, такъ и въ Парижѣ, гдѣ пробыла потомъ два года, называлась Принцессою

¹⁰⁹ Самозванка такимъ образомъ назначила годомъ своего рожденія 1755, такъ что путешествіе въ Россію было совершено будто въ 1761 году, вѣтъ хотѣла, вѣроятно, внушить мысль, что прїѣхала въ Петербургъ только по смерти Императрицы Елисаветы Петровны.

Въ столицѣ Франціи она вращалась въ кругу очень знатныхъ людей; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ она слышала, что ее считаютъ Русскою Княжною, дочерью Елисаветы Петровны, хотя она ихъ упорно отрицала въ противномъ. Приѣхавъ за тѣмъ въ Германію, чтобы приобрести поземельную собственность въ Гольштиніи, она познакомилась съ Герцогомъ Шлезвигъ-Гольштейнскимъ, владѣтельнымъ Графомъ Лимбургскимъ. Такъ какъ онъ вскорѣ сталъ формально просить ея руки, то явилась необходимость положительно разъяснить тайну ея рожденія. Она думала было, съ помощью Гали, найти необходимые ей документы въ Россіи и представиться при этомъ случаѣ Императрицѣ, благосклонность и милость которой полагала снискать важными предположеніями касательно торговли съ Персією, о чемъ еще прежде представила записку Русскому Вице-Канцлеру. За эту услугу она надѣялась получить отъ Императрицы фамилію и титулъ, которые сдѣлали бы ея достойною Герцога. Послѣдній совершенно одобрилъ ея намѣренія и уполномочилъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ вести переговоры касательно его притязаній на Шлезвигъ и Гольштейнъ. Но, именно въ то время, когда она уже собиралась ѣхать, планы ея были разстроены извѣстіемъ объ обитіи Герцогствъ на Ольденбургскія и Дельменгорстскія владѣнія. Это принудило ее отложить на время поѣздку и остаться въ Оберштейнѣ, гдѣ всѣ считали ее будущею супругою Герцога. Послѣдній нуждался въ значительной суммѣ денегъ, какъ для уплаты старыхъ долговъ, такъ и для приобретенія исключительнаго права собственности на Оберштейнъ. Она, подъ именемъ Графини Пиннебергъ, поѣхала въ Венецію, гдѣ надѣялась найти нужныя деньги, рассчитывая на кредитъ Гали. Съ этою же цѣлью она хотѣла послать оттуда вѣрнаго слугу въ Персію, и по этому просила Князя Радивила, сбравшагося въ ту пору въ Константинополь, о свиданіи, чтобы устроить отправленіе слуги подъ его покровительствомъ. Радивилъ назначилъ для свиданія домъ одного Сенатора, и въ своемъ отвѣтѣ намекнулъ, что Принцесса можетъ быть весьма полезна для Польши. При разговорѣ открылось, что онъ, въ слѣдствіе слуховъ, дошедшихъ до него отъ сопровождавшихъ его Французскихъ Офицеровъ, считалъ ее дочерью Императрицы Елисаветы, что она, однако же, очень настойчиво отрицала. Найдя, что Радивилъ, при ограниченныхъ способностяхъ, исполненъ несбыточ-

ныхъ намѣреній, она хотѣла совершенно отъ него отдѣлаться. Но сестра его, узнавшая объ ея близкомъ знакомствѣ съ Востокомъ, послѣ долгихъ увѣщаній, упростила ее сопутствовать Радивилу до Константинополя, откуда ей легко будетъ достигнуть Персїи. Такимъ образомъ направились они черезъ Корфу, откуда сестра и дядя Радивила вернулись въ Дубровникъ. Изъ этого города она послала Чарномскаго въ Венецію достать денегъ и переговорить съ другомъ ея, Лордомъ Монтегю. Но заемъ, начатый стараніями послѣдняго, не состоялся, по тому что она не была въ состояніи заключить договоръ на предложенныхъ условіяхъ. Пока она ожидала въ Дубровникѣ Фирмана на проѣздъ, къ ней, 8 Іюля, было прислано безымянное письмо изъ Венеціи, съ приложеніемъ двухъ запечатанныхъ конвертовъ. Въ письмѣ было сказано, что она можетъ спасти жизнь многихъ людей и сдѣлаться посредницею при заключеніи мира Турціи съ Россіею, если въ Константинополѣ согласится выдать себя за Принцессу Елисавету. Одинъ изъ конвертовъ она должна была передать лично Султану, другой же послать въ Ливорно Графу Орлову. Послѣдній конвертъ она распечатала, сняла копіи съ содержавшихся въ немъ бумагъ, которыя за своею печатью дѣйствительно и послала въ Ливорно. Бумаги, найденныя ею въ конвертѣ, назначенномъ Султану, убѣдили ее отложить поѣздку въ Константинополь. Когда пришло извѣстіе о заключеніи мира, она тщетно уговаривала Радивила возвратиться въ Польшу. Онъ отправился обратно въ Венецію, оставивъ ей для сопровожденія Дворянъ: Чарномскаго и Доманскаго, съ которыми она и поѣхала въ Италію. Изъ Рима она увѣдомила Князя Лимбургскаго о скоромъ своемъ возвращеніи въ Германію черезъ Геную, гдѣ хотѣла покончить дѣло по займу. Между тѣмъ къ ней представился Адъютантъ Графа Орлова, Христинекъ, съ которымъ она, впрочемъ, сошлась только тогда, когда услышала, что онъ пріѣхалъ съ порученіемъ отъ Графа. Получивъ отъ нея утвердительный отвѣтъ на вопросъ: она ли послала конвертъ съ бумагами Графу въ Ливорно? онъ сказалъ ей, что Орловъ непремѣнно желаетъ познакомиться съ нею поближе. Такъ какъ путь ея лежалъ черезъ Пизу, то она выѣхала изъ Рима, вмѣстѣ съ Христинкомъ, который въ послѣдствіи опередилъ ее, чтобы приготовить все къ ея принятію. Лишь только она пріѣхала подъ именемъ Графини Силинской въ Пизу, Графъ Орловъ немедленно

явился къ ней съ предложеніемъ своихъ услугъ. Въ слѣдствіе изъ-явленнаго ею желанія видѣть Ливорно, Графъ повезъ ее, съ обоими Поляками къ Англійскому Консулу, у котораго они обѣдали. Вставъ изъ за стола, они поѣхали на Русскій Адмиральскій корабль, о чемъ она сама просила Графа, чтобы полюбоваться морскими маневрами, которые и начались при сильной пальбѣ. Когда Графъ оставилъ ее на нѣкоторое время, какой-то Офицеръ объявилъ ей, что она арестована. Испуганная такою неожиданностію, она написала къ Орлову и просила объясненія, — онъ отвѣчалъ ей на Нѣмецкомъ языкѣ. Отвѣтъ этотъ она уже передала Князю Голицыну.

Къ этой повѣсти арестантка прибавила, что она никогда не намѣревалась выдавать себя за дочь Императрицы Елисаветы, хотя Гали и сообщалъ ей о такомъ ея происхожденіи, и что никто ее къ тому и не побуждалъ. Во всякомъ случаѣ, она сама ни разу не упомянула объ этомъ, но признается, что когда Князь Лимбургскій, Радивилъ, или другіе говорили ей, что она напрасно скрываетъ свое происхожденіе, когда при этомъ ей приходили на память странныя обстоятельства ея дѣтства, она, дабы отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ, быть можетъ, не разъ отвѣчала: «Почитайте меня за кого угодно, за дочь Султана, Шаха, хоть за Русскую Княжну, я ни чего не знаю о своемъ рожденіи.» Она должна же была что либо отвѣчать столь важнымъ лицамъ, часть которыхъ освѣдомлялась у нея объ этомъ даже письменно. Въ Венеціи слухи объ ея происхожденіи, не смотря на ея старанія подавить ихъ, скоро распространились, можетъ быть, по тому, что спутникъ ея, Гофмаршалъ Князя Лимбургскаго, Баронъ Кноррь, не взирая на запрещеніе, величалъ ее всегда «Высочествомъ.» То же было и въ Дубровникѣ, гдѣ она положительно просила Сенатъ принять мѣры противъ распространенія молвы объ ея происхожденіи. Будучи спрошена относительно Манифестовъ, Завѣщанія и пр., она показала, что эти документы были ею найдены въ конвертахъ. Изъ Ливорно она послала эти бумаги съ тою цѣлію, чтобы узнать объ ихъ происхожденіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратить вниманіе Орлова на прояски, которыя ведутся, вѣроятно, въ Россіи. Она готова присягнуть, что почеркъ, коимъ писаны сіи бумаги, ей не извѣстенъ, и что она объ нихъ ни чего болѣе не знаетъ, но признается,

что воспоминанія дѣтства, въ связи со всѣмъ, слышаннымъ ею въ послѣдствіи, часто наводили ее на мысль, что, можетъ быть, она и есть лице, наименованное въ Завѣщаніи, а безыменное письмо— послѣдствіе какихъ либо политическихъ соображеній. Султану бумагъ она не послала, въ ожиданіи объясненія отъ Орлова. Подозрѣнія ея въ ихъ составленіи падали то на Парижскій Кабинетъ, то на Диванъ, даже на Россію. Возбужденное этими бумагами внутреннее волненіе причинило ей болѣзнь; въ послѣдствіи она разсталась съ мечтою и начала думать единственно о томъ, какъ бы достать денегъ и возвратиться въ Графство Оберштейнъ, которое Князь Лимбургскій обѣщала уступить ей въ пожизненное владѣніе. Она не уничтожала бумагъ, по тому что хотѣла ихъ показать ему. Изъ Дубровника къ Султану отъ имени Русской Княжны она рѣшительно ни чего не писала и не просила его о помощи. Въ свою жизнь ей много приходилось терпѣть, но въ силѣ духа и твердомъ упованіи на Бога недостатка нѣтъ, совѣсть же не упрекаетъ ее ни въ ямъ преступномъ. Она надѣется на милость Государыни; ибо всегда чувствовала влеченіе къ Россіи и при всякомъ случаѣ старалась дѣйствовать въ ея пользу.

31-го Мая Князь Голицынъ послалъ показаніе арестантки къ Императрицѣ, донося при томъ, что, не смотря на всѣ его убѣжденія, не хочетъ переменить въ немъ ни слова и постоянно твердитъ одно, что никогда не распространяла сама ложныхъ слуховъ о своемъ рожденіи, выдуманныхъ другими на ея горе. Послѣднія слова она даже повторила, когда ей указали на противорѣчащее сему показаніе Доманскаго. Такъ какъ она, однако жъ, еще не можетъ считаться совершенно изобличенною, то онъ по этому не сдѣлалъ ни какихъ ограниченій въ пищѣ, ею получаемой, и оставилъ при ней служанку, по тому что сторожей она не понимаетъ. Кромѣ того, она очень больна; Докторъ даже находитъ жизнь ея въ опасности, такъ какъ у нея часто подымается сухой кашель съ кровью. По его мнѣнію, Поляки, сопутствовавшіе Самозванкѣ, ни болѣе, ни менѣе, какъ бродяги, приютившіеся къ ней въ надеждѣ хорошо устроить свою будущность; изъ распросовъ же прислуги онъ узналъ только одно обстоятельство, что они ее дѣйствительно принимали за Принцессу. Самозванка 1-го Юня писала къ Князю Голицыну, что она ни въ чемъ

не чувствуетъ себя виновною противъ Россіи; иначе не поѣхала бы съ Орловымъ на корабль, и просила его передать Императрицѣ приложенное письмо, подъ которымъ, такъ какъ и подъ прежнимъ, подписалась «Елисаветою,» и въ которомъ ходатайствовала о назначеніи ей пріема, чтобы разъяснить всѣ недоразумѣнія и сообщить какія-то очень важныя для Россіи свѣдѣнія.

7-го Іюня Императрица, въ отвѣтъ своемъ, поручила Князю передать плѣнницѣ, что она можетъ облегчить свою участь только одною безусловною откровенностію, а также совершеннымъ отказомъ отъ разыгрываемой ею доселѣ безумной комедіи, въ продолженіе которой она вторично осмѣлилась подписаться «Елисаветою». Кроме того, Императрица предписала Голицыну принять въ отношеніи къ Самозванкѣ надлежащія мѣры строгости, чтобы наконецъ ее образумить, по тому что наглость послѣдняго ея письма уже выходитъ изъ всякихъ возможныхъ предѣловъ.

Голицынъ, по полученіи этого предписанія, велѣлъ тотчасъ же объявить плѣнницѣ, что, въ случаѣ упорства ея во лжи, онъ употребитъ крайніе способы для узнанія самыхъ тайныхъ ея мыслей. Но она снова клялась, что показала лишь сущую правду. Твердость, съ которою она отстаивала истину своего показанія, заставила посланнаго къ ней Голицынымъ, какъ должно предполагать, Ушакова, усомниться, дѣйствительно ли сказанное ею ложь? Когда Голицынъ на другой день самъ зашелъ къ ней и увѣщевалъ ее сказать правду, подавая надежду на помилованіе, въ случаѣ искренняго съ ея стороны раскаянія, то она не отказалась ни отъ одного изъ своихъ прежнихъ показаній. Она клялась вѣчною мукою, что не знаетъ того, кто прислалъ ей бумаги. Проступокъ ея, говорила она, состоитъ только въ томъ, что она, отправивъ одну часть этѣхъ бумагъ, сохранила другую и не уничтожила ея тотчасъ же; но въ то время она ни сколько не подозревала, чтобы это упущеніе могло ее поставить въ такое несчастное положеніе. Умоляла Императрицу милосердно простить ей эту ошибку и обѣщала хранить объ этомъ дѣлѣ вѣчное молчаніе, если отправятъ ее за границу. Голицынъ, заключивъ изъ такого упрямства плѣнницы, что она ошибочно поняла первоначальную его снисходительность, немедленно велѣлъ разлучить ее съ прислужницею, отобрать у нея все, за исключеніемъ постели и са-

маго необходимаго платья, и доставлять ей пищу въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для поддержанія жизни. Офицеръ и двое солдатъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ въ состояніи ее понимать, съ этѣхъ поръ поставлены были въ ея комнатѣ, съ тою цѣлью, дабы заставить ее думать, что теперь будутъ употреблены строгія мѣры.

Плѣнница неутѣшно плакала два дня сряду, отказывалась отъ всякой пищи и, какъ казалось, совершенно упала духомъ. Наконенъ, она знаками показала, что хочетъ писать и назвала фамилію Голицына. Князь, котораго объ этомъ извѣстиди, велѣлъ дать ей письменная принадлежности, и вскорѣ послѣ того получилъ письмо. Въ немъ ¹⁴⁰ она горько жаловалась, какъ на обвиненія, взведенныя на нее, такъ и на то, что не хотятъ обратить ни какого вниманія на обстоятельства, доказывающія ея невинность; не хотятъ признать того, что она не увлеклась доставленными ей безъ подписи бумагами: ибо, въ противномъ случаѣ, никогда не возвратилась бы въ Европу. ¹⁴¹ Созналась въ томъ, что было еще множество другихъ бумагъ, изъ коихъ большая часть сожжена ею, прочія же собственноручно переписаны. Повторяя уже сказанное ею прежде о причинахъ ея путешествія въ Венецію и Дубровникъ, она въ случаѣ, если бы все еще продолжали ей не вѣрить, вызывалась наименовать нѣкотерыя знатныя лица, у которыхъ не трудно собрать о ней свѣдѣнія. Все это легко можетъ быть исправлено: стоитъ только объявить, что ее приняли за другую, въ такомъ случаѣ она готова спокойно возвратиться въ Оберштейнъ. Въ заключеніе письма Самозванка просила Голицына быть милосерднымъ и не вѣрить выдумкамъ тѣхъ лицъ, корыстолюбіе которыхъ она не могла удовлетворить, или которымъ осталась должна самую бездѣлицу. Никого такъ часто не обманывали, какъ ее, благодаря ея легковѣрію и оказываемой людямъ довѣренности. Ей не понятно, какъ можно было вѣрить такъ безусловно злонамѣреннымъ слухамъ, бреднямъ и письмамъ безтолковыхъ людей. Быть можетъ, въ числѣ ея бумагъ найдется еще

¹⁴⁰ Это письмо плѣнницы, также какъ и слѣдующія, писаны на весьма плохомъ Французскомъ языкѣ.

¹⁴¹ Европа протнвополагается здѣсь Востоку, со включеніемъ Дубровника и Россіи.

письмо отъ Контролера Финансовъ Де Марина,¹⁴² писавшаго ей о шестидесятитысячномъ войскѣ, которымъ она будто бы командовала. Подобные слухи распушены были въ Дубровникѣ Французскими Офицерами, выдававшими ее то за дочь Султана, то за сестру несчастнаго Іоанна и даже за Козачку. Если ея пріятели узнаютъ о настоящемъ ея положеніи, то она навсегда лишится чести и добраго имени. Къ чему же губить ее совершенно, когда ея здоровье, имѣніе, быть можетъ, и положеніе у Князя Лимбургскаго уже утрачены на всегда? Какія, наконецъ, причины могли побудить ее предпринять что либо противъ націи, которой она не знаетъ и съ которой не имѣла ни какихъ сношеній? Если бы даже весь свѣтъ былъ увѣренъ въ томъ, что она дочь Елисаветы, то все таки настоящее положеніе дѣлъ таково, что оно не можетъ быть ею измѣнено. Наконецъ, она считаетъ себя вынужденною еще разъ умолять Князя Голицына сжалиться надъ нею и несчастными, погубленными ея виною.

Голицынъ, по прочтеніи этого письма, снова зашелъ къ ней въ темницу. На вопросъ его: «Какія бумаги были препровождены безъ подписи въ Дубровникъ, сверхъ Духовныхъ Завѣщаній, Манифестовъ и т. п.?» плѣнница отвѣтила, что были посланы еще два письма къ Графу Панину и Вице-Канцлеру, въ которыхъ просили ихъ оказать Принцессѣ Елисаветѣ возможную, смотря по обстоятельствамъ, помощь.¹⁴³ Въ числѣ лицъ, у которыхъ можно было бы собрать о ней свѣдѣнія, она назвала Князя Лимбургскаго, Министра Барона Горнштейна, Контролера Финансовъ Де Марина въ Оберштейнѣ, Литовскаго Маршала Огинскаго, Французскаго Генерала Барона Вейдбрехта и Министра Полиціи Сартина. На всѣ же увѣщанія Голицына открыть истину, она возразила, что и самыя страшныя мученія, даже смерть, не заставятъ ее отказаться отъ чего либо изъ перваго ея показанія. Тогда Князь объявилъ Самозванкѣ, что, при такомъ упрямствѣ, ей нечего болѣе разсчитывать на помилованіе; онъ велѣлъ допустить къ ней опять Франциску и строго смотрѣть за тѣмъ, чтобъ плѣнница съ от-

¹⁴² Оно дѣйствительно при дѣлѣ и выше сего уже приведено.

¹⁴³ Объ этѣхъ двухъ письмахъ упомянуто выше.

чаянія не наложила на себя рукъ. Подробное о семъ донесеніе было имъ, 18-го Іюня, отправлено къ Императрицѣ.

Императрица, 29-го Іюня, изъ Москвы предписала Голицыну объявить Самозванкѣ, о которой упоминаеть въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что Государыня никогда не приметъ ее, такъ какъ Ея Величеству вполнѣ извѣстны крайняя ея безнравственность и преступные замыслы, равно какъ и попытки присвоить себѣ чужія имена и титулы, и что если она все еще будетъ продолжать упорствовать въ безстыдной лжи, то ее непременно предадутъ строгому суду. Прочимъ же плѣннымъ Голицынъ долженъ былъ объявить, что изъ ихъ показаній ясно обнаружилось, что они знали не только замыслы Самозванки, но и зачинщиковъ. Уже одно то обстоятельство, что они остались при ней изъ за какихъ-то воображаемыхъ расчетовъ тогда, когда признавали ее Самозванкою, дѣлаеть ихъ соучастниками ея преступленія, и что лишь откровенное признаніе можетъ освободить ихъ отъ всей тяжести заслуженнаго наказанія. Относительно главной плѣнницы Императрица прибавляла, что Грейгъ по произношенію считалъ ее за Польку, и по тому Императрица поручала Голицыну имѣть это обстоятельство въ виду. Онъ долженъ былъ представить Самозванкѣ приложенныя доказательныя статьи, составленныя какъ изъ собственныхъ ея словъ, такъ и изъ показаній лицъ, ее сопровождавшихъ и заключенныхъ вмѣстѣ съ нею въ крѣпость. Означенныя статьи, писала Государыня, совершенно уничтожатъ всѣ ея ложныя выдумки.

Этѣхъ доказательныхъ статей двадцать. Онѣ составлены довольно искусно и по видимому самою Императрицею, или же подъ непосредственнымъ ея руководствомъ, судя по господствующему въ нихъ тону и по отзывамъ о нихъ Голицына.

При доказательныхъ статьяхъ, высланныхъ изъ Москвы, приложены были переводы на Русскій языкъ писемъ къ Султану, Орлову и др.

Голицынъ, получивъ упомянутыя статьи съ приложеніями и изучивъ ихъ основательно, опять поѣхалъ въ крѣпость для объявленія плѣннымъ воли Императрицы. Прежде всѣхъ онъ зашелъ

къ Самозванкѣ. Съ большою подробностію проходилъ онъ одну доказательную статью за другою, указывая при этомъ на большое сходство, встрѣчающееся въ слогѣ и даже въ цѣлыхъ выраженіяхъ между послѣднею запискою ея къ нему и письмами къ Султану и неизвѣстному Министру (Горнштейну, отъ 10 Іюля). Онъ старался убѣдить ее до очевидности, что одно изъ писемъ къ Султану написано до заключенія мира, а другое послѣ заключенія онаго, и что по этому они ни какъ не могли быть ей доставлены въ одно и то же время. ¹⁴⁴ Точно также письмо къ неизвѣстному Министру, которое заключаетъ въ себѣ подробности, лишь ей одной извѣстныя, не могло быть написано ни кѣмъ, кромѣ ея самой. ¹⁴⁵ Но и доказательныя статьи, и доводы, приведенные Голицынымъ, ни мало не подѣйствовали на эту наглуую лгунью, какъ называетъ онъ ее въ своемъ донесеніи, отъ 13-го Іюля; она не переставала увѣрять, что первое ея показаніе вѣрно отъ начала до конца. Отъ нея Князь зашелъ къ Доманскому и спросилъ его: «Осмѣлится ли онъ уличить Самозванку на очной съ нею ставкѣ въ томъ, что она сама при немъ выдавала себя за дочь Императрицы Елисаветы?» ¹⁴⁶ Доманскій рѣшительно отрекся отъ такого показанія, говоря, что онъ его никогда не давалъ. Онъ даже стоялъ на этомъ, и тогда, когда грозили ему за такую ложь строгимъ наказаніемъ. Отсюда Голицынъ отправился къ Чарномскому, который на вопросъ: «Не передавалъ ли ему Доманскій словъ Принцессы, что она дочь Императрицы Елисаветы?» тотчасъ въ томъ сознался, и на очной ставкѣ съ Доманскимъ уличилъ его, присовокупивъ, что онъ говорилъ ему объ этомъ во время переѣзда моремъ изъ Дубровника въ Барлетту. Сначала Доманскій продолжалъ заператься въ справедливости показанія Чарномскаго; наконецъ онъ изъявилъ готовость повторить слова свои въ присутствіи плѣнницы, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, умолялъ простить ему первое его заперательство, къ которому его побудило сожалѣніе къ плѣнницѣ. Эту женщину онъ все еще любитъ безъ памяти, и ежели бы ее выдали за него безъ всякаго приданаго, то онъ все таки считалъ бы себя са-

¹⁴⁴ Въ доказательныхъ статьяхъ не упоминается объ этомъ важномъ обстоятельстве.

¹⁴⁵ И объ этомъ не говорится въ доказательныхъ статьяхъ.

¹⁴⁶ Обстоятельство это также пропущено въ доказательныхъ статьяхъ.

мымъ счастливымъ смертнымъ. Послѣ этого онъ былъ приведенъ на очную ставку съ Самозванкою, при чемъ разговоръ шелъ на Итальянскомъ языкѣ. Доманскій повторилъ свои слова и просилъ у Самозванки прощенія въ томъ, что былъ принужденъ на нее показать по совѣсти. Она же отвѣчала, что никогда серьезно ничего подобнаго не говорила и рѣшительно ни какихъ мѣръ не принимала для распространенія слуха, будто она дочь—Императрицы Елисаветы. Впрочемъ, очень легко могло быть, прибавила она, что шутя, дала однажды отвѣтъ, въ такомъ смыслѣ, дабы отдѣлаться отъ безпрестанныхъ и несносныхъ вопросовъ Доманскаго.

Показаніе Доманскаго, будто онъ отъ самаго Радивила слышалъ, что Самозванка сему послѣднему вручила письмо на имя Султана для отправленія къ Косаковскому,¹⁴⁷ хотя и подтверждалось сохранившимся противнемъ съ этого письма, но не могло служить поводомъ къ очной ставкѣ, по тому что Доманскій узналъ объ этомъ обстоятельстве не отъ самой Самозванки, а отъ Радивила. Впрочемъ, Голицынъ, по выходѣ Доманскаго, спросилъ арестантку: «Посылала ли она Косаковскому письмо чрезъ посредство Радивила?» Она помолчала нѣсколько времени, какъ бы припоминая, за тѣмъ рѣшительно отъ сего отперлась. Только изъ Венеціи, по ея словамъ, она писала купцу Мелину въ Константинополь о пересылкѣ писемъ въ Персію къ Гамету, которому поручала отыскать для себя домъ, и къ Гали, отъ котораго требовала 100,000 гульденовъ на расходы при вступленіи въ бракъ съ Княземъ Лимбургскимъ. На замѣчаніе Голицына, что сумма, которую она потребовала отъ Гали, нѣсколько баснословна, она отвѣчала, что сравнительно съ богатствомъ Гали, послѣ котораго она послѣдница, это суцая бездѣлица. При этомъ Князь напомнилъ ей, что она заявляла о своемъ знаніи Персидскаго и Арабскаго языковъ; въ слѣдствіе сего она немедленно написала продиктованную фразу буквами, выдаваемыми ею за Персидскія и Арабскія. Но свѣдущіе люди, которымъ на другой день показали написанное ею, увѣряли, что письма не имѣютъ совершенно незнакомы и во всякомъ случаѣ не Персидскія и не Арабскія. Сообщеніемъ этого мнѣнія Голицынъ думалъ было смутить наконецъ арестантку, но

¹⁴⁷ Также пропущенное въ доказательныхъ статьяхъ.

она отвѣтила, что, вѣроятно, люди, имъ спрошенныя, ни чего не смыслятъ въ обоихъ языкахъ.

13-го Іюля Князь Голицынъ, увѣдомляя Императрицу обо всѣхъ, сдѣланныхъ имъ, допросахъ, донесъ, что до сихъ поръ ни что не въ состояніи заставить арестантку раскаяться, даже безнадежное состояніе ея здоровья; ибо Докторъ полагаетъ, что, при продолжающихся кашлѣ, лихорадкѣ и кровохарканіи, жить ей остается не долго. Дѣйствовать на ея чувство чести, или на стыдъ, совершенно бесполезно; однимъ словомъ, отъ этого безсознательнаго созданія ни чего не остается ожидать. При естественной быстротѣ ея ума, при обширныхъ по нѣкоторымъ отраслямъ свѣдѣній; наконецъ при привлекательной и вмѣстѣ повелительной наружности, нѣтъ ни чего удивительнаго, что она возбуждала въ людяхъ довѣріе и благоговѣніе къ себѣ. За Польку онъ ее не можетъ признать какъ по тому, что она слишкомъ хорошо говоритъ по Французски и по Нѣмецки, такъ и по тому, что находившіеся при ней Поляки рассказывали, что она только въ Дубровникѣ заучила нѣсколько Польскихъ словъ, ¹⁴⁸ языка же вовсе не знаетъ.

По истеченіи восьми дней арестантка увѣдомила Князя, что чувствуетъ себя близкою къ смерти и, вѣроятно, проживетъ только нѣсколько дней, по чему проситъ дать ей письменныя принадлежности для составленія окончательнаго показанія. Голицынъ, хотя и мало вѣрилъ ея словамъ, но полагалъ, однако же, что на этотъ разъ не слѣдуетъ отказывать, по тому что ожиданіе смерти, можетъ быть, возбудитъ въ ней искры раскаянія. 24-го Іюля она отослала къ нему длинную записку, съ приложеніемъ писемъ къ нему и къ Императрицѣ. Оказалось, что надежда на откровенное сознаніе плѣнницы и на этотъ разъ была обманута. Записка и письма содержали въ себѣ прежнія показанія касательно посланных Орлову бумагъ, и жалобы на суровое съ нею обхожденіе, въ которыхъ выражается вошь отчаянія. Она видитъ въ себѣ жертву неизвѣстныхъ ей интригантовъ, воспользовавшихся ея намереніемъ отправиться въ Константинополь. Требовали, писала она, непременно свѣдѣній объ ея происхожденіи. Но самый фактъ

¹⁴⁸ Между ея бумагами найдены листки съ Польскими словами.

рожденія еще не заключаетъ въ себѣ ни какого преступленія. Если же изъ него хотятъ сдѣлать преступленіе, то слѣдовало бы собрать доказательства объ ея происхожденіи, о которомъ она и сама ни чего не знаетъ. Слова, сказанныя въ минуту веселости, въ видѣ шутки, не могутъ служить обвиненіемъ. Она не требуетъ ни чего, кромѣ свободы, готова немедленно отправиться въ Обернштейнъ и обо всемъ настоящимъ сохранить глубокую тайну, что весьма удобно сдѣлать, ибо на кораблѣ ее принимали за Польскую госпожу. Князю за ходатайство она обѣщала вѣчную свою благодарность и благодарность многочисленныхъ ея друзей. Въмѣсто того, чтобы предъявить ей опредѣлительныя сомнѣнія въ истинѣ ея показаній, ей все твердятъ въ общихъ выраженіяхъ, что подозрѣваютъ ее, но въ чемъ и по чему не говорятъ, такъ что ей рѣшительно не возможно защищаться противъ такихъ голословныхъ обвиненій. Если останутся при этой системѣ, то она должна будетъ умереть въ темницѣ, такъ какъ подобное положеніе, при совершенно разстроенномъ здоровьѣ, не выносимо и можетъ быть сравнено только съ казнью медленнымъ огнемъ. Ее спрашивали также, какой она Религій, но Вѣра, которую она исповѣдуетъ, не касается Россіи. Чтобы выйти замужъ за Князя Лимбургскаго, она должна сдѣлаться Католичкою, и это исполнить ей будетъ тѣмъ легче, что доселѣ она никогда еще не исповѣдывалась.

Между тѣмъ какъ Князь Голицынъ послалъ 25-го Іюля донесеніе Императрицѣ о полученномъ имъ письмѣ отъ Самованки, Ея Величество, отъ 24 того же мѣсяца, писала ему, чтобы онъ удостовѣрился въ томъ, дѣйствительно ли арестантка опасно больна и, въ случаѣ видимой опасности, узналъ, къ какому Исповѣданію она принадлежитъ, и убѣдилъ ее въ необходимости причаститься передъ смертію. Если она потребуетъ Священника, то прислать ей Духовника, которому дать наказъ, чтобы онъ довелъ ее увѣщаніями къ раскрытію истины; о послѣдующемъ же немедленно донести съ курьеромъ. Генералъ-Прокуроръ Князь Вяземскій, прецпровадая это именное повелѣніе, прибавилъ отъ себя, чтобы Священнику предварительно, подъ страхомъ смертной казни, приказано было хранить молчаніе обо всемъ, что онъ услышитъ, увидитъ, или узнаетъ. Вторымъ предписаніемъ, отъ 25-го

Юля, Императрица приказывала Князю Голицыну, не допрашивать болѣе распутную лгуню и объявить ей, что, за свое упорство и безстыдство, она осуждается на вѣчное заключеніе. Доманскому велѣно было въ то же время передать, что если онъ подробно расскажетъ все, что знаетъ о происхожденіи, имени и прежней жизни Самозванки, то будетъ обвинчанъ съ нею и имъ обоимъ будетъ дозволено возвратиться въ отечество. При согласіи его на это предложеніе, слѣдуетъ стараться склонить и ее, по чему Доманскому и дозволить самому переговорить о томъ съ нею. При ея согласіи на предложеніе, бракосочетаніе совершить немедленно, чѣмъ и положится конецъ всѣмъ прежнимъ обманамъ. Если же арестантка не захочетъ о томъ слышать, то велѣно было сказать ей, что она, въ случаѣ открытія своего происхожденія, тотчасъ же получить возможность снова возстановить свои сношенія съ Княземъ Лимбургскимъ. Последнее предложеніе, писалъ Генераль-Прокуроръ, отъ 25-го Юля, должно быть сдѣлано Княземъ Голицынымъ отъ своего собственнаго имени. Въ другомъ письмѣ, отъ 26-го Юля, Князь Вяземскій сообщилъ Голицыну, что Англійскій Посланникъ увѣрялъ Императрицу, будто арестантка — дочь Пражскаго трактирщика, и по тому совѣтуетъ послать къ ней Протестантскаго Пастора, которому, можетъ быть, удастся вывѣдать истину.

Получивъ предписанія 24 и 25 Юля, Князь Голицынъ отправился въ крѣпость, гдѣ собственными глазами убѣдился, что Самозванка находится въ самомъ опасномъ положеніи, страдая душевно и тѣлесно. Онъ спросилъ ее, не желаетъ ли она видѣть Священника, чтобы приготовиться къ смерти? она попросила прислать къ ней Православнаго Духовника. Князь немедленно приказалъ найти Священника, знающаго Французскій, или Нѣмецкій, языкъ. Въ то время, когда таковой былъ найденъ, Князь получилъ отъ Генераль-Прокурора письмо 26-го Юля, побудившее его сдѣлать еще попытку. 1-го Августа онъ отправился къ арестанткѣ и уговаривалъ ее признаться во всемъ, по тому что онъ теперь узналъ объ ея происхожденіи. Сначала она, видимо, колебалась, но потомъ тономъ, внушавшимъ истинное довѣріе, сказала, что хорошо узнала и оцѣнила его, Голицына, вполне надѣется на его доброе сердце и состраданіе къ ея положенію, и по тому открытъ ему всю истину, если онъ обѣщаетъ хранить ее въ тайнѣ-

Впрочемъ, просила, чтобы ей дано было два дня времени, и тому что она можетъ рѣшиться лишь на письменное признаніе. Сильно тронутый, Голицынъ думалъ, что арестантка дѣйствительно желаетъ все открыть, и по тому далъ ей двухдневный срокъ нужные письменные припасы. 2-го Августа узналъ онъ, что, въ слѣдствіе бывшаго съ нею сильнаго болѣзненнаго припадка, она не можетъ ни говорить, ни писать. Только 6-го Самозванка почувствовала нѣкоторое облегченіе и поручила Доктору сказа Князю, что надѣется кончить обѣщанное письмо къ 8-му числу. Голицынъ немедленно увѣдомилъ о томъ Государыню, прибавляя что письмо покажетъ, нужно ли прибѣгать къ помощи Свщенника.

9-го Августа Голицынъ получилъ обѣщанное признаніе в запискѣ, въ которой арестантка настоятельно умоляла его умили сердиться надъ ея положеніемъ. Днемъ и ночью въ ея комна мужицы, съ которыми она даже не можетъ и объясняться. Здровье ея разстроено, положеніе невыносимо. Лучше она поиде въ монастырь, чѣмъ долѣе терпѣть такое обхожденіе. Пусть она позволитъ ей написать своимъ друзьямъ, чтобы они сообщили всѣ нужныя о ней свѣдѣнія. Наконецъ, просила передать Государынѣ приложенное письмо, въ которомъ она тоже просила помилованія. Обхожденіе съ нею заставляетъ содрогаться с ужаса женскую ея натуру. Близкая къ смерти, она умоляетъ колѣняхъ, чтобы Императрица сама прочла записку, поданн Голицыну, и убѣдилась въ ея невиности.

Записка эта начинается повтореніемъ прежде сказаннаго причинахъ путешествія въ Дубровникъ и о томъ, какъ она почила тамъ. Завѣщаніе, письма къ Султану, Орлову и другимъ не вѣстнымъ ей лицамъ. Сначала она хотѣла всѣ этѣ бумаги послать Графу Орлову, не зная другого пути для посылки ихъ къ Императрицѣ, но, изъ боязни привлечь на почтѣ вниманіе огромный пакетомъ, сперва послала только конвертъ, адресованный на Орлова, безъ препроводительнаго письма, предвидя неприятно въ случаѣ, если бы тутъ же нашли письмо отъ нея. Изъ этой боязни таинственныхъ интригъ, она оставила мысль о путешествіи на Востокъ, сожгла подлинныя бумаги, снявъ противни съ вѣнчикъ изъ нихъ, для пересылки ихъ въ послѣдствіи Орлову

за тѣмъ побѣла въ Римъ. Этѣ противни она считала не опасными, но потомъ случились съ нею непредвидимыя обстоятельства, прежде чѣмъ она успѣла переговорить о томъ съ Графомъ. Точно также ей стало невозможнымъ передать ему что либо о порученіяхъ, возложенныхъ на нее изъ Персіи. За тѣмъ слѣдуетъ длинный разсказъ о томъ, что она — Черкешенка, изъ древняго рода Гамета, оставившая Персію съ намѣреніемъ приобрести, при посредствѣ Русскаго вліянія, полосу земли при Терекѣ. Здѣсь она намѣрена была посвятить первыя сѣмена образованности, пригласивъ Французскихъ и Нѣмецкихъ поселенцевъ, и основать такимъ образомъ небольшое пограничное Государство подъ Русскимъ верховнымъ владычествомъ, которое послужило бы связью Россіи съ Востокомъ и оплотомъ противъ дикихъ Горцевъ. Князь Лимбургскій явился какъ бы посланнымъ ей отъ Бога для осуществленія этѣхъ плановъ, ибо онъ даже соглашался уступить собственныя земли младшему брату, чтобы основать вмѣстѣ съ нею новое Государство на Кавказѣ. Черезъ посредство Орлова она надѣялась получить согласіе Государыни, и питала еще этѣ надежды во время пути изъ Ливорно въ С.-Петербургъ. Какъ могла она думать, что ее будутъ обвинять въ преступленіи противъ Императрицы, ее, довѣрчиво послѣдовавшую за однимъ изъ наиболѣе преданныхъ Ея Величеству полководцевъ, на Русскій Адмиральскій корабль? Послѣ этого возможно ли предполагать, чтобы она питала какіе либо злые умыслы противъ Россіи? Она знаетъ, что находится совершенно во власти Государыни: смерть ея скоро послужитъ тому доказательствомъ. Если бы ее не арестовали въ Ливорно, то, при многочисленныхъ ея связяхъ, ей давно удалось бы найти истиннаго сочинителя этѣхъ Завѣщаній, Манифестовъ и т. п. Теперь же она погибнетъ жертвою чужого корыстолюбія и хитрости. Только послѣ смерти ея откроется истина и обнаружится ея невинность. Никто не хотѣлъ обратить вниманіе даже на то, что она была лично извѣстна въ Лондонѣ, Парижѣ и Германіи гораздо ранѣе безумныхъ толковъ объ ея Русскомъ происхожденіи. Она проситъ позволенія, по крайней мѣрѣ, написать своимъ друзьямъ, поручившимъ ей самыя важныя дѣла и не знающимъ теперь даже, гдѣ она; письма, прибавляла она, могутъ быть прочитаны предъ отправленіемъ. О попыткахъ къ бѣгству она и не думаетъ: это запрещаетъ ей честь. Ей кажет-

ся, что можно было бы обращаться съ нею, кто бы она ни была, съ большею милостію и съ человѣколюбіемъ. Ложное честолюбіе ее никогда не увлекало, по тому что ей и большой свѣтъ и простой народъ слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы гоняться за призраами. Въ жизни она не рѣдко страдала и убѣждена, что возможное счастье заключается въ спокойствіи совѣсти, которое никто отнять у нея не можетъ. Конечно, о ней часто судили ложно, и теперъ еще упрекаютъ въ хитрости и обманахъ. Но какъ соединить съ этимъ то, что она слѣпо отдалась Орлову? Послѣдній ввергнулъ ее въ погибель, но она прощаетъ ему чистосердечно, по тому что сама не сдѣлала ему ни какого зла. Если дѣло кончится ея освобожденіемъ, то она обѣщаетъ никогда и ни кому не мстить. Впрочемъ, отдается вполнѣ на волю Государыни. Круглая сирота, одна въ чужой сторонѣ, беззащитная противъ враждебныхъ обвиненій, она уповаетъ только на Бога, который одинъ еще ее не покинулъ. Но тѣмъ не менѣе она продолжаетъ все еще надѣяться на свою правоту, на великодушное сердце Государыни, если только правда доходитъ до нея.

Голицынъ, совершенно обманутый въ своихъ надеждахъ, отправился къ арестанткѣ и строго упрекалъ ее за явную ложь въ новомъ показаніи. Она, напротивъ, клялась, что все, ею написанное, сущая правда. При этомъ упомянула, что должна держаться Римско-Католической Вѣры, обѣщавъ это мужу своему, Князю Лимбургскому, хотя она еще и не причащалась по обряду этого Исповѣданія. Голицынъ, вспомнившій показаніе Франциски Мешедѣ, что госпожа ея ходила въ Католическую церковь, но не причащалась, спросилъ у арестантки, по чему она сначала желала имѣть Православнаго Священника? Она отвѣчала, что въ ея отчаянномъ положеніи часто не имѣетъ полного сознанія того, что говорить. Когда Князь сказалъ, что не пришлетъ къ ней ни Православнаго, ни Католическаго, Священника, то она отвѣтила, что они для нея и не нужны. За тѣмъ онъ спросилъ, по чему она ему ранѣе не сказала, что уже находится замужемъ за Княземъ Лимбургскимъ, и обвинена ли она съ нимъ по церковному чину, или считаетъ себя его женою по другимъ причинамъ? Она отвѣчала, что Священника не призывали, но что Князь Лимбургскій далъ ей торжественное обѣщаніе жениться на ней и, въ видѣ залога въ томъ, совершилъ

запись на отдачу ей въ пожизненное владѣніе Графства Оберштейнъ. Впрочемъ, онъ столь же мало знаетъ, какъ и она, кто ея родители. Она помнитъ, однако же, какъ старая нянька ея, Катерина, увѣряла ее, что о томъ знаютъ учитель ариметики Шмидтъ и Маршалъ Лордъ Кейтъ, братъ котораго прежде служилъ въ Русской арміи противъ Турокъ. Этого Кейта она видѣла только однажды, мелькомъ, проездомъ черезъ Швейцарію, куда ее въ дѣтствѣ на короткое время возили изъ Киля. Отъ него-то она получила паспортъ на обратный путь. Она помнитъ, что онъ держалъ у себя Турчанку, присланную ему братомъ изъ Очакова, или съ Кавказа. Эта Турчанка воспитала нѣсколькихъ маленькихъ дѣвочекъ, вѣсть съ нею плѣненныхъ, которыя жили при ней еще и въ то время, когда, по смерти Кейта, она, арестантка, видѣла ее проездомъ чрезъ Берлинъ. Хотя она знаетъ навѣрное, что сама не изъ числа этихъ дѣвочекъ, но легко можетъ быть, что родилась въ Черкесіи. Эту новую басню она заключила просьбой написать къ ея друзьямъ, чтобы они постарались отыскать свѣдѣнія объ ея рожденіи. Голицынъ сказалъ, что такая переписка совершенно бесполезна; что объ этомъ никто лучше ея знать не можетъ; что, кромѣ того, онъ имѣетъ явныя доказательства въ томъ, что она дочь—Пражскаго трактирщика, въ чемъ ей и совѣтуетъ немедленно признаться. Она отвѣчала съ сильнѣйшимъ негодованіемъ, что никогда не бывала въ Прагѣ и готова выцарапать глаза тому, кто осмѣлился приписать ей такое происхожденіе. Князь навелъ потомъ разговоръ на Доманскаго, который въ это же утро объявилъ ему, что готовъ письменно обѣщать не выходить изъ темницы, если только за него отдадутъ арестантку, но что новыхъ о ней показаній дать не можетъ. Самозванка приняла съ насмѣшкой предложеніе выйти замужъ за Доманскаго, говоря, что онъ жалкій малый и не знаетъ ни одного языка, и что она по этому обращалась съ нимъ и съ Чарномскимъ соотвѣственно степени ихъ образованія. Такъ какъ съ этой стороны дѣйствовать на нее оказалось не возможнымъ, тѣмъ болѣе, что она объявила себя связанною неразрывно съ Княземъ Лимбургскимъ, то Голицынъ обѣщалъ ей, въ случаѣ, если она откроетъ свое происхожденіе, ходатайствовать у Императрицы объ отсылкѣ ея къ Князю въ Оберштейнъ. Но и это было напрасно. Или она не вѣрла: обѣщанію, или видѣла близкую смерть и скорый конецъ

разыгрываемой ею роли, а, можетъ быть, и боялась представиться старымъ друзьямъ своимъ послѣ такого посрамленія. Она увѣряла, что обѣщаніе Голицына животворно для ея угнетеннаго сердца, но что она не можетъ ни чего прибавить къ тому, что уже сказано ею. Между тѣмъ она написала, въ его присутствіи, еще записку, въ которой сообщила, что на 6 году ее посылали въ Сіонъ въ Швейцарію, потомъ снова возвратили въ Киль чрезъ область, управляемую Кейтомъ. О тайнѣ ея рожденія зналъ еще нѣкто Шмидтъ, дававшій ей уроки. Изъ дѣтства она еще помнитъ о какомъ-то Баронѣ Фонѣ Штернѣ и его женѣ, и Гданскомъ купцѣ Шуманиѣ, платившемъ въ Киль за ея содержаніе. Ее постоянно держали въ неизвѣстности о томъ, кто были ея родители; впрочемъ, она мало и заботилась знать это, не ожидая отъ того ни какой пользы. Голицынъ, убѣжденный, что съ нею всякій трудъ напрасенъ, удалился, сказавъ ей, что она, какъ не раскаявшаяся преступница, приговорена къ вѣчному заключенію.

12-го Августа Князь съ огорченіемъ донесъ Императрицѣ объ этомъ безстыдномъ упорствѣ во лжи, прибавляя, что всѣ старанія арестантки истолковать въ свою пользу дѣло о найденныхъ у нея Забѣщаніяхъ и т. п. опровергаются вполне тѣмъ, что бумаги этѣ написаны собственною ея рукою. Изъ показаній арестантки ясно только одно, что она безстыдна, безсовѣстна, лжива и зла до крайности. Его старанія остались совершенно напрасными. Ни что не подѣйствовало на нее: ни увѣщанія, ни строгость, ни ограниченія въ пищѣ, одеждѣ и вообще въ потребностяхъ жизни, ни разлученіе съ служанкою, ни постоянное, наконецъ, присутствіе караульныхъ въ ея комнатѣ. Впрочемъ, можетъ быть, этѣ мѣры со временемъ и будутъ въ состояніи довести ее до признанія, такъ какъ совершенное лишеніе надежды на освобожденіе, вѣроятно, не останется безъ вліянія.

Въ этомъ положеніи Самозванка оставалась весь Августъ и Сентябрь. Во второй половинѣ Октября она стала постепенно слабѣть, болѣзненные припадки возвращались все чаще Докторъ увѣдомилъ о томъ Голицына, прибавивъ, что, по его мнѣнію, конецъ быстро приближается. Болѣзнь болѣе и болѣе усиливалась. 30-го Ноября обнаружили признаки, заставлявшіе ежеминутно

ожидать смерти. Больная чрезъ Доктора просила Голицына прислать къ ней Священника, чтобы приготовиться къ смерти. Руководствуясь прежнимъ повелѣніемъ Императрицы, онъ позвалъ Священника Казанскаго Собора, Петра Андреева, говорящаго по Нѣмецки, рассказалъ ему все объ арестанткѣ и поручилъ сходить къ ней въ казематъ и довести ее до раскаянія и признанія. Предварительно, однако же, онъ взялъ съ него клятвенное обѣщаніе молчать объ этомъ порученіи, подѣ страхомъ смертной казни. На вопросы Священника больная отвѣчала, что она крещена по обрядамъ Греческой Церкви, какъ о томъ слышала отъ лицъ, воспитавшихъ ее въ Килѣ до 9 года ея возраста, что съ тѣхъ поръ жила въ различныхъ странахъ, между прочимъ въ Англіи и Франціи, послѣ чего получила въ Германіи во владѣніе Графство Оберштейнъ. Позже она провела нѣсколько времени въ Дубровникѣ, за тѣмъ пріѣхала въ Пизу, приглашена Графомъ Орловымъ въ Ливорно, посажена на Русскій корабль и перевезена въ Петербургъ. О мѣстѣ рожденія и родителяхъ она ни чего не знаетъ. У Исповѣди, или у Причастія, никогда еще не была, не находя нигдѣ Православнаго Священника. О Христіанскомъ ученіи она узнала только то, что вычитала въ Библии и нѣсколькихъ Французскихъ духовныхъ книгахъ. Она вѣритъ въ Бога и С. Троицу, и ни мало не сомнѣвается въ истиннахъ Символа Вѣры. Священникъ увѣщевалъ ее за тѣмъ, чтобы она съ полнымъ раскаяніемъ созналась во всѣхъ своихъ злыхъ намѣреніяхъ противъ священной особы Государыни, также въ томъ, что она выдавала себя за дочь покойной Императрицы Елисаветы Петровны. Она возразила, что никогда не имѣла приписываемыхъ ей намѣреній, никогда не распространяла о себѣ подобныхъ слуховъ, что Завѣщаніе, письма и инструкціи, посланныя ею къ Графу Орлову, получены ею отъ неизвѣстнаго ей лица. Еще разъ сталъ увѣщевать ее Священникъ, чтобъ она, стоя на краю могилы, сказала наконецъ правду и назвала своихъ соучастниковъ. Она осталась при своемъ показаніи, увѣряя, что ни чего не можетъ къ нему прибавить, по тому что ни чего болѣе не знаетъ, соучастниковъ у ней ни какихъ не было, такъ какъ не существовало и самыхъ преступныхъ замысловъ, на нее взводимыхъ. За тѣмъ она объявила, что чувствуетъ себя слишкомъ слабою для продолженія разговора, и просила его молиться за нее

и прійти на слѣдующій день. Священникъ не замедилъ посѣщеніемъ, но и на этотъ разъ всё его увѣщаніе осталось безплоднымъ: больная сказала, что она глубоко раскаивается только въ томъ, что съ ранней юности жила въ нечистотѣ грѣшной и грѣшна дѣлами, противными заповѣдямъ Господнимъ. Она раскаивается отъ всего сердца, что огорчала Создателя, Котораго умоляетъ простить ей многіе и тяжкіе грѣхи. Голосъ ея, уже на канунѣ бывшій очень слабымъ, слабѣлъ все болѣе и болѣе, такъ что Священникъ уже не могъ понять ея послѣднихъ словъ.

3-го Декабря Князь Голицынъ послалъ Императрицѣ донесеніе Священника, и увѣдомилъ Ее, что отдалъ приказаніе, если умретъ арестантка, похоронить ее въ равелинѣ, такъ чтобы ни служанка, ни взятые съ нею Поляки ни чего о томъ не знали.

4-го Декабря, 1775 года, въ 7 часовъ во полудня, больная умерла, и на слѣдующій же день солдаты, стоявшіе при ней все время на часахъ, глубоко зарыли ея тѣло. Голицынъ донесъ о томъ Императрицѣ 7-го Декабря.

13-го Генваря, 1776 года, въ Тайной Экспедиціи Голицыннымъ и Генералъ-Прокуроромъ Вяземскимъ постановленъ былъ приговоръ надъ Поляками и прислугой, который и былъ Высочайше утверждёнъ. Принимая въ уваженіе, что нельзя доказать участія Чарномскаго и Доманскаго въ преступныхъ замыслахъ Самозванки, ни въ чемъ не сознавшейся, что они оставались при ней скорѣе по легкомыслію и не зная шибреній обманщицы, къ тому же Доманскій былъ еще увлеченъ и страстью къ ней, положено дальнѣйшее слѣдствіе объ обоихъ прекратить. Хотя они уже за то, что слѣдовали за преступницей, вполнѣ заслуживали бы быть сосланными въ вѣчное заточеніе, но имъ вмѣняется въ достаточное наказаніе долговременное заключеніе и они отпускаются въ отечество съ выдачею имъ вспомошествованія по 100 р. каждому, и подъ клятву вѣчнаго молчанія о преступницѣ и своемъ заключеніи. Умственная слабость Франциски Фонъ Мешедѣ не допускаетъ ни какого подозрѣнія въ ея сообщничествѣ съ умершей, по сему ее положено отвезти за границу и дать, такъ какъ она не получала ни какого жалованья отъ обманщицы, бѣдна и Дворянскаго происхожденія, старыя вещи покойницы и 150 р.

на дорогу. Слугъ: Рихтера и Лабенскаго постановлено отправить, съ Чарномскимъ и Доманскимъ, за границу, а также Кальтфингера съ обоими Итальянцами, при чемъ всѣхъ обязать вѣчно хранить тайну и каждому выдать по 50 р. Кто изъ поименованныхъ лицъ когда либо возвратится въ Россію, тотъ безъ дальнѣйшаго суда подвергнется смертной казни.

Въ Генварѣ 1776 года Франциска, Кальтфингеръ и Итальянцы отправлены были черезъ Ригу за границу, а въ Мартѣ туда же послѣдовали Чарномскій, Доманскій и ихъ служители.

До какой степени это дѣло хранилось въ тайнѣ, на примѣръ, отъ иностранныхъ дипломатовъ, между прочимъ явствуетъ изъ того, что Польскій Резидентъ при Русскомъ Дворѣ, Баронъ Сакенъ, только 28-го Мая (8 Іюня), 1775 года, доносилъ изъ Москвы о прибытіи Грейга въ Кронштадтъ съ арестованной въ Ливорно, такъ называемой, Русской Княжной, и не ранѣе 16-го (27) Февраля, 1776 года, писалъ изъ Петербурга, что сумасшедшая, такъ называемая, Принцесса Елисавета, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ отправлена была въ Шинсольбургъ и тамъ умерла отъ болѣзни, два дня тому назадъ. Это ему извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ и онъ положительно знаетъ, что смерть послѣдовала совершенно естественно, но, вѣроятно, это не помѣшаетъ распространенію иныхъ слуховъ. ¹⁴⁹

¹⁴⁹ Донесенія Сакена въ Варшаву напечатаны въ Исторіи Россіи Германа, т. V, стр. 708.

ДОКУМЕНТЫ
о
САМОЗВАНКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДОКУМЕНТОВЪ.

Завѣщаніе Императора Петра I-го.....	№ I.
Завѣщаніе Императрицы Екатерины I-й.....	№ II.
Завѣщаніе Императрицы Елисаветы Петровны.....	№ III.
Данныя для составленія воззванія къ флоту.....	№ IV.
Два письма Самозванки къ Барону Горнштейну.....	№№ V и VI.
Два письма Самозванки къ Султану.....	№№ VII и VIII.
Письмо Самозванки къ Графу Орлову-Чесменскому.....	№ IX.
Письмо Самозванки къ Графу Панипу.....	№ X.
Письмо Самозванки къ Серу Вильму Гамильтону.....	№ XI.
Письмо Самозванки къ Кардиналу Альбани.....	№ XII.
Пять писемъ Князя Лимбургскаго къ Самозванкѣ. №№ XIII, XIV, XV, XVI и XVII.	
Письмо Князя Радвила къ Самозванкѣ.....	№ XVIII.
Письмо Графа Огнискаго къ Самозванкѣ.....	№ XIX.
Письмо Г. Де-Марипа къ Самозванкѣ.....	№ XX.
Письмо Г. Монтего къ Самозванкѣ.....	№ XXI.
Письмо Графа Пржездецкаго къ Самозванкѣ.....	№ XXII.
Письмо Графа Орлова-Чесменскаго къ Самозванкѣ.....	№ XXIII.
Письмо Радзвигевскаго къ Князю Радвилу.....	№ XXIV.
Пять всеподданнѣйшихъ донесеній Графа Орлова-Чесменскаго. №№ XXV, XXVI, XXVII, XXVIII и XXIX.	

№ 1.

ЗАВѢЩАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I.

Dernière volonté de Pierre-le-Grand, Empereur de toutes les Russies.

Art. 1. La Czarine présente régnante, régnera et gouvernera seule l'Empire de Russie avec un pouvoir absolu et une autorité souveraine jusqu' à la fin de sa vie, à moins que de son propre mouvement elle ne voulût résigner et conférer la régence et l'Empire à son successeur.

2. La personne, qui succédera à la présente Czarine après son décès ou résignation volontaire, sera le jeune Grand-Duc Pierre Alexie-witz, fils du défunt Prince Alexis Petrowitz, et à lui succédera sa postérité légitime.

3. Comme il n'y a nulle apparence, que les Russes consentent jamais au démembrement de leur Empire, le Duc de Holstein les connaissant à fond sur cet article, quelque justes que fussent les prétentions du feu Czar, du moins sur les provinces conquises par le Monarque, les dits enfants du dernier Czar laisseront à leur neveu, le jeune Grand-Duc, la tranquille possession de l'Empire Russe et se contenteront de la seule jouissance des domaines, dépendants du cercle d'Oesel, d'Estonie et de Livonie, avec les revenus de la douane de Riga.

4. Dès que le Grand-Duc sera parvenu à l'âge de se marier, on lui choisira une épouse dans la maison de Lubeck.

5. Au cas, qu'il plut à Dieu de retirer de ce monde le Grand-Duc, sans qu'il laisse d'enfant légitime, l'Empire de Russie échouera à la Princesse Anne, épouse du Duc de Holstein, et à leurs enfants;

toutefois avec cette restriction expresse, que celui des enfants de cette Princesse, qui sera Roi de Suède, ne pourra pas être Czar; le Duc de Holstein connaissant aussi sur cet article le sentiment des Russes.

6. La Princesse Anne, venant à mourir, sans laisser d'enfants pour lui succéder, ce sera la Princesse Élisabeth, seconde fille de la Czarine régnante, à qui l'Empire tombera en partage et à sa postérité après elle

№ II.

ЗАВѢЩАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I.

Extrait du Testament de Catherine I et de la volonté de Pierre le Grand avant sa mort.

Le contenu du Testament de Catherine I.

Le Grand-Prince Alexiewitz, petit-fils de l'Empereur, mon époux, me succédera et gouvernera avec la même souveraineté et le même pouvoir, que j'ai gouverné la Russie, et à lui succéderont ses enfants légitimes; s'il meurt sans laisser d'enfants, ma fille aînée, Anne Petrowna, héritera en ce cas de la Couronne de Russie, et après elle ses enfants; en cas quelle mourut sans enfants, le trône de Russie appartiendra à ma fille Élisabeth Petrowna et à ses héritiers après elle, et si il plait au Ciel de retirer de ce monde ma fille Élisabeth sans laisser de descendants, alors le trône échouera à la Princesse Natalie Alexiewna, petite-fille de l'Empereur, mon époux, et à ses descendants; bien entendu que les personnes, nommées dans mon présent testament ou leurs descendants, destinés à porter la couronne Impériale de Russie, n'y pourront parvenir, s'ils portaient une couronne ailleurs; outre cela, il faut, qu'ils professent la Religion Grecque.

Doutant que le Grand-Prince n'a pas encore l'age de pouvoir régner par lui-même, il y aura un Conseil de régence, qui gouvernera pendant sa minorité et qui aura soin de son éducation; la

pluralité des voix sera une loi irrévocable dans ce Conseil, qui consistera dans neuf personnes, savoir: ma fille aînée, Anne Petrowna, sa soeur, Elisabeth Petrowna, le Duc de Holstein, le Prince Menzicow, et cinq autres Sénateurs; le Conseil de régence n'aura pas le pouvoir de changer quelque chose dans l'ordre de succession, que j'ai trouvé bon d'établir par mon présent testament, en forme d'une loi fondamentale et irrévocable.

3. Le Grand-Prince assistera aux délibérations de ce Conseil; le pouvoir décisif de ce Conseil durera jusqu'à ce, que le Grand-Prince aura atteint l'âge de 16 ans.

Alors l'autorité de ce Conseil cessera et l'Empereur successeur prendra lui-même le gouvernement; mais il ne pourra demander au dit Conseil compte de sa précédente administration, les Princesses mes filles, ayant cédé comme elles céderont le droit à la succession de leurs père et mère, en faveur du Grand-Prince et de ses descendants, on leur comptera une fois pour toutes un million de roubles pour chacune. Ces sommes leur seront payées pendant la minorité du futur Empereur; outre cela ces dites Princesses, mes filles, auront chacune une pension de 100 mille roubles par an, tant que durera la minorité de l'Empereur, et elles hériteront seules de mes bijoux, bagues, argenterie, meubles et équipages.

5. On prendra à coeur l'affaire de la restitution du Duché de Schleswig au Duc de Holstein, de manière que l'on remette son altesse royale, en possession de ses états héréditaires et quand le Grand-Prince sera devenu majeur, il poussera cette affaire de toutes ses forces, en cas que l'on n'ait pu le faire pendant la minorité; il vivra toujours, en bonne amitié et concorde avec la maison de Holstein, et quand le dit Duc sera monté sur le trône de Suède, il vivra de même avec la Russie.

6. Je consens, que ma fille, la Princesse Elisabeth, choisisse pour son époux l'Evêque de Lubeck, Duc de Schleswig et Holstein, et je leur donne à cet effet ma bénédiction maternelle.

7. Je veux et ordonne, que l'on engage le Grand-Prince à épouser une Princesse des filles du Prince Menzicow.

8. J'ordonne de même, que l'on donne à l'Ambassadeur de Holstein auprès du trône de Russie, un hôtel convenable dans cette ville, et je veux, que cet hôtel soit exempt de logement de soldats et de toute autre charge.

9. Quand le Duc de Holstein jugera à propos de se retirer d'ici, on lui fournira gratis et aux dépens de l'Empereur, ou de l'Impératrice mon successeur les voitures et vaisseaux, nécessaires pour son transport.

10. Mes biens immeubles, qui n'appartiennent pas à la couronne, mais à moi en propre, soit par don du feu Empereur, mon époux, soit par achat ou autrement, seront partagés entre mes plus proches parents.

11. L'Empereur des Romains sera prié de garantir l'exécution de mon présent Testament et maudits soient ceux, qui en empêcheront l'exécution, directement ou indirectement, en tout, ou en partie.

Fin du Testament.

Le lendemain le Grand-Prince fut proclamé Empereur, on lut le Testament de Catherine l'Impératrice, la suite montrera le légitime but et droit, qui doivent déterminer toutes les personnes, qui peuvent et doivent apprendre à penser à ceux, qui ne le peuvent point.

P. S.

1. Roi de Perse myri-weis, du tems de Pierre le Grand.

2. Khan des Tartares Delwet-Gireï, qui vivait du tems de Pierre le Grand.

3. Général des Cosaques, qui est entre la Russie et la Tartarie, son nom Mazeppa.

4. Aly-Pacha empêchait le Grand Seigneur de.....loveille à ce, que disait: «Le cam il fut déposé, et Zade....Kuproli fut chargé des sceaux de l'empire,» tous ces faits étaient du tems de Pierre le Grand.

5. Ce même demanda sa démission, le Grand Seigneur offrit les sceaux à Mehemet.

№ III.

ЗАВѢЩАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Extrait du Testament d'Elisabeth Première, Impératrice de toutes les Russies.

Elisabeth Petrowna, ma fille, me succédera et gouvernera avec le même pouvoir absolu, que j'ai gouverné la Russie, et à Elle succéderont ses enfans, si elle meurt sans laisser d'enfans, les descendants de Pierre, Duc de Holstein, lui succéderont.

Pendant la minorité de ma fille, Elisabeth, le Duc Pierre de Holstein gouvernera la Russie avec le même pouvoir, que je l'ai gouverné. Il sera chargé de l'éducation de ma fille. On aura soin de l'instruire principalement dans les lois et constitutions de la Nation Russe; dès qu'elle aura atteint l'âge de pouvoir régner, elle sera reconnue de toute la Nation Russe légitime Souveraine de tout l'Empire Russe, et le Duc Pierre de Holstein portera toujours le titre d'Empereur; et si la Princesse Elisabeth, Grande Duchesse de Russie, se marie, son époux ne portera pas le titre d'Empereur qu'après la mort de Pierre Duc de Holstein; et si elle ne juge pas à propos que son époux soit proclamé Empereur, sa volonté doit être respectée par l'autorité suprême Impériale et à jamais héréditaire tant mâle que femelle. Elle nommera son Conseil, ou du moins elle nommera les personnes, qui doivent composer son Conseil. Ses anciens droits seront rétablis à son avènement au Trône de Russie. Elle fera tel règlement pour le militaire, qu'il lui plaira; ses Chancelleries, tant militaires qu'autres, rendront compte tous les trois ans de leur conduite des charges, en particulier ils tiendront compte exact par des livres, qu'ils produiront au Conseil des Nobles, qui seront nommés par Elisabeth, ma fille.

Toutes les semaines il y aura audience publique; toutes les requêtes seront rendues dans la présence de l'Impératrice et elle donnera seule la résolution, et elle sera seule maîtresse Souveraine de

réformer, ou de changer telle loi, ou Constitution, qu'elle juger propos.

Quand il s'agira de négociations, les Ministres et autres, qui meront le Conseil, présenteront leur avis, et la décision sera l par la pluralité des voix, qui n'aura de pouvoir, qu'après être tifiée par l'Impératrice, Elisabeth Seconde.

Je veux, que la Nation Russe soit toujours en bonne harm avec ses voisins, et tant qu'il sera possible ménager la Nation crainte que le Pays ne se trouve dépeuplé par des guerres inut

Je prétends, qu'Elisabeth envoie des Ambassadeurs dans t les Cours, et qu'elle les change tous les trois ans.

Aucun étranger ne pourra aspirer à aucun emploi minist ni consistorial, ni d'aucune autre religion que de la Grecque.

Le Conseil noble nommera des Plénipotentiaires, pour alle siter tous les trois ans, les provinces éloignées, tant pour la reli que pour le civil, le militaire, douanes districtaires, mines et a appartenances à la Couronne.

Je veux, que les Gouverneurs des Provinces éloignées, ce de la Sibérie, d'Astracan, Casan etc. etc., tiennent des registre puis le jour de leur Gouvernement, qu'ils enverront régulièrement à la Chancellerie du Gouvernement à St Pétersbourg, ou à Mo si Elisabeth y établissait sa résidence.

Quand il y aura quelques découvertes de faites de pa d'autre nature, utiles à la Nation, ou à la gloire de la Souve ils produiront leurs découvertes en secret aux Ministres, et s maines après, à la Chancellerie du département relatif à la déce te, et après trois mois chacun recevra la résolution à l'au publique, en présence de l'Impératrice, et sera publié au son du bour aux coins des rues pendant neuf jours de suite.

Je prétends, qu'on fasse des établissemens dans la Russie tique tant pour le commerce, que pour l'agriculture, et on y ra des colonies de toutes Nations avec la liberté de professer les Religions sans aucune difficulté. Il y aura des commissaire

blis par le Sénat, qui veilleront à la conduite et aux moeurs de chaque Nation. Il y aura des artisans de toutes espèces, qui seront payés de l'Impératrice, qui travailleront pour elle, et ne reconnoîtront d'autre Chef qu'elle. Ils seront payés tous les mois aux bureaux, établis dans les villes ou bourgs, qu'ils habiteront. Quand quelqu'un fera quelque découverte, il sera récompensé à proportion de son mérite.

Il y aura dans chaque ville des écoles pour les enfans, établis aux dépens des revenus de la Couronne. Tous les trois mois les Prêtres iront faire la visite dans ces écoles.

Chaque Église sera entretenue aux dépens de la Couronne, comme aussi les Prêtres.

Les impôts seront réglés par Elisabeth, ma fille.

Chaque District fera l'énumération des habitans, et cela chaque année. Tous les trois ans il y aura des Commissaires, qui iront faire leur tournée et rendront les registres aux Chancelleries exactement avec les pièces justificatives, qui prouveront, qu'ils se sont acquittés de leurs expéditions.

Elisabeth Seconde sera Maitresse absolue de transiger, de changer, d'acheter tels biens qu'il lui plaira, c'est à dire, quand ce sera pour le bien de la Nation, et avec l'agrément de la Nation.

Il y aura une académie militaire générale pour tous fils d'Officiers militaires et civils. L'académie militaire sera séparée de la civile, et il y aura une distinction pour les nobles; ils n'y entreront qu'à l'âge de neuf ans.

Pour les enfans infortunés, il y aura des établissemens en particulier, qui auront leurs fonds pour toute perpétuité, Pour les enfans, qui ne seront pas légitimes, il y aura des maisons, qu'on appellera orphelines, et ils seront placés soit dans les troupes, soit dans quelque autre emploi ou métier, et s'il s'y en trouve, qui se distingue, la Souveraine sera la Maitresse de le légitimer par un cordon rouge à lisière noire, avec une patente, signée de sa main et munie des sceaux de ses armes, avec la distinction, que la noblesse le recevra de soie, et les autres de laine.

Je prétends, que tous ceux, qui sont de la Nation, depuis le premier jusqu'au dernier, respectent notre dernière volonté, et qu'ils se portent de toute leur force et pouvoir en cas d'évènement à soutenir et à appuyer Elisabeth, ma fille unique, seule héritière de l'Empire de Russie.

Et si avant son règne, il s'agissoit de quelque guerre, ou autre discussion, ou traité, ou loi, ou règlement, le tout n'aura de pouvoir ni force, qu'après son consentement, et le tout sera annullé par son autorité souveraine et à jamais héréditaire.

Je laisse à son bon plaisir de révoquer ou d'abolir tout ce, qui aura été fait avant son règne.

Ce présent Testament renferme ma dernière volonté, et je donne ma bénédiction à Elisabeth, ma fille, au nom du Père, et du Fils, et du St-Esprit.

№ III.

ДАННЫЯ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ВОЗЗВАНІЯ КЪ ФЛОТУ.

Extrait, tiré du Testament d'Elisabeth, Impératrice de toutes les Russies, fait en faveur de sa Fille, Elisabeth Petrowna.

Elisabeth Petrowna, ma Fille, me succédera, et gouvernera avec le même pouvoir absolu, que j'ai gouverné l'Empire de toutes les Russies. La Princesse Elisabeth a été hors d'état de publier plus tôt ce Manifeste en abrégé, ou, pour mieux dire, cette Déclaration, par son empoisonnement en Sibérie, par le poison, qu'on lui avait insinué par son éloignement, en un mot, par mille autres malheurs, bu'on lui a fait subir.

À présent, que la nation est déterminée de soutenir la légitime héritière d'Elisabeth, Impératrice de toutes les Russies, elle juge convenable aux circonstances actuelles de se délivrer et de réclamer à haute voix une nation, qui lui appartient par les droits légitimes, son-

nus de toute l'Europe, le Testament renferme des articles, qui sont entièrement à l'avantage de la Nation Russe et qui doivent déterminer tous nos fidèles sujets à prendre fait et cause d'une Princesse, qui à été tiranisé depuis la mort de feu l'Impératrice Elisabeth, sa Mère; ce motif, qui nous détermine aujourd'hui à faire le pas, est le bonheur d'un peuple, qui gémit, et même le mal est monté à un degré, qu'il rejailit sur des peuples voisins, qui doivent être alliés à jamais à nous, tant pour le bonheur de notre Patrie, que pour la tranquillité Générale.

Nous, Elisabeth Seconde, par la grâce de Dieu, Princesse de toutes les Russies, avertissons toute notre nation, qu'elle n'a d'autre parti à prendre, qu'à se décider ou pour, ou contre elle, nous avons l'avantage sur ceux, qui nous ont usurpé notre Empire, nous publierons dans peu de tems le Testament de feu Elisabeth Impératrice, tous ceux, qui s'opposeront à nous prêter serment, seront punis par les lois sacrées, établies par la Nation même, renouvelées par Pierre Premier, Empereur de toutes les Russies.

de Foms de Turquie
le 18 courant.

№ IV.

ПИСЬМА САМОЗВАНКА КЪ БАРОНУ ГОРНИШТЕЙНУ.

1.

Stirum, le 7 d'Août, 1773.

Monseuri

Je suis fort embarrassée à faire réponse à la lettre, que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date du 31 passé. Elle est pleine de sentimens de probité, d'honnêteté; quel bonheur pour une ame, qui cherche la vraie félicité, déjà je doutois, qu'il y en eut, je me suis trompée, puisque le vrai bonheur consiste à gagner des âmes ver-

tueuses; la vôtre, Monsieur, est sans prix. Jusqu'ici j'avois ignoré la paix de l'âme, le digne prince, votre ami, fait son possible pour me la faire connoître, puis-je manquer, étant appuyé par un si digne ami que vous. L'admiration, la reconnaissance, le désir de vous convaincre de la susceptibilité de mes sentimens, me jettent tour à tour dans de cruelles alarmes. La seule providence guidera mon coeur; trop heureuse, si mes amis veulent guider mes actions; une réflexion, si mes amis guident mes actions, il faut pour cet effet, qu'ils soyent préparés à des événemens, et que la vertu, la raison, la vérité éclate dans leurs ames. Jusqu'ici j'ai été dans le cas de me méfier des hommes; pardonnez, si j'en dit trop, mais je me rassure, je parle à un Prélat éclairé; le savoir, la vertu, la religion ont posé la pierre fondamentale de votre Ministère, que notre siècle serait heureux, si tous les Rois et souverains étaient guidés par des hommes, aussi éclairés, que l'est le sage ministre de l'électeur de Trèves, de ce prince accompli par-lui même, que ne serait-il appuyé de vos sages conseils; que le prince de Limbourg est heureux de cultiver votre amitié! Vous lui écrivez, que vous êtes son mentor: ne serait-il pas possible, que vous fussiez le mien également? Vous réussirez indubitablement, car j'ai bonne volonté, parlons un moment d'affaires.

Je commence par avouer mon tort, c'est à dire, que j'aurais pu faire les affaires autrement, mais Minerve étoit absente; vous aviez raison de dire, que l'incertitude de mes affaires devoit en mettre dans votre esprit, je reviens à la source, qui est que votre juste discernement a démêlé les causes. Vous me dites, que je ne dois rien précipiter; je suis vos prudens conseils, voici ce que je vais faire: je resterai tranquille jusqu' à la fin du mois prochain; mes affaires sont de nature, que le prince est à même de remplir ses engagements pour la monnaie, et je vous déclare, que je chéris tellement son bonheur que si, pour lors il se croit d'être plus heureux avec une autre. Je le laisserai le maître de se marier, avec qui il voudra, et que je ne remplirai pas moins mes promesses; je m'abandonnerai ensuite purement et simplement entre vos mains, je renoncerai au monde, voilà mes vraies intentions; tachez de décider le prince pour qu'il se déclare; je me suis fait une loi, qui est de me rendre aux volontés de la divine providence, et mon bonheur ne peut avoir lieu qu' autant que je puis contribuer à celui du genre humain. Dites-moi, si il

serait possible de se refuser aux instances et aux conseils de deux vrais amis, non je n'aurai plus de retenue; vous me dites, Monsieur, qu'on m'a pris pour la «Princesse d'Azof;» je ne suis pas «Princesse d'Azof,» mais «Dame d'Azof.» L'impératrice en est Princesse ou «Souveraine.» Vous lirez dans peu de semaines dans les gazettes, que je suis la seule héritière de la maison de Wolodomir et que je puis aller sans empêchement prendre possession des biens, que feu mon père m'a laissés, et qui furent séquestrés l'année 1749 pour 20 ans; ils sont révolus depuis 1769. Je naquis 4 ans après cette malheureuse époque, où mon père mourut; je fus remise entre les mains de mon oncle de Perse, je suis venue en Europe, il y aura 5 ans le 16 de novembre; est-il étonnant, que mes affaires soyent un peu chancelantes, non elles sont encore au mieux? Il me manquait un ami, je l'ai trouvé, je tacherai de le conserver. Votre discours amical m'a fait prendre des résolutions, aux quelles je ne me serais peut être jamais déterminée; je vous prie de fortifier le prince dans toutes ses entreprises, et de luy faire envisager, que je ne puis trahir. Quelles plaisir et agréable surprise ne m'auriez vous pas fait, si vous étiez venu dans notre ermitage; le bonheur y est complet lorsque on y trouve le contentement du coeur, me voilà seule abandonnée à mes réflexions, le ciel sait ce, qu'il me réserve. Consolerez-moi par vos dignes conseils; je vous dois tant, je veux encore vous devoir davantage; mille fois je bénis l'être suprême du soin, qu'il prend de mon vray bonheur; pour ce qui concerne la Perse, je n'y vais pas cette année. J'y irai s'il le faut l'année prochine, j'ai prévenu mon oncle sur tout; je sçais d'avance, qu'il sera content de mon établissement, quand même le tuteur ne le serait pas, et, par ce seul moyen, je parviendrai à disposer des fonds de l'Asie, celui-ci ira indubitablement à Oberstein, quoique je ne sache précisément quand. Je vous ai toute l'obligation du bon ordre, que vous y avez mis, ça ne pourra manquer de faire bonne impression; Il s'amuse présentement aux bains, sous un autre nom; on voudrait, que j'y allasse, mais je ne le ferais pas de crainte de donner de l'inquiétude au prince, je laisse ignorer à tout le monde, où je suis, pour qu'on ne me persécute point; il ne me reste plus rien, vous êtes éloigné, le prince part, je m'étois proposé de vous dédier une petite dissertation, mais mon esprit est trop occupé. Je vous prie de vous occuper un peu de moi dans vos moments de distraction et surtout dans vos prières. En attendant

agréez mes remerciemens et soyez convaincu, que ma reconnaissance sera sans bornes; que mes sentimens d'estime soient garants de ce que je ne puis exprimer.

Votre tout humble et tout obéissante servante

Elève du mentor.

P. S. Je crois de bien faire, d'aller dans quelques endroits éloignés d'ici, pour qu'on ne sache pas, où je suis; je partirai demain pour quelque endroit inconnu; on me fera tenir les lettres poste restante; j'ai toute confiance en vous, tâchez de fixer le prince, je crois, que je puis faire son bonheur. C'est mon étude et je ne serais heureuse, que quand j'aurais contribué au sien, voilà mes dernières résolutions, je vous prie de les lui communiquer; elle seront efficaces, appuyées par vous.

N. V.

2.

Raguse, le 10 de Juillet, 1774.

Monsieur!

Je ne doute nullement, que ma dernière de Venise ne vous aye assez surpris, mais, hélas, qu'a-t-on de plus doux dans la vie, que d'ouvrir son coeur à ses amis. Je vous considère comme un père, je vous écoute comme un fidèle mentor et mon âme admire votre grande façon de penser, votre caractère, vos sentimens sont tous l'objet de mon admiration et je suis vos généreux conseils; permettez à mon tour, digne ministre, que je vous dise quelque chose sur le devoir d'un ami attaché et qui se fait gloire et honneur de soutenir les premiers devoirs de la religion et de son état.

Je me contenterai donc de vous dire, que l'honneur, la religion, la conscience d'un ministre, éclairé et ami de la probité, est de

me soutenir dans mes entreprises; je me prosterne aux pieds du Tout Puissant, en recevant la dernière nouvelle de la destruction de mes ennemis, que le grand Dieu aye pitié de leurs âmes et qu'il les pardonne, comme je le fais du plus profond de mon âme.

Digne ministre, s'il était possible de vous exprimer la multitude d'occupations, qui m'accablent actuellement, vous verriez, que c'est la providence, qui me soutient.

Je ne vous parlerai point de mon voyage de Venise à Raguse, il a été de 17 jours, c'est assez. Ici c'est encore un autre monde; je vais tâcher, de gagner la flotte Russe, qui est à Livorne, qui n'est par bien loin d'ici; il est nécessaire, que je me fasse connaître actuellement, à cause qu'on avoit répandu le bruit, que j'étois morte, la providence m'a vengée. Je vais faire publier des manifestes, que l'on va répandre en Europe; la Porte les publiera hautement; mes amis étant déjà à Constantinople, ils feront tout ce qui est nécessaire en pareil cas; je n'ay pas un moment à perdre; je fais déjà mes dispositions pour me montrer, je ne m'arrêterai pas longtems à Constantinople, je volerai à la tête de ma nation et me ferai reconnaître. Les gasettes sont remplies de mensonges, c'est tout ce, que je puis vous dire; la paix n'aura lieu, que quand notre traité sera fait, et il est de la prudence, qu'il soit garanti, c'est pourquoi qu'il faut que nous nous assurions avant toute chose de la Sublime Porte, nous n'aurons pas grandes peines, vû qu'il est de leur intérêt, de leur honneur et de leur gloire de nous maintenir dans nos droits légitimes, et a jamais assurés par les constitutions; que fit mon grand père, outre cela le testament est une preuve authentique, et qui doit m'autoriser à réclamer une nation, qui m'appelle. L'être supreme est mon témoin, que je n'ambitionne point des Couronnes, non ce n'est pas là mon faible; je croy, que les preuves, que j'ai donné du contraire, sont évidentes. V. E. connaît ma façon de penser et mes sentimens, qui ne peuvent être que vrais à tout égard; si le prince, votre digne ami, avoit voulu, il y a longtems, que je serais heureuse et mes amis seraient déjà à leurs places, et je ne leur donnerais pas tant de peines; il faut donc tout oublier et croire, que tout est bien dans le monde, pourvû que nous soyons résignés; je conjure par mes larmes mes amis de jeter un coup d'oeil juste sur tout; ce que

je suis et sur mes entreprises. Le grand ouvrage est fini, il s'agit donc à présent de ne pas rester au milieu du chemin; je verse un torrent de larmes, quand, je pense, que je ne vois pas mentor. Je suis avec les sentimens, que vous me connaissez.

№ VI.

ii

ПИСЬМА САМОЗВАНКИ КЪ СУЛТАНУ.

1.

Copie de la première lettre de la Princesse Elisabeth à l'Empereur Ottoman, écrite de Raguse le 24 d'Août, 1774.

La Providence, qui veille toujours au bonheur de l'humanité, a revêtu Votre Majesté Impériale du sceptre, attaché a Votre naissance; mais les qualités, qu'Elle y a jointes, sont infiniment au dessus du pouvoir absolu sur tant de peuples, qui adorent Votre justice. Cette équité, qui fait partie de Votre ame élevée, fait, que Vos ennemis baissent les yeux devant le plus Grand Empereur du monde, et que d'autres, qui ont été persecutés par le sort implacable, recourent à Votre clemence et justice. La force est naturelle à Votre Majesté Impériale; par consequence voila tant de motifs à la fois, qui determine la Princesse Elisabeth, fille de feu l'Imperatrice Elisabeth de toutes les Russies à réclamer la supreme protection de l'Empereur Ottoman. Elle dira en abrégé les faits et malheurs, qui l'ont empêché de prendre cette resolution plus tot: l'emprisonnement de la Princesse en Sibérie etait le premier obstacle; le poison, qu'on lui fit prendre la mirént dans une état, que l'on fut long tems a désespérer de ses jours; sa fuite chez un parent de son père le Hetman des Cosaques, le tout se suivit de près, de sorte que depuis l'age de neuf ans; toute sa vie n'a été qu'un tissu de catastrophes, qui lui ont servi de guide dans toutes les occasions. Voila des raisons assez forte pour une ame, qui a été toujours soutenue par la Divine Providence, le courage, l'amour de l'humanité, la droiture, le tout ne fait que la même raison, par laquelle elle croit être de son devoir

de réclamer les droits de la nature, et qui sont légitimes tant par la naissance de la princesse que par le Testament qu'a fait l'Impératrice sa mère; il n'est parlé, que d'elle dans ce Testament, c'est pourquoi, les ennemis de sa gloire et de son existence l'ont fait subir toutes les peines et tourments, même qui passent les bornes de l'humanité. Voilà un tableau de faits en peu de mots, qui ont été cause, que cette Princesse héritière de toutes les Russies a été frustrée et éloignée d'un Trône, qui lui appartient, et qui lui a été usurpé par l'envie et la fausse ambition, qui a désolé tant de peuples, et ruiné tant de pais, qui ne connoissoient, que la tranquillité et la paix; à présent, que le Ciel paroît prendre fait et cause de l'innocence, et que notre parti étant en avantage, le tout est donc un motif, pour que la Sublime Porte se décide. Il paroît, que tout le système en Europe soit tombé, et les puissances, qui ont toujours soutenu un équilibre, ne sont en aucune façon déterminées. Voilà encore des raisons, qui ont empêché que la Princesse Elisabeth ait pu donner essor à son... à toute épreuve pour pouvoir passer sûrement et tranquillement à la résidence Impériale de Constantinople; elle prit le parti de se rendre à Venise, où étoit le Prince Charles de Radziville, Palatin de Vilna; nous passâmes ensemble à Raguse, croyant que le firman, que ce Prince a demandé à la Sublime Porte, arriveroit bientôt. Son courage, sa confiance, son attachement pour Votre Majesté Impériale, sont des raisons trop fortes, pour qu'on se puisse refuser à le seconder dans ces nobles entreprises de tout quitter, d'abandonner tout bien pour sa Patrie, et d'être dans la ferme résolution d'aller vaincre, ou de mourir. La Princesse n'a pu se refuser à de si belles résolutions, qui doivent servir d'exemple pour la Pologne; c'est pourquoi nous espérons de part et d'autre dans la justice de Votre Majesté Impériale, et nous la conjurons Par nos larmes de redoubler ses forces colossales pour anéantir une multitude d'ennemis ravissants, qui détruisent le genre humain. Passons un moment aux avantages, qui doivent résulter d'une alliance que feroit la Sublime Porte avec Elisabeth Seconde. La Sublime Porte faisant une alliance avec Elisabeth Seconde, Elle s'assureroit d'une Puissance pour toujours avec les conditions: que les deux puissances soutiendroient la Pologne dans ses anciens droits; la Suède seroit alliée de même avec nous, par la cession de quel-

ques places, qui lui sont dues; tant d'autres articles, qu'on n'oseroit confier au papier, mais qui doivent être traités verbalement. La Princesse attendra, qu'elle soit arrivée à Constantinople, pour exposer toutes choses à Votre Majesté Impériale; cette démarche n'est faite, que pour disposer la Sublime Porte à refuser toutes propositions de paix, jusqu'à ce, que nous soyons arrivés; outre cela notre parti étant en avantage, c'est à dire Monsieur de Bouhachew, il seroit honteux à une puissance, qui est aussi formidable, que l'est le Grand Seigneur, de faire de la paix, sans avoir atteint son but et sans avoir été satisfait hautement, de tant de surprises, qu'on a fait à sa Hautesse.

La Princesse Elisabeth a fait mille choses en secret, qui plairont infiniment à Votre Majesté Impériale, rien ne la fait agir, que le malheur tant de sa nation, que d'autres; même il a fallu, que ses amis, et ceux de feu sa mère l'encourageassent, en lui disant, qu'il étoit de son devoir de porter du secours à tant de peuples éplorés, même il y en a qui doivent se rendre à Constantinople, qui viennent de la Russie, pour représenter à Votre Majesté Impériale la cause légitime de l'héritière de feu l'Impératrice Elisabeth Première. Comme nous avons eu le malheur d'attendre ici à Raguse, depuis deux mois, tant le firman de la Sublime Porte que des fonds, cela aura mis de l'incertitude dans l'esprit des politiques, qui ne doivent pas ignorer des faits authentiques, mais qui doivent encore être cachés jusqu'à ce que la Sublime Porte ait publié les manifestes, que nous lui exposerons. La Princesse a envoyé une dépêche à la flotte Russe à Livourne; pour être sûr de notre vie, nous avons expédié une autre dépêche au premier Pacha, le plus proche de Raguse, par la voye du commandant de Trawnik, qui la lui doit faire parvenir. Après le petit détail, que fait la Princesse, Votre Majesté Impériale jugera, combien il est important de soutenir une telle Princesse, et de la venger de tant de malheurs, qui ne l'ont pas abandonné un moment, depuis l'âge de neuf ans; à présent et dans Votre Empire elle commence à respirer, et elle se fera gloire de tenir son bonheur et le bonheur de sa nation et de celle de la Pologne de la main juste de Votre Majesté Impériale, elle en bénira à chaque instant de sa vie le Tout-Puissant. Y aura-t-il rien dans le monde de plus satis-

faisant à une amé aussi élevée, que l'est celle de Votre Majesté Impériale, d'avoir pris la défense de l'innocence; quelle délice pour le plus Grand Empereur au monde, que de se livrer aux nobles penchans de son coeur bienfaisant, douceur qui n'est réservée, qu'aux âmes élevées et susceptibles de grandes et magnanimes actions, en un mot, il faut être grande pour reconnoître la grandeur des vertus, qui paroissent plus éclatantes que le soleil. Que le Grand Maître du monde bénisse vos armées, qu'il fasse la grâce à tant de peuples de conserver le plus grand, le plus juste des Empereurs, qu'il prenne à la tête de ses peuples, et qu'il anéantisse et couvre de fange tous ceux, qui seront ennemis de la gloire et de la grandeur de Votre Majesté Impériale, les ardentés et sincères prières, que fait la Princesse Elisabeth, étant avec un attachement inviolable.

№ VIII.

2.

Copie de la seconde Lettre de la Princesse Elisabeth à l'Empereur Ottoman.

Il est impossible, que Votre Majesté Impériale se refuse aux instances, que fait la Princesse Elisabeth, au plus grand et plus bienfaisant Monarque du monde, elle a eu le bonheur d'exposer à Sa Hautesse le 23 d'Aout, en abrégé, les faits et les raisons, qui l'ont empêché de prendre la résolution de réclamer la haute protection du Grand Seigneur. Il est inutile de répéter les faits, qui ont éclaté et qui seront publiés dans peu, non qu'elle se soit adressé à d'autres puissances, elle a très bien observé, qu'il étoit dans l'ordre, de remettre sa cause légitime entre les bras de la clémence de Votre Majesté Imperiale, c'est pourquoi elle n'a fait aucune démarche. Voici la première par la dépêche du mois passé à la Sublime Porte et par celle-ci; après que la Princesse eût reçu la nouvelle de la paix, qui ne peut avoir lieu; elle n'a été faite qu'entre les Généraux, par conséquent il y auroit de la lâcheté

dans les démarches de la Princesse Elisabeth de ralentir sa confiance et son attachement pour la Sublime Porte; elle persiste, au contraire, dans ses résolutions inmanquables dans leurs sources, à cause, que Votre Majesté Impériale est le défenseur de l'innocence, le soutien de la justice, le protecteur des droits légitimes, tant du côté de la naissance, que pour les sacrés liens de la foi, que Vous professez les exemples vertueux, qui ont éclaté dans les siècles passés, reparoîtront et se manifesteront éternellement par la réputation, que s'est acquise et qu'acquérera Votre Majesté Impériale. Le motif de nos malheurs n'est-il pas assez touchant pour déterminer le plus grand Empereur du monde en notre faveur? Une Princesse, fille héritière d'Elisabeth, première Impératrice de toutes les Russies, ses souffrances inexprimables, le bonheur d'un Empire, qui veut tenir son salut de Vos mains justes et équitables, la Pologne désolée, déchirée, un peuple dévoré par ses ennemis, persécuté dans l'intérieur, les fidèles et attachés à leur patrie en danger de périr par la disette et la perfidie de leurs ennemis, que l'Etre Tout-Puissant touche Votre grand coeur! que cette âme magnanime soit sensible aux larmes de l'innocence et du persécuté! quel parti prendre si Votre Majesté Impériale nous abandonne! La politique ne doit point avoir de part dans des faits signalés de gloire et de justice; elle doit être bannie du Trône, qui ne connoit, que l'équité et la droiture. Le Ciel bénit toujours les armes de la puissance de celle, qui veut la soutenir dans l'ordre. Quel tableau frappant, quelle gloire éclatante, quelle satisfaction pour la Sublime Porte d'être défenseur de l'opprimé! La Princesse passera légèrement sur les avantages, qui doivent résulter naturellement d'une alliance, que nous ferions. La Princesse étant elle même dans la capitale Impériale de Votre Hautesse, elle sera à même de traiter et d'exposer toutes choses à Votre Majesté Impériale. C'est pourquoi, qu'il sera bon qu'elle précipite son départ pour Constantinople. Elle n'a ni firman, ni assurance, mais son courage l'affermir dans ses entreprises et par l'aveugle confiance, qu'elle a pour la Sublime Porte, le tout l'euhardit; le malheur, qui menace sa nation et la Pologne lui font oublier tout danger, et elle est prête de vaincre, ou de mourir. Elle apprend par des voyes directes, que la maison de Bourbon sera ravie, si Elle a assez de forces pour seconde et satisfaire à l'inclination naturelle,

qu'Elle a à rendre la tranquillité à des peuples, qui gémissent depuis si longtems. Elle n'ambitionne pas un mérite, qu'elle devra à la Sublime Porte. Outre cela les pas les plus pénibles sont déjà faits, vu que la nation est dévouée de sacrifier sa vie pour maintenir l'héritière d'Elisabeth; la preuve est authentique, vu que Boubachew est en avantage, il s'agit seulement de ne pas l'abandonner. Hélas! Si le firman, qu' a demandé le Prince de Radzville à la Sublime Porte, étoit arrivé! Toutes les circonstances du tems auroient pris une autre face; voici comment la Princesse seroit arrivée avec toi dans la Capitale Impériale de Votre Empire; on n'auroit pas répandu tant de sang innocent; on auroit pris une résolution relative à la position des circonstances. Comme le tout à été retardé, la Princesse Elisabeth réclame la sublime protection de Votre Hautesse dans toutes les règles, et dans tout les états. Elle est encore à Raguse; elle partira en quelques semaines pour Constantinople, elle conjure Votre Majesté Impériale, au nom de Vos Loix sacrées, de prendre fait et cause d'une Princesse, qui est prête de sacrifier sa vie pour le bonheur des nations, qui sont anéanties; Elle veut tenir de Vos mains équitables cette douce satisfaction, qui sera un monument d'actions de grâces envers le Tout-Puissant. Il bénira Votre règne, et les nations chanteront Vos exploits; il présidera à la tête de vos armées, votre gloire sera éclatante et Votre Nom a jamais gravé dans les Coeurs. Que l'Etre Tout-Puissant Vous inspire les mouvements, que nous lui demandons, et veille au bonheur et à la prospérité de Votre Empire, qu'il accorde de longues années à Votre Majesté Impériale, étant avec le plus fidèle attachement.

№ IX.

ПИСЬМО САМОВАНКИ КЪ ГРАФУ ОРЛОВУ-ЧЕСМЕНКОМУ.

Copie de la lettre à M-r. le Comte d'Orlow.

La démarche, que la Princesse Elisabeth de toutes les Russies fait, n'est que pour vous prévenir, Monsieur le Comte, qu'il s'agit actuellement de se décider sur le parti, que vous avez à prendre dans les affaires du tems. Le Testament, que feu Elisabeth l'Impératrice fit en faveur de sa fille, est très bien conservé et entre bonnes mains; et le Prince de Razoumowski, qui commande une partie de notre Nation sous le nom de Puhaczew, étant en avantage par l'attachement, que toute la Nation Russe a pour les héritiers légitimes de feu l'Impératrice, de glorieuse mémoire, fait, que nous nous sommes armés de courage pour chercher les moyens de briser nos fers. Il est connu, que la Princesse Elisabeth, a été envoyée en Sibérie, les autres désastres, qui l'ont suivie, sont connus de toute la Nation. La voilà hors de danger, hors des mains de ceux, qui ont attenté si souvent à ses jours. Elle est soutenue et appuyée de plusieurs souverains; elle ne vous écrit tout cela, que pour vous avertir, que l'honneur, la gloire, tout vous dicte de seconder une Princesse, qui réclame des droits légitimes. Outre ce devoir absolu, qui la fait agir, elle doit se prêter au penchant de son coeur, et aux sollicitations de ses amis, qui doivent naturellement languir dans des circonstances aussi désavantageuses, que le sont celles de la guerre actuelle, qui s'enflamme de jour en jour plus; et quand même la paix se feroit, ce ne seroit qu'un sommeil interrompu. Il s'agit donc de sçavoir, si vous voulez être dans nos intérêts, ou non? Si vous y voulez être voici la conduite, qu'il faudra, que vous teniez, Monsieur le Comte. Vous commencerez par publier un Manifeste, qui renfermera les articles, que voici ci-joints. Sinon: nous n'aurons pas de regret de vous avoir fait part de nos démarches, et cela vous prouvera, que nous ambitionnons de vous avoir dans nos intérêts. Votre caractère droit et votre esprit juste inspirent cette envie, qui est fondée sur la probité, et qui ne peut que vous flatter: car ce ne sont pas les esprits faux, qui cherchent les moyens pour

faire triompher l'innocence; il n'y a, que les amis de la vérité, qui la soutiennent: outre cela elle a des armes plus fortes, que le glaive, vu qu'il n'y a qu'Elle qui parle, et qui reste. Nous sommes alliés avec la Sublime Porte, nous n'entrerons point en composition, ni même en explication tout ce, que nous pouvons dire, c'est que nous déclarons hautement, et à la face de la terre, que l'on nous a usurpé notre Empire, en nous voulant faire subir une mort honteuse, mais la Providence toujours juste nous a délivré miraculeusement des mains injustes, qui croient couper le fil de nos jours. Il est bon de vous prévenir, que tout ce, que l'on fera contre nous, n'aura nul effet, vu que nous sommes dans l'Empire Turc, et nous allons avec une escorte du Grand Seigneur. Nous nous verrons par les relations publiques la conduite, que vous tiendrez dans cette affaire. Voici les principales raisons, qui nous déterminent en votre faveur, M. le Comte. C'est à vous à choisir le parti, que vous voulez prendre. Si vous vous déterminez pour nous, vous jugez bien de l'important service, que vous nous rendrez; nous n'aurions jamais fait ce pas, si nous n'y étions pas autorisés par les principaux amis de feu l'Impératrice Elisabeth; même nous y sommes obligés par les lois et le malheur d'une Nation, qui nous appartient, c'est une raison trop forte pour que nous puissions nous refuser à porter des prompts secours aux maux, qui ont dévoré Notre Empire depuis la mort d'Elisabeth Première. Vous jugez bien, M. le Comte, que nous ne sommes pas obligés de vous écrire aussi franchement, que nous le faisons, mais nous en appellons à votre bon sens et juste discernement, si les motifs, qui nous font agir, ne sont pas plus que suffisans et légitimes pour déterminer les esprits, qui ont des devoirs à remplir non seulement vis-à-vis de leur patrie, mais encore vis-à-vis d'eux-mêmes: par conséquent c'est à eux à soutenir une Héritière légitime dans les droits, qui doivent faire le bonheur de tant de mille personnes, qui gémissent. Nous sommes assurés d'avance du succès de nos entreprises, qui sont inmanquables dans leur exécution et certaines dans leur réussite. Le grand ouvrage étant fait, il ne s'agit donc plus, que de nous montrer. Nous avons cherché les moyens pour nous rendre à Livourne, mais on nous en a empêché, quoique nous fussions bien assurés de votre probité. Vous en avez donné

des marques signalées dans les circonstances, qui se sont présentées à différentes reprises; et qui nous ont fait juger de l'excellence de votre coeur. Pensez, réfléchissez: si vous croyez, que notre présence soit nécessaire à Livourne, pour conférer ensemble, donnez votre réponse à la personne, qui vous remettra celle-ci. Cette personne ne sait ni de qui, ni d'où est cette lettre, par conséquent soyez discret envers lui; et pour dérouter la curiosité, adressez la réponse à M. de Flotiroat, c'est le nom de notre secrétaire. Les principaux articles, que contient le Testament de feu Elisabeth l'Impératrice, fait en faveur d'Elisabeth, sa fille unique, son frère n'y est en aucune façon nommé. Les raisons sont trop longues à détailler par écrit; il suffit, qu'il commande les peuplades, qui ont toujours été portées pour leurs souverains et souveraines. Elles sont déterminées de soutenir la Princesse Elisabeth Seconde dans un pouvoir absolu, comme l'ont été ses prédécesseurs. Le tems est court et précieux, même il s'agit de brusquer toutes choses, sans quoi toute la Nation sera exterminée sans ressource. Notre coeur compatissant et sensible ne peut voir tant de malheurs à la fois: ce n'est pas la couronne de toutes les Russies, qui nous fait agir, nous l'avons montré par tous les faits, qui ont traversé notre vie; ce n'est qu'un ouvrage digne du sang, qui coule dans nos veines; nous le prouverons encore mieux par la suite. Nous nous en rapportons à votre juste discernement, M. le Comte. Si vous croyez, que vous puissiez répandre le contenu de ce petit Manifeste, ou y ajouter, ou diminuer quelque chose, vous en êtes le Maître, mais avant que vous fassiez cette démarche, réfléchissez bien, et sachez bien approfondir les esprits. Si vous croyez bien faire de changer votre domicile, c'est à vous à connaître toute la position des circonstances, qui pourroient traverser nos démarches actuelles. Tout ce, que nous pouvons vous assurer, c'est que dans quelques circonstances, que vous vous trouviez, nous prendrons fait et cause de votre personne, et nous vous promettons d'être dans tous les tems votre défense et votre appuy. De la reconnaissance il n'est pas nécessaire, que nous vous en parlions, elle est si douce aux âmes sensibles, qu'elle ne laisse point d'espace entre la sensibilité et la susceptibilité; sentimens que nous vous prions de croire à toujours sinceres.

№ X.

ПИСЬМО САМОЗВАНКИ КЪ ГРАФУ ПАНИНУ.

Copie de la lettre à M-r. le Comte d'Orlow.

Toutes choses étant montées au plus haut degré, il est impardonnable de se taire actuellement. J'ai fait savoir toutes choses, il y a un an, et j'ai réitéré d'une façon plus politique toutes les circonstances il y a 4 mois. Je croy, que la démarche, que je fais, doit plaire à Votre Excellence. Car un ministre aussi éclairé que vous êtes, ne doit point ignorer, que l'orage va fondre plus rapidement, que l'on ne le présume. Le remède pour l'empêcher est tout trouvé. Il s'agit de nous entendre, quel motif me fait agir; si ce n'est mon attachement pour un empire, qui se trouve dévoré dans son intérieur et qui ne connoit rien à son propre état. J'ai fait tout ce, que la prudence pouvoit me dicter dans les circonstances actuelles, je vois clairement par tout ce, que l'on fait, que je serois obligée d'abandonner toutes choses et de me transporter subitement à S-t. Pétersbourg, sans quoi vous périrez tous par un malheur inévitable. Il y a des personnes, qui nous ont déshonorés à Pétersbourg, je le sais, et si Votre Excellence fait des recherches exactes, elle le trouvera encore plus clairement, que je ne le puis dire par écrit. J'ai hasardé ma vie et mon bonheur, j'ai fait l'impossible pour arrêter un torrent, qui est trop rapide, pour que l'empire le puisse contenir et encore moins l'apaiser. Je vous ay demandé un homme de confiance et sensé, vous ne l'avez pas envoyé, je vous ay averti, vous êtes sourd et muet, pour l'amour de tout ce, qu'il y a de sacré; soyez donc sensible, digne et incomparable ministre à tant de pauvres innocents, qui vont perdre leur vie. Si vous ne faites des dispositions convenables et dignes de votre caractère noble et susceptible, les belles qualités, qui distinguent les hommes, vous serez plus embarrassé, que moi à tout égard; j'en suis sûr, mais le remède est trouvé, si vous voulez vous en servir. Je prévien Votre Excellence du sort, qui m'a persécuté jusqu'ici, je vous prévien, que tout est entre mes mains; je puis arrêter le fléau, qui est prêt à fondre sur notre empire et perdre toute la nation. Je suis incapable par caractère et par naissance et par sentiment de faire un pas,

qui soit caché et à l'insu de ma nation, non je ne connois pas la fausseté, ny la politique nuisible; au contraire, je déclare par celle-ci, que mon sang, ma vie est à la nation, et jé soutiendrais jusqu'au dernier moment les droits de la couronne et de la nation. Je vais donner des preuves authentiques et signalées de mon attachement à toute épreuve, à toute la terre, ce n'est pas le glaive, n'y la force, qui soutiendra l'empire de toutes les Russies, non, digne ministre, ce n'est n'y l'un, n'y l'autre. Je vous le jure, je laisse à votre juste discernement toute chose, combinez et réfléchissez. Ce que vous ferez, faites le avec bien du ménagement et sur mon compte; il faut être discret. Je vous donne ma parole, que je travaillerais plus que jamais, non seulement par devoir, mais par les droits de la nature, qui sont attachés à la justice et à la droiture de mon entreprise; le sang, qui coule dans mes veines, ne peut me trahir, par conséquent, je dois être fidèle et attachée à ma nation. Ce n'est pas assez de connoitre le mal, il faut se servir des remèdes nécessaires et avoir de la confiance au médecin. Vous vous méfiez, vous craignez, vous doutez, vous voulez aider, et vous ne savez pas comment. Votre Excellence jugé bien, que je ne suis pas obligée de vous parler aussi fermement et aussi franchement, mais l'innocence porte des caractères, qui impriment la vérité, et nous assurent tous les coeurs vertueux. Je ne parlerois pas de ce, que vous avez fait touchant la paix; tout ce, que je puis vous dire, c'est que cette paix est trop chancelante en elle même, pour qu'elle trouve des appuis, ou de la solidité. Vous ne savez pas ce, que je sais. La raison m'impose le silence. Je me prépare pour me rendre à St. Pétersbourg, et c'est votre faute, que je n'y suis pas depuis longtemps. Je vous prie de prendre des mesures, pour que je passe sûrement; mon arrivée doit être à petit bruit. Je vous fais passer celle-ci par une voye indirecte. Si vous avez quelques chose à me mander, vous envoyez quelqu'un à Coblenze, qui trouvera toutes les informations nécessaires à la poste, et vous prie d'être persuadé, que je suis et serois toute ma vie avec l'attachement le plus inviolable de votre Excellence.

La très sincère et très affectionnée

Princesse Elisabeth.

Le 7 d'Octobre.
Au Comte Panin.

№ XI.

ПИСЬМО САМОЗВАНКИ КЪ СЕРУ ВИЛЬЯМУ ГАМИЛЬТОНУ.

Au Chevalier Hamilton.

Votre Excellence!

J'ai l'honneur d'écrire à V. E. en bien des vues. Le premier motif, qui m'y engage, est votre procédé noble et poli à mon égard, qui m'a donné tant de confiance et d'estime; ne soyez pas surpris, je vous prie, tout ce que je fais est pour le bien commun; le Ciel envoie des personnes, qui sont des fléaux pour le genre humain, et des autres, qui le consolent.

J'ai balancé longtems à faire ce pas; je voye, que la raison, le bon sens, m'y autorise, et ce, qui appuye le plus ma démarche, c'est que j'expose mes pensées à un ministre éclairé et juste, qui fait voir son caractère noble et juste dans toutes les occasions; vous le serez encore plus à mon égard, car mon sort est trop touchant, pour qu'une âme susceptible de sentimens comme la votre, s'y refuse. J'ai fait tout ce, qui a été possible, tout a été inutile à cause, que les personnes, qui devaient travailler systématiquement, se sont perdues dans des espérances, qui paroissent être fondées; elles l'étaient en effet, mais elles n'étaient pas soutenues par la force, ni même raisonnées.

Je commencerai à faire un tableau juste de toutes les événemens et époques à V. E. J'attends des conseils et lumières dans l'effet de votre bonté, et si le Ciel me favorise, je pourrai par un retour de reconnaissance vous être utile; la voye est sûre, par laquelle je fais passer les présentes copies ci-jointes à V. E., pour que personne ne se doute de rien, tant ici, qu'à Naples; j'ai fait partir une estafette à un correspondant d'une personne, à qui je puis me fier.

Voici un abrégé de tous les faits, qui m'ont amené dans ces pays, et les motifs, qui me font agir, et les raisons, qui m'autorisent à prier V. E. de vouloir m'accorder des passeports de

sa main, pour passer par les pais de l'Empereur, et quelques lettres de recommandation pour le ministre de Votre Cour à Vienne, et pour celui à Constantinople. Il est impossible, que je passe autrement; je ne puis me découvrir à personne, les uns ont perdu, les autres n'ont pas de pouvoir et peut-être pas de bonne volonté; je ne puis donc m'adresser, qu'à un ministre, qui réunit la droiture, le pouvoir et la bonne volonté.

Depuis que je suis arrivé ici, je n'ai parlé à personne à cause, qu'il n'ya pas moyen de s'y fier; les uns sont d'un partie, les autres d'un autre, et d'autres gardent une parfaite neutralité.

Mon état n'en souffre point à cause, que je dois vaincre, ou mourir; j'ai de grandes facilités à réussir, et voici comment: mon parti est le plus fort dans le pais, Monsieur de Bouhachew est en grand avantage, il est bon général, bon mathématicien, il a beaucoup de pratique, sçait la Tactique militaire à fonds, il a le talent de gagner le peuple, sçait la langue du pais, vu qu'il est lui-même de la Nation Cosaque du Donski.

Lorsque Monsieur de Rasoumowski vint à St.-Petersbourg, il avoit ce jeune Bouhachew à sa suite. L'Impératrice Elisabeth, ma mère décora Monsieur le Comte de Rasoumowsky de l'ordre de St. André, et le fit grand Hetman de tous les Cosaques. Monsieur de Bouhachew fut fait page de l'Impératrice; elle vit, que ce jeune homme avoit beaucoup de dispositions pour l'art militaire, elle le fit aller à Berlin, où il se forma et devint ce, qu'il est à present.

Pendant ces entrefaites ma mère mourut, j'étais âgé de huit à neuf ans; elle avoit fait son Testament en ma faveur, et Pierre Trois devoit me faire élever.

Je fus envoyé en Sibérie, où je fus passée un an, j'en sortis par la compassion d'un prêtre, il me mena à la capitale de Donskoi, où les amies de mon père me cachèrent, je fus empoisonnée dans la maison par une espèce de gouvernante, on me sauva la vie par des remèdes et on m'envoya en prison chez un parent de mon père, qui étoit allé du tems, que Schah Jamat étoit encore Roi de Perse; ce Monarque la combla de bontés; il s'y fit

pour sa vie, il possède de grands biens, il me fit donner toute l'éducation possible, fit venir des maîtres en différents arts et sciences et de différentes langues.

Comme la Perse a un grand commerce en tous pays Orientaux et surtout dans les provinces Asiatiques, qui sont soumises à notre Empire, il trouva moyen de concilier beaucoup de personnes de la nation, qui était intéressées par eux-mêmes à entrer dans son plan. Monsieur de Bouhachew d'un autre côté agissait comme il pouvait, c'est à dire à la Cour de Berlin indirectement et secrètement; les personnes, qui s'étaient unies avec mon parent en Perse, firent aussitôt éclore leurs desseins par des voyes inconnues, dans les provinces, qui sont les plus voisines de la Perse, dépendant de la Russie, on vit toutes les peuplades se liguier ensemble, Monsieur de Bouhachew abandonna aussitôt l'Europe et vola à la tête de toutes nos nations, délivrer tous ces pauvres innocents, qui gémissaient dans des cabanes de Sibirie entre la vie et la mort.

Mon parent me fit partir pour l'Europe, accompagnée d'un homme docte et sage, je passais à travers de toutes nos nations tant sauvages que Chrétiennes, j'arrivois dans le plus grand incognito à Berlin et de là je vins dans tous ces pays, je conclus en passant quelques personnes utiles et je pris la résolution d'aller à Constantinople, pour traiter en personne avec le Grand Seigneur; tous mes amis ne purent, qu'approuver ma résolution, je me rendis à cette fin à Venise, pour passer avec le Prince de Radziville jusqu'à Constantinople: je trouvois le Prince sur son départ pour Raguse.

Avant mon départ de Venise, Milord de Montagu vint me voir, il est aussi prudent que sage et a le coeur excellent, et il est de bon conseil, il approuva mes entreprises, et fit pour moi ce, qu'un frère ne ferait pas.

Nous partimes, le Prince de Radziville et moi, pour Raguse, où le Prince devait trouver le firman du Sultan, nous attendimes deux mois, nous dépensâmes des sommes, ayant 80 personnes à la suite.

Pendant ces entrefaites la nouvelle de la paix arriva: quelle résolution prendre dans ces moments aussi critiques, quelques

semaines avant cette nouvelle j'avais écrits au Grand Seigneur deux lettres, dont voici les copies. Nous avions plutôt à craindre, qu'à espérer, je persistois à vouloir aller à Constantinople, mais je n'y pus aller à cause, que nos fonds étaient épuisés, il fallait attendre. Nous trouvions partout des obstacles, la mer, la saison, la longue attente des lettres nouvelles, qui restaient quelques fois six semaines en chemin, nous nous vîmes obligés de prendre d'autres mesures: le Prince étoit obligé d'aller à Venise, à cause qu'il avoit tant de monde de toutes les nations à sa suite et qui lui étoit plus nuisible, qu'avantageux.

Ma santé ne me permettait pas de m'exposer à être quelques semaines sur la mer, je pris la résolution de prendre la route de Naples.

Je suis arrivé ici le 7, je trouve, que les nouvelles de différentes parts du monde, que la paix n'est pas ratifiée et que Monsieur de Bouhachew avance tous les jours; la malice de beaucoup de personnes ont fait courir le bruit et ont fait insérer leur fausse nouvelle dans les gazettes, que Monsieur de Bouhachew étoit pris, nous avons des lettres originales du contraire.

Le seul moyen, qui me reste, est de me transporter à Constantinople par la Hongrie, mais comment passer? Cette Puissance est liée avec Catarine, ici je serai découverte; cela ne ferait rien, mais pourquoi donner matière à la curiosité et les dépenses? Je suis mortifiée de ce, que je vous donne tant de peine, mais que faire! Je ne crois pas aux miracles, mais bien à la possibilité des choses, qui sont dans le pouvoir humain, dirigé par la droiture et le bon sens, même par la compassion, car tout être raisonnable doit avoir compassion de mon sort, il est cruel et terrassant. Adoucissez, le digne ministre, par un effet de votre âme généreuse! Le Ciel veillera sur vous.

Ma naissance, mon état, ma vie m'est quelques fois à charge, ce qui redouble mon tourment et mon impatience, c'est que je suis assurée comme de mon existence, que dès que j'arriverai à Constantinople, je renverserai cette irrésolution, qui provient d'une fausse politique, qui est une méfiance naturelle, que les Orientaux ont

des autres nations, et je perds ici mon temps, je déterminerai la Porte à sauver son honneur et à me seconder dans mes droits légitimes: le Testament fait foi, je le tiens; je n'oublierai pas les intérêts de Votre Cour auprès de la Porte, car votre Commerce souffre terriblement au Levant par ce Traité, qui a été signé du Grand Visir: faites, je vous conjure, ce que vous pourrez, je serais toute ma vie en revanche avec les sentiments de reconnaissance pour toute la nation Anglaise.

Ici les dépenses sont grandes, je n'ai plus de fonds, Milord de Montégu m'en prêterait, s'il avait les siens; voici quelques unes de ses lettres. Si je pouvois trouver une petite somme de 7000 sequins, je donnerai des assurances sur des terres en Allemagne, que le Duc de Schleswig-Holstein, Prince, Comte régnant de Limbourg, a eu en héritage de la maison de Linenge, fief de l'Électorat de Trèves, le nom de ce Comté est Oberstein, sur la Ahoa frontière de Lorraine, car quand nous nous sommes vus sans argent, nous avons commencé à contracter des dettes, qui doivent être payées ici. Voyez mon état, digne ministre; vous ne pourrez pas me refuser par votre bon coeur quelques papiers, qui me serviront de sûreté partout, où je serai en quelque danger..

Voici ce, que V. E. peut faire sans se compromettre en rien: ce serait de m'expédier un passeport sous le nom de Madame Walmod, ou autre, comme si j'étois Hanovrienne; je sçais l'Allemand, une peu d'Anglois, par conséquent, je ne serai pas trahie, V. E., instruirait le Ministre de Votre Cour à Vienne, et le même Ministre me donnerait les moyens de passer à Constantinople; je voulois aller moi-même à Naples, mais j'ai craint, que cela feroit quelque mécontentement à V. E.; comme il y a beaucoup d'Anglois ici, V. E. pourrait écrire à quelqu'un, pour qu'il s'intéresse à mon égard à condition, qu'on gardera le secret; je laisse à V. E. le soin de ménager les choses selon son bon plaisir. Vous avez plus de lumières, que moi, j'attends des conseils de votre part, toute ma vie sera accompagné de la plus vive gratitude.

Je n'ai pas un moment à perdre, je vous conjure, faites des réflexions, j'ai une aveugle confiance en V. E. Si je pouvois vite partir d'ici, j'arriverai encore avant la fin de l'hiver à Con-

stantinople, et ayant que les troupes entrent en campagne, vous voyez, digne ministre, que mon sort dépend actuellement de V. E. Je ferai de point en point tout ce, que vous me direz, et suis et serai toute ma vie avec les sentimens les plus sincères et avec l'attachement le plus inviolable de Votre Excellence

la plus humble et très dévouée

Servante

Princesse Elisabeth.

Rome, ce 21 Décembre, 1774.

P. S. J'ai beaucoup de lettres de personnes de Votre Nation, je ne veux pas vous fatiguer.

N° XII.

ПИСЬМО САМОЗВАНКИ КЪ КАРДИНАЛУ АЛЬБАНИ.

Copie du Billet au Cardinal Albani.

La Princesse Elisabeth reçoit avec la plus vive joye l'assurance gracieuse de Votre Eminence, qu'elle lui facilitera tous les moyens nécessaires pour conserver la confiance, qu'elle a en Votre Eminence.

Elle commencera par donner une idée du motif, qui la fait agir, et elle joint ici celles copies, qui serviront d'éclaircissement à Votre Eminence. Comme tout le système d'aujourd'huy est tombé, il ne faudra pas beaucoup d'explication à Votre Eminence, pour lui faire connaître les moyens, qu'il y a pour concilier les esprits, qui sont intéressés dans les affaires du tems. Nous sommes en avantage, nous avons toutes les nations pour nous; la paix, qui nous soutient, il y aurait par conséquent moyen de faire quelques pas à l'avantage de la Pologne.

Le tout seroit fait, si l'on n'avoit pas contrecarré les vues de la Princesse. Elle étoit allée à cette fin à Raguse pour pouvoir passer sûrement à Constantinople. Elle a envoyé deux lettres à l'Empereur, dont voici les copies. Pendant cette expédition, cette paix chimérique, se conclut entre les Généraux, quel parti prendre dans des circonstances aussi critiques? La vie, l'honneur tout étoit exposé. Il fallut donc s'armer de courage et prendre une autre résolution, pour prendre un autre chemin. Tous les moyens nous étoient coupés, toutes les lettres interceptées: en un mot la Providence seule nous a soutenus dans tant de disgrâces.

Pour en revenir au premier but, si la Princesse Elisabeth a le bonheur de vaincre ses ennemis, Elle fera une convention avec la Cour de Rome, que tous les moyens, qui seront praticables, Elle les emploiera, pour que la Nation reconnoisse l'Eglise de Rome. Le tout est ignoré, de tout le reste de la terre, c'est à dire, les vues de la Princesse. Elle conjure Votre Eminence de lui tenir le secret.

Comme Elle ne sçait pas, qui sera élu Pape, Elle est bien aise de prévenir Son Eminence, Elle est assurée par son caractère noble et distingué, qu'il fera pour Elle ce, qui sera dans son pouvoir. Elle de son coté a l'honneur d'assurer Son Eminence, qu'Elle fera l'impossible, pour lui témoigner sa vive gratitude.

Une réflexion. Selon le bon sens, il paroît, que le plus tôt sera le mieux, que la Princesse parte. Mais Elle ne sçait pas, pour quel pais partir, pour être assurée. Elle voudroit avoir une conversation avec les personnes, qui sont les premières intéressées dans leur patrie, même qui en sont chefs. Il faudra amuser le Roy de Prusse; faire des plans avantageux aux uns et aux autres. Quel malheur, que la Princesse soit privée du bonheur d'entretenir le plus digne de tous les Cardinaux, que le Ciel veuille exaucer nos prières; qu'il place cette couronne sur la tête de Votre Eminence. Nous vous conjurons par nos larmes, par toutes les souffrances de tant de peuples éplorés, de ne vous pas opposer au bonheur de tant d'âmes, qui puiseront leur bonheur dans votre sein.

Ne craignez, que le sexe trahisse nos fermes résolutions; non, la faiblesse humaine est toujours réservée à l'humanité; mais dans les affaires, qui ont leurs sources secrètes, n'y succombent jamais: nous attendons des conseils et des lumières de la générosité de Votre Eminence, étant à toute épreuve.

№ XIII.

ПИСЬМА КНЯЗЯ ЛИМБУРСКАГО КЪ САМОЗВАНКѢ.

1.

Celle-ci n'est, que pour vous prévenir, mon très cher enfant, que je ne serai rendu, que demain le X Septembre à Francfort et qu'il m'a été impossible d'y arriver plustôt, je n'arriverai donc, que dimanche à Coblence, où j'espère de recevoir de vos nouvelles. Je puis donc être rendu indubitablement la semaine prochaine à vos pieds. En attendant je vous supplie de ne point répondre à M-r de Hornstein, car il serait impossible, que vous puissiez éviter de tomber en contradiction avec ce, que j'ai avancé; quoique ce n'est que la pure vérité, mais vous m'avez rendu un peu politique. Il s'agit donc d'être d'accord entre nous; je ne puis rien vous dire de nos affaires, sinon, que je me tue à les réparer et à trouver des moyens, pour ne point vous exposer à redevenir la risée des... envieux. Mon amour pour vous, mon cher enfant, redouble chaque jour, malgré tout le mal, que vous m'avez fait; je me meurs de douleur, quand je pense quelquefois, que la raison pouvait bien ne point être d'accord; tachez donc vous, qui êtes la sagesse même d'y apporter remède; il s'agit de penser sérieusement à notre bonheur futur. Je m'attends surtout, que vous m'accorderez cette fois de pouvoir mettre ma conscience en repos, et que je prenne toutes les précautions, pour pouvoir vous aimer avec autant de pureté, de sincérité. Soyez persuadée, qu'il est de notre intérêt, que ce soit ainsi et que mettant Dieu de la partie nous nous moquerons de l'univers, car je suis résolu de vivre dorénavant en bon chrétien de tout sacrifier à celui, dont je tiens tout et de qui j'espère tout,

même notre union, qui seule peut faire mon bonheur dans ce monde.

Adieu, mon adorable cher petit enfant; je t'aime¹ plus que jamais.

№ XIV.

2.

À Bartenstein, ce 14 de l'année.

Je pars demain, mon très cher enfant, pour Augsbourg, après m'être arrêté ici 3 jours, à cause d'un accident imprévu et de la plus grande importance pour cette maison; j'ai eu le bonheur de réussir en ce, dont ils m'avoient chargé et qui les occupait infiniment. Il a beaucoup été question de 65 et je fus fort surpris de voir

(Alij)

débuter 57 par me dire, que selon toute les apparences 65 était

(Bartenstein)

(Alij)

filie de feu 4 et du Hetmann des Cosaques; que le Lieutenant

(Elisabeth)

de P. de 45 avoit donné les plus grands éloges de sa conduite. et tout le monde meurt d'envie de connoître ce chef d'oeuvre, il n'y a, quel'extraordinaire, dont toute contrée est imbibée, qui tient encore en suspens tout le monde, et je me convaincs plus que jamais d'avoir eu raison de soutenir, que c'était la plus grand bêtise, qu'on avoit fait, l'on restoit court par évènement.

Je vous embrasse, mon cher enfant, de toute mon âme et suis pour la vie tout à lui.

À Augsbourg, ce 17 de l'année.

Par mégarde on a gardé cette lettre sans la mettre à la poste, ce qui me désespère, Mentor ne sçait plus, où il en est; il était temps, que j'arrivasse, car il avoit reçu des impressions contraires de Calipso. Comme la poste part je n'ai point le temps d'entrer en détail. Il suffit, mon cher et aimable enfant, de vous

dire, que je meurs d'envie de recevoir de vos nouvelles et qu'un paquet, que vous avez envoyé à Schenck, a été ouvert à Francfort: celui-ci devrait être sur ses gardes; je vous prie de vous tranquilliser et de me marquer ce, que c'est, que la réponse de à Marine: il m'a dit lui avoir écrit, à l'égard de nos affaires d'Oberstein; je le..... vous en marque quelque chose au premier jour, vous pouvez dire au baillif, que j'avais souhaité l'avoir amené et qu'il vous dise, quels sont les villages et droits, qu'on pourrait encore comprendre dans le traité avec la France. Je suis plus que jamais de mon aimable enfant le plus fidèle esclave.

№ XV.

3.

On vient (de LXXX) (B) que (du) de (Ci) qui est en (74) veut
d'avertir Philippe le confident Radzivil Palatinat
que (Ci) se (CXX) à (155), où il ne serait pas (q) comme à
Radzivil loge Deux Ponts maitre
(154), mais comme ce Monsieur est hypocondre et mélancolique,
Oberstein
il (LXXXXIX) toujours de (VI) et veut être à côté d'un (CZ)
craint mourir médecin
qui a été longtemps en (3) il (.I.) la langue et il y a beaucoup
Pologne parle
de (CVII).
confiance

(B. C III.) que (CC.) aura (L XXX II) mes trois (ex) (en)
Philippe espère Betti obtenu lettres l'Empereur
(LXXXII) vouloir (CCX IV) à l'égard de (B) il a (LII) au
paraît de loin changer Philippe déclaré
nouveau (db) de (59), qu'il re (LIV) les droits de (B) pour
ministre Hollstein connoitroit Philippe
légitimes et n'y pouvait rien faire de contraire, donc il faut
(C IV), que (en) a envie de nouveau de les (LXX) contre (I.V.),
croire l'Empereur appuyer le Danemarck
qui va (X L I) avec (—+—) ce qui serait le plus grand bonheur
rompre la glace la Suède
pour (B) et £°.

Philippe

Il y a à chaque moment d'autres (b r,) ce qui (XX VII) à
 gazettes donne un titre
 (C IV), que le système politique n'est pas encore de (XXXIV), mais
 croire durée
 on (CL XXX IV) pour sûr (X 1) entro (I-V) et (+-+)
 annonce une guerre la Suède le Danemarc
 Quel bonheur! Vive (A.) de (154.).
 Betti Oberstein

(Sa) gallhau.

№ XVI.

4.

Voilà donc notre bon Roy mort, et selon ce que le député
 en augure, ce ne sera point le plus grand malheur, qui aye pu
 arriver dans les conjonctures présentes (Ca) doit s'être expliqué
 Le Dauphin
 d'une façon avantageuse (Bz) se laissera plutôt animé à suivre
 Oginsky
 le plan et d'aller joindre (A) à (101), c'est pour cet effet que (B)
 Betti Venise Philippe
 écrit la lettre cy-jointe, je dois ausi. prévenir V. A. que feu
 (94, 5. 96. 9) (7. 92. 16. 8. 11) pourroit bien encore être en
 Pugatscheff
 vie (F) le croit, j'ai dit, que comme (A) m'en avoit fait un Mys-
 Carline Betti
 tère jusqu'au dernier moment, je n'avois pas seulement eu l'idée
 de le demander, de même que je n'avois point pu demander
 (EX) de (DK) ni du (ET) sans marquer une défiance indiscrete, que
 la lettre Pugatschew Courier
 (BZ) s'éclairciroit là dessus.
 Oginsky

J'ai fait copier une lettre, qui est arrivée à Marine absent,
 vous en verrez, mon cher enfant, le contenu et comme celui-ci tardera
 encore quelque jour d'arriver, on lui fera connoître votre embar-
 ras de ce retard, en attendant il sera absolument nécessaire de

lui écrire une lettre ostensible pour tous les créanciers, sçavoir, que vous auriez soin de faire acquitter le tout par un banquier à Paris, que vous lui rembourseriez non seulement tous les billets, mais également l'argent comptant avancé, ainsi que les frais et dommages, qu'il avoit eu, et que vous y joindriez à ça une reconnaissance proportionnée au service, qu'il vous avoit rendu et effectivement ce pauvre diable a vraiment bien agi et comme il ne faut jamais juger de l'importance du service rendu par les hommes mais par les facultés de celui, qui les fournit, il y a fait plus, qu'il ne pouvait.

Il faut cependant, que vous lui disiez de me remettre une note (que je vous enverrais à l'adresse, que vous m'indiquerez) de tous les déboursées et prétentions, et que c'étoit sa faute de ne l'avoir jamais voulu faire, sans quoi vous auriez déjà réglé cet article. Merain m'a dit, qu'il croyoit, que vous lui aviez laissé le billet de 50000 fl. pour lui en faire une galanterie; dans le temps j'ai répondu, que ça se pouvoit, et qu'il falloit bien compter de retirer le double et le triple, si les affaires de la Princesse prenoient une bonne tournure, et que si ça n'étoit point, le malheur seroit aussi grand pour elle, que pour les autres, que sûrement elle feroit l'impossible pour tâcher de s'établir ioi, sachant, combien que (B) l'aimoit et qu'elle étoit adorée de tout le monde etc etc. c'est

Philippe

ce, qui m'a paru le rassurer.

Je partirai mercredi l'après diner pour Comblence, et serai rendu jeudi pour y attendre ce, qui doit me venir de plus cher au monde; vous aurez sans doute reçu ma grande dépêche de hier ainsi que la clef pour lire ce, qui suit; j'ai pensé, que ça étoit très bon pour pouvoir écrire les mots, que la clef, que vous avez ne marquoit point et dans le cas où vous perdriez la première, ou que la situation des affaires exigeroit, que vous la brûliez, pour lors il faudroit donc m'en donner avis sur le champ; faites seulement attention, que dans le cas ou j'écrirois purement avec des chiffres les lettres, qu'on met entre les chiffres, ne disent rien et que ce n'est que pour marquer la distinction entre les lettres au lieu des points, car au bout de chaque mot, on fait une virgule. À propos vous verrez peut être chez le Ministre un homme

qui s'appelle S-t Flosel: il en est ensorcelé et je crains, qu'il ne le perde un jour; cet homme a la réputation du plus grand coquin, a trahi le maître, qu'il avoit servi pendant dix ans et qui l'a tiré du néant et sauvé du précipice, cet homme est fin, mais point assez savant pour ce dont le Ministre s'en sert et très grand bavard, vous le trouverez aussi insolent et hardi, qu'il est débauché; ce seroit le plus grand service à rendre à notre bon Ministre de le débarrasser d'une pareille créature, qu'il le récompense pour le service, qu'il pense en avoir eu et s'en sépare, mais j'ai peur, qu'il n'en sera rien avant qu'il ne l'ait trahi à son tour et pour lors il ne sera peut être plus temps.

Si j'avois su combien je (9. Z. 7. 95. 6. 7) (16) je ne
t'aimois
 (92. 9. 5. 93. 6. 7. 16), jamais laissé (94. 9. 93. 92. 7. 93)
t'auois partir
 non je ne (16. u. 93. 4. 7. 4. 93. 8) point si ça (10. 6. 14. 9.
survivrai continue
 Z. 7. 14. 5. 9) donnez moi une (9, 98. 93. 8. 16. 5. 93. 8) adi-
adresse sûre
 eu (95. 9, cio. 12. 8. 93. 8, 94. 92. 7. 92. 8.
ma chère petite

№ XVII.

5.

Malgré... malgré... malgré... je fais toujours ce, que vous voulez, et comment pourrait on chagriner ce, qu'on a si tendrement et sincèrement aimée, quand on aime pour soi, on cherche son plaisir; quand on aim, comme je le fais, on sçoit y renoncer, quand il le faut. Je vous conjure donc, mon cher enfant, de ne vous occuper que de vous, de ce qui peut vous procurer votre vraie satisfaction; je saurai toujours renoncer à mes droits, lorsqu'il s'agira de les céder pour vous rendre heureux, mais de grâce ne vous faites pas illusion à vous même. Vous êtes à un âge, où il est temps de réfléchir, et dans une position, où toute méprise devient irréparable. Consultez vous d'abord avec Dieu, implorez son

secours, sacrifiez lui votre coeur, qui est la seule chose, qu'il ambitionne et que vous ne devez, qu'à votre créateur, qui l'a créé pour lui; il usera de tous les moyens pour le gagner, et si vous persistez enfin à lui résister, il vous abandonnera à votre aveuglement volontaire.

Je serais enchanté de vous voir et de vous retrouver partout; si je ne cherchois à vous éviter de la peine, je vous communiquerais une pasquinade, qu'on dit annoncée dans une feuille périodique, qui ne peut regarder, que vous et l'étranger de Mosbach; elle est très humiliante et vous donne un objet de tendresse indigne du rang que..... je connais ce personnage par ce, qu'il lui appartient au Palatinat; je compatis à votre faiblesse, si ça est, mais je ne vous pardonnerai jamais une bassesse surtout après..... je me garderois cependant bien de vous donner des conseils. Il y a des gens de mérite dans la lie du peuple et dont les sentiments ennoblissent la naissance; la vertu seule est digne d'un Trône, mais elle doit être reconnue et éprouvée; elle ne se mesure point à l'aune.

Le bonheur ne dépend, que de la tranquillité de l'âme; tout ce qui y mène, doit être l'objet de nos désirs, tout le reste est vanité, erreur, mais jamais on n'en peut jouir, que par la vertu. Si donc vous trouvez, de quoi vous procurer ce bonheur, Md. Frank, ou Md. Schöll, ou Madame Trémouille, ça reviendra au même, que ce soit par la flûte, ou par le tambour, mais qu'il est rare, mon cher enfant, de ne point se tromper, lorsque la seule passion nous guide. Maudit amour, raison sévère à qui des deux dois-je céder! (dit Racine), qu'un instant de plaisir me va couter des pleurs. Vous voyez, que je suis raisonnable et que je ne gronde point, mais je veux, que vous le soyez aussi et que vous me regardiez comme un vrai ami; ces sentiments, je crois, me méritent ce titre et c'est tout ce que j'ambitionne, puisque votre Sangchaud m'a privé de celui d'amant; je suis chaud aussi, mais que Dieu me damne éternellement, si j'en ai fait l'essai depuis le départ de Betti et j'ai juré au Dieu éternel, que jamais plus ça m'arrivera. Je vous prie de dire à votre protégé, que s'il ne pouvoit point faire les preuves de grand croix d'ancienne noblesse, il pouvoit avoir l'autre ordre, et que je le lui ai donné ad honores, pour pouvoir le gratifier des 300 ducats, car je n'aurais pas pu me relâcher sans

cela. Vous lui remettrez aussi l'extrait des statuts, qu'il paroît ignorer. Je vois bien, qu'on vous soupçonne, qu'on ouvre vos lettres au style, cependant ça m'embarrasse; si vous envoyez le nègre, que ferez vous de la negresse, son père et sa mère se desesperent, et si vous suivez vos projets, je ne crois point, qu'il vous faille une grande suite. J'ai fait dire des Messes et ai fait mes dévotions, pour que Dieu vous bénisse et surtout qu'il vous éclaire ou plutôt amolisse une fois votre coeur, qui ne cherche, que les ténèbres et n'aime, que la vanité et l'illusion. Excusez, ma chère amie. On vous flatte assez, pour que j'ose vous dire la vérité. Le musicien officier a écrit à sa famille et prétend, que le Pr. R. s'y est seul opposé, serait-il possible, qu'il en eût eu connaissance; dans ce cas je serois plus surpris de son changement... tout le monde vous aime et estime ici, cependant ça n'empêche point, qu'on ne me propose des jeunes vertus de tous côtés pour me marier, mais Dieu, qui gouverne mon coeur, m'inspire d'autres sentiments, et j'espère, que les vôtres ne me déshonoreront jamais, car mon amitié a été à toute épreuve.

P. D. L.

№ XVIII.

ПИСЬМО КНЯЗЯ РАДИВИЛА КЪ САМОЗВАНКЪ.

Madame!

Je regarde l'entreprise de Votre Altesse comme un miracle de la Providence, qui veille sur notre infortunée patrie, en lui envoyant au secours une si Grande Héroïne.

Je brûle de l'envie de vous faire ma cour; mais il y a de petites circonstances, qui me retardent ce bonheur. Je volerois dans l'instant chez Votre Altesse, mais étant habillé en Polonois, je crains, que cela ne donne aux yeux curieux; Votre visite chez moi pourroit faire le même effet, y ayant beaucoup de monde. Il faut donc choisir un lieu à l'écart pour notre entretien, afin de nous soustraire à la vue de ces lynx.

J'ai une maison, que j'ay fait louer depuis un mois; elle reste toute vide. Si Votre Altesse le trouve bon, Elle voudra bien

s'y rendre incessamment. Je m'en vais vous y attendre. Le porteur de celle-ci, homme d'une fidélité reconnue, vous servira de guide. J'attends avec tous les respects possibles,

Madame,

de Votre Altesse

Le très humble et

très obéissant serviteur.

Charles Duc de Radzivil,

Palatin de Vilna

№ XIX.

ПИСЬМО ГРАФА М. ОГИНСКАГО КЪ САМОВАНКѢ.

À Paris, 9 May, 1774.

J'ay reçu deux de vos lettres, Madame la Princesse, du 28 d'Avril et l'autre du 1-er de May, avec le même empressement et le même contentement. Vous m'apprenez deux voyages, que vous projetez, celui de Londres et de Gènes, à attendre avec impatience lequel des deux vous sera le plus nécessaire, pour vous accompagner des vœux les plus sincères, partout, où vous tournerez vos pas.

Je me remets un peu de mes maux de reins, qui m'ont tenu jusqu'à présent presque dans mon lit; je me serais efforcé pour vous voir, si un nouvel empêchement n'y mettoit obstacle, la petite vérole du Roy, dangereuse même jusqu'à présent, imposeroit même une indécence, à quiconque feroit semblant de s'absenter dans ce moment-ci de cette capitale. Je pris le parti de vous envoyer un homme, auquel je puis me fier, c'est le gouverneur des enfans de mon beau-frère, homme sage et discret; chargez le d'une lettre moins énigmatique de ce, qu'elles ont été jusqu'à présent, par toutes les nouvelles, que vous me dites d'avoir reçues; je vous suppose instruite des quatre parties du monde, et en avoir la régie, je suis convaincu, que vous vous acquitteriez le mieux du monde, j'ai l'avantage de connoître et votre tête et votre âme.

Quant à moi, mes persécutions continuent toujours, dans ce moment-ci je suis averti, qu'on veut m'ôter ma charge, la seule chose, qui me restoit encore après le bien sequestré; jugez après cela, comme les énigmes font plaisir. D'ailleurs mon attachement pour vous est si pur, qu'aucune double atteinte ne peut être de son ressort, ni de son goût. Vous n'aurez pas d'excuse, l'occasion est sûre, faites parler votre coeur et votre plume, je n'aurois que des oreilles et ma sensibilité pour recevoir vos impressions, mais jamais de bouche pour répéter ce, que vous m'aurez confié.

Je vous assure, Madame, que de ma vie je n'ai essuyé tant d'inquiétude à votre égard, au sujet des affaires, bref au sujet de la somme des circonstances du tems; l'article, qui vous regarde, m'est le plus précieux; je voudrais que vous soiez heureuse, comme vous le méritez, et je ne sçais quel chemin doit vous conduire, je voudrais être un peu moins malheureux, et je ne sçais quels en sont les moyens, je voudrais le bonheur de ma Patrie, et je n'en vois pas le premier commencement, cela fait autant de différens tournens, qui ne font naître que des inquiétudes, mais point des ressources. La destinée de l'ignorance est plus cruelle que celle de l'aveugle, la première aveugle, la seconde peut être imposée par la force supérieure, hors il est toujours plus malheureux d'être aveugle, qu'inagité. Éclaircissez moi sur tout, Madame, donnez le cours libre à votre plume; je verrai, si elle me dira tout ce que votre coeur pense, et s'il pense comme je le désire, assurez-moi pour toujours vos bontés, ne les variez jamais, que dans la manière de me les témoigner.

Quoiqu'à peine je puis me remuer encore, j'aurais pourtant fait l'impossible pour vous voir, sans l'accident nouveau de la maladie du Roy, il m'auroit été bien doux de vous embrasser. Combien de fois ne se dit-on pas par jour, qu'on ne fait jamais ce que l'on désire avec le plus grand empressement, il suffit de désirer quelque bien avec ardeur, pour qu'il n'arrive pas.

Adieu, Madame la Princesse, conservez moi toujours vos bontés; peut être un tems viendra, qui me rapprochera de vous, pour vous témoigner ma reconnaissance.

№ XX.

ПИСЬМО Г-НА ДЕ МАРИНА КЪ САМОЗВАНКѢ.

Madame!

Agréez les compliments, que j'ay l'honneur de faire à Votre Altesse, sur tout ce, qui luy est arrivé d'agréable et satisfaisant pour nous, depuis que nous avons eu le malheur de vous perdre. J'ignorois jusqu'icy la raison, pour laquelle je n'avois point été honoré de vos ordres, depuis que M. Merain m'avoit rapporté d'en avoir eu l'assurance de vous, ny de réponse à plusieurs lettres, que j'ay eu l'honneur d'adresser à M. Le Ministre à Augsbourg. Je ne fais que d'apprendre par le Prince, qui est de retour icy depuis peu et qui repart demain, pour terminer une affaire avec L'Electeur Palatin, relativement à Mulheme, semblable à celle, qu'il a faite avec l'Electeur de Trèves, que ne sachant pas ou ne voulant pas savoir, où vous vous trouviez, il ne s'étoit point chargé de l'envoy de lettres, ce qui m'a fait beaucoup de peine, comme vous le pouvez penser. Madame Son Altesse m'avoit jusqu'icy fait un espèce de mystère de votre séjour actuel, mais les lettres de M. Knor à ses amis du voisinage et tout ce que nous venons d'apprendre par les nouvelles publiques, mais particulièrement par des officiers Francois, qui en ont fait le rapport à leurs chefs, m'a si bien développé ce, qu'on sembloit avoir à coeur de cacher et de diminuer par la vive joye, que j'ay senti que le moment, où je suis sûr de pouvoir m'expliquer avec Votre Altesse est devenu l'époque la plus consolante et la moins attendue pour moy. Vous êtes donc, Madame La Princesse, à la tête d'un parti distingué et dont vous estes bien faite pour relever le courage abattu, votre prudence, votre discernement, votre prévoyance leur doivent être garants d'une retraite quelquefois plus glorieuse, que la victoire même. Il n'est pas étonnant de voir une élévation d'âme au milieu des succès, c'est même naturel, mais d'en imposer à une fortune rebelle, d'en imposer à des événements bizarres et tout à fait contraires à ce qu'on devoit se promettre, ce n'étoit réservé qu'à une Elisabeth de vaincre de cette sorte; tel que soit donc l'évènement, Madame, il ne nous

peut devenir qu'heureux, puis qu'il vous sera toujours favorable. Si vous poussez en avant, il y aura bien quelques feuilles de vos lauriers, qu'il nous sera permis de ramasser; si, au contraire, vous revenez à nous, il n'en faudra pas davantage pour remplir nos coeurs de la plus douce consolation et de la plus vive satisfaction. Il n'y a qu'un cri après cette incomparable Princesse, et il semble, que l'époque du bonheur commun ne sçaura se fixer qu'à celle de votre retour dans nos rochers. Ce n'est point, que nous n'ayons de quoy nous distraire de temps en temps, par les visites, qui nous viennent, nous avons joui de celle de M. le Duc de Laroche-foucault, ensuite d'une autre que M. de Compagnot nous avoit amenée, et dans ce moment nous possédons l'agréable et très spirituel Comte de Bussy, qui nous occupe et qui a le don d'amuser le Prince, en faisant adroitement tomber la conversation sur Votre Altesse, sur tout ce qu'il en a entendu dire d'agréable en France et de ce dont on ne cesse de luy corner les oreilles à Oberstein. Il n'est pas difficile, qu'avec cela il réussisse entièrement à faire sa cour au Prince; chacun s'offre à l'envie l'un de l'autre de luy apporter des nouvelles de Raguze; par la peine qu'on le voit souffrir de n'en avoir point d'assurée et de vous sçavoir au milieu de troubles et d'agitations, qui intriguent aujourd'hui toute l'Europe, ainsy que Votre Altesse le verra par les feuilles publiques, qu'on m'a remises et que je prends la liberté de vous adresser. Le Prince, qui ne nous inquiète pas peu, prétend que vous seriez beaucoup plus nécessaire à la Cour de France pour vous assurer des dispositions des Ministres, afin de donner la première impulsion de ce costé là et de pouvoir ensuite reposer sur un système fixe et assuré, avant que de s'aventurer vers l'Orient. La vie et la mort ne dépendent que d'un moment de fantaisie, d'un succès, ou d'un malheur, d'une défiance quelquefois, ou d'un trait de politique, qui abat les têtes les plus élevées de ces régions. M. de Bussy est chargé de la part du Prince pour traiter de ses intérêts à la cour de France, et je sçais, qu'il luy a été particulièrement recommandé de s'occuper sérieusement à les combiner avec les Vôtres, et même de se charger des miens, par la liaison, qu'ils ont avec ceux de la gloire de Votre Altesse; car j'ay des ennemis dans ce pays là et ceux, qui se disent mes amis, ont cruellement abusé de ma confiance et de ma longue absence, qui y a donné

lieu; on ne parle chez nous, que de subsides, de prétentions et d'entreprises, il seroit donc bien malheureux, que vous ne soyez point à la tête de tout; mais comme vous ne sauriez être partout, où vous seriez nécessaire, je me contente de vous souhaiter toutes les prospérités là, où vous êtes, à charge toutefois de ne point oublier quelqu'un, qui n'a d'autre espérance, que dans vos bontés et qui ne peut être égalé, que par la confiance, que j'ay toujours mis dans vos promesses et dans la gloire de vous être attaché avec le plus profond respect, avec lequel je suis de Votre Altesse le très humble et très obéissant serviteur.

B. D. Marine.

Daignez, Princesse, agréer les hommages très respectueux de M. Merain et mes excuses d'employer une main étrangère pour avoir l'honneur de vous écrire: une indisposition, qui m'accable, me force d'en user et mon empressement à avoir des nouvelles de Votre Altesse ne me permet pas de différer.

À Oberstein, le, 13 May, 1774.

№ XXI.

ПИСЬМО Г-НА МОНТЕГИО КЪ САМОВАНКѢ.

A Son Altesse Madame la Princesse Elisabeth etc. etc. etc.

À Raguse,

Madame!

Mon destin est singulier, faut-il qu'une personne, comme Votre Altesse, une Princesse née pour faire le bonheur d'un Empire, me rende malheureux! Hélas Madame, c'est cependant un fait, ma liberté, mon indépendance me rendoit heureux et m'assuroit de la tranquillité par une médiocrité, mais au dessus du besoin; informé des fortes prétentions de Votre Altesse, je perdois ma liberté; je ne pouvois faire de moins que de m'intéresser à son sort et en

m'y intéressant c'en étoit fait de mon bonheur, mon indépendance n'existe plus et je ne peux plus jouir de ma tranquillité. Hélas! Madame, que la situation de V. A. touche, cela n'est pas assez pour Elle, il s'agit de la servir, il s'agit de lui être utile, c'en est trop pour moi, et il ne m'en reste qu'une affliction, qu'un désespoir de ne pas être en état de l'assister; la même raison, qui m'empêchoit de pouvoir l'escorter, quand Elle partit d'ici, m'a toujours empêché depuis de satisfaire à mon empressement de me rendre à ses ordres, et encore me met hors de pouvoir de voler à son aide; le manque d'argent, l'affaire de l'héritage du feu Duc de Kingston, est loin d'être finie, la Princesse sa veuve, qui a l'honneur d'être connue de Mons-r de Radzivilk; n'est pas encore arrivée en Italie. Je voulois au moins passer à Tunis, pour être dans un bon climat, pour être sur terre Musulmane, mais non, l'on m'écrivit, que la crise en ces affaires tant de moi, que de ma cousine germaine, ne me permet de m'éloigner d'un pas: qu'elle juge donc de mon chagrin, pour ce qui regarde V. Altesse; quant à ma personne, je suis au dessus de la fortune.

J'avois refusé les emplois les plus brillants; je croyois mon bonheur attaché à son service, je me croyois déjà honoré de sa protection, je me voyois distingué par un ordre de sa main, je la voyois, et la voye sur le Trône. Le Sultan ne peut qu'être touché de son sort, il ne peut que suivre son conseil; j'aurai pu répondre du dernier, j'avois l'honneur de le connoître beaucoup, il m'honoroit d'une protection singulière, je ne connois pas celui-ci, mais il a mal débuté; il ne peut réparer sa faute que par deux manières: l'une de n'entrer dans aucune paix, qui ne soit dictée par l'Angleterre et son propre honneur, l'autre à mettre le sabre à la main, marcher à la tête de son armée, combattre sous l'étendard de Mahomet, confondre les ennemis par une démarche hardie, et suivre les traces des premiers conquérans Arabes; mais s'il écoute l'Autriche et la Prusse il n'en fera rien. Je le plains, je plains Votre Altesse, mais comme Démocrite je pleure le sort des illustres malheureux, parce que je ne puis remédier. V. A. a fait tout ce, que la sagesse et la prudence pouvoit dicter; est-il possible, que Mons-r de Radzivilk aye dépensé l'argent, qu'il a reçu peu à la vérité, mais beaucoup pour Raguse. J'ai parlé

immédiatement à Mons-r le Comte Polonois, qui me dit, qu'il la pourroit assister et qu'il le feroit (peut-être), s'il sçavoit, combien suffiroit; je lui répliquois, que deux ou quatre mille suffiroit; il me répondit: Son Altesse, ne m'en a pas écrit, je lui dis tout ce, que l'occasion et les circonstances me suggéroit égard à l'importance du service, égard à mon obligation particulière, égard à la manière de faire parvenir la somme à V. Altesse, tout a été inutile, sans cependant donner d'autre raison, que de répéter: l'on ne m'en a pas écrit. Ainsi je ne vois pas, qu'il soit possible de l'assister aussi promptement, qu'il le faudroit et qu'elle souhaiteroit, mais je crois fermement, que si V. Altesse daignoit écrire à Mons-r le Comte et lui demander une somme, pas trop forte, qu'il la fourniroit immédiatement, et je puis la faire toucher immédiatement à Raguse, car je connois un négociant Ragusin ici. À peine Votre Altesse pourra lire cette lettre, mon désespoir tant m'affecte, que je ne sçais quasi ce que je dis, et cette anxiété empêche ma main d'être ferme, je sçaurai cependant toute ma vie dire et souscrire, que je suis et que je serai toujours avec le plus grand respect et l'attachement le plus inviolable

de Votre Altesse

le plus humble et

plus dévoué des serviteurs

Montaigu.

Je souhaite que V. Altesse trouve Mons-r d'Holstein comme Elle écrit, l'affaire de Valy me surprend; l'officier de Mons-r Radzivil a donné à soupçonner à Mons-r Polonois, qu'il revient droit ici.

№ XXII.

L'ÉCRITURE DU COMTE DE PRZEDZIECKI À SA ZOZBANQUE.

Madame!

J'ai certainement fort peu de temps joui du bonheur de vous faire ma cour, j'ose néanmoins assurer V. A., que j'ai conçu pour elle la plus haute estime et la plus parfaite vénération.

En vertu des pouvoirs et documents, que V. A. a envoyé ici par le S-r. Czarnomski, nous avons avec M-r de Montaigu traité avec un Génois, connu dans ce pais-ci pour la procuration des sommes. Nous l'avons trouvé disposé même de faire une avance proportionnée pour vous: (voilà ses propres mots:) que je sois sûr d'une bonne hypothèque.

V. A. autorisera ici un quelqu'un à la faire; en attendant je prends la liberté: (voyant l'exécution de ce projet assez éloigné:), je prends, dis-je, la liberté de présenter à V. A. de la somme, destinée à ma propre subsistance, trois cent sequins, que je remets au dit M-r de Czarnomski contre sa quittance simplement pour les verser dans la caisse de V. A. Je prends toute la part imaginable à la situation critique des affaires actuelles, je souhaite ardemment, qu'elles prennent au plutôt la tournure la plus avantageuse, et je supplie V. A. de croire, qu'avec le plus grand zèle pour tout ce, qui l'intéresse, je suis,

Madame,

De Votre Altesse

le très humble et très obéissant

serviteur

M. Przewdziecki.

Venise, le 16 du Mois
d'Octobre, l'an 1774.

№ XXII.

ПИСЬМО ГРАФА ДРЖИВА-ИВОНЕНСКАГО КЪ САМОЗВАНЬЕ.

Achl wo seind wier geraten unglück. Bei disen alem mus man geduldich sein; Gott allmechtiger wiert uns nicht verlassen. Ich bien ezunder in dieselben unglücklichen umstand, wie sie seind; hofe aber durch freindschaft meinen ofizirs meine freihait bekommen und will ich eine kleine beschreibung machen der admiral Greick, aus seiner freindschaft zu mir hat mir wolen laufen lasen und sachte zu mir das ich so geschwinde wie möglich insz land gern sollte. Ich frachte von im die ursache, so sachte er, das er ein befehl bekommen hat, mir und alle, die mit mir seind, in arest zu sezen. Wie ich schon alle unsere schife pasiert habe unfermerkt, san in denselben augenblik zwei farzeige vor mir und zwei chieuter mir die chaben auf mir gerade gerudert. Ich san die sache, das es schlecht geet, chabe befolen aus der ganze macht, vor die leite rudern, was meine leute auch taten. Ich chete gedacht, durchkommen, aber eine von die andren forzeigesetzte siech in die kweer und meine schluppe muste siech aufstosen, so sein auch die andere mit zu chihf gekomen und ich war umgeringt. Ich frachte, was dieses mechte bedeuten, und sachte seit ihr all besofen, mit den grösten chelichkeit geantwort, achten mir, das sie ein befehl chaben mich auf einander schiefe zu bieten, wo zur wenige von meinen officers und mainem soldaten seind. Wie ich dorten gekomen bien, so ist der kommandant zu mir gekomen mit trenenden augen und chat mir den arest gesacht; ich muste dieses verlieb nemen und chofe in Got, das der allmechtige schepfer uns nicht verlasen wiert. Was anbelangt den admiral Greick, er wiert inen alle gefelichkeiten erweisen; biete nur in die ersten zeiten kein probe von seine treue machen; er wiert auf dieses mal ser forsiechtig sein. Eins bleibt mir inen zu bieten, das sie möchten Eure gesundheit in acht nemen, und ich ferspreche, sobald als ich die freicheit werde bekommen, einen in alle eken der welt aufzusuchen und bedienlich sein; sie solen nur siech in acht nemen, was ich von meinen cherzen inen biete. Eire eugenen zeilen chabe ich bekommen, welche ich mit weinen den augen gelasen chabe, weil ich daraus geseen chabe, das sie mir wollen beschuldigen. Nemen sie siech in acht, unsere

schicksal wolen wier auf den allmechtigen Gott legen und uns darauf verlassen. Ich kan noch nicht sicher sein, ob sie diesesz brief werden bekommen: Chose wol, das der admiral so, choffich und so orlich sein wiert, das er an oimen diesesz übergeben wiert. Ich kiese von oertzen. Eure ehende:

(23 Февраля, 1775 года).

№ XXIV.

ПИСЬМО РАДИШЕВСКАГО КЪ КНЯЗЮ РАДИВЯЛУ.

Traduction de la lettre de M. de Radziszewski, écrite d'Adrianople le 13 Juillet, 1774

Parmi les travers et périls sans nombre, qu'il me faut essayer dans ce pais et dans ce temps-ci, cela me touche le plus, que je n'ai pu trouver aucun moyen de faire passer à Votre Altesse mes nouvelles. J'expédie à tout hasard un exprès de ce lieu-ci avec un abrégé de tout ce, qui s'est passé depuis mon arrivée à l'armée, et en quel état l'affaire se trouve.

Voyant bien des obstacles pour obtenir incessamment le firman, parce que on avait été beaucoup embarrassé à cause de l'ouverture de la campagne, et des événements facheux, qui sont survenus, et qui est plus qu'on nous a prévu de tous côtés: pour ne pas laisser à V. A. de réussir dans son entreprise, je n'osois jusqu'à cette heure demander à la Porte que le firman, pour que V. A. puisse entrer librement dans les états de cette puissance, ce qui se fera, à ce que j'espère, et alors j'ouvrirai la bouche pour parler de l'argent, et de la subsistance. Il est seulement à craindre, que la paix ne se fasse bientôt, puisque il y a long tems, que le Ministère cherche, et la France travaille à y déterminer le Grand Seigneur.

Mais comme après la bataille dernièrement perdue, on voit le changement considérable dans le Ministère, il est à présumer, qu'il se passera quelque temps, jusqu'à ce que les Cours ennemies recommenceront leurs cabales.

J'ai voulu partir d'ici pour Constantinople pour y solliciter la dernière résolution, que je n'ai pas pu obtenir au camp depuis sept semaines; c'est que j'ai cru, que le Grand-Visir ne pourra plus se maintenir après une perte si honteuse; mais comme les dernières nouvelles nous assurent, que Szumlia est défendue par lui, et que l'ennemi mis en déroute, a levé le siège de cette place, ce qui lui procurera un plus grand crédit, pour ne pas le fâcher en m'adressant à Constantinople, je me suis résolu d'attendre sur le lieu le retour de l'express, que j'ai envoyé à Szumlia, ou des nouvelles, qu'il me donnera de ce, qui s'y passe; en attendant j'ai écrit à M-r. de Kossakowski, lui faisant part de tout, et le priant de me communiquer de quoi s'occupe-t-il.

On dit aussi, que les Russes ont été battus à Warna, et à Ruszczuk, peut-être que cela est pour encourager l'armée dissipée de s'attrouper de nouveau.

C'est surtout un bon signe, que les Gardes de l'enseigne ont reçu l'ordre de retourner, avec laquelle ils se sont sauvés ici.

Le Kaïmakhan (Vice-Visir) et autres Ministres à Constantinople ont été déposés de leurs charges, pour avoir fait de faux avis au Grand-Seigneur, et ceux, qu'on substitue à leurs places, sont loués extrêmement.

On dit, que le Reis-Efféndi (Grand-Chancelier) eut été mis à la question, et qu'il ait avoué d'être coupable de bien des trahisons.

Si cela est vrai, les chères Drogmans ses favoris y auront infailliblement leur part, qui sont appelés par le Grand-Visir.

Celui-ci à ce, qu'on dit a exilé quelques Ministres, et fait couper la tête au Pacha d'Artillerie.

Je tâcherai de trouver moyen de communiquer à V. A. tout ce, que je recevrai de Constantinople et de Szumlia, et si je trouverai quelque part de l'argent, je l'enverrai par un express à Raguse, dont le Consul résidant ici m'a annoncé l'arrivée de V. A. à cette République.

Monsieur de Pula(w)ski est arrivé avec deux ducats dans la poche à l'armée, le 18 du mois passé! Là restant deux semaines, n'a pas pu obtenir une audience, quant aux vivres et au logement, on les lui a assignés.

Ce sont probablement les chicaneries des François, qui lui ont nui le plus. Krawat et deux autres s'étant brouillés avec M-r. Pula(w)ski, ont présenté au Drogman leurs Notes remplies de divers projets. Kliuczewski de même a voulu offrir à la Porte un secours à condition, qu'on lui donne de l'argent, pour entretenir 3000 hommes; et quand on leur a défendu de se montrer au Camp (tous vêtus d'un habillement bisarre et pas polonais), ils ont sollicité de leur donner le moyen pour retourner en France, si l'on ne veut pas accueillir ni leurs projets, ni eux-mêmes.

On ne peut pas même etc....

Le reste sur une autre feuille.

Suite de la lettre de M-r. Radziszewski.

On ne peut pas même penser dans ce pays-ci de la recrue; les Turcs mêmes ne permettront jamais de la faire sur les frontières de l'Empire, crainte d'offenser l'Empereur, qu'on ménage assez dans le tems actuel.

Si Votre Altesse vient avec des soldats, recrutés sur les frontières de Venise, elle aura la bonté de me faire savoir le plutôt possible, combien il y en aura, et combien d'argent il faudra pour cela.

Quelle fière, que soit la Porte. Je crois, qu'elle accepteroit ce projet de la part de V. A. Kluczewski s'est déclaré, qu'il a assuré 3000 hommes de troupes régulières à Venise.

M-r. de Vals en doit savoir, parce que, il me semble, M-r. de Kossakowski a fait une pareille convention.

M-r. Kalinski se fait entendre, qu'il ne veut plus longtems rester auprès de l'armée, parce qu'il se croit peu nécessaire.

Il connoît bien, que Potocki est renommé et la Confédération est comptée pour quelque chose, tant que Votre Altesse n'est pas

ici; mais aussitôt que la Porte permettra à V. A. d'y venir et traiter avec Elle seule, tous les autres ne signifieront rien, et le grand crédit de M-r. Potocki tombera infailliblement; c'est pour quoi il faut avoir soin d'empêcher, que la Généralité n'envoie quelqu'un, qui ressemblât à M-r. Zboinski.

Il est aussi essentiellement nécessaire d'avoir quelqu'un à Constantinople de la part de V. A; toutes les affaires iront mieux, quand on négociera à la fois avec le Divan et avec le Sérail.

C'est une chose presque impossible d'envoyer des exprès du camp à Constantinople: le Divan observe trop que rien ne s'y fasse à son insu. Mais se reposant sur les remontrances du Divan auprès du Grand Seigneur, il est à craindre, qu'on n'explique fausement.

C'est pourquoi j'ai écrit à M. Kossakowski, qu'il reste à Constantinople, jusqu'à ce que le Bon Dieu permettra à V. A. d'entrer dans le pays, où Elle sera à même d'envoyer à Constantinople pour déplacer M-r. Lassoeki et chasser les autres résidens de Poniatowski,

On désire ici fortement des nouvelles de divers endroits; et si elles étoient bonnes et sûres, elle pourraient faire un grand service à la Porte.

En arrivant ici je n'eus que quatre ducats pour envoyer les exprès à Raguse, à Constantinople et à Szumlia. Nous avons mis en gage avec M-r. le Capitaine de Sauveplane tout ce, que nous avons pu avoir.

Je cherche le crédit, mais j'ai des difficultés jusqu'à cette heure de le trouver, et cependant la vie et les affaires demandent de la dépense.

ВСЕПОДАДАННѢЙШЕ ДОНЕСЕНІЯ ГРАФА ОРЛОВА-ЧЕШМЕНСКАГО.

№ XXV.

1.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Два наимилостивѣйшія писанія Вашего Императорскаго Величества мнѣ шастье получить: первое Іюля отъ 28 числа, второе Августа отъ 13 числа, изъ Сарскаго Села. Принося рабскую мою благодарность за столь великія милости Вашего Величества, я прошу при томъ не взыскать, что я ушедливѣ мнѣ нижайшія донесеніемъ. Причины жь удерживающія меня были худое состояніе моего здоровья и въ силу повеленіевъ Вашего Императорскаго Величества скорымъ отправленіи въ Архипелагъ, съ повеленіемъ, чтобъ скорѣя слѣдъ возвращался изъ принадлежащихъ Оттоманской Порты мѣствъ, и чрезъ то бы исполнить съ поспѣшностію волю Вашего Величества.

Послѣднія репорты, полученные мною изъ Архипелага, осмѣливаюсь при семъ поднести, изъ которыхъ всѣ происходящія военныя дѣйствія усмотрѣть соизволите по децъ полученія извѣстія о мирѣ.

И съ сими благополучнымъ миромъ, яко мать всей Россіи, шастю шастье Ваше Императорское Величество поздравить, да даруетъ Господь, да шродлится Вашъ вѣкъ и милосердое царствованіе Вашего Величества, о чемъ всѣ вѣрныя рабы Ваши и шремыя дѣти отечества непрестанно должны Бога молить. Угодно было Вашему Величеству дать мнѣ знать, какъ всѣ Министры чужестранныя получили вѣсти о мирѣ. Я ни мало не сумнѣваюсь, какъ Вы сами изволите писать, што Аглицкой и Датской чрезвычайно были рады, а протчія разныя виды на себѣ имѣли. По моему

мишью Аглицкой народъ прямо насъ любить, да и собственныя ихъ интересы до онаго ведутъ; чѣмъ болѣе мы разоряемся и чѣмъ бѣднѣе становимся, тѣмъ самимъ оне много по положенію своему теряютъ своихъ выгодъ; и оне надѣются, что во время нужды и мы имъ помощь большую сдѣлать можемъ противу ихъ непріятелей, а при томъ и незавидно, што безъ помощи и посредства другихъ сдѣлался миръ. Датчина же по безвѣдью и невыгодному своему состоянію, кромѣ Бога и Вашего Величества, ни на ково своей нужды не полагаютъ. Французамъ же очень прискорбно, что ядъ ихъ, испускаемой противу насъ, по всей ихъ возможности, не взялъ таковаго дѣйства, какъ имъ желалось.

Позвольте сказать, что стыдъ и срамъ обратился на главу ихъ; оне жъ теперь конечно стануть старатся, чтобъ и оне въ Черное море получили дозволенія торговать. Досадно чрезвычайно Цесарцамъ, што оне не могли предвидѣть такъ скорого мира, а то бъ конечно старатся стали показать, что эта услуга ими сдѣлана для насъ, а въ самомъ дѣлѣ ни мало оне намъ добра не желаютъ, што легко примѣтити можно во всемъ ихъ Государствѣ. Прусскому уже не удастца теперь прибирать болѣе къ себѣ земель по ево желанію, и такъ ему помѣха велика въ мутной водѣ рыбу ловить. И какъ оба послѣднія народа несказанно желали видѣть насъ въ расслабленіи и всѣми мѣрами подъ прикрытіями равными старались до онова довести, то и не безъ прискорбности имъ о ихъ неудачѣ. Шпанецъ слѣдуетъ во всемъ Французу, хата часто отъ него и обмануть бывалъ. Шведъ же подущаемъ и поджигаемъ былъ со многихъ сторонъ, но не имѣлъ смѣлости, а теперь горюетъ, что время упустилъ. Желательно, Всемилоствѣишая Государыня, чтобъ искорененъ былъ Пугачевъ, а лутче бъ тово, если бъ пойманъ былъ живой, чтобъ изыскать чрезъ него сущую правду. Я все еще въ подозрѣніи, не замѣщались ли тутъ Французы, о чемъ я въ бытность мою докладывалъ, а теперь меня еще болѣе подтверждаетъ полученное мною письмо отъ ненавѣстнаго лица.

Если етакя въ свѣтъ, или нѣтъ я не знаю, а буде есть и хочеть не принадлежащаго себѣ, то бъ я навезалъ камень ей на шею да въ воду. Сіе жъ письмо при семъ прилагаю, изъ котораго ясно увидить изволите желаніе. Да мнѣ помнится, что и отъ Пу-

гачева несколько сходствовали въ слогѣ сему его обнаруженію; а можетъ быть и то, что и меня хотѣли пробовать, до чего моя вѣрность простирается къ особѣ Вашего Величества; я жъ на оное шч его не отвѣчалъ, ятобъ чрезъ то не утвердить бодѣ, что есть такой человекъ на свѣтѣ, и не подать о себѣ подозрѣнія. Еще извѣстіе пришло изъ Архипелага, что одна женщина пріѣхала изъ Константинополя въ Царось и живетъ въ немъ болѣе четырехъ мѣсяцовъ на Аглицкомъ суднѣ, плотя слишкомъ пр тысячѣ пѣстровъ на мѣсяць корабельщику, и сказываетъ, что она дожидается меня; только за вѣрное еще не знаю. Отъ меня жъ посланъ нарочно вѣрный Офицеръ, и ему приказано съ оною женщиною переговорить, и буде найдетъ што ни будь сумнительное, въ такомъ случаѣ обѣщаль бы на словахъ мою услугу, а изъ за того звалъ бы для точнаго переговора сюда въ Ливорну. И мое мнѣніе, буде найдется таковая сумошедшая, тогда, замана еѣ на корабли, отослать прямо въ Кронштатъ; и на оное буду ожидать повелѣнія: какимъ образомъ повелите мнѣ въ ономъ случаѣ поступить, то все наусерднѣйши исполнять буду. Есть еще извѣстіе, что во всей Карамани великія замѣшательства и между собою частыя побоищи у Турковъ.

При семъ осмѣлюсь писмо приложить отъ владѣтеля народовъ Друзскихъ, Принца Нюзефа, который, помощію врученныхъ отъ Вашего Императорскаго Величества мнѣ войскъ, получилъ старинной свой городъ Баруть, и ево довѣренность столь велика, что онъ, прося протекціи, приложилъ бѣлую бумагу, подписавъ свое имя. Мною же теперь приказано ихъ увѣрить, что и оне въ генеральномъ пунктѣ въ мирномъ договорѣ включены, что всѣмъ продается и все забывается, что бѣ кто ни здѣлалъ.

Тожъ въ силу повелѣнія Вашего Императорскаго Величества приказано между Греками слухъ разсудити, ято для нихъ покровительство Вашего Величества выгодно, а впредь еще выгоды будеть. Нѣкоторыя фамиліи разоренныя изъ Сербскихъ народовъ присылали ко мнѣ депутатовъ просить милости и покровительства Вашего Императорскаго Величества. Депутаты мною обратно отдущены, и что къ нимъ отъ меня было писано для разсмотрѣнія, при семъ прилагаю копіи; а на таковой случай не угодно ль будеть повелѣть оставить нѣсколько фрегатовъ здѣся,

и въ силу трактата, забравъ оныя фамиліи, послать ихъ сквозь Дарданели черезъ Черное море, для поселенія въ доставшихся въ Крыму крѣпостяхъ, а со временемъ возможно будетъ ими и гарнизонъ замѣнить. Все жъ оное отдаю на всемилостивѣйшее благоволеніе и Монаршую волю, и буду ожидать Высочайшаго Вашего повелѣнія. И повергая себя ко священнымъ стопамъ Вашимъ, пребуду навсегда съ искренною моею рабскою преданностію

Вашего Императорскаго Величества

всепотданнѣйшій рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

Пиза. 1774 года,
Сентября 27 дня.

№ XXVI.

2.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Милостивое собственоручное повелѣніе Вашего Императорскаго Величества, къ наставленію моему служащее, Ноября отъ 12 дня, чрезъ курьера Миллера имѣлъ щастье получить, въ которомъ угодно было предписать о поимкѣ всклепавшей на себя имя, по которому я стану стараться со всевозможнымъ попеченіемъ волю Вашего Императорскаго Величества исполнить, и всѣ силы употреблю, чтобъ оную достать обманомъ, буде въ Рагузахъ она находится; и когда первое не удастся, тогда употреблю силу къ оному, какъ Ваше Императорское Величество мнѣ предписать изволила.

Отъ меня вскорѣ послѣ отправления моего курьера къ Двору Вашего Величества посланъ былъ человѣкъ для развѣдыванія объ ономъ дѣлѣ, и тому уже болѣе двухъ мѣсцевъ ни какова извѣстія объ немъ не имѣю, и я сомневаюсь объ немъ, либо умеръ онъ, или гдѣ ни быть задержанъ, что не можетъ о себѣ извѣстія дать; а человѣкъ былъ надежной и доказанъ былъ многими опытами

въ его вѣрности. А теперь еще отправлено отъ меня двое, одинъ Офицеръ, а другой Славянинъ, Венеціанской потданной, и ни чего имъ въ откровенности отъ меня не сказано, а показалъ имъ мое любопытство, что я желаю знать о пребываніи давно мнѣ знакомой женщины. А Офицеру приказано, буде можетъ, и въ службу войти къ ней, или къ Князю Радзивилу волонтеромъ, чего для отъ меня и абшить ему данъ, чтобъ можно было лутче ему открыться; и что по оному происходить будетъ, не упущу я доносить обстоятельно Вашему Императорскому Величеству. А случилось мнѣ распрашивать одного Маіора, который посланъ былъ отъ меня въ Черную Гору и проѣзжалъ Рагузы, и дни два въ оныхъ останавливался; и онъ тамъ видѣлъ Князя Радзивила и сказывалъ, что она еще въ Рагузахъ, гдѣ какъ Радзивилу, такъ и оной женщиной великую честь отдавали, и звали ево, чтобъ онъ шолъ на поклонъ, но оный, услыша такое всклепанное имя, опасаясь идти къ злодѣйкѣ, сказавъ при томъ, что эта женщина плутовка и обманщица, а самъ старался изъ оныхъ мѣстъ уѣхать, чтобъ не подвергнуть себя опасности. А если слабое мое здорье дозволитъ на корабляхъ ѣхать, то я не упущу самъ туда отправиться, чтобъ таковую злодѣйку постараться всячески до-
стать.

Ваше Величество изволите упоминать: не она ли женщина переѣхала въ Парось, на што имѣю честь донести, что отъ меня посланъ былъ нарочно для изслѣдованія въ Парось Подполковникъ и Кавалеръ Графъ Войновичъ со своимъ фрегатомъ, чтобъ въ точности узнать, кто оная такова и какую нужду до меня имѣла, что такъ долго дожидалась меня; чего для дано было ему отъ меня увѣреніе, чтобъ оная могла во всемъ ему открыться, и наставленіе, какъ съ нею поступать. По приѣздѣ своемъ нашелъ оную еще въ Парось и много разъ съ нею разговаривалъ о семь дѣлѣ; а восемь дней какъ онъ сюда возвратился и меня репортовалъ. Оная женщина купеческая жена изъ Константинополя, знаема была прежнимъ и нонѣшнымъ Султаномъ по дозволенному ей входу въ Сераль къ Султаншамъ для продажи всякихъ Французскихъ мелочей; и оная прислана была точно для меня, чтобъ какимъ бы ни быть образомъ меня обольстить и старается всячески подкупать, чтобъ я невѣрнымъ здѣлался Вашему Императорскому

Величеству. И оная женщина осталась въ Паросѣ, издержавъ много денегъ на щеть впредь будущей своей удачи; теперь въ отчаян(ь)и находится. И она желала сюда въ Италию ѣхать, но Графъ Воиновичъ, по приказу моему, отъ онаго старался отворотить, въ чемъ ему и удалось. И вышеписанная торговка часто употреблялась и отъ Министровъ, чтобъ успѣвать въ пользу по дѣламъ ихъ въ Сераѣ.

Свойство же оной женщины описано, что оная очень заносчивато и вадорнаго нрава, и во всѣ дѣла съ превеликою охотою вѣшается и воиъ съ собою хочетъ устращать, объявляя при томъ, что она со всѣми и Европейскими Державами въ перепискѣ.

Предъ недавнемъ временемъ пріѣхала сюда изъ Пароса вдовствующая Принцеса со своими дѣтми и просить покровительства Вашего Императорскаго Величества и чтобъ ей дозволено было жить въ Роси(и), въ какомъ либо мѣстѣ; имя ей Роксандра Гика; первое еѣ замужество было за Господаремъ Воложскимъ, а во второмъ замужествѣ была за Молдавскимъ, и показываетъ, что мужъ еѣ въ 1776 — (67?) году окормленъ Турками; фамилія же еѣ состоитъ въ трехъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ и одной племянницѣ.

И все вышеписанное предаю на Монаршую волю Вашего Величества, буду ожидать повелѣнія, отправлять ли вышеписанную Княгиню въ Россію, или отказать. И тако повергая себя ко священнымъ стопамъ Вашимъ, со всеглубочайшею моею рабскою преданностію, Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей моей Государыни,

всепотданнѣйші(й) рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

1774 года, Декабря 23 дня.

Изъ Пизы.

№ XXVII.

3.

Всемилоствѣйшая Государыня!

По запечатаньи всѣхъ моихъ донесеній Вашему Императорскому Величеству получилъ я извѣстіе отъ посланнаго мною Офицера для развѣдыванія о Самозванкѣ, что она больше не находится въ Рагузахъ, и многія обстоятельства увѣрили его, что она поѣхала виѣстѣ съ Княземъ Радзивиломъ въ Венецію; и онъ, ни мало не мѣшкая, поѣхалъ за ними в слѣдъ, но по пріѣздѣ его въ Венецію нашелъ только одного Радзивила, а она туда и не пріѣзжала, и объ немъ разно говорятъ: одне будто онъ намѣренъ ѣхать во Францію, а другія увѣряютъ, что онъ возвращается въ отечество. А объ ней оной Офицеръ развѣдалъ, что она поѣхала въ Неаполь. А на другой день онаго извѣстія получилъ я изъ Неаполя письмо отъ Аглицкаго Министра Хамельтона, что тамъ одна женщина была, которая просила у него пашпорта для проѣзду въ Римъ, что онъ для услуги еѣ и здѣлалъ; а изъ Риму получилъ отъ неѣ письмо, гдѣ она себя Принцесою называетъ. Я жъ всѣ оныя писма въ оригиналѣ, какъ мною получены, на разсмотрѣніе Вашему Императорскому Величеству при семъ посылаю. А отъ меня нарочно того же дня посланъ въ Римъ штата моего Генералъ-Адъютантъ Иванъ Кристенекъ, чтобъ объ ней въ точности навѣдаться и старатся познакомиться съ нею; при томъ чтобъ онъ общалъ, что она во всемъ на меня можетъ положиться, и буде уговорить, чтобъ привезъ еѣ ко мнѣ съ собою. А Министру Аглицкому я отвѣчалъ, что это надобно быть самой сумозбродной и безумной женщиной, однако жъ при томъ далъ ему знать мое любопытство, чтобъ я желалъ видѣть еѣ, а при томъ просилъ его, чтобъ присовѣтовалъ онъ ѣхать ей ко мнѣ. А между тѣмъ и Кавалеръ Дикъ (такъ!) приказалъ писать къ вѣрнымъ людямъ, которыхъ онъ въ Римѣ знаетъ, чтобъ и оне совѣтовали ей пріѣхать сюда, гдѣ она отъ меня всякой помощи надѣяться можетъ.

И што впредь будетъ происходить, о томъ не упушу доносить Вашему Императорскому Величеству, и всѣ силы употребляю,

чтобъ оную достать, а по послѣдней мѣрѣ свѣдому быть о ея пребываньи. Я жъ, повергая себя ко освященнымъ Вашимъ стопамъ, пребуду навсегда Вашего Императорскаго Величества, Всемилоствѣйшей моей

Государыни

всепотданнѣйшій рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

1774 года, Генваря 5 (16) дня.

Изъ Пизы.

№ XXVIII.

4.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Угодно было Вашему Императорскому Величеству повелѣть доставить называемую Пренцесу Елизабету, которая находилась въ Рагузахъ. Я со всеподданническою моею рабскою должностію, чтобъ повелѣньи Вашего Величества исполнить, употребилъ всевозможныя мои силы и стараньи, и щестливымъ теперь здѣлался, что могъ я оную злодѣйку захватить со всею её свитою на кораблѣ, которая теперь со всѣми съ ними содержится подъ арестомъ на корабляхъ, и разсажены по разнымъ кораблямъ. При ней сперва была свита до шестидесяти человѣкъ; пощестливелось мнѣ оную уговорить, что она за нужно нашла свою свиту распустить, а теперь захвачена она сама, камармедлемъ её, два дворенина Польскихъ и нѣсколько слугъ, которыхъ имена при семъ осмѣливаюсь приложить. А для онаго дѣла и на посылки употребленъ былъ штата моего Генераль-Адъютантъ Иванъ Кристенекъ, котораго съ онымъ моимъ донесеніемъ къ Императорскому Величеству посылаю, и осмѣлюсь ево рекомендовать и могу Ваше Величество яко вѣрный рабъ увѣрить, что оной Кристенекъ поступалъ со всею возможною точностію по моимъ повелѣніямъ и умѣлъ удачно свою ролю сыграть. Другой же употребленъ къ оному дѣлу былъ Францъ Вольфъ; хотя онъ и не здѣлалъ многова,

однако жъ по данной мнѣ власти отъ Вашего Императорскаго Величества я ево наградилъ чиномъ Капитанскимъ за' показанное имъ усердіе и ревность въ Высочайшей службѣ Вашего Императорскаго Величества. А изъ другихъ кто къ оному дѣлу употребленъ былъ, тѣхъ не оставляю деньгами наградить. Признаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, что я теперь находясь внѣ отечества, въ здѣшнихъ мѣстахъ, опасатся долженъ, чтобъ не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлену или окармлену. Я жъ её провезъ самъ на корабли на своей шлюпкѣ и съ её кавалерами, и препоручилъ надъ нею смотрѣніе Контръ-Адмиралу Грейку, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ онъ всевозможное попеченіе имѣлъ о её здоровьѣ, и приставленъ одинъ лекаръ; берегся бѣ, чтобъ оная при стоян(ь)и въ портахъ не ушла бѣ; тожъ чтобъ и ни каково бѣ писмеца никому бѣ не передала.

Равно велѣно смотрѣть и на другихъ судахъ за её свитою. Во услужен(ь)и жъ оставлена её дѣвка у ней и камердинеръ; всѣ жъ писма и бумаги, которыя у неё находились, при семъ на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества посылаю, съ надписаніемъ нумеровъ. Я надѣюсь, что найдутся тутъ нѣсколько Польскихъ писемъ о Конфедераци(и), противной Вашему Императорскому Величеству, изъ которыхъ ясно изволите увидѣть и имена ихъ, кто оне таковы. Контръ-Адмиралу жъ Грейку приказано отъ меня и по прїѣздѣ ево въ Кронштатъ никому оной женщины не вручать безъ особливаго именнаго Указа Вашего Императорскаго Величества.

Оная жъ женщина росту небольшого, тѣла очень сухова, лицомъ ни бѣла, ни черна, а глаза имѣетъ большія и открытыя, цвѣтомъ темнокарія и косы, брови темнорусыя, а на лицѣ есть и веснушки; говорить хорошо по Французски, по Нѣмецки, немного по Итальянски, разумѣетъ по Аглицки; думать надобно, что и Польскій языкъ знаетъ, только ни какъ не отзывается: увѣрлетъ о себѣ, что она Арабскимъ и Персидскимъ языкомъ очень хорошо говорятъ.

Я все оное отъ неё самоѣ слышелъ; сказывала о себѣ, что она и воспитана въ Перси(и), и тамъ очень великую партію имѣетъ; изъ Роси(и) жъ унесена она въ малолѣтствѣ однимъ Попомъ и нѣ-

сколькими бабами; въ одно время была окармлена, но скоро могли ей помощь подать рвотными. Изъ Перси(и) же ѣхала черезъ Татарскія мѣста около Волги, была и въ Петербургѣ, а тамъ черезъ Ригу и Кенихсбергъ въ Подстамѣ была и говорила съ Королемъ Прусскимъ, сказавшись о себѣ, кто оная такова; знакома очень между Князьями Имперскими, а особливо съ Триерскимъ и съ Княземъ Голштейнъ - Лимбургскимъ; была во Франціи, говорила съ Министрами, давъ мало о себѣ знать.

Вѣнской Дворъ въ подозрѣн(и) имѣеть, на Шветской и Прусской очень надѣется; вся Конфедерация ей очень извѣстна и всѣ начальники оной. Намѣрена была ѣхать отсель въ Комстантинополь прямо къ Султану, и уже одинъ отъ ея самой вѣрной человѣкъ туда посланъ, прежде нежели она сюда пріѣхала; но объявленію ея въ разговорахъ, родомъ этотъ человѣкъ Персіанинъ и знаетъ восемь или девять языковъ разныхъ, говорить оными всѣми очень чисто.

Я жъ моего собственнаго заключенія объ ней прямо Вашему Императорскому Величеству донести ни какъ не могу, но тому ято не могъ узнать въ точности, кто оная дѣ(й)ствительно; свойство жъ оная имѣеть довольно отважное и своею смѣлостію много хвалится: етимъ то самымъ мне и удалось ея завести, куда я желалъ. Она жъ ко мнѣ казалась быть благосклонною, чено для и я старался казаться передъ нею быть очень страственъ; наконецъ я ея увѣрилъ, что я бы съ охотою и женился на ней, и въ доказательство хоть сего дня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, что я оное исполнилъ бы, лишь только достигъ бы до того, чтобы волю Вашего Величества исполнить. Но она сказала мнѣ, что теперь не время, по тому что она еще несчастлива, а когда будетъ на своемъ мѣстѣ, тогда и меня здѣлаеть щастливымъ. Мнѣ въ оное время и бывшая моя невѣста Шмитша (такъ!), могу теперь похвастать, што имѣлъ невѣсть богатыхъ. Извините меня, Всемилостивѣйшая Государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать.

Я почитаю за должность все Вамъ доносить, такъ какъ предъ Богомъ, и мыслей моихъ не таить.

Прошу и того мнѣ не причестъ въ вину, буде я по обстоятельству дѣла принужденъ буду, для спасенія моей жизни, и команду оставя, уѣхать въ Росію и упасть ко освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, препоруча мою команду одному изъ Генераловъ по мнѣ младшему, какой здѣсь на лицо будетъ. Да я долженъ буду и своихъ въ ономъ случаѣ обманывать и никому предстоящей мнѣ опасности не показывать. Я всево больше опасуюсь Езуитовъ, а съ нею нѣкоторыя были и остались по разнымъ мѣстамъ, и она изъ Пизы уже писала во многія мѣста о моей къ ней преданности, и я принужденъ былъ её подарить своимъ портретомъ, которой она при себѣ имѣеть, а если захотятъ и въ Роси(и) мнѣ недоброхотствовать, то могутъ по этому придратся ко мнѣ, когда захотятъ.

Я нѣсколько сумнѣнія имѣю на одного изъ нашихъ вояжировъ, а легко можетъ быть, что я и ошибаюсь; только видѣлъ многія Французскія письма безъ подписи имя, а рука кажется мнѣ быть знакома.

При семъ прилагаю полученное мною одно письмо изъ подъ аресту, тожъ каковое она писала и Контръ-Адмиралу Грейку, на разсмотрѣніе. А она и по се время еще вѣрить, что не я её арестовалъ, а секретъ нашъ наружу вышелъ. Тожъ у неё есть и моей руки письмо на Нѣмецкомъ языкѣ, только безъ подписанія имени моего, и что я постараюсь уйтить изъ подъ караула, а послабъ могу и её спасти. Теперь не имѣю времени объ всемъ обстоятельно донести за краткостію времени, а можетъ о многомъ доложить Генералъ-Адъютантъ моего штата. Онъ за нею ѣздилъ въ Римъ, и съ нею онъ для виду арестованъ былъ на одне сутки на кораблѣ. Флотъ подъ командою Грейковой, состоящей въ пяти корабляхъ и одной фрегатѣ, сейчасъ подъ парусами, о чемъ отъ меня дано знать въ Англію къ Министру, чтобъ оной, по прибыти(и) въ портъ Аглицкой, былъ всѣмъ отъ него снабжаемъ. Флоту жъ велѣно какъ возможно поспѣшать къ своимъ водамъ. Всемилоствѣйшая Государыня, прошу не взыскать, что я вчернѣ мое доношеніе къ Вашему Императорскому Величеству посылаю, опасаясь чтобъ въ точности дѣла не провѣдали и не захватили бѣ гдѣ ни быть курьера моего и со всѣми бумагами. Я жъ, повер-

гая себя ко освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества,

Всемилоствѣйшей моей Государыни,

всепотданнѣйши(й) рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

1775 года, Февраля 14 (25) дня.

Изъ Ливорны.

№ XXIX.

5.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Намилоствѣйшее письмо Вашего Императорскаго Величества изъ Москвы отъ 22 Марта имель щастье получить с курьеромъ Гревенсомъ, въ которомъ Всемилоствѣйшая Государыня оказывать изволите матернюю Вашу милость ко мне за малыя мои службы. Желалъ бы я, Всемилоствѣйшая Государыня, чтобъ усердию моему, которое я ко освященной Вашего Императорскаго Величества особе имею, соответствовали мои душевныя и телесныя силы; тогда бъ я щель себя щестливымъ и достойнымъ техъ милостей, каковыя Ваше Величество щедро на меня изливаете, а теперь оныя принимаю яко недостойной, а из единова Вашего великодушія и особливой милости ко мне.

Сей часъ получилъ репортъ отъ Контръ-Адмирала Грейка Апреля отъ 18 дня, што онъ под парусами недалеко от Копенгагена находится со всею своею ескадрою, все благополучно и ненамеренъ заходить ни в какія места чужестранныя, буде чрезвычайная нужда онаго не потребуеть; онъ і от Аглицкихъ береговъ с поспешностію принужденъ былъ прочь ітить по притчине находящейся у него женщины под арестомъ. Многіе із Лондона и другихъ мествъ съехались, чтобъ её видеть, і хотели к нему на корабль ехать, а она была во все время спокойна до самой Англии, в чаени(и) што я туда приеду; а какъ меня не видала тутъ і писма не имела, пришла во отчаение, узнавъ свою гибель, і въ великое

бешенство, а потомъ упала въ обморокъ и лежала в беспометстве четверть часа, такъ што і жизни еѣ отчаелись; а какъ опаметовалась, то сперва хотела бросится на Аглицкия шлюпки, а какъ и тово не удалось, то намереніе положила зарезатся, или в воду бросится, а отъ меня приказано всеми образами еѣ остерегать от онаго і какъ можно беречь. Я жъ надеюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, што ескадра теперь должна уже быть в Кронштате. і Контръ-Адмирал жалуется ко мне, што онъ трудней етой комисси(и) на роду своемъ не ималъ. Воложская Кне(г)иня Роксандра Гика і с фамилиею своею отправлена в Петербургъ; во время бытности еѣ здесь і на дорогу для оной іздержано тысяча и до пети сотъ червонцовъ. Пожалованное милостивое одобрение Кавалеру Дику мною получено, што і я себе за знакъ особливаго Вашего Монаршего благоволенія к себе приѣмлю. Я жъ імею щастье поздравить Ваше Императорское Величество, какъ есмь верноподданой Вашъ рабъ, с разменою ратификаци(и) і что Атаманская Порта в силу мирнаго договора все ісполняетъ. Я жъ пребываю со всеглыбочайшею рабскою и непоколебимою преданностию Вашего Императорскаго Величества,

Всемилостивейшей моей Государыни,

всепотданнейши(й) рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

1775 года, Мая 11 (22) дня.

Из Пизы.

Въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 года, кн. VI-й, стран. 59—76, помѣщена статья: «Принцесса Тараканова» (нѣсколько данныхъ для ея исторіи), конечно, извлеченіе изъ записки подъ заглавіемъ: «Судьба Принцессы Таракановой», составленной, по словамъ Редакціи «Русской Бесѣды», въ Россіи однимъ трудолюбивымъ изыскателемъ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія (Графомъ Блудовымъ?) и содержащей въ себѣ извлеченіе изъ писемъ Аббата Роккатани и копія съ подлинныхъ донесеній Графа А. Г. Орлова къ Императрицѣ Екатерианѣ. Послѣднихъ всего двое полныхъ (это въ «Документахъ» къ

предлагаемой статьѣ №№ XXVII и XXVIII), да выдержки изъ двухъ (XXV и XXVI). Изъ первыхъ, напечатанное на стр. 73—76 «Русской Бесѣды», вѣсколько полнѣе того, которое сдѣсь находится подъ № XXVIII; въ немъ по чему-то не нашлось строкъ 23 — 28 на стр. 64-ой: онѣ восполнены мною по напечатанному въ «Русской Бесѣдѣ.» Кромѣ того, въ «Русской Бесѣдѣ» помѣщенъ еще (на стр. 76) самый «Рескриптъ Императрицы Екатерины II-ой Контръ-Адмиралу Грейгу собственноручный,» о которомъ, впрочемъ, составитель статьи «О Самозванкѣ» упоминаетъ на стр. 65-й. Для возможной полноты достовѣрныхъ свѣдѣній по подлинникамъ, приведу сдѣсь этотъ Рескриптъ:

«Господинъ Контръ-Адмиралъ Грейгъ, съ благополучнымъ Вашимъ прибытіемъ съ эскадрою въ наши порты, о чемъ я сего числа увѣдомилась, поздравляю, и весьма вѣстію сею обрадовалась. Что жъ касается до извѣстной женщины и до ея свиты, то объ нихъ повелѣнія отъ меня посланы Г-ну Фельдмаршалу Князю Голицыну въ С.-Петербургъ и онъ сихъ вояжировъ у васъ съ рукъ сниметъ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что службы ваши во всегдашней моей памяти и не оставлю вамъ дать знаки моего къ вамъ доброжелательства.

Екатерина.

Маія 16 числа, 1775 г.

Изъ села Коломенскаго, въ семи верстахъ отъ Москвы.»

О. Б.

П

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЦѢНЫ НА РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Промеморія Сибирской Губернской Канцелярїи, отъ 11 Мая,
1748 года.

Въ 1747 года было отправлено изъ Томска въ Колыванскіе заводы провіанта и фуража 1029 четвертей водянымъ путемъ на 16-ти дощаникахъ, на которые дощаники положено было провіанта и фуража, на каждый дощаникъ по 63 четверти, въ томъ числѣ на одинъ 84 четверти. Дощаники эти стояли при Томскѣ 2, и при Чеускомъ острогѣ 18, но они уже стары, и по тому велѣно вновь построить 20 дощаниковъ для отвоза провіанта въ 1748 году. Прапорщикъ Князь Чегодаевъ, опредѣленный къ покупкѣ провіанта, объяснилъ, что если вновь построить дощаники, вмѣщающіе въ себя по 50 четвертей, то подъ свозъ 10,000 потребнаго провіанта потребуется 180 дощаниковъ и по завозной лодкѣ къ каждому; онъ былъ въ Чеускомъ острогѣ и видѣлъ дощаники въ Ярославской и Алеуской слободахъ. Сибирской Губернской Канцелярїи не извѣстно, что въ ущербъ казнѣ построилъ такіе маленькіе дощаники, понеже дощаники вездѣ обыкновенною постройкою бывають такіе, что въ оныя грузятся провіанту по 50 четвертей, а не по 63 четверти; Мировичъ, Кузнецкой Воевода, предложилъ построить дощаники подъ грузъ въ 1500 четвертей, но ему приказали выстроить 2 дощаника въ 500, подобно Иртышскимъ, такъ какъ на Оби есть мели, и 15 большихъ лодокъ. Къ доношенію Мировича приложена вѣдомость вмѣющемуся провіанту въ городѣ Кузнецкѣ, съ обозначеніемъ цѣнъ, по которымъ онъ былъ купленъ. Въ Кузнецкѣ до 1 Февраля 1748 года: мука по 65¹/₂ коп. четверть, ярица по 40—50 коп. четверть, ячень по 30—45 к. четверть, овесъ 35—40 к. четверть. Въ Берскѣ, покупки до 1 Генваря 1748 года: мука 10 к. пудъ, крупа 15 к. пудъ, овесъ 50 к. четверть, ячень 40 к. четверть, ярица 40 к. четверть; въ Малышевой слободѣ, по 1 Генваря: мука

по 10 к. пудъ, крупа 15—20 к. пудъ, рожь 72 к. за четверть, овесъ 50—60 к. четверть; въ Бѣлоярской крѣпости; крупа 20 к. пудъ, рожь 70 к. четверть, ярица 65 к. четверть, ячмень 65 к. четверть, въ Колыванскомъ заводѣ: мука 1 р. 62¹/₂ четверть, крупа по 2 р. 50 к. четверть, ярица по 1 р. 40 копѣекъ четверть. Въ городѣ Кузнецкѣ и въ подгородныхъ деревняхъ стояла въ Генварѣ мѣсяцѣ торговая цѣна: мука ржаная по 60 коп. четверть, крупа по 96 коп. четверть, рожь по 40 коп. четверть, ячмень по 25 коп. четверть, ярица по 36 коп. четверть, овесъ по двадцати коп. четверть. А. Кузнецкаго вѣдомства въ острогахъ и слободахъ въ реченномъ Генварѣ вышеобъявленному провіанту и фуражу какаѣ торговая цѣна состояла, о томъ въ присланныхъ рапортахъ и объявленныхъ острогахъ не показано.

Промеморія Сибирской Канцеляріи, отъ 18 Мая, 1748 года.

Послано къ Павлуцкому въ Ямышевскую крѣпость, для лѣченія тамошней болѣзни, 1 пудъ табаку, купленнаго въ Тобольскѣ, а другою пудъ оставленъ на будущій запросъ; купленъ табакъ по 2 рубли 25 копѣекъ за пудъ.

Доношеніе Киндермана въ Правительствующій Сенатъ, отъ 12 Іюля, 1748 года.

Казакѣ крѣпостные шлютъ мало лошадей, особенно послѣ бывшаго упадка, а жалованье получаютъ небольшое; по тому, для увеличенія пашень, Киндерманъ нашелъ лучшимъ купить быковъ, тѣмъ болѣе что и въ Зенгорской землицѣ хлѣбъ пашутъ быками, а не лошадьми, и по этому Павлуцкой уже вымѣнялъ на 174 юфтовыхъ кожи столько же быковъ; такъ какъ кожъ было на 192 руб. 70 коп., то каждый быкъ обошелся по 1 руб. 40³/₄. Киндерманъ проситъ соизволенія, на назначеніе въ каждую крѣпость по 25 паръ быковъ, и по 5, или 7, паръ въ форпостъ.

Допомненіе въ Правительствующій Сенатъ, отъ 8 Мая, 1761 года.

Вымѣняемые въ Ямышевѣ быки обходились по 1 рублю и 1 р. 50 копѣекъ, за которыхъ потомъ маркитанты давали по 5 рублей; лошади армейскія драгунскія поставлены въ 18 рублей, а гарнизонныя драгунскія въ 10 рублей, а вымѣненные обходились по 3 и вступно по 4 рубля; такимъ образомъ въ казну приобрѣтено прибыли; серебра чистаго обмѣнено 1 пудъ 15 фунтовъ $39\frac{1}{2}$, золотниковъ, каждый фунтъ обходился по 9 рублей 60 копѣекъ.

Рапортъ Маіора Беклемишева, отъ 30 Октября, 1748 года.

Изъ приложенной къ рапорту вѣдомости видно, что въ драгунскіе полки покупались лошади въ Курганѣ отъ 10 рублей до 6.

Рапортъ Ямышевской Канцеляріи, отъ 15 Декабря, 1748 года.

Приложена вѣдомость купленнымъ на товары лошадямъ, изъ которой видно: меринъ одинъ, за него дано сукна Шленскаго 5 аршинъ $9\frac{1}{2}$ копѣекъ, всего 4 р. $57\frac{1}{2}$ коп.; меринъ одинъ, дано за него купецкаго товару: бязей Шанскихъ пять, каждая по 40 коп. и Россійскаго товару одна кожа цѣною 1 руб. $84\frac{1}{2}$ копѣйки, всего 4 р. $64\frac{1}{2}$ к.; мериновъ два, дано за перваго Иркутскаго товару зеделей 11, каждая по 40 копѣекъ, 4 р. 40 копѣекъ, за втораго 3 чалдара, 7 бязей, 1 зеделъ, каждая голова по 40 коп., всего 4 р. 40 коп.

Рапортъ Павлуцкаго, отъ 3 Генваря, 1749 года.

За одного мерина дано двѣ красныя юфти, каждая по 3 р. 69 коп.; эту цѣною большая часть лошадей куплены, за нѣкоторыхъ по $2\frac{1}{2}$, красныхъ юфти.

**Донесеніе Киндерману Губернаторскаго товарища, Коллажскаго Ассессора
Долбнилова, отъ Марта, 1750 года.**

Украдены у него вещи: епанча лисья, крыта сукномъ васильковымъ, цѣною въ 20 рублей, шубей казаячья, крыта китайкой лазоревой 2 рубля, шуба людская сурковая 2 рубля, двѣ четвертины мѣдныя 3 р., бутылъ стеклянная, полуведерная, съ маковымъ масломъ 1 р.; мыла 1 р. 20 к., 2 головы сахару 3 р., двѣ выдѣланныя лосины 8 рублей.

Репортъ Киндермана, отъ 26 Марта, 1750 года.

Съ отвѣтами деньщика Правоткина, бѣжавшаго отъ Капитана Каторгина. Бѣжалъ онъ изъ Осиновой слободы, и пришелъ къ рѣкѣ Исети, перевезся самъ на плотъ, и пришелъ въ деревню Ромилъ Большой (Красноярскаго дистрикта), и жилъ у крестьянина Ивана Жидкихъ, у котораго и жилъ четыре дни, и на него работалъ, и за то получилъ отъ него за плату денегъ 15 копѣекъ.

Репортъ Капитана Поршина, отъ 10 Апрѣля, 1750 года.

Въ городѣ Тарѣ, у вдовы Чередовой, украли: перевязку съ ряскою жемчужною, серги, перстень да колечко серебряное подъ золотомъ, бархатъ, что на шеѣ носить съ серебряннымъ..... да пуговицъ женскихъ съ сарафана подъ золотомъ двадцать.

Прошеніе Казаковъ Изылбашскаго Станда, 19 Февраля, 1750 года.

Каптенармусъ Безсоновъ обиралъ у нихъ всю рыбу, которую они добывали въ рѣкѣ. Всего той рыбы взято имъ десять воевъ, по цѣнѣ на 9 рублей. «Во время снятія хлѣба изловили мы рыбу, язей и щукъ двѣ лодки, и, онъ, Безсоновъ тою рыбу взялъ себѣ, и намъ ничего не далъ, а по цѣнѣ той рыбы было на 90 копѣекъ.»

Въ Крѣпости Святаго Петра цѣны:

2 пуда мяса говяжья 80 коп.

Въ крѣпости Кобальей:

Козалъ 80 копѣекъ.

Промеморія изъ Сибирской Губернской Канцелярїи въ Военно-походную Канцелярїю.

Изъ Тобольской Рентереи послано на лѣченіе безъизвѣстныхъ болѣзней, на непредвидимый случай, 7 пудъ 6 фунтовъ напатырю, а табакъ рекомендуется покупать въ Ямышевѣ, у повѣреннаго табашаго откупщика.

Тетрадь на расхоты Амурсаны отъ Ямышева до Тары.

Въ Ямышевѣ одна осьмуха вина 29 копѣекъ, въ Омскѣ вина 5 фунтовъ (?), каждый по 5 копѣекъ, морковь въ Омскѣ на 8 к., въ Тарѣ на 1 к., въ Тарѣ табаку курительнаго $\frac{1}{4}$ фунта, на 3 копѣйки, въ Тарѣ же баранъ безъ шкуры за 19 копѣекъ.

Для жены Амурсаны и племянника.

Изъ Омска посылали въ Тару драгуна, чтобы купить въ Тарѣ на двѣ шубы 2 лисьихъ лапчатыхъ шубы и голъ терновасильковую, но ни мѣховъ, ни голи такого цвѣта не нашли, по тому купили у слѣдующихъ въ Оренбургъ Азіянь 2 мѣха: одинъ лисій лапчатый попошенный за 8 рублей, другой бѣличій новый за 3 рубля; на крышу въ Омской крѣпости въ торгу у Тарскихъ купцовъ куплено цѣлый конецъ голи зеленого цвѣта за 12 рублей, шелку пять мотушекъ, каждая по 7 копѣекъ, да на 4 рубашки и 4 портки холста тонкаго 30 аршинъ съ $\frac{1}{2}$, каждый по 10 копѣекъ, за все 3 руб.

5 коп.; сапоги вѣтненные одни за 1 р. 20 к.; для свозу ихъ построены 2 коляски на ремняхъ, съ крышкой и съ заметной кожаной, издержано 3 р. 30 коп.; желѣзо, за неизмѣнимъ въ продажѣ, употреблено казенное. Для служителей куплено въ Тарѣ: шубъ овчинныхъ нагольныхъ 13, по 1 р. 70 копѣекъ, шапокъ 6, по 20 копѣекъ, сукна бѣлаго катунки на 20 паръ 25 аршинъ, каждый по 10 копѣекъ; холста на 20 человекъ на рубахи и порты 60 аршинъ, по 4 коп., 119 аршинъ по 3 копѣйки, 57¹/₂ аршинъ по 2 и по ³/₄ копѣйки, всего 230 аршинъ; чарковъ 20 паръ, каждая по 15 коп.

Въ 1757 году. На пищу Нойону Дундуку въ Августѣ куплена баранья туша за 30 копѣекъ, пшеничной муки 30 фунтовъ на 25 копѣекъ.

Прогонныя деньги отъ Тобольска до деревни Пустынной на одну Ямскую на 682 версты (по 3 копѣйки на 10 верстѣ) 2 р. ¹/₂ к. Отъ деревни Пустынной до Омской крѣпости на 157 верстѣ, на одну обывательскую по деньгѣ на версту, 78¹/₂ коп.

Куплено въ Омскѣ для кибитки Амурсаны: кожа черная 45 к., сыромятная 45 коп.

Въ списокѣ имѣнія убитыхъ крестьянъ деревни Прапорщиковой: у одного: холста тонкаго 650 аршинъ, цѣною на 52 рубля, денегъ 45 руб., пряниковъ на 10 рублей, желѣза 1¹/₂ пуда; шуба новая, крыта сермягою, зипунъ сѣрый подпушной, войлокъ новый сѣрый, кафтанъ китайчатый, турка, пистолеть, лядунка съ патронами, топоръ, опояска съ ножомъ, епанча катаная бѣлая, лошадь. У другаго: лошадь, сѣдло, войлокъ сѣрый, 3 зипуна сѣрыхъ, мѣдный котелъ, денегъ 4 р. 50 копѣекъ, обутки съ голенищами и опояска съ ножомъ и ремнемъ.

Записная книга о кормовыхъ деньгахъ Азіятскаго старшины и его служителей, въ Барнаульскомъ заводѣ, съ Мая по 27 Ноября, 1757 года куплено: казенной соли по $1\frac{1}{4}$ коп., Черкаскаго табаку, по 17 коп. фунтъ, ячныхъ крупъ 25 к. пудъ, мяса говяжьяго 30 к., пудъ масла коровьяго, по 4 к. за фунтъ, калачи по 1 деньгъ калачъ, молоко прѣсное ведро 7 к., квасъ ржаной ведро 2 к., мясо говяжье 40 к. пудъ, чаю кирпичнаго кирпичъ 1 р. 25 к., по 25 к. за фунтъ, казенная соль пудъ 40 к., вина простаго осьмуха на $29\frac{1}{2}$ к., масла коровьяго 16 к. фунтъ, крупъ ячныхъ пудъ 20 к., вино простое ведро 2 р. $34\frac{1}{2}$ к., свѣчь 1 деньга, крупа ячная 23 к. за фунтъ, чай зеленой 40 к. фунтъ, молоко прѣсное 6 и 4 коп. ведро, масло коровье 5 к. фунтъ, мясо баранье пудъ 40 коп., ведро молока 80 коп.

1758 году одна Калмычка купила въ Ямышевѣ однѣ чарки за 20 коп., чулки за 20 коп., рубаху бѣлаго полотна, поношенную, женскую 45 коп.

Въ Сибирскую Губернскую Канцелярію.

Прикащикъ Графа Петра Ивановича Шувалова, Яковъ Лисавинъ, просилъ о выдачѣ ему за, отпущенное имъ въ городъ Тару, въ казенный кружечный дворъ, вино простое, за 6616 ведръ 3 осьмины, до 149 бочекъ, за каждую по 30 коп., съ принятымъ имъ изъ Тарскаго кружечнаго двора 5272 р. 93 к., достальныхъ 2,546 руб. $\frac{1}{2}$ коп.

Въ Августѣ 1757 года Матрена Мезенцева, крестьянка Коркиной слободы, оставляла свои пожитки у Поручицы Румянцевой на сохраненіе, по тому что она съ мужемъ имѣютъ домъ на единѣ, разстояніемъ отъ крѣпости Святаго Петра, къ слободѣ Коркиной, въ 30 верстахъ, весьма плохъ, такъ какъ хлѣбонашныя избушки бывають, которой они часто оставляли пустой, отъѣзжая съ хлѣбомъ, рыбой и другими припасами въ крѣпость Святаго Петра. Вещи: сарафанъ новый красный голевой 10 руб., лента золотая съ раской

жемчужной Китайскаго жемчугу, въ подзорѣ серебряныя ставки и съ завязками красными голевыми 2 руб. 50 коп., цѣпецъ голевой красной съ золотымъ позументомъ 2 руб., цѣпочка серебряная 1 руб. 50 коп., платъ гранитуровый новый 1 руб. 15 коп., двѣ трубки лѣннаго тонкаго холста, въ коихъ мѣрю 34 аршина, 1 руб. 80 коп.

Барнаульскаго заводу, Бѣлоярской слободы, деревни Думчевой, крестьянинъ Корминъ, деревни Шадринцевой крестьянинъ Шадринцевъ, въ Августѣ 31 числа отправились въ крѣпость Семипалатинскую, для продажи съѣстныхъ припасовъ хлѣба, масла, мыла; на дорогѣ, у Коростелевыхъ и Камышиныхъ озеръ, попалъ на нихъ разбойникъ крестьянинъ (Бѣлоярской слободы, Касмалинской деревни) Григорій Леонтьевъ Сизиковъ, онъ же Попугайченко, съ товарищами, который за убійство содержался въ Кузнецкой тюрьмѣ. Разбойники обобрали крестьянъ и бросили пустыя телѣги. Изъ Семипалатинска послана команда, 22 человекъ, для поисковъ. Вѣдомость пограбленному скарбу у Шадринцева: винтовка съ натруской 3 руб., сѣдло съ коврами и двумя войлоками 4 р., шерстяная полсть 1 руб., 5 мѣшковъ пшеничной муки 8 руб. 75 коп., мѣшокъ толокна 1 руб. 60 коп., сумы дубленныя переметныя 1 руб., 3 веревки воровинны по 8 сажень 30 коп., вапарья желѣзная 15 коп., долото 10 к., 3 подпруги волосявыя съ пряжки 15 коп., 2 черезсѣдльника ременные 5 коп., узда ременная 40 коп., недоуздокъ ременный 15 коп. У Коршина: 2 пуда масла 3 руб., 2 пуда мыла 4, 2 сѣдла, 3 хомутинныя наметки 1 руб., 3 подпруги волосяныхъ съ пряжки 15 коп., 1 пудъ луку 30 коп., орѣховъ кедровыхъ 1 пудъ 1 руб., полсть шерстяная 1 р., рогожь мочальныхъ редныхъ двѣ 40 коп., волосяной арканъ 15 коп., веревокъ конопляныхъ двѣ 10 коп., войлокъ шерстяной 50 коп. 15 пудовъ ржаной муки 3 руб., 5 пудъ яшной крупы 1 руб. 50 к.; суммы однѣ 60 копѣекъ.

Въ 1758 году куплено въ Тобольскѣ для Зенгорскихъ Калмыкъ: шубы большой и средней руки повошенныя по 1 р. 20 коп., новыя по 1 р. 50 коп., 1 р. 70 коп., по 2 р. 20 коп.; шапки по 15 и 17 коп.; чарки, десятокъ по 1 р. 70 коп.; чулки пара по 14 коп.;

блви 1430 аршинъ на 49 руб. 45 коп. Подъ свозъ ко крѣпости Святаго Петра на 4 лошадыя ямскихъ уѣздныхъ, съ выдачею на каждую 4 руб. 22 копейки.

Промеморія Сибирской Губернской Канцелярїи, отъ 12 Февраля, 1748 года.

Генералъ Киндерманъ просилъ Канцелярїю прислать двѣ черныя лисицы, для отсылки въ подарокъ Аблаю и Ураю, но черныхъ, за отсылкою въ Москву, не имѣется, а объявилъ Tobольской Сынъ Боярской Шишкинъ, привезенныя имъ изъ Назымъ-Дальянской волости, бурья лисицы, которыя по оцѣнкѣ оказались: одна дошлая лисица въ 8 рублей, другая недошлая въ 9 руб.

Промеморія Сибирской Губернской Канцелярїи, отъ 3 Марта, 1748 года.

Въ слѣдствіе свирѣпствовавшей въ Иртышскихъ крѣпостяхъ вѣтряной болѣзни, которая тамъ бываетъ повсягдно, и которую лечитъ Казакъ Ямышевской Бердюгинъ табакомъ и нашатыремъ, Сибирскій Приказъ прислалъ Указъ, чтобъ купить въ Tobольскѣ табаку и нашатырю, и отпускать по мѣрѣ требованія Генерала Киндермана. По тому и куплено въ запасъ, въ Tobольскомъ ряду, табаку два пуда на 3 рубли 40 копѣекъ, нашатырю Бухарскаго 1 пудъ 30 фунтовъ, на 28 руб. 88 $\frac{1}{2}$ коп., и Нѣмецкаго 10 фунтовъ на 6 р. 50 коп., всего на 38 руб. 77 $\frac{1}{2}$ коп.

Въ Крѣпости Святаго Петра на сатовкѣ было вымѣнено Тюменскими и Tobольскими купцами и Бухаретинами: 7 аршинъ краснаго сукна, дана лошадь, 7 концовъ китайки, дана лошадь, 2 конца китайки, лисица, 1 пудъ муки армякъ, 3 мотка шелку, корсакъ, 1 $\frac{1}{2}$ перца муки, армякъ, 8 аршинъ голи двуличневой, лошадь, 1 выдра и 1 корсакъ, лошадь.

Въ Апрѣлѣ 1758 года изъ Ямышевской Таможни были выданы товары Тарскому юртовскаго Бухаретина Мурзалея Шихова прикащику, Петру Бараханову, который долженъ отправиться въ Крѣпость Святаго Петра, а оттуда въ улусы Куляки и Кумары, 17 подставовъ голей разныхъ цвѣтовъ малой руки по 12 рублей, 23 тюня китайки разныхъ цвѣтовъ, по 6 р. тюкъ, 2 дабы зеленыя по 2 руб., 1 кусокъ бархату краснаго 160 руб. 75 коп., бязей по 40 коп., 32 чадара по 50 коп., 26 бязей красныхъ по 1 руб., 15 лисицъ сиводушекъ и 8 выдръ на 40 руб., 5 аршинъ сукна корковаго, желтаго, 2 коновата, за все 25 руб., 1 кушакъ Персидскій 5 руб., 2 половинки сукна васильковаго 40 р., 8 аршинъ сукна зеленого 8 руб., 30 юфтей кожъ красныхъ 100 руб., 1 кафтанъ камчатный 5 руб., 18 фунтовъ квасцовъ 2 руб., 1¹/₂ фунта маржану 5 руб., 9 половинокъ сукна тридцатаго 230 руб., 2 половинки сукна Шпанскаго 100 руб., 300 бязей одинакихъ 120 руб., 4 куска бархату Китайскаго 80 руб., 49 тюней китайки, по 7 руб. тюнь, 40 юфтей кожъ красныхъ, по 3 руб. 50 коп. за юфть, 10 фунтовъ маржану по 10 руб., 2 фунта шелку Персидскаго, по 3 руб., 1 чинъ шелку Китайскаго 6 руб., 1000 иголь 1 руб. 50 коп., 2 пуда квасцовъ 8 руб., 3000 корольковъ Нѣмецкихъ синихъ 3 руб., 10 фунтовъ купоросу синяго 2 руб. 50 коп., 500 аршинъ холста ровнаго 25 руб., 300 аршинъ пестряди красочной Нижегородской, по 8 р. сто, 4 лисицы сиводушки ветшалыя недошлыя по 2 руб., 2 выдры 4 рубли, 1 соломинка 18 руб., одинъ усъ красной 10 руб., 10 лисицъ съ малыми сѣдинами недошлыхъ, по 2 руб. одна, 8 подставовъ голей разныхъ цвѣтовъ, по 15 руб., 1 канфа черная 20 руб., 3 канфы початыхъ 45 рубл., 22 аршина разныхъ цвѣтовъ сукна 30 рубл., 8 остатковъ голей разныхъ цвѣтовъ 100 рубл., 32 тюня китайки, по 6 рубл. тюнь, 8 выдръ 20 рубл., 43 конца крашенины, мѣрою 350 аршинъ, 21 руб. 50 к., 7 фунт. маржану 70 руб., 30 фунт. чернильнаго купоросу 3 руб., 20 фунт. бисеру 10 руб., 25 фунт. квасцовъ 2 рубли. Всего на 2,798 рублей.

Мурзалея Шиховъ прибылъ въ Октябрѣ 1758 года изъ Киргизской степи въ Крѣпость Святаго Петра и выгналъ лошадей 50; лошади оцѣнены были большею частію въ 6 рублей, 5 руб., 3 руб., 1 руб. 50 копѣекъ; одинъ меринъ въ 10 рублей.

Въ 1759 году Мурзалеи Шиховъ высатовалъ у Киргизъ 62 лошади, которыя въ Омской крѣпости были разцѣнены таможеннымъ цѣловальникомъ отъ 8 рубл. до 1 рубл. 50 копѣекъ.

Въ Юнѣ 17 освидѣтельствовано и оцѣнено въ Омской крѣпости 146 лошадей, выведенныхъ Мурзалеемъ Шиховымъ изъ Киргизской волости; самая дорогая 9 рубл. 50 копѣекъ.

Доношеніе Шихова.

Въ 1758 году отпущенъ былъ въ улусъ къ Кумарѣ Батырю, и при послѣднемъ выѣздѣ изъ волости, приведено лошадей 146 на 320 рублей, рогатаго большаго скота 32 шт., на 55 рубл., малыхъ 33 на 17 рубл., мелкаго: овецъ и барановъ большихъ 100, на 27 рублей, малыхъ годовыхъ 95, въ томъ числѣ козловъ 3 на 13 р. мягкой рухляди: лисицъ 509 на 230 рубл., корсаковъ 479—110 р. 60 коп., овчинъ большихъ бараньихъ 10, на 1 рубл., волковъ на 37 рублей. Товары эти вымѣнены на Русскіе, Нѣмецкіе и Иркутскіе товары. Да сверхъ того вымѣнено на имя Фрауендорфа: Калмыцкіи мальчикъ 7 лѣтъ за товары на 15 руб.; да на имя Симоннова Калмыцкая дѣвочка 12 лѣтъ за товары на 20 рублей. Да раньше работникомъ выведено 62 лошади на 190 рублей. Всего высатовано скота, мягкой рухляди и Калмычатъ на 1084 рубл.

1760 г., 6 Мая, Алимъ Шиховъ отправился въ степь для торгу; при немъ товаровъ: китайки одноконечной разныхъ цвѣтовъ концевъ 205, китайки Ламской тюней 36, по 8 руб. тюня, торговой тюней 12, по 6 рубл. тюнь, голей разныхъ цвѣтовъ, подставовъ 11, по 14 рубл. подставъ, маржану краснаго мелкаго фунтовъ 6½, по 6 рубл. фунтъ, суконъ Нѣмецкихъ разныхъ цвѣтовъ половиннокъ 10, по 14 рублей половинка, голи двоелишной, по 1 руб., Китайской канфы черной 22 рубл. кусокъ, бархату Китайскаго чернаго 18 рубл. кусокъ, 1 р. 80 к. аршинъ, дабл бѣлой, 1 рубл. кусокъ, сукна Нѣмецкаго 60 коп. арш., лисицъ сиводушекъ 1 р. 50 штукъ,

выдръ большихъ, по 1 р. 20 к. каждая, малыхъ по 50 коп., холста ровнаго, по 30 рубл. 1000 арш., крашенины синей по 2¹/₂ коп. арш., чеканной крашенины 2¹/₂ коп. арш., нежу синяго полосатаго 4 коп. арш., сукна сермяжнаго 4 к. аршинъ, хрящу толстаго, по 1 руб. сотня, сукна краснаго по 1 руб. аршинъ, полосатай Нижегородской пестряди по 3 к. аршинъ, сезямовъ шитыхъ изъ Армяжнаго сукна по 50 коп., краснаго кумачу 1 руб. 20 коп. конецъ, крашенины разныхъ цвѣтовъ 2¹/₂ коп. арш., кожъ юфтовыхъ красныхъ, по 2 рубли кожа, выдръ среднихъ по 80 коп., малыхъ по 50 коп., крашенины пестрой по 2¹/₂ коп. аршинъ.

Репортъ Директора Ялышевской и Семипалатинской Таможель, Бушуева, 15 Юни, 1760 года.

Продано въ Крѣпость Св. Петра: муки ржаной 92¹/₂ пуда, крупъ яшныхъ 2 пуда, 25 фунтовъ, холста 151 арш., телѣгъ деревянныхъ ветхихъ 40, одноколокъ 3; цѣны на этѣ товары: ржаной муки пудъ 89 коп., крупъ яшныхъ пудъ 7³/₄ копѣекъ, холста аршинъ 2, 3 коп., телѣга 30—50 коп.; сверхъ того проданы: крышка стамедная съ шубы 20 коп., 11 епанчей суконныхъ синихъ ветхихъ, красная епанча, 1 кафтанъ суконный и 1 кафтанъ сермяжный. Епанчи отъ 1 рубля до 20 коп. Епанчи ветхія дыроватыя продавались по 50 коп.; всего товаровъ продано на сумму 36 руб. 81 коп.; пошлина съ нихъ 6 рубл. 36 копѣекъ.

НЕВОЛЬНИЧЕСТВО, КАБАЛА И ПОЛОНЪ.

Репортъ Аблязова, 22 Июня, 1745 года.

Аблязовъ, командированный для развѣдокъ въ Джунгарію, между прочимъ доноситъ: «Купецъ Верхотуровъ видѣлъ плѣнныхъ людей въ городѣ Акса у Акимбека, который Аксуцкій Судья, Тарскаго жителя Афонасія да Тобольскихъ слободъ Ивана Волохова, и онъ, де, сказывалъ, что, де, когда былъ Маіоръ Угрюмовъ для вывозу плѣнныхъ, тогда мы были выгнаны въ Камень; да въ Иркентъ, де, явельтъ Ямышевскаго плѣну солдатъ Шейкинъ, да Кузнецкаго плѣна Андрей Брагинъ, да Тарскій Татаринъ.»

Показаніе разночица Повонарева, Июля, 1745 года.

«Видѣли мы въ Зенгорской Ургѣ Россійскаго мастераго Ивана Михайлова, и слышали, что онъ мѣдный заводъ строить, и на ономъ, де, заводѣ имѣеть 2-хъ человекъ товарищей себѣ.»

Письмо Ненашева къ Киндерману, Июля, 1745 года.

«Вашего Превосходительства почтенныя письма я получилъ, и что Вы изволили по письму Албай-Салтана о возвращеніи захваченныхъ при Верхъиртышскихъ крѣпостяхъ Россійскими партіями, Алымбетова улуса Киргизъ-Кайсаковъ и скота, опредѣлить, то сіе изрядно; но понеже, какъ Ваше Превосходительство о томъ изволили объявить, что въ вѣдомствѣ онаго Албай-Салтана находится немало Башкирцевъ, бѣглыхъ туда, поданныхъ Ея Императорскаго Величества, которые оттолъ возвращенія желаютъ, только Кайсаками

удерживаются. Къ тому жъ изъ крѣпости Семипалатной Киргизъ-Кайсацкой породы крещеный Василій Алексѣевъ бѣжалъ, который, какъ самъ Аблай-Салтанъ посланнымъ отъ Полковника Павлуцкаго сказывалъ, находится у нихъ въ ордѣ. И тако, по случаю тѣхъ захваченныхъ возвращенія, за особый способъ нахожу Вашему Превосходительству отъ помянутаго Аблай-Салтана требовать, чтобъ онъ тѣхъ находящихся въ ордѣ ихъ Башкирцевъ высвободя всемерно, также и объявленнаго бѣлаго поймавъ, къ Вамъ прислалъ. А ежели вышеписанные захваченные Кайсаки до сего (въ орду) еще не возвращены, то можно изъ нихъ, кои лучше, нѣсколько человекъ удержать до того времени, какъ то требованіе отъ нихъ исполнено будетъ.»

Допоселіе Павлуцкаго Киндерману, Сентября.

Аблай-Салтанъ прислалъ къ Павлуцкому письмо, въ которомъ онъ проситъ о возвращеніи плѣнныхъ. «Что же оный Салтанъ проситъ прилежно, особливо о родственникахъ старшины Алимбетъ-Батыря, чтобъ оныхъ плѣнныхъ отыскать и къ нимъ прислать, а имянно: бабу Аимъ, дочь ея, Сулучу, да жену его, всего 4 человекъ; а по справкѣ, оныя плѣнные въ раздачѣ здѣсь значатся: Женка Хурумза у Превосходительнаго Генерала-Маіора и Губернатора Сухарева, женка Аимъ и дочь ея дѣвка у Полковника Вендейга, женка Сулуча у Секретаря Карташева, и оныя, уповательно, уже крещены. А о удержанныхъ въ Желѣзинской крѣпости лошадяхъ Бекберды и о прочемъ, Капитанъ Сергѣевъ рапортуетъ, что тѣ лошади въ прошломъ году пали, а сѣдла съ войлоками увезла съ собою въ Тобольскъ Поручика Соловьева жена, и для того о отборѣ онаго у реченной Поручицы и о присылкѣ сюда, представлено отъ меня въ Сибирскую Губернскую Канцелярію. А что оный Аблай-Салтанъ отъ меня требуетъ о уведомленія его о оныхъ ихъ плѣнныхъ, о томъ Ваше Превосходительство, что изволите мнѣ опредѣлить, покорно требую резолюціи.»

Письмо Аблай-Салтана Павлуцкому.

«Здравствуй, Иванъ Степанычъ, на множество лѣтъ! Пожалуй, пожалуй, не оставь, въ чемъ я прошу. Какъ вы, подданные Великой Государыни, такъ и мы подданные; всѣ у нея вѣрноподданные радуются и веселятся, токмо одинъ Алимбетъ-Батырь изобиженъ, въ печали всегда. У тебя, Г-нъ Полковникъ, покорно прошу, чтобы ты за нихъ былъ старатель завсегда; да еще же покорно прошу отдать намъ Алимбетовъ полонъ и животь, который взять былъ у насъ, чтобы выслать. Который Вы изволили требовать у насъ полонъ, ни прежде, ни послѣ на Всемилоствѣйшую Государыню лиха не думаемъ, не токмо полону Русскаго, которая есть у насъ плѣнная баба, и та взята въ давнихъ годахъ; мы эту полонянку купили; которые въ полонъ взяты у васъ въ давнихъ годахъ, также у насъ взята плѣнная баба въ давнихъ годахъ. Еще у васъ полону нашего людей 31, звѣрей 24, лошадей 765, 7 юрть съ животомъ со всѣмъ у Князя Капитана. 2 кафтана бархатные и прочее.»

Показаніе Векберда Акмурзина, Сентября.

Аблай-Салтанъ снова просилъ Павлуцкаго черезъ Акмурзина о выдачѣ плѣнныхъ: «А буде тѣхъ плѣнныхъ и нынѣ не отдадутъ, то будемъ, де, о томъ просить у самой Всемилоствѣйшей Государыни.» А въ ихъ ордѣ нѣтъся во владѣніи Русская баба, и Аблай-Салтанъ говорилъ: «Ежели, де, Алимбетовыхъ плѣнниковъ изъ Россіи отдадутъ, то, де, и тое бабу отдадимъ.»

Письмо Неплюева къ Киндерману, 26 Сентября.

«Что касается до тѣхъ Киргизъ-Кайсакъ, кои по поимкѣ въ разныя руки достались и въ Православную Вѣру приведены, слѣдственно, какъ бы то сдѣлано ни было, отпущать ихъ въ орду, яко крещенныхъ, не возможно; и тако, въ отговорку Киргизъ-Кайсакамъ, по моему мнѣнію, другого резону нѣтъ, какъ только сей, что по ихъ собственному желанію оное воспріали, и по Закону Православному

возвратить ихъ уже не можно, да и они сами того нынѣ не желаютъ; на которомъ основаніи и отъ меня, ежели Аблай-Салтанъ ко мнѣ о томъ же отпишетъ, будетъ къ нему то же писано. Что же принадлежитъ до некрещенныхъ и до лошадей, то за лучшее мнит-ся мнѣ возвратить, о чемъ отъ меня и въ Сибирскую Губернію писано, дабы хотя чрезъ то справедливость имъ показать, чтобъ при настоящихъ конжекурахъ ни какого чрезвычайнаго разврату не произошло. Что же изволите учинить, о томъ прошу меня безвѣстнымъ не оставить.»

Донесеніе Павлуцкаго, 25 Февраля, 1746 года.

Аблай-Салтанъ прислалъ еще письмо о возвращеніи полону и Киргиза Юлберса для принятія его. Письмо Аблая писано на Высочайшее имя, а подать назначено Полковнику Зорину. Въ этомъ письмѣ Аблай считаетъ за Русскими полону 44 человекъ и 911 лошадей.

Экстрактъ, учиненный въ Сибирской Губернской Канцеляріи о обидахъ, учиненныхъ Киргизъ-Кайсакамъ, 31 Марта, 1745 года.

Декабря 1, прошлаго 743 года, въ доношеніи Полковника Зорина написано, что, де, «Ноября 5 усмотрѣно было лошадей на зарѣшной сторонѣ Иртыша, разстояніемъ отъ Желѣзинской крѣпости версты съ двѣ, и по оныхъ, де, былъ посланъ Капралъ Вершининъ, и оныхъ, де, всего 10 лошадей въ крѣпость пригнали. Того, де, ради Вершининъ былъ съ 24 Казаковъ и солдатъ посланъ для присмотру непріятельскихъ людей и ихъ трактовъ. И отъ крѣпости въ 5 верстахъ напала, де, на нихъ Казачья орда, и сѣазывали тѣ непріятельскіе люди: «Мы де, мирные люди, и ѣдемъ торговать въ Желѣзинскую крѣпость.» И послѣ того они, непріятельскіе люди, учинили съ нимъ, Вершининымъ, бой, и того бою было со оными недпріятельскими людьми того дни до ночи...» Казаки были осаждены и просили изъ крѣпости сикурсу. На выручку ихъ

отправленъ Капралъ Пузинъ съ 42 чел. и одной пушкой, но Пузинъ Киргизовъ уже не засталъ и ихъ выслѣдить не могъ. А Ноября 6 подъѣхали къ Желѣзниковской крѣпости два Киргиза, «и тѣ, де, непріатели взяты въ крѣпость.»

Ноября 3 въ Семипалатинскѣ солдатъ Ромашевъ сказкою объявилъ, что «видѣлъ онъ за Иртышемъ невѣдомо какихъ людей.» За ними въ погоню былъ отправленъ Капралъ Сгибневъ съ 30 человекъ команды. Сначала онъ гнался за Киргизами безуспѣшно и полонилъ только одного человѣка. За тѣмъ набѣжали на команду человекъ 20 въ панцыряхъ, но тотчасъ повернули въ степь на утекъ.

8 Ноября изъ форпоста Черлаковскаго Сотникъ Дороховъ ѣздитъ съ Казаками по степной сторонѣ, для присмотра непріятельскихъ людей, и набѣжалъ на Казачью орду, на 30 человекъ; изъ оныхъ, де, непріятельскихъ людей 2 человекъ поймали, а за остальными погнались. Въ помощь имъ изъ форпоста было послано еще 31 человекъ. «Сотникъ Дороховъ набѣжалъ на ихъ Казачей орды улусы и въ оныхъ мужеска пола бойцу человекъ 50, и отъ того, де, улусу верстахъ въ 2 еще человекъ 20, и въ оныхъ, де, улусахъ баталія была во второмъ часу ночи, а прибылъ, де, съ оной баталіи онъ, Дороховъ, въ форпостъ Черлаковскій въ 7 часу ночи благополучно, и изъ оныхъ, де, улусовъ привезъ 2 человекъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ 1 называется Русскимъ, что де, малолѣтній взятъ въ полонъ; да пригнано изъ Кайсацкихъ улусовъ многое число, а сколько, того де въ ночныхъ часахъ не изчислено...» По требованію Дороха, изъ Омска командировано ему въ помощь, для вторичнаго набѣга, 117 человекъ, да изъ форпоста Черлаковскаго взялъ 31 человекъ, и «соединясь всѣ обще, Ноября 13 дня, въ степь, за Иртышъ, отправились. И шли до озера Теки денно и ночью 5 дней, а отъ того озера шли дня съ полтора и нашли, де, въ дубравахъ Казачей орды на улусы, и изъ тѣхъ улусовъ черезъ огненное оружіе взято въ полонъ мужскаго и женскаго пола 42 человекъ, и при томъ же, де, взято 2 турки, 4 сѣдла, жеребцовъ 20, мериновъ 60, кобылъ 210, жеребятъ, лошаковъ и третьяковъ 280, селѣтовыхъ 220, всего 790 лошадей, верблюдовъ 22. А сколько при томъ нападеніи непріятельскихъ людей побито и ранено, о томъ подлинно въ ночномъ времени познать было нельзя. И тотъ, де, полонъ, за помощію Божіей, вывелъ онъ съ предписанною командою въ

Омскую крѣпость во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ, де, онъ Дороховъ рапортомъ, дабы повелѣно было вышеписанную взятую имъ добычу людей, тако жъ лошадей и верблюдовъ, отдать ему съ командою въ раздѣлъ, дабы, де, впредь многіе вѣрноподанные къ поиску непріятельскихъ людей охоту и немалую ревность имѣли. А по справкѣ, де, съ присланнымъ въ прошломъ 735 году Ея Императорскаго Величества Указомъ, въ которомъ, между прочимъ, объявлено, велѣно взятыхъ въ полонъ непріятельскихъ людей вырослыхъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію подъ крѣпкимъ карауломъ препровождать, а малолѣтнихъ мужскаго и женскаго пола и ихъ багажъ и скоть дѣлать, кто ихъ въ полонъ взялъ, и чтобъ, де, служилые люди и Татары къ поиску непріятельскихъ людей и впредь охоту имѣли. И по снѣгъ онаго Ея Императорскаго Величества Указу преднаписанные завоеванные мужскъ полъ молодые, а женскъ старыя и молодыя, тако жъ верблюды и кони, раздѣлены по тѣмъ, которые при взятѣ той добычи были, солдатамъ, драгунамъ и выписнымъ Казакамъ съ роспискою. Токмо оставлено изъ выше показанныхъ лошадей выбранныхъ лучшихъ въ Омской крѣпости меряновъ и кобылъ 50, которыя и содержатся зпредь до Указу изъ Сибирской Губернской Канцеляріи, на казенномъ корму. А изъ преднаписанныхъ непріятелей, 3 человекъ отосланы, а оставшій четвертый былъ увезенъ Дороховымъ въ Желѣзинскую крѣпость. Изъ 42 человекъ же въ Омскъ Капитаномъ Княземъ Девлетъ-Гиреевымъ 4 были допрашиваны, которые допросы и непріатели 4 человекъ, при доношеніи въ Сибирскую Губернскую Канцелярію посланы подъ конвоемъ на ямскихъ до Тобольска подводахъ, за ныданные прогоны изъ Ямышевской Таможни.

А выше писанные, присланные въ Сибирскую Губернскую Канцелярію, Киргизъ-Кайсаки распрашиваны, и по тѣмъ распросамъ въ воровствѣ не винулись.

А въ прошеморіи изъ Канцеляріи Оренбургской Коммисіи « » Декабря, прошлаго 743 года, полученномъ 11 Генваря, прошлаго 744 года, на требованіе оной Сибирской Канцеляріи, написано: «Буде какіе изъ Киргизъ-Кайсаковъ захвачены будутъ, къ дѣйствительному воровству неприличныя, но въ чемъ сумнительныя, о таковыхъ Сибирской Губернской Канцеляріи надлежитъ имѣть сношеніе съ Оренбургскою Коммисією, яко вохъ ихъ въ своемъ вѣдомствѣ имѣ-

ющихся, а ихъ не разыскивая, содержать подь карауломъ, по чему въ надлежащемъ сообщеніи прежнему не будетъ.»

А Іюня 6 дня въ присланной при Указѣ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ Указу изъ Правительствующаго Сената копія написано: «Правительствующій, де, Сенатъ, по доношеніи оной Коллегіи, приказали: Киргизъ-Кайсаковъ тѣхъ, кои явятся хотя въ смертныхъ убійствахъ и воровствахъ и въ подбѣгахъ подь Россійскія жилища, по розыскамъ, всѣхъ изъ Оренбурга сослать въ ссылку, въ работу въ Рогервикъ, а изъ Сибири на Нерчинскіе серебряные заводы, однако жъ изъ нихъ..... (выкрошилось) смертныя убійства..... (выкрошилось)... и высылку посыланы будутъ, о такихъ, не чиня имъ смертной казни, къ разсмотрѣнію велѣтъ въ Правительствующій Сенатъ присылать выписки, съ прописаніемъ Указовъ и съ приложеніемъ мѣтнія.»

И Іюня 22, прошлаго 744 года, по опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи, о упомянутыхъ плѣнникахъ, девяти человекъ, учиненъ въ оной Канцеляріи обстоятельный экстрактъ и посланъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію, чтобъ оная благоволила рассмотреть, надлежитъ ли съ выше объявленными плѣнниками по силѣ вышеписаннаго Указу здѣсь разыскивать? А безъ сношенія объ ономъ съ Оренбургской Канцеляріей разыскивать Сибирская Канцелярія сумнительна. И пока отъ Оренбургской Канцеляріи прислано увѣдомленія не будетъ, потамѣтъ содержать ихъ подь крѣпкимъ карауломъ и употреблять въ городовыя казенныя работы.

А Сентября 6 дня, прошлаго 744 года, въ Сибирскую изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи въ промеморіи написано:... (излагается все предыдущее и отвѣты на допросы, снятые съ плѣнниковъ въ Tobольскѣ)... Но справкѣ въ Оренбургской Канцеляріи Августа 3 дня, съ присланными къ Тайному Совѣтнику и Оренбургскому Губернатору Неплюеву письмами, Киргизскіе Владѣльцы Обомхайзъ Ханъ, Ерали и Аблай Салтаны, Джанбекъ Тарханъ, съ немалою жалобою пишутъ и усиленно просятъ, чтобъ выше означенныхъ плѣнныхъ въ Tobольскѣ содержащихся Киргизъ-Кайсаковъ, кои, де, владѣнія Аблай-Салтана, свободить, объявляя тѣхъ людей прошедшею зимою при разбитіи вѣдомства онаго Аблай-Салтана. улуса Киргизкайсаченина Алымбета Батыря, который, де, былъ весь-

ма добрый челоуѣкъ, взято мужеска и женскаго полу 47 челоуѣкъ, кромѣ тѣхъ, кои до смерти побиты 11 челоуѣкъ, въ то же время захвачено 20 верблюдовъ, 1000 лошадей...сверхъ же того Аблай-Салтанъ объявляетъ, что его жь вѣдомства Кайсаченинъ Иткара нынѣшняго году, когда онъ ѣздилъ за охотою, увезенъ Россійскими людьми, а за тѣмъ, въ его, Иткары, улусъ Россійскіе люди, пріѣхавъ, увезли Киргизца Уметя, его жь, Иткары, сына за одного ясыря и болѣе 200 лошадей; еще, де, Россійскіе люди отогнали табунъ лошадей, за которыми ѣздили два челоуѣка, Иштейлетъ да Азатъ, но оныхъ, де, удержали; да кочевавшаго по Иртышу его жь, Аблаева, вѣдомства, челоуѣка увезли, кои, де, и понынѣ не освобождены; и при томъ тако жь проситъ о свободѣ ихъ, упоминая, что они не за злодѣйство какое пойманы, которые имена между выше писанными, въ Сибирскую Губернскую Канцелярію привезенными, значатся, и что они въ допросахъ своихъ показали, то и сіе его, Аблаево, письмо подтверждаетъ. А по Указамъ, присланнымъ къ Тайному Совѣтнику Неплюеву, когда еще изъ Киргизъ-Казацкихъ ордъ отъ ихъ плутовъ и своевольниковъ самое злодѣйство происходило, подтверждено ему, Тайному Совѣтнику Неплюеву, прилагать о успокоеніи оныхъ народовъ стараніе, чтобъ они, ежели возможно, безъ военныхъ дѣйствъ къ успокоенію приведены быть могли. Въ другомъ Указѣ, отъ 8 Марта состоявшемся, въ апробацію представленнаго отъ него, Тайнаго Совѣтника Неплюева, обще съ Генераломъ-Маіоромъ Фонъ Штокманомъ, плана объ нихъ, Кайсакахъ, при всемъ томъ, что ко успокоенію и приведенію ихъ въ должное подданническое послушаніе; за нужное принято и повелѣно накрѣпко наблюдать, чтобъ прежде, пока объ ихъ, Киргискихъ, противныхъ и злыхъ противъ Россіи намѣреніяхъ подлинно не увѣдомленность будетъ, съ Россійской стороны дѣйствъ не оказывать и регулярнымъ и нерегулярнымъ войскамъ до того времени не чинить, дабы не подать имъ, Киргизцамъ, къ противностямъ случая. И понеже изъ всего экстракта о причинахъ поимки тѣхъ Кайсаковъ болѣе не значится, какъ токмо сія, что первые два, когда они подѣхали къ крѣпости, для сысканія взятыхъ на степи посланными изъ Желѣзинской крѣпости ихъ Кайсацкихъ 10 лошадей, что и Аблай-Салтанъ письмомъ своимъ, сюда присланнымъ, подтверждаетъ, а болѣе подозрѣнія на нихъ ни какого нѣтъ. И тако изъ оныхъ содержащихся Кайсаковъ, первыхъ трехъ не токмо виновности, но и сомнѣнія ни какого не видно

и задержаны безъ всякой почти причины, а 4, 5, 6, 7, 8 и 9-й хотя изъ того улуса пойманные, въ которомъ съ помянутымъ Сотникомъ Дороховымъ драка была, и онъ, Дороховъ, отъ Кайсаковъ раненъ, однако жъ и они не только винны признаются, сколько сами отъ тѣхъ посланныхъ нападеніемъ на ихъ улусы и поискою ихъ обижены, ибо за чѣмъ та партія въ ихъ улусы ходила, тому настоящей причины не показано, пришествіе которой въ свое жилище они, Кайсаки, увидѣли, то, яко степные и дикіе люди, испужався, и поступить уже непріятельски отважились, а особливо видя на себя оружейною рукою нападеніе. А хотя у посыланнаго изъ Желѣзинской крѣпости Капрала Вершинина отъ Кайсаковъ 1 солдатъ убитъ да 6 ранено, но и оная партія не столько справедливо, сколько азартно, поступила, ибо ей не только не было нужды, но и не надлежало подъ самыя Киргизскіе улусы ходить, что и съ предписанными Ея Императорскаго Величества Указами не согласно есть; по чему ихъ, Кайсаковъ, какъ разыскивать, такъ и въ ссылку ссылатъ, по мнѣнію Оренбургской Губернской Канцеляріи, резону не признается, ибо владѣльцы Киргизъ-Кайсацкіе, какъ выше значить, и нынѣ жалуяся, не малое себѣ изъ того неудовольствіе произносятъ, яко они, по такимъ съ ними поступкамъ, какъ непріатели, признаются, что какъ спокойному ихъ содержанію, такъ и выше изображеннымъ Ея Императорскаго Величества Указамъ противно; ибо хотя въ прошломъ году и изъ нихъ, Кайсаковъ, немалыя злодѣйства во всѣхъ сторонахъ показаны, однако жъ они нынѣ не токмо всѣ успокоились, но захваченныхъ тогда въ полонъ съ довольнымъ стараніемъ выскиваютъ и высвобождаютъ и отъ времени до времени болѣе вѣрности Ея Императорскому Величеству утверждаютъ; при чемъ вайначе нужно, дабы имъ не только ни какого ни въ чемъ озлобленія и неудовольствія впредь безъ причины не чинить, но и всякое возможное приласканіе и снисхожденіе изъяслять.

И того жъ 11 Августа, по Указу Ея Императорскаго Величества, въ Оренбургской Губернской Канцеляріи опредѣлено: въ Сибирскую Губернскую Канцелярію писать оную промеморію и требовать, что она тѣхъ содержащихся Киргизъ-Кайсаковъ 8 человекъ, по выше изображеннымъ резонамъ, благоволила отправить къ Полковнику Зорину, а при томъ, ежели гдѣ и сверхъ оныхъ, при выше писанныхъ случаяхъ, захвачены Киргизъ-Кайсаки есть, то ихъ также

и лошадей ихъ, собравъ, къ оному жъ бы Полковнику доставлять велѣно, а ему, Зорину, опредѣлить, чтобъ онъ, во удовольствіе Кайсацкихъ владѣльцевъ и народа, ихъ, Кайсакъ, отдалъ присланнымъ отъ владѣльцевъ возвратно... Кроме того, въ Сибирскую Губернскую Канцелярію представить и сіе, чтобъ отъ нея во всѣ пограничныя мѣста найкрѣпчайше подтверждено было, дабы изъ оныхъ крѣпостей и форпостовъ такихъ въ самыя Киргизъ-Кайсацкіе улусы партій отнюдь посылаемо не было... Что же касается отвѣту на присланныя отъ Абухаиръ-Хана и Аблай-Салтана письма, то къ намъ отвѣтствовать, уважая въ прошломъ годѣ происходившія отъ Киргизъ-Кайсаковъ, какъ со здѣшной, такъ и съ Сибирской, стороны (означа ихъ имянно), многія злодѣйства, и что, по причинѣ тѣхъ злодѣйствъ, принуждено было о найкрѣпчайшей предосторожности и о развѣздахъ строгіе Указы разослать и воровскихъ перебѣговъ по всюду высматривать, а гдѣ оныя усмотрятся, то надъ тѣми ворами воинскіе повски чинить, и за тѣмъ объявить, что къ показанному предписанныя партіи, по явнымъ отъ Киргизъ-Кайсацкой стороны непріятельскимъ дѣйствамъ, имѣли довольную законную причину, и хотя всѣ пойманные, по правамъ Россійскимъ, помилованія не достойны, но за вѣрность оныхъ Хана и Салтана, о свободѣ объявленныхъ Киргизъ-Кайсакъ писано, и обнадежить ихъ, что имъ по справедливости удовольствіе показано будетъ.»

Сентября 9-го, 1744 года, Сибирская Канцелярія сдѣлала тѣ распоряженія, которыя были предложены ей Оренбургской Канцеляріей.

«А Ноября 26 дня того жъ года присланнымъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію доношеніемъ Полковникъ Зоринъ требовалъ повелительнаго Указа, чтобъ соблаговолено было прислать извѣстіе, что съ Россійской стороны въ прошломъ году ими, Кайсаками, взято людей и лошадей въ полонъ, и какъ оная резолюція объ ономъ учинена и прислана будетъ, и показанныя Кайсаки при отправленіи своемъ будутъ требовать въ свою землю Россійскихъ людей, для сыску и отсылки сюда взятаго ими съ Россійской стороны полона, то какъ объ ономъ Сибирская Губернская Канцелярія соблаговолитъ? Тако жъ и съ какимъ резономъ ихъ, Кайсаковъ, отправить, а которыя воспріавшіе вѣру Греческаго вѣроисповѣданія, тако жъ людей и лошадей, ежели кому по раздѣлу достались, а они еже ваче чаянія

въ другіе города продали, о томъ какъ Сибирская Губернская Канцелярія соблаговолила.

И Декабря 1 дня изъ Сибирской Губернской Канцелярії въ Ямышевскую Канцелярію посланъ Въ Императорскаго Величества подтвердительный Указъ, по которому велѣно реченныхъ, посланныхъ отсюда Кайсаковъ, 5 человекъ, тако жъ, что ихъ взятагоестъ, отдать прибывшимъ отъ владѣльцевъ и съ тѣмъ ихъ отправить въ ихъ улусы неудержно. А ежели, паче чаянія, за тѣмъ что еще взятаго Россійскими людьми будетъ имъ не отдано, то при томъ тѣмъ прибывшимъ въ Ямышевскую крѣпость объявить учтиво, что оное все будетъ отыскано и отдано имъ неудержно, и что Россійское Государство весьма пространно и многолюдно, и нынѣ онаго взятаго отыскать и имъ отдать скорѣ ни коимъ образомъ не возможно.»

Репортъ Павлаудкаго Киндерману, Марта. 1746 года.

О полученіи ордера, которымъ приказано смотрѣть, дабы никто отсюда отнюдь, подъ смертною казнію, не дерзалъ, для добычи, или воровства, за форпосты въ кочующіе близъ границъ Россійскихъ Киргизъ-Кайсаковъ, тако жъ и Галдэнъ-Чирина, улусы прокрасться, или подъ какимъ видомъ пройтись, и отъ того имъ обидъ и озлобленія происходить не могло.

Репортъ его же, 20 Марта.

У Киргизъ-Кайсаковъ въ улусахъ было много (плѣнныхъ) воровъ Башкирцевъ, изъ которыхъ и бѣжали, а въ другихъ, де, улусахъ есть, или нѣтъ, о томъ не знаютъ. Въ ихъ же улусахъ и Русскихъ плѣнныхъ было довольно, токмо, де, оныя собраны и отосланы яко бы въ Оренбургъ въ равныя годы, а послѣднихъ, де, отдали въ прошломъ 744 году, а въ другія орды никуды ихъ не продавали.

Репортъ его же.

Въ Ямышевѣ 22 Февраля прибыли Юлбаръ въ числѣ 6 человекъ другихъ Киргизовъ съ письмомъ отъ Аблая о выдачѣ плѣнныхъ, захваченныхъ въ 1743 г. Полковникъ Зоринъ объяснилъ ему, что въ 1743 г. было захвачено 46 человекъ, 955 лошадей, 22 верблюда, 4 турки, 6 сѣделъ. А такъ какъ они были розданы по разнымъ рукамъ, то Зоринъ посылалъ до Чернолуцкой слободы собирать ихъ Поручика Проскуракова, который, де, собрано 382 лошади, кои, имъ Полковникомъ, и отданы присланнымъ отъ Аблай-Салтана Киргизамъ прошлаго 1744 г., въ Декабрѣ, въ Желѣзинской крѣпости, да тогда жъ отдано присланныхъ изъ Сибирской Губернской Канцеляріи 5 человекъ, кои въ Тобольску содержались. Такъ какъ объ остальномъ скотѣ Зоринъ донесъ, что нѣкоторые лошади и верблюды пропали, другіе убѣжали въ степь, иные проданы, отосланы солдатами домой, уведены служилыми въ Тару, то Павлуцкій для сбора ихъ послалъ Поручика Ростовскаго до Тары.

Показаніе Казака Бердюгина, 11 Мая.

Бердюгину Киргивы въ Ордѣ говорили о Калмыкахъ, что «еже ль, де, полону отъ васъ имъ Зайсанамъ, не отдадутъ, то, де, отъ нихъ непостоянство будетъ. Въ Киргизъ же Кайсакахъ имѣется живущихъ Башкирцевъ немалое число, также нѣсколько Чувашъ и другихъ подданныхъ Ея Императорскаго Величества иновѣрцевъ, и онымъ, де, житье отъ Кайсаковъ весьма плохое.

Письмо Аблай-Султана къ Павлуцкому, Августа.

Просить снова о возвращеніи плѣнныхъ, особенно о возвращеніи холопей и дѣтей уже возвращенныхъ въ Орду плѣнниковъ. «Отецъ о дѣтяхъ тужить также. Дѣтицей ко отцамъ своимъ сообщите, какъ оргамака съ табуномъ сообщить. И которые крещены и некрещены, извольте къ намъ прислать; и наши которые воры вашихъ въ полонъ брали, привезя къ себѣ обусарманить, и нашихъ ваши также воры, увезя, да окрестятъ, это хорошее ли дѣло?»

Равортъ Вахистра Черныхъ.

Ему сказывали въ Ордѣ, что Киргизской волости, вѣдомства Аблая, Худой Берди ходилъ воровать въ 1743 году лѣтомъ подъ Ишимскія слободы, и привезъ 20 человекъ плѣнныхъ да 80 лошадей. На дорогѣ Черныхъ со своими спутниками увидѣлъ Русскую бабу, гнавшую коровъ: хотѣли къ ней подѣхать, но провожавшій ихъ Илыметевъ племянникъ схватилъ за его поводъ, а самъ Ильмешъ бросился на его спутника съ ружьемъ; они не противились, а бабу Киргизы тотчасъ прогнали... На обратномъ пути они видѣли другую бабу, съ которой даже разговаривали. Оказалось, что ее зовутъ Федосей, изъ Тары. Аблай же объявилъ, что у нихъ нѣтъ ни какихъ Русскихъ плѣнныхъ.

Сказка купца Верхотурова, Апрель, 1746 г.

Во время бытности его въ Джунгаріи, тамъ Русскихъ купцовъ 21 человекъ. Да кромѣ того въ подданствѣ у Галданъ-Чирина находятся Русскихъ плѣнныхъ 23 мужчины и 2 бабы, которые живутъ въ Ургѣ, Еркенѣ, Аксѣ и др. мѣстахъ. Одинъ изъ плѣнныхъ, Ефимъ Вяземскій, въ Еркенѣ плавилъ серебряную руду, а потомъ оставилъ и заводъ его стоитъ пустой. Иванъ Михайловъ плавилъ въ Ургѣ жѣдную руду и лилъ пушки.

Равортъ Бригадира Якоби, Сентября, 1746 года.

Въ Селенгинскъ присланъ сюда изъ Пекина, изъ Трибунала вѣщанныхъ священій, половецкаго Башкирецъ Ебусуковъ. Въ 739 году взятъ онъ былъ на Ишимѣ Казачею Ордою въ 5 человекъ и проданъ Бухарскому купцу Зенгорскаго владѣнія Хашхабаю, гдѣ и жилъ до 746 году, и нынѣ бѣжалъ на пограничный Китайскій караулъ, съ котораго доставленъ въ Пекинъ, а оттуда сюда.

Рапортъ Капитана Ветберха, Декабря, 1752 года.

На Ишимскую Линію явилось два Киргиза и объявили, что, назадъ тому два мѣсяца, ѣхали они со своимъ улусомъ къ рѣкѣ Тоболу, гдѣ на нихъ напали Контайшинцы, 3 человека убили и 2 взяли въ плѣнъ.

Рапортъ Подполковника Колобового, Сентября, 1754 года.

Вахмистръ Бесѣднѣй ѣздилъ въ Зенгорію; тамъ онъ видѣлъ 8 человекъ плѣнныхъ невольниковъ. Въ Телеутской землицѣ приходилъ къ нимъ плѣнникъ, объявилъ себя уроженцемъ Ундостанской (Индіи) земли, изъ г. Зова; завоеванъ былъ прежде Китаями, потомъ Калмыками; онъ просился на выкупъ въ Россію.

Показаніе Калмыка Хабана, Сентября, 1747.

Онъ ѣздилъ съ товарищами торговать въ Киргизскую степь, но ихъ ограбили: товарищи его бѣжали, а онъ, будучи молодъ, остался и жилъ въ работѣ пять лѣтъ въ улусахъ Абулмаметъ Хана. Во владѣніи Абулмамета плѣнныхъ Калмыкъ было при немъ 100 да 3 Русскихъ бабы.

Рапортъ Павлуцкаго, Октября, 1747.

Дворовые люди Дворянина Полстовалова бѣжали изъ Окуневской стороны въ низовые Сибирскіе города; дорогой поймали ихъ Киргизы, взяли ихъ въ плѣнъ и хотѣли раздѣлить между собою; но Аблай, провѣдавъ о томъ, велѣлъ ихъ препроводить въ Омскъ, куда они и прибыли 25 Сентября.

Рапортъ его же, Октября.

Выбѣжавшій изъ Киргизской степи, Барабинскій Татаринъ, показалъ: жительство имѣлъ по рѣкѣ Они, въ Аютинскихъ юртахъ,

и былъ взятъ въ плѣнъ; когда выѣхалъ на Иртышъ для звѣрованья, Киргизы увезли его въ степь, и онъ находился въ холопствѣ у Кутлубайбѣя.

Репортъ Подполковника де Жилье, Декабря.

Три Башкирца выбѣжали изъ плѣна въ Грачевскій станицъ. Одинъ изъ нихъ Батарбынской волости, изъ Яицкихъ вершинъ, взятъ въ плѣнъ, 20 лѣтъ назадъ, Киргизами. Двое другихъ изъ Каратабынской волости, и взяты въ плѣнъ назадъ тому 14 лѣтъ Жили они въ вѣдомствѣ Баракъ-Салтана. Назадъ тому болѣе мѣсяца, Киргизы привезли четырехъ Русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ не извѣстно гдѣ. Это возбудило въ Ордѣ ропотъ; всѣ говорили, что это сдѣлано «напрасно» и можетъ повлечь къ ссорѣ съ Русскими. Но плѣнные все таки были увезены въ Бухарію для продажи. Этими Башкирамъ у Киргизъ «отъ всегдашнихъ побоевъ и худаго житья, жить было несносно.» Они бѣжали.

Промеморіа Сибирской Губернской Канцеляріи, Генваря, 1748 года.

22 Генваря поданнымъ доношеніемъ крестьянинъ Ремезовъ, деревни Безруковой, объявилъ, что въ 743 г. Казачья Орда подбѣгала въ страдное время подъ тою деревню, и, захватя, увезли въ полонъ мужеска и женска пола оной деревни 22, да деревни Удопловой 4 человѣка. Того жъ году въ Коркиной слободѣ опять подбѣгали Киргизы и захватили съ дороги двухъ крестьянъ.

Репортъ Сташкева, Февраля.

2 Февраля прибылъ въ Коркину слободу, посланный съ 27-ю человѣками для розыска бѣглыхъ, Сотникъ Серебряниковъ и объявилъ, что солдатъ Юда Кобытовъ укрытъ Киргизъ-Кайсаками, уже ихъ Вѣру принялъ и стадо овечье пасеть, а пойманные въ Ишимекомъ двести бѣглые Ялуторовскіе жители «подъ пристрастіемъ» показали, что въ урочищѣ Бурлукахъ живутъ 6 бѣглыхъ солдатъ; о ко-

торыхъ Сотнику Серебряникову говорили и Киргизы, но онъ, такъ какъ «они солдаты въ дальномъ разстояніи себя укрываютъ, смѣлости не имѣлъ ѣхать.»

Письмо Кандернава къ Аблай-Султану, Мая, 1749 года.

«Вамъ, почтенному Владѣльцу, желаю благополучнаго пребыванія!

При томъ же Вамъ объявляю: въ прошломъ 748 и въ нынѣшнемъ годахъ, въ зимнее время, кочующіе близъ Верхъиртышскихъ крѣпостей на зарѣчной сторонѣ Иртыша, владѣнія Вашего Киргизъ-Кайсаки не только самовольства чинили проѣздомъ на здѣшнюю жилую сторону, но при томъ многіе отъ нихъ Россійскимъ людямъ грабежи и увозъ, яко непріятельскій и воровскій, послѣдовалъ, а именно:

Капралъ Иванъ Саранчинъ, съ жѣнкою его, Авдотьей, да съ драгунскою жѣнкою, Акулиною, кои ѣхали изъ Шульбинскаго завода въ Убинскій форпостъ, взяты въ плѣнъ и по нынѣ не возвращены. Барабинскихъ Татаръ Албукова съ товарищи 11 человекъ, которые были въ промыслу звѣрей, Киргизы напали и отбили 23 лошади, седла и прочій шкарбъ, и оное отбитое къ намъ возвращено и тѣмъ Татарамъ отдано. Изъ Подпускнаго станца Киргизами украденъ Тюменскій служилый Татаринъ Талаковъ да 2 лошади. У капраловъ Еманешникова и Хохрякова, везенную ими на жалованье, денежную казну 274 р. Киргизы отбили, тако жъ 6 шляпъ казенныхъ, и ихъ Капральскій шкарбъ, платье казенное ограбили и увезли, и тѣхъ Капраловъ и драгунъ весьма избили, которой денежной казны и прочаго по нынѣ не отыскано и не отдано, а егда отдастся, то Ярганъ Батыря 40 лошадей возвращены ему будутъ, которые по нынѣ въ цѣлости находятся. Въ прошломъ 744 году Ишимскаго дистрикта, деревни Безруковой, въ лѣтнее время на крестьянъ въ работъ напали Киргизы съ 80 человекъ и убили двоихъ да 26 человекъ уведли въ полонъ, въ томъ числѣ крестьянина Ивана Ремезова двухъ родныхъ братьевъ да женку, сына, сестру и сноху, изъ которыхъ нынѣ, по увѣдомленію, по нынѣ жительства имѣетъ братъ его, Семенъ, во владѣнія Вашемъ; и для того означенный

крестьянинъ Ремезовъ при семь къ Вамъ, почтенному Владѣльцу, и съ письмомъ, дѣннымъ ему отъ Тайнаго Совѣтника, Ивана Ивановича Неплюева, для просьбы объ отдачѣ тѣхъ его братьей и сродниковъ и прочихъ, взятыхъ тогда непріятельски въ плѣнъ, посылается. И еще Коркиной слободы крестьянниномъ Мальцовымъ вѣдомства Вашего толмачамъ Илюшкѣ (?) и Сенькѣ (?) заложены два племянника родныхъ, и общаетъ онъ, Мальцовъ, толмачамъ, за двухъ взятыхъ отъ нихъ лошадей, привезти выкупу на кафтанъ кармазиннаго сукна.

Того ради Вамъ, почтенному Владѣльцу, симъ объявляю, чтобъ благоволилъ своего вѣдомства отъ Киргизовъ причиненные къ Россійской сторонѣ, яко непріятельскіе поступки, воровства, грабежи и полонное, взятую денежную Ея Императорскаго Величества казну, сыскавъ, возвратитъ, дабы отъ такихъ воровскихъ и многоявляющихся Киргизскихъ поступковъ не подвигнуть на гнѣвъ Ея Императорскаго Величества и невинные бѣ пострадать не могли; чего для, нарочныхъ къ Вамъ, почтенному Владѣльцу, съ симъ письмомъ посылаю: тако жъ и племянниковъ Петра Мальцова посланнымъ при семь отдать, а что за нимъ подлежитъ заплатить толмачамъ, меня увѣдомить, и своего вѣдѣнія вотчинникамъ, батырямъ и всѣмъ народамъ накрѣпко подтвердить, дабы впредъ воровскихъ и непріятельскихъ поступковъ къ Россіи не происходило и винные бѣ тому безъ упущенія наказаны были.»

Репортъ Полковника Сулотина, Августа, 1750 года.

Съ показаніемъ выбѣжавшей изъ плѣна, изъ Киргизской степи дѣвки Татьяны, которая назадъ тому 20 лѣтъ была взята въ плѣнъ съ нашими, изъ Вачайской слободы, Киргизами Баранъ-Салтана, причѣмъ бывшіе съ нею мужчины были побиты, а ребята и дѣвки уведены. Татьяна досталась Киргизу Ажалвану, который выдалъ ее за мужа за сына своего; съ нимъ она прижала троихъ дѣтей. Но другая его жена, Беба, дѣтей этихъ убила до смерти и «была до нея, Татьяна, лиха.» Во время кочеванія въ вершинахъ Ишима, Киргизъ Майманбай моорозывалъ ей бѣжать на Рускую Днію; она бѣжала

ночью пѣша, безъ всякой пищи; шаталась два мѣсяца, питаясь ягодами, и вышла наконецъ на Иртышъ.

Промеморія Сибирской Губернской Канцелярїа, Сентября, 1750 года.

Пойманный въ Утяцкой слободѣ крестьянами Каракаинакъ Темирбекъ, выбѣжавшій изъ Киргизской стени, объявилъ: «Волости онъ Мроткалъ; по смерти своего отца, онъ былъ взятъ управителемъ Каракалпаковъ, Агуномъ Мракшахомъ, былъ съ нимъ въ свойствѣ, женатъ, есть дѣти. Лѣтъ 5 тому назадъ Кайсацкая Орда подбѣгала къ Каракалпакамъ и «причинила баталію отъемомъ, а не боемъ, для того что они огнестрѣльнымъ оружіемъ и прочимъ ни чѣмъ не бьются, только они, Кайсацья Орда, отнимаютъ Каракалпаковъ для того, что когда сколько человекъ отнимутъ, то оныя Каракалпаки ихъ обратно выкупаютъ, а до смерти ихъ не бьютъ.» Въ то время Киргизы многихъ увели въ плѣнъ; 3 года тому назадъ Мракшахъ послалъ его на озеро Таира для рыбной ловли съ 3 человеками, гдѣ ихъ взяли въ плѣнъ Киргизы.

Репортъ Капитана (Диндербрука) (Dierdenbrough), Октября, 1750 года.

Объ отиравленіи къ Аблай-Салтану Сотника Серебренникова въ 7 человекъ, для доставки выкупу за крестьянина Мальцова: 5 аршинъ алаго сукна, 330 марьяну; 1½ аршина золотой ленты.

Письмо къ Капитану Траубенбергу, Ноября, 1756 года.

«Ноября 17 дня въ Устькаменогорской крѣпости вступившіе въ протекцію Ея Императорскаго Величества Уранхайцы вѣдомства Зайсана Булжугая, Старшины Яикашъ и Дархуръ, вѣдомства своего мальчика и дѣвку, вмануемыхъ Оргошъ и Жиргалъ Ебаковыхъ, по вѣннью отца и матери и родственниковъ и по невозможности пропитать ихъ, подарили Луцкаго полка Капитану фонъ Траубенбергу въ вѣчное услуженіе; а если кто въ нихъ будетъ вступаться, то намъ,

Старшинамъ, реченнаго Капитана объявленіемъ своимъ отъ того очищать, о чемъ и Зайсанъ Научать извѣстенъ и засвидѣтельствовать можетъ.»

Точно такимъ же образомъ двое Старшинъ подарили Капитану Долгову мальчика, а Сержанту Ердыееву раненую бабу съ сыномъ, «по сиротству ихъ и по неимѣнію пропитанія», а Регистратору Де-вятияровскому бабу съ двумя малолѣтними сыновьями; Поручику Степанову, по той же причинѣ, Зайсанъ Бату Менко подарилъ Калмыченка.

Августа, 1757 года.

Тарскій Юртовскій Бухарецъ, Мурзалеи Шиховъ, испросилъ у Генерала Риддера позволеніе выкупить изъ Калмыцкихъ Кошей своихъ родственниковъ, Бухарцевъ Мухамеданскаго Закона, и своихъ холопей, взятыхъ въ плѣнъ Зевгорцами въ Бухаріи. 23 Августа онъ выкупилъ одного плѣннаго у Старшины Дабхура за 4 мерина, 1 кобылу, 8 аршинъ черной камки, 10 аршинъ холста.

Репортъ Полковника Хлопотина, Сентября.

Онъ жалуется на Коменданта Бійской крѣпости, Подполковника Колобового, который, по личной къ нему ненависти, отнял у него двухъ «крещенныхъ имъ ребятъ двоеданческихъ, Азіянскаго роду и купленныхъ имъ, одного шестилѣтняго, другоа десятилѣтняго», и причислилъ ихъ къ Калмыкамъ, вступившимъ въ подданство и отосланнымъ въ Оренбургъ. Хлопотинъ утверждаетъ свое право на владѣніе Калмычатами на 6 § Указа Анны Іоанновны, отъ 16 Ноября, 1737 года: «Калмыкъ и другихъ націй, которые, какъ извѣстно, крещены бывають и хозяевамъ достаются больше малолѣтніе, и для того позволяется всякому такимъ покупать, крестить и у себя держать, безъ всякаго платежа подушныхъ денегъ, одною запискою въ Губернскихъ и Воеводскихъ Канцеляріяхъ, чтобъ вѣдомо было, сколько оныхъ нынѣ

находится и впредь прибудеть, и которые объявятъ, давать отниси, что они явлены, и онымъ быть у тѣхъ, отъ кого объявлены, неотъемлемымъ; а которые какому ремеслу собою обучились и собою жить могутъ, по желанію тѣхъ записывать въ цехи и положить въ воздушный окладъ, и о всѣхъ оныхъ только, сколько гдѣ объявлено и записано будетъ, по прошествіи каждаго года присылать изъ Семать вѣдомости въ Генварѣ мѣсяцѣ.»

Прошеніе толмача Дулѣпова, Августа.

Въ бытность свою въ Зенгоріи, онъ женился тамъ на дочери Русскаго купца, Выходцева, и вышелъ съ женою въ Сибирь при посылѣ Угримовъ, а сестра его жены, дочь купца Мины Грека, Акулина, осталась въ Зенгоріи. Нынѣ Дулѣповъ призналъ ее въ числѣ холопонокъ у Демечи Черги-Жапа и проситъ объ ея освобожденіи.

Тарейшъ юртовскій Бухаретинъ Мирзали Шиховъ, былъ допущенъ въ Камыцкіе Коши для выкупа Бухарцевъ изъ холопства. Онъ платилъ за холоповъ слѣдующія цѣны:

Баба 40 лѣтъ.....	12 р.
Бухарець 30 лѣтъ съ бабою 30 же лѣтъ меринъ 1, жеребенокъ 1 да денегъ	16 р.
Бурутка 7 лѣтъ.....	6 р.
Бухаретинъ 34 лѣтъ.....	12 р.
Бухаретинъ 12 лѣтъ.....	1 меринъ да денегъ 1 р.
Бухарка 12 лѣтъ.....	1 меринъ и 2 мед- тыи асидени.
Киргизка 40 лѣтъ.....	1 меринъ и денегъ 6 р.
Бухарка 40 лѣтъ.....	12 р.
Бухарець 15 лѣтъ.....	12 р.
Бурутка 17 лѣтъ.....	12 р.
Бухарка 30 лѣтъ.....	1 меринъ, 1 небыла, 1 жеребенокъ да сунна 5 аршинъ.

Бухарка 25 лѣтъ	1 кобыла, 1 жеребенокъ и 1 суконный зипунъ.	
Бухарка 16 лѣтъ.....		12 р.
Бухарець »	1 кобыла и	10 к.
Бухарка 40 лѣтъ		12 р.
Дѣвка 25 лѣтъ.....	Сѣрный сермяжный зипунъ.	
Киргизъ.....		10 р.
Бухарець 13 лѣтъ.....		8 р

Выборный при Таможнѣ, Сарахановъ, донесъ, что Капитанъ Траубенбергъ и другіе чины получили отъ Калмыковъ въ Братейства золото, серебро и жемчугъ и силой вымѣняли себѣ въ услуженіе Калмыковъ и Калмычекъ. Траубенбергъ отперся отъ вымѣна серебра, золота и жемчуга, а на счетъ взятыхъ въ услуженіе Калмыковъ написалъ: «Вступившіе въ подданство Телеутскій Зайсанъ Бату Менка да Уранхайскіе Старшины Яикамъ и Дабхура объявляли, что за разграбленіемъ отъ Мунгальскаго войска, нѣсколько человекъ раненыхъ и малолѣтнихъ осталось въ горахъ, и по тогдашнему зимнему воздуху и по неимѣнію у нихъ одежды, могутъ, какъ гладомъ, такъ и отъ морозовъ, безвременно помереть, изъ которыхъ нѣкоторые и померли, а они, Старшины, себѣ ихъ взять не желаютъ, по тому что и кромѣ постороннихъ, но и особенными своими людьми, какъ пропитаться, знать не могутъ, ибо по тогдашнему къ зимѣ отъ Мунгалъ разбитію, многіе и безодежны скитаться принуждены. По объявленію Старшинъ, въ горы были посланы люди съ санями и привезли раненыхъ и не имѣющихъ отцовъ и матерей, всего 20 человекъ, которые всѣ были наги и оголодали такъ, что доброю пищею и возстановить было сумнительно. Изъ нихъ 10 человекъ Старшины взяли себѣ, а 10 отдано Россіянамъ. Такимъ образомъ, этѣ люди были не вымѣненные, какъ показалъ Сарахановъ »

Рапортъ Регистратора Деятяровскаго, Генваря, 1758 года.

Онъ долженъ былъ оправдаться по жалобѣ на его злоупотребленія, и написалъ: «Когда де Гаррига, въ Декабрѣ 1756 г., объѣзжалъ Коши, то Старшины Енканей и Добхуръ дали ему въ подарокъ

дѣвку, чтобъ онъ, Гаррига, оставилъ ихъ при Шульбинскомъ заводѣ, а въ Ауркинской народъ не посылалъ бы. По неимѣнію пищи, Старшины продали Девятияровскому мальчика и дѣвочку, за которыхъ онъ заплатилъ, какъ и въ письмѣ ихъ на Калмыцкомъ языкѣ значится, 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ.»

Показаніе Калмычки,

крещеной фонъ Энденомъ и оставленной у него въ услуженіи. Уранхаецъ Така промѣнялъ ее фонъ Эндену за 1 корову, 2 суконныхъ кафтана, желтаго сукна одно портище, китайки 2 конца. А отецъ ея и мать—холоды Таки, ушли съ большимъ Кошемъ на Волгу.

Въ Кошѣ Ноена Шерина оказалось 2 плѣнныхъ Яицкихъ Казака, Яковъ Ивановъ 68 лѣтъ женатый на Калмычкѣ, и Петръ Федоровъ, 62 лѣтъ вдовый, съ сыномъ Итамасомъ, прижитымъ отъ Калмычки.

Поручикъ Давыдовъ купилъ въ Ялотуровскѣ у Поручика Текутьева его дворовую дѣвку, Авдотью, за 12 рублей, въ 1745 году. Въ 1753 года Царева Городища незаконнорожденный Максимъ далъ ему, Давыдову, записъ, чтобы взять Авдотью за мужъ, и за то находиться у Давыдова въ услуженіи 20 лѣтъ. Вотъ эта записъ: «Лѣта 1753, Генваря 18 дня, Ялотуровскаго дистрикта, Царева Городища незаконнорожденный Максимъ, а по Генеральной Переписи въ подушной окладъ записанъ Царева жь Городища за разночинцемъ Николаемъ Гавриловымъ сыномъ Кайгородовымъ, далъ сію Записъ по договору добровольно, а не изъ принужденія, кавалеріи Вологодскаго полку Вахмистру, Степану Алексѣеву сыну Давыдову, женѣ и дѣтямъ и наследникамъ его, въ томъ что я, Максимъ, взять дворовую его, Давыдова, дѣвку крѣпостную Авдотью Иванову дочь, къ себѣ въ замужество, и жить мнѣ, Максиму, за нее, Авдотью, у него,

Давыдова, въ домѣ и съ нею, Авдотьей, 20 лѣтъ, и работать всякую работу и жить добропорядочно, и что отъ него, Давыдова, приказано будетъ, исполнять безотговорочно; а подушныя деньги платить за меня, Максима, ему, Давыдову, а платье носить свое; а будущіе впредь отъ насъ съ нею, Авдотьей, дѣти съ нимъ, Давыдовымъ, пополамъ. А сія Запись писана въ Царевомъ Городищѣ не у крѣпостныхъ дѣлъ, понеже крѣпостныхъ дѣлъ Надсмотрщика не имѣется, а за неимѣніемъ здѣсь гербовой бумаги, писана на простой. Въ сей части вмѣсто записи давца, незаконнорожденного Максима Николаева, просьбой его, Царева Городища Конторской пищикъ, Осипъ Могильниковъ, руку приложилъ. А сію Запись писалъ Царскаго Городища пищикъ Андрей Еврасьевъ Возмиловъ.»

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Рапорт Прапорщика Толстова, Марта, 1748 года.

Онъ провожалъ Юсупъ - Ходжу, который ѣхалъ съ купецкими товарами въ Тобольскъ на наемныхъ обывательскихъ лошадяхъ. Въ Тарѣ онъ объявилъ, что далѣе платить за провозъ не чѣмъ и просить товары увезти весною на судахъ. Къ тому же плата за провозъ, по 25 коп. съ пуда, какъ съ него здѣсь наемщики запросили, кажется ему большою.

Рапортъ Павлуцкаго, Марта.

Товары: юфть, бобры, сукна, чай, всего на 8296 р., для покупки лошадей слѣдуютъ около Омска, съ большими затрудненіями, по тому что крѣпостныя и особенно Казачьи лошади изнурены возкою писемъ и соли и молотьбою хлѣба.

Промерія Сибирской Губернской Канцеляріи, Мая.

Въ 747 году было отправлено изъ Томска въ Колыванскіе заводы провіанта и фуража 1029 четвертей водянымъ путемъ на 16 дощаникахъ, на которые было положено провіанта и фуража на каждый по 63 четверти. Дощаники эти стары, и по этому велѣно построить новые для перевоза провіанта въ 1748 году.

Промеморія Тюменской Канцеляріи, Генваря, 1749 года.

Три Татарина Сивгульскихъ юртъ были для промысла на Ишимъ, на Среднемъ хмѣлевѣ, а въ степь проѣхали тайно по Вагайской дорогѣ, выѣхавъ изъ домовъ ночью, такъ что сосѣди не знали, понеже, де, на платежъ ясаку звѣря купить имъ негдѣ. На стану къ нимъ пріѣхалъ изъ степи выбѣжавшій Башкирецъ и обмѣнялъ имъ 2 лошадей, за которыхъ они ему дали ножикъ, да мяса козлиного и лосиного сыраго и жаренаго 1 пудъ, да крупы $\frac{1}{4}$ пуда.

Промеморія изъ Колывановоскресенской Канцеляріи, Мая, 1759 года.

Полковникъ де Гаррига просилъ у Колывановоскресенской Канцеляріи, на исправленіе крѣпостныхъ инструментовъ, желѣза до 50 п., укладу 20 пуд.; на это Канцелярія отвѣчаетъ, что при здѣшнихъ заводахъ желѣза и укладъ не дѣлается, и онаго и прочихъ припасовъ потребная на годъ на заводскія надобности сумма безъ извѣстнаго требуется и сюда ставится съ Екатеринбургскихъ заводовъ, да и на нынѣшній 749 г. отпускать полной суммы Екатеринбургская Канцелярія отказывается, для того что въ вѣдѣніи оной желѣзные заводы отданы въ партикулярное содержаніе. Въ близости же г. Красноярска имѣются партикулярнаго содержанія желѣзные заводы, на коихъ желѣза, укладъ и чугунные литые припасы на продажу дѣлаются, съ коихъ впредь здѣшняя Канцелярія намѣрена желѣза надобную годовую сумму испустить.

Промеморія Сибирской Губернской Канцеляріи, Августа, 1751 года.

Нашебургскаго полку извощикъ Пермяковъ показываетъ: «Знаетъ, де, онъ Государственное дѣло такое. Когда, де, онъ, Пермяковъ, былъ въ командѣ морскаго флота Канитанъ Командора Беринга, и въ 1739 году находился съ нимъ за Акіаномъ моремъ, и видѣлъ на Камчаткѣ, на рѣкѣ Апалѣ, раковины съ крупнымъ добрымъ жемчугомъ, который, де, величиною напротивъ какъ Грецкой горохъ, а иной, де, и помелче; да когда, де, оставленъ онъ, Пермяковъ, былъ отъ Беринга при

Авачинской корабельной гавани одинъ съ командою, съ тутошними жителями, и изыскавъ, живучи при той гавани онъ, Пермиковъ, одинъ собою, при Акіянѣ морѣ, прѣч урочищахъ Курильскомъ и Кроноцкомъ да Нижношамтальскомъ, три мѣста тумпасныя разныхъ цвѣтовъ, а именно: бѣлые, рудожелтые и черные. Да когда, де, онъ, Пермиковъ, изъ команды Якутскаго полка Капитана Лебедева въ прошломъ 745 г. отпущенъ былъ обратно въ Тобольскъ къ командѣ, то, де, слѣдуя отъ Камчатки, подъ Якутскимъ городомъ, а отъ Охотска, на Усть Бѣлой рѣкѣ нашелъ онъ, Пермиковъ, одинъ самъ собою, руды серебряную и золотую, которыя, де, руды вмѣются надъ самую тою Бѣлой рѣкой въ горахъ, и изъ тѣхъ, де, рудъ, отъ серебряной руды привезъ онъ съ собою въ Тобольскъ, въ прошломъ 746 году, на вѣсѣ меньше фунта.» Кольмановоскресенская Канцелярія, на увѣдомленіе объ этой находкѣ, отвѣчала Промеморіей, что мѣста эти находятся далеко, да и штейгеровъ при заводѣ недостаточно, и по тому послать для повѣрки некого. Канцелярія Главнаго Правленія Сибирскими и Казанскими заводами изъ Екатеринбургa Промеморіей сообщила, что, по Указу Правительствующаго Сената, 15 Ноября, 1723 года, на доношеніе Генераль-Маіора Виліама Геннинга, велѣно съ ворами и разбойниками, сказывающими, при учиненіи экзекуціи, или взяты въ солдаты, о рудахъ, имъ свѣдомыхъ, поступать за ихъ вины по Указамъ, а о сыскѣ объявленныхъ ими мѣстъ писать, кому надлежитъ, самихъ же воровъ для развѣдки не посылать, понеже отъ того происходятъ въ проѣздахъ убытки, а воры то напрасно затѣвають, хотя тѣмъ избавитъ отъ смерти.

Промеморія изъ Сибирской Губернскай Канцеляріи, Генваря, 1745 года.

Секундъ-Маіоръ Тошиловъ, посланный для описыванья хлѣба на винокуренныхъ каштакахъ, донесъ, что на Сузгунскомъ муки ржаной 710 четвертей, ржи 500 четвертей, овса 100 четвертей; на Кундускомъ муки ржаной 600 четвертей, ржи 50 четвертей, овса 700 четвертей; на Ремзянскомъ, у купца Парфентьева, муки ржаной 300 четв., ржи 10 четв., овса 80 четв.; на всѣхъ же всего хлѣба 3,050 четв. Хлѣбъ этотъ запечатанъ и курить вино запрещено. Но Тобольская Ратуша доноситъ, что ей ларешные Сузгунскаго и Кундужскаго заводовъ, Ланинъ и Мухинъ, представили, что

выбраны они и опредѣлены къ тѣмъ заводамъ въ ларешные, и вѣлно имъ курить вино двойное и простое, которое и курять. А такъ какъ Томиловъ всю рожь запечаталъ и куреніе запретилъ, отъ чего нынѣ винное куреніе уничтожено, кромѣ того, что имѣющаяся въ ларяхъ брага выкуривается; такъ жъ и роженіе солодовъ уничтожено, а въ Тобольскѣ, де, во кружечномъ дворѣ вино находится самое недовольственное число, и буде же на объявленныхъ заводахъ виннаго куренія не производить, то, слѣдовательно, быть можетъ чрезъ такой случай въ питейномъ сборѣ и въ положенномъ немаломъ окладѣ, по самой крайней мѣрѣ, недоборъ, а Тобольскому купечеству великое и несносное въ платежѣ оклада отягощеніе и разореніе. Ратуша по этому проситъ разрѣшить снова винокуреніе. Также съ 1 Января, 744 г., отдана Михайлѣ Корнильеву въ г. Березовѣ казенная винная продажа впредь на 3 года на откупъ, за которую положено окладу на каждый годъ платить въ казну по 1536 р. 89 к., а на три года 4,610 р. 67 к., въ чемъ заключенъ Корнильевымъ въ Сибирской Губернской Канцеляріи контрактъ; нынѣ же, при опечатаніи его хлѣбныхъ запасовъ, онъ проситъ или позволить ему винокуреніе, по тому что къ куренію вина остаются только два способные мѣсяца, Февраль и Мартъ, а въ Апрѣлѣ куреніе уже сопряжено съ убыткомъ, или сложить съ него положенный окладъ. А по тому Киндерманъ просится сообщить, какое количество изъ описаннаго хлѣба въ винокуренныхъ каштакахъ взять въ казну, а остальное позволить выкуривать. Что же касается до того, что явится изъ описанія Тобольскаго Полицеймейстера въ г. Тобольскѣ и Татарскаго Головы въ Татарскихъ деревняхъ и юртахъ, то объ этомъ будетъ сообщено своевременно.

Премеморія изъ Сибирской Губернской Канцеляріи въ Военно-походную Канцелярію Киндермана, Марта, 1745 года.

На требованіе Киндерманомъ свиденій о позволеніи Джунгарскимъ купцамъ торговать во внутреннихъ мѣстахъ Сибири и о числѣ Джунгарскихъ купцовъ, пропущенныхъ въ Томскъ, посылается ему экстрактъ, составленный въ Сибирской Губернской Канцеляріи:

Экстрактъ.

Прошлаго 733, Августа 31 дня, по опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ писано отпискою, въ которой прописанъ Ея Императорскаго Величества Указъ, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ прошлаго 732 г., Сентября 8 дня, и по силѣ онаго Указу Посланнику и Маіору Угримову въ поставленіи написано, и велѣно ему учинить договоръ, чтобъ съ Россійскихъ купцовъ во владѣніи Галданъ-Чирина нигдѣ пошлинъ не брать, на что, насупротивъ того, равномѣрно и въ Сибирскихъ городахъ съ его, Галданъ-Чирина, купецкихъ людей пошлинъ брать не будутъ. Когда же онъ, Посланникъ Маіоръ Угримовъ, объявилъ Ея Императорскаго Величеству Указъ о торгѣ, то оный Галданъ-Чиринъ и его Зайсаны объявили, яко бы они тѣмъ недовольны, что у купцовъ ихъ привозные и отвозные товары осматривать; а именно, будучи на конференціи Галдана-Чирина Мая 2, 732 г.; говорилъ ему Галданъ-Чиринъ: «О купечествѣ, де, какой съ нимъ Указъ?» и оный Посланникъ и Маіоръ отвѣтствовалъ «о содержаніи Указа.» Да Августа 9 дня, 732 г., онъ же, Галданъ-Чиринъ, говорилъ ему, Угримову: «Отправляетъ, де, онъ купецкій караванъ, чтобъ отписалъ Губернатору, дабы съ нихъ пошлину брать не велѣлъ; о томъ, де, и письмо запечатавъ, пошлетъ съ посланцемъ до Ея Императорскаго Величества.» Угримовъ обѣщался писать, но только заявилъ, чтобы Джунгарскіе купцы, по пріѣздѣ въ крайнія Россійскія крѣпости, гдѣ имѣются будутъ таможни, всѣ свои товары объявляли, а потомъ, гдѣ оныя товары будутъ продавать, или мѣнять, то бѣ и купцовъ объявляли. И на это Галданъ-Чиринъ говорилъ: «Коли, де, пошлины не брать, то, де, и товары у ихъ, купцовъ, на что осматривать? Токмо, де, изъ того будетъ имъ немалая изневага и затрудненіе въ томъ, что товары объявлять и купцовъ и продавцовъ объявлять и о прочемъ.» Да того жъ числа Батуръ Зайсанъ на сѣздѣ съ Посланникомъ Угримовымъ, между прочими дѣлами, говорилъ, что, вмѣсто осматриванья товаровъ у ихъ купцовъ, лучше, де, брать по прежнему пошлины на обѣ стороны, на что онъ, Угримовъ, отвѣчалъ, что безъ досмотру, какъ въ Россійской Имперіи издревле есть обычай, пропускать товаровъ привозныхъ и отвозныхъ изъ другихъ земель не возможно. И по силѣ вышеявленнаго Ея Императорскаго Величества Указа, посланы въ Сибирскія города, и въ Тобольскую Ратушу, и въ Таможню, Указы о

томъ А того 733 г., Юня 15, изъ Ямышева Комиссаръ Сырмятниковъ писалъ: «Прибыли, де, изъ Урги, купцы Бухаретинъ Мулла Назаровъ съ товарищи, и при осмотрѣ, де, ихъ явилось у нихъ Ёркецкихъ товаровъ 45 тюковъ, которыхъ разбирать и разсматривать Таможеннымъ служителямъ не дали, а сказали, что оныя, де, товары посланы до Тобольска Владѣтеля Галданъ-Чирина казенныя, для покупки на тѣ товары и на мягкую рухлядь на собственные его нужды, Галданъ-Чирина, Россійскихъ потребныхъ товаровъ; да и разбивать, де, оныхъ товаровъ не для чего, понѣже, де, мягкую рухлядь и товары объявить онъ, Назаровъ, въ Тобольскѣ. И по тому объявленію они Бухарцы, въ Тобольскѣ отправлены безъ досмотру, а тюки ихъ запечатаны Таможенною печатью, и о пропускѣ имъ данъ, Бухарцамъ, пашпортъ. И по прибытіи ихъ въ Тобольскѣ посланъ былъ къ нимъ Тобольской Таможни Комиссаръ Крупениковъ съ Бурмистромъ и Ларешнымъ неоднократно, и велѣно ему требовать, чтобъ оныя Зенгорскіе купцы объявили товары, а пошлина съ нихъ взята не будетъ, только надлѣжить, де, вѣдать, съ какими они товарами пріѣхали; и они состояли въ великомъ упорствѣ и товаровъ своихъ объявлять не хотѣли, а показывали, что оныя товары самого Галданъ-Чирина. Юня 27, того жъ 733 г., въ Сибирскую Губернскую Канцелярію прибывшіе отъ Зенгорскаго Владѣльца посланцы Зунду Зомсу съ товарищи предлагали, что ихъ, де, Владѣльца такое повѣлѣніе, что когда, де, пошлинъ съ Зенгорскихъ товаровъ не брать, то, де, и осматривать нечего; на что имъ, посланцамъ, отвѣтствовано, что безъ осмотру пропускать не возможно для того, съ чѣмъ ихъ купцы пріѣхали и сколько ихъ товаровъ въ Россію привезено будетъ, знать не по чему; и на то отвѣтствовали: «Когда, де, усматривать у нихъ товары и ихъ объявлять, то, де, лучше пошлины имъ платить, и они товаровъ объявлять не будутъ, развѣ, де, будетъ смотрѣть силою;» и Юля съ 27 ч. Августа по 6 ч. тѣ Галданъ-Чирина купцы товаровъ своихъ не объявляли, а Августа 6 числа сами объявили товарамъ своимъ роспись, и тѣ свои товары объявляли Таможнѣ; а по досмотру отъ Тобольской Таможни явилось тогда въ привозѣ отъ оныхъ Бухарцовъ товаровъ 2,300 зерделей шанскихъ, 600 корсаковъ, 600 хамовъ, 1,100 выбоновъ, 100 ли сницъ, 90 волковъ, 22 кушаковъ, 500 зерделей малыхъ, 70 занавѣсъ, 600 концовъ китайскъ, и съ оныхъ ихъ товаровъ пошлины не взято, а велѣно брать по силѣ Ея Императорскаго Величества Указа, съ Россійскихъ купцовъ. А по мнѣнію Сибирской Губернской Канце-

ляріи надлежитъ, для прибыли Ея Императорскаго Величества казнѣ, учинить слѣдующее: 1) чтобъ постановить торгъ съ Владѣльцомъ Галданъ-Чириномъ по прежнему у Ямышева и Семипалатинска, какъ и прежде сего бывали и какъ нынѣ на Китайской границѣ на Кяхтѣ съ Китайскими купцами о продажѣ товаровъ и о взятѣ пошлинѣ постановлено, и чтобъ и его, Галданъ-Чирина, купцамъ, такъ же бы и въ Ургу Россійскимъ купцамъ далѣе Ямышева и Семипалатной съ торгомъ не ѣздить, и какъ оныя Галданъ-Чиринка купцы въ Сибирскіе города ѣздить не будутъ, то у Ямышева и у Семипалатной и осматривать ихъ товаровъ не надлежитъ, въ чемъ они нынѣ упрямятся, понеже, какъ пріѣдутъ Русскіе купцы подѣ Ямышево, тогда у нихъ привозные товары Таможенными служителями все осмотрятъ и настоящую пошлину возмуть; также какъ и отъѣзжать будутъ, то все вымѣненные ихъ товары и которые остались за мѣною, все осматрѣтъ же, и въ пошлинѣ ни какой Ея Императорскаго Величества казнѣ траты не будетъ. А что ихъ, Галданъ-Чирина, купцовъ пропускать въ Тобольскъ и другіе Сибирскіе города безъ осмотра съ товары не возможно, того ради, что не токмо свои привозные товары, и Сибирскихъ жителей, Бухарцевъ и Татаръ, распродадутъ безошлинно товары тайно, что въ прошломъ 732 г. и явилось, что съ Москвы повезли послы товаровъ на 20,000 р., что у нихъ и въ привозѣ въ Сибирь не было, да и нынѣ въ явкѣ у нихъ товаровъ малое число, а не объявляли много время, и въ томъ, по мнѣнію Сибирской Губернской Канцеляріи, не распродали товаровъ тайно, и потомъ малое число сами объявили, а усмотрѣтъ за ними того ни которыми мѣрами невозможно, понеже у нихъ, Бухарцевъ, не токмо друзей въ Тобольскѣ и другихъ Сибирскихъ городахъ, но и свойственниковъ много изъ Бухарцевъ и изъ Татаръ. Да и то мнится не хорошо, что они съ Сибирскими Татарами и Бухарцами и посвоились и побрали дочерей у Сибирскихъ иноземцевъ, все чрезъ явленные торговые проѣзды Бухарцевъ владѣнія Галданъ-Чирина, понеже во все Сибирскіе города и въ Иркутскую Провинцію тѣ, Галданъ-Чирина, купцы непрестанно ѣздятъ и торгуютъ, а какъ назадъ возвращаются съ товаромъ, и ежели ихъ не осматривать, то могутъ тайно покупать у Сибирскихъ иноземцевъ безошлинно товары и привозить, да къ тому жъ могутъ провозить и заповѣдные товары, а именно ружье: порохъ, свинець и панцири и прочіе заповѣдные товары, и отъ оныхъ торговъ и о всемъ состояніи Сибирскомъ уже

весьма они извѣстны, въ чемъ у нихъ передъ прежними нынѣ было претензій о границахъ и о прочемъ; а Русскіе торгуются съ ними у Ямышева и въ Ургу ѣздятъ торговать мало, и тѣ посылаютъ съ прикащиками своими изъ такихъ же Бухарцевъ и Татаръ, живущихъ въ Сибири, а безъ нихъ и посылать въ Ургу не смѣютъ, и Россійскимъ купцамъ всѣмъ, по мнѣнію Сибирской Губернской Канцеляріи, гораздо будетъ лучше, какъ обстоятельный торгъ будетъ у Ямышева и у Семипалатной въ одномъ мѣстѣ, какъ и нынѣ съ Китайскими, и всѣ будутъ тѣмъ довольны, а отъ торгу Россійскимъ купцамъ въ Ургѣ бываетъ разореніе, какъ въ прошлыхъ годахъ Контайша купца Ярышкина казилъ и на многія тысячъ пожитковъ взялъ и понинѣ оное не возвращено, также и другіе купцы въ прошлыхъ годахъ пограблены, а иные многіе въ Ургѣ удержаны. Да и до Урги ѣдучи отъ Семипалатной, въ пути бываютъ Сибирскимъ купцамъ не малая опасности и грабятъ Казачья Орда и побиваетъ, что и въ прошломъ 732 г. учинено Туринскаго купца Колмогорова съ товарищи Казачья Орда пограбили. И ежели по нынѣшней склонности Калмыцкаго Владѣльца Указомъ Ея Императорскаго Величества купцамъ его торговать въ Сибири не запрещено будетъ, то, по мнѣнію Сибирской Губернской Канцеляріи, надлежитъ торгъ съ ними постановить въ такой мѣрѣ, чтобы торговаться у Ямышева, или въ Семипалатной, и пошлины бы съ нихъ Калмыцкаго Владѣльца купцовъ не брать, а брать бы съ Россійскихъ купцовъ; а будетъ которые у Ямышева и въ Семипалатной не изторгуются и похотятъ ѣхать въ Тобольскъ и другіе Сибирскіе города, и съ тѣхъ поръ бы его, Галланъ-Чирина, купцовъ, съ товаровъ ихъ пошлину осматривая, по прежнему брать у Ямышева и у Семипалатной; а безъ осмотру ежели ихъ пропускать, то будетъ казнѣ весьма убытокъ, понежеи до городовъ не доѣхавъ, по волостямъ иноземскимъ по дорогѣ могутъ многіе товары размѣнять безошлинно, чего усмотрѣть межъ ними будетъ не возможно; и народъ Калмыцкій, особливый передъ другими народы, а Россійскимъ купцамъ въ ѣздѣ въ Ургу всему обществу купечества пользы нѣтъ для вышеявленныхъ причинъ, да и для того, что Русскіе купцы въ Ургу товары отпускаютъ съ Бухарцами, и то немногіе, и за тѣми Еркецкіе товары болѣе и состоятъ, а другіе купецкіе люди, которые друзей себѣ Бухарцевъ, также у возможности не имѣютъ посылать въ Ургу, тѣ остаются бездовольны отъ Иркутскихъ товаровъ, а въ Ямышевѣ и въ Семипалатной.

палатной, какъ торгъ, такъ и пошлина, отъ того умалется; а какъ у Ямыщева будетъ въ одномъ мѣстѣ торгъ, то всѣ будутъ купцы Россійскіе довольствоваться Еркецкимъ товаромъ равно.

А въ Указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Сентября отъ 23, прошлаго 735 г., написано: Зенгорскаго Владѣльца, Галданъ-Чирина, посланцы Зунду Зомсу съ товарищи (которые еще сюда въ 733 г. съ бывшимъ у того Владѣльца Посланникомъ Угримовымъ прибыли) отпущены, Августа 13 дня отсюда въ Москву отправились, и оттуда далѣе путь въ Tobольскъ продолжать имѣютъ. И по резолюціи, состоявшейся въ Кабинетѣ Ея Величества, на всѣ отъ Зенгорекаго Владѣльца представленія, черезъ Угримова и посланцевъ его, и претензіи и прошенія, здѣсь посланцемъ его въ Коллегіи И. Д. отвѣтъ учиненъ, когорый былъ сочиненъ на Калмыцкомъ языкѣ, купно съ реестромъ обидамъ, учиненнымъ со стороны того Владѣльца Россійской сторонѣ, каковъ отъ Посланника Угримова, въ бытность въ улусахъ Калмыцкихъ, подаванъ Съ ними жъ посланцы ко Владѣльцу ихъ въ отвѣтъ на листы его отправлена Ея Императорскаго Величества грамота въ генеральныхъ терминахъ, въ которой о дѣлахъ сослалось на означенный, данный посланцамъ, отвѣтъ и о прочемъ по приложенному при оной грамотѣ реестру, и со всего того, а пменно съ означенныхъ Галданъ-Чирина листовъ и Чинимыхъ отъ его посланцовъ представленій и даннаго имъ отвѣту и о прочемъ, что съ тѣми посланцы въ той Коллегіи происходило, какимъ образомъ содержаны, съ сочиненныхъ о томъ записокъ при томъ сообщены точныя копіи, чего здѣсь не распространяется, томо вкратцѣ выше упомянуто. И надлежитъ во всемъ томъ поступать и чинить по силѣ и содержанию онаго отвѣта. А въ ономъ же Указѣ по 7-му пункту велѣно, по содержанию объявленной въ ономъ резолюціи объ отправленіи при Ямышевѣ и Семиналатной Зенгорскимъ и Россійскимъ купцамъ коммерціи, немедленно учрежденіе учинить, и у Зенгорскихъ купцовъ товаровъ осматривать и съ нихъ пошлины брать всемѣрно не велѣтъ, но, вмѣсто того, тѣ товары у Россійскихъ купцовъ, которые оныя покупаютъ, осматривать и пошлины съ нихъ брать обыкновенныя, и поступать во всемъ томъ такимъ образомъ, какъ съ Китайцами на границахъ Россійскихъ купечество отправляется.

А въ отвѣтъ, присланномъ ко Двору Ея Императорскаго Величества отъ Зенгорскаго Владѣльца, Юля отъ 29 дня, 1735 г., написано, что по 7-му пункту со стороны Зенгорскаго Владѣльца, какъ напередъ сего, такъ и нынѣ, представленія учинены о иманіи пошлины въ обѣихъ сторонахъ съ купечества, и о томъ еще, по прежнимъ такимъ со стороны ихъ предложеніямъ, Указъ Ея Императорскаго Величества состоялся и Владѣльцу Зенгорскому объ ономъ черезъ Посланника и Маіора Угримова сообщено, и требовано отъ ихъ купечества только одного объявленія товаровъ ихъ, въ чемъ со стороны ихъ затрудненіе учинено. Ея Императорское Величество, продолжая къ Зенгорскому Владѣльцу свою склонность, все милостивѣйше повелѣла: купечество подданнымъ его, Зенгорскаго Владѣльца, отправлять въ крайнихъ Сибирскихъ городахъ, при Ямышевѣ и Семипалатной, и товаровъ ихъ, Зенгорскихъ купцовъ, не осматривать, и торговать имъ тамо безошлинно, только бѣ Зенгорскіе купцы дагѣ Ямышева въ другія Сибирскіе города и волости съ товарами не ѣздили, но въ помянутыхъ двухъ мѣстахъ тѣ товары свои продавали, тако жъ и Россійскіе покупали. И Россійскимъ купцамъ велѣно съ ними, Зенгорскими купцами, торгъ производить токмо въ означенныхъ двухъ мѣстахъ, при Ямышевѣ и въ Семипалатной, а дагѣ того, въ улусы Зенгорскаго Владѣльца, онымъ съ Россійскими товарами уже не ѣздить, и о томъ Указъ Ея Императорскаго Величества къ Сибирскому Губернатору пошлется.

А Генваря 13 дня, 737 года, по опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи, отпущены были изъ Tobольска съ товары для купечества до Ирбитской ярмарки Зенгорскаго Владѣльца Бухарцы купеческіе люди Камалай-Ходжа съ товарищи, всего 16 человекъ, и о пропускѣ ихъ до Ирбити, съ возвратомъ до Tobольска, данъ имъ наштортъ, а на Ирбитскую ярмарку, къ Подполковнику и Воеводѣ Верхотурскому Воробьеву посланъ Указъ, и при томъ Указѣ какіе товары оныя Бухарцы съ собою на Ирбитскую ярмарку взяли, тому сообщитъ реестръ; и въ томъ Указѣ написано, чтобъ съ оныхъ Бухарцовъ, съ ихъ товаровъ пошлины отнюдь не имать, а брать тѣ пошлины съ Россійскихъ купцовъ и съ Русскихъ и съ иноземцовъ Сибирскихъ и съ прочихъ Губерній съ жителями, кто у нихъ тѣ товары купить, съ купцовъ и за продавцевъ, по прежде посланнымъ Указамъ безъ упущенія. И смотрѣть

ему, Воеводѣ, того накрѣпко, чтобъ Россійскіе купцы безъ платежа пошлинъ тѣхъ товаровъ у нихъ, Бухарцевъ купецкихъ людей, отнюдь никто не покупали, и онымъ Бухарцамъ отнюдь никому озлобленія ни какого не чинить, а чинить имъ всякую ласку и привѣтъ, и вельно имъ, Бухарцамъ, подъ оныя ихъ товары отвести лавки, или анбары. А въ Tobольскѣ тѣ товары вельно въ тюкахъ запечатать Tobольскою Таможенною печатью, и посланъ съ ними, Бухарцами, солдатъ. А хотя, по силѣ Ея Императорскаго Величества Указу изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Ноября 2 дня, 735 г., и вельно объ отправленіи при Ямышевѣ и Семипалатной Зенгорскимъ и Россійскимъ купцамъ и коммерціи немедленно учрежденіе учинить, и въ томъ во всемъ такимъ образомъ, какъ съ Китайцами на границахъ Россійскихъ купечество отправляется, токмо прошедшаго 736 года, Февраля 7 дни, въ бытность онымъ посланцамъ Зунду Зомсу съ товарищи въ Сибирской Губернской Канцеляріи на аудіенціи, и по силѣ онаго Ея Императорскаго Величества Указу, объ ономъ имъ было объявлено, и они, посланцы, отвѣтствовали, что, де, собою они договору учинить не могутъ, а донесутъ, де, они о томъ по прибытіи Гаданъ-Чирину, того ради о торгу съ ними Зенгорцами означенной коммерціи и не учреждено.

А прошлаго 737 г., Юля 10 дня, въ подданномъ отъ прибывшаго въ Tobольскѣ отъ Зенгорскаго Владѣльца купчины Авазбая листъ написано: «Тобольскому Князю дано, а васъ въ нѣсколькихъ челоуѣкахъ для купечества на потребу, что угодно будетъ купить, а въ томъ имъ купечествѣ ни какого вспомошательства и обиды не учинить, чтобы всякое вспоможеніе чинить, о томъ просимъ, а прочіе купцы ниже Ямышева о непронускѣ о томъ случаѣ еще, также и на словахъ рѣчи будутъ говорить; въ гостинцы одинъ на золотѣ подставъ, прозваніемъ гужиротъ. Году Гильмогой, 3 мѣсяца, по рожденію 14 числа.»

Да того жъ Юля 16 числа оный купчина Авазбай въ Сибирской Губернской Канцеляріи подалъ листъ, въ которомъ, между прочимъ, упоминаетъ о непронускѣ мимо Ямышева и о остановкѣ торговъ.

И Августа 7 дня, по опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ Сержантомъ Лазаревымъ

писано доношеніемъ и съ подданнаго отъ Авазбая листа сообщена точная копія.

И Декабря 15 того жъ году помянутый купчина Авазбай приходилъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію и на выше писанное непрестанно паки просилъ резолюціи; того ради отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ требовано доношеніемъ повелительнаго Указа.

А прошлаго 738 года, по опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи, а по доношенію помянутаго Галданъ - Чирина, помянутаго посланца Авазбая, отпущанъ былъ онъ, Авазбай, изъ Тобольска до Ирбитской ярмарки съ посланными отъ Галданъ-Чирина товары, тако жъ и для покупки про домовою егд обиходъ товаровъ же, что потребно, и при немъ служителей 6 человекъ, и данъ былъ прочетный Указъ, и подъ оныя товары 8 подводъ за его прогоны, и для препровожденія и караулу солдатъ 2 человекъ. А товары, какіе они съ собою на Ирбитскую ярмарку берутъ, велѣно, осмотра, переписавъ всѣ безъ утайки, запечатать Тобольскою Таможенною печатью; а на Ирбитскую ярмарку Верхотурскому Воеводѣ Воробьеву посланъ Указъ же, и при томъ Указѣ, какъ товары онъ, Авазбай, и при немъ служители съ собою на Ирбитскую ярмарку взяли, тому сообщенъ реестръ, а въ томъ Указѣ написано: «Съ онаго Авазбая и при немъ служителей съ продажныхъ ихъ товаровъ пошлинъ отнюдь не брать.» А для смотрѣнія на ярмаркѣ торгу, чтобъ чинили по силѣ Указовъ, посыланъ былъ при немъ, Авазбай, толмачъ Десятяровскій, и дана была ему секретная инструкція.

И Декабря жъ 30, въ поданномъ доношеніи въ Сибирскую Губернскую Канцелярію купчины Авазбая написано: «Въ письмѣ, де, къ нему, Авазбаю, изъ Ямышева, Урасанбай писалъ, что, де, вышли они въ караванъ отъ Владѣльца своего для купечества съ Иркецкими товары, и желали ѣхать въ Тобольскъ, а прибывъ, де, они, въ Ямышевъ, Подполковникъ Лебедевъ ихъ съ товарами въ Тобольскъ не пропустилъ и сказалъ, что, де, Указъ есть ихъ въ Тобольскъ не пропускать; и ежели, де, такой Указъ есть, то о томъ онъ, Авазбай, будетъ доносить Владѣльцу своему.»

А Генваря 18 дня, 738 г., по опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи, въ Ямышевскую Канцелярію, къ Подполковнику Ле-

бѣдѣу посланъ Указъ, велѣно ему прибывшихъ въ Ямышевѣ купчину Рукабая, а при немъ Бухарцовъ, съ товары ихъ, для купчества въ Тобольскъ пропустить, по силѣ прежде посланныхъ Ея Императорскаго Величества Указовъ и по Таможенному Уставу 207 года, пересмотря оныя товары и запечатавъ Таможенною печатью. А въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ писано доношеніемъ, въ которомъ объявлено: «Въ Указѣ, де. изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Сентября отъ 23 прошлаго 1735 г., между прочимъ, въ 7 пунктѣ, написано о небраніи съ Венгорскихъ купцовъ пошлинъ и о томъ, чтобы поступать во всемъ томъ такимъ образомъ, какъ съ Китайцами на границахъ Россійскихъ купчество производится; при этомъ объяснено, что Венгорцы требуютъ постоянно пропуска во внутренніе Сибирскіе города и не довольствуются торговлею въ Ямышевѣ и Семипалатинскѣ. Сибирская Канцелярія проситъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ извѣстить, можно ли пропускать Венгорскихъ купцовъ въ Тобольскъ?»

А въ Указѣ блаженный и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію написано:

Въ 1-мъ, отъ 9 Февраля, 1738 г.: «Въ Коллегіи, де, Иностранныхъ Дѣлъ получено доношеніе о прибытіи въ Тобольскъ Авазбая для купчества съ товары, и какое тотъ купчина предложіе учинилъ, и какой ему отвѣтъ данъ, то апробовано, и чаятельно было, что съ тѣмъ тотъ купчина изъ Тобольска и отпустится. А нынѣ, де, изъ полученнаго жъ доношенія усмотрѣно, что по прошенію того купчины, дано Ея Императорскаго Величества жалованья противъ прежнихъ дачъ, всего на 3 мѣсяца на 20 дней, ему, купчинѣ, со всѣми при немъ двадцатью человекъи служителями, кормовыхъ денегъ 56 р. 50 к., и впредь до отъѣзду того купчины изъ Тобольска кормовое жалованье ему давать ли, требовано Указу; но за чѣмъ тотъ купчина такъ долго въ Тобольскѣ живетъ и когда отъѣдетъ, о томъ ни чего не упомянуто. По полученіи сего, того купчину, ежели отъ купчества свое отправилъ и болѣе дѣла не имѣетъ, изъ Тобольска отправить и ко Владѣльцу его отпустить. А ежели тотъ купчина станеть требовать на предложеніи свои отвѣты, и ему сказать, какъ говорено съ нимъ и въ запискѣ, присланной была отъ 10 дня. А о прочихъ дѣлахъ и о границахъ

сказать, что такіе дѣла принадлежать трактованы быть чрезъ посланцевъ, а не чрезъ купчинъ, о чемъ уже въ той Коллегіи съ послѣдними ихъ бывшими посланники, Зундою Зомсою съ товарищи довольно говорено и сюда все сообщено.»

Въ 2-мъ, отъ 24 Февраля, 738 г. Доношеніе о прибытіи купчины Русанбая, и о пропускѣ его въ Tobольскъ получено. И спрашивается на то Указу, что съ ними чинить и какъ поступать и прочее. И въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ заблагоразсуждено о томъ послать Указъ, «дабы съ купчиною Русанбаемъ поступать во всемъ такимъ образомъ, какъ съ купчиною же Авазбаемъ.»

А прошлаго 742 года, Апрѣля 9 дня, по опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, между прочимъ, писано о происшедшихъ Зенгорскаго Владѣльца Калмыками, а особливо купчиною Авазбаемъ, Россійскимъ подданнымъ, разныхъ чиновъ жителямъ, обидяхъ и не порядочныхъ наглыхъ поступкахъ, и требовано Ея Императорскаго Величества повелительнаго Указа, не соблаговолить ли Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, для лучшаго впредь порядка, съ обрѣтающимися нынѣ при дворѣ Ея Императорскаго Величества Зенгорскими послами, Ламой Дашей, Наурусъ Хаза и Авазбаемъ, о томъ торгу оной Коллегіи утвердиться на выше писанномъ Губернской Канцеляріи мѣтніи, чтобъ у Ямышева и Семи Палатъ имъ, Зенгорцамъ, съ Россійскими купцами, вывозными изъ ихъ землицы, товарами, торговать, и какъ оная коммерція учинится, то отъ того, кажется, быть порядочнѣе, да и отъ Зенгерскихъ Калмыкъ такимъ образомъ и затрудненіямъ быть не чаятельно, понеже Зенгорскіе купчины вѣзять въ Россійскія жилища съ товары для купечества и, по своему варварскому упрямству, чинять съ Россійскими народы великія ссоры, драки и обиды... Не соизволено ль при томъ будетъ, чтобъ Зенгорцамъ было не упорно, вдругъ пресѣчь торговать въ Сибири, не соизволено ль имъ, для подачи охоты и приласканія, Владѣльцу ихъ, для собственной его только персоны, по нѣкоторому умѣренному числу въ Tobольску товаровъ продать и купить, ибо онъ того конечно требовать не оставитъ, съ тѣмъ выговоромъ, чтобъ не многоядствомъ отъ него прислано было не больше 40 человекъ, а что меньше, то бѣ удобнѣе, ибо отъ оныхъ многоядныхъ ихъ пріѣздовъ и живыхъ примѣтокъ, какъ тотъ народъ къ тѣмъ склоненъ,

великія затрудненія и убытки чинятся? Да не запотребно ль, для отвращенія ихъ упорныхъ отговорокъ и несклоненія къ Ямышеву торгу, ихъ обнадежить, что при начатіи торговъ, ежели они не всѣ свои товары купцамъ Россійскимъ продадутъ, то въ такомъ первомъ случаѣ, такое вспоможеніе будетъ учинено, что остаточныя ихъ товары хотя на казенныя деньги искупятся, а сюда привезши, можно оныя промѣнять, или продать; однако жъ, такіе у нихъ съ рукъ сняты будутъ, чтобъ на казенныя деньги провозъ и прочіе протори возможно не только истинныя, но и съ прибылью, получить, и ежели распространится торгъ и умножится въ Зенгорскую сторону купцовъ съ товарами, тогда надлежитъ публиковать не только въ Сибири, но и прочихъ мѣстахъ, дабы Россійскіе купцы довольно съ товары въ тѣ крѣпости ѣздили; осмотра, со времени можно учредить и нѣсколько ярмонковъ въ годъ въ разныя времена, и какъ оныя товары, которые и на Ирбити продаются, отъ Россійскихъ купцовъ къ Ямышеву привожены будутъ, и отъ того тѣмъ Зенгорцамъ въ торгу чаятельно быть способнѣе, ибо они равномерно въ тѣхъ крѣпостяхъ такъ, какъ и на Ирбити, товаръ покупать шѣютъ; къ тому жъ то имъ будетъ полезнѣе, понеже тѣ крѣпости къ владѣнію Зенгорскому ближе, нежели Тобольскъ и Ирбить, ибо отъ тѣхъ крѣпостей до Тобольска и до Ирбити болѣе будетъ разстоянія, нежели отъ Зенгорской земли до крѣпостей. Да и Сибирскіе купцы, 742 г., Генваря 14 дня, какъ Тобольскіе Русскіе, такъ и Бухарцы, подали въ Сибирскую Губернскую Канцелярію прошеніе, въ которомъ написали: «Съ прошлаго, де, 735 г., пріѣзжаютъ Зенгорскаго Владѣльца Галданъ - Чирина Калмыки и Бухарцы, и отпускаются изъ Тобольска во время ярмонки на Ирбить съ не малымъ числомъ конвоя, и будучи въ Ирбити, чинять имъ, какъ въ продажѣ, такъ и въ покупкѣ товаровъ, великое отягощеніе и немалые убытки, для того, какъ продаютъ товары, такъ и покупаютъ, не платя пошлинъ, а они, Тобольскіе купцы, товары продаютъ и отъ Россійскихъ купцовъ покупаютъ съ платежемъ пошлинъ, и притерпѣваютъ они не малое разореніе по многіе годы.» А противъ повелительнаго Указу, по которому повелѣно въ Ямышевскую крѣпость отъ Зенгорскаго Владѣльца людямъ и ихъ купцамъ ѣздить для купечества, и какъ они со своимъ товаромъ, такъ изъ прочихъ городовъ до оной Ямышевской крѣпости заблаговременно и пріѣзжаютъ и ожидаютъ по немногу времени чиселъ

пріѣзду оныхъ Калмыкъ и Бухарцовъ, которые признали, что имъ отъ Ямышева до Тобольска и изъ Тобольска до Ирбитской ярмонки проѣздъ свободный, а въ продажѣ и покупкѣ великъ прибытокъ, чего ради, съ прошедшаго 739 г., съ Россійскими купцами и съ ними, Бухарцы, мало и торгуются, отъ чего въ оной Ямышевской крѣпости, какъ Тобольскіе Русскіе и Бухарцы, такъ и другихъ городовъ купеческіе люди, живутъ и по нынѣ съ своими товарами, которымъ приключается крайнее разореніе и отстатіе торговъ; и просили они, дабы, Указомъ Ея Императорскаго Величества, повелѣно было о великомъ ихъ въ купечествѣ и въ несносномъ помѣшательствѣ милостивое разсмотрѣніе учинить, какъ они, Тобольскіе, такъ и прочихъ городовъ, купцы возвратятся съ Ирбитской ярмонки, и онымъ Зенгорскаго Владѣльца Калмыкамъ и Бухарцамъ, ежели повелѣно будетъ удержаннымъ имъ быть въ Тобольску, то продать и купить по пріѣздѣ съ ярмонки, съ великимъ удовольствіемъ возможно, и возвращаются они, Тобольскіе и прочихъ городовъ купцы, съ той ярмонки съ товарами въ непродолжительномъ времени. А чтобъ Сибирской Губернской Канцеляріи о коммерціи съ Зенгорцами какіе способы здѣсь снискать, ни которыми мѣры не возможно, понеже и напредь сего многократно о той коммерціи съ означенными Зенгорскими посланцы было говорено, и къ нему, Зенгорскому Владѣльцу, писано, токмо на оное ни какого отвѣту не учинено, да и впредь о томъ надежды нѣтъ, чтобъ по здѣшнимъ желаніямъ отъ Гаданъ-Чирина какая склонность показалась; да о чемъ же бы и надлежало къ оному Зенгорцу писать, или туды кого для развѣдыванья о тамошнихъ обращеніяхъ послать, какъ то для здѣшней предосторожности и увѣдомленія въ Иностранную Коллегію весьма потребно, и такого способнаго и искуснаго челоуѣка здѣсь нѣтъ, да и прежде отсюда не токмо мало, но почти никогда о такомъ развѣдываньи не посылались, а въ томъ есть такая нужда; не соизволить ли Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ суды такого способнаго и надежнаго челоуѣка прислать для послыки въ Зенгорскую землю о развѣдываніи тамошнихъ обстоятельствъ и намѣреній, ибо о томъ здѣсь такъ глухо, что ни чего не вѣдаешь, хотя бъ его такіе люди и близъ здѣшнихъ жилищъ появились, развѣ что съ форпостовъ осмотрятъ; а понеже нѣкоторые форпосты отъ Тобольска имѣются меньше 200 верстъ, да и тѣ, для обширности, межъ себя не часто состоятъ, а оная Губернія, по пространству и обширности

ея, по большой части открыта, и обнять оную къ осторожности здѣшними войски для пространства ни какъ не въ состояніи. Въ означенномъ же посланномъ Додошеніи написано онаго Зенгорскаго Владѣльца о посланцѣ Авазбай, что онъ, «Авазбай, природный былъ Россійскій, который и родился въ Сибирской Губерніи, и всегда оный бываетъ въ Тобольску и въ другихъ Россійскихъ городахъ, какъ для купечества, такъ и для посланничества, почти безвыѣдно, и о Сибирскомъ состояніи довольно извѣстенъ, да и тѣмъ, въ Сибирской Губерніи, безвыѣднымъ житіемъ, что чинится, извѣщается, понеже онъ къ такимъ проискамъ способенъ и лукавъ; и дабы чрезъ какое ухищреніе не привелъ Галданъ-Чирина въ злобу, и для того, ежели бы оный Авазбай подъ какимъ претекстомъ не скоро возвратился въ свою землю, а хотя бы и вовсе не былъ; понеже онъ къ Россіи весьма недоброжелателенъ и ругатель, а паче Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ изволить усмотрѣть изъ приложеннаго экстракта о обидахъ отъ него; да и здѣсь объ немъ сказываютъ, что онъ совѣсти худой; а оный Галданъ-Чиринъ своими аванжаами надъ Китайцами и Киргизъ-Кайсаками, войска свои привелъ въ хорошую исправность и предъ прежнимъ оныхъ больше прибыло; и о здѣшнемъ мѣстѣ, какъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ извѣстно, что состоитъ на великой обширности и имѣетъ по выше объявленнымъ обстоятельствамъ отъ онаго Зенгорскаго Владѣльца опасность, ибо, хотя въ Сибирской Губерніи форпосты по нѣкоторымъ мѣстамъ имѣются, и то по большей части отъ набѣговъ со стороны Киргизъ-Кайсаковъ, а со стороны жъ Барабы и отъ ихъ владѣнія въ Кузнецку, въ Томску, Красноярску, почти и всѣ мѣста отверсты, а хотя и имѣются нѣкоторые форпосты жъ, да и тѣ на великой обширности и межъ себя въ дальномъ разстояніи, которые для обширности и разстоянія мало способны. И о всемъ выше писанномъ оной Коллегіи предано на высокое разсужденіе, будетъ ожидать Ея Императорскаго Величества Указу.»

И на оное требованіе изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Сибирской Губернской Канцеляріи Указу не получено и понынѣ.

А по справкѣ въ Сибирской Губернской Канцеляріи, въ прошлыхъ 732, Генваря 22, 742-го, Генваря 12, 743-го, Генваря 25, и 744 годахъ, Генваря 12-го, по опредѣленію Сибирской Губернской Канцеляріи, отпущаны были на Ирбитскую ярмонку съ вывоз-

ными ихъ Еркецкими товарами Зенгорекаго Владѣльца купчины Ніязбай, Орохабай, Сепербай, Азіаферъ, Мулла Наурусъ, братъ его сродный Судейманъ, съ товарищи и служители ихъ, съ такимъ же наставленіемъ, какъ и въ прошлыхъ 737 и 738 г., отпущаны были купчины Каманай-Ходжа съ товарищи и посланецъ Авазбай на Ирбитскую ярмонку.

А прошлаго 744 г., Декабря 7 дня, изъ Ямышева было представлено, что, де, того жъ году, въ Октября мѣсяцѣ, отправились изъ Зенгорской землицы Бухарцы съ караваномъ, при которомъ Башлыкомъ купчина Ніязбай, у которыхъ будетъ звѣрей до 600, и идутъ, де, они для торгу до Ирбитской ярмонки.

А Генваря 24 сего, 745 г., прибыли въ Тобольскъ отъ Зенгорскаго Владѣльца купчины Ніязбай и Ираимбай, и въ Сибирской Губернской Канцеляріи предъявили на Калмыцкомъ языкѣ листъ за красною печатью, въ которомъ, по переводу, показано:

«Тобольскому Генералу подать. Ніязбай, Ираимъ, двое Башлыки и нѣсколько людей въ Тобольскъ, надобно что взять, поѣхали; эти прежде за дѣломъ въ городъ ѣзжали; торгъ дѣлался; по обычаю сдѣлать въ торгу, гдѣ лучше сдѣлать же. Просимъ! Въ гостинцы одну парчу.»

И Февраля 6 дня, вышеобъявленные купчины, Ніязбай и Ираимбай, и при нихъ Калмыки и Бухарцы, всего 170 человекъ, по неоднократнымъ ихъ упорнымъ требованіямъ, изъ Тобольска до Ирбитской ярмонки, для купчества, отпущены, а для препровожденія ихъ въ караулъ, посланы съ ними Унтеръ-Офицеръ, Капраловъ 2, солдатъ 17, толмачъ 1. А чтобъ оныхъ купчинъ, по неоднократнымъ ихъ упорнымъ требованіямъ, въ Ирбитскую ярмонку съ товары не отпустить, какъ то уже и прежде сего было чинено, такіе жъ купчины съ товары отпущаны были, такой смѣлости, по нынѣшнимъ экстрамъ, Сибирской Губернской Канцеляріи принять на себя было опасно, и оныхъ въ Тобольскъ удержать не смѣла, чтобъ отъ того не подать къ ссорѣ Владѣльцамъ ихъ причины. А помянутые купчины прибыли въ Тобольскъ съ Ирбитской ярмонки сего Марта 4 дня, 1745 года.

А по рапорту изъ Ямышевской Канцеляріи отъ 10 Декабря, прошлаго 744 года. что, де, отправились изъ Зенгорской землицы

въ Томскѣ для торгу Бухарцы черезъ Семипалатинскую крѣпость 7 человекъ, при нихъ 20 звѣрей вьючныхъ; чрезъ Убинскую заставу Бухаретинъ Адылбай, съ нимъ Бухарцевъ 60, Калмыкъ 4 человекъ, верблюдовъ 200, лошадей 300.

Репортъ Инженеръ-Капитана Плаутина, отъ 4 Іюня, 1747 года.

По ордеру Киндермана велѣно въ Ямышевской крѣпости, при солянномъ озерѣ, построить 1 амбаръ и 1 казарму, и Іюня 3 числа имъ заложено, гдѣ слѣдуетъ, 2 амбара и 2 казармы.

Указъ изъ Правительствующаго Сената, отъ 13 Ноября, 1751 года.

По отношенію Сибирской Губернской Канцеляріи о недостаткѣ соли въ Сибирскихъ городахъ, дѣлается распоряженіе о распространеніи разработки соляныхъ озеръ. Въ Сибирской Губерніи, къ довольствію Тобольской провинціи имѣется изысканное и поставкою и добротой соли, изъ давныхъ лѣтъ апробованное, соляное озеро, называемое Ямышевское, лежащее близъ рѣки Иртыша, разстояніемъ отъ берега 8 верстъ, съ котораго, какъ по дѣламъ прошлыхъ лѣтъ явствуетъ, показанною рѣкою Иртышемъ издавна ставлена соль въ ближнія отъ той крѣпости и въ Тобольскѣ, на отправляемыхъ изъ Тобольска въ Верхъиртышскія крѣпости съ провіантомъ, казенныхъ дощаникахъ съ служилыми людьми безъ платы. Кромѣ того имѣются и другія, изысканныя Вашимъ Превосходительствомъ въ 747 году: 1-е имѣющееся въ разстояніи отъ рѣки Иртыша въ 24 верстѣ, называемое Коряковское, на которомъ, какъ въ представленіи Вашемъ показано, въ садкѣ соли бываетъ, по обширности онаго, весьма довольно, съ котораго и подрядъ въ Тобольскѣ учиненъ, токмо противъ Ямышевскаго дороже, по 2 коп. съ пуда; 2-е, при той же рѣкѣ Иртышѣ, разстояніемъ въ 3-хъ верстахъ, называемое Лебяжье; 3-е, между Тарскаго Уѣзду и Барабинской степи, называемое Баганъ, а въ какомъ отъ рѣкѣ разстояніи, не извѣстно; съ которыхъ озеръ въ Соляную Контору хотя и пробы присланы, токмо поставкою соли въ оныхъ не опробовано. Повелѣвается нынѣ при рѣкѣ близъ озеръ выстроить мага-

зны, вмѣщающіе по 400,000 пудовъ, а у озера сараи, и для ломки опредѣлить 100 человекъ. И понеже по апробаціи Вашей, въ 750 г., опредѣленными Казаками, 150 человеками, менѣе двухъ мѣсяцевъ на озерахъ соли наломано и заготовлено было болѣе 400,000 пудъ; къ возкѣ же соли отъ озера до рѣки Иртыша опредѣлить 100 конныхъ Казаковъ, и стараться, чтобъ въ магазинѣ менѣе 400,000 пудъ никогда не было. Хотя Киндерманъ и предпочитаетъ, по обширности, Коряковское озеро; но какъ видно, Ямышевское способнѣе, по тому что Коряковская соль 2 копейками дороже, отъ того что оно будетъ дальше и возка производится служилыми людьми, а не подрядомъ. А по тому можно и съ Ямышева ломать, ибо въ прошломъ 750 году опредѣленными 50 человеками въ 2 мѣсяца наломано было 400,000 пудовъ, а удвоенное число людей въ болѣе продолжительное время успѣютъ наломать до 400,000. За вывозку, ломку, складку въ бугры, давать рабочимъ по 1 копейкѣ за кадъ, вмѣщающую 10 пудовъ, какъ уже опредѣлено Генераломъ Киндерманомъ въ 1750 году, а за вывозку къ берегу въ зимнее время, за возъ, т. е., 20 пудовъ, по 1 деньгъ на версту; такимъ образомъ съ ломкою и вывозкою Ямышевской соли пудъ стоитъ $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ копейки, Коряковской половина деньга, $\frac{1}{4}$ копейки. Кромѣ того, за доставку въ Тобольскъ, давать служилымъ по копейкѣ за пудъ. Мѣста, лежащія выше Тобольска, Тару, Ишимъ, продовольствовать прямо изъ озера, а прочія мѣста изъ Тобольска, кромѣ Верхотурья, Екатеринбургъ, Невьянскихъ заводовъ и Енисейской Губерніи, довольствующейся собственною выварочною солью. Въ Нарымъ, Кецкой, Тюмень и Кузнецкъ была прежде ставлена Ямышевская, а потомъ стали добывать соль съ ближнихъ степныхъ озеръ. Если послѣднее признается удобнымъ, то при тѣхъ озерахъ такъ же устроить магазины. Иркутскую Провинцію довольствовать тамошней выварочною солью. Екатеринбургъ, до умноженія Сибирскихъ магазиновъ, довольствовать Пермскою солью, Невьянскіе заводы отъ Чусовскихъ Бароновъ Строгановыхъ, а Верхотурья солью Соликамской. Чусовская ставилась до сего времени по 15 $\frac{1}{2}$ копѣекъ, въ Верхотурье отъ 10 до 18 копѣекъ пудъ, въ Невьянскіе заводы по 13 $\frac{1}{2}$ к. пудъ. Ямышевская же въ Екатеринбургѣ обходится по 23 $\frac{1}{4}$ коп., Коряковская по 25 $\frac{1}{4}$ к. , въ Верхотурье Ямышевская 20 к., Коряковская 22 к. Для управленія же учреждается въ Сибирь Коммисарство, изъ 1 главнаго Коммисара и 3 помощни-

ковъ, Главному Коммисару и одному помощнику быть въ Тобольскѣ, другому при озерахъ, третьему въ Иркутской Провинціи.

**Указъ изъ Главной Соляной Конторы въ Военно-походную Канцелярію
Бригадира Крафта, отъ 28 Іюня, 1754 года.**

Для довольствія Тобольска были подряжены Тобольскіе и Верхотурскіе купцы, съ 1751 по 1755 годъ, по 125,000 въ годъ. Въ Ямышевской пристани, въ 1754 году, было заготовленной частными людьми 643,075 пуд., да казенной, заготовленной Казаками, 216,782 пуд., всего 859,857 пудовъ, По вѣдомости Сибирской Губернской Канцеляріи, значится въ городахъ Тобольской и Енисейской Провинцій, кромѣ состоящей въ Ямышевскѣй пристани, имѣется соли 1,380,033 пуда. Этого количества должно достать на многіе годы.

Сообщеніе Киндермана въ Соляную Контору, отъ 6 Іюля, 1747 года.

Въ Суерскую слободу доставляется соль изъ Тобольска по 12 коп. пудъ, тогда какъ по близости слободы Царева Кургана находится много соляныхъ озеръ: Ахтабанъ въ 50, Караульное въ 50, Гамково въ 150, Грязное въ 100, Боровое въ 100, Чебаркуль въ 200, Бѣлая въ 500 верстахъ. Соль съ этихъ озеръ обошлась бы не болѣе, какъ по 2 к. за пудъ; по этому и Тюменскому и Краснослободскому Уѣздамъ удобнѣе будетъ довольствоваться изъ Ялотуровска, нежели изъ Тобольска. Обстоятельство это представляется на разсмотрѣніе Соляной Конторы.

Ранортъ въ Правительствующій Сенатъ, отъ 17 Марта, 1748 года.

Отправлено въ Тобольскъ заготовленной солдатами и Казаками на Ямышевскомъ озерѣ соли въ 746 г. 109,761 пудъ, 747 года 31,447 пудовъ, да нынѣ заготовлено 31,500 пудовъ; Киндерманъ проситъ, чтобъ Сибирская Губернская Канцелярія, на основаніи сообщенія Соляной Конторы, отъ 11 Іюня, 1746 года, выдала служилымъ по 2 копѣйки за пудъ, «понеже оное заготовленіе

съ озеръ соли, чтобъ руки и ноги не вредило, безъ обуви и рукавицъ добывать невозможно. Если же деньги выданы не будутъ, то людей въ эту работу употреблять будетъ невозможно.»

Сообщеніе въ Соляную контору, отъ 5 Ноября, 1748 года.

При немъ въдомость учиненная, въ Ямышевской Канцеляріи, по силѣ ордера Его Превосходительства, Господина Генераль-Маіора Киндермана, коикое число въ прошлыхъ 745, 746 и 747 и въ нынѣшнемъ 748 годахъ отправлено казенной Ямышевской соли, о томъ значить ниже сего. Въ 745 году, Апрѣля 25, отпущено въ Семипалатинскую крѣпость на продажу Ямышевской соли 105 пуд.; Апрѣля 30 отпущено въ Тобольскъ на 6 дощанникахъ 25,525 пуд. 20 фунт., Мая 9 и 18 отпущено въ Семипалатинскъ казенной Ямышевской соли, Юля 17 отправлено въ городъ Тару на 2 дощанникахъ 2,100 пудовъ, Юля 21, по силѣ Указовъ изъ Сибирской Губернской Канцеляріи и требованію Тобольскихъ посадскихъ людей, соляныхъ подрядчиковъ Евсевья и Антона Медвѣдовыхъ и Ѳедора Пушкарева, выдано имъ заимообразно 12,747 пуд. Юля 26 отправлено въ Семипалатинскую и Устькаменогорскую крѣпость 250 пудовъ, Юля 27 отпущена въ Тобольскъ соль на 5 дощанникахъ 13,387 п. 20 ф., Августа 2 отпущено въ Тобольскъ на 1 дощанникъ 2,100 пудъ, Сентября 20, по силѣ Указовъ изъ Сибирской Губернской Канцеляріи и требованію Тобольскихъ посадскихъ людей, Евсевья и Антона Медвѣдовыхъ и Ѳедора Пушкарева, выдано имъ заимообразно 17,850 пуд. Октября 10, по требованію Желѣзенской крѣпости прикащика Бражинскаго, отпущено въ ту крѣпость 500 п. Въ томъ же 745 году выдано Сибирскаго и новоучрежденнаго драгунскихъ полковъ на полковыхъ служителей и на Яицкую команду въ жалованье на разныя времена казенной соли 296 п. 18¹/₂ ф. Запродано въ Ямышевской крѣпости казенной соли разнымъ чинамъ по Указной цѣнѣ 230 п. 20 ф. И того въ 745 г. въ расходъ употреблено казенной Ямышевской соли 45,127 п. 18¹/₂ ф. Въ 746 году, Мая 20 дня, послано въ Семипалатинскую и Устькаменогорскую крѣпость казенной Ямышевской, соли 1,000 пудовъ. Того жъ числа отправлено въ Тобольскъ на 10 дощанникахъ 42,315 пуд. Юня 2 отправлено въ Тобольскъ казенной Ямышевской соли на 4 дощанникахъ

15,435 п. Юня 29 отпущено въ Тобольскъ на 7 дощанникахъ 21,141 пуд. Въ ономъ же 746 году выдано Сибирскому и новоучрежденному драгунскому полку, полковымъ служителямъ въ жалованье 371 п., 27 фун. Запродано въ Ямышевской крѣпости разнаго чина людямъ 42 пуда. Сентября 5 отпущено въ Тобольскъ на 4 дощанникахъ 11,550 пудовъ; Октября 4-го отпущено на 5 дощанникахъ 17,220 п., Октября 9 отпущено въ Тобольскъ на 1 дощанникъ 2,100 п. И того въ 746 году въ расходѣ употреблено казенной Ямышевской соли 171,175 п. 17 фун. Въ 747 году, Марта 22, отпущено въ Тобольскъ на 11 дощанникахъ 31,447 п. 20 ф. Мая 13, отпущено въ Семипалатинскую и Устькаменогорскую крѣпости 1,200 пуд. Въ ономъ же 747 году въ расходѣ употреблено казенной Ямышевской соли Сибирскаго и новоучрежденнаго драгунскаго полковъ, полковымъ служителямъ въ жалованье 538 п. 20 ф. Запродано въ Ямышевской крѣпости разнаго чина людямъ 367 п. 20 ф. И того въ 747 году употреблено казенной Ямышевской соли 33,553 п. 28 ф. 1748 года, Мая 24 дня, отпущено въ Тобольскъ казенной соли, добытой при Коряковскомъ форпостѣ на озерѣ, на 4 дощанникахъ 9,975 п. Мая 28 дня отправлено въ Семипалатинскую и Устькаменогорскую крѣпости казенной соли, добытой съ Корякова озера 1,200 п. Запродано въ Ямышевской крѣпости разнаго чина людямъ 250 п. И того въ 748 году въ расходѣ употреблено соли 11,425 пуд. Всего въ 745, 746, 747 и 748 годахъ въ расходѣ употреблено соли 231,282 п. 3¹/₂ ф.

Сообщеніе въ Соляную Контору, отъ 11 Декабря, 1748 года.

По рапорту Павлуцкаго, въ 748 году въ лѣто заготовлено соли съ озеръ Ямышевскаго 28,844, съ Коряковскаго 27,268 п., всего 56,112 п., и изъ него перевезено въ Тобольскъ 15,215 п.

Въ Правительствующій Сенатъ рапортъ, отъ Ноября, 1750 года.

«Съ 745 по 750 г. отправлено изъ Ямышева въ Тобольскъ 276,450 пуд.; а понеже въ прошломъ году и нынѣшней веснѣ въ соли въ здѣшнихъ мѣстахъ великой недостатокъ былъ, и не токмо

по пудамъ, но и по фунтамъ въ продажѣ имѣлось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ той соли и въ продажѣ не было, о чемъ Правительствующему Сенату не безъизвѣстно; чего для при нынѣшнемъ моемъ слѣдованіи въ Верхъиртышскія крѣпости, въ оныя соленыя озера самъ ѣздилъ, а именно въ Коряковскомъ, которое не доѣзжая Ямышева разстояніемъ 55 верстъ, а отъ р. Иртыша 21 вер., вокругъ онаго озера $24\frac{1}{2}$ версты, въ длину 8 верстъ 22 саж., въ ширину 3 версты 140 сажень, гдѣ, благодатію Божіею, соль чрезъ все озеро плотно сѣла и росолу на немъ ни чего не было; по тому жь ѣздилъ на Ямышевское озеро, и оное осмотрѣлъ, которое отъ Ямышева разстояніемъ 8 верстъ, а вокругъ онаго $8\frac{1}{2}$ верстъ, въ длину 3 версты, въ ширину 1 вер. 400 сажень, гдѣ такъ же, какъ и на Ямышевскомъ озерѣ, соли для добычи достаточно, и время уже къ добычѣ наступило, токмо въ ономъ озерѣ великій росоль имѣется. По тому Киндерманъ опредѣлилъ на Коряковское озеро 100 человекъ, на Ямышевское 50 человекъ. На 1-мъ заготовили къ 31 Августа 343,350 пуд., на послѣднемъ 100,000, съ платою за кадъ по одной копѣйкѣ. Отправлено въ лѣто 750 года въ Тобольскъ 76,292 пуда; подрядчикамъ платится по 11 копѣекъ за пудъ, а соль, добытая служилыми, обошлась по 1 коп. за пудъ. Сверхъ же сего, при слѣдованіи моемъ изъ Ямышева до Семипалатинска, взыскано одно соляное озеро, называемое Лебяжье, разстояніемъ отъ рѣки Иртыша въ 3 верстахъ, кое не мало и чрезъ все озеро соль сѣла, весьма бѣла и чиста; тако жь посланный отъ меня Офицеръ для осмотра, черезъ Барабу, форпостовъ, наѣхалъ на одно соляное озеро, называемое Байханъ, которое вкругъ версты на двѣ, между Тарскаго Уѣзду и Барабинской степи, съ котораго озера пробу ко мнѣ привезъ.»

Доношеніе въ Правительствующій Сенатъ, отъ 4 Ноября, 1751 года.

Въ лѣто 1751 отправлено съ Ямышевскихъ озеръ въ Тобольскъ на баркахъ и дощанникахъ 252,038 пудъ; за тѣмъ отъ прошлогодней ломки осталось при озерѣ 191,491, да нынѣшняго 353,314 п.; и того 544,785 пудовъ.

Довошеніе Правительствующему Сенату, отъ 19 Ноября, 1751 года.

Барки для перевозу соли сдѣланы въ Семипалатинской крѣпости 10 на 188 р. и въ Долонь-Карагаѣ 10 на 156 руб.; всего 20 барокъ на 339 рублей, а соли въ нихъ нагружено 154,892 пуда, а на 27 дощанникахъ въ лѣто 1751 г. 97,146 пудъ.

Репортъ Павлуцкаго. отъ 17 Ноября, 1747 года.

14 Ноября явились къ Чернорѣцкому форпосту Барабинскіе Татары, Князь Мандановъ съ другими, всего 6 человекъ, на 8 лошадахъ, вооруженные луками и сайдаками, и при спросѣ объявили что «они жительство имѣютъ въ Барабѣ Каинскаго форпосту, Князька Чукалы Прынеева, а въ здѣшнія мѣста прибыли для промыслу у рѣки Иртыша внизъ и вверхъ, понеже, де, въ степи звѣря не имѣется, и ясаку въ казну Его Императорскаго Величества платить мечаго.»

28 Іюля, 1757 года, 6 Русскихъ промышленниковъ самовольно пробрались черезъ границу, Емельянъ Калугинъ съ товарищами, и прошли 9 Мая въ степь изъ Царева Кургана, между Кабаньей и Прѣсноизбною крѣпостями; между крѣпостями прошли ночью, воровски, на телѣгахъ; чтобъ слѣдъ былъ незамѣтенъ, дорогу перѣхали наискось, и на третій день пріѣхали къ Ишиму, въ 200 верстахъ отъ крѣпостей; жили тутъ только съ недѣлю, и возвратились съ наловленною рыбой, на 7 телѣгахъ, по 10 пудъ въ каждой. А 28 Іюня Калугинъ опять съ 4 человекъ поѣхалъ на то же мѣсто, гдѣ онъ оставлялъ своего сына, и забравъ остальную рыбу, пудъ 10, возвратился. Въ жилой уже сторонѣ нѣкоторые его товарищи остановились у озера Сухменей, для рыбной ловли. Калугинъ показалъ, что онъ запретительные Указы, чтобъ отнюдь никто въ степь за границы не ѣздилъ подъ жесточайшимъ наказаніемъ, слышалъ.

Въ Декабрѣ 1757 года у 4 крестьянъ Колывановоскресенскаго вѣдомства, Ямышевской слободы, деревни Кишининской, бывшихъ на промыслу въ бору противъ станца Черемковой забоки, въ урочищѣ Опадрына Согра, Киргизъ-Кайсаки отобрали 11 лошадей, 300 бѣлокъ, 7 лисицъ, 1 волка и 1 сохатину.

Рапортъ Полковника Гаррига, отъ 26 Сентября, 1753 года.

1 Сентября было сдѣлано Бригадиру Крафту представленіе въ той силѣ, что «крестьянинъ Бійской крѣпости Иванъ Казанцевъ объявилъ мнѣ, данный ему отъ Кузнецкой Воеводской Канцеляріи, Указъ объ отдачѣ ему на откупъ съ 1753 г. впредь на четыре года рыбныхъ промысловъ въ вверхъ по Катунѣ рѣкѣ, съ нижняго устья Шульгинской протоки до Сросковъ, съ платежемъ въ казну каждый годъ по 1 рублю 15 копѣекъ; а по справкѣ Шульгина, протока отъ крѣпости Катуньской, отстоятъ вверхъ по Катунѣ, въ 10 верстахъ, а Сроски, до которыхъ она Катуня Казанцеву на откупъ отдана, отъ Катуньской крѣпости не менѣе какъ 50 верстѣ, и въ самомъ опасномъ отъ непріятеля мѣстѣ; къ тому же къ здѣшней границѣ тѣ непріятеля т. е., Калмыки, прѣзды имѣютъ и въ тѣхъ Сроскахъ плаваются; да и для звѣриныхъ промысловъ тутъ ѣздить, и за таковою опасностью крестьянина Казанцева и прочихъ, имѣющихъ по той же рѣкѣ Катунѣ откупателей для рыбнаго промыслу, яко за сущую границу, хотя по откупѣ и Указы имѣютъ, пропустить опасно было безъ повелѣнія главной команды; а по ордерамъ бывшаго Генераль-Маіора Киндермана и Бригадира Крафта и по даннымъ инструкціямъ, пропуску за границу подъ смертною казнію ни для чего и ни кому чинить не велѣно. И такъ Кузнецкая Воеводская Канцелярія, имѣющія здѣсь на границѣ рѣки, безъ сношенія со мною, яко съ пограничнымъ командиромъ, собою отдастъ напрасно.» На представленіе Бригадиръ Крафтъ написалъ въ Кузнецкую Воеводскую Канцелярію, чтобъ она впредь рыбныхъ ловель за границую, безъ сношенія съ пограничными командирами, не отдавала внутри Линіи, а де Гарригъ приказалъ откупщика Казанцева за границу отнюдь не пропускать. По чему, де Гаррига Казанцева и не пропустилъ на откупныя ловли. А сего 19 Сентября, 1759 года, Кузнецкая Воеводская Канцелярія промеморією требуетъ, чтобъ откупщика Максюкова на тѣ рыбныя ловли безъ препятствія и безъ задержанія пропустить, предъявляя, что тѣ тони за Максюковымъ состоятъ на откупѣ съ 750 году, съ 18 Августа, да за Бійскимъ жителемъ Ивановъ Казанцевымъ съ 26 Февраля, 1753 года, съ которыхъ, за непропускомъ ихъ главными командирами въ Бійскѣ, состоятъ за тѣ тони откупныхъ денегъ въ недоимкѣ, за Максюковымъ 37 р. 20 коп., за Казанцевымъ 11 р. 63¹/₄ к. Изъ сего можно видѣть, что Кузнецкая Воеводская Канце-

лярія исполненія, по предложенію Бригадира Крафта, не учинила и оставила тѣ заграничныя тони въ прежнихъ мѣрахъ; а егда бы, въ силу предложенія Бригадира Крафта тогда жь тѣ тони изъ откупу отмѣнила, то бѣ и въ казну ни какой недоимки не было, за котораго неотмѣною сама Кузнецкая Воеводская Канцелярія къ платежу той недоимки откупщику Максюкову вспомошествовать, а не одного его безвинно отягощать и въ разореніе приводить, должна. А однако жь де Гаррига Максюкова пропустить на Катуню испрашиваетъ распоряженіе.

Драгуны и Донскіе Казаки Прѣсногорьковскаго редута, 29 Мая, 1760 года, поймали ѣхавшихъ изъ за границы въ жилую сторону, съ 6 возами рыбы, 6 крестьянъ Царево-Курганской слободы, Емельяна Калугина съ товарищи, изъ деревни Анчуковой. Черезъ Линію проѣхали воровски; рыбу ловили на рѣкѣ Ишимѣ.

Бывшій въ Киргизской степи, переводчикъ Ураковъ, вывезъ разночинца, Петра Воинова, занимавшагося рыболовствомъ на Ишимѣ (7 Юня, 1760 года). Ялоторовскаго дистрикта, Курганской слободы, деревни Фатеръ, разночинецъ Петръ Воиновъ, подпятнялъ своимъ пятномъ лошадь двороваго человѣка Поручика Парфентьева, посаженъ въ судную Контору и изъ нея ушелъ домой, откуда въ Августѣ 1759 года поѣхалъ съ братомъ на Ишимъ для рыбной ловли на 4-й лошади въ телѣгѣ, которую, разобравъ, на себѣ перенесли ночью черезъ большую дорогу, и потомъ прибыли на р. Баганакъ, гдѣ и добывали хмель, и недѣль черезъ 6-ть добыли хмеля пудовъ съ 20, а потомъ, въ загороженномъ ими на той же Баганакѣ запорѣ промышляли рыбу и горносталей; но рыбы добыли и на свое пропитаніе съ нуждою, а горносталей черезъ всю осень изловили 40. Братъ его передъ Рождествомъ умеръ и зарытъ имъ въ землю; лошадь потерялась, и онъ хотѣлъ тутъ пребыть до весны, но къ его избушкѣ пріѣхалъ сынъ Куляки батыря Бибиной, увелъ въ улусы и отдалъ переводчику. У Куляки батыря остался его шкарбъ: котель чугунной 1, мѣдной 1, шуба баранья 1, сумы переметныя, рубахъ холщевыхъ 2, сѣтей рыболовныхъ 5, долото желѣзное 1, штаны ровдужныя 1, малахай овчинной 1, горносталей 40, телѣга и найденныя имъ въ степи сани.

Въ Августѣ 7 человекъ крестьянъ изъ Бѣлозерской волости деревни Куликовой, Доможировъ съ товарищи, проѣхали въ степь между Первопрѣснымъ редутомъ и Прѣсновской крѣпостью, на 9 телѣгахъ: ѣхали ночью, на другой день прѣехали къ Ишиму, при урочищѣ Старцевой Лукѣ, гдѣ и находились для хмелевья, не менѣе 50 верстъ отъ крѣпости. Жили 4 дня; на пятый на нихъ напали до 20 Киргизъ-Кайсаковъ, отъ которыхъ они разбѣжались; запасъ ихъ и платье Киргизы забрали: 9 лошадей, сѣделъ 7, войлоковъ 7, крышекъ подсѣдельныхъ кожаныхъ 8, пологовъ 3, мѣшковъ трехполосныхъ 3, сѣтей 10, епанчу войлочную 1, котелъ мѣдный 1, топоры 2, шубъ бараньихъ 2, кафтановъ сѣраго сукна 2, жерлицъ 10, крюковъ 10, дорожекъ рыбныхъ 2, тревогъ ременныхъ 3, шапокъ вишневаго сукна 2, обуви 1, толочна 1½ пуда, сухарей 4 мѣшка по пуду, крупъ яшныхъ полпуда, телѣгъ 2, хомутовъ реманныхъ 2; по отъѣздѣ Киргизъ собралось только шесть человекъ; 7-го срочнаго, его, Доможирова, крестьянина Кайдалова, Киргизы увезли. Шли пѣшкомъ и безъ запасу; за пристанью его, по старости лѣтъ, товарищи и его родной сынъ его, оставили и ушли домой, а онъ, отдохнувъ, шелъ еще два дни, и вышелъ на Первопрѣсный редутъ. Запретительные Указы, чтобъ не ѣздить, слышали, а ѣздили воровски. Тогда же крестьяне деревни Романовой и Пѣтуховой (Пуховой слободы), Афонасей Осетровъ съ 3 человекъ, поѣхали на Ишимъ для хмелеваго промысла; на 4 день, у Филатова озера (въ жилой сторонѣ) наѣхали на ѣхавшихъ туда же крестьянъ деревень Рѣчкиной, Сламскаго Логу, Пешной и другихъ, всего 40 человекъ, и всѣ вмѣстѣ воровски проѣхали между Прѣсновской крѣпостью и Первопрѣснымъ редутомъ, и въ 7 верстахъ отъ послѣдняго, въ степи, встрѣтился имъ крестьянинъ Кайдаловъ, бывшій на промыслѣ; онъ былъ взятъ Киргизами, которые везли его въ крѣпость, но, не довезя, бросили съ телѣгой и 2 лошадьми. Онъ былъ у Доможирова въ срокъ, по чему всѣ сорокъ человекъ, убоясь быть ограбленными, всѣ возвратились, а Осетровъ же съ товарищемъ Каргопольцевымъ остановился на Курейномъ озерѣ и хотѣлъ тутъ сѣно косить и рыбу ловить. Тутъ его поймала разѣздная команда, а товарищъ его, раздѣвшись, ушелъ въ камыши, и его не могли сыскать.

Рапортъ Павлуцкаго, отъ 9 Апрѣля, 1748 года.

Съ приложеніемъ копіи съ предложенія Беера, о высылкѣ изъ Верхнеиртышскихъ крѣпостей иррегулярныхъ и регулярныхъ людей, для заставъ хлѣбомъ при Алейскомъ станцѣ, Зміевскомъ рудникѣ, Колыванскомъ заводѣ и другихъ деревняхъ, по три десятины овса, ячменя и ярицы; что хлѣбопашество производить людьми, приписными для заводскихъ работъ, не возможно, а по тому и опредѣлено общишъ рѣшеніемъ Генераловъ Сухарева, Киндермана и Беера произвести ту запашку, въ слѣдствіе Сенатскаго Указа, регулярными и нерегулярными людьми, при заводахъ находящимися, съ добавкою изъ Верхнеиртышскихъ крѣпостей. Павлуцкій проситъ выслать изъ другого мѣста, по тому что въ Верхнеиртышскихъ крѣпостяхъ нерегулярныхъ недостаточно: изъ разныхъ мѣстъ, не смотря на требованіе его, не всё присланы.

Доношеніе Павлуцкаго Киндерману.

Минувшаго Генваря 20, сего года, въ присланномъ отъ Вашего Превосходительства секретномъ ордерѣ того жь Генваря отъ 15 числа, между прочимъ написано: «Весьма, де, потребно Вашему Превосходительству узнать, имѣется ли въ Омскѣ и въ прочихъ здѣшнихъ мѣстахъ, и гдѣ сколько, для возки провіанту судовъ, и сколько возможно на нихъ класть провіанта, и въ цѣлости ли оныя; да, велѣно справиться, имѣются ли здѣсь у обывателей, или казенныя какія водяныя и вѣтряныя мельницы, такъ же и ручныя, что рожь и прочее мелютъ, жернова, и сколько именно, и гдѣ, и о томъ Вашему Превосходительству рапортовать. И по силѣ вышеприведеннаго Вашего Превосходительства ордеру, напередъ сего, того жь Генваря отъ 27 числа, покорнѣйше отъ меня донесено, что въ Омской крѣпости водяныхъ судовъ не имѣется, а о мельницахъ же было объявлено, что имѣется вѣтренныхъ: казенная одна, Казачьихъ 5, рукомолотныхъ жерновъ: солдатскихъ собственныхъ 18, Казачьихъ 86 паръ, а въ прочихъ же крѣпостяхъ колкое число водяныхъ судовъ, а такъ же мельницъ и рукомольныхъ жернововъ имѣется, за невѣдѣніемъ тогда, было обстоятельно донести не съ чего, о чемъ, по

силѣ Вашего Превосходительства ордеру, тогда жь въ крѣпости къ командующимъ Штабъ и Оберъ Офицерамъ отъ меня было предложено, на которые ордера въ присланныхъ изъ Желѣзинской, Ямышевской, Семипалатной и Устькаменогорской крѣпости рапортами ко мнѣ представлено: «имѣется, де, водяныхъ судовъ, а именно: въ Ямышевской казенныхъ шесть, въ Устькаменогорскѣ одно, и того семь дощанниковъ, въ которые можетъ вмѣститься въ каждый провіанту, въ Ямышевскіе по 400, въ Устькаменогорской 320 четвертей,» а въ прочихъ крѣпостяхъ оныхъ дощанниковъ и большихъ Зайсанскихъ лодокъ не имѣется; на Ямышевскихъ же дощанникахъ, по силѣ полученнаго минушаго Февраля 19 дня, сего году, изъ Сибирской Губернской Канцеляріи Указу, велѣно предбудущимъ самымъ вѣшнимъ временемъ, нагрузить казенною солью въ полный грузъ и отправить въ Тобольскъ за льдомъ въ самомъ скоромъ времени, дабы оныя съ тою солью прибыть въ Тобольскъ и нагрузя провіантъ, въ оную Ямышевскую крѣпость обратно съ тѣмъ провіантомъ возвратиться и сюда дойти сего 745 году по лѣтнему времени могли. А какъ оныя дощанники и коликое число на нихъ погружено соли и снастей какихъ порознь въ Тобольскъ отправлено будетъ, о томъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію рапортовать, и оныя дощанники, по силѣ того Указу, во время случая, должно нагрузить солью и отправить въ Тобольскъ; изъ Устькаменогорской крѣпости имѣющійся дощанникъ предложено отъ меня къ Кавитану Князю Девлетъ - Килдѣву, чтобъ отправить за льдомъ до Ямышевской, который по тому жь, какъ и Ямышевскіе, имѣютъ быть нагужены солью и отправлены будутъ, по силѣ ордеру Вашего Превосходительства, до Омской крѣпости; токмо оныхъ дощанниковъ съ солью весьма потребно дойти до Тобольска, для того по вся годы оная соль, какъ и выше упомянуто, отправлялась, по силѣ Указовъ, для продажи въ городъ, безъ которой обойтись ни какъ не можно, и не изволено ль будетъ оныя дощанники по первой полой водѣ отправить до Тобольска, а оттоль имѣютъ быть отправлены сюда съ провіантомъ, и болѣе оная состоитъ въ разсмотрѣніи Вашего Превосходительства. Лодокъ же хотя и во всѣхъ крѣпостяхъ по нѣскольку имѣется, однако оныя къ возкѣ провіанту быть неспособны, а употребляются только при тѣхъ крѣпостяхъ на пропитаніе команды, для ловли рыбы и для переѣзду въ лѣтнее время за рѣкою къ поставкѣ сѣна и въ разѣзды. Мельницъ же вѣтряныхъ имѣется въ Омскѣ, казенныхъ одна, Казачьихъ

пять, въ Желѣзинской одна, въ Ямышевской одна, въ Семипалатинской одна, въ Устькаменогорской одна, и того десять мельницъ; жернововъ рукомотныхъ въ Омскѣ, солдатскихъ собственныхъ 18, Казачьихъ 86, въ Желѣзинскѣ казенныхъ одна, Казачьихъ 25, въ Ямышевской казенныхъ 48, Казачьихъ собственныхъ 21, въ Семипалатной казенныхъ 10, Казачьихъ 2, въ Устькаменогорскѣ собственныхъ Казачьихъ 5, и того 222 жернова.

Промежія Сибирской Губернской Канцеляріи въ Военно-походную Канцелярію Генерала Киндермана.

...Сибирской Губерніи въ города и дистрикты, въ которыхъ пахутъ крестьяне казенную пашню, посланы Его Императорскаго Величества Указы, велѣно: «хлѣбъ весь собрать въ магазины безъ всякаго замедленія въ самой скорости, и рожь всю, токмо оставя на сѣмена, молотъ въ муку немедленно.»

Промежія Сибирской Губернской Канцеляріи въ Военно-походную Г-на Генералъ - Майора Киндѣрманна, Генваря 17 дня, 1745 г.

Изъ Ужина 1744 г. въ Краснослободскомъ дистриктѣ казенной десятинной паши, по умолоту, за исключеніемъ оставленныхъ на двойныя сѣмена, въ 1745 г. въ остаткѣ: ржи 7,775 четвертей, 2 малыхъ четверика, овса 53,921 четверть, 1 четверикъ, 2 малыя. Какъ этого провьянта мало на удовлетвореніе пришедшихъ вновь въ Сибирь пѣхотныхъ и драгунскихъ полковъ и Яцкихъ Казаковъ, а такъ же здѣшнихъ Сибирскихъ гарнизонныхъ полковъ и нерегулярнаго войска, то велѣно построить въ Тюмени и въ Туринскѣ по два дощанника большой руки и по двѣ набойныя лодки, въ Верхотурьи три дощанника средней руки и три лодки, въ Пелымѣ 1 дощанникъ средней руки, 1 лодка, въ Краснослободскомъ дистриктѣ 3 дощанника самой большой руки и 6 барокъ, въ Ялотуровскомъ дистриктѣ 2 барки и на нихъ приплавить провьянтъ въ Тобольскѣ, да сверхъ того еще велѣно сдѣлать Воеводамъ въ Туринскѣ и Тюмени по 3 дощанника и по три лодки, въ Верхотурьи 7 дощанниковъ и 7

лодокъ, въ Краснослободкѣ 7 дощанниковъ, 7 лодокъ и 4 барки, въ Ялтуровскомъ дистриктѣ 5 дощанниковъ.... «и чтобъ оныя дощанники, барки и лодки построены были добротою самыя крѣпкіе и къ водяному ходу способные и конопатить тѣ дощанники и барки одною пеньковою, а не мочальною и не моховою, конопатью, которую конопать обить желѣзными скобками и съ драньемъ, по тому жъ на крѣпко и высмолить смолою, а крыть добрымъ лѣсомъ съ скалою, и у дощанниковъ бы шакши были, какъ въ носу, такъ и въ кормѣ, не болѣе двухъ аршинъ, и на каждомъ дощанникѣ было самыхъ добрыхъ въ запасъ на машты по два дерева, а ежели оныя суда добротою и крѣпостию и по водяному ходу въ чемъ либо явятся не способныя, и за то всеконечно тѣхъ городовъ и дистриктовъ Воеводы и управители безъ жесточайшаго штрафа оставлены не будутъ».

—————

Репортъ Семипалатинской Канцеляріи, 13 Апрѣля, 1763 года.

10 Апрѣля вновь поселившіеся между Талицкаго Форпоста и Озернаго станца на рѣкѣ Березовкѣ крестьяне, Яковъ Лапуновъ съ товарищи, донесли, что, нынѣ, де, приходитъ уже время вешное и надлежитъ при той новой деревнѣ на поствѣ хлѣба новыя земли распахать и на залогѣ къ предбудущему году рожь сіять, а яроваго, де, хлѣба, на тѣ залогѣ, по твердости новой замежной земли и по незнаемости оной къ урожаю, сіять при той деревнѣ опасны, а желаютъ онаго яроваго хлѣба на распаханная мягкія земли вѣдѣнія Усть-Каменогорской крѣпости, въ деревняхъ Убинской и Прапорщицкой и въ Шубинскомъ заводѣ, а по тому и просятъ уволить ихъ въ то мѣсто.»

—————

Вѣдомость родившагося хлѣба на казенныхъ пашняхъ въ Верхъиртышскихъ крѣпостяхъ:

ВѢДОМОСТЬ РОДИ

	Посѣяно.				
	ржи	ярицы	ячме- ня	овса	и др.
Въ Устьианеногорской кр. въ 1746 г.	—	—	50	64	114
» 1747 »	—	100	50	50	200
» Семипалатной крѣп. » 1746 »	—	—	27	43	70
» / » 1747 »	2	100	50	50	202
» Ямышевской крѣпости » 1746 »	5	—	—	166 *	171
» 1747 »	—	27	45	52	124
» Железинокой крѣпости » 1746 »	123	—	—	100	223
» 1747 »	—	62	50	50	162
» Омской крѣпости » 1746 »	125	—	50	100	275
» 1747 »	—	115	50	50	215
» Ялотуровскомъ дистри. » 1746 »	—	33	32	35	100
Итого	255	437	404	761	1897

* Эти 166 четвертей овса выбило градомъ.

ШАГОСИ ХЛѢБА.

Въ умолотѣ.					Противъ сѣмень въ прибыл.				
ржи	ярицы	ячме- ня	овса	и того	ржи	ярицы	ячме- ня	овса	и того
—	—	96	202	297	—	—	46	136	185
—	311	139	285	735	—	211	89	235	536
—	—	57	132	190	—	—	30	89	120
—	178	117	129	424	—	78	67	79	224
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	76	117	101	305	4	49	92	49	175
—	—	—	300	300	—	—	—	200	200
581	207	214	160	1,164	457	144	164	100	873
—	—	238	362	601	—	—	188	262	451
888	528	394	342	2,154	763	413	344	292	1,814
—	93	93	143	311	—	40	61	108	211
1480	1375	1471	2160	6487	1226	937	1067	1564	4795.

Рапортъ Полковника Сухотина, отъ 6 Апрѣля, 1750 года.

Отобранныя у разныхъ обывателей подписки о неурожаѣ: Капитанъ Переводчиковъ купилъ въ кладяхъ ржи 4600 сноповъ, ярицы 2000, ячменю 2000. Въ вымолотѣ съ одного овина ржи изъ 250 сноповъ 2 четверти 3 четверика и 2 четверти 4 четверика, ярицы съ овину изъ 400 сноповъ 1 четверть $7\frac{1}{2}$ четвериковъ, ячменю изъ 400 сноповъ 1 четверть 7 четвериковъ. Это должно быть въ Устькаменгорскѣ. Поручикъ Боровиковъ въ 1749 году посѣялъ ярицы 1 четверть, изъ снятыхъ сноповъ вымолочено 1 четверть, 4 четверика; ячменю посѣяно 4 четверика, вымолочено 6 четвериковъ. Капралъ Николай Пятковъ сѣялъ въ Устькаменогорскѣ ярицу 1 четверть, снято сноповъ 325, обмолочено 2 четверти 6 четвериковъ. Ячменя сѣяно 4 четверика, снято 125 сноповъ, обмолочено 1 четверть. Солдатъ Ф. Туголуковъ сѣялъ въ Устькаменогорскѣ въ 1749 году ярицы 6 четвериковъ, явилось 2 четверти, 2 четверика; ячменю 4 четверика, по урожаю явилась 1 четверть. Солдатъ Лазарь Казанцевъ сѣялъ въ 1746 году въ Устькаменогорскѣ ячменю 2 четверти, не явилось и 4 гарнцевъ. Разночинецъ Федоръ Шленевъ сѣялъ въ Устькаменогорскѣ ярицы 1 четверть, снято сноповъ 750, вымолочено 2 четверика; ячменю сѣяло 1 четверть, снято 900 сноповъ, вымолочено 2 четверти; овса сѣяно 3 четверти 4 четверика, снято 150 сноповъ, вымолочено 16 четвертей 4 четверика, въ прибыли, слѣдовательно, 6 зеренъ. Неурожаемъ же ярицы и ячменя отъ жаровъ произошелъ. Казакъ Ник. Бѣляевъ сѣялъ ячменю 4 четверика, явилась 1 четверть. Казакъ Иванъ Зенковъ сѣялъ ячменю 4 четверика, явилась 1 четверть. Казакъ Семенъ Бражниковъ, ячменя 4 четверика, явилась 1 четверть; овса 4 четверика, явилось 7 четвериковъ. Казакъ Матвѣй Лосевъ сѣялъ ячменю 4 четверика, явилась 1 четверть. Казакъ Иванъ Рыжиковъ ярицы 4 четверика, явилось 1 четверикъ.

Отвѣты Поручика Родрикова, приставленнаго къ казенной паштѣ.

Начали снимать рожь и яровой хлѣбъ въ 1749 году, 26 Юля, и съ клажею въ скирды окончили уборку 15 Сентября.

Отвѣты Поручика Кожевникова.

Яровой хлѣбъ сѣяли съ 26 Апрѣля по 23 Мая, хлѣбъ выходилъ мѣстами и былъ блеклъ.

Промеморія Устькаменогорской Канцелярїи къ Господину Бушуеву, производящему свидѣствіе, отъ 10 Генваря, 1750 года.

Посѣянная въ 748 году рожь всходомъ была хороша. Ярица (на 86 десятинахъ) была плоха (по извѣстію отъ 14 Юля, 1749 года, отъ Редрикова) въ 3 и 5 четвертей; овесъ (12¹/₂ десятинъ) плохъ, вышиною 3 и 4 вершка. Недородъ былъ отъ бездождія: весь Май не было дождя, а въ Юнѣ въ 3 и 4 числахъ былъ небольшой, не смочившій травы.

Показаніе Прапорщика Шахтурова.

Въ Убинскомъ станцѣ посѣяно ржи съ 16 десятинъ 24 четверти, по вымолотѣ полагать можно получится 200 четвертей; ярицы посѣяно на 5³/₄ десятинахъ 10 четвертей, обмолочено 23 четверти 2 четверика и 6 гарнцевъ; овса посѣяно на 4 десятинахъ 16 четвертей, вымолочено 67 четвертей 1 четверикъ; ячменю насѣяно на 5 десятинахъ 10 четвертей, обмолочено 30 четвертей 3 четверика.

Рапортъ Желѣзинской Канцелярїи въ Лышевскую, отъ 21 Генваря, 1756 года.

Въ Желѣзинской крѣпости сѣяли ярицу ячень и овесъ съ 27 Апрѣля по 3 Юня, въ Пяторыжскомъ, Осморыжскомъ, Татарскомъ и Урлютюпскомъ съ 27 Апрѣля по 15 Мая снимали, въ Желѣзинской съ 28 Юля по 30 Сентября.

Показанія разныхъ обывателей, сѣявшихъ въ Желѣзинской крѣпости яровой хлѣбъ.

Сѣяли овесъ, ярицу и ячмень: оному хлѣбу всходѣ отъ земли и былъ, но, за неизмѣнимъ дождей, отъ великихъ жаровъ, въ вышину не поднялся и весь выгорѣлъ, а егда стали дожди перепадать, то оный только изощелъ и въ трубку не обраяся, а овесъ на брунь не вышелъ. А хотя нѣкоторые и собрались, но на колосъ не выметались, и жали съ выборомъ, но въ пищу человѣческую хлѣбъ этотъ оказаея негоденъ, и его въ снопахъ скормили лошадямъ.

Священникъ Петръ Башлыковъ сѣялъ въ Желѣзинской пшеницы 1 четверикъ, ярицы 1 четверть: оный хлѣбъ выгорѣлъ «и ни единого снопа не снято». Прикащикъ Неворотовъ тамъ же сѣялъ пшеницы 1 четверикъ, ячменю 4 четверика: не родилось.

Изъ Омской Управительской Канцелярїи, отъ 5 Февраля, 1750 года.

Казеннаго хлѣба было сѣяно: ржи на 1 десятину 1 четверть, явилось 4 четверти, 4 четверика, овса на 1 десятину 2 четверти, явилось 4 четверти.

Показанія Казаковъ, сѣявшихъ въ Омской крѣпости яровой хлѣбъ.

Было сѣяно ярицы 11 четвертей, ячменю 5 четвертей 4 четверика, овса 13 четвертей 4 четверика, явилось въ прибыли кромѣ сѣмянъ ярицы 11 четвертей, ячменя 4 четверти 5 четвериковъ, овса 12 четвертей 2 четверика; да ржи сѣяно 6 четвертей 6 четвериковъ, а въ прибыли явилось, кромѣ сѣмянъ, 3 четверти и 4 четверика.

Прошениі Сибирской Губернской Канцеляріи, отъ 28 Ноября, 1750 года.

Съ приложеніемъ экстракта о заготовленіи провіанта, 2-й пунктъ его: Киндерманъ предлагаетъ учинить закупку въ Томскомъ и Кузнецкомъ вѣдомствѣ, такъ какъ въ Красноярскомъ вѣдомствѣ былъ сильный неурожай. Сибирская Губернская Канцелярія отвѣчаетъ: «не въ одножъ томъ городѣ Красноярскѣ, но едва и не во всѣхъ мѣстахъ, какъ о томъ и Походная Канцелярія есть не безъизвѣства, противъ прочаго въ умологахъ хлѣбу, по волѣ Божіей, происходитъ съ уменьшеніемъ на десять и болѣе.»

Прошениі изъ Сибирской Губернской Канцеляріи въ Военно-походную Генерала Киндермана, 21 Января, 1745 года.

Справкой въ Сибирской Губернской Канцеляріи омазалось, что провіанта съ казенной десятинной пашни и покупнаго въ магазины хотя и заготовлено, но весьма мало, особенно въ Тарѣ и въ Верхнеиртышскихъ крѣпостяхъ. Къ тому жъ изъ Тарской Воеводской Канцеляріи представлено прошеніе города Тары и подгородныхъ поговъ, и отъ слободскихъ Старостъ Ивана Тараторина, Петра Евоштина, Грягорія Бражникова, Василья Киселева и другихъ, о томъ, что «ежели драгуны будутъ разставлены въ этихъ мѣстахъ по квартирамъ на пропитаніе, то всѣ жители придуть въ крайнее разореніе и нищету, для того что, де, у многихъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ не имѣется, къ тому же, де, въ Тарѣ и Тарскомъ подгородномъ уѣздѣ хлѣбу и травы имѣется недородъ уже на третій годъ; за неспособными во время хлѣбу и травъ ражденія погодами и нынѣшняго лѣта не малое число кошеннаго сѣна, за неспособною жъ погодою, не собрано и осталось подъ снѣгомъ, и заготовленное, де, для тѣхъ драгунскихъ и другихъ лошадей обывателями сѣно уже на кормъ все и употреблено, а на пропитаніе, де, пашеннымъ жителямъ оставлено хлѣба самое малое число, не больше, что будетъ на три мѣсяца, и изъ того, де, они довольствуютъ кормомъ разставленныхъ по ихъ квартирамъ драгунъ и ихъ лошадей, а на сѣмена и въ продажу непахотнымъ жителямъ ни чего не оставлено, и овесъ во многихъ мѣстахъ весь скормленъ, и непахотнымъ, де, жителямъ за онымъ уже нѣтъ и ѣсть не чего, и многіе, де, таковые, за немнѣ-

ніемъ въ торгу провьянта, едва питаются мирскимъ подаяніемъ, и за недостаткомъ, де, многіе жь жители рогатый чистый скотъ уже бьютъ.» Генваря 17 Генеральъ Киндерманъ съ Сибирскимъ Губернаторомъ имѣли совѣщаніе, на которое первый прислалъ Промеморію отъ 18 Генваря слѣдующаго содержания: «Въ сообщеніи Сибирской Губернской Канцеляріи (Генваря 15), о довольствіи Сибирскаго корпуса показано, что нынѣ въ сборѣ и въ покупкѣ не больше ржи и муки 14,139, и крупъ 78 четвертей имѣется. А понеже на каждый мѣсяцъ въ дачѣ надлежитъ на упоминаемый корпусъ муки 4876 четвертей 6 четвериковъ, крупъ 208 четвертей, 7 четвериковъ сѣна 112,890 пудъ, и того съ небольшимъ на три мѣсяца, а крупъ и сѣна почти въ сборѣ не имѣется, отъ чего не инаго можетъ быть недостатокъ, и какимъ случаемъ тѣмъ ускорить и спомоществовать, за недавнимъ Г. Генераль-Майора Киндермана прибытіемъ и не довольно знаніемъ здѣшняго обстоятельства, къ тому ни какого способа не находятъ, кромѣ, чтобъ во всѣхъ городахъ и селахъ обывательскій хлѣбъ и сѣно описать и, оставивъ только на сѣмена и на собственное пропитаніе, остальное взять за указную плату въ магазины, въ винокурняхъ такъ же описать запасный хлѣбъ, и вино курить на время отказать; описать хлѣбъ у хлѣбныхъ продавцевъ. Тайнаго Совѣтника Неплюева: «Чтобъ провьянтъ былъ доставленъ изъ Исецкой Провинціи, чтобъ въ Тару по 10,000 муки и овса свезти зимою, и по первой весенней водѣ сплавить въ Верхнеиртышскія крѣпости, ибо въ сообщеніи Сибирской Губернской Канцеляріи объявлено, что суда съ провьянтомъ, которые отправляются отсюда, въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцѣ, въ дальнія крѣпости, прибываютъ въ Сентябрь и Октябрь; чтобъ изъ Томска и Кузнецка хоть до 1,000 четвертей зимнимъ путемъ было доставлено въ Семипалатинскъ и Усть-Каме-ногорскую крѣпость; наконецъ въ Тобольскѣ вновь заготовить до 50,000 четвертей.» 16 Генваря Исецкая Провинціальная Канцелярія сообщила, что въ остаткѣ въ ея Провинціи имѣются ржи съ мукою 21,158 четвертей 7 четвериковъ 5 гарнцевъ, овса съ крупю 24,264 четверти 2 четверика 5 гарнцевъ. И Сибирская Губернская Канцелярія, ради того, учинила слѣдующее: 1. Имѣющійся въ городѣ Тобольскѣ продажный у партикулярныхъ людей всякій хлѣбъ въ амбарахъ и въ лавкахъ велѣно переписать въ самой скорости отъ Тобольской полиціи Полиціеместеру Ивану Новоселову и съ нимъ опредѣленному къ полиціи Унтеръ-Офицеру, коликое число онаго

порознь четвертей, или пудъ, имѣется, и у кого именно, а сверхъ того у тѣхъ хозяевъ взять., подь смертною казнью, подписки, въ какую цѣну оный хлѣбъ нынѣ въ продажу они употребляютъ. 2. На винокуренныхъ каштакахъ, кои имѣются въ Тобольской Ратушѣ и у подрядчиковъ и у откупщиковъ, а именно: вѣдомства Тобольской Ратуши на Сузгунскомъ, на Кундумскомъ, и того на двухъ, при рѣчкѣ Аремшанской, у Тобольскаго купца Михаила Корнильева, при той же рѣчкѣ у Архіерейскаго Сына Боярскаго Ивана Заровнятнаго, и того на 4-хъ каштакахъ, рожь, муку ржаную и овесъ, велѣть весь, что есть, переписать и запечатать до Указа, и вино курить запретить, и у прикащиковъ или цѣловальниковъ, кому тѣ каштаки отъ Ратуши приказаны, также, призвавъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію Тобольской Ратуши Судей и Старостъ, а у Корнильева и у Заровнятнаго, у самихъ взять сказки, подь смертною казнью, коликое число у нихъ нынѣ при тѣхъ заводахъ имѣется и какова порознь хлѣба, и изъ онаго вино курить до Указа имѣть по тому жъ запретить. И для той описи на объявленные каштаки посланъ Секундъ-Маіоръ Яковъ Томиловъ, и съ нимъ Писарь, и дана ему секретная инструкція, дабы оной описи нынѣ познать никто не могъ, и того хлѣба расхоронить, и что по описи его, Томилова, всего онаго хлѣба явится, о томъ подать ему вѣдомость въ самой крайней скорости. 3. Въ подгородной дистриктѣ, къ Управителю Молокову, посланъ Ея Императорскаго Величества Указъ: велѣно ему въ томъ подгородномъ дистриктѣ всякій хлѣбъ и сѣно у обывателей переписать, коликое число и у кого именно и какого хлѣба имѣется, такъ же и сѣна, и изъ того числа оставить тѣмъ обывателямъ, что имъ потребно, для ихъ пропитанія и на сѣмена и сѣна скоту, а достальной за тѣмъ весь запечатать и въ расходъ никуда употреблять отнюдь не велѣть, подь смертною казнью, и проч. 4. Въ Ишимской дистриктѣ, въ Тару, въ Томскъ и въ Кузнецкъ посланъ нарочный Дворянинъ Иванъ Замощиковъ, и дана ему секретная инструкція, по которой велѣно ему въ оныя мѣста ѣхать въ самой крайней скорости, не объявляя онаго ни кому, за чѣмъ онъ изъ Тобольска посланъ, и прибывъ первѣе въ Ишимской дистриктъ, на каштакъ Петра Подольскаго, въ Тарѣ у откупщиковъ Тобольскаго купца Федора Кирилова съ товарищамъ, въ Томскѣ при рѣчкѣ Ушайкѣ, который имѣется по отдачѣ кабацкихъ сборовъ на Томской Ратушѣ, въ Кузнецкѣ, которой близъ города и содержится на Ра-

тушѣ жь, противъ вышеписаннаго, переписать весь хлѣбъ и переночатать своею печатью, и вина на оныхъ каштакахъ до Указа курить не велѣть. 5. Въ Краснослободскій дистриктъ и въ Верхотурье посланъ нарочный же Дворянинъ Алексѣй Вакулинъ, и дана ему, противъ вышеписаннаго, секретная инструкція, и велѣно ему Краснослободскаго дистрикта въ чертежу Уецкой слободы, при рѣчкѣ Таллицѣ, бывшаго Тюменскаго купца Григорья Перезаова, на поваритѣ, да въ Верхотурьѣ содержащійся на Ратушѣ, да посадскаго Максима Походяшина, каштаковъ, противъ вышеписаннаго, хлѣбъ переписать и опечатать своей печатью, и вино до Указа курить не велѣть. 6. Для довольствія слѣдующихъ въ Сибирь драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ и Яндкихъ Казаковъ, велѣно перевести изъ Краснослободскаго дистрикта въ Тару по зимнему пути овса 10,000 четвертей, муки ржаной 10,000, да крупъ овсяныхъ, или яшпыхъ, 630 четвертей, на крестьянскихъ подводахъ, которыя собрать въ Краснослободскѣ 970, въ Тюмени 747, въ Туринскѣ 510, въ Ялотуровскѣ 1,316, и того 3,543, и отправить его черезъ Тюмень и Ялотуровскъ до Коркиной слободы Ишимскаго дистрикта, накладывать на подводу муки ржаной по 3 четверти, крупъ по тому жь, овса по 5 четвертей. А для свозу отъ Коркиной слободы нарядитъ изъ Тобольскаго подгороднаго дистрикта 1,170 подводъ, въ Ишимскомъ дистриктѣ 1,062, въ Тарѣ 1,311, всего 9,540, за возку же будетъ выдана плата впередъ по плакату. 7. По тѣмъ же посланнымъ Указомъ велѣно во всехъ оныхъ городахъ и дистриктахъ велѣть у обывателей хлѣбъ переписать и сѣна противъ вышеписаннаго жь оставя тѣмъ обывателямъ, что имъ потребно, безъ излишества, для ихъ пропитанія и на сѣмена, а сѣна скоту, а достальной за тѣмъ весь запечатать, и что онаго въ которомъ вѣдомствѣ по описи явится, о томъ изъ тѣхъ мѣстъ прислать сюда вѣдомость. 8. Для драгунскихъ лошадей перевезть на крестьянскихъ подводахъ сѣна въ Тару изъ Ишимскаго и Ялотуровскаго вѣдомствъ и ноставленнаго по форпостамъ Сибирскаго и новоучрежденнаго полковъ драгунами до 100,000 пудъ, и власть на подводу не болѣе 20 пудъ на лошадь. 9. Разосланнымъ Дворянамъ, для описанія хлѣба и собранія подводъ, сдѣлано наставленіе, дабы они обывателямъ ни какихъ обидъ не чинили и взяткамъ не касались подь смертною казнію. 10. Просить Генерала Киндермана объ отряженія конвоя изъ драгунскаго полка, расположеннаго въ Краснослободскомъ Уѣздѣ, за провіантомъ до Тары. 11. Понеме къ свозу

вышеписаннаго провіанта и фуража нарядить опредѣляется съ подводами изъ крестьянъ и разночинцевъ изъ Ялотуровска 1,316, изъ Ишимска 1,062 человекъ; а въ тѣхъ дистриктахъ изъ крестьянъ и разночинцевъ имѣется выписныхъ Казаковъ, а именно въ Ялотуровскѣ 800, въ Ишимскѣ 660 человекъ, которые всѣ нынѣ, по Тобольскимъ и Ишимскимъ форпостамъ, въ предосторожность отъ непріятельскихъ людей, въ командѣ Премьеръ-Маіора Пекарскаго состоятъ; и какъ подъ свозъ вышеписаннаго провіанта и фуража въ тѣхъ вѣдомствахъ подводами исправится въ скорости Сибирская Губернская Канцелярія не уповаетъ, того ради отъ оной Военно-походной Канцеляріи требуется, дабы она благоволила вышереченныхъ имѣющихся изъ крестьянъ Казаковъ изъ Тобольскихъ и Ишимскихъ форпостовъ отпустить въ дома, дабы къ свозу онога, объявленное войско, провіанта и фуража, могли оные крестьяне быть въ исправности, а вмѣсто ихъ крестьянъ по тѣмъ Тобольскимъ и Ишимскимъ форпостамъ расположить изъ прибывшей изъ Оренбурга Яцкой тысячной команды, кои нынѣ имѣются въ расположеніи въ Ялотуровскомъ дистриктѣ. 12. Напольные два полка расположить на винтеръ-квартиры: Ширванскій въ Тобольскѣ, Нашебургскій въ Тобольскомъ подгородномъ дистриктѣ. 13. Сибирской Губерніи, какъ Тобольскимъ, такъ и городовымъ Дворянамъ и ружникамъ, кромѣ рядовыхъ Казаковъ, во всѣхъ городахъ до Указу и до будущаго опредѣленія провіанта, дачи не производить, ибо онаго потребно на прибывшіе, тако жъ и слѣдующіе въ Сибирь, драгунскіе и пѣхотные полки и Яцкихъ Казаковъ, и на прочее нерегулярное войско, не малое число, понеже имѣла о томъ Сибирская Губернская Канцелярія разсужденіе, что тѣмъ Дворянамъ и Дѣтямъ Боярскимъ и безъ выдачи хлѣбнаго жалованья не на долгое время пробыть можно, ибо они не такъ, какъ Казаки, хотя и посылаются въ осторожность отъ непріятельскихъ людей, токмо самое малое число, понеже ихъ имѣется малолюдно. 14. Въ Томскую и Кузнецкую Воеводскую Канцелярію предписано: отправить заготовленный тамъ провьянтъ, оставивъ только на сѣмена, остальной въ Семипалатинскую и Устькаменогорскую крѣпости. 15. Требовать остаточный въ Исецкой Провинціи провьянтъ, и остаточный провьянтъ отправить на подводахъ по зимнему пути въ Тобольскѣ. 16. Починить магазины и построить новые въ Тарѣ и Верххиртышскихъ крѣпостяхъ. 17. Купить по Тобольскимъ Уздамъ провіанта, что поручено Дворянину Александрову, съ выдачею ему денегъ 1,000 руб.

Рапортъ Капитана Быкова изъ Омска, отъ 28 Мая, 1748 года.

Въ Омской посѣяно ячменя 50 четвертей, овса 100 четвертей, земли занято $58\frac{1}{4}$ десятинъ, за каждую по здѣшнему обыкновенью ячменя по 2, овса по 3 четверти на десятину.

Рапортъ Капитана Сергѣева, отъ 29 Мая.

Въ Желѣзинской овса 90 четвертей на 29 десятинахъ; въ Осьморыжскомъ форпостѣ 10 четвертей овса на 2 десятинахъ.

Рапортъ Прапорщика Плишкина, отъ 20 Мая.

Въ Семіарскомъ станцѣ посѣяно 15 четвертей овса на $\frac{1}{2}$ десятины, и потомъ рапортомъ, отъ 25 Мая, увѣдомилъ, что пашню затопило вешнею водой, однако жъ по убыли посѣяно еще ячменю 2 четверти, 4 четверика на одной десятинѣ.

Рапортъ Капитана Бѣлевцева, отъ 26 Мая.

У Горькаго озера, смежнаго съ верхнею изголовью Ямышевского соленого озера, въ 9 верстахъ отъ крѣпости, посѣяно на 22 десятинахъ (по 50 сажень длиннику и поперечнику) по 6 четвертей, 5 четвериковъ, по многу отъ того, что овесъ изъ Тары привезенный заключалъ много торицы и рыжику.

Рапортъ Капрала Леонтьева, отъ 28 Мая.

При Кривомъ станцѣ 5 четвертей овса на $1\frac{1}{4}$ десятинъ.

Репортъ Поручика Вѣлюсова.

При Лебяжемъ станцѣ овса 1 четверть на 22 сажени длиннику и 15 сажень поперечнику. При Чернявскомъ овса 5 четвертей, 5 четвериковъ, на 20 сажень длиннику, 90 поперечнику. При Подпускномъ овса 5 четвертей на 33 длиннику и 67 поперечнику.

Указъ изъ Военной Коллегіи, отъ 31 Августа, 1750 года.

Въ 1748 и 1749 годахъ, по недороду хлѣба, въ Томскѣ хлѣбъ продается по 20 и 30 копѣекъ за пудъ, а къ Колывано-Воскресенскому и Барнаульскому заводамъ приписано отъ Кузнецкаго Уѣзда 9000 душъ, а по тому для команды провьянтъ достать трудно: Киндерманъ нашелъ выгоднымъ покупать хлѣбъ въ Красноярскѣ, гдѣ въ 1748 и 1749 г. рожь и мука по 40 и 50 копѣекъ четверть обходилась, и въ прошломъ году нѣсколько тысячъ, и нынѣ болѣе 6000 четвертей, по той цѣнѣ тамъ куплено, и отъ Ачинскаго острога, по рѣкѣ Чулыму до устья Оби, безъ дальняго убытка на плотахъ препроводится, а оттуда на дощанникахъ въ Барнаулъ и Колывань. Кромѣ того было посѣяно, для пробы въ Верхнеиртышскихъ крѣпостяхъ, на Кузнецкой и Колыванской Линіяхъ, и кромѣ сѣмянъ, прибыли получено ржи и ярицы 7645 четвертей, а нынѣ хотя въ Желѣзинской и Устькаменогорской крѣпостяхъ ярица не родилась, по вымолотѣ явилось ржи 1988 четвертей, ярицы 1812 четвертей, ячменю 1255 четвертей, овса 2417 четвертей, и того 7170 четвертей; такъ же для пробы и въ Тарской, Ишимской и Тобольныхъ Линіяхъ посѣяно было, и гдѣ по 5, по 7, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по 10 зеренъ противъ посѣву прибыли. По этому опредѣлено: дать въ Верхнеиртышскихъ крѣпостяхъ четыремъ стамъ Казакамъ каждому по парѣ быковъ, не смотря на ихъ собственныхъ лошадей; да въ Колыванской Линіи велѣно 200 человекамъ каждому по 3 десятины ярицы и 3 десятины ржи сплать, посѣять, и тако въ обоихъ мѣстахъ 3600 десятинь, а въ Тарскихъ, Ишимскихъ и Тобольныхъ велѣно противъ прошлаго года посѣять вдвое. Какъ этѣ распоряженія Генерала Киндермана найдены выгодными для казны, что ими избѣгается отдаленная перевозка провьянта, потребность судовъ, а особенно безъ затрудненія при покупкѣ снастей, которыя добыва-

лись изъ Казани, изъ Нижняго, Вятки и изъ Тобольска, то приказывается Киндерману стараться о распространеніи этого хлѣбопашества.

Рапортъ въ главную Провіантскую Канцелярію.

Будучи въ 1745 году въ Устькаменогорскѣ, Киндерманъ видѣлъ что нѣкоторые Офицеры посѣяли нѣсколько хлѣба, изъ котораго по урожаю по вымолотѣ явилось зеренъ по 11 и по 12. Это и было поводомъ къ ходатайству Киндермана предъ Правительствующимъ Сенатомъ къ заведенію пашни. Въ 748 году посѣяно яроваго хлѣба: ярицы 468 четвертей, ячменю 289, овса 379; въ умолотѣ явилось: ярицы 1408, ячменю 888, овса 1071, да посѣвной 1747 года ржи 484. Въ 748 г. посѣяно ржи 393 четверти. Въ этомъ году и здѣсь во многихъ мѣстахъ, за жарамъ и за морозамъ, хлѣбу былъ недородъ, а въ другихъ мѣстахъ и едва сѣмена возвратились.

Рапортъ въ Государственную Коллегію, отъ 3 Мая, 1750 года.

Въ прошломъ 749 году въ умолотѣ было ржи 1988 четвертей, ярицы 1812 четв., ячменю 1255 четв., овса 2117, а того 7174 четверти.

Въ Высочайшій Е. И. В. Кабинетъ, отъ 30 Мая, 1750 года.

Въ 749 году въ Колыванской Линіи было посѣяно ярицы 48 четвертей, ячменю 306, овса 140.

Рапортъ въ Правительствующій Сенатъ, отъ 30 Мая, 750 года.

По рапортамъ Командирамъ явилось, что изъ прошлогодняго 749 г. посѣва въ умолотѣ вышло 7174 четверти.

Справка въ Омской Управительской Канцеляріи, 17 Февраля, 1762 года.

Въ силу Указовъ изъ Тарской Воеводской Кацеляріи, Омскіе крестьяне и разночинцы были положены, по распоряженію Сибирскаго Губернатора Соймонова, на казенную пашню отъ 18 до 50 лѣтъ каждому работнику пахать ржи по десятинѣ, овса по тому жъ имѣ же своими семьями и съ полъ собирать, а нынѣ, по мнѣнію его же, Соймонова, вмѣсто десяти пашни, по примѣру Исецкой Провинціи, положены они на оброчномъ провьянѣ, который и сбирается съ каждой души въ годъ ржи по 6 четвериковъ, овса также, пенька чистаго по 2 фунта.

Изъ деревни Убинской вновь выселившіеся крестьяне причинили недостатокъ земли, нѣкоторые пожелали основать при усть Выдринѣ новую деревню 16 семей 38 душъ.

Крестьяне, поселившіеся съ 1760 года между Талицкимъ и Озернымъ станцами, на р. Березовкѣ, съ 1761 г. на распаханной землѣ сѣяли яровой хлѣбъ, и точію земля оказалась не черноземля, но песчаная, а хотя и есть земли черноземной десятинъ до 5, и то не болѣе, да песчанаго фундамента будетъ глубиною вершка на 3; а ежели, де, случится на оной пахать довольное время, то въ урожаѣ хлѣба быть довольному числу не уповательно. Весь хлѣбъ, посѣянный ими на песчаной почвѣ, «взялся выдулкой,» а на черноземной почвѣ они не сѣяли еще много по неотзаводству.

Въ 1761 году посѣяно было: засѣяно земли 9 десятинъ, засѣяно ярицы 3 четверти 4 четверика, пшеницы 1 четверть 2 четверика, ячменю 2 четверти, гороху 7 четвериковъ. Сѣяли на десятину ярицы 1 четверть, на $\frac{1}{4}$ десятины гороху 2 четверти, на десятину ржи 1 четверть, пшеницы 1 четверть, ячменю 1 четверть.

Рапортъ Ямышевской Канцеляріи, отъ 17 Сентября, 1759 года.

Устькаменогорская Канцелярія въ Ямышевскую Канцелярію представила, что 27 Августа опредѣленный въ Уваровскомъ станцѣ при казенномъ хлѣбопашествѣ Вахмистръ Жилияковъ, въ рапортѣ написалъ, что и «при томъ станцѣ съ 1750 года съ первыхъ лѣтъ въ подъемѣ новой земли въ урожаѣ хлѣбъ былъ съ прибылью, а нынѣ, де, за выпашкою земель, уже по другой годъ насѣвный хлѣбъ не съ большою прибылью въ урожаѣ происходитъ, и на томъ лугу, гдѣ хлѣбопашество производится, за выпашкою земли, стала родится трава осотъ и лебеда, и хлѣбъ въ урожаѣ задавливаетъ, и оную траву выпхать и выполоть не возможно; а на томъ лугу подъ подъемомъ залогу угодныхъ земель къ дополненію не довольно, а что было съ выборомъ угодныхъ мѣстъ, сего лѣта 110 десятинъ подъ посѣвъ ржи выпашано и рожь посѣяна, однако жъ залогу десятинъ до 30 сыщется, а болѣе уже той земли сыскать не надежно. А что же, де, въ силѣ предложеніевъ и диспозиціи покойнаго Генералъ-Майора Киндермана повелѣно ветхія земли назмить, и то, де, исполненіе чинено быть имѣеть, егда время допустить, но однако жъ, де, ту траву осотъ и лебеду по луговому мѣсту не вывезть, ибо, де, та трава осотъ на старой пашотѣ довольно родится, къ тому же луговія земли къ урожаю хлѣба не такъ вѣчны противъ матери. и не болѣе, де, какъ три хлѣба въ урожаѣ добрыхъ снимается, и за того, де, съ выпашкою земель въ Уваровскомъ станцѣ, не повелѣно ль будетъ учредить пашню на рѣчкѣ Глубокой, гдѣ земли, годной къ хлѣбопашеству, имѣется довольно?»

Доношеніе Старосты Убинской деревни Иванова, 1760 г.

Проситъ дозволить оставаться на ночь на пашняхъ и держать стреноженныхъ лошадей на волѣ, а не пригонять въ общей пригонѣ, гдѣ они оставались цѣлое утро, пока разъѣздъ не осмотритъ окрестности, отъ чего лошади исхудали. Крестьяне деревни Убинской съ 18 до 50 лѣтъ обязаны были каждое лѣто посѣять на продажу въ казну, кромѣ своего домашняго продовольствія, и сѣмянъ ржаного и яроваго хлѣба по 2 десятины, а во время неурожая съ каждого человѣка по 6 четвертей.

Письмо Ялоторовскаго Управителя Вокна Киндерману.

При немъ прилагается: Экстрактъ, по силѣ Его Превосходительства, Генералъ-Майора фонъ Киндермана, сочиненный въ Канцеляріи Ялоторовскаго дистрикта, изъ допросовъ онаго дистрикта обывателей, которые хаживали въ степь за промыслами. Въ допросахъ секретно порознь показали: Ялоторовскаго острогу разночинецъ Мартынъ Коклягинъ: «Въ прошлыхъ, де, годахъ, а въ которомъ, за незнаніемъ грамотѣ, не помнитъ, токмо, де, тому нынѣ года съ два, ходилъ, де, онъ Коклягинъ, въ степь, для хмѣлевыхъ и звѣриныхъ промысловъ, отъ Ялоторовскаго острогу раза съ четыре до Ишима рѣки, прямо степью, не захватывая ни какого жила называемаго, до середняго хмѣлевья, разстояніемъ, на примѣръ, верстѣ съ двѣсти, а та, де, дорога лежитъ отъ Ялоторовска на полдень, чрезъ озеро горькое Травыкуль, и по онои, де, дорогѣ имѣется лѣсъ дубровой и чащи березовыя колками, токмо, де, яланныя мѣста съ перелѣсками небольшіе, на примѣръ, разстояніемъ отъ пяти до десяти верстѣ и болѣе, а тою, де, дорогою телѣгами и съ возами можно ити безъ всякой нужды, понеже, де, дорога большая и гладкая, и по той же, де, дорогѣ имѣются болотныя мѣста и небольшія озера, между ими разстояніе, на примѣръ, отъ десяти и до двадцати верстѣ и мѣнѣе. А какъ, де, оныя озера и болоты называются, не знаетъ; токмо, де, оная вода въ пищу годная и травъ по той дорогѣ бываетъ довольное число, а до Ямышева, де, дороги онъ не знаетъ, понеже, де, далѣе того мѣста не былъ. А въ товарищахъ, де, съ нимъ, Коклягинымъ, бывали Ялоторовскаго острогу Федоръ Каргаполь, Прокопій Мордихинъ.» Прокопій Мордихинъ, Федоръ Каргаполь порознь сказали тѣ жь рѣки, что и вышеозначенный Коклягинъ въ допросѣ своемъ показалъ, а болѣе не знаютъ ни чего, и до Ямышевской крѣпости дороги не знаютъ, и ни отъ кого о той дорогѣ не слыхали.

Пуховой слободы, та же и Устьщерская, крестьянинъ Андрей Звѣревъ сказалъ: «Въ прошлыхъ, де, годахъ, тому нынѣ лѣтъ съ десять, ходилъ онъ для звѣринаго промысла, въ степь Ялоторовскаго дистрикта, съ Емуртлинской слободы, чрезъ озеро Медвѣжье, на Ишимъ рѣку и на Хамышлово озеро, не захватывая жилья прямо; до Итыкъ камня, на примѣръ, ѣзду будетъ отъ Емуртлинской слободы верховыми лошадьми дней двѣнадцать, а телѣгами четырнадцать, а та, де,

дорога лежить на полдень, и по оной дорогѣ имѣются боры и камень, токмо, де, дорога хорошая и пространная и телѣгами и съ возами пройти можно безъ всякія нужды, а большихъ, де, рѣкъ, кромѣ Ишиму, не имѣется, и по той же, де, рѣкъ имѣются прѣсныя озера и болота, а по тѣмъ, де, озерамъ и болотамъ вода добрая и въ пищу годная, и травъ по той дорогѣ бываетъ довольно число, а между озеръ имѣется малое разстояніе, и дальныя версты между собою имѣютъ какъ по три, по четыре версты, а какъ, де, оныя озера и болота званіями, не знаетъ. И отъ того, де, Итыкъ камня до Ямышевской крѣпости дороги не знаетъ, понеже, де, онъ далѣе того Итыкъ камня не бывалъ; токмо, де, онъ, Звѣревъ, слыхалъ на промыслахъ Тюменскаго Уѣзда Сангульскихъ юртъ отъ Татарина Елчика, что, де, отъ означеннаго камня Итыка до Ямышевской крѣпости переѣзду только дней на пять, и мѣста, де, добрыя, и воды и травы довольно, но оный, де, Татаринъ Елчикъ умеръ, а имѣется, де, въ тѣхъ же юртахъ товарищъ его Киргизъ, который съ нимъ, Елчикомъ, на промыслы ѣзживалъ, а до Ямышевской, де, крѣпости онъ, Киргизъ, бывалъ ли, не знаетъ.»

Сангульскихъ юртъ Татаринъ Иманъ Малатовъ, онъ же и Киргизъ, сказалъ: «Въ прошлыхъ, де, годахъ, тому нынѣ будетъ четвертый годъ, въ лѣтнее время ходилъ онъ, Иманъ, въ степь, для хлѣбныхъ промысловъ, до Ишиму рѣки, прямо степью, не захватывая ни какого жила, на примѣръ, будетъ отъ Ялотуровскаго острогу въ триста версты степною дорогою; а та, де, дорога лежитъ на полдень черезъ озеро, а какъ его зовутъ, не знаетъ; а по оной, де, дорогѣ имѣется лѣсъ дубровый и чащи березовыя колками, а той, де, дорогою телѣгами съ возами можно ити безъ всякой нужды; и до Итыка, де, камня въ степи съ Татариномъ Елчикомъ и ни съ кѣмъ никогда не бывалъ; до Ямышевской, де, крѣпости онъ, Иманъ, дороги не знаетъ, и ни отъ кого о ней никогда не слыхалъ. А имѣется, де, кромѣ его, Имана, въ тѣхъ же Сангулинскихъ юртахъ Татара прозваніями Киргизы, чегырѣ челоуѣка, а именами: Итымкулъ Киргизовъ, Тешка Киргизовъ, Ермедь Киргизовъ, Алтышь Киргизовъ, токмо, де, въ степь оныя Татары хаживали лѣ, не знаетъ.» Для допросу оныхъ Татаръ Киргизовъ, по волѣ Его Превосходительства, Генерала Киндермана, секретныя о присылкѣ тѣхъ допросовъ, или точныхъ копій, въ Тюменскую Воеводскую Канцелярію посланы изъ

Канцелярии Ялоторовскаго дистрикта секретныя Промеморіи, понеже оныя юрты вѣдомы въ Тюменскую Канцелярію, а не въ Ялоторовскомъ дистриктѣ.

Пуховой слободы крестьянинъ Михайла Устюжанинъ, онъ же Показный, сказалъ: «Въ прошлыхъ, де, годахъ, тому нынѣ лѣтъ 13-ть, въ зимнее время ѣздилъ онъ, для рыбной ловли, въ степь Ялоторовскаго дистрикта, изъ Суерской слободы, на озеро Курейное, не захватывая ни какого жилья, черезъ дорогу Ишимскую, до котораго озера отъ той Суерской слободы, на примѣръ, ѣзды будетъ дни три, которое, де, озеро имѣется на полдень, а по оной дорогѣ имѣется лѣсъ дубровый и чащи березовыя колками, токмо, де, сланныя мѣста перелѣсками: небольшія, и тою дорогою телѣгами и съ возами можно ити безъ всякой нужды, понеже дорога большая и гладкая, и по той же дорогѣ имѣются болотныя мѣста и небольшія озерки, а какъ оныя болота и озера называютъ, не знаетъ, токмо, де, оная вода добрая и въ пищу годная, и травъ въ тѣхъ мѣстахъ родится довольное число; до Ямышевской, де, крѣпости дороги онъ, Устюжанинъ, не знаетъ, понеже онъ далѣе того въ степь ни для чего не ѣзживалъ, и о той къ Ямышеву дорогѣ ни отъ кого не слышалъ.»

Ивановской слободы крестьянинъ Иванъ Галашевъ, да той же слободы отставной Прапорщикъ Евдокимъ Боботаевъ, бывали въ степи, по разнымъ случаямъ и показали точно то же, что и предыдущіе.

Репортъ Бригадира фонтъ Фрауендорфа Генералу фонтъ Веймарну,
28 Іюля, 1761 года.

Всѣ обыватели Убинской деревни просили фонтъ Фрауендорфа, чтобъ перевести въ ихъ, или Глубокую, деревню изъ деревни Талицкой крестьянъ Ляпуновыхъ, за тѣмъ, что «они, Ляпуновы, имѣютъ за собою кузнечное искусство; и что какъ въ Убинской, такъ и въ новой Глубокой и Прапорщиковой ни одного изъ крестьянъ, знающихъ кузнечнаго искусства, не имѣется, и для, де, исправленія къ ихъ надобности: сошниковъ, топоровъ, косъ сѣнокосныхъ и проч., ѣздить принуждены, по неблизкому разстоянію, въ крѣпость Устькаменогорскую.»

Промеморія Сибірской Губернскай Канцеляріі, отъ 22 Генваря,
1748 года.

Въ вѣрнныхъ Генералу Киндерману 3-хъ армейскихъ драгунскихъ, въ 2-хъ пѣхотныхъ и въ 2-хъ гарнизонныхъ драгунскихъ, полкахъ, въ прошломъ году 1774 лошади, въ замѣну которыхъ слѣдуетъ купить новыхъ; но купить ихъ не изъ чего, и по справкѣ оказалось въ Тобольской Рентерѣ десятиннаго сбора разные товары, а именно: присланнаго изъ Иркутска въ 1746 и 747 года чаю кирпичнаго 8,314 кирпичей, на сумму 2,747 рублей 60 коп., и юфтовыхъ кожъ 1,794 на 3,215 р., 53 к., да денегъ 1,252 р. 25 к., всего 7,215 р. 8 к.; товары эти должны продаться съ аукціона, но, не смотря на публикацію, никто не явился для покупки; вещи же эти идутъ на промѣнъ Зюнгорскимъ купцамъ; а такъ какъ нѣнѣ въ Ямышевѣ пришелъ караванъ, то предлагаетъ вымѣнять у нихъ нѣкоторое число лошадей, для чего и товары отвезти въ Ямышевъ и Семипалатинскъ, остальное же количество можно купить у Киргизъ, которые обѣщались привести лошадей.

Абацкой слободы крестьяне, положенные въ подушномъ семигривенномъ окладѣ и оброчномъ провьянтѣ 6 ч. ржи, 6 ч овса, 2 фунт. пенька, 13 д. обоего пола.

Б Ъ Г Л Ы Е.

Рапортъ Воеводы Мировича, отъ 9 Декабря, 1746 года.

Во время осмотра своего Кузнецкихъ форпостовъ, ему удалось поймать, посредствомъ посланныхъ выписныхъ Казаковъ, вора Афанасія Селезнева, «который кралъ у Бухарцевъ товары

Рапортъ Полковника Павлуцкаго, отъ 9 Февраля, 1747 года.

Въ слѣдствіе Ордера Киндермана, предложено имъ Поручику Волкову сыскать воровъ, напавшихъ на караванъ въ 70 верстахъ отъ Космалы къ Томску, и захватившихъ нѣсколько лошадей, на 290 рублей, и деньгами удовлетворить Бухарца Ахметя. Волковъ донесъ ему, что «деньги взысканы съ приличившихся воровъ и переданы Бухарцу, приличились же: Бѣлоярской Слободы крестьянинъ Семенъ Шибнихъ, деревни Боровлянской Афанасій Ключихинъ, бѣглые крестьяне Афанасій Селезневъ, рекрутъ Иванъ Урѣпинъ, всего же 17 человекъ,» которые и отправлены въ Кузнецкъ, кромѣ Селезнева съ товарищи, котораго найти не могли.

Рапортъ Подполковника де-Граве, изъ Війска, отъ 27 Генваря, 1747 г.

Крестьянинъ Шибнихъ показалъ, что: «когда онъ съ товарищами ѣхалъ съ озера съ солью, то встрѣтили Ахметя, и, ночевавъ вмѣстѣ, запримѣтили у нихъ лошадей; на другой день Бухарцы уѣхали, а они, поравнявшись съ Селезевымъ озеромъ, телѣгу оставили съ однимъ человекомъ на дорогѣ, а сами поѣхали къ озеру Селезеву, гдѣ живутъ воры Селезневъ и Ягодкинъ, взять рыбы. На острову у нихъ паслось 15 краденыхъ лошадей. Селезневъ распро-

силъ ихъ, много ли проѣхало, можно ли догнать и какихъ мастей драгунскія лошади, а потомъ они встрѣтили Селезнева на дорогѣ, уже ведущаго лошадей.»

Рапортъ Полковника Сухарева, отъ 11 Апрѣля, 1750 г.

Подпоручикъ Поповъ, бывшій Командиромъ Семіярскаго станца, выпустилъ явнаго и публикованнаго вора, Афанасія Селезнева. Производилось сѣдѣствіе.

Рапортъ Павлуцкаго, отъ 13 Марта, 1748 г.

Съ приложеніемъ показанія мужика Федора Устюжанина, пойманнаго шатающимся около Красноярскаго станца. Показанія отъ него отобраны 26 Апрѣля, 1748 г.: «Житель онъ города Тары, деревни Усть-Тени, приходу Знаменскаго погосту; отъ роду ему 28 лѣтъ, Казачій сынъ, и прошлаго 1735 г., по просьбѣ его, изъ Тарской Воеводской Канцеляріи по пашпорту отпущенъ Воеводою Алексѣемъ Антоновичемъ Меникинымъ вверхъ по Иртышу, для свиданія къ отцу его родному, Афанасію Устюжанину, на срокъ на три года, за порукѣми въ платежъ по немъ подушныхъ денегъ изъ Тарскихъ посадскихъ Григорія Мясникова. А отецъ его уже въ тѣ года былъ отъ службы уволенъ, и прибылъ выше Семипалатной, не доходя Усть-Каменогорской крѣпости на розсыни, гдѣ нынѣ построены у тѣхъ розсыпей Уваровскій станицъ; въ томъ мѣстѣ отецъ его, Афанасій Устюжанинъ, промышлялъ въ казну живыхъ мораловъ, гдѣ и онъ, съ отцемъ своимъ, на тѣхъ розсыпяхъ жилъ два года. И будучи на томъ промыслу раскладенъ былъ огонь для варенія каши, подлѣ стана, а ихъ съ отцомъ, за отлучкою на промыселъ, на стану не было, и отъ вѣтру тотъ огонь раздуло, трава загорѣлась, отъ чего станъ ихъ со шкарпомъ сгорѣлъ, въ томъ числѣ и данный изъ Тарской Воеводской Канцеляріи пашпортъ сгорѣлъ же; послѣ того срубили избушку. А 1737 г. съ того же стану ходилъ онъ, Федоръ Устюжанинъ, для ловли въ казну живыхъ мораловъ за рѣку Иртышъ, подлѣ Камень, въ урочище, называемое Монастыри, съ товарищи, съ Тарскимъ раз-

ночинцемъ Иваномъ Потанинымъ, да крестьянами, пришедшими съ Обя рѣки, Яковомъ Бѣлокрыловымъ, Карпомъ Шипуновымъ, изъ которыхъ въ то время, по нападенію Казачей Орды, побиты до смерти помянутые крестьяне, Бѣлокрыловъ и Шипуновъ, а Тарской разночинецъ Иванъ Потанинъ взятъ былъ тогда въ полонъ, который въ девятый день отъ той Казачьей Орды вышелъ обратно къ отцу его, Устюжанину, который нынѣ жительство имѣетъ въ городѣ Тарѣ. Тако жъ и онъ, Федоръ, въ то число отъ тѣхъ непріятелей былъ заколотъ и брошенъ замертво, и казалось, что уже и ему, какъ и показанные крестьяне, живу не быть, понеже и ему, Федору Устюжанину, было отъ нихъ кожныхъ ранъ 6, стрѣльныхъ 3, и съ того мѣста шелъ онъ до крѣпости Усть-Каменногорской 8 дней, котораго мѣста разстояніемъ веротъ будетъ, на примѣръ, съ 50, а отецъ его тогда оставался въ помянутыхъ розсыняхъ на стану, въ избушкѣ, и какъ онъ вылѣчился и выздоровѣлъ, тогда уже пошли купно съ отцомъ своимъ въ Колывановоскресенскіе заводы, своевольно, для зарабатыванья подушныхъ денегъ, и работалъ оный Федоръ Устюжанинъ въ томъ заводѣ 5 лѣтъ, и ежегодно изъ того, Колывановоскресенскаго завода, изъ работныхъ денегъ ихъ, по 1 р. 40 к. послано было въ Тарскую Воеводскую Канцелярію съ иноземцемъ Филипомъ Христофоровымъ и Тарскимъ Пятидесятникомъ, Иваномъ Винокуровымъ, а съ прочими, съ кѣмъ деньги отсланы были, или нѣтъ, того сказать подлинно не знаетъ. А 742 г. въ томъ заводѣ онъ работать пересталъ, и съѣхали купно съ отцемъ его на Чарышъ, въ деревню Качюсову, для поселенія и пахотбы хлѣба, въ которой деревнѣ по нынѣшней ревизіи написанъ онъ, Федоръ Устюжанинъ, въ подушной окладъ, а отецъ, за старостію и утекшими годами, коему 105 лѣтъ, * въ подушной окладъ не положенъ, кой нынѣ жительство имѣетъ въ той Качюсовой деревнѣ. 1734 года изъ оной деревни Качюсовой поѣхалъ онъ, Федоръ Устюжанинъ, въ Малышевскую слободу, для взятія пашпорта до Колыванскихъ и Барнаульскихъ заводовъ для оставшаго его шкарпу, и по просьбѣ его изъ оной, Малышевской слободы, до выше показанныхъ заводовъ пашпортъ ему выданъ отъ Прикащика Петра Рыхлевскаго, который и нынѣ имѣетъ при себѣ; токмо въ тѣ заводы онъ тогда и не заѣз-

* Слѣдовательно, старикъ было въ 1735 г., во время его охоты за моралами, уже 90 слѣшкомъ лѣтъ.

жалъ, а прямою дорогою поѣхалъ на Убу рѣку, для хмѣлеваго промыслу, и прибылъ вверхъ по Убѣ рѣкѣ на рѣчку, называемую Лосиху, гдѣ напередъ сего ставвали промышленные жъ, и въ томъ мѣстѣ построена избушка, токмо въ оной тогда никого онъ живущихъ не нашелъ; и бывъ въ той избушкѣ для промыслу одинъ недѣли съ двѣ, то пріѣхалъ къ нему съ товарищи Тарской разночинецъ, Иванъ Козловъ, съ коимъ и по нынѣ купно для промыслу находились. А сего 748 г. пошелъ Устюжанинъ съ того мѣста до Усть-Каменногорской крѣпости, для лѣченія ноги, и будучи близъ Красноярскаго станцу увидѣлъ его на степи на рѣкѣ Березовкѣ, за полверсты отъ станцу, новоучрежденнаго драгунскаго полку Прапорщикъ, Василій Третьяковъ, который его взялъ и привезъ въ Усть-Каменногорскую крѣпость. А по отбытіи его изъ той промышленной избушки, помянутый товарищъ его, Иванъ Козловъ, остался, и съ нимъ осталось собственно его, Устюжанина, шкарпу, изъ промыслу его: кожъ сохатыхъ 3, моральихъ 2, и того 5 кожъ; котель мѣдный, луженый 1, топоръ 1 и 2 лошади, винтовка 1, пороху съ $\frac{1}{4}$ ф., свинцу 30 винтовочныхъ пуль. И будучи въ томъ промыслу сего 1748 г. въ вешнее, нынѣшнее, время, обыскалъ онъ, Устюжанинъ, два рудника, одинъ мѣдный, вверхъ по Убѣ рѣкѣ, на устьи рѣки, называемой Лосиха, а другой сребренный, вверхъ же по Убѣ рѣкѣ, выше оной рѣки Лосихи, разстояніемъ версты съ полторы; а ниже розсыпей и лѣсовъ въ оныхъ мѣстахъ по Лосихѣ, осиниковъ и березниковъ же, съ довольностію; а версть съ 30 отъ того мѣста, вверхъ же по Убѣ рѣкѣ, и чернолѣсье имѣется; и тѣхъ обысканныхъ рудъ имѣеть онъ у себя опыты, которые остались въ предписанной промышленной избушкѣ. И оныя рудники состоятъ въ урочищѣ на разломѣ отъ помянутыхъ рѣкъ Лосихи и Убы, въ близости той промышленной избушки, кое мѣсто въ разстояніи отъ Убинскаго форп. версть 60, а отъ Красноярскаго станцу версть 50; и оныя мѣста для поселенія при рудникахъ удобныя и пахотныхъ съ довольностію, также и въ рѣкахъ рыбы и въ лѣсахъ звѣрей имѣется съ довольностію же. И будучи въ томъ промыслу, а также и въ Качюсовой деревнѣ, подушныхъ денегъ, какъ за прошлые годы, такъ и за нынѣшній 1748 г., еще никуда онъ не платилъ, а въ воровствахъ и разбояхъ онъ не бывалъ, и съ воровскими людьми ни съ кѣмъ онъ знанія не имѣлъ, и подобныхъ ему пришлыхъ другихъ, кромѣ Козлова, никого не знаетъ.»

Допросы, чиненныя въ Канцеляріи ево Высочородія, Г. Бригадира фонъ Фрауендорфа, 1759 года, 21 дня, пойманному вору (?) Афанасію Селезневу, кой показалъ:

«1-е. 50 лѣтъ, города Кузнецка, слободы Малышевской, жительство имѣеть въ деревнѣ Кишкиной. 2-е. Въ городѣ Кузнецкомъ содержался онъ подъ стражей, по многимъ приключившимся воровствамъ, при случающихся двоекратныхъ побѣгахъ, въ покражѣ коней, хлѣбовъ и пожитковъ по разнымъ деревнямъ, за что и разъискиванъ былъ въ той Кузнецкой Канцеляріи шесть разъ; а товарищъ его, обще пойманный, Кирила Сизиковъ, кого имянно умертвилъ не знаетъ. 3-е. Побѣгъ его изъ города Кузнецка былъ во первыхъ такимъ образомъ: назадъ тому года съ три, а въ которомъ имянно году, мѣсяцъ и числѣ, не знаетъ, лѣтнимъ временемъ, согласяся съ братомъ своимъ (кой нынѣ находится въ бѣгахъ), Терентіемъ Семеновымъ, который въ тюрьмѣ содержался по воровству, дневнымъ временемъ, когда ходили съ караульнымъ для прошенія милостыни скованными, то на имѣющіеся у нихъ деньги того караульнаго, а какъ прозывается, не знаетъ, они напоили, а сами убѣжали, и въ тотъ самый случай и содержащійся въ арестантской по смертному убивству, заводскій крестьянинъ Кирила Сизиковъ, съ ними же бѣжалъ, съ которымъ до того согласились, чтобъ причинить побѣгъ и всѣ трое ушли на Касмалинскую степь, и не дошедъ до оной остался онъ, Селезневъ, отъ товарищей своихъ въ слободѣ Малышевской, и зашелъ по знаемости къ крестьянину Никитѣ Таганову, но его, Таганова, въ домѣ не получилъ, и были только одна дѣвка, которой онъ и объявилъ, что за отца ее онъ яко бы работалъ, и пришелъ къ нему за деньгами, и выпросилъ у ней ѣсть, въ который случай ѣды его заводскими крестьяны онъ и пойманъ и отвезенъ въ Кузнецкую Воеводскую Канцелярію, по которому случаю убѣгу его изъ тюрьмы взятъ подъ караулъ отецъ его, Савелій Селезневъ, да сынъ девятилѣтній, Максимъ, съ коими онъ и содержался по поимкѣ года съ два, откуда осенью прошедшаго 758 г., по снятіи съ поля хлѣба, обще съ отцомъ своимъ, да съ товарищами Павломъ Лихановымъ да Тимофѣемъ Чернавинымъ, которые содержались по прилучившимся воровствамъ, сбѣжалъ, да увезъ же съ собою и сына своего, Максима, таковымъ образомъ: на караулѣ въ тюрьмѣ были изъ выписныхъ Казаковъ два человѣка, въ томъ числѣ одинъ

малолѣтній, изъ которыхъ старшій Казакъ пошелъ за водою, а малолѣтній остался съ ними, у котораго малолѣтняго и спросилъ онъ сына своего для посылки за квасомъ, а когда онаго онъ караульный выпустилъ, то въ тотъ самый случай они и побѣгъ причинили, съ которыми обще и пошли въ Касмалинскій боръ, гдѣ и сообщился съ прежде бѣжавшими съ нимъ изъ тюрьмы, братомъ своимъ Терентіемъ Селезневимъ, крестьяниномъ Кирилой Сизиковымъ, гдѣ поживъ отецъ его дней съ десять, умеръ; отсюда братъ его, Федоръ Селезневъ, вѣдомства города Кузнецка, Малышевской слободы, въ деревню Кишкинскую, ѣздилъ за женою своею, Прасковьею Васильевою, а Кирилла Сизиковъ Бѣлоярской слободы въ деревню Касмалинскую за отцомъ своимъ, Леонтіемъ, и по соединеніи всѣхъ для съѣзду на рѣку Бухтарму, ѣздили въ деревни, состоящія по рѣкѣ Алю, для воровства лошадей, гдѣ и украдено ими 16 лошадей, да одна лошадь Леонтіемъ Сизиковымъ приведена по пріѣздѣ съ сыномъ своимъ, да покрали у прибывшихъ на Барнаульскій боръ крестьянъ возъ муки пшеничною и аржаной три телѣги, на которыя телѣги крадскую пожить поклади и на верховыхъ на вьючныхъ поѣхали съ тѣхъ Барнаульскихъ боровъ къ рѣкѣ Бухтармѣ. Во время того ихъ проѣзду черезъ лежащую большую столбовую дорогу между Убинскаго форпоста и Красноярскаго станцу, увидавъ ихъ въ сторонѣ отъ той дороги съ версту, или версты съ полторы, ѣдущая воинская команда, отъ которой присланъ былъ къ нимъ драгунъ и спрашивалъ ихъ, куда ѣдутъ? и чего ради не большою дорогою? коимъ и сказали о себѣ, что они заводскіе крестьяне, а ѣдутъ на Ульбу рѣку для промыслу, и знатно присмотрѣвъ, что они не настоящею дорогою ѣдутъ, отъ той слѣдующей команды учинена была за ними посылка, которую увидавъ, изъ имѣющихъ трехъ телѣгъ выпрягну лошадей, на всѣхъ семнадцати отъ той поимки бѣжали, а тѣ съ экипажемъ телѣги оставили, въ которыхъ было въ одной кадѣ масла коровьяго, по примѣру пуда съ три, муки два мѣшка, вѣсомъ пудъ съ десять, кожъ юхтовыхъ: черная одна, красная одна, топоръ два, кирка желѣзная одна, а прочая мелочь, какая была, подлинно не упомянуть. И по убѣгѣ ихъ на тѣхъ верховыхъ семнадцати лошадяхъ, пришли они на ту рѣку Бухтарму, а показатель пути былъ отъ Селезнева, понеже онъ на той рѣкѣ предъ симъ за промысломъ звѣрей бывалъ; а разбои и воровства до сего не чинивалъ; гдѣ, по прибытіи, на той рѣкѣ Бухтармѣ построили съ собою имѣвшимися

у нихъ топорами избушку, и обвалили ее кругомъ толстыми деревьями, и въ тѣ толстыя деревья врубилн столбики и обнесли заплотомъ, да сверхъ того возлѣ избушки не во отдаленности построили общую кѣтѣ; да имъ однимъ Селезневымъ построена кѣтушка, разстояніемъ отъ избушки съ полверсты, гдѣ поклажа его, Селезнева, была. Въ бытность же ихъ при той рѣкѣ Бухтармѣ пропитаніе они имѣли изъ привезенной во вьюкахъ на верховыхъ лошадяхъ изъ Барнаульскихъ борозъ муки, а сверхъ того звѣринымъ и рыбнымъ промысломъ; гдѣ будучи и смертное убійство чинили нижеписанными причинами: 1-е. Какъ они пріѣхали на ту рѣку Бухтарму, то при началѣ первой ночи имѣвшихъ у нихъ 17 лошадей Уранхайцы отогнали, за конями въ пятеромъ гнались, но настичь не могли, и на трактѣ нашли отъ избушки разстояніемъ верстѣ съ 40, идущаго пѣшаго Уранхайца одного, лѣтами примѣрно 15-ти, котораго, что не онъ ли при отгонѣ лошадей во общество былъ, убили, съ коего ни чего не взяли, ибо только былъ въ одной ветхой шубѣ, откуда и возвратились къ своей избушкѣ. 2-е. И поживъ съ недѣлю, выбѣжали къ нимъ Калмыкъ мужеска полу три, женска три, да малолѣтній Калмыченко, на прим., лѣтъ восемнадцати, изъ которыхъ трое были ранены, и объявили, яко бѣ ранены Уранхайцами, и жили у нихъ съ недѣлю времени, а потомъ когда оставляемы были отъ нихъ на стану товарища ихъ, а прочіе уходили для промыслу звѣрей и рыбной ловли, то тѣ Калмыки смотрѣли ихъ посуду и упоминали топоры, и у нихъ оставшихъ на стану товарищей отнимали кѣбъ силою, по чему они и сговорились, дабы они какимъ либо случаемъ убійства не учинили, тѣхъ Калмыкъ мужескаго полу 3-хъ, женскаго 3-хъ же, убили, послѣ которыхъ осталась лошадь одна, шубъ и тулуповъ бывшихъ на нихъ шесть, турка одна, а болѣе ни чего не было; а малолѣтняго Калмыченка не убили, коего взялъ онъ, Селезневъ, къ себѣ. 3-е. Послѣ отгону у нихъ означенныхъ семнадцати лошадей, въ скоромъ времени ночью порой, оные жъ Уранхайцы человекъ съ десять подѣзжали къ нимъ и напали на нихъ, бывшихъ на рыбной ловлѣ, для котораго промыслу онъ съ братомъ Терентьемъ и товарищемъ Павломъ Лихановымъ находились, и по видимому намѣренію у нихъ, Уранхайцевъ, было, чтобы ихъ умертвить, при чемъ изъ турокъ и изъ луковъ по нимъ стрѣляли, а они насупротивъ того по нимъ палили, и при томъ ихъ нападеніи ранили его, Афанасія, стрѣлою въ стегно, да братъ его Терентій изъ турки не-

большою раною въ тайный удъ; и тѣ Уранхайцы у нихъ въ то время ни чего не отбили, а лошадь при нихъ, бывшихъ на рыбной ловлѣ, оставшаяся отъ убитыхъ Калмыкъ и Калмыченокъ, хотя и были, но оныхъ они не нашли. Послѣ чего спустя недѣль съ семь, соглася они въ четверомъ, онъ, Селезневъ, съ братьями Терентіемъ, и Федоромъ, Сизиковымъ и Тимофѣемъ Чернавнымъ, ходили на лыжахъ, примѣромъ отъ ихъ избушки разстояніемъ верстъ съ 100, гдѣ и нашли въ 3-хъ кибиткахъ Уранхайцевъ мужскаго полу 3, женскаго 4, да ребятъ, а сколько числомъ, за ночнымъ временемъ, не разсмотрѣлъ, которыхъ, по причиненной имъ обидѣ, и умертвилъ, а оныя подлинно были Уранхайцы, а не двоеданцы, и по убитіи ихъ взято ими лошадей десять точно ихъ, кои тѣми Уранхайцами отъ нихъ отогнаны, а семь лошадей не нашлось, и какъ видно тѣми Уранхайцами съѣдено, да взято жъ ими отъ нихъ убитыхъ Уранхайцевъ шубъ десять, турокъ двѣ, луковъ два, войлоковъ шесть, да серебра въ одномъ слиткѣ, бывшаго въ одномъ кожаномъ чомоданчикѣ, про которое, что имъ найдено, какъ братья его родные, такъ и товарищи, никто не знали, и онъ имъ не сказывалъ. 4-е. Во время того ихъ житія на Бухтарской рѣкѣ, со степными народами свиданія не имѣли, только въ одинъ случай прошедшаго года, передъ сырною недѣлю, мимо ихъ шла Киргизъ-Кайсаки, числомъ въ пяти стахъ человекъ, въ Алтайскія горы, и изъ ихъ товарищей его въ то время были на рыбной ловлѣ Кирилъ Сизиковъ и Тимофѣй Чернавнъ, да съ ними жъ былъ третій малолѣтній Калмыченокъ, которыхъ Киргизцовъ усмотря онъ, Селезневъ, послалъ къ нимъ, чтобъ, оставя рыбную ловлю, шли къ избушкѣ, и по тѣмъ извѣстіямъ съ той рыбной ловли ешли, за конми и изъ тѣхъ ѣхавшихъ Киргизцовъ четыре человекъ верхами гнались, но они, Сизиковъ и Чернавнъ, ускорили вѣжать въ сдѣланную около избушки заѣзку, а малолѣтняго Калмыченка захватили и увезли съ собою, а послѣ того въ короткомъ времени, изъ тѣхъ же Киргизцовъ подъѣзжали къ ихъ избушкѣ нѣсколько человекъ и спрашивали Уранхайцевъ, гдѣ живутъ, и на тотъ ихъ спросъ, по знанію его небольшое дѣло Киргизскаго языка, сказывалъ имъ, Киргизцамъ, что Уранхайцы живутъ въ Алтайской горѣ, а подлинно ль Уранхайцы, или двоеданцы, онъ заподлинно не знаетъ, и при томъ объявленіи просилъ у нихъ отбитаго малолѣтняго Калмыченка, кои ему сказали, что Калмыченокъ имъ самимъ потребенъ, для показанія въ Алтай-

скія горы дороги, откуда и поѣхали отъ нихъ въ тѣ горы, и были тамъ съ мѣсяцъ, отколѣ, по возвратѣ, обратно мимо ихъ же шли и съ собою везли плѣнныхъ Калмыкъ и скота множество, а сколько, числомъ не знаетъ, въ который случай и отогнали у нихъ имѣвшихся лошадей, числомъ одиннадцать; да у нихъ же, съ прочими слѣдующими Киргизцами, на имѣвшіе у нихъ одну выдру, зипуны, топоры и ножи высатованы четыре коровы, да два быка, изъ коихъ двухъ коровъ и двухъ быковъ въ пищу употребили, а двѣ коровы остались при оставленномъ братѣ Федорѣ Селезневѣ, съ прочими, при сдѣланной избушкѣ. 5-е. Когда они находились на Бухтармѣ рѣкѣ и въ прочихъ мѣстахъ, какъ изъ Шульбинскаго завода въ отогнанныхъ тамъ въ Августѣ мѣсяцѣ тридцати трехъ лошадей, такъ и изъ прочихъ крѣпостей и станціевъ, кромѣ обывательскихъ, воровства и отгону не чинили, и таковыхъ воровъ и крыющихся въ бѣгахъ никого не знаетъ, ружья жъ, пороху и свинцу ни у кого не покупали, и таковымъ ихъ никто не даритъ, про нихъ же, что они тамъ находились въ бѣгу, никто не знаетъ. 6-е. Намѣренія, чтобъ передаться степнымъ непріятелямъ, у нихъ не было, да и смертнаго убійства, кромѣ того, какъ выше сего показалъ семнадцать человекъ не было, также пожеговъ по деревнямъ не причинялъ, и таковыхъ никого не знаетъ. 7-е. По неимѣнію у нихъ лошадей, по отгонѣ Киргизцапп, согласился онъ съ товарищами, Кирилою Сизиковымъ, Тимофѣемъ Чернавиннымъ и Павломъ Лихоновымъ, нынѣшней весны въ жило ѣхать для воровства лошадей, къ крѣпости Усть-Каменногорской, куда, сдѣлавъ плотъ и поѣхали, и изъ подъ деревни Прапорщиковой ходя, шихъ на лугу украли 6 лошадей, и когда переправляться стали черезъ рѣку Ульбу, въ тотъ самый случай съ товарищами, Кириломъ Сизиковымъ и съ тремя лошадьми, Яицкими Казаками пойманы, а Тимофѣй Чернавинъ и Павелъ Лихановъ, на тѣхъ украденныхъ ими трехъ лошадяхъ убѣжали на рѣку Бухтарму, а какимъ случаемъ при поимкѣ воинской команды братъ его, Терентій Селезневъ, съ Бухтармы рѣки бѣжалъ, по небытію его при томъ, не знаетъ. 8-е. При означенной рѣкѣ Бухтармѣ осталось у него, Селезнева, кожъ лосиныхъ и моральихъ 10, кунитъ 10, лисицъ красныхъ 5, волковъ 2, бѣлокъ со 100, тулуповъ бараньихъ 10, котловъ мѣдныхъ 4, желѣзной 1, чугуновыхъ 3, мѣденникъ 1, серебра фунта съ 1¹/₂, который шкарицъ и былъ положенъ, кромѣ серебра и посуды, въ особливо сдѣланномъ, разстояніемъ отъ избушки съ полверсты, амбарѣ, а серебро

спрятано близъ избушки, въ наносѣ отъ воды, про которое серебро братья его родные и товарищи никто не знали, точію оно серебро сказывалъ онъ нарочно посланному изъ Усть-Каменногорской крѣпости Яицкому Казаку Ивану Мирзину дорогою, когда его по поимкѣ везли въ тое Усть-Каменногорскую крѣпость, что имъ спрятано въ сору; только по тѣмъ его словамъ онъ Мирзинъ то спрятанное серебро нашелъ ли, или нѣтъ, не знаетъ, а посуда была въ избушкѣ; да знаетъ же онъ, что у товарища его, Кирила Сизикова, было собственныхъ рубахъ 6, портовъ 3, тулуповъ бараньихъ 2, сумы переметныя 1, кожа лосиная 1, камзолъ красный 1, а другая пажить была общая, только чья именно и что чего, не знаетъ. А для чего и отъ его, Селезнева, и товарища его, Кирилы Сизикова, собственныхъ пожитковъ не явилось куніцъ 2, бѣлокъ 60, кожъ лосиныхъ и моральныхъ 6, тулуповъ 12, котловъ мѣдныхъ 2, мѣденника, рубахъ 6, камзола красного, по небытности его при томъ забраніи экипажу, не знаетъ; а изъ привезенныхъ при поимкѣ товарищей его часовника два, парукъ одинъ подлинно его, Селезнева, привезенные при побѣгѣ изъ города Кузнецка, по нимъ, когда онъ содержался съ сыномъ своимъ 9 лѣтнимъ въ тюрьмѣ, то онаго обучалъ; а парукъ, купленный въ томъ городѣ Кузнецкѣ, что ему голову брили, за которое далъ чулки шерстяные, а казенное сѣдло и третья книга большая, а какъ она называется, не знаетъ, подлинно брата его (кой нынѣ находится въ бѣгахъ), Терентія, а гдѣ онъ, братъ его, то сѣдло и книгу взялъ, не знаетъ, и отъ него, брата своего, не слыхалъ... 10-е. Ружья, порохъ, свинецъ и прочее, состоящее при нихъ, особливо винная мѣдная труба, получены при чиненіи воровства изъ деревень, кои находятся къ Алешу рѣкѣ....»

Изъ дѣлъ областного архива въ городѣ Омскѣ видно, что, по поимкѣ Селезнева съ товарищемъ, за остальными на рѣкѣ Бухтармѣ отправленъ былъ Капитанъ Балашевъ, съ командою Яицкихъ Казаковъ; ему удалось захватить всѣхъ, жившихъ тамъ, за исключеніемъ Терентія Селезнева. Въ допросахъ, снятыхъ съ нихъ въ Военно-походной Канцеляріи фонъ Фраундорфомъ, замѣчательнаго ни чего нѣтъ: ихъ показанія—повтореніе Афанасія Селезнева. Что же касается вещей, взятыхъ на Бухтармѣ и не оказывшихся, то по поводу этого были предложены вопросы Балашеву и командѣ Казаковъ, оказалось, что часть ихъ была разобрана Казаками, и немного осталось,

по забывчивости, и у самого Балашева; что же до серебра, то его никто не находилъ. *

Репортъ Полковника де Виленева фонъ Фрауендорфу, Мал, 1759 года.

Въ 1759 г. былъ пойманъ въ банѣ бѣглый Казакъ Нагибинъ. По спросѣ Нагибина, онъ показалъ, что жилъ внутри Линіи, на Карасукѣ гдѣ остались и его товарищи, Казакъ Волковъ и заводской крестьянинъ Михайла. Въ слѣдствіе этого, по распоряженію фонъ Фрауендорфа, была послана туда команда Яицкихъ Казаковъ въ 25 человекъ, чтобы изловить бѣглецовъ. 18 Мая команда вернулась въ Ямышевскую крѣпость и де Виленевъ въ своемъ рапортѣ доносить о поискахъ Казаковъ. Они пришли на рѣчку Бурау, въ 175 верстахъ отъ Ямышевской крѣпости, нашли тутъ не бѣлаго крестьянина, въ Оби промышляющаго рыбой. Онъ пріѣхалъ на рѣчку изъ Чоуснаго острогу и сказалъ Казакамъ, что бѣлыхъ никого не видѣлъ; команда, не полагаясь на его слова, сдѣлала розыскъ, но въ самомъ дѣлѣ не найдя ни чего, отправилась далѣе. Отъѣхавъ версть 17, когда еще оставалось до Карасука версть 50, и на ней избушка, какъ показалъ Нагибинъ; одинъ изъ Казаковъ отъѣхалъ въ сторону, сажень на 200, въ болки напиться, какъ въ дали замѣтилъ 4-хъ лошадей и при нихъ жеребенка, а отъ нихъ, верстахъ въ 2-хъ или 3-хъ, лошадей же цѣлый табунъ, «которыхъ онъ познавалъ единственно всѣхъ за степныхъ, и въ такомъ упованіи къ тому колку пріѣхавъ ближе, и внезапно усмотрѣлъ сидящихъ въ ономъ двухъ человекъ, и при нихъ съ припасами одну телѣгу, которые, по тому, де, и его увидѣли, вставъ на ноги и смотрѣли на него, при чемъ онъ, сказавъ имъ Богъ въ помощь и спросилъ: «Какіе, де, вы люди?» На что и объявили: «Мы, де, люди Божіи.» Изъ чего признавъ онъ, что подлинно какіе ни есть шафаящіе, и поѣхалъ отъ нихъ прочь, и немного ихъ поминовавъ, то онъ выстрѣлили по немъ изъ винтовки,

* Память о Селезнѣвѣ сохранилась до сихъ поръ, какъ преданіе, у населенія около Бухтармы рѣки, имя же его осталось въ названіяхъ географическихъ: а) такъ, небольшая рѣчка, впадающая въ Бухтарму, въ верстѣ отъ устья ея, называется Селезнѣвкой, какъ намъ извѣстно лично, и б) въ названіи болота въ Колыванскомъ округѣ, Селезнево. Словц. ч. II, стр. 519.

точію не трафили.» Казакъ догналъ свою команду, она вернулась, но людей уже не было, розыскать ихъ тоже ни какъ не могли, а нашли только 4 лошади, 3 хомута и телѣгу съ припасами, тутъ же нашли распаханной земли въ длину и ширину сажень по 5-ти, и отъ того колка верстахъ въ 2-хъ, при другой колкѣ распахано вдвое болѣе, гдѣ и посѣянъ ячмень, при чемъ найдена борона желѣзная, кирка, которой распахивали землю, и также открыли двѣ печки, сдѣланныя въ землѣ, по видимому, послѣдней весны, однако жъ, не смотря на 2 дневные розыски, не могли найти никого. Проѣхавъ на Карасукъ, нашли, что избушка сгорѣла отъ степнаго пожара, а сохранилась одна землянка. За тѣмъ вернулись въ Ямышевскую крѣпость. Въ телѣгѣ же нашли: крюковъ желѣзныхъ съ поволками 4, безъ поводковъ 1, свинцу слитокъ 1, пуль 15, котель мѣдная, кирку, долото, пешню, топоръ, и наконецъ вещи изъ одежды и сбруи.

Въ Іюлѣ 1760 г. посланный съ партією Прапорщикъ Утинъ привелъ пойманныхъ имъ въ лѣсахъ, въ избушкахъ двухъ Россійскихъ человекъ. Они показали:

«1. Зовутъ меня Козьма Афанасьевъ Некрасовъ, крестьянинъ Строгоновыхъ, деревни Байналовой. Въ 724 г. возымѣлъ намѣреніе, для приношенія Господу Богу моленія, изъ дому своего ушелъ въ Устьянскіе чернораменные лѣса, гдѣ нашеть въ построенныхъ избахъ на малое число живущихъ таковыхъ же бѣглыхъ, труждающихся въ моленіи Господу Богу Россійскихъ людей, съ коими и совокупился. И бывший тутъ бѣглый Священникъ Іовъ въ чернцы меня постригъ, и послѣ того лѣтъ съ 10 въ тѣхъ лѣсахъ я въ моленіи находился. Когда же велѣно этѣхъ бѣглыхъ разыскивать и Генераломъ Татищевымъ ихъ 400 человекъ выведено, то я изъ оныхъ лѣсовъ черезъ степи, въ обществѣ съ Демидовскими людьми, шедшими на Колывановоскресенскій заводъ, на Обь рѣку ушелъ, по которой не объявляясь нигдѣ въ жилыхъ мѣстахъ, при озерѣ Петровскомъ, подъ прикрывательствомъ и на воспитаніи крестьянина Бороваго, кой при томъ озерѣ жительство имѣлъ одинъ, не подалеку отъ онаго, въ прикрытыхъ лѣсахъ, въ сдѣланной избушкѣ, всего 24 года находился. И назадъ тому года съ два, по смерти означеннаго прикрывателя моего, и что некому меня доволствовать

стало, набѣхалъ на мою избушку Чарышскій крестьянинъ Щетниковъ, и повелъ меня въ уединенное крѣпкое мѣсто, и прибыли къ надунамъ рѣки Убы, въ имѣющуюся тамъ избушку, въ коей было Россійскихъ живущихъ 2 человѣка, съ которыми мы въ сообществѣ проживали съ годъ, и на другой оныя бывшіе со мной товарищи, по недороду хлѣба, отѣхали въ другія мѣста, а я при той избушкѣ остался и находился прошедшую зиму одинъ. а въ осеннее время незнаемыхъ Россійскихъ людей 3 человѣка пріѣхало къ оной моей избушкѣ и имѣющагося у меня шкарпу, шубу, рубаху и прочее у меня обобрали и уѣхали паки обратно въ ту сторону, отъ коей пріѣзжали, и потомъ оборѣ меня, я нынѣшнюю весну, убоясь такого и впредь грабительства, къ спасенію своего живота изъ той избушки отѣхалъ, и находился, для прилаганія Господу Богу трудовъ, въ тѣхъ же урочищахъ, неподалеку по разнымъ рѣчкамъ и лѣсамъ, изыскивая оныхъ отѣхавшихъ отъ меня товарищей. И въ это мое по разнымъ мѣстамъ бытіе, назадъ тому недѣль съ пять или болѣе, изъ тѣхъ отѣхавшихъ, въ прошедшую осень, отъ меня товарищей трехъ человѣкъ, одного Василия Яковлева внезапно нашелъ, который и объявилъ, что на ихъ крайнюю избушку, набѣжавъ изъ крѣпостей Россійская военная команда, одного человѣка изъ товарищей, присовокупившагося къ нимъ уже послѣ ихъ отлученія отъ меня, крестьянина Ивана Дурнева, захватили, и онъ пѣшій убѣжалъ, и идетъ яко бы по прежнему, въ домъ свой, въ жило, а другіе, де, наши товарищи, два человѣка, Щетниковъ и Гаврило Афанасьевъ, до пріѣзду той Россійской команды уѣхали, для рыбнаго промыслу, и болѣе, де, уже онъ ихъ не видалъ, и гдѣ находятся, яко бы не знаетъ. И объяви сіе оный Василій Яковлевъ отъ меня, не вѣдаю куда, ушелъ, а я остался при томъ мѣстѣ; и по томъ разлученіи, для печенія припасу, не пошедъ я въ среднюю нашу избу, при коей пашня распахана, паки я поѣхалъ къ оставшей своей избушкѣ, въ которую прибывъ, излучилъ молящаго живущаго, пришедшаго послѣ отѣзду моего, Малышевской слободы крестьянина Ивана Наумова, и, по неимѣнію у него припасу, отослалъ я его, въ написанную выше сего, въ имѣющуюся далѣе меня, пустую избушку, при коей тѣми отлучившимися товарищами моими пашня распахана и хлѣбъ насяянъ, во упованіи томъ, что иногда не прибыли ль во оную избушку тѣ мои товарищи и готоваго припасу у нихъ не имѣется ль, то истребовать онаго, кой и отбылъ, да и я за нимъ же въ то

избушку, спустя время дни четыре, поѣхалъ; и какъ въ оную прибылъ, то прежнихъ моихъ товарищей не залучилъ, а только найдется означенный посланный отъ меня Наумъ, да другой незнаемый мною, по объявленію его, Алейской крестьянинъ Федоръ Ивановъ сынъ, а какъ по прозванію, не знаетъ, и по томъ моему въ тоѣ избушку прибытію оной Алейской крестьянинъ, Федоръ Ивановъ, не знаю для чего, ушелъ въ лѣсъ, пѣшій, и того жъ самаго часу, не удався мнѣ разсѣдлатъ лошадей, здѣшняя военная команда, набѣжавъ на тоѣ избушку, меня и другого Ивана Наумова поймали, и по той нашей поимкѣ, объ томъ ушедшемъ до прибытія той команды въ лѣсъ, крестьянинъ Федоръ Ивановъ, оной командѣ мы объявляли, котораго, также и другихъ, не имѣется ль гдѣ еще, не свѣдущихъ намъ въ прикрывательствѣ, таковыхъ же людей, нарочно посланные команды разыскивали, только ни гдѣ Иванова, такъ и другихъ, никого найти не могли, и по тому она команда, сжегши тоѣ избушку, поворотясь обратно, и слѣдовала сюда къ крѣпости. А во означенную нашу бытность во оныхъ мѣстахъ пропитаніе имѣли пріѣвая разный хлѣбъ, а непріятельскихъ воровскихъ людей и воинскихъ собраніевъ нигдѣ не видѣли, воровства и смертнаго убійства не чинили, и при выше писанномъ насъ взятии, изъ имѣющагося моего шкарпу командою ничего не захвачено, а что было, яко то: образъ мѣдный, лошадь, сѣдло Русское съ потникомъ, котелъ мѣдный, пологъ, топоръ, зипуновъ сермяжныхъ два, шуба баранья, рукавицы, все въ цѣлости забрано и сюда привезено.»

2. Малышевской Слободской крестьянинъ Иванъ Наумовъ показалъ: «Барнаульскаго вѣдомства, назадъ тому недѣль съ шесть, изъ своей деревни Кулунгинской, по свѣдѣнію моему, для изысканія находящагося въ моленіи чернца Кузьмы и къ общему съ нимъ житію, для приношенія Господу Богу моленія, никому не сказавъ, отѣхалъ... И при падунахъ Убинскихъ на избушку прибылъ, въ коей никого изъ живущихъ не изобрѣлъ, и ночевавъ одну ночь, на завтра Кузьма Афанасьевъ прибылъ и мнѣ объявилъ, чтобъ я, по немѣнію припасу, ѣхалъ внизъ къ пустоѣ избушкѣ, при коей রাখана пашня, и во оной, буде есть припасъ, заготовить, а буде нѣтъ, дожидаться товарищей его и у оныхъ надлежащее число того припасу взять. Я поѣхалъ и къ избушкѣ въ другой день прибылъ, никого людей не засталъ и хлѣба готоваго не отыскалъ, ночевалъ

тутъ, а на завтра три человѣка, реченные товарищи онаго чернца, Иванъ Гавриловъ да Василій, а чьи по прозванію, не знаю, ко мнѣ въ твою избушку прибыли, и давь мнѣ къ пропитанію ячменю съ рудъ, паки уѣхали въ лѣса. На другой день, въ ту же избушку прибыли еще одинъ человѣкъ на лошади, крестьянинъ Федоръ, и объявилъ, что шатаются въ разныхъ мѣстахъ по лѣсамъ въ моленіи и слѣдуетъ въ домъ свой... Векоръ и означенный чернецъ туда прѣхалъ, и тако насъ совокупилоо три человѣка. И потомъ совокупленіи ушелъ оный Федоръ въ лѣсъ, а я не разсѣдлалъ еще старческой лошади, какъ здѣшная военная команда набѣжала на одну избушку, гдѣ меня со онымъ чернцомъ взяли; а что оный 3 человѣкъ Федоръ въ лѣсъ ушелъ, то за сыскомъ его, такъ еще и другихъ не имѣется ли въ прикрывательствѣ, разные команды посланы были, но никого нигдѣ не отыскали. Кузнецъ его училъ двоемеретію, въ Церковь не ходитъ. У него взяты: лошадь, сѣдло, мѣдный образъ, котелъ мѣдный, рубахъ ветхихъ 4, сковорода, сѣрмяжнаго сумка аршинъ, долото, коса, ножъ, мотъ пряжи.»

Юля 3 дня, Томскаго Вѣдомства Чоускаго Острога крестьянинъ Иванъ Дурневъ показалъ:

«Что онъ въ Февралѣ мѣсяцѣ, 760 г. въ своей деревнѣ Кирзиской видѣлся съ крестьяниномъ Малышевской слободы деревни Мерецкой, Данилой Ивановымъ Черновымъ, сговорился съ нимъ уйти для моленія Господу Богу и уединеннаго житія въ мѣста на Убу и Ульбу рѣки. Черезъ нѣсколько времени тайно отъ родныхъ, взявъ съ собою трехъ лошадей и навьючивъ ихъ припасами, отправился и по выше Шеманаевского станцу, верстахъ въ 50, доѣхавъ до рѣки Убы, сдѣлали саль и переправились, послѣ чего слѣдовали гористыми и каменистыми мѣстами вверхъ по рѣкѣ, и при разсожкахъ рѣки Убы, въ имѣющіе построеныя небольшіе двѣ избушки прибыли, и во оныхъ объявленныхъ отъ того товарища моего Чернова двухъ человѣкъ нашли, которые о себѣ объявили, что они Кузнецкаго Вѣдомства Чумышскіе крестьяне, и зовутъ ихъ, одного Иванъ Щетниковъ, другаго Василій Головъ, что они имѣютъ по Чумышу свои дома, а живутъ при тѣхъ мѣстахъ, для моленія Господу Богу, уже года съ три, сѣютъ хлѣбъ. Черезъ нѣсколько недѣль

Василій Головъ и Черновъ забравъ въ избушкѣ рыбныя ловушки: сѣти, жерлицы и уды съ ружьями, отъѣхали, сказавъ, что ѣдутъ для промыслу. Ранѣе я согласился съ товарищемъ своимъ Черновымъ съѣздить домой, забрать все имущество и семьи и ѣхать сюда. На другой день по отъѣздѣ товарищей я отлучился отъ дому, и былъ пойманъ военной командой, Щетникова же не удалось захватить въ избушкѣ, бѣжалъ, найти его не могли, наши двѣ избушки, водяная мутовчатая мельница сожжены командой, да она же захватила одни сошники, большой молотъ и 2 лошадей. Воровства и убійства не чинилъ.» Однако жъ Дурнова жестоко били плетьюми, не скажетъ ли чего еще, но сказать болѣе было не чего.

Рапортъ Маіора Шанскаго, отъ 7 Сентября, 760 г.

Въ вершинахъ Ульбы бѣглыми Русскими было посяно нѣсколь-ко хлѣба. Новые поселенцы въ деревнѣ Глубокой, не успѣвши обзавестись хлѣбопашествомъ, испросили позволеніе снять тотъ хлѣбъ. Шанскій доноситъ, что путь туда чрезвычайно затруднительный: гористый, со множествомъ переправъ. На горахъ выпали уже снѣга; что хлѣбъ, вѣроятно, высыпался отъ вѣтровъ, или выклеванъ галками, которыя и казенному хлѣбопашеству вредъ чинять. По рапорту къ Шанскому Уткина, при избушкахъ тѣхъ бѣглыхъ людей было посяно пшеницы, ярицы, ячменю, гороху, рѣпы, конопля и льну до 10 десятинъ.

Ш

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

СЛАВЯНСТВО И МІРЪ БУДУЩАГО.

ПОСЛАНІЕ СЛАВЯНАМЪ СЪ БЕРЕГОВЪ ДУНАЯ

ЛЮДЕВИТА ШТУРА.

ПЕРЕВОДЪ НЕИЗДАННОЙ НѢМЕЦКОЙ РУКОПИСИ, СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Д. Члена ВЛАДИМИРА ЛАМАНСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подлинникъ предлагаемаго сочиненія, Словака Люде-вита Штура, написаннаго имъ не за долго до его смерти, на Нѣмецкомъ языкѣ, былъ подаренъ мнѣ друзьями покой-наго, въ бытность мою въ Угорщинѣ въ 1862 г. Вскорѣ потомъ я узналъ, что есть исправленный сочинителемъ и на чисто переписанный экземпляръ. Владѣлецъ его, нашъ соотечественникъ, одинъ изъ близкихъ друзей Штура и лучшихъ у насъ знатоковъ современнаго Славянства, полу-чилъ этотъ списокъ отъ самаго сочинителя. Этотъ другъ покойнаго посылалъ рукопись въ Россію для напечатанія, кажется, въ концѣ 50-хъ годовъ, но получилъ ее обрат-но. Обмѣнявшись съ другомъ сочинителя нашими руко-писями, я изъ Австріи, еще въ 1863 г., отправилъ этотъ списокъ къ одному редактору. Но и на этотъ разъ руко-пись пролежала около двухъ лѣтъ въ редакціи не про-смотрѣнною, пугая своимъ объемомъ, мелкимъ почеркомъ и неприятнымъ Готическимъ письмомъ.

Благодаря Редакціи «Чтеній», теперь есть возмож-ность Русскимъ читателямъ ознакомиться съ предсмертнымъ произведеніемъ одного изъ благороднѣйшихъ и дарови-тѣйшихъ Славянскихъ дѣятелей новѣйшаго времени. Со-чиненіе это съ необычайною ясностью ставитъ и разбира-етъ самые коренные и жгучіе вопросы относительно всѣхъ Славянскихъ племенъ безъ изъятія. Въ Исторіи, такъ называемаго, Панславизма оно займетъ, по своему содержанію и изложенію, гораздо болѣе почетное мѣсто, чѣмъ, надѣлавшая въ свое время столько шума въ сред-

ней Европѣ, знаменитая брошюра родоначальника новѣйшаго Панславизма, Словака же, Я. Колара: «О литературной взаимности Славянъ и пр.: Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. Von Johann Kollar. Pesth. 1837.» Переведена была въ Отеч. Зап. 1839.

Сочиненіе Штура «Славянство и міръ будущаго», хотя и писанное 11—12 лѣтъ тому назадъ, является нынѣ какъ нельзя болѣе кстати. Въ Россіи, съ подъемомъ народнаго самосознанія, все болѣе и болѣе выясняется обществу и его передовымъ людямъ великое призваніе Русскаго народа въ міръ Славянскомъ, все полнѣе и полнѣе обличается высокое значеніе Славянской идеи. Двѣ же дряхлыя Имперіи, Турецкая и Австрійская, этѣ темницы южныхъ и западныхъ Славянъ, по выраженію Штура, съ каждымъ годомъ обнаруживаютъ несомнѣнные признаки совершеннаго истощенія и упадка. Въ то же время объединеніе Италіи и Германіи, введеніе системы двоеправленія (дуализма) въ Австрію, или, что то же, заключеніе Мадьяро-Нѣмецкаго союза противъ Славянъ, мужественная борьба Критянъ, глухое волненіе встѣхъ Турецкихъ Христіянъ, военныя приготовленія Княжества Сербскаго, возбужденіе Русскаго духа въ Галиціи, постепенное уразумѣніе въ Россіи истинныхъ къ намъ отношеній Русскихъ и Германскихъ Нѣмцевъ, наконецъ возбужденіе сильнаго соперничества между Германіею и Франціею, которая должна же наконецъ сознать, какую великую и неожиданную помощь могла бы она получить отъ Славянства въ предстоящей борьбѣ ея съ его исконными врагами и угнетателями: всѣ этѣ современныя явленія указываютъ Славянамъ на новые и великіе, предстоящіе Европѣ, перевороты и только ускоряютъ недавно начатую, усиленную работу Славянскаго самосознанія. Нѣкогда пламенные ревнители сильной, единой, федеративной Австріи постепенно теряютъ вѣру въ пользу и необходимость

Габсбургской Имперіи для Славянскихъ народностей, справедливо замѣчая: «Мы были до Австріи, будемъ и послѣ Австріи», и тѣмъ удачно исправляя свое прежнее изреченіе: «Если бы не было Австріи, Славяне должны бы были ее создать». Прежніе безусловные приверженцы самостоятельности не только въ отношеніи къ политикѣ, но даже и языку, мало по малу приходятъ наконецъ къ сознанию слабосилія отдѣльно взятыхъ Славянскихъ народностей и рѣшительной для нихъ невозможности уберечь и обезпечить свою народную самобытность отъ посягательствъ и захватовъ сильныхъ иноплеменниковъ, безъ нѣкотораго сближенія и извѣстныхъ союзовъ или договоровъ съ Россією, безъ принятія Русскаго языка за обще-Славянскій дипломатическій языкъ.

Мысль о внѣшнемъ сближеніи Славянскихъ племенъ съ Россією и объ обще-Славянскомъ значеніи Русскаго языка была основнымъ убѣжденіемъ Л. Штура. Ею проникнуто все его сочиненіе. Добросовѣстный читатель, даже и не согласный съ его направленіемъ, признаетъ въ сочинителѣ рѣдкія дарованія, высокой умъ, честное, ненавидящее неправду, сердце, горячую любовь къ свободѣ, Славянству и человѣчеству. Во всякомъ случаѣ, каждый мыслящій человекъ прочтетъ это блестящее произведеніе новѣйшаго Панславизма съ самымъ живымъ любопытствомъ. Это сочиненіе особенно будетъ дорого всѣмъ истинно Русскимъ людямъ, не привыкшимъ и у своихъ отечественныхъ писателей часто встрѣчать такую горячую, искреннюю любовь къ Россіи, такое гениальное предчувствіе ея незримыхъ, сокровенныхъ силъ и столь смѣлое прозрѣніе въ ея славное будущее. Еще недавно даровитый и любимый Русскій художникъ, въ своемъ добровольномъ отчужденіи отъ Россіи, изъ своего Нѣмецкаго далека, не замѣтилъ въ ней ни чего, кромѣ дыма, и предсказалъ ей спасеніе только въ рабски вѣрномъ подражаніи Западно-Европейской образованности, которую нашъ бар-

скій Эпикуреизмъ давно призналъ за единственно возможную, единую и общечеловѣческую. И лѣтъ 12 тому назадъ не писавшій красиво, а всею своею страдальческою и подвижническою жизнью на дѣлѣ доказавшій, что жизнь не есть наслажденіе, а борьба, отреченіе и долгъ, иноземный Славянинъ до конца глубоко вѣрпль въ высокое и самобытное призваніе Россіи, не смущаясь ни крѣпостнымъ правомъ и безмолвіемъ, ни тупымъ равнодушіемъ и безсознательностью Русскаго общества, которое живо сочувствовало Мадырамъ и Мадыронамъ и давало влчить страшную, нищенскую жизнь Л. Штуру, лично преслѣдуемому Мадырами и Нѣмцами за его любовь къ Россіи. Вѣра его оправдала. Его лебединая пѣснь, его пророческій голосъ, во всеуслышаніе раздается впервые на Руси, когда уже спали съ нея оковы рабства, и наше общество начинаетъ сознавать Славянское призваніе Россіи и ясно видитъ, что Русскимъ художникамъ предстоитъ иное высшее дѣло, чѣмъ писать красивыя картинки на Нѣмецкія изреченія о Россіи, подслушанныя, или вычитанныя, ими въ прекрасномъ для нихъ, безъ сожалѣнія промѣненномъ на Русь, далекѣ. Для истинно Русскихъ людей память Штура дорога и священна! Про него смѣло можно повторить слова Пушкина:

Хвала! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ.

Да искупится же наконецъ наше прежнее безсердное равнодушіе и тупое невниманіе къ этому доблестному мученику и краснорѣчивому проповѣднику Славянской идеи. Любовь и почитаніе, которыми мы, Русскіе, обязаны его имени, перенесемъ къ его народу, въ короткое время давшему Славянству такихъ мужественныхъ подвижниковъ, какъ Коларъ, Шафарикъ, Кузман и Штуръ. И теперь не одна тысяча друзей, учениковъ и почитателей Штура, ведетъ глухую, но славную, борьбу съ изступленнымъ, Азіят-

скимъ фанатизмомъ Мадьяръ, изощреннымъ принятою ими Нѣмецкою образованностью и съ прямымъ содѣйствіемъ самихъ Нѣмцевъ, которые еще, къ несчастью, не перестали думать, будто ихъ священный долгъ истреблять и искоренять Славянство, гдѣ только можно. Наконецъ, современные Славянскіе дѣятели борются еще съ своею испорченною до мозга костей Шляхтою, измѣнившею народу и за честь себѣ вмѣняющею быть Мадьяронами, которые для Славянъ столько же хуже Мадьяръ, во сколько Потурченяки хуже настоящихъ Турокъ. При крѣпостномъ правѣ, когда направленіе «Вѣсти» было, можно сказать, господствующимъ въ значительной части образованнаго Русскаго общества, сочувствіе наше къ Венгерцамъ, т. е., къ Мадьярамъ и Мадьяронамъ, было совершенно естественно и понятно, ибо тогда дѣло Словаковъ, дѣло Штура и его друзей, было намъ не вразумительно и не любо, какъ не барское, не господское дѣло. Но теперь, кажется, можно бы ожидать отъ нашего общества иныхъ воззрѣній и сочувствій. Будемъ надѣяться, что изданіе настоящаго сочиненія Штура принесетъ намъ и ту пользу, что обратитъ наконецъ вниманіе многихъ и многихъ Русскихъ людей на три милліона Словаковъ, едва ли не самаго даровитаго и наиболѣе намъ, Русскимъ, сочувственнаго Славянскаго племени. Тамъ, въ величественныхъ Татрахъ и въ живописныхъ долинахъ Вага и Грона, на берегахъ Дуная, много уже (и постоянно возрастаетъ ихъ число) вѣрныхъ учениковъ и поклонниковъ Штура, свято соблюдающихъ его завѣтъ и преданія доблестныхъ борцовъ Славянства, добровольныхъ мучениковъ вѣры въ Россію и ея великое призваніе. Кто изъ насъ въ нее не вѣритъ и все въ ней считаетъ дымомъ, не оскорбитъ, надѣмся, своими шляхетскими насмѣшками ихъ чистой вѣры, дающей имъ силу выносить тяжелую борьбу. Кто въ Россію вѣритъ и былъ къ Славянству равнодушенъ по невѣдѣнію, или недоразумѣнію, тотъ оцѣнитъ жизнь и мысли

Людевита Штура, * и въ собственной душѣ найдетъ указанія на обязанности истинно Русскаго человѣка по отношенію къ нашимъ соплеменникамъ, и особенно къ ближайшимъ нашимъ братьямъ, Словакамъ, плотною массою населяющимъ весь сѣверъ Угорщины, отъ Русскихъ Карпатъ по Дунай у Пресбура, и весь востокъ Моравіи. Ближайшіе сосѣди и друзья Угорской Руси, Словаки, служатъ посредствующимъ звеномъ между Русью и Мораванами и Чехами съ одной, и черезъ свои многочисленныя и цвѣтущія поселенія въ средней Угріи между Тисою и Дунаемъ, между Русью и Сербамъ и Хорватами съ другой стороны. Если Русскому языку дѣйствительно суждено быть общеславянскимъ дипломатическимъ языкомъ, то его распространеніе у Славянъ произойдетъ преимущественно черезъ Угорскую Русь и Словаковъ. И теперь уже между самими крестьянами Словаками вы найдете сотни людей, превосходно говорящихъ по Русски, особенно въ Турчанской Столицѣ (Округѣ). **

В. Лананскій.

Москва.

23 Апрѣля, 1867.

* Жизнеописаніе Штура можно прочесть въ «Русской Бесѣдѣ» 1861, I, въ Сивѣн, стр. 50—60.

** Большая часть перевода сдѣлана мною, остальная же мною лишь исправлена, а переведена нѣкоторыми изъ моихъ слушателей, которымъ я приношу мою чувствительную благодарность.

СЛАВЯНСТВО И МІРЪ БУДУЩАГО.

Пора, Братья, сговориться намъ. Настоящее своимъ строгимъ, важнымъ, голосомъ призываетъ насъ къ дѣлу, а для этого всего нужнѣе предварительное соглашеніе.

Выслушайте этѣ рѣчи; цѣль ихъ—взаимное соглашеніе между всѣми нами, Братья. Выслушайте ихъ вы, Братья пространнаго, могучаго, Сѣверовостока и поработченнаго Юга, и вы, Западные Братья, состоящіе въ сокрушающемъ васъ услуженіи чужеземцамъ. Внемлите словамъ моимъ во всѣхъ земляхъ и во всѣхъ округахъ, гдѣ только раздается Славянская рѣчь; ознакомьте съ ними всѣхъ, кто только можетъ ихъ понять и чувствуетъ въ себѣ силы на дѣло! Мы еще никогда не сговаривались, но за то никогда и не дѣйствовали сообща, между тѣмъ какъ мы всѣ, родные братья, испытали одинаковую судьбу и наслѣдуемъ одно и то же будущее.

Искренна и откровенна, строга и мужественна, будетъ эта рѣчь, исходя изъ груди человѣка, котораго вниманіе съ ранней юности живо занято судьбами нашего племени, взоръ котораго печально созерцалъ наше многострадальное прошедшее и сіялъ радостно передъ картиною нашей великой, чудной, будущности, который самъ трудился и страдалъ для нашего племени и никогда не поддавался внѣшнимъ противнымъ вліяніямъ. Но о томъ пусть свидѣтельствуемъ само посланіе наше.

Да не смущается никто, что идея Славянская раскрывается здѣсь впервые съ такою подробностью, да не пугаются слабыя души откровенностью нашей рѣчи! Мы должны же наконецъ, если только хотимъ согласиться и дѣйствовать за одно, поставить себѣ

общую цѣль. Наши силы прибываютъ съ каждымъ днемъ, а силы враговъ нашихъ слабѣютъ и падаютъ. Если только смѣло принимаея за дѣло, насъ ожидаетъ рѣшительная побѣда, а враговъ нашихъ рѣшительное пораженіе. Ни какая сила въ мірѣ, ни какія Правительства, уже болѣе не въ состояніи потоптать наши народности, носящія въ себѣ идеи будущаго. Счастье и несчастья будутъ имъ благопріятствовать; подъ ведромъ и непогодю, подъ громомъ и молніею, будутъ онѣ созрѣвать. Таково уже естественное развитіе! Бѣдствія, угнетенія и преслѣдованія только закалятъ наши силы, подвинутъ нашъ духъ, укрѣпятъ наши воли; а для нашего великаго дѣла мы нуждаемся въ силахъ, отвагѣ и смѣлости, въ желѣзныхъ, непреклонныхъ, воляхъ. Итакъ, Братья, да будетъ рѣчь эта искренна и мужественна!

Кто изъ васъ, увлеченный думою, не отворачивался отъ будничныхъ заботъ и не обращалъ своихъ взоровъ на нашъ обширный міръ? Кто изъ васъ не скорбѣлъ изъ глубины души объ этомъ многочисленномъ народѣ, о тысячеклѣтнихъ бѣдствіяхъ, его преслѣдующихъ, о бремени, надъ нимъ тяготѣющемъ, о позорѣ, его покрывающемъ? Да, несказанно велики несчастья нашего народа. И если глубоко тронутый наблюдатель задастъ себѣ вопросы, какъ это случилось, какъ это могло произойти, то въ первое время, вмѣсто отвѣта, онъ становится безмолвнымъ отъ грусти. Въ самомъ дѣлѣ, раздираетъ душу зрѣлище, представляемое народомъ, многочисленнѣйшимъ въ Европѣ, раздѣленнымъ, разбитымъ, разорваннымъ. Тамъ онъ томится подъ игомъ Турокъ, здѣсь отъ вѣка служитъ Нѣмцамъ, прежней Священной Римской Имперіи, теперь Австрійцамъ, Прусакамъ и Саксонцамъ; тамъ онъ поглощается и поработается Итальянскою, здѣсь Мадьярскою, стихіею, повсюду запряженъ въ триумфальную колесницу чужеземцевъ, только предлагаетъ изъ себя матеріалъ для чужихъ построекъ и, въ награду за все это, еще покрывается насмѣшками, стыдомъ и позоромъ. Жалостно видѣть, какъ значительная часть этого народа на берегахъ Лабы и Одры, по берегамъ Поморья Балтійскаго, уже вся вымерла подъ тяжкимъ игомъ Нѣмцевъ, на сѣверѣ отъ Италіи перешла въ чужую народность, а въ Турціи отпала отъ Вѣры своихъ отцовъ и стала главною опорю угнетателей своей родины. Таково зрѣлище, поражающее пробужденное чувство Славянина; ибо что

иное могутъ ему представить могилы и развалины его народа, его міра? Многіе изъ насъ глубоко чувствовали печаль по этомъ, и выразили ее въ грустныхъ жалобахъ. Въмѣсто многихъ, приведемъ только Николая Томасею (Томашича), который, хотя и служить другимъ, вспомнивъ, однако, свое происхожденіе, изъ чужа бросилъ сочувственный взглядъ на Славянскій міръ и свою глубокую горестъ краснорѣчиво выразилъ въ прекрасныхъ «Искрицахъ.» Въ 27 Искрицѣ говоритъ онъ:

«Расторгнуты твои члены, славный народъ Славянскій, но еще волнуется въ нихъ общинная жизнь, всякій день твоя кровь течетъ и кипитъ веселѣе. Долговременна была у тебя зима студеная и бурная, но и для тебя настаютъ теперь вѣшніе дни, и для тебя распускаются цвѣты, политые многими слезами. Многозначительно твое возрожденіе. Какъ сестра похожа на сестру, такъ и племена твои походятъ одно на другое, народъ любезный; твои нарѣчія обличаютъ святое и безсмертное свое братство. Многозначительно твое возрожденіе. Но обширныя равнины и степи, подобно морю, отдѣляютъ братьевъ отъ братьевъ; бѣдный сынъ не знаетъ происхожденія своей матери. Жалкіе мы: намъ легче ненависть, нежели любовь, мы скорѣе разлучаемся, нежели сходимся, руки наши скорѣе убиваютъ, чѣмъ обнимаютъ братьевъ. Мы доселѣ мало старались о томъ, чтобы ближе узнать другъ друга, чтобы подать другъ другу руки и братски обняться между собою. Мы допустили, что несчастія разсѣяли насъ, какъ разноситъ вѣтеръ солому. Все у насъ неопредѣленно: выговоръ, правописание, наука, правленіе, обычаи. Все должно быть создано: подвигъ великъ, но еще больше будетъ радость. Поклонимся славнои судьбѣ, насъ ожидающей, вооружимся твердымъ терпѣніемъ, великодушнымъ смиреніемъ. Не время еще намъ воспѣвать славу нашу. Какъ человекъ, носящій великую ношу, трудится и переводитъ духъ, такъ и мы будемъ усиленно работать, и трудомъ приобрѣтемъ себѣ тяжкій вѣнецъ спасительной свободы.»

Мало того, что Славянскій міръ отъ своихъ злосчастныхъ раздѣленій и раздоровъ представляетъ теперь по большой части однѣ развалины, на которыхъ въ теченіе вѣковъ печально возсѣдаетъ геній Славянства, подобно Изидѣ, плачущей надъ разсѣянными костями Озирида. Въ этомъ злополучномъ распаденіи, къ довер-

шенію своего несчастія. Славяне, какъ справедливо замѣчаютъ Томасео, не забыли, однако, о своемъ общемъ происхожденіи и родственныхъ узахъ, о своемъ братскомъ единствѣ. Въ эту глухую ночь, въ этѣ темныя, печальныя, времена, когда ихъ тѣло лежало, казалось, бездыханно, а отдѣльные его члены были раздираемы и истребляемы чужеземцами, ни одно племя не думало о нуждахъ другого, но, отдавшись чужимъ повелителямъ, служило орудіемъ для притѣсненія и дальнѣйшаго порабощенія своихъ братьевъ. Въ эту мрачную ночь, когда все позабыло другъ друга, иногда, какъ бы во снѣ, раздавался голосъ, напоминавшій о нашемъ общемъ происхожденіи, то слабѣе, то сильнѣе, смотря по силамъ и дарованіямъ подававшего голосъ въ этомъ глубоко павшемъ Славянскомъ мирѣ. Но одиночны были этѣ голоса, въ которыхъ изрѣдка духъ Славянства сознавалъ свое усыпленіе. Такіе голоса, напоминающіе распавшимся Славянскимъ племенамъ объ общемъ происхожденіи и объ утраченномъ единствѣ, подавались въ Славянскомъ мирѣ Св. Кирилломъ и Меодіемъ, Несторомъ, Св. Прокопомъ, Далимиломъ, Пясецкимъ ¹ т. д., и съ ними, какъ и со всѣми преданіями, связано сознаніе общаго происхожденія у всѣхъ нашихъ племенъ, которое проходитъ цѣлыя столѣтія и никогда вполнѣ не вымирало. Этѣ преданія иногда выражаются очень ясно объ общности происхожденія нашихъ племенъ, какъ, на примѣръ, о выселеніи трехъ братьевъ, Чеха, Ляха и Руса, изъ одной и той же земли, или представляютъ это аллегорически, какъ, на примѣръ, одна старинная народная сказка, рассказывающая о братьяхъ, которые, въ слѣдствіе домашнихъ раздоровъ, покинули свой отчій домъ и пошли блуждать по дальнему свѣту, за исключеніемъ старшаго, вступили въ службу чужеземцамъ, и наконецъ, послѣ тяжелыхъ испытаній, съ примиреннымъ духомъ, всѣ снова возвратились домой, и уже всѣ жили потомъ въ мирѣ и согласіи. ² Есть эпохи у отдѣльныхъ Сла-

¹ Этѣ свидѣтельства гораздо многочисленнѣе. Онѣ подробно рассмотрѣны въ мопхъ «Чтеніяхъ о Славянской Исторіи», приготовляемыхъ нынѣ къ печати. В. Л.

² Въ этомъ отношеніи къ Славянамъ легко примѣняются стихи Лермонтова:

«Разлучивъ, насъ сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Возродило желаніе одно.» В. Л.

влянскихъ племенъ, когда они достигали извѣстнаго развитія силъ и, въ слѣдствіе выше упомянутаго смутнаго сознанія, стремились къ единству. Такъ жила въ могучихъ Гуситахъ (при чемъ мы совершенно соглашаемся съ Русскимъ писателемъ, Елагинымъ, въ противность Палацкому), память о нѣкогда общей всѣмъ нашимъ племенамъ, Греческо-Славянской Церкви, по чему и Гуситы сносились съ Цареградскимъ Патріархомъ о присоединеніи ихъ къ Православной Церкви: ³ такъ, между прочимъ, и многіе энергиче-

³ Статья Г. Елагина объ Исторіи Чехіи Ф. Палацкаго въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1848 г., кн. 7, IV, стр. 1—44). Подробнѣе и лучше объ этомъ у Г. Новикова (такъ же, кн. 9, IV, стр. 94 и слѣд.) съ прим. Бодянскаго: «Православіе у Чеховъ», и въ особомъ сочиненіи «Гусъ и Лютеръ.» Москва 1859 г., 2 ч. Отсылая читателя къ моимъ «Чтеніямъ, приготовляемымъ къ печати, укажу здѣсь на одно важное свидѣтельство самаго друга Гусова, Иеронима Пражскаго, приводившаго въ связь ихъ ученіе съ древнимъ Православіемъ въ Чехіи. На это свидѣтельство не обратили должнаго вниманія ни Палацкій, ни Неавдеръ (Allgem. Gesch. d. christl. Religion und Kirche. 3 Auflage. Gotha 1856. 2 B. 2 Abth. Ss. 767 и слѣд., и особенно стр. 872—877), ни Новиковъ (?), ни Круммель (Gesch. d. böhmischen Reformation im 15-ten Jahrh. Gotha 1866, 8°, X und 678. Трудъ почтенный!). Въ засѣданіи 26 Мая, 1416 г. (вторникъ), на Констанцкомъ Соборѣ, Иеронимъ въ рѣчи своей указалъ на многихъ славныхъ мужей изъ міра классическаго и Ветхозавѣтнаго, наконецъ на первомученика Стефана. «Et descendendo ad speciem, dixit, quod per neminem condemnaretur, nisi per suos de Bohemia et Teutonicos, qui odio ipsum haberent. Et allegando causam odii dixit, incipiendo, qualiter Regnum Bohemiae fuisset constructum, et Bohemi descendissent a Graecis. Et quomodo fuisset invidia inter Graecos et Teutonicos, et tandem devenisset illud Regnum Bohemiae ad manus Imperatoris Caroli IV... (V. d. Hardt. Conc. Const. t. IV, p. 735). Конечно, тутъ разумѣется происхожденіе, начало не въ смыслѣ этнологическомъ, а религіозномъ, церковномъ. Палацкій нашелъ въ молитвенникѣ Чешскаго Брата Коранды (въ Пражской Унив. Библіотекѣ) слѣдующее любопытное его примѣчаніе: «О, если бы Чехи увидали, что Папа со своими есть Церковь Западная, и, оставивъ ее, обратились бы къ Восточной, и устроивъ ее (у себя), достали бы себѣ Епископовъ своего языка, а не Нѣмцевъ и не Итальянцевъ! Тогда бы (мы) достигли свободы Христіанской Вѣры, и какъ относительно Причащенія въ обохъ видахъ, такъ и вообще дѣла пошли бы своимъ настоящимъ путемъ. И не было бы надобности брать паллѣвъ изъ Рима, ибо это очевидно святопродавческая ересь.» (Dějiny národu Českého. Praha. 1865. D. V, str. 351). Также прибавляетъ Палацкій, что въ XV в. Чашниковъ Чешскихъ часто упрекали за то, что если между ними появится какой ни будь Грекъ, Русъ, или Сербъ, то они обыкновенно ухаживали за ними съ такими оговоренными ласками, какъ будто они были лучше нашихъ Христіанъ. Укажемъ на весьма любопытное свидѣтельство очевидца, не отмѣченное ни Палацкимъ, ни

скіе Славянскіе Государи, какъ, на примѣръ, Само (623—662), Велико-Моравскіе Ростиславъ (846—870) и Святополкъ (871—894), Хорватскій Жупанъ Людевитъ († 823), Сербскій Царь Душанъ (1336—1355), Чешскій Брячиславъ (1024—1061) и Польскій Болеславъ Храбрый (992—1025), стремились присоединить къ своимъ Монархіямъ всѣ сосѣднія племена. ' Впрочемъ, все это было отры-

Гвиделн (Gesch. d. Böhm. Brüd. Prag 1857. I, 67—69), между тѣмъ какъ оно служитъ важнымъ дополненіемъ и поясненіемъ извѣстнаго посланія Цареградскаго 1462 г. къ Чехамъ. Разумію «Ubertini Pusculi Brixiensis Constantinopoleos libri IV (новѣйшее изданіе Эллисена (Ellissen, Analecten d. mittel-und neugriech. Literatur. Leipzig 1857. 3 Th. Anhang). Здѣсь, во 2 кв. (II, v. 498—558) Пускало рассказываетъ, какъ очевидецъ, о пребываніи въ Цареградѣ, на кануны его взятія Турками, одного пламеннаго Чеха, Гусита, о сочувствіи къ нему Грековъ и объ его обличительныхъ рѣчахъ противъ Римской и похвальныхъ въ пользу Греческой Церкви. Православные Сербы, современники Гуса, считали его Православнымъ (см. Григоровича: О Сербіи. Казань 1859, стр. 55).

- 4 Штуръ забылъ Чешскаго Короля Оттокара II (1253—1278 г.). Одному Римскому Кардиналу онъ жаловался на постоянное предпочтеніе Нѣмцевъ Славянамъ. «И непримично, тяжело и предосудительно, и для насъ, и для Королевства нашего, и для языка (народа) Славянскаго, что какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ братья Минориты различными прижимками до того подавлены, что не могутъ также свободно совершать божественныхъ Таинъ и другихъ своихъ обязанностей, какъ то проповѣди и исповѣди, какъ это совершаютъ того же ордена инородцы, посѣщающіе ихъ края. Для отстраненія ихъ (Славянъ) посылаются братья Нѣмецкаго языка въ отдѣльные дома этого ордена въ нашемъ Королевствѣ и въ Княжествахъ Польскихъ, тогда какъ братья Славянскаго языка рассылаются къ чужимъ народамъ, гдѣ они бесполезны, такъ что это обращается въ величайшій вредъ для душъ рода Славянскаго. Въ презрѣніи къ намъ и къ нашему роду, запрещается сказаннымъ братьямъ Чехіи и Польши ихъ начальниками избирать себѣ изъ своей среды прелатовъ, какъ это дѣлають другіе народы (см. Palsky Gesch. v. Böhmen. Prag 1847. II B. I Abth. S. 287).

Да, непривольно было Славянамъ Католикамъ въ Римско-Нѣмецкомъ мірѣ. Ни Нѣмцы, ни Римъ, никогда имъ вполне не довѣряли. И такое отстраненіе Славянъ входило въ политику и Нѣмцевъ и Рима. Польскій Сенаторъ, Янъ Остророгъ, въ своей запискѣ, представленной Петровскому Сейму въ 1459 г., такъ жаловался на Нѣмецкое духовенство въ Польшѣ: «Дурно и позорно для Поляковъ, что во многихъ у насъ церквахъ говорятъ проповѣди по Нѣмецки, и то въ мѣстахъ богатыхъ и важныхъ, гдѣ Нѣмецкую проповѣдь слушаютъ двѣ какія ни будь бабы, между тѣмъ какъ огромная толпа Поляковъ толчется гдѣ ни есть въ углу съ своимъ проповѣдникомъ. Кто хочетъ жить въ Польшѣ, пусть учится по Польски... «Господа, правящіе Государствомъ, какъ же вы неразумны и можете переносить,

вочно, всё этѣ усилія не удались отъ заснувшаго самосознанія нашихъ племенъ.

Но побѣдимъ мужественно нашу горестъ и подумаемъ объ устройствѣ лучшаго будущаго для нашихъ племенъ. Разсмотримъ теперь, какъ могло статься, что Славянскій міръ подпалъ такой злой участи и по большей части достался въ добычу чужеземцамъ?

Славяне преимущественно привязаны къ семейной жизни; они чувствуютъ особенное счастье принадлежать къ семьѣ, и въ этомъ счастьи они находятъ свое удовлетвореніе. Нигдѣ слово «родина» (семья) не имѣетъ такого глубокаго значенія, какъ у Славянъ, нигдѣ такъ не живо участіе ко всѣмъ ея членамъ. Полякъ, произнося свою обожаемую ойчизну (отечество), мыслить при этомъ прежде всего о своихъ родныхъ и ближнихъ, которые, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, составляютъ отечество. Ни какой другой народъ не празднуетъ семейныхъ праздниковъ съ такою любовью, поэзіею и роскошью, какъ Славяне; но и разлука съ выдѣляющимися на вѣки изъ семьи нигдѣ такъ глубоко не чувствуется, такъ искрен-

что изъ монастырей, основанныхъ на имѣніяхъ и доходахъ нашихъ предковъ, монахи, живущіе на Польской землѣ и съ нею кормимые Поляками, выключаютъ нашихъ земляковъ, не впускаютъ въ братство, по тому что ихъ обязываетъ Уставъ принимать въ монастырь однихъ только Нѣмцевъ? Уставъ этотъ смѣха достоинъ и противенъ Церковнымъ Уставамъ. Кто можетъ осмѣлиться на вольное Королевство Польское, Король котораго есть Государь Самодержавный, не признающій ни чьей другой верховной власти, налагать такое ярмо, подъ ложнымъ видомъ покровя? Не допускайте же далѣе, почтенные мужи, если хотите быть мужами, чтобы этѣ глупые и жепopodobные монахи смѣлясь надъ народомъ Польскимъ и обманывали его ложною набожностью!» Въ 1278 г. Оттокаръ, готовясь къ роковой своей борьбѣ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ, писалъ Польскимъ Князьямъ въ Силезіи о необходимости общаго, единодушнаго сопротивленія Нѣмцамъ, для благовременной защиты Славянъ: «Многочисленность Славянъ, прибавляетъ огнь, ненавистна Нѣмцамъ; Чехія есть оплотъ Славянскихъ земель противъ Нѣмцевъ» Dollinger. Codex epistolaris Prim. Ottoc. II, Boh. Reg. Viennaе 1802, p. 93 — 95.

Чешскій Король Карлъ I (1346 — 1378 г.) писалъ, въ 1355 г., Сербскому Царю, Стефану Душану (1336—1355 г.): «Если общность существа человѣческаго внушаетъ намъ глубокое сочувствіе къ ближнему, то какая должна быть связь между нами, братьями по величію царственному, по единству благородной рѣчи Славянской, по общности происхожденія отъ одного великаго племени!» (de vobis, quem ejusdem nobilis Slavici idiomatis participatio facit esse communem). В. Л.

не оплакивается, какъ у нихъ. Семейная жизнь для Славянина составляетъ тотъ кругъ, въ которомъ онъ постоянно обращается и живетъ съ наибольшимъ удовольствіемъ, на которой онъ съ грустью глядитъ изъ далека и къ которому онъ обращаетъ самые душевные свои помыслы. Ни у одного народа, кромѣ Славянъ, нѣтъ такой развитой поэзіи, воспѣвающей и прославляющей эту семейную жизнь. Распространенная семья для Славянина есть община, эта его сильная и вмѣстѣ его слабая сторона. Такому понятію его объ общинѣ отвѣчаетъ цѣлое ея устройство у всѣхъ нашихъ племенъ. Въ древности община держится каждого члена, она внутри себя не терпитъ нищихъ, но заботится о каждомъ нуждающемся и больномъ, подобно семьѣ, пекущейся о своихъ членахъ, и недвижимая собственность принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ, но общинѣ, какъ представителю всѣхъ членовъ общины. Это послѣднее, чисто Славянское, устройство только еще въ Россіи удержалось до настоящаго времени, какъ и вообще въ земляхъ Славянскихъ, не покоренныхъ чужеземцамъ, сохранились болѣе или менѣе Старо-Славянскіе обычаи. До настоящаго времени въ Славянскихъ общинахъ уцѣлѣлъ обычай, по которому всѣ исходящія отъ Правительства распоряженія, на примѣръ, сборъ податей, поставка рекрутъ и пр., поручаются не Чиновникамъ отъ Правительства, но общиннымъ Старостамъ, которые, по предварительномъ совѣщаніи и по своему усмотрѣнію, распределяютъ подати, поставляютъ рекрутъ и т. д.

Распространенная община есть округа, многозначительная въ Славянской жизни жупа. Какъ дѣлами общинъ завѣдываютъ ихъ Старосты, отцы семействъ, такъ дѣлами цѣлой округи заправляютъ всѣ землевладѣльцы округи на своихъ сходкахъ (Русскія вѣча, Польскіе seumiki, Чешскіе snětu, Угорскія конгрегаціи, Юго-Славянскія скупштини). Первоначально все это были отцы семействъ (Владыки, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалось Дворянство), съ одинакимъ правомъ на участіе въ общихъ совѣщаніяхъ. Въ Россіи, въ слѣдствіе препятствій со стороны Верховной Власти, этѣ собранія окружныя не достигли того развитія и значенія, какъ, на примѣръ, въ Польшѣ, въ Угріи и т. д., но и тамъ даже до настоящаго времени Дворянство имѣетъ право собираться, выбирать своихъ Предводителей и Судей двухъ первыхъ ин-

станцій, а также еще и нѣкоторыхъ Чиновниковъ по управленію.⁵ Отъ округи идетъ дальнѣйшее развитіе къ Государству, какъ высшей власти, обнимающей и обдержажшей всѣ округи, т. е., всю землю. Но создать эту власть или Государство въ истинномъ смыслѣ и ввести его въ жизнь съ силою, соразмѣрною его призванію, Славяне не могли, и можемъ даже прибавить, и не хотѣли. Въ собраніяхъ общинныхъ, окружныхъ взгляды, требованія и притязанія всѣхъ, должны быть, по возможности, принимаемы во вниманіе, мнѣнія, интересы всѣхъ по возможности сохранены и уважены. Тѣ же, о которыхъ идетъ тутъ рѣчь, суть сами совѣщающіеся, которые, сверхъ того, считаются членами одной и той же семьи, равными братьями (równi bracia). Иное дѣло въ Государствѣ. Государство обязано блюсти цѣлое и внутри и извнѣ. Оно должно болѣе обращать вниманіе на общее, чѣмъ на частности, и не столько можетъ, соотвѣтствующимъ имъ образомъ, удовлетворять воззрѣніямъ, притязаніямъ и интересамъ всѣхъ, сколько считаетъ себя необходимымъ признанное наилучшимъ проводить въ жизнь, не смотря на сопротивленіе единицъ, даже съ устраненіемъ частныхъ ихъ требованій и интересовъ. Сверхъ того, оно обязано принимать во вниманіе и единицы и ихъ силы, какъ нравственныя, такъ и матеріальныя. Это отреченіе отъ самого себя, это подчиненіе единицы общему, эта служба цѣлому, которое представляется болѣе въ мысли, чѣмъ въ наглядномъ представленіи, при чемъ часто совершенно отсутствуетъ столь сродная Славянамъ семейная и общинная жизнь, все это въ разрѣзъ противорѣчило Славянской природѣ, и по тому-то съ такою силою сопротивлялись наши племена вездѣ и всюду образованію сильнаго Правительства, органическаго Государства, и никогда не допускали развитія изъ племенъ большому Государственному единству. Большое цѣльное Государство мало можетъ угождать единицѣ, скорѣе требуетъ самопожертвованія и, для своего поддержанія, нуждается въ большой власти, а все это не любо было нашимъ племенамъ. Бѣг-

⁵ За исключеніемъ общей скупщины въ Сербіи и земскихъ сеймовъ въ Славянскихъ земляхъ Австріи и Угорщины, совѣщательное начало и самоуправленіе въ Россіи не только сдѣлали огромный шагъ впередъ со времени, когда писалъ Штуръ (1852—53 г.), но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно опередили въ земскихъ учрежденіяхъ подобныя же учрежденія въ другихъ земляхъ Славянскихъ, именно въ Княжествѣ Сербскомъ и Австріи. В. Л.

мый взглядъ на Славянскую Исторію подтверждаетъ этѣ положенія во всѣхъ отношеніяхъ. Если Славяне и имѣли гдѣ достаточно побудительныя причины образовать плотныя, могущественныя Государства, то это именно на крайнахъ, гдѣ они соприкасались съ чужими народами, то есть, на Лабѣ и на Одрѣ, а также и на нижнемъ Дунаѣ. Но тамъ именно мы и видимъ совершенно противное этому. Нигдѣ столько раздѣльности и раздробленности, нигдѣ больше несогласія и раздоровъ, какъ именно здѣсь. Удивительно ли послѣ того, что всѣ они здѣсь, вмѣстѣ и отдѣльно, стали добычею чужеземцевъ? Посмотримъ же теперь, какъ тутъ происходило дѣло.

На Лабѣ и Одрѣ, тамъ, гдѣ напоръ Нѣмцевъ былъ всего сильнѣе, мы видимъ ихъ уже раздѣленными на три купы: Бодричей, Лютичей и Сербовъ, а тѣхъ, въ свою очередь, на безчисленные отдѣлы и частицы, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего Князька. Нечего и думать о большихъ союзахъ между ними, даже при очевидной опасности. Напротивъ, мы видимъ у нихъ постоянную вражду и ненависть, и если осмѣлится одинъ изъ нихъ поднять на другихъ руку, чтобы хоть силою принудить ихъ къ общему дѣйствию, то они тотчасъ, во вредъ цѣлому, отдаются подъ покровительство Нѣмецкихъ Императоровъ, какъ то часто бывало у Бодричей и Сербовъ, чтобы только сохранить свою особность. Мы видимъ ихъ въ непрерывной и мужественной до самоубвенія войнѣ съ Нѣмцами, но другъ Славянецъ сталъ бы напрасно ожидать отъ нея благопріятныхъ послѣдствій. Они всѣ болѣе и болѣе поддаются Нѣмецкому игу, и послѣ мучительнаго боренія съ смертію совершенно исчезаютъ, сохранившись лишь въ ничтожныхъ остаткахъ Сербовъ въ обѣихъ Лужицахъ, ко орые удержались тамъ до нынѣ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы отъ имени тамошняго вымершаго Славянства привѣтствовать новый восходящій Славянству день. На другихъ предѣлахъ Славянскаго міра возникаютъ за тѣмъ Чехія, Моравская держава, на югѣ образуются Хорватія, Хорутанія и далѣе къ юго-востоку Сербія, Боснія, Болгарія, земли, которыя въ послѣдствіи увеличиваются нѣкоторыми новыми областями, какъ то: Крайною, Истрією, Далматією, Славонією, Герцеговиною и т. д.; вообще, Государства вырастаютъ тамъ, какъ грибы. И какъ нѣкогда грибы составляли лакомое кушанье на столахъ

нашихъ вельможъ, такъ и теперь этѣ проizrастенія наши составляютъ, для владѣющихъ нами покровителей, предметъ особеннаго вниманія и благосклонной попечительности, какъ то можно видѣть на новѣйшихъ коронныхъ земляхъ Австріи. Ни одна изъ нихъ не должна быть тронута, или еще менѣе соединена съ другою, но по однажды принятому началу равноправности, всѣ должны развиваться и процвѣтать. При всемъ томъ, что всѣ этѣ Государственные союзы, возникшіе на предѣлахъ Славянскаго міра, были малы и безсильны, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ иноземцевъ, со всѣхъ сторонъ вторгавшихся въ нашу область, мы находимъ и у нихъ то же самое раздѣленіе и ту же вражду, какія видѣли у Славянъ Полабскихъ. Изъ всѣхъ этѣхъ союзовъ, безспорно, самымъ значительнымъ была Великая Моравія, которая, вдоль и шири собирая наши племена въ одно цѣлое и идя объ руку съ Славянскими Апостолами, готова была образовать въ средней Европѣ могучее срединное Государство Славянское. Но прежде, чѣмъ она еще достигла той высоты, съ которой бы могла провести свои широкіе замыслы, и въ то время, когда его непріатели и, самый естественный, Нѣмецкая Имперія, обратили на то вниманіе и всячески старались помѣшать этѣмъ замысламъ, два Чешскихъ Князя, Спитигнѣвъ и Вратиславъ, отдѣляются отъ Велико-Моравскаго союза, къ которому примкнулъ ихъ отецъ, Боривой, и поступаютъ подъ покровительство Нѣмецкой Имперіи, чтобы, въ удовлетвореніе своему стремленію къ особности, служить орудіемъ Имперіи противъ Славянскаго единства. Такимъ образомъ, лишенная одной изъ главнѣйшихъ своихъ опоръ и обнаженная съ этой стороны, Держава Велико-Моравская была принуждена разорвать связь съ Славянскими племенами, жившими за Чехами. Братская рука предала ее на мщеніе врагамъ. Правда, Чехія съ той поры наиболѣе выдерживала натискъ Нѣмцевъ и въ теченіе вѣковъ противопоставляла мужественный отпоръ удвоеннымъ усиліямъ и нападеніямъ на ея самостоятельность, и на этой крайнѣй была послѣднимъ бойцомъ повсюду падавшаго Славянства съ Нѣмщиной, но тѣмъ не менѣе и Чехію постигла участь Государства Велико-Моравскаго, паденію котораго она сама содѣйствовала, конечно, постигла гораздо позже, но все таки постигла; и Чехи точно также должны были преклонить свою выю, какъ и другіе ихъ братья (1620 г.). Не лучше выпало на

долю другимъ пограничнымъ Славянскимъ союзамъ: Хорватія своими Жупанами, которые всё стремились къ самостоятельности, или лучше къ особности, вовлечена была въ непрерывныя смуты, и, будучи не въ состояніи существовать, какъ одно цѣлое, вскорѣ должна была вступить въ переговоры съ Мадырами, именно съ Коломаномъ, и признать его своимъ Государемъ. * Хорутанія была присоединена къ Нѣмецкой Имперіи; Сербія точно также раз-

* Съ Исторією Хорватіи и ея отношеніями къ Угріи можно познакомиться изъ слѣд. сочиненій: 1) Mikoczi (Jos.), Otiorum Croatiae liber unus. Opus posthumum. Budae 1806, 8°, XVI et 447. 2) Tkalac, Hrvatska Povjestnica. Zagreb 1861, 12°, 196. 3) Rački, Odlomci iz državoga prava Hrvatskoga. Beč. 1861. 4) Responsa ad opera de Croatia et Slavonia per G. Feyer et G. Gyurikovits. Zagrabiae 1847, 8°. 188 p. 5) Kvaternik, Was ist die Wahrheit? Eine Erwiederung auf d. Szalay'sche Pamphlet «Zur Kroatische Frage.» Agram 1861, 8° VII u. 281. 6) Его же. Das historisch-diplomatische Verhältniss d. Königreichs Kroatien zu d. ungarischen St. Stephans Krone. 2 Auflage. Agram 1861, 8°, Ss. 232. Здѣсь авторъ старается исторически доказать, что у Хорватовъ съ Мадырами было соединенія личное, династическое, а не реальное, словомъ, объ отношеніяхъ Короны Звонимира и Хорватовъ къ Мадырамъ проводитъ ту же самую мысль, которую Мадыры (Деакъ и пр.) проводятъ объ отношеніяхъ Короны Св. Стефана къ Габсбургамъ и Угріи, къ землямъ по ту сторону Лейты. Салай (Zur Ungarisch-Kroatischen Frage. Pest und Leipzig 1863, 8°, Ss. 78) и Деакъ (Denkschrift über d. Verhältn. zwischen Ungarn u Kroatien. Wien 1861, 12°, Ss. 31) сходятся убѣдить Хорватовъ и основательными доводами и разными натяжками въ томъ же, въ чемъ такимъ же способомъ и одинаково безуспѣшно убѣждали и Деака и его партію разные Вѣнскіе Нѣмцы, особенно Профессоръ Лусткандль (Das Ungarisch-Oesterreichische Staatsrecht. Zur Lösung der Verfassungsfrage. Wien 1863, 8°, XVIII und 498). Возраженіе Лусткандлю Деака (Ein Beitrag zum ungarischen Staatsrecht. Bemerkungen über W. Lustkandls «Ungar.-oest. Staatsr.» v. Standpunkte d. Gesch. d. ungar. Staatsrechts, von Fr. v Deák. Pest 1865, 8°, Ss. 234) совершенно похоже на возраженіе Кватерника Салаю (и Деаку). Борбе безпристрастное и учное изложеніе столь важной для Славянъ Исторіи Угорскаго права читатель найдетъ въ сочиненіи Вирожила (Virozsil D., Staatsrecht d. Königreichs Ungarn. Pest 1865. I B. XX und 362).—По Исторіи Хорутанскихъ и Краинскихъ Словянцевъ чит. классическое твореніе Вальвасора: Die Ehre d. Herzogth. Krain. Laibach 1689; Лияггарта: Vers. ein. Gesch v. Krain und den übrigen Ländern d. südlichen Slawen Oesterreichs. Laibach 1788; Padura, Geschichte Krains, ein Handbuch. Laibach 1862; Эрбена: Vévodství Korutany a Krajina v geografiko-stat. i histor. přehledu. Praha 1863. По авторатурной Исторіи Словянцевъ полезны: Jihoslované. Obraz národopisno-literární. Praha 1864, и Мацуна (Macun) Kratak pregled Slovenske literature. Zagreb 1863, 12°. Хорошая этнографическая карта Словянцевъ съ текстомъ и пояснительными примѣчаніями издана Козлеромъ въ Вѣнѣ 1864 г. В. Л.

диралась кровавыми усобицами Жупановъ, и хотя потомъ нѣкоторое время была сильна и самостоятельна, однако, вскорѣ затемъ, сдѣлалась добычею варваровъ. Такая же судьба постигла и Боснію, всегда стремившуюся къ обособленію или, въ Славянскомъ смыслѣ, къ самостоятельности, а также еще прежде и Болгарію. Съ паденіемъ Сербіи погибли всѣ надежды Южныхъ Славянскихъ племенъ. Такимъ образомъ все Славянство въ этѣхъ пограничныхъ областяхъ подпало рабству иноземцевъ; на этотъ міръ обрушились страшныя бѣдствія, и Славяне покрылись позоромъ.

Какъ Славянскія племена понимали Государственное единство, всего лучше видно изъ примѣра Польши. Тамъ не только каждый находилъ удовлетвореніе внутри общины, но и каждый изъ Владыкъ, образовавшихъ Дворянство, по понятіямъ Польскимъ, долженъ былъ въ общихъ собраніяхъ и при тамошнихъ рѣшеніяхъ вполне быть выслушанъ и удовлетворенъ; взгляды, мнѣнія, притязанія и выгоды всѣхъ и каждого должны были быть не только принимаемы во вниманіе, но и совершенно признаваемы и приводимы въ дѣйствіе. Въ противномъ же случаѣ, общее рѣшеніе, при недовольствѣ имъ даже одного лица, бывало безсильно и ничтожно. Такова знаменитая практическая равноправность Поляковъ; тутъ каждый отдѣльно бывалъ равноправенъ въ отношеніи къ цѣлому и общему, становился на одну доску съ цѣлымъ, а цѣлое и всеобщее, т. е., воля всѣхъ, выразившаяся въ общемъ рѣшеніи, была совершенно безправна въ отношеніи къ одной личности. Такимъ образомъ общественное благосостояніе попиралось ногами одного лица, бывало въ зависимости отъ прихоти каждого, черезъ что открывался просторъ безграничному произволу, и Государство предавалось въ жертву всѣмъ возможнымъ потрясеніямъ; въ идеѣ оно совершенно уничтожалось. Что можно было предвидѣть, то и случилось въ дѣйствительности. Польша погибла прежде всего изъ за своего знаменитаго «nie rozwalam», изъ за своего, обратившагося въ пословицу, Польскаго правленія, и образъ этой свободы, отъ которой насъ избави, Боже! все еще носятъ передъ большинствомъ этѣхъ блудныхъ и почти погибшихъ Славянскихъ сыновъ, ибо у нихъ всегда на устахъ слова: «демократа» и «демократія», а при этомъ каждый изъ нихъ думаетъ только о своемъ широкомъ «я», о своихъ собственныхъ притязаніяхъ и личныхъ прихотахъ.

Государственные союзы у Славянъ образуются также совершенно иначе, чѣмъ у ихъ сосѣдей, Нѣмцевъ. Движимые внутреннимъ стремленіемъ, Нѣмцы выступаютъ завоевателями, и воинственный духъ проникаетъ ихъ Государственный союзъ; стоящій во главѣ воинской дружины «*Herigo*» или «*Schora*» (*Sire*) становится Княземъ, а воинскій нарядъ — нарядомъ земскимъ, такъ что слуги Короля, такъ называемые Графы, завѣдываютъ дружиною, судами, управленіемъ въ округахъ. При всемъ томъ Король управляетъ и владѣетъ страню не самовластно и, при всѣхъ общеважныхъ рѣшеніяхъ, *placita regia*, онъ ограниченъ совѣтомъ своихъ вождей. Они же, съ своей стороны, вмѣняютъ себя въ непремѣнную обязанность вѣрность своему Князю, которая дѣйствительно въ то время жила въ ихъ сердцахъ. ⁷ Мы видимъ здѣсь твердое, разчлененное Государственное единство, представляющее основаніе для могущественнаго развитія цѣлаго и благопріятное для великихъ предпріятій. Совершенно иначе у Славянъ. Искони жили они въ раздѣленіи на множество племенъ, въ бытѣ патріархальномъ, не думая объ единствѣ и о какихъ ни будь виѣшнихъ предпріятіяхъ. Это подтверждается свѣдѣтельствомъ Прокопія; онъ говорилъ, что они не признаютъ единовластія, но живутъ въ народоправленіи. Это свѣдѣтельство нѣкоторыя и даже самыя лучшія головы толковали въ похвалу Славянъ, и уже изъ этой демократіи строили нѣчто въ родѣ Греческихъ Республикъ. По нашему мнѣнію, слова Прокопія объясняются совершенно иначе. Съ своими Византійскими понятіями объ Императорской власти, Прокопій у Славянъ могъ тутъ найти нѣчто подобное Республикамъ, но упоминаемую имъ демократію надо собственно разумѣть въ томъ смыслѣ, что извѣстные ему Славянскія племена жили патріархально, малыми толпами. Какъ слагалась тогдашняя жизнь, объясняетъ намъ Маврикій, который пополняетъ Прокопія замѣчаніемъ, что Славяне не терпѣли у себя ни какого повелителя, взаимно ненавидѣли другъ друга, сами

⁷ О Государственномъ устройствѣ древнихъ Германцевъ см. Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*. Kiel 1861; Dahn (Fel.), *Die Könige der Germanen*. München 1861 и Würzburg 1866; 4 Abth. По общей исторіи древнихъ Германцевъ лучшія сочиненія: Zeuss, *Die Deutschen und die Nachbarstämme*. München 1837 и Wietersheim (Ed. v.), *Geschichte d. Völkerwanderung*. Leipzig 1839 — 1862, 3. Bände. В. Л.

племена точно также, какъ и вожди ихъ (reguli), собственно племенные старѣйшины, патріархи. Если бы Славянскія племена не жили такъ распущенно, а были бы какъ ни будь соединены, то могло ли бы случиться, что всякая орда варваровъ, приходившая изъ Азіи въ Европу, Гунновъ и Аваровъ, Хазаровъ и Печенѣговъ, такъ легко проходила черезъ земли Славянъ, увлекали ихъ за собою и возмутительнѣйшимъ образомъ обращалась съ ними? ⁸ Иначе какъ бы могло случиться, что Мадыры спокойно проникли въ средину Славянскихъ народовъ, какъ бы погруженныхъ въ глубокой сонъ,

⁸ Тутъ нужно обращать вниманіе на географическое положеніе Славянскихъ земель, на ихъ огромный просторъ и малонаселенность (особливо тогдашнюю) и вмѣстѣ на многочисленность нападавшихъ на Славянъ Азіатскихъ ордъ, которыя при томъ всегда почти находили себѣ союзниковъ, или пособниковъ, въ Грекахъ, или Нѣмцахъ. Во всякомъ случаѣ, исконные противники Славянъ, Азіаты и Нѣмцы, всегда, сознательно и безсознательно, помогали другъ другу въ покореніи Славянъ, за которыми обезпеченные Романо-Германцы могли спокойно отдаваться мирнымъ занятіямъ промышленностью и торговлею, искусствами и науками. Что же касается до исчезновенія нѣкоторыхъ племенъ Славянскихъ, на пр., Полабскихъ, Балтійскихъ и Морейскихъ Славянъ, то Штуръ, въ слѣдъ за нѣкоторыми иностранными учеными, слишкомъ опрометчиво и неосновательно заключаетъ, яко бы о превосходствѣ въ этомъ отношеніи племени Нѣмецкаго передъ Славянскимъ. Развѣ мало погибло Нѣмцевъ: Готовъ, Вандаловъ, Геруловъ, Лангобардовъ? Что стало съ Франками въ Галліи, съ Норманнами въ Сициліи? Что происходитъ съ Нѣмцами, живущими среди Словаковъ, въ верхней Угріи? О быстротѣ ихъ ослабленія см. Чернига (Ethnographie d. oest. Monarchie. Wien 1857, II B. §§ 75 — 92, III B. §§ 48 — 49). И если не русьютъ Нѣмцы въ Россіи такъ, какъ бы слѣдовало, то единственно лишь благодаря удивительнымъ ихъ вѣдшимъ преимуществамъ и страннымъ привилегіямъ, которыя, если Россіи не суждено скоро погибнуть, долго существовать не будутъ. Развѣ не быстро исчезаютъ Нѣмцы въ Англо-Саксонской стихіи въ Австраліи и Америкѣ, и не французятся ли они во Франціи? Разница только въ томъ, что обстоятельство, облегчающее такую утрату народности, у Славянъ больше, чѣмъ у Нѣмцевъ, или Романцевъ, и это именно по тому, что въ теченіе вѣковъ Славяне выносили двойную борьбу съ Азіатами и Нѣмцами, и тѣмъ развлекали свои силы. Съ другой стороны, природа и вѣдшія обстоятельства благопріятствовали Романцамъ и Нѣмцамъ гораздо прежде достигнуть литературнаго и политическаго объединенія, къ которому теперь стремятся Славяне, какъ о томъ живо свидѣтельствуетъ и само сочиненіе Штура. По близости Нѣмцевъ къ Кельтамъ и къ Риму, волною событій они были увлечены въ историческій водоворотъ цѣлыми 4 или 5 вѣками раньше Славянъ. Не въ томъ ли ужъ ихъ духовное превосходство передъ нами? Не выше, а старше она насъ. В. Л.

и поселились на прекраснѣйшихъ равнинахъ, въ сердцѣ Славянъ? ° О, достойная подражанія демократія нашихъ предковъ, которая безъ ропота даетъ себя разрывать и топтать, безъ сопротивленія, кротко преклоняетъ выю подъ иго и завѣщаетъ потомству тысячекратнее рабство! Перестаньте же восхвалять демократію древнихъ Славянъ, не проливайте и слезъ о страданіяхъ нашего народа, которыя имъ приготовила Азіятская варварская орда, но вооружитесь справедливымъ негодованіемъ противъ слабости, неблагодарумія и беспомощности нашего народа! Упоминаемая Прокопѣемъ демократія древнихъ Славянъ была не что иное, какъ первоначальное, неразвитое, младенческое состояніе нашего народа.

Но на этомъ намъ остановиться было нельзя. Какъ Славяне были со всѣхъ стороны давимы и угнетаемы, а кругомъ ихъ существовали уже чужія Государства, или образовывались новыя, которыя грозили ихъ поглотить, то и они начинаютъ тѣснѣе спланиваться между собою и наконецъ доходятъ до образованія Государствъ. Но какъ они всегда твердо держались своихъ общинъ и жупъ, въ основаніи которыхъ легли первоначальные роды, племена, и какъ, съ одной стороны, они не умѣли ввести ихъ въ кругъ Государства, а съ другой, Государства возникали не изъ идеи положительной, на, относительно говоря, только отрицательной, изъ потребности взаимной защиты и болѣе спокойной жизни, то и не могли они получить того первоначальнаго сильнаго толчка, какъ Нѣмецкія Государства, и не было въ нашемъ Государственномъ устройствѣ ни чего правильнаго и твердаго. Не могучія, смѣлыя и предприимчивыя личности выступаютъ во главѣ Славянскихъ Государствъ, но простые, миролюбивые поселяне,

° Торжество Латинско-Нѣмецкаго духовенства съ Викингомъ и изгнаніе учениковъ Св. Меодія изъ Моравіи было для нея гораздо гибельнѣе прихода Мадьяръ, которые бы, въ случаѣ сохраненія Славянской Церкви, неминуемо слились съ Славянами, подобно Болгарамъ, въ одинъ народъ. Мы даже думаемъ, согласно съ Г. Елагинымъ (Русская Бесѣда 1858, I.), что Мадьяры, разумѣется, безсознательно, оказали Славянству пользу тѣмъ, что уберегли Угорскихъ Славянъ отъ Нѣмецкаго вліянія. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, Мадьяры похожи на Турокъ, которые, своимъ тяжелымъ игомъ, сохранили Славянъ отъ болѣе тяжкаго рабства Романо-Германскому міру. В. Л.

какъ Пясть у Поляковъ, Премысль у Чеховъ. ¹⁰ Въ Хорутаніи новозбранный Князь долженъ былъ, при своемъ вступленіи на Княжескій престолъ являться передъ собравшимся народомъ въ одеждѣ крестьянина. ¹¹ Нѣкоторое уклоненіе отъ этого составляютъ Сербы, превосходящіе силою нѣкоторыя другія наши племена. Ихъ Жупанъ, Стефанъ Неманя, достигли высшей власти въ народѣ, тотчасъ подчиняетъ себѣ не только другихъ Жупановъ, но и окружныя племена. Совершенное исключеніе составляютъ Русскіе, и при томъ въ высшей степени замѣчательно, что не сами Славяне закладываютъ Русское Государство и съ самаго его начала развиваютъ всеподчиняющую силу, единящую разрозненныя части въ одно великое цѣлое. Эта изъ чужа привитая Руси сила принялась въ способномъ Русскомъ народѣ и перешла въ наслѣдство къ носителямъ высшей въ немъ власти. Она существенно содѣйствовала тому, что Русское Государство не только пережило всѣ другія Славянскія Государства, но и сложилось такъ, что своею величественною громадою представляло единственный и могущественнѣйшій оплотъ противъ дальнѣйшаго напора чужеземныхъ стихій въ нашемъ мірѣ и отразило этотъ напоръ на всѣхъ точкахъ. Всѣ другія наши племена, не въ силахъ будучи себя от-

¹⁰ См. объ этомъ Тюрина: *Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси*. Спб. 1850 (изъ Библіотеки для чтенія), въ 8 д., стр. 90, и Иречка. *Slovanské právo v Čechach a na Moravě*. Praha 1863, I, str. 119 и сл.

¹¹ Сходныя съ этѣмъ замѣчанія были высказаны мною за долго до моего знакомства съ сочиненіемъ Штура. См. въ «Русской Бесѣдѣ», 1860 г., кн. 1, Смѣсь. Впрочемъ, надлежитъ прибавить, что Нѣмецкая стихія въ Россіи далеко не служебное занимаетъ положеніе, и если въ борьбѣ съ нею наша народность вскорѣ не восторжествуетъ, то Россіи смѣло можно предсказывать участь всѣхъ прежнихъ Славянскихъ Государствъ. Нечего обольщаться огромнымъ пространствомъ и нашею многочисленностью: враги наши неизмѣримо сильнѣе прежнихъ враговъ соплеменныхъ намъ Державъ. Не забудемъ, что у насъ отнимаютъ послѣднее море и съ усиленною дѣятельностью Пруссіе и всякіе имъ сочувствующіе Нѣмцы скупаютъ земля въ Царствѣ Польскомъ, въ Ковенской Губерніи, и Академіею Наувъ, Дерптскимъ Университетомъ, множествомъ Нѣмецкихъ Гимназій, Прогимназій и Училищъ, разводять и укрѣпляютъ Нѣмецкій духъ въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ, которыя во Франкфуртѣ въ 1848 г. были признаны необходимымъ составною частью Германіи. Число Нѣмецкихъ поселенцевъ-рабочихъ въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ, равно какъ и количество онѣмечивающихся Латышей и Эстовъ, прибываетъ съ каждымъ годомъ. В. Л.

стоять, поддались чужому напору; только на границахъ Россіи останавливается онъ, и самыя чуждыя стихіи становятся въ Россіи служебнымъ элементомъ. Хотя Славянамъ и удалось образовать Государство, но все таки они были бессильны вполне обезпечить жизнь нашихъ племенъ и дать ей высшее направленіе, по тому что чувство, играющее такую широкую роль въ жизни семейной и общинной, перенесенное въ тѣхъ же размѣрахъ въ Государство, гдѣ разсудокъ долженъ владѣть чувствомъ, приноситъ тутъ только зло и несчастія. Такъ дѣйствительно и было въ нашихъ Государствахъ.¹² Какъ только Князья нѣсколько крѣпче натягивали бразды правленія и помышляли о введеніи необходимаго единства въ Государствѣ, тотчасъ встрѣчали они упорное сопротивленіе въ недовольныхъ и наконецъ изгоняемы были изъ Государствъ заговорщиками. Такъ Новгородцы, по словамъ Митрополита Евгенія, въ теченіе ста лѣтъ отстранили или изгнали болѣе 30 Князей; и нынѣшніе Сербы въ этомъ отношеніи вѣрно подражаютъ нашимъ предкамъ, выгоняя своихъ Князей одного за другимъ. Всякій, предполагающій за собою права на что ни будь, и даже въ случаѣ самой пустой личной прихоти, всякій, стремящійся къ отличіямъ, могуществу и даже къ верховной власти (а такъ между нами думаетъ большинство взрослыхъ), всякій, чьи требованія не были уважены, чьи взгляды и мнѣнія не были приняты, словомъ, всѣ такіе становятся въ ряды недовольныхъ и, пылая мщеніемъ, даютъ полную волю своему недовольству на облеченнаго верховною властію, не различая личности человѣка отъ личности стоящаго во главѣ цѣлаго и черезъ то тѣсно съ нимъ связаннаго, губятъ своихъ противниковъ при первомъ удобномъ случаѣ. Наша Исторія кишитъ постыдными дѣлами подобнаго рода. Когда въ Чехіи мудрая Любуша, въ собраніи Владыкъ, по поводу спора двухъ братьевъ, Кленовичей, издаетъ рѣшеніе по земскому обычаю и за обоими братьями признаетъ равное участіе въ отцов-

¹² Россія въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Русское самодержавіе, и Московскаго и Петербургскаго періода, главнѣйше основано на безграничной преданности и безусловной довѣренности народа къ Царю. Точно также на одномъ чувствѣ, безъ участія разсудка и критики, основаны воззрѣнія простонародья Славянскаго на Цесаря въ Австріи и на Султана въ Турціи. При всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ Славяне вездѣ и всюду приговариваютъ: «До Бога высоко, до Царя далеко.» В. Л.

скомъ наслѣдствѣ, то старшій, желавшій себѣ предпочтенія, по обычаю Нѣмецкому, выходитъ изъ себя. Тутъ Любуша въ негодованіи произноситъ слѣдующія слова: «Идите, изберите себѣ мужа, который бы владѣлъ вами съ желѣзомъ въ рукѣ!» Князь Новгородскій, Гостомыслъ, при постоянной враждѣ и усобицахъ своихъ подданныхъ, добровольно отказывается отъ Княжеской власти и даетъ имъ совѣтъ избрать себѣ Князя, который бы управлялъ ими съ оружіемъ въ рукахъ. Такой дѣйствительно и явился у нихъ въ лицѣ Норманна Рюрика. Самъ Велико-Моравскій Святополкъ, стремясь къ верховному господству, измѣняетъ своему Князю, своему дядѣ и благодѣтелю, мудрому и сильному Ростиславу, передаетъ его жестокииъ его непріателямъ, Нѣмцамъ, и тѣмъ повергаетъ Государство въ величайшую опасность, изъ которой онъ, правда, освободилъ его, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, нанесъ потомъ Нѣмцамъ страшное поражение и широко распространилъ свою Державу, передъ которой трепетали Каролинги съ своею Имперією. Два его младшихъ сына, изъ тѣхъ же причинъ, какъ и онъ самъ, возстаютъ противъ старшаго брата и, для своихъ злостныхъ наміреній, вызываютъ изъ Германіи вспомогательное войско, и такимъ образомъ помогаютъ столкнуть въ пропасть уже ослабленную и стоявшую на краю Державу. Храбрый, полный великихъ замысловъ, Сербскій Государь, Стефанъ Душанъ, въ преждевременномъ стремленіи къ власти, самъ совершаетъ тяжкое преступленіе, которое онъ отчасти только искупилъ своими великими, благими для народа, подвигами. Такъ Тугумиръ въ Браниборѣ изъ грязныхъ, корыстныхъ, видовъ измѣняетъ Полабскимъ Славянамъ именно въ то время, когда они составили союзъ всѣхъ тамошнихъ племенъ, чтобы свергнуть Нѣмецкое иго; такъ Милота, изъ мелочнаго мщенія, измѣняетъ своему Королю, богатырю Оттокару, въ самое рѣшительное мгновеніе битвы, а этотъ Король-богатырь уже присоединилъ къ своему Чешскому Королевству многія области и былъ страшенъ Нѣмецкой Имперіи.¹³ Такимъ же образомъ и Бранковичъ, изъ властолюбія, измѣняетъ, въ пользу Турокъ, Князю Лазарю и

¹³ Дѣйствительно, общая черта Славянской Исторіи, это разрывъ дружины и, возникавшій изъ нея Бояръ, Властелей, Шляхты, Дворянства, съ народомъ и постоянное ихъ стремленіе завладѣть и разработывать верховную власть въ свою исключительную пользу и въ сословныхъ видахъ. Они же первые от-

Сербамъ на роковомъ Косовомъ полѣ (1389 г.), и черезъ то повергаетъ свой народъ въ вѣковое постыдное рабство и униженіе. Да, имена этѣхъ трехъ несчастныхъ: Тугумира, Милоты и Бранковича, уже не могшихъ никогда поправить своихъ постыдныхъ дѣлъ, повсюду, гдѣ только раздается Славянская рѣчь, должны быть прибиты къ позорному столбу, какъ имена самыхъ отчаянныхъ преступниковъ. И за чѣмъ были изгоняемы одни за другимъ нынѣшніе Сербскіе Князья? За тѣмъ, что нѣкоторые Сербы, побуждаемые демономъ честолюбія, сами питали, въ своихъ злобныхъ сердцахъ, тайныя желанія и виды на высшую власть: для того должны были быть удалены сильный, хотя и несвободный отъ преступленій, Милошъ, и его благонамѣренный сынъ, благородный Михаилъ. И какъ въ этомъ отношеніи обстоитъ у Поляковъ? При раздѣлѣ этой несчастной страны, она кишмя кишитъ настоящими предателями; по счастью, еще служили они все таки благородному и къ господству призванному братскому племени. Мнимыхъ же предателей было у нихъ безчисленное множество, по тому что Поляки, исполненные еще болѣе другихъ Славянъ самолюбія и самовластиа, называли измѣнникомъ всякаго, кто не держался мнѣній и взглядовъ того или другаго, считавшаго себя самымъ лучшимъ патриотомъ, или извѣстной партіи (а партій въ Польшѣ нѣсть числа!), которой онъ держится. Такъ они въ новѣйшее время провозгласили измѣнниками даже Хлопицкаго и Скрзынецкаго.

И у другихъ народовъ, именно у Нѣмцевъ, точно также бываютъ недовольные, и недовольные сыновья Королей, или Маркграфовъ, часто прибѣгаютъ къ нашимъ Князьямъ съ просьбою о

крывали путь иноземному господству. Въ Сербіи и Босніи Дворянство переходитъ въ Исламъ, въ Славоніи, Хорватіи и Западной Руси въ Католичество, тамъ туречится, туть полячится, въ Чехіи пѣмечится, въ Далматіи итальянится, въ Угорщинѣ мадярится. Въ началѣ XVII в. Московскіе Бояре, Салтыковы и Мстиславскіе, всего болѣе стараются о Владиславѣ и Сигизмундѣ. Въ XVIII в. Верховники и вообще Дворянство, закрѣпощая народъ, часто презирая Вѣру, языкъ и народность, списываютъ Шведскую и Польскую Конституціи и за честь себѣ ставятъ именоваться Шляхетствомъ, въ противность «подлому народу.» Польшу губила и губитъ Шляхта. И въ настоящее время, газета «Вѣсть», если она справедливо себя называетъ органомъ Дворянства, указываетъ на мѣстный его союзъ съ Поляками-Панами и Нѣмцами-Баронами. Презираемая и ненавидимая всѣми Русскими людьми, она любима и восхваляема и Польскими и Нѣмецкими органами. В. Л.

защитѣ и помощи, но все таки они не пылаютъ тѣмъ мщеніемъ, и ихъ дѣйствія не отличаются такою жестокостью, какъ у Славянъ, и они всегда почти примиряются, прежде чѣмъ дойдутъ до окончательнаго разрыва, и часто даже, отложивъ свои споры, дружно борются съ прежними вождями недовольныхъ. О злостныхъ, коварныхъ замыслахъ противъ Имперіи тутъ нѣтъ и рѣчи; здѣсь недовольство бываетъ преходящее, и ненависть обращена только противъ отдѣльнаго лица; договоръ Вердѣнскій былъ заключенъ между тремя народами, Нѣмецкимъ, Итальянскимъ и Французскимъ. Въ него вошло только общее, частности были исключены,

Съ другой стороны, и Государи Славянскіе поступаютъ не лучше своихъ народовъ. Они глядятъ на свои Государства, какъ на свою семейную собственность, и по сему постоянно раздѣляютъ ихъ между своими сыновьями, предоставляя младшимъ большіе удѣлы, съ наружнымъ надъ ними главенствомъ старшаго. Гражданское право Славянскихъ племенъ совершенно не знаетъ маіората; это Нѣмецкое учрежденіе поддерживаетъ отвлеченное понятіе семьи, и, довольствуясь такимъ образомъ поддержаніемъ семьи, оно ни мало не заботится о земномъ существованіи всѣхъ членовъ семейства. Славянамъ же и ихъ учрежденіямъ всѣ члены семейства очень дороги, и по сему они даруютъ имъ равное участіе въ отцовскомъ наслѣдіи, даже съ предпочтеніемъ младшаго, что уже совершенно противоположно маіорату. Славянскіе Государи распоряжаются въ своихъ владѣніяхъ совершенно семейнымъ образомъ, по народному обычаю, и народы переносятъ это, ибо такимъ образомъ они достигаютъ столь любезной имъ личности. Такъ Велико-Моравскій Святополкъ раздѣляетъ на смертномъ одрѣ свою Державу, хотя съ очевиднымъ неудовольствіемъ, между тремя своими сыновьями, и тѣмъ причиняетъ гибель, собраннаго съ великимъ трудомъ и пожертвованіями, Государства. Точно также поступаетъ и Польскій Король, Болеславъ III (+ 1139), раздѣливъ Польшу между четырьмя своими сыновьями, въ слѣдствіе чего не только подвергаетъ Королевство внутреннимъ усобицамъ и потрясеніямъ, но и приготавливаетъ совершенное отъ него отдѣленіе Силезіи и присоединеніе ея къ Нѣмецкой Имперіи. ¹⁴ Даже потомокъ Норман-

¹⁴ Означеніе Силезіи началось съ того, что сынъ Болеслава Кривоустаго, Влади-

новъ въ Россіи, Владимиръ, въ этомъ отношеніи уже ославянен- ный, раздѣляетъ свою страну между двѣнадцатю сыновьями. Не что иное, какъ именно это, причинило поражение многихъ, несо- гласныхъ между собою, Русскихъ Князей въ битвѣ съ Монголами на Калкѣ, прямымъ послѣдствіемъ которой было постыдное, 226 лѣтнее, тяжелое для Славянъ, господство Монголовъ надъ Русью. А сколько раздѣловъ было въ Чехіи при Премысловцахъ? Въ слѣдствіе возникавшихъ отсюда раздоровъ и мятежей Госу- дарство часто едва не погибало. Мало тутъ помогало признаніе раздѣленными братьями первенства старшаго брата, или подчине- ніе удѣльныхъ Князей въ Польшѣ Великому Князю Краковскому, на Руси Киевскому. Это не устраняло несчастій, происходившихъ отъ раздѣла земель.

Печально и грустно для друга Славянъ глядѣтъ на этотъ міръ, погибшій отъ своей собственной вины. Напрасно, разсматривая его, сталъ бы онъ искать утѣшенія. Что не можетъ держатъ- ся, падаетъ; что лишено внутреннихъ жизненныхъ силъ, умираетъ, и народы, не способные по той или другой причинѣ къ самообладанію и самоуправленію, или не готовые на всѣ пожертво- ванія, для поддержанія своей народности и самостоятельности, такіе народы должны быть руководимы, управляемы другими, должны поступать въ услуженіе къ другимъ народамъ, а наконецъ даже и исчезать въ нихъ. Такъ случилось съ первоначальными Галлами на многихъ мѣстахъ, также точно и со Славянами на Сѣ- веровостокѣ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ неутѣшительный выводъ представляется наблюдателю, который изучаетъ обломки нашего

славъ, Князь Силезскій и его преемники, женились на Нѣмецкихъ Принцессахъ; не имѣя Славянскаго богослуженія и Славянской письменности, Князья легче принимали Нѣмецкіе нравы, обычая и языкъ. Ихъ Нѣмецкія жены заводили Нѣ- мецкіе монастыри, раздавали имъ большія земли и вызывали Нѣмецкихъ посе- ленцевъ. Въ XIV в. Нѣмецкій языкъ въ Силезіи уже сильно распространился, а въ 1495 г. Іоаннъ, Епископъ Влатиславскій (Бреславльскій), даже издалъ повелѣніе, въ силу котораго окрестные Славяне (въ мѣстѣ Войцѣв) должны были въ 5-ти- лѣтній срокъ выучиться по Нѣмецкв, а иначе пришлецъ-Нѣмецъ грозилъ согнать Славянъ съ ихъ отцовскихъ земель. См. Stenzel u. Tzschoppe, Urkundensammlung zur Gesch. d. Ursprungs d. Städte u. d. Einfuhr. u. Verbreit. Deutsch. Kolonisten u. Rechte in Schlesien u. Ober-Lausitz. Hamburg 1832. В. J.

міра. Только съ другой стороны почерпашь себѣ утѣшеніе въ прошедшемъ, въ Исторіи, въ самой глубинѣ духа. Какъ человѣкъ, не привязанный въ жизни ни къ какому труду, не руководимый ни какою мыслью, преданный самому себѣ, впадаетъ въ бессильную, пустую хандру, какъ то же самое замѣчаемъ мы у пережившей нынѣ свою роль, свѣтской аристократіи и у Католическаго духовенства, точно то же самое наконецъ бываетъ и съ народами, на что Исторія представляетъ множество примѣровъ. Еврейскій народъ, нѣкогда сильный и единый Вѣрою въ единого Бога, дошелъ до бессильнаго ничтожества, когда одна часть его только лицемѣрила завѣщанною отъ отцовъ Вѣрою и утратила ея сущность въ обрядовой внѣшности, другая отвергла всякую Вѣру и осмѣяла ее, третья, убѣгая отъ этого паденія, предалась нѣмымъ созерцаніямъ и нашла успокоеніе въ жизни созерцательной, словомъ, когда Еврейскій народъ распался на секты Фарисеевъ, Саддукеевъ и Ессеевъ и разорвалъ скрѣпявшій его союзъ. Послѣ того Евреи распались на безчисленныя партіи и, раздираемые ими, отдались жизни пустой и безцѣльной. Такимъ образомъ они естественно должны были подчиниться господству Римлянъ и навсегда пасть съ своимъ разрушеннымъ Іерусалимомъ. Не велики числомъ, но велики силами и славны были Еллины, пока прекрасное царило у нихъ въ искусствѣ, религіи, Государствѣ и общественной жизни;¹⁵ но какъ только отвернулся Грекъ отъ своихъ прежнихъ идеаловъ и наложилъ самъ святотатственную руку на свои художественные образы и священныя рощи, самъ сталъ осмѣивать свою религію и подорвалъ прежніе обычаи въ Государствѣ, тогда пришелъ конецъ Еллинству и Еллинской свободѣ. Въмѣсто господства прежней красоты въ Греціи, мы видимъ въ ней несчастную Пелопонезскую войну, въ которой истребляютъ себя Греки, разорванныя на множество партій въ отдѣльныхъ городахъ, какъ бы соперничая между собою за то, чтобы скорѣе похоронить свой міръ и свою свободу. Гдѣ прежде достаточно было нѣсколькихъ тысячъ, для пораженія безчисленныхъ громадъ врывающихся въ Грецію Персовъ, теперь само краснорѣ-

¹⁵ О служеніи Еллиновъ прекрасному на Русскомъ языкѣ см. статью М. С. Кургора: «О поэтической и философской сторонѣ Аѳинской образованности.» (Актъ въ С.-Петербург. Унив. 1843), и въ Прощіяхъ статью Г. Леонтьева о Гротѣ и пр. В. Л.

чіе Димосеена не могло воспламенити забувщихся Грековъ къ успѣшной борбѣ за свободу. И такимъ образомъ должны они были подпасть владычеству Филиппа, а потомъ, вмѣстѣ съ Македонією, признати господство Римлянъ. Этѣ послѣдніе точно также стали великими, свободными, могущественными, міродержавными, благодаря своему добровольному, строгому подчиненію знамени отечества; но когда они, въ послѣдствіи, отклонились отъ этой, добровольно на себя принятой, обязанности, предалися роскошной жизни и дали волю другимъ дѣйствовать за нихъ, тогда мы видимъ, какъ достаются они въ добычу, сначала нѣсколькихъ сильныхъ личностей, а потомъ одной, которая вытѣсняетъ всѣ другія, и Римскій міръ въ то время погружается въ пустую, Праздную, безрадостную жизнь. Онъ падаетъ все ниже и ниже, самодержавіе все болѣе распускается и слабѣетъ, Преторіянцы самовластно распоряжаются Имперією, въ одно время выставляютъ трехъ, даже шестерыхъ, притязателей на престолъ, области отлагаются, и наконецъ ни чего болѣе не остается, какъ предоставить Имперію, правда грубымъ, но болѣе сильнымъ и понимающимъ свое призваніе, Нѣмцамъ. Но еще горше были бѣдствія и несчастія Восточной Римской Имперіи, въ которой наслѣдственная идея господства исторически сохраняется и продолжается хотя не въ той уже степени, какъ въ Западной. Христіанство уже было не въ силахъ оживити этотъ перерзѣлый міръ, преданный чувственнымъ удовольствіямъ, и хотя оно и тамъ было принято, какъ и на Западѣ, однако тамъ оно не проникло въ глубину народнаго духа. ¹⁶ Вмѣсто того, чтобы служить животворящею силой, оно скорѣе подавало перерзѣлому Восточному народу поводъ къ самымъ разнообразнымъ и упорнымъ спорамъ, при которыхъ партіи ожесточались сильнѣйшимъ образомъ и побивали другъ друга тысячами. Въ предыдущія столѣтія и въ наши дни постигла и Папство печальная участь. Папство становится само въ себѣ не единымъ, являются и Папы и Антипапы, отлучаютъ другъ друга отъ Церкви и отвратительно между собою враждуютъ; при этомъ Папство все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе у народовъ и съ

¹⁶ Сужденіе о Византіи слишкомъ односторонне. Глубокой и вѣрной на нее взглядъ и мѣткое указаніе ея заслугъ и великихъ недостатковъ проведены Хомяковымъ (Сочиненія I т.).

каждымъ годомъ становится безсильнѣе. Реформація совершенно отказывается ему въ повиновеніи, похищаетъ у него цѣлыя народы, и это, нѣкогда глубоко проникшее въ жизнь народовъ, явленіе выступаетъ наконецъ въ міръ въ полномъ блескѣ и величіи. Ни чего не помогли ни какія проклятія и лиги; напрасно дикая Испанская Инквизиція забирала въ свои кровавыя судилища сотни тысячъ людей, напрасно пытались Езуиты тысячею средствъ вознести Папство къ прежнему міровому господству: нынѣ Папство не имѣетъ у народовъ ни какой почвы, и еще печально и едва замѣтно прозябаетъ единственно по милости нѣкоторыхъ Державъ, Человѣкъ, лишь только душа отъ него отлетѣла, становится трупъ: и всякое явленіе и учрежденіе, если отрекается отъ своего призванія, тѣмъ самымъ заключаетъ свое жизненное поприще. Если оно еще переживаетъ лишній срокъ, то это существованіе механическое, подобно трупу, сразу не вывѣтривается.

Нашимъ племенамъ недоставало такихъ объединяющихъ и возвышающихъ идей.¹⁷ Племенное сродство не есть такая идея: оно даже было бессильно удержать племена отъ несогласія и раздоровъ. Часто раздѣляются братья изъ одной семьи, и тѣмъ чаще это бываетъ съ племенами, которыя, въ теченія времени по дальности разстояній, отчуждаются другъ отъ друга въ нравахъ, языкѣ и различныхъ учрежденіяхъ. Одного происхожденія съ

¹⁷ Это несправедливо. Просвѣтительное начало и идея, объединявшая и объединяющая Славянъ Православныхъ, гораздо выше Римско-Нѣмецкой идеи о Папѣ и Императорѣ. Объ этомъ подробно въ моихъ «Чтеніяхъ.» Полагаю распространяться о Папствѣ; что касается Цезаризма или Императорства, то и безпристрастные Западно-Европейскіе ученые начинаютъ трезво глядѣть на эту Римско-Нѣмецкую теорію или фкцію и справедливо указываютъ на тотъ вредъ, который она приносила въ Италіи (Rendu, *L'Empire Allemagne et l'Italie au moyen-âge* (въ *Séances et Travaux l'Academie des sciences morales et politiques*. Paris 1859, 3-me série, t. XXVII, p. 321 — 367, и t. XXVIII, p. 161 — 216); и Германіи (Sybel, *Die Deutsche Nation und das Kaiserreich*. Düsseldorf. 1862, 2 Abdruck, 8°, XVI und 261). Изъ главныхъ возражателей Зибель, см. Клоппа (Klopp, *Die Gothaische Auffassung d. deutsch. Gesch. und d. National-Verein*. Hannover 1862, 8°, S 62), и Франца (Frantz, *Const., Die Wiedergeburt Deutschlands*. Berlin 1863, 8°, VIII und 476; — О Зибелѣ S., 156. — 160). Впрочемъ, и Зибель, безпристрастный въ своемъ возрѣніи, на отношенія Германіи къ Италіи, несправедливъ во взглядѣ на ея отношенія къ Славянамъ. В. Л.

Нѣмцами, Скандинавскіе Норманны часто вели съ ними войны и наконецъ покорили Англовъ и Саксовъ въ Британіи. Племенное сродство не могло образовать для нашихъ племенъ ни какого связующаго звена и въ такой степени животворно на нихъ подѣйствовать, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ ихъ злѣйшихъ враговъ, Нѣмцевъ, которые по всей ихъ западной границѣ крѣпко утвердились съ своими величавыми идеями, а по тому и крѣпкими учрежденіями. Нѣмцы собственно похоронили Римскую Имперію, державную, по тогдашнему представленію, *imperium orbis*, и по тому считали себя нѣсколько въ правѣ овладѣть этѣмъ *imperium*. Въ послѣдствіи, съ усиленіемъ Папства, это представленіе еще болѣе выработалось и рѣзче выразилось. Римскій Епископъ считалъ себя преемникомъ и намѣстникомъ Св. Петра, и въ силу этого не только за перваго между равными, но и за того, которому, благодаря этому намѣстничеству, была непосредственно Богомъ дарована власть надо всѣмъ Христіанствомъ. Это стремленіе къ главенству и господству, сперва въ духовномъ отношеніи, возымѣло огромное вліяніе съ тѣхъ поръ, какъ Римъ, съ которымъ, въ глазахъ народовъ, было связано *imperium orbis*, сдѣлался столицей Римскаго Епископа. Когда же Франкскій Король освободилъ Римскаго Епископа отъ грозившей ему опасности и доставилъ ему, такъ называемое, *patrimonium Petri*, то Римскій Епископъ, изъ благодарности, не только лично явился при его вѣнчаніи, но и самъ помазалъ и вѣнчалъ его въ Римѣ Императоромъ. Такимъ образомъ переданную или лучше признанную за ними власть, Императоры почитали за власть, полученную ими изъ рукъ самаго намѣстника Божьяго на землѣ, и по тому за единственно законную; и такъ какъ, по мнѣніямъ современниковъ, Римская всемірная Имперія продолжается, то и должны господствовать въ мірѣ, въ духовномъ отношеніи, преемникъ Петра, а въ свѣтскомъ, имъ избранный и помазанный, Императоръ.¹⁸ Государство Франковъ уже на-

¹⁸ Изъ новѣйшихъ сочиненій объ этомъ предметѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія два сочиненія, писанныя, впрочемъ, въ Католическомъ духѣ, особенно первое: 1) L'Épinois (Henri de), *Le Gouvernement des Papes et les révolutions dans les Etats de l'Église*. Paris 1865, 8°, X et 498; 2) Pichler, *Geschichte d. kirchlichen Trennung zwischen d. Orient u. Occident, von den ersten Anfängen bis zur jüngst. Gegenwart*. München 1846, 2 т. (см. 1 т., стр. 220 — 255). В. Л.

зывается послѣ того Священною Римскою Имперіею; ея Императоры только себя признаютъ призванными къ господству и уполномоченными подписываться «Божіею милостію.» И, въ слѣдъ затѣмъ, мы видимъ, что, такъ называемые, Римскіе Императоры объявляютъ свои притязанія на господство во всѣхъ, прилежащихъ къ Имперіи, земляхъ, и безъ всякихъ другихъ юридическихъ домавателействъ, но только на основаніи ихъ верховной законной власти. Они объявляютъ свои притязанія не на отдѣльныя лишь не соединенныя въ Государственные союзы, племена, но на всѣ сосѣднія земли и Государства, на пр., Чехію, Угрію, Польшу и пр., передаютъ ихъ Князьямъ Королевскіе вѣнцы и гребуютъ, чтобы отъ нихъ Государя получали въ даръ свои Государства и становились къ нимъ, Римскимъ Императорамъ, въ подданническія отношенія. Этѣмъ стремленіемъ были одушевлены не только Каролинги, но и Короли слѣдующихъ владѣльческихъ родовъ, Саксонской Генрихи и Оттоны, Вейблингской Гогенштауфены; а, какъ въ эту власть глубоко проникали духовныя побужденія, видно изъ того, что нѣкоторые изъ Гогенштауфеновъ, Конрадъ III, Фридрихъ II, сами отправлялись въ крестовый походъ на Востокъ.¹⁹ Такое стремленіе, само по себѣ великое, сверхъ того, много содѣйствовало выше замѣченному единству и расчлененію Имперіи. Это же стремленіе воодушевляло и воспитало рыцарство, въ его гордыхъ понятіяхъ, въ его чести и вѣрности, и все это возбуждало Имперію не только къ ея ви́шней дѣятельности, но и воздѣйствовало на ея крѣпость и внутреннее объединеніе. Что же могли наши племена противопоставить этой единой, въ самой себѣ расчлененной, Имперіи, далеко разносящей Христіанскую идею и Церковь, стремившейся къ всемірному господству и возбуждаемой и воодушевляемой рыцарствомъ? Свое язычество, свои тѣла, свои несогласныя между собою деревни! При такихъ обстоятельствахъ побѣда не могла быть сомнительна, или долго ожидаема: она напередъ была рѣшена въ пользу Нѣмцевъ.

Причина этого явленія заключалась въ міровомъ положеніи обонхъ народовъ. Нѣмцы стремились на Югъ и, сверхъ того,

¹⁹ На Русскимъ языкѣ есть старательное изслѣдованіе Г. Бильбасова, Крестовый походъ Императора Фридриха II. Спб. 1863, II — 225 — V стр.). В. Л.

границили съ Италією, точно также, какъ онѣмечившіеся и олатиненные Галлы съ другой стороны. Италія была послѣднимъ гнѣздомъ образованности древняго міра; здѣсь подъ конецъ сосредоточилось все, что создали сами Римляне, и что они заимствовали отъ Грековъ.²⁰ Сверхъ того, здѣсь въ первые съ наибольшею силою распространилось Христіанство и приобрѣло на свою сторону первое обширное Государство. Весьма естественно, что Нѣмцы, прибывшіе къ средоточію образованности и Христіанства, должны были прежде другихъ получить сокровища древней образованности вмѣстѣ съ Христіанскимъ ученіемъ и, съ ихъ помощью, возвыситься. Наши племена шли въ слѣдъ за Нѣмцами, были отдалены отъ средоточія древней образованности: имъ какъ бы самой судьбой уже указаны были однѣ обширныя

²⁰ Это несправедливо. Византія въ теченіе почти всѣхъ среднихъ вѣковъ оставалась средоточіемъ высшей образованности. Энцикл. Сильвіи Шикколомни (въ послѣдствіи Папа Пій II) писалъ въ половинѣ XV в.: «Константинополь до нашего времени оставался памятникомъ древней мудрости, жилищемъ наукъ и словесности, твердынею философіи. Никто изъ Латынянъ не могъ быть достаточно образованъ, если нѣкоторое время не прожилъ къ Константинополѣ, въ занятіяхъ словесностью. Что для наукъ въ цвѣтущее состояніе Рима были Лешны, то въ наше время былъ Константинополь.» (Ер. 162). Въ Россіи еще слишкомъ мало изучаютъ Византію. Изъ замѣчательнѣйшихъ можно указать на Медовникова: «Латинскіе Императоры въ Константинополѣ.» Москва 1849; превосходные труды Архимандрита Антонина (на пр.: Христіанскія Древности Греціи, въ Ж. М. Нар. Пр. 1854 г. LXXXI, стр. 31 — 68 и 143 — 230) и друг. статьи въ Духовн. Бес., Зап. Одес. Общ. Ист. и пр.); Энгельманна: Объ ученой разработкѣ Греко-Римскаго права, съ обзорніемъ новѣйшей его литературы. Сиб. 1857; Дестуниса (Г. С.): Сказаніе Приска Панійскаго (въ Учен. Зап. II Отд. А. Н., кн. VII, В. 1, Сиб. 1861, II, стр. 1—112; Византійскіе Историки Дексиппъ, Эпнаній и пр. Сиб. 1861; Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персамъ, Вандалами и Готами. Сиб. 1862, т. 1. Историческое сказаніе инока Компина и инока Прокла о разныхъ Деспотахъ Эпирскихъ. Сиб. 1858); Зернина: Очеркъ жизни Константинопольскаго Патріарха Фотія (въ «Чтеніяхъ въ Общ. Истор. и Древн. Росс.» 1858, кн. III); разныя замѣчательныя статьи въ нашихъ Духовн. Журн., также статьи Акад. Купника въ Уч. Зап. I и III Отд.; Стасюлевича: Осада и взятіе Византіи Турками (Уч. Зап. II Отд. 1854, кн. 1); Срезневскаго: Повѣсть о Царградѣ. Сиб. 1854; Муральта: Essai de Chronographie Byzantine (395 — 1057 г.). St. Pétersbourg 1855; его же изд. Лѣт. Георгія Амартола (Уч. Зап. II Отд. 1861, кн. VI). В. А.

и пустынные степи.²³ Много цужно времени для народа, особенно, если онъ еще находится въ природномъ состояніи грубости, какъ древніе Германцы. чтобы усвоить себѣ цѣлую міровую образованность, разработать ее, обогатиться ею и сообщить ее богѣ отдаленнымъ сосѣдямъ. Славяне достигаютъ образованности только черезъ Германцевъ и, ихъ дальнѣйшихъ сосѣдей, Галловъ.²⁴

Итогомъ всего этого оказывается то, что наши племена пали не по одной своей вигѣ, но и по тому, что жизнь ихъ менѣе сильная, менѣе правъ имѣющая, войдя въ непосредственное соприкосновеніе съ жизнью, обладающей высшими правами и сознающей въ себѣ міровое значеніе, должна была ей подчиниться и покориться. Однимъ словомъ, наша жизнь была въ прошедшіе вѣка не своевременной. Не все растетъ одинаково послѣшно, не все одновременно цвѣтеть въ природѣ; каждое созданіе, а также и каждый народъ, имѣютъ свое время подъ солнцемъ; такъ лина начинается цвѣсти, когда дубъ давно уже отцвѣлъ.

Но есть ли такая мысль, которою бы могли подняться Славянскія племена изъ паденія, объединиться и окрѣпнуть? Имѣютъ ли также этѣ племена какое ни будь высшее историческое призваніе

²³ Это несправедливо, особенно относительно южныхъ Задунайскихъ Славянъ, Болгарь и Сербовъ. Довольно для этого вспомнить блестящее развитіе Древне-Славянскій письменности въ царствованіе Болгарскаго Царя Симеона (907—927 г.); см. статью Шафарика (Разцвѣтъ Слав. письм. въ Болгаріи, въ «Чтеніяхъ въ Общ. Истор. и Древн. Росс.» 1848, VII), сочиненія: Г. Палаузова: Вѣкъ Болгарскаго Царя Симеона. Сиб. 1852, и Юго-Востокъ Европы (Ж. М. Н. Пр. Г.), Гильфердига: Письма объ Ист. Сербовъ и Болгарь. М. 1855, Майкова: Исторія Сербскаго языка. М. 1857, В. Григоровича: О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преем. въ XIV и XV ст. Казань. 1859. Его же: Какъ выражались отношенія Константинопольской Церкви къ окрестнымъ Сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X стол? Одесса 1866, Срезневскаго: Древніе памятники письма и языка Юго-Западныхъ Славянъ IX—XII вѣка. Спб. 1865, Бодянскаго: О времени происхожденія Славянскихъ письменъ. Москва 1855.

²⁴ А Чехія въ XIV и XV в., во многихъ отношеніяхъ стоявшая выше современной ей Германіи? А Дубровникъ еще гораздо раньше этого и послѣ до 2-й половинны XVII в? На Дубровникъ и Далматію Нѣмцы и Галлы (Французы) до послѣднѣяго времени не имѣли ни какого вліянія.

ніе, или же онѣ на всегда осуждены на подчиненную роль въ Исторіи, на простое служеніе другимъ? Имѣютъ ли этѣ многообразныя движенія между Славянскими племенами, обнаружившіяся какъ бы разомъ въ новѣйшее время повсюду и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, въ литературѣ, въ общественной жизни, въ политическихъ стремленіяхъ, даже въ послѣднихъ безпорядкахъ (1848 — 49 г.), въ борьбѣ противъ ихъ притѣснителей Мадьяръ, имѣютъ ли всѣ этѣ движенія какой ни будь смыслъ, какое либо значеніе, какую либо, хотя и не всегда ясно сознаваемую, цѣль? Не пустыя ли это подражанія Западу? Не послѣднія ли это судорожныя движенія угасающаго и замирающаго міра, или, какъ любятъ выражаться враги наши, гальваническіе опыты Славянства? Есть ли въ нихъ содержаніе, свѣжая, живая сила, или наши племена уже до того убиты чуждымъ вліяніемъ, что они едва только чувствуютъ и сознаютъ себя, уже не въ состояніи извлечь изъ праха и развалинъ свою растратенную жизнь? Очевидно, это самыя важныя вопросы для Славянина, и отъ ихъ основательнаго разрѣшенія зависитъ все наше будущее. Итакъ приступимъ безъ предубѣжденія, съ духомъ, жаждущимъ истины, къ изслѣдованію этѣхъ вопросовъ.

Бросимъ взглядъ на Западъ Европы: какія же явленія представляются тамъ нашему испытующему взгляду? Въ продолженіи многихъ столѣтій, преимущественно же со времени Реформаціи, мы видимъ одно стремленіе во всѣхъ движеніяхъ, какъ ею вызванныхъ, такъ и съ нею связанныхъ, или наконецъ параллельныхъ ей политическихъ явленій, мы видимъ одно неудержимое стремленіе къ освобожденію и уравниенію человѣка съ человѣкомъ; мы слышимъ непрерывно крикъ: «Свобода, равенство, братство!» Во всѣхъ этѣхъ движеніяхъ народы стремятся къ освобожденію отъ неограниченной власти Церкви, отъ Государственнаго самовластія (абсолютизма), отъ сословнаго притѣсненія, отъ родовой и, такъ называемой, денежной аристократіи, вообще отъ всевозможнаго гнета и насилія. Здѣсь совершенно отказываютъ въ повиновеніи господствующей Церкви, какъ, на пр., въ Германіи и Нѣмецкихъ земляхъ; тамъ признаютъ власть ея только по имени, какъ на пр., во Франціи; тутъ ниспровергаются Правительства, достигшія уже неограниченной власти, или только стремящіяся къ оной

вопреки сословному Государственному устройству, какъ, на пр., въ Нидерландахъ, Англіи, Франціи и напослѣдокъ въ Испаніи и Португаліи, даже подъ конецъ безсильная, болѣе по имени существующая, Нѣмецкая Имперія распадается, аристократія уничтожается, ее или раздавливаютъ, какъ во Франціи, или, по крайней мѣрѣ, ограничиваютъ въ ея политическомъ вліяніи, въ ея правахъ и преимуществахъ, народъ вырывается изъ рукъ своихъ прежнихъ порабитителей, освобождается отъ невыносимыхъ повинностей, уравнивается въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ другими сословіями общества. Напослѣдокъ пытаются даже осуществить это уравненіе въ общественно-хозяйственномъ, имущественномъ отношеніи, съ помощію социализма и дикаго коммунизма, представляющаго новѣйшую теорію для утвержденія, такъ называемой, человѣческой свободы и благосостоянія народовъ. Во всѣхъ этѣхъ громаднѣхъ стремленіяхъ, стоившихъ жизни милліонамъ людей, вызвавшихъ самыя ужасныя потрясенія, руководящая мысль была, какъ мы уже сказали, свобода человѣка: каждый человѣкъ долженъ имѣть такое же значеніе, какъ и другой, каждый долженъ наслаждаться духовными и земными благами міра. Мысль эта зародилась еще въ обществѣ Масоновъ, которые, по образцу искусно выстроеннаго собора, стремились привести родъ человѣческой къ одному гармонически соединенному цѣлому, облагородить и чрезъ то осчастливить его; ту же самую мысль преслѣдуютъ тысячи различныхъ благотворительныхъ заведеній, разнообразныхъ вспомогательныхъ обществъ и товариществъ; ее возбуждаютъ, содѣйствуютъ ей, согласно потребностямъ времени; и всѣ этѣ общества существуютъ какъ бы въ замѣтъ того, что движущая и руководящая мысль не приведена еще въ исполненіе. Въ пониманіи, и особенно въ проведеніи, этой мысли смѣшано истинное съ ложнымъ, высокое съ низкимъ, переищаны великія истины съ величайшими заблужденіями и самыми ложными направленіями. Но, оставляя пока это въ сторонѣ, постараемся подмѣтить, какъ выше упомянутое начало является итогомъ всей исторіи, какъ оно необходимо, и какъ оно будетъ и должно сохранять свою дѣйствующую силу и въ будущемъ.

Вся исторія служитъ духу или, другими словами, духовные интересы, какъ-то: Вѣра и Государство, искусство и наука, прояв-

ляютъ въ ней свое дѣйствіе и вліяніе. Они все болѣе и болѣе облагороживаютъ человѣческой родъ, освобождаютъ и приводятъ его къ самосознанію, приближая его къ идеалу человѣческой жизни. Такъ какъ Исторія не останавливается на томъ или другомъ народѣ, но увлекаетъ въ свой кругъ все человѣчество вообще, и все болѣе и болѣе распространяется, то она представляетъ собою непрерывное цѣлое, великую работу времени. Если бы кто захотѣлъ оспаривать этѣ положенія, отрицать неударжимое стремленіе человѣчества, въ продолженіи всей Исторіи, къ устроенію болѣе человѣческой жизни, и отрицать единство во всемъ историческомъ развитіи, то для того значить не существуетъ вообще ни Исторіи, ни человѣчества, ни духа. Какая огромная разница между бывшимъ и настоящимъ! И кто захотѣлъ бы утверждать, что безъ Грековъ и Римлянъ, безъ Германцевъ и Галловъ, мы бы также далеко ушли въ развитіи, какъ теперь? Что въ Государственномъ устройствѣ, въ основаніи политической и гражданской свободы, въ сознаніи религіозномъ, въ искусствѣ и наукѣ, мы стояли бы также высоко, какъ теперь? Конечно, ни одинъ мыслящій человекъ не станетъ этого утверждать, развѣ лишь мелкій умъ, или человекъ, поработанный чувственными побужденіями и желаніями, въ состояніи подумать, что человѣческая дѣятельность не что иное, какъ безумныя, ни къ чему не ведущіе, хлопоты, а исторія—ристалище, въ которомъ противники спорятъ, изливая свою ярость за клочекъ земли. Не уже ли были напрасны величайшія усилія, благороднѣйшія намѣренія, тысячи и тысячи различныхъ жертвъ? И за что же прославляютъ и теперь какого ни будь Перикла, Платона, Катона, Гракха и тысячи другихъ, какъ будто бы они жили еще вчера?

Исторія начинается съ Азіи, о которой мы имѣемъ мало что сказать, такъ какъ здѣсь только въ теченіе тысячелѣтій совершается что либо, и то не многое: по этому мы будемъ говорить о ней только для сохраненія связи въ цѣломъ. Человѣчество въ Азіи находится въ состояніи младенчества; исполненное страха и, такъ сказать, униженія передъ тѣмъ, что оно называетъ чѣмъ-то высшимъ, божествомъ, оно тояно также распростерто въ прахъ передъ верховнымъ свѣтскимъ властелиномъ, зависятъ единственно и вполнѣ отъ его произвола и поработчено

въ быту Государственномъ, общественномъ и семейномъ. Въ такомъ состояніи находятся: Китай, Индія, Персія, Мидія, а также Египетъ, который, въ историческомъ отношеніи, можно причислить къ Азіи. Здѣсь человѣкъ, какъ человѣкъ, не имѣетъ ни какого значенія; касты, однако же, пользуются уваженіемъ, хотя низшія относительно высшихъ совершенно безправны. Въ Индіи Браминъ считаетъ себя въ правѣ дѣлать съ какимъ ни будь Вайсью, или Судрою, все, что ему заблагоразсудится; онъ можетъ его бить, даже убить на мѣстѣ. Индѣецъ строитъ и тщательно поддерживаетъ дѣтеныши для обезьянъ и коровъ, а позаботиться о человѣкѣ, или радушно принять утомленнаго путника, ему и въ голову не приходитъ. Убивать и мучить человѣка дозволено, но лишать жизни звѣрей запрещается. Сотнями бросаются Индѣйцы подъ колеса торжественной колесницы божества Вишну, но приняться за какое ни будь новое дѣло они не имѣютъ духа. Объ искусствѣ и наукѣ, въ настоящемъ смыслѣ слова, у нихъ не можетъ быть и рѣчи. Индѣйцы хотя и воздвигаютъ огромныя храмы въ скалахъ, а Египтяне удивительныя пирамиды, обелиски и лабиринты, но сами, собственно говоря, не знаютъ, кому и за что. Поэзія воспѣваетъ сошествіе боговъ на землю, ихъ превращенія въ разныя существа, ихъ шутки съ людьми, но воспѣвать человѣка, его страданія и радости, его дѣла, совершенныя имъ въ минутѣ одушевленія, она не можетъ. Какъ ей воспѣвать человѣка, когда онъ не имѣетъ ни значенія, ни достоинства? Какъ ей найти его и сознать, когда онъ самъ себя не сознаетъ? Съ немногими измѣненіями въ выше упомянутыхъ странахъ положеніе это остается однимъ и тѣмъ же, съ тою только разницею, что чѣмъ болѣе оно удаляется отъ колыбели Индо-Европейскаго человѣчества, отъ Индіи, и чѣмъ болѣе приближается къ Западу, тѣмъ оно принимаетъ лучшія, болѣе совершенныя, болѣе выработанныя формы. У Евреевъ замѣчается также строгое поклоненіе Всевышнему, передъ которымъ, по ихъ выраженію, человѣкъ долженъ простираться въ прахъ; точно такъ же и передъ свѣтскимъ властителемъ. Между тѣмъ они представляютъ себѣ Всевышняго, хотя еще и внѣ міра, но духовнымъ образомъ: природа, обоготворенная въ нижней Азіи, лишается здѣсь своей божественности и представляется только украшеніемъ Всевышняго, въ которомъ онъ является изумленному взору человѣка во всемъ своемъ величіи;

искуство, поэзія дѣлается содержательнѣе и въ своемъ возвышенномъ строѣ не находитъ достаточно словъ для прославленія того, къѣмъ все существуетъ, живетъ и движется; она увлекательна; да и въ Государственной жизни изъ Еврейскаго народа выдѣются болѣ самостоятельныя личности, имѣющія огромное вліяніе на судьбу своего народа и даже общечеловѣческой интересъ. У Еллиновъ исчезаетъ уничтоженіе человѣка передъ богами: Еллины не представляютъ ихъ себѣ, подобно Азіяту, силами природы, но красивыми духовными существами въ человѣческомъ видѣ, которыя являются большею частію доброжелателями людей; даже живое воображеніе Еллиновъ, при всемъ ихъ уваженіи къ богамъ, допускаетъ шутку съ ними. Въ слѣдствіе всего этого природу не обоготворяютъ въ Греціи, но видятъ въ ней какъ бы отраженіе Божества, которое, посредствомъ ея, возвѣщаетъ свою волю и намѣренія. По этому они разъясняютъ всѣ явленія природы, и знаменитый оракулъ въ Додонѣ, равно какъ и всѣ прочіе, существуютъ на этомъ же основаніи. Такимъ образомъ въ Еллинскомъ Государствѣ не можетъ имѣть мѣста слѣпое Азіатское повиновеніе и исключительная зависимость отъ произвола властителя. Они удаляютъ даже Царей, которые болѣе руководствуютъ ихъ племена, чѣмъ властвуютъ надъ ними, и свободное управленіе дѣлами Государства получаетъ все большее и большее значеніе. Въ этомъ правленіи принимаютъ участіе всѣ тѣ, которые, по рожденію своему, имѣютъ на то право, т. е., всѣ *ἐλευθεροί*, благородные, а это по Гречески означаетъ всѣхъ гражданъ Государства. Но чтобы имѣть возможность заниматься Государственными дѣлами, граждане предоставляютъ рабамъ всѣ ихъ домашнія занятія. Управленіе Государствомъ происходитъ, какъ мы уже сказали, изъ свободнаго, самосознательнаго рѣшенія лицъ, имѣющихъ на то право, и только въ самыхъ важныхъ случаяхъ они связаны изреченіемъ оракула. Такъ въ Греціи являются настоящія и единственно истинныя Республики. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Грекъ пользуется такою же свободою, даже женщина выходитъ изъ Азіатскаго рабства и дѣлается подругою мужа. Человѣкъ въ первые становится предметомъ искусства, именно поэзія чудно прославляетъ его личную дѣятельность, его храбрость, его подвиги. Неизмѣнная и характеристическая черта Еллина заключается въ томъ, что онъ дѣйствуетъ свободно и по-

стужаетъ хорошо, но не по какой либо глубоко сознанный обязанности, не съ полнымъ сознаниемъ, но по тому, что это его свободное побужденіе: эта черта составляетъ прекрасную, но имѣетъ и недостаточную, черту Еллинской жизни. У Римлянъ религія далеко не имѣетъ той важности, какъ у Грековъ, хотя они также имѣютъ своихъ боговъ и дѣлаютъ много шума изъ за своихъ «засга.» Но они причисляютъ къ богамъ своимъ всевозможныхъ боговъ, въ самомъ пестромъ смѣшеніи, и въ «засгіс» перво-священникъ возвѣщаетъ волю боговъ такъ, какъ того хотятъ желающіе дѣйствовать, Сенатъ и народъ. Съ религіею находится въ самой тѣсной связи Государственная и общественная жизнь народовъ. ²⁵ Римскій гражданинъ, конечно, свободенъ въ Государствѣ до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ силу добровольно и строго подчиняться повелѣніямъ отечества, но, лишившись этой силы, онъ подвергается самому безграничному произволу своихъ Императоровъ, настоящихъ деспотовъ, точно также какъ весь окружающій міръ прежде былъ подчиненъ владычеству и произволу Римскаго народа. Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что въ Римѣ въ первые уважается личность человѣка: ей оказывается полное удовлетвореніе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ замѣнъ утраченной политической свободы, и такимъ образомъ появляется на свѣтъ знаменитое Римское право, которому удвѣляется потомство и которое приняла и возвела въ идеалъ Гражданскаго права продолженная Римская Имперія, монархія Нѣмцевъ. Среди этого бѣдствія, происшедшаго отъ ужаснаго владычества Римскихъ деспотовъ, когда не открывалось ни какого исхода къ лучшему, когда у поработеннаго человѣка и народовъ отнята была всякая надеж-

²⁵ Эта мысль очень хорошо развита въ замѣчательномъ сочиненіи: Coulanges (Fustel de), La Cité antique, étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome. Paris 1864, 8°, 323 p. Точно также и въ новѣйшее время Государственный строй Нѣмецкой Имперіи тѣсно связанъ съ Римскимъ Католичествомъ, а развитію аристократіи гораздо болѣе благоприятно Латинство, или Протестантство, чѣмъ Восточное Православіе, отъ чего происходятъ, что въ Православныхъ земляхъ высшія сословія, стремящіяся къ особеннымъ политическимъ правамъ и преимуществамъ, часто высказываютъ расположеніе къ Латинству, и наоборотъ, что торжество послѣдняго въ прежнихъ Православныхъ земляхъ Славянскихъ всегда сопровождалось образованіемъ и усиленіемъ аристократіи.
В. Л.

да, является Христiянство и приноситъ съ собою освобожденiе, хотя не политическое, какъ того ожидали Иудеи, однако и ему оно постепенно пробиваетъ дорогу. Богъ есть духъ, учитъ Христосъ, и какъ Духъ, онъ не можетъ быть представленъ ни въ какомъ видѣ; люди, которыхъ онъ сотворилъ по своему подобiю и одарилъ духомъ, суть, по этому, сыны Божiи и, какъ таковые, всѣ между собою равны, всѣ другъ другу ближнiе, въ слѣдствiе того всѣ равноправны и предназначены къ одной цѣли въ этомъ мирѣ. Но хотя и всѣ люди между собою равны, въ слѣдствiе внутри ихъ обитающей могучей силы и дѣятельности, но тѣ изъ нихъ избраны и преимущественно призваны, которые видятъ царство Божiе, слѣдовательно, которые вездѣ постигаютъ одну и ту же истину и ее осуществляютъ во всѣхъ своихъ дѣйствiяхъ, во всей своей жизни. Въ чемъ состоитъ истина, объ этомъ подробно говоритъ Христосъ, излагая всѣ обязанности человѣка и убѣждая въ нихъ всѣхъ, собравшихся вокругъ него. Это ученiе, истинно божественное, есть поворотная точка всей Исторiи. На всемъ Востокѣ природа обоготворяется, а человѣкъ живетъ въ униженiи и рабствѣ; здѣсь на оборотъ: природу признаютъ лишенною своего божественнаго величiя, а человѣкъ, какъ причастный божественнаго, прiобрѣтаетъ достоинство и занимаетъ первое мѣсто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все природное и чувственное подчиняется господству духа. Съ тѣхъ поръ человѣкъ имѣетъ значенiе, не по тому, что онъ принадлежитъ къ какимъ либо кастамъ; онъ получаетъ возвышенное положенiе не по тому, что онъ случайно «высокоблагородный» гражданинъ Государства, аристократъ по рожденiю, но онъ пользуется правомъ и свободою единственно и исключительно по тому, что онъ «человѣкъ.» Это единственный титулъ на его прiущества, на всѣ его права. Никто по рожденiю не осужденъ на рабство, никто по происхожденiю не возводится въ дворянство, и такимъ образомъ Христiянское ученiе есть постоянный, вѣчный протестъ противъ всякой несправедливости, всякаго угнетенiя, лишенiя достоинства, злоупотребленiя и униженiя человѣка. Такимъ образомъ оно пролагаетъ путь также къ политической и общественной свободѣ человѣка, уничтожаетъ рабство древнихъ Государствъ и порабощенiе женщины на Востокѣ. Но идея сама по себѣ безсильна, если не найдутся люди, исполнѣ постигающiе ее, и если она не встрѣтитъ людей и народовъ, способныхъ къ такимъ жертвамъ,

которыя бы, вопреки всѣмъ препятствіямъ, провели ее въ жизнь. Ей предстоитъ тѣмъ большія борьба, тѣмъ большія препятствія громоздятся ей на пути, тѣмъ она возвышеннѣе, благороднѣе; а идея Христіанства возвышеннѣе всѣхъ прочихъ, по тому что только она одна человѣчна. Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что идея эта сначала проникаетъ къ народамъ грубымъ, духъ которыхъ, однако же, безконечно воспримчивѣе къ ней, нежели духъ Римлянъ, получившихъ совершенно другое образованіе, привыкшихъ къ другимъ понятіямъ, къ другимъ правамъ и уже состарѣвшихся въ своей жизни. Въ продолженіи столѣтій она, такъ сказать, проповѣдуется только въ церквахъ, безъ всякаго дальнѣйшаго приѣненія къ жизни, и только постепенно пробуждаются мыслящія головы, которыя воспринимаютъ ее, изслѣдуютъ, проводятъ ее въ Богословіе, Философію, отсюда переносятъ въ политику и такъ, мало по малу, приводятъ въ сознаніе рода человѣческаго. Изслѣдованіе и распространеніе ея стоило ей громадной борьбы, внѣшней и внутренней, ей приходилось устранять тысячи препятствій, а сколько еще при дальнѣйшемъ развитіи ея предстоитъ ей борьбы съ различно настроеннымъ духомъ народовъ, съ предразсудками и, смертельнымъ врагомъ ея, себялюбіемъ человѣка? Церковь, принимая на себя дальнѣйшее проведеніе и распространеніе этой идеи между народами, дѣйствуетъ ревностно, не щадя жертвъ и усилій: она приноситъ нѣкоторое успокоеніе одичалому духу народовъ, нѣкоторую нравственность въ полуязыческіе еще дома владыкъ и, сверхъ того, охраняетъ ученіе отъ разложенія и распада, которымъ угрожаютъ ему многочисленныя ереси. Большая ихъ часть вырываетъ изъ Христіанства нѣкоторыя положенія, безъ всякаго пониманія его въ цѣломъ и, выдавая себя за единыхъ истинныхъ послѣдователей Христа, лучше другихъ понимающихъ полное Его ученіе, признаетъ все прочее ложнымъ. Противъ этого Церковь имѣетъ свое церковное проклятiе и прочія наказанія: она употребляетъ ихъ не только въ этѣхъ случаяхъ, но также и противъ Государей, уклонившихся отъ своего призванія, и противъ заблуждающихся народовъ; притѣсненнымъ же, напротивъ того, она приноситъ утѣшеніе и помощь.²⁶ Во всѣхъ этѣхъ отношеніяхъ

²⁶ Замѣчательны слова Св. Амвросія Медиоланскаго къ Императору Феодосію В., въ 388 г. Онъ превосходно опредѣляетъ отношеніе Церкви (не въ смыслѣ Римскомъ,

Церковь и Католическій Понтификатъ сдѣлали великое, достойное признательности, полное заслуги, дѣло передъ человѣчествомъ; но думая, что онъ исполнилъ свое назначеніе, со всеобщимъ признаніемъ и распространеніемъ Христіанскаго ученія, и, съ торжествомъ своей идеи, достигнувъ высшей власти, позабывъ свое высокое призваніе, онъ дѣлается свѣтскимъ Государемъ, и въ такомъ положеніи предписываетъ народамъ свои уставы Вѣры. Противъ этого свѣтскаго направленія и, въ слѣдствіе того, наступившаго искаженія Церкви и ея служителей, противъ единого и безусловнаго принятія того, что Церковь выдаетъ за истины Вѣры, возстаетъ Реформація и, среди испорченности и властолюбія Церкви, указываетъ на чистоту нравовъ, на смиреніе и готовность къ самопожертвованію первыхъ Христіанскихъ общинъ и ихъ служителей. Противъ же предписываемыхъ уставовъ Вѣры она взываетъ съ Священнымъ Писаніемъ въ рукахъ, къ Вѣрѣ, живущей въ сердцѣ благочестиваго, къ изслѣдованію, къ разумнѣю догматовъ Вѣры, вообще къ внутренней свободѣ. Въ слѣдствіе Реформаціи, которая, своимъ протестомъ противъ неограниченнаго владычества Церкви, и своею внутреннею свободою, сильно расшевелила народы, Государи отыскиваютъ нѣкоторыя вопіющія злоупотребленія, или коренившіяся еще въ Государственной жизни Нѣмецкихъ племенъ, или съ теченіемъ времени въ нее проникшія, а народъ, глубоко удрученный повинностями и разными бѣдствіями, самостоятельно домогается облегченія и своихъ правъ, но дѣйствуетъ, какъ всякій, вырвавшійся изъ оковъ, съ варварскимъ насиліемъ, не находя ни съ какой стороны помощи, по тому что дѣятельная сила уже оставила Нѣмецкій народъ. Въмѣсто того, чтобы уменьшать и уничтожать злоупотребленія, глубоко испорченный Французскій Дворъ прибавляетъ только новыя къ старымъ, а Французская аристократія

неодной Иерархіи, а всего общества вѣрующаго) къ Государству и верховной власти. Амвросій говорилъ: «Neque imperiale est libertatem dicendi denegare, neque sacerdotale, quod sentias, non dicere. Siquidem hoc interest inter bonos et malos principes, quod boni libertatem amant, servitutem improbi. Nihil etiam in sacerdote tam periculosum est apud homines, quam, quod sentiat, non libere denuntiare» (Ep. 40). «Allegatur imperatori licere omnia, ipsius esse universa. Respondeo: Noli te gravare, imperator, ut putes te in ea, quae divina sunt, imperiale jus habere; noli te extollere, sed si vis diutius imperare, esto subditus Deo!» (Ep. 20).

не знаетъ уже границъ въ разореніи, притѣсненіи и униженіи народа, и все это съ цѣлю предаваться своимъ прихотямъ. Но во Французскомъ народѣ жили внутреннія силы, и опъ возстаетъ и сокрушаетъ все, что притѣсняло его. Реформація потребовала для человѣка свободы совѣсти, Французская революція вызвала ее наружу и, во имя правъ человѣческихъ, провозгласила свободу и равенство всѣхъ людей безъ различія. Правда, ужасы совершались тамъ, но развѣ злоупотребленія и нагроможденные злодѣянія, послужившія поводомъ къ взрыву, не были ужасны? Событія, наступившія въ Европѣ послѣ Французской революціи суть дальнѣйшія, прямыя или посредственныя, ея слѣдствія.

Итакъ, Западъ, какъ мы уже сказали, ищетъ свободы во всѣхъ отношеніяхъ, и вытекающее изъ историческаго развитія и завоеванное осноположеніе свободы хочетъ осуществить во всѣхъ направленіяхъ; онъ хочетъ освободиться отъ неограниченной власти Церкви, Государства и т. д. Но какого свойства стремленіе его въ этомъ случаѣ? Католическая Церковь, въ продолженіи многихъ столѣтій, не только терпѣла многія злоупотребленія, но и сама вводила и поощрала не малое ихъ число; въ слѣдствіе положенія, выпавшаго на долю ея, въ теченіи историческаго развитія, захватила въ свои руки не только духовную, въ былыя времена, но, вмѣстѣ съ нею, и свѣтскую высшую власть. Въ слѣдствіе этого считаетъ ли Западъ нужнымъ вообще отторгнуться отъ Церкви и предоставить ее погибали? Или имѣютъ другое значеніе и смыслъ движенія Нѣмецкихъ Католиковъ, Ронгейской, Черской, и другихъ, подобныхъ имъ, сектъ, приверженцы которыхъ всегда, сообразно временной потребности, желанію и случайному произволу собирающихся лицъ, составляютъ, переписываютъ, измѣняютъ и передѣлываютъ догматы Вѣры? Не имѣютъ ли они цѣлю устраненіе всѣхъ догматовъ Вѣры вообще? Если же нѣтъ, то, въ силу внутренняго развитія, не послѣдуетъ ли само собою такое устраненіе? Много ли у этѣхъ, такъ называемыхъ, Католиковъ приверженцевъ вообще, и кто изъ новой Вѣры обращается къ нимъ? Напротивъ того, не думаетъ ли каждый изъ нихъ, что и онъ могъ бы самъ составить новое Вѣроисповѣданіе, по своему усмотрѣнію? Съ однихъ ли догматовъ Вѣры начали, изъ Протестанства возникшіе, Друзья просвѣщенія и нынѣшніе ихъ единовѣрцы? На оборотъ того, заранѣе не признали

ли они ихъ вовсе не нужными? Во Франціи, Государственнымъ постановленіемъ, разъ была уже уничтожена Церковь, вмѣстѣ со всякою Религією, и только въ послѣдствіи, когда Конвентъ снова убѣдился въ необходимости какой бы то ни было Религіи, сочинили нѣчто, похожее на Религію, Церковь же гораздо позже была восстановлена силою мощной руки Наполеона. Но въ какомъ положеніи находится эта, силою возстановленная и охраняемая, Церковь во Франціи, можетъ видѣть всякій, у кого есть глаза. Образованныя сословія вовсе ея не предерживаются, считая ея не болѣе, какъ за обветшалое учрежденіе, необходимое лишь для простаго народа, который, однако же, съ своей стороны, также имѣетъ свои собственныя понятія о Церкви, навѣянныя на него духомъ, распространенымъ въ образованныхъ сословіяхъ. Западные народы болѣе или менѣе обнаруживаютъ такое настроеніе. Распространяясь все далѣе и отражаясь во всѣхъ ихъ движеніяхъ, оно въ весьма непродолжительномъ времени охватитъ весь Западъ и принесетъ свои плоды. Но существовать вовсе безъ Церкви человечеству совершенно не возможно. Всякая Вѣра, какъ бы она ни была еще несовершенна, выражалась особенными постановленіями; охраненіе этихъ постановленій принимали на себя нѣкоторые лица, или оно вмѣнялось имъ только въ обязанность. Такимъ образомъ всегда возникала Церковь, форма которой была тѣмъ несовершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе была сущность съ содержаніемъ, и на оборотъ. Подобно Весталкамъ, охранявшимъ священный огонь, призваніе Церкви—охранять, укоренять, распространять и развивать Вѣру, возвѣщать ея вновь нарастающимъ поколѣніямъ, воспитывать ихъ въ ней. Это призваніе, общее со всѣми прежними Церквями, имѣетъ и совершеннѣйшая изъ всѣхъ прочихъ, Церковь Христіанская, но она, сверхъ того, приняла еще на себя обязанность твердыхъ закалывать, малодушныхъ укрѣплять, падшихъ воздвигать, счастливыхъ предостерегать, несчастныхъ утѣщать, сильныхъ увѣщевать и воздерживать, угнетеннымъ помогать въ отысканіи правъ, надменныхъ поражать, смиреннымъ воздавать честь, всегда и непрестанно направлять и обращать взоры смертныхъ къ безсмертному, низшихъ къ высокому, многихъ къ единому, тлѣнныхъ къ вѣчному и неизмѣнному. Уничтожьте церкви ваши, полупадающія поколѣнія Запада, и тогда чѣмъ вы замѣните ихъ, при стремящейся на васъ со всѣхъ сторонъ гибели?

Съ другой стороны, Католическая Церковь и глава ея, Римскій Первосвященникъ, столько же виновны въ распространяющемся на Западѣ отпаденіи отъ Церкви, какъ и сами народы. Было нѣкогда время, и это время было въ первые вѣка Христіанства, когда, помня высокое свое призваніе, Церковь съ могучимъ гнѣвомъ возставала противъ существовавшаго у грубыхъ еще народовъ, Нѣмцевъ и Галловъ, вреднаго торга людьми, противъ рабства и неволи, налагала тяжкія наказанія за дурное обращеніе съ людьми; было время, и оно продолжалось въ теченіе многихъ столѣтій, когда она со властію увѣщевала Государей, притѣснявшихъ народъ, обуздывала ихъ, угрожая временнымъ и вѣчнымъ наказаніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовала и къ водворенію мира между народами; было время, когда она являлась на помощь народамъ, обремененнымъ войною, преимущественно, если Невѣрные угрожали Христіанамъ тяжкими оковами: она снабжала ихъ всѣми средствами, даже золотомъ и серебромъ, привезеннымъ изъ Римскихъ церквей; было время, когда Римскіе Епископы, какъ въ пожертвованіяхъ всякаго рода, такъ и въ Христіанскомъ смиреніи, превосходили всѣхъ Христіанъ; но всѣ этѣ времена давно прошли! Церковь, и преимущественно Римское Папство, обогащенное мірскими благами, возсѣло въ средѣ свѣтскихъ владѣтелей и, услаждаясь своимъ положеніемъ, предоставило народы на произволъ судьбы; мало того, оно нашло даже для себя прибыльнымъ извлекать изъ нихъ пользу, для временныхъ своихъ выгодъ. Съ другой стороны, достигнувъ высшей власти, видя постановленія свои признанными повсюду, эта Церковь мало по малу остановилась въ своемъ развитіи и, такимъ образомъ, полагая свое призваніе яко бы исполненнымъ, объявила себя непогрѣшимою и окаменѣла, предавая проклятію всякое дальнѣйшее усовершенствованіе, всякое дальнѣйшее движеніе. Но въ такомъ видѣ она сдѣлалась противоположностію прежней Церкви. Прежняя Церковь поставляла себѣ цѣлю охранять права народовъ, права человѣка, помогать имъ во всякомъ бѣдствіи, новѣйшая же бьетъ лишь на то, чтобы самой по возможности обманывать людей: преданная сребролюбію, она заставляетъ и теперь еще со всѣхъ сторонъ стекаться деньгамъ въ Римъ, подъ самыми непростительными, Церкви недостойными, предлогами. Въ своей непогрѣшимости и съ нею связанномъ оцѣпененіи, угрожаемая въ свѣтской власти Реформаціею, она не нашла ни чего лучшаго, какъ броситься въ

объятія Езуитовъ, чтобы, съ помощію ихъ сохранить свое прежнее вліяніе и утвердить за собою свѣтскую власть. Такимъ образомъ соединилась Церковь съ этѣмъ позорнымъ исчадіемъ челоуѣчества, которое и стало ея злымъ духомъ. Езуиты перевернули Христіанское ученіе вверхъ дномъ и вывели изъ Христіанства самыя превратныя теоріи, единственно съ тою цѣлію, чтобы льстить людямъ, никогда не излѣчимъ отъ страстей, чтобы развращать ихъ и, такимъ образомъ, властвовать надъ ними. Властолюбивая Церковь не обратила, однако же, вниманія на всѣ этѣ противохристіанскія дѣйствія, вступила въ союзъ съ Езуитами и ихъ свѣтскими покровителями, и чрезъ то сама себѣ изрекла приговоръ.²⁷ Что же случилось съ стоящими надъ Папою Соборами? Они исчезли, по тому что бесполезны и не нравятся непогрѣшимымъ Папамъ? При нынѣшнемъ Папѣ Піѣ XI-мъ были минуты, въ которыхъ, какъ бы въ сновидѣніи, вспоминалъ онъ о дѣйствіяхъ и высокомъ призваніи древней Церкви;²⁸ но, подъ тяготѣющимъ надъ нимъ вліяніемъ стѣснительныхъ обстоятельствъ Запада, поддерживаемый Французскими и Австрійскими Дипломатами, въ страхъ революцій, вызванныхъ и оправдываемыхъ его дѣйствіями, ниспровергнутый своимъ политически незрѣлымъ и легкомысленнымъ народомъ, въ настоящую минуту лежитъ онъ безсильный, распростертый долу. Если бъ онъ и захотѣлъ даже сдѣлать что либо доброе, то онъ уже не можетъ болѣе. Вотъ какъ далеко зашли дѣла въ Западномъ мірѣ и его Церкви. Итакъ дни ея уже сочтены. Одна и та же участь ожидаетъ обоихъ: Церковь, вмѣстѣ съ питомцами своими, идетъ рука объ руку на встрѣчу своей гибели. Реформація, въ началѣ, была слишкомъ безопытна, и по тому хотя и содѣйствовала повсюду совершенствованію и отворила двери истинному знанію, но никогда, однако же, не вступалась за право положительно, довольствуясь

²⁷ Въ этомъ случаѣ сочинитель очень близко сходится съ Ю. О. Самаринимъ. См. его замѣчательное сочиненіе: «Езуиты. Москва 1866.» В. Л.

²⁸ Штуръ разумѣетъ этѣмъ первые два года правленія Пія IX, когда свободномыслящіе Итальянцы возлагали на него большія надежды; преимущественно возбужденныя въ Итальянскихъ умахъ даровитыя, благодарностремляющія, но глубокии, Джоберти (см. его *Primato*. 1843, и болѣе серьезное сочиненіе *Delta Riforma Cattolica della Chiesa*. Frammenti di Vincenzo Gioberti, pubblicati per cura di G. Nassari. Torino. 1856.) В. Л.

однимъ лишь страдательнымъ отношеніемъ къ власти. Безпомощный, лишенный совѣта, народъ, который возсталъ во время Реформаціи, чтобы добиться правъ и облегченія своей участи, обратился съ неотступною просьбою къ Лютеру о совѣтъ и помощи, но Лютеръ остался глухъ къ воплямъ притѣсненныхъ. У Меланхтона хотя и было сердце, способное сочувствовать страданіямъ народа, но сила его характера не соответствовала его сострада-нію. Не только противъ Церкви вооружается Западъ, но и противъ самой Вѣры.

Религія вообще есть представленіе жертвы и непрерывное приглашеніе и возбужденіе къ ней. Религіозное служеніе представляетъ жертву символически; религіозное ученіе возбуждаетъ къ ней духъ вразумительнымъ, яснымъ, вдохновеннымъ словомъ. Какъ не было ни одной Религіи безъ жертвы, такъ и Христіанская Религія преимущественно основывается на жертвѣ Искупителя, необходимой для человѣчества. И чего же можно достигнуть въ жизни безъ жертвы? Не жертвуетъ ли собою мать для малолѣтняго ребенка цѣлые дни, цѣлыя ночи, даже цѣлые годъ? Не жертвуетъ ли собою отецъ во всѣхъ отношеніяхъ для воспитанія сыновей своихъ? Воздвигаетъ ли община свои храмы и прочія общественныя зданія безъ пожертвованій? Можетъ ли Государство сдѣлать что либо для народа безъ многихъ, самыхъ разнообразныхъ, пожертвованій со стороны отдѣльныхъ лицъ? Приобрѣталъ ли народъ когда либо свободу, завоевывалъ ли безъ жертвъ, наконецъ завоеванную не принужденъ ли онъ непрерывно охранять постоянными жертвами? Можемъ ли мы представить себѣ какую ни будь истину, какой ни будь великій подвигъ, не запечатлѣнные жертвою? По способности къ пожертвованію мы оцѣняемъ человѣка, народы; и по тому именно, что жертва имѣетъ такое глубокое значеніе въ жизни, необходимо должна и высшая сфера жизни — Религія, имѣть свою жертву, изображать ее и непрерывно возбуждать къ ней духъ человѣскій. Вотъ причина, по которой мы указали и выставили жертву, какъ главный отличительный признакъ Религіи. Религія вообще участь насъ, чтобы мы отказывались отъ своеволія и себялюбія, признавая надъ нами высшую цѣль и, сливаясь съ этою высшею, всеобщею, цѣлю, дѣйствовали для нея и готовы были пострадать за нее, чтобы духовное мы предпочитали земному и

чувственному, всеобщее частному. Въ этомъ-то и заключается глубокая истина жизни, что отдѣльное можетъ существовать только чрезъ всеобщее, что особенное можетъ сохраниться только въ союзѣ, что такимъ образомъ каждая отдѣльная личность развивается и совершенствуется только содѣйствіемъ многихъ, каждая община только содѣйствіемъ Государства, каждое Государство или народъ только вліяніемъ другихъ Государствъ и народовъ. Сознаніе и примѣненіе этой истины составляетъ сущность образованія; по этому мы и требуемъ отъ каждаго истинно образованнаго человѣка, чтобъ онъ дѣйствовалъ сообразно съ этѣмъ сознаніемъ и никогда не упускалъ его изъ виду. Даже въ обыкновенномъ кругу общежитія отъ каждаго изъ присутствующихъ требуется, чтобы онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ необразованные и грубые члены общества, выставляя только свое я и занимая общество только разказами о своемъ житьѣ-бытьѣ, о своемъ горѣ и радости, но чтобы онъ затрогивалъ предметы общественнаго блага и старался присоединить свои взгляды къ воззрѣніямъ другихъ, не измѣняя своей самостоятельности.

Такимъ образомъ Западъ считаетъ возможнымъ отложить въ сторону Религію, «этѣ необходимыя пеленки для грубыхъ, непроевѣщенныхъ умовъ и народовъ,» какъ тамъ любятъ выражаться. Тѣ же, которые желаютъ слыть за, такъ называемыхъ, образованныхъ людей, въ своемъ высокошѣрин мечтаютъ, что они выше Религіи. Такъ называемые эманципированные осмѣиваютъ ее и требуютъ ея уничтоженія; различныя ученія и секты и тысячи другихъ обществъ между рабочими-коммунистами въ Швейцаріи и другихъ краяхъ видятъ въ отиѣнѣ ея зарю своего благоденствія, и возвѣщаютъ это, какъ Евангеліе. Руге, Бруно Бауеръ, сотни ихъ единомышленниковъ, въ сочиненіяхъ своихъ, повергаютъ ее въ грязь и проклинаютъ, какъ источникъ человѣческаго порабощенія. Въ Германіи паденіе ея утверждается на, такъ называемомъ, научномъ основаніи, которое, пачиная съ Протестантства, проходитъ черезъ рационализмъ и его дальнѣйшія развѣтвленія, черезъ секты «Друзей просвѣщенія» и ихъ подражателей. Во Франціи происходитъ отпаденіе въ массѣ изъ косности (апатіи). Въ Испаніи, Португаліи, Италіи, преимущественно въ Неаполѣ и Церковной Области, Религія упала до того, что просто стала пустою, обыденною

пошlostью, безъ всякаго значенія, разумѣнія и святости. Не лучше положеніе ея и въ другихъ Католическихъ странахъ, на пр., въ Католической Германіи и въ Нѣмецкой Австріи, гдѣ, для оживленія Религіознаго чувства въ народѣ, хватаются за миссіи Езуитовъ, и только достигаютъ черезъ это противоположной цѣли. Въ слѣдствіе того эманципированный Западъ, подобно рабамъ, освобожденнымъ изъ темницы, бросается, изъ покинутыхъ церквей, въ вихрь всѣхъ наслажденій жизни «и пьетъ (любимое ихъ выраженіе) блаженство полною чашею,» какъ бы желая вознаградить себя за тѣ лишенія, которымъ онъ прежде себя подвергалъ по внушенію Религіи.

Эманципація (освобожденіе изъ подъ власти, надзора) тѣла и женщинъ становится условнымъ знакомъ для дѣйствія; а что подъ этѣмъ разумѣется, этѣ слова сами достаточно намекаютъ. Эманципированныя мѣстѣ съ эманципированными женщинами и всяческой чернью проводятъ цѣлыя дни въ трактирахъ безъ работы, утопая въ наслажденіяхъ. Приверженцы эманципаціи размножаются съ каждымъ днемъ, и вообще ни чѣмъ не занимаются такъ усердно, какъ образованіемъ и распространеніемъ удобныхъ, хорошо устроенныхъ, сборищъ и мѣстъ увеселенія. Веселье и наслажденіе — ходячее дневное слово: для достиженія его всѣ средства хороши; вотъ по чему мы встрѣчаемъ во Франціи тѣ ужасающія уголовныя тяжбы, въ которыхъ разсматривается самое бѣшенное распутство, самыя гнусныя преступленія, какъ, на пр., отравленія, коварныя убійства по поводу брачныхъ отношеній.

Да, дѣйствительно, Религія исчезла изъ сердца людей, а съ нею и самоотверженіе. И такъ не нужно ни въ чемъ себѣ отказывать, не нужно отрекаться отъ своеволія и себялюбія, напротивъ того мы можемъ себѣ позволять все, чего ни пожелаемъ. Бываютъ и въ другихъ странахъ разстройства, заблужденія, но они существуютъ въ видѣ исключенія, они прячутся въ темнотѣ; на Западѣ же подобныя дѣла совершаются явно, при полномъ свѣтѣ, они даже требуютъ себѣ оправданія, хотятъ получить право гражданства; о нихъ даже разглашаютъ сами и хвастаются ими, подобно тому, какъ одинъ Вѣнскій Профессоръ, во время таможенной революціи, шутками назидалъ и увеселялъ своихъ слушателей. Въ этомъ-то именно и заключается глубокая испорченность.

Въ этомъ униженіи и упадкѣ Вѣры Католическая Церковь виновна не менѣе самихъ народовъ; въ этомъ случаѣ она даже предупредила ихъ Продавая свои отпущенія грѣховъ (индальгенціи), заставляя платить за мощи, выстаряемыя какъ бы на поклоненіе, а въ сущности на продажу, она превратила себя въ лавку барышниковъ. Продолжая совершать Католическія таинства въ литургіи на непонятномъ и недоступномъ народу языкѣ, она превратила богослуженіе въ пустую церемонію. Безобразіемъ бѣлаго духовенства, давно уже не выполнявшаго своей обязанности при этой сильно распространенной на Западѣ безнравственности, она сама проложила путь и широко распахнула двери этому злу. Хорошо ей теперь гремѣть своими буллами противъ упадка Религіи; при каждой такой буллѣ ей слѣдовало бы ударять себя въ грудь и приговаривать: «Я, я самая виновная изъ всѣхъ!» Правительства Запада принимаютъ Религію подъ свое покровительство и хотятъ придать себѣ видъ строгой набожности, но въ сущности и они также заражены и испорчены, какъ ихъ народы. Они лицемерятъ передъ Церковію, показывая ей преданность, даже дѣлаютъ ей новыя уступки, какъ, на пр., Австрійское Правительство. Но все это совершается въ предположеніи и съ цѣлію сдѣлать Религію орудіемъ для своихъ мірскихъ цѣлей, для того, чтобы удобнѣе притѣснять, обманывать и проводить народы. Точно также дѣйствовала и новѣйшая Церковь. Въ этомъ и состоитъ причина ихъ сердечнаго союза съ нею.

Если же мы обратимъ взоръ свой на политическое поприще, то что мы увидимъ и услышимъ? Много дыма безъ пламени, много шума безъ всякаго одушевленія, и именно въ томъ отношеніи: чѣмъ меньше было воодушевленія, тѣмъ громче звукъ раздавался въ воздухѣ. Объ истинномъ самоотверженіи здѣсь не было и рѣчи. Во время послѣднихъ смятеній низшія сословія думали только о хлѣбѣ, но кричали: «Свобода!» по тому что вожди ихъ обѣщали имъ хлѣбъ послѣ побѣды. Вожди ихъ также кричали: «Свобода!» но при этомъ помышляли только о власти и наслажденіи. Первыхъ привели въ волненіе «panes», послѣднихъ «сіngsenses.» Характеръ всѣхъ возмущеній отпечатлѣвается на ихъ вождяхъ: чѣмъ основательнѣе первыя, тѣмъ замѣчательнѣе, тверже, пластичнѣе послѣднія. Вся исторія доказываетъ истину этихъ словъ. Итакъ приложимъ мѣрило вождей къ послѣднимъ возставленіямъ, оглянемся и посмотримъ, что

это были за люди?—Болтуны, и между ними люди алчные и трусы, Нѣкоторые изъ нихъ, для жалкихъ внѣшнихъ удобствъ, отреклись отъ Христіанства и перешли въ Исламъ, который, съ своей чувственностью, конечно, для нихъ привлекательнѣе строгаго, требующаго самопожертвованія, Христіанства. Люди приговоренные не обнаружили достаточнаго мужества, и просили помилованія, какъ, на пр., это дѣлали почти всѣ приговоренные Мадыяры, или сами отъ своего имени, или черезъ своихъ родственниковъ и защитниковъ. И, однако, еще Мадыяры боролись съ большимъ, чѣмъ другіе, одушевленіемъ, ибо въ нихъ сильно дѣйствовала глубокая ненависть къ Австрійскому Дому и Нѣмцамъ; но они уже почти совершенно подчинились губительнымъ Западнымъ ученіямъ, льстившимъ ихъ чувственности и ихъ уштенному направленію. По тому-то они и не сопротивлялись до конца, а положили оружіе. Русскіе явились, наложили молчаніе, и молчаніе воцарилось. Чешскимъ предводителямъ 17 вѣка сами побѣдители давали возможность бѣжать, но они отказались; имъ же было предложено просить о помилованіи, но они всѣ безъ исключенія отвергли это предложеніе и умерли геройскою смертью. ²⁹ Такъ поступаютъ люди и народы въ сознаніи своего высокаго и праведнаго дѣла! Кто изъ Западныхъ народовъ могъ сравниться въ одушевленіи съ возставшими противъ Мадыяръ Сербамъ? Не обученные военному дѣлу, Сербы, съ нѣсколькими опытными солдатами, пять мѣсяцевъ съ успѣхомъ держались противъ всѣхъ обученныхъ и не обученныхъ военныхъ силъ Мадыярскихъ, даже пріобрѣтали надъ ними значительныя выгоды; сотни повѣшенныхъ Мадыярами Сербовъ умирали мужественно и ни какія канибальскія жестокости не могли поколебать народа; только въ послѣдствіи стали нѣсколько охлаждать Сербы, когда замѣтили ложь и предательство Австрійцевъ, но, снова вспомнивши свою храбрость и честь, они были увлечены на поля битвъ юношескимъ воодушевленіемъ своего Патріарха, старца Раячича, непреклонною твердостью Кнѣзянина

²⁹ См. *Historia o těžkých protivenstvích Církve České (894 — 1632)*. V Hírberku. MDCCCXLIV, и приложенное тутъ свидѣтельство очевидца о послѣднихъ дняхъ и ночахъ знаменитыхъ Чешскихъ страдальцевъ, 21 Іюни, 1621 г.: «*Koruna neuvadlá mučedníkův Božích Czeských;*» также Peschek: *Geschichte d. Gegenreformation in Böhmen*. Leipzig 1850, 8°, 2. Ausg. 2. Band. B. J.

и пылкою храбростію Стратимировича. Если бѣ послѣднія Европейскія движенія имѣли благородное побужденіе и содержаніе, то, при бывшихъ у нихъ средствахъ, они бы непременно достигли важныхъ послѣдствій; но каковы же они были? Не Французская ли Республика? Но объ ней послѣ. Или созданіе единой великой Германіи во Франкфуртскомъ національномъ Парламентѣ? Или, быть можетъ, освобожденіе всею Германіею воспѣтаго Шлезвигъ-Голштейна отъ ужаснаго Датскаго ига? Или образованіе могущественной Угрии, провозглашеніе самостоятельности «благородной и великодушной Угорской націи,» какъ она уже стереотипно называлась въ либеральныхъ и подкупленныхъ Штемпельскихъ газетахъ? При настоящемъ воодушевленіи всѣ этѣ движенія не только бы имѣли послѣдствія, но и не нуждались бы въ тѣхъ искусственныхъ средствахъ, къ которымъ они отъ начала до конца прибѣгали; ибо нужно было постоянно поддерживать искусственное возбужденіе, и все было хорошо, что служило этой цѣли. Болѣе колоссальной лжи, вѣрно, нигдѣ не было, чѣмъ во время Мадьярской революціи, когда распространяли ее въ народѣ сами правители. Единственная выгода отъ движеній заключалась въ проведеніи нѣкоторыхъ общественныхъ преобразованій, именно: освобожденіи поработеннаго народа отъ произвола его угнетателей и отъ барщины. Но это осноположеніе было уже завоевано Французскою революціей, и нужно было только небольшого толчка, чтобы это дѣло, такъ сказать, двинулось само собою. Въ Австрійскихъ земляхъ оно было признано еще до революціи и занесено въ законы.

Католическая Церковь съ своими чадами утратила способность къ пожертвованіямъ, а Протестанство никогда ея и не имѣло, равно какъ и жертвы въ богослуженіи. Нѣкоторыя исключенія не нарушаютъ правила. Отечество и почва Протестантства—Германія. Здѣсь бы оно должно было сохраниться. При составленіи Символовъ Вѣры, еще во время Реформаціи въ Германіи, составители ихъ кланялись и сгибались передъ свѣтскими Владыками, даже весь свой трудъ подчинили волѣ и покровительству Государей. Самъ Лютеръ колебался цѣлый день на Имперскомъ Сеймѣ, въ Вормсѣ, ни минуты Гусъ въ Костницѣ.³⁰ Когда же въ

³⁰ Прекрасное сравненіе нравственныхъ характеровъ Гуса и Лютера см. въ замѣчательномъ соч. Новикова: «Гусъ и Лютеръ. М. 1861.» В. Л.

Германіи дошло дѣло до войны, чтобы завоевать Реформациі нѣкоторыя права, и когда при этомъ Протестантскіе Государя были разбиты, то они, словно школьники, на колѣняхъ вымаливали прощенье у Императора, который въ самомъ дѣлѣ и простилъ имъ великодушно ихъ заблужденіе. Въ тридцатилѣтнюю войну, которая, подъ наружнымъ религіознымъ предлогомъ, преслѣдовала политическія цѣли, Протестантскіе Государя выступали робко и мѣняли знамена, соображаясь съ временными выгодами, даже измѣнили своимъ единовѣрцамъ, Чехамъ, и еще сами помогали ихъ покоренію и уничтоженію. Самопожертвованіе на Западѣ, какъ это видно изъ всего, почти совершенно исчезаетъ, а съ этимъ амбитію слабѣетъ все высшее и общее, къ жертвѣ принуждающее.

Вѣра, которую задумали на Западѣ похоронить и уничтожить, есть не иная, какъ само Христіанство; объ ея уничтоженіи провозглашаютъ во всеуслышаніе Соціялисты и Коммунисты, секты Маррея и ихъ многочисленные пособники, которые положительно утверждаютъ, что Христіанство должно погибнуть, чтобы дать мѣсто человѣческой свободѣ. Сочиненія же Руге, Бруно Бауера и ихъ единомышленниковъ, стараются доказать научнымъ образомъ необходимость паденія Христіанства. Такимъ образомъ ваше стремленіе — уничтожить это, составляющее эпоху въ Исторіи, ученіе, съ появленія котораго есть и можетъ быть рѣчь о человѣкѣ, въ истинномъ значеніи, на которомъ утверждается всякое стремленіе къ освобожденію человѣка, и безъ котораго нельзя помышлять о свободѣ и равенствѣ и вообще о признаніи истиннаго человѣческаго достоинства? Итакъ вы хотите истребить въ человѣчествѣ этотъ, вѣчно дѣйствующій, творящій и образующій духъ, съ помощью лишь котораго люди становятся настоящими людьми? Развѣ ужъ вы достигли этого благородства души, этой почти недоступной высоты мысли, которая проявляется въ Христіанствѣ? Развѣ ужъ духъ вашъ такъ полонъ дѣятельной, готовой ко всякаго рода пожертвованіямъ и безпритязательной, любви къ ближнему, безъ коея рѣдкихъ даже лучей человѣческое общество разрѣшилось бы въ случайную толпу, такъ уже полонъ, что вы полагаете возможнымъ обойтись безъ вѣчно истиннаго закона для человѣчества? И если бы вы даже достигли этой высо-

ты, то развѣ не нужно, чтобы это ученіе постоянно высилось, подобно пирамидѣ, въ предостереженіе людямъ отъ впаденія въ прежнюю грубость и самообожаніе? Но вы ищете свободы въ потворствѣ вашимъ желаніямъ, вы хотите, во имя ея, повелѣвать другими и разрабатывать ее для вашихъ временныхъ выгодъ, по этому-то вы бѣжите Христіянства и его отвергаете, ибо оно носитъ въ себѣ совершенно иную свободу, учитъ совершенно иному обращенію съ людьми. Презрѣнны всѣ тѣ, которые, во имя законной власти, чинятъ другимъ насиліе и ею злоупотребляютъ, но не менѣе призрачны вы всѣ, жалкіе, пресмыкающіеся передъ лучезарною высотой Христіанства! Чтобы заняло и удержало неоспоримое значеніе въ человѣчествѣ, если бы не заключающіеся въ Христіанствѣ и Вѣрою освященныя истины, которыя столь возвышенны, что они сообщили самой Вѣрѣ непреходящую святость? Были ли бы тогда достаточны ученія нѣкоторыхъ мудрецовъ, нѣсколькихъ философовъ? Этѣмъ бы ученіямъ противорѣчили другія и возникли бы новыя: гдѣ бы же тогда была у человѣчества увѣренность, гдѣ все рѣшающій авторитетъ? Но вы отвергаете всякой авторитетъ, и, тѣмъ не менѣе хотите, чтобы другіе признавали ваши ученія и изобрѣтенія, и имъ бы слѣдовали, и тѣмъ сами подкапываете почву подъ вашими ногами и никогда не достигаете опредѣленности, соглашенія и мира. Со времени Христіанства появилось ли въ отношеніи человѣка къ Богу и его ближнему что ни будь лучшаго, совершеннѣйшаго и болѣе истиннаго, и даже что ни будь новаго, и не старались ли, напротивъ того, всѣ жившія доселѣ поколѣнія, народы и мыслящіе люди о томъ, чтобы сказанное Христіанствомъ доказать, повсюду распространить и привести въ дѣло? Кто же иначе сокрушилъ могущество сильныхъ, кто защитилъ права презираемыхъ, маленькихъ людей, этой черни, по выраженію аристократовъ, этѣхъ стгибающихся и преклоенныхъ, кто наконецъ осмѣлился о нихъ помышлять, какъ не заповѣди Христіанства, постоянно возглашаемыя въ Божьихъ храмахъ, проникшія въ науку, Философію, Богословіе, Право, и въ нихъ переработанныя и всесторонне доказанныя, и наконецъ явившіяся, какъ требованія, въ области политики и достигшія значенія въ жизни? Была ли внѣ Христіанства свобода человѣческая? Да, въ Греціи и Римѣ были свободные граждане, но не было свободныхъ людей; тамъ, рядомъ съ

этѣмъ свободными гражданами, были несвободные, вполнѣ отданные произволу своихъ господъ, рабы, такіе же люди, какъ и первые, и изъ того же самаго народа. Ни тѣ своей свободой, которая распоряжается человѣкомъ по произволу, ни они своего рабства, никогда не подвергали сомнѣнію; даже самыя свѣтлыя, самыя мыслящія головы древности, Платонъ и Архистотель, одинъ ученикъ Сократа, другой учитель Александра Великаго, защищали и признавали необходимымъ, одинъ выставку дѣтей, другой рабство. А что было въ Римѣ при Императорахъ? Римскому народу подпалъ нѣкогда міръ, а позже міръ съ Римскимъ народомъ подпалъ власти Римскихъ Императоровъ. Они не знали ни какихъ границъ своей власти, не считали пужнымъ стѣвить преградъ своему произволу, они имѣли кругомъ себя подданныхъ, простыя вещи и орудія въ ихъ рукахъ; они также не знали ни людей, ни человѣческихъ обязанностей. Не бывало развѣ такихъ чудовищъ на Римскомъ престолѣ, которыя высказывали пламенное желаніе, чтобы у Римскаго народа была одна шея? Бывали тираны и злодѣи на престолахъ Христіанскихъ, но подобныхъ изверговъ не бывало. По тому-то и бѣжали люди изъ Римскаго міра въ пустыни, чтобы укрыться тамъ отъ безграничнаго произвола и позабыть объ обществѣ; они бросали свои сокровища на улицахъ, ибо самое наслажденіе не имѣло для нихъ ни какой прелести. Мы знаемъ, конечно, о рабствѣ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и знаемъ, какъ ужасно обращались съ своими рабами Англійскіе и Французскіе поселенцы, но это язычество отвратительно и противъ него ежедневно человѣчество все болѣе и болѣе подымаетъ свой голосъ.

Посреди этой стаи крикливыхъ голосовъ противъ Христіанства, душъ нашей въ высшей степени было больно услышать одинъ такой же голосъ и изъ Славянскаго міра, и еще оттуда, откуда бы всего менѣе мы могли его ожидать, изъ Россіи, правда не изъ Греко-Славянской Россіи, но отъ одного потеряннаго и заблудшаго на чужбинѣ Русскаго. Въ его, изданныхъ въ Гамбургѣ, сочиненіяхъ: «Съ того берега» (*Vom andern Ufer*), и «Письма изъ Италіи и Франціи» (*Briefe aus Italien und Frankreich*), есть много справедливаго, но общее политическое направленіе—ложно и дурно, начи-

нено испорченными Западными понятіями, ³¹ и при этомъ еще несчастный, у Славянна двоякій достойный проклятія, мятежъ противъ Христіанства! Русскій писатель хочетъ содѣйствовать политической будущности Славякъ, и при этомъ подкапываетъ основаніе, на которомъ Славянство и можетъ только стоять и совершить великое для человечества. Онъ ясно выражается, что «Христіанство уже ни чего болѣе не значитъ и должно погибнуть», аалѣчая, что «надобно уничтожить и послѣднее ничтожное титло Христіанскаго, Феодалнаго и Римскаго міра.» Такимъ образомъ онъ соединяетъ Христіанство съ Феодализмомъ, какъ будто оно дѣйствительно съ нимъ связано, и даже имѣетъ съ нимъ нѣчто общее! О громадное, возмущающее душу, ослѣпленіе! Не боролось ли всегда Христіанство, и не борется ли оно и теперь, противъ Феодалныхъ учрежденій? Виновата ли въ томъ Христіанская Вѣра, что народы, принявшіе и развившіе Феодализмъ, не вполне ею прониклись? Должно ли по тому погибнуть Христіанство, что этѣ народы не имѣли въ себѣ достаточно силы и самообладанія, чтобы приготовить Христіанству полнѣйшее осуществленіе въ мірѣ? Не должны ли тутъ быть испытаны силы другихъ народовъ? По тому ли пережыло Христіанство, что его нѣкоторые пережили? Или уже всѣ дни маши изочтены и мы пришли къ концу міра? Развѣ право отъ того дурно и бесполезно, что многіе чинятъ неправду, или надо откинуть честь, по тому что иные поступаютъ безчестно? Все это передумалъ, вѣроятно, единственный Русскій человекъ не въ своемъ народѣ: ему лишь Западъ внушилъ этѣ мысли.

Этѣмъ пагубнымъ направленіямъ въ области Вѣры и Церкви параллельны на Западѣ разрушительныя стремленія въ Государствѣ и гражданскомъ обществѣ. Первые въ постепенномъ порядкѣ

³¹ Въ этомъ удивленіи Штура выразилась главная ошибка въ воззрѣніи его на Россію. Глубоко и истинно, какъ Славяннъ и высоко даровитый человекъ, понимая Русскій народъ, этѣ историческія основы и задачи, Штуръ часто не видалъ его слабостей и недостатковъ, и еще менѣе понималъ, такъ называемое, образованное Русское общество, не воображая, что оно такъ много дурнаго и такъ мало хорошаго приняло отъ Запада, что всѣ почти темныя стороны Западной жизни, на которыя Штуръ такъ мѣтко указываетъ, болѣе или менѣе сильно развиты и въ нашемъ обществѣ и главнѣйше препятствуютъ самобытной Славянской образованности и политикѣ Россіи. В. Л.

и опредѣленномъ развитіи преимущественно являются у Нѣмцевъ, такъ какъ ихъ умственная дѣятельность, болѣе вѣтвь направленная, особенно склонна къ занятію церковными и религіозными вопросами; послѣднія же, напротивъ того, всего болѣе вытупаютъ у народовъ Романскихъ, которые особенное обращаютъ вниманіе на видоизмѣненія вѣшняго міра. Тамъ совершается отпаденіе отъ Церкви, съ одной стороны, Епископальною Церковью, Пресвитеріанцами, Индепендентами, Ливеллерами (level-lers) и т. д., а съ другой Протестантствомъ, раціонализмомъ, сектами Нѣмецкихъ Католиковъ, Друзьями просвѣщенія и т. д., и кончается все рѣшающимъ личнымъ произволомъ и полнымъ безвѣріемъ; здѣсь, напротивъ того, происходитъ раздѣленіе въ, такъ называемомъ, конституціонномъ устройствѣ Государствъ, которое съ расширеннымъ оскопаченіемъ переходитъ въ новыя, провозглашенныя, или замышляемыя, Республики и наконецъ выражается въ Соціализмъ и Коммунизмъ, при чемъ Государству грозитъ полное разрушеніе. Какъ оба этѣ направленія въ церковной и политической жизни развиваются параллельно, такъ сходятся онѣ и по началамъ, ибо тутъ и тамъ въ крайнемъ развитіи всеобщій произволъ возводится въ судью, и особь, ея сохраненіе и поддержаніе, дѣлается мѣриломъ всѣхъ Государственныхъ дѣйствій, наконецъ основаніемъ Государственной силы; по духу невѣрующей и коммунистической чувствуютъ взаимное тяготѣніе, такъ какъ они презираютъ всякой авторитетъ и все положительное. Коммунизмъ, какъ бы ни былъ принимаемъ, въ дикомъ ли возрѣніи Бабёфовъ, Сенъ-Симоновъ, Фуррье, Прудоновъ, или Кабе, уничтожаетъ ли онъ вовсе частную собственность, по извѣстному основанію: «La propriété c'est le vol», или съ наружнымъ ея сохраненіемъ, желаетъ ли онъ раздѣленія доходовъ сообразно съ трудомъ, талантомъ и капиталомъ, или же различаетъ онъ виды собственности, по способу ея происхожденія, фиктивнымъ завладѣніемъ, праздною волею, или трудомъ, во всякомъ случаѣ Коммунизмъ есть устраненіе и уничтоженіе Государства. Государство же именно возвышается надъ общиною и гражданскимъ обществомъ, которымъ ближе всего подлежитъ благосостояніе единицъ, и призвано служить во вѣдѣнныхъ дѣлахъ представителемъ и защитникомъ вѣршю своему назначенію Церкви. Задача Государства—оберегать право въ его области, приводить его къ опредѣленію во всѣхъ человѣческихъ от-

ношеніяхъ, соединеніемъ всѣхъ въ народѣ дѣйствующихъ силъ, облегчать имъ достиженіе конечныхъ ихъ послѣдствій, но такъ, однако, чтобы все, въ немъ соединенное, цѣлое, которое оно представляетъ внутри и внѣ, вести къ болѣе свободной и человѣческой жизни. Обо всемъ этомъ ни чего не знаетъ и знать не хочетъ Коммунизмъ; ибо, обѣщая доставить каждому одинаковъ право, онъ учиняетъ не только величайшую неправду относительно всего гражданского общества, но каждому заранее опредѣляя собственность или, по крайности, обезпечивая ему доходъ, онъ совершенно уничтожаетъ всякое личное стремленіе и самоопредѣленіе, всякое сильное усердіе и соревнованіе, исключаетъ всякое самопожертвованіе, всякую дѣятельную любовь къ ближнему, и эгоизмъ обращаетъ всѣхъ и каждого въ рѣшительныхъ себялюбивъ, прекращаетъ всякое развитіе и обращаетъ человѣческое общество въ рабочій домъ и фабрику, въ которыхъ всѣ люди машинально заняты своими работами.

Итакъ высшая идея, къ которой приводитъ коммунистическое Государство или, лучше сказать, коммунистическая скороспѣлая система, есть пропитаніе, насущный хлѣбъ. Подъ эѣмъ предлогомъ надѣляя cadaго своимъ правомъ, столь желанною свободою и равенствомъ, вознаграждая трудъ cadaго, и при этомъ принимая побудительною причиною и исходною точкою всѣхъ дѣйствій одно только тѣло, его потребности, его наслажденія, она освобождаетъ тѣло и въ другихъ отношеніяхъ, уничтожаетъ, такъ называемое, принужденіе и даетъ полную волю всѣмъ страстямъ. Она эманципируетъ женщину сообразно съ понятіемъ о равенствѣ, разрушаетъ семью, уничтожаетъ домашній очагъ, и такимъ образомъ даетъ широкій просторъ безнравственности, распутству и невоздержности. Она разрываетъ всѣ союзы человѣческаго общества и ставитъ на мѣсто эѣхъ священныхъ узъ себялюбіе, прихоть и т. п., вновь повергая человѣчество въ животное состояніе.

Стало быть Коммунизмъ достигаетъ той же цѣли, какъ и невѣріе и упадокъ Христіанства. При всемъ томъ, во всѣ измѣненія Коммунизма болѣе или менѣе проникли первоначальныя постановленія Бабёфа, который положительно не допускаетъ ни Государства, ни Церкви, ни собственности, даже для основанія и сохра-

ненія равенства, ни какой науки и высшаго образованія. Онъ побуждаетъ всѣхъ людей къ занятію сельскимъ хозяйствомъ, какъ единственному источнику пропитанія рода человѣческаго, и въ слѣдствіе того предписываетъ разрушеніе всѣхъ большихъ городовъ, образованіе ограничиваетъ самымъ лишь необходимымъ чтеніемъ, письмомъ, счетоводствомъ, вмѣстѣ съ нужнымъ познаніемъ Законодательства, Исторіи, Географіи и Статистики Республики. При этомъ Бабѣвъ вводитъ строжайшую цензуру надъ печатью; въ тѣсномъ кругу этѣхъ республиканскихъ началъ считаетъ нужнымъ учредить одно только вѣдомство—для склада и ежедневной раздачи сѣстныхъ припасовъ. По этому въ каждомъ Коммунизмѣ, устроенномъ на подобныхъ началахъ, открывается поле не только для жизни мрачной, лишенной всѣхъ благороднѣйшихъ наслажденій, но и для самаго ужаснаго деспотизма. Если различные отгѣнки Коммунизма и не прямо стремятся къ этому, и не всѣ требованія Бабѣфа примѣняютъ къ своимъ послѣдователямъ, то во всякомъ случаѣ, рано или поздно, всякое коммунистическое правленіе неизбежно должно прійти къ тому же самому итогу, по тому что каждый Коммунизмъ призываетъ грубую, чувственную, себялюбивую толпу къ владычеству. И все это должно терпѣть человѣчество ради жалкаго куска хлѣба, который земля Божія производитъ въ достаточномъ количествѣ, лишь бы только въ человѣческомъ обществѣ существовали такіа учреждения, при которыхъ каждый, если бѣ захотѣлъ, могъ бы заработать себѣ столько хлѣба сколько ему нужно; лишь бы только въ человѣческомъ обществѣ сердца бились человѣчнѣе и всякому нуждающемуся, какъ своему ближнему, охотно удѣляли кусокъ хлѣба, если онъ не можетъ снискать его самъ! Какъ бы ни старался Коммунизмъ представить себя защитникомъ правъ человѣческихъ, но самъ онъ не знаетъ вовсе человѣчества, жалкимъ образомъ унижаетъ его, и такъ какъ онъ прилѣпляется къ учреждениямъ непрактичнымъ и невыполнимымъ, то и принадлежитъ къ самымъ нелѣпымъ порожденіямъ человѣческаго мозга.

При совершенно дурномъ, невыполнимомъ, человѣчество унижающемъ, составѣ его ученія, Коммунизмъ; не смотря на то, уже сильно распространенъ на Западѣ. Настоящая родина его—Франція, а оттуда вредное ученіе его проникло въ Германію, Швей-

царю и т. д.; оно приобрѣло много приверженцевъ между рабочими, даже между, такъ называемыми, образованными людьми. Коммунизмъ не пощадилъ и самую Англiю.

Въ новѣйшихъ Западно-Европейскихъ смятенiяхъ онъ также болѣе или менѣе проявилъ свое влiяніе; но, будучи убѣжденъ, что сила его еще недостаточна и что день его еще не насталъ, онъ, участвуя только въ возбужденiи этѣхъ возстанiй, держался болѣе позади, въ выжидательномъ положенiи, предоставляя другимъ стихiямъ сражаться за себя. И въ послѣдствiяхъ у него также не было полного недостатка, хотя послѣдствiя новѣйшихъ возмущенiй, какъ мы уже замѣтили, были весьма скудны, тѣмъ не менѣе, однако же, онъ содѣйствовалъ учрежденiю, такъ называемой, Французской Республики, въ надеждѣ, что со временемъ, она превратится въ Республику социальную. Въ случаяхъ же, гдѣ онъ не надѣялся добиться до Республики, онъ, по крайней мѣрѣ, всѣми силами старался расширить основаніе, такъ называемыхъ, конституціонныхъ Государствъ.

Бросимъ теперь взглядъ на Французскую Республику и на Западныя конституціонныя Государства, и посмотримъ, покоятся ли они на прочномъ основанiи, заключаютъ ли въ себѣ надежный зародышъ дальнѣйшаго развитiя и усиленаго подржанiя для остальной части Европы.

Французская Республика есть противорѣчіе самой себѣ, и по тому она не имѣетъ въ себѣ ни жизненной силы, ни будущности.

Тамъ рѣшеніе Государственныхъ дѣлъ предоставляется милліонамъ лицъ, милліонамъ, изъ которыхъ большинство грубо, невѣжественно относительно сущности и потребностей Государства, и по тому неспособно надлежащимъ образомъ подчпнить личную выгоду далеко превыщающей ее выгодѣ общественной.

Далѣе, такъ называемая, образованная часть изъ нихъ распадается на тысячи различныхъ политическихъ мнѣній и болшею частію состоятъ изъ людей, носящихъ въ головахъ своей уже готовую политическую систему и старающихся осуществить ее во что бы то ни стало. Что же является необходимымъ слѣдствіемъ всего этого? Разумѣется, все болшее, силою вынужденное, низверженіе

Государства въ руки грубой, невѣжественной, себялюбимъ проликнутой, массы народа; сверхъ того, при столь многостороннемъ раздробленіи политическихъ взглядовъ, и партій, недостатокъ единства, необходимаго для произнесенія вообще законныхъ и прочно дѣйствующихъ Государственныхъ постановленій. Въ слѣдствіе этого, Правительство Республики признало себя вынужденнымъ значительно ограничить право избирательства, наложить также нѣкоторыя ограниченія на право ассоціаціи, на свободу печати и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если не вынудить силою, какъ было до сихъ поръ, то, по крайней мѣрѣ, потаеннымъ образомъ достигнуть необходимаго для веденія дѣлъ единства.

Но Республика безъ свободнаго права ассоціаціи, безъ свободы печати, безъ единства, имѣющаго прочное дѣйствіе въ рѣшеніи Государственныхъ дѣлъ, есть ли истинная Республика? Ни мало. Греческія Республики состояли изъ небольшихъ владѣній, ограничивавшихся почти отдѣльными городами; въ нихъ, безъ сомнѣнія, при ежедневныхъ сношеніяхъ гражданъ между собою, могли образоваться почти одинакія мнѣнія. Сверхъ того, рѣшеніе Государственныхъ дѣлъ зависѣло не отъ многихъ уполномоченныхъ, а въ важнѣйшихъ случаяхъ, если мнѣнія распадались, оно подвергалось изреченіямъ оракуловъ и рѣшалось согласно ихъ приговорамъ. Позднѣе и въ Греческихъ свободныхъ Государствахъ образовались прямо противоположныя мнѣнія и стороны, но тогда уже окончилось и существованіе этѣхъ Государствъ. Во Франціи, кромѣ того, господствуетъ глубокая испорченность правовъ, которая, какъ необходимое слѣдствіе, должна была проявиться и во мнѣніяхъ; иначе приходилось ли бы намъ постоянно слышать горькія жалобы Французовъ на подкупность и продажность членовъ Республиканской палаты?

Эта подкупность свойственна не однимъ этѣмъ отдѣльнымъ лицамъ; напротивъ того, мы увѣрены, что если бъ прежнихъ сѣнили вновь избранные члены, то, при глубоко укоренившейся въ жизни безправственности, и они точно также были бы доступны подкупу, какъ и ихъ предшественники. Но въ состояніи ли такой народъ управлять самимъ собою? Не должна ли, напротивъ того, деспотическая власть, по необходимости, замѣнить самоуправленіе, какъ нѣкогда было въ испорченномъ Римѣ? Попытку и удачу въ

подобныхъ намѣреніяхъ облегчаютъ, даже чрезвычайно сильно содѣйствуютъ имъ, испорченные нравы или, лучше сказать, безнравственность во Франціи. Развѣ у нынѣшняго Президента не тѣ же самыя виды и намѣренія на умѣ, хотя въ его высококомъ призваніи мы имѣемъ основательныя причины сомнѣваться.³² Римская Республика держалась строгостію и чистотою своихъ нравовъ, строжайшимъ повиновеніемъ рѣшенію, произносимому совѣщательнымъ собраніемъ отъ имени отечества, покорностью законамъ необходимости.

Но и тамъ, когда исчезла прежняя чистота нравовъ и несокрушимое повиновеніе, когда ихъ замѣнила дурная нравственность, пристрастіе къ удобствамъ жизни, когда о Римѣ стали говорить, что его весь можно купить на вѣсь зотота, тогда въ скоромъ времени пала и Республика.

Далѣе нужно принять въ соображеніе еще и то, что во Французской Республикѣ многіе милліоны лицъ, посвятившихъ себя политической жизни, будутъ отвлечены отъ своего призванія частыми собраніями, имѣющими быть то по случаю выбора представителей, то по случаю воззванія къ народу и другихъ политическихъ движеній. Они будутъ брошены въ кругъ дѣйствій, гдѣ, по недостатку образованія, будутъ неспособны ни къ всестороннему обсужденію, ни къ законному рѣшенію дѣлъ. Пренебрегая истиннымъ своимъ призваніемъ, этѣ доморощенные политики причинятъ вредъ себѣ и всему гражданскому обществу и, при всемъ томъ, дѣйствія ихъ въ новомъ кругѣ жизни будутъ неудовлетворительны, даже вредны. Въ Греціи, Римѣ граждане были отвлечены отъ всякаго дальнѣйшаго призванія въ жизни, но тѣмъ самымъ они были поставлены въ такія условія, при которыхъ могли удобно и вполне ознакомиться съ потребностями Государства; вотъ по чему мы замѣчаемъ въ нихъ, относительно этого предмета, высокое образованіе, достойную удивленія смѣтливость (тактъ). Исполненіе же домашнихъ и прочихъ, по ихъ мнѣнію, неприличныхъ имъ занятій, предоставляли они рабамъ своимъ. И Сѣверо-Американскіе Штаты также имѣютъ своихъ рабовъ. И что

³² Рѣчь о Луд. Наполеонѣ. В. Л.

же, произошло ли со времени существованія Французской Респуб-
лики, при участіи многихъ милліоновъ лицъ въ политическомъ
самоуправленіи, произошло ли что либо новое, великое, истинно
полезное въ цѣломъ? Не проводятъ ли господа представители, по-
лучающіе хорошіе оклады жалованья, цѣлые годы надъ рѣшені-
емъ вопросовъ, которое, при содѣйствіи немногихъ лицъ, не про-
длится бы даже и нѣсколько недѣль? Кстаті замѣтимъ также,
есть ли и между многими сотнями представителей люди блестящаго
краснорѣчія въ настоящее время? Напротивъ, краснорѣчіе исчезло
совсѣмъ. Въ прежнихъ Палатахъ видѣли мы людей, отличавшихся
на трибунѣ великимъ даромъ слова, и мы съ радостью встрѣчали
ихъ ораторскія рѣчи; теперь же въ національномъ собраніи, сре-
ди массы ораторствующихъ, едва ли кто на себя обращаетъ вни-
маніе.²² Кромѣ этѣхъ противорѣчій, во Французской Республнкѣ
существуетъ еще одно громадное. Въ Республикѣ должно имѣть
значеніе какъ отдѣльное, такъ и частное, слѣдовательно, община,
округъ или какъ бы тамъ ее ни называли, что мы и видимъ
устроеннымъ, во всякомъ случаѣ, лучше другихъ въ Американскомъ
Союзѣ. Во Франціи же Государственное управленіе такъ сосре-
дочено въ рукахъ Правительства, что эта централизація могла бы
служить по этому предмету образцомъ. Не только Министровъ на-
значаетъ и увольняетъ Правитель Государства, но также всѣхъ
Префектовъ, Подирефектовъ въ Департаментахъ и Округахъ, даже
Меровъ въ городахъ съ 5000 населеніемъ; Меровъ же въ Округахъ
съ меньшимъ населеніемъ опредѣляетъ уже Префектъ.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ этѣ должностныя ли-
ца ежеминутно, и безъ всякаго права на пенсію, могутъ быть
уволены Правителемъ Государства, слѣдовательно, должны быть
услужливыми и вполне преданными орудіями высшей власти; ина-
че, они подвергаются опасности лишиться своихъ мѣстъ.

Мундиръ и ловко сшитое модное платье, которыя Француз-
скій народъ такъ любитъ и такъ охотно носитъ, значить, испол-
нѣ припоровлены къ этой Государственной машинѣ. Даже самая

²² Штуръ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова, какъ и его знаменитые друзья,
народные двигатели Словаковъ, Гурбанъ и Ходжа. В. Л.

жизнь Французовъ во всѣхъ отношеніяхъ сосредоточена въ Парижѣ, и этотъ городъ, заключающій въ себѣ Францію, есть мѣсто-пробываніе этого всеобъемлющаго Правительства. Не составляетъ ли все это само собою уже и Монархію? «О, вы Республиканцы безъ Республики, и Республика безъ Республиканцевъ,» какъ кто-то остроумно выразился въ сочиненіи о Парижѣ.

Какъ во внутреннемъ устройствѣ, такъ и во ви́шней политикѣ, Французская Республика обнаруживаетъ громкія противорѣчія.

Римская Республика, взывавшая о помощи къ «*alma mater*,» но и сама имѣвшая столь же прочное основаніе, какъ и эта «*alma mater*,» уничтожила свою старшую сестру въ самомъ цвѣтѣ. Превжняя Французская Республика дала свое имя, по крайней мѣрѣ, твореніямъ своимъ, Республикамъ Батавской, Цизальпинской, Лигурской и т. д., и позволила носить его безъ всякаго противорѣчія. Нынѣшняя же отказываетъ сестрамъ своимъ въ этомъ благозвучномъ имени. О недобрая сестра! Запутанная въ этѣхъ противорѣчіяхъ и не имѣя возможности изъ нихъ освободиться, Французская Республика оказывается несостоятельною.

Не желая говорить въ пользу нынѣшняго Президента, нельзя не замѣтить, что онъ былъ бы очень простъ, если бъ, видя эту несостоятельность Республики, не воспользовался ею для своей выгоды.³⁴

Кавеньякъ, желавшій сохранить Республику и подавившій коммунистическое возстаніе, можетъ быть и достойный уваженія человекъ, но въ политическихъ взглядахъ своихъ стольже ограниченный, какъ нѣкогда былъ Лафайетъ. Самое неутѣшительное явленіе при этомъ то, что ни для этого народа, живущаго въ разладѣ съ самимъ собою, ни для другихъ, идущихъ по слѣдамъ его, нѣтъ благоденствія.

Немного въ лучшемъ положеніи и такъ называемыя Конституціонныя Государства Западной Европы. Они также поражены болѣзненнымъ началомъ. Въ нихъ Государственная власть раздѣлена такъ, что одна часть ея принадлежитъ народу, а другая Прави-

³⁴ Это такъ и случилось. В. Л.

тельству: первому законодательная, второму исполнительная власть. Такое учрежденіе основано на раздѣленіи того, что по необходимости должно быть тѣсно связано, именно: на раздѣленіи высшихъ Государственныхъ властей, составляющихъ одно единственное цѣлое. Древнія Республики, правильно сознавая Государственное благо и цѣль, ведущую къ нему, признавали единство власти, предоставляя народу, уполномоченному Государствомъ, примѣненіе всѣхъ видовъ этой власти или непосредственно, или черезъ избранныхъ имъ правителей.

Далѣе, такое учрежденіе ведетъ къ окончательному разъединенію Правительства съ народомъ, тогда какъ народъ, при правильномъ взглядѣ, составляетъ съ Правительствомъ такое же органическое цѣлое, какъ голова съ тѣломъ, какъ листья съ деревомъ.

Народъ безъ Правительства—существо безъ значенія, въ высшей степени грубое, бѣдное, находящееся почти въ животномъ состояніи. Правительство же безъ народа — бессмыслица. На этомъ разъединеніи различные философы и политики пытались построить свои одностороннія Государственныя теоріи, но пришли, однако же, къ самымъ противорѣчивымъ взглядамъ и выводамъ; такъ, на пр., Руссо къ высшему праву народа, а извѣстный Гоббесъ къ полному произволу Правительства во всѣхъ Государственныхъ дѣлахъ. Не говоря уже обо всемъ этомъ, раздѣленіе это еще, сверхъ того, приводитъ Правительство и народъ въ постоянно враждебныя столкновенія между собою, возбуждая и поддерживая взаимное недовѣріе, ставитъ какъ народъ, такъ и Правительство, въ одинаковое, не соответствующее ихъ назначенію, положеніе и, подавая поводъ къ взаимнымъ раздорамъ, подвергаетъ наконецъ опасности существованіе того и другаго. Дѣйствительно, муженькъ народъ просвѣщенный, политически зрѣлый, хорошо умѣющій владѣть собою для того, чтобы тамъ, гдѣ власти, сообразно новѣйшимъ понятіямъ о Конституціи, раздѣлены, онъ могъ подвигаться впередъ въ своемъ развитіи, наслаждаться благосостояніемъ и спокойствіемъ; но и тогда еще нельзя ручаться за прочность такого положенія.

Посмотримъ же теперь, что происходитъ въ Конституціонныхъ Государствахъ Европы? Какимъ безпорядкамъ подверглась

Франція со времени введенія хартіи, это мы знаемъ, хотя и не приписываемъ всѣхъ ихъ на ея счетъ. Въ какую Республику претратилась Конституція, это у насъ также предъ глазами.

Въ Германіи, которой политическая жизнь, и безъ того стоитъ не много выше нуля, были этѣ Конституціи или очень тихи и смиренны, или обнаруживали одно только пустословіе. Въ Бельгіи, преимущественно же въ Испаніи и Португалліи, онѣ прозябають еще со дня на день. Правительства этѣхъ Государствъ часто бывають поставлены въ критическое положеніе. Будучи не въ силахъ поставить на своемъ, они принуждены бывають выпускать изъ рукъ то, что они желали бы возвести въ законъ: тогда они хватаются за другія мѣры и подвергаютъ народъ вліянію своихъ послушныхъ орудій, а если они не повинуются, то замѣняютъ ихъ другими и, для достиженія желаемой цѣли, подкупають всѣхъ, какъ избирателей, такъ и избираемыхъ, деньгами, обѣщаніями и, такимъ образомъ, пролагають путь испорченности нравовъ въ сердце народа, которымъ они правятъ и который, слѣдовательно, должны были бы вести къ усовершенствованію. Съ помощію всѣхъ этѣхъ средствъ достигаютъ они наконецъ цѣли, къ которой стремятся, въ докозательство того, что они умѣють преодолевать всѣ воздвигаемыя противъ нихъ преграды, но въ этомъ случаѣ они дѣйствуютъ посредствомъ развращенія народа. Такимъ образомъ произволь ихъ мало, или вовсе не подвергается стѣсненію, между тѣмъ какъ въ исполненіи высокихъ, благотѣльныхъ Государственныхъ цѣлей они встрѣчаютъ затрудненія, или, по крайней мѣрѣ, задержку.

Если же всѣ вышеупомянутыя средства оказываются безуспѣшными, то они хватаются за другія, прибѣгаютъ къ распущенію Парламента и т. д. Если новоизбранные члены придерживаются воззрѣнія своихъ предшественниковъ, то комедія снова повторяется, и наконецъ какое же остается средство? При настоячивости Парламента — Государственный переворотъ, при упорствѣ и могуществѣ Правительства — революція. Такъ и въ Конституціонныхъ Государствахъ часто опасаются Государственныхъ переворотовъ, а революціи слѣдуютъ одна за другой. Сверхъ того, въ этѣхъ Государствахъ, при отвѣтственности Министровъ, въ случаѣ, если послѣдніе нарушаютъ основные законы страны и посягаютъ на

благосостояніе Государства, Парламентъ имѣетъ право призывать ихъ къ суду и произносить приговоръ надъ ними. Но случилось ли это безъ революціи?

Не революція ли бросила въ тюрьму Полиньяка, скрѣпившаго своею подписью извѣстные Указы Карла? Также и въ новѣйшее время въ Португалліи не революція ли ниспровергла упорное Министество? Постоянная смѣна Министровъ, предположеніе, что, послѣ своего паденія, Министры, по закону, уже не заслуживаютъ довѣрія страны, и по тому должны удалиться, вскорѣ же послѣ предпринятыхъ измѣненій, въ другихъ вопросахъ снова пріобрѣтаютъ большинство голосовъ и вторично пользуются довѣріемъ страны, все это не составляетъ сильной стороны Конституціонной жизни. У нашихъ Славянскихъ племенъ въ прежнія времена также бывали народныя собранія, но она или состояли при Князьяхъ и Царяхъ и были болѣе совѣщательнаго свойства, отнюдь не принимая относительно ихъ повелительнаго, рѣзкаго, характера, или присвоивали себѣ всю Государственную власть, какъ было въ Польшѣ, въ слѣдствіи чего низводили Короля на степень простаго народнаго уполномоченнаго и подвергали его выборамъ. По этому Поляки называли Государство свое Республикою, и были правы. Но какъ извратились съ теченіемъ времени и этѣ Парламенты, и этѣ Палаты въ своихъ совѣщаніяхъ! Подобно тому, какъ было во времена древнихъ рыцарскихъ игръ на старинныхъ турнирахъ, такъ собирается на этѣ совѣщанія толпа, жаждущая зрѣлищъ, юноши и старцы, невѣжды и образованные, мужчины и женщины, всѣ безъ разбора, въ самомъ пестромъ смѣшеніи. При этомъ увлекающіяся и руководимыя всегда чувствомъ и страстію, женщины играютъ первую роль и имѣютъ большое вліяніе на этѣ совѣщанія. Каждому изъ Депутатовъ хочется говорить передъ этою публикой, показать себя, преимущественно передъ женщинами, блеснуть своей Государственной мудростію, своимъ ораторскимъ искусствомъ. Дамы смотрятъ на этѣхъ Господъ благосклонно, даже поощряютъ ихъ своими выразительными взглядами, и что же выходитъ изъ всего этого? Одна только болтовня и блескъ, не приводящіе ни къ какому рѣшенію. Дѣла, которыя могли бы кончиться въ два дня, тянутся цѣлые мѣсяцы и даже болѣе, а Государство, какъ водится, должно расплачиваться за этѣ сердеч-

ныя изліянія. На воображавшемъ себя въ высшей степени политически важномъ Вѣнскомъ Сеймѣ, при предложенномъ уничтоженіи крѣпостнаго права, было представлено множество поправокъ (amendement) къ проекту закона, и все кончилось пустыми высокопарными рѣчами, при чемъ главная задача каждаго изъ ораторовъ состояла въ томъ, чтобы только высказаться о такомъ важномъ вопросѣ. Въ званіе Депутатовъ избираются также всѣ безъ различія возраста, пожилые и юноши, у которыхъ едва пробивается пухъ на бородѣ. Послѣдніе, вовсе не имѣя ни проницательности въ дѣлахъ Государственныхъ, ни сдержанности, ни благоразумія, пробавляются преимущественно разглагодьствіемъ и самохвальствомъ, направленіемъ ударовъ противъ Правительства, потѣшаются блескомъ, окружающимъ, такъ называемыхъ, либераловъ и дешевою популярностію. Такъ какъ все имъ сочувствуетъ, то они говорятъ постоянно, безъ умолку, молодостью и либерализмомъ своимъ они увлекаютъ за собою публику, любящую зрѣлища и неожиданности, въ слѣдъ за чѣмъ раздаются громкія одобренія, и дѣла рѣшаются. Такимъ образомъ составляются рѣшенія, которыя суть изъявленіе желаній молодыхъ, словоохотливыхъ, витій и пристрастной къ зрѣлищамъ публики. До дѣйствія доходитъ рѣдко, развѣ что многіе, съ разныхъ сторонъ наносимые, удары Правительству вызываютъ уличныя безпорядки, или возмущеніе. Но настоятельныя потребности страны отлагаются въ долгій ящикъ, по тому что восторгъ испаряется въ надутыхъ рѣчахъ. Наши Славянскія племена также имѣли свои народныя собранія, нѣкоторыя изъ нихъ, на примѣръ, Сербы, имѣютъ ихъ и въ настоящее время. Но они бываютъ не періодически и вызываются только самыми настоятельными вопросами; къ нимъ имѣютъ доступъ только пожилые, во всякомъ случаѣ основательные, опытные, люди, старшины общинъ и т. д. При этомъ мнѣнія не распадаются во всѣ стороны, страсть къ краснорѣчію со своимъ отпечаткомъ не имѣетъ здѣсь мѣста: простыми, говорящими уму и сердцу, доводами легко склонить къ тому или другому убѣжденію и привести дѣло къ скорому рѣшенію. Таковы были народныя собранія нашихъ племенъ, таковы даже и нынѣшнія скупщины Сербовъ. О сопротивленіи по основному понятію, о заранѣ составленной, противной партіи, нѣтъ и рѣчи. Безъ сомнѣнія, народныя собранія не ободряютъ того, что несправедливо; они возвѣщаютъ Правитель-

ству сознаіе народа, предлагаютъ добрыя совѣты и расходятся. Если Правительство не упорно, дорожить сочувствіемъ и содѣйствіемъ народа, то оно все это принимаетъ къ сердцу. Разсматривая всю эту, мягко выражаясь, Конституціонную комедію, мы вполне цѣнимъ изреченіе Императора Николая который сказалъ: «Истинными Государствами могутъ назваться только Республики и Самодержавныя Монархіи, — на Западѣ называемыя неограниченными и деспотическими.» Въ этѣхъ словахъ онъ показалъ себя Славяниномъ, хорошо взвѣсившимъ потребности своего народа, и человѣкомъ глубоко проникательнымъ.³⁵ Что касается до Республикѣ, то древнія, съ своими простыми, прекрасными, учрежденіями, могли, какъ свѣтлыя видѣнія, парить предъ духомъ Царя. Въ этомъ разложеніи, въ этомъ упадкѣ Конституціонныхъ Государствъ, не менѣе народовъ виновны и Правительства.³⁶ Они виновны еще болѣе, по тому что на нихъ лежитъ обязанность направлять и вести народы къ высшей цѣли. Народы, возбужденные къ движенію, идутъ далеко, но развѣ Западно-Европейскія Правительства во всѣхъ отношеніяхъ не преступаютъ всякую мѣру? Безбожіе, въ соединеніи съ безирравственностію, въ первые и глубже тѣмъ гдѣ либо укоренилось въ Западно-Европейскихъ Дворахъ. Оно дѣйствовало тѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ болѣе прикрывало

³⁵ Штуръ въ этомъ отношеніи держался мнѣнія, которое особенно было въ свое время распространено въ Америкѣ и во всѣхъ почти Славянскихъ земляхъ, въ которыхъ, какъ я лично тамъ убѣдился, образъ Императора Николая представлялся въ самомъ идеальномъ, радужномъ свѣтѣ. Здѣсь не мѣсто говорить о причинѣ и основаніи такого взгляда. В. Л.

³⁶ Столь же вѣрныя критическія замѣчанія о Конституціонализмѣ и Парламентаризмѣ встрѣчаются и у нѣкоторыхъ Западныхъ писателей, на пр., особенно у Карлейля: (Θ) Latter, day Pamphlet. London 1850; см. Downing-Street, The new Downing-Street, Stump-Oratur, Parliaments, и отчасти у Нѣнца К. Фраяца: Kritik aller Parteien. Berlin 186, и: Die Quelle, alles Uebels. Betrachtungen über die Preussische Verfassungskrisis. Stuttgart 1863. У насъ, въ Русской литературѣ, много здраваго и глубокаго въ этомъ отношеніи сказано Хомяковымъ и И. Киреевскимъ, также Г. Юрьевымъ (Государственные идеалы Зап. Европы. День 1863) и даже въ нѣсколько ухарской статьѣ молодого и даровитаго покойнаго Добролюбова (О говорильняхъ) гораздо болѣе серьезности, чѣмъ въ разныхъ статьяхъ нашихъ тогдашнихъ серьезныхъ людей, такъ возмутившихся статьями Добролюбова. В. Л.

себя мантией лицемѣрія, наружнымъ соблюденіемъ Церковныхъ постановленій; въ слѣдствіи того не только нравственность, но и самая Религія подвергались неуваженію, даже презрѣнію. Безнравственность и роскошь сильно попользовались народнымъ богатствомъ и разграбили его непростительнымъ образомъ. Западно-Европейскіе Дворы постепенно сживались съ мыслью о томъ, что они должны смотрѣть на народы, какъ на добычу, Божіей милостію имъ ниспосланную свыше. Внутреннему образу Западно-Европейскихъ Дворовъ вполне соотвѣствовали и отношенія ихъ къ другимъ Государствамъ. Во внѣшней политикѣ ихъ мало по малу совершенно исчезли честность и довѣріе; хитрость и обманъ пріобрѣли господство.

Временныя выгоды, честолюбіе, прихоти, мщеніе, интриги всякаго рода, составляли отличительную черту Дворовъ и ихъ Министровъ, во всѣхъ ихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, союзахъ, войнахъ, мирныхъ договорахъ и т. д. Правдивость и честность не цѣнились вовсе. Ришелье и Дворъ его суть вѣрные типы всего этого безчестнаго, порочнаго, даже позорнаго, образа дѣйствій и образа жизни. Преслѣдуя всевозможными средствами Протестантовъ во Франціи, Ришелье былъ союзникомъ ихъ въ Германіи. Въ слѣдствіе этого расточительнаго, упорнаго и недостойнаго, управленія, почти всѣ Западно-Европейскіе Дворы впади въ тяжкіе долги. Для того, чтобы уплачивать ихъ сколько ни будь, и въ то же время имѣть возможность хозяйничать и грѣшить по прежнему, они не только позволяли себѣ, относительно народа, всякія притѣсненія, грабительства и насилія, но даже старались сдѣлать ихъ законными. Однимъ словомъ, въ нихъ вселился духъ Маккиавелли, и софты его «*Il principe*» встрѣтили у нихъ полное одобреніе. Такимъ образомъ разверзлась глубокая пропасть между Правительствами и народами Запада, которую, по нашему мнѣнію, нельзя уже уничтожить. Народы съ отвращеніемъ отвернулись отъ своихъ Царственныхъ Домовъ и стали носить въ сердцахъ своемъ глубокую къ нимъ ненависть. Вскорѣ послѣ того повсюду на Западѣ произошли беспорядки и возстанія; они не достигли ожидаемой цѣли и ранѣе или позже всѣ были подавлены, но между Правительствами и народами водворилось полное недоувѣріе, такъ что и теперь они ни въ чемъ не вѣрятъ другъ другу. Правитель-

ства на Западѣ подсматриваютъ всѣ народныя движенія черезъ тайныхъ соглядатаевъ посредствомъ, такъ называемой, тайной Полиціи. Ея численный составъ, распространеніе и разные дополнительные на нее расходы, представляютъ лучшее мѣрило понятія, какое имѣеть о себѣ Правительство, на сколько оно сознаетъ себя любимымъ и уважаемымъ и въ какой степени считаетъ себя сильнымъ. Народы, съ своей стороны, не имѣютъ ни малѣйшаго довѣрія къ распоряженіямъ Правительства и самыя благонамѣренныя дѣйствія его объясняютъ недостатками его и даже принимаютъ ихъ за обманъ и желаніе провести своихъ подданныхъ. Это роковое недовѣріе, по крайней мѣрѣ, согласно общепринятымъ понятіямъ, осуждаетъ Правительство на полную невозможность провести что либо хорошее, по тому что даже и хорошее подвергается самому ложному истолкованію. Оно причиною столь частыхъ покушеній на жизнь Государей и того народнаго обожанія разныхъ героевъ, въ которомъ Фіески, Алибо и др. черпаютъ свои страшные доводы. Оно же, это недовѣріе, все вновь и вновь создаетъ тайныя общества и тяготѣеть, какъ проклятіе, какъ вѣчно висящій Дамокловъ мечъ, надъ Западными народами. Сколько нужно было нагрѣшить, чтобы такая страшная кара постигла Западныя Государства! Существуютъ ли соблазны и преступленія, которыя не совершились бы при Французскомъ Дворѣ? Существуютъ ли притѣсненія, которыя бы остались тамъ не испытанными?

Испанскій Дворъ, гдѣ даже и теперь соблазны не прекращаются, такъ какъ и Итальянскій, не исключая и Римской Куріи, являются ли въ этомъ отношеніи чище, свободнѣе отъ упрековъ? Не лучше было я съ Англійскими Стюартами. Такъ, и теперь нѣкоторыя, съ Западомъ сосѣднія, Правительства стремятся ити по слѣдамъ этѣхъ образцовъ. Стѣсняемые народами, одержимые постояннымъ страхомъ, съ тѣхъ поръ этѣ Правительства не даютъ себѣ труда заниматься Государственными дѣлами и вводятъ необходимыя усовершенствованія. Напротивъ того, они охотнѣе всего остаются въ замкѣ, дѣлаютъ только то, къ чему понудятъ ихъ какіе ни будь толчки, направляютъ все свое вниманіе только на сохраненіе своей жизни, охотнѣе всего прозябаютъ, и въ этомъ прозябающемъ состояніи идутъ на встрѣчу неизбежной

своей участи. Имъ нравится сваливать всё возстанія и мятежи на голову возмутителей, но при этомъ они не думаютъ, что возмущенія не имѣли бы ни какихъ послѣдствій, если бы болѣзненное начало не коренилось въ самыхъ Государствахъ. Гдѣ возникли общество Энциклопедистовъ и самая ужасная революція въ мірѣ, какъ не во Франціи, понятіями ведомой къ погибелѣ? Они могутъ высылать зачинщиковъ; тѣ могутъ выселиться въ послѣднее убѣжище, въ Америку, но міръ на Западѣ отъ этого не водворится. Раздраженіе слишкомъ глубоко, раны проникли внутрь. Западныя Правительства толкуютъ все о злодѣяхъ и возмутителяхъ, приписывая имъ всё безпорядки и сами принимаютъ видъ полной благонамѣренности. Напротивъ того, народы кричатъ безъ умолку, во все горло, о недостаткахъ Правительства, не видя своей собственной испорченности. Все это, кстати сказать, имѣетъ свою комическую сторону и напоминаетъ двухъ пьяницъ, изъ коихъ каждый бранитъ другого этѣмъ именемъ, воображая себя самого трезвымъ. Отъ чего же, можно было бы спросить у Правительства, никто не вѣритъ вамъ, если вы дѣлаете только то, что должно?

И вы, избранники народа, участь котораго такъ дорога вашему сердцу, за чѣмъ, вопреки его выгодамъ, вы измѣняете столь боготворимой вами свободѣ и даете подкупать себя? Этѣ слова можно было бы бросить въ народъ. Такъ будутъ все продолжаться безпорядки на Западѣ, такъ народы будутъ бороться съ Правительствомъ до тѣхъ поръ, пока не падутъ оба противника обезсиленными, изнеможенными.

Аристократія въ своемъ быту вполне подражала Европейскимъ Дворамъ. Подобно имъ, и даже съ избыткомъ, предавалась она расточительности и всякаго рода порокамъ. Во владѣніяхъ своихъ она въ точности поддѣлывалась къ дѣйствіямъ Правительства въ Государствахъ. Грабить и притѣснять, такъ называемыхъ, своихъ подданныхъ сдѣлалось для нихъ второю природою, и все это съ цѣлю гоняться за всевозможными удовольствіями и потворствовать своимъ страстямъ. Для этого обильно проливался потъ милліоновъ людей, передъ которыми аристократія выставяла на показъ свое презрѣніе къ низшимъ сословіямъ. Что сдѣлала она со взятыми у народа милліонами, что она основала, или произвела, съ помощію ихъ? Дѣйствительно, они были въ состояніи бросать

миліоны на свои прихоти, на цѣли же болѣе благородныя они давали ничтожную милостыню. Нѣкоторыя исключенія составляютъ въ этомъ отношеніи Англійское и даже Мадьярское Дворянство, хотя последнее съ недавняго времени стремится уже подражать Западу. ³⁷ Подъ именемъ аристократа, по всеобщему убѣжденію, на Западѣ представляютъ себѣ отъявленнаго себялюбца.

Гражданское общество на Западѣ Европы находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Величайшія богатства, сосредоточенныя въ рукахъ нѣкоторыхъ лицъ и выражающіяся преимущественно въ наслажденіи, стоятъ тамъ рядомъ съ крайнею, на позавъ выставляемою, нищетою. Сотни тысячъ голодныхъ, или едва имѣющихъ необходимое, рабочихъ во Франціи, въ сравненіи съ богатѣйшими, въ роскоши утопающими, капиталистами, фабрикантами, банкирами и т. п. Также бѣдствуютъ рабочіе въ Англии и бѣдныя, полунагіе Ирландцы въ сравненіи съ предприимчивыми богачами и съ богатѣйшею аристократіей. Такія явленія бросаются въ глаза и раздираютъ сердце. Если изслѣдовать причины такого неутѣшительнаго явленія, то придется искать ихъ въ политическомъ стремленіи Западныхъ народовъ, параллельно идущемъ съ нимъ народномъ хозяйствѣ и въ успѣхахъ всякаго рода промышленности. Феодалное право произошло изъ предположенія, что земля, т. е., вся поземельная собственность, принадлежитъ народу, какъ цѣлому, или, лучше сказать, власти, сосредоточивающей и представляющей это цѣлое, слѣдовательно, Государствѣ, владѣльцамъ страны, или главнымъ леннымъ владѣтелямъ, какъ ихъ обыкновенно называли. Этѣ владѣльцы передавали завоеванную, или другимъ какимъ либо образомъ приобретенную, землю, подъ обязательствомъ своимъ, приближеннѣйшъ дружинникамъ, въ послѣдствіи Рыцарямъ и Дворянамъ, какъ феодалы, или какъ аллодіи. Первые имѣли больше значенія, пользуясь только доходами отъ отведенныхъ имъ земель. Они, въ свою очередь, снова передавали часть приобретенной земли своимъ людямъ, также подъ обязательными условіями. Изъ этого въ послѣдствіи развилась гибельная барщина.

³⁷ Утрія находится на границѣ между Западомъ и Востокомъ Европы и въ географическомъ и въ духовномъ отношеніи. Все, приведенное нами выше, относится собственно къ Западу, о Востокѣ же будетъ рѣчь впереди. В. Л.

Ни сколько не защищая Феодализма, у Славянъ не туземнаго, замѣтимъ, однако, что онъ имѣлъ здоровое ядро, именно: основаніе неотчуждаемости и нераздѣльности по отдѣльнымъ семьямъ прямой собственности, хотя и съ принадлежностью всей земли стоящему во главѣ, ленному владѣтелю.

Дальнѣйшій выводъ изъ этого взгляда и устройства состоятъ въ томъ, что съ прочностію и преуспѣваніемъ цѣлаго соединена прочность и сохраненіе частнаго. Отдѣлившееся же случайно, при благосостояніи цѣлаго, легко находитъ пріютъ и убѣжище, къ полученію котораго, сверхъ того, способствуетъ живѣйшее чувство Христіанской набожности. Но когда на Западѣ всѣми сердцаами овладѣло политическое стремленіе къ свободѣ, ставшее ея господствующею мыслию, когда кликъ свободы и личной независимости сдѣлался словомъ дня, тогда было ниспровергнуто (уничтожено) и прежнее народно-экономическое устройство, Феодальное право, со всѣми присущими ему началами, слѣдовательно, съ неотчуждаемостію и нераздѣлностію поземельной собственности, которая предоставлена была въ свободное распоряженіе отдѣльныхъ лицъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такой внезапной перемены въ хозяйственномъ быту было раздѣленіе, даже раздробленіе, поземельной собственности, которое, въ свою очередь, было причиною чрезмѣрнаго размноженія и наконецъ сильнаго обѣднѣнія семействъ.³⁹ Не имѣя возможности содержать себя и всѣхъ своихъ членовъ, они ежегодно высылаютъ изъ дому множество своихъ искать счастья по свѣту. Выгнанные изъ отцовскаго дома, этѣ бѣдняки вступаютъ въ свѣтъ съ глубокою тоскою по утраченномъ родномъ кровѣ, сильно озабоченные своею будущностію. Безъ всякихъ средствъ, почти безъ всякаго образованія, снабженные только здоровьемъ, они преклоняютъ свою голову гдѣ ни будь въ углу, на улицѣ большихъ городовъ. Хорошо, если имъ удастся употребить въ дѣло свои силы, если зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба; если же нѣтъ и этого, то, подвергаясь величайшей нищетѣ и самымъ ужаснымъ лишеніямъ,

³⁹ См. Bonnemère (Eug.), Histoire des paysans depuis la fin du moyen âge jusqu' à nos jours 1200 — 1830. Paris 1836, 2 vol. См. о коммунахъ, общинахъ во Франціи, 2 ч. глава XX, Communautés agricoles (p. 312 — 349), В. Л.

они часто изъ угла своего, на противоположной сторонѣ улицы видятъ полное довольство, даже роскошь и великолѣпіе: тогда ими овладѣваетъ отчаяніе, они замышляютъ мщеніе и рѣшаются опрокинуть все вверхъ дномъ, лишь бы добыть себѣ желанную собственность, ведущую ко всѣмъ благамъ жизни. Вотъ источникъ Коммунизма, правда дерзкаго и гибельнаго, но развѣ не былъ дерзокъ и неудержимый кликъ, такъ называемой, эманципации всѣхъ людей? Развѣ менѣе дерзко и дьявольски злобно могущество, которое, утопая въ наслажденіи и роскоши, хвастаетъ ими, а между тѣмъ въ глазахъ своихъ оставляетъ человѣка умирать съ голоду, или, что еще хуже, цѣлые годы безвыходно томиться на одрѣ болѣзни въ бѣдствіи и нищетѣ? Въ Англіи и во Франціи число нищихъ возрастаетъ въ размѣрѣ, возбуждающемъ тревожныя опасенія. Въ первой, при возрастающемъ богатствѣ, въ слѣдствіе сильно развитой промышленности, поземельная собственность сосредоточивается все въ меньшемъ числѣ рукъ, и при этомъ еще существуютъ добровольныя откупныя отношенія. На этѣхъ бѣдныхъ никто не обращаетъ вниманіи, развѣ когда угрожаютъ худыя послѣдствія, близкій взрывъ возмущенія, или когда уже сотни погибли мучительною голодною смертію. Тогда только Государство на скорую руку создаетъ имъ работу, чтобы не навязывать ихъ на шею гражданскому обществу и защитить себя отъ ихъ докучливости. Общество соревнуетъ ему въ усиленіяхъ помочь погибающимъ, но, согласно требованію времени, этѣ усиленія состоятъ въ балахъ, вечерахъ и прочихъ увеселеніяхъ, гдѣ жертвуютъ собою въ пользу бѣдныхъ. При этомъ главная задача—увеселенія, собственно же помощь—отдаленный, второстепенный, вопросъ, о которомъ думаетъ только меньшинство жертвователей. Конечно, Англичане вносятъ ежегодно довольно значительныя суммы на бѣдныхъ, но они тщательно избѣгаютъ именованія этѣхъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ, для того, чтобы тѣмъ не могло и въ голову прійти по праву требовать помощи отъ общества. Объ основательномъ изслѣдованіи бѣдствій, удручающихъ общество, тамъ нѣтъ почти и рѣчи, еще менѣе желанія устранить ихъ навсегда.

Доказано простымъ полевымъ хозяйствомъ, что среднія сельскія хозяйства, говоря относительно, приносятъ наибольшій до-

ходъ, по тому что къ нимъ примѣнимы и надлежащее воздѣлываніе земли и непосредственный надзоръ, при томъ они не требуютъ слишкомъ большаго капитала для построекъ. Большія хозяйства впадаютъ въ противоположность, а малыя раздробленныя соразмѣрно требуютъ большаго капитала, нежели сколько нужно было бы для ихъ запашки. И это очень просто и естественно: для нихъ, какъ и для среднихъ хозяйствъ, необходимы земледѣльческія орудія, рабочій скотъ и т. п. Они умножаютъ издержки, а въ замѣнъ приносятъ гораздо меньше чистой прибыли, слѣдовательно, прокармливаютъ меньшее число людей. Въ Западной Европѣ, во время прежней системы, были по преимуществу среднія хозяйства. теперь же они чрезвычайно раздроблены, разумѣется, не къ общей выгодѣ. Успѣхи промышленности, съ своей стороны, сильно содѣйствовали распространенію бѣдности на Западѣ Европы. Множество механическихъ и техническихъ изобрѣтеній усовершенствовали промышленность и упростили производство, быстрое развитіе фабрикъ въ сильныхъ размѣрахъ оживило промышленность, и мелкихъ производителей все болѣе и болѣе отстраняло отъ всякаго совмѣстничества. Они разорялись и продолжаютъ разоряться, между тѣмъ богатство не накапливается въ соразмѣрномъ количествѣ. Правда, въ цѣломъ пріобрѣтена выгода, хотя весьма многіе при этомъ пострадали, но настанетъ время, когда всѣ успѣхи, служащіе къ чести ума человѣческаго, будутъ прибыльны и страждущимъ отъ нихъ теперь.

Ударъ, нанесенный мелкимъ производителямъ возвысившеюся промышленностію былъ жестокъ, но и Западно-Европейское стремленіе къ освобожденію каждой личности, не къ выгодѣ ихъ вытѣснило цехи и общины. Съ исчезновеніемъ общины исчезаетъ и прежнее, во области ея заключавшееся, общественное призрѣніе, бывшее достояніемъ отдѣльной личности. Предприниматели, разными несчастіями лишенные возможности продолжать свое занятіе, или начинающіе, съ того времени предоставлены самимъ себѣ, или покровительству значительныхъ лицъ гражданскаго общества, но отъ этого произведенія мелкихъ производителей не сдѣлались ни лучше, ни дешевле. Въ слѣдствіе всѣхъ этѣхъ обстоятельствъ бѣдность и число безпомощныхъ увеличивается значительно, различныя благотѣльныя заведенія и общественныя

пособія далеко недостаточны, чтобъ обезпечить нуждающихся. При этомъ высланные въ свѣтъ повички-производители, такъ называемые подмастерья, считаютъ себя освобожденными отъ всякаго надзора и стѣсненія; одичалые и испорченные, будшы по призванію, безъ всякаго образованія, они возстаютъ противъ всякихъ положительныхъ мѣръ и цѣлыми толпами (en masse) примыкаютъ къ Коммунизму. Итакъ на Западѣ нигдѣ нѣтъ точки опоры, нигдѣ нѣтъ спокойствія, война всѣхъ противъ всѣхъ, положеніе близкое къ отчаянію! Науки и искусства все болѣе и болѣе спускаются съ прежней высоты своей и уступаютъ мѣсто совершенно другимъ занятіямъ. Умы, увлекаемые политическими и преимущественно коммунистическими идеями, все болѣе и болѣе отвращаются отъ Христіанства и съ полною распущенностію бросятся въ водоворотъ политическихъ страстей.

Во всѣхъ Западныхъ Государствахъ, исключая строго Католическихъ, науки были въ цвѣтущемъ состояніи: въ Англии, Франціи и преимущественно въ Германіи, гдѣ онѣ принесли самые обильные плоды. Ни одинъ народъ въ мірѣ не оказывалъ такого глубокаго, искренняго участія къ наукѣ, какъ Нѣмцы. Очевидною задачею ихъ было открывать, изслѣдывать даже самое сокровенное, непроницаемое, конечно, съ одною только цѣлію — разоблачить все передъ человѣческимъ духомъ. Они усиленно боролись съ небомъ и землею, чтобы все, заключающееся въ нихъ, сдѣлать достояніемъ ума человѣческаго. По истинѣ высокое стремленіе, и тѣмъ выше, что оно является предъ нами во всей безкорыстной чистотѣ своей; оно достойно уваженія и признательности всѣхъ людей, въ особенности нашей, по тому что у насъ передъ глазами, какъ бы на коврѣ, растилается вся исторія, всѣ дѣянія и подвиги народовъ. Намъ остается только умѣнье ими пользоваться. Въ Англии и Франціи практическія и реальныя науки возбудили большое вниманіе и подверглись тщательной разработкѣ, философскія же, какъ во Франціи, такъ и въ Англии, не сдѣлали слишкомъ большихъ успѣховъ. По части исторіи у Англичанъ много есть замѣчательнаго, у Французовъ есть сочиненія, преисполненныя ума, но не имѣющія, однако же, слишкомъ глубокаго взгляда и учености. Въ Германіи же какъ реальныя, такъ и философскія, науки глубоко изслѣдованы и разработаны. Но

такіе основательныя труды исчезаютъ съ каждымъ днемъ. На Нѣмецкомъ небосклонѣ все чаще падаютъ и меркнутъ звѣзды первой величины; конечно, ихъ блещетъ еще довольно, но новыя уже не восходятъ. Направленіе науки обратилось болѣе къ полезному ея примѣненію, изслѣдованія механически переписываются въ разлчныя Conversationslexicons, какъ будто бы творческій трудъ уже болѣе не нуженъ. Особенное явленіе замѣчаемъ мы, какъ въ Греціи, Римѣ, такъ и въ настоящее время, во Франціи, преимущественно же въ Германіи, именно то, что народъ, приближаясь къ своему упадку, выставляетъ цѣлый рядъ особенно даровитыхъ людей и, въ слѣдъ за тѣмъ, исчезаетъ, подобно солнцу, которое передъ закатомъ сопровождается самымъ красивымъ прощальнымъ отблескомъ. Искусство на Западѣ также близко къ паденію. Пѣвцы съ истиннымъ дарованіемъ умолкли одинъ за другимъ, только одно чириканье долетаетъ до насъ съ Запада. Люди съ творческимъ духомъ въ музыкѣ переводятся, одни умираютъ, другіе, какъ будто съ досады, обращаются къ прозѣ жизни, только ловкіе подражатели и механики по этой части развѣзжаютъ по свѣту и производятъ впечатлѣніе на публику, требующую впечатлѣній. О зодчествѣ и ваяніи нельзя сказать многого, развѣ что первая старается воздвигать удобныя, съ виду заманчивыя, жилища строенія. Живопись обращается къ, такъ называемымъ, картинамъ «genre;» вмѣстѣ съ тѣмъ охотно выставляетъ сладострастныя изображенія, преимущественно привлекающія публику, которая не предъявляетъ строгихъ требованій искусству. Она прежде всего хочетъ, чтобъ ее занимали, пріятно забавляли и услаждали. Драматическія творенія, изображающія высокія, благородныя, стремленія, приводящія къ созерцанію идеала, теперь уже не имѣютъ успѣха. Мрачная трагедія разгоняетъ публику, которая находитъ удовольствіе преимущественно въ изображеніи странныхъ, уродливыхъ, пошлыхъ житейскихъ отношеній, въ красивыхъ декораціяхъ, блестящихъ одеждахъ, впечатлительныхъ операхъ, роскошныхъ балетахъ. Въ особенности Вѣнская публика болѣе всего дорожитъ элизіумами,³⁹ которые, какъ кажется, пользуются особеннымъ покровительствомъ Полиціи, во всякомъ

³⁹ Излеры, Шато, Ефремовы Петербургской публики. И въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ прибавить, Штуръ ошибался относительно Русскаго Общества. В. Л.

случаѣ благонамѣренной и благоустроенной. Какую толпу истыхъ знатоковъ привлекають этѣ элизіумы! Современная литература съ похвальнымъ усердіемъ подвизается на этомъ роскошномъ и любимомъ поприщѣ. Романы Евгенія Сю, представляющіе въ подробности всю страшную, современную испорченность нравовъ, и тысячи другихъ подобныхъ произведеній, встрѣчаютъ неллицимѣрныя, со всѣхъ сторонъ расточаемыя, одобренія и похвалы. Читали ли вы «Вѣчнаго Жида, Парижскія Тайны?» раздаются повсюду, и горе тому въ общемъ мнѣніи, кто не читалъ ихъ и не прошелъ по этѣмъ ступенямъ современнаго образованія. Всѣ этѣ образцовыя произведенія поглощаются съ жадностію и требуютъ подражанія. Вотъ по чему всѣ большіе города на Западѣ должны были раскрыть свои тайны передъ свѣтомъ. Тайны, тайны прежде всего: на нихъ люди и вкусъ!

«*Cette vieille Europe m'ennuie,*» сказалъ Наполеонъ, величайшій умъ своего времени. И мы не удивляемся, что даже въ эту жаждущую дѣла душу человѣка, никогда не знавшаго отдыха, переходившаго отъ шума побѣдоносныхъ битвъ къ великолѣпнѣйшимъ пиршествамъ, всегда окруженнаго самымъ изысканнымъ обществомъ, занятаго исполинскими предпріятіями, что даже въ его душу закрадывалась скука. Онъ уже тогда видѣлъ положеніе Европы, и на островѣ Св. Елены предсказывалъ ей паденіе. Отъ того-то такъ много любителей на Западѣ отправляется къ подземнымъ развалинамъ древняго міра размышлять о бренности земнаго и въ тиши изливать свои жалобы. Да, какъ утверждаетъ Гизо, замѣчательные люди Запада, на пр., Мирабо, Лафайетъ, Наполеонъ и другіе умирають съ грустнымъ, весьма грустнымъ, чувствомъ. Даже и мы, стоящіе не далеко отъ этого міра, иногда испытываемъ скуку, и она одолѣла бы насъ совершенно, если бъ мы не прозрѣвали духомъ, что готовятся и приближаются великія событія.

Все выше изложенное, относящееся собственно къ состоянію Западной Европы, находитъ полное примѣненіе въ первоначальномъ изученіи Франціи. Если подвергнуть Французовъ за прежнее время болѣе точному изслѣдованію, разсмотрѣть природный ихъ характеръ, опредѣляющій какъ Государственный бытъ ихъ, такъ и болѣе отдаленное, постороннее, вліяніе, то не окажется въ пользу ихъ особенно благопріятныхъ выводовъ. Французы

подвижной, прихотливый, внѣшнимъ впечатлѣніямъ легко поддающийся, народъ, но этѣ впечатлѣнія у нихъ поверхностны, не оставляютъ слѣдовъ въ душѣ. Образъ дѣйствій ихъ, обусловливаемый природными ихъ свойствами, высказывается во всей ихъ исторической жизни. Первоначально, извѣстные подъ именемъ Галловъ, Кельты, по завоеваніи провинціи ихъ Римлянами, съ прибытіемъ къ нимъ Римскихъ гражданъ, легко, почти незамѣтно, утратили свой родной языкъ, мало того—подчинились Франкамъ, и только съ помощію ихъ образовалось у нихъ нѣчто цѣлое. Послѣ паденія Каролингской Имперіи, хотя и начали они дѣйствовать самостоятельно, но все же съ явною нерѣшительностію и непостоянствомъ, попеременно бросаясь то въ ту, то въ другую сторону. Во время Крестовыхъ походовъ Французы болѣе всѣхъ поддались одушевленію, но при этомъ не достигли ни какихъ прочныхъ итоговъ для Христіанъ, ни сами не воспользовались ихъ послѣдствіями, на равнѣ съ другими народами. Запутанные въ войну съ Англіею, по случаю притязаній Англійскихъ Королей на владычество во Франціи, они, въ собственной землѣ своей, чуть не подчинились имъ, но, воодушевленные чудесной дѣвственницей, они обнаружили силу, передъ которой наконецъ отступили Англичане. Завидуя великой Имперіи Карла V, они всячески старались повредить ей, но изъ этого не произошло ни какихъ значительныхъ послѣдствій. Въ то время, когда усилилась Реформація, они обнаружили къ ней большое усердіе, которое, впрочемъ, не помѣшало рѣзнѣ Гугенотовъ, извѣстной Варшоломеевской ночи. Не смотря на то, что много хлопотали о Реформаціи, они никогда не понимали ея истиннаго смысла, и она не принесла во Франціи дальнѣйшихъ плодовъ. Французскому характеру въ частности и въ общемъ болѣе соотвѣтствовалъ все разрѣшающій Католицизмъ, нежели Протестантское мудрствованіе и изслѣдованіе. По этому они остались, хотя по внѣшней формѣ, только Католическими, стараясь освободиться отъ Папской власти посредствомъ догматовъ Галиканской Церкви. Отъ опытовъ Реформаціи и примѣненія ея въ церковномъ и политическомъ отношеніи, отъ Нантскаго Указа, перешли они къ временамъ Лудовика XIII, XIV, XV, къ временамъ Ришелье и Мазарини, къ временамъ владычества духовниковъ и любовницъ. Подвергнувшись всякаго рода униженіямъ, они возстали, сокрушили все подъ свои-

мя ударами. изъ неограниченной Монархіи создали полновластный народъ, объявивъ Республику. Религію они признали не нужною и отбросили ее въ сторону, отбросили и всѣ сопряженныя съ Монархіею учрежденія, всѣмъ Монархамъ въ мірѣ объявили войну, всѣмъ народамъ обѣщали защиту. Но все это было не на долго. скоро оцять подпали они подъ власть отдѣльнаго лица, которое снова, къ ихъ удовольствію, возстановило все уничтоженное. На знамени ихъ, вмѣсто прежней «Свободы,» написано «Слава.» Итакъ, подъ предводительствомъ знаменитаго вождя своего, прошли они по свѣту, воображая, что именемъ его они могутъ и должны притѣснять другихъ, распространяя предѣлы своего Государства до громадныхъ размѣровъ. Но вотъ неожиданно наступаютъ дни невзгоды, тогда они оставляютъ вождя своего, забываютъ о своей славѣ, и изъ необъятной Франціи является прежняя Франція съ старинными границами. Послѣ столь многихъ усилій и неудачъ, нужна была реставрація, которая и наступила дѣйствительно. Когда они почувствовали себя нѣсколько укрѣпившимися, то принялись вторично за ломку и разрушеніе и, въ слѣдъ за тѣмъ, за воздвиженіе новаго престола, также не долго существовавшего и уступившаго мѣсто благополучной Республикѣ.

Выше мы уже представили предсказаніе этому новому созданію. Въ другихъ частяхъ свѣта владычество Французовъ было также неудачно, какъ и у себя дома, хотя они основывали поселенія, приобрѣтали значительныя владѣнія въ Остѣ-Индіи, въ Америкѣ, но не умѣли удержать ихъ за собою и дали себя вытѣснить Англичанамъ. Вкратцѣ приведенныя здѣсь черты Французской національности явно показываютъ, что Французскій народъ органически развиваться не въ состояніи. Онъ колеблется, смущенный непрерывными политическими опытами, и можетъ наконецъ подвергнуться великой опасности, угрожающей ему не столько извнѣ, сколько внутри Государства.

Нельзя, впрочемъ, отвергать, что, не смотря на все это, Франція достигла извѣстнаго первенства между образованными народами Европы и приковала къ себѣ, словно къ оракуду, взоры народовъ. Мы не думаемъ отрицать ея услугъ человѣчеству, но часто между ними попадаются случайныя и сомнительныя. Уже въ прошедшіе вѣка прославляли литературное образованіе Францу-

зовъ, утонченность и человѣчность ихъ общежитія, и все это необыкновенно облегчило Французскому языку распространеніе во всемъ образованномъ мірѣ, и обезпечило за нимъ преобладаніе. Но большая часть того, на чемъ основываются благопріятныя сужденія о, такъ называемомъ, золотомъ періодѣ Французской литературы Людовика XIV, представляя нѣкоторыя достоинства, не выдерживаетъ, однако, критики; строгая научная обработка относится уже къ позднѣйшему времени, а все появившееся тогда въ поэтической, или прозаической, формѣ имѣло значеніе только для того времени; все это сковано условными правилами, изысканно, принужденно, а многое основано на ложномъ пониманіи древнихъ образцовъ. Конечно, тогдашнему міру, при его бѣдности въ умственныхъ произведеніяхъ всякаго рода, при его подчиненіи древнимъ образцамъ, которые, казалось, исчерпали и обняли все прекрасное,—Французская литература, которая часто проявлялась наружными, даже плохими, подражаніями, представлялась чѣмъ-то великимъ и недосягаемымъ; и однако, какъ многое изъ того, чему, тогда удивлялись и предсказывали безсмертіе, теперь, полузабытое, лежитъ въ пыли! Въ общественномъ обращеніи Французовъ, точно также, какъ въ ихъ литературѣ, весь этотъ, такъ называемый, этикетъ представляется такимъ уже правильнымъ, одеревенѣлымъ, однообразнымъ, какъ бы дрессировкою, лишень всякой искренности и задушевности, и еще вопросъ, не отживетъ ли онъ свой вѣкъ, вмѣстѣ съ ихъ классическою литературою, не потеряетъ ли своего значенія и кредита; а въ прославленной человѣчности Французовъ скорѣе можно видѣть, унаслѣдованное отъ ихъ стараго рыцарства, благоприличіе (*convenance*), чѣмъ дѣйствительное внутреннее стремленіе и потребность. Истинный человѣкъ всегда тотъ же во всѣхъ мѣстахъ и отношеніяхъ, между тѣмъ какъ Французскіе поселенцы уже представляются намъ въ иномъ свѣтѣ. Міръ, глаза котораго прежде такъ прикованы были къ Франціи, послѣ нѣкоторыхъ событій, за которыми, впрочемъ, не Богъ знаетъ что и кроется, начинаетъ уже разочаровываться въ своихъ прежнихъ благопріятныхъ сужденіяхъ о Французахъ, отворачиваетъ уже свои глаза отъ этого сіявшаго прежде солнца, и происшествія во Франціи не возбуждаютъ уже въ немъ прежняго живаго интереса.

Опасность, которая грозитъ Франціи, въ слѣдствіе разнообразныхъ политическихъ и другихъ экспериментовъ, увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что только $\frac{4}{100}$ населенія занято сельскимъ хозяйствомъ, а между тѣмъ населеніе довольно густо, именно 3,239 д. на квадрат. милю,⁴⁰ Государственный долгъ значителенъ, и расходы постоянно превышаютъ доходы.

О другихъ значительныхъ Романскихъ странахъ, Испаніи и Италіи, нечего много распространяться. Олатиненные Готы первой изъ этѣхъ двухъ странъ, отказавшись отъ пустаго Аріанскаго ученія, сдѣлались вѣрнѣйшими и преданнѣйшими приверженцами Католической Церкви, которой единственное и исключительное господство въ этой странѣ, не ослабленное Реформаціею, только здѣсь принесло полные свои плоды, такъ что на Испаніи удобно изучать, на сколько можетъ развиваться человѣческое образованіе, нравственность и дѣятельность въ строго Католической странѣ. Послѣ паденія Арабовъ, когда они были вытѣснены изъ послѣдняго своего убѣжища въ Гренадѣ, Испанія, по брачному союзу Фердинанда съ Изабеллою, соединилась въ одно Государство; казалось бы, послѣдовавшее за тѣмъ открытіе Америки подниметъ ее на степенъ значительной Державы, и, однако, этѣ богатые открытія послужили только ко вреду Испаніи. Скопленные въ другихъ частяхъ свѣта богатства, перетащенные въ Испанію, немедленно были промотаны; въ слѣдствіе того, они не только не поощряли народныхъ силъ и дѣятельности, но, напротивъ, еще содѣйствовали ослабленію и паденію ихъ. Испанское Правительство, съ своей стороны, съ неутомимымъ усердіемъ работало для той же цѣли. Когда Реформація стала распространяться въ Европѣ, то Католическій Король Испаніи, считая себя стражемъ Католической Церкви, полагалъ своей священной обязанностью преградить всякій возможный доступъ Реформаціи въ правовѣрную страну; съ этою цѣлію введена ужасная Инквизиція, въ которой и подвизались жесточайшимъ образомъ мрачные Доминиканцы.

Всякое уклоненіе отъ Папскаго ученія, даже малѣйшее подозрѣніе въ этомъ, вело за собой изысканнѣйшія пытки и мучительную смерть. Такимъ образомъ Инквизиція и обиліе неспра-

⁴⁰ По Кольбу (1865)—3,797 д. на Нѣм. кв. милю. В. Л.

ведливыхъ преслѣдованій всякаго рода подавили всякую самостоятельность въ народѣ, скоро погрузившемся въ удивительное равнодушіе, безчувственный сонъ, въ которомъ онъ прозябаетъ до сихъ поръ; онъ потерялъ даже силы проснуться. Вивши въ эту спячку, онъ извнѣ получалъ правителей и побужденія къ дѣятельности: война за наслѣдство возвела на тронъ Бурбона; Наполеонъ выгналъ выродившихся Бурбонъ и назначилъ ему въ повелители одного изъ своихъ братьевъ. Возбужденная Католическимъ изуверствомъ толпа хватилась за оружіе, и, однако, должна была уступить устроенному и одушевленному Французскому войску, и это доказываетъ, что никогда изступленная толпа не можетъ сопротивляться одушевленію, опирающемуся на порядкъ и утверждающемуся на законности. Тогда чужестранцы помогли Испанцамъ стряхнуть Французское господство, и съ тѣхъ поръ уже два раза терзали они себя изъ за тѣхъ же правителей, за которыхъ прежде бросались въ битву противъ чужеземцевъ. Въ какомъ положеніи находится теперь Испанское Правительство, мы упоминали выше: ни въ Правительствѣ, ни въ народѣ, тамъ нѣтъ честной, сильной воли, напротивъ вездѣ низость, вялость и испорченность. Испанскій духъ, какъ онъ проявляется въ Инквизиціи, не свирѣствовалъ еще съ такою изысканною жестокостію внутри самаго народа, за то онъ давалъ себѣ полную волю тамъ, гдѣ становился повелителемъ чужестранцевъ. Извѣстна кровавая баня Альбы въ Нидерландахъ; извѣстны Испанскія распоряженія, искоренившія цѣлыя племена въ Америкѣ, ради ничтожной корысти. Такимъ народамъ не суждено обезпечить за собою на продолжительное время мѣсто въ ряду великихъ народовъ міра.⁴¹

Италія, послѣ распаденія Римской Имперіи, стала рысталищемъ для чуждыхъ народностей; съ того времени чужеземцы топтали ее постоянно и во всѣхъ направленіяхъ, и почти до нашихъ дней непрерывно давали ей законы. Туда дѣлали набѣги различныя вѣтви Нѣмцевъ, Гирры и Туркилинги, ниспровергали, по имени только существующее, Римское господство, учреждали свое соб-

⁴¹ Какъ Испанія у насъ очень мало извѣстна, то мы и позволяемъ себѣ указать читателямъ на замѣчательное сочиненіе Гарридо: Garrido (Fern.), *L'Espagne contemporaine, ses progrès, moraux et matériels au XIX siècle*. Bruxelles et Leipzig. 1862, in 8°, VIII+409 p. В. Л.

ственное управленіе, но съ тѣмъ только, чтобы опять уступить его другимъ, позднѣе пришедшимъ народамъ. Быстро слѣдовало одно за другимъ господство Остъ-Готовъ, Византійцевъ, Лонгобардовъ, Франковъ; Гогенштауфены и Гвельфы избрали Италію полемъ для своихъ битвъ. По прекращеніи усобицъ, или еще въ продолженіе этой борьбы, нѣкоторые города въ Верхней Италіи достигли самостоятельности, развили въ себѣ значительную силу и великолѣпіе, открыли у себя пріютъ знаніямъ, особенно искусствамъ, однако не въ состояніи были дать Италіи средѣ тяготѣнія и единства. Такъ, Французы, Испанцы, Австрійцы безирестанно боролись между собой за господство въ Верхней Италіи, пока наконецъ Французы не приобрѣли перевѣса во время Наполеона, но, по его паденіи, Верхняя Италія опять подпала власти Австрійцевъ. Южная Италія представляетъ въ этомъ отношеніи вѣрный списокъ съ Верхней. Одни за другими боролись за эту прекрасную землю, Византійцы, Лонгобарды, Сарацыны, Норманны, Нѣмцы, пока наконецъ Папы не рѣшились передать страну въ ленное владѣніе Французамъ. Но и это не испугало чужеземцевъ: Франція и Испанія вели изъ за нея долговременныя войны, пока на послѣдокъ и Австрійцы не объявили (хотя безъ особеннаго успѣха) своихъ притязаній на этѣ страны, и нѣкоторое время даже держали ихъ въ своей власти. Наполеонъ и эту страну захватилъ было въ свою власть, но, съ его паденіемъ, она отошла къ прежнимъ владѣльцамъ. Въ срединѣ Италіи утвердилась Римская Курія, которая Итальянцамъ, со всѣхъ сторонъ попираемымъ чужеземцами, казалась тѣмъ-то въ родѣ національнаго Правительства; было даже время, когда она, по видимому, хотѣла даже воспользоваться этѣмъ, но для этого ей не доставало твердаго основанія и силы: она постоянно принуждена была щадить чуждыя власти, рассчитывая на ихъ взаимныя услуги въ пользу ея собственнаго церковнаго владычества; кромѣ того, Курія видѣла, что, по своему церковному свойству, она не способна къ широкому политическому обладанію, и по тому должна была оставить свои замыслы и удовольствоваться верховнымъ церковнымъ владычествомъ. Вообще Итальянскій народъ представляетъ печальную картину: всегда покаряемый и попираемый чужеземцами, онъ оставался въ постоянномъ несовершеннѣйшии и долженъ былъ потерять свои силы; но, естественно, будучи недоволенъ такого рода чуждымъ

господствомъ, онъ имѣлъ поводъ къ постояннымъ провскамъ и отвратительному пролазничеству, долженъ былъ прибѣгать къ различнымъ уловкамъ, а часто къ самымъ гнуснымъ средствамъ для своего сохраненія. Такимъ образомъ Италия стала родиной той безобразной тайной полиціи и той правительственной системы Маккіавелизма, которую она разработала въ основоположеніи и сообщила въ наученіе Западу; и все это Италіанскій народъ терпѣливо переносилъ, онъ дѣлалъ это возможнымъ и даже необходимымъ, и такимъ образомъ глубоко развратился. Постоянныя партіи, которыя безпрестанно возникали внутри и внѣ городовъ, протекающее отсюда ожесточеніе и безнравственность всякаго рода, которою всего болѣе заражена была Римская Курія, мало способны были доставить Италіи точку опоры противъ чужеземнаго господства. Правда, въ новѣйшее время Италіяны возстали противъ него вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ, но нигдѣ не могли утвердиться и осуществить желанное освобожденіе отъ чужеземнаго ига.⁴² Между тѣмъ, это движеніе возбуждено было разрушительными Западными вліяніями, и хотя мы питаемъ человѣческое сочувствіе къ несчастіямъ разорванной и поправленной Италіи, однако мы убѣждены, что Мадзиніевскія операціи и очень сомнительный успѣхъ его плановъ подвергъ бы разнузданную и испорченную Италію безграничной неурядицѣ и разложенію.

Германія достигла высокой степени блеска и силы во время Каролинговъ. Раздѣленные, разъединенныя между собою, Нѣмецкія племена уже раньше, при Меровингахъ, но окончательно при ихъ дѣятельныхъ преемникахъ, принуждены были перемѣнить своихъ самостоятельныхъ Герцоговъ на вассаловъ и чиновниковъ Имперіи, и, такимъ образомъ, введеніемъ одного и того же управленія, Нѣмецкая Имперія соединилась въ одно великое цѣлое. Преемники Каролинговъ, Оттоны и Генрихи, большею частію сильные Правители, настойчиво продолжали начатое дѣло, но уже при послѣднихъ Каролингахъ, особенно же при еще сильныхъ Гогенштауфенахъ, Герцоги не разъ пытались сдѣлаться самостоятельными; Императоры противодѣйствовали этому тѣмъ, что освобождали менѣ сильныхъ Князей отъ зависимости отъ Герцоговъ, и надѣляли ихъ Герцогскими правами въ ихъ областяхъ.

⁴² Этого они только въ послѣдніе дни достигли. В. Л.

Этѣмъ средствомъ пользовались они довольно долгое время, что, однако, увеличивало только число стремящихся къ независимому положенію, а это стремленіе находило значительную опору въ избирательныхъ правахъ Нѣмецкихъ Князей и, кромѣ того, оно усиливалось еще соперничествомъ Гегенштауфеновъ и Гвельфовъ. Въ такомъ положеніи вступили на Нѣмецкій престолъ Габсбурги, которые сейчасъ обнаружили, что силу своего Дома они предпочитаютъ даже благосостоянію и единству Имперіи; въ этомъ имъ усердно подражали Князья, за которыми Люксембурги въ, такъ называемой, золотой буллѣ уже законно признали право избранія Императоровъ, перенесли его на семь, такъ называемыхъ, Курфирстовъ, и на этомъ послѣдніе основывали такія права въ своихъ областяхъ, которыя уже почти равнялись полнотѣ Королевской власти.

Черезъ это и въ слѣдствіе предоставленнаго имъ значенія въ Имперіи, Князья необыкновенно возвысились; не ограничиваясь предоставленнымъ имъ по закону, они съ успѣхомъ стремились къ большему. Когда наконецъ разразилась Реформація, то этѣ Князья немедленно ею воспользовались для освобожденія своихъ народовъ не только отъ Папской власти, но и отъ Императоровъ, которые стали между тѣмъ защитниками и передовыми борцами за Папство въ Германіи. Въ Тридцатилѣтней войнѣ, которая воспользовалась только церковною личною для совершенно мірскихъ видовъ, это стремленіе уже явно обнаружилось, ибо не только Императорская сторона открыто боролась за неограниченную власть въ Имперіи, но и противоположная сторона, опиравшаяся на Шведовъ, стремилась къ тому же въ своихъ областяхъ, и дѣйствительно, по Вестфальскому миру, который привелъ къ удовлетворительному исходу ея усилія, она почти добила цѣли своихъ стремленій. Съ этого времени Нѣмецкая Имперія стала только тѣнью Имперіи, Нѣмецкое единство не единою множественностію, Нѣмецкій Императоръ владѣтелемъ безъ земли и силы. Теперь Бранденбургскій Князь, Фридрихъ I, безъ боязни могъ возложить Королевскій вѣнецъ на свою голову, и Императоръ въ послѣдствіи долженъ былъ одобрить это самовозвышеніе; теперь могъ возникнуть безнаказанно, позорный для Нѣмцевъ, Вѣнскій союзъ, по которому вступившіе въ него Нѣмецкіе Князья не только выставляли на показъ все безсиліе Священной Римской Имперіи, но

даже, побуждаемые своими единичными выгодами, они бросили ее подъ ноги сильному и совершили всевозможныя предательства противъ своего отечества. Наполеонъ игралъ этѣми Князьями, какъ куклами: угодно ему было вычеркнуть кого изъ списка владѣтелей Священной Римской Имперіи, онъ вычеркивалъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій, и они должны были молчать; другіе, по его всеильному слову, опять были коронованы и провозглашаемы Государями (Souverainen), Королями, полновластными Герцогами, конечно, небольшихъ областей; духовныхъ владѣтелей онъ дѣлалъ свѣтскими, или, признавая ихъ уже наскучившими мірскими дѣлами, отправлялъ къ церковному Богослуженію, а то и въ монастыри, для размышленія о скоропреходимости блеска сего міра; что можно было забрать изъ Имперіи, онъ забиралъ; въ Регенсбургѣ онъ управлялъ Рейхсратомъ: однимъ словомъ, какъ изъ старой Оружейной Палаты, одно вынималъ и, немножко отполировавши, отправлялъ на выставку, остальное заржавленное просто приказывалъ выбрасывать вонъ. Таково именно было обращеніе Наполеона съ Нѣмецкой Имперіей. Тогдашній Августѣйшій глава Имперіи, Францъ, замѣтивъ, что Нѣмецкая Имперія уходитъ изъ Германіи черезъ Рейнскія ворота, такъ близко принялъ это къ сердцу, что отрекся отъ престола. Такимъ образомъ кончилось существованіе Нѣмецкой Имперіи даже по имени, — какъ раньше или позже, кончится все, что разложилось уже въ самомъ своемъ существѣ. Послѣ изгнанія Наполеона, Князья на Вѣнскомъ Конгрессѣ заключили, а на Франкфуртскомъ возобновили, Нѣмецкій Союзъ, но весь этотъ Союзъ очень бѣдное возмѣщеніе для Нѣмецкаго единства и могущества. Мы не знаемъ, выдержалъ ли бы онъ свои силы; извѣстно только одно, что онъ ее испыталъ на свободѣ Университетскаго преподаванія, и испыталъ достаточно. Состоящій подъ Прусскимъ покровительствомъ, Нѣмецкій Таможенный Союзъ (Zollverein) есть болѣе спасительный якорь для страны, наводняемой произведеніями Англійской промышленности, чѣмъ проявленіе силы Нѣмецкаго духа; такого рода союзы, основанные на матеріальныхъ выгодахъ, могутъ на время только оживить народное чувство, но они не могутъ ему сообщить, необходимой для дѣйствія, но уже погасшей, силы.

Это раздѣленіе и разложеніе Нѣмецкаго единства есть зло, которымъ страдаетъ Нѣмецкій народъ, и мы не надѣемся, чтобы когда ни будь онъ имѣлъ силы освободиться отъ него. Добродушный характеръ Нѣмцевъ, по своей природѣ болѣе расположенный къ внутреннему сосредоточенію, чѣмъ стремящійся къ проявленію себя наружу, по необходимости уклонился изъ области политической дѣятельности и, ко благу человѣчества, перенесъ всю свою мощь на поприще изслѣдованія и изученія. На этомъ полѣ онъ совершилъ многое, достойное признательности, даже великое; онъ въ осноположеніи воззвалъ къ жизни и отстоялъ Церковную Реформацію и, въ слѣдствіе этого, глубже всѣхъ другихъ народовъ обнаглъ и обработалъ науку, но за то на политическомъ поприщѣ онъ долженъ былъ уступить другимъ дорогу, переносить даже оскорбленія. Хотя Нѣмцы сами недовольны и бранятъ такое направленіе своего духа, хотя они между собой и подсмѣиваются надъ своимъ мудрствованіемъ, хотя они и называютъ своихъ великихъ мыслителей непрактическими людьми, даже представляютъ это въ смѣшномъ видѣ, однако, хотя бы они и захотѣли въ будущемъ отказаться отъ такого направленія своего духа и обратить свою дѣятельность исключительно на политическое поле, едва ли и тогда достигли бы они цѣли своихъ стремленій: одушевленіе происходитъ не отъ взаимнаго возбужденія и словъ; оно есть плодъ сознающаго свое высокое призваніе духа. Нѣмцы вступили на поприще Всемирной Исторіи съ подобнымъ призваніемъ, съ Имперією, построенною на идеѣ Христіанской. Тогда все имъ было открыто на право и на лѣво, но теперь оно стало совершенно иначе.⁴³ Чтобы

⁴³ Прибавимъ, что подозрѣваемая теперь Нѣмецкими патриотами мысль о возстановленіи Нѣмецкой Имперіи и прежняго господства надъ Западомъ и Востокомъ, особенно надъ Славянами, эта мысль протвѣна духу времени и требованіямъ свободы, которой себѣ желаютъ же Нѣмцы. Эта мысль ведетъ свое начало изъ той средневѣковой воображаемой истины, что власть Рима надъ всѣмъ міромъ перешла отъ Грековъ, за ихъ грѣхъ, къ Нѣмцамъ, говорившимъ въ средніе вѣка:

«Romani gloria Regni
Nos penes est.»

Король Людовикъ писалъ Императору Василію I (870 г.): «Греки, за свое нечестіе, перестали быть Римскими Императорами.» Какъ Папы въ Церкви объявляя Грековъ и всѣхъ Восточныхъ Христіанъ рабами и влотами, въ дѣлахъ Вѣры не должныствующими имѣть права собственнаго голоса, такъ точно посту-

сложиться и дѣйствовать, они прежде всего нуждаются въ политическомъ единствѣ, но этому препятствуютъ безконечно малыя Государства, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ сами Нѣмцы сѣютъ, имѣютъ не болѣе трехъ гусаръ, и то объ одну лошадь, которою они дѣлятся побратски. Воротившись домой съ Французской войны, Казаки вдосталь насмѣялись надъ этою раздробленностью Госу-

пили Нѣмцы и ихъ Императоры съ Греками и Славянами и въ международномъ прапѣ. Въ этомъ отношеніи у Рима съ Германіею была постоянная стачка. Папы дозволяли и помогали Нѣмцамъ поработать и нѣмечить Славянъ, а Нѣмцы облегчали Риму ихъ католиченіе. Главными причинами долгого господства Католичества были не столько невѣжество Западныхъ народовъ и непониманіе неправды и вреда Латинства, сколько тѣ большія матеріальныя выгоды высшихъ, заправлявшихъ дѣлами, Феодалныхъ сословій, которыя они извлекали, съ помощью Латинства, изъ своего простаго народа, въ особенности не изъ Славянъ, Литовцевъ, и Эстовъ. Въ этомъ отношеніи очень важна знаменитая тяжба Архіепископа Рижскаго, Фридриха, съ Орденомъ у Папы Климента V (1309—1314 г.). Впрочемъ, это не единственный примѣръ подкупа Римской Куріи въ дѣлахъ такой важности; а такіе примѣры доказываютъ, что не одно простодушное вѣрованіе массъ, но и корыстные расчеты преобладающихъ сословій долго поддерживали господство Папства въ Западной Европѣ. На глаза высшихъ сословій Германіи и Императоровъ, точно также, какъ и Папъ, Славяне всегда являлись непослушными подданными и бунтовщиками. Даже покорныхъ Риму и Нѣмцамъ Славянъ они всегда подозрѣвали въ невѣрности, въ тайномъ сочувствіи къ Схизматикамъ. Движеніе Гуситства, мощно развившееся въ Чехіи, только лишь послѣ удаленія огромнаго количества Нѣмцевъ изъ Праги (1413 г.) и ослабленія Нѣмецкой стороны въ Правительствѣ, оправдало втѣ подозрѣнія. Въ Польшѣ, по свѣдѣтельству Остроорога, до XV в. всѣ почти Латинскіе монастыри состояли изъ однихъ Нѣмцевъ, не пропускавшихъ Славянъ. Изъ письма Оттокара I къ одному Римскому Кардиналу видно, что Римъ заботливо удалялъ Славянъ изъ Католическихъ Орденовъ, дѣйствовавшихъ на Европейскомъ Востокѣ, и наполнял ихъ ряды Нѣмцами. Къ сожалѣнію, съ принятіемъ Протестанства, Нѣмцы не отказались отъ вырожденныхъ на Католичество взглядовъ на Славянъ и другіе народы. Датчанинъ Гейприхсенъ (*Die Germanisten u. die Wege der Geschichte. Kopenhagen 1848*) прекрасно говоритъ объ этомъ: «Какъ Римскій патрицій обходился съ своими рабами, такъ Нѣмцы хотятъ обращаться съ другими народами. Что для нихъ справедливо, то для другихъ народовъ должно быть неправдою. Чтобы видѣть образчики Нѣмецкаго высокомерія, довольно развернуть какой нибудь Нѣмецкій Журналъ и тѣ его страницы, гдѣ идетъ рѣчь о Даніи. Если скажемъ Нѣмцу, что ихъ литература вообще богата и прекрасна, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ ниже Датской, что Германія не произвела настоящей національной комедіи, или хорошаго историческаго романа, на пр., въ родѣ Инге-мэнна, что лучшій цвѣтъ національности, народный юморъ, циглѣ ярко не

дарствъ, и на вопросъ, гдѣ они были, въ какихъ земляхъ, отвѣчали: «въ такихъ земляхъ, что въ одной ночевали, въ другой объѣдали, въ третьей ужинали, въ четвертой опять ночевали.» Пока продолжается такое положеніе, Германія ни чего не можетъ подѣлать, ея силы надломлены, и страна открыта со всѣхъ сторонъ. Союзъ Амфиктіоновъ не помогъ Грекамъ: извѣстно, какъ Филиппъ съумѣлъ имъ воспользоваться для покоренія Греціи. Но рѣшатся ли Нѣмцы положить конецъ этому положенію, и будутъ ли они въ состояніи дать этому рѣшенію нужный толчекъ и, не смотря ни на какія внѣшнія силы и препятствія, провести его черезъ страшный переворотъ, ибо безъ переворотъ оно слишкомъ трудно, почти невозможно? Таковы вопросы, которые должны рѣшить Нѣмцы, не изслѣдованіями о сущности Государства, не различными теоретическими соображеніями и экспериментами, но настоящимъ дѣломъ. Новѣйшія событія, по крайней мѣрѣ, не говорятъ въ пользу желательнаго для Нѣмцевъ рѣшенія этого вопроса, и ихъ исторія такого рода, что не позволяетъ выводить благоприятнаго для нихъ заключенія. Когда грянулъ громъ во Франціи въ 1848 году, поднялся великій шумъ и въ Германіи, но, вмѣсто дѣла,

проявляется въ Нѣмецкой литературѣ, ибо, вмѣсто естественности, повсюду выступаетъ разсудочность и размышленіе, Нѣмцы, въ отвѣтъ на это, провозглашаютъ всѣ этѣ роды словесности ниже ихъ достоинства. Я слышалъ, какъ Нѣмцы осуждали Гольберга за то, что ему недостаетъ всемірно-исторической почвы. Ихъ страсти къ идеальному распространенію отвѣчаетъ страсть къ поземельному; ближайшіе къ нимъ народы, Поляки, Чехи, Датчане, Голландцы и т. д. считаются у нихъ ступенями къ Нѣмецкому храму, подложіемъ ихъ Міроваго Царства (Weltreich) или, какъ говорилъ одинъ Нѣмецъ во Франкфуртѣ, его воротами, а самый Франкфуртъ есть новый пупъ земли (теперь Берлинъ), откуда удивленному міру должна провозглашать оракулы Нѣмецкая тѣніи.

Но всей этой наглости будетъ со временемъ положенъ конецъ. Правда, противъ Нѣмецкому движенію въ Европѣ, особенно съ Востока, еще недостаетъ силы и согласія, но если Нѣмцы будутъ упорствовать въ своемъ презрѣніи къ другимъ народамъ, то, когда время исполнится, нападетъ на нихъ Славянскій колоссъ, — и всей остальной Европѣ откроются глаза.» Такое вѣрное и столь намъ, Русскимъ, сочувственное воззрѣніе Датчанъ на Нѣмцевъ заставляетъ насъ желать, какъ можно болѣе тѣснаго общенія съ Данією и пріѣзда въ Россію многихъ Датчанъ, художниковъ, ученыхъ, Государственныхъ людей. Въ ряду послѣднихъ у насъ всегда много было Нѣмцевъ: отъ чего же не быть и Датчанамъ? В. Д.

Соборъ Св. Павла во Франкфуртѣ наполнился витіями или, лучше сказать, Профессорами Философіи и Политической Экономіи, свергъ того разными горланами и героями дня, которые взяли себѣ задачею постройть Нѣмецкое Государство въ залѣ Собора. Съ помощью этого построенія, Государственная теорія была основательно разсмотрѣна, отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ цѣлому точно и подробно (*en détail*) изложено и формулировано, и когда кончили внесеніе атѣхъ работъ въ протоколъ, при чемъ различныя страны были протоколно присоединены къ единой Великой Германіи, то въ полномъ присутствіи и съ восторженнымъ одушевленіемъ было провозглашено единство и независимость Германіи. Для приданія этому провозглашенію должнаго значенія было торжественно положено учредить единую Нѣмецкую армію и единый національный Нѣмецкій флотъ, и это рѣшеніе, что особенно важно, было внесено въ протоколъ. Покончивъ такимъ образомъ съ самымъ необходимымъ и важнымъ, и постройвъ и устроивъ Германію, какъ слѣдовало, верховные представители Нѣмецкаго единства въ Павловской Церкви разослали приказы ко всѣмъ Нѣмецкимъ Правительствамъ о должномъ имъ во всемъ повиновеніи, о приведеніи арміи подъ обще-Нѣмецкія знамена и о присягѣ выработанной ими Конституціи. Сверхъ того, вышло воззваніе ко всему Нѣмецкому народу о собраніи денежныхъ приношеній на сооруженіе, внесеннаго въ протоколъ, національнаго флота. Что же вышло изъ всего этого? Воображаемые вассалы верховныхъ строителей Германіи въ Павловскомъ Соборѣ отложили въ сторону, по предварительномъ заявленіи своего глубочайшаго уваженія, всѣ ихъ указы, присягнувшія бумажной Конституціи (войска горѣли желаніемъ поскорѣе разогнать крикуновъ изъ церкви, и, при великомъ воодушевленіи въ Германіи, потекли изъ всѣхъ Нѣмецкихъ краевъ многочисленныя пожертвованія фенинговъ и грошей на сооруженіе національнаго флота! Павловская церковь, вообще недостаточно къ этому исходу приготовленная, нашлась вынужденною прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ, и въ убѣжденіи, что Нѣмецкое единство должно выѣтъ какую ни будь видимую главу, избрала въ Правителя Имперіи Эрцгерцога Іоанна, который согласился, послѣ нѣкотораго колебанія, и въ своей сильной вступительной прокламаціи общалъ такъ крѣпко утвердить Нѣмецкое единство, какъ крѣпки Нѣмецкія горы. Послѣ того снова потекли при-

казы всѣмъ вассальнымъ Правительствамъ; но когда и они имѣли сходное съ прежними дѣйствіе, а Правителю Имперіи народъ объявилъ, что Имперія съ нимъ рушится, “ тогда этотъ Правитель, въ ожиданіи чего ни будь инаго, взялъ съ собою самое дорогое, что онъ только принесъ Нѣмцамъ, и убрался во свояси. Между тѣмъ Имперія не особенно много выиграла отъ провозглашенія ея крѣпости; по этому представители въ Павловской церкви рѣшились испытать старое, какъ уже послѣднее, средство для возстановленія Нѣмецкаго единства. Это было извѣстное избраніе Прусскаго Короля въ Нѣмецкіе Императоры. «Горька мнѣ можетъ быть эта Корона,» подумалъ Прусскій Король, и отклонилъ ее отъ себя, но такимъ образомъ, какъ нѣкогда Цезарь оттолкнулъ плечомъ поднесенный ему во время игръ вѣнецъ. Послѣ всѣхъ этѣхъ опытовъ и злополучій съ построеніемъ Германіи, верховные распорядители Павловской церкви стали наконецъ несносны Правительствамъ, тамъ и сямъ въ Германіи показались уличные беспорядки и мятежи и ораторы уже утомились, тогда распорядились очень скоро и выпроводили ихъ такъ же скоро, какъ нѣкогда Кромвель разогналъ членовъ, исполненнаго Духа Святаго, Парламента. Теперь дѣло Нѣмецкаго единства пришло въ застой и, быть можетъ, совершенно погнѣбло бы, если бы въ Шварценбергѣ не явился новый сильный человѣкъ и устроитель, который полагалъ всего лучше устроить Имперію, вполне подчинивъ ее покровительству Австріи и ея солдатамъ. Но этѣмъ онъ накликнулъ Пруссаковъ на шею Австрійцамъ. Кто могъ предсказать, что вышло бы изъ этого, статья можетъ, дошло бы до драки, о ужасъ! между Австрійцами и Пруссаками, если бы могущественный третій не загремѣлъ своего: «Quos ego etc.» и тѣмъ не привелъ вооруженныхъ бойцовъ къ спокойствію и размышленію. Такъ не удался и этотъ опытъ, но самоувѣренный устроитель попалъ на остроумную мысль—открыть въ Дрезденѣ совѣщанія съ совершенно новымъ и особеннымъ названіемъ «свободныхъ конференцій.» Этѣ свободныя конференціи были открыты и закрыты съ великимъ торжествомъ, но какъ далеко подвинулось ими Нѣмецкое единство, объ этомъ

“ Въ подлинникѣ игра словъ: «und dem Reichsverweser dabei das Volk nachsagte, das Reich ginge unter ihm in Verwesung über.» По Нѣмецки Verwesung и тлѣніе, гніеніе, и управленіе.

никому не извѣстно, только газеты сообщаютъ, какъ послѣднее заключеніе о Нѣмецкомъ вопросѣ, что было признано за наилучшее возвратиться къ старому союзу. Такимъ образомъ *tantae molis erat* воротиться къ союзу, и еще къ старому! Нѣмецкій флотъ поднявшеюся, по поводу Нѣмецкаго единства, бурей отбитъ отъ берега и, кто знаетъ, куда онъ теперь пристанетъ и гдѣ кинетъ свой якорь? Нѣмецкія газеты недавно, впрочемъ, сообщили утѣшительную новость, что ссудою изъ Прусскихъ кассъ его существованіе продлится еще на шесть недѣль. Что произойдетъ съ Нѣмецкимъ флотомъ по истеченіи этого роковаго срока, это еще загадка. Вѣроятно, онъ отправится въ кругосвѣтное плаваніе, и за тѣмъ обнаружитъ какую ни будь основательную теорію. Два же, другъ противъ друга вооруженные, борца, Австрія и Пруссія, Шварценбергъ и Мантейфель, преспокойно, рука объ руку, отправляются теперь въ Варшаву, чтобы выслушать тамъ главу о Нѣмецкомъ единствѣ. До какой карикауры дошли степенные и мыслящіе Нѣмцы своими политическими стремленіями! Еще Мадьярамъ все это къ лицу, но Нѣмцамъ, мыслящимъ Нѣмцамъ!

Возникшіе въ новѣйшее время въ Германіи мятежи были усмирены безъ всякаго труда, и Прусскіе полки въ короткое время овладѣли густыми, но лишенными всякаго одушевленія, толпами. Вожди устремлялись въ даль, а подстрекнутый народъ попускалъ событіямъ идти своимъ ходомъ. Въ полныхъ значенія для Нѣмцевъ событіяхъ послѣднихъ вѣковъ, народныя громады точно также не развернули ни какой особенной силы. Ни одинъ правдолюбивый человѣкъ не станетъ отрицать, что непосредственно слѣдовавшая за Реформаціею война была ведена въ высшей степени вяло, а война Тридцатилѣтняя со стороны Нѣмцевъ была ведена съ очевидною, жалостною слабостью. Иначе, какимъ образомъ могла она тянуться такъ долго, и, при иномъ настроеніи народа, не явились ли бы сильныя личности во главѣ мужественнаго народа? Но ни чего такого не обнаружилось въ Тридцатилѣтнюю войну, за исключеніемъ Шведовъ и нѣкоторыхъ смѣлыхъ предводителей въ рядахъ Лиги, и Германія вышла изъ войны совершенно усталою и истощенною. Какъ настроены были Нѣмцы въ Наполеоновскую эпоху, и какъ они заботились о своей свободѣ, объ этомъ мы уже упоминали. Если бы Русскіе не наложили

своей руки на всемогущаго, не встряхли Нѣмцевъ и не оказали имъ рѣшительной помощи, кто знаетъ, какая бы судьба постигла тогда Германію? Въ то время Русскихъ въ Германіи не ненавидѣли такъ, какъ теперь, напротивъ Нѣмцы тогда охотно слушали и расцѣвляли ихъ пѣсни, даже хвалили добрыхъ Казаковъ. Вы скажете: «Австрія во Французскихъ войнахъ сдѣлала дѣло.» Да, но скажите, пожалуйста, какими силами? Этѣ силы были столько же Нѣмецкія, сколько были Римскими тѣ силы, которыми Аэціи разбилъ Гунновъ на поляхъ Каталаунскихъ. Впрочемъ, не укрывайтесь за Австрію: она была также безсильна, истощена и, до послѣдняго рѣшительнаго вмѣшательства, постоянно бита. А по тому, что касается Австріи, то объ ней уже лучше вовсе молчать. Приведеніе въ исполненіе, рѣшительно опредѣленнаго въ Павловской церкви, присоединенія Шлезвигъ-Голштейна къ Германіи также не отличалось особеннымъ успѣхомъ. Хотя общества пѣвцовъ храбро распѣвали по всей Германіи: «Schleswig-Holstein Stamm verwandt,» и, «Schleswig-Holstein meerumschlungen», однако, когда дошло до боя, потянулись изъ округовъ Германіи только немногіе охотники на помощь къ погибавшимъ братьямъ; впрочемъ, сверхъ того, отправлено было усталымъ въ борьбѣ братьямъ порядочное количество пива. Если и не много, то хоть что ни будь! (Wenn auch nicht viel, doch etwas)! Слѣдуетъ также замѣтить, что величайшіе люди изъ Нѣмцевъ отнюдь не люди дѣла, какъ у Французовъ, но люди

⁴⁵ Да, въ 1813 году Нѣмцы пѣли намъ хвалебныя оды, приходили въ восторгъ и умиленіе отъ одного имени великодушнаго Александра, дѣдушки (Altvater), Кутузова и пр., а теперь зачастую отъ нихъ слышимъ, что Россія только отняла у нихъ славу освобожденія отъ Наполеона, или даже, что Германія собственно освободила Россію. Такъ Виртъ: «Wir sind keineswegs geneigt, die Niederlage Napoleons in Russland als ein so grosses Glück für Deutschland zu betrachten, weil die grössere Hälfte des Ruhmes, der den entscheidenden Triumph über Napoleon umstrahlte, und fast der ganze aus dem Siege hervorgegangene politische Einfluss dem Kaiser von Russland zugeschoben, das deutsche Volk aber um die Früchte seines Sieges und seiner ungeheuren Opfer an Gut und Blut beinahe gänzlich betrogen wurde.» (Wirth, Max. Die Deutsche Nationaleinheit in ihrer volkswirthsch. geis. und polit. Entwicklung an der Hand d. Geschichte. Frankf. a. M. 1859, 8°, S. 387). Австрійскій Публицистъ, Шузелъка, въ своемъ Журналѣ «Reform» (1862) писалъ, между прочимъ: «Es ist wahrlich nicht Deutschland durch Russland, sondern umgekehrt, Russland ist durch die Erhebung Deutschlands gerettet worden.» Но еро же замѣчанію, въ 1813 году «ein Preusse für zehn Russen gelten konnte.» В. Л.

искуства и науки, какъ, на примѣръ, Гёте, Шиллеръ и прочіе до безконечности.

Самое сильное, болѣе Нѣмецкое Государство и при томъ преимущественно Протестантское, какъ и подобаеть Нѣмецкому Государству, это Пруссія. Протестантское образованіе и направленіе господствуетъ какъ въ народѣ, такъ и въ его Правителяхъ, которые если и не всегда были замѣчательными Государями, то всегда честными людьми. При этѣхъ достопочтенныхъ преимуществахъ Прусскаго Государства, тѣмъ не менѣе оно не лишено значительныхъ невыгодъ, къ которымъ прежде всего принадлежатъ разбросанность и неокругленность его области и притязанія на званіе великой Европейской Державы. Такимъ положеніемъ, къ которому Пруссія въ послѣднее время постоянно стремилась и которое совершенно не по ея средствамъ, это Государство вѣчно бываетъ вынуждено къ крайнему напряженію силъ, и при этомъ всегда становится въ неловкое положеніе, подобно человѣку недостаточному, который лѣзетъ въ общество богатыхъ вельможъ. Въ Европейскихъ событіяхъ Пруссія никогда не можетъ провести своего взгляда, и по этому должна или навязывать свой взглядъ другой Державѣ болѣе могущественной, или ити по ея слѣдамъ.⁴⁶ Фридрихъ Великій съ своимъ народомъ совершилъ

⁴⁶ Новѣйшія побѣды и усиленіе Пруссіи, по видимому и только отчасти, опровергаютъ замѣчаніе Штура. Оно относится къ прежней, а не нынѣшней, Пруссіи, которая и съ округленіемъ своихъ границъ все таки не стала настоящею Великою Державой. Теперь настоящія Великія Державы, по мѣткому замѣчанію К. Франца (*Untersuchungen über das europäische Gleichgewicht*. Berlin 1859 S. 75—117), Франція, Англія, Америка и Россія, стали собственно Міровыми Державами (*Weltmächte*), и съ этѣмъ прежнее значеніе Великихъ Державъ утратило смыслъ. Пруссія въ послѣднее время стала гораздо сильнѣе, чѣмъ была прежде, это правда, но отъ этого она еще не стала Міровою Державою; не говоря уже о другихъ частяхъ свѣта, въ которыхъ болѣе или менѣе живо затронуты интересы настоящихъ нынѣшнихъ Великихъ или собственно Міровыхъ Державъ, Англіи, Франціи и Россіи, въ самой Европѣ есть важные политическіе вопросы, въ которыхъ Пруссія не можетъ, по своему положенію, имѣть рѣшительное вліяніе и участіе, на пр., въ Восточномъ вопросѣ, по скольку онъ касается Славянъ Турецкихъ; впрочемъ будущая судьба Австрійскихъ Славянъ уже касается Пруссіи. Правда, теперь Пруссія весьма усилилась, но въ то же время пораженіемъ Австріи она принесла большую пользу не одной себѣ, но и

много славнаго и достойнаго удивленія, но съ того времени Прусское Государство было не въ силахъ само отстоять отъ всѣхъ покушеній свое положеніе и самостоятельность. Примаемая Нанеолономъ, Пруссія больше изъ боязни, чѣмъ изъ расположенія, или изъ выгодъ, держалась позади, но когда дерзнула ему попротиворѣчить, то однимъ сраженіемъ была почти вычеркнута съ карты Европы. Единственно Русскому посредничеству обязана она была своимъ тогдашнимъ плачевнымъ существованіемъ, а позже могущественной Русской помощи своимъ возрожденіемъ. Если Пруссія, по Западнымъ понятіямъ, есть Государство самодержавное, то все таки Прусскій народъ имѣлъ всѣ причины быть имъ довольнымъ, ибо равный судъ доступенъ былъ каждому, безъ различія сословія, народное образованіе было сильно поощряемо, его понятія и нравы уважаемы, и Прусское Правительство не легко приступало къ какой ни будь мѣрѣ, не увѣрившись предварительно въ расположеніи къ ней народа. Тѣмъ не менѣе и Прусское Государство было увлечено въ потокъ новѣйшихъ Европейскихъ

Романцамъ, именно Итальянцамъ, которые никогда не отлажутся отъ своего стародавняго соперничества съ Нѣмцами, и Славянамъ, которые съ тѣхъ поръ слишкомъ много испытали, пережили, далеко подвинулись въ правильнѣйшемъ пониманіи своей общей задачи и замѣтно въ своемъ сознаніи сблизились съ Россією. Своимъ нынѣшнимъ усиленіемъ Пруссія возбудила страшную ревность въ честолюбивой и пылкой Франціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, притотвила, въ близкомъ будущемъ, совершенную перемѣну въ отношеніяхъ Россіи къ Германіи, помогать которой теперь мы, Русскіе, не захотимъ ни въ какомъ случаѣ. Въ то же время усиленіе Пруссія пробудило въ Русскомъ обществѣ Славянское самосознаніе и показало, что прежде представлявшееся невиннымъ, Нѣмецкое вліаніе въ Россіи, можетъ быть еще опаснѣе и вреднѣе Польскаго. Наконецъ, какъ бы ни была сильна Пруссія, но она не можетъ довольствоваться настоящимъ своимъ положеніемъ и должна стремиться къ новымъ завоеваніямъ. Всякой же новой шагъ Пруссіи на этомъ пути (какъ бы ни былъ онъ встрѣченъ Францією,—и позволительнѣе сомнѣваться въ ея сочувствіи и помощи, чѣмъ на нее рассчитывать), во всякомъ случаѣ возбудитъ вопросъ Славянскій, не только въ Турціи, не только по сю, но и по ту сторону Карпатъ, и силою вещей, всевластнымъ потокомъ событій, Россія волею, неволею вступитъ на тотъ путь, который ей указанъ Провидѣніемъ, для совершенія переворота въ судьбахъ Славянскаго міра. Этотъ путь, эта задача Россіи, не ясны и не понятны у насъ людямъ, не знакомымъ съ своимъ Отечествомъ и Славянствомъ, но, благодаря Бога, нынѣ они все болѣе и болѣе утрачиваютъ свое вліаніе. Проясненію Славянскаго самосознанія и въ Россіи и внѣ ея это сочиненіе Штура будетъ много содѣйствовать. В. Л.

движеній, что въ нѣкоторой степени, можетъ быть, зависитъ отъ колебаній нынѣшняго Короля, въ его безпрерывныхъ испытаніяхъ и операціяхъ, но преимущественно должно быть приписано распространившемуся въ Пруссіи Западно-Европейскому направленію. Позднѣйшія Нѣмецкія заявленія Короля не смогли привлечь къ нему расположенія раздвоеннаго съ нимъ народа, и образовавшаяся и тамъ уже пропасть между Правительствомъ и народомъ, пропасть, постоянно увеличивающаяся съ дальнѣйшимъ распространеніемъ Западно-Европейскихъ требованій, грозитъ Прусскому Государству большою опасностью.⁴⁵

Изъ всѣхъ Западно-Европейскихъ Государствъ самое здоровое и сильное есть безспорно Англія. Въ народѣ еще живетъ благочестіе, его спокойный, здравый смыслъ противенъ всякому поспѣшному и торопливому движенію, его мощь въ постоянномъ напряженіи и всегда ищетъ себѣ новыхъ поприщъ. Вообще, это одна изъ особенностей Германцевъ, которая вытекаетъ изъ глубины ихъ духа и обнаруживается у Нѣмцевъ въ ихъ духѣ изслѣдованія сущности всѣхъ явленій и въ погруженіи въ науку, у Англичанъ въ учрежденіи Государства, и у Норманновъ въ быстрыхъ, хорошо обдуманыхъ и рѣшительно исполненныхъ, предпріятіяхъ. Государство составляетъ величіе Англичанъ, но его устройство не выведено изъ апіористическихъ формулъ, не изъ чужа взято и перенесено въ Англію; оно проистекаетъ изъ глубины, стремленій и потребностей народнаго духа, оно развивалось постепенно и вмѣстѣ съ народомъ, тѣсно съ нимъ срослось, и по тому составляетъ съ народною жизнію одно органическое цѣлое. Въ Англіи, такъ называемая, Конституція стала истиною, и, по тому, что она такъ хорошо удалась въ Англіи, стали думать, что она создана для всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, вводили ее, гдѣ только было можно, и надѣялись, такимъ введеніемъ и подражаніемъ, устроить столь же крѣпкое и свободное Государство, какъ и въ Англіи. Опытъ показалъ, какъ въ этомъ ошибались.

⁴⁵ О господствующей нынѣ въ Пруссіи Феодалной партіи и о виѣшней политикѣ Графа Бисмарка см. замѣчательные памфлеты (въроятно, К. Франца). Constant (Victor) Le parti féodal en Prusse, au point des vue des intérêts Prussiens, Allemands et Européens. Paris 1865, и La Prusse. Lettre au Comte de Bismarck. Hambourg 1866. В. Л.

Такая Конституція, какъ Англійская, имѣеть также свое время, свое поприще развитія, возможна только въ извѣстныхъ предѣлахъ, требуетъ свойственнаго Англичанамъ духа, сдержанности и умѣренности, и нуждается для подкладки въ столь же трудолюбивомъ и предприимчивомъ народѣ, какъ Англичане. Какой изъ Западныхъ народовъ можетъ похвалиться въ той же степени, какъ Англичане, этѣми преимуществами? И въ Англїи также было нѣкогда Дворянство привилегированно и всемогуще, земледѣльческій народъ былъ нѣкогда и ему обязанъ барщиною, среднее сословіе въ прежнія времена точно также не пользовалось политическими правами въ той степени, какъ теперь, но какъ же съ теченіемъ времени сгладились всѣ этѣ неровности въ Англійской Государственной жизни, какъ всегда умѣло здѣсь Дворянство во время отказываться отъ своихъ правъ, какъ мало возгордилось среднее сословіе, войдя въ обладаніе политическихъ правъ! За исключеніемъ крупнаго землевладѣнія, Англійское Дворянство почти ни чѣмъ не отличается отъ народа, и этѣ земли наследуются только старшими сыновьями, другіе же, исключенные изъ землевладѣнія, довольствуются удѣлами, или обращаются къ какимъ ни будь запятіямъ въ гражданскомъ обществѣ, поступаютъ въ него и совершенно уравниваются во всѣхъ отношеніяхъ съ прочими джентельменами, Какихъ буръ ни вызвало бы проведеніе подобныхъ мѣръ въ другихъ Западныхъ Государствахъ, тогда какъ въ Англїи онѣ прошли постепенно и незамѣтно! Въ Англїи случались также Государственные перевороты, но какъ они отличаются въ началѣ и исходѣ отъ переворотовъ въ другихъ Государствахъ! Послѣ Реформаціи въ Англїи двойственное положеніе Короля, какъ свѣтскаго и церковнаго главы, существенно способствовало перевороту, такъ какъ глубокомысленная Германская природа не могла вынести высшихъ свѣтскихъ предписаній въ дѣлахъ Вѣры, сверхъ того произошелъ переворотъ въ слѣдствіе необходимыхъ послѣ открытія Америки и центровъ промышленности перемѣнъ въ Государственномъ хозяйствѣ. Но когда палъ Карлъ I и вскорѣ послѣ него сошелъ со сцены и Протекторъ, то какъ быстро изгладились всѣ слѣды потрясенія, и какъ снова стала Англїя сильна и една!

При всѣхъ правахъ, какія имѣеть народъ въ законодательствѣ, отчасти также въ управленіи и судопроизводствѣ страны,

какъ возвышается, однако, надъ всѣмъ власть Короля, и какъ высоко уваженіе къ верховной главѣ народа! И, не смотря на то, какой свободою пользуется каждый законнымъ образомъ, а при всемъ томъ какое спокойствіе, безопасность и порядокъ въ странѣ! Англія мало имѣетъ дѣла съ тайной полиціей, да и къ чему могла бы она ей служить? Каждый имѣетъ тысячу средствъ высказывать свои желанія, и по тому не боится ни какихъ преслѣдованій, въ случаѣ обиды и оскорбленія каждому открыты законные пути, и наконецъ каждый проникнуть убѣжденіемъ, что необходимыя для блага страны мѣры, если не сей часъ, то со временемъ, одержать побѣду. Въ новѣйшее время даже Торійское Министертство предложило значительныя измѣненія въ основныхъ законахъ страны. Совершенно иначе устроились дѣла съ введеніемъ хартій въ другихъ Западно-Европейскихъ Государствахъ. Тотчасъ съ ихъ введеніемъ страны распадаются на два враждебные стана, изъ коихъ каждый считаетъ возможнымъ свое дальнѣйшее существованіе только послѣ побѣды надъ другимъ, война на жизнь и смерть будетъ здѣсь рѣшающимъ словомъ. Хотя въ Англіи границы Королевской власти строго опредѣлены, однако нельзя думать, чтобы, по духу Государственного устройства и поцятіямъ народа, она существовала, какъ нѣчто отдѣльное, напротивъ она такъ тѣсно переплетается съ народомъ, что они представляются какъ бы одно цѣлое.

Тѣмъ менѣе можетъ быть здѣсь рѣчь о взаимныхъ столкновеніяхъ: обѣ стороны одинаково вѣрятъ въ свой здравый смыслъ и сильную привязанность къ своей родинѣ. Всѣмъ извѣстно, какого высокаго положенія, богатства и силы достигла Англія, благодаря этѣмъ учрежденіямъ, которыя собственно и составляютъ жизнь Англійскаго народа. Англія, между прочимъ, стояла во главѣ Западныхъ Государствъ въ борьбѣ противъ непобѣдимаго почти Императора Французовъ, она ихъ соединяла, оживляла павшія надежды, на всѣхъ точкахъ земли смѣло выступала противъ всемогущаго, помогла между прочимъ и Австріи въ ея нуждѣ.

Между тѣмъ все имѣетъ свой конецъ и свою высшую точку: Англія, по видимому, уже прошла чрезъ меридіанъ своей высоты и силы. Мы сказали выше, что только внутри извѣстныхъ границъ возможно удержать учрежденія, подобныя Англійскимъ;

только народъ образованный, пользующійся благосостояніемъ, вѣющій сильный, заинтересованный въ поддержаніи существующаго, Сенатъ, народъ, свободный отъ поспѣшности всякаго рода, можетъ пользоваться политическими правами; но коль скоро этѣ условія разорваны, слѣдуетъ разрушеніе всего Государственнаго строя. Англичане хорошо сознаютъ это, и отсюда такъ умѣренно и обдуманно поступательное ихъ шествіе по пути политическихъ преобразованій, по этому-то каждая новопредложенная мѣра подвергается тысячамъ испытаній. Здѣсь же коренится ихъ боязнь передъ внезапною отиѣною ненужныхъ болѣе, даже смѣшныхъ, мѣръ и постановленій. Господствующее воззрѣніе на этотъ предметъ такого рода: законодательное собраніе должно представлять народу добрый примѣръ въ спокойномъ, обдуманномъ шествіи впередъ, законнымъ путемъ предупреждать всякіе крутые переломы, не отказывая ему въ томъ, что наконецъ созрѣло. На указанныхъ здѣсь основаніяхъ держались также и древнія Ресублики: онѣ тоже имѣли свои Сенаты, но ихъ постепенное паденіе ясно доказываетъ, что онѣ утверждены были на болѣе широкихъ основаніяхъ: это открывало свободное поле дѣйствія для легкой подвижности, разнообразія мнѣній и, въ слѣдствіе этого, партій. Билль реформы, проведенный въ Англіи въ 1832 г. въ Министерство Грея, а возбужденный уже за 50 лѣтъ передъ тѣмъ, отиѣнилъ очевидныя злоупотребленія относительно избирательнаго права; вообще, онъ перенесъ это право на состоятельныя сословія богатыхъ городовъ, призналъ его даже за откупщиками, но ни въ какомъ случаѣ не увеличилъ его, онъ только распредѣлилъ и опредѣлилъ его, и, однако, Англійскій народъ остался недоволенъ этѣмъ преобразованиемъ, какъ это видно изъ происшедшихъ въ Англіи движеній. Радикалы и Хартисты хотятъ, чтобы избирательное право распространено было вообще на весь народъ безъ различія, не обращая вниманія на состояніе и образованіе, такъ чтобы всѣ отцы семействъ могли въ немъ участвовать: они представили даже въ Парламентъ грозныя прошенія въ этомъ смыслѣ, и ихъ дѣятельность все возрастаетъ. Но если бы когда ни будь, что очень возможно, этотъ законъ прошелъ и Государственные учрежденія выдвинуты были на это широкое поле, твердая старая Англійская Конституція пошатнулась бы въ своихъ основаніяхъ, на мѣсто элемента, двигающагося медленно и обдуманно,

необходимо выступила бы подвижная, не сдерживаемая надлежащимъ образованіемъ, масса; Англійскій Сенатъ, такъ называемая, Верхняя Палата, тотчасъ бы былъ уничтоженъ, Монархія ниспровергнута, открыта дорога всякимъ страстямъ. Исходъ будетъ, вѣроятно, тотъ же, что и у другихъ Государствъ въ подобныхъ положеніяхъ. Такъ какъ это стремленіе возрастаетъ теперь въ силѣ, (consistens), то и въ Парламентѣ обнаруживается его дѣйствіе: старыя партіи Торіевъ и Виговъ все болѣе и болѣе теряютъ значеніе, строго обозначенныя прежде мнѣнія смиѣшиваются, не замѣтно вытѣсняются новорождающимися воззрѣніями, отсюда уменьшеніе прежней твердости и сплоченности Парламента, отсюда же колебанія и нетвердость отдѣльныхъ Министровъ. Хотя это внутреннее разложеніе медленно идетъ въ сдержанномъ Англійскомъ народѣ, хотя оно значительно сдерживается постоянными занятіями рабочихъ классовъ, въ слѣдствіе величественно развившейся промышленности, и отливомъ безземельнаго населенія въ другія части свѣта, тѣмъ не менѣе это разложеніе неоспоримо. Промышленность, развившаяся въ Англіи до громадныхъ размѣровъ, есть ея сила, но въ ней же и слабая сторона Англіи. Не говоря уже о томъ, что въ слѣдствіе ея богатство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и поземельная собственность, какъ мы выше уже коснулись этого, всегда накапливается въ немногихъ рукахъ, въ слѣдствіе чего разрядъ бѣдныхъ все возрастаетъ въ числѣ и все болѣе впадаетъ въ глубокую нищету, не говоря далѣе о томъ, что этотъ обидѣвшій, бѣдствующій народъ, предоставленный на всю волю или произволъ фабрикантовъ, возбуждается къ недовольству и нерасположенности къ нимъ, не говоря уже обо всемъ этомъ, замѣтимъ, что своею величественною промышленностью Англія поставлена въ зависимость отъ другихъ странъ и удерживается въ ней по самому этому положенію. Послѣ того какъ Наполеону не посчастливилась попытка высадиться въ Англію съ вооруженною силою, онъ обдумывалъ средство другимъ образомъ нанести ей смертный ударъ, и думалъ найти его въ извѣстной Континентальной системѣ. Онъ нашелъ вѣрное, хотя и неисполнимое для одного, даже сильнаго человѣка, средство: каково же придется Англіи, когда Континентальная система войдетъ въ жизнь не по всесильному приказу, но по естественному ходу вещей, постепенно и въ большей части народовъ сама собою? По всей вѣроятности,

теперь ни одинъ народъ, ни одинъ здравомыслящій политико-экономъ, не вѣритъ болѣе въ, прославленную Англійскими политико-экономами, свободную торговлю; напротивъ, у всѣхъ народовъ съ каждымъ днемъ невольно утверждается убѣжденіе, что каждый народъ, на сколько позволяютъ его почва, положеніе, развитіе и другія отношенія, долженъ развивать свою собственную промышленность, по мѣрѣ возможности долженъ самъ удовлетворять потребности въ произведеніяхъ промышленности, нѣкоторыя вещи вывозить, если возможно, въ обмѣнъ за необходимыя произведенія чужой промышленности, и такимъ образомъ увеличивать свое богатство, силу, образованность и самостоятельность. На этомъ основаніи уже теперь у многихъ народовъ, гдѣ обращено вниманіе на промышленность и гдѣ это возможно, ввозныя пошлины замѣнены въ покровительственныя, за что, естественно, очень досадовали на нихъ Англичане и употребляютъ всѣ усилія, чтобы возвратитъ прежній взглядъ на этѣ предметы. Баурингъ (Bowring), посланный Англійскимъ Парламентомъ на Конгрессъ Нѣмецкаго Таможеннаго Общества, употребилъ всѣ возможныя усилія, чтобы убѣдить Нѣмцевъ, что ихъ покровительственный тарифъ ни къ чему не годенъ, и что Германія собственно способна только къ земледѣльческой промышленности, но Нѣмцы не дали обойти себя въ этомъ отношеніи. За чѣмъ вездѣ на материкѣ подстрекаютъ Англичане къ революціямъ, если не для того, чтобы, возникшіи въ сторонѣ, въ слѣдствіе войны, недостатокъ промышленной дѣятельности, замѣнить произведеніями своихъ фабрикъ, и предложить свой промышленный рынокъ неразвитымъ народамъ, которые только революціями могутъ достигнуть самостоятельности? Англичане особенно расположены были къ Итальянцамъ и Мадырамъ, по тому что промышленность здѣсь въ колыбели и оба народа обращались къ Англійскимъ промышленнымъ произведеніямъ. Значительные успѣхи дѣлаетъ также фабричная промышленность въ Европейскихъ странахъ, особенно же во Франціи, Россіи, Бельгіи, Германіи и внѣ Европы, въ свободныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ Россіи, при вступленіи на Царство Императора Николая, было уже 5128 фабрикъ въ дѣйстви, а года два спустя болѣе 6,000. Эта возрастающая промышленность названныхъ и другихъ странъ не только закрываетъ рынки этой земли для различныхъ произведеній Англійской промышленности, но

сама вступаетъ въ состязаніе съ Англійскими произведеніями на чужихъ рынкахъ; послѣднее преимущественно можно сказать о Россіи и Соединенныхъ Штатахъ. Россія состязается съ Англією въ Персіи, великой и малой Бухарѣ, Коканѣ, Ташкентѣ, Хивѣ, и оттуда Русскія фабричныя произведенія идутъ въ другія Азіятскія страны, особенно же въ Китай; нѣкоторымъ произведеніямъ Русской промышленности, особенно толстому сукну, шелковымъ и желѣзнымъ товарамъ, даже самъ Англичанинъ Бернсъ (Burnes) отдаетъ преимущество передъ Англійскими, именно въ томъ отношеніи, что Русскіе могутъ дешевле поставлять этѣ издѣлія. Въ какой степени возрастаетъ Русская торговля въ Азій, можно видѣть по сравненію вывоза въ Бухару, который въ теченіе времени отъ 1824 до 1832 г. возросъ отъ 8 до 20 милліоновъ. Сѣверо-Американцы, подобно Англичанамъ, стремятся въ Китай, и если когда ни будь почва Америки будетъ болѣе обработана, страна болѣе населена и, въ слѣдствіе этого, рабочая плата въ Соединенныхъ Штатахъ значительно понизится, тогда соперничество Сѣверо-Американцевъ можетъ быть опасно Англичанамъ. Въ слѣдствіе усиленія промышленной дѣятельности въ Европейскихъ странахъ и Соединенныхъ Штатахъ, уже теперь Англійская промышленность потерпѣла чувствительные удары. Извѣстный Уркуартъ (Urgubart) утверждаетъ: что съ 1836 г. Англійскій вывозъ значительно уменьшился, уже въ 1837 г. онъ принесъ 12 милліонами фунтовъ стерлинговъ меньше прежняго, между тѣмъ какъ Французская торговля возросла отъ 1824 — 1836 г. на 108 процентовъ, а Американская отъ 1815 — 1836 г. на 270 процентовъ. Изъ Парламентскихъ Отчетовъ 1840 г. видно, что въ 1839 г. Англія вывезла хлопчатой бумаги на 100 милліоновъ фунтовъ меньше, чѣмъ въ 1838 г., и 36½ милліонами фунтовъ меньше прошлагодняго на пряла хлопчатки, между тѣмъ какъ пряденая хлопчатка составляетъ почти половину всего Англійскаго вывоза. Этѣ убытки, понесенные Англійскою промышленностію, побудили Парламентъ къ значительнымъ измѣненіямъ законовъ о хлѣбѣ, по крайней мѣрѣ, Пиль объяснялъ ихъ тѣмъ, что Англійскій вывозъ значительно убавился послѣ 1836 г., въ слѣдствіе чего число бѣднаго, безхлѣбнаго, народа очень возрасло, и такъ надобно снабдить его болѣе дешевымъ хлѣбомъ. Измѣненіе хлѣбныхъ законовъ имѣлъ въ виду и торговый расчетъ Ан-

гличанъ: они искажи возможности дешевле отпускать свои товары на иностранные рынки. Когда этот упадокъ въ Англійскомъ вывозѣ со временемъ сдѣлается еще значительнѣе, что наступить неизбежно, что тогда сдѣлаетъ Англія съ массами бѣднаго народа? Земледѣіемъ занимается въ Англіи едва $\frac{3}{100}$ народонаселенія, которое такъ плотно, что составляетъ 4400 душъ на квадратную милю,⁴³ а если сообразить, что въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи есть горы, на сѣверѣ Шотландіи лежатъ огромныя безплодныя пространства, а во всѣхъ этѣхъ областяхъ много рѣкъ, озеръ и обширныхъ парковъ Дворянскихъ, то можно считать на квадратную милю 5400 душъ, то есть, тысячею душъ больше. Что же думаетъ Англія подѣлать съ этою массою людей, не получающихъ пропитанія отъ земледѣія? Если же ввозъ и вывозъ значительно уменьшается, то уменьшаются въ такомъ же отношеніи Государственные доходы: чѣмъ же покроетъ Англія свои Государственные расходы? Какимъ образомъ покроетъ она милліоны процентовъ своего Государственного долга и удовлетворитъ массу людей, заинтересованныхъ въ этомъ? Въ состояніи ли будетъ тогда Англійское могущество и морской флотъ удержаться на теперешней высотѣ? Что станетъ съ Англійскими поселеніями и иностранными владѣніями? Возрастающая въ народонаселеніи Новая Голландія не послѣдуетъ ли примѣру Сѣверной Америки? Высосанное Англичанами населеніе Индіи не попытается ли опять страхнуть независтное иго? Англичанамъ повинуются въ Индіи 130 милліоновъ людей: уже ли они навсегда утратили свою независимость? Развѣ не живутъ между ними, или въ ихъ сосѣдствѣ, храбрые Сейки, воинственные Мараты? Не имѣютъ развѣ они примѣра въ Авренизебѣ, храбромъ Гидеръ-Али, неукротимомъ Достъ-Могаммедѣ? Развѣ недосагаетъ этѣхъ странъ, до самаго Китая, Русская рука? Кромѣ того, не нужно выпускать изъ вниманія, что стихія броженія растеть внутри Англіи, Хартисты имѣютъ своихъ забіякъ, своихъ *physical force-men*, Англія, имѣетъ своихъ Оуеновъ и Коммунистовъ; броженіе значительно увеличивается здѣсь еще постояннымъ прикомъ разныхъ искателей приключеній и революціонеровъ изъ большей части Европейскихъ странъ. Уже

⁴³ Въ Великобританіи (съ Мальтою) по Кольбу (1865 г.) 5,050 д. на Нѣмецкую квадратную милю.

ли водненіе неутомимаго нѣкогда О'Коннеля въ притѣсненномъ Англичанами народѣ совершенно замолкло и не будетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій? " Въ теперешнихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ Англичанъ, въ силѣ господствующей Церкви, постепенно, но замѣтно, происходитъ поворотъ. Методисты и Диссентеры возрастаютъ въ числѣ, между тѣмъ какъ Пюэризмъ хочетъ возбудить въ Епископальной Церкви обратное движеніе въ лоно единой спасающей Церкви; по крайней мѣрѣ, онъ усиливается подготвить его, и въ новѣйшее время многимъ Католическимъ Церквямъ посчастливилось въ Англіи. Мы не вѣримъ въ возможность вторичнаго обращенія Англіи въ Католичество, но все таки въ Англіи еще одной стихіей броженія стало больше.

Англичане, какъ народъ, который весь бросился въ промышленность и въ ней почерпаетъ свои жизненныя силы, имѣетъ то общаго съ каждымъ ремесленникомъ и торговцемъ, что они всегда сторожатъ собственный барышъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководятся своекорыстіемъ. Теперь, какъ и прежде, напрасно стали бы вы искать у Англичанъ чертъ великодушія и еще болѣе человѣчности. Правда, они объявили себя противъ торговаго невольничества и взяли на себя обязательство не терпѣть его, но при этомъ они болѣе всего рассчитывали на большее утвержденіе и распространеніе своего морскаго господства, такъ какъ подъ этѣмъ предлогомъ они присвоили себѣ право осматривать каждый корабль и при случаѣ воспользоваться этѣмъ. Кроме того, они надѣялись при этомъ повредить разцвѣтающимъ невѣрнымъ Соединеннымъ Штатамъ; ибо извѣстно, что Соединенные Штаты, къ ущербу своей чести, посредствомъ этѣхъ обезчещенныхъ людей, воздѣлывали свои плантаціи на югѣ. Что Англичане не слишкомъ искренно относились къ отиѣнѣ торговаго невольничества, видно изъ примѣра Португаліи. На Вѣнскомъ Конгрессѣ Португальцы объявили, что они хотятъ, въ теченіе восьми лѣтъ, во всѣхъ своихъ поселеніяхъ уничтожить невольничество, если Англія, въ пользу стѣсненной Португальской торговли, согласится на отиѣну нѣкоторыхъ статей заключеннаго въ 1810 г. торговаго

¹⁰ Новѣйшія движенія Реформистовъ и Феніанъ не позволяютъ обвинять Штура въ излишней наклонности считать все на свѣтѣ дурнымъ и въ недалеконвидности. В. Л.

договора съ Португаллією, и, однако, Англія не рѣшилась пожертвовать своими выгодами дѣлу освобожденія бѣдныхъ невольниковъ. Развѣ положеніе высосанныхъ Англією, полукрѣпостныхъ Ирландцевъ, лучше того, въ какомъ находятся крѣпостные другихъ странъ? Если такъ высоко стоитъ въ Англіи челоуѣчность, то какъ же случилось, что, два года назадъ, когда Китайцы запретили ввозъ въ свою страну опиума, Англичане пошли на нихъ войною, и дорого обошлось бѣднымъ Китайцамъ это запрещеніе? Какъ случилось, что изъ за двухъ тысячъ гульденовъ они могли угрожать маленькой Греціи войною, нанести ей глубокія раны и все привести въ замѣшательство? Англичане опозорили себя въ Исторіи уже однимъ своимъ поведеніемъ относительно Давидъ, когда, во время Наполеонова, они хотѣли забрать Датскій флотъ въ свою власть. Уже издавна всѣмъ сталъ извѣстенъ подобный образъ мыслей и дѣйствій Англичанъ; правда, они приобрѣли себѣ уваженіе народовъ, но не приобрѣли ихъ любви, напротивъ заслужили себѣ всеобщее отвращеніе.

Въ слѣдствіе постепеннаго паденія Англійской Государственной жизни, въ новѣйшее время уменьшается и иностранное вліяніе Англіи: Виды Англійскаго Кабинета относительно новѣйшихъ событій, на сколько намъ извѣстно, нигдѣ не оправдались, ни въ дѣлахъ Италіи, ни въ вопросѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ; вѣроятно, и Мадьярамъ Англійское покровительство не принесетъ особенной пользы.

Мы не вѣримъ въ дальнѣйшее мощное развитіе Западныхъ народовъ, и объяснили наши основанія, какъ при общемъ изложеніи обстоятельствъ и направленій на Западъ, такъ и при частномъ обзорѣ Западныхъ народовъ. Но съ ними теряютъ свою жизнь и силу и тѣ формы, въ которыхъ они жили и двигались. И кажется, что съ ними они приближаются къ разложению. Износилось Католичество и, съ своею все болѣе выступающею слабостью, утрачиваетъ жизнь Протестантство. Такъ называемыя Конституціонныя Государственныя формы оказываются несостоятельными, неудобными, даже и лживыми; на Западѣ же нельзя думать о Республикахъ?

Католичество, скавали мы выше, задалось распространеніемъ Христіанства, и съ замѣчательною мощью успѣло въ томъ, что

стало Религіею значительнѣйшихъ человѣческихъ племенъ. Но какъ оно заботилось о внѣшнемъ распространеніи Христіанства, такъ оно и составляетъ только внѣшнее его принятіе. Католичество съ началомъ Римскаго развитія отдѣлило знакомыхъ съ содержаніемъ Христіанства, ученыхъ, жрецовъ отъ остальнаго неученаго народа, а въ послѣдствіи даже разорвало всѣ ихъ связи съ народомъ, обрало свое собственное духовное Царство и духовныхъ назначило его управляющими, а остальныхъ поставило въ подданническія къ нимъ отношенія, однимъ предоставило полное пользование религіозными дарами, а другихъ признало нужнымъ удовольствоваться болѣе тѣсными благодѣяніями, только первымъ разрѣшило вникать въ источники Религіи, въ Священное Писаніе, которое предварительно подчинило повѣркѣ, а послѣднихъ отстранило отъ этого изученія или прямыми запрещеніями, или непонятнымъ народу языкомъ. Въ слѣдствіе этого Католичество пожаловало Церквѣ, т. е., ея правителямъ, единственный авторитетъ и рѣшительный голосъ въ дѣлахъ Вѣры, а остальной громадѣ повѣляло лишь вѣрить въ ихъ приговоры. Вѣрное этому направленію, Католичество свои собственныя предписанія установило за всеобщій образецъ жизни, введеніемъ изображеній Святыхъ возбуждаетъ вѣрующихъ къ соревнованію и подражанію, предписываетъ имъ для жизни Христіанской различныя внѣшнія упражненія, которыя съ теченіемъ времени обращаются въ дѣйствія чисто механическія, поражая умы торжественностью обрядовъ, низводитъ ученіе до предмета побочнаго и въ дальнѣйшемъ развитіи этого направленія изъ за почитанія Св. Дѣвы Маріи и Святыхъ позабываетъ о Спасителѣ. Церковь одна присвоила себѣ власть открывать врата неба праведнымъ, а заблуждающихся допускаетъ въ нихъ только подъ условіемъ исполненія ея предписаній и испытанія ея наказаній. Позже, при дальнѣйшей порчѣ Католичества, Римская Церковь стала даже продавать за деньги это допущеніе или, такъ называемыя, Индульгенціи. Какъ было внѣшне Католичество, видно уже изъ того, что оно придавало столько цѣны внѣшнему обладанію земли, гдѣ проживалъ Спаситель, и въ своей ревности назначало Крестовыя походы одинъ за другимъ, точно также, какъ и изъ развитаго до высшей степени поклоненія мощамъ. Объ образованіи сердца и духа человѣческаго Католичество мало помышляло. Оно довольствовалось внѣшнимъ исполненіемъ

предписаній, и объявило себя непогрѣшимымъ, рѣшительно высказывалось противъ всякаго изслѣдованія и встрѣчало его проклятіемъ. И этѣ правители духовнаго Царства, т. е., духовенство, захватили потомъ свѣтскую власть, употребили власть духовную для пріобрѣтенія свѣтскихъ благъ, совершенно отдались наслажденію, и, погрязши во всякаго рода порокахъ, для удержанія въ своихъ рукахъ мірскихъ благъ, употребляли самыя нечистыя и нехристіанскія средства, на пр., Езуитовъ. Для народовъ грубыхъ эта виѣшность Католичества могла еще быть достаточною, но не уже ли Католическая Церковь думаетъ, что она пригодна и для народовъ самыхъ образованныхъ? Думаетъ ли она, что грядущія поколѣнія также будутъ довольствоваться виѣшностью Христіанства, вмѣсто его содержанія? И думаетъ ли она, что, опираясь на свою непогрѣшимость, она можетъ оставаться оракуломъ народовъ, изгонять всякое изслѣдованіе въ области духа и, съ своею безнравственностью и неестественными правилами, существовать долго у народовъ Христіанскихъ? Развѣ она не видитъ, что всѣ образованнѣйшіе народы отъ нея отпали, а въ странахъ, оставшихся ей вѣрными, образованнѣйшія сословія отворачиваются отъ нея, и какъ быстро отпадаютъ отъ нея всѣ тѣ, которые хотя сколько ни будь возвышаются надъ необразованною толпою, хотя виѣшнимъ образомъ и продолжаютъ ей принадлежать? Не уже ли все это надобно относить къ дурному направленію образованія, соблазнамъ, ослѣпленію и т. п.? Католическая Церковь далеко, очень далеко, отстала отъ требованій Христіанства, даже отъ требованій лучшаго образованія нашего времени. Она истощила, окаменѣла, не пользуется вѣрою и довѣріемъ народовъ: безжизненная, холодная и мертвая, идетъ она на встрѣчу своей судьбѣ, къ разложенію и паденію.

Какъ понимаетъ Католическая Церковь руководство народами и ихъ образованіемъ, всего лучше видно на тѣхъ странахъ, которыя остались чисто Католическими, на пр., Испаніи, Португаліи, Нѣмецко-Католической Баваріи и Славянско-Католической Хорватіи? Что сдѣлали для наукъ всѣ этѣ земли, замкнутыя отъ Реформаціи, какъ отъ какой ни будь заразной болѣзни? Чѣмъ онѣ ознаменовали себя передъ міромъ? Не господствуетъ ли въ нихъ во всѣхъ состояніяхъ безстрастіе и безчувственность? Баварія

также далеко отстала отъ образованной Германіи, какъ нѣкогда Вѣтія отъ образованной Греціи, и единственно по той причинѣ, что она осталась чисто Католическою. Вмѣсто того, чтобы развивать образованіе, Католическая Церковь старается его подавить. Въ ней постепенно сложилось убѣжденіе, что Церковь призвана удерживать народъ въ духовной тупости, бѣдности и зависимости: такимъ образомъ, говорятъ, онъ будетъ кротокъ и послушенъ. Такъ въ настоящее время понимаетъ свое призваніе большинство Католическаго духовенства. Но горе тому, кто считаетъ себя призваннымъ къ преступленіямъ противъ челоуѣчества! Изъ Католическихъ земель Франція только внѣшнимъ образомъ осталась Католическою. Но, не примкнувши всецѣло къ Реформаціи, она не произвела того, что Германія, для челоуѣческой образованности.

Протестанство возникло изъ противодѣйствія Католической Церкви, ея непогрѣшимости, окаменѣлости, ея свѣтскому характеру и всякаго рода злоупотребленіямъ, и хотя оно образуетъ совершенную ей противоположность, тѣмъ не менѣе, однако, находилось къ ней въ самой тѣсной связи, именно относительно своего существованія. Протестанство по стольку имѣетъ силы, смысла и значенія, по скольку Католичество обладаетъ силою и коренится въ сознаніи народовъ. Постоянная борьба съ Католичествомъ поддерживаетъ Протестанство, составляетъ его жизнь. Но лишь только падаетъ Католическая Церковь и утрачиваетъ поддержку народовъ, умолкаетъ съ нею и Протестанство и не подаетъ ни какихъ знаковъ жизни. Въ вопросахъ жизни оно шло съ Католичествомъ шагъ за шагомъ, съ одной стороны побѣдою разрушало въ сознаніи народовъ все то, на чемъ главнѣйше держалась ихъ Церковь и что составляло ихъ сущность, ея непогрѣшимость и ея различныя учрежденія, безопасно обличало народамъ ея мірскія цѣли, ея злоупотребленія и безнравственность, и тѣмъ самымъ отнимало у Католиковъ вѣру въ ихъ Церковь, а съ другой стороны, по увѣнчавшейся побѣдою борьбѣ, Протестанство само впадало въ бездѣятельность. Такимъ образомъ у народовъ нѣтъ ни какого основанія, даже по внѣшнемъ ихъ отпаденіи отъ Католической Церкви, для перехода въ Протестанство. Все то, что бы они могли получить въ Протестанствѣ, уже пріобрѣтено ими, съ его помощью, простымъ внѣшнимъ ихъ отпаденіемъ отъ Като-

лической Церкви. Свободный переходъ изъ одной Церкви въ другую почти во всѣхъ Западныхъ странахъ закономъ каждому обезпеченъ, но, не смотря на это, при всемъ очевидномъ отвращеніи народовъ къ Католической Церкви, мы не видимъ ни какихъ переходовъ въ Протестантство гуртомъ (en masse), какъ было нѣкогда. Отдѣльные случаи этого рода возникаютъ изъ особой (субъективной) потребности, наконецъ изъ побужденій, не на Вѣрѣ основанныхъ. Въ настоящее время между Католиками и Протестантами восстановленъ всеобщій миръ, за исключеніемъ маленькихъ непріятностей; и онъ будетъ существовать, даже безъ обезпеченія положительными законами.⁵⁰ Прежніе ожесточенные противники устали и утомились. По этому также понятно, что Нѣмецкое Католичество, по своемъ отпаденіи, не перешло въ станъ Протестантства, но почло необходимымъ пойти далѣе, рассчитывая на большую жизненность и большее количество приверженцевъ. Вникая въ происхожденіе и смыслъ Протестантства, увидимъ, что онъ является противоположностью Католичеству, что онъ въ сущности отрицателенъ, и по тому никогда не можетъ достигнуть общности и единства, и въ истинномъ значеніи слова не составляетъ ни какой Церкви, но только религиозныя общины. Протестанты различныхъ земель всѣ почти имѣютъ различныя Исповѣданія, значительно разные обряды и существенно различное внутреннее управленіе. Вспомните только Епископальную Церковь Англичанъ, Шотландскихъ Пресвитеріанцевъ, Шведскихъ, Нѣмецкихъ, Угорскихъ Протестантовъ, Прусскихъ старыхъ Лютеранъ и т. д., и вы увидите, что въ отдѣленіи Католическихъ излишествъ Протестанты никогда не были едины, были въ высшей степени отрицательны, и еще болѣе по чувству, чѣмъ на дѣлѣ. Такъ какъ Протестантство ввело въ свое основаніе изслѣдованіе и познаніе, то, съ одной стороны, оно вызвало къ жизни истинную науку, съ другой, однако, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, перешло, въ наши дни, черезъ поверхностный рационализмъ и, такъ называемое, свободное изслѣдованіе, въ полное отрицаніе всякой церковной жизни и въ совершенное невѣріе, и тотчасъ, по своемъ образованіи, породило множество

⁵⁰ Лучшее этому доказательство представляетъ примѣръ Гизо и другихъ Протестантовъ, защищающихъ, противъ многихъ Католиковъ, свѣтскую власть Папы, и тѣмъ самымъ уже признающихъ его необходимость. См. Guizot, *L'Église et la Société Chrétienne*. Paris et Leipzig 1861. В. Л.

сектъ, изъ которыхъ каждая взяла въ главнѣйшее основаніе какой ни будь текстъ Священнаго Писанія и считаетъ себя за правѣрную. Наука составляетъ славу Протестантства.—и какая другая страна въ этомъ отношеніи можетъ сравниться съ Протестантскою Германіею? точно также, какъ и общее проникновеніе Государства Христіанскимъ духомъ. Но какъ Протестантство въ то же время не составляетъ ни какого единства, ни чего цѣльнаго, скорѣе разъединяетъ личности и предоставляетъ ихъ самимъ себѣ, не изъ себя выводитъ дѣятельную силу и жизнь, но изъ чего-то посторонняго, лишено жертвъ и помазанія, не внушаетъ ни какого одушевленія, внѣ науки не создаетъ ни чего великаго и прочнаго, не собираетъ человѣчества къ единству и не ставитъ человѣка къ человѣку во взаимность ближнихъ, по этому-то, для будущаго, всемірно-историческаго развитія, Протестантство неудовлетворительно.

Въ политическомъ отношеніи Западъ бросается изъ самодержавныхъ Монархій въ конституціонныя, изъ нихъ снова въ политическія и наконецъ въ соціальныя и коммунистическія Республики, гдѣ все оканчивается разложеніемъ человѣчества и уничтоженіемъ всякой человѣчности. Это бросанье имѣетъ въ себѣ то роковое значеніе, что, однажды увлеченный въ этотъ потокъ движенія, не можетъ уже въ немъ остановиться. Тутъ нѣтъ остановки и покою, здѣсь все хочетъ впередъ, все стремится, все рвется, все видитъ конечное, желанное счастье—въ разрушеніи! Революціи будутъ слѣдовать за Революціями и, послѣ каждой изъ нихъ, народамъ Запада будетъ хуже, чѣмъ было прежде. Нарождающіяся поколѣнія становятся сумасброднѣе и хуже. Онѣ живутъ и питаются уже эгѣмъ воздухомъ. Воспитаніе носитъ на себѣ печать современнаго Западнаго духа, сонливое, усталое, но идеѣ лишено всякой строгости; изгнѣженность, любовь къ наслажденіямъ, роскошь, все болѣе выступаютъ, вмѣсто старой воздержности, искренней готовности къ подвигамъ. Пусть мчится колесница впередъ—ея колесъ не обратить назадъ: пусть мчится она съ народами Запада, пока могучая рука не удержитъ ее на краю пропасти!

Но если горячее, полное любви къ человѣку, сердце напрасно ищетъ помощи на Западѣ, куда же обратить взоръ, гдѣ остановить надежду?

Тамъ, на дальнемъ Востокѣ, такъ широко раскинулся народъ Славянскій, тамъ народъ будущаго!

Мы уже выше ставили вопросъ: есть ли такая мысль, которою бы могъ подняться Славянскій народъ? Есть ли у этого народа призваніе и будущее, и не присужденъ ли онъ навсегда къ подчиненному положенію въ ряду народовъ, и различныя въ немъ движенія, которыя мы примѣтили у его племенъ, имѣютъ ли какое ни будь высшее значеніе, или только были судорожными попытками и явленіями преходящими? Теперь, когда мы убѣдились въ невозможности ожидать улучшенія человѣческой доли отъ Западнаго направленія, время уже отвѣчать на этотъ вопросъ.

Кинемъ взоръ на Славянскую древность: какая картина предстанетъ нашимъ глазамъ? Всѣ Писатели, и даже иностранные, сохранившіе свѣдѣнія о жизни нашихъ племенъ въ древности, говорятъ единогласно, что ни одинъ народъ не могъ сравниться съ ними въ чистотѣ нравовъ, въ гостепріимствѣ: всякой иностранецъ, откуда бы онъ ни пришелъ и кто бы онъ ни былъ, былъ принимаемъ у нихъ самымъ дружественнымъ образомъ. И они считали своей обязанностью не тольکو снабдить его всѣмъ нужнымъ, но и проводить его далѣе, передать его съ рукъ на руки для дальнѣйшаго слѣдованія. И если съ кѣмъ случалось какое бѣдствіе, помстить тому, отъ чьей невнимательности и злобы оно произошло, каждый Славянинъ считалъ себя обязаннымъ. Гостепріимство, продолжаютъ иностранцы, доходило у нихъ до того, что, уходя изъ дому, они оставляли дома столы, покрытые яствами и двери домовъ отворенными, на тотъ случай, если бы пришелъ иноземецъ, могъ бы у нихъ найти не только кровъ, но и пищу. Сверхъ того, они, по тому же свѣдѣтельству, черезъ извѣстный срокъ или отпускаютъ военнопленныхъ домой, или удерживаютъ ихъ у себя, но не въ рабствѣ, а скорѣе какъ друзей и родственниковъ.⁵¹ Есть и другіе гостепріимные народы, но есть и такіе, которые вовсе лишены этого качества; однако, примѣры такого народнаго гостепріимства, какъ у нашихъ предковъ, по свѣдѣ-

⁵¹ Императоры Маврикіи (582 — 602), Левъ Мулрый (886 — 911), Гельмольдъ (ок. 1170) и др. В. Л.

тельству иностранцевъ, очень, конечно, рѣдки, и еще рѣже, когда каждый изъ народа и, слѣдовательно, цѣлый народъ, ручается за безопасность и благосостояніе всякаго приходящаго къ нему отдѣльнаго иностранца. Но если есть это и у другихъ народовъ, то истинно человѣческой черты, военноплѣнными дарить свободу, или удерживать ихъ у себя, какъ друзей, и тѣмъ самымъ давать имъ полную равноправность въ семействѣ, такой черты мы не находимъ ни у какого другого народа въ мірѣ. Такого рода обращеніе съ военноплѣнными было въ обычаяхъ нашихъ предковъ. У другихъ народовъ они должны были или выкупать свою утраченную свободу, или оставаться рабами. Но если съ каждымъ иностранцемъ, знакомъ ли онъ, или не знакомъ, обращаются такимъ образомъ, какъ было въ обычаяхъ нашихъ предковъ, то тѣмъ самымъ выказывается доброжелательность вообще, и если съ нимъ все дѣлать свое, то, значитъ, считаютъ его за себя равнаго, за ближняго, и если врагу, пришедшему съ злымъ умысломъ, дарятъ свободу, или даже черезъ нѣсколько времени принимаютъ его въ ряды своихъ и даруютъ ему равныя съ ними и права, то, значитъ, уважаютъ въ немъ человѣка. Этѣ черты болѣе или менѣе чисто, болѣе или менѣе слабо, встрѣчаются и въ современномъ быту нашихъ племенъ, слабѣе тамъ, гдѣ, по близости Запада, они подчинились чужому вліянію. Еще по нынѣ гостепріимство считается у насъ священнымъ, и каждый иностранецъ, проходя наши села, въ каждой общинѣ, во всякомъ лучшемъ домѣ, находитъ себя дружескій пріютъ, и въ каждомъ жителѣ, если нужно, предупредительнаго проводника. Русскій Веревкинъ, который, за границую, заступаетъ за бѣднаго, обиженнаго, человѣка, и оскорбителемъ вызванный за то на поединокъ, первымъ выстрѣломъ хотя и ранитъ смертельно своего противника, но тѣмъ не менѣе самъ напередъ видитъ его меткую стрѣльбу, замѣчаетъ о томъ своему секунданту, и падаетъ мертвый отъ руки негодая; Русскій Офицеръ, который, гуляя въ Пештѣ съ однимъ Австрійскимъ Офицеромъ, и встрѣтившись съ бывшимъ раненымъ гонведомъ, ⁵² просившимъ, о помощи, тотчасъ радушно подаетъ ему милостыню, а Австрійскаго Офицера, обругав-

⁵² Honvéd — Мадьярскій ополченецъ 1848 г. В. Л.

шаго просителя собакою, отталкиваетъ отъ себя съ презрѣніемъ: вотъ примѣры, которые можно бы утысячерить. Покоренные Славянами никогда не были обращаемы въ рабство, и не обращены и теперъ. Далекіе отъ той жестокой доли, которая повергла насъ въ рабство иностранцамъ, инородцы у Славянъ сохранили свои нравы и обычаи, свой языкъ и Вѣру. Русскіе покореннымъ ими народамъ насильственно не навязывали своей Вѣры и языка. Скорѣе даже Русское Правительство поставило себѣ задачею оставлять различныя, подчиненныя имъ, народности при ихъ обычаяхъ, само заботилось и постоянно заботится объ изданіи церковныхъ и учебныхъ книгъ на языкахъ этѣхъ инородцевъ. Русскій человѣкъ, мимо какой бы церкви ни проходилъ, всегда почтительно снимаетъ шапку. Къ намъ, Славянамъ, не выказало такой попечительности ни одно Правительство. Насъ католичили, нѣмечили, мадьярили, итальянили, — все безъ разбору. Нѣмцы на Сѣверѣ совершали съ нашими предками самыя ужасныя жестокости, и еще долго продолжался обычай, по которому каждый, желавшій поступить въ цехъ, или школу, долженъ былъ отречься отъ своего Славянскаго происхожденія.⁵³ Что Австрійское Правительство въ Чехіи и Моравіи дѣлало нѣкогда, и дѣлаетъ теперь, со всѣми Славянскими племенами, какъ погрѣшили противъ Славянъ Мадыры, это извѣстно всѣмъ.

Далѣе свѣдѣтельствуя о иностранныхъ извѣстіяхъ о нашихъ предкахъ, что въ ихъ общинахъ не было бѣдныхъ и нищихъ, ибо въ древности у всѣхъ нашихъ племенъ были такія же поземельныя общины, какія теперъ существуютъ въ Россіи, Сербіи, Черной Горѣ и у Болгаръ. Въ этѣхъ чисто Славянскихъ общинахъ земля принадлежитъ всѣмъ сообща, или собственно общинѣ, она даетъ каждому хозяину равный участокъ, и по его смерти беретъ себѣ землю назадъ. Совершеннолѣтніе сыновья получаютъ также участки отъ общины, и сколько совершеннолѣтнихъ сыновей у отца, столько и получаетъ онъ поземельныхъ участковъ. Такимъ образомъ община заботится обо всѣхъ, и своимъ превосходнымъ, устрой-

⁵³ Это же правило было примѣнено нашими Прибалтійскими Нѣмцами къ Латышамъ в Эстамъ. См. превосходное изслѣдованіе Ю. Э. Самарина: Общественное устройство города Риги. Изслѣдованіе Ревизіонной Коммиссіи, назначенной Министертвомъ Внутреннихъ Дѣлъ 1843 — 1848 г. С.-Петербургъ 1852 т. I (2-го и не было). В. Л

ствомъ дѣлаетъ невозможною бѣдность. Такимъ образомъ земля не дробится, не отходитъ по наслѣдству, но остается у общины, которая и есть ея правомѣрный собственникъ. Это прадавнее Славянское учрежденіе уступило чужому вліянію въ Западныхъ Славянскихъ земляхъ и замѣнилось другимъ, столько же благотѣльнымъ и почтительнымъ къ единству семьи и общины учрежденіемъ. Семейная поземельная собственность была объявлена неделимою и неотъемлемою. Семья, какъ бы ни была она многочисленна, не могла ее дѣлить, или уменьшать, ни завѣщаніемъ, ни продажей, и земля, если даже и увеличенная, всегда оставалась въ одномъ же родѣ, подъ управленіемъ старшаго въ семьѣ. Если это учрежденіе каждому совершеннолѣтнему и не давало участія въ поземельномъ владѣніи, то за то охраненіемъ семейной собственности каждому обеспечивало участіе въ общемъ доходѣ, каждое лицо ставило подъ защиту всей семьи, и такимъ образомъ избавляло его отъ большой бѣдности, отъ нынѣшняго Западно-Европейскаго, такъ называемаго, павперизма или пролетаріата (нищенства). Попеченія о больныхъ, безпомощныхъ и вообще постигнутыхъ какимъ бы то ни было несчастьемъ, лежали священнымъ долгомъ на семьяхъ Славянскихъ, а гдѣ средства семьи были недостаточны, тамъ являлись на помощь общины; ибо, по Славянскому воззрѣнію, община есть распространенная семья. Гдѣ Славянскій духъ не изгнанъ изъ собственной земли и не отчуждился совѣтъ, тамъ живетъ еще древній, прекрасный обычай—съ любовью заботиться о больныхъ и бѣдныхъ въ общинѣ. Тамъ каждый подаетъ имъ свой даръ, въ облегченіе ихъ печальной судьбы, радуясь своему доброму дѣлу. Больнымъ посылаются изъ домовъ кушанья и лѣкарства, бѣднымъ радушно подаются милостыни. Героическій Сербъ съ восторгомъ слушаетъ своихъ свѣпцовъ гусларовъ, и щедро ихъ вознаграждаетъ. Какъ глубоко проникнуто Славянское сердце любовью къ человѣку, видно изъ поведенія Русскаго войска въ послѣдніе походы. Этѣ мужественные люди всѣмъ встрѣчнымъ бѣднякамъ раздавали, безъ всякой, съ ихъ стороны, просьбы все, что у нихъ было съѣстнаго, съ особенною любовью ухаживали за сиротами дѣтьми и многихъ изъ нихъ увели съ собою домой. Отсюда распространяется Поляками молва объ уводѣ Русскими дѣтей изъ Варшавы, по усмиреніи Польскаго мятежа. Русскіе Офицеры, наказавъ, по

военной необходимости, деревни, нападавшия на войска съ тыла, полными руками бросали деньги несчастнымъ, доведеннымъ до отчаянія, Мадырамъ. Московскіе купцы кидаются къ кибиткамъ съ Поляками, ссылаемыми въ Сибирь, и дарятъ имъ на долгій, тяжелый путь одежду, денегъ и прощаются съ ними съ состраданіемъ. И самъ Царь, строго карая Государственныхъ преступниковъ, всегда поступаетъ челоуѣколюбиво и великодушно съ ихъ несчастными невинными родственниками. Отцу Пестеля онъ даритъ сумму, достаточную на всю его жизнь, а вдовѣ Рыльева назначаетъ пожизненную пенсію. Съ сознаніемъ такого образа мыслей, Рыльевъ говоритъ въ своемъ стихотвореніи, написанномъ въ казематѣ, за нѣсколько часовъ до его казни, что онъ умираетъ заслуженною имъ смертію, какъ виновный въ покушеніи противъ Государства и Царя, но что его жена и дѣти невинны и заслуживаютъ иной доли, и онъ совѣтуетъ своей женѣ и дѣтямъ прямо обратиться къ Царю, «который умѣетъ карать подвергшихся строгости закона и сострадать невиннымъ.» Царь не дожидается просьбы и поступаетъ, по собственному произволенію, по движенію своего сердца. Костюшко, герой Польши, паденіи своей родины, удаляется въ Швейцарію: одинокій, печальный изгнанникъ, подаетъ все, что можетъ, каждому, являющемуся къ нему бѣдняку: его верховая лошадь во время прогулки по привычкѣ останавливается передъ каждымъ проходящимъ, такъ какъ онъ подаетъ милостыню каждому встрѣчному нищему. Этѣ примѣры говорятъ о Славянской любви къ ближнему. Духъ народа всего яснѣе выражается въ его замѣчательныхъ людяхъ. Но къ чему отдѣльные случаи? Весь нашъ міръ такъ думаетъ, такъ дѣйствуетъ, съ другомъ и недругомъ, безъ различія, и во всѣхъ нашихъ пѣсняхъ вѣетъ этѣмъ духомъ. Славянское начало равноправности членовъ семейства и общины, даже и по искаженіи его подъ чужимъ вліяніемъ, на столько сохранилось, что всѣ прямые наследники удержали равное участіе въ отцовскомъ имѣніи; даже младшій братъ, какъ слабѣйшій, имѣетъ, по закону, преимущество; такимъ образомъ совершенная противоположность иерарату. Между тѣмъ, какъ равноправность совершеннолѣтнихъ въ семьѣ и жителей въ общинѣ составляетъ рѣзкую черту Славянскаго духа, занятіе земель совершается размноженіемъ, или переселеніемъ, племенъ, а не захватами и завоеваніями на счетъ дру-

гихъ, Государственный же союзъ беретъ свое начало въ потребности защиты, а не нападенія, и въ слѣдствіе этого возникаетъ Дворянство, хотя и изъ внѣшняго толчка, но подѣ содѣйствіемъ народнаго духа. По этому всѣ дѣла общины¹ необходимо рѣшаются въ общемъ совѣщаніи всѣхъ равноправныхъ лицъ, подѣ руководствомъ почетнѣйшихъ, или свободно избранныхъ, старшинъ; округи же или Древне-Славянскія жупы, которыя суть не что иное, какъ распространенныя общины, управляются сходомъ всѣхъ общинъ съ выборными чиновниками. Раздача извѣстнымъ лицамъ поземельныхъ владѣній, трудомъ приобрѣтенныхъ семьями, или общинами, откуда бы ни шло это обыкновеніе, но все же это феодальное право противно Славянскому духу, и всякая личная подчиненность или крѣпостная зависимость есть позорное безобразіе у нашихъ племенъ. Верховный глава ихъ считается лишь старшиною и обязанъ вести всѣ общественныя дѣла съ совѣта племенныхъ старшинъ, думы, и даже нерѣдко съ соображеніемъ мнѣній всѣхъ общинъ и округовъ. Дворянству же свойственно совершенно другое положеніе и значеніе, чѣмъ у другихъ племенъ. Во всѣхъ Славянскихъ земляхъ: въ Россіи, Сербіи, въ Турецкихъ областяхъ, Угріи, Хорватіи и т. д., общины пользуются самоуправленіемъ, подѣ руководствомъ выборныхъ старшинъ, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы, при соучастіи всѣхъ членовъ общинъ, распредѣлять, налагаемыя Государствомъ на отдѣльныя общины, подати и повинности, вездѣ соблюдать ихъ выгоду, сохранять порядокъ въ общинѣ и въ окрестности, разбирать и судить мелкія гражданскія тяжбы и преступленія. Гдѣ въ Славянскихъ земляхъ погибли такія общины, тамъ пала и Славянская жизнь. Жупы, если и не подѣ одинакимъ названіемъ, существовали во всѣхъ Славянскихъ, земляхъ. Онѣ были въ Чехіи, Польшѣ, Сербіи, въ Хорватіи, и въ Угріи онѣ пали въ послѣднія бури, а въ независимой Россіи по нынѣ сохранились ихъ остатки, ибо въ каждой Губерніи Дворянство имѣетъ свои собранія, на которыхъ выбираетъ своихъ Предводителей, древнихъ Жупановъ, даже Судей двухъ первыхъ инстанцій, Предсѣдателей этѣхъ судовъ и, сверхъ того, еще административно-полицейскихъ чиновниковъ въ Уѣздахъ. Кромѣ того, оно имѣетъ право повѣрки (контроля) въ денежныхъ дѣлахъ надъ назначаемыми отъ Правительства

Губернаторами. ⁵⁴ Въ городскихъ общинахъ купцы и мѣщане выбираютъ городскихъ Головъ и другія городскія власти. Во всѣхъ Славянскихъ земляхъ первоначально поземельное владѣніе было свободно, т. е., всѣ собственники были свободными, равноправными землевладѣльцами, и никогда въ древности не было у нихъ ненавистнаго крѣпостнаго состоянія, унижающаго человѣка и представляющаго его, какъ бы созданнаго для пользы и удовольствія другихъ. Такъ называемое Дворянское сословіе возникаетъ у насъ подъ вліяніемъ извнѣ, мало по малу принимаетъ на себя защиту страны отъ слѣдующихъ одно за другимъ, нападений иноземцевъ на наши племена, и, въ слѣдствіе усилившейся своей власти, начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на настоящій народъ, забираетъ въ свое владѣніе свободную прежнюю землю, а народъ обращаетъ въ крѣпостныхъ людей. Это стремленіе Дворянства было вызвано слабымъ положеніемъ Правительства, этѣмъ кореннымъ недостаткомъ Славянскихъ Государствъ, и потому было имъ узаконено. Впрочемъ, вообще говоря, положеніе крѣпостныхъ было довольно сносное, ибо народъ часто жилъ съ своими помѣщиками въ патриархальныхъ отношеніяхъ, почти на дружеской ногѣ. Помѣщикъ въ глазахъ народа заступалъ мѣсто племеннаго старшины, одинъ заботился о другихъ, даже былъ обычай и законъ, какъ и теперь въ Россіи, что Помѣщикъ во времена бѣдствій являлся на помощь своимъ людямъ, радости и горести были общія. Но когда Дворянство Славянскихъ земель ознакомилось съ Западно-Европейскими нравами и ввело въ свои дома Европейскую роскошь, тогда началось настоящее поработеніе бѣднаго народа. Для лучшаго обмана и для полученія съ народа наибольшей выгоды, Дворянство стало раздавать земли въ откупъ Евреямъ. И тогда стали безконечныя страданія и мученія народа. Это чужое, не связанное съ нашимъ народомъ ни какими семейными узами, племя, преднамѣренно отрицающее Христіанство и, слѣдовательно, всякую любовь къ ближнему, страшно хозяйничало у нашихъ племенъ, подобно пѣвкѣ безсовѣстно высасывало всѣ силы изъ бѣднаго народа въ пользу свою и Дворянъ; и при томъ развращало его всѣ-

⁵⁴ Подобныя ошибки Штура весьма извинительны въ человѣкѣ, никогда въ Россіи не бывавшемъ. Надо еще удивляться, какъ вѣрно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, онъ понималъ наши Русскія дѣла. В. Л.

возможными соблазнами, безъ сожалѣнія подвергало его, съ готовою помощію Дворянства, всякимъ имущественнымъ лишеніямъ. Отсюда, съ одной стороны, глубокое отвращеніе нашихъ племенъ къ этому безжалостному народу, а съ другой страшное отвращеніе и къ Дворянству, попиравшему такимъ образомъ народъ и отдавшему его въ руки безсовѣстныхъ торгашей. Да, Дворянство многихъ нашихъ племенъ, своимъ безобразнымъ обращеніемъ съ народомъ, совершило тяжкое преступленіе въ отношеніи къ Славянству, и по тому нечего удивляться, что глубокое къ нему отвращеніе во многихъ краяхъ разразилось страшными погромами. Отнавъ у Дворянства всѣ политическія права, Русское Правительство своимъ Самодержавіемъ оказало не одной Россіи, но и всему Славянству, услугу неизмѣримую, ибо не только предотвратило Русское Государство отъ распадѣнія, но и болѣе обезпечило крѣпостной народъ отъ безграничнаго произвола помѣщиковъ, спасло его отъ, возможной уже въ такомъ положеніи, нравственной испорченности. ⁵⁶ Въ Россіи и теперь еще, по имени и на дѣлѣ, существуетъ крѣпостное право, но оно значительно въ ней смягчено патріархальнымъ единствомъ, и, благодаря Правительственнымъ мѣрамъ противъ произвола Евреевъ и ихъ арендаторства, Русскій народъ не такъ разоренъ и испорченъ, какъ прежній крѣпостной народъ въ Польшѣ, Угріи и пр. Въ тѣхъ же Славянскихъ земляхъ, которыя счумѣли чище сохраниться, или, по своемъ освобожденіи, воскресили въ себѣ старыя начала, крѣпостное состояніе или не существовало вовсе, или пало подъ напоромъ народнаго духа. Въ всегда независимой Черногоріи не было и слѣда его; у вольныхъ геройскихъ Козаковъ оно было совершенно незнакомо до Екатерины II, и больно Славянскому сердцу, что оно было введено у нихъ насильственными мѣрами въ новѣйшее время и у мужественнаго народа былъ отнятъ его свѣжій видъ. ⁵⁷

⁵⁵ Это замѣчаніе, вѣрное и глубокое, приноситъ великую честь провѣщательности Штура. В. Л.

⁵⁶ Слава Богу, теперь уже не существуетъ. В. Л.

⁵⁷ Такъ думаютъ и многіе Русскіе, но, по счастью, добросовѣстная историческія изслѣдованія значительно видоизмѣняютъ и колеблютъ это установившееся мнѣніе. См. любопытное сочиненіе А. М. Лазаревскаго: Малороссійскіе Посполтыя крестьяне (1648 — 1783). Историко-юридическій очеркъ по архивнымъ источникамъ. Черниговъ 1866. «Захвативъ, говоритъ почтенный авторъ, поземельныя права въ свои руки. Старшина (Козацкая, подражавшая прежней Польско-Русской

Точно также, какъ иѣкогда у Козаковъ, нѣтъ крѣпостнаго права и въ нынѣшней Сербіи, гдѣ оно уничтожено закономъ. Но и въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно удержалось до нашихъ дней, не было и нѣтъ недостатка въ попыткахъ и въ благородныхъ усиліяхъ къ его уничтоженію. Въ прежней Польшѣ, извѣстной Конституціею 3 Мая, оно было объявлено уничтоженнымъ, по крайности, въ десятилѣтній срокъ; въ Россіи, въ царствованіе Императора Александра, многіе почтенные люди поднесли этому благодущному Государю адрессъ, съ многочисленными подписями, большею частью богатыхъ Помѣщиковъ, объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, и даже нѣкоторые Русскіе патриоты, повинувшись своему Славянскому чувству, изъ собственнаго влеченія отпустили на волю своихъ крѣпостныхъ людей.³⁰ Гдѣ и много ли такихъ примѣровъ на волнуемомъ свободою Западѣ? Благородный Александръ Ивановичъ Тургеневъ поставилъ себѣ задачею жизни отмѣну крѣпостнаго права въ Россіи, и съ желѣзнымъ трудомъ, съ Христіанскимъ благочестіемъ, въ теченіе цѣлой жизни жертвовалъ для того своимъ имуществомъ и состояніемъ. Онъ умеръ на службѣ страждущимъ братьямъ, оплаканный цѣлою Москвою, всею Россіею. Такимъ же стремленіемъ воодушевлено само Русское Правительство; ибо, какъ Правительство Славянское, оно чувствуетъ, въ какое тяжкое нравственное положеніе становится оно, при сохраненіи крѣпостнаго права, къ своему народу, Государству и къ цѣлому Славянству, и по тому ста-

Шляхтѣ) стала стремиться за тѣмъ къ отнятію у посполытыхъ права перехода, пользуясь которыми крестьяне могли противодѣйствовать общему стремленію Малороссійскихъ землевладѣльцевъ расширить свои права надъ крестьянами. Такое стремленіе, не представляя собою въ глазахъ Русскаго закона ни чего необыкновеннаго, мало по малу стало находить себѣ поддержку въ этомъ законѣ, такъ что къ концу XVIII в., съ изданіемъ Указовъ 10 Декабря, 1763 и 3 Мая, 1783 г., ни сколько, по видимому, не касавшихся существа юридическихъ отношеній Помѣщиковъ и крестьянъ, въ Малороссіи *de facto* и *de jure* образовалось полное крѣпостное право, какъ бы въ силу естественнаго порядка вещей, находившаго свою опору и свое оправданіе въ существовавшемъ уже обычномъ правѣ.» (стр. 2). В. Л.—Съ этѣмъ, однако, объясненіемъ нельзя, безъ большихъ оговорокъ и ограниченій, согласиться. Но не мѣсто здѣсь говорить о томъ. О. Б.

³⁰ См. Порошина: *Дворяне-благотворители*. Спб. 1856. В. Л. Кромѣ того см. «Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ,» 1858 г. кн. 2, V, стр. 183; 1859 кн. 3, V, стр. 43—58; 1860 кн. 1, V, стр. 65—74, кн. 2, V, стр. 195—227; 1861 кн. 2, V, стр. 59—139; кн. 3, V, стр. 98—176; 1862 кн. 2, V, 102—139; 1863 кн. 1, V, стр. 192; 1864 кн. 2, V, стр. 85—142, и пр. О. Б.

рается теперь, не только увеличеніемъ числа свободныхъ и, такъ называемыхъ, Государственныхъ крестьянъ, уменьшать количество крѣпостныхъ въ Россіи, но и издаетъ Указы, какъ, на пр., въ 1842 г., которыми оно поощряетъ и уполномочиваетъ Дворянство къ отиѣнѣ крѣпостнаго права заключеніемъ свободныхъ условій съ крѣпостными. Но скоро и въ Россіи придетъ конецъ крѣпостному праву. Къ этому стремятся лучшіе люди Русскаго народа, всѣ народы Славянскіе ненавидятъ его и ждутъ его отиѣны: земля вездѣ стала свободною до самыхъ Русскихъ границъ.⁵⁹

Дворянство, какъ мы видѣли, отличается у нашихъ племенъ отъ остальнаго народа, но лица этого сословія равны между собою, «равныя братья (gówni bracia),» какъ они себя называютъ. Въ Польшѣ, до ея паденія, не было ни какого различія между Дворянами, и Король имѣлъ лишь значеніе перваго между равными (prímus inter pares); только послѣ ея паденія введены были другими Правительствами Графскія и Княжескія титула. Въ Угріи точно также, какъ и въ Россіи, привились чуждыя Графскія и Княжескія титула; прежніе Русскіе Князья отчасти считали себя равными съ Царствующимъ Домомъ: многіе Княжескіе роды были наследственными Боярскими владѣтельными родами въ отдѣльныхъ Княжествахъ и были единственными Царскими Совѣтниками. Даже городскія сословія въ Россіи по закону почти равноправны съ Дворянствомъ, пользуются наравнѣ съ нимъ полнымъ правомъ владѣнія благопріобрѣтенымъ имѣніемъ, совершенно свободны въ распоряженіи, недвижимою собственностью, могутъ безъ особеннаго затрудненія открывать заводы и фабрики и покупать и продавать земли. При томъ равенствѣ, которое утвердилось у нашихъ племенъ между Дворянами, крайне нелѣпо подражаніе Западно-Европейскимъ выраженіямъ: «Благородный, Высокоблагородный, Высокородный»⁶⁰ и пр., ибо нашъ народъ; ни въ одномъ

⁵⁹ Этѣ строки могутъ служить лучшимъ мѣриломъ, какъ должны были измѣниться воззрѣнія Славянъ на Россію съ 19 Февраля, 1861 г. Крестьянское Положеніе выкусило всѣ ошибки нашей Дипломатіи съ 1815 г., и открыло новую эпоху не только во внутренней Русской жизни, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи къ міру Славянскому. Пора же намъ наконецъ сознать это и, такимъ образомъ, дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ совершившагося событія. В. Л.

⁶⁰ Въ самомъ дѣлѣ пора бы намъ, хоть изъ языка общежитія, вычеркнуть всѣ этѣ варварскія, не Русскія названія. Конечно, въ письмахъ мы употребляемъ

изъ своихъ племенъ не знаетъ подобныхъ Европейскихъ тонкостей, и по тому нашему языку этѣ выраженія незнакомы и даже противны. У Чеховъ, которые ближе всѣхъ другихъ нашихъ племенъ слѣдовали ходу Европейскаго образованія, уже рано утвердилось различіе высшаго и низшаго Дворянства. Но это единственное исключеніе изъ господствующаго въ Славянствѣ обычая. "Положеніе верховнаго главы въ народѣ у нашихъ племенъ вѣрно соотвѣтствуетъ духу общественныхъ учрежденій и составляетъ логическій изъ нихъ выводъ. Славяне вносятъ свою общину въ Государство, его верховный глава является имъ, какъ племенной старшина; они всѣ хотятъ принимать участіе въ общихъ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ, посредствомъ своихъ общинъ и округовъ, но и туда внося чувство, какъ въ жизни семейной и общинной, и тамъ, при обширнѣйшемъ поприщѣ дѣйствія, требуя удовлетворенія всѣхъ участниковъ, они, своими притязаніями и раздражаемымъ черезъ то самолюбіемъ, препятствуютъ всякому цѣльному и могущественному развитію Государства, и вездѣ, наконецъ, падаютъ съ нимъ, въ своемъ стремленіи къ общинной жизни. Конечно, прекрасно и вѣрно представленіе о Государствѣ, какъ о распространенной общинѣ и даже въ сущности семьѣ; мы дажеу бѣждены, что подобное стремленіе во Всемирной Исторіи не пропадетъ, и въ Славянахъ получить лишь опору и носителя; но, при той односторонности, которая въ этомъ отношеніи отличала наши племена, и при недостаткѣ Государственной выдержанности, это никогда не можетъ удасться. Такое воззрѣніе на Государство причинило великія потрясенія въ нашей исторической жизни, и наконецъ привело къ гибели большую часть нашихъ Государствъ; однако, при всей своей невѣрности, оно имѣетъ нѣкоторыя прекрасныя черты, которыя понынѣ высказываются въ отношеніяхъ нашихъ племенъ къ своимъ Государямъ. Глядя на нихъ, какъ на своихъ племенныхъ старшинъ, предводителей, они называютъ ихъ Господаремъ, или, какъ Русскіе своего Царя, Государемъ-

этѣ выраженія, не придавая имъ ни какого значенія. Правда, это мелочь, но и къ мелочамъ не извинительно равнодушіе, если онѣ идутъ изъ дурнаго источника. В. Л.

⁶¹ Это не вѣрно. У Сербовъ были Великіе и Малые Властели, у Поляковъ Паны и Шляхта. В. Л.

батьюшкой правда, и (нечего этого оспаривать) падаютъ ницъ передъ своимъ предводителемъ, приближаются къ нему съ особымъ почтеніемъ и уваженіемъ, съ довѣріемъ, но безъ всякой Западно-Европейской обрядности, или церковности. Имъ незнакома, столь прославляемая на Западѣ, аристократическая снисходительность, заученная искренность и, согласное съ придворными правилами, обращеніе высшихъ съ низшими, и по тому приемы и обращеніе по истинѣ искреннія и открытыя. Черногорскій, или Сербскій, Князь, являясь въ народное собраніе, обращается къ представителямъ съ привѣтомъ: «Братья!» И тотъ рѣшительно ошибается, кто обращеніе Русскаго Царя съ его подданными представляетъ себѣ по образцу Восточныхъ Деспотовъ, или Западно-Европейскихъ Династовъ. Могущественнѣйшій владыка земли, онъ, однако, не хвастается своею властью передъ своими подданными. Въ самыхъ оживленныхъ улицахъ Петербурга часто можно видѣть Царя на дрожкахъ, или саняхъ, въ одну лошадь, вступающаго въ разговоры съ людьми всѣхъ сословій, толкующаго нерѣдко съ простыми людьми о дѣлахъ Отечества. Эта простота, далекая отъ Западно-Европейскаго блеска и пустой болтовни, есть и должна оставаться украшеніемъ нашихъ Государей. Она свойственна нашей народности и представляется чѣмъ-то простонароднымъ (плебейскимъ) Западу, насквозь аристократическому и только изъ приличія (convention) снисходящему до человѣческаго. Мы, съ нашей стороны, ни мало не завидуемъ Западу въ его знатности и благородствѣ. При Государяхъ у всѣхъ нашихъ племенъ находится Совѣтъ, который въ рѣшеніяхъ Князя представляетъ постоянное пособіе округовъ и имѣетъ священное призваніе блюсти законъ. Прежніе Русскіе Бояре представляли въ Царской Думѣ отдѣльные округа и, такимъ образомъ, занимали въ ней мѣсто не по праву рожденія, были въ нее призываемы и уполномочиваемы не какъ *optimates regni* и *comites* во всѣхъ Германскихъ земляхъ, съ рѣшительнымъ невниманіемъ къ остальному народу, а по тому, что они стояли во главѣ отдѣльных частей. Въ Черногоріи и Сербіи сохранились этѣ первоначальныя Славянскія учрежденія, рѣшенія которыхъ тѣмъ болѣе связываютъ Государя, чѣмъ вѣрнѣе онъ своему назначенію. Сербскій Сенатъ состоитъ изъ числа членовъ, равнаго числу округовъ въ странѣ. Въ прежней Польшѣ и Хорватіи былъ точно также подобный Сенатъ.

Народъ, въ душѣ котораго такъ глубоко впечатлѣно уваженіе къ правамъ каждой личности, который, по первоначальному своему воззрѣнію, признаетъ общую равноправность, сердце котораго исполнено безразличной любви къ людямъ, который обладаетъ такою способностью самоуправленія, такой народъ можетъ быть только прямымъ, добрымъ, честнымъ народомъ, и такимъ былъ нашъ народъ вездѣ, и теперь остался такимъ же тамъ, гдѣ онъ сберегъ себя отъ господства иноплемениковъ, или по, крайности, если и поддался имъ, сумѣлъ найти себѣ убѣжище для своей жизни въ своихъ общинахъ и городскомъ управленіи (муниципаліяхъ). Ясно, что онъ не могъ благодушно относиться къ своимъ угнетателямъ, старавшимся объ ихъ матеріальномъ и духовномъ порабощеніи, даже объ ихъ искорененіи. И нечему удивляться, что Нѣмцы, съ древнѣйшихъ временъ, и особенно въ новѣйшее, обыкновенно насъ называютъ людьми злыми, коварными, подслуживающимися и вообще приписываютъ намъ все худое. Величаясь одержаною однажды надъ нами побѣдою, они свалили на наши головы все злое и презрѣнное, нѣкоторымъ нашимъ племенамъ приготовили долгую, мучительную смерть, послѣ нашихъ пораженій ворвались въ святыню нашихъ храмовъ, нашихъ общинъ и семействъ, лукаво въ нихъ утвердились, потоптали ногами наши права и опозорили и осмѣяли все наше существованіе. Нѣмцы были и суть наши угнетатели, гдѣ только было можно; пусть же они не удивляются, что наши племена отвѣчаютъ имъ иными, чѣмъ обыкновенными, своими чувствами. Признается же Фальмерајеръ, въ мѣсячныхъ прибавленіяхъ ко «Всеобщей Газетѣ» (Апрѣля 1845), что все наше, даже добрая наша стороны: наше трудолюбіе, терпѣніе и проч., было и теперь ненавистно Нѣмцамъ; что, въ слѣдствіе той ненависти, они не щадили даже жизни нашей и вездѣ налагали на нее руку, чтобы насъ въ конецъ истребить. Итакъ пусть же онъ и его сотоварищи поймутъ наконецъ, что они, съ такими желаніями и дѣлами, не посѣяли въ насъ ни какой къ себѣ любви. Ненависть порождаетъ ненависть, и съ нашей стороны, гдѣ только ни живутъ наши племена, гдѣ только ни есть кто изъ насъ, отъ Рудныхъ горъ до Берингова пролива и отъ Балканъ до Бѣлаго моря, она также искренна, какъ ненависть Г. Фальмерајера и его Нѣмцевъ къ намъ. Силою принуждали наши племена принимать навязанныя имъ Нѣмцами мѣтнія, а это

наиболѣе горько Славянскому сердцу, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, въ слѣдствіе постоянныхъ мученій и дресировокъ, дѣйствительно наконецъ всовали въ себя такого рода миѣнія, какъ, на пр., провинились въ этомъ Чехи, которые послѣ Бѣлогорской битвы лишились своей Конституціи, своего общиннаго устройства, своей Вѣры, съ одной стороны достались въ руки наглой и безсердой Нѣмецко-Австрійской бюрократіи, а съ другой были опутаны уже одичавшимъ тогда Католичествомъ и, его рабами и клеветами, Езуитами. Какимъ высокимъ, благороднымъ образомъ мыслей отличаются Чехи до этого погрома въ своихъ сочиненіяхъ, учрежденіяхъ и подвигахъ, а теперь видѣрились въ нихъ какая неискренность, непрямота въ обращеніи, какое самохвальство своею малостью, и къ тому еще, о позоръ! какой изъ Чехіи образовался питомникъ для гнусной тайной Австрійской полиціи! Вотъ по чему Чехи нелюбимы у другихъ Славянъ, а нѣкоторымъ, какъ, напр., Полякамъ, стали даже ненавистны. Послѣдніе узнали ихъ въ новѣйшее время, какъ работниковъ противнаго имъ Нѣмецко-Австрійскаго хозяйства, какъ орудія бюрократіи и тайной полиціи. И вотъ по чему лучшіе Чехи такъ хорошо себя чувствуютъ, какъ бы на родинѣ, среди другихъ Славянъ. Мы увѣрены, Чехія стряхнетъ съ себя этѣ иноземные дары, всю грязь и эту благодать Нѣмецко-Австрійскаго Правленія, конечно, только не тѣмъ путемъ, на который она вступила, такъ называемымъ либеральнымъ, Западно-Европейскимъ, путемъ нелѣпыхъ теорій, не путемъ Австрійскимъ, а тѣмъ, на который собираются вступить всѣ прочія племена, словомъ, путемъ Славянства. По скольку дѣлаемый намъ Нѣмецкими либералами упрекъ въ холопствѣ идетъ къ общему нашему свойству, объ этомъ можетъ судить каждый здравомыслящій. Мы вообще крѣпко привязаны къ нашимъ Государямъ, не изъ условной (conventioneller), такъ называемой, рыцарской вѣрности, которая, правда, и не удержалась въ наше время, но насъ влечетъ непреоборимое стремленіе къ тому, въ чьемъ лицѣ наглядно представляется то цѣлое, къ которому мы принадлежимъ. Не только изъ политическихъ разсчетовъ, какъ то хотятъ доказать наши противники, и не только изъ ненависти къ угнетателямъ, поднялись Славяне въ послѣднія смуты на защиту, всѣми оставленной и въ самой себѣ отчаввавшейся, Австріи, но Славянскія племена въ Австріи скорѣе для того взяли за оружіе, что-

бы освободить Австрійскаго Государя отъ грозившей опасности. И по истинѣ, не ихъ вина, если этѣ чувства уступили мѣсто совершенно другому убѣжденію, послѣ испытаннаго ими обращенія, этой чисто Нѣмецкой награды.

Въ Россіи привязанъ народъ къ своему Царю, Государю съ безконечною любовью и одушевленіемъ, выказываетъ ему всечеловѣческое уваженіе и почетъ, и да сохранятся они всегда съ тою же искренностию и свѣжестью! Народъ повинуется Царямъ съ радостью, въ убѣжденіи, что его Цари не могутъ ему желать ни чего злаго, съ готовностью приносятъ ему величайшія жертвы, но во всемъ этомъ ни одинъ разумный человѣкъ не примѣтилъ ни какой черты холопства. Да, враги наши желали бы, чтобъ, при существующемъ между нами раздѣленіи, мы сохранили нашу слабость, и даже блистали бы еще слабѣе, для того, чтобъ освободиться имъ отъ страха, который уже проникъ въ ихъ сердца, и даже чтобы, можетъ быть, совершить еще новыя завоеванія на нашей области; ибо извѣстно, что у Нѣмцевъ раздѣлъ Польши считается дальнѣйшимъ проникновеніемъ Нѣмщины въ Славянскую землю. При этомъ нельзя глубоко не жалѣть, что есть даже нѣкоторые Славяне, на пр., Чехи, которые, обманутые ложными Западными либеральными воззрѣніями, въ своихъ сужденіяхъ о нашемъ Славянскомъ мирѣ, совершенно руководятся мнѣніями Запада и глядятъ на себя сквозь чужіе очки. Довольно послужено нами чужимъ, пора во всѣхъ и каждомъ отношеніи пожелать быть самостоятельными! Холопство это то, когда отдаются волѣ другого изъ за почета, изъ за выгоды; это то, когда изъ за мелкихъ, жалкихъ расчетовъ, позволяютъ себѣ дѣлаться орудіями, на пр., тайными полицейскими орудіями противъ своего народа, противъ своихъ соплеменниковъ и наконецъ противъ какого бы то ни было народа. Но то не подлость и не холопство, что Русскіе высоко чтятъ своего Государя, для общаго блага подвергаются величайшей строгости, приносятъ величайшія пожертвованія. Такимъ только образомъ бываютъ народы велики и могущественны. И въ другихъ отношеніяхъ Русскій народъ слишкомъ далекъ отъ холопства. Подлыхъ народовъ не ждетъ великое будущее, а его пророчитъ Россіи даже самъ пристрастный и живой Кюстинъ. Напротивъ того, Русскій народъ

вездѣ, гдѣ онъ не чувствуетъ злыхъ умысловъ, подобно Сербамъ и другимъ нашимъ племенамъ, прямодушень, честень и откровенень. Какъ видно изъ правительственныхъ извѣстій, притѣснители народа за свои преступленія получаютъ достойное наказаніе.

Сужденію иностранцевъ, обвинявшихъ насъ въ холопствѣ, не мало способствовало собственное дорогое наше качество, скромность и смиреніе, этѣ прекраснѣйшія добродѣтели, когда бывають соединены съ силою и самопожертвованіемъ. Обыкновенное явленіе: пустые люди надмѣваются и высоко поднимають голову, для того, чтобы прикрыть собственное ничтожество, между тѣмъ какъ человекъ, сознающій свою силу и достоинство, бѣжитъ похвалъ толпы. Славянскій народъ обладаетъ также силою, къ сознанію которой онъ еще не воплнѣ пришелъ; къ скромности же и смиренію онъ чувствуетъ внутреннее влеченіе. Гдѣ чище сохранился его бытъ, или, другими словами, гдѣ не утратилъ онъ своей самостоятельности, тамъ всего чище выказываются этѣ наследственные его добродѣтели. Если кто изъ Славянъ имѣетъ право на гордость, то это, конечно, Русскіе, но они—совершенная тому противоположность. Они не величаются передъ міромъ, какъ Англичане, своимъ могуществомъ, богатствомъ и почетомъ; напротивъ, изъ обращенія съ ними вы скорѣе готовы думать, что у нихъ совсѣмъ не то на родинѣ. Явленіе могущественнаго Царя среди его народа всегда просто и скромно. А Русскіе Полководцы, могучіе побѣдители сильныхъ враговъ, оказывали непріятелямъ огромныя услуги, даже спасали ихъ Государства: такъ Суворовъ, Дохтуровъ, Ермоловъ, Паскевичъ, какъ они просто себя вели, не возбуждая ни чьего вниманія! Разбивши Мадьяръ и спасши на этотъ разъ Австрію, Паскевичъ съ поля битвы кратчайшимъ путемъ увѣзжаетъ въ Варшаву, а Гайнау, который съ безстыднымъ нахальствомъ, по привычкѣ Австріецевъ, приписалъ себѣ побѣду надъ Мадьярами, хотя всему міру извѣстно, что Русскимъ онъ далъ очень незначительное пособіе, лишилъ бодрости Австрійскую армію и едва дерзалъ выступать противъ Мадьяръ, послѣ своихъ выдуманныхъ побѣдъ, Гайнау отправляется въ путешествіе по Европѣ, чтобы порисоваться побѣдителемъ Мадьяръ и собрать лавровые вѣнки, и только въ Англій ему не посчастливилось. Виновникъ великаго Московскаго пожара, Рас-

топчинъ, за этотъ подвигъ оглашенный въ Европѣ варваромъ, былъ высланъ, уступившимъ Западному міѣнію, Александромъ изъ Отчества, и явился въ Парижъ, когда міѣніе объ этомъ перемѣнилось, и этотъ подвигъ стали прославлять, какъ образъ самопожертванія. Тысячу разъ спрашиваемый въ Парижскихъ салонахъ, былъ ли онъ виновникомъ этого дивнаго самопожертванія, всегда во всѣхъ отвѣтахъ старался онъ отклонить отъ себя эту честь, и даже въ запискѣ о своей жизни, написанной, такъ сказать, по требованію публки, вмѣсто ожидаемыхъ подвиговъ, привелъ лишь нѣсколько мелочей изъ своей частной жизни. Непоспорченной душѣ Славянской въ высшей степени противно всякое величанье и важничанье. У нашихъ племенъ въ обычаѣ, по совершеніи добраго дѣла, хранить о немъ молчаніе. Явленіе Чеха Гуса въ Костницѣ достойно и величественно, но въ высшей степени скромно и совершенно не похоже на явленіе Лютера въ Вормсѣ. И именно эта сила, въ сочетаніи съ скромностью, строгость, соединенная съ добротою, есть тотъ идеалъ, къ которому отъ глубины души стремятся всѣ лучшіе люди Славянскаго міра, и чудною силою лучи его озаряютъ всѣ наши, даже погруженные въ бѣду и горе, племена. Божественные лучи, продолжайте сіять, и согрѣвайте человѣчество, чтобы оно стало наконецъ, чѣмъ быть должно, и чтобы человѣкъ былъ человекомъ! И это начало, въ образъ и дѣло перешедшее, есть та волшебная сила, которая чудно, неудержимо дѣйствуетъ на умы Славянъ, чаруетъ ихъ, привлекаетъ и привязываетъ и, когда это нужно, направляетъ во всѣ стороны, а люди, въ которыхъ она, эта сила, олицетворяется, становятся избранниками, духовными вождями нашего міра. Они владѣютъ тѣмъ чудеснымъ перстнемъ нашихъ народныхъ сказокъ, которыми заклинаютъ духовъ. Все имъ повинуется безъ противорѣчія, все слушается ихъ слова, всѣ съ радостью жертвуютъ для нихъ жизнью. Таковъ былъ Поликъ Кордецкій, простой монахъ изъ Ченстоховскаго монастыря, который осаждали Шведы съ неслыханными усиліями, и все таки его не взяли; таковъ былъ Суворовъ, мужъ желѣзной воли, самой скромной внѣшности, глубочайшей набожности и безконечной доброты, которому, при всей его строгости, всегда повиновались солдаты съ величайшею охотою, по одному его слову соперничали въ самопожертваніи, и вотъ онъ, послѣ славныхъ по-

бѣдъ удаляется въ свою скромную деревню, скрываясь отъ взоровъ современниковъ и обожавшихъ его соотечественниковъ. Такимъ былъ Ермоловъ, котораго одно имя разносило ужасъ въ горахъ Кавказа, ибо войска съ такимъ вождемъ казались непріятелю непобѣдимыми, на все готовыми. Къ нимъ достойно примыкаетъ простой, мужественный Сербъ Книстянинъ. Это начало живо въ сознаниі Русскаго народа, по его отношенію къ Царю, и заключаетъ въ себѣ тайну той безусловной преданности народа своимъ Царямъ, и того безиримѣрнаго самопожертвованія, къ которому онъ способенъ подъ ея внушеніямъ. Все возможно, думаетъ Русскій человекъ, ибо Царь это считаетъ возможнымъ и этого желаетъ. Русскіе, безъ всякаго сомнѣнія, взяли бы и никогда не сдававшееся Комарно (Коморнъ), ибо они считали это возможнымъ, принимали къ тому всѣ мѣры, и «Царь приказалъ,» говорили между собою солдаты. Но передъ этою побѣдою Русскихъ, Австрійцами овладѣлъ большій страхъ, чѣмъ передъ незавоеванными Комарномъ, и по тому они согласились на безпримѣрно мягкую сдачу гарнизона. Духъ Русскаго народа совершенно господствуетъ въ Русскомъ войскѣ. На службѣ, въ строю обращеніе необыкновенно строгое, а внѣ строя мягкое и благодушное. Тогда какъ Австрійскіе Офицеры обходились съ солдатами надменно и, при всей своей сдержанности, ругали солдатъ собаками, Русскіе съ своими людьми внѣ службы вообще обращались братски и дружески. Истинно жаль, что онѣмеченныя дѣти Славянъ въ Австрійскомъ войскѣ такъ выродились и отреклись отъ своей лучшей природы и приняли гадкіе нравы!

Этѣ отличительныя черты нашихъ племенъ повсюду встрѣчаются въ ихъ исторіи. Изъ Гуситства образовались въ послѣдствіи, такъ называемые, Чешскіе или Моравскіе Братья, которые поставили себѣ задачею введеніе чисто Христіанской жизни въ свои общины и храненіе въ своей средѣ строгихъ нравовъ. Они съ братскою любовью помогали другъ другу во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Безъ всякаго интереса, вовсе не изъ, такъ называемой, политики, по одной лишь просьбѣ Императора Леопольда, Польскій Король Собѣйскій снѣшится на помощь угрожаемому Христіанству, къ обложенной Турками Вѣнѣ, и спасаетъ Австрію отъ грозившей опасности. Холодно, спесиво принимаетъ

Австрійскій Императоръ скромнаго, набожнаго героя, и слегка ему кланяется въ станѣ, сяди на конѣ, а сына его, Якова, котораго отецъ представилъ ему съ словами: «Вотъ, Государь, мой сынъ, воспитанный на защиту Христїанства!» даже не удостоиваетъ взгляда. Освободители, Поляки, по недостатку въ сѣбѣстныхъ припасахъ, уходятъ во свояси съ большимъ затрудненіемъ. Какъ все это вѣрно повторилось съ Славянами почти черезъ двѣсти лѣтъ! Русскіе много терпѣли отъ Французовъ во время Наполеона, ибо они двинули на нихъ всю Европу; для своего спасенія они должны были рѣшиться на пожаръ своей славной, древней, величественной, дорогой для всей Россїи, столицы и подверглись многимъ другимъ бѣдствіямъ. Но когда Императоръ Александръ, во главѣ своего побѣдоноснаго войска, вступилъ въ Парижъ, а позже вошли и другіе Союзники, то Французами овладѣлъ страхъ, что Русскіе отомстятъ Французской столицѣ, и когда Союзники хотѣли уже предать ее разграбленію, Славянинъ Александръ являетъ миротворцемъ и не дастъ тронуть ни единой души.⁶² Да прославится за то въ нашемъ мірѣ твое имя, Государь Славянскій! Даже въ самыхъ кривыхъ направленіяхъ не измѣняютъ себѣ Славяне. Въ образованномъ передъ Польскою революціею тайномъ обществѣ въ Польшѣ и на Волыни, подъ названіемъ «Вольный Славянинъ», послѣ нѣсколькихъ религіозныхъ обрядовъ, каждому новопосвященному надѣвали на грудь образъ Богородицы, символъ всежертвующей любви, чтобы онъ во всю жизнь всегда его шлѣлъ передъ глазами. Таковы духъ и стремленія нашего міра, еще не достигшія полноты, это правда, но будущее должно ихъ повести къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію.

⁶² Генералъ-Адъютантъ Наполеона, Сегюръ, говоритъ, въ своемъ превосходномъ сочиненіи: «Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812.» t. II: «Les Russes parlent diversément de leur Général et de leur Empereur. Pour nous, comme ennemis, nous ne pouvons juger nos ennemis que par les faits. Or telles furent leurs paroles, et leurs actions y répondirent. Compagnons, rendons leur justice! Leur sacrifice a été complet, sans réserve, sans regrets tardifs. Depuis ils n'ont rien réclamé, même au milieu de la capitale ennemie, qu'ils ont préservée. Leur renommée en est restée grande et pure. Ils ont connu la vraie gloire; et quand une civilisation plus avancée aura pénétré dans tous leurs rangs, ce grand peuple aura son grand siècle et tiendra à son tour ce sceptre de gloire, qu'il semble, que les nations de la terre doivent se céder successivement.»

Внимательный наблюдатель замѣчаетъ у Славянъ такое духовное направленіе, въ силу коего, слѣдуя стремленіямъ своего духа, народъ нашъ признаетъ равноправность за каждую личность, не терпитъ ни какого, кромѣ духовнаго, преимущества, поступаетъ съ иностранцемъ, какъ съ своимъ, съ ближнимъ, принимаетъ его въ свой союзъ безъ всякихъ условій, даетъ спокойно жить и развиваться другимъ народамъ, покорившимся его власти, и самъ заботится объ ихъ благосостояніи, въ своемъ общинномъ строѣ признаетъ за всѣми равныя права на произведенія земли и труда человѣческаго, долгомъ считаетъ окружать попеченіями дѣятельной любви всѣхъ нуждающихся; наказывая виновныхъ, знаетъ милость къ раскаевающимся, скромный и смиренный въ могущество и въ самопожертвованіи, вообще во всемъ цѣнящій все человѣческое. Въ этомъ направленіи отражается вѣчный, неизмѣняемый и непреходящій законъ человѣчества, истинное Христіанство и его помазаніе, и народъ, сдѣлавшій задачей жизни вышеупомянутое общинное устройство и дѣйствительно имъ обладающій, почти рѣшилъ въ основоположеніи соціальные вопросы человѣчества. Такое направленіе духа и его проявленія, какъ всякому очевидно, есть стремленіе внутреннее. Тутъ нѣтъ ни чего, какъ на Западѣ, искусственно сдѣланнаго, или вызваннаго въ жизнь особыми ученіями, или нарочно для того устроенными обществами (Vereine), все это скорѣе самовольное изліяніе сердца. Этимъ направленіемъ отличался Славянскій народъ еще въ первоначальномъ, чисто естественномъ, быту. Но какъ же онъ подыметъ и разовьется, когда его идеалъ ясно предстанетъ его сознанію въ вислѣ принятомъ и понятомъ Христіанствѣ и станетъ полною правдою! Ни что тогда не будетъ въ силахъ помѣшать Славянству отдалить его отъ міроваго поприща, ибо съ нимъ будутъ Богъ и человѣчество, а кто противъ Бога и Великаго Новгорода? или, по Нѣмцки, кто противъ Бога и Славинства? Западъ искони цѣнилъ чѣловѣка только по его внѣшнему положенію: по имуществу, власти и богатству; правда, онъ боролся за отвлеченныя и безжизненныя свободу и равенство, но не осуществилъ ихъ. Онъ былъ способенъ внѣшне принять и понять Христіанство, но, въ силу своихъ природныхъ влеченій, былъ неспособенъ провести его въ жизнь. Себялюбомъ былъ Западъ всегда, а въ послѣднее время онъ опустился до самаго грубаго себялюбія.

Ваша свобода, ваши Конституціи, вашъ Коммунизмъ есть не что иное, какъ это самое себялюбіе. По этому самому и отпадаете вы отъ Христіанства. Вы умѣете только разрушать и раздѣлять, но вы безсильны созидать и объединять! Что у васъ искусственно, то у насъ природно. Да, Славянство есть естественная подкладка человѣческой, Христіанской идеи. И Славянство имѣетъ свою, вполне ему и его призванію соответствующую, Церковь, которая стоитъ, какъ особое духовное Царство, никогда не вступала въ борьбу съ Государствомъ за преобладаніе, не преслѣдовала вномыслящихъ, но была въ союзѣ съ Государствомъ и народами, не позволяла себѣ употреблять Вѣру для дурныхъ мірскихъ цѣлей, не повелѣвала властью, но старалась дѣйствовать любовью. Если считать Римскую Церковь власти Церковью Апостола Петра, а Протестантство—Церковью разумѣнія и ученія, Церковью Апостола Павла, то она была и есть Церковью третьяго великаго Апостола, Іоанна. Если дѣйствительно суждено Западу, какъ сдается по видимому, забыться и отпасть нѣкогда отъ Христіанства, то священнѣйшимъ долгомъ Славянъ будетъ возстановить, своимъ вліяніемъ, вѣчный крестъ и доставить ему окончательную побѣду. Не съ обращеніемъ Константина побѣдилъ Галилей, но эту лишь побѣдою исполнится изреченіе: «Vicisti tandem cum Slavia, Galilaea.»

Мы уже мысленно видимъ, съ одной стороны, сожалительное пожиманіе плечъ и смѣхъ, который при этѣхъ мысляхъ раздается на Западѣ, а съ другой слышимъ поднимающійся изъ за этого шумъ. Но все это насъ ни мало не смущаетъ. Кто могъ бы во времена Римлянъ предположить о грубыхъ Германцахъ, что они гораздо способнѣе высокообразованныхъ Римлянъ къ принятію и разумѣнію ученія Христа? И между тѣмъ было такъ! Знаемъ, что насъ на Западѣ упрекаютъ въ слабости, грубости, неспособности, въ недостаткѣ одушевленія, и по этому считаютъ насъ на вѣки приговоренными къ подчиненной роли во Всемирной Исторіи. Но Западъ не въ силахъ доказать это неодолимыми доводами. Прежде всего надо помнить, что Славянскій народъ, какъ таковой, еще не былъ обхваченъ высшею историческою жизнію, между тѣмъ какъ въ ней развивались и преемственно одинъ за другимъ слѣдовали прочіе народы, по времени болѣе способные. Но все имѣетъ свое время. Впрочемъ, мы не слѣвны къ слабостямъ и недостаткамъ нашего народа: еще въ началѣ труда нашего мы без-

пощадно обличали и карали главные его недостатки; знаемъ, сверхъ того, что доброе направленіе нашего народнаго духа, именно по тому, что оно природное, легко впадаетъ въ крайность, и что Славянская природа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ понынѣ колебалась между двумя крайностями, чѣмъ и объясняютъ противоположныя свѣдѣтельства писателей о нашихъ предкахъ; но навязываемая намъ иностранцами слабость вовсе не идетъ нашей природѣ. Правда, на нашихъ границахъ мы всѣ поодиначкѣ подпали власти иноплеменниковъ, но они противъ нашей обособленной защиты всегда почти выводили всѣ свои соединенныя силы. Но кто, однако, можетъ похвалиться, что имъ болѣе нашего удалось такъ много сохранить изъ своей народности въ столь продолжительное, въ высшей степени тяжкое, рабство? Эта упругость, свойственная нашей природѣ, конечно, есть также сила,⁶³ и только съ такимъ народомъ могъ удасться громадный опытъ Петра Великаго, не надорвавъ его жизненныхъ силъ. Только такой народъ, по природѣ своей наклонный къ малымъ, подвижнымъ Государственнымъ союзамъ, могъ строжайшимъ своимъ подчиненіемъ общей волѣ, предоставляемой однимъ лицамъ, доставить матеріалъ этому величественному зданію. Да, только съ этѣмъ, хотя по языку и онѣмеченнымъ, народомъ, могъ Фридрихъ Великій совершить свои чудесные подвиги, всегда сызнова начиная съ неодолимою силою и противясь почти цѣлой Европѣ. Не принимайте, подобно

⁶³ Этѣ черты признаютъ въ Славянахъ и безпристрастные иностранцы. Такъ Англичанинъ Брасъ говоритъ, въ своей книгѣ (Brace. The races of the old world. A manual of ethnology. London 1863): «They show even greater tenacity of character, and a toughness of nature, which causes them to survive all the conquests of which they were the victims. Their instinct of race, or of nationality, was as strong in the earliest times as it is now. In the peaceful arts, they were undoubtedly in advance of the Teutons, and there is reason to believe that the word plough (плугъ), as well as the knowledge of some portions of agriculture, came to the Germans from the Slavonians. From the fifth to the ninth centuries, while the Teutons held Western Germany, and the Slaves Eastern, it was observed that the latter country was by far the more peaceful and prosperous. The Slavonians showed no lack of courage and patient endurance, when called to fight, or to suffer for their rights, but their inclinations were always toward commerce and agriculture. It is their high honour, that in an age of servitude, they possessed no Slaves, and developed, even in that early time, an instructive example of communal self-government» (с. 81 — 82).

Австрійцамъ, терпѣнія нашего за слабосты! Тутъ всего легче обмануться. Древніе писатели единогласно прославляютъ безпримѣрную, непреклонную сносливость нашихъ предковъ во всякаго рода бѣдствіяхъ, ихъ хладнокровное перенесеніе всякаго несчастья, и новѣйшіе, какъ Сегюръ, повторыютъ и нынѣ то же самое. Дѣлаемые намъ упреки неудачны, какъ и толкованіе Профессора Лео общаго имени «Slawen» изъ Нѣмецкаго schlaff. «Даже общее свое имя должны мы были занять себѣ у Нѣмцевъ! Большею или меньшею грубостію запечатлѣнъ первоначальный бытъ каждаго народа, но жестокостей, подобныхъ тѣмъ, какія совершали Испанцы въ Америкѣ, Нѣмцы съ нашими предками, мы никогда не чинили, а Испанцы и Нѣмцы были ближе насъ географически къ источникамъ Классической и Христіанской образованности. Хотя, въ слѣдствіе географическаго положенія и духовной преемственности народовъ, мы еще не далеко ушли въ смыслѣ всемірно-историческомъ, однако мы ужь и не безъ заслугъ въ успѣхахъ духа и челоуѣчества. Чехъ Гусъ проложилъ дорогу Реформаціи и своимъ самопожертвованіемъ сдѣлалъ ее возможною; Полякъ Коперникъ открылъ гармонію вселенной; отъ Чеха Залужанскаго узналъ Линней о полахъ въ растительномъ царствѣ и проч.; все это, конечно, мало для нашего величія, но, съ другой стороны, мы защитили Европу отъ нашествія варваровъ, вмѣстѣ съ нею разбили Обровъ (Аваръ) и сами сокрушили могущество Монголовъ, Татаръ и Турокъ и, такимъ образомъ, обезпечили развитіе Европейской образованности. Во всякое время вдохновлялись мы великими идеями, и въ этомъ, конечно, отношеніи не превзойдетъ насъ ни одинъ народъ, ибо восторженіе Французовъ пылкое и переходящее, а наше медленное и сдержанное. Впрочемъ, по сіе время намъ недоставало одной идеи, которая бы одушевляла всѣ наши племена вмѣстѣ. Мы не увлекаемся, однако, отвлеченными, несо-

« Согласно съ этѣмъ и слѣдую Гефтеру, сочинитель новѣйшей Нѣмецкой Исторіи, Зугенгеймъ, представляетъ Славянъ вялыми и холодными, а Нѣмцевъ живыми и могучими: «Von Natur ebenso phlegmatisch und indolent, wie der Germane rührig und strebsam.» (Gesch. d. deutsch. Volkes u. seiner Kultur. Leipzig 1866, I, 381). Хорватъ, Сербъ, Словинецъ, Великорусъ—холодные, а Нѣмецъ—живъ, восприимчивъ и стремителенъ! Такъ пишутся историческія и народныя характеристики! И Нѣмцы увѣрены, что они единые хранители мудрости, а Славяне подвигать науку неспособны. На наши опроверженія они отвѣчаютъ только пожиманіемъ плечъ и замѣчаніемъ, что въ насъ нѣтъ научной предметности. В. Л.

держательными, идеями, какъ, на пр., завоеваніемъ Гроба Господня, и не наклонны къ изступленію. Но высокія человѣческія идеи согрѣваютъ нашу грудь и укрѣпляютъ нашу силу. Толпа Гуситовъ была непобѣдима и разбивала во множествѣ сраженій войска Крестоносцевъ половины Европы; шестнадцать тысячъ Поляковъ съ самоубійственною храбростію сдерживали, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, силы Союзниковъ, пока не было обезпечено отступление Французовъ, и съ какимъ самопожертвованіемъ и силою отразилъ Русскій народъ всю почти Европу, вторгшуюся въ его Отечество подъ предводительствомъ геніяльнѣйшаго полководца въ мірѣ? Не зима поразила и сокрушила Наполеона, ибо она настигла Французовъ, уже при отступленіи, въ Литвѣ, но сла и самопожертвованіе Русскихъ.

Но къ чему все это? Вы не признаете въ насъ воодушевленія, а сами его лишились; даже надъ этѣмъ одушевленіемъ человѣческою идеею вы посмѣиваетесь съ сожалѣніемъ; все вы измѣряете только пользою, доводами биржи; все, выходящее изъ этого круга, считаете за марево, суету и утопію. У васъ уже утвердилось проза жизни: такъ покойно и мирно наслаждайтесь ею! Но если мы такъ слабы въ вашихъ глазахъ, къ чему этѣ крики противъ Всеславянства (Цанславизма), при малѣйшемъ проявленіи Славянскаго духа? За чѣмъ овладѣваетъ вами тайный ужасъ, при малѣйшемъ передвиженіи Русскихъ войскъ? По чему не выказываете вы малѣйшей искры сочувствія къ нашимъ стремленіямъ и какой бы то ни было дѣятельности, какъ то дѣлаете съ другими, и враждуете ко всему нашему безъ различія? Сочувствіе къ себѣ возбуждаютъ слабые и единомышленники, но мы для васъ ни тѣ, ни другіе. Силу мы имѣемъ, а нынѣшнія ученія ваши, современная жизнь и стремленія, противны намъ. Магьары, на примѣръ, могутъ занскивать вашего сочувствія, но вы одни, а мы другіе, идемъ иною съ вами дорогою.

Но для возрожденія нашего, для занятія нами мѣста во Всемирной Исторіи, согласно съ нашими силами и дарованіями, мы должны разъ навсегда освободиться отъ невыносимаго чужаго ига и приобрѣсть себѣ государственную самостоятельность; ибо у народа, состоящаго въ рабствѣ, связаны руки, духъ его подавленъ, и онъ всегда подвергается опасности, рано или позд-

но, погибнуть. Сверхъ того, каждый народъ, съ утратою своей политической самостоятельности, терлетъ почетъ, и тотъ, кто всегда служить другимъ, безпомощенъ и безсилеиъ стряхнуть съ себя его, ни сколько не уважается другими народоправными личностями. Только самостоятельные народы, какъ и независимые люди, могутъ разсчитывать на общественное признаніе и уваженіе; а, какъ самостоятельность прежде всего нужна большинству Славянскихъ племенъ, то для насъ она вопросъ національнѣй, дѣло первой, рѣшительной важности. Нечего намъ говорить, какого о насъ мнѣнія были другіе народы, видя насъ во всѣхъ краяхъ въ служебномъ отношеніи къ иностранцамъ: Нѣмцамъ, Мадырамъ, Туркамъ и Итальянцамъ, не замѣчая въ насъ ни какого стремленія покончить съ такимъ положеніемъ. Иначе должно стать, и станеть въ ближайшемъ будущемъ. Но какимъ образомъ завоевать намъ себѣ самостоятельность, и какъ потомъ намъ сложиться? По современному положенію нашему, для достиженія этого есть троякая возможность, и господствующія объ этомъ мнѣнія у Славянъ слѣдуютъ тремъ различнымъ направленіямъ, въ пользу: 1) образованія соединенныхъ (федеративныхъ) Государствъ, 2) образованія изъ Австріи средоточія для всѣхъ Западныхъ и Южныхъ Славянскихъ племенъ, такъ чтобы Славянскій элементъ, какъ самый сильный въ ней, поднятый до высшаго Государственнаго значенія, существенно измѣнилъ это Государство, или, наконецъ, 3) присоединенія къ Россіи. Разберемъ же отдѣльно и безпристрастно всѣ этѣ предположенія и посмотримъ, которое изъ нихъ представляетъ наиболѣе вѣроятности успѣха, наиболѣе обезпечиваетъ благосостояніе и развитіе Славянъ и открываетъ свободный ходъ Исторіи.

При рѣчи о соединенныхъ (федеративныхъ) Государствахъ, осуществимыхъ только въ формѣ Республикъ, съ самаго начала надо оставить въ сторонѣ Россію и тѣ племена, которыя уже вошли въ ея составъ, или правнародно признали ея покровительство, или уже находятся подъ ея вліяніемъ въ такой степени, что ни политически, ни національно не могутъ отъ него отстраниться, слѣдовательно: большую часть Польши, такъ называемое, Царство Польское, Княжество Сербію, всѣ Славянскія племена въ Турціи — Болгаръ, Славянъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Албаніи и въ Черногоріи. Только безумецъ можетъ вообразить, что есть хотя глѣнь вѣроятія на утверженіе Республиканскаго образа правленія

въ Россіи и можетъ быть ей благопріятенъ. Но чего Россія не допуститъ внутри своихъ предѣловъ, тому она будетъ рѣшительно препятствовать и въ этѣхъ странахъ, подчиненныхъ ея вліянію. Если же исключить Россію и находящіяся подъ ея вліяніемъ земли, то получимъ: Чехію, Моравію, Лужицы, Силезію, Познань, область Словаковъ въ Сѣверной Угріи, Галицію, Словинцевъ въ Крайніѣ, Хорутаніи, Штирии, Истрии, Хорватію, Славонію и Далматію, Военную Границу и Сербское Воеводство. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на внѣшнія и внутреннія обстоятельства тѣхъ земель и тѣхъ племенъ, на ихъ взаимныя отношенія между собою и на ихъ отношенія къ другимъ народамъ.

Всѣ этѣ племена и земли находятся въ зависимомъ положеніи и, такимъ образомъ, должны завоевать себѣ свободу, всѣ они внутри раздѣлены враждебными стихіями на два противоположныхъ стана, поражены въ своей дѣятельности и необезпечены въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Чехія, на свои три милліона Чеховъ, имѣетъ болѣе милліона Нѣмцевъ; Моравія, на свои два милліона Славянъ, болѣе полумилліона Нѣмцевъ; Лужицы имѣютъ только 142,000 Славянскихъ жителей, остальные онѣмечены; въ Прусской и Австрійской Силезіи на 2½ милліона жителей едва будетъ 1½ милліона Славянъ, а множество Нѣмцевъ и Евреевъ. Хотя область Словаковъ вообще чиста, но за то чрезвычайно ослаблена извнѣ идущимъ Мадьярскимъ вліяніемъ и значительнымъ числомъ своихъ отщепенцевъ. Славянское населеніе Галиціи, состоящее почти изъ 4½ милліоновъ душъ, раздѣляется на двѣ враждебныя стороны, Русскихъ и Поляковъ. Это раздѣленіе, въ слѣдствіе послѣдняго переворота (1846), стало почти неизлѣчимымъ. Сверхъ того, Галиція была наводнена въ послѣднее время Нѣмцами, и уже прежде Евреями. Всѣ этѣ обстоятельства почти совершенно парализуютъ ея дѣятельныя силы. Славянское племя въ Крайніѣ, Хорутаніи, Штирии, Истрии, состоящее изъ 1 милліона 200 тысячъ душъ, перемѣшано съ Нѣмцами и Итальянцами, въ Хорватіи и Славоніи число Славянъ не доходитъ до милліона и, въ городахъ особенно, не совершенно свободно отъ Нѣмцевъ и также не совсѣмъ независимо отъ Мадьярскаго вліянія. Далматія, съ своимъ небольшимъ населеніемъ, около 400,000 душъ, имѣетъ много Итальянцевъ въ городахъ. Военная Граница считаетъ въ своемъ милліонномъ населеніи Нѣмцевъ и Румунъ. Сербское Воеводство въ

томъ видѣ, какъ оно теперь существуетъ, плодъ нѣжной Австрійской попечительности, въ силу начала равноправности, наполнено, благодаря его учредителямъ, Нѣмцами и Мадьярами.

При томъ надо также обращать вниманіе на то, что главнѣйшіе города въ земляхъ Славянскихъ, гдѣ бы должна быть сосредоточена сила народонаселенія, по большей части, хотя и не вездѣ въ одинаковомъ объемѣ, заняты инородцами; такъ, на примѣръ, главные города Моравіи, Берно (Брюнь) и Оломуць, почти совершенно достались Нѣмцамъ; наконецъ въ Лужицахъ и въ Силезіи, гдѣ города совершенно Нѣмецкіе, также въ Хорутаніи, Штирії, Истрии и, какъ мы уже упоминали, въ Далматіи Итальянскіе. Въ Чешской столицѣ, Прагѣ, также довольно много Нѣмцевъ; въ главномъ городѣ Познани число ихъ почти ежедневно возрастаетъ, благодаря усиліямъ Прусскаго Правительства; города Словенскіе (Словаковъ) также не совершенно отъ нихъ свободны, и также не вовсе ихъ чужды города Галиціи, Крайны, Хорватіи, Славоніи, даже Воеводства. Этѣ иноземные пришельцы вредно дѣйствуютъ на нашу народную жизнь и дѣятельность, и не только положительнымъ противодѣйствіемъ нашимъ стремленіямъ, но и страдательнымъ къ нему отношеніемъ, которое отымаетъ у насъ значительнѣйшую часть матеріальныхъ средствъ, скопляемыхъ въ иностранные капиталы. Чешскіе Нѣмцы, во время послѣдняго движенія, намѣревались примкнуть къ Франкфурту, "а Нѣмцы въ Прагѣ хотя и были обузданы, какъ слѣдуетъ, при Чешскомъ движеніи, ни чего, однако, не дѣлали въ бесполезное и бессмысленное, надо сказать правду, Іюньское возстаніе. Нѣмцы въ Моравіи, Силезіи, Крайнѣ, Хорутаніи, Штирії и даже отчасти Чехіи, посылали депутатовъ во Франкфуртскій Парламентъ, хотѣли привести наши племена совершенно подъ власть Нѣмцевъ. Моравскіе и Силезскіе Нѣмцы, по мѣрѣ силъ, преслѣдовали каждаго образованнаго Славянина; Лужичане и безъ того уже совершенно подпали Нѣмцамъ. Познанскіе Нѣмцы старались во всѣхъ отношеніяхъ вредить тамошнему Польскому движенію, хватаемыхъ Поляковъ оскорбляли и даже истязали. Нѣмцы въ Галиціи возстановляли Русскихъ

⁶⁵ То же самое стремленіе Нѣмцевъ въ Австріи замѣчаемъ и въ наше время, стремленіе къ постепенному оиѣмеченію прочихъ, а въ крайности и къ присоединенію со всѣмъ, что ни есть въ ихъ рукахъ, къ своему *Gesamt-Vaterland*. В. Л.

противъ Поляковъ, народъ противъ Дворянства. Нѣмцы въ Славоніи и Воеводствѣ держали сторожу Мадьяръ, точно также и въ области Словаковъ. Въ Хорватіи Нѣмцы въ новѣйшее движеніе еще укрѣпили народъ Хорватскій въ его бездѣятельности и сонливости, а Итальянцы въ Истріи и Далматіи рѣшительно противоудѣйствовали соединенію Далматіи съ Хорватіею. Что было причиною столь неправильнаго хода и столь неуспѣшнаго и печальнаго окончанія послѣднихъ новѣйшихъ движеній въ Славянскихъ Австрійскихъ земляхъ? Кромѣ незрѣлости племень, главнѣйшая все таки вина въ этомъ отношеніи падаетъ на, развѣдающую нашу народную жизнь, чуждую стихію, и особенно на Нѣмцевъ.

Нельзя также оставлять безъ вниманія и религіознаго разнообразія этѣхъ племень. Хотя большинство ихъ принадлежитъ къ Католичеству, однако и Протестантство, а особенно Греко-Славянская Церковь, имѣетъ очень много приверженцевъ. Все это стѣснительно дѣйствуетъ на ихъ предпріятія и даже не мало поселяетъ между ними раздоровъ. Въ Чехіи, кажется, подъ видомъ Протестанства, намѣрено распространиться старое Гуситство, хотя по нынѣ это ни сколько не мѣшало развитію народности. Въ Словенской Землѣ забитую Католическую часть населенія возбуждали Мадьярскіе двигатели противъ возникшаго народнаго движенія въ населеніи Протестантскомъ. Русскіе въ Галиціи хотя и присоединены къ Уніи, однако они не настоящіе Католики и ихъ религіозное отлічіе отъ Поляковъ не мало способствовало ихъ взаимному ожесточенію. Но вполнѣ дѣйствительно разновѣріе у Сербовъ; у нихъ каждый Вуневаць, или Шокаць, т. е., Сербъ-Католикъ, считается отщепенцемъ и измѣнникомъ своей народности. Въ новѣйшее Сербское движеніе, самое сильное изъ всѣхъ послѣднихъ Славянскихъ движеній (въ Австріи), Католическіе Сербы или свирѣпствовали противъ своихъ земляковъ, какъ пособники Мадьяръ, или, по крайности, равнодушно относились къ народному движенію.

Точно также надо принимать въ уваженіе и разность степеней развитія этѣхъ племень. У нѣкоторыхъ изъ нихъ народная жизнь совершенно не можетъ развиваться и подъ нынѣшнимъ политическимъ созвѣздіемъ обречена на печальное прозябаніе. Межь всѣхъ этѣхъ Славянъ національныя стремленія Чеховъ имѣли наиболѣе успѣха, но ихъ Дворянство, за немногими почтен-

ными исключеніями, держится въ сторонѣ отъ народа, по большей части инородческое: оно стало аристократическимъ, въ Западномъ смыслѣ, и почти пропало для Славянства, ненавистно народу за свое грубое, грязное себялюбіе. Что сдѣлало оно для народа въ новѣйшее время? Тогда ⁴⁵ какъ Дворянство Мадьярское такъ много жертвовало для своей народности, или собственно для ея господства, Чешское, котораго нельзя упрекнуть въ недостаткѣ богатства и Западно-Европейскаго образованія, довольствовалось нѣсколькими подачками на народное дѣло. Въ Познани передъ тамошнею попыткою къ возстанію быстро развернулась умственная дѣятельность, но послѣ ея неудачи все тамъ заснуло. Онѣмеченіе этой области быстро подвигается впередъ, ибо Прусское Правительство посылаетъ туда Нѣмецкихъ чиновниковъ, Нѣмецкихъ поселенцевъ, ссужаетъ деньгами желающихъ тамъ поселиться Нѣмцевъ, удивительно нѣмечить область своимъ ополченіемъ (ландверомъ) и вообще поощряетъ онѣмеченіе всѣми, зависящими отъ него, средствами. Въ Галиціи, благодаря соперничеству враждебныхъ племенъ и дѣйствіямъ Австрійскаго Правительства, его бюрократіи и полиціи, убита, послѣ революціи, всякая народная дѣятельность, хотя и прежде она не особенно процвѣтала. Ни Русскіе, ни Поляки не производятъ ни чего замѣчательнаго: у однихъ царитъ Австрійская бюрократія, у другихъ Польское легкомысліе и въ разнѣ идущія стремленія, и вообще эта страна представляетъ печальную картину. Въ Хорватіи издавна господствующее темное Католичество сдѣлало народъ умственно вялымъ и безчувственнымъ и глубоко его испортило. Тамъ все остается при однихъ попыткахъ, ни чего не удается, и лучшіе люди, при такомъ порядкѣ вещей, падаютъ духомъ и наконецъ, на равнѣ съ другими, вязнутъ въ тинѣ безстрастія и лѣни и пошлыхъ житейскихъ удовольствій. Демонстраціи, факельныя процессіи и балы, основаніе обществъ, покупки домовъ для народныхъ цѣлей, но за всѣмъ этѣмъ нѣтъ ни чего прочнаго. ⁴⁶ Еще меньше своей родной сестры, Хорватіи, имѣетъ

⁴⁵ Въ послѣдніе годы и между Чехами-аристократами стали появляться люди Славянскаго направленія, такъ, на пр., Графъ Гаррахъ. Въ его брошюрѣ: «Sprava Rakouska,» выражается большое сочувствіе къ Россіи. В. Л.

⁴⁶ На эту несерьезность Хорватскаго движенія мѣтко указывалъ одинъ изъ луч-

значеніе Славонія. Ни одно племя въ ней не преобладаетъ, и по тому нѣтъ въ ней ни какого опредѣленнаго направленія и, слѣдственно, ни какихъ стремленій, а лишь постоянное шатаніе безъ опредѣленной цѣли и безъ всякаго проявленія силъ. Въ Военной Границѣ, въ слѣдствіе военной Австрійской дисциплины, не можетъ развиваться ни какой умственной дѣятельности. Но много въ

шихъ Хорватскихъ поэтовъ, Антонъ Нѣмчищъ. Вотъ для примѣра одно изъ его стихотвореній: «Побратимому Илгиству»:

Руйногъ вина доста смо юрь яяли.
 И Хравтожимъ пудамъ угодили,
 Достъ пѣсама, братѣ, юрь смо нѣли,
 Многи цѣловъ дѣвойкамъ отели.
 Таштихъ овихъ, да ми Богъ опрости,
 Лакрдія било би веть дости;
 Све на свѣту има свое врѣме,
 Дуга раскошъ пропасти е сѣме.
 У разблуда опоено око
 Баци, брате, на поле широко
 Дичне нѣкадъ твоє домовине,
 Мотри славе тужне развалине.
 Мисли, што си, и што битъ би мого,
 Да би свое знао чувать строго; —
 Мисли; да ѣшь нѣ са свимъ каспо,
 Ако и нѣ башъ са свимъ ни ласно.
 Па тешъ устатъ, ако грудъ ти дира
 Крвь юначка Гробнички Илпра,
 Ти тешъ устатъ, бедеме разлупать,
 Коп ти прете прамъ свѣтлости ступать.
 Ти тешъ опетъ, тамо мени Бога
 И не имле сrete рода мога!
 На доматемъ пожгать жртвенику
 Отъ тудинца клету ловоряку!
 Нада ме е преварила многа,
 Алъ не згара за то духа мога;
 Ну ако ова кукавногъ ме рани,
 Некъ ме земля одмахъ и сахрапи,
 Алъ некъ тадаръ и тебъ, насладниче,
 Кон не слуша, како освѣта виче,
 Развѣжено срѣдъ несрамна шала
 Сгара срце пламъ Сардапанала.

(Pěsme Ant. Nĕmčiča. Zagreb 1851, str. 41 — 42.)

ней силы, мужества и самопожертвованія. Впрочемъ, Австрійское Правительство, съ своими училищами, бюрократіею и Нѣмецкими начальниками, отечески старается о томъ, чтобы этѣ силы не портились. ⁶⁷ Въ Воеводинѣ между Сербами, точно также, какъ и въ Границѣ, много силъ и способностей, но отдѣльныя, выдвигающіяся изъ народа, личности не умѣютъ освободиться отъ духа партій и себялюбивыхъ стремленій. Хотя общая задача мелькаетъ передъ ними, однако имъ доселѣ недоставало силъ, чтобы мужественно ей отдаться. Въ тяжкомъ положеніи находятся Словаки, у которыхъ Дворянство, въ слѣдствіе Мадьярства, почти совершенно отреклось отъ народности, съ безпримѣрною яростью противится всякому народному стремленію и совершаетъ преступленіе за преступленіемъ противъ своего народа. Хотя въ самомъ племени много свѣжести, у его друзей много таланта и способностей, но за то полное отсутствіе средствъ. Еще ниже Словаковъ стоятъ Моравія, гдѣ, изъ за господства тупаго Католичества и преобладанія Нѣмцевъ въ главныхъ городахъ, народность не можетъ развиваться успѣшно. За Моравіею влечется, съ своими національными стремленіями, Далматія, гдѣ преобладаетъ Итальянское вліяніе и сельская жизнь подавлена городами. Печально прозябаетъ Славянская народность въ Силезіи, благодаря исключительному въ ней господству Нѣмщины, и вовсе не лучше положеніе вещей въ Крайнѣ, Хорутаніи, Штирѣи, Истрии, гдѣ кучка Славянъ, хотя и весьма трудолюбивыхъ, способныхъ и дѣльныхъ, почти всюду окружена Нѣмцами. Не многіе Славяне въ Лужицахъ принуждены ограничиваться маленькимъ литературнымъ дилетантизмомъ который хотя и достоинъ похвалъ, но ни чего не можетъ произвести большаго, пока не наступитъ Славянскій день. ⁶⁸

Въ большей части этѣхъ земель стремленія были пока чисто народныя, мбо этѣ племена прежде всего нуждаются въ жизни и ея обезпеченіи; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ ближайшихъ къ Западу краяхъ, именно въ Чехіи, народное дви-

⁶⁷ См. Utěšenović: Die Militärgrenze und die Verfassung. Wien 1861, 8°, 172.

⁶⁸ Въ настоящее время Славянская народность во всѣхъ этѣхъ земляхъ слѣжала огромные услуги, хотя и нигдѣ еще не завоевала себѣ (да однимъ собственными средствами и не можетъ завоевать) первостепеннаго значенія. В. Л.

женіе начинаетъ принимать политическій оттѣнокъ и, въ слѣдствіе этого, образуются стороны. Но въ этомъ нѣтъ ни какой потребности, все это происходитъ чисто изъ опрометчивости, хвастливости и изъ подражанія Западу. Чехи особенно увлеклись Конституціями и конституціональною игрою Запада. Съ тѣхъ поръ, благодаря усиліямъ остроумнаго, но поверхностнаго, Гавличка, Конституція и Реакція стали у нихъ главнымъ словомъ дня, а за тѣмъ и Радикализмъ и Республика, и Коммунизмъ имѣютъ уже въ Чехіи своихъ поборниковъ. Одни выпускаютъ въ свѣтъ этѣ Западные произведенія; другіе, ни малѣйше не понимая ихъ значенія, пустословятъ въ слѣдъ за ними. Такимъ образомъ этѣми Западными идеями, которыми блистаетъ Ригеръ и Гавличекъ прокладываетъ себѣ путь (карьеру), Чехія все болѣе отчуждается отъ Славянства и стѣсняетъ свое собственное развитіе. Старые, разумные, строгіе, богатые знаніями, вожди чисто народнаго движенія все болѣе утрачиваютъ значеніе, покидаются толпами, которыя или слѣдуютъ своимъ собственнымъ влеченіямъ, или идутъ за нѣкоторыми легкомысленными вождями. Говоря откровенно, мы прежде предполагали въ Чехахъ больше такта и дѣльности. Ихъ сдержанность до послѣднихъ событій оправдывала нашу надежду, пока онѣ не разочаровали насъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ всякое съ ихъ стороны притязаніе на верховенство надъ другими Славянскими племенами. Въ Познани и Галиціи ѣдятъ другъ друга, такъ называемые, аристократы и демократы, и тѣмъ безъ нужды увеличиваютъ несчастія Поляковъ. Въ другихъ мѣстахъ, слава Богу, этѣ Западные порожденія не нашли себѣ мѣста и, по видимому, нигдѣ болѣе и не примутся.

Во взаимныхъ отношеніяхъ этѣхъ земель и племенъ, ихъ общему и успѣшному дѣйствію предстоятъ непреоборимыя препятствія. Первое препятствіе есть разнообразіе самихъ племенъ, изъ коихъ каждое имѣетъ и обрабатываетъ свое собственное нарѣчіе и словесность. Поляки въ Познани, Силезіи и Галиціи, Западные. Сербы въ Лужицахъ, Чехи въ Чехіи и Моравіи, Словаки въ Сѣверѣ Угріи, Русскіе въ Галиціи и въ Угріи, Словинцы въ Крайнѣ, Хорутаніи, Штиріи и Истріи, Хорваты въ Хорватіи, Славоніи и въ Военной Границѣ, Южные Сербы въ Воеводинѣ, Славоніи, въ Военной Границѣ и Далматіи, всѣ этѣ 8 племенъ имѣютъ 8

же нарѣчій и Словесностей. Нѣкоторые ученые пытались всѣ этѣ нарѣчія, за исключеніемъ Русскаго, привести къ тремъ, но это средство не уменьшаетъ зла даже временно, пренебрегаетъ развитіемъ отдѣльныхъ племенъ и прокладываетъ путь новому, еще большому со временемъ, несчастію, такъ какъ современное положеніе этѣхъ племенъ можетъ быть только явленіемъ преходящимъ, а между тѣмъ, разъ соединившись въ большія громады, племена тѣмъ потомъ упорнѣе держались бы своей розни (партикуляризма) и только бы еще упрямѣе противились слянію въ одно цѣлое. Ясный примѣръ тому Поляки, послѣ Русскихъ самое сильное Славянское племя, имѣющее самую богатую, за исключеніемъ Русской, Литературу и Исторію; они по этому наиболѣе и противятся великому Славянскому единству и тяготеютъ къ Западу. Священнѣйшій долгъ каждаго Славянина состоитъ въ томъ, чтобы всегда имѣть въ виду не частное, а общее, и возставать противъ частнаго, когда оно старается распространиться на счетъ цѣлаго, ибо лишь съ цѣлымъ оживится нѣкогда все частное и достигнетъ болѣе счастливаго, уже издавна и горячо желаннаго, будущаго. Естественно, что между этѣми 8 племенами и 8 Словесностями не можетъ быть восстановлено тѣсное согласіе и, такимъ образомъ, ни сколько не удивительно, что, не смотря на всѣ похвальные усилія, Славянская взаимность не особенно успѣваетъ, и при этомъ порядкѣ вещей никогда не утвердится такъ, какъ бы было желательно. Она тѣмъ менѣе успѣваетъ, чѣмъ болѣе историческіе примѣры и современное развитіе будутъ подстрекать отдѣльные племена къ жизни обособленной и къ совершенному со временемъ отдѣленію отъ цѣлаго; ибо другія, болѣе по Славянски настроенныя, или слабѣйшія, племена будутъ постоянно и съ полнымъ правомъ противодѣйствовать подобнымъ стремленіямъ. Такого рода противодѣйствіемъ представляется намъ сопротивленіе Сербовъ Хорватамъ или собственно, такъ называемымъ, Илѣрамъ, Малоруссовъ Полякамъ и Словаковъ въ языкѣ и литературѣ Чехамъ. По полученнымъ изъ жизни опытамъ, рѣшаюсь осуждать первое отщепенническое (сепаратистическое) стремленіе и напротивъ того хвалить это сопротивленіе.

Есть еще обстоятельство, затрудняющее взаимное соглашеніе и общее дѣйствіе этѣхъ племенъ. Это именно географическое ихъ положеніе и дальность разстояній между ними. Далеко ле-

жить Познань отъ Чехіи и Моравіи, еще далѣе отъ Словаковъ и Русскихъ, и уже совершенно отдалена отъ Сербовъ и Хорватовъ. И Чехія не близка къ Русскимъ Галича, и того далѣе отъ Южныхъ Славянъ, и между нихъ еще вошли клиномъ Нѣмцы и Мадыары. Но имѣютъ ли въ себѣ этѣ племена силу разбить всѣ этѣ трудности? Мы думаемъ, что нѣтъ! Въ такомъ случаѣ, какими же образомъ, не обойдя подобныхъ препятствій, могутъ они образовать особый союзъ (федерацию)?

Нельзя также терять изъ виду и религіознаго различія, обособляющаго нѣкоторыя изъ этѣхъ племенъ. Говоря о Галиціи, мы упомянули о немъ относительно Русскихъ и Поляковъ, но еще рѣзче оно выступаетъ въ отношеніяхъ Сербовъ къ Хорватамъ, изъ коихъ одни крѣпко привязаны къ Греко-Славянской Церкви, а другіе, напротивъ, строгіе Католики. Во время послѣднихъ движеній Хорваты не сдержали даннаго ими Сербамъ слова, помогали имъ вяло и нерѣшительно, и даже еще въ иныхъ случаяхъ, изъ мелочныхъ соображеній, имъ мѣшали. Извѣстно, какихъ соблазновъ надѣлалъ съ Сербами Католическій Епископъ въ Загребѣ, Гавликъ, этотъ вѣрный слуга Католической Австріи; и могъ ли бы онъ себѣ это позволить въ народѣ, искренно по Славянски настроенномъ и доброжелательномъ къ роднымъ братьямъ? Даже лучшаго образа мыслей, хотя слабый, Банъ Елачичъ, когда нужно было рѣшительно помочь Сербамъ, опустилъ руки, молчалъ и ни чего почти не дѣлалъ. Въ слѣдствіе такой невѣрности и слабости Хорватовъ, возникло между Сербами и ими раздраженіе непріязненное и еще болѣе отдалило Воеводину отъ Бановины, впрочемъ, безъ малѣйшей пользы для Славянства.

Наконецъ внѣшнія отношенія всѣхъ этѣхъ племенъ такого рода, что провести практически этотъ союзъ (федерацию) есть чистая невозможность. Австрія не представляетъ этому ни какого особеннаго препятствія, ибо она стара, слаба и боязливо выжидаетъ будущаго, но преграды ставятъ, съ одной стороны, Нѣмцы, въ серединѣ Мадыары, а съ другаго конца Итальянцы. Не уже ли Федералисты еще столь добродушны, что могутъ вѣрить, что этѣ народы будутъ спокойно созерцать и ждать, пока они будутъ готовы съ построеніемъ своей теоріи? Напротивъ, не нападутъ ли они тогда на Славянъ со всѣхъ сторонъ и не объявятъ ли своихъ

притязаній, Нѣмцы на Чехію, Моравію, Силезію, Крайну, Хорватію, Штирію и Истрію (всѣ этѣ земли принадлежать къ Нѣмецкому Союзу), даже на Познань, Мадьяры на земли Словаковъ, Хорватію, Славонію, отрѣзанную Воеводину, а Итальянцы на Далматію съ Приморьемъ? Имѣютъ ли въ себѣ силу этѣ Славянскія племена disproвергнуть этѣ народы съ ихъ притязаніями? Какъ велико ихъ число? Въ цѣломъ оно не превышаетъ и 19 милліоновъ душъ, и съ этою-то разсѣянною силою думаютъ они защитить свою самостоятельность отъ нападеній Нѣмцевъ, Мадьяръ и Итальянцевъ? Но если они не имѣютъ силъ освободиться и устроиться, то что же останется отъ этѣхъ Федеративныхъ Государствъ? Чистый нуль, да теорія въ головахъ ученыхъ. Развѣ всѣ этѣ Славянскіе народы и земли не пытались ее осуществить во время новѣйшихъ безпорядковъ? И за тѣмъ потомъ схватились они за Австрію, этотъ якорь спасенія въ наставшую бурю? Но предположимъ, что наши племена надѣлаютъ чудеса и побѣдятъ всѣ упомянутыя затрудненія, что тогда скажетъ Россія этѣмъ Славянскимъ соединеннымъ Государствамъ? Россія будетъ противиться этому самостоятельному Славянскому Государству и въ идеѣ и всѣми своими матеріальными средствами, ибо она не можетъ допускать другой, кромѣ себя, самостоятельной Славянской Державы по той причинѣ, что всякое не Русское, Славянское Государство необходимо вступить въ противодѣйствіе (оппозицію) Россіи и должно будетъ, для своей безопасности, или притягивать къ себѣ ея части, или противодѣйствовать ей, съ помощью Западныхъ идей и Западныхъ народовъ. Россія очень хорошо это понимаетъ. И только этѣмъ путемъ объяснимо, по чему Россія понынѣ также мало поощряла Славянскія стремленія, даже легко быть можетъ, поддерживала требованія старыхъ Угорскихъ консерваторовъ у Правительства Австрійскаго, именно для того, чтобы помѣшать образованію, такъ называемаго, лишь проектированнаго, Славянскаго Австрійскаго Государства. " У Россіи есть

⁶⁹ Съ этѣмъ нельзя вполне согласиться. Новыя Славянскія Государства могутъ и вовсе не быть враждебны Россіи, а если и будутъ враждебны, то, во всякомъ случаѣ, въ несравненно меньшей степени, чѣмъ Австрія. Наконецъ многіе Славянскіе федералисты въ Австріи настаиваютъ даже теперь на необходимости самаго тѣснаго союза Австріи съ Россією. См. брошюру Гарраха: «Sprache Ra-

сила и сила, исполнская, а по тому также призваніе и право на уничтоженіе всѣхъ въ рознь тянущихъ Славянскихъ стремленій и на предводительство въ цѣлой Славянской семьѣ.

Но если вы хотите сокрушить наше рабство и образовать Государство, то гдѣ же на то твердая, непреклонная воля, гдѣ творческая сила, гдѣ среда дѣйствія, гдѣ всякаго рода капиталы, нужные для основанія и поддержанія Государства, гдѣ, наконецъ, ожидать несокрушимаго единства общей воли? Говоримъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, но говоримъ откровенно: наши силы сломлены чужеземнымъ господствомъ, иноплеменики питаются и живутъ нашимъ потомъ и кровью, скупо подаютъ намъ средства на наше самообразованіе, или совершенно насъ отъ него удерживаютъ. Наши племена только обломки одной народности. Ихъ можетъ возродить и соединить въ одно цѣлое только однородная, доброжелательная, мощная сила. Правда, мы въ состояніи еще уничтожить кое какую гниль, но безсильны возродиться и поддерживать себя собственными средствами. Долой такимъ образомъ со всѣми утопіями, и примемся за работу съ вѣрнымъ взглядомъ на наши обстоятельства, на ходъ Исторіи. Задача нашихъ племенъ состоитъ не въ основаніи Государствъ, а въ безостановочной, непрерывной, приготовительной работѣ къ великому подвигу, въ оживленіи и подготовкѣ нашихъ народностей къ тому, чтобы, какъ только настанетъ великій Славянской день, онѣ были достаточно вразумлены и одушевлены на подвиги, необходимые для нашего вожделѣннаго спасенія. По этому-то ты, Славянинъ и дитя этѣхъ племенъ, не пропускай ни одного дня безъ работы для своего племени, блюди его права, образуй и поучай его и не будь никогда тѣмъ продажнымъ работъ у повелителей твоего племени, который давно томится въ неволѣ и влачить, подъ ихъ же проклятіями, триумфальную ихъ колесницу!

Мысль объ образованіи Славянскихъ соединенныхъ Государствъ внушена бывшею нѣкогда политическою самостоятель-

kouska», и брошюру неизвѣстнаго автора: «Was nun? Prag 1866.» Что же касает-ся до непоощренія Россіи Славянскимъ стремленіямъ, то оно объясняется слабымъ развитіемъ у насъ Славянскаго самосознанія и неаціональностью Русской политики до послѣдняго времени. Впрочемъ, мы, Русскіе, не можемъ вѣрять въ

ностью упомянутыхъ земель, но эта подкладка—пустой обманъ и призракъ. Никогда ни что не повторяется въ Исторіи подъ тѣми же формами. Иное теперь совсѣмъ состояніе міра, народы вообще собираются въ большія громады, и отдѣльныя Славянскія племена уже показали, что они могутъ сдѣлать въ мірѣ особнякомъ. Выводъ нашъ слѣдующій: предположенія о союзническихъ (федеративныхъ) Государствахъ не имѣетъ смысла, ибо нецѣло думать, будто бы въ состояніи образовать Государства племена, сами по себѣ малочисленныя, окруженныя иноплеменниками, внутри ими раздѣленныя, по большей части лишь съ чужими столицами, лишеныя необходимыхъ средствъ и одинаково развитыя, несогласныя между собою во многихъ отношеніяхъ, далеко другъ отъ друга живущія, надломленныя въ своей силѣ чужеземнымъ господствомъ, угрожаемыя въ своемъ отщепенствѣ (сепаратизмѣ) Россією и иноплеменниками. Разумный, по крайности, человѣкъ никогда въ это не будетъ вѣрить.

Выше мы уже назвали безсмыслицею предположеніе о присоединеніи Россіи къ такому союзу; упомянемъ теперь вкратцѣ о подобномъ проектѣ обще-Славянскаго союза (Федераціи), составленномъ Русскими Декабристами: Пестелемъ, Муравьевымъ, Рылѣевымъ, Бестужевымъ, Каховскимъ и другими. Европейскія движенія, наступившія послѣ Наполеона, имѣли свою долю вліянія на этотъ проектъ, непрактичность котораго всего лучше обнаружилась на возникшемъ изъ него мятежѣ. Въ нѣсколько часовъ онъ былъ совершенно подавленъ, и не многія войска, принимавшія въ немъ участіе, были увлечены въ него подъ предлогомъ вынужденнаго отреченія Константина, и рѣшительнымъ поведеніемъ мгновенно были успокоены. Сами предводители не ясно сознавали свои средства и цѣли. Такъ окончилось легко задуманное и неисполнимое предпріятіе: его жертвою пали люди, своею смѣлостью, хладнокровіемъ и мужествомъ, заслуживавшіе иной лучшей участи. Такихъ людей у Славянъ производятъ только Русскіе. Республики на такихъ пространствахъ, при такихъ природныхъ особенностяхъ племенъ! Все это ведетъ только къ новому безначалію (анархіи) и совершенному разложенію.

Славянскую Австрію Габсбурговъ, а тѣмъ менѣе сочувствовать Славянской Австріи, какъ понимаютъ ее Польша, Чешскіе и Хорватскіе Феодалы и Католики. В. Л.

Второе предположеніе о доставленіи Славянамъ самостоятельности состоитъ, какъ выше сказано, въ томъ, чтобы изъ Австріи образовать средоточіе Южныхъ и Западныхъ племенъ, и чтобы ея дальнѣйшее развитіе существенно зависѣло отъ ихъ вліянія. Еще въ началѣ мы должны были признаться, что эта теорія, быть можетъ, еще нелицѣ предыдущей. Она дурна еще тѣмъ, что пытается устроить судьбу нашихъ племенъ на совершенно имъ не подобающемъ, и при томъ вывѣтрившемся и гниломъ, основаніи и, опираясь на нѣчто положительное, придаетъ себѣ кажущуюся вѣроятность усилѣа, сообщаетъ стремленіямъ и силамъ нашихъ племенъ такое направленіе, въ которомъ они себя истощаютъ и, безсильныя достигнуть цѣли, могутъ только упасть за тѣмъ въ безчувственное состояніе (летаргію).

Разсмотримъ это дѣло поближе. Австрія или Восточная Украина (Ostmark), эта Нѣмецкая Украина Имперіи Каролинговъ, но далѣе обращенная на Востокъ для онѣмечиванья Славянства, всегда была и будетъ вѣрна своей задачѣ до послѣдняго своего издыханія. Заложенная на Нѣмецкой почвѣ, образованная Нѣмцами, получившая въ удѣлъ Нѣмецкую задачу, опирающаяся на Нѣмецкую и строго Нѣмецки настроенную династію, отъ Нѣмецкой Имперіи получающая, если не положительное могущество, то уваженіе и съ тѣмъ вмѣстѣ нравственное вліяніе, полная Нѣмецкихъ историческихъ воспоминаній и далеко успѣвшая въ предпринятой задачѣ, Австрія, безъ измѣны самой себѣ, никогда не можетъ перестать быть Нѣмецкою. Существовать и оставаться Нѣмецкою, отречься отъ Нѣмщины и погибнуть — это для Австріи равнозначаще. Развѣ Австрія цѣлою своею дѣятельностью не старалась распространять Нѣмщины во всѣхъ подчиненныхъ ея вліянію земляхъ, и не привела ли она въ Нѣмецкое лоно всѣ народы, къ ней примкнувшіе? Что же она дѣлала въ Краинѣ, Хорутаніи, Штиріи, Истріи? Не совершенно ли почти онѣмечила она тамошнія Славянскія племена и не разложила ли ихъ Нѣмецкими элементами? Что творила она въ Чехіи, Моравіи, Силезіи, и въ первой изъ нихъ съ ужаснѣйшею жестокостью? И не то же ли она нынѣ творитъ съ Галиціею? Не произвела ли тамъ ея Нѣмецкая бюрократія самую ужасную бойню туземнаго населенія, и не открыла ли тѣмъ всего края иностранцамъ? Чьимъ же вліяніемъ и подъ чьимъ покрови-

тельствомъ поселились въ Австрійскія земли иноплемennые гости? Не поощряетъ ли Австрія и нынѣ, какъ издавна, «стремленіе на Востокъ (Drang nach Osten)? Кто же теперь направляетъ Нѣмецкихъ поселенцевъ въ Славонію, въ Воеводину, въ Банатъ и т. д.? И съ какою же цѣлю все это дѣлается, какъ не съ тѣмъ, чтобы, выражаясь ихъ же словами, «грубымъ народамъ привить Нѣмецкой нравственности»? Съ помощью Славянскихъ силъ, Сербскихъ, Хорватскихъ, Чешскихъ и т. д. и въ особенности Русскихъ, Австрія въ новѣйшее время одолѣла Мадьяръ, Итальянцевъ и даже своихъ Нѣмцевъ. Въ слѣдствіе Славянскихъ внушеній, она была принуждена провозгласить равноправность всѣхъ народностей относительно законовъ и языковъ. И куда привела эта, подтвержденная сотнею клятвъ, равноправность? Во всеблагое Нѣмецкое лоно: ибо Нѣмецкій языкъ объявленъ языкомъ Правительства, гдѣ его прежде никогда не было, и оставленъ въ ней съ тѣмъ же значеніемъ тамъ, гдѣ и прежде дѣйствовалъ, сдѣланъ обязательнымъ предметомъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для всѣхъ народовъ, гдѣ, сверхъ того, только въ видѣ исключенія, преподавался тотъ или другой предметъ на языкѣ народномъ, и то для того, чтобы зажать ротъ народамъ, и знаніе Нѣмецкаго языка закономъ поставлено въ обязательное требованіе каждому чиновнику, даже послѣднему сторожу. Но этѣмъ не удовольствовались Австрія, особенно ея нынѣшніе строители и повечители, Шварценбергъ и Бахъ, которые, для дарованія Нѣмцамъ формальнаго на насъ права и для полнаго подчиненія народовъ своей власти, рѣшились включить всю Австрійскую Монархію въ Нѣмецкій Союзъ и, словно стадо, загнать всѣхъ Славянъ, Мадьяръ и Итальянцевъ, въ Нѣмецкую ограду, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ихъ желанія, ихъ историческія и національныя отношенія и заслуги. И все это въ силу провозглашенной равноправности и благоволенія ко всѣмъ народамъ. О горе вамъ, Славянамъ, горе тебѣ, Славянская Австрія! Кто же изъ васъ столь безуменъ и ослѣпленъ, что, забывши всю прежнюю Австрійскую Исторію, послѣ такихъ ужасныхъ разочарованій, еще можетъ вѣрить въ Славянскую или равноправную Австрію? На какое основаніе стала бы Славянская жизнь посредствомъ Австріи, это ясно каждому, кто только можетъ и ходитъ впередъ. Такое основаніе, вывѣтрившееся и гнилое,

не вынесетъ болѣе на себѣ ни какой постройки, и въ этомъ заключается неудачность и опасность всѣхъ стремленій къ образованію изъ Австріи Государства Славянскаго. Историческимъ призваніемъ Австріи было соединеніе въ большое Государство различныхъ, оторвавшихся отъ своего корня, племенъ и народовъ и образованіе въ средѣ Европы изъ этѣхъ оторванныхъ частей одного обширнаго цѣлаго, въ которомъ бы они могли, отстранивъ всѣ прежнія, бесполезныя усобицы и вражду, спокойно развиваться, одно подлѣ другого, и съ успѣхомъ противостоятъ варварскому натиску Турокъ. Но обстоятельства съ теченіемъ времени сложились такимъ образомъ, что у Австріи пропало призваніе, и по этому она лишилась прежней своей роли, ибо Турокъ едва кто теперь боится въ Европѣ; иная Держава, и еще Славянская, отбила у нихъ всякую охоту къ завоеваніямъ и прилежно наблюдаетъ за ними, чтобы нанести имъ наконецъ послѣдній рѣшительный ударъ. Народности Австріи, особенно Славянскія, пробудились къ духовной жизни и чувствуютъ потребность обновленія, и по этому самому считаютъ уже излишнимъ ходить на чужихъ помочахъ, стремятся къ самостоятельности и самоуправленію. Вотъ причина, по чему они хотятъ оторваться отъ Австріи и горятъ желаніемъ примкнуть къ своей народной семьѣ. Нѣмцы Австрійскіе тянутъ къ Германіи и глядятъ на Франкфуртъ, Итальянцы стремятся присоединиться къ единой Италіи, Румыны точно также бросаютъ взоры на свою Дако-Романію, Мадьяры, почитая себя достаточно сильными, желаютъ самостоятельнаго существованія, а Славяне въ своемъ духѣ будутъ стремиться къ Россіи, единственному самостоятельному, организованному Славянскому Государству, къ своему мировому представителю. Сердца ихъ наклонны къ Россіи: говоримъ это откровенно, послѣ новѣйшихъ тяжелыхъ опытовъ, послѣ ужасныхъ разочарованій послѣдняго времени. Но что тогда останется отъ Австріи? Не останется даже любезной Вѣны съ ея отлично выѣзженными и нѣкогда наивѣрнѣйшими жителями, все вступаетъ въ полное разложеніе, и какъ разлагающіяся тѣла жить долго не могутъ, то неизбѣжно въ непродолжительномъ времени постигнетъ Австрійскій трупъ общая судьба всѣхъ людей и Государствъ, лишенныхъ духа и призванія. Такъ какъ всѣ почти Австрійскіе народы становятся тыломъ къ Австріи, а въ новѣйшее движеніе она

шла на своей стороне большинство Славянъ, и все таки, однако, не смогла собственными силами укротить поднявшуюся бурю, но должна была умолять о чужой помощи, и только ею была на время спасена, то очевидно и ясно, что когда подымутся противъ нея всѣ народы, въ томъ числѣ и Славянскіе, то она уже болѣе не устоитъ и будетъ стерта съ лица земли. Ни какая власть, самая могущественная, не будетъ тогда въ состояніи склеить разорванную и расколотую на части Австрію. Что себя пережило и утратило всякой смыслъ и значеніе (а таково положеніе Австріи), то должно погибнуть. Въ слѣдствіе послѣднихъ безпорядковъ, безсильная помочь себѣ самой и вынужденная обратиться къ чужой помощи, Австрія утратила свою самостоятельность, ибо уже ей никогда не удастся избавиться отъ Русскаго вліянія. При повтореніи же подобнаго, вѣроятно, еще сильнѣйшаго потрясенія, она лишится наконецъ и той кажущейся жизни, которою пока теперь пользуется. Что это за первостепенная Держава, которая не можетъ справиться съ своими собственными подданными? Располагаетъ ли она свободою дѣйствій внутри и ли? По видимому, Славянскія племена уже болѣе не будутъ помогать Австріи, даже, вѣроятно, станутъ дѣйствовать совершенно въ противоположномъ смыслѣ; ибо, помогая Австріи, они принуждены будутъ работать на свою голову, сами собственноручно ковать цѣпи для своего еще большаго порабощенія, добровольно трудиться въ пользу своего ошмеченія и угона въ Нѣмецкую изгородь, защищать погибшее дѣло и, въ награду за всѣ эти услуги, навлекать на себя справедливую ненависть всѣхъ народовъ. Въ этомъ также заключается и опасность и что-то презрительное для Славянскихъ племенъ съ оказываемою имъ помощью Австріи. Сверхъ того, послѣ каждой такой неудачной попытки поднявшіяся ихъ силы должны ослабѣвать и впадать въ безчувственность. Съ великимъ сожалѣніемъ замѣчаетъ другъ Славянъ, что, послѣ великаго пораженія умовъ, заштыное и общее безсміе охватило теперь всѣ Славянскія племена въ Австріи.

Но если Австрія лишится помощи Славянъ и даже будетъ имѣть противъ себя, то Русская помощь Австріи въ будущемъ если и не невозможна, то необыкновенно затруднительна, такъ какъ Русское Правительство не захочетъ принимать на себя великую нравственную отвѣтственность передъ своимъ на-

родомъ за помощь Нѣмцамъ противъ родныхъ Россіи племенъ. Известно, что Русскіе явились въ послѣдній разъ на театрѣ войны, чтобы помочь не только Австріи, но и своимъ братьямъ, противъ ихъ Мадьярскихъ угнетателей. Но когда они, изъ общаго хода событій, замѣтили, что, благодаря Австрійскому коварству, тутъ идетъ дѣло почти исключительно объ одной Австріи, и что еще Австрійцы важничаютъ Русскими и съ высока на нихъ поглядываютъ, какъ на простыхъ вспомогательная войска, они стали открыто показывать свое сочувствіе къ покореннымъ Австрійцами Мадьярамъ и ушли изъ Австріи съ едва сдержаннымъ гнѣвомъ и удвоенною ненавистью къ Нѣмцамъ. Австрія провела Славянъ за носъ и жестоко обманула всѣ ихъ ожиданія, и тѣмъ ихъ совершенно отъ себя оттолкнула, другимъ народностямъ, въ слѣдствіе обращенія съ ними, по ихъ усмиренію, внушила неукротимую къ себѣ ненависть, озлобила противъ себя всѣ свои народы безъ исключенія неисполненіемъ своихъ, сотню разъ торжественно подкрѣпленныхъ клятвою, обѣщаній. Сверхъ того, она чрезмѣрно обременяетъ свои народы новышненіемъ старыхъ и отчасти введеніемъ новыхъ отяготительныхъ налоговъ, сборъ которыхъ нарушаетъ даже личное домашнее спокойствіе гражданъ. Ея великій Государственный долгъ постоянно возрастаетъ въ слѣдствіе возобновляющагося недочета каждую четверть года, а ея Государственный кредитъ все болѣе и болѣе падаетъ. Всѣ эти обстоятельства, равно какъ и безпрерывныя присмотры и надзоры, толпа явныхъ и тайныхъ полицейскихъ придлужниковъ, невидимое чиновничество и интриганье, страшно ожесточаютъ народы и поддерживаютъ въ нихъ непрерывное раздраженіе и общій тахій мятежъ противъ Австріи, конецъ которой предвидѣть не трудно. Австрія уже не имѣетъ за себя ни одного народа, ни Нѣмцевъ, ни Италианцевъ, ни Мадьяръ, ни Поляковъ, ни другихъ Славянъ, или Румунъ. Она даже не имѣетъ въ этихъ народахъ ни одного за себя сословія; ибо, за исключеніемъ нѣкоторыхъ Мадьярскихъ, Австрійскихъ, особенно Чешскихъ, Дворянъ, Итальянское, Мадьярское и Польское Дворянство расположено къ Австріи въ высшей степени враждебно, кромѣ вѣрныхъ Католическихъ Епископовъ, но и они принимали участіе въ послѣднихъ движеніяхъ противъ Австріи. Все духовенство, какъ Католическое, такъ равно, Греческое и Протестантское, не въ меньшей степени ожесто-

чено противъ нея: Католическое по той причинѣ, что желаетъ уничтоженія безбрачія и суровой власти Епископовъ, и подлѣ Австрійскимъ Правительствомъ не надѣется ни на какую переиhrну въ своемъ неприютномъ положеніи. Среднее сословіе и народъ точно также дурно расположены къ обезславленнымъ Австрійцамъ, отчасти изъ причинъ политическихъ, отчасти изъ за большаго податей и налоговъ, отъ части изъ убѣжденія. На чѣмъ же собственно утверждается теперь эта «Австрія — небесное царство (Oesterreich — Himmelreich),» какъ некогда называли ее, роскошествовавшіе въ пивномъ блаженствѣ, добродушные Австрійцы? Конечно, уже вовсе не на землѣ: здѣсь она только географическое выраженіе, душа улетѣла на небо, а на землѣ остался одинъ лишь гальванизованный трупъ, который разобьется въ прахъ отъ перваго сильнаго удара. Но всего печальнѣе для Австріи то, что никого не найдется, кто бы пролилъ слезу надъ ея могилой. Имѣй еще Австрія хотя искру жизни, могла ли бы она, черезъ полтора года войны, очутиться на краю пропасти? Въ какихъ отношеніяхъ живетъ Австрія съ своими народами, видно изъ того, что большую часть своихъ земель, по стереотипному выраженію, она держитъ въ осадномъ положеніи: такимъ образомъ постоянно, какъ своихъ смертныхъ враговъ, осаждастъ «свои народы (seine Völker)». Отъ этого все, что ни говорятъ, или торжественно объявляетъ, Правительство, считается у народовъ чистымъ пустословіемъ, а тотъ, кто рѣшается ему вѣрить, или осмѣливается, или величается «благовыселящимъ» (gutgesinnt), т. е., подкупленнымъ человекомъ. До того дошла безопасность Австріи и ея политическая врага!

Механическая жизнь Австріи сама собою обнаруживается на ея непосредственныхъ смутахъ, на войскахъ и чиновникахъ. Въ войскахъ, въ слѣдствіе различныхъ событій и вошедшихъ въ него черезъ Гонведы (Мадьярскихъ ополченцевъ) разныхъ элементовъ броженія, старая, глубокая преданность уступила мѣсто иному образу мыслей. Вѣрные Офицеры хотя и стараются воодушевить себя болѣе частымъ повтореніемъ имени Императора, однако видно, что они этимъ только принуждаютъ себя къ одушевленію и тѣмъ не менѣе остаются холодны. Прекрасно, конечно, всегда съ гордостью имѣть передъ глазами того, который вызываетъ въ памяти все дѣловое, но такимъ именемъ должно быть что

ни будь общее и цѣльное: за Императоромъ—Имперія, ея высокое призваніе, ея величіе и могущество, высоко поднимающія каждую, личность; но за Австрією уже не стоитъ больше ни чего, ни какой идеи, ни какого народа, ни какого величія и могущества, только еще и остаются за ней штыки, нѣсколько жандармовъ, финансовая стража и полицейскіе прислужники. Нельзя и того еще оставить безъ вниманія, что войско доставило значительную долю революціонной арміи. Съ Австрійскими чиновниками армія имѣетъ особенное средство: они дѣлаютъ коечто, или даже ни чего, если не на оборотъ; иными словами: они ограничиваются самымъ необходимымъ, дѣлаютъ все безъ всякаго усердія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда извѣстною мѣрою они хотятъ возбудить въ населеніи неблагопріятное для Правительства настроеніе. Такимъ образомъ Австрію по большей части покидаютъ даже состоящіе у нея на жалованьи и ея истинно благомыслящіе, но и шты уже теперь не легионъ. Правительство бродитъ ощупью, какъ въ потемкахъ; Шварценбергъ и Бахъ,—породистый аристократъ въ союзѣ съ баррикадеромъ, ходившимъ нѣкогда на Дворецъ (Burg), а теперь разыгрывающимъ у перваго роль лакея. Шварценбергъ воображаетъ себя Ришелье; Меттернихомъ, Бахъ, по крайней мѣрѣ, Кольбертомъ, и за всѣмъ тѣмъ все такъ ни изъ внѣшней, ни изъ внутренней политики ни чего не выходитъ, кромѣ самаго жалкаго положенія. За границею Австрія должна повиноваться постороннимъ внушеніямъ, внутри же, несмотря ни на какія предписанія и организаціонныя попытки, нѣтъ ни какого организма и порядка. Старое и новоспеченное, предписанное и снова уничтоженное, установленное и отмѣненное, все это въ пестромъ безпорядкѣ и путаницѣ. Но сильно ошибается тотъ, кто думаетъ, что управленіе дѣйствительно идетъ отъ этого Правительства: non lucus a luscendo; напротивъ, вокругъ Министерства скучиваются различныя кучки, съ одной стороны придворныя дамы, съ другой дурная, аристократическая шайка, которая запрягалась во время опасности, и снова запрячется при ея наступленіи; наконецъ къ этому еще присоединяется Государственный Совѣтъ съ особымъ уполномочіемъ; кто же собственно управляетъ, объ этомъ не знаетъ никто. Европа, кажется, тоже не видитъ уже особой необходимости въ существованіи Австріи. Англія пожертвовала Австрією во время послѣднихъ смятеній, даже помогала мятежни-

камъ; Французы тоже, кажется, не ломали себѣ головы надъ продолженіемъ бытія Австріи; Германія ликовала въ виду предстоявшаго ей паденія. И Русскіе теперь сильно оскорблены и исполнены глубокой ненависти къ Австріи и ея бѣлымъ кафтанамъ. «Я не твой брудеръ!» сказалъ, при обратномъ походѣ Русскихъ, во Львовѣ, одинъ Русскій Офицеръ Австрійскому, когда тотъ его назвалъ братомъ и протянулъ ему руку. Таковъ былъ общій прощальный привѣтъ Русскихъ Австрійцамъ: Извѣстная Австрійская благодарность еще можетъ сойти даромъ у немногочисленныхъ Сербовъ, хотя и тутъ уже есть затрудненія, у Чеховъ, Румунъ, или Словаковъ, но Русскіе не оставляютъ ее безнаказанною. Съ аристократією и Католичествомъ, на которое опирается Австрія, также ни чего нельзя подѣлать: ни то, ни другое не имѣетъ будущаго, ибо они утратили всякое довѣріе народовъ. Подобные кліенты дурно послужатъ Австріи; но пусть мертвые погребаютъ своихъ мертвецовъ!

Мысль образованія изъ Австріи точки опоры для Славянскихъ племенъ въ средней Европѣ вышла изъ головъ Чешскихъ, есть сочиненіе Чешскаго исторіографа, Палацкаго, правда, ученаго и положительнаго, но не дальновиднаго и безъ идей. Палацкій, впрочемъ, въ этомъ случаѣ взялъ на буксиръ Чешскую, приверженною къ Австріи, аристократією. Такимъ образомъ Чехамъ открывались виды на верховенство надъ Славянскими племенами Австріи, даже на ея преобразование въ ихъ смыслѣ, при чемъ вся власть необходимо досталась бы въ ихъ руки. Они съ жаромъ ухватились за эту мысль, по тому что они, благодаря своему Католичествому, тяготѣли къ Австріи. Они употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы провести эту мысль у другихъ Славянъ, и имъ удалось привлечь къ ней и, такъ называемое, Илирство. Последнее съ начала носило совершенно съ другими идеями, но когда въ Сербяхъ оно встрѣтило сильное противодѣйствіе и утратило свою шипучую пѣну, то оно сдѣлалось совершенно ручнымъ у Хорватовъ и части подкупленное Меттернихомъ въ лицѣ нѣкоторыхъ его вождей ⁷⁰ и разработанное другими способами, вступило наконецъ въ союзъ съ Чехами, ловившими его въ Австрійско-Сла-

⁷⁰ На пр., Л. Гал. В. Л.

вянскомъ направленіи. Къ этому направленію Иллирство перешло тѣмъ скорѣе, что у Хорватовъ есть нѣсколько точекъ соприкосновенія съ Австрією, а именно: неподвижная, крѣпко держащаяся своихъ преимуществъ, аристокрація и Католичество. Такъ явился Австрійско-Славянскій, подготовленный аристократією и Католичествомъ, союзъ. Австрія къ нему пристала, въ надежѣ разработывать его въ пользу собственнаго самосохраненія, а Славяне въ видахъ улучшенія своихъ судебъ посредствомъ Австріи. Дѣло шло о томъ, кто лучше докажетъ свою силу и ловкость и на чью долю должны были достаться плоды союза. При началѣ новѣйшихъ смуть, представилась первая возможность ввести въ жизнь этотъ союзъ, и Чехи поспѣшили оозвать Славянскій Конгрессъ въ Прагѣ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дать Чешское направленіе всѣмъ Славянскимъ племенамъ Австріи. На Конгрессѣ Чехи необыкновенно старались о своей идеѣ и, такъ сказать, навязывали ее своимъ соплеменникамъ, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ такой образъ дѣйствій и не казался особенно правильнымъ, и хотя, въ слѣдствіе распушенія Конгресса, по поводу бомбардировки Виллишгреца, они не могли согласиться и объясниться, какъ слѣдуетъ, однако, подъ напоромъ обстоятельствъ, они молча уступили Чешскимъ требованіямъ и, въ наступившія за тѣмъ бури, дѣйствовали уже преимущественно въ этомъ смыслѣ. Чѣмъ все это кончилось, и кто пожалъ плоды этого, извѣстно каждому. Обмануты надежды, разбиты Австрійско-Славянскія сердца, и, виновникъ этой политики, Палацкій, объявленъ Австрійцами за радикала, за врага того Правительства, которому онъ всего больше помогалъ въ нуждѣ. Но самый дѣятельный человѣкъ при исполненіи этѣхъ плановъ, при крикахъ сотни тысячъ голосовъ на рукахъ поднятый на сцену дѣйствія, Банъ Елачичъ, упалъ такъ, что сдѣлался самымъ безсильнымъ человѣкомъ, одною тѣнью. Куда, Хорваты, дѣвались ваши Баны? Гдѣ вашъ мужественной боевой крикъ: «Vivat Banus cum Croatis!»—Банъ вашъ съежился въ Австрійскаго чиновника, не имѣющаго даже власти удержать простато жандарма, когда тотъ вторгнется въ порядокъ общественной жизни, и пѣснь ваша онѣмѣла! И къ чему пѣть? Вы также, подобно другимъ, достались въ руки чиновниковъ и полицейскихъ рабовъ, которые васъ грабятъ и ловятъ каждое ваше слово. Такъ была испытана Австрійско-Славянская политика! О, пусть и въ послѣдствіи времени также будетъ наказываемо и по-

кроется такимъ же позоромъ всякое наше въ рознь разносящее насъ стремленіе!

Какою благодарностью отвѣчало Австрійское Правительство племенамъ Славянскимъ за ихъ усилія и разнообразнѣйшія жертвы въ пользу сохраненія Австріи? Самостоятельно управлявшіеся народы привело оно подъ иго безсердной бюрократіи, къ каждому проявленію прежде свободной и непринужденной жизни этѣхъ народовъ оно приставило тысячу полицейскихъ ушей; оно отвѣчало имъ введеніемъ Нѣмецкаго языка у тѣхъ племенъ, гдѣ онъ до того не господствовалъ, удержаніемъ его у тѣхъ, которымъ онъ былъ прежде навязанъ; оно отвѣчало Нѣмецкими бюрократами у однихъ, и Мадьярскими чиновниками у другихъ, для того, чтобы вездѣ подавлять и убивать Славянскую жизнь. Оно прямо нападало на Славянскія стремленія; сверхъ того, задолжавшее, бѣдное, безъ довѣрія, посягало на собственность народовъ возвышеніемъ податей, терзало ихъ налогами на предметы потребления, табачною монополіею, штемпелемъ и пр.; въ Границѣ, гдѣ, послѣ войны за сохраненіе Австріи, осталось, по свѣдѣтельству газетъ, 24,000 вдовъ, а сколько сиротъ, о томъ не сказано, оно возвысило для этѣхъ бѣдняковъ цѣну соли, и наконецъ ея отвѣтомъ на жертвы Славянъ, именно: Сербовъ, были попытки къ введенію Уніи, Чеховъ, спасшихъ Австрію, страшные Пражскіе приговоры, правда, надъ легкомысленными, но еще совершенно юными мальчиками. Такова эта Австрійская благодарность! Мадьяры возмущались противъ Австріи, стремились къ совершенному ея низроверженію, навлекали на себя и на цѣлую Австрію всевозможный стыдъ и позоръ, и что же? Процессы ихъ были окончены годомъ раньше легкомысленныхъ Пражскихъ мальчишекъ, про которыхъ было сказано, что они что-то намѣревались затѣять. Да, Мадьяры занимали второе мѣсто въ союзѣ для угнетенія Славянъ, и отсюда эта осторожность и милосердіе къ нимъ! Въ Государственномъ Совѣтѣ было постановлено, что только Нѣмецкій и Мадьярскій языки на будущее время должны быть дипломатическими языками въ Австріи, всѣ же прочіе языки, и особенно Славянскій, достояніе 16 милліоновъ Австрійскихъ подданныхъ, были навсегда исключены изъ этого разряда. Славянъ только приманивали и выставляли Мадьярамъ, какъ грозное привидѣніе. Но союзъ съ Мадьярами не удал-

оя, такъ какъ они задались намѣреніемъ господствовать исключительно и нераздѣльно и напали на Австрійцевъ. Теперь дружба ихъ пропала на вѣки! ⁷¹ Жаль, что эта народность, искони принадлежавшая къ кругу идей Славянскихъ, жившая съ Славянами въ дружескихъ отношеніяхъ добрыхъ сосѣдей, до того забылась, ослѣпленная своимъ самолюбіемъ, и съ такою яростью выступила противъ Славянъ! Мадыяры обнаружили большой недостатокъ въ проницательности, не понявъ, что для нихъ могутъ наступить лучшіе дни только въ союзѣ съ ихъ старыми друзьями. Есть ли еще столь ослѣпленные, или столь дурные, Славяне, которые бы вѣрили въ возможность Славянской равноправной Австріи? Что стало въ рукахъ этихъ людей съ Славянской мыслью равноправности, теперь ясно каждому: но пусть они заключаютъ позоромъ, что начали съ дурными намѣреніями. Мы убѣждены, что сами поборники Славянской Австріи между Чехами, Палацкій, Гавличекъ и пр., теперь раскаялись въ своемъ Австрійскомъ усердіи и, быть можетъ, уже держатся другого образа мыслей. Оба они уже подверглись опалѣ: Палацкій уже протестовалъ противъ, задуманнаго въ Прагѣ, благодарственнаго адреса Австрійскому Правительству, а Гавличекъ беспощадно высказываетъ въ глаза этому нечестному Правительству самыя горькія истины. Впрочемъ, еще до этого обнародованная методическая теорія Палацкаго объ Австрійской федераціи продолжаетъ жизнь Австріи много много года на два; централизація гораздо для нея пригоднѣе, и быть можетъ, протягиваетъ этотъ срокъ еще на нѣсколько лѣтъ, нѣсколько мѣсяцевъ. Съ федераціею Палацкаго Австрія быстро подвергнется совершенному разложенію, и Меттернихъ хорошо зналъ, что онъ дѣлаетъ, держа въ ежовыхъ рукавицахъ всѣ народности Австріи и давая имъ всѣмъ, за исключеніемъ Мадыарской, которою не успѣлъ овладѣть; пользоваться небольшою призрачною жизнью. Славянскую Австрію предоставьте нѣкоторымъ, Чешскимъ аристократамъ, нѣсколькимъ Католическимъ Епископамъ и ихъ продажнымъ рабамъ!

У Чеховъ всего меньше причинъ служить Австрійцамъ какими-то щитоносцами. Ужъ развѣ забыли они страшныя крова-

⁷¹ Штуръ ошибся, но только по видимому: теперешняя дружба тѣхъ и другихъ основывается единственно на томъ, кто кого проведетъ. В. Л.

дыя сцены подь старой Прагой? Забыли развѣ, что послѣ Бѣлогорской битвы Чехія лишилась около двухъ слишкомъ миллионѣвъ своего населенія частью отъ Австрійскихъ пытокъ и ссылокъ, частью на войнѣ? Развѣ они мысленно не видятъ ужасныхъ кровавыхъ побойщъ, развѣ уже не слышатъ стоновъ своихъ замученныхъ и сосланныхъ предковъ? Уже ли вышли изъ ихъ памяти слова благороднаго старца, Каплира Шулевича, сказанныя имъ предъ казнию въ завѣщаніе потомкамъ, «чтобы никто изъ нихъ никогда не служилъ подлымъ Австрійцамъ?» Нѣтъ, каждая Чешская душа все это живо чувствуетъ и въ каждомъ Чехѣ затаена глубокая ненависть къ Австріи. Къ чему тогда этѣ неестественныя чувства и союзы, отъ которыхъ народъ раньше или позже откажется? Не съ поддержаніемъ Австріи, а лишь съ паденіемъ ея и Турціи, этѣхъ темницъ Славянъ, разцвѣтетъ имъ нѣкогда лучшее, горячо желанное, будущее. Только тогда разовьется и разцвѣтетъ Славянская жизнь на обширныхъ, прекрасныхъ поляхъ отъ Рудныхъ горъ до Босфора:

И отъ Двины до Арарета,
Отъ Беринга до Рудныхъ горъ,
Обнимемъ весело братъ брата,
Составимъ Всеславянскій хоръ!

Но если Славяне не могутъ ни образовать союзническихъ (федеративныхъ) Государствъ, ни устроиться и развиваться въ Австріи, то остается третій, единственно вѣрный и полный будущаго, способъ,—соединеніе всѣхъ Славянъ съ Россіей. Отвѣчайте же, положя руку на сердце, Братья, не Россія ли, подобно маяку, свѣтила намъ въ наше печальное прошедшее, въ глубокую ночь нашей жизни? Не Россія ли оживляла наши упованія, ободряла нашъ упавшій духъ, подняла нашу почти угасшую жизнь? Не Россія ли явилась съ положительною помощію къ Сербамъ, отряхавшимъ невыносимое чужеземное иго, и въ наши дни не она ли помогла, хотя и подь Австрійскою формою, нѣсколькимъ Славянскимъ племенамъ: Сербамъ, Хорватамъ, Словакамъ, боровшимся съ угнетателями нашей народности, Мадырами? Не Россія ли, своимъ могучимъ словомъ, существенно содѣйствовала признанію внутренней самостоятельности Сербовъ Княжества и другихъ нашихъ еще томящихся подь игомъ братьевъ, какъ то: Болгаръ, Сербовъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Албаніи и т. д.? Не она ли защищаетъ своимъ силь-

нѣмъ вліяніемъ, облегчаетъ ихъ тяжкую участь и всячески имъ помогаетъ? Не Россія ли, своимъ могущественнымъ, повелительнымъ положеніемъ, заставляетъ еще нашихъ враговъ нѣсколько щадить нашу жизнь? Признаемся откровенно: развѣ всѣ наши національныя стремленія имѣли бы какой ни будь смыслъ, значеніе и будущее безъ Россіи, при непомѣрной ненависти къ намъ чужеземцевъ, которымъ мы уже покорились и которые хотятъ теперь дѣлиться господствомъ надъ нами? Не будь Россіи, не напали ли бы вновь на Сербовъ, хотя уже вообще ослабѣвшіе, Турки, а Нѣмцы, въ союзѣ съ Мадырами и Итальянцами, не кинулись ли бы на насъ и, при своемъ численномъ превосходствѣ и разныхъ другихъ преимуществахъ, не задавили ли бы насъ и не увеличили ли бы нашего рабства до медленной нашей смерти? Гдѣ Россія и не выступала положительно за Славянство, она все же оказывала, и продолжаетъ ему оказывать, самыя важныя жизненныя услуги. Если такимъ образомъ наше пробужденіе въ Россіи нашло себѣ точку опоры, если она прежде была и теперь намъ всеѣмъ полезна, то понятно, что все дальнѣйшее наше существованіе, весь нашъ жизненный вопросъ, связаны съ нею. Къ чему ити противъ Россіи, къ чему въ близорукости, пристрастїи, безумїи, или злобѣ, словомъ и дѣломъ, трудиться противъ Россіи? Выше мы показали, что всѣ Западныя деи не приносятъ ни какой пользы тамошнимъ народамъ, даже, напротивъ, ведутъ ихъ къ краю пропасти. Къ чему же эту порчу переносить въ нашъ міръ, ожесточать насъ другъ противъ друга и уничтожать самую возможность нашего возрожденія? Мы имѣемъ многому, очень многому, учиться отъ Запада, но не съ того должны мы начинать, отъ чего онъ самъ гибнетъ, но съ того, чѣмъ онъ сталъ великъ и могущественъ. Мы должны учиться у Запада относительно Государства строгой подчиненности Государственной цѣли и отстраненію произвола и личныхъ неосновательныхъ притязаній, впрочемъ, безъ потери собственной личности, и многимъ практическимъ учрежденіямъ въ Государственной жизни. Мы должны стремиться къ прежнему самообладанію Запада, въ безконечной наукѣ создать много прекраснаго; мы должны войти за Западомъ въ храмъ искусства, для того, чтобы, наконецъ, достигъ самой величайшей задачи человѣческаго бытія—дать значеніе и жизнь одной человѣчности. Изъ пониженія Запада и его общаго упадка

мы должны извлечь себѣ ту пользу, чтобы укрыться отъ всего того, что несетъ эту порчу; а въ чемъ она состоитъ, мы уже сказали. Но если мы преимущественно желаемъ извлечь нашу жизнь изъ развалинъ, въ которыхъ она лежитъ, упрочить и развить ее, то мы, прежде всего другого, должны быть Славянами. Это главное условіе нашей жизни; слѣдовательно, надо отложить въ сторону всѣ разъединяющія стремленія, всѣ односторонніе племенные интересы, конечно, не въ пользу какого ни будь другого племени, но въ пользу всего Славянства, въ которомъ каждый изъ насъ вновь себя обрѣтетъ. Раздѣленія и связанныхъ съ нимъ бѣдствій довольно уже было у насъ, выше всякой мѣры. Россія, какъ видно изъ немногихъ выше указанныхъ чертъ, есть двигатель и предводитель всей нашей народной семьи: соединимся же къ ней, выступимъ же всецѣло, въ духъ нашего народа, подъ предводительствомъ исторически намъ данаго, племеннаго старѣйшины!

Россія уже заключаетъ, на 80 милліоновъ Славянъ, около $\frac{6}{8}$ нашего народа, такъ какъ изъ 79 милліоновъ Славянъ круглымъ числомъ она имѣетъ почти 54 милліона. Кромѣ того, 6 милліоновъ Славянъ въ Турціи и въ Княжествѣ Сербскомъ находятся или подъ ея прямою, признанною, защитою, или подъ ея покровительствомъ, благодаря ея могуществу и неодолимому вліянію. Съ другой стороны, этѣ племена искренно преданы Россіи, отчасти изъ признательности, отчасти по принадлежности своей, общей съ нею, Греко-Славянской Церкви, и глядятъ на Россію, какъ на единственную свою защитницу и избавительницу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этѣ племена съ восторгомъ привѣтствовали Царскаго сына, Великаго Князя Константина, на его пути изъ стараго Цареграда, съ одушевленіемъ окружали его экипажъ и задерживали его на дорогѣ. Сербы Княжества, совершенно внутри независимые, никогда изъ благоговѣнія не подымутъ своей крѣпкой вооруженной руки противъ Россіи, за исключеніемъ, развѣ, нѣсколькихъ лицъ, образованныхъ въ Парижѣ. Въ последнее время своего правленія, Милошъ, между другими ошибками, сдѣлалъ и ту, что отдался отъ Россіи и держался Англии и Франціи. Но такая не національная политика еще болѣе дѣлала его непопулярнымъ въ народѣ, и дѣйствительно способствовала его сверженію, которому помогала и Россія. Другіе Славяне принадлежатъ Австріи и Пруссіи,

и еще небольшое ихъ число живетъ въ Саксоніи, именно: число Австрійскихъ нѣсколько превышаетъ 16 милліоновъ, а Прусскихъ болѣе 2 милліоновъ. Что касается Славянъ Австрійскихъ, то надлежитъ замѣтить, что немалое ихъ число принадлежитъ къ Греко-Славянской Церкви; другая, не незначительная часть, хотя и приведена Австрійскимъ Правительствомъ, съ помощью различныхъ обмановъ и хитростей, къ соединенію (Уніи) съ Католическою Церковью, при всемъ томъ, однако, чувствуетъ непреодолимое стремленіе къ Церкви своихъ отцовъ. Поляки въ Галиціи, при всемъ отвращеніи къ Россіи, невольно склоняются къ ней послѣ страшной рѣзни 1846 года. Прочіе же Славяне, частью изъ смутнаго чувства, частью изъ ясно сознаваемыхъ причинъ, наклонны къ Россіи, послѣ новѣйшаго, самаго горькаго, разочарованія, чувствуютъ отвращеніе къ Австріи; сверхъ того, Православные Славяне еще болѣе ожесточены на нее, за тайныя ея попытки къ насильственному соединенію ихъ съ Католическою Церковью, за удержаніе ею, присланныхъ изъ Россіи, драгоценныхъ церковныхъ украшеній и утвари въ ограбленныхъ Мадьярами церкви. Охваченная разложеніемъ, Австрія идетъ быстрыми шагами къ своей гибели. Прусскіе Славяне суть Познанскіе и Силезскіе Поляки и немногіе Западные Сербы въ Лужицахъ. Изъ нихъ важнѣе всѣхъ Поляки Познанскіе. Какъ Поляки, они чувствуютъ къ Россіи рѣшительное отвращеніе, но надо помнить, что въ послѣднее ихъ возстаніе, Нѣмцы поступали съ ними жестоко, даже многихъ мучили, а либеральный Франкфуртскій Парламентъ провозгласилъ присоединеніе Познани къ единой и великой Германіи; что Поляки, своими союзами съ чужеземцами, ни чего никогда не достигали и всякой разъ только глубже падали и наконецъ вошли въ составъ Пруссіи. Но въ любомъ соединеніи съ Германіею они всегда могутъ предвидѣть свое вѣрное онѣмеченіе; впрочемъ, благодаря ихъ Славянской природѣ, нерасположеніе ихъ къ Нѣмцамъ значительно превосходитъ ихъ нерасположеніе къ Русскимъ. Пруссія также не стоитъ на особенно твердыхъ ногахъ и, такимъ образомъ, Полякамъ, если вообще они хотятъ спасти свою народность, остается единственное средство спасенія—обращеніе къ Россіи. Поляки въ Силезіи не чувствуютъ къ Россіи ни какой непріязни и не имѣютъ къ тому ни какой причины: уже вѣка покорены они иноземцами и не питаютъ ни малѣйшей надежды на возстановленіе

Польши, а прежде всего чувствуютъ лишь потребность возможно скоро избавиться отъ Нѣмецкаго завоевателя, будь онъ Австріецъ, или Пруссакъ, и промѣнять ихъ на вѣрную защиту своей народности. Слѣдовательно, стремленіе всѣхъ Славянскихъ племенъ къ Россіи есть общее: однимъ внушено оно внутреннею потребностью души, другимъ необходимостью вещей, для сохраненія жизни. Кто же можетъ противиться этому внутреннему и внѣшнему стремленію? Отдѣльныя лица могутъ противъ этого кричать, по они ни чего не достигнутъ; могутъ рѣшительно этому противодѣйствовать, но они подчинятся напору событій. По недостатку соотвѣствующаго мѣста, теоріи не пускаютъ корней, ни чего не достигаютъ и ни чего наконецъ сдѣлать не могутъ. Слѣдуйте же, Братья, всѣ этому стремленію: оно идетъ вѣрнымъ путемъ и ведетъ къ цѣли, еще никогда нами не достигнутой.

Единственные Славяне, которые Россію ненавидятъ, и при удобномъ случаѣ, будутъ противъ нея дѣйствовать, это Поляки. Впрочемъ, и у нихъ все болѣе и болѣе упадаетъ духъ, такъ какъ ни какія усилія не сопровождаются у нихъ успѣхомъ. Сверхъ того, Польской народности угрожаетъ чужеземное владычество. Поляковъ обманывали обѣщаніями помощи Иностранная Державы по порядку. Своими, постоянно легкомысленными и безуспѣшными, возстаніями и своими, постоянно имъ вредившими, союзами съ ино-племенниками, Поляки потеряли довѣріе и расположеніе своихъ соплеменниковъ. Вся ихъ исторія очевидно доказываетъ, что они не въ состояніи держать верховенство надъ Славянскими народами. По прекращеніи рода Пястовъ, между которыми было нѣсколько сильныхъ Королей, но при которыхъ, въ слѣдствіе Княжескихъ Удѣловъ, Королевство было очень ослаблено, вступили на Польскій престолъ еще болѣе сильные Ягайловичи. Между тѣмъ и послѣдніе Государя этого Дома уже были не на столько сильны, чтобы обуздать, какъ слѣдуетъ, все болѣе и болѣе кичившееся и стремившееся къ исключительному господству Дворянство. Но съ прекращеніемъ этого дома Польское Королевство стало избирательнымъ, и Дворянство уже не знало болѣе границъ своему властолюбію, всякой разъ вымало у вновь избираемаго Короля, передъ его вѣнчаніемъ, все большія права и, выдавая себя исключительно за народъ, позволяло себѣ дѣйствовать съ полнымъ произволомъ

Вся страна служила только Дворянству, его прихотямъ и удовольствіямъ. Безъ страха передъ верховною властью, даже съ ея согласія, оно обратило народъ въ самое постыдное рабство и, между тѣмъ, ознакомившись съ Западно-Европейскими нравами и роскошью, оно совершенно произвольно поступало съ своими крѣпостными людьми. Власти Королевской, которая бы обуздавала Дворянство, не было. Польша была оттѣснено отъ моря и, въ слѣдствіе этого, не развилось въ ней ни торговли, ни промышленности, ни, наконецъ, наклоннаго къ Королевской власти, средняго сословія. Все болѣе кичась, Дворянство откинуло на послѣдокъ всякую предосторожность и благоразуміе, установило, по началу дурно понятаго равенства, что всякой долженъ быть удовлетворенъ общественными приговорами, а въ противномъ случаѣ имѣеть право имъ противиться и ихъ уничтожить. Такимъ образомъ каждый Дворянинъ считалъ страну за свое собственное помѣстье, и каждый въ ней хозяйничалъ, какъ ему заблагоразсудится. Залзды вошли въ моду и, казалось, не имѣли конца. Самопожертвованіе и воинственность упали, среди роскоши и наслажденій. Свободные Козаки, которыхъ также Дворянство хотѣло обратить въ крѣпостныхъ и управлять Евреями, возмутились, отложились отъ Польши и отдались Россіи. Остальной народъ томился подъ тягостью поборовъ. Между тѣмъ сосѣднія Польшѣ Державы укрѣпились въ Монархіи, особенно Россія, народъ которой имѣлъ силу строго подчиниться единой Государственной волѣ. Польское Государство было всюду потрясено и почти сгнило. Найти предлогъ вмѣшаться въ Польскія внутреннія дѣла было очень не трудно. Еще было легче покорить и раздѣлить эту страну, въ которой Король не имѣлъ ни какой власти и ни чѣмъ не повелѣвалъ, Дворянство разучилось военному дѣлу и легко было подкупаемо, въ слѣдствіе своей страсти къ наслажденіямъ, а народъ стоналъ въ глухомъ рабствѣ. Кто же виноватъ въ несчастіи Польши? Сами Поляки. Народъ, такъ жалко заправлявшій своимъ Государствомъ, рѣшительно не можетъ имѣть призванія на созданіе новыхъ Государственныхъ формъ, или на руководство и предводительство другими народами. Плохо бы прикрылись Славяне, если бы довѣрились Полякамъ и понадѣялись на ихъ верховенство. Они сами себѣ ни въ чемъ не могутъ помочь, какъ же они помогутъ другимъ, нуждающимся въ помощи? Часто повторявшіяся послѣ раздѣла

Польша поытки къ ея возстановленію ни къ чему не приводили, по большей части не удавались, благодаря недостатку единодушія у Поляковъ, и нѣкоторыя изъ этѣхъ попытокъ страдали уже слишкомъ большою нецѣлостію. Основанныя Поляками за границею разные политическія общества съ цѣлью возстановленія Польши, всѣ, сколько ихъ ни было (а бывало ихъ очень много), разрушались злымъ духомъ Поляковъ, ихъ самолюбіемъ и взаимною враждою. Выборъ средствъ, поступленіе въ иностранную службу, заключеніе союзовъ съ иноземцами, для возстановленія Польши, все это не приноситъ чести ихъ критическимъ способностямъ. Они много рассчитывали на Наполеона, который также ими пользовался и думалъ ихъ удовлетворить кускомъ Польши, но потомъ, ближе ознакомившись съ ними, совершенно ихъ выпустилъ изъ своихъ политическихъ соображеній. Какъ онъ на нихъ глядѣлъ, показывается слѣдующее, весьма меткое, его замѣчаніе о Полякахъ: *D'ailleurs les Polonais m'ont paru peu propres à remplir mes vues. C'est un peuple passionné et léger. Tout se fait chez eux par fantaisie et rien par système. Leur enthousiasme est violent, mais ils ne savent ni le régler, ni le perpétuer. Cette nation porte sa ruine dans son caractère.*» Даже на Германію устремляли свои взоры Поляки, помогали образованію тайныхъ Нѣмецкихъ обществъ, Арміи и Германіи, даже вступали съ ними въ братство и наконецъ ожидали спасенія отъ Нѣмецкихъ либераловъ, которые, собравшись въ церкви Павла во Франкфуртѣ, почли догомъ поторопиться причисленіемъ Познани къ единой и великой Германіи.⁷² При Варшавскомъ возстаніи не явилось ожидаемой и обѣщанной помощи Французовъ, и недавно Мадьяры, на которыхъ они также рассчитывали, очень ловко ими пользовались: благодаря ихъ геройскому мужеству и военнымъ способностямъ, одержали большую часть своихъ побѣдъ, но, при всемъ томъ, глядѣли на нихъ, какъ на людей легкихъ, и даже дурно подъ конецъ обращались съ ними. Въ слѣдствіе этого Мадьяры и Поляки разошлись очень недружески. Поляки дерутся на всѣхъ Европейскихъ баррикадахъ, но это не приноситъ имъ ни пользы, ни чести. Не знаютъ будто Поляки, что отъ постороннихъ нельзя получить жизни и свободы, и, вразумленные наконецъ всѣми этѣми ужасными разочарованіями, выйдутъ ли они наконецъ

⁷² Какъ и теперь причисленіемъ Пруссіей къ Сѣверо-Нѣмецкому Союзу. В. Л.

на всѣмъ намъ общую дорогу? Почти всюду пробовали они удачи: теперь, вѣроятно, попробуютъ въ Турціи,⁷³ и нигдѣ съ успѣхомъ. Со всѣми почти вступали они въ союзы, и только и единственно къ своимъ ближнимъ, своимъ братьямъ, становились они спиною, а между тѣмъ Полякамъ, какъ и всѣмъ Славянамъ, возможно спасеніе лишь въ обще-Славянской жизни. Въ высшей степени жалко, Братья, что вы такъ расточаете ваши способности, вашу геройскую храбрость. Все это заслуживаетъ лучшей участи. Вы жалуетесь на жестокость Русскихъ къ вамъ, но подумайте, что вы нѣкогда причиняли Русскимъ гораздо больше зла. Когда еще Козаки были соединены съ вами, не желали ли вы обратить ихъ въ рабство, не начинали ли вы отдавать ихъ въ грязныя руки Жидовъ? А что дѣлали вы въ Западныхъ Русскихъ областяхъ? Какіе вы творили тамъ ужасы въ слѣдствіе Брестъ-Литовской Уніи? Развѣ Православныя церкви не были обращаемы въ ваши Дворянскія конюшни, или отдаваемы на аренду Израилю такъ, что бѣдный Православный причетъ бывалъ вынужденъ за дорогую цѣну выкупать церковныя ключи у послѣдняго? А противники Уніи развѣ не были мучимы самымъ постыднымъ образомъ? Каждой неправдѣ слѣдуетъ возмездіе, хотя бы оно шло изъ рукъ брата; но вы по тому особенно не можете ссылаться на строгость къ вамъ Русскихъ, что вы пользуетесь каждымъ случаемъ, чтобы наносить имъ всевозможный вредъ. Мы уже говорили о возмущеніяхъ, о союзахъ противъ Россіи съ иностранцами, о дракахъ на Европейскихъ баррикадахъ; но кто еще, между прочимъ, распространилъ въ мірѣ самыя гнусныя, самыя позорныя, клеветы и ложь о Русскихъ? Ваша продолжительная борьба съ Русскими собственно шла изъ за верховенства въ Славянской народной семьѣ. Дѣло шло о томъ, кто изъ васъ двоихъ способнѣе: вы не устояли въ борьбѣ—и подчинились владычеству Россіи. Вѣрно и прекрасно замѣтилъ это дивный Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи»:

Это споръ Славянъ между собою,
 Домашній, старый споръ, ужъ завѣщенный судьбою.
 Уже давно между собою
 Враждуютъ этѣ племена,

⁷³ И точно, пробуютъ уже. В. Л.

Не разъ вложилась подъ грозою
 То ихъ, то наша сторона.
 Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ,
 Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
 Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ,
 Оно ль изсякнетъ? Вотъ вопросъ.

По нашему убѣжденію, для Славянской народной семьи и его несчастной тысячелѣтней судьбы, было счастьемъ, что борьба получила именно такое окончаніе; ибо предположимъ, что побѣдили бы Поляки, то чтобы изъ этого вышло? Въ такомъ случаѣ, Россія была бы далеко отодвинута отъ Европы, а вы, благодаря вашей слабости и раздробленности, подъ конецъ все таки не укрѣпились бы, раньше или позже подчинились бы великому натиску иноземцевъ и, такимъ образомъ, была бы рѣшена участь всѣхъ Славянъ, далеко вдвинувшихся въ Европу и находящихся подъ чужеземнымъ игомъ. Россія побѣдоносно окончила борьбу не только съ вами, но почти со всею Европою, доказала во всемъ свое призваніе и свою дивную силу, далеко вдвинулась въ Европу и, такимъ образомъ, всѣ наши, нуждающіяся въ помощи, племена примыкають теперь къ ней непосредственно. Будете ли вы еще въ этомъ событіи не признавать воли Провидѣнія, будете ли вы еще проклинать восходящую денницу на нашемъ небѣ, наступленіе нашего дня? Всѣ ваши противныя усилія, вся ваша злоба къ Россіи, разобьются объ ея желѣзную силу, объ ея счастье и предназначеніе Славянства, и если вы послѣ всего этого не придете въ разумъ и, не смотря на все это, будете мѣшать общей жизни нашей народной семьи, то мы, видя, что не достигнемъ нашей цѣли съ вами, будемъ такъ дѣйствовать, чтобы достигъ ея безъ васъ, даже противъ васъ.

Въ новѣйшее время отношеніе Чеховъ къ Россіи было не совсемъ братское, даже въ ихъ сочиненіяхъ, между прочимъ, проскальзывала непріязнь къ Россіи, о чемъ нельзя не пожалѣть. При пробужденіи Чешскаго народнаго духа, въ періодъ Неѣдлаго, Пухмира, Раутенкранца, Сѣдлачка, Гнѣвковскаго и достойнѣйшаго Юнгмана, въ этомъ достопочтенномъ кругу всегда говорили о Россіи съ благоговѣніемъ и обращали къ ней взоръ, полный упованія. Но когда нѣкоторыми младшими ли-

тературными дилетантами была изобрѣтена теорія о Славянскихъ Федеративныхъ Государствахъ; еще болѣе, когда нѣсколькими, исполненными притязаній, мужами, подъ сильными аристократическими внушеніями, выдуманъ былъ проектъ Славянской Австріи. тогда и журналы наполнились тѣми злонамѣренными нападками на Россію, которыя дозволяли себѣ младшіе дѣятели Нѣмецкихъ Славянъ (Deutsch-Slawen) въ Австріи. Въ Германіи сыпались ругательства на центральную державу Славянъ, имъ ненавистную Россію, и въ Чехіи долгомъ сочли, въ выгодахъ Австріи, помочь этой брани, тѣмъ болѣе, что напередъ были увѣрены въ одобреніи Австрійскаго Правительства за подобное усердіе. Даже въ головахъ нѣкоторыхъ засѣла мысль о союзѣ съ Нѣмцами на пользу Чешской народности, которая почиталась небезопасною отъ Россіи. Новѣйшія событія убили этѣ глупости,⁷⁴ и мы вполне убѣждены, что этѣ несчастныя воззрѣнія вскорѣ уступятъ мѣсто совершенно имъ противнымъ, такъ какъ здравомыслящій Чешскій народъ въ глубинѣ души рѣшительно наклоненъ къ Россіи, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время Чехи очень мало расположены къ принятію Австрійской выправки, и въ нынѣшнихъ прозаическихъ своихъ обстоятельствахъ очень слабо привлекаютъ къ себѣ другихъ Славянъ. Хотя литература прилежно разрабатывается, однако по высшимъ наукамъ, по философіи, исторіи и т. д., не выходитъ ни чего замѣчательнаго, кромѣ Исторіи Чехіи Палацкаго, а въ искусствахъ и поэзіи Чехи не представляютъ, за исключеніемъ Махы, ни одного творческаго дарованія. Технические познанія пользуются большимъ успѣхомъ; матеріальное благосостояніе — вотъ идолъ, къ которому стремится народъ, и какъ многіе не могутъ его достигнуть на родинѣ, то усиливается страсть къ выселеніямъ. Къ большому цѣлому должны также примкнуть и Чехи, подобно другимъ Славянамъ, ибо въ своемъ обособленіи не могутъ удержаться, или создать что ни будь великое.

Такъ называемые Илиры или Католики-Хорваты, послѣ Австрійскихъ приманокъ и Чешскихъ разработокъ, также иногда выступали противъ Русскихъ въ не разъ подкушенномъ журналѣ Гая, но и это карканье теперѣ замолкло. Вялые, но слабо вы-

⁷⁴ Не совсѣтъ-то. В. Л.

держанные (дресированные), Австрійскіе Хорваты воодушевлятся Славянскою пдеєю, лишь только придуть въ самосознаніе.

Неодолимо влечетъ къ себѣ Россія Славянъ. Но еще другія причины располагаютъ ихъ къ ней. Русскіе—единственныя Славяне, сохранившіе свою самостоятельность, и тѣмъ спасшіе честь Славянскаго имени. «Всѣ Славяне, говоритъ путешественникъ Коля (въ Аугсбургской Всеобщей Газетѣ), гдѣ только ни сходились съ Нѣмцами, покорились имъ, и Нѣмецкій дубъ гордо распускался на ихъ развалинахъ, и они теперь почиютъ подъ его тѣнью. Былъ одинъ день, и навсегда бы рѣшилась судьба Славянскаго міра, но этотъ день рѣшилъ противное: Это день Полтавской битвы! Петръ Великій съ своими Русскими одержалъ за Славянъ эту вѣчно памятную побѣду, которая уже склонялась на сторону Шведовъ. У Россіи бывали тоже свои бури, свои злые дни. Однажды при Калкѣ она локорилась Монголамъ и была у нихъ въ неволѣ слишкомъ 200 лѣтъ, но она мужественно возстала изъ паденія и развивалась потомъ съ негаданною прежде силою Шведы, въ союзѣ съ Поляками и Турками, посягали на ея самостоятельность, но однихъ она опрокинула и отняла у нихъ много земли, другихъ включила въ свое Государство, бросивъ чужимъ только куски ихъ земли, а третьихъ укротила, забравъ у нихъ много земель. Наконецъ вторглась въ Россію почти вся Европа, ведомая величайшимъ военнымъ геніемъ, но и это колоссальное могущество разбилось о силу Россіи, и на ея поляхъ померкла звѣзда Наполеона. Теперь стоитъ она въ полнотѣ могущества и притомъ въ юношеской свѣжести. Россія, конечно, есть величайшая перво-степенная Держава, ибо какое иное Государство повелѣваетъ такими неизмѣрными силами и средствами, какими обладаетъ Россія? Народъ въ Россіи за одно съ своимъ Царемъ: въ этомъ-то и состоитъ главная сила Россіи; ея Дворянство не пользуется особенными политическими правами, готово къ самопожертвованіямъ, какъ-то видно изъ многочисленныхъ приношеній Дворянства на пользу общую въ царствованіе Николая; ея купечество патріотическое: лица этого сословія при вторженіи Французовъ въ Россіи представили въ распоряженіе Императора Александра половину, даже $\frac{3}{4}$ своего состоянія; классъ ученый трудолюбивъ и полонъ мысли о величій Россіи; ея войско глубоко

предано Царю и Отечеству; ея Духовенство благочестиво и усердно къ отеческой Вѣрѣ, этой связи, крѣпко объединяющей страну. Народъ добръ и силенъ, послушенъ и готовъ на самопожертвованія, одаренъ природною крѣпостью. Необъятно пространство, повелѣваемое Россіею. Оно обнимаетъ 375,000 миль, такъ что изъ него можно составить 9 Турецкихъ Имперій, 28 Скандивій, 29 Австрій, 30 Германій, 36 Францій. Власть Россіи простирается отъ сѣверовосточнаго угла Азіи, отъ уединенной Камчатки, до высокаго сѣвера Америки, отъ высокаго Европейскаго сѣвера почти до Карпатъ, до Дуная, Чернаго моря и далѣе до самаго Арарата. Число жителей уже превышаетъ 63 милліона душъ.⁷⁵ Ядро ихъ составляютъ Великоруссы и Малоруссы въ 51 милліонъ. Среднимъ числомъ населеніе состоитъ лишь изъ 165 душъ на квадратную милю; впрочемъ, въ Еврейской Россіи на квадратную милю приходится 605, а въ Азіятской только 48 душъ. Такое отношеніе неблагопріятно свѣдѣтельствуеетъ объ относительной силѣ Россіи, но за то очень выгодно для ея дальнѣйшаго усиленія, равно какъ и для избавленія отъ нищенства. На этомъ пространствѣ $\frac{7}{100}$ населенія занимается земледѣліемъ, по чему народное хозяйство опирается, кажется, на твердое основаніе. Въ своей южной полосѣ Россія имѣетъ настоящую хлѣбную житницу, въ богатыхъ пажитями Новороссійскихъ степяхъ громадное пособіе для скотоводства, въ своихъ необъятныхъ лѣсахъ множество дерева на всякую нужду, между прочимъ и на кораблестроеніе. Въ нѣдрахъ Русской земли, особенно въ Азіи, заключаются великія минеральныя богатства: золото, платина, серебро, желѣзо. Промышленность, особенно въ царствованіе Императора Николая, развивается съ каждымъ годомъ, точно также какъ и торговля и пути сообщенія. Въ 1824 — 33 г. среднимъ числомъ привозъ товаровъ доходилъ до 90 милліоновъ, а вывозъ до 106 милліоновъ гульденовъ. Если дѣло образованія не стоитъ еще на высотѣ другихъ Европейскихъ Государствъ, то, однако, Правительство усердно заботится о распространеніи просвѣщенія, и Православная Россія никогда умышленно не замыкалась передъ наукою, какъ строго Католическія земли. Ученые труды, пре-

⁷⁵ Теперь приблизительно считаютъ въ Россіи 394,307 кв. миль и 76,344,168 л. обоюго пола. В. Л.

красные журналы, на пр., Москвитянинъ и другіе, ученые и поэты Россіи, на пр., Карамзинъ, Державинъ, Пушкинъ, Гоголь, Шевыревъ и прочіе, сдѣлали бы честь каждому народу. Вѣдшее вліяніе Россіи имѣеть въ Европѣ огромное значеніе, отъ чего и приписываютъ Русской дипломатіи удивительную ловкость и только что не чудотворную силу. Правда, Русскіе дипломаты искусны, расчетливы, владѣютъ собою. Но не всѣ дипломатическіе успѣхи Россіи сдѣдуетъ приписывать ея дипломатіи. Обладая такими необъятными источниками, съ единымъ, преданнымъ, юнымъ и сильнымъ народомъ, уже совершившимъ великіе подвиги, она можетъ подчинить своему вліянію самыя разнообразныя элементы, и этой главнѣйше силѣ обязана своими успѣхами. Все работаетъ на ея руку, другъ и недругъ, миръ и война, мятежи и тишина, Шварценбергъ и Бахъ, Мантейфель и Радовицъ, точно также, какъ Кошутъ и Семере, Гервегъ и Руге, Турки и Греки, Нѣмцы и Славяне. Одною рукой обнимаетъ она Азію, другую протягиваетъ въ Америку; неприступная для Европы, она сосѣдитъ съ гнилою Австріею и съ Турецкимъ трупомъ. Великое и малое, разнообразное и единое, самыя величайшія противоположности: Христіанство, Язычество, Магометанство, чудесное и обыкновенное, баснословное съ дѣйствительнымъ, все сливается въ величественный образъ, живущій въ душѣ každато Русскаго. До сотни различныхъ инородческихъ племенъ примыкаютъ къ великому Русскому племени, сотни племенъ получаетъ толчекъ отъ единой воли, шаманы и дервиши, минареты и Византійскіе куполы находятся рядомъ, Ледяное море и древлепрославленный Понть, Камчатка и Вилія, древняя Колхида и знаменитый Балтъ, гора Араратъ, къ которой преданіе привязываетъ колыбель человечества, и синій Донъ, Крымскіе жары соединяются съ полугодовыми полярными почвами, Азія съ Европою, Востокъ съ Западомъ, утро съ закатомъ, солнце никогда не заходитъ въ Россіи. Сколько здѣсь представляется работы разуму, дѣятельности, и какъ все это неотразимо приковываетъ воображеніе! Не даромъ, при первомъ видѣ Москвы, этого великолѣпнаго миниатюрнаго образа Россіи, стоялъ нѣкоторое время Наполеонъ неподвижно и безмолвно, пораженный ея прелестью и величіемъ.

Не смотря на то, что эта Держава достигла такой высоты, не въ этомъ, однако, заключается главная причина тяготѣнія Сла-

вянь къ Россіи, но въ томъ, что Русскій народъ имѣеть силу не только создавать, но и сохранять созданное. Сверхъ того, Русскій народъ болѣе другихъ Славянъ хранить въ себѣ особенности чисто Славянскія въ сочетаніи силы съ скромностью и добротою, въ своихъ нравахъ, въ общинномъ устройствѣ, и наконецъ онъ умѣлъ избѣжать главнаго недостатка Славянской государственности и, въ слѣдствіе этого, образовалъ единое могущественное Государство. Только въ немъ имѣеть Славянская жизнь основаніе и опору для своего дальнѣйшаго развитія, только творческая и охранительная Русская сила можетъ возродить обломки нашей народности, и характеръ Русскаго народа составляетъ единственную могучую силу тяготѣнія для нашихъ племенъ, еще не совершенно невѣрныхъ своей природѣ. Когда подумаешь, изъ какихъ начатковъ пошло Русское Государство, какъ вообще росло оно шагъ за шагомъ, при успѣхахъ всегда выказывало умѣренность, никогда не теряло однажды пріобрѣтеннаго, то невольно удивляешься той силѣ и послѣдовательности. Лучшія стороны Славянскаго характера мы большею частью поясняли данными изъ Русской жизни и исторіи, по той простой причинѣ, что жизнь — вѣрнѣйшій отпечатокъ нашей души, а народу съ великою исторіею представляется наилучшая возможность раскрытія своего духа. Такому предводителю Славянскія племена могутъ довѣряться безъ опасенія, и кто, при всемъ своемъ могуществѣ, даетъ чужеземцамъ спокойно жить и развиваться, тотъ радушно встрѣтитъ почти потерянные родственныя племена и будетъ жить съ ними по братски.

Иностранцы, впрочемъ, постоянно утверждаютъ, что Россія не можетъ удержаться при такой величинѣ и должна распасться. Распасться — страшное слово, но возможно ли это? Когда чего желаютъ, то вѣрятъ въ его исполненіе. Но, слава Богу, о распаденіи Россіи не можетъ быть и рѣчи. Не почіеть ли Русское Государство на единомъ народѣ, и одно Великорусское племя не достаточно ли велико и сильно, чтобы притягивать всѣ остальные племена? Не одна ли Церковь обнимаетъ весь Русскій народъ? Не глубоко ли запечатлѣны въ душѣ cadaго Русскаго единство и величіе его Отечества, такъ что мысль о немъ не

отдѣлима отъ его существа и составляетъ одно и тоже съ бытіемъ каждаго Русскаго человѣка? Немногочисленныя внутреннія волненія въ Россіи не умирали ли передъ мыслью объ единствѣ Русскаго Государства и хотя малѣйше повредили ли ему? Эта мысль такъ глубоко сжилась съ Русскимъ народомъ, что даже Русскіе заговорщики: Пестель, Муравьевъ и проч., бывшіе въ соглашеніи съ Поляками, не хотѣли имъ отдавать Польской области. Кто попытается разорвать это единое цѣлое, и тѣмъ соединить силу и самопожертваніе Русскаго народа, тотъ можетъ заранѣе быть увѣренъ въ послѣдствіяхъ. Ни какая внутренняя и виѣшняя буря не отрывала отъ Россіи даже клочка земли, и сила Русская постоянно возрастаетъ. По чему такъ любятъ Русскіе свои величавые памятники? ибо, что они ни производятъ, все у нихъ величественно. Это по тому, что этѣ памятники свѣдѣтельствуютъ объ ихъ силѣ и являются ихъ взорамъ снимкомъ ихъ Отечества.

Славяне, съ своей стороны, жалуется на то, что Россія неблагопріятна совершенствованію и при этомъ отдѣляютъ Правительство отъ народа; увѣряютъ, что они держатся народа, а Правительства не уважаютъ. Наконецъ, они ропщутъ на союзы Русскаго Правительства съ иностранными Державами, въ слѣдствіе чего не является ни какихъ столкновеній и Славяне не могутъ дожидаться дня своего освобожденія. При первомъ взглядѣ этѣ жалобы кажутся основательными, но при ближайшемъ разсмотрѣніи онѣ теряютъ почти весь свой вѣсъ.

Русское Правительство благопріятно совершенствованію (прогрессу) во всѣхъ отношеніяхъ: въ научномъ, промышленномъ, общественномъ и пр. Найдите въ Исторіи примѣръ другой страны, которая бы въ такое короткое время такъ далеко во всемъ подвинулась впередъ изъ состоянія совершенной грубости. Не старается ли Русское Правительство объ освобожденіи народа отъ унижительнаго крѣпостнаго состоянія? Не всевластно ли и не приведетъ ли оно со временемъ это дѣло къ успѣшному окончанію? ⁷⁶ Давно ли отмѣнено крѣпостное право въ другихъ Европейскихъ странахъ, и не были ли этѣ страны гораздо образованнѣе Россіи?

⁷⁶ И привело уже. В. Л.

не считались ли онѣ высокообразованными въ то время, когда у нихъ крѣпостное право господствовало? Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія Русское Государство очень дѣятельно. Съ каждымъ годомъ значительно умножаются различныя училища, и если въ нихъ не всѣ принимаютъ равное участіе, то вина въ томъ позорномъ крѣпостномъ правѣ, которое уже не долго будетъ держаться въ Россіи. Каждый годъ открываются новыя ученыя Общества, на пр., Географическое, Археологическое и т. д., которымъ Правительство щедро помогаетъ. Вообще, судя по общей Русской дѣятельности, видно, что она заготовляетъ матеріалы для великаго дѣла, имѣющаго явиться въ ближайшемъ будущемъ. Литературныя и ученые журналы разбираютъ подлежащія имъ вопросы гораздо съ большею свободою, чѣмъ это было можно въ Австріи при Меттернихѣ и, смѣло прибавимъ, чѣмъ даже теперь. Въ промышленномъ отношеніи успѣхи Русскихъ иногда превосходятъ всякое ожиданіе. Цари промышленности, Англичане, знаютъ это очень хорошо. Но надо помнить, что мысль, совершенствованіе, требуютъ слишкомъ много времени для того, чтобы пробраться и проникнуть такія необъятныя, какъ Россія, пространства. Великія вещи растутъ и созрѣваютъ медленно, а что быстро растетъ и разцвѣтаетъ, то скоро и проходитъ. Вотъ, на пр., Мадыры на-таскали, будто въ стеклянный домъ, всѣ произведенія Европейской образованности; какого онѣ качества, извѣстно о томъ зна-токамъ; какъ онѣ полезны Мадырамъ, знаетъ о томъ міръ. Но что Русское Государство удаляетъ отъ себя нѣкоторыя Западныя явленія, а народъ питаетъ къ нимъ родъ отвращенія, въ этомъ они оба правы.

Отдѣлять народъ отъ Правительства—безсмысленно, какъ это мы уже отчасти выше показали. Западъ вообще, и неправильно, отличаетъ Правительства отъ народовъ. Французы даже провели практически это раздѣленіе, но за всѣмъ этѣмъ получали Луи Филиппа на мѣсто изгнаннаго Бурбона, а Луи Наполеона на мѣсто Луи Филиппа. Каждое Правительство соотвѣтствуетъ состоянію, возрѣніямъ, потребностямъ, степени развитія, нравственности самаго народа. Это-то всегда почти опускаютъ изъ виду народы Запада. Не только у нихъ Правительства дурны, но и народы исторчены. Правительства суть только выраженія ихъ собственной

нравственности. Что Англійское и Прусское Правительства честнѣе другихъ Правительствъ на Западѣ, причина заключается въ самихъ народахъ. Всего менѣе у Славянъ можно отдѣлять Правительства отъ народовъ, частью въ слѣдствіе, совершенно отличнаго отъ Запада, нравственнаго состоянія нашихъ народовъ, частью по тому, что отъ этого происходили великія несчастія для нашего народа. Пока Правительство честно служитъ великой цѣли Государства, народъ вполне и добровольно преданъ ему, хотя оно, быть можетъ, и дозволяетъ себѣ суровость и жестокость; но пока народъ ему вѣритъ, оно старается управлять имъ, какъ можно честнѣе. Довѣріе возбуждаетъ довѣріе, а недоовѣріе взаимную ненависть и преслѣдованія. Если разъ порвалась связь Правительства съ народомъ, то Правительство старается угнетать народъ, и, на оборотъ, народъ вымышляетъ поводы вредить Правительству. Сохраняйте, Славяне, сокровище этого единства: гдѣ оно есть, тамъ процвѣтутъ ваши Государства. Русскій народъ имѣетъ достаточно основаній довѣрять своимъ Государямъ: не заботились ли они всѣ объ его благѣ, не былъ ли каждый изъ нихъ не только по имени, но и на дѣлѣ, увеличителемъ своего Царства? Въ душѣ Павла жило много несдержанности, но онъ былъ человѣкъ, не чуждый восторга и великодушія. Александръ I былъ расположенъ ко благу своего народа и сдѣлалъ много достойнаго признательности. Человѣкъ строгости и желѣзной послѣдовательности, Николай, былъ глубоко преданъ своему Государству и его величію. Въ нашествіе Французовъ Александръ объявилъ торжественно, что онъ скорѣе надѣнетъ на себя сермягу, чѣмъ подпишетъ унижительный для Россіи миръ, и Николай пошелъ бы радостно на смерть за свое Царство и Отечество. Да, вы, много браненные и оклеветанные Западомъ, Романовы, вы заслужили другой награды за усилія ваши на пользу насъ всѣхъ. Васъ бранятъ и ненавидятъ за то, что вы — Государи Славянъ и того Славянскаго Государства, къ которому устремлены надежды всѣхъ Славянскихъ племенъ. Вы много сдѣлали, но васъ ожидаютъ еще величайшіе подвиги. Совершите ли вы ихъ? Славянскій міръ внимательно прислушивается къ ходящимъ по немъ разговорамъ о Царскихъ сыновьяхъ. Съ довѣріемъ обращается Славянскій міръ и къ вамъ, Обреновичи, несправедливо и по наущенію нашего злаго духа удаленные съ Сербскаго престола. Въ минуты величайшей опас-

ности вы руководили Сербскимъ народомъ, и никогда не покидали его несчастной страны. Также вѣримъ и въ тебя, Петръ Петровичъ, Владыка Черногорскій, повелитель горъ и богатыйрей. ⁷⁷

Мы знаемъ, по чему Русское Правительство заключаетъ политическіе союзы съ чужими Державами: именно для того, чтобы задержать успѣхи Западной революціи. Тѣмъ не менѣе въ душѣ нашей поднимаются сомнѣнія относительно вѣрности этого положенія. Вообще мы не проникаемъ въ тайны Кабинета; но въ то время, когда Русскіе Цари выступали смѣло и свободно, они составляли явленіе свободное, высоко уважаемое всѣми Западными народами. Но это уваженіе, какъ намъ кажется, значительно ослабѣло, когда они допустили себя увлечь въ этѣ неестественные союзы. У Россіи, кажется, есть иное предназначеніе, чѣмъ служить орудіемъ тѣмъ, которые слишкомъ испорчены и сами держаться не могутъ. Кажется, этѣ союзы неблагоприятно дѣйствовали на самихъ Царей, приближая ихъ къ Западнымъ Правителямъ, находившимся въ натянутыхъ отношеніяхъ къ своимъ народамъ. Священный Союзъ хотя и происходилъ отъ Александра и имѣлъ въ основаніи вѣрную мысль, но и на него не хорошо подѣйствовалъ. ⁷⁸ Была бы безконечная ошибка, если бы Русскіе Цари

⁷⁷ Уже скончавшійся. В. Л.

⁷⁸ Совершенно въ томъ же духѣ, только болѣе рѣзко и съ большимъ знаніемъ пользы Русской политики, писалъ объ этомъ Баронъ Строгановъ, въ своемъ письмѣ къ Императору Николаю въ Константинополѣ въ 1825 г. Письмо это хранится въ Государственномъ Архивѣ (въ Петербургѣ), но, къ сожалѣнію, въ свое время я не успѣлъ его списать и не могъ обнародовать. Помню, что Строгановъ смѣло и открыто указывалъ Царю на Священный Союзъ, какъ на отводъ, выдуманный Австрією для отвлеченія вниманія Русскаго Кабинета отъ его кровныхъ интересовъ на Востокъ. Въ нашихъ Архивахъ есть много разныхъ Австрійскихъ тайныхъ писемъ и записокъ о разныхъ заговорахъ и тайныхъ обществахъ въ Европѣ, о вольномыслии Нѣмецкихъ Студентовъ, о дѣйствіяхъ кучки карбонаровъ въ Италіи, Швейцаріи. Всѣ этѣ записки Меттерниха могутъ служить подтвержденіемъ письму Строганова и поясненіемъ Крымской войны и Парижскаго договора. Жаль, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ не приступитъ къ изданію записокъ и переписки Русскихъ дипломатовъ XVIII в. (время Петра, Елисаветы, Екатерины и даже начала царствованія Александра I). Теперешніе наши дипломаты не имѣютъ ни какой школы и только знакомы съ преданіями Нессельроде, дѣйствовавшаго по внушеніямъ Меттерниха. В. Л.

взяли себѣ за образецъ Государей Западныхъ, ибо имъ съ Русскимъ народомъ лежитъ совсѣмъ иной путь, чѣмъ народамъ Западнымъ, и они находятся къ своему народу въ совершенно другомъ отношеніи. Было бы несчастьемъ искусственно возбуждать разрывъ между Царемъ и народомъ. Но, не смотря на это, пусть не страшатся Славяне, что у Россіи съ иностранными державами, которымъ они подчинены, никогда не дойдетъ до столкновений и, слѣдовательно, будто не придетъ время ихъ освобожденія. Громадная Русская сила напираетъ впередъ, она не можетъ успокоиться, она постоянно должна искать новыхъ театровъ своей дѣятельности. Славянское сознаніе сильно пробуждается въ Россіи и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ее обхватываетъ, а оно не можетъ долго оставлять въ рабствѣ и позорѣ родственныя Русскимъ племена. Сверхъ того, ближайшія къ Россіи въ Европѣ Государства, по крайности, два, самыя гнилыя: Турція и Австрія. Они распадутся сами сами собою, и Русскіе должны будутъ, въ выгодахъ собственной безопасности, вмѣшаться въ ихъ дѣла.⁷⁹ Высоко взлетитъ ихъ орелъ, далеко надъ міромъ опустится, и Сѣвернаго орла узнають братья. Опирайтесь на все Славянство—вотъ единственно природная и сообразная Россіи политика. Славянскія племена, нынѣ находящіяся внѣ предѣловъ Русскаго Государства, однажды соединившись съ Россіею въ одно цѣлое,⁸⁰ слишкомъ достаточно замѣнятъ ей иностранныя союзы. Итакъ терпѣнье, Славяне! День нашъ взойдетъ и забрезжетъ на Юго-Востокѣ. Противъ нашихъ соединенныхъ силъ кто можетъ бороться съ успѣхомъ

⁷⁹ Назначеніемъ Графа Голуховскаго Намѣстникомъ Галиціи и своимъ союзомъ съ Поляками противъ Русскихъ Австрія сама ускоряетъ и облегчаетъ развязку. В. Л.

⁸⁰ Штуръ нигдѣ не разумѣетъ обращенія Славянскихъ земель въ Русскія области. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо высказывается за необходимость сохраненія Сербскаго владѣтельнаго дома. Штуръ прямо не говоритъ этого, ибо не вдается въ подробности, но очевидно передъ его умомъ носился образъ Славянскаго Союза, въ которомъ Россія участвуетъ, какъ членъ и какъ предсѣдатель; однимъ словомъ, нѣчто подобное тому, чѣмъ будетъ теперь Пруссія въ Сѣверномъ Союзѣ, или въ послѣдствіи въ Союзѣ обще-Нѣмецкомъ. Первымъ и важнѣйшимъ шагомъ къ такому Славянскому Союзу должно быть свободное распространеніе Русскаго языка во всѣхъ земляхъ Славянскихъ. В. Л.

и долге отнимать у насъ жизнь? Но пора, въ высшей степени пора, Россіи сознать свое призваніе и приняться за Славянскую идею; ибо долгое промедленіе можетъ, по нашему мнѣнію, имѣть дурныя послѣдствія.

Но для того, чтобы Россія увеличилась присоединеніемъ къ ней Славянъ, чтобы Славянство разъ навсегда приобрѣло жизнь и дѣйствительность, она должна такъ устроиться внутри, какъ того требуютъ духъ Славянства, истинная современная образованность и ея мировое положеніе. Такимъ образомъ изъ всего предыдущаго открываются слѣдующіе итоги:

Въ нашей древности земля была занята, обрабатываема и защищаема разрозставшимися племенами. Она не была завоевана, слѣдовательно, по справедливости никѣмъ никому не могла быть дарима, и, слѣдовательно, всякая личная зависимость и крѣпостное состояніе, какое бы имя оно ни носило, есть величайшая неправда относительно нашего народа, преступленіе противъ народнаго духа. По нашимъ понятіямъ, земля можетъ принадлежать только свободнымъ владѣльцамъ. Крѣпостное право въ Россіи есть ея величайшее зло. Мы указали и оцѣнили по достоинству почтенныя стремленія частыхъ лицъ и Правительства положить конецъ этому злу, но онѣ недостаточны. Важность дѣла требуетъ гораздо болѣе усердія для отмычки этого зла. Мы этѣмъ вовсе не совиѣтуемъ торопливости, ибо великія раны разомъ не залѣчиваются, но пора, давно пора, толково приняться за это дѣло. Сдѣлать это повелѣваетъ намъ и Христіанство, строго осуждающее всякое рабство, и дурное обращеніе съ человѣкомъ.⁸¹

Такимъ образомъ всѣ отцы семействъ вступаютъ въ свободное владѣніе поземельныхъ участковъ и возвышаются до человѣческаго достоинства. Но не отъ ихъ произвола зависитъ оставить землю, ибо не объ нихъ идетъ дѣло, а о многихъ, съ ними живущихъ и за ними слѣдующихъ. Земля есть собственность міра, общины, съ которою каждое лицо связано. Отсюда устройство Славянской общины, которая сохраняется въ Россіи, въ Черногоріи, Болгаріи и т. д. Всѣмъ совершеннолѣтнимъ лицамъ даетъ

⁸¹ Дѣло сдѣлано, и крѣпостничества уже нѣтъ болѣе. В. Л.

община равные участки земли, и по смерти ихъ снова беретъ себѣ. Это стало какъ бы закономъ. Гдѣ Славянская община пропала, тамъ слѣдовало бы ее ввести, а гдѣ это не исполнимо, постановить закономъ недѣлимость земли, достаточной для прокормленія полной семьи.⁶² Такимъ образомъ можно избѣжать нищенства въ нашихъ областяхъ и избавить многихъ членовъ челоуѣчества отъ унижающей его участи. Западъ далъ каждой личности свободу, и больше о ней не заботился, въ слѣдствіе чего возникли неволя и бѣдствія. Наша обязанность, при сохраненіи цѣлаго, заботиться и о каждой личности.

Какъ видно изъ предыдущаго, наша община, черезъ охраненіе цѣлаго, беретъ подъ свою защиту каждое лицо отдѣльно. Но если кто, не смотря на это, безъ всякой, съ своей стороны, провинности, посѣщенъ какимъ ни будь бѣдствіемъ, то добродушіе нашего народа даетъ ему достаточную помощь, даже по прошествіи времени онъ поступаетъ милосердно и съ провинившимися. Это, свойственное нашему народу, направленіе удержалось во всѣхъ нашихъ учрежденіяхъ. При всей доброй волѣ, одна община неудовлетворительна для всѣхъ несчастныхъ случаевъ; бѣдствія могутъ посѣтить всю общину. Обособленность и безпомощность общины восполняется Жупою, Округомъ, Воеводствомъ, Окруженьемъ (Волостьемъ, Уѣздомъ), или какъ бы его ни называли. Нѣсколько общинъ соединяются вмѣстѣ, въ видахъ взаимной помощи, въ случаѣ какихъ ни будь несчастій, постигающихъ отдѣльныхъ лицъ, или цѣлую общину. Такою же взаимностью въ великихъ бѣдствіяхъ обязываются и Жупы: большія городскія общины устраиваются по этому же началу, меньшія принадлежать къ Жупамъ. По основному воззрѣнію нашего народа, община есть только распространенная семья, Жупа—распространенная община, а Государство—союзъ Жупъ. Слѣдовательно, практическое выполненіе этого начала цѣльно заключается въ духъ нашего народа, ждетъ только благоприятнаго времени и поощренія для вступленія въ жизнь. По сему нѣтъ ни какой надобности опредѣлять это закономъ. При развитіи нашей жизни это начало

⁶² Надѣломъ по «Положенію 19-го Февраля, 1861 года», и это также сдѣлано у насъ въ известной степени. В. А.

явится само собою. Въ Россіи существуютъ въ городахъ большія артели рабочихъ, которые сообща, по единодушному приговору, раздѣляютъ между собою прибыли отъ своей работы, распределяемой выборнымъ старостою. Этѣ двѣ статьи разрѣшаютъ у насъ общественные вопросы, о разрѣшеніи которыхъ напрасно хлопочетъ Западъ, содержатъ въ себѣ дѣятельную заповѣдь, помазаніе Христіанства и проистекаютъ изъ глубины нашего народнаго духа. Западныя учрежденія и товарищества въ видахъ отвращенія нужды и бѣдствія, при недостаткѣ дѣятельной любви, составляютъ ничтожную замѣну истиннаго требованія и, сверхъ того, при несчастныхъ случаяхъ, запутываются въ денежныхъ расчетахъ.

Община у всѣхъ нашихъ племенъ пользуется самоуправленіемъ. Но тѣмъ болѣе она имѣетъ на то право, когда состоитъ изъ свободныхъ землевладѣльцевъ. Это право общины на свое самоуправленіе есть единственно разумное и составляетъ для нея настоящую святыню. Такимъ образомъ народу не дѣлается ни какого насилія, его нравы соблюдаются въ чистотѣ, и онъ свободно развивается и наслаждается полнотою жизни. Подъ самоуправленіемъ общины разумѣемъ мы то, что она оберегаетъ общинную собственность, управляетъ общественнымъ достояніемъ, избираетъ своихъ старшинъ, сама заботится объ ихъ обеспеченіи, сама рѣшаетъ малыя гражданскія тяжбы, сама выполняетъ Правительственныя требованія относительно податей, набора войска для защиты Отечества, и такимъ образомъ вся община отвѣтственна передъ Правительствомъ, опредѣляетъ несчастные случаи, постигающіе отдѣльныхъ членовъ, принимаетъ нужныя для помощи мѣры, свободно собирается для разсужденій объ общинныхъ дѣлахъ, для выбора старосты и должностныхъ лицъ, для разбора ихъ дѣйствій, и во всѣхъ этѣхъ обстоятельствахъ, въ случаѣ вкрадшихся злоупотребленій, просто сообщаетъ о томъ лицу, уполномоченному отъ Правительства. Такъ какъ, по нашимъ обычаямъ, старшій въ семьѣ представляетъ всю семью, а она черезъ него получаетъ поземельный участокъ, то право управленія общиною принадлежитъ только старшимъ въ семьяхъ, признаннымъ общиною, совершеннолѣтнимъ лицамъ, которыми и представлена вся община. Это чисто Славянское представительство есть, по нашему мнѣнію, самое цѣлесообразное и разумное, ибо тутъ каждый пред-

ставитель не является только самъ по себѣ, не есть себѣка, но замѣняетъ собою многихъ другихъ, и этѣмъ самымъ обязывается къ осторожности, степенности и усердію. Такимъ представительствомъ мы рѣзко отличаемся отъ Запада, который хочетъ даровать, и отчасти уже даруетъ, какъ милостыню, право голоса или личное представительство всѣмъ лицамъ извѣстнаго возраста, за весьма немногими исключеніями. Въ Россіи и Сербіи общины обладаютъ полнымъ самоуправленіемъ, и мы считаемъ его за превосходнѣйшій даръ этѣхъ странъ.

Распространенная община, по Славянскому воззрѣнію, есть Жупанія (Округъ, Окружье, Воеводство, Уѣздъ, и т. д.), которой должны принадлежать всѣ права общины, а слѣдовательно и ея самоуправленіе. Жупанія сама заботится о своей безопасности, составляетъ первую, а иногда и вторую, судебную инстанцію, передаетъ Правительственныя предписанія отдѣльнымъ общинамъ, распределяетъ между ними предписываемое Правительствомъ количество податей и рекрутъ, печется о благосостояніи всѣхъ общинъ и всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, обезпечить которыхъ, въ слѣдствіе особенныхъ ихъ несчастій, община не въ состояніи, содержитъ на общественный капиталъ, въ который каждый жертвуетъ смотря по состоянію, по опредѣленію Жупаніи, различныя больницы, богадѣльни и т. д., помогаетъ другимъ, обѣднѣвшимъ не по собственной винѣ и которымъ сама община помочь не въ силахъ, помогаетъ всѣмъ общинамъ въ случаѣ бѣдствій, или вознаграждаетъ ихъ за понесенные ими убытки, и, когда ея помощь недостаточна, приглашаетъ къ тому другія Жупаніи и все Государство, повѣряетъ вносимыя общинами подати Правительству, избираетъ для управленія чиновниковъ, имѣетъ свободныя собранія для разсужденія объ общихъ дѣлахъ. Въ этѣхъ собраніяхъ принимаютъ участіе общины черезъ своихъ представителей, но лично за себя никто не участвуетъ. Правительство при всемъ этомъ ограничивается только указаніемъ и отстраненіемъ вкрадывающихся злоупотребленій. Такимъ образомъ отстраняется всезаѣдающая Западная бюрократія, вмѣсто гробоваго канцелярскаго молчанія является въ обществѣ жизнь и движеніе. Управленіе стоитъ дешево, облеченныя довѣріемъ народа должностныя лица больше дорожатъ честью избранія, чѣмъ жалованьемъ за свои

труды, по этому подати могутъ быть меньше, и вообще гораздо строже можетъ быть ведено все Государственное хозяйство. Въ Россіи Дворянство каждой Губерніи имѣетъ свои Уѣздныя и Губернскія собранія, избираетъ своихъ Предводителей (древнихъ Жупановъ), Судей двухъ первыхъ инстанцій, Предсѣдателей этихъ судовъ и различныхъ по управленію и полиціи чиновниковъ по Уѣздамъ. Такимъ образомъ основа нашихъ древнихъ Жупаній сохранилась въ Россіи; только надобно, согласно нашему народному духу и разумному Государственному порядку, утвердить ее на общинѣ, при чемъ, конечно, Дворянство, какъ таковое, должно отказаться отъ своей исключительной привилегіи и распространить ее, какъ необходимое право, на весь народъ. Нашъ народный духъ не признаетъ ни какихъ, основанныхъ на рожденіи, преимуществъ, а по Христіанству всѣмъ людямъ принадлежать равныя, божественныя и человѣческія, права.

Отъ Жупаній Славяне никогда не умѣли сдѣлать вѣрнаго шага къ Государству. Этотъ же шагъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставить ему полную державную власть и даровать ему бытіе, сообразное его высокому и великому призванію. Слѣдовательно, Государству принадлежитъ все, что выше Жупаній и вообще, что превышаетъ кругъ дѣйствія гражданскаго общества, слѣдовательно: законодательная, высшая правительственная и высшая судебная власть. Такимъ образомъ Государство получаетъ возможность связывать, сообразно своей задачѣ, всѣ Жупаніи, т. е., ему подлежатъ все то, что внутри придаетъ Государству единство и представляетъ его, какъ одно цѣлое, состоящее изъ самыхъ разнообразныхъ взаимно дѣйствующихъ силъ, а извнѣ обезпечиваетъ его самостоятельность и представляетъ его у другихъ самобытныхъ Державъ. Это есть самодержавная Монархія, которая на Западѣ называется абсолютною. Такая Монархія намъ необходима по коренной ошибкѣ въ Государственномъ устройствѣ всѣхъ нашихъ племенъ, по величинѣ и разнообразію нашихъ племенъ, по нашему народному возрѣнію на Монарха, по современнымъ обстоятельствамъ, по предстоящей намъ дѣятельности и по нашему міровому положенію. Въ Россіи она уже существуетъ: пусть только придетъ она въ согласіе съ вышеуказанными

народоправными, нашему народному духу сообразными, учрежденіями, чѣмъ вообще будетъ удовлетворена потребность дальнѣйшаго Государственнаго развитія и отнять поводъ къ нескончаемымъ переворотамъ.

Облеченное такою властью Правительство никогда не можетъ стоять внѣ своего народа и колебаться на воздухѣ, но должно, сообразно нашему народному духу и его предназначенію, ити съ народомъ рука объ руку, согласно его нравамъ и потребностямъ. По этому оно должно быть также окружено уполномоченными отъ Жупъ, которые во всемъ его поддерживаютъ, помогаютъ ему совѣтами и вводятъ его въ взаимную связь съ народомъ. Это есть то, что было во всѣхъ нашихъ Государствахъ—Дума, или Скупщина, которыя и теперь отчасти существуютъ въ Черногоріи и Сербіи и представляютъ передъ Правительствомъ Жупы обнѣихъ этѣхъ земель. Если такой Сенатъ обращается въ призракъ, то это имѣетъ необыкновенно вредное вліяніе, ибо такимъ образомъ у Правительства все болѣе разрывается связь съ народомъ; они все болѣе отчуждаются другъ отъ друга, и послѣдствія такого несчастія неизмѣрима. Хотя и не обнаруживаются внезапно, но слѣдствія такого отчужденія непремѣнно, рано, или поздно, явятся. Въ случаѣ ли важныхъ, затруднительныхъ Государственныхъ дѣлъ, или когда Правительство, быть можетъ, не рѣшается само отъ себя что ни будь предпринять или если оно не увѣрено въ настроеніи народа при какой нибудь важной мѣрѣ, тогда Правительство отбираетъ мнѣнія у Жупаній о предпріятіи, о задуманной мѣрѣ, или, что еще лучше и болѣе по Славянски, оно созываетъ Земскій Соборъ, Думу изъ лучшихъ, опытнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ людей Жупаній, не для того, чтобы они предписывали Правительству законы, препирались и постановляли, не для разыгрыванія конституціонной комедіи, но только и единственно для того, чтобы они, какъ выборные земскіе люди, подали Правительству совѣтъ. Если дѣйствительно Правительство находится въ живой связи съ народомъ, народъ довѣряетъ Правительству, а Правительство народу, то оно непремѣнно воспользуется этѣмъ совѣтомъ, по своему усмотрѣнію. Во всѣхъ нашихъ Государствахъ народныя собранія первоначально имѣли это самое значеніе, и въ

томъ же смыслѣ понимаемъ мы, достойныя всякаго уваженія, нынѣшнія Скупщицы въ Сербіи и Черногоріи.

Между Правительствомъ, поставленнымъ въ такія отношенія къ народу, и самимъ народомъ да ни коимъ образомъ не пробивается тайная полиція, это иностранное порожденіе, отравляющее взаимное довѣріе и питающее только недоувѣріе въ Правительствѣ и въ народѣ, искусственно вызывающее разрывъ и развращающее народъ. О пусть пойметъ это каждое Славянское Правительство! Не каждое свободное выраженіе исполнено злонамѣренности, не всякое свободное движеніе есть покушеніе. Если что ни будь дурное замыслено, или сдѣлано, безпокойными сумазбродами и негодаями, то законныя власти, въ исполненномъ довѣрїи Государствѣ, доведутъ объ этомъ до свѣдѣнія Правительства и во время предупредятъ его для предпріятія необходимыхъ мѣръ. Благородный Перовскій уже настаивалъ, хотя пока безуспѣшно, о закрытіи, совершенно бесполезной въ Россіи, дурной тайной полиціи. Ея существованіе мы приписываемъ тому обстоятельству, что великодушнаго Императора Николая, при самомъ восшествіи его на престолъ, застигъ въ расплохъ заговоръ Пестеля.

Во внѣшней политикѣ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ навсегда отказаться отъ политическихъ союзовъ, заключаемыхъ единственно въ видахъ сохраненія падающихъ, или безпомощныхъ, династій и престоловъ, ибо несостоятельнаго не можетъ долго поддерживать ни какая власть на землѣ. Черезъ это Славянское Правительство, почіющее совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ другія иностранныя Державы, отождествляется съ несостоятельными, изъ вѣры вышедшими, падающими Правительствами, навлекаетъ на себя ненависть народовъ, безъ всякаго, быть можетъ, основанія, само теряетъ уваженіе у своего народа, ибо пренебрегаетъ своимъ дѣломъ, и лишается довѣрїя другихъ Славянскихъ племенъ. Дѣйствіе этѣхъ союзовъ достаточно бы было, по нашему мнѣнію, восполнено для Русскаго Правительства союзами съ Славянскими племенами, живущими внѣ Россіи, если оно, сознавъ свое высокое всемірно-историческое призваніе, возьметъ Славянскую идею за свою путеводную звѣзду и обопрется на Славянство. Ибо только тогда этѣ племена будутъ готовы прижннуть къ Россіи. Мы не находимъ нужнымъ,

и даже считаемъ излишнимъ, заранее опредѣлять способы соединенія и свойство взаимныхъ отношеній Славянъ къ Россіи. Изъ имѣющихъ наступить обстоятельствъ образуется способъ и родъ этого соединенія. Но прежде всего желаемъ мы сохраненія бытія Сербіи и ея внутренняго самостоятельнаго управленія. Сербы преданы Россіи, Исповѣданія Греко-Славянскаго, народъ храбрый, разумный и поэтический, вѣрно сохранившій чисто Славянскія учрежденія, изъ коихъ даже нѣкоторыя исчезли у Русскихъ, конечно, первое Славянское племя послѣ Русскихъ. Сохраненіе Сербіи мы считаемъ разумнымъ и необходимымъ даже изъ политическихъ соображеній. Сербы не образуютъ большаго Государства, храбры, восторжены и легкоподвижны, гораздо легче Россіи могутъ что ни будь предпринять; ибо Россія должна соображаться съ обще-Европейскими дѣлами; при томъ же они находятся подъ покровительствомъ Россіи. Далѣе, надо принимать во вниманіе то обстоятельство, что Сербы уже привлекли къ себѣ вниманіе всѣхъ Южныхъ Славянскихъ племенъ и пользуются у нихъ вполне заслуженнымъ почетомъ.

Въ Славянскомъ Государствѣ всегда непременно должна Церковь сообщать всему свое помазаніе. Съ нею начало, съ нею конецъ. Истинный Славянинъ никогда ни чего не начинаетъ, не призвавъ имени Божьяго на помощь, ни чего не оканчиваетъ, не возблагодаривъ Бога за помощь. Этотъ духъ-охранитель чело-вѣчества и Государствъ, долженъ оставаться въ Славянскомъ Государствѣ невредимымъ, живымъ и священнымъ. Откуда же можетъ проистекать наша дѣятельность, если не изъ внушеній духа? Куда ей надо стремиться и гдѣ оканчиваться, какъ не въ доброй, праведной жизни? «Ищите прежде царствія Божія и правды его, и все прочее приложится вамъ.» Это вѣчное изреченіе оправдывается цѣлою Исторіею. Народы, пренебрегавшіе царствомъ Божьимъ, правдою, истиною, чело-вѣческою жизнью, забывавшіе Бога и прилѣпившіеся только «ко всему прочему» или къ мірскимъ выгодамъ, всѣ этѣ народы пали. Это изреченіе вполне оправдывается и въ будущемъ. Не будемъ падать духомъ, Славяне! Это изреченіе имѣетъ значеніе въ нашей жизни, живетъ въ нашей груди. Наша, т. е., Греко-Славянская Церковь должна всегда эту мысль приводить на память нашимъ племенамъ и нашимъ Государствамъ,

и Государства наши обязаны ея держаться. Церковь наша всегда имѣла въ виду такое призваніе въ жизни, и находится въ соотвѣтственномъ ей отношеніи къ Государству, въ слѣдствіе чего она и можетъ его охранять. Не образуя своего особеннаго духовнаго Государства, не возвышаясь надъ Государствомъ, не подчиняясь ему, она скорѣе идетъ съ нимъ рука объ руку и проникаетъ его. Порою въ Россіи она раскрывала свою силу и съ крестомъ въ рукѣ, съ Патріархомъ во главѣ, являлась передъ забывшими свое высокое призваніе и склонными къ насилию Царями, и напоминала имъ ихъ священныя обязанности. Да всегда одушевляють этѣ примѣры нашу Церковь! Никогда не стремяся къ господству, пусть, однако, никогда и не дозволяетъ она отгѣснять и понижать ее съ ея высокаго положенія!

Излишнимъ считаемъ входить въ подробныя по этому поводу опредѣленія, такъ какъ оно раскроется само собою изъ главныхъ основаній. Налегать на мелочи въ Государственныхъ дѣлахъ и законодательствѣ, все предназначать, устанавливать и предписывать, это не дѣло Славянъ. Эту мелочную работу регулированья предоставляемъ бюрократамъ, къ которымъ всѣ наши племена чувствуютъ невыразимое отвращеніе. Что отвѣчаетъ правамъ нашихъ племенъ, что само собою выходитъ изъ бытовыхъ ихъ особенностей, что ясно съ перваго взгляда каждому, то исполняется у насъ безъ всякихъ предписаній, и обычай, плодъ бытовыхъ особенностей, почитается у насъ гораздо священнѣе всѣхъ вашихъ, бюрократы и Нѣмцы, приказаній и предписаній, вашихъ параграфовъ и уставовъ, вашихъ патентовъ и указовъ. Нѣмецъ все носитъ въ головѣ и все разрѣшаетъ въ понятіи, отъ чего и получаютъ тогда параграфы, и такъ какъ ихъ нельзя передать изустною рѣчью, а онъ этого и не можетъ, то по тому онъ все сообщаетъ другимъ на бумагѣ. Ораторы читаютъ свои рѣчи, Профессоры свои тетрадки. Славянинъ, напротивъ того, все держитъ въ сердцѣ и въ духѣ, и по тому умѣетъ передавать силою устнаго слова. Всѣ наши племена имѣютъ рѣшительное ораторское дарованіе, и если у нѣкоторыхъ оно пало, какъ, на пр., у Чеховъ, то это произошло подъ вліяніемъ бюрократіи, Правительственнаго гнета и съ нимъ связаннаго онѣмѣнія.

Мы выше объяснили, съ какими требованіями обращаемся къ Славянскому Государству; теперь слѣдуетъ представить обязанности нашихъ племенъ, если онѣ желаютъ Славянской жизни и ея единства, и указать на тотъ путь, которымъ они могутъ достигнуть этой высокой цѣли. И тутъ Греко-Славянская Церковь занимаетъ первое мѣсто, къ которой обращать свои взоры есть священная обязанность нашихъ племенъ. Не въ томъ, какъ обыкновенно думаютъ и утверждаютъ, состоитъ различіе между Восточною и Западною Католическою Церковью, что одна отвергаетъ Папу, не принимаетъ маленькой частицы хлѣба, еѣ, и въ догматѣ о Троицѣ и въ нѣкоторыхъ обрядностяхъ, но различіе ихъ существенное и проникаетъ все цѣлое. Греко-Славянская Церковь никогда не создавала своего духовнаго Государства, для его сохраненія и управленія никогда не ставила Папы и духовной Іерархіи; напротивъ, она довольствовалась органическимъ завершеніемъ Церкви, въ которой, конечно, есть Іерархія, ибо безъ нея не можетъ существовать Церковь, и ввѣрила этой Іерархіи вышеупомянутую высокую церковную задачу. Эта задача или призваніе содержитъ священныя обязанности: проповѣдывать Евангеліе нарождающимся поколѣніямъ, укрѣплять въ немъ уже принявшихъ его, постоянно и непрерывно разъяснять и толковать всѣмъ вѣчно истинное ученіе, подымать падшихъ, укрѣплять слабыхъ, побуждать къ смиренію сильныхъ, прославлять кроткихъ, утѣшать несчастныхъ, предостерегать счастливыхъ, и совершеніемъ священныя Таинствъ приводитъ всѣхъ въ живое соприкосновеніе съ Христовою Церковью. На этомъ остановилась Греко-Славянская Церковь, не порываясь болѣе ни за чѣмъ инымъ. Она вручила духовенству эту высокую задачу, и, не основывая собственнаго Государства и по тому не нуждаясь въ правителяхъ для него, не создала, подобно Римской, изъ духовенства повелителей, изъ народа подданныхъ. Она поставила духовенство для разумнѣя ученія, а не слѣжала ихъ, какъ Римская, единственными привратниками Царства Божьяго. Она поручила духовенству руководить народомъ, но не отдѣлила его отъ народа, не запретила ему соединенія съ нимъ противостественнымъ закономъ безбрачія, напротивъ разрѣшила имъ бракъ и, слѣдовательно, соединеніе съ народомъ, употребленіемъ чужаго языка не отняла у народа разумнѣе ученія и Церковнаго Богослуженія, напротивъ перевела на народные язы-

ки Священное Писаніе и Церковную Службу, никогда не утверждала, по примѣру Римской, что только исполненіемъ предписаній духовенства прокладывается путь къ вѣчной жизни, не приучала народъ къ механическимъ, безсодержательнымъ упражненіямъ благочестія и разнымъ, такъ называемымъ, добрымъ дѣламъ, къ смѣшенію наружнаго съ существеннымъ, внѣшняго съ внутреннимъ, и, такимъ образомъ, никогда не поработала духа народнаго, не отупляла народовъ, какъ Католическая, и не повергала ихъ въ ханжество. Греко-Славянскіе народы во всѣхъ странахъ набожны, но не поражены слѣпотою и ханжествомъ, какъ народы Католическіе. Съ этѣмъ тѣсно связано то, что обрядъ не сдѣланъ главною частью религіознаго служенія, но занимаетъ равное мѣсто съ ученіемъ, а гдѣ это иначе, тамъ оно исключеніе, быть можетъ, ошибка, проистекающая изъ дурнаго образованія духовенства. Никогда наконецъ Греко-Славянская Церковь изъ за поклоненія Дѣвѣ Маріи не забывала Христа; у Греко-Славянской Церкви нѣтъ властолюбія, поработенія, внѣшности Католической; у нея есть своя, хотя и существенно отличная отъ Католической. Иерархія, есть жертва и величественное Богослуженіе. Она точно также не лишена церковнаго устройства и единства, какъ, на пр., Протестантская, и отличается, подобно ей, внутреннею глубиною, ученостью и разумомъ, или, по крайности, открываетъ имъ дорогу, и, такимъ образомъ, вышается надъ Католичествомъ и Протестантствомъ и исправляетъ ихъ недостатки и односторонности. Эта Церковь никогда не стремилась съ духовнымъ властолюбіемъ къ свѣтскому господству, не низводила и не унижала Религіи, дѣла самаго священнаго, до средствъ мірскихъ, часто грязныхъ цѣлей, не оскверняла себя преступленіями, не имѣла ни чего общаго съ нехристіанскою дьявольскою дѣятельностью Инквизиціи, Езуитовъ и товарищей. Но она всегда, въ своемъ высокомъ призваніи, примыкала къ Государству и помогала ему; впрочемъ, полная самосознанія, противилась его излишествамъ. Да никогда это высокое призваніе не исчезнетъ изъ виду Греко-Славянской Церкви! Сверхъ того, замѣчательно, что она никогда, подобно Римской, не каменѣла, не относилась такъ враждебно къ Протестантству, не препятствовала развитію, глубинѣ, разумѣнію и строгому соблюденію ученія, тогда какъ Римская предавала Протестантство вѣчному проклятію, всегда провозглашала Протестантовъ за еретиковъ, и ни

мало не заботится о своемъ внутреннемъ развитіи, какъ будто вокругъ нея ни чего не измѣнилось. Впрочемъ, такое развитіе не должно выражаться въ односторонность и утонченность Протестантства, а должно совершаться внутри Церкви. У насъ, однако, нечего опасаться односторонняго Протестантскаго развитія, ибо Славяне не только живутъ головою и отвлеченіемъ, какъ Нѣмцы, но познаютъ сердцемъ и духомъ и стремятся знаніе приводить въ дѣло. При всемъ томъ, Греко-Славянская Церковь никогда не преслѣдовала иновѣрцевъ, вообще относительно ихъ руководилась духомъ Христіанской любви. Русскому народу никогда не приходило въ голову ненавидѣть и угнетать инородцевъ за то, что они иной съ нимъ Вѣры. Напротивъ того, Католичество и Католическія Правительства никогда не прекращали своихъ преслѣдованій, особенно, когда сила была на ихъ сторонѣ. Всѣмъ извѣстны ужасы этого рода въ Испаніи, Франціи, Австріи. Дѣйствія Россіи въ Польшѣ объясняются политическими причинами и собственно направлены не противъ Католичества. Соображая все вышесказанное о Церкви Греко-Славянской, невольно приходишь къ убѣжденію, что это Церковь Славянства и будущаго.

О, возвратись къ намъ снова, святая Церковь нашихъ отцовъ, подавшая нашимъ племенамъ первое благословеніе съ высотъ Нитры, Велеграда и Вышеграда! Нѣкогда ты уже была готова духовно объединить всю нашу народную семью. Вознеси сердца наши къ Непреходящему и укрѣпи нашъ духъ для исполненія нашего высокаго призванія! Почти всѣ наши племена, Чехи и Словаки, Поляки и Хорваты, были уже въ твоемъ лонѣ, мать Славянъ, и лишь только утвердилось господство чужеземцевъ, постаралось оно о твоемъ изгнаніи и о введеніи на твое мѣсто чужой Католической Церкви, которая закрѣпила чужеземное надъ ними господство и дала ихъ въ добычу иноплеменикамъ. Да и нынѣ подкапывается оно подъ тебя, гдѣ ты у себя дома; но оно скоро падеть, а ты говоришь будущему и руководишь живымъ даровитымъ народомъ, вполне отвѣчая его духу и призванію. Только будетъ сломлено и свержено это ненавистное иго и сердца Славянъ воскликнуть съ тобою и радостно потекутъ къ тебѣ, благостной!

Обыкновенно иностранцы упрекаютъ эту Церковь въ свойственномъ будто бы ей застоѣ. Но, вникая въ дѣло глубже, каждый замѣтитъ, что Церковь, которая воспитала великій народъ въ страхѣ Божіемъ, благочестіи, сохранила его силу, свѣжесть и неиспорченное сердце, не подвержена застою, но, напротивъ, была и должна быть исполнена живой силы. Съ Греко-Славянскою Церковью случилось то, что обыкновенно бываетъ съ тѣми людьми, которые не гоняются за міромъ, а живутъ, напротивъ, дома со своими, занятые собственными задачами. О такихъ людяхъ свѣтъ обыкновенно думаетъ, что они не созданы для жизни и мало о ней заботятся. Но всему свое время. Греко-Славянская Церковь оставалась по нынѣ со своими и выполняла дома свою задачу, но придетъ, конечно, время, когда она историческимъ потокомъ будетъ увлечена на великое поприще. И тогда развернется она въ полнотѣ жизни; ибо пусть намъ укажутъ на Церковь, которая достигла полноты дѣятельности безъ всемірно-историческаго народа? Славяне до послѣдняго времени были на заднемъ планѣ Всемирной Исторіи, и съ ними же была тамъ ихъ Церковь.

Да' не говорятъ намъ, что мы указываемъ Славянамъ на Церковь, какъ на средство къ политическому соединенію. Развѣ не ясно, къ чему мы стремимся посредствомъ Славянства и что его призванію отвѣчаетъ единственно эта Церковь. Никогда не уживалось Славянство съ Римскимъ Католичествомъ, и Восточная Церковь была нѣкогда общая всѣмъ нашимъ племенамъ и есть ихъ истинное достояніе. Мы указываемъ Славянамъ то, что имъ принадлежитъ.

Во вторыхъ, Славяне должны подготовляться къ единству литературнаго языка; ибо кто не видитъ, что множество литературъ препятствуетъ взаимному пониманію, развитію духа и общей согласной дѣятельности? У Славянъ много разныхъ литературъ, но, по своей малости, онѣ не могутъ отвѣчать великимъ требованіямъ человѣческаго развитія, особенно, когда Славяне все болѣе и болѣе будутъ выступать на всемірно-историческое поприще. Въ сравненіи съ Западными литературами, Нѣмецкою, Французскою, Англійскою, всѣ этѣ литературы, за исключеніемъ значительнѣйшей изъ нихъ, Русской, малы и слишкомъ недостаточны, не выключая и Чешской. Пока онѣ будутъ такъ раздроб-

лены, имъ рѣшительно не возможно произвести что ни будь замѣчательное. Какое поощреніе для духа, какія средства, какое дѣйствіе, могутъ имѣть этѣ отдѣльныя литературы съ своею маленькою областю, и далеко ли въ состояніи онѣ двинуть чело-вѣческое развитіе? Литературная взаимность Славянъ похвальна и достойна всякаго уваженія, но это слабая помощь въ нуждѣ и никогда она не можетъ глубоко проникнуть въ жизнь всѣхъ племенъ. Славяне имѣютъ всѣ основанія обратиться къ одной литерату-рѣ, и къ тому ихъ обязываютъ общечеловѣческія, политиче-ческія и историческія соображенія. О выборѣ этой литературы не можетъ быть ни какого спора, если не хотятъ переливать изъ пустаго въ порожнее. За исключеніемъ Русской, всѣ Славянскія литературы ограничены небольшими племенами и, слѣдственно, не большими областями. Слѣдовательно, при вопросѣ объ общесла-вянскомъ литературномъ языкѣ можетъ быть выборъ только между Древне-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ. Но Древне-Сла-вянскій языкъ уже вышелъ изъ общегитія, почти мертвый, ли-шенъ гибкости и увлекательности живаго языка, а мы нуждаемъ въ живомъ словѣ. Итакъ остается только Русскій языкъ, какъ исключительно на то способный; ибо это языкъ величайшаго, единственно самобытнаго и на обширномъ пространствѣ земли го-сподствующаго Славянскаго племени, которому уже и безъ того по-праву принадлежитъ главенство въ нашей народной семьѣ. Сверхъ того, изъ всѣхъ языковъ Славянскихъ это самый богатый, сильный и полнозвучный, запечатлѣнный могуществомъ; Сербскій языкъ по этѣмъ качествамъ занимаетъ вторую за нимъ степень. Этѣмъ мы не хотимъ, однако, сказать, что, по принятіи Славяна-ми общелитературнаго языка, уже ни чего не надобно писать на отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, и преимущественно, на пр., поэтическихъ произведеній. Но намъ не надобно только оставаться при отдѣль-ныхъ нашихъ словесностяхъ. Что можетъ, на пр., представить Дат-ская литература сравнительно съ Нѣмецкою? Русская литература и по тому еще заслуживаетъ предпочтенія для принятія за обще-Славянскую, что ея азбука вполне и безъ всякихъ затрудненій передаетъ на письмѣ Славянскіе звуки, тогда какъ, напро-тивъ, другія Славянскія литературы, за исключеніемъ Сербской, съ трудомъ пользуются Латинскою азбукою. ¹² По самолюбію людско-

¹² Но и въ Сербской не безъ важныхъ и существенныхъ затрудненій. В. Л.

му, нельзя ожидать, чтобы наши племена добровольно рѣшились на этотъ объединительный шагъ и, при нынѣшнемъ чужеземномъ господствѣ, ни коимъ образомъ нельзя провести этой мѣры. Это великое дѣло рѣшится ко благу Славянъ только подъ напоромъ важныхъ политическихъ событій. Между тѣмъ полезно пока возбуждать этотъ вопросъ, говорить объ этомъ предметѣ и готовить къ тому умы.

Въ природѣ послѣ каждой весны наступаетъ осень и наконецъ зима, и это явленіе повторяется и во Всемирной Исторіи. Усталые въ пылу работы народы сходятъ съ поприща дѣйствія, послѣ чего наступаетъ тяжелое время, духовная зима, когда жизнь останавливается. За полнотою Греческой жизни настала отвратительная пора, за Римскимъ процвѣтаніемъ возмутительныя времена Имперіи. Намъ кажется, что въ настоящее время наступаетъ въ Европѣ столь же несносное время. Но, не смотря на это, развитіе человѣчества не прекращается и вѣчныя истины не погибаютъ, напротивъ того, какъ наступающею по зимѣ весною распускается природа къ новой роскошной жизни и начинаетъ работать и обновленными силами, такъ точно бываетъ и въ жизни человѣчества. Какая полнота и сила жизни развернулась у Германцевъ и Романцевъ по паденіи Западной Римской Имперіи! Еще особенное явленіе сопровождаетъ дѣятельность всемірно-историческихъ народовъ, достигшихъ вершины своего могущества, то, что, въ сознаніи своего величія и духовнаго превосходства надъ другими народами, они стараются наложить на нихъ печать своего духа. Такъ мы видимъ: завоевавши міръ съ своими Греками, Александръ Великій, полонъ рвенія разлить въ немъ Греческое образованіе. Точно также стремятся Римляне къ «Imperium orbis», а Германцы воодушевляются идеею всеобще-Христіанской Имперіи. Послѣднимъ Западнымъ стремленіемъ этого рода было движеніе Романцевъ при Наполеонѣ, этомъ челоуѣкъ судьбы. Все это, конечно, бывали только попытки, разбившіяся о невозможность выполненія. Какъ Императоръ своимъ мечемъ проложилъ путь Всемирной Исторіи въ Галлію, такъ Наполеонъ пробилъ ей дорогу въ Славянскую землю, и силою увлекъ ее въ область всемірно-исторической жизни. Какъ бы въ благодарность за то, этотъ необычайный челоуѣкъ, съ одной стороны, проклипаемый Фран-

цузами, съ другой боготворимый, ненавидимый Нѣмцами, которымъ пришлось много отъ него вытерпѣть, побѣжденный Славянами въ неравной борьбѣ, былъ лучше всего ими оцѣненъ и понятъ. Замѣчательнѣйшіе умы Славянъ, Пушкинъ и Мицкевичъ, высказали о немъ самое правдивое слово, и въ настоящее время Русскій человекъ, Демидовъ, заводитъ на Эльбѣ Наполеоновскій Музей. О будущемъ этотъ человекъ имѣлъ великія предчувствія, которыя передавалъ друзьямъ въ дружеской бесѣдѣ на островѣ Св. Елены. Славянства онъ не зналъ, зналъ только Россію, на поляхъ которой померкла его звѣзда и разбился его волшебный жезлъ, схороненный въ ея вѣдрахъ.

Человѣчество, какъ бы ни казалось оно падающимъ, долго не можетъ измѣнять само себѣ, особенно при громаднѣхъ успѣхахъ нашего времени. Оно все идетъ впередъ, и гдѣ его конецъ, никто заранѣе опредѣлить не можетъ. Но хуже стать оно можетъ только временно.

Подымите вашъ давноупавшій духъ, Славяне, и, съ Божьею помощію, принимайтесь смѣло за дѣло! Пусто всякое народное высокомѣріе, не содержащее въ себѣ ни какихъ глубокихъ зародышей. Главная суть все таки заключается въ челоѣчествѣ, котораго мы члены, вмѣстѣ со всѣми другими народами.

Таково наше посланіе. Да будетъ оно также принято, какъ было задумано!

IV

МАТЕРІАЛЫ ІНОСТРАННЫЕ

Г Е Н В А Р Я

1 и 2, 1699 года, Его Императорское Величество созвалъ къ себѣ въ Преображенское всѣхъ Бояръ, для совѣщанія съ ними относительно войны и мира.

Въ Нѣмецкой Слободѣ нашли убитаго крестьянина; тѣло его было покрыто ранами, нанесенными ножомъ: преступленіе это осталось не наказаннымъ, такъ какъ не открылось ни какихъ слѣдовъ преступника.

Сегодня казнили, приведенныхъ сюда изъ Азова, мятежниковъ: Пону, который былъ ихъ соумышленникомъ, Царь отрубилъ собственноручно голову.

Казнены шесть поддѣльщиковъ монетъ: имъ влили въ ротъ расплавленную поддѣльную монету.

3. У Русскихъ дню Рождества Господня предшествуетъ шестинедѣльный постъ; сегодня, на канунъ этого праздника по старому численію, всѣ рынки и перекрестки переполнены всякаго рода мясомъ: въ одномъ мѣстѣ немовѣрное количество гусей, въ другомъ столько освѣжованныхъ борововъ, что, кажется, было бы ихъ достаточно на цѣлый годъ; здѣсь множество убитыхъ воловъ, тамъ какъ будто стаи птицъ разпаго рода слетѣлись въ этотъ городъ со всѣхъ концовъ Московскаго Царства. Было бы излишне перечислять всѣ ихъ роды: все, чего только пожелаешь, все найдешь.

Одинъ Бояринъ говорилъ въ Преображенскомъ слишкомъ смѣло въ присутствіи Царя, за что былъ тѣлесно наказанъ, и, безъ сомнѣнія, боль отъ ударовъ твердо внушила ему, съ какою почтительной рѣчью должно обращаться къ Государю.

4. Его Царское Величество, посѣтивъ сегодня Генерала Гордона, котораго болѣзнь удерживаетъ въ постели, сказалъ ему, что, можетъ быть, скоро придется заключить миръ, а по тому не худо было бы вывести корабли въ море, пока еще не прекратились военныя дѣйствія. Гордонъ хвалилъ рѣшимость Царя, но замѣтилъ, что прежде всего слѣдовало бы обезпечить себя относительно

порта, иначе весь флотъ можетъ сдѣлаться игралищемъ вѣтровъ, или же добычею неприятелей. Здравый умъ въ слабомъ тѣлѣ былъ бы признанъ самимъ же Царемъ, если бы жажда славы могла быть столь терпѣливою, чтобъ согласилась сколько ни будь по-временить. Отвѣтъ Гордона, обнаруживавшій слишкомъ сильныя опасенія о неимѣннѣи порта и могущихъ воспослѣдовать отъ того опасностяхъ, не соответствовалъ великому духу Царя, а по тому, пренебрегая изъ честолюбія благоразумнымъ совѣтомъ, Государь сказалъ: «Мои корабли найдутъ портъ на морѣ.» Шейнъ, въ слѣдствіе того, что онъ продавалъ чины, лишень въпредъ власти производить въ Офицерское достоинство; право это передано временно Гордону, какъ человѣку, на котораго можно болѣе положиться; онъ, сейчасъ воспользовавшись этѣмъ, произвелъ Капитана Штрауса въ чинъ Полковника и начальника стражи (*vigilium*).

5. Его Царское Величество обѣдалъ у Генерала Артамона Михайловича Головина.

6. Одна женщина убила мужа и мать, и когда слѣдователь спросилъ у нея, что могло довести ее до совершенія такого безчеловѣчнаго поступка, и развѣ она не знаетъ, какъ строго наказываются преступленія этого рода, то она, къ большому его изумленію, не выказывая ни малѣйшаго страха, отвѣчала ему: «Я недавно видѣла, какъ двѣ женщины, за убійство мужа, подвергнуты были медленной смерти въ ямахъ, и хотя не сомнѣваюсь, что и меня ожидаетъ то же самое наказаніе, однако же я ни о чемъ не прошу, будучи вполне довольна тѣмъ, что, убивъ мужа и мать, могу гордиться столь отважнымъ дѣломъ.» Обыкновенная казнь въ ямахъ увеличена для этой женщины еще тѣмъ, что ей сожгли члены.

6. Прибылъ изъ Мидіи (*ex Media*) Посолъ въ сопровожденіи только пяти человѣкъ.

8 и 9. Царь сидѣлъ за обѣдомъ у Князя Голицына, какъ вдругъ внезапно сдѣлалась тревога и повѣстили, что вспыхнулъ пожаръ, и что уже сгорѣлъ домъ какого-то Боярина. Царь тотчасъ всталъ изъ за стола и поспѣшилъ на пожаръ. Здѣсь онъ не только распоряженіями своими способствовалъ къ потушенію

огня, но даже и рукъ своихъ не щадилъ; и когда уже домъ обрушился, то еще видѣли, какъ Государь трудился среди его развалинъ.

10 и 11. Изъ Посольскаго Приказа присланы Польскому Посланнику пятнадцать подводъ для того, чтобы онъ не медля долѣ своимъ выѣздомъ; по чему сегодня Посолъ этотъ, отправляясь въ путь, публично прощался черезъ посредство Священника со всѣмъ Католическимъ обществомъ.

12. Польскій Посолъ, собираясь въ дорогу, отправилъ впередъ свои пожитки.

Одинъ фокусникъ (по просторѣчию Taschen-Spieler) недавно прѣхалъ изъ Шотландіи въ далекую отъ его родины осквию, въ надеждѣ нажить своимъ искусствомъ большія деньги. Онъ хвасталъ, что происходитъ отъ тѣхъ же знаменитыхъ Гордоновъ, въ родствѣ съ которыми состоятъ и Генералъ Гордонъ, доказавшій права свои на это родство доблестными дѣлами въ Московскомъ Царствѣ. Можно бы было даже допустить, что и фокусникъ принадлежитъ къ ихъ роду, если бы человекъ этотъ не занимался такимъ низкимъ промысломъ, составляющимъ единственное средство его существованія. Черезъ это обстоятельство онъ уже, какъ выродокъ изъ своей фамиліи, потерялъ право на имя человека знатнаго происхожденія: отъ могучихъ орловъ никогда не рождаются слабые голуби. Судьба, лишивъ этого человека положенія въ обществѣ, которое опредѣляла ему его высокая порода, преслѣдовала его потомъ безостановочно, пока, наконецъ, не довела до крайней гибели. Виновниковъ этого послѣдняго бѣдствія былъ онъ самъ: онъ поссорился съ однимъ Капитаномъ, по фамиліи Шмидтъ; отъ ссоры дѣло дошло до драки; онъ уже почти одолевалъ своего противника, какъ вдругъ жена Капитана съ взрослыми дочерьми прибѣжала на помощь къ мужу; фокусникъ, имѣя противъ себя все семейство, рѣшился на болѣе жестока мѣры: онъ схватилъ штилетъ, который имѣлъ при себѣ, и такъ глубоко воткнулъ его въ бокъ Капитану, что тотъ, обливаясь кровью, вскорѣ испустилъ духъ. Фокусникъ, совершивъ убійство, бѣжалъ къ Господину Польскому Послу, какъ въ мѣсто безопаснаго пріюта; но не былъ счастливъ въ выборѣ средства къ спасенію. По-

сланникъ, находившійся на выгѣздѣ изъ Московскаго Государства, не надѣясь безопасно вывезти съ собою этого несчастнаго, и, не сообразивъ хорошо дѣло, въ торопяхъ придумалъ къ его спасенію способъ весьма неудачный. Посоль самъ привезъ его въ саняхъ изъ Посольскаго Дворца въ Нѣмецкую Слободу, то есть, изъ неприкосновеннаго и безопаснаго убѣжища, въ которомъ тотъ спрятался было, туда, гдѣ ему явно угрожала темница и гдѣ жизнь несчастнаго подвергалась неминуемой опасности. Посланникъ полагалъ, что этотъ человѣкъ могъ долѣе скрываться у Полковника Гордона, который служитъ Царю и котораго всѣ должны слушаться, чѣмъ у тѣхъ, которые, по общему понятію всѣхъ, даже отдаленѣйшихъ другъ отъ друга народовъ, состоятъ подъ ненарушимой охраной законовъ и считаются неприкосновенны. Самъ Посланникъ, своею позднею во весь опоръ ѣздой въ Слободу, возбудилъ подозрѣніе въ томъ, кого онъ везетъ. И какъ только полиція нашла на слѣдъ преступника и узнала, что убійца возвратился на квартиру, немедленно явилась туда. По первому требованію полицейскаго, фигляръ былъ выданъ; чернь обрекала его, по своему обычаю, къ жесточайшей казни за то, что онъ лишилъ жену мужа и четверыхъ дѣтей отца. Подъ жестокой пыткой, которой озлобленные Москвитяне подвергнули его, онъ утверждалъ, что собственная защита принудила его къ убійству и что онъ поступилъ такъ, изъ опасенія быть душеннымъ своимъ противникомъ.

Одинъ холопъ убилъ своего Господина, но преступленіе это осталось безнаказаннымъ, такъ какъ Царь милостиво освободилъ преступника отъ казни, къ которой послѣдній былъ уже приговоренъ; этотъ же самый человѣкъ сдѣлалъ сегодня вновь смертоубійство, и Царь, извѣстившись теперь о новомъ его злодѣянствѣ, повелѣлъ заковать его въ кандалы и отвезти на казнь.

13. Здѣсь устроивается, въ день Рождества нашего Спасителя, пышная комедія. По выбору Царя значительнѣйшіе Москвитяне возводятся въ разныя духовныя достоинства. Одинъ играетъ роль Патріарха, другіе Митрополитовъ, Архимандритовъ, Поповъ, Дьяконовъ, и пр. Каждый, кто по Царскому указанію получить одно изъ сихъ званій, долженъ надѣть соответственное оному одѣяніе. Его Царское Величество представляетъ Дьякона.

Театральный Патріархъ, въ сопровожденіи мнимыхъ своихъ Митрополитовъ и прочихъ лицъ, числомъ всего 200 человекъ, прокатился въ восьмидесяти саняхъ чрезъ весь городъ въ Нѣмецкую Слободу, съ посохомъ, въ митрѣ и съ другими знаками присвоеннаго ему достоинства. Въ домахъ всѣхъ купцовъ и богатѣйшихъ Москвитянъ и Нѣмецкихъ Офицеровъ воспѣвались хвалы родившемуся Богу, при звукахъ музыки, нанятой хозяевами дома за большія деньги. Послѣ сихъ пѣснопѣній, въ честь Рождества Христова, Генераль Лефорть принималъ все общество у себя въ домѣ, гдѣ имѣло оно, для своего удовольствія, пріятнѣйшую музыку, угощеніе и танцы.

14. Филадиловъ (Filadilow), богатѣйшій Московскій купецъ, далъ Царю, воспѣвавшему у него съ своими Боярами хвалы родившемуся Богу, только 12 рублей; Царь этѣмъ такъ обидѣлся, что тотчасъ же послалъ къ нему 100 человекъ мужичковъ, приказавъ немедленно выдать каждому изъ нихъ по рублю. Князь Черкасскій, котораго величаютъ богатѣйшимъ мужикомъ, видя чужую напасть, сдѣлался осторожиѣе и, чтобы не прогнѣвать Царя, далъ толпѣ, которая пѣла у него, тысячу рублей. Нѣмцы также находятъ нужнымъ оказывать столько же радушія своимъ посѣтителемъ. Въ каждомъ домѣ разставлены столы съ холодными яствами, изъ опасенія, чтобы гости не застали ихъ въ располхъ.

15 и 16. Праздникъ трехъ Царей, или вѣрнѣе, Богоявленія (Крещенія Господня), ознаменовывается освященіемъ рѣки Неглинной.⁶⁵ Господинъ Императорскій Посланникъ, желая видѣть этотъ

⁶⁵ Въ подлинникѣ помѣщенъ большой рисунокъ, изображающій этотъ ходъ. На переднемъ планѣ замерзшая, рѣка съ лѣвой стороны большая прорубь, въ которую бросились, какъ надо полагать, тотчасъ послѣ освященія воды пѣшіе и конные люди въ одеждѣ, шапкахъ и даже при оружіи. Правѣе отрядъ воиновъ съ пищалами на рукахъ; предъ отрядомъ пушки и высокая каланча, на которой стоитъ вонзъ съ развѣвающимся знаменемъ; посреди ограда, а въ ней важнѣйшее духовенство, при возжешныхъ свѣчахъ, въ большихъ подсвѣчникахъ, святитъ воду въ маленькой проруби, сдѣланной по срединѣ льда въ оградѣ. На второмъ планѣ картины видѣтъ торжественный ходъ: впереди идетъ отрядъ воиновъ съ ружьями на правомъ плечѣ, знаменщикъ несетъ знамя, далѣе везутъ пушки, за

главнѣйшій годичный обрядъ, отпразднана въ Посольскій Приказъ, окна которой выходятъ на протекающую мимо рѣку. Крестный ходъ подвигался въ слѣдующемъ порядкѣ къ замерзлой, по причинѣ зимняго времени, рѣкѣ. Въ головѣ шелъ полкъ Генерала Гордона; Начальникъ стражи, Полковникъ Менезіусъ, велъ этотъ отрядъ, а Полковникъ Гордонъ былъ на своемъ мѣстѣ при полку; яркій красный цвѣтъ новыхъ мундировъ давалъ этому полку нарядный видъ. За полкомъ Гордона слѣдовалъ Преображенскій, хорошо одѣтый въ новые зеленые мундиры. Царь, своимъ высокимъ ростомъ внушавшій должное Его Высочайшему имени почтеніе, исправлялъ въ ономъ должностъ Капитана. За тѣмъ слѣдовалъ третій полкъ Семеновскій; барабанщики въ немъ малы ростомъ, но тѣмъ менѣе былъ ихъ ростъ противъ обыкновеннаго человѣческаго, тѣмъ болѣе черезъ это полкъ украшался; цвѣтъ воинскихъ кафтановъ голубой. Въ каждомъ полку два хора музыкантовъ, а въ каждомъ хорѣ по 18 человѣкъ. За Преображенскимъ полкомъ слѣдовали восемь орудій, за прочими по шести. Въ полкахъ почти всѣ Офицеры Нѣмецкіе уроженцы, или по происхожденію Нѣмцы. На рѣкѣ, покрытой крѣпкимъ слоемъ льда, была устроена ограда; въ верхнемъ концѣ поперекъ рѣки былъ разстановленъ полкъ Гордона, въ нижнемъ концѣ ея Семеновскій полкъ; вдоль же рѣки, вдоль ограды, расположился Преображенскій полкъ. При каждомъ полку были поставлены принадлежащія ему орудія. Полкъ Генерала Лефорта содержалъ эту недѣлю караулы, и по тому только четыре роты сего полка присутствовали при настоящемъ обрядѣ: двѣ изъ нихъ сопровождали духовенство, двѣ другія, съ бѣлыми палками, открывали шествіе и удерживали напоръ толпящагося народа. Двѣнадцать земскихъ (Semskoi) (слуги съ Царской поварни), идя передъ Попами, подметали улицы метлами. Пятьсотъ лицъ духовенства, Дьяконы. Подьяконы, Священники, Игумены, Епископы и Архіепископы въ одеждахъ, сообразныхъ съ достоинствомъ и степенью, занимае-

ними идетъ нѣсколько человѣкъ съ метлами и подметають дорогу, потомъ духовенство: несутъ осьмиконечный большой крестъ, далѣе громаднѣйшій фонарь и проч. На заднемъ планѣ городъ, на валу вокругъ города стоятъ орудія, подлѣ каждого изъ нихъ человѣкъ съ копьемъ, изъ города трое воротъ ведутъ къ рѣкѣ Неглинной.

мою этѣми лицами богато, украшенныхъ серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и камнями, придавали этому обряду еще болѣе величественный видъ. Двѣнадцать церковнослужителей несли предъ большимъ золотымъ крестомъ фонарь, въ которомъ горѣли три восковыя свѣчи, по тому что у Москвитянъ считается дѣломъ неприличнымъ и несвойственнымъ выносить въ народъ крестъ безъ горящихъ свѣчей. Неимовѣрное множество народа толпилось вездѣ, на улицахъ, на крышкахъ и на стѣнахъ города. Когда духовенство наполнило обширную загородку, начались, при множествѣ зажженныхъ свѣчей, священные обряды съ воззваніями къ Богу; послѣ того Митрополитъ обошелъ кругомъ мѣсто съ курившейся камильницей. Въ срединѣ ограды былъ проломанъ пешнею ледъ, чрезъ что образовалось отверстіе въ видѣ колодца, въ которомъ вода поднялась къ верху; эту воду, трижды окадивъ, освятилъ Митрополитъ троекратнымъ погруженіемъ въ нее горячей свѣчи, и осѣнилъ ее за тѣмъ обычнымъ благословеніемъ. Подлѣ ограды поставленъ былъ столпъ, превышавшій городскія стѣны: на немъ человѣкъ, удостоенный этой почести отъ Царя, держалъ знамя Царства. Назначеніе въ эту должность есть знакъ особенной Царской милости; въ этомъ случаѣ самое важное то, что назначаемое лицо получаетъ изъ Царской казны полное одѣяніе и, сверхъ того, по усмотрѣнію Царя, извѣстное количество золотыхъ монетъ. Это знамя бѣлое; на немъ сіяетъ двуглавый орелъ, вышитый золотомъ; развѣивать его не позволено, пока духовенство не перейдетъ за ограду; тогда человѣкъ, держащій знамя, обязанъ слѣдить за обрядами кажденія и благословенія, такъ какъ о каждомъ изъ нихъ онъ долженъ извѣщать наклоненіемъ онаго. Полковые знаменщики внимательно наблюдаютъ за нимъ, чтобы отвѣчать ему тоже преклоненіемъ знаменъ. Послѣ благословенія воды, знаменщики всѣхъ полковъ, подойдя съ своими знаменами, становятся вокругъ загородки, для того, чтобы послѣднія могли быть достаточно окроплены святою водою. Патріархъ, а въ отсутствіе его Митрополитъ, сходитъ съ своего сѣдалища или возвышенія, и кропитъ Царя и всѣхъ воиновъ святою водою. Пальба изъ орудій всѣхъ полковъ, по Царскому приказанію, заканчиваетъ обрядъ; за пальбой, въ знакъ торжества, раздались троекратные залпы изъ ружей. До начала этѣхъ церемоній привезенъ былъ, на шести Царскихъ бѣлыхъ коняхъ, сосудъ. покры-

тый краснымъ сукномъ; формою своею сосудъ походилъ на гробъ. Сосудъ этотъ наполнили освященною водою и отвезли въ Царскій Дворецъ; тоже сосудъ съ святою водою отнесли церковнослужители Патріярху, и еще многимъ другимъ Боярамъ и Вельможамъ Московскимъ.

17. Русскіе, отпраздновавъ вчера торжественно таинство Крещенія Господня, сегодня отправляли празднество Св. Іоанна Предтечи. Сегодня же Польскій Посланникъ выгхалъ въ обратный путь изъ Московскаго Царства.

18. Многіе изъ матросовъ, возвратясь на дняхъ въ Москву изъ Голландіи, куда были не слишкомъ давно отвезены, поженились здѣсь, хотя и оставили въ Голландіи законныхъ женъ, такъ какъ они должны будутъ опять туда возвратиться. Генераль и Адмираль Лефортъ, узнавъ объ этомъ, запретилъ Пасторамъ, Священникамъ и Миссіонерамъ всѣхъ Вѣроисповѣданій и церковей обрывать, или вѣнчать, кого бы то ни было изъ его подчиненныхъ, безъ его вѣдома и особаго на то дозволенія. Запрещеніе это весьма справедливо: иначе легко могло бы случиться, что эгѣ легкомысленные люди, забывъ Бога и поправъ законы религіи и нравственности, впали бы въ гибельное заблужденіе послѣдователей многоженства.

19 и 20. Царскій Врачъ, Григорій Мартыновичъ Карбонари де Бизенегъ, въ то время, какъ онъ у насъ обѣдалъ, былъ вызванъ Аптекаремъ Гозеномъ (Gosen) къ больному монаху. Луна уже взошла, а по тому и кончился промежутокъ времени, въ продолженіи котораго Аптекарь пользуется здравымъ смысломъ; по тому что, не соблюдая обычныхъ условій вѣжливости и забывъ должное хозяину уваженіе, съ невѣжествомъ, обычнымъ посѣтителемъ гостинницъ, вошелъ онъ безъ доклада въ комнату, въ которой обыкновенно кушаетъ съ своими гостями Г. Императорскій Посолъ. Нахальство Аптекаря всѣхъ удивило, тѣмъ болѣе, что онъ мало извѣстенъ и что многіе его не любятъ: ни кому ничего не говоря, указалъ онъ рукою на Врача и повелительнымъ мановеніемъ подозвалъ его къ себѣ. Одного этого было уже достаточно, чтобы Врачъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, ясно далъ ему понять, что не желаетъ имѣть дѣла съ сумасшедшимъ. Пришедшій

тѣмъ болѣе началъ стѣмасбродничать и говорилъ, что исполняетъ Царское приказаніе. Тогда Г. Императорскій Посоль, не довѣряя его словамъ и будучи не въ состояніи переносить долѣе подобнаго безобразія, приказалъ своимъ слугамъ вывести Аптекаря изъ покоевъ и сказать ему, что если онъ еще разъ окажется таковою дерзостью, то тогда она ему не пройдетъ безнаказанно. Да и кто бы могъ повѣрить, что человѣкъ, дошедшій отъ поврежденія ума до дѣйствительнаго бѣшенства, находится въ Царской службѣ? тѣмъ болѣе Врачъ не могъ придавать важности его словамъ, что сейчасъ только возвратился самъ отъ больнаго, котораго онъ называлъ по волѣ же Царя. Но онъ отъ того пришелъ въ изступленіе и съ быстротою, свойственною безумнымъ, побѣжалъ къ Царю: явившись предъ нимъ, началъ громко кричать, что Царское приказаніе пренебрежено, что его, Аптекаря, обидѣли, и что Врачъ позволилъ себѣ непростительное ослушаніе. Этѣ его жалобы поддерживали всѣ тѣ, которые были близки къ нему либо по свойству своему съ нимъ (по браку), либо по единству вѣры. Ихъ наговоры еще болѣе раздражили Царя противъ невиннаго Врача, такъ какъ они, не довольствуясь этѣмъ, приняли еще другія коварныя мѣры, чтобы болѣе вооружить Государя. Когда, посѣтивъ больнаго, Врачъ пришелъ, по этому случаю, съ донесеніемъ къ Царю, то Прапорщикъ, который обходилъ тогда стражу, нарочно задержалъ его часа два, прежде чѣмъ допустить къ Государю, чтобы неизвѣстное замедленіе его въ прибытіи къ Царю возбудило въ послѣднемъ еще болѣе вѣры въ клеветы, взведенныя на него. Послѣдствіемъ всего этого было то, что Царь не хотѣлъ даже выслушать Врача, когда тотъ былъ наконецъ къ нему допущенъ, но повелѣлъ ему, какъ Государственному преступнику, отправиться сейчасъ же въ караульню, подъ стражу.

Подъ вечеръ проходило погребальное шествіе съ гробомъ недавно убитаго Капитана Шмидта, при которомъ и Царь присутствовалъ. Считаю нужнымъ здѣсь замѣтить, какъ было безразсудно и выѣстъ съ тѣмъ соблазнительно для слушателей, что говорившій, по обыкновенію, надгробное слово, не устыдился сказать: «Не подлежитъ сомнѣнію, что покойникъ, погибшій отъ чужой руки, будетъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, а убійца его, если даже и избѣгнетъ наказанія на этомъ свѣтѣ, никогда не будетъ

избавленъ отъ вѣчныхъ мукъ.» Сужденіе это по истинѣ достойно только той личности, которая его высказала.

21. Боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину, Президенту Царской Аптеки, сообщено обстоятельное свѣдѣніе о вчерашнемъ случаѣ, т. е., о безуміи Аптекаря и о невинности отданнаго подъ стражу Врача, съ тою цѣлю, чтобы Г. Карбонари могъ быть поскорѣ освобожденъ отъ задержанія, такъ какъ показаніе донощика не было справедливо.

22. Хотя подданные Московскаго Государя ропщутъ втайнѣ на неудобство войны и съ уныніемъ ждутъ, когда вождедѣльный миръ прекратитъ непрерывные налоги, однако жь Царь до сихъ поръ и не подумалъ о мирѣ и постоянно занятъ войною; напротивъ, онъ даже предполагалъ, для дальнѣйшаго продолженія войны, употребить всѣ Государственныя силы. По его повелѣнію, Сенаторы Царства (Senatores Reipn) обнародовали слѣдующій Указъ: «Всѣмъ Князьямъ до самаго послѣдняго Стольника (Stoloposk) (т. е., всѣмъ Князьямъ до послѣдняго Дворянина), повелѣвается, по мѣрѣ ихъ возможности, составить ополченія изъ своихъ крѣпостныхъ и быть готовымъ къ скорому походу.» Вотъ какъ легко собрать въ Московскомъ Государствѣ большія войска!

23 и 24. Около трехъ часовъ по полудни Чрезвычайный Бранденбургскій Посланникъ фонъ Принцъ (Prinz) имѣлъ торжественный вѣздъ въ Москву въ слѣдующемъ порядкѣ: 1. Не за долго составленная рота легкой конницы, числомъ въ семьдесятъ два человѣка; въ головѣ ея Капитанъ, съ саблей наголо: первая ширинга въ 24 человѣка верхомъ на карихъ лошадяхъ, средняя на бѣлыхъ, послѣдняя, также въ 24 человѣка, опять на карихъ лошадяхъ. 2. За этой ротой слѣдовали три лошади, которыхъ конюхи вели въ поводу. 3. Восемь Чиновниковъ Господина Бранденбургскаго Посланника ловко сидѣли на Царскихъ лошадяхъ, на которыхъ сіяли вызолоченная сбруя и сѣдла. 4. Толмачъ въ саняхъ. 5. Подконюшій Царскій, также въ саняхъ. 6. Вызолоченныя Царскія сани, запряженныя парюю бѣлыхъ лошадей: въ нихъ сидѣлъ Посланникъ съ Приставомъ. Сопровождали ихъ 12 Царскихъ слугъ въ красной одеждѣ и чetyре скорохода Посланника, одѣтые въ синее платье. 7. Собствен-

ный экипажъ Посланника, запряженный шестью бѣлыми лошадьми. 8. Какая-то дорожная повозка, за которой слѣдовали 48 саней съ разными вещами. Таковъ былъ торжественный вѣздъ Бранденбургскаго Посланника. Для жительства отвели ему въ Посольскомъ дворцѣ покои, которые еще недавно занималъ Польскій Посолъ.

Послѣ этого вѣзда Начальникъ стражи, Генералъ Карловичъ, желая снискать расположеніе Бранденбургскаго Посла, съ слишкомъ предупредительной вѣжливостью, спѣшилъ освѣдомиться объ его здоровьѣ. Отвѣчая на это привѣтствіе, Посланникъ приказалъ коротко сказать Генералу, что онъ Карловича не знаетъ, и по тому очень естественно удивляется, что тотъ спрашиваетъ о здоровьѣ незнакомаго ему человѣка. Карловичъ очень обидѣлся этѣмъ поступкомъ Посла. Бранденбургскій Посланникъ привезъ съ собою мальчиковъ музыкантовъ (ихъ зовутъ гобистами); музыкантовъ этѣхъ Царь купилъ у ихъ учителя за 1200 золотыхъ.

Князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій и Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ сошлись въ одномъ домѣ. Ромодановскій, по привычкѣ необразованныхъ людей, сперва обругалъ Апраксина, потомъ, замахнувшись на него палкой, хотѣлъ было его ударить. Апраксинъ, человѣкъ благороднѣйшихъ свойствъ, оскорбляясь такимъ неприличнымъ и грубымъ обхожденіемъ, обнажилъ саблю и грозилъ нанести своему противнику смертельныя раны. Ромодановскій, испуганный его рѣшимостью, сталъ обнимать его колѣна и просить прощенія, умоляя вспомнить, что онъ ему братъ и другъ, а не врагъ. Таковъ этотъ человѣкъ: сколько жестокъ съ несчастными, столько грусливъ съ благородными.

Сегодня проходило погребальное шествіе Полковника, Начальника стражи (*Vigiliarum Praefecti*), Пристава, который недавно исправлялъ въ Вѣнѣ должность Гофмейстера при Великомъ Московскомъ Посольствѣ. Царь изволялъ тоже присутствовать при этомъ, а послѣ былъ на похоронномъ обѣдѣ у Генеральши Менезіусъ: отвѣдавъ вино, которое подносили гостямъ, Царь нашелъ его кислымъ и безъ обвиняковъ сказалъ, что это вино очень кстати при обѣдѣ, данномъ по случаю похоронъ.

25. Царскій Врачъ, Карбонари де Бизенегъ, будучи освобожденъ сегодня изъ подъ стражи, спрашивалъ Князя Ромодановскаго, по какой причинѣ онъ долѣе, чѣмъ слѣдовало, содержался въ караульнѣ? На это не получилъ инаго объясненія, кромѣ слѣдующаго: «Только для того, чтобы вамъ болѣе досадить.» Это весьма милая и прекрасная шутка, которая, если и не опасна для жизни, то, по крайней мѣрѣ, предосудительна для чести и наносить ей оскорбленіе. Вѣроятно, наказаніе этого рода не вразумило еще ни одного человѣка изъ подвергавшихся оному; оно только доказываетъ недостатокъ разума въ виновникѣ подобныхъ исправительныхъ мѣрѣ.

26. День рожденія какой-то дѣвицы изъ простаго званія (говорятъ, дочери золотыхъ дѣлъ мастера, Монса) былъ удостоенъ присутствіемъ Его Царскаго Величества, въ домѣ ея отца.

27. Купецъ Канненгисеръ отдавалъ замужъ дочь съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ. На этой свадьбѣ Царь занималъ должность, которая обязывала его принимать гостей. Генералъ Лефортъ былъ дружкой, а Адамъ Вейдъ и Полковникъ Палкъ (Palck) ⁶⁶ свѣдѣтелями.

28. Бояринъ Плещеевъ (Plesceow), во время своего путешествія, увидѣлъ въ мѣстѣ, называемомъ Цуккермандль (Zuckermandl), мальчика Эрнеста Вильгельма фонъ Зейфъ (Seuff), и частію силою, частію ласками, склонивъ его отправиться съ собою въ дорогу, привезъ въ Московское. Государство. Въ Москвѣ мальчикъ содержался очень дурно, кормился только квасомъ и хлѣбомъ, а если просилъ чего либо другаго, то Москвитяне били его головой объ стѣну. Хотя мальчику было не болѣе 16 лѣтъ отъ роду, однако, Бояринъ Плещеевъ, изъ опасенія, чтобы онъ не усвоилъ себѣ какихъ либо дурныхъ привычекъ, предлагалъ уже ему многихъ дѣвицъ, предоставляя выбрать изъ нихъ самую красивую, но только съ условіемъ, чтобы онъ прежде принялъ Русскую Вѣру. Этотъ мальчикъ въ слезахъ прибѣжалъ къ Господину Императорскому Посланнику въ первый день Рождества, и нашель у него убѣжище; но Царь, по внушеніямъ Боярина, просилъ По-

⁶⁶ Балкъ?

сланника отпустить мальчика къ нему въ придворные служители, увѣряя, что впредь онъ не будетъ испытывать ни какой строгости, ни какихъ лишеній, или притѣсненій относительно Религіи. Однако же сегодня мальчикъ получилъ полное увольненіе и возвратился къ Господину Посланнику.

Одинъ Англійскій купецъ приговоренъ къ взысканію 1000 рублей за то, что братъ его не уплатилъ по заемному письму 2000 рублей Москвитянамъ, отъѣзжавшимъ изъ Англій въ Каталонію. По справедливости, вся вина на сторонѣ Москвитянъ, по тому что они сами требовали отъ него только 500 червонцевъ.

29. Схватили 50 поддѣльщиковъ денегъ и, какъ по слѣдствію получены были достаточныя доказательства ихъ преступленія, то они приговорены къ наказанію плетью (что называется кнудомъ) (Knuttas): это похоже на наказаніе палочьемъ, употребляемое въ нашихъ краяхъ.

Хотя не согласно съ здѣшними правами и обычаями, чтобы Посланники иностранныхъ Государей, прежде чѣмъ предстануть предъ свѣтлое лицо Царя (т. е., прежде чѣмъ будутъ приняты имъ), кого бы то ни было у себя принимали, или сами посѣщали, однако же Датскій Посолъ, желая, вѣроятно, войти какъ можно скорѣе въ особенно тѣсныя сношенія съ Бранденбургскимъ, навѣстилъ его.

30. Чрезвычайный Посланникъ Брангенбургскаго Курфюрста отправился къ приему, вмѣстѣ съ Приставомъ, въ Царскихъ вызолоченныхъ саняхъ, которые были окружены двѣнадцатью Царскими служителями, двумя пажами Посольства и четырьмя скороходами; впереди ѣхали его Чиновники верхомъ на Царскихъ богато убранныхъ лошадяхъ. Завѣдывающій Посольскимъ Дворомъ (Mageschallus) ѣхалъ передъ санями, держа въ рукахъ вѣрительную грамоту, завернутую въ синій шелковой платокъ. Посланникъ былъ принятъ въ домъ, выстроенномъ на Царскій счетъ, и съ Царскою пышностію. Въ немъ временно живетъ Генералъ Лефортъ. Когда, по окончаніи обычныхъ церемоній, Царь удалился, Генералъ радушно угощалъ Господина Посла и бывшихъ съ нимъ виномъ. Посланникъ этотъ знакомъ ему еще по прежнимъ сношеніямъ: когда Генералъ былъ Великимъ Царскимъ По-

сломъ въ Бранденбургскомъ краѣ, нынѣшній Посланникъ состоялъ при немъ Коммиссаромъ, и Генералъ съ того времени знаетъ его и любить.

Опять пойманы одиннадцать денежныхъ поддѣльщиковъ, изъ коихъ одинъ повѣшенъ, прочіе же наказаны кнутомъ.

31. Нашли на улицѣ убитаго человѣка, котораго тѣло было покрыто многими ранами и обагрено кровію; жена покойнаго, помѣстивъ останки его предъ собою въ повозкѣ, повезла ихъ домой съ печальными и жалобными воплями.

Всѣмъ военнымъ чинамъ вновь строго приказано быть въ готовности къ скорому походу.

Ф Е В Р А Л Я

1. Господинъ Императорскій Посолъ, со всѣми своими Чиновниками, сдѣлалъ торжественно обычное офиціальное посѣщеніе Г. Бранденбургскому Посланнику.

Обѣдъ, посланный Царемъ Бранденбургцу, былъ великолѣпнѣе данныхъ Поляку и Датчанину; столъ былъ установленъ пятидесятью кушаньями и двадцатью четырьмя флагами разныхъ напитковъ. Это былъ явный знакъ, что онъ пользуется у Царя большою милостію, чѣмъ тѣ лица.

2. Сегодня на новосельѣ, въ домѣ, подаренномъ Царемъ любимцу своему, Алексашкѣ, угощалъ насъ Вакхъ съ роскошью, въ полномъ смыслѣ Эпикурейскою.

Тридцать Стрѣльцовъ пришли сюда на прошедшей недѣлѣ изъ Азовской крѣпости, съ цѣлію ознакомиться хорошенько съ Москвою и ея расположеніемъ, чтобы чрезъ это вѣрнѣе достигнуть своей коварной цѣли. Но Царю были сообщены свѣдѣнія, наводившія на слѣдъ ихъ преступныхъ замысловъ, и по тому всѣ они были схвачены и подвергнуты прежде всего пыткамъ, на которой допрашивалъ ихъ самъ Царь.

3. Бранденбургскій Посолъ, по условной офиціальной вѣжливости, съ своей стороны посѣтилъ Господина Императорскаго

Посланника: блестящая обстановка Бранденбургца придавала много великолѣпія этому торжественному посѣщенію.

Въ то время, когда вышепомянутые тридцать Стрѣльцовъ подвергались истязаніямъ, другіе мятежные Стрѣльцы, въ числѣ пяти-сотъ человѣкъ, собирались въ окрестностяхъ Москвы.

4. Приготовляли новые застѣнки для новыхъ мятежниковъ.⁶⁷ Сколько Бояръ, столько допрощиковъ: мученіемъ виновныхъ являлась особенная вѣрность къ Государю. Чиновники одного Посланника пошли изъ любопытства въ Преображенское. Они обходили разныя темничныя помѣщенія, направляясь туда, гдѣ жесточайшіе крики указывали мѣсто наиболѣе грустной трагедіи. Уже они успѣли было осмотрѣть, содрогаясь отъ ужаса, три избы, когда крики, раздирательнѣе прежнихъ, и необыкновенно болѣзненные стоны, возбудили въ нихъ желаніе взглянуть на ужасы, совершавшіеся въ четвертой. Но лишь вошли туда, какъ сейчасъ же поспѣшили вонъ, наткнувшись въ страхѣ на Царя и Бояръ, изъ которыхъ главнѣйшіе были: Нарышкинъ, Ромодановскій и Тихонъ Никитичъ. «Нарышкинъ спросилъ уходившихъ: «Кто они такіе, откуда и за чѣмъ пришли?» Царю и Боярамъ было очень не-пріятно, что иностранцы застали ихъ при такомъ занятіи; наконецъ Нарышкинъ объявилъ имъ, чрезъ переводчика, чтобы они отправлялись въ домъ Князя Ромодановскаго, которому нужно переговорить съ ними объ одномъ дѣлѣ. Но какъ они медлили исполнить это приказаніе, то имъ было передано отъ имени Царя, что если они не послушаются, то это не пройдетъ имъ даромъ. Ни сколько не испугавшись этой угрозы и сознавая себя свободными людьми, тѣмъ съ большею смѣлостію отвѣчали они: «Мы не обязаны слушать ни чьихъ приказаній. Если Князю нужно переговорить съ нами о чемъ либо, то онъ знаетъ дорогу къ дому, гдѣ живетъ

⁶⁷ Къ началу 1699-го года оставалось еще виновныхъ въ бунтѣ, по подлиннымъ свѣдѣніямъ, 508 человѣкъ. Всѣ они, въ началѣ 1699 года, пересланы въ Преображенское, и розыскъ имъ произведенъ съ 23 по 27 Января ст. счисл., въ 10 застѣнкахъ, предъ Палатными людьми, «накрѣпко, съ пыткою и огнемъ.» Устр. Ист. цар. Петра Вел. т. III, стр. 238 — 239.

⁶⁸ Стрѣшневъ.

Посланникъ, при которомъ мы стоимъ; тамъ мѣсто гораздо для этого удобнѣе, — и съ тѣмъ ушли. Въ погоню за ними пустился одинъ Офицеръ, въ надеждѣ, обскакавъ и остановивъ предъ ними лошадь, схватить ихъ и насильно отвести туда, куда посылали ихъ Бояре. Но сила была на сторонѣ Чиновниковъ, такъ какъ ихъ было много и они были бодрѣе духомъ. Замѣтивъ, однако жъ, что человекъ этотъ рѣшается наконецъ употребить противъ нихъ болѣе рѣшительныя мѣры, они убѣжали въ безопасное мѣсто. Можетъ быть, что въ наказаніе, за ихъ неумѣстное любопытство, Бояре хотѣли принудить ихъ исправлять то же самое дѣло, при которомъ они застали Бояръ, и въ то время, какъ Чиновники стали бы этѣмъ заниматься, тѣ смотрѣли бы на нихъ.

5. Въ городѣ прилѣплены объявленія, чтобы явились всѣ, записанные въ военную службу, кромѣ только Боярскихъ слугъ и всѣхъ тѣхъ, кто на какомъ либо законномъ правѣ принадлежать Господамъ.

Подвергали пыткѣ одного соучастника въ мятежѣ. Вошли, которые онъ испускалъ въ то время, какъ его привязывали къ висѣльницѣ, « подавали надежду, что мученія заставятъ его сказать правду, но вышло совсѣмъ иначе: сначала веревка начала раздирать ему тѣло, такъ что члены его съ ужаснымъ трескомъ разрывались въ своихъ суставахъ; послѣ дали ему тридцать ударовъ кнутомъ, но онъ все молчалъ, какъ будто отъ жестокой боли замирало и чувствіе, естественное человекъ. Всѣмъ казалось, что этотъ страдалецъ, изнемогши отъ излишнихъ истязаній, утратилъ способность испускать стоны и слова, и по тому отвязали его отъ висѣльницы и сей часъ же спросили: «Знаетъ ли онъ, кто тамъ былъ?» и точно, къ удивленію присутствующихъ, онъ назвалъ по имени всѣхъ соумышленниковъ. Но когда дошло вновь до вопроса объ измѣнѣ, онъ опять совершенно онѣмѣлъ, и хотя, по приказанію Царя, жгли его у огня цѣлую четверть часа, но онъ все таки не прерывалъ молчанія. Преступное упрство измѣнника такъ раздражило

⁶⁹ Къ висѣльницѣ привязывали во время пытки за руки, вывернутыя назадъ. За тѣмъ несчастнаго били кнутомъ по спинѣ. Этотъ родъ пытки изображенъ и на рисункѣ, между 160 и 161 страницей подлинника.

Царя, что онъ изъ всей силы ударилъ его палкой, которую держалъ въ рукахъ, чтобы чрезъ это прекратить его упорное молчаніе и добыть у него голоса и словъ. Вырвавшіяся при этомъ съ бѣшенствомъ у Царя слова: «Признайся, скоть, признайся!» ясно показывали, какъ онъ былъ страшно раздраженъ.

Князь Голицынъ просилъ къ себѣ, около 11 часовъ ночи, Бранденбургскаго Посла, извиняясь въ столь позднему приглашеніи тѣмъ, что имѣеть переговорить съ нимъ о важныхъ дѣлахъ. Не знаю, откуда взяли Москвитяне обыкновеніе исправлять свои дѣла въ торопяхъ, ночью, вмѣсто того, чтобы заняться ими днемъ. Быть можетъ, частыя свиданія Вельможъ съ иностранцами возбуждаютъ подозрѣніе въ Государѣ, который своимъ самовластіемъ внушаетъ болѣе ужаса, чѣмъ почтительнаго страха.

6. Бранденбургскій Посланникъ имѣлъ первое сношеніе (конференцію) съ Главнымъ Предсѣдателемъ (cum Supremo Praeside) Посольскаго Приказа, Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ.

7. Врачъ Цопотъ началъ анатомическія упражненія, въ присутствіи Царя и многихъ Боярѣ, которые, по Царскому повелѣнію, принуждены находиться при этѣхъ опытахъ, хотя они имъ и противны.

Царь изволилъ обѣдать у Князя Бориса Алексѣевича Голицына и отдыхать въ прошлую ночь въ его домѣ.

Одинъ изъ бывшихъ на допросѣ мятежниковъ воткнулъ себѣ кинжалъ въ горло, но у него не достало силъ для совершенія самоубійства; однако жъ, сдѣлавъ себѣ такую рану, которая, безъ нужнаго пособія, могла бы причинить ему смерть. Но такъ какъ для Государя было очень важно, чтобы онъ преждевременною смертію не освободился отъ пытки и изязаній, то и приказалъ онъ употребить всѣ врачебныя средства для излѣченія раны, и чтобы Врачи старательнѣе пользовали больнаго, онъ постоянно находился самъ при приготовленіи лѣкарствъ и даже успокоилъ преступника.

8 и 9. На великолѣпномъ обѣдѣ у Г. Адама Вейда присутствовали Царь, Бояре, иностранные Послы и большое число

другихъ Чиновниковъ. Царь, погруженный въ глубокія размышленія, имѣлъ болѣе смутный, чѣмъ веселый, видъ.

10. Прибыло Дворянство, созданное новыми Указами, и ожидаетъ дальнѣйшихъ распоряженій. Тѣмъ, которые явились было въ военную службу, объявлено, что они не могутъ быть приняты въ нее. Кажется страннымъ, что извѣстіе о прекращеніи военныхъ дѣйствій могло произвести общую печаль; даже тѣ, которые до сихъ поръ такъ горячо желали мира, были онымъ недовольны. Быть можетъ, они лицемѣрятъ, боясь оскорбить (Царя) выраженіями удовольствія.

11. Царь хотя и недоволенъ своимъ двухгодичнымъ перемиріемъ, но какъ уже измѣнить этого нельзя, то былъ принужденъ приказать, чтобы прибили во всеобщее извѣстіе объявленія, что въ нынѣшнемъ году не будетъ ни какого похода, и чтобы тѣ, которые были для онаго призваны, возвратились по извѣстнымъ Правительству домамъ. Царь повелѣлъ изъ числа восьмидесяти Полковниковъ (Chiliarchis), родомъ Нѣмцевъ, сорокъ человекъ уволить, чтобы приберечь деньги, употребляемыя на ихъ содержаніе, къ тому времени, когда окажется потребность покрыть болѣе нужные расходы; пятьдесятъ же Русскихъ Полковниковъ могутъ остаться на службѣ, но только безъ жалованья.

Вновь обнаружались опасныя смуты. Въ Сибири шестьсотъ всадниковъ, подъ именемъ Татарской Орды, дѣлаютъ повсемѣстные набѣги и опустошаютъ страну грабежами, хищничествомъ и разбоями.

Всеобщими объявленіями, прилѣпленными въ разныхъ мѣстахъ, призывался простой народъ въ Преображенское присутствовать при наказаніи Стрѣльцовъ за Государственное преступленіе. Преступниковъ казнили въ разныхъ мѣстахъ. Многимъ отрубали головы, ста другимъ обрѣзали носы и уши, нѣкоторымъ палачъ, приложивъ клеймо къ лицу, напечаталъ на немъ изображеніе орла, какъ неизгладимый знакъ безчестія.⁷⁰

12. Одинъ иностранецъ, облеченный, по понятію всѣхъ народовъ, священнымъ званіемъ, такъ какъ онъ уполномоченъ хо-

⁷⁰ По Правительственнымъ извѣстіямъ 285 человекъ, оказавшіеся несовершеннолѣтними, по наказаніи кнутомъ, сослано въ каторгу. Устр. III, 239.

дѣлать о дѣлахъ противоположнаго (oppositi) Московскому Сѣвернаго края, выпивъ чрезъ мѣру вина, поѣхалъ въ каретѣ по городу, чтобы освѣжиться на открытомъ воздухѣ, и такъ долго продолжалъ свою прогулку; пока необходимость не принудила его вернуться домой. Карета его дорогою зацѣплялась, разбивалась и до того наконецъ изломалась, что уже не могла выдержать тяжести хозяина и кучера. Счастіе, что онъ не попался въ руки Московскимъ вечнымъ бродягамъ: они могли бы его лично оскорбить и даже убить, такъ какъ Московская чернь съ особеннымъ удовольствіемъ пользуется случаемъ неистовствовать и издѣваться надъ Нѣмцами. Сегодня имѣли мы явное тому доказательство. Одинъ изъ нашихъ скороходовъ, понимающій Московскій языкъ, встрѣтился съ однимъ Русскимъ, услышалъ, какъ тотъ произносилъ съ бѣшенствомъ разныя ругательства противъ Нѣмцевъ: «Вы, собаки Нѣмцы, говорилъ онъ, довольно ужъ вы на свободѣ обирали и грабили: пора уже унять васъ и казнить!» Скороходъ, имѣя свидѣтеля этѣмъ обиднымъ словамъ солдата, позвалъ его и велѣлъ задержать этого человѣчишку, но, по приказанію Господина Императорскаго Посла, предоставлено было солдатамъ расправиться, какъ хотятъ, съ этѣмъ ничтожнымъ чедовѣкомъ, и тѣмъ раздѣль, порядочно отдули его палками.

13. День ужасный, такъ какъ сегодня казнено двѣсти человѣкъ.⁷¹ Этотъ день несомнѣнно долженъ быть отмѣченъ черною краскою. Всѣ были обезглавлены топоромъ. На пространной площади, прилегающей къ Кремлю, были приготовлены плахи, на которыя осужденные должны были класть головы. Я измѣрилъ шагами длину плахъ, и нашелъ, что ширина вдвое ихъ длины. Его Царское Величество съ извѣстнымъ Александромъ,⁷² общество котораго онъ наиболѣе любить, пріѣхалъ туда въ каретѣ, и, проѣхавъ чрезъ ужасную площадь, остановился не подалеку отъ нея, на томъ мѣстѣ, гдѣ тридцать осужденныхъ заплатили головою за свой преступный заговоръ. Между тѣмъ злопо-

⁷¹ По Правительственнымъ извѣстіямъ 3 (13) Февраля, 1699 г., казнено на Красной площади и на Болотѣ 137 человѣкъ, а 86 «луцкихъ заводчиковъ» оставлены для дальнѣйшихъ розысковъ. Устр. III, 239.

⁷² Меньшиковъ.

лучная толпа осужденныхъ наполнила вышеозначенную площадь. Тогда Царь пошелъ туда, для того, чтобы при немъ были казнены тѣ, которые въ отсутствіе его составили святотатственный замыселъ на столь незаконное преступленіе. Между тѣмъ Писарь, становясь въ разныхъ мѣстахъ площади на лавку, которую подставлялъ ему солдатъ, читалъ во всеуслышаніе собравшемуся народу приговоръ на мятежниковъ, чтобы придать большую извѣстность безмѣрности ихъ преступленія и справедливости, определенной имъ за оное, казни. Народъ молчалъ, и палачъ началъ трагедію. Несчастные должны были соблюдать извѣстный порядокъ: они шли на казнь поочередно: на лицахъ ихъ не видно было ни печали, ни ужаса предстоящей смерти. Я не принимаю за мужество подобное безчувствіе къ смерти, но думаю, что это самоотверженіе и презрѣніе къ жизни происходили у нихъ не отъ твердости ихъ духа, а единственно отъ того, что, сознавая, какъ много они обезчестили себя своимъ ужаснымъ преступленіемъ, и вспоминая о жестокихъ истязаніяхъ, претерпѣнныхъ ими на дняхъ, ужъ не дорожили болѣе собою и жизнь имъ опротивѣла. Одного изъ нихъ провожала до самой плахи жена съ дѣтьми, испуская пронзительные вопли. Прежде чѣмъ положить на плаху голову, отдалъ онъ на память женѣ и милымъ дѣтямъ, горько плакавшимъ, перчатки и платокъ, который ему оставили. Другой, подойдя по очереди къ плахѣ, сѣтовалъ, что долженъ безвинно умереть. Царь, находившійся отъ него только на одинъ шагъ разстоянія, отвѣчалъ: «Умирай, несчастный! А если ты невиненъ, пусть вина, за пролитіе твоей крови, падетъ на меня!» Кромѣ Царя и выше упомянутаго Александра, присутствовали еще нѣкоторые изъ Московскихъ Вельможъ. Одному изъ нихъ Царь сказалъ, чтобы и онъ взялся за топоръ; а какъ тотъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ достаточной для этого смѣлости, то Царь попрекнулъ его дуракомъ. По окончаніи расправы, Его Царское Величество изволилъ ужинать у Генерала Гордона, но не былъ веселъ и очень распространялся о злобѣ и упрямствѣ преступниковъ, съ негодованіемъ рассказывая Генералу Гордону и присутствовавшимъ Московскимъ Вельможамъ о законенности одного изъ осужденныхъ, который въ минуту, какъ лечь на плаху, осмѣлился сказать Царю, стоявшему, вѣроятно, слишкомъ близко къ плахѣ: «Посторонись, Государь! Это я долженъ здѣсь лечь.» Изъ

150 человекъ только трое, сознаваясь въ преступленіи и Государственной измѣнѣ, просили Его Царское Величество, въ присутствіи котораго давали свое показаніе, о прощеніи, а по тому Государь освободилъ ихъ отъ смертной казни и простилъ имъ ихъ преступленіе, такъ какъ они оказали себя достойными Царской милости. На слѣдующій день назначена была новая расправа, на которую Царь пригласилъ Генерала Гордона, такъ какъ онъ желалъ казнить преступниковъ новымъ, еще неизвѣстнымъ его народу, способомъ, не топоромъ, а мечомъ. Въ тотъ же вечеръ, многократно упомятый мною Александръ ѣздилъ въ каретѣ на всѣ перекрестки города и часто показывалъ обнаженный мечъ, давая тѣмъ знать, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ онъ кровавой трагедіи слѣдующаго дня.

Поймали, прежде чѣмъ совершенно стемнѣло, какого-то Русскаго разбойника, съ восемнадцатью человекъ изъ его шайки, и посадили въ темницу.

14. Въ Преображенскомъ, у Воеводы Шенна, происходилъ выборъ Офицеровъ.

Сто пятьдесятъ мятежниковъ проведены къ Яузѣ. Говорятъ, что Царь отрубилъ мечомъ головы восьмидесяти четверемъ мятежникамъ, при чемъ Бояринъ Плещеевъ приподымалъ за волоса ихъ, чтобъ ударъ былъ вѣрнѣе. Три меча были приготовлены для этого употребленія. Одинъ изъ нихъ, когда Царь имъ замахнулся, разлетѣлся въ дребезги, и ударъ не послѣдовалъ. Казаки, участвовавшіе въ этомъ мятежѣ, были четвертованы и послѣ того посажены на позорный колъ, для того, чтобъ всѣ знали, какая казнь ожидаетъ впредь тѣхъ, которые, побуждаемые безпокойнымъ духомъ, рѣшатся на подобное дерзкое преступленіе. Пяти другимъ, имѣвшимъ болѣе коварные замыслы, отрублены сперва руки и ноги, а потомъ и головы.

По распоряженію Царскаго Почтмейстера, должно въ Четверкъ относить на почту письма: прежде принимались онѣ въ Субботу.

15. Императорскій Посолъ желалъ было переговорить съ Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, но получилъ въ отвѣтъ, что Нарышкинъ долженъ сперва доложить о томъ Царю.

Прибыли четыре Итальянскіе Францисканца, Апостольскіе Миссіонеры, назначенные въ Китай, въ сопровожденіи какого-то Поляка Терцірія ¹³ Св. Франциска, служащаго имъ переводчикомъ и сопровождающаго ихъ только до Москвы. Они привезли письма отъ Императора, Польскаго Короля и Венеціанской Республики, въ которыхъ эти Государя и Венеція просили Царя, чтобы онъ дозволилъ Миссіонерамъ слѣдовать въ Китай кратчайшею дорогою чрезъ Сибирь.

Бранденбургскій Посолъ угощалъ великодѣпнымъ обѣдомъ Представителей другихъ Державъ и многихъ Нѣмецкихъ Офицеровъ.

Около пяти часовъ вечера происходило совѣщаніе Императорскаго Посла съ Бояриномъ Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, и Думнымъ Емеляномъ Игнатьевичемъ Украинцевымъ. Главнѣйшія статьи его состоятъ въ слѣдующемъ:

Первая. Его Священное Императорское Величество, снисходя къ нижайшимъ просьбамъ Имперскаго города Времена, и принимая во вниманіе сообщенныя этимъ городомъ достовѣрныя свѣдѣнія о претерпѣваемомъ имъ недостаткѣ въ хлѣбѣ, препроводилъ къ Его Царскому Величеству дружеское и братское письмо, отъ 26 минувшаго Ноября, въ которомъ просить Его Царское Величество разрѣшить этому городу свободную въ его областяхъ закупку хлѣба и беспошлинный вывозъ онаго. Его Царское Величество не только оказалъ бы этимъ благодѣяніемъ особенное одолженіе означенному городу и положилъ бы прочныя основанія торговлѣ, но и обязалъ бы Августѣйшаго къ обоюдной снисходительности. Вторая статья касалась отправленія Францисканскихъ монаховъ кратчайшею дорогою черезъ Сибирь въ Китай. Совѣщаніе окончилось предложеніемъ объ этихъ двухъ и нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ доложить Царю.

Его Царское Величество присутствовалъ на свадьбѣ какого-то Полковника Міаса.

¹³ Терцірій подчиняется правиламъ Ордена и носитъ монашеское платье, не принимая, однако, еще священнаго сана.

18 и 19. Г. Императорскій Посольг угощаль великолѣпнымъ обѣдомъ всѣхъ Представителей иностранныхъ Державъ и другихъ знатныхъ лицъ изъ Нѣмецкой Слободы.

Въ Москвѣ очень много разбойниковъ. Дерзость ихъ болѣе еще, чѣмъ численность, составляетъ отличительную черту Москвы. Людость, развивающаяся въ разбойникахъ избранною ими жизнью, заглушаетъ въ ихъ сердцахъ всякое чувство человѣколюбія и стыда. Они даже при совершенномъ дневномъ свѣтѣ не боятся показываться. При первыхъ сумеркахъ, такъ что было еще свѣтло, напалъ одинъ изъ разбойниковъ на слугу, слѣдовавшаго за своимъ Господиномъ, Царскимъ Врачемъ Цоботомъ, и обобрабъ его; онъ бы и убилъ его, по своему звѣрскому обычаю, если бы Врачъ, замѣтя происходившее, не побѣждалъ мошеннику исполнить его замыселъ, подавъ, съ нѣкоторыми прохожими, подавшимися ему по счастью на встрѣчу, скорую и неожиданныю помощь.

Господинъ Императорскій Посольг, съ прочими иностранными Послами, былъ приглашенъ къ ночи, отъ имени Царя, Полковникомъ Барономъ фонъ Блюмбергомъ, въ загородный домъ Князя Ромодановскаго полюбоваться потѣшными огнями. Первый изобразжалъ три короны съ надписью: «Да здравствуютъ!» второй два сердца, соединенныя въ одно, съ надписью: «Да здравствуетъ!» третій также два сердца, соединенныя въ одно, но безъ словъ.

21. Особа, играющая роль Патріярха, со всею группою своею комическаго духовенства, праздновала торжественное посвященіе Вакху дворца, построеннаго Царемъ и обыкновенно называемаго дворцомъ Лефорта. Шествіе, назначенное по случаю этого обряда, выступило изъ дома Полковника Лимы (Lima). Патріярха весьма приличное облаченіе возводило въ санъ Первосвященника: митра его была украшена Вакхомъ, возбуждавшимъ своею наготою страстныя желанія. Амуръ съ Венерою украшали посохъ, чтобы показать, какой паствы былъ этотъ пастырь. За нимъ слѣдовала толпа прочихъ лицъ, отпрадывающихъ вакханалии: одни цели большія кружки, наполненныя виномъ, другіе сосуды съ медомъ, иные флаги съ пивомъ и водкою, послѣднимъ изъ приношений во славу сына земли. И какъ, по причинѣ зимняго времени, они не могли обвить свои чела лаврами, то несли жертвен-

ные сосуды, наполненные табакомъ, высушеннымъ на воздухѣ и, закуривъ его, ходили по всѣмъ закоулкамъ дворца, выпуская изъ дымящагося рта самую пріятную для Ваху благоуханія и пріятнѣйшій оніміамъ. Чубукъ, имѣющій то достоинство, что изображение чловѣка, даже наименѣе надѣленнаго въ этомъ отношеніи природою, разыгрывается, когда онъ, для удовлетворенія своей привычки, втягиваетъ въ себя дымъ изъ этого орудія, былъ также на сценѣ при этомъ обрядѣ. Театральный первенствующій жрецъ²⁴ подавалъ чубукомъ знакъ одобренія достоинству приношенія. Онъ употреблялъ для этого два чубука, накрестъ сложенные. Кто бы въ салонѣ дѣлѣ подумалъ, что изображение креста, драгоценнѣйшаго символа нашего спасенія, могло служить игрушкою!

22. Московскіе Вельможи и Представители всѣхъ иностранныхъ Державъ, приглашенные отъ Царя къ столамъ, заставленнымъ кушаньями, приготовленными съ Царскою роскошью, и къ великолѣпному двухдневному пиру, явились въ новый дворецъ, посвященный «вчерашними церемоніями» Ваху. Тамъ находился Князь (?) Шереметевъ съ крестомъ Мальтійскаго Ордена на груди. Онъ очень искусно подражаетъ обычаямъ Нѣмцевъ, и носитъ платье одинаковаго съ ними покроя, за что въ большой у Царя милости и почетѣ, но Бояре ненавидятъ его, изъ опасенія, чтобы, пользуясь Царскимъ благоволеніемъ, онъ еще болѣе не возвысился. Такова уже природа людей, что они завидуютъ возвышенію другихъ; въ особенности же имъ противно, если счастье слишкомъ щедро для равныхъ имъ по положенію. Царь, увидѣвъ, что нѣкоторые его Офицеры, изъ подражанія модѣ, носятъ платья просторнѣе обыкновенныхъ, обрѣзалъ имъ слишкомъ длинные рукава, дѣлая при этомъ такія замѣчанія: «Вотъ это тебѣ во всемъ мѣшаетъ; при этомъ на всякомъ шагу можетъ съ тобою случиться какое либо приключеніе: либо прольешь стаканъ, либо нечаянно обмакнешь рукавъ въ супъ. А изъ этого сдѣдай себѣ ваденцы!»

Послѣдняя недѣля предъ сорокадневнымъ постомъ называется у Русскихъ Масляницею (Maslanizam vósanŭ), по тому что хотя

²⁴ Antistes, главный жрецъ у древнихъ Грековъ, рѣшавшій вопросъ, угодила ли богамъ приносимая жертва.

и воспрещается ѣсть мясо, но разрѣшается за то масло. Я бы скорѣе назвалъ это время Вахтаналіями, по тому что Русскіе въ этѣ дни заняты только гульбой и въ ней проводятъ все время. Нѣтъ ни какого стыда, ни какого уваженія къ высшимъ, вездѣ самое вредное самовольство, какъ будто бы ни одинъ судья и ни какой справедливый законъ не въ правѣ взыскивать за преступленія, въ это время совершаемыя. Разбойники пользуются такою безнаказанностью, и по тому почти ни о чемъ болѣе не слышно, какъ о смертоубійствахъ и похоронахъ. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стоятъ часовые, для предупрежденія этѣхъ безчинствъ, но отъ нихъ мало пользы, такъ какъ и они постоянно пьяны и запятнаны общими пороками, потому никто ихъ и не опасается, а смотрѣть за ними некому. Многіе Патріархи выказывали похвальное рвеніе, стараясь совершенно искоренить эту заразу нравовъ, но болѣе ничего не могли сдѣлать, какъ только сократить время этѣхъ шалостей, продолжавшихся прежде четырнадцать дней. Они убавили это время восьмью днями, чтобы безчинство, отъ котораго, по закоренѣлости обычаевъ, совершенно илѣчить не возможно, по крайней мѣрѣ, порождало менѣе зла, въ слѣдствіе сокращенія времени этѣхъ мерзостей.

23. Пиръ продолжался сегодня цѣлый день, и не позволено было ити для отдыха домой. Иностраннымъ Посламъ были отведены покои, гдѣ они могли отдыхать въ опредѣленные часы, по истеченіи которыхъ была сѣна, и они должны были становиться на мѣста другихъ въ пляскахъ съ припѣвами и въ разныхъ танцахъ.

Говорятъ, что одинъ изъ Министровъ ходатайствовалъ предъ Царемъ, чтобы онъ своего любимаго, Александра, возвелъ въ Дворянское достоинство и далъ ему званіе Стольника (Stolnock), на что Царь отвѣчалъ: «Александръ уже и безъ того присвоиваетъ себѣ почести, на которыя не имѣетъ права, и честолюбіе слѣдуетъ болѣе унимать, чѣмъ поощрять.»

24 и 25. Посланникъ получилъ слѣдующее рѣшеніе на предложенныя статьи недавней конференціи: 1. Францисканскіе монахи должны отправиться въ Китай чрезъ Персію. 2. Прошеніе города Бремена въ настоящее время удовлетворить не возмо-

жно, по тому что само Московское Государство страдаетъ отъ дороговизны хлѣба, а въ будущемъ обѣщать не лзя ни чего, такъ какъ то, что можетъ случиться впередъ, темно и никому не извѣстно. Этотъ отвѣтъ Правительства былъ справедливъ. Само Московское Царство нуждалось въ хлѣбѣ; цѣна на оный возвысилась на мѣстѣ въ три, или четыре, раза противъ обыкновеннаго, въ болѣе же отдаленныхъ мѣстахъ, къ Азову, въ семь разъ.

Нашли, по разнымъ частямъ города, десять человѣкъ, убитыхъ различными жестокими способами.

26. Генераль Лефортъ по Царскому приказанію, великолѣпно угощалъ всѣхъ Чиновниковъ, отправляющихъ важнѣйшія должности при Приказахъ.

Опредѣленъ новый денежный налогъ, по слѣдующему распisanію: на каждаго Чиновника наложена подать соразмѣрно должности, которую онъ исправляетъ: Думный Дьякъ оцѣненъ въ тысячу, Дьякъ въ двѣсти рублей. Въ этомъ же размѣрѣ съ одинаковою точностію идетъ оцѣнка до послѣдняго писца.

Двухлѣтнее путешествіе Москвитянъ не осталось для нихъ безполезнымъ. Они выучились пополнять истощенную Царскую казну. По предложенію Генерала Лефорта, какъ утверждаютъ Москвитяне, повелѣно запираеть въ опредѣленный часъ городскія ворота, и кто послѣ того пожелалъ бы пробраться въ городъ, долженъ заплатить копейку, если желаетъ пропуска только для одного себя; если же онъ имѣетъ при себѣ животныхъ, то долженъ заплатить, столько копѣекъ, сколько вводитъ съ собою скота.

27. Князь Ромодановскій сообщилъ свѣдѣнія объ этомъ законѣ всѣмъ Представителямъ иностранныхъ Державъ, по тому что и они не могутъ быть отъ него освобождены, такъ какъ и Его Царское Величество обязался не уклоняться отъ онаго.

Нашли въ кабакѣ (ad Кабакам) трехъ человѣкъ убитыхъ неизвѣстными разбойниками, по этому Москвитянинъ, жившій въ кабакѣ, взявъ къ допросу, чтобы указать тѣхъ, которые пили у него ночью. Надѣются, что этою мѣрою можно будетъ открыть виновника смертоубійства.

28. Бранденбургскій Посоль приглашенъ на прощальный отпускъ. Приставъ прѣхалъ за нимъ въ Царскомъ экипажѣ, а Чиновники были снабжены лошадьми изъ Царской конюшни, но послѣ оказалось, что все это было приготовлено безъ вѣдома Царя, и по тому отпускъ отложенъ до другаго дня.

Вблизи Кремля, въ двухъ мѣстахъ, казнены тридцать шесть мятежниковъ, а въ Преображенскомъ сто пятьдесятъ.

Вечеромъ даны были, съ Царскою пышностію, разныя увеселенія. Собраніе любовалось зрѣлищемъ потѣшныхъ огней. Знаменитѣйшіе изъ Москвитянъ и иностранные Послы были приглашены въ Лефортовъ Дворецъ, такъ какъ оттуда лучше можно было видѣть искусственные огни. Царевичъ и Всепресвѣтлѣйшая Княгиня Наталья, любимая сестра Царя, были также зрителями этихъ огней, но изъ особой комнаты. Согласно съ нравами страны, Царь держитъ въ отдаленіи отъ себя молодыхъ Князей. Здѣсь думаютъ, что этимъ внушается болѣе почтенія къ Вѣвценосцу Отцу. Мнѣніе, вполнѣ справедливое, но только тамъ, гдѣ народъ чтитъ не того Государя, котораго любить, но того, котораго боится, такъ какъ чрезъ уединеніе Государь можетъ внушать только больше боязни, но не больше любви.

М А Р Т А

1. Бранденбургскій Посоль былъ церемоніально введенъ на аудіенцію, данную ему по случаю его отпуску; онъ ѣхалъ съ Приставомъ въ Царской каретѣ, запряженной шестью бѣлыми лошадьми; Чиновники ѣхали верхомъ, а двѣнадцать Царскихъ конюховъ увеличивали число сопровождавшихъ Посла. Эта оффиціальная церемонія была отправлена, въ многократно упоминаемомъ дворцѣ Лефорта. По причинѣ отпуску Бранденбургскаго Посла, Господинъ де Задора Кесельскій (Zadora Kiesielski), состоявшій до сего времени Маршаломъ при Посольствѣ, утвержденъ сегодня въ званіи Резидента, принятъ при Дворѣ въ этомъ качествѣ и занялъ мѣсто Господина Посланника, который, по распоряженію Царя, остался во Дворцѣ, чтобы присутствовать на великолѣпномъ обѣдѣ, на который были приглашены также и прочіе Послы иностранныхъ Державъ и знаменитѣйшіе Бояре. Послѣ

обѣда Думный Дьякъ Мойсеевичъ, ⁷⁵ разыгрывающій роль Патріарха, по требованію Царя, началъ пить на поклоненіе. Въ то время, какъ этотъ лицедѣй, подражающій духовному сановнику, пилъ, каждый долженъ былъ, въ видѣ шутки, преклонить предъ нимъ колѣно и просить благословенія, которое онъ давалъ двумя чубуками, крестообразно сложенными. Одинъ только изъ Посланныхъ, который, по чувству уваженія къ древнѣйшей Христіанской Святынѣ, не одобрялъ этѣхъ шутокъ, скрытно удалился, и тѣмъ избѣжалъ принужденія принимать въ нихъ участіе. Тотъ же Мойсеевичъ, съ посохомъ и прочими знаками Патріаршаго достоинства, первый, пустившись въ плясъ, изволилъ открыть танцы. Царевичъ съ Княжной Натальей находились опять въ комнатѣ, смежной съ тою, въ которой пировали гости; комната была украшена дорогими занавѣсками; раскрывъ оныя немного, Царевичъ съ теткой могли видѣть танцы и всѣ увеселія пировавшихъ, сами же были закрыты и развѣ только черезъ отверзтіе между занавѣсами можно были ихъ увидѣть. Царевичъ былъ одѣтъ въ Нѣмецкое платье; хорошій покрой его одежды и прелестное убранство головы его, вьющіяся пряди волосъ, все это прекрасно шло къ его красотѣ. Наталью окружали знатнѣйшія Госпожи. Сегодня обнаружилось въ Русскомъ Обществѣ смягченіе нравовъ, такъ какъ до сего времени женщины никогда не находились въ одномъ обществѣ съ мужчинами и не принимали участія въ ихъ увеселеніяхъ, сегодня же нѣкоторыя не только были на обѣдѣ, но также присутствовали при танцахъ. Такъ какъ Царь долженъ былъ этою же ночью отправиться въ Воронежъ, то онъ и распрощался въ собраніи съ Карловичемъ, который возвращается въ Польшу къ своему Королю. При этомъ Царь былъ съ нимъ весьма любезенъ и поцѣловалъ его, желая, чтобъ Король, узнавъ объ этомъ, былъ увѣренъ въ неизгладимой къ нему любви Московскаго Царя. вмѣстѣ съ тѣмъ Царь подарилъ Карловичу свой портретъ, украшенный большимъ алмазомъ, въ знакъ своего Царскаго благоволенія, которое тотъ снискалъ во время своего пребыванія при Московскомъ Дворѣ.

Господинъ Императорскій Посолъ выхлопоталъ Полковнику де Дюитъ (Duithe) позволеніе выѣхать изъ Московскаго Государ-

⁷⁵ Някта Мойсеевичъ Зотовъ.

ства съ женою и дочерью. Не было до сихъ норъ еще примѣра подобнаго позволенія, такъ какъ Полковникъ и его дочь крещены по Русскому обряду. Наконецъ Царь со всѣми распрощался и, не много разстроенный извѣстіемъ о заключенномъ союзниками мирѣ, выѣхалъ, при звукѣ трубъ, игрѣ музыкальныхъ инструментовъ и веселомъ грохотѣ пальбы изъ пушекъ.

2. Сколько было на прошедшей недѣлѣ шума и шалостей, столько въ настоящую тишины и смиренія. Было ли это сожалѣніе о значительной растратѣ по пустому денегъ, или раскаяніе въ совершенныхъ преступленіяхъ, не извѣстно; быть можетъ, святость самаго времени внушала этѣмъ рзвратнымъ людямъ, готовымъ на всѣ распутства и злодѣянія, то смиреніе, съ которымъ они подвергали себя такому строгому обузданію. Какъ бы то ни было, но, однако же, послѣдовало внезапное и невѣроятное преобразование: лавки заперты, торги на рынкахъ закрыты, Присутственныя и Судебныя Мѣста прекратили свои занятія; нигдѣ не подавали на столъ ни рыбы, ни кушаній съ деревяннымъ масломъ, наблюдался строжайшій постъ, чтобы умертвить плоть; питались только хлѣбомъ и земными плодами.

3 и 4. Къ Посольскому дворцу подѣхало много подводъ, нагруженныхъ боченками съ порохомъ и другими военными снарядами, для перевозки оныхъ въ Воронежъ на корабли.

Посланники Датскій и Бранденбургскій много пили съ Генераломъ Лефортомъ на открытомъ воздухѣ до самаго вечера, и затѣмъ, оставивъ рюмки, отправились прямо оттуда въ Воронежъ, получивъ на эту поѣздку разрѣшеніе Царя.

5. Увольняютъ поденно нанятыхъ. Сорокъ Фельдшеровъ оставлены отъ службы, изъ девяти сотъ матросовъ выключены тѣ, которые, въ слѣдствіе ихъ Католической Вѣры, не нравились Адмиралу.

Генераль Лефортъ почувствовалъ дрожь и лихорадочный жаръ.

6. Родственникъ Генерала Лефорта, заступившій его мѣсто, угощалъ сегодня обѣдомъ всѣхъ Полковниковъ.

7, 8 и 9. Начальникъ стражи, Генераль Карловичъ, отправился въ дорогу, въ сопровожденіи того Терціарія, который

прибыль недавно съ отцами Францисканами, также младшаго Менезіуса и Монса (Mons). Говорятъ, что пятьдесятъ Королевскихъ Саксонцевъ ожидаютъ въ Кадинѣ (Kadzinii) прибытія Карловича, чтобы оттуда проводить его безопасно къ Королю.

Указомъ Сената Царства (a Regni Senatu decretum est) повелѣно похоронить всѣхъ, казенныхъ въ послѣднія двѣ недѣли, не разбирая родъ казни, прекратившей ихъ жизнь, было ли это топоромъ, или колесованіемъ

10. Въ этѣ дни опасность болѣзни Г. Лефорта безпрестанно увеличивалась. Горячка становилась сильнѣе и больной не имѣлъ ни отдыха, ни сна; не владѣя волюй, въ слѣдствіе болѣзни, здравымъ разсудкомъ, онъ нетерпѣливо переносилъ страданіе и впадалъ въ бредъ. Наконецъ музыканты, играя, по приказанію Врачей, въ его комнатѣ, усыпили его пріятными звуками инструментовъ.

11. Сегодня начали погребать тѣла казенныхъ преступниковъ. Это было ужасное зрѣлище для народовъ болѣе просвѣщенныхъ. выразительное и полное отвращенія: въ телѣгахъ лежало множество труповъ кое-какъ набросанныхъ, многіе изъ нихъ полуагіе: подобно зарѣзанному скоту, который везутъ на торгъ, тащили тѣла къ могильнымъ ямамъ.

Генераль Лефортъ почти совершенно потерялъ разсудокъ и своимъ бредомъ подаетъ поводъ къ постояннымъ о томъ разсказаніямъ. То онъ призываетъ музыкантовъ, то кричитъ, чтобы подали вина. Когда напомнили ему, чтобы онъ пригласилъ къ себѣ Пастора, то онъ началъ еще болѣе бѣсноваться и ни кого изъ духовныхъ лицъ къ себѣ не допустилъ.

12. Генераль-Адмираль Лефортъ скончался въ три часа утра. Послѣ кончины много было разныхъ толковъ, но о ихъ достовѣрности нельзя сказать ни чего положительнаго. Говорятъ,

⁷⁶ По Правительственнымъ свѣдѣніямъ 1068 труповъ казенныхъ мятежниковъ развезены были въ это время по окрестностямъ Москвы и въ верстахъ трехъ отъ городскихъ заставъ сложены кучами, а нѣкоторые на колесахъ, отъ 85 до 99 тѣлъ, у двѣнадцати дорогъ. Устр. т. III, 239.

когда пришелъ къ нему Реформатскій Пасторъ Штумпфъ и сталъ много объяснять ему о необходимости обратиться къ Богу, то Лефортъ только отвѣчалъ: «Много не говорите!» Передъ его кончиной жена просила у него прощенія, если когда либо въ чемъ противъ него провинилась. Онъ ей ласково отвѣтилъ: «Я никогда ни чего противъ тебя не имѣлъ, я тебя всегда уважалъ и любилъ;» при этомъ онъ нѣсколько разъ кивнулъ головою, и такъ какъ онъ болѣе ни чего не сказалъ, то полагають, что этѣмъ онъ дѣлалъ намекъ на какія-то постороннія связи. Онъ особенно препоручалъ помнить объ его домашнихъ и ихъ услугахъ и просилъ, чтобы имъ выплатили вѣрно ихъ жалованье. За нѣсколько дней до его смерти, когда онъ лежалъ еще въ чужомъ домѣ, по привычкѣ, которая сдѣлалась было пріятна его сердцу, послышался ужасный шумъ въ его комнатѣ. Жена, испугавшись и думая, что мужъ, вопреки своему рѣшенію, возвратившись въ свой домъ, тамъ такъ бѣсновался, послала узнать объ этомъ, но тѣ, которые ходили по ея порученію, объявили, что никого въ его комнатѣ не видали. Однако жъ шумъ продолжался и, если вѣрить женѣ покойнаго Генерала, то на слѣдующій день, ко всеобщему ужасу, всѣ кресла, столы и скамейки, находившіяся въ его спальнѣ, были опрокинуты и разбросаны по полу, въ продолженіи же ночи слышались глубокіе вздохи.

Немедленно посланъ былъ въ Воронежъ нарочный съ извѣстіемъ къ Царю о кончинѣ Генерала Лефорта.

Между тѣмъ Бояринъ Головинъ опечаталъ все его имущество, ключи же отдалъ родственнику покойника.

13. Прибылъ изъ Польши Александръ Даревскій (Dareski) съ наказомъ слѣдующаго содержанія: 1. Не принуждать Поляковъ къ перемѣнѣ Вѣры и переходу въ подданство Россіи. 2. Увольнять Поляковъ, которые пожелаютъ служить скорѣе Польшѣ, чѣмъ Москвѣ. 3. Чтобы Москва не мѣшалась въ Эльблонгское дѣло и возникшія въ слѣдствіе его несогласія. Утверждаютъ, что Голицынъ былъ противнаго мнѣнія относительно требованія о безпрепятственномъ увольненіи Поляковъ. «Уволить ихъ нельзя, говорилъ онъ, по тому что они узнали всѣ тайны и тайники Московскаго Государства.»

14. Взяли въ казну богатѣйшую лавку одного купца въ наказаніе за какую-то вину. Купецъ, желая снискать себѣ покровительство постоянно упоминаемаго Александра, былъ готовъ дать ему не менѣе тысячи рублей, лишь бы только тотъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Александръ, покорыствовавшись такою большою суммою, старался уговорить управлявшаго въ то время Царскою казною, дѣйствовать съ нимъ за одно, но нашелъ въ немъ болѣе, нежели въ себѣ, вѣрности Государю, и тотъ не согласился на то, чгобы недобросовѣсно набивать карманъ частнаго лица въ ущербъ Государственной казнѣ Царя. При этой неудачѣ Александръ осмѣлился погрозить ему, что если онъ не согласится на его желаніе, то онъ, Александръ, пойдетъ случай отомстить ему за его отказъ и неуваженіе его ходатайства.

Генералъ Лефортъ, судя по слухамъ, не оставилъ послѣ себя столько имущества, чтобы здѣшній народъ имѣлъ поводъ завидовать ему, или его наслѣдникамъ. Даже самъ его родственникъ, прося Князя Голицына о пособіи, палъ ницъ предъ Княземъ, увѣряя, что ему не на что купить даже приличной печальной (траурной) одежды.

Изданъ законъ, по которому впредь никто не долженъ подавать Царю прошенія, на которомъ не будетъ приложена печать Приказа. Плата же за приложение печати различная, согласно количеству суммы денегъ, означенной въ прошеніи. За каждые пятьдесятъ рублей, о которыхъ подается прошеніе, должно платить по гривнѣ; если же сумма, о которой просятъ, менѣе пятидесяти рублей, то взимается одна лишь копейка.

Въ главномъ Московскомъ храмѣ отслужены литія и панихида по усопшемъ; при этомъ знатнѣйшіе изъ духовенства находились.

15. Г. Бранденбургскій Посланникъ возвратился отъ Царя изъ Воронежа: онъ получилъ отъ этого Государя портретъ, украшенный драгоценными камнями.

16. Къ Генералу Карловичу, который отправлялся въ Польшу, присланъ нарочный съ предостереженіемъ, чтобы онъ не ѣхалъ Смоленскою дорогою, такъ какъ по этой дорогѣ устроены противъ него засады; по тому и эта мѣстность опасна.

17 и 18. Сгорѣлъ домъ, назначенный подъ соляной магазинъ; пожаръ былъ тѣмъ сильнѣе, что тамъ находилось большое количество соли и много бочекъ съ водкою.

Царь, узнавъ о смерти любимаго имъ Генерала Лефорта, возвратился изъ Воронежа. Тѣ, которые находились при Царѣ въ то время, когда явился къ нему нарочный съ извѣстіемъ о кончинѣ Генерала, говорили, что Государь неравнодушно принялъ извѣстіе объ этой смерти; заливаясь слезами и рыдая, какъ будто его извѣщали о смерти отца, Государь проговорилъ: «Ужь я болѣе имѣть не буду вѣрнаго человека; онъ только одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На чью вѣрность могу теперь положиться?»

19. Когда родственникъ покойнаго Генерала приблизился къ Его Царскому Величеству, чтобы выразить должное Монарху свое глубокое почтеніе, то ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова отъ горести и слезъ, ни одинъ не могъ говорить.

Царь обѣдалъ у Генерала Шереметева, но постоянно былъ безпокоенъ; искренняя печаль не давала ему ни на одно мгновеніе успокоиться.

Г. Бранденбургскій Посолъ осыпанъ Царскими подарками, по обычной щедрости Царя въ отношеніи Посланниковъ.

20. Вице-Адмиралъ, сегодня же отправляющійся въ Воронежъ къ кораблямъ, распрощался съ Господиномъ Императорскимъ Посломъ.

Бояринъ Головинъ пришелъ уже совершенно ночью къ Г. Императорскому Посланнику.

Его Царское Величество учредилъ Кавалерійскій орденъ Св. Апостола Андрея. Кавалеры будутъ носить крестъ такого вида какъ обыкновенно изображаютъ крестъ Св. Андрея, называемый иначе Бургундскимъ; надпись на лицевой сторонѣ: «Св. Апостоль Андрей;» на оборотной: «Петръ Алексѣевичъ, Обладатель и Самодержецъ Россійскій;» поперекъ имя Царевича: «Алексѣй Петровичъ.» Этотъ орденъ установленъ, какъ знакъ отличія, для тѣхъ, которые, во время Турецкаго похода, прославили себя храбрыми подвигами. Его Царское Величество пожаловалъ Боярина Головина

первымъ Кавалеромъ этого Ордена и далъ ему знаки оного. Бояринъ сегодня же вечеромъ показывалъ этотъ орденъ Г. Императорскому Посланнику и рассказалъ ему содержаніе Устава.

21. Всѣ Представители иностранныхъ Державъ, приглашенные учавствовать въ погребеніи покойнаго Генерала Лефорта, явились въ его домъ въ печальномъ платьѣ. Выносъ назначенъ былъ въ восемь часовъ утра, но пока согласились касательно разныхъ обстоятельствъ и дѣлались нужныя приготовленія, то уже солнце дошло до полудня, и оттуда взирало на готовившуюся печальную процессію. Между тѣмъ, по обычаю жителей Слободы, были уже накрыты столы и заставлены кушаньями. Тянулся длинный рядъ чашекъ, стояли кружки, наполненные винами разнаго рода, желающимъ подносили горячее вино. Русскіе, изъ которыхъ находились тамъ, по приказанію Царя, всѣ знатнѣйшія по званію, или должности, лица, бросались къ столамъ и съ жадностью пожирали яства; всѣ кушанья были холодныя. Здѣсь были разныя рыбы, сыръ, масло, кушанья изъ яицъ и тому подобныя.

Князь (?) Шереметевъ считалъ недостойнымъ себя обжираться вмѣстѣ съ прочими, такъ какъ онъ, много путешествуя, образовался, носилъ Нѣмецкаго покроя платье и имѣлъ на груди Мальтійскій крестъ. Между тѣмъ пришелъ Царь. Видѣ его былъ исполненъ печали. Скорбь выражалась на его лицѣ. Иностранные Посланники, отдавая должную Государю честь, по обычаю своему, низко ему поклонились, и онъ съ ними поздоровался съ отминою лаской.

Когда Левъ Кирилловичъ, вставъ съ своего мѣста, поспѣшилъ на встрѣчу Царю, онъ принялъ его ласково, но съ какою-то медленностію; онъ нѣкоторое время подумалъ, прежде чѣмъ наклонился къ его поцѣлюю. Когда пришло время выносить гробъ, любовь къ покойнику Царя и нѣкоторыхъ другихъ явно обнаружилась: Царь залился слезами, и предъ народомъ, который въ большомъ числѣ сошелся смотрѣть на погребальную церемонію, напечатлѣлъ послѣдній поцѣлюй на челѣ покойника.

Погребальная процессія шла въ слѣдующемъ порядкѣ: 1. Въ головѣ всего ѣхалъ Полковникъ фонъ Блюмбергъ, на лоша-

ди съ сбруей, блестящей отъ золота, которымъ она была выложена. 2. Полкъ, называемый Преображенскимъ, шелъ впереди, какъ это постоянно водится, при унылыхъ звукахъ музыки, соотвѣтственной печальному событію; первую роту велъ самъ Царь, одѣтый въ печальное платье; горе выражалось на лицѣ Государя. 3. Семеновскій полкъ. 4. Полкъ покойнаго Геперала Лефорта. 5. Какой-то Капитанъ въ латахъ на лошади богато убранной, держа въ рукахъ обнаженную саблю, съ обращеннымъ къ низу остриемъ. 6. Трубачи и барабанщики, извлекая изъ своихъ инструментовъ печальные звуки. 7. Два трубача покойнаго Генерала въ печальной одеждѣ. 8. Три знаменщика, въ такой же одеждѣ, несли знамена. 9. Двѣ лошади весьма богато убранныя. 10. Лошадь, покрытая чернымъ чапракомъ. 11. Пять человекъ въ печальномъ платьѣ несли, на пяти шелковыхъ подушкахъ, нѣкоторыя драгоценныя вещи, какъ то: золотыя шпоры, пистолеты, обнаженную шпагу, съ лежащими рядомъ съ нею ножами, жезлъ и шивакъ. 12. Тѣло въ гробѣ, покрытомъ черною тканью изъ чистаго шелка съ золотыми каймами. 13. Всѣ домашніе въ печальной одеждѣ. 14. Маршалъ, Полковникъ де Дюитъ (de Duithe) шелъ въ главѣ провожавшихъ тѣло. 15. Родственникъ покойника съ Посланниками Императорскимъ и Бранденбургскимъ, къ коимъ присоединился Шереметевъ; это дало Русскимъ поводъ къ насмѣшкамъ; они, порицая его, спрашивали другъ у друга: «А это не Посланникъ ли Мальтійскаго Ордена?» За ними шли тѣ, которые были ближе къ покойнику по родству. 16. Всѣ Бояре, Думные, Дьяки и многіе другіе Чиновники въ порядкѣ, определенномъ по достоинству ихъ званія. 17. Иностранцы, которые желали изъявить свое расположеніе къ покойнику. 18. Вдова, въ сопровожденіи Маршала, и другія женщины, проливавшія слезы. Съ такою церемонією тѣло было внесено въ Реформатскую церковь, гдѣ Пасторъ Штумпфъ произнесъ короткую рѣчь. По выходѣ изъ церкви Бояре и прочіе ихъ соотечественники, нарушивъ порядокъ, протискались, по нелѣпой гордости, къ самому гробу. Посланники же, не подавая вида, что обижаются этимъ нахрапомъ, пропустили впередъ всѣхъ Москвитянь, даже и тѣхъ, которые, по незнатности происхожденія и должности, не имѣли права притязать на первенство, которое проіе могли имѣть въ виду. Посланники по этому перешли туда гдѣ шелъ ближайшій

родственниковъ покойника, такъ какъ при выносахъ мѣсто возлѣ наиболѣе близкихъ къ покойнику родственниковъ считается почетнѣйшимъ. Когда пришли на кладбище, на которомъ слѣдовало хоронить покойника, Царь замѣтилъ, что порядокъ измѣненъ и что подданные его, шедшіе прежде позади Посланниковъ, очутились теперь впереди ихъ, и по тому, подозвавъ къ себѣ младшаго Лефорта, спросилъ его: «Кто нарушилъ порядокъ? По чему идутъ назадъ тѣ, которые только что шли впереди?» Лефортъ низко Царю поклонился, не объясняя происшедшаго. Тогда Царь приказалъ ему говорить, чтобъ то ни было, и когда Лефортъ сказалъ, что Русскіе самовольно нарушили порядокъ, Царь хотя и былъ отъѣмъ взволнованъ, но произнесъ только: «Это собаки, а не Бояре мои.»⁷⁷ Шереметевъ же (что должно отнести къ его благоразумію) сопровождалъ, какъ и прежде, Посланниковъ, хотя всѣ Русскіе шли впереди. На кладбищѣ и большой дорогѣ были разставлены сорокъ орудій: три раза выпалили изъ всѣхъ пушекъ, и столько же разъ каждый полкъ стрѣлялъ изъ своихъ ружей.

Одинъ изъ тѣхъ, который обязанъ класть зарядъ въ дуло, стоялъ, по глупости, предъ отверзтіемъ орудія въ то время, какъ долженъ былъ послѣдовать выстрѣлъ, по чему ядромъ и оторвало ему голову. По окончаніи погребенія Царь съ солдатами возвратился въ домъ Лефорта, а за нимъ послѣдовали всѣ спутники, сопровождавшіе тѣло покойника. Ихъ уже ожидалъ готовый обѣдъ. Каждый изъ присутствовавшихъ въ печальной одеждѣ при погребеніи получилъ золотое кольцо, на которомъ были вырѣзаны день кончины Генерала и изображеніе смерти. Едва вышелъ Царь, какъ Бояре тоже послѣпно начали выходить, но сойдя нѣсколько ступеней замѣтили, что Царь возвращается, и тогда и всѣ они вернулись въ домъ. Торопливымъ своимъ удаленіемъ заставили Бояре подозрѣвать, что они радовались смерти Генерала, что такъ раздражило Царя; что онъ гнѣвно проговорилъ къ главнѣйшимъ Боярамъ: «Быть можетъ, вы радуетесь его смерти? Его кончина большую принесла вамъ пользу? По чему расходитесь? Статься можетъ по тому, что отъ большой радости не въ состояніи долѣе притворно морщить лица и принимать печальный видъ?»

⁷⁷ Слова подлинника: «Canes sunt, non Bojarini mei.»

22. У Думнаго Дьяка Посольскаго Приказа, Емельяна Игнатьевича Украинцева, отняты почти всѣ права, принадлежавшія ему по должности, и временно переданы играющему роль Патріарха, Никитѣ Мойсеевичу.

23. Царь совѣщался съ Боярами, кому вручить, въ его отсутствіе, управленіе Москвою? На это одинъ Бояринъ отвѣтилъ: «Можно поручить эту обязанность Борису Петровичу Шеремѣтеву.» Царь, давъ пощечину этому совѣтнику, какъ своему недоброжелателю, сердито возразилъ: «И ты стараешься снискать себѣ его дружбу?»

Сегодня послѣ полудня Царь, проѣзжая въ экипажѣ чрезъ Слободу, распрощался со всѣми, которымъ изволилъ оказывать благоволеніе, вечеромъ же выѣхалъ изъ Москвы въ Воронежъ.

Ходитъ слухъ, что около двѣнадцати Русскихъ пришли ночью на кладбище, гдѣ, какъ имъ было извѣстно, погребенъ Генералъ Лефортъ, и собирались, въ надеждѣ получить большую поживу, нарушить святость могилы, но сосѣди, встревоженные шумомъ, который производили воры, шепчась другъ съ другомъ, прибѣжали на мѣсто, гдѣ злодѣи явились совершить столь неслыханное преступленіе, и удержали ихъ отъ святотатства.

24. Попеченіе о Нѣмцахъ, послѣ смерти Генерала Лефорта, вѣрено Генералу Головину, такъ какъ онъ болѣе другихъ оказываетъ имъ доброжелательство. Сегодня этотъ Бояринъ тоже отправился къ Царю въ Воронежъ.

Одинъ Поручикъ, Курлявскій Дворянинъ, подалъ въ отставку, но не только не получилъ оной, а еще, по повелѣнію Царя, объявлено ему Голицынымъ, чтобы онъ приготовился въ походъ съ Царемъ. Узнавъ въ объ этомъ, Поручикъ скрылся, чтобы не могли найти его и сообщить ему приказъ Царя. Въ то время, какъ проходила погребальная процессія съ грѣломъ усопшаго Генерала Лефорта, онъ, полагая себя болѣе безопаснымъ, глядѣлъ тоже, въ толпѣ, прочихъ зрителей, на нее, думая, что этѣмъ не подвергается какимъ либо неприятностямъ. Но Голицынъ, смотрѣвшій кругомъ зоркими глазами, замѣтилъ знакомое ему лицо Поручика, и сейчасъ же приказалъ

какому-то Полковнику задержать его и отвести въ Приказъ, подъ стражу; сегодня Поручикъ наказанъ батогами и отправленъ къ Астрахани.

25. Господинъ Чрезвычайный Бранденбургскій Посланникъ распрощался съ Императорскимъ.

26. Выѣздъ Бранденбургца сопровождался тою же торжественностию, какъ и его въѣздъ. Ему была дана вызолоченная Царская карета, а Чиновникамъ богато убранныя лошади. Роты вольтижоровъ не было, но ея мѣсто заняли около десяти Писарей, ѣхавшихъ верхомъ. Подводъ было девяносто; другія подводы ожидали по разнымъ дальнѣйшимъ мѣстамъ, гдѣ производится обычная имъ смѣна.

27. Калмыки составляютъ довольно значительный народъ между Татарами. Хотя они не платятъ Царю дани, но признаютъ, однако жъ, его верховную власть, за извѣстное ежегодное награжденіе справляютъ повинности, скорѣе какъ союзники, чѣмъ какъ подданные. Отъ этого народа прибылъ сегодня Посланникъ, въ сопровожденіи только шести человекъ. Онъ занимался торговлею, и въ этомъ отношеніи званіе Посланника было для него весьма полезно. Чай, звѣздочный аписъ (*anisus stellatus*), Китайскій табакъ, тонкія крѣпительныя лѣкарства и другія произведенія, которыми изобилуетъ Китай, составляли его весьма драгоцѣнные товары. Надъ конюшнями Посольскаго Двора имѣется много маленькихъ комнатъ, изъ коихъ двѣ отвели ему на жительство. Хотя варваръ этотъ вовсе не знаетъ, или весьма малое имѣетъ понятіе, о томъ, что нравами и обычаями выѣняется въ обязанность каждой странѣ, въ которую пріѣзжаетъ Посланникъ иностранной земли, заявлять уваженіе къ достоинству званія Пословъ и принимать ихъ съ разными почтительными церемоніями и почестями, однако же Калмыкъ, входя въ комнаты, спросилъ: «Занимали ли ихъ до него какіе другіе Посланники?» Судя по этому, можно полагать, что онъ хотѣлъ обнаружить неудовольствіе за неуваженіе къ нему, но Москвитяне безъ труда увѣрили его, что Посланники знатнѣйшихъ Европейскихъ Государей жили въ этихъ конурахъ. Главное кушанье Калмыцкаго Посла составляетъ лошадиное мясо, и онъ ежедневно получаетъ, на обычное свое содер-

жаніе, изъ казны тридцать копѣекъ. Но, вѣря убѣжденіямъ Москвитянь, онъ думаетъ, что его содержатъ весьма богато.

Прибыль также Сибирскій Посланникъ: его помѣстили въ домъ Винніуса, Канцлера всей Сибири.

28. Прибыль въ Москву Графъ Бергамини, Капитанъ вольтижоровъ полка Генерала фонъ Бейста, сопровождавшій Царя до границъ Московскихъ, на возвратномъ пути его въ свое Государство.

29. Московскимъ Правительствомъ было выписано семьдесятъ иностранцевъ изъ Венеціи. Они уволены мымъ безъ выдари содержанія на путевыя издержки; имъ отпущены только деньги на ихъ пропитаніе во время проѣзда на родину, но безъ со-всей соразмѣрности съ трудностями такого продолжительнаго пути. Ни одинъ изъ нихъ не получилъ болѣе десяти рублей, нѣкоторымъ дали девять, инымъ же только восемь. Раздраженные такою несправедливостію, они ругали весь Московскій народъ.

30. Весь Стрѣлецкій полкъ Бѣлогородскаго войска сдѣлалъ вновь заговоръ на жизнь своего Государя. Цонъ и Стрѣлецъ были подсланы отъ матежниковъ къ Царю; люди эти, участвовавшіе сами въ заговорѣ, сдѣлались доносчиками, рассказавъ о посягательствѣ на жизнь Царя. Кажется, что судьба влечетъ къ гибели эти громадныя толпы людей, вооружая противъ нихъ собственную же ихъ глупость и злобу.

31. Всѣ Бояре исподоволь отправляются въ Воронежъ. Черкасскій, Князь пожилыхъ лѣтъ, остается для управленія Москвою, хотя, кромѣ его, и другія лица предъявляютъ право на это мѣсто, будто бы порученное имъ отъ Царя, по тому что Царь, прощаясь при выѣздѣ со многими вельможами, препоручалъ имъ попеченіе о Москвѣ и разнымъ личностямъ говорилъ: «Я тебя оставляю здѣсь на мое мѣсто, быть тутъ главнымъ распорядителемъ.» Я думаю, что не слѣдуетъ осуждать Царя за то, что онъ поручилъ многимъ лицамъ верховную власть; такъ какъ они черезъ это не признаютъ другъ друга единственно облеченнымъ этой властью, а постоянное между ними несогласіе не позволить ни одному изъ нихъ во зло употребить верховную власть, и никто, такимъ образомъ, не въ состояніи будетъ воспользоваться во вредъ Государя.

А П Р Ъ Л Я

1. Нѣсколько Татарскихъ Крымскихъ Ордъ вторглись въ предѣлы Московскіе и съ стремительною быстротою проникли до самой Азовской крѣпости. Никто не смѣлъ отразить внезапной опасности; страхъ, охватившій всю область, усугубилъ смѣлость и силу непріятелей. Враги оставили по себѣ памятниками невознаградимыя несчастія и слѣды неслыханной жестокости. Повсюду ограблены жители селеній, опустошены поля, сожжены деревни и разорены посады. Отъ разбойничьи шайки увели съ собою въ жесточайшее рабство многихъ Овщеровъ, еще большее число солдатъ и неизмовѣрное множество жителей.

2 и 3. Исповѣдающіе Греко-Русскую Вѣру съ неменьшимъ, чѣмъ Римляне, благочестивымъ усердіемъ поклоняются образамъ Святыхъ, и на ихъ ходатайство справедливо возлагаютъ большую надежду и упованіе, однако жъ далеко менѣе того, которое, по законамъ Священной Религіи, обязаны имѣть къ Богу, какъ Всевышнему Существу и Создателю всего міра; они только уповаютъ на Святыхъ, какъ на друзей Бога и нашихъ заступниковъ. И по тому особенное чествованіе, оказываемое Русскими Святыхъ и ихъ образамъ, отнюдь не предосудительно. Очень сомнительно, чтобы набожность ихъ была суеверна, когда больные, дряхлые люди, которымъ уже не можетъ помогать врачебная наука, прибѣгаютъ, какъ къ цѣлебному средству, къ обряду, состоящему въ томъ, что Священникъ прикасается къ ихъ головамъ образомъ Святаго, къ которому они питаютъ особенное благоговѣніе. Однако же, если кто захочетъ поглубже узнать, по чему оставленная Иліею милость получила чудотворную силу, то ему окажется понятнымъ, что персть десницы Бога, къ которому обращено все наше благочестіе, все почитаніе, все поклоненіе, какъ къ послѣдней цѣли нашей, всегда дивенъ и чудесно проявляется во всѣхъ дѣяніяхъ. По этому, считалъ я нужнымъ упомянуть здѣсь, что Воевода Шейнъ участвовалъ, при большомъ стеченіи Московскихъ жителей, въ торжественномъ ходѣ съ иконою къ дому какого-то больнаго, лежавшаго въ постели.

4. Сегодня Русскіе отправляютъ съ большимъ торжествомъ праздникъ Благовѣщенія Пречистой Дѣвѣ Маріи; слышна празд-

ничная пальба изъ пушекъ и ружей. Русскіе думаютъ, что празднуя начало спасенія человѣка, должно выказывать большую радость.

5. Сегодня Господиень Посланникъ осматривалъ Царскій замокъ Кремль, по которому водилъ его какой-то Нѣмецкій Полковникъ. Въ залѣ, въ которую обыкновенно приводятъ при представленіи Царю Великихъ Пословъ Государей, возвышается вызолоченный серебрянный тронъ, украшенный множествомъ драгоценныхъ камней, во всемъ достойный величества Владѣтеля. Другихъ сокровищъ тамъ не видно; такъ какъ Царь до сихъ поръ не желаетъ жить въ этомъ замкѣ, то они хранятся въ сундукахъ. Въ той части замка, изъ которой открывается чудный видъ на протекающую рѣку Неглинную, раскинуты, возлѣ стѣны, надъ вторымъ ярусомъ, весьма пріятные садки, разведенные на подведенной стѣнѣ; жаль что они запущены и приходятъ въ упадокъ по нерадѣнію смотрителей. Посолъ осматривалъ также и тотъ покой, изъ котораго, чрезъ рѣшетку, Царевна Софія могла слышать всѣ предложенія Пословъ и отвѣты Министровъ во время Московскаго троевластія и господства, захваченнаго первымъ Министромъ, Василюемъ Голицынымъ. Къ этому покою прилегаетъ прекрасно убранный залъ, назначенный для сношеній съ Великими Послами. Имѣются также двѣ изящныя часовни, одна лѣтняя, другая зимняя; въ лѣтней поклоняются чудотворной иконѣ Богородицы, привезенной изъ Смоленска. Въ церкви Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи находятся гробы и памятники всѣхъ Царей, имѣются также изображенія тѣхъ Царей, которыхъ праведную жизнь послѣ ихъ кончины ознаменовали чудеса. Такое, по крайней мѣрѣ, получилъ объясненіе Г. Посолъ на свой вопросъ, почему нѣтъ здѣсь изображенія Ивана Васильевича, Московскаго тирана? Кромѣ образа Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, показывали еще образъ Богородицы, купленный за семнадцать тысячъ рублей. Дѣдъ, отецъ и самый старшій братъ нынѣ владѣющаго Царя, похоронены вмѣстѣ передъ однимъ престоломъ въ каменныхъ гробахъ.⁷⁸ Этотъ храмъ имѣетъ девять башенъ: всѣ онѣ вызолочены; на ихъ верхахъ во-

⁷⁸ Корбъ очевидно смѣшалъ Соборъ Благовѣщенскій съ Архангельскимъ.

дружено столько же крестовъ, отличающихся такимъ же богатствомъ. Говорятъ, что крестъ на самой высокой башнѣ, вмѣщающій болѣе прочихъ блеска, вылить изъ чистаго золота. Вблизи, напротивъ, въ церкви, называемой Соборомъ (Sabora), покоятся всѣ Патріархи и Митрополиты, признанные Святыми. Одинъ изъ нихъ, называемый Іоною (Јона), предпочтительно предъ прочими служить предметомъ поклоненія. Въ этой церкви хранится частица ризы нашего Спасителя и рука Св. Андрея до сихъ поръ невредимая, къ которой мы прикладывались. Престолъ Царскій въ этой церкви очень искусной работы и самый древнѣйшій: онъ привезенъ сюда изъ Кіева, Князьямъ котораго прежде принадлежалъ. Напротивъ этого престола стоитъ престолъ Патріарха, украшенный различною живописью. Креслы Княгинь стоятъ въ другой части храма и обиты драгоцѣнною матеріей изъ краснаго шелка

Вновь взбунтовались въ самомъ городѣ Азовѣ семь Стрѣльческихъ полковъ. Они сдѣлали постановленіе не допускать къ себѣ Царя, ибо имъ извѣстна ненависть къ нимъ Государя, превышающая даже ненависть Ватиніана. Стрѣльцы не сомнѣваются въ томъ, что всѣ они погибнутъ, если влустятъ къ себѣ Царя; а такъ какъ они увѣрены, что смерть ихъ все равно ожидаетъ, то и рѣшились умереть, по крайней мѣрѣ, не безъ мести. Кто потерялъ всякую надежду на спасеніе, тотъ ищетъ утѣшенія въ томъ, чтобы заслужить наказаніе. Они рѣшились, призвавъ на помощь Крымскихъ Татаръ, прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ мѣрамъ, и рассчитываютъ, что тѣ Стрѣльцы которые сосланы были въ окрестности Азова, пользуясь случаемъ отомстить за свое изгнаніе, вновь подвигнутся на мятежъ, и изъ одного только удовольствія получить возмездіе за ихъ уничтоженіе. вмѣстѣ съ ними жертвуютъ собою, такъ какъ раны ихъ еще не зажили. Распространяется молва, что этѣ преступныя затѣи найдутъ поддержку въ томъ Воеводѣ, котораго совѣсть упрекаетъ во многихъ порочныхъ поступкахъ и который, опасаясь казни, колеблется въ вѣрности и повиновеніи Царю, а по тому готовъ принять сторону мятежниковъ, чтобы отдалить минуту своего наказанія, или добровольною смертію избѣгнуть топора палача. По поводу всѣхъ этѣхъ обстоятельствъ, вездѣ собираютъ солдатъ и призываютъ изъ крѣпостей

гарнизоны. Война приняла теперь видъ болѣе внутренней усобицы, тѣмъ войны съ врагами страны.

Въ церкви Благовѣщенія Пречистой Дѣвы Маріи совершалось рукоположеніе одного изъ духовенства въ Митрополиты Кіевскіе.

6. Бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ вызванъ, по Царскому повелѣнію, въ Воронежъ. По общему мнѣнію, Государь призвалъ его къ себѣ въ слѣдствіе того, что онъ притворился больнымъ, чтобы избавиться отъ этой поѣдки.

Всѣ жители Москвы безъ изъятія записаны въ подушной окладъ; они должны, согласно своему достоянію, или доходамъ, получаемымъ ими отъ торговли, вносить ежегодно опредѣленную подать. По этому бѣгутъ они ежедневно сотнями и тысячами, но принуждены будутъ возвратиться въ Москву, которую своимъ выходомъ обратили бы въ пустыню.

Теперь въ Москвѣ большая дороговизна на овесъ и сѣяныя припасы. Это объясняютъ тѣмъ, что когда солдаты недавно обязаны были вывозить трупы казненныхъ за городъ для погребенія, то они, ссылаясь на Царское повелѣніе, принуждали извозчиковъ (Sboseckios), т. е., поселянъ, выбрасывать кладъ изъ телѣгъ и класть въ нихъ мертвыя тѣла, или принуждали оставлять имъ повозки и отправляться копать ямы. При этомъ солдаты имѣли дерзость присвоить себѣ хлѣбъ, сѣно, овесъ и все, что привезли поселяне. Правда, что солдаты были за это наказаны, что весьма справедливо, но все же поселяне, въ слѣдствіе понесенныхъ ими потерь, распуганы и ни чего болѣе не везутъ въ Москву, опасаясь, чтобы привезенное ими на продажу не сдѣлалось вновь жертвою и добычею своевольнаго грабежа солдатъ.

7. Господинъ Посолъ простился съ Княземъ Борисомъ Алексѣвичемъ Голицынымъ, который уѣзжаетъ сегодня въ Казань и Астрахань, въ сопровожденіи Г. Плейера.

8 и 9. Около девяти часовъ утра былъ большой пожаръ недалеко отъ Посольскаго Двора, за палатами Воеводы Шеина. Бояринъ Салтыковъ и Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій

много пострадали чрезъ это несчастіе; горѣло въ продолженіе четырехъ часовъ, отъ чего превращены въ пепель ихъ собственныя палаты и многіе, окружавшіе оныя, деревянные дома. Здѣсь не употребляютъ воду для тушенія огня, но, для пресѣченія пожара, только разбираютъ дома. Правда, что на пожарныхъ оловянныхъ трубахъ не рѣдко видны значки со знаками, отличающими солдатъ разныхъ полковъ, но очень рѣдко можно замѣтить людей, употребляющихъ этѣ трубы въ дѣло. Пламя съ ближайшихъ домовъ захватывало людей, разбиравшихъ крыши, когда они вовсе объ этомъ не думали, и препятствовало имъ продолжать ихъ работу. На мѣсто, гдѣ свирѣпствовало пламя, вынесли, чтобы пресѣчь его, икону Божіей Матери. Сегодня также сгорѣлъ одинъ домъ въ Нѣмецкой Слободѣ.

10, 11 и. 12. Прислана по почтѣ новая вѣрительная грамота, Всемилостивѣйше уполномочивающая Г. Посла объявить, въ качествѣ Чрезвычайнаго Посла, о бракѣ Всепресвѣтлѣйшаго Короля Римскаго.

13. Назначено совѣщаніе съ Думнымъ Дьякомъ касательно новой вѣрительной грамоты и объявленія о супружествѣ Короля.

14. Извѣстіе о новой обязанности, Всемилостивѣйше ввѣренной Августѣйшимъ Императоромъ Послу, послано съ нарочнымъ въ Воронежъ первому Министру.

15. Въ Азовѣ появилась опасная заразительная язва, отъ которой умираетъ несмѣтное множество людей.

16. Сегодня, въ Страстной Четверкъ, начали мы отправлять Пасхальное Богослуженіе.

18. Г. Чрезвычайный Посолъ со всѣми своими отправился пѣшкомъ въ Нѣмецкую Слободу, отстоящую на одинъ часъ пути отъ Посольскаго дворца, посѣтить гробъ Христа. Исполняя такое благочестивое дѣло, пошли мы туда ночью къ торжественному богослуженію въ честь Воскресенія нашего Спасителя.

19. Мы отправляли первый день Пасхи при звукѣ трубъ и литавръ, раздававшихся въ честь праздника.

Думный Дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, который поѣдетъ изъ Воронежа въ Константинополь, въ качествѣ Чрезвычайнаго Посла, для заключенія мира, посѣтилъ, въ часъ послѣ обѣда, нашего Чрезвычайнаго Посланника.

20 и 21. Господинъ Чрезвычайный Посоль отправился къ Думному Дьяку, желая, изъ расположенія къ нему, сообщить ему кое-что такое, что могло бы быть весьма полезно и пригодно знать состоящему при Портѣ Оттоманской.

Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ пожалованъ Царемъ въ Адмиралы.

22. Говорять, что состоящіе при Посланникѣ Бранденбургскаго Курфирста завели съ жителями ссору на дорогѣ между Москвою и Новгородомъ, и что, въ слѣдствіе этого, жизнь Посланника подвергалась большой опасности.

23. Г. Посоль съ однимъ изъ своихъ друзей посѣтилъ Полковника Гордона, который былъ на службѣ въ Кремлевскомъ замкѣ; у него содержался въ ту пору подъ стражей нѣкто Алмазовъ, принадлежащій къ одному изъ знатныхъ родовъ Московскаго Дворянства. Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ женатъ на его сестрѣ, сестра же Апраксина — вдова Царя, скончавшагося семнадцать лѣтъ тому назадъ.⁷⁹ Слуги вышеупомянутаго Алмазова катали лицами и можетъ быть при этомъ были черезчуръ смѣлы и слишкомъ много шумѣли, и когда караулъ приказалъ имъ удалиться, то они его не послушались, утверждая, что теперешнее время (т. е., Насхальное) позволяетъ имъ по обыкновенію забавляться. Но караульный не удовольствовался этѣмъ и сказалъ имъ, что если не пойдутъ прочь, то онъ принудитъ ихъ къ тому цалкою. Тѣ, разсердясь, принялись сначала ругаться, а послѣ и драться. Пришло подкрѣпленіе къ караулу, но слуги были, по своей ярости, бойчѣе и прогнали ихъ. Когда дѣло было доведено до свѣдѣнія Князя Михайла Алегуковича Черкаскаго, то онъ приказалъ Секретарю, чтобы тотъ распорядился взять подъ стражу

⁷⁹ Марѳа Матвѣевна, урожденная Апраксина, была второю супругою Царя Ѳедора Алексѣевича (+1682 г.). Она скончалась 31-го Декабря, 1713 г., въ Сиб.

виновныхъ слугъ Алмазова, и для исполненія этого приказа послалъ бы въ домъ Алмазова Писаря съ пятнадцатью солдатами. Писарь, по ошибкѣ, или по злоумышленности, давшаго приказаніе, Секретаря, взялъ не рабовъ, но самаго Господина, невиннаго, вовсе не знавшаго о случившемся, и потащилъ бы его въ самую сквернѣйшую темницу, если бы Полковникъ Гордонъ, увѣдомленный объ этомъ происшествіи вдовствующею Царицею, свойственницею Алмазова, не отнялъ его силою у Писаря и солдатъ, не соглашавшихся выпустить Алмазова изъ своихъ рукъ, и не назначилъ ему мѣстомъ содержанія своего жилища. Въ Московіи такъ водится, что солдаты, не разбирая званія и обстоятельствъ, по своему произволу ужасно бьютъ задержанныхъ кулаками, ружьями и палками, и, впихнувъ ихъ въ самую отвратительную конуру, мучать разными способами, въ особенности же богатыхъ, которымъ прямо говорятъ, что побоямъ не будетъ конца, если они не дадутъ имъ извѣстнаго количества денегъ. Не глядя на то, какъ кто идетъ подъ стражу, добровольно ли, или сопротивляется, они во всякомъ случаѣ бьютъ каждого. Алмазовъ, отличный молодой человекъ, освобожденъ былъ въ моихъ глазахъ изъ подъ стражи и отправился къ Царицѣ благодарить за ея ходатайство.

24. Главный Почтмейстеръ Царской почты, Думный Дьякъ Сибирскаго Приказа, Андрей Андреевичъ Виниусъ, Русскій, но Нѣмецкаго происхожденія, былъ у насъ на обѣдѣ съ какимъ-то монахомъ Чина Св. Василя Каріономъ (Согіон)⁸⁰ и со многими Нѣмецкими Офицерами.

⁸⁰ Каріонъ Истоминъ, Иеромонахъ Московскаго Чудова монастыря и Справщикъ Московской Духовной Типографіи, учившійся у Грековъ Лихудовъ, по чему и вызванъ былъ въ Новгородъ Митрополитомъ Ювомъ (въ 1712 г.) для переводу книгъ съ Греческаго, гдѣ, однако, оставался не болѣе года. Онъ же въ 1692 г. составилъ Букварь въ лицахъ, напечатанный въ 1695, а изъ рукописныхъ его сочиненій извѣстны: Привѣтственные стихи Софіи Алексѣевнѣ въ 1681 г., находятся въ Библіотекѣ Академіи Наукъ; далѣе, Поэма на бракъ Царя Петра I-го съ Елдокіею въ 1689, въ Новгородской Софійской Библіотекѣ (нынѣ Спб. Дух. Академіи), и наконецъ, Имя новое, соч. въ 1686 г., принадлежитъ Московско-Синодальной Библіотекѣ. Голяковъ, въ Дѣянїяхъ Петра В. (XIII), стр. 46) упоминаетъ еще о какой-то лѣтописи его.

Къ несчастію, вновь случился пожаръ и сгорѣлъ домъ Боярина Льва Кирилловича.

25. Каждый Бояринъ обязанъ, по повелѣнію Царя, внести пятьсотъ рублей на построеніе кораблей, а кто владѣетъ болѣе чѣмъ ста мужиками, тысячу рублей, у кого же менѣе ста душъ крестьянъ, обязанъ заплатить только сто рублей.

26 и 27. Получено по почтѣ извѣстіе, что Прокопій Возницынъ, Полномочный Посолъ, уѣхалъ изъ Вѣны. Онъ ложно обвинилъ Императорскихъ Уполномоченныхъ въ томъ, что они сдѣлали ошибку, заключая двухгодичное перемиріе; но Императорскій Посланникъ, данными имъ поспѣшными объясненіями, ясно опровергнулъ его обвиненія. Чрезъ это, сообщившій невѣрное показаніе, подвергнулся большой опасности въ слѣдствіе гнѣва Царя.³¹

³¹ Прокопій Богдановичъ Возницынъ, сынъ Владимирскаго Дворянина, Богдана Гурьевича, служилъ съ молодыхъ лѣтъ въ Посольскомъ Приказѣ, по чему въ 1668 отправленъ былъ въ Вѣну и Венецію съ иноземцемъ Оомой Кельдерманомъ, для сообщенія извѣстія объ Андрусовскомъ перемиріи, за тѣмъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Варшаву (1673, 1675, 1676), за что получилъ чинъ Дьяка (1681) и посланъ въ Царьградъ съ Окольнымъ Чирковымъ, по смерти коего, оставшись Посломъ, склонилъ Султана отказаться отъ притязаній на Украйну, а по возвращеніи присутствовалъ въ Посольскомъ Приказѣ по 1688 годъ, въ которомъ назначенъ Посланникомъ въ Варшаву, съ переименованіемъ въ Стольникъ; по паденіи Софіи и Князя В. В. Голицына пожалованъ въ Думные Дьяки и назначенъ въ Казанскій Приказъ (1699), гдѣ сблизился съ Дядькою Государя, Княземъ Б. А. Голицынымъ; въ 1697, въ званіи Болховскаго Намѣстника (Орлов. Губ.) участвовалъ въ Великомъ Посольствѣ за границу, считаясь 3-мъ Посломъ (послѣ Лефорта и Головина), въ коемъ находился и самъ Петръ, какъ Посольскій Дворянинъ. По полученіи извѣстія о возмущеніи Стрѣльцовъ, Петръ I-й поспѣшно поскакалъ, съ Лефортомъ и Головинымъ, въ Москву, оставивъ Возницына въ Вѣнѣ, для окончанія переговоровъ о мирѣ съ Турціею, откуда и отправился онъ въ Карловцы на Конгрессъ, гдѣ, преодолевъ всѣ препятствія, которыя представлялъ ему Уполномоченные Императора, Англіи, Голландіи, Венеціи, и Польши, настаивавшіе на возвращеніи Портъ нашихъ завоеваній, успѣлъ заключить съ послѣдней на два года (14 Января, 1699 г.) договоръ (напеч. Устряловымъ въ Исторіи Петра Великаго, III, стр. 488 и сл.). Въ донесеніи Государю Возницынъ, подробно описалъ все, происходившее въ Вѣнѣ и Карловцахъ. Это-то Корбъ называетъ клеветой. Но интрига Императорскаго Посла и Украинцева, соперника по службѣ Возницыну, подѣйствовали: Украинцевъ отправленъ въ Царьградъ Посланникомъ, а ему велѣно по прежнему присутствовать въ Посольскомъ При-

28 и 29. Сегодня праздновали мы годовщину нашего торжественнаго въѣзда.

30. Разнеслась молва, что Царь уѣхалъ изъ Воронежа въ Азовъ.

М А Я

1. Мы сегодня въ первый разъ отвѣдывали рыбу, которую Самоѣды употребляютъ вмѣсто хлѣба, высушивъ ее сперва на воздухѣ.

2. Воспрещена присылка въ Москву какихъ бы то ни было писемъ изъ Азова и изъ Воронежа. И по тому это только одна темная молва, что пятьдесятъ Азовскихъ мятежниковъ казнены въ Воронежѣ.

3 и 4. Хотя продажа водки принадлежитъ только Царю, однако же нѣкоторые изъ простаго народа, называемые ямскими (Jemskii), продавали ее въ своихъ домахъ, не смотря на положительное по сему предмету Царское запрещеніе; въ слѣдствіе этого Оберегатель казны, Петръ Ивановичъ Прозоровскій, съ цѣлью прекратить эту противозаконную торговлю, потребовалъ у Генерала Гордона пятьдесятъ солдатъ, которыхъ Генералъ и прислалъ ему немедленно. Петръ Ивановичъ послалъ съ ними солдатами Писаря, приказавъ ему всю водку, въ означенныхъ мѣстахъ найденную, взять, какъ запрещенный товаръ, и доставить въ Царскій погребъ; но когда тѣ хотѣли исполнить приказъ, многіе ямщики, собравшись гурьбою, принялись ихъ отгонять, и въ происшедшей свалкѣ пало три солдата и многіе изъ нихъ ранены. Ямщики угрожали при томъ, что будетъ и хуже, если еще разъ назначать подобное преслѣдованіе. Такая дерзость привела въ недоумѣніе всѣхъ лицъ; облеченныхъ властію надъ городомъ, и они

казъ въ званіи Думнаго Совѣтника. Онъ умеръ въ началѣ XVIII столѣтія, но когда именно, не извѣстно. Замѣчательно, что Возницынъ, возвратясь изъ Карловцевъ въ Вѣну, велъ переговоры, по приказанію Государя, съ Императоромъ о Сербяхъ. Это чуть ли не первое заступленіе Петра I-го за нихъ.

не знаютъ, какъ въ этомъ случаѣ поступить, употребить ли силу, или до времени не предпринимать ни какихъ строгихъ мѣръ.

5. Когда одинъ изъ гонцовъ Г. Датскаго Посланника сѣлся уже на швозника (Shoseck), крикнулъ какой-то Русскій «Фря!» (Frica); тотъ немедленно выскочилъ изъ своей повозки, чтобы приколотить ругателя, такъ какъ это слово говорится здѣсь только въ поношеніе Нѣмцамъ. Но Русскій побѣжалъ, крича карауль и что Нѣмецъ-разбойникъ угрожаетъ его жизни. На этотъ шумъ явились солдаты, схватили гонца и отвели, какъ разбойника, въ Приказъ, но, по очевидной невинности, его освободили, и онъ скоро возвратился домой, заплатя, однако, одну гривну.

Теперь въ Московскомъ Царствѣ большое неурстройство. Уѣзжая, Царь назначилъ Князя Черкаскаго Прэзителемъ и Попечителемъ города; Гордону же сказалъ: «Я все отдаю на твои руки, все твоей вѣрности препоручаю.» Но на верховную власть по военнымъ дѣламъ притязаетъ какой-то Писарь, служащій у Князя Ромодановскаго, который утверждаетъ, что этотъ Князь — главный Начальникъ войскъ; а какъ онъ, уѣзжая, свою власть передалъ ему, Писарю, то онъ, стало быть, и долженъ этою частію исполнѣ завѣдывать.

6. Графъ Бергамини, прибывшій въ Московское Государство съ большими издержками для поздравленія Царя, узнавъ, по дорогѣ въ Воронежъ, что Царя уже тамъ нѣтъ, возвратился назадъ, не достигнувъ своей цѣли, и получилъ сегодня пашпортъ на проѣздъ въ Польшу.

7, 8, 9, 10 и 11. Къ большой нашей радости, присланы по почтѣ Всемилостивѣйшія Императорскія бумаги о нашемъ отзывѣ.

Почти въ часъ ночи поднялась страшная буря: громъ, молнія, дождь и неимоверно сильный вѣтеръ свирѣпствовали всю ночь.

12. Калмыкъ, Татарскій Посолъ, имѣлъ честь получить Царское угощеніе, довольно скудное и сообразное съ Калмыцкими обычаями.

Между тѣмъ четыремъ отцамъ Францисканамъ дозволенъ проѣздъ чрезъ Персію въ Китай. Хотя Царь и приказалъ доставить ихъ даромъ по водяному пути и снабдить съѣстными припасами на всю дорогу до Каспійскаго моря, отправя ихъ тѣмъ же способомъ, какъ прежде Архіепископа Анкирскаго (Ангорскаго), однако Голицынъ, Намѣстникъ Царствъ Казанскаго и Астраханскаго, который, по своей должности, обязанъ былъ, по выѣздѣ Царя въ Азовъ, принять этотъ трудъ на себя, не хотѣлъ ни въ чемъ оказать имъ пособія; по этой причинѣ пришлось Господину Чрезвычайному Послу принять на себя всѣ этѣ расходы: плату за мѣсто на баркѣ, снабженіе достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, виномъ, пивомъ, водкою, мясомъ, хлѣбомъ и мукою. Онъ одинъ, по Христіанской любви, щедро снабдилъ путешественниковъ всѣмъ нужнымъ для такой дальней дороги, и, отцы Францисканы, получивъ обильное продовольствіе, отправились въ дорогу.

13 и 14. Получено вѣрное извѣстіе, что Думный Дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, назначенный отъ Его Царскаго Величества Чрезвычайнымъ Посломъ, поплыветъ Чернымъ Моремъ въ Константинополь, и что Его Царское Величество будетъ съ нимъ путешествовать до Киммерійскаго Босфора (Таврическаго пролива), или до Кафской (Феодосійской) пристани.

Объ этомъ Посольствѣ Думнаго Дьяка для заключенія мира, которое Прокофій Возницынъ, по гордости и неблагоразумію своему, не умѣлъ выполнить, одинъ Москвитянинъ выразился такъ: «Мнѣ это дѣло представляется, будто бы умнаго послали чинить стекло, разбитое дуракомъ.»

Думный Андрей Артамоновичъ, отца котораго мятежные Стрѣльцы выбросили изъ окошка Кремлевскаго Замка,⁸² и когда тотъ упалъ на землю, то товарищи ихъ убили его копьями, назначенъ обыкновеннымъ Посломъ при Державнѣйшихъ Голландскихъ Штатахъ, гдѣ, по Царской волѣ, останется онъ на три года съ женою и дѣтьми. Съ нимъ поѣдутъ восемь Боярскихъ сыновей

⁸² Собственно съ крыльца Царскаго Дворца.

изучать морскую службу и мореплаваніе во время пребыванія его въ Голландіи.

15. Пришли сюда по Волгѣ сто пятьдесятъ барокъ съ ячменемъ и овсомъ, за коими слѣдуютъ еще триста сорокъ съ хлѣбомъ.

Извѣстнѣйшій при Дворѣ, по Царской къ нему милости, Александръ, шепталъ что-то на ухо Царю, который, уѣзжая изъ Воронежа въ Азовъ, уже находился въ лодкѣ. Царь былъ этѣмъ вдругъ такъ разсерженъ, что далъ своему докучливому совѣтнику нѣсколько пощечинъ, отъ которыхъ тотъ упалъ замѣтливо у ногъ разгнѣваннаго Государя.

Возмутившійся Азовскій гарнизонъ такъ усилился отъ времени, что потребовалъ присяги отъ того, котораго долженъ признавать властелиномъ своей жизни и смерти; но могло ли быть когда либо что ни будь священное, неприкосновенное и непозволительное для тѣхъ, которые осмѣлились уклониться отъ власти Государя? Напротивъ, ихъ рѣшимость на все, что только можетъ предупредить ихъ погибель, ими же самими приготовленную, приносить облегченіе симъ несчастнымъ въ бѣдствіи, которому они, по собственному нечестію, подвергнулись. Царь хотя и негодовалъ по справедливости на то, что унижаетъ свое достоинство, однако же, подчиняясь необходимости, не отринувъ предложенныхъ бунтовщиками условій и согласился на предложенную ему присягу, чтобы только упорнымъ отстаиваніемъ правъ Царскаго величія не навлечь на себя большихъ опасностей. Царь низшелъ до уговоровъ съ своими подданными и далъ присягу, которую они ему предложили, въ томъ, что онъ своею честью и Царскимъ словомъ ручается всѣмъ Стрѣльцамъ города Азова, что они не будутъ подвергнуты ни какому наказанію. Но не знаю, сдержитъ ли Царь свое вынужденное обѣщаніе; по тому что, если принуждаютъ противозаконно Государя къ какимъ либо уступкамъ, то онъ, чрезъ взаимное нарушеніе закона, старается возвратитъ себѣ то, что у него похищено, и Цари не думаютъ, чтобы противозаконное принужденіе могло быть для нихъ закономъ.

16 и 17. Нѣсколько дней продолжались постоянные дожди, отъ которыхъ улицы въ Нѣмецкой Слободѣ сдѣлались непро-

ходимы: онѣ устѣяны повозками, глубоко увязшими въ болотѣ, изъ котораго лошади не могутъ ихъ вытащить.

18. Генералъ Гордонъ, съ своимъ сыномъ Полковникомъ. Полковникъ Ахентонъ (Acshenton), Полковникъ де Граге, два Миссіонера, Врачъ Карбонари и Господинъ Гваскони, собрались у Г. Чрезвычайнаго Посла на совѣщаніе по дѣлу о содержаніи церкви и Католическаго общества. Попеченіе о церковной казнѣ ввѣрено Полковнику Гордону и Врачу Карбонари.

19. Здѣсь весьма торжественно отправляли большой Русскій праздникъ (Враспикъ) Св. Николая, покровителя Московской земли. Въ этотъ день считаютъ неприличнымъ и неумѣстнымъ отказывать себѣ въ винѣ и водкѣ, по тому что Русскіе полагаютъ, что чѣмъ болѣе праздникъ, тѣмъ болѣе они имѣютъ права предаваться пьянству и разнымъ другимъ наслажденіямъ.

Сегодня ночью Г. Датскій Посланникъ возвратился изъ Воронежа; при его вѣздѣ въ городскіе ворота произошелъ споръ: требовали денегъ за солдатъ, данныхъ Царемъ въ провозытые Посланнику (das Sperr-Geld), а Посланникъ не хотѣлъ платить за нихъ.

20. Между прочими разказами, Датскій Посланникъ сообщилъ, что въ Воронежѣ какой то Москвитянинъ обвинялъ въ измѣнѣ двухъ Нѣмецкихъ Полковниковъ, но ни темница, ни жесточайшія истязанія въ застѣнкѣ, не могли ихъ принудить сознаться въ преступленіи, возводимомъ на нихъ доносчикомъ. Тѣмъ временемъ Русскій раскаялся въ томъ, что сдѣлалъ ложный доносъ, и съ тою же смѣлостію, съ какою прежде обвинилъ передъ Царемъ невинныхъ, сказалъ ему: «Нѣмцевъ понапрасно мучили; они невинны; я изъ зависти обвинилъ ихъ въ столь большомъ преступленіи.» Царь такъ былъ разгнѣванъ этою безчестностію криводушнаго человѣка, что, приговоривъ его къ заслуженной имъ казни, пожелалъ собственноручно отрубить преступнику голову.

Солдаты Преображенскаго полка распределены по кораблямъ. Говорятъ, что изъ всего Царскаго флота самый красивѣйшій корабль тотъ, который сдѣланъ собственными руками Царя и его любимыхъ Бояръ.

21 и 22. Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, съ соизволенія Царя, вернулся въ Москву по той причинѣ, что палаты сего Боярина сгорѣли.

23. Къ означенному Боярину отправился весьма рано Секретарь съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Господинъ Чрезвычайный Посланникъ поздравляетъ Боярина съ счастливымъ возвращеніемъ изъ Воронежа и весьма радъ, что снова можетъ имѣть удовольствіе вести съ нимъ переговоры, какъ съ первымъ Московскимъ Министромъ. Посланникъ не сомнѣвается, что его письмо къ Боярину дошло по надписи; но какъ онъ до сихъ поръ не получалъ отъ Боярина ни какого отвѣта, и какъ отъ Августѣйшаго Императора присланы между тѣмъ новые указы, то онъ желалъ бы по этому поводу переговорить съ Бояриномъ, и прибудеть къ нему въ то время, какое ему, первому Министру, угодно будетъ назначить.» Бояринъ на это отвѣтилъ: «Благодарю за вѣжливость, которую Посланникъ оказалъ мнѣ, поздравляя меня, и я взаимно поздравляю Господина Посланника. Я получилъ письмо, содержащее извѣстіе о вступленіи въ супружество Короля Римскаго, и буду стараться выбрать удобное время для совѣщанія.» Еще спрашивалъ Бояринъ: «По чему Господинъ Посланникъ не желалъ пріѣхать въ Воронежъ, какъ ему было это внушено Царскимъ приказомъ, посланнымъ въ Москву? Царь даже ожидалъ шесть дней его прибытія.» То же самое подтверждалъ и Датскій Посланникъ, но, не смотря на то, рождается касательно этого сомнѣніе: Когда же было прислано письмо? Когда былъ доставленъ приказъ? Какой нарочный привезъ этѣ бумаги? И не было сдѣлано ни какого изслѣдованія для объясненія этого дѣла, что, казалось бы, необходимо, такъ какъ Господинъ Посланникъ не получалъ ни письма, ни приказа. Кажется, что объ этомъ вѣроятнѣе всего нужно полагать, что приказъ этотъ, для приличнаго сообщенія, былъ посланъ въ конвертѣ на имя Думнаго Украинцева, и какъ это письмо не застало его въ Москвѣ, по тому что онъ уже выѣхалъ въ Воронежъ, то письмо, по незнанію, къ кому оно именно прислано, и было отправлено обратно. Имѣя въ виду время, должно, оставя въ сторонѣ точное изслѣдованіе этого случая, удовольствоваться объясненіемъ, основаннымъ на правдоподобіи.

24. Бранденбургскій Резидентъ, Тимошей Задора Кесельскій, прибылъ къ Боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, для переговоровъ. Бояринъ заставилъ Резидента ждать себя цѣлый часъ въ передней; наконецъ, выйдя въ переднюю и зная, что тамъ его ожидаютъ, Нарышкинъ, при видѣ своего посѣтителя, представился удивленнымъ, что его тамъ нашелъ и гордо спросилъ его жесткимъ голосомъ: «Чего хочешь?» Резидентъ отвѣчалъ на это: «Знай, что я не пришелъ просить тебя о кускѣ хлѣба. Если думаешь, что уваженіе, которое я моимъ приходомъ тебѣ оказываю, тебя недостойно, то впредь не буду брать на себя трудъ посѣщать тебя.» Неожиданная суровость сказанныхъ въ отвѣтъ словъ взволновала Боярина, и по тому тотъ отвѣтилъ Резиденту еще болѣе жесткимъ и почти презрительнымъ тономъ: «Ты Камеръ-юнкеришка, какъ ты смѣлъ мнѣ это сказать?» Съ неменьшею вспыльчивостію отвѣчалъ и Резидентъ: «Я Камеръ-юнкеръ моего Всепресвѣтлѣйшаго Государя, и этѣмъ горжусь. Если ты, по своей гордости, считаешь сіе званіе за низкое, то возвысить его можетъ тотъ, который меня прислалъ: но едва ли можетъ онъ дать такое высокое достоинство, чтобы оно, по надменности твоей, не показалось тебѣ низкимъ.»

25. Нарышкинъ, чрезъ переводчика, Г. Шверенберга, увѣрилъ Г. Посланника, что онъ скоро получить отвѣтъ на свой отзывъ.

26. Думный Дьякъ Украинцевъ получилъ, на расходы своего путешествія въ Константинополь, тысячу шестьсотъ рублей наличными деньгами и на тысячу же шестьсотъ рублей соболей

Наконецъ, въ слѣдствіе совѣта Бояръ, обнаружены болѣе полезныя соображенія о принятіи мѣръ къ утверженію мира. Царь постановилъ обратиться къ братской дружбѣ Императора и къ его посредничеству, чтобы, съ помощію его благотворнаго вліянія, получить миръ на справедливыхъ условіяхъ.

27, 28 и 29 Саяръ Урбанъ освобожденъ наконецъ изъ грязной темницы, въ которой претерпѣлъ продолжительное заточеніе, и возвращенъ къ свободѣ прежней жизни, и хотя, по именному Указу Царя, во вниманіе къ ходатайству за него Господина

Посла, онъ долженъ былъ быть освобожденъ безъ всякаго выкупа, однако же онъ принужденъ былъ заплатить пятнадцать рублей Дьяку и Писарямъ. Въ Московскомъ Царствѣ никто не можетъ быть охраненъ отъ этѣхъ гарпій.

30 и 31. Сюда приведены подъ стражею сто пятьдесятъ Стрѣльцовъ изъ Азовской крѣпости.

І Ю Н Я

1. Бранденбургскій Резидентъ угощалъ Господина Императорскаго Посла и Думнаго Дьяка Сибирскаго Приказа, Вппіуса. У Датскаго Посланника былъ на обѣдѣ Андрей Артамоновичъ,⁸³ назначенный Посломъ къ Голландскимъ Штатамъ.

2. Половина слугъ Господина Посла, съ Миссіонеромъ Г. Іоанномъ Берудой, отправились въ монастырь, называемый Іерусалимскимъ, въ шести Нѣмецкихъ миляхъ разстоянія отъ Москвы.

3. Г. Іоаннъ Казагранде Миссіонеръ, состоявшій при Венеціанскихъ кораблестроителяхъ, былъ отправленъ, годъ тому назадъ, въ Воронежъ, съ Г. Барономъ фонъ Бурхсдорфомъ, ѣздившимъ въ Азовъ. Миссіонеръ этотъ скончался въ Воронежѣ; тѣло его, отосланное, по Царскому приказу, въ Москву, привезено въ тотъ же мѣсяць и день, въ который покойникъ выѣхалъ изъ города по долгу Св. Миссіи, которую исполнялъ похвально и въ назиданіе для тѣхъ, которыхъ былъ пастыремъ.

4 и 5. Тѣло покойнаго Миссіонера похоронено въ саду Императорскихъ Миссіонеровъ, вблизи мѣста, отведеннаго для погребенія Гордоновъ. При похоронномъ шествіи сопровождали тѣло и на панихидѣ находились Чрезвычайный Посолъ со всѣми, состоящими при немъ и со многими другими Католиками.

6. Мяханъ Людовикъ фонъ Бюханъ (Buchan), Ротмистръ полка Бейста, былъ у насъ на обѣдѣ. Онъ присланъ отъ Польскаго Короля къ Его Царскому Величеству, и будетъ отправленъ съ весьма важными письмами въ Азовъ.

⁸³ Матвѣевъ.

Получены письма, сообщающія неблагопріятныя извѣстія: Царскій Посолъ, Прокопій, ⁸⁴ «недавно отпущенный Императорскимъ Дворомъ съ большимъ почетомъ, или умеръ въ дорогѣ, или опасно больной лежитъ въ Кенигсбергѣ: отъ худаго дерева и плоды худые.

Сегодня, въ праздникъ Пятидесятницы, Русскіе Священники благословляли кустарники и листья деревьевъ; они только въ этотъ день молятся Богу на кодьнахъ, въ прочіе же праздники, въ продолженіи года, стоя прямо, приносятъ Богу обычныя молитвы. Они объясняютъ это тѣмъ, что Апостолы и всѣ ученики нашего Спасителя падали ницъ на землю во время Сошествія Св. Духа; слѣдуя этому преданію, они благословляютъ всѣ плоды земли.

8 и 9. Господинъ Чрезвычайный Посолъ отправился въ монастырь Свѣтлаго Воскресенія, ⁸⁵ находящійся въ шести Нѣмецкихъ миляхъ отъ Москвы.

Монахи Чина Св. Василия старались съ похвальной заботливостью почетно принять Господина Посла. Они вынули изъ садка живую рыбу и подносили съ щедрой вѣжливостію пиво, водку и кушанья, приготовленныя по Русскому обыкновенію; это радужное гостепрѣимство объясняется тѣмъ, что Царское Министерство поручило ихъ хлѣбосольству этѣхъ гостей.

19. Въ монастырь, окруженный большими стѣнами, были мы введены какимъ-то монахомъ; намъ показали трапезную всего братства и келью каждаго монаха; послѣднія слишкомъ малы. Храмъ этотъ, громадное и достойное вниманія зданіе, стоить огромныхъ издержекъ Патріарху Никону, и представляетъ въ точности видъ церкви, находящейся въ Іерусалимѣ на горѣ Голгоетѣ, разныя часовни которой приводятъ на память страданія Христа. Когда мы осматривали этотъ храмъ, пришелъ къ намъ Вианіусъ съ Бранденбургскимъ Резидентомъ; мы съ ними здѣсь обѣдали. За столомъ, кромѣ какого-то Поляка, принявшаго Русскую Вѣру и знающаго Латинскій языкъ, находились еще дру-

⁸⁴ Прокопій Возницынъ.

⁸⁵ Новоіерусалимскій.

гіе монахи высшихъ степеней. Послѣ обѣда отправились мы въ имѣніе Виніуса, отстоящее отсюда на нѣсколько миль. Домъ его, хотя построенъ изъ мелкихъ кирпичей, однако же вполне удобенъ и имѣетъ прекрасный видъ на обмывающую его стѣны рѣчку и открытъя на большомъ пространствѣ поля. Мы находили особенное удовольствіе, наслаждаясь катаньемъ въ лодкѣ и ловлею стѣями рыбы; это насъ тѣмъ болѣе занимало, что мы знали, что пойманная нами рыба будетъ служить для нашего ужина. Во всемъ гостепрѣимствѣ хозяина видны были искреннее благоволеніе и чистосердечное радушіе.

11. Спустя нѣкоторое время, въ продолженіе котораго мы развлекались пріятной бесѣдой, кушали рачительно приготовленный обѣдъ, и Господинъ Посолъ съ нашимъ хозяиномъ обходился по пріятельски, Императорскій Министръ съ Бранденбургскимъ Резидентомъ поѣхали обратно въ Москву. Мы ночевали не далеко отъ села, называемаго Ангельское (Angelicum), ⁸⁶ на дачѣ, принадлежащей вышеупомянутому монастырю.

12. Сдѣлавъ четыре мили, прибыли мы, около десяти часовъ утра, въ Москву, въ Посольской Дворецъ. Въ роцѣ, за часъ ѣзды отъ города (гдѣ обыкновенно бываетъ Нѣмецкое гулянье), ⁸⁷ завязался такой жаркій споръ между Капитанами Эрхелемъ и Принцемъ, что они взялись за сабли и нанесли одинъ другому раны.

13 Мы отправляли съ торжествомъ праздникъ Св. Антонія Падуанскаго.

14. Пришелъ къ Господину Послу Дьякъ Борисъ Михайловичъ, ⁸⁸ бывшій Резидентомъ въ Варшавѣ, присланный, по необычайной вѣжливости, Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, провѣдать о здоровьѣ Господина Императорскаго Посла.

15. Вторично пришелъ къ Господину Послу Дьякъ Борисъ Михайловичъ съ такимъ же, какъ и вчера, порученіемъ.

Двое Русскихъ ушли изъ Банзины (Banžina) къ Татарамъ, съ цѣлью сообщить имъ точнѣйшія показанія о всемъ флотѣ, и

⁸⁶ Архангельское.

⁸⁷ Марьяной.

⁸⁸ Михайловъ.

хотя, какъ кажется, помощникъ Коменданта, котораго называютъ Сотникъ (Solik), вовсе не виновать въ томъ побѣгѣ, однако же, по приказанію Царя, отрѣшенъ на время отъ должности за то, что, по своей безопасности, не предупредилъ преступныхъ намѣреній бѣглецовъ. Но найдется ли столь бдительный Аргусъ, который бы могъ видѣть всѣ злобные замыслы измѣнниковъ?

16. Борисъ Михайловичъ пришелъ вновь, по приказанію Нарышкина, съ извѣстіемъ, что просимое совѣщаніе будетъ въ скоромъ времени назначено.

Великое Шведское Посольство приблизилось къ предѣламъ Московскимъ, и по тому посланы приказы къ Воеводамъ пограничныхъ городовъ, чтобы приготовили, ради этого случая, четыреста пятьдесятъ подводъ.

17. Господинъ Посолъ имѣлъ совѣщаніе съ Нарышкинымъ касательно извѣщенія о бракосочетаніи Римскаго Короля.

18 и 19. Всѣ купцы Англійскіе и Шотландскіе обѣдали у Генерала Гордона.

20. Былъ ужасный пожаръ: сгорѣло два дома въ Нѣмецкой Слободѣ и нѣсколько сотъ домовъ въ городѣ.

21, 22, 23 и 24. Царь принуждаетъ Венеціанскихъ кораблестроителей къ постоянной работѣ по постройкѣ кораблей; ихъ никогда не увольняютъ отъ работы, даже и на одинъ часъ, чтобы они могли по обряду религіи очиститься отъ грѣховъ и приобщиться. Недавно, какъ я говорилъ, умеръ ихъ Священникъ, и чтобы они не были лишены даже и этого годичнаго утѣшенія, Г. Францискъ Емилиани, Царскій Миссіонеръ въ Москвѣ, мужъ великой и благочестивой ревности, согласился охотно на ихъ просьбы доставить имъ религіозныя утѣшенія, и Министерство, по ходатайству Господина Посла, назначило ему четыре подводы для его поѣздки въ Воронежъ.

25. Господинъ Посолъ удостоилъ своимъ присутствіемъ свадьбу Капитана Рикмана (Rickmann).

26. Главный Начальникъ стражи, фонъ Штраусъ (Straus), праздновалъ свою свадьбу съ родственницею Датскаго Посланника.

27. Одинъ мальчикъ, пойманный въ воровствѣ, посягнулъ, изъ боязни наказанія, на самоубійство.

28. Господинъ Посолъ посѣтилъ Князя (?) Шереметева.

Говорять, что Прокопій ⁸⁹ пріѣхалъ, но что его здоровье очень плохо; по этой причинѣ отправленъ въ Азовъ главный Писарь съ донсеніемъ къ Царю.

29 и 30. Между первымъ и двѣнадцатымъ часомъ ночи скончался Господинъ Шрадеръ (Schradler), Пасторъ Аугсбургскаго Исповѣданія.

І Ю Л Я

1 и 2. Господинъ Посолъ долженъ былъ, по приказанію Императора, извѣстить, отъ его имени, Его Царское Величество о бракосочетаніи, недавно благополучно совершеномъ, между Всепресвѣтлѣйшимъ Королемъ Римскимъ и Угорскимъ, Иосифомъ Первымъ, и Всепресвѣтлѣйшей Государынею Вильгельминою Амаліею. Герцогиней Брауншвейгской и Люнебургской. Да позволить Богъ тѣмъ, которыхъ, по неисповѣдимой его милости и въ исполненіе горячихъ желаній добрыхъ гражданъ, соединила Августѣйшая любовь, на благо всѣхъ Христіанъ, на плодовитое произрастаніе Августѣйшаго Австрійскаго Дома и на несказанное утѣшеніе подвластныхъ народовъ, прожить славно и благополучно недавно начатый вѣкъ и достигъ глубокой старости; да надѣлать онъ ихъ послѣдовательнымъ, никогда непресѣкающимся, рядомъ потомковъ, которые бы увѣковѣчили безсмертную о нихъ память!

Его Царское Величество былъ въ отсутствіи. Движимый важными заботами и жаждою славы и желая утѣшиться видомъ своего новаго флота, сдѣлалъ онъ съ быстротою, достойною по хвалы, почти триста миль и достигнулъ до Меотійскаго болота (Азовскаго моря), находящагося вблизи пролива Киммерійскаго Босфора. Между тѣмъ, такъ какъ, для выполненія даннаго Господину Императорскому Послу препорученія, требовался торжествен-

⁸⁹ Возницынъ.

ный церемоніаль, то первый Министръ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, и устроилъ оный приличнымъ образомъ. Господину Посланнику даны были Царскій экипажъ, запряженный шестью лошадьми, и изъ Царской конюшни лошади, отличавшіяся обычнымъ блескомъ украшеній. На дворъ дома, избраннаго Бояриномъ для принятія отъ имени Царя означенной Императорскій грамоты, два Дьяка приняли Господина Посла и проводили его чрезъ многія переднія комнаты до послѣдняго покоя, въ которомъ долженъ былъ исполниться церемоніальный обрядъ. Бояринъ ожидалъ прибытія Господина Посла въ сѣняхъ; а чтобы придать болѣе величія этой церемоніи, находились также въ этомъ покоѣ Чиновники Посольства съ многочисленною толпою Царскихъ Писарей. Но когда Бояринъ просилъ Господина Посла садиться и началась конференція, было приказано удалиться всѣмъ, кромѣ Дьяка Посникова (Воспиков), Секретаря и переводчика. Представители Государей взаимно обѣщали, что искренняя братская любовь, соединяющая Государей ихъ, будетъ навсегда питаема этѣми Монархами другъ къ другу и что она никогда не прекратится. По окончаніи этой торжественной церемоніи и взаимнаго заявленія официальной вѣжливости, Господина Посла проводили до экипажа два Дьяка, до Дворца же Посольскаго Приставъ. Когда Императорскій Посолъ проѣзжалъ мимо Кремлевскаго замка, то караульные отдавали ему честь ружьями съ распущенными знаменами.

3 и 4. По случаю праздника Св. Іоанна играли музыкальные концерты на хорахъ и на площади.

5 и 6. Русскій купецъ требовалъ отъ какого-то Нѣмца четыре рубля, которые тотъ будто бы ему былъ долженъ. Когда Нѣмецъ отвергъ этотъ долгъ, то Русскій поднялъ большой шумъ и, въ подтвержденіе справедливости своего требованія, клялся всѣми Святыми и нечистыми духами, къ имени которыхъ Русскіе по большей части безъ всякой совѣсти прибѣгаютъ. По этому Нѣмецъ позвалъ купца къ Русскому Судьѣ, чтобы присягнуть, и купецъ, войдя въ ближайшую церковь, ложно учинилъ требуемому отъ него присягу. Въ скоромъ за тѣмъ времени онъ самъ признался, что Нѣмецъ долженъ ему не четыре, а только два рубля, но что все таки другой Нѣмецъ долженъ ему два рубля, которые

первый можетъ, съ своей стороны, истребовать ихъ себѣ отъ послѣдняго. Такое здѣсь уваженіе присяги, такое почитаніе Бога; у Русскихъ ложная клятва — самое пустое дѣло.

7. Господинъ Посолъ получилъ изъ Азовской крѣпости отъ Боярина Федора Алексѣевича Головина письмо, писанное по повелѣнію Царя. Его Царское Величество приказывалъ своимъ Министрамъ, находящимся въ Москвѣ, имѣть попеченіе о томъ, чтобы Господинъ Посолъ былъ всѣмъ и вполнѣ доволенъ и былъ бы отпущенъ съ такими почестями, какія до сихъ поръ еще никогда не оказывались Послу одинаковаго съ нимъ достоинства.

8. Москвитяне на вечеріе Св. Апостоловъ Петра и Павла отправляли съ большою торжественностію. Царевичъ назначилъ общественныя молитвы съ крестнымъ ходомъ о сохраненіи Всепресвѣтѣйшаго Родителя.

9. Москвитяне праздновали день Св. Апостоловъ Петра и Павла и вмѣстѣ тезоименитство Царя, названнаго при крещеніи Петромъ.

Измайловскій замокъ (Ismalow agh) служитъ лѣтнимъ пребываніемъ Царямъ, чтобы они могли въ немъ наслаждаться прекраснѣйшимъ временемъ года. Замокъ окружаетъ роща, замѣчательная тѣмъ, что въ ней растутъ, хотя и рѣдко, но весьма высокія деревья; свѣжесть тѣнистыхъ кустарниковъ умѣряетъ тамъ палящій жаръ солнца. Г. Посолъ, желая насладиться видомъ этѣхъ волшебныхъ мѣстъ, отправился туда. За нимъ слѣдовали музыканты, чтобы гармоническую мелодію своихъ инструментовъ соединить съ пріятнымъ звукомъ тихаго шелеста вѣтра, который медленно стекаетъ съ вершинъ деревьевъ. Царицы, Царевичъ и незамужнія Царевны пребывали тогда въ этомъ замкѣ. Желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведутъ онѣ въ семъ волшебномъ убѣжищѣ, онѣ часто выходятъ на прогулку въ рощу и любятъ гулять по тропинкамъ, гдѣ терновникъ распустилъ свои коварныя вѣтви. Случилось такъ, что Августѣйшія особы гуляли, когда вдругъ долетѣли до ихъ слуха пріятные звуки трубъ и флейтъ: онѣ остановились, хотя и возвращались уже въ замокъ. Музыканты, видя, что ихъ слушаютъ и что ихъ игра нравится, ста-

рались играть еще пріятнѣе, соперничая между собою въ томъ, чья игра заставитъ Всепресвѣтлѣйшихъ слушателей долѣе оставаться на мѣстѣ. Князья Царской крови, съ четверть часа слушая симфонію музыкальныхъ инструментовъ, похвалили искусство всѣхъ артистовъ.

10. Мальчикъ, Католическаго Исповѣданія, Литовець, смятенный обѣщаніями Русскихъ, бѣжалъ съ нашей поварни къ какому-то Русскому Князю, съ намѣреніемъ принять Русскую Вѣру, дабы получить право на руку женщины, которую обѣщали ему подь этѣмъ условіемъ.

Князь Репинъ (Rererin), Начальникъ пѣшеконныхъ солдатъ, не знаю, по какому-то случаю, съ своими холопами нагло напалъ на городскую стражу и сталъ вырывать у ней знамя, но Прапорщикъ нашелся очень удачно: онъ принялъ его съ копьемъ, и многіе другіе ранены въ этой свалкѣ.

11. Недалеко отъ дома Нарышкина вспыхнулъ вечеромъ пожаръ и превратилъ въ пепелъ сто тридцать домовъ, принадлежащихъ какъ благороднымъ лицамъ, такъ и простонародью.

12. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ возвратился въ Москву изъ предѣловъ Казани, Астрахани и Волги.

13. По приказанію перваго Министра, приведенъ къ Господину Послу недавно бѣжавшій мальчикъ.

Вѣрительныя грамоты возвращаются самимъ Царемъ, но когда онъ въ отсутствіи, то входитъ въ кругъ обязанностей перваго Министра выдавать оныя отъ имени Государя и по его приказанію. Изъ всѣхъ обычныхъ церемоній ни одна не была упущена: онъ совершились въ залѣ Кремлевскаго дворца, назначенной для церемоній этого рода. Прибыли Приставъ и Подконюшій съ толмачемъ; былъ Царскій экипажъ, запряженный шестью лошадьми, и лошади по обыкновенію были въ сбруѣ, блестящей золотомъ и серебромъ; рота пѣшеконныхъ воиновъ (Ditachagim, драгуновъ?) увеличивала процессію; вездѣ многочисленныя ряды стражи отдавали честь, дѣлая оружіемъ на караулъ и распустивъ знамена. Тѣлохранители, съ ихъ Офицерами, Подполковникомъ де

Колонъ и Гг. Капитанами фонъ Бахомъ и Эрхедемъ, толпились на крыльцѣ до сѣней первой комнаты, сынъ же Боярина съ Дьякомъ. Посниковымъ, принялъ Господина Посла на порогъ и повелъ къ отцу. По возвращеніи грамоты, первый Министръ и Посолъ взаимно передали другъ другу то, что одинъ желалъ сообщить Императору, а другой хотѣлъ довести до свѣдѣнія Царя; наконецъ Господинъ Посолъ поручилъ благосклонности Царя себя, всю свою свиту, Императорскихъ Миссіонеровъ и все Католическое общество, пребывающее въ Москвѣ, и когда Царская милость была всѣмъ отъ Боярина обѣщана, Дьякъ Посниковъ сказалъ: «Его Царское Величество удостоиваетъ Васъ, Г. Посланникъ, всей своей милости: по Его приказанію, Вы получите не только обычное угощеніе, но также Пристава, охранныхъ воиновъ и подводы до границъ Московскихъ и Литовскихъ; однимъ словомъ, Вамъ будетъ щедро дано все, что только понадобится для полнаго Вашего удовольствія.» По окончаніи этой рѣчи; Господинъ Посолъ вручилъ Секретарю, возвращенную отъ имени Царя, грамоту и, сопровождаемый съ изысканнѣйшею вѣжливостію первымъ Министромъ и его сыномъ до самаго крыльца, на которомъ стояли солдаты, построенные въ ряды, сѣлъ съ Приставомъ въ Царскую карету. Секретарь Посла, сидя на богато убранной лошади, держалъ предъ собою полученную обратно грамоту, завернутую въ шелковый платокъ съ золотыми украшеніями на краяхъ, такъ что всѣ могли ее видѣть. Царевичъ, вдовствующія Царицы и Княжны Царскаго Дома смотрѣли съ любопытствомъ изъ своихъ окошекъ на нашъ въѣздъ въ Кремль и выѣздъ изъ онаго.

13. Къ намъ прибылъ Дьякъ Яковъ Никоновъ, въ слѣдствіе жалобы нѣкоторыхъ изъ нашихъ служителей, съ которыми часовые обошлись неутчиво. Сначала были допрашиваемы обвиненные пѣшеконные воины, и всѣ восьмеро приговорены Дьякомъ къ наказанію батогами, не смотря на знатность ихъ происхожденія; они были благородные. По приказанію Царя, наказаніе совершено въ самыхъ сѣняхъ Посольскаго Дворца. Опредѣлить число ударовъ было предоставлено тѣмъ, которымъ пришлось, по несчастію, крѣпче пострадать отъ побоевъ.

Двѣсти человекъ принесли, съ обычною церемоніальною пышностью, Царское угощеніе, столько же роскошное, что и первое

какъ по обилію, такъ и по великолѣпію. Сначала присутствующіе прикушали водки, которую обносили въ сосудѣ изъ драгоценнаго металла. Послѣ слѣдовали заздравныя чаши: первая за здравіе Августѣйшаго Императора, вторая за здравіе Всепресвѣтлѣйшаго Царя, третья за здравіе Всепресвѣтлѣйшаго Короля Римскаго, четвертая за здравіе Царевича, пятая за здравіе Господина Посла. Обмѣнъ словъ между Господиномъ Посломъ и Приставомъ состоялъ въ почтительныхъ привѣтствіяхъ со стороны Пристава, и въ отвѣтахъ на оныя Посла: они другъ другу заявляли взаимную искреннюю дружбу.

15. Всѣ вмѣстѣ и каждый порознь изъ тѣхъ, которые, участвуя въ церемоніяхъ вчерашняго Царскаго угощенія, конференціи и увольненія, должны были принять на себя какую либо обязанность, или трудъ, съ нетерпѣніемъ ожидали награжденія отъ Господина Посла, и были, сообразно своему званію, надѣлены отъ него щедрыми подарками.

16, 17 и 18. Русскіе отправляли праздникъ иконы Казанской Божіей Матери. Вотъ какъ Русскіе объясняютъ учрежденіе этого праздника. Все Московское войско во время осады Казани видѣло, какъ икона, которой Москвитяне, подъ вышеприведеннымъ именемъ, поклоняются, постоянно висѣла въ облакахъ, и потомъ, по взятіи этого города, спустилась съ облаковъ на землю, и тогда Москвитяне подняли ее съ благоговѣніемъ, и съ тѣхъ поръ постоянно приносятъ ей поклоненіе.

Подъ вечеръ пришелъ Главный Писарь Посольскаго Приказа, въ сопровожденіи другихъ Чиновниковъ того же разряда, и раздѣлилъ между Господиномъ Посланникомъ и всѣми, состоящими при немъ, Царскіе подарки, состоявшіе въ собольихъ мѣхалъ

19 и 20. Вчера и сегодня Посолъ дѣлалъ прощальныя посѣщенія. Прежде всего былъ онъ у тѣхъ лицъ, съ которыми находился въ дружескихъ сношеніяхъ. Посланы были въ подарокъ первому Министру, Льву Кирилловичу Нарышкину, портреты, изображающіе, въ естественной ростъ, Ихъ Императорскія Величества, Императора и Императрицу, Всепресвѣтлѣйшаго Короля Римскаго и Всепресвѣтлѣйшаго Эрцъ-Герцога Карла.

21 и 22. Сегодня кончили мы послѣднія прощальныя посѣщенія знакомымъ нашимъ въ Нѣмецкой Слободѣ, и дѣлали приготовления къ завтешнему выѣзду.

Первый Министръ ужъ нѣсколько разъ приглашалъ Господина Посла прѣхать въ его имѣнiе Филли (Filli), находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы.

За четыре мили отъ Москвы ожидало Великое Шведское Посольство позволенiя совершить выѣздъ въ Москву. Ему назначенъ для жительства удобный домъ, въ которомъ временемъ живутъ Попы, а по тому обыкновенно называемой Поповскимъ домомъ (Pfaffen-Haus).

Возвращенiе Императорскаго Посольства изъ Московскаго Царства въ Вѣну 23 Июля.

Хотя ни при одномъ Европейскомъ Дворѣ не принято и нѣтъ обыкновенiя, чтобы Послы иностранныхъ Государей совершали свой выѣздъ съ публичною торжественностию и особеннымъ великолѣпiемъ, по тому что, основываясь на преданiяхъ многихъ столѣтiй, заявленiе публичныхъ почестей можетъ только относиться къ лицамъ, облеченнымъ публичнымъ характеромъ, однако же въ мою бытность Русскiй Дворъ уклонился отъ этѣхъ, всеобщимъ обыкновенiемъ освященныхъ, понятiй и, увлекшись желанiемъ оказать Господину фонъ Принцу, Чрезвычайному Посланнику Бранденбургскаго Курфирста, особенное почтенiе по своей дружбѣ, равно какъ изъ уваженiя и братской любви, соединяющей обоихъ Государей, чувства, подкрѣпленные не давнимъ ихъ свиданiемъ, удостоилъ Посланника Курфирста при выѣздѣ его тѣхъ же самыхъ почестей, съ какими счелъ приличнымъ принимать и вводить его въ стѣны столицы Московскаго Царства.

Равно и Господину Послу заявилъ Россiйскiй Дворъ свое желанiе, чтобы онъ имѣлъ церемонiальный выѣздъ изъ Москвы, и хотя Господинъ Посолъ не соглашался на то, чтобы Московскiй Дворъ заявлялъ свою дружбу его Государю столь новымъ

и необыкновеннымъ способомъ, но это было напрасно: на его многократные протесты Московское Министерство отвѣчало ссылкою на повелѣнія Его Царскаго Величества, въ силу которыхъ должно было оказать Господину Послу, при 'его отпускѣ, такія почести, которыя не были еще оказаны ни какому Министру. Видя это, Посолъ, подавъ торжественный протестъ, въ предостереженіе того, чтобы Москвитяне при Императорскомъ Дворѣ, ссылаясь на этѣ необычныя церемоніи, не стали заявлять притязанія на то, чтобы и съ ними обращались, вопреки существующему обычаю, такимъ же образомъ, предоставилъ Москвитянамъ рѣшеніе того, какъ его чествовать при его выѣздѣ. Церемоніяль, наблюдавшійся при этомъ, былъ такой же, какъ тотъ, по которому совершился его выѣздъ. Опять были конныя роты, эскадронъ вольтижеровъ, пышнѣйшій Царскій экипажъ; Чиновники Посольства, какъ и прежде, сидѣли на лошадяхъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и жемчугомъ. Выѣстъ съ Г. Посломъ, кромѣ переводчика, сидѣлъ еще обыкновенный Приставъ, который долженъ былъ доставить Г. Посла на то самое мѣсто, гдѣ, за пятнадцать мѣсяцевъ, участвовалъ, по повелѣнію Царскому, въ торжественномъ сопровожденіи его при выѣздѣ въ столицу.

По переулкамъ города, наполненнымъ вездѣ несмѣтнымъ множествомъ народа, достигли мы до береговъ Москвы. Проѣздъ чрезъ деревянный мостъ не былъ совершенно безопасенъ, такъ какъ мостъ занимаетъ только середину рѣки и ни однимъ концомъ не касается берега; по этому выѣздъ на мостъ и спускъ на берегъ представлялъ немалую опасность. Дурная постройка мостовъ подобнаго рода не представляетъ, по мнѣнію Москвитянъ, ни какихъ неприяностей, или же весьма незначительныя, хотя не разъ уже случалось, что проѣзжіе, не предвидя, что подѣзжали къ неожиданно встрѣтившемуся имъ на дорогѣ обрыву, подвергались несчастію. Ямская слобода (*Jemska Slowoda*, предмѣстье извозчиковъ) находится по сю сторону рѣки; Приставъ долженъ былъ проводить Посла до конца этого предмѣстья; здѣсь остановился экипажъ, распрощался Приставъ, и тѣмъ кончилисъ всѣ церемоніи. Помѣстье перваго Министра и Бярина, Господина Льва Кирилловича Нарышкина, называемое Фили, въ семи верстахъ отъ Москвы: оиъ здѣсь приготовилъ для Господина По-

сла очень роскошный обѣдъ, на которой приглашалъ его еще за нѣсколько дней назадъ. Лишь только кончились церемоніальные обряды, сейчасъ явился одинъ изъ служителей вышеупомянутаго Боярина показывать, по приказанію своего Господина, дорогу въ село Боярское; онъ вѣжливо просилъ Г. Посла изволить за нимъ ѣхать. По этому Посолъ, въ сопровожденіи представителей иностранныхъ Государей и многихъ Офицеровъ Царскихъ войскъ, свернулъ съ столбовой дороги со всей своей свитой и съ поклажей, уложенной на девяносто подводахъ. Въ числѣ гостей Боярина находилось весьма много замѣчательныхъ Нѣмцевъ. Когда мы пріѣхали на мѣсто, они всѣ принимали насъ съ такою вѣжливостію, какъ будто бы старались перенеголять другъ друга учтивостями. Каждый старался выразить свою дружбу, многіе силились яснѣе высказать искренность своихъ чувствъ. Наконецъ столы, приготовленные къ великолѣпному обѣду, всѣхъ къ себѣ притянули. Кромѣ перваго Министра и его родственника, а также обычнаго нашего переводчика, Шверенберга, изъ Русскихъ не было никого на этомъ пиру. Но за то много было приглашено Нѣмцевъ. Изъ гостей первое мѣсто занималъ Г. Императорскій Посолъ, прочіе сидѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: Датскій Посланникъ, Генераль Гордонъ, Бранденбургскій Резидентъ, Адамъ Вейдъ, Полковникъ Императорскій Артиллеріи де Граве, Полковникъ Яковъ Гордонъ, Полковникъ Ачентонъ (Aschenton), Императорскій Миссіонеръ Іоаннъ Берула, Царскій Врачъ Карбонари, Гваскони (Guasconi), Католическій купецъ; Вольфъ, Брандъ и Липсъ, купцы не Католики; между которыми сидѣли въ перемежку Чиновники Императорскаго Посольства. Обѣдъ былъ приготовленъ съ Царскою пышностію и не по Русскому обычаю, но совершенно въ Нѣмецкомъ вкусѣ; чрезвычайное множество кушаньевъ, драгоценныхъ золотыхъ и серебряныхъ чашъ и разные роды самыхъ лучшихъ напитковъ, замѣтно выказывали свойство хозяина съ Царскимъ Домомъ. Послѣ обѣда пускали стрѣлы изъ лука, и никто не могъ отъ этого отговориться, ссылаясь на иностранный обычай, или на незнаніе дѣла, но непривычкѣ къ оному. Листъ картузной бумаги, воткнутой въ землю, служилъ цѣлью. Стрѣла перваго Министра, при рукоплесканіи всѣхъ гостей, угодила въ самую средину его. Дождь принудилъ насъ оставить это весьма пріятное развлеченіе и возвратиться въ покои

Боярина. Нарышкинъ, взявъ подъ руку Императорскаго Посла, повелъ его въ кабинетъ своей жены для взаимнаго ихъ привѣтствія; у Русскихъ это означаетъ самое большое уваженіе: знакъ самаго большаго почтенія со стороны хозяина къ гостю, если тотъ представить его своей жемъ, чтобы она его поцѣловала и поднесла ему горячаго вина. Я нахожу кстати упомянуть здѣсь о щедрости Боярина, подарившаго Г. Императорскому Послу драгоценную соболью шубу. Но эта щедрость не была совершенно чужда личнаго интереса, ибо Бояринъ старательно искалъ случая говорить о щедрости Августѣйшаго Императора и припомнилъ тотъ день, въ которой Василій Васильевичъ Голицынъ, четырнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ сильнѣйшимъ, но занимаемому имъ мѣсту, Вельможей Московскимъ, получилъ отъ Императора экипажъ, переданный ему Г. Курцомъ (Kurzius). Безъ сомнѣнія, Нарышкинъ горячо желалъ, чтобы и его Императоръ почтилъ такимъ же точно образомъ, какъ того, чье мѣсто онъ теперь съ гордостью занимаетъ. И точно, что могли значить жестокія угрозы, произнесенныя имъ явно на Дьяка Василья Посникова, обѣщаніе наказать его даже батогами, чтобы отъучить отъ безсовѣстныхъ его поступковъ? Посланникъ жаловался на грубое обращеніе Дьяка, и, вѣроятно, Бояринъ говорилъ такимъ образомъ, чтобы польстить ему и, съ помощью благосклонныхъ отзывовъ, удовлетворить свое честолюбіе. Но этому легко представить себѣ его смущеніе при слѣдующемъ случаѣ: онъ просилъ Посла прокатиться съ нимъ въ другое свое селцо, въ двухъ верстахъ отъ этого, предложивъ ему мѣсто въ своемъ экипажѣ; но тамъ уже устылся на первомъ мѣстѣ Генераль Гордонъ, что, по всему видно, сдѣлалъ онъ скорѣе по простотѣ, чѣмъ съ злымъ умысломъ. Императорскій Посолъ сказалъ тогда Боярину: «Вы считаете Императорскаго Посла ниже Генерала Гордона.» Бояринъ совершенно растерялся, но Посланникъ, чтобы вывести его изъ хлопотъ, сѣлъ въ собственный экипажъ и поѣхалъ, вѣсть съ прочими, въ селцо. Тамъ, принявъ гостей съ большою учтивостью, Бояринъ показывалъ имъ оврагъ, поросшій мелкимъ кустарникомъ, свою любимую рощу для охоты и, стараясь загладить обиду, сдѣланную Посланнику, подарилъ ему пару охотничьихъ собакъ, которыхъ выдавалъ за самыхъ лучшихъ. Мы пробыли тамъ короткое время и, поблагодаривъ хозяина за его гостепріимство, и рас-

простясь не только съ нимъ, но и со всѣми прочими собесѣдниками, отправились въ дальнѣйшій путь. Полковникъ Гордонъ усердно старался извинить отца своего въ томъ, что Боларинъ нанесъ оскорбленіе Посланнику. Полковникъ де Граге и Царскій Врачъ Карбонари проводили насъ еще три версты далѣе, до самыхъ нашихъ палатокъ. Мы должны были переночевать въ палаткахъ, подъ открытомъ небомъ; а какъ эта мѣстность не была богата водою, то по тому Господинъ Посолъ справедливо напустился на Царскаго Пристава, который обязанъ былъ предупредить о подобнаго рода недостаткахъ. Хотя тамъ и не имѣется вблизи постоялаго двора, однако же мы ни въ пищѣ, ни въ питкахъ не имѣли скудности. Мы ни разу не испытали тѣхъ лишеній, на которыя жалуется Викартъ (Wickart) въ своихъ запискахъ о путешествіи по Московіи, стр. 126, повѣствуя, что онъ переносилъ ихъ восемь дней сряду. Но пусть себя и винятъ тѣ, которые не запасаются всѣмъ нужнымъ отъ мѣста до мѣста. Быть можетъ, что и въ этомъ случаѣ излишняя бережливость, подъ именемъ экономіи, была причиною голода.

24. Спутники, пріѣхавшіе съ нами до самыхъ палатокъ, раскинутыхъ въ полѣ, распрощались съ нами и отправились обратно въ Москву, а мы, поѣхавъ въ то же самое время по противоположной дорогѣ, прибыли къ обѣду въ село Перхушково (Pirguscowa) (25), которое принадлежитъ Князю Ивану Васильевичу. Послѣ обѣда проѣхали мы Вяземку (10), село Князя Бориса Алексѣевича, и ѣхали еще нѣсколько часовъ по дорогѣ, устланной ямами и мостиками, пока остановились на ночлегъ въ дѣсу (10). Въ упомянутомъ селѣ нужно было запастись овсомъ, котораго нигдѣ болѣе не возможно было достать. Не мало украшаетъ это мѣсто великолѣпная церковь, построенная иждивеніемъ Князя, на противоположномъ берегу протекающей здѣсь рѣки. Князь прислалъ съ однимъ изъ своихъ служителей Господину Послу и святѣ все, что намъ могло быть нужно, но къ себѣ насъ, однако же, не пригласилъ.

25. Проѣхавъ Куклицу (Kuckliza) и Ларарѣку (Lararega), обѣдали мы около Сколомы Браченской (Scotoma Brachentska) (20).⁹¹

⁹¹ Очевидно, всѣ эти названія изуродованы Корбомъ донельзя.

Это мѣсто принадлежитъ Стольнику (благородному) Янову. Нашъ Фельдшеръ, слишкомъ чванясь своимъ искусствомъ, завелъ ссору съ однимъ изъ рабовъ, въ которой онъ выказалъ болѣе заботы о дегтѣ, чѣмъ о розовомъ маслѣ. Послѣ обѣда видѣли мы дорогой въ лѣсу много бѣлыхъ зайцевъ; одного изъ нихъ Господинъ Посоль убилъ пулею, и завтра подадутъ намъ его къ столу. Мы ужинали и обѣдали на лугу, между лѣсомъ, не вдалекѣ отъ Можайска (20).

26. Мы рано пріѣхали въ Можайскъ (Mosaïsko) (3). Покровителемъ города считается Св. Николай. Прежде Московскіе Цари, для развлеченія въ ихъ Государственныхъ трудахъ, забавлялись въ этѣхъ пограничныхъ мѣстахъ охотою, преимущественно на бѣлыхъ зайцевъ, которыхъ здѣсь очень много; нынѣшній Самодержецъ Россіи не имѣетъ этой склонности своихъ предшественниковъ. Послѣдніе распредѣляли родъ ихъ охоты по разнымъ временамъ года, нынѣшній же Царь никогда не охотится, или рѣдко предается удовольствію этого рода. Можайскъ—деревянной городъ, въ 18 Нѣмецкихъ миляхъ отъ Москвы; крѣпость также деревянная. Здѣсь была первая пережѣна подводъ, конхъ мы получили столько же, какъ и въ Москвѣ. Проѣхавъ пятнадцать верстъ, ночевали мы въ лѣсу (15).

27. Нашъ обѣдъ былъ также въ лѣсу, около села Острожка (15); болота, ямы и мостки почти безконечные очень затрудняли наше послѣобѣденное путешествіе. Наши повозки вязли, нужно было ихъ съ большимъ трудомъ вытаскивать, и по тому переѣздъ нашъ продолжился до полуночи. Людей съ повозками съ легкой кладью выслали мы впередъ выбрать удобное для ночлега мѣсто; тѣ, не имѣя въ виду, что дорога худа, по тому что не чувствовали этого, опередили насъ слишкомъ далеко. Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ давать порученіе людямъ болѣе разсудительнымъ. Двѣ лошади, оставленныя, по распоряженію нѣкоторыхъ лицъ, на свободѣ слѣдовать за поѣздомъ, были въ темнотѣ утеряны. Послали человѣка ихъ отыскивать, но онъ ни чего болѣе не сдѣлалъ, какъ только извѣстилъ насъ, что были слѣды покражи. Наконецъ остановились мы на ночлегъ, надъ водою, въ лѣсу.

28. Проѣхавъ Бѣлый Кабакъ (Biala Kabaka), гдѣ мы нашли отличное пиво, обѣдали около села Царскихъ Восейницъ (Was-

seiniz), ⁹¹ которое Викардъ называетъ Сумешное Царево (Sumieschne Tzariwa) (20), а другіе Займище Царево (Segmestia Tzariovoa). Это село построилъ Иванъ Васильевичъ, который воцарился въ 1533 г., и послѣ пятидесяти одного года тиранскаго правленія погибъ злополучною смертію въ 1584 г. ⁹² Теперь это село принадлежитъ Боярину Букину (Bucchin), которому Царь его подарилъ. Этотъ Бояринъ построилъ здѣсь новую церковь. Въ этомъ мѣстѣ есть семь колоколовъ, звонъ которыхъ похожъ на органы; во время проѣзда Императорскаго Посла звонили въ его честь въ этѣ колокола. Проѣхавъ пятнадцать верстъ (15), мы остановились ночевать въ лѣсу.

29. По весьма неровной дорогѣ доѣхали мы до Вязьмы. Городъ и крѣпость довольно обширны; постройка деревенная. Здѣшній Воевода изъ рода Букиновъ; онъ ни одного изъ насъ не хотѣлъ пустить въ городъ, основываясь на Указѣ Царя Михаила Ѳедоровича, уже устарѣломъ и почти вышедшемъ изъ употребленія при новомъ устройствѣ Государства. Здѣсь получили мы вторую перемѣну подводъ и первую конвоя солдатъ. Господинъ Посоль, во вниманіе того, что сопровождавшіе насъ до этого мѣста солдаты принадлежатъ Гордону, далъ имъ нѣсколько имперіаловъ. Рѣка Угра (?) течетъ подъ этѣмъ городомъ; переправившись чрезъ эту рѣку, проѣзжали мы мостъ, называемый полуторамилевой, да и вся дорога за Вяземкою до крѣпости Смоленска усѣяна безчисленными, весьма длинными, мостами. Мы ночевали въ лѣсу (15).

30. Къ обѣду пріѣхали мы въ Семлево (Semblova). Русскіе праздновали день Св. Іліи: они приводятъ поводомъ этому празднику то, что одно время, въ продолженіи трехъ лѣтъ съ половиной, нигдѣ въ этой части Московскаго Государства не было дождя, но что наконецъ Богъ, внявъ мольбамъ жителей, низпослалъ въ этотъ день свою благодать. Въ вечеру мы доѣхали до села Чеботово (Tschowodoselo) (20), которое Викартъ называетъ Schobodognia (Соботево?). Слѣдующій примѣръ покажетъ, какъ

⁹¹ Царево Займище.

⁹² Что Иванъ IV умеръ естественною смертію, а не насильственною, это извѣстно изъ Исторіи.

Москвитяне бывають иногда безчеловѣчны и необходимы. У насъ сломалась повозка, и для починки оной позвали мы какого-то поселянина; тотъ, вообразивъ себѣ, что здѣсь угрожаетъ ему что-то очень недоброе, бросился въ воду, вынулъ ножъ и увѣрялъ, что если кто осмѣлится приступить къ нему, то онъ, чтобы спасти себя, будетъ имъ защищаться.

31. Сегодня день рожденія Господина Посла. Поздравивъ, какъ того требуетъ приличіе его, мы обѣдали за монастыремъ Чина Св. Василія, называемымъ Богдинъ (Bogdin),⁹³ за селомъ Мадилловымъ (Madilowa), въ палаткахъ, на берегу Днѣпра. Три брата, Дворяне, владѣютъ этѣмъ селомъ. Они отказывались починять на свой счетъ мостъ на Днѣврѣ, но когда Господинъ Посоль пригрозилъ имъ, что пожалуется Его Царскому Величеству и что за этѣмъ непременно послѣдуетъ или кнутъ, или висѣлица, то, испугавшись такого жестокаго наказанія, сдѣлались они гораздо обходительнѣе, подчивали насъ молокомъ и занялись очень усердно починкою моста. Мы ночевали за Дорогобужемъ (Drogobusa) (10), городомъ, лежащимъ на берегу Днѣпра. Угра, рѣка очень глубокая, начинается не далеко отъ этого мѣста, въ какомъ-то лѣсу и вливается въ Оку, между Калугой (Colluga) и Воротынскомъ (Vegotinia). Эта рѣка прежде отдѣляла Литву отъ Руссїи. Однимъ изъ сибѣявшихся подводчиковъ (здѣсь была третья перемѣна подводъ) утащилъ у другого сѣдло и мѣшокъ овса, но пойманъ въ этомъ преступленіи и получилъ за эту кражу много ударовъ палками (называемыми батоги).

А В Г У С Т А

1. Приставъ, свернувъ съ настоящей дороги, проводилъ насъ кратчайшею. Проѣхавъ мимо монастыря Везуколя (Wesukol) (20),⁹⁴ построеннаго на высокой горѣ, мы приготовляли свой обѣдъ въ лѣсу; нашъ ужинъ былъ при рѣкѣ Воппи (Wob) (20); переправа черезъ эту рѣку продолжалась до полуночи. Староста какого-то

⁹³ На стр. 42 мѣсто это названо Корбомъ Baldanina, а тутъ уже Bogdin.

⁹⁴ Названіе исковеркано до невозможности отгадать, что это такое.

сосѣднаго помѣщика села прислалъ рыбы въ подарокъ Посланнику.

2. На обширномъ лугу, близъ села Межня (Moëst) (15), остановились мы обѣдать. По полудни застигла насъ въ дорогѣ буря и громъ. Мы разбили потомъ наши палатки въ лѣсу, на прекрасной плоской вершинѣ высокаго холма (10).

3. Господинъ Посолъ сильно занемогъ, и по тому мы поздно тронулись съ мѣста: въ дорогѣ нужно было приготовить лѣкарства, и болѣзнь увеличилась, когда мы приѣхали къ обѣду въ Смоленскъ. Городъ этотъ, столица Смоленскаго Княжества, расположенъ на берегу Днѣпра, имѣетъ крѣпость, построенную изъ крѣпкаго дубоваго дерева, а внутри оной храмъ на скалѣ, посвященный Пречистой Дѣвѣ. Городъ же лежитъ въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ холмами и обширными лѣсами. Господинъ Посла приняли съ большимъ почетомъ: у городскихъ воротъ новый Приставъ и двѣ роты солдатъ, которые шли около его экипажа до отведеннаго ему на жительство дома, удостоившагося такого гостя. Когда каждый занялъ назначенную ему комнату, посланъ былъ Секретарь къ Г. Воеводѣ, Петру Самойловичу Салтыкову, извѣстить его о прибытіи и выполнить другія церемоніальныя привѣтствія. Тотъ также передалъ весьма вѣжливо свое привѣтствіе и объявилъ, что лично прибылъ бы сегодня къ Господину Послу, если бы не опасался чрезъ это обезпокоить его, узнавъ, что онъ страдаетъ какою-то болѣзнію.

4. Однако же, чтобы не упустить ~~ничего~~, что только можно требовать отъ самаго учтивѣйшаго человѣка, Салтыковъ прислалъ, на слѣдующій день, своего восьмилѣтняго сына, съ цѣлю получить болѣе точныя свѣдѣнія о здоровьѣ Господина Посла. Господинъ Посолъ, уже не много оправившись отъ своей слабости, видя такую учтивость Воеводы и желая выказать не менѣе его вѣжливости, отправился къ Воеводѣ, вмѣстѣ съ его сыномъ: тамъ они дали много другъ другу доказательствъ истинной дружбы.

5. Здѣсь была новая перемѣна подводъ и назначался обыкновенно новый Приставъ; но какъ на вопросъ Воеводы: «Желаетъ ли Посолъ имѣть для услугъ себѣ новаго, или прежняго,

Пристава?» Господинъ Посолъ отвѣчалъ, что предпочитаетъ услуги прежняго, какъ уже извѣстнаго, то онъ и не былъ смѣненъ. Зовутъ его Алексѣй Никитичъ Лихонинъ (Alexi Michita Lichoni). Устроивъ все такимъ образомъ, выѣхали мы изъ Смоленска и провели сегодняшнюю ночь на лугу (10).

6. Мы остановились обѣдать въ полѣ, не доѣзжая до села Толстики (Dolstihî) (20); оттуда былъ отправленъ къ Кадинскому Губернатору одинъ изъ Чиновниковъ съ письмомъ, которымъ просили Губернатора оказать вышеозначенному Чиновнику пособіе въ наймѣ имъ подводчиковъ. Ночь провели мы за Досуговымъ 10) (Tosuhoffia).

7. Мы прибыли въ послѣднее Московское село, которое одни зовутъ Гришино (Rischena), другіе Григоровскимъ (Gregorowski) (20). За этѣмъ селомъ, ближе Кадина, какая-то безыменная рѣчка (Вохра?) составляетъ границу между Литвой и Московіей. Когда недавно, въ 1684 году, заключался между этѣми сильными народами миръ, былъ построенъ на этой рѣчкѣ домъ, въ которомъ Посолъ каждой націи сидѣлъ на своей землѣ. Здѣсь попрощались съ нами Приставъ и подводчики; на мѣсто подводъ были призваны извозчики доставить наши пожитки въ Могилевъ за плату двухъ имперіаловъ каждому; всѣхъ извозчиковъ было двадцать, 16 изъ Гришина и 4 изъ Кадина.⁹⁵ Господинъ Посолъ, который напередъ послалъ какой-то подарокъ Губернатору этого пограничнаго городка, по приглашенію, его отправился къ нему. Намъ же, раскинувшимъ наши палатки въ полѣ за Кадинымъ, Губернаторъ прислалъ рыбы.

8. Мосты и частые холмы много затрудняли и утомляли насъ въ дорогѣ, такъ какъ съ нами были возы съ тяжелой кладью. Около полудня мы приблизились къ г. Горамъ (20). Потомъ, проѣхавъ мимо корямы (graetschma) или круга (krug), называемаго Берно (Bern) (здѣсь постоянные дворы зовутъ кругами), мы ночевали въ Кироѣчѣ (Kirojetscha)⁹⁶ (2), такъ какъ непрерывный дождь принудилъ насъ оставить палатки и скрыться въ закоптѣлыя хаты крестьянъ.

⁹⁵ Стало быть, не Радзинъ (Radzin), какъ называлъ его Корбъ на стр. 33?

⁹⁶ Какъ теперь называется, не извѣстно.

9. Около полудня отдыхали мы подъ Живьянами (Schivani) (3), въ лѣсу. Здѣсь привѣтствовалъ Господина Посла Иванъ Модлокъ, Данцигскій уроженецъ, Шкловскій Губернаторъ, возвращавшійся изъ своего сельца въ Шкловъ. Мы ночевали за Становичами (Stanowiz) (3), въ полѣ.

10. Намъ нужно было, за милю отъ Могилева, переправляться чрезъ Дибиръ: эта переправа задержала насъ три часа. Первый привѣтствовалъ Господина Посла Графъ Вергамини, Ротмистръ стрѣлковъ (desultoriogium), который при насъ пріѣзжалъ въ Московію, но, ни чего не сдѣлавъ и не видавъ Царя, возвращался къ своимъ солдатамъ.

На другомъ берегу рѣки Полковникъ, Начальникъ стражи, со взводомъ какихъ-то солдатъ, сдѣлалъ, по приказанію Генерала, почетный пріемъ Посланнику и проводилъ его до Могилева (Mogilowia) (2). Генераль фонъ Бейстъ, извѣщенный о нашемъ прибытіи, по приличію прислалъ своего Адъютанта съ привѣтствіемъ и объявленіемъ о своемъ посѣщеніи. Но Посланникъ учтиво извинился, что не можетъ принять Генерала, и свиданіе было отложено до слѣдующаго дня. Между тѣмъ къ намъ прислалъ былъ капралъ съ восьмью солдатами содержать караулъ.

11. На слѣдующій день мы осматривали въ Могилевѣ новую Езуитскую церковь и Кармелитскую. Здѣсь находится также громадный монастырь Чина Св. Василія и монастырь Бернардиновъ; одинъ изъ Бернардиновъ очень лодко просилъ у насъ подавнія. Объ этомъ монахѣ рассказываютъ, что онъ былъ прежде сбирателемъ милостыни не Католической Церкви; давно уже имѣлъ онъ намѣреніе приять Католическую Вѣру, по этой причинѣ здѣшніе Евангелики старались отвести этого добраго человѣка отъ его предположенія; когда же наконецъ ему надоѣла ихъ докучливость, онъ сказалъ одному изъ нихъ: «Да я не могу быть Католикомъ, а хочу быть Бернардиномъ.» Какъ будто бы этотъ Орденъ не принадлежитъ къ Католической Религій. Господинъ Посланникъ былъ на обѣдѣ у Генерала фонъ Бейста и подарилъ ему двѣ Астраханскія овцы, которыя въ этой сторонѣ считаются большою рѣдкостью. Къ намъ привели 18 лошадей, за каждую дали мы по пяти имперіаловъ, съ тѣмъ, чтобы довели насъ до Минска.

12. Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Княжицахъ (Knaschiz) (2). Здѣсь, въ церкви Доминиканъ, находится икона, которая написана по образцу Ченстоховской чудотворной иконы Богородицы. Вечеромъ пріѣхали мы въ Головинъ (Halawzi) (3), село Напольнаго Гетмана Слушки (Sluskius).

13. Проѣхавъ Тетеринъ (Seerin) (2), прибыли мы къ обѣду въ Павловичи (Paulowiz) (4), принадлежащія Огинскому. Нѣкоторые изъ его слугъ отправлялись, со множествомъ собакъ, въ Варшаву; къ нимъ присоединились и мы и до этого города ѣхали вмѣстѣ съ ними. Они говорили, что затравили собаками въ этомъ Уѣздѣ пятьдесятъ медвѣдей; вечеромъ вѣхали мы, преслѣдуемые дождемъ, въ Ильяны (Illa) (3).

14. Проѣхавъ мѣстечко Бобръ (Bober) (2), такъ названное по протекающей рѣкѣ Боберъ, пріѣхали мы къ обѣду въ Крупки (Krupke) (2). Сегодня такой холодъ, что нѣкоторые изъ нашихъ не посоветились надѣть шубы. Черезъ Начу (Naschot) (2) пріѣхали мы на ночлегъ въ Лошницы (Loschniz) (3).⁹⁷

15. Къ обѣду пріѣхали мы въ Борисовъ (Borissowia) (3). Въ этотъ городъ вѣзжаютъ по мосту черезъ рѣку Березину (Berezina), называемую жителями Брезина (Breisen). Мостъ этотъ длинень, по тому что извилистое теченіе рѣки пересѣкаетъ въ разныхъ мѣстахъ берега. Въ городѣ находился Прокуроръ Минской Коллегіи. Посланный къ нему Секретарь отправился къ мѣстному приходскому Священнику, у котораго былъ Прокуроръ, и нашелъ тамъ большое собраніе благородныхъ лицъ обоего пола, по тому что тогда праздновали въ городѣ освященіе церкви. Село Уперевичи (Berewiz) (2) омываетъ та же самая рѣка. Проѣхавъ это село, мы ночевали въ мѣстечкѣ Жодинѣ (Sodin) или Богуславѣ (Boguslau) (1/2).

16. Въ Смолевичахъ (Schmolowiz) (3) мы обѣдали, а ночевать, мѣстами хорошею, мѣстами дурною, дорогою, пріѣхали мы въ корчму Городище (Horodzisscze) (3).

⁹⁷ А на стр. 30 называлъ это Корбъ Letschnizl.

17. Мы прибыли въ городъ Минскъ (Minsko) (3½). Здѣсь Езуиты, Доминикане, Францискане и Бернардины имѣютъ свои коллегіи и монастыри. Рѣка Свислочь (Suislowiz) пересѣкаетъ городъ и вливается въ море подъ Ригою. ⁹⁸ Этотъ городъ, прежде значительный по торговлѣ, разоренъ войною и частыми пожарами и теперь кое-гдѣ только видны въ немъ купеческія лавки.

18. Мы не трогались съ мѣста, такъ какъ надо было починить и нагрести повозки, оставленные нами на пути въ Москву, по причинѣ дурной дороги, у отцевъ Езуитовъ. Настоятель Езуитовъ и его помощникъ были приглашены нами на обѣдъ: той же чести удостоилась и наша хозяйка, которой пожилой отецъ исправляетъ здѣсь должность Консула.

19. Оставивъ послѣ обѣда Минскъ, пріѣхали мы, чрезъ Волковичи (Molschgabiz), въ Вазно (Viasen) (Вязинка?) (3).

20. Черезъ городъ Кайдановъ (Goudanow) (2), пріѣхали мы въ Поляневичи (Palagniawiz) (4), а послѣ обѣда доѣхали до корчмы Засулье (Sasiullie) (1½).

21. При Жукоборѣ (Schokoboga) (2½) мы переправились черезъ Нѣманъ. Рукавъ этой рѣки, разлившись болѣе чѣмъ на милю по столбовой дорогѣ, образовалъ болото, такъ какъ земля тамъ глинистая. Одинъ извозчикъ, попавъ нечаянно въ яму, опрокинулъ повозку, и мы не скоро могли его оттуда вытащить: вода проникла въ сундуки и замочила находившіяся тамъ дорогіе вещи. Послѣ этого доѣхали мы до Мира (Mira) (1½), принадлежащаго Радивилу.

22. Мы остались здѣсь, въ слѣдствіе вчерашняго приключенія съ нами при переправѣ чрезъ Нѣманъ.

23. Выѣхавъ по полудни, доѣхали мы до корчмы или постоялаго двора Вольны (Wolna) (3).

24. Мы обѣдали въ Столовичахъ (Stolowiz): въ этомъ городѣ приходская церковь и Лоретанская часовня; приходскій Священникъ имѣетъ двухъ викарныхъ Священниковъ. Здѣсь отправляется ежегодно, послѣ праздника Св. Варооломея, девятидневный празд-

⁹⁸ Свислочь впадаетъ въ Березину.

никъ. Проѣхавъ черезъ Новомышь (Neumosch) мы прибыли къ вечеру въ Полонку (Polonka) (3): тутъ есть Доминиканскій монастырь.

25. Проѣхавъ корчму Якимовича (Jakimowicz), прибыли мы въ Слонимъ (4). Здѣсь живутъ Доминикане и Езуиты. Послѣ обѣда мы встрѣтили на дорогѣ рой молодыхъ пчелъ, которыя, вылетѣвъ на столбовую дорогу, зажали до смерти лошадей и уязвили многихъ людей въ лице и руки. Мы спаслись отъ нихъ посредствомъ огня, каждый какъ могъ скорѣе убѣгалъ пѣшкомъ съ этого мѣста. Уже поздно ночью доѣхали мы до корчмы Хмельницы (Schmelnitz) (3). Около постоялаго двора течетъ рѣка Руда (Ruida).

26. Мы рано пріѣхали въ Рожану (Rosana), и слушали обѣду у Уніатовъ Чина Св. Висилія. Въ это время жилъ тамъ сынъ Напольнаго Гетмана Сапѣги; онъ не только прислалъ восемь солдатъ для содержанія караула, но даже угостилъ Г. Посланника роскошнымъ обѣдомъ. Въ этомъ городѣ мы наняли извозчиковъ изъ Евреевъ доставить наши пожитки въ Варшаву, за что заплатили съ каждой лошади по шести имперіаловъ.

27. Выѣхавъ послѣ обѣда, на ночь пріѣхали мы въ Лысково (Liskowa) (3).

28. Обѣдали въ постояломъ дворѣ Стокахъ (Stoleniki) (3), а ужинали въ селѣ Яловкѣ (Jalowka) (4).

29. Мы обѣдали за рѣкою Наревомъ (Nareff) (4), въ городѣ того же названія, а ужинали въ Кленикахъ (Klenick) (2).

30. Сдѣлавъ полмили, пріѣхали мы къ Трещотки (Dresdianki): находившійся тамъ мостъ былъ совершенно разорванъ и рѣка глубока, а по тому принуждены были ѣхать другою дорогою чрезъ Локницу (Lochnica), и по этой причинѣ обѣдали мы въ Королев-

⁹⁹ Въ Королевствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ послѣдствіи было по два Гетмана: Гетманъ Великій и Гетманъ Польный. Корба же въ запискахъ своихъ говоритъ о двухъ Гетманахъ Польныхъ Литовскихъ, о Слушкѣ и о Сапѣгѣ. Слушка и Сапѣга оба не могли занимать въ одно и то же время это мѣсто. Сапѣга былъ Великимъ Гетманомъ, Слушка же Польнымъ. Но кто собственно этотъ Слушка?

скомъ городѣ Бѣльскѣ (Bilseck) (2). Браницкій, Генераль Сапѣги, Старостою въ этой мѣстности. Здѣсь находятся монастыри Уніатовъ Чина Св. Василія и Кармелитовъ; послѣдніе имѣютъ тутъ фундуиъ въ сорокъ, тысячь Польскихъ золотыхъ, Польскій же золотій содержитъ въ себѣ шесть пфенниговъ. Какой-то крестьянинъ потребовалъ отъ камердинера, шедшаго впереди съ Евреями извозчиками, плату за мостовщину, хотя это было совершенно не его дѣло; онъ даже былъ до такой степени дерзокъ, что хотѣлъ увести лошадь и съ явнымъ нахальствомъ вынималъ изъ сѣдла пистолеты, но увидѣвъ, что подходитъ Посолъ съ прочими лицами своей свиты, пустился бѣжать, но за нимъ погнался кузнецъ и сбросилъ его коньемъ съ лошади; однако же крестьянинъ убѣжалъ, оставивъ свою лошадь, которую кузнецъ повелъ съ собою въ городъ, въ доказательство преступленія крестьянина. Каноникъ, котораго крестьянинъ былъ крѣпостнымъ, просилъ съ большой учтивостью простить крѣпостнаго за его дерзкое преступленіе. Господинъ Посланникъ, изъ уваженія къ такому вѣжливому посредничеству Каноника, простилъ крестьянина, когда тотъ былъ присланъ къ нему для наказанія и удовлетворенія за сдѣланную неприятность. Ночью прибыли мы въ городъ Бодки (Bodki) (2) или по другимъ Боцки (Bodski): извилистая рѣчка того же имени протекаетъ около этого города.

31. За полмили отъ Боцокъ въѣхали мы въ предѣлы Маэовіи (Massoviae). Населеніе этой области неблагонадежно, воровское, извѣстное ночнымъ бродяжничествомъ и разбоями. Обѣдали мы въ постояломъ дворѣ Мѣриновкѣ (Mironowski), а около вечера подъѣхали къ Бугу (Buck), весьма широкой рѣкѣ (3). Городъ Грана (Granda) лежитъ по сю сторону рѣки; переправившись счастливо ночью черезъ нее, отдыхали мы уже по ту сторону ея, въ Кржеменцѣ (Kreminiz).

С Е Н Т Я Б Р Я

1. Мы приблизились къ Земкову (Semkowa) (3½) въ обѣденное время, за тѣмъ пріѣхали въ Венковъ (Wenkonow) (1½), гдѣ запаслись овсомъ, а переправясь череръ рѣку Ливъ, остановились на ночлегъ подъ городомъ Ливомъ (Lib) (½).

2. Генераль Карловицъ вновь ѣдетъ въ Московію: мы встрѣтили на дорогѣ его свиту, съ которою ѣхали минеры (mineratores). Обѣдали мы въ мѣстечкѣ Добре (Dobre) (3). Проѣхавъ Станиславовъ (Stanislowa) (2), мы прибыли на ночлегъ въ постоянный дворъ Михаловъ (Michalowa) (4).

3. Въ десятомъ часу утра пріѣхали мы въ Прагу на Вислѣ (4). Такъ какъ рѣка широка, то переправа была трудна и продолжалась часа три. На противоположной сторонѣ рѣки лежитъ Варшава (Varsavia), столица Польскихъ Королей. Всѣ Польскіе Вельможи и Послы иностранныхъ Государей живутъ по предмѣстьямъ, въ своихъ дворцахъ; мы остановились на Краковской улицѣ. Генераль Карловицъ сдѣлалъ посѣщеніе Г. Посланнику.

4. Секретарь доложилъ о нашемъ прибытіи Его Высокопреосвященству (Eminentissimo) Кардиналу Радзѣвскому и Свѣтлѣйшему Господину (Illustrissimo Domino) Авію, Апостольскому Нунцію. Первому было также сообщено, что Г. Императорскій Посолъ привезъ письмо Персидскаго Шаха къ Его Королевскому Величеству, но такъ какъ Король въ отсутствіи, то онъ вручить оное Его Высокопреосвященству, какъ Примасу этого Королевства. Г. Посолъ прежде всѣхъ посѣтилъ Апостольскаго Нунціа, который, съ своей стороны, старался оказать съ такою же поспѣшностію взаимную учтивость, посѣтивъ послѣ обѣда Г. Посла. Г. Баронъ фонъ Блюмбергъ, бывший помощникъ Г. Жировскаго, Великаго Императорскаго Посла при Московскомъ Дворѣ, сдѣлалъ также посѣщеніе Г. Посланнику. Отецъ Конрадъ, Кармелитъ, возвратившійся нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Персіи и вновь туда отправляющійся, также не приминулъ выполнить отъносительно Посла этотъ долгъ учтивости.

5. Г. Посланникъ сдѣлалъ посѣщеніе Г. Барону фонъ Блюмбергу и Генералу Карловицу; былъ также и у Его Высокопревосходительства Кардинала Радзѣвскаго, пригласившаго Г. Посланника къ себѣ, который и вручилъ ему письмо изъ Персіи. Мы гуляли въ саду Любомирскаго, замѣчательномъ искусной отдѣлкой и красотою кушальни; не могу также умолчать объ его изящномъ эрмитажѣ.

6. Господинъ Посолъ обѣдалъ у Апостольскаго Нунція. Въ наше отсутствіе пришло письмо изъ Москвы, въ коемъ извѣщали, что въ тотъ день, въ который происходилъ церемоніальный въѣздъ въ Москву Великаго Шведскаго Посольства, былъ въ городѣ большой пожаръ. Кромѣ многихъ другихъ, сгорѣли палаты Посольская, Генералиссимуса Шенна, Князя Голицына, вмѣстѣ съ пятьюнадесятью тысячъ домовъ. Во время этой тревоги Датскій Посланникъ искалъ убѣжища у Адама Вейда, Шведы же были переведены въ деревянные палаты покойнаго Генерала Лефорта, находящіяся за Яузою. Поймали восемь зажигателей: бывшіе въ ихъ числѣ два Попа сознались, что виновниками пожара Стрѣльцы, которые тогда только успокоятся, когда обратятъ всю Москву въ пепель.

Сегодня возвратился изъ Москвы въ Варшаву Ротмистръ полка Бейста, Людовикъ фонъ Буханъ, ѣздившій съ порученіемъ къ Царю.

7. Былъ посланъ къ Апостольскому Нунцію Секретарь сообщить ему полученныя вчера новыя извѣстія о большомъ пожарѣ города Москвы. Мы видѣли сегодня бальзамированный трупъ покойнаго Короля, находящійся по настоящее время у Капуциновъ, какъ будто бы на сохраненіи; также осмотрѣли и его комнаты въ монастырѣ вышеупомянутыхъ отцовъ; онъ построенъ покойнымъ Королемъ; въ немъ по временамъ искалъ Король краткаго отдохновенія отъ дѣлъ.

Московскій Резидентъ вручилъ Г. Посланнику письмо Царя къ Императору. Царь извѣщалъ объ отправленіи въ Константинополь Посольства и просилъ Императора, чтобы соизволилъ оказать ему дружескую помощь своимъ посредничествомъ при заключеніи договора о мирѣ.

8. Недалеко отъ церкви Св. Креста находится часовня, называемая Московскою (Capella Moscovitica), по тому что построена ¹⁰⁰ въ живеніемъ двухъ Царей, взятыхъ въ старину въ плѣнъ во время войны и здѣсь похороненныхъ. Апостольскій Нунцій крестилъ подъ вечеръ у Св. Креста сына Князя Черторыйскаго (Seuterizki).

¹⁰⁰ Объ этомъ Исторія не знаетъ ни чего. Извѣстіе это, безъ сомнѣнія, относится

На берегу Вислы завязалась, изъ за нустой причины, ссора между Поляками и тремя Саксонскими солдатами: сбѣжавшіеся въ несметномъ количествѣ Поляки убили жалкимъ образомъ трехъ Саксонцевъ палками и каменьями.

9. У Св. Креста крестили Еврея: воспреемниками были Кардиналъ Радзѣвскій и жена Великаго Канцлера Литовскаго. Новокрещенный получилъ имя Михаила.

Апостольскій Нунцій уѣхалъ осматривать Литовскіе монастыри.

10. Московскій Резидентъ посѣтилъ Г. Посла.

11. Приведено было десять лошадей: за каждую милю имъ обѣщано восемь пенинговъ съ лошади. Главнѣйшій извозчикъ, по имени Роландъ (Rolant), просилъ болѣе, чѣмъ слѣдовало по договору, и тѣмъ задержалъ нашъ выѣздъ. Мы остановились на ночь въ Буловѣ (Bulow) ($\frac{1}{2}$).

12. Въ полдень пріѣхали мы въ Надаржинъ (Ussudar) ($3\frac{1}{4}$), венеромъ же останоились въ городѣ Мидоцовѣ (Amsterdam).

13. Въ селѣ Бабскѣ (Pabski) (3) мы обѣдали, а потомъ, проѣхавъ городъ Раву, ужинали въ Каменкѣ (Kaminka) ($2\frac{1}{2}$).

14. Обѣдали въ Ляшискахъ (Laschiska) ($3\frac{1}{2}$), въ Вольборжѣ (Velbor) ($1\frac{1}{2}$) купили овса, а въ Петровѣ (Petrikow) ужинали (2). Въ Вольборжѣ нѣкоторые изъ нашихъ слугъ, поссорясь съ однимъ Полякомъ, исцарапали ему лице: Полякъ ушелъ, не продолжая драки.

15. Въ Каминскѣ (Kaminska) (4) былъ обѣдъ, а въ Радомскѣ (Radumski) (2) ужинъ.

16. Въ Боровнѣ (Zaropowa) (4) обѣдали, въ городѣ же Ченстоховѣ (Tschestokovia) (2) ужинали. Ченстохова славится своимъ монастыремъ, окруженнымъ неприступнымъ валомъ, на которомъ постоянно стоитъ караулъ изъ Польскихъ солдатъ. Въ

къ Васлію Шуйскому, который былъ въ плѣну у Поляковъ вмѣстѣ съ Ки. Д. И. Шуйскимъ.

монастырѣ живутъ монахи Ордена Святаго Павла, перваго пустынножителя. Ихъ Провинціалъ, человекъ уже пожилой, весьма учтиво принялъ Г. Посла и, пригласивъ его въ богатѣйшую аптеку, подчивалъ Угорскимъ виномъ.

17. Мы исповѣдывались и причастились, по чувству особеннаго благоговѣнія къ Божіей Матери, такъ какъ здѣсь поклоняются чудотворной иконѣ Пресвятой Дѣвы. Образъ Богородицы, принесенный въ даръ Опольскимъ Княземъ (Oppolensium Duce) Владиславомъ прославленъ многими чудесами: до сихъ поръ сохранились на ликѣ Богородицы знаки и пятна отъ ударовъ кнутомъ, нанесенныхъ крестьяниномъ. Послѣ осматривали сокровища этой церкви, богатыя многими въ ней находящимися святынями: покровъ Св. Филиппа Нерійскаго, чудотворный крестъ Св. Карла Боромейскаго, оказывающій большое облегченіе бѣснующимся. Въ нашемъ присутствіи одна бѣснующаяся женщина издавала ужасный ревъ во время обѣдни. Вновь предолжая нашъ путь, послѣ обѣда, ужинали мы въ Каменницѣ (Cameniza) (2).

18. Мы обѣдали въ Юренбергѣ (Jugenberg) (2), а ужинали въ Тарновскихъ Гурахъ (1). ¹⁰¹

19. Въ Тарновскихъ Гурахъ находятся два Миссіонера Езуита и первая Императорская почта, которою и воспользовался Г. Посланникъ, чтобы опередить насъ на пути въ Вѣну; послѣ обѣда мы послѣдовали за нимъ и поздно ввечеру доѣхали до Гливицы (Klauwiz) (3). ¹⁰²

20. Въ Рудѣ (Rauda) (3) есть монастырь Цистерціеновъ: здѣсь мы обѣдали, ужинали же въ городѣ Ратиборѣ (3). ¹⁰³ мимо котораго протекаетъ Одра; въ полумилѣ до этого города построенъ длинный мостъ черезъ болото.

21. Въ обѣденное время очутились мы около Опавы (Oporrawia), принадлежащей Князю Лихтенштейну, а въ вечеру у Дештна (Dereschdorff) (2).

¹⁰¹ Юренбергъ нынѣ Георгенбургъ, а Тарновскія Гуры (Tarnowskie Góry), у Корба Tarnomontii, на картѣ Силезіи Tarnowiz.

¹⁰² Нынѣ Gleiwitz.

¹⁰³ По Польски Rasiborz.

22. Проѣхавъ мѣстечко Дворце (Hoff), мы обѣдали въ Беруцѣ (Berpa) (3), ужинали же въ Оломуцѣ (2).

23. По причинѣ затмѣнія солнца, мы не трогались съ мѣста, пока небо не прояснилось, и, выѣхавъ изъ Оломуца послѣ обѣда, ночевали около Тейнца (Teischniza) (2½).

24. Миновавъ городъ Вишковъ (Wischaw) и продолжая путь, доѣхали мы до села Русинова (Rausniz), ¹⁰⁴ гдѣ занялись приготовленіемъ нашего обѣда. Это мѣсто принадлежитъ Его Высочайшему Превосходительству Г. Графу Кауницъ. Послѣ обѣда, когда мы готовились въ дорогу, завязалась жестокая драка между нашими людьми и проживающими въ этомъ городѣ Евреями, и задержала насъ болѣе часа на мѣстѣ. Еврей вышибъ камнемъ глазъ одному изъ служителей и многіе съ обѣихъ сторонъ ранены.

25. Чтобы довести въ точности до Г. Чрезвычайнаго Посла свѣдѣнія о выше означенномъ безпорядкѣ, Секретарь отправился впередъ, взявъ для скорости почту въ Микуловъ (Niekolsburg), остальные же обѣдали въ этомъ городѣ (4), а ужинали въ Кецельсдорфѣ (Kezelsdorff) (2). ¹⁰⁵

26. Обѣдъ былъ въ Волксдорфѣ (Wolckersdorff) (4), ужинъ въ Штаимерсдорфѣ (Stammersdorff).

27. Оттуда прибыли мы наконецъ благополучно въ Вѣну.

¹⁰⁴ На стр. 7 Корбъ называетъ его Bausnitz, конечно, вмѣсто Rausniz.

¹⁰⁵ На стр. 6, подъ 12 Генваря, Корбъ называлъ его Кефельсдорфъ (Kefelsdorff), что невѣрно, такъ какъ и нынѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Kezelsdorff.

У

СМЪСЪ

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО

О КНЯЗЬ А. Д. МЕНЬШИКОВЪ.

Воръ, измѣнникъ, первый потписатель на смерть Государя нашего, Царевича Алексѣя Петровича, ниже помыслилъ въ день убіенія его, Государева, достойнымъ почтити поминовениемъ, и не токмо имени его, Государева, слышати не хочетъ, но и ругаетъ злодѣйски: велѣлъ напечатать книгу, назвавъ Монаршескою правдою, и прочитатъ по церквамъ, при собраніи народа, гдѣ его, Государя Царевича, Іероваамски лааетъ и, что ужаснѣе, родительницу его, Государеву, а нынѣ щасливо нами, царствующаго Государя бабушку родную, законную Государыню, Благовѣрную Царицу и Великую Княгиню, Евдокью Ѳеодоровну, отъ единой токмо нелюбови принужденную зватися монахинею, держитъ въ злострадательномъ заключеніи, томить голодомъ, которую всемилостивый Господь Богъ питаетъ святымъ своимъ Ангеломъ Хранителемъ, тоя на утверженіе гонимой отъ него, вора и измѣнника; Святой Вѣры, яко на обновленіе Святѣйшаго Патріяршаго престола и монастырей и протчего, на истребленіе же вводимыхъ отъ него, треклятово, Нѣмецкихъ ересей, съ союзники его любезными, съ полувѣрцами, отъ Римскаго Папы присланными. Тѣмъ Церква matka обладаема еретиками, велящими входитъ въ ню съ табакомъ, покрытые паруками, самонзволю ся обнажили, мантии сложили, посты разрѣшили, на иконы книги положили, тѣмъ Римскому престолу и Папѣ угодити тчатся, Бернадыновъ и Езуитовъ подражая, веселятся, и еретики въ сватовство по всему вступити допустили, и входомъ онѣхъ святилище Божіе осквернили. Нѣсть въ нихъ Тарасія, ни Студита, по законѣ ставшихъ, прелюбодѣйный бракъ, яко научину, разстерзавшихъ, Монарха нашево тѣло съ колоколными органы не погребли, раскащики и табатчики поганы, глаголюще быти мудры, объюродѣли, прокляты, чистыхъ и правыхъ проклинаятъ, изъ обливанцовъ взяты, есть и будутъ прокленутіи; ты же благословиши единѣмъ словомъ, Господи, вѣрныхъ твоихъ веселити. Потщимся за Царя и за Вѣру мало пострадати, да въ небѣ насладимся безконечныя благодати! Не восхотѣ сего разумѣти

второй Иуда, рабъ и лстецъ юново Государя нашего, самого поработилъ подъ свое иго, велить ему, Государю, ходить по Нѣмецки и въ церковь въ парукѣ, на что отецъ его, Государевъ, и дѣдъ и прадѣды, и всѣ Монархи Греческіи (противу заповѣди Апостолской) отнюдь не дерзали, также всею Россією (за именемъ его, Государевымъ), яко коломъ, обращаетъ, пытается, казнить на колые сажаетъ, въ ссылки ссылаетъ, кого изволить, фалшивыми манифесты молодужныхъ соблазняетъ, чего онъ, Государь, во младенчествѣ своемъ ни про что не вѣдаетъ. Оле ужаснаго слышанія! Не даждь, Боже, того видѣти! Дванадцятилѣтняго отрока принудилъ обручиться съ недостойною того брака дочерью своею, внукою маркитанскою. Съ каково вымыслу таково недорослово, еще же и не простово человекъ, Царя и Самодержца Всероссійскаго, въ свое недостойное присвоеніе обязуетъ? Благословился ли у бабушки ево, Государевой, родившей отца ево, которой отъ Небесной Имперіи власть къ тому подадеса, по глаголу Духа Святаго, како у Исуса Сирахова во главѣ третіей извѣствуется: «Благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ, клятва же матерня искореняетъ до основанія,»* легко всякому разсудити можно. Или Государю нашему, егда достигнетъ брачнаго времени, достойной невѣсты не обряцется, кромѣ сей непотребной и памяти недостойной емилиі? О Боже тригипостасный, видиши бездну: сѣдай на Херувимѣхъ, призри на Церковь святую твою, стяжанную честною кровію Твоею, нынѣ же терзаемую и оскверненную ересми Нѣмецкими! Услыши, Владыко, воздыханіе единогласно всѣхъ! Анаѡема новому Іеровоаму, второму Аману, подражателю Годунова, союзнику Лефортову, Александрѣ Меньшикову, отъ святѣйшой Апостольской четверицы, дѣйствомъ освященныхъ Седми Соборовъ, да будетъ проклятъ! Часть его со Аріемъ и Македоніемъ, съ Несторіемъ и Евтихіемъ, паче же со глаголющими: «Возьми, возьми, распни его!» А Государю нашему, Его Императорскому Пресвѣтлому Величеству, и бабушкѣ его, многострадальной Государынѣ, и сестрицѣ его, отъ всего міра любезнѣйшой, многа лѣта!

Отъ вѣка не слыхано, которая бы мать была виновата сыму своему, ниже бабка родная внуку своему, развѣ жена мужу своему; равномѣрно же бываетъ и мужъ своей женѣ виновать, пу-

* Ст. 9.

етвѣ ю, кромѣ словесе прелюбодѣйнаго и оженяся иною, и тако оставя свободную, прелюбодѣйствуетъ съ рабою. Писаніе Святое таковыхъ рабынями нарицаеть; читай о госпожѣ Саррѣ: «Изжени (рече) рабу (то есть, Агарь), и сына ея, не имать бо наследовати сынъ рабыни съ сыномъ свободныя.» * Но намъ Писаніе Святое ничто; токмо смотримъ, что усидѣлъ Михайло Аврамовъ (?), яко бы наследіе престола Всероссийскаго въ волѣ Монаршеской, а не въ Божеской, ниже примѣры Православныхъ наследуемъ, како древле юной Θεодосій, въ наставленіи сестры своея, святыд Пулхеріи, благочестія защитникъ показася, потомъ юнѣйшій Константинъ (аще и отъ иконоборныхъ родителей рожденъ), но въ наставленіи матере своея, добрыя и христіюлюбивыя Царицы Ирины, на Иконоборцевъ устроилъ Седмый Вселенскій Соборъ. У насъ же Государь, блаженныя и приснославныя памяти, Царь Михаилъ Θεодоровичъ, въ наставленіи матере своея, великія старицы иноки Марыи Ивановны, како укрѣпился и мирно и безмятежно многа лѣта въ Православіи поживе. Нынѣ же юному Государю нашему, вмѣсто благословенныя наставницы, приставлены Нѣмцы, Люторскіе исповѣдники, на память Леѳорта, Леволда. Тако и Римъ ветхій пострадалъ отъ дому Нѣмецкаго, новаго Кесаря Карола. Чти Баронія на лѣто Господне...; нынѣ же принуждены читать новины:

Смотрите новыя маниѳесты,

По имени обманныя вѣсты;

Но Бога ни како не обманеть,

ибо той свыше вся назираеть.

Не зри начала, како бываеть,

Смотри конца, съ шумомъ погибаетъ.

Христосъ Спаситель нашъ верховному своему Апостолу рекъ: «Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата ада не одолѣють ей, и дамъ ти ключи царствія небеснаго, имъ же разрѣшиши на земли, разрѣшено будетъ на небеси.» ** Тѣмже вышереченнымъ преступникомъ, аще исправляется, Церковь, мати наша, властію Петра, готова съ распростертыми на объятіе матернее дланьми, во усыновленіе свое таковыхъ пріяти, проститъ же и разрѣшитъ, яко чадолюбивая во вѣки. Аминь.

* Быт. 21, 10.

** Матѣ. 16, 18 и 19.

ДОБЛАДЫ

ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЪ

Президента Академіи Наукъ, Графа К. А. Разумовскаго.

І.

О НАЗНАЧЕНІИ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА.

По Всемилостивѣйшему и Высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію, отправляюся я въ Малую Россію, и, будучи отселѣ въ такомъ отдаленіи, не уповаю, чтобъ способно мнѣ было въ томъ же порядкѣ Академію содержать, въ какомъ она при мнѣ находилась. Заведенный же мною въ Академіи порядокъ и непрерывная въ чужестранныя Государства корреспонденція съ учеными людьми не могутъ ни на малое время остаться безъ главнаго въ Академіи Командира. Того ради всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству доношу, не благоволено ли будетъ въ Академію опредѣлить Вашего Императорскаго Величества Указомъ Президента иного; а буде Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ по прежнему мнѣ жъ Президентомъ остаться, то въ такомъ случаѣ весьма бы полезно было прибавить Вице-Президента, по изобрѣтенію Вашего Императорскаго Величества, и жалованье ему опредѣлить изъ той суммы, которая Президенту положена, а я, будучи Высокомонаршею Вашего Императорскаго Величества милостію паче мѣръ моихъ награжденъ, такое Президентское достоинство и безъ жалованья вести могу. Оный же Вице-Президентъ могъ бы въ отсутствіи моемъ всѣ дѣла такъ, какъ и Президентъ, равносильно отправлять, а о важнѣйшихъ учрежденіяхъ и дѣлахъ со мною переписку и сношеніе имѣть, и такимъ образомъ ущербу казнѣ Вашего Императорскаго Величества ни какой не будетъ, и дѣла Академическія съ наилучшимъ успѣхомъ теченіе свое непрерывно возъимѣютъ.

На сіе желаю Высочайшей резолюціи.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Кирила Разумовскій.

II.

О ПРИОБРѢТЕНІИ РУКОПИСНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ БУРГАВА И НАПЕЧАТАНІИ ИХЪ
ПРИ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Какое право Профессоръ Вашего Императорскаго Величества Академіи Наукъ, Абрагамъ Кау-Бургавъ, по смерти брата своего, на всѣ совокупно манускрипты покойнаго его дяди имѣеть, оное усмотрѣть изволите изъ его челобитной, которую приѣмлю дерзновеніе при семъ поднести Вашему Императорскому Величеству. При томъ всеподданнѣйшая моя должность обязываетъ меня донести Вашему Императорскому Величеству, что оныя манускрипты суть таковаго свойства, что польза отъ нихъ обществу въ томъ наибольшая состоитъ, дабы имъ быть нераздѣльнымъ. А сверхъ того слава Вашего Императорскаго Величества и честь Вашей Академіи Наукъ, да и народная польза, того требуютъ, дабы сіи столь достопамятныя ученые письма не токмо ученымъ порядкомъ и съ потребными изъясненіями въ Академіи Вашего Императорскаго Величества напечатаны были, но и изданіе и толкованіе ихъ никому бы иначе было препоручено, какъ помянутому Профессору Бургаву. Что же онъ, Профессоръ, во всей Европѣ единственно къ изданію сихъ манускриптовъ въ печать наиблагоспособнѣйшій есть и равнаго себѣ не имѣеть, то какъ Академія Вашего Императорскаго Величества, такъ и всѣ Европейскія Академіи и Университеты неоспоримо въ томъ согласиться могутъ. Первое: по тому, что онъ, Профессоръ, яко ближній и любимый свойственникъ покойнаго дяди своего, публичными и частными лекціями обученъ Докторской наукъ по принципіямъ самаго автора тѣхъ манускриптовъ. Второе: въ то самое время, когда онъ слуха своего лишился, въ утѣшеніе своего несчастія получалъ онъ отъ дяди своего толь наибольшее наставленіе въ наукъ Медицинской, дабы его способнѣйшимъ учинить въ теоріи, что утверждается и завѣщаніемъ ему же манускриптовъ. Третье: онъ, Профессоръ, имѣя сіи манускрипты въ своихъ рукахъ, черезъ пятнадцать лѣтъ многократно ихъ прочитывалъ и силу ихъ точную выразумѣлъ, и уже, какъ пишетъ ко мнѣ, въ порядокъ было ихъ къ печати зачалъ приводить приличнымъ разобраніемъ п потребными толко-

ваніями и изъясненіями, безъ которыхъ печатать ихъ ни какъ не возможно и крайне бесполезно.

Напослѣдокъ, онъ же, Профессоръ, контрактомъ своимъ, по сему, призванъ въ службу Вашего Императорскаго Величества, обязался манускрипты свои собственные съ собою привезти въ Россію и напечатать, отъ чего онъ не токмо не отрицается, но еще и подъ сею челобитною проситъ позволенія у Вашего Императорскаго Величества.

И яко по резонамъ и документамъ, о которыхъ онъ странно самъ въ челобитной всеподданиѣйше доносить Вашему Императорскому Величеству, оказывается, что онъ, по смерти брата своего большаго, наследникъ есть всѣмъ дяди своего манускриптамъ совокупно; то, принявъ я сіе въ разсужденіе, не долженствовалъ преминуть (яко таковыя дѣла мнѣ отъ Вашего Величества въ правленіе Всемиловѣйше повѣрены), чтобъ не подмести о семъ всеподданиѣйшаго моего доклада, не повелите ли Ваше Императорское Величество ему, Профессору, оныя всемиловѣйше указать возвратить, и ему же при томъ повелѣть препоручить, сверхъ его при Академіи должности, напечатать оныя, съ обѣщаніемъ за то награжденія отъ Академіи Наукъ, дабы токмо оныя не просто, но и потребными изъясненіями, напечатаны?

На сіе ожидаю Всемиловѣйшей резолюціи.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданиѣйшій рабъ

Графъ Кирила Разумовскій.

Декабря дня,
1753 года.

ДОКЛАДЪ

СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ИМПЕРАТРИЦЪ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ О КНИГАХЪ, ПРОТИВНЫХЪ ВѢРЪ И ПРАВСТВЕННОСТИ.

Вѣдая мы, низжайшимъ, ревностное по Бозѣ и благочестію сердце Вашего Императорскаго Величества, и разсуждая положенную на насъ отъ Бога и Вашего Величества правленія Церкви Христовой должность, за которую и отвѣтъ, въ день страшнаго Божія Суда, отдать должны, понеже усматриваемъ, что въ Ежемѣсячныхъ, изъ С.-Петербуржской Академіи выходящихъ, Примѣчаніяхъ, не токмо многочисленнымъ правамъ и житію Христіанскому, но и Вѣрѣ Святой противнаго нѣбѣтся, особенно нѣкоторыя и переводы и сочиненія находятся, многія, а цндѣ и безчисленныя мѣры быти утверждающія, что и Священному Писанію, и Вѣрѣ Христіанской, крайне противно есть и многымъ неутвержденнымъ причину къ натурализму и безбожію подаетъ: того ради всеподданнѣйше о семъ донося, падемъ къ столамъ Вашего Императорскаго Величества, чрезъ самую дрожайшую кровь Христа Спасителя нашего просимъ, Академіи С.-Петербуржской, Высочайшимъ Указомъ Вашего Императорскаго Величества имяннымъ, запретить и вездѣ въ Имперіи Россійской публиковать, дабы никто отнюдь ни чего писать и печатать, какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, Вѣрѣ Святой противномъ и съ честными нравами не согласномъ, подѣ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался, а находящуюся бы нынѣ во многихъ рукахъ книгу о множествѣ міровъ, Фонтенеля, переведенную при жизни блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны Княземъ Кантемиромъ, ¹ также и примѣчанія въ прошедшемъ и нынѣшнемъ годахъ изданныя, въ которыхъ о той же матеріи припоминается,

¹ Разговоры о множествѣ міровъ Господина Фонтенелла, перевелъ съ Франц. и потребными примѣчаніями изъяснилъ Князь Антиохъ Кантемиръ. Спб. 1740, въ 4.

или другое что противное Вѣрѣ содержится, указать вездѣ отобрать и прислать въ Синодъ, какъ то Ваше Императорское Величество, Духомъ Святымъ возбужденныя, нижеслѣдующія книги, а именно: въ 143 г. именуемую Арнда, ² а въ 1749 году Феатронъ историческій, ³ отбирать и въ Синодъ присылать указали. Да и вседражайшій Вашего Императорскаго Величества родитель, высокославныя и высокодостойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, для вящшаго Церкви Святой благосостоянія и въ предостереженіе отъ соблазновъ и Вѣрѣ Святой поколебанія, всякія, до Божества и до Церкви принадлежащія и въ народѣ печатаніемъ производимыя, книги, единственно съ апробаціи Синода печатать и въ народѣ употреблять Высочайше указать и установить соизволилъ.

Вашего Императорскаго Величества нижайшіе рабы и богомольцы:

Смиренный Сильвестръ.

Смиренный Дмитрій.

Аѳанасій, Архимандритъ Святотроицкой Лавры.

Варлаамъ, Архимандритъ Донской.

1757 г.

² Иоанна Арнда о истинномъ Христіанствѣ, изд. въ Галлѣ въ 1735, въ 8-ку.

³ Феатронъ или позоръ историческій, изъясняющій повсюдную исторію и т. д., соч. Г. Страттемана, перев. съ Латинскаго Обезъ-Иеромонахомъ Гаврииломъ Бужинскимъ. Спб. 1724, въ л.

ДИРЕКТОРЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА. *

ДОВЛАДЫ

ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ ВТОРОЙ.

1.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей Великой, Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссийской,

Академіи Наукъ отъ Директора и Кавалера Княгини Дашковой
всеподданнѣйшій Рапортъ.

Въ силу Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества Указа, отъ 7 числа минувшаго Мая мѣсяца, имѣю честь всеподданнѣйше поднести Вашему Императорскому Величеству о состояніи экономической Академіи Наукъ суммы Краткую Вѣдомость.

Директоръ Княгиня Дашкова.

Юня 1 дня,
1783 года.

* Урожденная Графиня Воронцова, вышедшая за Князя Дашкова на 15 году отъ рожденія и черезъ 3 года овдовѣвшая. Она была одной изъ ближайшихъ собесѣдницъ Императрицы Екатерины 2-й и ея Статсъ-Дамой. Въ 1778 г. путешествовала по Англіи, Франціи, Италиі и Польшѣ, и по возвращеніи въ 1782 г. опредѣлена Директоромъ Академіи Наукъ, на мѣсто С. Г. Домашнева, а въ 1783 и Предсѣдателемъ Россійской Академіи, ею основанной. Въ томъ и другомъ званіи оставалась она до самой кончины Екатерины 2-й, была также членомъ нѣкоторыхъ иностранныхъ Академіи, ученыхъ Обществъ и Московскаго Университета. Писала довольно много на Русскомъ и Французскомъ; нѣкоторыя изъ ея сочиненій помѣщены въ «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова», издававшемся ежемѣсячно

1.

ВЪ Д О М О С Т Ъ

СКОЛЬКО ЗАПЛАЧЕНО ОТЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ ДЕНЕГЪ ЗА РЪЗЬБУ ЭСТАМ-
ПОВЪ НА ПЕЧАТАНИЕ КНИГЪ ДЛЯ КОМНАТЫ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ-
ЧЕСТВА И КАБИНЕТА, ТАКО ЖЪ И ЗА ДѢЛО РАЗНЫХЪ ВЕЩЕЙ ДЛЯ ИХЪ
ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ, ГОСУДАРЕЙ И ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ, АЛЕК-
САНДРА ПАВЛОВИЧА И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА, ПО ПРИКАЗАНИЮ БЫВ-
ШАГО ГОСПОДИНА ДИРЕКТОРА ДОМАШНЕВА.

Въ комнату Ея Императорскаго Величества:

въ 1779 г.	за вырѣзаніе 12 эстамповъ, представля-	
1780	ющихъ бывшую въ 1770 г. по Сарско-	
1781	сельской дорогѣ яллюминацію, съ упо-	
1782	требленными къ тому полнрованными	
	мѣдными досками, рисунками, и на про-	
	ѣздъ въ Сарское Село, для снятія оной	
	яллюминаціи видовъ.	1197 р.

Въ комнату Его Императорскаго Высочества,
Александра Павловича:

За выписанныя и здѣсь сдѣланныя разныя	
забавныя вещи.	144 60 к.
	<hr/>
И того. . .	1341 р. 60 к.

(16 частей), въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Академіи Наукъ» (1786—1796) и др.; обработала для Россійскаго Словаря три буквы: ц, ш и щ. Въ 1806 г. появилось сочиненіе ея: «Плугъ и Соха» (Москва). Послѣ нея (ум. въ Геварѣ 1810 г.) остались Записки, изд. за границей на Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и др. Императрица Елисавета Петровна и Великій Князь Петръ Федоровичъ воспринимали ее при крещеніи въ 1744 г.

Въ 1780.

Въ комнату Ея Императорскаго Величества:

За дѣло живописныхъ рисунковъ механическихъ вещей и въ награжденіе мастерамъ за ихъ успѣшныя работы. 344 75

Въ 1779, 1780, за вырѣзаніе въ книгу «Начальнаго 1781, 1782. гражданского ученія» на 37 доскахъ эстамповъ 824 75

Въ комнату Его Императорскаго Высочества,
Александра Павловича:

За дѣло разныхъ забавныхъ вещей, то есть, одного печатнаго станка, вѣтренной мельницы и выписанные изъ за моря физическіе инструменты. 347 81

И того. . . 1517 р. 31 к

Въ 1781 г.

Въ комнату Ея Императорскаго Величества:

За исправленіе порученныхъ отъ бывшаго Академіи Господина Директора разнымъ людямъ нѣкоторыхъ работъ. 140

За напечатаніе и переплетъ книги «Сказки о Царевичѣ Хлорѣ». 112 55

Въ комнату Ихъ Императорскихъ Высочествъ,
Великихъ Князей, Александра Павловича и Константина Павловича:

За покупныя кости подъ азбучныя литеры и сдѣланныя разныя увеселительныя фигуры, т. е., горы, артиллеристовъ, тавлсекъ, глобусъ, пушечки и проч. 793 50

И того. . . 1046 р. 5 к.

Въ 1782 г.

Въ комнату Ея Императорскаго Величества:

За купленное серебро для дѣланія меридіана, за отвозъ призмы въ Сарское Село, за два глобуса, за подклейку разныхъ картъ.	466	50
За напечатаніе и переплетъ «Россійской азбуки, Разговора и Разказовъ, Записокъ части 1, Россійскихъ пословицъ, продолженія Начальнаго ученія, Проповѣдей».	1193	7
За выписанный по субскрипціи одинъ экземпляръ «Невтоновыхъ сочиненій».	26	66 ³ / ₄
За взятый изъ Библіотеки одинъ экземпляръ подъ названіемъ «Изображеніе одеждъ всѣхъ народовъ, обрѣтающихся въ Россійской Имперіи». . . .	22	50

Въ комнату Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей, Александра Павловича и Константина Павловича:

За дѣло ландкартъ пяти колоннъ архитектуры и прочихъ забавныхъ вещей, за вырѣзаніе фигуръ разнымъ городамъ и прописей.	587	15
И того. . .		2295 р. 88 ³ / ₄

Въ комнату Его Императорскаго Высочества, Государя Цесаревича и Великаго Князя, Павла Петровича:

1779 г. за вырѣзаніе двухъ билетовъ.	12	
1776 г. за выписаніе по субскрипціи одного экземпляра «Невтовыхъ сочиненій»	26	66 ³ / ₄
И того.		38 р. 66 ³ / ₄

Въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества:

Въ 1783 г. за напечатаніе книгъ Танцинъ Гурунъ
ни Ухери Коли, Учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ
прихожанъ церкви Св. Сульпиція, Россійск. коммер-
ціи тома I 2-й книги. 2948 99¹/₄

Всего съ 1779 по Мартъ мѣсяць 1783 г.
получить должно. 9188 р. 50³/₄

Въ число сей суммы получено въ уплату изъ
Кабинета Ея Императорскаго Величества, по счету
бывшаго Господина Директора, прошлаго 782 года,
Декабря 1 дня, но за что именно, о томъ не объ-
явлено 1122 15

За тѣмъ осталось получить. 8066 35³/₄

2.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ О ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СУММЪ, УЧИПЕННАЯ
ЮНЯ 1 ДНЯ, 1783 ГОДА:

На лицо, при вступленіи моемъ въ Академію,
было мною собрано. 4027 34¹/₄

Должныхъ Академіи изъ разныхъ мѣстъ. 11431 2¹/₄

Изъ книжной лавки за проданныя въ про-
шломъ 1782 году книги и ландкарты. 6801 91¹/₂

Приращенія сдѣлаю. 15257 57¹/₄

Всего въ приходъ вступило. 37517 85¹/₄

Въ расходѣ:

Долговъ за прошлые года заплатила. 8660 92

На жалованье и на награжденія служащимъ
при Академіи сверхъ штата людямъ. 3307 34

На разныя починки	490	60
На Гимназистовъ и на покупку книгъ.	1271	35 $\frac{1}{2}$
На книжную типографію	2681	70
На мелочные расходы	222	74
<hr/>		
И того въ расходѣ.	16634	р. 65 $\frac{1}{4}$
За тѣмъ въ остаткѣ Іюня 1 числа 1783 года	20883	20

Директоръ Княгиня Дашкова.

3.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ О ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СУММѢ ЗА ІЮНЬ
МѢСЯЦЪ 1783 ГОДА.

Іюня 1 числа на лицо было. 20883 20

Мною собрано:

Доджныхъ Академіи изъ разныхъ мѣстъ . . . 8187 36

Приращенія сдѣлано. 2309 22 $\frac{1}{4}$

И того въ приходѣ и съ остаточными. . 31379 р. 78 $\frac{1}{4}$

Въ расходѣ:

Долгу за прошлый 1782 годъ заплатила. . . 33

На жалованье и на награжденія служащимъ
при Академіи сверхштатнымъ людямъ 596 42

На покупку книгъ 1427

На мелочные расходы 53 38

И того въ расходѣ. . . 2109 р. 80 к.

За тѣмъ въ остаткѣ Іюля 1 числа, 1783 года 29269 98 $\frac{1}{4}$

Княгиня Дашкова.

Такъ и далѣ въ остаткѣ:

Августа	1 числа	29077 р.	20 к.
Сентября	1 —	36767	43 ¹ / ₂
Октября	1 —	338	
Ноября	1 —	35676	39 ¹ / ₄
Декабря	1 —	37716	90 ³ / ₄

II.

Всепрестѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской,
всеподданнѣйшій докладъ.

Со времени вступленія моего во Всемилостивѣйше возложенную на меня Вашимъ Императорскимъ Величествомъ должность по Академіи Наукъ, усердствовала я сдѣлать всевозможное ея экономической казнѣ приращеніе, и, возвыся оную за всѣми по Департаментамъ Академіи расходами до знатной суммы, поставляю долгомъ обратиться сіе приращеніе въ сущую для отечества пользу, соотвѣтствующую материнскому Вашему о благѣ нашемъ попеченію.

А какъ чтеніе лекцій на Россійскомъ языкѣ не только для Студентовъ и Гимназическихъ учениковъ, но и для всѣхъ постороннихъ слушателей, кои допускаемы будутъ, кажется мнѣ тѣмъ паче полезнымъ, что науки перенесутся на нашъ языкъ и просвѣщеніе распространится, то испрашиваю Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія на отдачу изъ оной суммы тридцати тысячъ рублей въ вѣчный капиталъ, съ тѣмъ, чтобы изъ процентной прибыли производить четвернымъ Русскимъ Профессорамъ, за чтеніе таковыхъ лекцій на Россійскомъ языкѣ, сверхъ настоящаго ихъ жалованья, по три ста по семидесяти пяти рублей, что и учинитъ тысячу пятьсотъ рублей процентовъ съ тридцати тысячъ. Если же изъ тѣхъ Профессоровъ который, за болѣзнію и либо за чѣмъ ни будь, тѣхъ лекцій читать не будетъ, то слѣдующая на его часть сумма обратится въ приращеніе къ оному же

капиталу. Лекціи сіи будутъ математическія, физическія, минералогическія и химическія.

О семъ прошу Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества Указа.

Всеподданнѣйшая раба

Княгиня Дашкова.

Марта 25 дня,
1784 года.

По сему данъ именной Высочайшій Указъ Княгинѣ Дашковой Апрѣля 20, 1784 года, въ Царскомъ Селѣ.

III.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской,

всеподданнѣйшій докладъ.

Соревнуя долгу служенія, Всемилостивѣе отъ Вашего Императорскаго Величества на меня возложеннаго, и усердствуя воздавать справедливость отличнымъ способностямъ и раченію къ службѣ Вашей, осмѣливаюсь испрашивать повышенія чиновъ определеннымъ мнѣ въ помощь Совѣтникамъ, Подполковнику Василью Ушакову и Надворному Совѣтнику Осипу Козодавлеву. Оба они, отличая себя подъ моимъ руководствомъ въ разныхъ, къ пользѣ и чести Академіи служащихъ, распоряженіяхъ, и усердствуя болѣе и болѣе возстановлять во всемъ желаемый мною порядокъ, сугубо сію награду, какъ по прежней, такъ и по нынѣшней службѣ, заслуживаютъ, тѣмъ паче, что я съ великимъ удовольствіемъ признаюсь, что они мнѣ радѣніемъ своимъ весьма много способствовали въ тѣхъ малыхъ успѣхахъ, кои еперъ въ теченіи дѣлъ Академическихкихъ ощутительны.

Подполковникъ Василій Ушаковъ произведенъ по арміи въ нынѣшній чинъ въ 1779 году. потомъ, имяннымъ Вашего Импера-

торскаго Величества, отъ 3 Апрѣля, 1781 года, Указомъ, опредѣленъ въ здѣшній Ассигнаціонный Банкъ Директоромъ, и изъ военной службы Коллегією Военною исключенъ, но безъ надлежащаго по сей службѣ военнымъ чиномъ повышенія; напоследокъ, Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ, переведенъ онъ изъ Банка въ Академію Наукъ въ Совѣтники, безъ повышенія же. А какъ между тѣмъ многіе изъ сверстниковъ его по военной службѣ давно уже находятся при разныхъ должностяхъ Полковниками, то и онъ, Ушаковъ, по добропорядочному и всегда усерднѣйшему своему служенію, ласкаетъ себя надеждою, что, въ сравненіе съ оными, и поелику онъ выключенъ изъ военной службы безъ надлежащаго повышенія, Всемилостивѣйше будетъ награжденъ военнымъ Полковничьимъ чиномъ.

Надворный Совѣтникъ Осипъ Козодавлевъ служилъ въ настоящемъ чинѣ съ 1778 года, Іюня съ 21 числа, по 18 Декабря, 1781 года, въ 4-мъ Сената Департаментѣ Экзекуторомъ, потомъ опредѣленъ въ С.-Петербургскую Гражданскую Палату Совѣтникомъ за урядъ съ тѣмъ же чиномъ, хотя не только сверстники его, то и тѣ, кои гораздо моложе, даже и Ассессоры, произведены Коллежскими Совѣтниками. Онъ, оказывая неутомимое стараніе въ исправленіи своей должности, воззываетъ усердіемъ своимъ, равно какъ и товарищъ его, мою признательность, къ отдацію имъ, прель лицомъ Вашего Императорскаго Величества, всей справедливости.

Оба сіи Совѣтники никогда въ отставкахъ не были и во всѣхъ мѣстахъ продолжали службу свою усердно и безпорочно, съ достоинною отъ начальниковъ своихъ похвалою, поремѣщеніемъ же въ Академію Наукъ они ни жалованья, ни другихъ какихъ либо выгодъ не выиграли, поелику дѣлъ и труда весьма много и болѣе, нежели въ прежнихъ ихъ мѣстахъ, а паче при началѣ отправленія нынѣшней ихъ должности.

Всемилостивѣйшая Государыня! Всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество на помянутое производство Всемилостивѣйшаго Указа.

Всеподданнѣйшая раба
Княгиня Дашкова.

IV.

Вѣдомость экономической суммѣ Академіи Наукъ за 1784 г.

Въ остаткѣ Генваря 1 числа 1784 года . . .	42,485	34 ³ / ₄
Мая 1 —	52,143	32
Главный расходъ за Сентябрь: по Указу Ваше- го Императорскаго Величества отдано въ здѣшній Дворянскій Банкъ для раздачи въ проценты. . . .		
	30,000 р.	к.
Октября 1 —	24,155	9 ¹ / ₄
Декабря 1 —	25,293	59 ¹ / ₂

V.

Государь мой, Александръ Андреевичъ! *

Препровождая къ Вашему Превосходительству письмо мое къ Ея Императорскому Величеству и записку о повышеніи чинами нѣкоторыхъ, при Академіи находящихся, достойныхъ людей, прошу Васъ донести Ея Величеству, что я въ семъ дѣлѣ осмѣлилась прибѣгнуть къ освященной ея особѣ единственно для того, что Князь Александръ Алексѣевичъ, ** къ которому я такую же записку при письмѣ моемъ препроводила, объ ней Сенату не предложилъ и сказалъ, что предлагать не будетъ. Теперешній мой поступокъ, конечно, не можетъ относиться къ горячему нраву, или къ личной неприязни съ Княземъ Вяземскимъ, по тому что сіе касается до жеребѣя моихъ подчиненныхъ, и мнѣ правила мои не позволяютъ допускать, чтобъ они претерпѣвали обиду отъ тѣхъ людей, кои хотятъ досадить собственно мнѣ. Князь Александръ Алексѣевичъ велъ переписку по дѣламъ съ Графомъ Орловымъ и съ Господами Ржевскимъ и Домашневымъ, и изъ Сената къ нимъ все посредствомъ писемъ сообщалось, равно и съ начала моего

* Безбородько, въ ту пору еще Генераль-Маіоръ и первый Секретарь Государыни.

** Вяземскій, тогда Д. Т. Совѣтникъ и Генераль-Прокуроръ, что нынѣ Министръ Юстиціи.

Академію управленія Его Сіятельство сообщалъ ко мнѣ обо всѣхъ Сенатскихъ опредѣленіяхъ письмами, но послѣ поручилъ оное Перваго Департамента Оберъ-Прокурору, а наконецъ и сія переписка пресѣклась. Я, не заслуживъ управленіемъ моимъ Академію Наукъ, такой уничижительной перемѣны, въ сравненіи съ предѣстниками моими, не могу на сіе смотрѣть равнодушно, тѣмъ паче, что я ни о какомъ на то Ея Величества повелѣніи не знаю. Не давно получила я отъ Его Сіятельства письмо, которое при семъ къ Вашему Превосходительству препровождаю. Онъ, три года назадъ, по запискѣ, полученной при письмѣ отъ Господина Домашнева, о награжденіи чинами нѣкоторыхъ при Академіи служащихъ людей, Сенату предложилъ, и произведеніе по ней тогда же вышло. Записка сія и теперь въ Герольдіи хранится. Я увѣрена, что Ваше Превосходительство, войдя во всѣ здѣсь объясненныя обстоятельства, увидите, что я ни чего много не требую, какъ только того, чѣмъ предѣстники мои пользовались, думая, что служеніе мое не навлекаетъ мнѣ ни какой противъ нихъ уничижительной перемѣны.

Въ приложенной запискѣ Академической Казначей представленъ изъ Секундъ-Маіоровъ въ Надворные Совѣтники. Сіе сдѣлано для того, что изъ Секундъ-Маіоровъ, при переходѣ изъ воинской службы въ гражданскую, какъ вамъ не безъизвѣстно, всегда переименовываютъ Ассессоромъ, что, конечно, не награжденіе, поелику въ гражданской службѣ Секундъ-Маіорскаго чина нѣтъ. Сверхъ же того Князь Александръ Алексѣевичъ общалъ Господину Рябову, при опредѣленіи въ Академію, дать чинъ Надворнаго Совѣтника. Онъ имъ самымъ избранъ и опредѣленъ; но я, отдавая ему справедливость, нахожу, что честнѣе и исправнѣе по сей должности человека быть не можетъ и что онъ награжденія совершенно достоинъ. Впрочемъ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства,

Государя моего,

покорная услужница

Княгиня Дашкова.

Генваря дня,
1786 года.

VI.

Madame!

J'ai l'honneur de présenter à Votre Majesté la liste des personnes, attachées à l'Académie des Sciences, qui, par leur ancienneté et leur mérite, doivent être avancées. En la suppliant d'avoir la grace d'ordonner leur avancement Votre Majesté sait mieux, que personne que sans encouragement et émulation, aucune branche du service public ne sauroit aller, et comme tous ces gens, outre leurs services ordinaires, ont beaucoup travaillé pour remettre cette première année, les choses dans un meilleur ordre, je leur dois la justice de les présenter à Votre Majesté pour cette gratification.

Au reste, c'est avec le respect et l'attachement le plus inviolable, que j'ai l'honneur de me dire,

Madame,

de Votre Majesté

la très-humble et très-fidèle sujette

Princesse de Daschkow.

Ce Janvier,
1784.

Ваше Величество!

Честь имѣю представить Вашему Величеству списокъ лицъ, служащихъ въ Академіи Наукъ, собственно тѣхъ, которыя и службою и достоинствами стоятъ повышенія. Смѣю просить о такой милостивой наградѣ. Вашему Величеству превосходно извѣстно, что ни какая общественная служба не можетъ обойтись безъ соревнованія и отличія. А такъ какъ всѣ представляемыя лица, не смотря на свои обычныя занятія, много трудились, въ продолженіе цѣлаго этого года, для приведенія дѣлъ Академіи

въ лучшій порядокъ, то я и обязана, по справедливости, представить ихъ Вашему Величеству къ награждѣ.

Во всякомъ случаѣ, честь имѣю быть съ истиннымъ уваженіемъ и нерушимую привязанностію

Вашего Величества

всепокорная и всепреданная

Княгиня Дашкова

Генваря, 1784 года.

За добропорядочное и рачительное отправление должности при Императорской Академіи Наукъ представляются къ награжденію чинами:

Секундъ-Маіоръ и Казначей Михайло Рябовъ въ Надворные Совѣтники, въ нынѣшнемъ его чинѣ состоитъ съ 1782 года, Мая 11 дня.

Въ Надворные жъ Совѣтники, по прежнимъ примѣрамъ:

Профессоръ Петръ Иноходцовъ и Профессоръ Николай Озерецковскій.

Въ Коллежскіе Ассессоры, по прежнимъ примѣрамъ,

Адъюнкты: Михайло Головинъ, Василій Зуевъ, Никита Соколовъ.

Въ Титулярные Совѣтники:

Архитекторъ Михайло Павловъ, въ нынѣшнемъ чинѣ Губернскаго Секретаря съ 1778 года.

Губернскій Секретарь Семенъ Бухвостовъ, въ нынѣшнемъ чинѣ съ 1778 года.

Коллежскій переводчикъ Федоръ Черной, въ нынѣшнемъ чинѣ съ 1778 года.

Въ Коллежскіе Секретари:

Правящій Секретарскую должность, Адъютантъ чина Подпоручичья Петръ Волковъ, на порозжую ваканцію, въ нынѣшнемъ чинѣ съ 1782 года.

Бухгалтеръ Иванъ Кириловъ, въ нынѣшнемъ чинѣ съ 1773г.

Въ Губернскіе Секретари:

Правящій Экзекуторскую должность Прапорщикъ Осипъ Шерпинскій, изъ Польскихъ Шляхтичей, въ нынѣшнемъ чинѣ съ 1779 года.

Актuariусъ Петръ Шипуновъ, въ нынѣшнемъ чинѣ съ 1781 г.

Изъ Академическихъ Переводчиковъ въ Переводчик и трехъ первыхъ Коллегій: Ѳедоръ Бардевикъ.

Переводчикъ же Степанъ Петровъ въ Коллежскіе Переводчики.

Директоръ Княгиня Дашкова.

VII.

Директоръ Академіи Наукъ, Княгиня Дашкова, видя необходимую надобность построятъ при Академіи новыи корпусъ, къ лучшему въ немъ расположенію книжной лавки и магазиновъ для поклажи книгъ, подъ которыя навимаются на биржѣ амбары дорогою цѣною и въ коихъ купцамъ для поклажи товаровъ весьма нужно, также зала для преподаванія лекцій, и наконецъ для помѣщенія въ ономъ корпусѣ разныхъ Академическихъ служителей, живущихъ въ ветхихъ деревянныхъ, по близости Академіи, строенияхъ, кои, для безопасности Кунсткамеры и прочихъ Департаментовъ, должно сломать, полагаетъ, по плану Архитектора Гваренга, построятъ таковой корпусъ на 47^{1/2} саженьяхъ, между Кунсткамерою и Коллегіями, въ четыре года.

А какъ строеніе сіе, по сдѣланнымъ разными Архитекторами сметамъ, будетъ стоить 90 тысячъ рублей, но не болѣе, то Директоръ Академіи Наукъ всеподданнѣйше испрашиваетъ на сіе 65 тысячъ рублей, располагая на четыре года, въ каждый по 16 тысячъ рублей, въ первый годъ, т. е., нынѣ 17 тысячъ рублей, прочія же 25 тысячъ уповаетъ приобрести отъ Академической экономіи.

И поелику въ нынѣшнемъ году надобно положить сему строенію основаніе, по крайней мѣрѣ, набитіемъ свай и заготовленіемъ прочихъ нужныхъ матеріаловъ, то всеподданнѣйше испрашиваетъ на первой 17-ти тысячъ.

VIII.

Madame!

J'ai l'honneur de présenter à Votre Majesté le troisième volume des oeuvres de Lomonosoff et le recueil des dissertations, qui dans différents tems ont remporté les prix de notre Académie, Vous agréerez, j'espère, Madame, le Докладъ ci-joint au sujet du fer pour le bâtiment, que Votre Majesté fait construire pour l'usage de l'Académie et qui, je me flatte, ne sera point indigne du règne glorieux de Catherine Seconde; il avance et se construit aussi solidement, qu'avec luxe, comme il se bâtit aux frais de Votre Majesté, il serait inutile, pour ne point dire autre chose, que je fis emplette de fer chez les particuliers, et peut-être même en manquer, vu l'exportation, qu'ils en font dans l'étranger, tandis qu'il y a la caravane du fer de la couronne d'arrivée, et qu'il se livre à un prix bien différent de celui des particuliers.

Puis-je me flatter, que ces détails minutieux trouveront grâce auprès de Vous, Madame? On dit, que le Roi Salomon s'occupait de tout, depuis le cèdre jusqu'à l'hysope, sans doute c'étaient des productions indigènes de ses états: nos climats n'ont point de cèdre, mais le fer deviendra aussi poétique, que le Liban lorsque Vous daignerez Vous en occuper. Je serai tentée de supplier Votre Majesté de me guider en m'accordant quelques renseignements, concernant la nouvelle carte, que fait l'Académie, car il est naturel de s'adresser au

soleil, lorsque l'on veut être éclairé, mais je ne hasarderai point cette très humble demande sans une gracieuse permission de la faire, quoique quand cette carte Vous serait présentée, Vous y reconnaitriez, comme il Vous arrive, souvent les fruits de Vos propres travaux et lumières. Au reste c'est avec le respect et le dévouement le plus parfait, que je suis,

Madame,

de Votre Majesté

la très-humble et très-fidèle sujette

Princesse de Daschkow.

Ulianka, ce 15 Juillet.

Ваше Величество!

Я честь имѣю представить Вашему Величеству третью часть сочиненій Ломоносова и собраніе разсужденій, которыя въ разное время удостоилися награды въ нашей Академіи. Надѣюсь, что Ваше Величество благосклонно примите прилагаемый къ сему докладъ о желѣзѣ для зданія, которое теперь строится по Вашему соизволенію для Академіи. Я льщу себя надеждою, что это зданіе достойно будетъ славнаго царствованія Екатерины Второй; оно идетъ спѣшно, но строится крѣпко и пышно; такъ какъ оно строится на иждивеніи Вашего Величества, и не было бы нужды, чтобы не сказать другого, покупать желѣза у частныхъ лицъ и, пожалуй, даже терпѣть въ немъ недостатокъ, судя по вывозу его за границу, въ особенности, когда пришелъ цѣлый обозъ казеннаго желѣза, и желѣзо продается по цѣнѣ болѣе сходной, нежели у частныхъ лицъ.

Могу ли льстить себя надеждою, что Вы благосклонно примите неречень такихъ мелочей? Говорятъ, что Царь Соломонъ всѣмъ занимался, начиная отъ кедръ и кончая иссономъ; безъ сомнѣнія, они были урожденцами его владѣній: въ нашемъ климатѣ не растутъ кедръ, но желѣзо также будетъ имѣть свою позаяю, наподобіе Ливана, когда Ваше Величество пожелааетъ имъ заняться. Я не могу удержаться отъ желанія просить Ваше Величе-

ство вразумить меня, объяснивъ мнѣ нѣчто, касающееся до новой карты, составляемой Академіею. Естественно обращаться къ солнцу, если желаешь просвѣтиться; но я не рѣшусь на такую просьбу безъ милостиваго на то разрѣшенія, хотя знаю, что когда Вашему Величеству представятъ эту карту, Вы признаете въ ней (и это уже часто случалось) слѣды собственныхъ Вашихъ трудовъ, Вашего знанія. Впрочемъ, съ истиннымъ уваженіемъ и безграничною преданностію честь имѣю быть

Вашего Величества

всепреданная и всепокорная

Княгиня Дашкова.

Ульянка, 15 Іюля.

ПИСЬМА

КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ РОМАНОВНЫ ДАШКОВОЙ

КЪ ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦЪ И БЕЗБОРОДЬКУ, ПО СЛУЧАЮ СПОРА ЕЯ
СЪ ГЕНЕРАЛЬ-ПРОКУРОРОМЪ КНЯЗЕМЪ ВЯЗЕМСКИМЪ, ОБЪ АКАДЕМИИ
НАУКЪ.

1.

Государь мой, Александръ Андреевичъ! *

Повиновение и усердіе, съ коимъ я всегда Ея Величества повелѣнія исполняю, по включенной запискѣ въ ея комнѣ вчерашней цыдулки, я не оставила еще вчерась изтребовать свѣдѣній, кому отъ Домашнева, для сочиненія и переводу, оныя были розданы. Но какъ я и духомъ и тѣломъ такъ растерзанна, что сама писать Ея Величеству не въ состояннн, то прошу Государыни донести, что одна Географія Гакманымъ по Нѣмецки окончена будетъ и въ субботу привезу съ собою, переводъ же другой здѣсь приобщаю, которой очень неисправенъ, для того что въ Академии не остался ни одинъ способной для переводу, и уже другой годъ, какъ Профессора нѣкоторые, изъ милости къ переводчикамъ, изъ переводы переправляли. Je succombe sous la douleur mortelle de craindre, que l'Impératrice prendra en mauvaise part la très humble prière, que je veux lui présenter Dimanche, de me permettre de quitter l'Académie. Je ne puis croire un instant, que si mon idée même était fausse, mais que je fus persuadée, que j'aurai laissé dégrader ma place et l'Académie contre l'expresse volonté de Sa Majesté, car l'Ukase, sur lequel le Prince Wiasemsky se fonde, nommément dit «из-

* Собственноручное.

ключая Училища,» а Академія старѣйшее Училище и по Регламенту своему состоитъ изъ Университету и Гимназій. Je dis, que je ne crois pas, que l'Impératrice voulut, que je sois mécontente de moi même, et que j'aie le sœur payé. Что жъ касается до Указу, которой Ваше Превосходительство упоминаете въ своемъ письмѣ, то оной отъ 24 Генваря, а назначеніе мое отъ 23 Генваря, и въ ономъ объ экономической не упоминается, а сказано, чтобъ я поступала по Регламенту нашему, то дѣло и не состоитъ въ какой либо отиѣтѣ Указа, или не новаго чего прошу, а прошу только, чтобъ не лишили Академіи ея привилегіи, и не отказывали бы ей того, что Университетъ упорнымъ отиѣтомъ себѣ досталъ, и что самыя послѣднія Училища, симъ же 1780 года Указомъ, получили. А какъ въ немъ глухо сказано «Училища», то не знаю, какъ Академія, при коей два Училища существуютъ, и Адъюнктовъ и Студентовъ имѣть, можетъ исключена быть изъ Училищъ. Когда Вы себѣ вообразите безпредѣльную мою къ Ея Величеству приверженность, понятіе мое о должности званія, то Вы, надѣюсь, содрогнетесь, вообразя себѣ, какое я страданіе должна чувствовать, безъ всякаго личнаго на то резону. Персонально я много снести могу, мѣста же публичнаго ни какого унижить и помарать собою согласиться не могу. Здѣсь включаю письмо отъ брата. Пребываю навсегда съ усердіемъ

Вашего Превосходительства

готовая услужница

Княгиня Дашкова.

III. Указомъ отъ 24 Октября, 1780 г., повелѣвается исключить изъ Управленія Государственнаго Казначейства находящіяся въ Россіи Училища. Въ Указѣ отъ 24 Генваря сего года объ отсылкѣ куда либо счетовъ по экономической суммѣ на ревизію ни чего не сказано, а велѣно поступать по Академическому Регламенту. Въ Регламентѣ же сказано, чтобы Академическая сумма оставалась въ распоряженіи Академіи Директора. Московскій Университетъ счетовъ ни какихъ никуда не отсылаетъ, хотя Сенатъ того и требовалъ, но онъ сослался на Указъ 1780 г. Г. Домашневъ и всѣ Академіи Дире-

которы по экономической суммѣ счетовъ никуда не отсылали по тѣмъ же причинамъ. Школы также симъ правомъ пользуются.

Академія Наукъ есть главнѣйшее Училище, въ которомъ не только Студенты и ученики казенные, но и вольные обучаются, слѣдственно, и долженствуетъ она пользоваться симъ же правомъ. Что же касается до статной суммы, то по оной Академія посылаетъ счета ежемѣсячно на ревизію въ Экспедицію, при Сенатѣ учрежденную, а по экономической суммѣ хранить всѣ счета у себя, въ Канцелярскомъ Архивѣ.

2.

Madame!

Ayant appris de Mr. Bezborodko, que la teneur de la résolution de Votre Majesté, ne sera peut-être point fondée sur l'Ukase de l'année 1780, qui exclut nommément les écoles de la comptabilité et comme le Prince Wiasemsky ne croyant point apparemment l'Université de Moscou dénommée par là, lui demanda ces comptes. Celle là lui répondit, que, quoiqu'elle n'avait point eu ci-devant de privilège formel, ce même Ukaze en étoit un, et qu'ainsi elle gardoit ces comptes chez elle. L'Académie, étant une Université, un Gymnaze et une école d'artiste en outre, j'aurai put faire la même réponse et obtenir le succès, qu'a eu l'Université. Mais, pleine de confiance en la justice et les lumières de Votre Majesté, sans me permettre aucune réponse, ni resistance, je m'adressai à ma gracieuse Souveraine, et Vous eûtes la bonté, Madame, de me rassurer complètement. Permettez moi, qu'à Vos genoux, je Vous supplie de lire l'extrait, ci-joint, de me rendre la tranquillité par une résolution conforme à Votre grand génie et à Votre justice, et que Vous ne permettiez point, que l'on flétrisse un coeur, qui Vous est si entièrement dévoué, dans lequel Votre image règne avec des sentiments d'admiration et j'ose dire d'une tendresse sans bornes. Hélas, Madame, au prix de mon sang, je consentiroi, qu'il Vous fut mieux connu, et qu'il n'y aye entre une Souveraine, que j'adore et moi que des fleurs; pénétrée de Vos bontés, il ne me resteroit, qu'à bénir Vos jours et le ciel pour me faire vivre sous Vos lois.

Daignez, Madame, accorder ma prière. Cette grâce me donnera une nouvelle vie. Etant avec un respect et un attachement le plus inviolable

Madame,

de Votre Majesté

la très-humble et très-soumise Sujette

Princesse de Daschkow.

Dimanche, au soir.

Ваше Величество!

Я узнала отъ Графа Безбородька, что сущность рѣшенія Вашего Величества, можетъ быть, не будетъ основана на Указѣ 1780 года, по которому всѣ училища изъяты отъ повѣрки счетовъ. Князь Вяземскій, вѣроятно, не включилъ Московскій Университетъ въ число Училищъ, и по тому потребовалъ у него отчета въ счетахъ. Университетъ отвѣтилъ, что хотя и не имѣлъ прежде положительной привилегіи, но считаетъ таковою выше приведенный Указъ, и по тому счетовъ своихъ на повѣрку не пошлетъ. Академію же можно считать Университетомъ, Гимназіею и даже художническимъ Училищемъ. На этомъ основаніи я могла бы дать подобный отвѣтъ и, слѣдовательно, имѣть одинаковый съ Университетомъ успѣхъ; но глубоко увѣренная въ справедливости и ясности взгляда Вашего Величества, я не посмѣла ни отвѣчать, ни сопротивляться, а прибѣгла только къ нашей Милостивой Государынѣ, и Ваше Величество были на столько снисходительны, что совершенно меня успокоили. Позвольте же мнѣ на колѣняхъ просить Ваше Величество о слѣдующемъ: прочесть прилагаемую выписку и исполнѣ меня ускокоить рѣшеніемъ, согласнымъ съ Вашимъ великимъ умомъ и справедливостію. Ваше Величество не захочетъ удручать сердце, которое такъ глубоко Вамъ предано, въ которомъ образъ Вашего Величества живетъ, осѣненный чувствомъ удивленія и, могу сказать, безграничной любви.

Цѣною крови я желала бы, чтобы Ваше Величество лучше его знали и чтобы между мною и обожаемою Государынею былъ бы только цвѣтъ самыхъ отрадныхъ отношеній; глубоко проши-

кнутой чувствомъ благодарности къ милостямъ Вашего Величества, мнѣ осталось бы только благословлять Ваши дни и Небо за возможность жить подъ Вашимъ владычествомъ. Снизойдите, Ваше Величество, на мою просьбу. Такая милость придастъ мнѣ новыя силы. Съ истиннымъ уваженіемъ и нерушимою привязанностію честь имѣю быть,

Вашего Величества

всенокорная и всепреданная

Княгиня Дашкова.

Воскресенье, вечеромъ.

3.

Madame!

Votre Majesté a eu la bonté de me permettre d'avoir recours à elle toutes les fois, que j'aurai besoin de sa justice et protection Je n'ai point voulu cependant l'incommoder, et j'ai souffert toutes sortes de chicanes depuis plusieurs mois de la part du Général Procureur, sans vouloir embarrasser Votre Majesté, par les désagrémens, que j'en recevois. Maintenant je ne saurai m'empêcher de Vous supplier de jeter les yeux sur l'Ukase, que je viens de recevoir, parce que par le dernier, qu'il Vous a plu, Madame, de donner au sujet de mes appointemens, Votre Majesté a eu la bonté de dire, que je devois avoir les appointemens, que Mr. Domashneff recevoit, et en conséquence, j'ai reçu 3000, avec le décompte cependant des 23 jours, qui manquoit à l'année. Le Prince Wiasemsky a jugé à propos d'omettre l'Ukaze de l'année 1777, et par là j'ai aux yeux de mon département la honte d'avoir pris comme de mon propre chef des appointemens plus forts, que je ne le devois. C'est à une grande femme, ma Souveraine et ma protectrice, que j'ose dire, que mon zèle et mon dévouement pour Votre personne m'ont fait porter toutes mes facultés vers le devoir, que m'impose la charge, pour laquelle il Vous a plu de me choisir et que l'attention, que j'y mets me met dans le cas de ne point craindre l'examen le plus strict sur ma régie, jugez donc,

combien il me doit être douloureux et humiliant d'être traitée comme je la suis par le Général-Procureur, et cela sous le règne d'un Souverain juste, éclairé et qui, contre mon attente, a daigné me choisir. Elle même pour la place, que j'occupe et a par là manifesté à l'Europe entière sa bieveillance et son estime pour moi. J'ai remis il y a quelques jours une lettre à Mr. Bezborodko pour Votre Majesté, je l'ai prié aussi d'instruire ma Souveraine des entraves, que je rencontre. J'ose Vous supplier, Madame, de donner un libre cours à Votre grand coeur en ma faveur, et alors je serai contente, parce que la justice me sera rendue et je serai protégée à l'avenir contre le fiel de la vengeance, que je ne sache point avoir mérité. Pleine de confiance, Madame, en Vous, je mé flatte, que Votre Majesté mettra fin aux désagremens humiliants, que je souffre, et si mon zèle et mon attachement pour Vous ne sauroit augmenter, Vous aurez au moins rendu la tranquillité à un être, qui Vous est dévoué à tout épreuve Etant par la vie,

Madame,

de Votre Majesté

La très-fidèle et très-soumise sujette

Princesse de Daschkow.

Lundi, après midi.

P. S. C'est à Vos genoux, Madame, que je demande excuse pour ce griffonnage, mais je suis si troublée, si indignée d'avoir l'apparence de m'être arrogée des appointemens, que je ne devais pas avoir, que je serai malheureuse, jusqu'à ce, que Votre Majesté me lave de cette tache, que le Prince Wiasemsky veut m'appliquer, que je ne sais ce, que j'écris. Je joins ici la copie de l'Ukaze, par lequel Mr. Domaschneff recevoit 3000 roubles.

Государыни!

Съ свойственною Вашему Величеству добротой, Вы позволили мнѣ прибѣгать къ Вамъ, когда я буду нуждаться въ справедливости и покровительствѣ. Но я не смѣла беспокоить Ваше Величество и претерпѣвала въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всевозможныя придирки со стороны Генераль-Прокурора, не желая занимать Вашего Величества всѣми невзгодами, которыя я переносила.

Теперь не могу не попросить Васъ взглянуть на полученный мною Указъ. Судя по послѣднему приказу, данному по случаю моего жалованья, Ваше Величество милостиво сказали, что я должна получить окладъ, назначенный Господину Домашневу, по этому я и получила 3000 рублей, съ вычетомъ, однако, 23 дней, которыхъ недоставало въ полномъ году. Князь Вяземскій счелъ нужнымъ не обратить вниманія на Указъ 1777 года, и поставилъ меня въ глазахъ всего моего Департамента въ неловкое положеніе тѣмъ, что я, будто, по собственному произволу, надѣлила себя болѣе высшимъ окладомъ, нежели слѣдовало. Осмѣливаюсь сказать великой женщиной, моей Государыней и покровительницей, что изъ рвенія и преданности Вашему Величеству я сосредоточила всѣ свои способности на исполненіе обязанностей званія, въ которое угодно было меня облечь Вашему Величеству, и по тому я не могу бояться самой строгой провѣрки моего управленія. Тѣмъ болѣе для меня горько и оскорбительно обращеніе Генераль-Прокурора, и когда же? Въ царствованіе Государыни справедливой, просвѣщенной, которая, противъ даже моего ожиданія, снизошла Сама до избранія меня въ должность, которую я занимаю, и тѣмъ обнаружила передъ всею Европой, на сколько она чувствуетъ ко мнѣ милостивое уваженіе. На дняхъ я передала Графу Безбородьку письмо на имя Вашего Величества, прося его довести до Вашего свѣдѣнія о препятствіяхъ, которыя я встрѣчаю. Смѣю просить Ваше Величество, дайте полную свободу Вашему великодушію въ отношеніи меня, и я вполне увѣрена, что тогда мнѣ окажутъ должную справедливость и даже впередъ будутъ защищать отъ проявленій незаслуженнаго мною гоненія. Вполнѣ увѣренная въ милостивомъ вниманіи, я надѣюсь, что Ваше Величество приостановите оскорбительныя неприятели, которымъ я

подвергаюсь. Если моя преданность и любовь къ Вашему Величеству не могутъ уже увеличиться, Вы, по крайней мѣрѣ, успокоите личность, которая Вамъ всепреданна. Навсегда

Вашего Велечества
всепокорная и всепреданная
Княгиня Дашкова.

Понедѣльникъ, послѣ обѣда.

ПП. На колѣняхъ прошу Ваше Величество извинить мое письмо; но я такъ взволнована, такъ оскорблена однимъ намекомъ о возможности присвоить себѣ незаслуженное жалованье, что буду считать себя несчастливою до того времени, пока Ваше Величество снимете съ меня нареканіе, которое Князь Вяземскій желаетъ на меня взвести; отъ волненія я рѣшительно не знаю, что пишу. Прилагаю къ сему письму копію съ Указа, по которому Господинъ Домашневъ пользовался окладомъ въ 3000 рубл.

К Р А Т К А Я К О П І Я С Ъ У К А З А .

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийской, изъ Правительствующаго Сената Академіи Наукъ. По именному Ея Императорскаго Величества Указу, объявленному Господиномъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Генералъ-Прокуроромъ и Кавалеромъ, что Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила, Ея Сіятельству, Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, по должности Директора Академіи Наукъ, производить жалованье, какое предѣстникъ ея, Господинъ Домашневъ, получалъ, со дня назначенія ея въ сію должность, Правительствующій Сенатъ приказали: какъ именнымъ Ея Величества Указомъ, объявленнымъ 18 Августа, 1775 года, Господиномъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Генералъ-Прокуроромъ и Кавалеромъ, повелѣно Господину Домашневу производить жалованье по 2000 р. изъ отпускаемой въ Академію статной суммы, то изъ сего оклада помянутой Госпожѣ Княгинѣ Дашковой съ состоянія, отъ 24 Генваря, 1783 году, Указу о препорученіи ей дирекціи надъ Академією, по Генварь

1784, причитается къ выдачѣ 1872 р. 21 коп., и для того, какъ о выдачѣ сей суммы, такъ и впредь о произвожденіи ей, повелѣно симъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, изъ той же самой суммы, и прочее.

4.

Monsieur!

Il me sera douloureux, je serai malheureuse de déplaire à ma Souveraine, que j'adore, mais je préférerais la mort à l'indignité d'avoir dégradé une place et d'avoir été l'instrument de la destruction d'un établissement aussi noble et utile, comme l'Académie, et qui, malgré vents et marais, s'est soutenue pendant plus de 50 ans, et si j'y consentois l'Impératrice même dont l'estime m'est infiniment précieux, ne pourrait point m'estimer. Voilà, Monsieur, ce, qui me force de vous écrire à présent, pour prévenir, s'il se peut, le coup et pour vous prier de lire le papier, que j'avais présenté à Sa Majesté. Rappelez-vous je vous, conjure, que vous même vous m'avez dit deux fois, qu'il n'y avait aucune raison, pour que je rende compte de la somme économique, dont la dernière obole est entièrement de notre création; rappelez vous le règlement de l'Académie, songez, qu'aucun Directeur n'a jamais été sommé de rendre ce compte, et finalement, que l'Ukaze, sur lequel Wiazemsky s'appuie, exclut nommément tous les Gymnases. Par quelle fatalité l'Académie, le plus ancien des Gymnases, ayant déjà le privilège de ne point rendre ces comptes, se voit privée d'un droit, que l'Université de Moscou s'est acquis simplement par l'Ukaze susmentionné et en persiflant, comme vous le verrez, par l'écrit du Prince Wiasemsky, le Sénat a obtenu de ne point envoyer les comptes demandés, j'aurai pu répondre au Prince de même; mais par modestie, par soumission, pour les volontés de l'Impératrice, j'ai voulu être guidée par ses idées et sa justice, et Sa Majesté me tranquillisa par les promesses les plus gracieuses, lorsque je lui exposais la chose. Je ne puis croire, que l'Imperatrice voulut m'avilir à mes propres yeux, et j'espère encore, que si vous voudrez lui présenter la lettre, que je lui ai écrite, la logique ridicule de la résolution du Sénat, par laquelle par parenthèse il me dicta lui même le refus, que je dois faire, et les remarques en langue russe, que j'y ai jointes, je suis sûre, que Sa Majesté ne voudra point, que sous un Directeur de

son propre choix l'Academie reçoive l'échec le plus sensible et le plus destructif. Si elle voyait dans ce moment l'état, dans lequel toute mon âme déchirée se trouve et qu'elle réfléchit, que ce n'est rien de personnel, ni aucun intérêt à moi, que je défends. Je suis sûre, que son grand coeur serait fâché de l'amertume du mien. Comme dame d'honneur, comme un être, qui lui est si entièrement et depuis si longtemps dévouée, d'après les bontés, qu'elle me témoigne, il ne me restait, qu'à jouir d'une vie paisible et heureuse, il lui a plu de me donner l'Académie en direction, et me voilà en butte à des chicanes, risquant encore d'ennuyer, et peut-être de déplaire à l'Impératrice, sans que j'aie d'autre profit ou gratification, que d'obéir à sa volonté, j'aimerais mille fois mieux, qu'elle me m'ait point honoré de ce poste; en un mot, Monsieur, si Sa Majesté a changé malheureusement pour moi et pour l'Académie de façon de penser, depuis que j'ai eue le bonheur de lui parler sur ce sujet, je vous supplie de lire un peu l'Ukaze, afin que j'aie la consolation de lui faire agréer ma résignation, avant qu'il ait lieu. C'est pourquoi je suis forcée, Monsieur, de vous prier de me donner par le porteur là dessus un éclaircissement, que j'attendrai avec des angoisses, que vous ne sauriez vous imaginer. J'ignore, si vous pouvez lire mon griffonage, je ne suis pas en état même d'écrire. Excusez-moi, s'il vous plaît, et soyez persuadé de la considération, avec laquelle je suis,

Monsieur,

votre très-humble servante

Princesse de Dachkoff.

P. S. Si Sa Majesté rendra justice à l'Académie et au Directeur, alors je n'aurai plus occasion de l'ennuyer, une fois indépendante comme l'ont été mes prédécesseurs des chicanes, il n'y aurait comme je l'ai dit à Sa Majesté entre elle et moi, que des fleurs et mon travail serait un plaisir pour moi et peut-être ne démentirai-je pas tout-à-fait l'opinion, qu'elle a bien voulu si authentiquement montrer, qu'elle a de moi. *

Samédi, à minuit.

* Русской переводъ всѣхъ этихъ писемъ сдѣланъ Г. Лекторомъ Московскаго Университета А. П. Геммляномъ.

Милостивый Государы!

Мнѣ будетъ прискорбно, я буду чувствовать себя несчастливою, если навлеку на себя гнѣвъ обожаемой мною Государыни; но я предпочту смерть безчестію моего мѣста и уничтоженію заведенія столь благороднаго, столь полезнаго, каково Академія, которая, не смотря на препятствія и невзгоды, поддерживается уже болѣе 50 лѣтъ. Если бы я на это согласилась, то сама Государыня не стала бы меня уважать. Я пишу Вамъ теперь, чтобы по возможности, предупредить ударъ и вмѣстѣ попросить Васъ прочесть бумагу, которую я представила Ея Величеству. Помните, умоляю Васъ, что Вы сами два раза сказали мнѣ, что нѣтъ ни какой нужды давать отчета въ хозяйственной суммѣ, которой послѣдняя копѣйка составлена нами; вспомните о положеніи Академіи; подумайте, что ни отъ одного Директора не требовалось отчета въ такихъ счетахъ, и наконецъ, что въ Указѣ, на которомъ основывается Вяземскій, выключены всѣ Гимназіи. По какой роковой необходимости Академія, самая древняя изъ Гимназій, владѣвшая уже льготою безконтрольности счетовъ, лишается такого права, между тѣмъ какъ оно присвоено Московскому Университету на основаніи выше приведеннаго Указа и даже посредствомъ насмѣшки, что Вы ясно увидите изъ письма Князя Вяземскаго? Сенатъ то же получалъ право не посылать счетовъ на повѣрку. Я также могла бы отвѣтить Князю Вяземскому, но изъ скромности, изъ уваженія къ воли Государыни, я хотѣла подчиниться Ея взгляду и справедливости, и Ея Величество успокоило меня самымъ милостивымъ обѣщаніемъ, когда я изложила весь ходъ дѣла. Я не могу повѣрить, чтобы Государыня желала меня унижить въ собственныхъ моихъ глазахъ, и надѣюсь, что Вы изволите показать Ея Величеству письмо, которое я написала. Странна логика рѣшенія Сената (который, сказать между прочимъ, такимъ поступкомъ наводитъ меня на такой же отказъ). Если Вы представите также сдѣланныя мною замѣчанія на Русскомъ языкѣ, то я убѣждена, что Ея Величество не захочетъ, чтобы при Директорѣ, избранномъ Ею Самою, Академія потеряла самый чувствительный, самый разрушительный уронъ.

Если бы Она могла видѣть теперь, въ какомъ нахожусь я огорченіи. Если Она рассудитъ, что я не защищаю ни какого личнаго,

до меня одной касающагося, интереса, то увѣрена, что Ея великая душа будетъ сочувствовать моему горю. Какъ Штатсъ-Дама, какъ существо вполне и такъ давно ей преданное, судя наконецъ по милостямъ, которыя Она мнѣ оказывала, мнѣ можно было наслаждаться покойною и счастливою жизнью; но Ея Величеству угодно было поручить мнѣ управленіе Академіею, и вотъ на меня сыплются придирки, я рискую обезпokoить Государыню, могу даже провиниться; мнѣ не предстоитъ ни какой выгоды, или награды, кромѣ развѣ исполненія воли Ея Величества. Я бы скорѣе желала, чтобы Государыня не почтила меня такою должностію; однимъ словомъ, если, къ несчастію моему и всей Академіи, образъ мыслей Ея Величества измѣнился съ того времени, когда я имѣла счастье говорить объ этомъ дѣлѣ Государынѣ, я Васъ умоляю, прочитайте Указъ; у меня будетъ, по крайней мѣрѣ, одно утѣшеніе, подать въ отставку до изданія новаго Указа. Вотъ по чему я вынуждена, Милостивый Гесударь, просить Васъ дать мнѣ, съ моимъ посланнымъ, нѣкоторыя объясненія: я буду ожидать ихъ съ такимъ нетерпѣніемъ, котораго Вы себѣ и вообразить не можете. Не знаю, прочтете ли Вы мое письмо: я почти не въ состояніи писать. Надѣюсь, Вы меня извините. Прошу Васъ быть увѣреннымъ въ томъ уваженіи, съ которымъ я имѣю честь быть

Вашей всепokoрной

Княгиня Дашкова.

III. Если Ея Величество отдастъ должную справедливость Академіи и Директору, тогда мнѣ не за чѣмъ будетъ безпokoить Государыню, я освобожусь отъ преслѣдованій, которымъ не были подтвержены мои предшественники, и тогда, какъ я уже сказала Ея Величеству, между нами будетъ только цвѣтъ самыхъ отрадныхъ отношеній, трудъ будетъ для меня удовольствіемъ и, можетъ быть, я не обману тѣхъ ожиданій, которыя Государыня такъ ясно обнаружила, избравъ меня Директоромъ Академіи.

Суббота, полночь.

5.

Государыня моя, Катерина Романовна!

Сколь охотно ни желаю бы я имѣть съ разными особами переписку, по партикулярнымъ отношеніямъ, но будучи по прямой должности, а особливо послѣ болѣзни моей, самонужнѣйшими и не терпящими отлагательства дѣлами занять, къ отправленію коихъ почти безъ остатка занимается у меня все время, принужденнымъ нашелся, повинуюся законной необходимости, жертвовать симъ наипріятнѣйшимъ для каждаго упражненіемъ. Однако же, дабы и чрезъ сіе не могло въ теченіи дѣлъ послѣдовать каковаго затрудненія, или остановки, въ потребномъ свѣдѣніи, или увѣдомленіи, не оставидь я и сію часть, хотя не имѣющую прямого отношенія къ возложеннымъ на меня исправленіямъ, препоручить Господамъ Оберъ-Прокурорамъ, дабы каждый по своему Департаменту и по имѣющимся въ оныхъ дѣламъ, велъ переписку по встрѣчающимся иногда обстоятельствамъ и по нужнымъ надобностямъ. Но чему какъ отправленіе въ Тобольское Намѣстничество вышущенныхъ изъ Академіи Наукъ Студентовъ не относится ни мало къ должности Генерала-Прокурора, то и разрѣшеніе упоминаемыхъ въ письмѣ Вашего Сіятельства отъ 13 Декабря обстоятельствъ все не зависить отъ меня, а можетъ Академія Наукъ оныя представить на благорасужденіе Правительствующаго Сената, такъ какъ впредь по встрѣчающимся надобностямъ, принадлежащимъ до рѣшенія онаго, относится сіе Правительство, или же къ вышеозначеннымъ персонамъ. Пребываю, впрочемъ, съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства,

Государыни моей,

покорный слуга

Князь Александръ Вяземскій.

Декабря 26 дня,
1788 года.

6.

Государь мой, Александръ Андреевичъ!

Изъ приложенной при семъ краткой копіи съ Сенатскаго Указа, Ваше Превосходительство ясно увидите, сколь Князь Александръ Алексѣевичъ старается миѣ во всѣхъ случаяхъ досаждать, и даже того и не скрываетъ. Въ 1775 году хотя и повѣлено было выдавать Господину Домашневу по 2000 рублей годоваго жалованья, но нѣкоторое время спустя, Ея Величеству угодно было повелѣть, производить ему ежегодно по 3000 рублей, считая со дня его въ Академію вступленія. Князь Александръ Алексѣевичъ ссылается на Указъ 1775 года и предлагаетъ, о производеніи миѣ по 2000 рублей, такъ какъ будто Господинъ Домашневъ только получалъ сію сумму, хотя ему производилось по послѣднему Указу по 3000 рублей. Прошу Ваше Превосходительство чѣмъ ни будь рѣшить мой съ Его Сіятельствомъ дѣла и не допустить, чтобы онъ миѣ дѣлалъ таковыя досады. Я же, когда буду симъ успокоена и отъ него освобождена, могу съ успѣхомъ исправлять возложенное на меня служеніе, и буду рада мѣсту моему жертвовать и здоровьемъ и жизнью, Князь Александръ Алексѣевичъ хотя и получилъ Указъ Ея Величества о производеніи миѣ жалованья 2 Января, но до 22-го къ миѣ онаго не сообщалъ, такъ что ежели бы я чрезъ Вашу копію о томъ не узнала, то не вѣдала бы и по сіе время о той Высочайшей къ миѣ милости. Ваше Превосходительство чрезъ сіе усмотрите, сколь Его Сіятельство старается меня оскорблять. Я вчера, въ огорченіи моемъ, послала письмо къ Ея Императорскому Величеству, обще съ подлиннымъ, вчера мною полученнымъ изъ Сената, Указомъ, и копію съ Указа о производеніи жалованья Господину Домашневу по 3000 рублей. Прошу Васъ все, что сего касаться можетъ, Ея Величеству объяснить, и при томъ доложить о прежде посланныхъ къ Вамъ отъ меня бумагахъ, чѣмъ окончить изволите мое съ Княземъ Вяземскимъ дѣло. При опредѣленіи меня Директоромъ я бы могла испросить у Ея Величества какія либо особливия выгоды, но я, повинаясь Ея волѣ, приняла сію должность единственно только съ тѣмъ, чтобы быть во всемъ наставляемою и защищаемою Ея Величествомъ; и по сему и теперь при-

бѣгаю къ Ея защитѣ отъ сихъ несносныхъ досадъ, чинимыхъ мнѣ Генераль-Прокуроромъ. Впрочемъ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства,

Государя моего,

покорная служница

Княгиня Дашкова.

Генваря дня.
1784 года.

7.

Государь мой, Александръ Андреевичъ! *

Письмо Вашего Превосходительства имѣла честь получить-изъ котораго я вижу, что примѣръ Университета и всѣхъ школъ не служить для Академіи Наукъ, хотя она знатнѣйшее и старшее Училище, по чему я и отношу сіе къ персональному мнѣ несчастію, и что Указъ, на который Князь Вяземскій ссылается, исключая именно Училища, въ семъ случаѣ иначе толкуется. То я сквозь слезы, сквозь умерщвленіе отъ страданія, что Государыню, которую такъ давно привыкла обожать, можетъ быть на неудовольствіе противъ себя подвигну, сѣла писать письмо просительное къ Ея Величеству о увольненіи меня отъ Академіи, кое я, за завтрашнимъ совѣтомъ, до вторника, то есть, опослѣ завтра, отложу имѣть честь подать. Я симъ должна Академіи и себѣ, и великая душа нашей Монархини со временемъ воззритъ, можетъ быть, что я сію жертву считала необходимою, чтобъ сохранить ея неоцѣненную эстиму. Впрочемъ, пребываю съ усардіемъ

Вашего Превосходительства

готовая служница

Княгиня Дашкова.

* Собственноручное.

ОСНОВАНИЕ

РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ И ЕЯ УСТАВЪ.

1.

Государь мой, Александръ Андреевичъ!

Въ слѣдствіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Указа объ учрежденіи здѣсь Императорской Россійской Академіи, имѣеть она воспріять свое начало и надлежащимъ порядкомъ открыться въ будущую Субботу, то есть, 21 числа сего Октября мѣсяца, въ одиннадцатомъ часу по утру, въ залѣ Императорской Академіи Наукъ. Его Высокопреосвященство, Гавріиль, Митрополитъ Санктъ Петербургской и Новгородской и сей новоучреждающейся Академіи членъ, будетъ при томъ открытіи отправлять молебственное богослуженіе, по обыкновенному при таковыхъ случаяхъ чину. Сообщая о семъ Вашему Превосходительству, прошу Васъ, яко члена сей Академіи, удостоить открытіе оной Вашимъ присутствіемъ. Впрочемъ, пребываю съ истиннымъ почитеніемъ

Вашему Превосходительству,

Государю моему,

покорною служницею

Княгиня Дашкова.

Октября 18 дня,
1783 г.

2.

Государь мой, Александръ Андреевичъ!

Хотя присутствіе Вашего Превосходительства въ Императорской Россійской Академіи и приносятъ ей великую честь, и въ разсужденіи просвѣщенія и знаній Вашихъ великую пользу, но поелику Вы и другими важнѣйшими дѣлами заняты, то я и не тре-

бую, чтобъ Вы каждую Субботу съ нами присутствовали. Но, въ замѣну сего, прошу быть главнѣйшимъ стряпчимъ сей новородившейся Академіи; по чему при первомъ случаѣ покорно прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать у Ея Императорскаго Величества для сего заведенія домъ, состоящій на Васильевскомъ Острову въ 1-ой линіи, принадлежавшій прежде Конторѣ Экономіи, а оный ни какимъ казеннымъ дѣломъ не занять. Пожалованіе сего дома Россійской Академіи Наукъ, поелику зало оной не будетъ занимать, великую пользу сдѣлаетъ.

По старымъ счетамъ въ Академіи Наукъ нашлись счеты, что къ Вамъ отпущено на 50 р. Азбукъ, то прошу меня увѣдомить, на чей счетъ мнѣ сіе поставить, для комнаты ли Ея Величества, или на собственный Вашъ? Впрочемъ, пребываю съ совершеннымъ почтениемъ,

Вашего Превосходительства,

Государя моего,

готовая служница

Княгиня Дашкова.

Октября 23 дня,
1783 г.

3.

Государь мой, Александръ Андреевичъ!

Прешрождаю при семъ къ Вашему Превосходительству Календарь, и, почтя Васъ истиннымъ ходатаемъ за Россійскую Академію, покорнѣйше прошу не забыть постараться о домѣ, для той Академіи общанномъ. Вы мнѣ изволили сказывать, что пожалованіе такового дома удобяе будетъ исходатайствовать при перемѣнѣ Губернатора; а какъ нынѣ случилось перемѣщеніе Оберъ-Полиціймейстера и Губернатора, то я чрезъ сіе объ общаніи Вашемъ просьбою моею и напоминаю. Также покорно прошу постараться о Высочайшей конфирмаціи поданнаго отъ меня Ея Величеству Устава Россійской Академіи, который совершенно

сходствуетъ съ прежде подтвержденнымъ начертаніемъ, и только, по предложенію нѣкоторыхъ членовъ, распространень. Я увѣрена, что Ваше Превосходительство приложите стараніе Ваше о пользѣ того заведенія, въ коемъ Вы сами соучаствуете и за которое Вы обѣщали во всѣхъ случаяхъ ходатайствовать. Впрочемъ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ,

Ваше Превосходительства,

Государя моего,

покорная услужница

Княгиня Дашкова.

Генваря 3 дня,
1784 г.

4.

ДОКЛАДЪ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ,

СЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЕМЪ УСТАВА РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Всецресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской,

Отъ Предсѣдателя Россійской Академіи, Княгини Дашковой,

Всеподданнѣйшій докладъ.

Между толкими и толь многими, безсмертную славу заслуживающими, Вашего Императорскаго Величества учрежденіи, Россійская Академія, благотворнымъ Вашимъ промысломъ созданная, въ первыя свои собранія разсуждала о своихъ постановле-

ніяхъ, которыя я, собравъ во едино, имѣю счастье повергнуть къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о Всемилостивѣйшемъ утверженіи оныхъ.

Всемилостивѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшая раба
Княгиня Дашкова.

5.

У С Т А В Ъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

1.

Императорская Россійская Академія состоитъ имѣть единственно подъ Высочайшимъ покровительствомъ Императорскаго Величества.

2.

Императорская Россійская Академія имѣетъ употреблять двѣ печати: одну для дипломъ, даваемыхъ Членамъ Академіи, а другую для печатанія исходящихъ дѣлъ по Академіи.

3.

На печати, употребляемой для дипломъ, въ верху изображенъ парящій орелъ, у края въ одной лапѣ рогъ изобилія, подъ которымъ не далеко представлена сидящая женщина, означающая Исторію. Она держитъ въ рукахъ книгу, въ которой пишетъ. На другой сторонѣ подъ орломъ изображена сидящая женщина, имѣющая въ рукахъ лиру. Между ими лежатъ книги и свертки бумагъ, осыпавшыя богатствомъ изъ рога изобилія.

4.

На печати для исходящихъ дѣлъ вырѣзанъ двуглавый орелъ съ подписью вокругъ: «Печать Императорской Россійской Академіи.»

5.

Главный предметъ Россійской Академіи состоять долженъ въ обогащеніи и очищеніи языка Россійскаго и въ распространеніи Словесныхъ наукъ въ Государствѣ.

6.

Но какъ чистота и надлежащій языка порядокъ зависитъ отъ принятыхъ и утвержденныхъ правилъ, то да будетъ первымъ Академіи упражненіемъ сочиненіе полной и вычищенной Россійской Грамматики.

7.

Богатство языка явствуетъ изъ обилія словъ и реченій (фразесовъ), когда всякая вещь, всякая мысль и всякое дѣланіе, собственными словами или реченіями изображается: таковымъ обиліемъ языкъ Россійскій преимущественно хвалиться можетъ, будучи составленъ, такъ сказать, изъ двухъ языковъ, то есть, древняго или Славянскаго, и отъ сего происшедшаго, нынѣ употребляемаго. По сему Россійская Академія да приложитъ свое стараніе къ собранію всѣхъ словъ и реченій, и составитъ полный Словарь, съ точнымъ опредѣленіемъ каждаго слова и реченія, и съ изъясненіемъ ихъ употребленія въ низкой или простонародной рѣчи, въ среднемъ или возвышенномъ слогѣ, въ пословицахъ, въ разговорахъ шуточныхъ, или дружескихъ, въ разныхъ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ, къ чему не мало послужитъ рачительное собраніе разныхъ названій вещамъ и произведеніямъ, употребляемымъ въ разныхъ областяхъ Россійской Имперіи

8.

Краснословіе языка зависитъ отъ расположенія словъ и мѣры оныхъ, и всякая рѣчь, порядочно расположенная, ниѣтъ въ

себѣ нѣкоторый родъ согласія, не токмо въ стихахъ, но и въ свободномъ слогѣ. И по сему Россійская Академія да составитъ правило, какъ ударенія словъ, такъ и краснорѣчія, заимствуя оныя изъ свойства языка Славенороссійскаго.

9.

Не исключаются равнымъ образомъ изъ упражненій Академиковъ объясненія Россійскихъ Древностей, частныя описанія достопамятностей Россійскія Исторіи и знаменитыхъ новѣйшихъ происшествій, чистымъ и витіеватымъ слогомъ, также и стихами писанныя, равнымъ образомъ изобрѣтенія на оныя памятниковъ и медалей, краткія остроумныя надписи, нравственныя и другія творенія, до Словесныхъ наукъ касающіяся.

10.

Таковыя ума и раченія произведенія должны составить дѣланія Академіи Россійской, которыя долженствуютъ быть раздѣлены на разныя, для всякаго рода твореній, главы, и издаваемы въ печать погодно, выѣщая въ оныя описаніе памятниковъ и медалей на знаменитыя происшествія, до сего времени въ Россійскомъ Государствѣ сдѣланныя. Выручаемыя же отъ продажи таковыхъ книгъ деньги да будутъ обращены на пользу Академіи.

11.

Но какъ такового роду книги не могутъ быть сочинены малымъ числомъ людей, по сему Россійская Академія состоитъ имѣть:

1, Изъ Предсѣдателя.

2, Изъ 60 Членовъ, полагаая въ числѣ ихъ Предсѣдателя и Секретарей.

3, И изъ двухъ Секретарей.

12.

Предсѣдатель опредѣляется изъ знатнѣйшихъ особъ, по волѣ Императорскаго Величества; онъ доноситъ Высочайшей особѣ о

всѣхъ нуждахъ Академіи, и чрезъ него Академія получаетъ Высочайшія повелѣнія.

13.

Во всѣхъ собраніяхъ имѣеть Предсѣдатель первое мѣсто и печется о соблюденіи въ Академическихъ собраніяхъ должнаго порядка; въ отсутствіе жь занимаетъ его мѣсто старшій Членъ. Онъ одинъ имѣеть право въ нужномъ случаѣ назначить чрезвычайныя собранія.

14.

На случай долговременной его отлучки, избираетъ онъ на свое мѣсто одного изъ знатнѣйшихъ Членовъ Академіи Попечителемъ, и представляетъ о семъ Императорскому Величеству на конфирмацію.

15.

Предсѣдатель, имѣя всѣ почести и права, Членамъ Академіи принадлежащія, кромѣ предсѣдательства, предлагаетъ при выборѣ на убылыя мѣста одного со своей стороны кандидата въ Члены.

16.

При выборѣ Членовъ по жеребьямъ, когда случится, что поровну выдетъ жребій, какъ утверждающихъ, такъ и отрицающихъ, тогда Предсѣдатель имѣеть право рѣшить сіе своимъ приговоромъ и дѣлаетъ перевѣсъ.

17.

Въ Секретари назначаетъ единственно Предсѣдатель

18.

Всѣ служители при Академіи, какъ то: переводчикъ, казны хранитель и писцы, единственно отъ выбора Предсѣдателя зависятъ.

19.

Сумма, опредѣленная на Академію, состоитъ въ точномъ вѣдѣніи и распоряженіи Предсѣдателя, и въ сей никому не даетъ онъ

отчета, кромѣ Высочайшей особы Императорскаго Величества, по прошествіи каждаго года.

20.

Въ дѣлахъ ученыхъ Предсѣдатель, или самъ, или чрезъ Секретарей, отбираетъ мнѣнія отъ присутствующихъ Членовъ, начиная со старшаго Члена по порядку, свой же голосъ даетъ въ семь случаевъ послѣдній.

21.

О членахъ и Собраніяхъ Академіи.

Въ Члены Академіи избирать желающихъ принять на себя добровольно труды Академическіе, кои нужныя знанія и способности имѣть будутъ и уже каковыми либо знаменитымъ сочиненіемъ на языкѣ Россійскомъ отличились.

22.

На убылыя мѣста Членовъ предлагаетъ каждый Членъ до одному кандидату. Но представляющій кандидата Членъ долженъ быть увѣренъ о желаніи представляемаго быть приняту въ Академію. Выборъ же бываетъ по жеребьямъ и по большинству оныхъ.

23.

Всякій избранный Членъ имѣетъ получить на сіе званіе диплому.

24.

Члены имѣютъ въ Собраніяхъ засѣданія свои по старшинству ихъ вступленія въ Академію.

25.

Всѣ Члены въ дѣлахъ, до Словесныхъ наукъ касающихся, имѣютъ равный голосъ, которой объявляютъ или изустно, или письменно.

26.

Всякій Членъ долженъ пецнся о чести и славѣ Академіи, и соучаствовать во всѣхъ трудахъ оныхъ.

27.

Каждый Членъ Академіи обязанъ не печатать мимо ея сочиненій тѣхъ, кои составляютъ общій трудъ Академіи, равномерно и всѣхъ тѣхъ, кои до правилъ и исправленія Россійскаго языка принадлежать могутъ.

28.

Если кто изъ Членовъ пришлетъ сочиненіе свое подъ закрытымъ именемъ, о такомъ Секретарь докладываетъ Предсѣдателью и, съ его приказанія, читаетъ оное въ Собраніи, оставляя имя сочинителя въ скрытности до тѣхъ поръ, пока оное не одобрено будетъ всѣмъ собраніемъ, или же самъ сочинитель вызовется. Если же такое сочиненіе одобрено не будетъ, то да отошлется назадъ приславшему.

29.

Въ собраніяхъ Академическихкихъ члены мѣнія свои, какъ въ разговорахъ, такъ и сочиненіяхъ, да предлагаютъ съ пристойнымъ мѣсту уваженіемъ и безъ личнаго огорченія.

30.

Академія, съ общаго согласія, можетъ возложить на Члена какое либо сочиненіе, или выборъ изъ какой либо книги, могущей принести пользу трудамъ Академіи, съ собственнымъ его на то согласіемъ, и тогда таковой Членъ обязанъ безпрекословно исполнить опредѣленія оныя.

31.

Обыкновенныя Академіи Собранія имѣютъ быть одинъ разъ въ недѣлю, въ день Субботный, отъ 10 до 12 часовъ. Въ которое, кромѣ общихъ трудовъ, желающіе Члены могутъ читать какое либо полезное сочиненіе, почерпнутое изъ предметовъ вышесказанныхъ, объявля, однако жъ, о томъ предъ собраніемъ Предсѣдателью, дабы онъ могъ, какъ временемъ расположить, такъ и обра-

тить на оное вниманіе прочихъ Членовъ. Присылаемыя къ Секретарю сочиненія читаются по очереди вступленія ихъ въ присылку, не дочитанныя же въ одно собраніе, читаются въ слѣдующемъ.

32.

По окончаніи каждаго Собранія да дастся присутствующему Члену, чрезъ Секретаря Академіи, жетонъ, на коемъ, ключемъ премудрости, отверзающимъ къ общимъ свѣдѣніямъ, повѣшенномъ на Земномъ Шарѣ, и изображена Грамматика, съ которою непосредственно соединены Витійство и Стихотвореніе. Сія три науки, составляющія предметъ Россійской Академіи, основаніемъ своимъ имѣютъ просвѣщеніе, изображенное книгою. На цоколѣ, на которомъ она положена, написанъ 1783 годъ, въ которой сіе полезное учрежденіе начало свое возымѣло.

На оборотѣ

изображено справедливое награжденіе отъ имени Екатерины Вторыя.

Надпись:

«Императорская Россійская Академія.»

33.

Кромѣ обыкновенныхъ Собраній, Академія да празднуетъ торжественно 25 числа Ноября, то есть, на другой день Великомученицы Екатерины Вторыя. Въ которой, при всемъ Собраніи, да прочтется краткая выпись трудовъ каждаго Члена. И да опредѣлится большинствомъ жребій сочиненію, принесшему Россійскому слову отличную пользу, награжденія большою золотою медали.

34.

Большая золотая медаль на одной сторонѣ имѣетъ изображеніе Ея Императорскаго Величества, на оборотѣ то же самое, что и на жетонѣ, съ надписью: «Россійскому слову отличную пользу принесшему.»

35.

Въ обыкновенныя Академіи Собранія никто, кромѣ Членовъ, входу имѣть не можетъ, развѣ введенъ будетъ по приказанію Предсѣдателя, чрезъ Секретаря, для представленія на судъ Академіи какого либо полезнаго, на Россійскомъ языкѣ писаннаго, сочиненія.

36.

Во время же торжественнаго Собранія имѣютъ свободный входъ всѣ любители Россійскаго слова и благородные люди.

37.

О Секретаряхъ Академіи.

Секретари должны быть непремѣнные, имѣющіе почести и голосъ, равномѣрные съ прочими Членами.

38.

Должность Секретарей есть рачительно записывать всѣ сочиненія, по старшинству ихъ вступленія, вести поденную записку всему тому, что въ Собраніяхъ бываетъ предлагаемо, разсматриваемо, читано и опредѣлено Академіею по большинству голосовъ, даваемыхъ Членами, которую подписываютъ Предсѣдатель и Секретари.

39.

Но всѣ опредѣленія, по сему исходящія, какъ для Членовъ Академіи, такъ и для тѣхъ, кому имѣть оныя нужно, подписываютъ одни Секретари. Дипломы же подписываютъ Предсѣдатель и Секретари.

40.

Секретари хранятъ печати Академическія, записки и прочія дѣла, до собранія касающіяся, и въ исходѣ года предлагаютъ собранію выписку изъ того, что въ семъ примѣчанія достойнаго происходило; имъ же предпоручается и всякая, могущая случиться, переписка съ Академіею.

41.

Они попечительствуютъ о изданіи Академическихъ дѣяній и во время печатанія оныя справляютъ; однако дозволяется и всякому Члену просматривать корректуру своего сочиненія, буде онъ сего похочеть.

42.

Во время торжественныхъ Собраній, буде тотъ изъ Членовъ, коего сочиненія и труды признаны достойными прежде сказаннаго награжденія, за какимъ либо препятствіемъ, сочиненія своего читать не возможетъ, въ такомъ случаѣ сіе да исполнено будетъ однимъ изъ Секретарей.

43.

Секретари равнымъ образомъ имѣютъ погодно въ своемъ смотрѣніи книгохранительницу и другія достопамятныя вещи, принадлежащія Академіи. Книгамъ и вещамъ одинъ списокъ хранится въ собраніи, а другой имѣеть у себя Хранитель.

44.

Когда кто изъ Членовъ Академіи требовать будетъ отъ Секретарей видѣть какое сочиненіе, или письмо, вступившіе въ Академію, или отъ Хранителя какую либо книгу, или вещь, то они должны показывать оныя, но списывать, или срисовывать, кольми паче давать на домъ требуемое, не можетъ ни тотъ, ни другой, безъ письменнаго приказанія Предсѣдателя.

45.

При переимѣнѣ же ихъ, по прошествіи года, должны они, за общимъ подписаніемъ, подать опись всѣмъ вещамъ, Академіи принадлежащимъ, о ихъ цѣлости и состояніи.

46.

Императорской Россійской Академіи нужно имѣть искуснаго переводчика, который бы не токмо съ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, либо Французскаго языковъ могъ переводить на Рос-

сійской, но что бы былъ въ состояніи писать на Французскомъ, или Нѣмецкомъ, языкахъ.

47.

Для переписки всѣхъ, касающихся до Академіи, дѣлѣ, имѣть четырехъ писцовъ.

48.

Для храненія опредѣленной на Академію суммы и жетоновъ имѣть казны хранителя, который ведетъ и расходныя книги.

49.

На учрежденіе и содержаніе сего новаго основанія, опредѣляется въ годъ пять тысячъ рублей, жетоны же и золотую медаль, всего на тысячу рублей, имѣеть Академія получать изъ Мометнаго Департамента.

50.

Секретарямъ Академіи производить каждому по 800 рублей въ годъ, переводчику 500 руб., казны хранителю 300 руб., писцамъ каждому по 200 руб., тремъ сторожамъ по 36 руб. каждому.

51.

Домъ для собраній Академическихкихъ имѣеть быть казенный.

52.

Сей Уставъ, по разсмотрѣніи Академіей и по воспослѣдованіи Высочайшей конфирмаціи, долженъ быть напечатанъ. *

* На экземплярѣ этого Устава написано рукою Княгини Дашковой: «Для Александра Андреевича» т. е., Безбородька. Извѣстно, что утвержденный Государыней Императрицей Уставъ не похожъ на зтотъ. О. Б.

ДОКЛАДЫ

ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦЪ КОМИССИИ О УЧРЕЖДЕНІИ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ
1782, 83. И 84 ГОДОВЪ.

1.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государыни, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссийской,

Отъ Комиссіи о учрежденіи Народныхъ Училищъ

Всеподданнѣйшій докладъ.

По предписаніямъ отъ Вашего Императорскаго Величества, изображеннымъ въ Высочайшемъ Указѣ, отъ 7 сего мѣсяца, первымъ долгомъ сочла сія Комиссія поднести при семъ на Высочайшее разсмотрѣніе главный планъ къ единообразному установленію Народныхъ Училищъ въ Россійской Имперіи. Составленъ оный изъ предложеній призваннаго сюда Федора Янковича, Директора таковыхъ училищъ во владѣніи Его Величества, Императора Римскаго, кои, по разсужденію Комиссіи, могли быть приняты полезными и удобными. И если Ваше Императорское Величество удостоите утвердить сіе предначертаніе, объемлющее вообще видъ толико нужнаго и полезнаго заведенія, въ такомъ случаѣ Комиссія всеподданнѣйше проситъ Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, Высочайше указать пристуитъ нынѣ ко исполненію только того, что полагается для преподаванія наукъ, а не распространять еще на сей разъ Высочайшаго утвержденія на все то, что въ планѣ сказано о предметахъ политическихъ и хозяйственныхъ, ибо о сей части, какъ оную въ зависимость поставить отъ Правительствъ, учрежденныхъ въ Государствѣ, какія должности и на кого, для споспѣшествованія общей пользы, возложить

потребно будетъ; предоставляетъ Коммиссія, по удостовѣренію въ теченіи дѣлъ, и когда нѣсколько уже Училищъ въ новомъ ихъ учрежденіи открыты будутъ, всенижайше донести Вашему Императорскому Величеству.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшіе рабы:

Петръ Завадовскій.

Франъ Эпинусъ.

Петръ Пастуховъ.

Сентября 21 дня,
1782 г.

2.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской,

Отъ Коммисіи о учрежденіи Народныхъ Училищъ

Всеподданнѣйшій докладъ.

Со времени установленія Коммисіи о Народныхъ Училищахъ, первое стараніе ея было, чтобы, соотвѣтственно намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества, предположить нравственное воспитаніе юношества сообразно общему благу Государства, и изобрѣсть къ тому достаточные способы, которыми бы сіе важное дѣло привести въ желаемое движеніе и дать ему на будущія времена твердое основаніе. Начальный къ тому подвигъ состоялъ въ сочиненіи учебныхъ книгъ по такимъ правиламъ, которыя бы всякому роду гражданъ могли быть равно полезны.

Таковыя книги изданы уже всѣ, къ первымъ двумъ классамъ Народныхъ Училищъ принадлежація; что же касается до нужныхъ для третьяго и четвертаго, то хотя и сія также оканчиваются, однако жъ за ними нельзя нѣсколько не промедлить, по тому что до высшихъ наукъ касающіяся, какъ то особливо

Физика, соединенная съ нею Исторія Натуральная, Исторія и Географія, требуютъ строгаго просмотрѣнія, провѣрки и исправности.

Между сими приуготовленіями открытъ уже, по Высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, новый учебный способъ въ заведенныхъ въ столицѣ Народныхъ Училищахъ, изъ первыхъ двухъ классовъ состоящихъ, и по отлѣнному раченію Директора оныхъ, Янковича, успѣхъ въ ученіи и во умноженіи учащихся примѣтнымъ образомъ возрастаетъ. Но сіе не больше есть, какъ только единные начатки дѣла, сколь по себѣ пространнаго, такъ и важнаго.

Въ семь видѣ Коммиссія, распространяя распоряженія свои на третій и четвертый классъ, старалася въ началѣ о приисканіи способныхъ учителей, которые бы науки свои знали твердо, выписывала для того изъ разныхъ Духовныхъ Семинарій молодыхъ, тамо обучавшихся, людей, и здѣсь приискивала всевозможнымъ образомъ, мня изъ большаго числа лучшей сдѣлать выборъ; успѣхъ, однако жъ, въ томъ меньшій оказался, нежели какого ожидать могла Коммиссія. Ибо присланные изъ Семинаріи не имѣютъ потребныхъ для третьяго и четвертаго класса знаній, и Коммиссія еще больше свѣдомъ сталъ сей недостатокъ при избраніи учителей для Дѣвичья монастыря, которыхъ съ большимъ стараніемъ едва можно было найти; ибо ежели суть люди къ тому способные, то они несутъ должности, отъ которыхъ ихъ взять неудобно, а другіе лишь успѣютъ въ Словесныхъ наукахъ, ищутъ и помѣщаются большею частію въ гражданской, выгоднѣйшей для нихъ, службѣ. И такъ одними пособіями, каковы нынѣ чрезъ прилежность и труды Директора школъ, Янковича, происходятъ, и кои отъ другихъ мѣстъ могла Коммиссія заимствовать, нѣтъ и не будетъ возможности Народныя Училища воздвигнуть въ полной мѣрѣ; поелику (какъ выше упомянуто), хотя теперь всѣ почти учебныя книги и для высокихъ классовъ приходятъ переводомъ и сочиненіемъ къ окончанію, слѣдственно, образъ, какъ преподавать науки, уготованъ, но кѣмъ сіе производить, таковыхъ людей потребно много, находятъ же ихъ трудно, а одно безъ другаго не можетъ взять прямаго теченія. Недостатокъ сей въ способ-

ныхъ и искусныхъ учителяхъ, чѣмъ далѣе, больше встрѣчаться будетъ, какъ видимымъ образомъ, по симъ причинамъ, степень учительскаго состоянія часть отъ часу упадаетъ.

Для отвращенія такъ важныхъ въ начатомъ дѣлѣ препятствій, принимаетъ Комиссія смѣлость просить Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше о дозволеніи завести напередъ Главное Народное Училище, которое бы служило всѣмъ прочимъ образцомъ и въ коемъ обучившіеся могли бы быть потомъ употреблены для заведенія другихъ, оному подобныхъ. Въ необходимость Комиссія представляетъ Вашему Императорскому Величеству, сверхъ вышепоказанныхъ причинъ, еще слѣдующія:

Какъ Главное Училище должно быть мѣрою всѣхъ прочихъ училищъ, то прежде всего сію самую мѣру опредѣлить нужно и всѣ части ея надлежащимъ образомъ расположить, дабы она въ образецъ другимъ училищамъ служила. Ибо всѣ таковы, со временемъ будущія въ частяхъ Государства училища, должны быть одно другому сообразны. И такъ, когда въ Главномъ Училищѣ одинакія учебныя книги и предметы, въ извѣстномъ и опредѣленномъ содержаніи, преподаваемы быть должны, слѣдуетъ изъ того, что и приготавливающимся въ учительскія должности необходимо нужно, прежде нежели они къ званію своему приступятъ, пройти теченіе всѣхъ наукъ по опредѣленнымъ книгамъ и опредѣленнымъ способомъ ученія, дабы впредь по тому же и такимъ же образомъ могли обучать другихъ.

При Главномъ Училищѣ можно видѣть и научиться, сверхъ того, внутреннему порядку политическаго и экономическаго правленія, какъ то должностямъ: Директора, Надзирателя, образу сочиненія таблицъ, списковъ, извѣстій и прочаго порядку книгопечатанія и другихъ экономическихъ частей, что все, для соблюденія цѣлости, связи и единообразія будущихъ училищъ, учителямъ знать должно; а по тому прежде всего быть надобно Главному Училищу, въ которомъ бы учителя могли на дѣлѣ видѣть все то, что до должностей ихъ касаться можетъ, дабы, сообразно тому, поступать, какъ при вступленіи своемъ въ должность, такъ и при учрежденіи прочихъ Главныхъ Училищъ по Намѣстничествамъ всея Россійскія Имперіи, понеже на таковыхъ искусив-

шихся и расположенія Главнаго Училища видѣвшихъ людей можно будетъ всегда надежнѣе положиться, при заведеніи новыхъ училищъ.

Не меньше важною и весьма побудительною, для постановленія сего Главнаго Народнаго Училища, причиною есть еще и то, что всѣ доселѣ прибывшіе Семинаристы и Студенты, будучи здѣсь наставляемы въ способъ только преподаванія ученія для первыхъ двухъ классовъ, а не имѣющіе достаточнаго въ наукахъ знанія, не имѣютъ гдѣ оное приобрѣсть, дабы способными сдѣлаться учителями для третьяго и четвертаго класса, въ Главномъ же Училищѣ съ пользою могли бы они быть наставляемы не токмо въ образѣ преподаванія, но и въ самыхъ тѣхъ наукахъ, которыхъ они не знаютъ.

Для сихъ причинъ судить Комиссія быть единымъ средствомъ и кромѣ котораго нѣтъ другого къ установленію Народныхъ Училищъ, чтобы основать здѣсь, во первыхъ, Главное Народное Училище, по поднесенному отъ Комиссіи Вашему Императорскому Величеству прежде сего плану, при которомъ бы, сверхъ вольно обучающихся, обучать и содержать на казенномъ иждивеніи не меньше ста человекъ для должностей учительскихъ, набирая оныхъ изъ Духовныхъ Семинарій, изъ школъ воинскихъ командъ и изъ добровольно къ тому пожелающихъ, наставляя ихъ не токмо во всѣхъ, въ Главномъ Училищѣ преподаваемыхъ, наукахъ и введенномъ способѣ ученія, но и во всемъ томъ, что до званія, поведенія и свойствъ добраго учителя касается, дабы симъ образомъ, получивъ хорошихъ и основательныхъ учителей, дать самому заведенію твердое и надежное основаніе. А дабы Комиссія могла тѣмъ благонадежнѣе положиться на употребленіе сихъ людей, то не дозволить ни какому мѣсту принимать ихъ въ другую службу безъ увольненія отъ Комиссіи. Симъ образомъ надѣяться можно въ два, или въ три, года завести въ Государствѣ не малое число другихъ Главныхъ Училищъ, отъ которыхъ потомъ распространеніе сіе будетъ годъ отъ года примѣтно умножаться.

Но какъ для сего Главнаго Училища потребны въ высшихъ классахъ довольно искусные люди, какъ то: въ Исторіи, Геогра-

Фіи, Физикѣ, Исторіи Натуральной, Архитектурѣ, Механикѣ и Геометріи, каковыхъ сыскать съ воли весьма трудно, то въ томъ разумѣніи, что дѣлу сему помогать должно общимъ трудомъ, да повелите, Всемилостивѣйшая Государыня, на первый случай употребить къ тому изъ Русскихъ Учителей, или Профессоровъ здѣшней Академіи Наукъ, или Университета Московскаго, хотя, впрочемъ, Комиссія и не упуститъ стараться о присканіи и другихъ, на что, однако жъ, не можетъ положить совершенной благонадежности.

На содержаніе же сихъ учащихся для должностей учительскихъ, Комиссія испрашиваетъ нынѣ сумму десяти тысячъ рублей, о издержаніи которой поднесетъ Вашему Императорскому Величеству въ свое время вѣрный отчетъ.

А дабы приуготовиться и начать все сіе благовременно, то не угодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, пока, въ первой части города, за сходную цѣну купленъ быть можетъ способный для Главнаго Народнаго Училища домъ, указать отдалъ подъ оное часть зданія упраздненныхъ Коллегій на Васильевскомъ острову?

Комиссія повергаетъ все сіе Высочайшему благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, имѣя смѣлость ожидать, что Вы, Всемилостивѣйшая Государыня, призрите Высочайшею милостью на дѣло всенароднаго пользы, и пребывая въ томъ удостовѣреніи, что введеніе дѣятельнымъ образомъ благонравія и наукъ для цѣлаго народа великой Имперіи, возвысится своими плодами, и не меньше прочихъ благотвореній Вашихъ для Россіи, приложитъ новое безсмертіе имени первой зиждительницы того.

Петръ Заводовскій.

Францъ Эпинусъ.

Петръ Эпинусъ.

1783 г., Іюня дня.

ДОПРОСЫ

КОСТЮШКЪ, НЬМЦЕВИЧУ И ПРОЧИМЪ И ИХЪ ПОКАЗАНИЯ.

15.

ОТВѢТЫ ВАВРЖЕЦКАГО. *

Почитая за долгъ написать все то, что мнѣ извѣстно о революціи Польской и о личной моей къ ней принадлежности, по самой справедливости, со всѣми обстоятельствами, изъясняю нижеслѣдующее:

По удаленіи знатнѣйшихъ персонъ отъ Конфедераціи Торговицкой, многочисленныя ея санцыты, касающіяся даже до интересовъ частныхъ людей, едва не всякой фамиліи, произвели общее неудовольствіе, которое, послѣ сейма Гродненскаго и послѣ раздѣла Провинцій Польскихъ, перемѣнилось во всеобщую печаль. Въ остаткѣ Польши, отъ правленія не видя истиннаго утѣшенія, а напротивъ, каждый обыватель, чувствуя, что начальство онаго предоставлено въ руки нѣкоторыхъ людей недоброхотныхъ и не имѣющихъ народной довѣренности, были всѣ вообще тѣмъ паче въ неудовольствіи и въ жалобахъ, что и по потерѣ Провинцій, безъ трактату Коммерческаго, несчастная осталая часть Польши брошена на жертву и угнетеніе пронырства Прусскаго, дѣйствіемъ котораго тотчасъ соль возвышена въ по-

* Съ этихъ отвѣтовъ и слѣдующихъ до самаго конца прилагается современный переводъ, такъ какъ Французскій подлинникъ не имѣется теперь у насъ подъ руками. О. Б.

луторную цѣну, товары Польскіе всѣ понижены, а Прусскіе и пошлина знатно подняты были. Каждый обыватель, все сіе чувствуя, еще терпѣлъ переиѣну справедливости; генеральное размежеваніе приостановлено и удалены права, общій кредитъ удерживающія; словомъ, уничтожены добрыя дѣйствія уставовъ Сейма четырехлѣтняго, въ которыхъ надѣялись вкушать сладость спокойствія внутренняго и домашняго. Безъ изыятія всѣ обыватели, послѣ Сейма Гродненскаго, не чувствовали ни публичнаго благополучія, ни приватнаго, снося его дѣйствія, и на все то, что его окружало, крайне роптали и желали революціи; но ни какого къ ней основанія не было въ Литвѣ. Когда я былъ въ Вильнѣ, въ послѣднихъ числахъ Февраля, Инженеръ - Полковникъ, а послѣ Генералъ, Г. Ясинскій, прибывши изъ Варшавы, сказали мнѣ и многимъ другимъ, что революція будетъ въ Великой Польшѣ, которую и въ Литвѣ начать нужно, и что онъ дѣлать будетъ ее въ войскѣ, и оно сдѣлаетъ. Зная, что онъ человекъ горячій, приписывалъ это я его живости. Между тѣмъ протекалъ Мартъ мѣсяць, а ни какого возмущенія не оказывалось и можетъ быть, что въ Литвѣ ни чего бы не произошло, ибо ни чего устроено не было, а Ясинскій, кромѣ связи въ войскѣ съ Офицерами, мало былъ знакомъ въ Литвѣ, и самъ, бывъ отъ Короны и съ обывателями ни какого родства не имѣвши, не имѣлъ ихъ и довѣренности, тѣмъ болѣе, что знали его горячій нравъ. Но когда, по подозрѣнію, взяты Салтанъ и Радвишевскій подъ стражу, то изъ примѣру сего каждый могъ роптать на несчастіе, но революціи не дѣлалъ. Когда же распространилось извѣстіе о революціи въ Краковѣ, а послѣ и въ Варшавѣ, и нѣкоторые полки Россійскіе изъ Литвы въ Польшу выступали, и во время прохода своего наскучили обывателямъ, а при томъ взяты Ксѣндзъ Богущъ, Бржостовскій и Грабовскій, и иныхъ для взятія искали, изъ коихъ два первые, можетъ быть, равно соболѣзновали о несчастіи Польши, но навѣрно революціи не дѣлали, которая послѣ сдѣлана самимъ войскомъ, съ третьимъ же изъ числа взятыхъ я, вовсе не видался и ни чего объ немъ не знаю; то взятіе, тѣхъ персонъ навѣрное произвело сильное сожалѣніе и впечатлѣніе, растрavляющее умыслы. Когда распространился въ Литвѣ слухъ, что имѣетъ быть установлена какая-то новая связь изъ особъ, которые совѣтниками Торговичскими были, съ полно-

мочіемъ сужденія криминальнаго, то на все сіе разъярились сердца; никто, однако жъ, изъ обывателей въ заговоры на возмущеніе не входилъ и всѣ въ домахъ спокойно сидѣли. Но когда Гетманъ Косаковскій уменьшать въ то время войска началъ, и нѣсколько Офицеровъ, о коихъ, по заговору, извѣстно было, велѣлъ арестовать и судить, яко преступниковъ, общался, а артиллеріи Маіора Шпенебергера, отличко въ корпусѣ своемъ почитаемаго, изъ Вильны за карауломъ выслалъ, Полковникъ же Ясинскій, отиѣнно уважаемый и почитаемый Гетманомъ, имъ же былъ остереженъ и вызываемъ въ домъ Гетманскій, для избѣжанія аресту, то оной спасся бѣгствомъ и, ходя по полкамъ, сговаривался только съ Офицерами, и безъ гражданъ революцію приготавливалъ. Между тѣмъ посланъ былъ отъ Гетмана Косаковскаго въ Шавель, для уменьшенія первой бригады, Генералъ Хлѣввинскій, который тамъ уже съ Гедройцемъ революцію началъ и Начальникомъ Литовскимъ бригадой и находящимися въ ней Офицерами былъ избранъ. Ясинскій же, спустя нѣсколько дней, съ однимъ только войскомъ начавъ оную въ Вильнѣ, на другой день соединилъ народъ и склонилъ обывателей въ дѣло возмущенія, установилъ Раду и Судъ Уголовный, и отъ Рады Начальникомъ Литовскимъ былъ наименованъ. Такимъ образомъ революція въ Литвѣ началась. Актъ революція Виленской одѣлался актомъ особливимъ отъ Краковскаго, и особую Раду и особаго Начальника для Литвы избрали. Городъ Вильна чрезъ нѣсколько дней запертъ былъ даже до того, что никто изъ города и въ городъ пропускаемъ не былъ. Всѣ обыватели попочительные любобывествовали узнать, что въ Вильнѣ сдѣлалось, вносили нарочныхъ. Я и самъ нѣсколькихъ посыладъ. Но всѣ возвращались, не бывши въ немъ. Наконецъ, чрезъ десять дней, Ясинскій прислалъ ко мнѣ курьера съ донесеніемъ, что я въ Раду назначенъ, и призывалъ меня въ Вильну. Обыватели еще колебались мнѣніемъ о начатомъ дѣлѣ, но когда распространилась вѣсть о пожарахъ и насиліяхъ, которые нѣкоторый Россійскій Офицеръ, ретируясь изъ подъ Вильны къ Гродну, на семъ пути чинилъ, то въ то время всѣ Воеводства и Уѣзды къ возмущенію Виленскому присоединились, и, какъ послѣ провѣдано, что около Гродна всѣ дома были разграблены, а городъ едва контрибуціею ста двадцати тысячъ злотыхъ Польскихъ отъ такого жъ несча-

стія откупился, Тизенгаузенъ же, межъ гвардіи, взять въ неволю, и никто въ домѣ спокойнымъ и безопаснымъ не былъ, то въ то время изъ Провинціи обыватели уходили въ Вильну, и тогда настоящее началось возмущеніе.

Я, будучи вызываемъ, какъ выше упомянуто, прибылъ въ Вильну и засталъ уже разсужденіе, сдѣланное Радой въ разсужденіи податей, рекрутъ и проч. и учрежденій депутацій, которыя, сколько можно, соглашались съ вольностью в обезпеченіемъ обывателей, рознились во многихъ мнѣніяхъ съ Генераломъ Ясинскимъ, который въ нѣсколько дней, купно съ депутаціею тайною, совѣтовалъ мнѣ, дабы, въ санѣ повѣреннаго отъ Рады, поѣхалъ я къ границѣ Курляндской, куда подъ мою команду обѣщалъ и корпусъ прислать, достаточный на защищеніе Жмуди и Уѣзда Упитскаго. Я тѣмъ болѣе согласился на защиту одноземцевъ, что ни въ Радѣ, ни въ Вильнѣ быть не хотѣлъ и, прибывъ къ Поневѣжу, принужденъ былъ ожидать Бригадира Сулистровскаго, котораго Ясинскій выслалъ съ семьюдесятью товарищами, со ста человѣками пѣхоты и одною трехфунтовою пушкою. Собирая при томъ волонтеровъ, таможенныхъ объѣздчиковъ, по'чему и было набрано въ скорости до трехъ сотъ конницы, возбуждалъ и собиралъ парафіи (церковные приходы), на случай нападенія командъ Россійскихъ. Ясинскій и Рада всегда обѣщали мнѣ усиливаніе корпуса, которое такъ какъ не прибывало (*wzmocnienie, które gdy się przewlekało*), то я просилъ объ увольненіи меня отъ командованія. Начальникъ Костюшко писалъ ко мнѣ, увѣдомляя, что онъ наименовалъ Раду Народною, согласно акту Краковскому, и что меня къ Департаменту безопасности (*do wydziału bezpieczeństwa*), т. е., въ Раду, назначилъ; просилъ, однако жъ, меня, дабы я не оставлялъ границу Курляндіи, покуда другой командующій на мѣсто мое присланъ не будетъ; послѣ писалъ ко мнѣ, дабы я приложилъ стараніе къ истребленію разницы, происходящей между актомъ Краковскимъ и Виленскимъ. Напоследокъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, Рада Виленская переименована въ Депутацію Центральную Литовскую, подвластную Радѣ, установленной Начальникомъ, Костюшкою, а Ясинскій и Хлѣвинскій приняли отъ того жъ Начальника патенты на чины Генералъ-Поручиковъ. Предъ сею перемѣною Рада Виленская истребовала у Ясинскаго

восемьдесятъ человекѣмъ пѣхоты и одну трехфунтовую пушку, кои мнѣ присылая, обязывала меня, дабы я старался въ Либавѣ скупить все оружіе и аммуницію, какая только тамъ быть могла. Въ слѣдствіе сего и велѣлъ я изъ Уѣзда Тельшевскаго, подъ видомъ Посполитаго рушенія, тысячи человекѣмъ выступить, которые, вошедъ въ Либаву, около 2000 ружей, порохъ, свинець и кремни забрали съ вольной и договорной цѣны, а я тотъ транспортъ въ Вильну доставить приказалъ. Между тѣмъ Начальникъ, Костюшко, прислалъ въ Литву Главнокомандующимъ Генерала Велегурскаго, который съ Депутаціею, уже новою Центральною Литовскою, обрадованный первымъ транспортомъ изъ Либавы, писалъ ко мнѣ, дабы Либаву занять и, сколько можно, въ Курляндіи дѣлать возмущеніе, обѣщая въ скорости прислать мнѣ сильную помощь. По сему я и велѣлъ Уѣзда Тельшевскаго Генералу Войткевичу, дабы съ Уѣзда своего, съ двумя тысячами человекѣмъ, выслалъ Мирбаха, имѣющаго все свое имѣніе въ Жмуди, и въ Либавѣ сдѣлалъ бы возмущеніе. Самъ же, не видя способу, по отдаленности отъ Либавы болѣе 30 миль, поддержать сего дѣла, еще послалъ подъ Либаву пѣхоты 170 и кавалеріи 100 человекѣмъ, и писалъ командующему Генералу Велегурскому, прося о присылкѣ другого командующаго на мое мѣсто, а я желалъ быть уволенъ и ѣхать къ Начальнику, Костюшкѣ, съ коимъ имѣю дружбу, пріобрѣтенную во время его возвращенія изъ Америки, и зная его хорошія качества и добродѣтель, персонально надѣялся, что онъ, безъ хорошаго основанія, не вошелъ бы въ сію революцію и не подвергъ бы сего края послѣдней крайности; при томъ надѣялся отъ него получить свѣдѣніе о фундаментѣ революціи. Но Генералъ Велегурскій, приславъ ко мнѣ 1 баталіонъ съ ружьями, а другой съ косами, 1 шестифунтовую и двѣ трехфунтовыя пушки, назначилъ къ нимъ командующимъ Генералъ-Маіора Гедройца, подчинилъ его мнѣ и написалъ ко мнѣ изъ Депутаціи Центральной наибѣдительнѣйше, обязывая, дабы я отъ того корпуса не отдался. Нѣсколько дней спустя, прислалъ онъ еще подъ мое начальство Генералъ-Маіора Несиловскаго и подтверждалъ, дабы всѣми мѣрами я старался себя удержать при Либавѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Курляндіи, и равномѣрно старался бы о транспортѣ оружія и аммуниціи изъ Швеціи, или Даниі. Когда я провѣдалъ, что детапашментъ войскъ Русскихъ отъ Бовска и Митавы имѣлъ

слѣдовать къ Либавѣ, то оставилъ въ Упитскомъ Уѣздѣ Генерала Гедройца и, отрядивши къ Либавѣ двѣсти человекъ пѣхоты и столько же съ косами, самъ, съ Генераломъ Несиловскимъ, поскакалъ къ Либавѣ, гдѣ нашедъ купеческія Аглицкія суда въ портѣ, купилъ у нихъ болѣе 10 трехфунтовыхъ и меньшихъ чугунныхъ пушекъ; на Датскихъ же и Шведскихъ судахъ не нашедши ни какго оружія и аммуниціи, увѣдомился отъ купцовъ, что всякаго рода оружіе и аммуницію, въ Даніи и Швеціи въ портъ Либавскій вывозить заказано, по чему я представлялъ Консуламъ Датскому и Шведскому несправедливость сего заказа, яко на товаръ и вольную онаго продажу. Но оба сіи Консулы объявили, что о семъ запрещеніи не свѣдуши, и что, угрожая моею просьбѣ, будутъ о семъ писать въ свои Правленія. Въ то же почти время получилъ я отъ Начальника, Костюшки, патентъ на Генераль-Поручицкой чинъ и найубѣдительнѣйшее письмо, дабы онъ принялъ и не удалялся отъ своего мѣста, а, сколько можно, удерживался бы въ Курляндіи и старался изъ Швеціи и Даніи доставлять аммуницію. Между тѣмъ временемъ деташаментъ Россійскій, состоящій въ 1500 человекъ, соединился съ 200 пѣхоты Герцога Курляндскаго и, слѣдуя границей Польской, приближался къ Либавѣ. Я выступилъ противъ онаго, но, по многихъ ошибкахъ, подъ Шкудами, не имѣя равной регулярной силы, ибо чернь уходила, не могъ защищать Либавы и, дѣлая облегченія собственному краю, отступилъ, удерживаясь, однако, въ Курляндіи. Генераль Велегурскій прислалъ къ Гедройцу 300 человекъ пѣхоты, а отъ него ко мнѣ прислалъ пѣхоты 200 и отъ себя 300 регулярной кавалеріи, съ приказаніемъ, дабы я отнять Либаву старался и, по крайнѣй мѣрѣ, удерживался непременно въ Курляндіи. Съ тѣмъ сигурсомъ пошелъ я подъ Либаву; а когда деташаментъ Россійскій удался къ Митавѣ, и я за нимъ съ своимъ слѣдовалъ, и, остановясь въ мѣстечкѣ Курляндскомъ, Шрундене, въ 8 миляхъ отъ Митавы, сообщилъ Генералу Гедройцу, дабы онъ отъ Бовска напалъ и старался соединиться со мною въ Митавѣ, самъ же поскакалъ въ Митаву для освѣдомленія, не могу ли получить транспорта съ оружіемъ и аммуниціею. Консулы Датскій и Шведскій отвѣчали мнѣ, что не имѣютъ отъ своихъ Правленій резолюціи въ разсужденіи запрещенія, и что, ежели то запрещеніе касалось только порту Либавскаго, то опасаясь, дабы

Фрегатъ, которымъ командовалъ Князь Трубецкой, судовъ купеческихъ, нагруженныхъ орудіемъ и аммуниціею, не забиралъ, и чтобы подданные Датскіе и Шведскіе не потерѣли убытка, на мѣстѣ, въ Дави, или Швеціи, покупка оныхъ, яко товару, возбранена быть не можетъ. Хотя и былъ я самовидцемъ, какъ Фрегатъ Князя Трубецкаго, подступая, сколь можно, ближе подъ Либаву, всѣ суда купеческія, приходящія въ тотъ портъ, удерживалъ, но, не имѣя другого способу получить оружія и аммуниціи, рѣшился рисковать и послать въ порты Датскіе нанятой корабль, съ представленнымъ къ оному Офицеромъ: желалъ только на кредитъ получить отъ купцовъ Либавскихъ вексель на 25,000 червонныхъ, и вручить оный посланному, а купцамъ доставить сумму, которую бы на вѣрно Депутація Центральная заплатила. Но купцы не хотѣли въ то входить, опасаясь мщенія Россійскаго надъ своимъ городомъ, хотя обезпеченіе суммы многіе на своихъ имѣніяхъ утверждали. Со всѣмъ тѣмъ таковыя билеты кредитивные я изтребовалъ бы и о нанятіи корабля старался, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Генералъ Велегурскій захворалъ, а Генералъ Хлѣвинскій, занимающій его мѣсто, увѣдомилъ меня, что Вильна взята и онъ къ Ковну ретируется, а Гедройцъ туда же слѣдуетъ. Такимъ образомъ оставленъ онъ для пересѣченія пути, когда уже всѣ войска Литовскія были за рѣкою Нѣмною, а я въ Курляндіи остался. Въ то же почти время Начальникъ, Костюшко, на мѣсто Велегурскаго прислалъ Главнокомандующимъ въ Литву Генерала Мокрановскаго. Тотъ новоприбывшій, по взятіи Вильны не вѣдая, что Хлѣвинскій съ корпусомъ Ковно оставилъ и Генералу Мейну за собой велѣлъ слѣдовать, писалъ ко мнѣ изъ Бреста, дабы я соединился съ Генераломъ Гедройцомъ и бралъ Клейпеду или Мемель, а по взятіи, чрезъ Нѣмень переправясь, соединился съ колонною Генерала Мейна, который имѣлъ повелѣніе другою стороною Нѣмана вступить въ Пруссію. Генералъ Мейнъ вовсе отказался отъ похода въ Пруссію, яко природный Прусакъ, и съ своею колонною пошелъ за Хлѣвинскимъ. Между тѣмъ оставленное Ковно занялъ Россійскій Генералъ Бениксенъ, о чемъ узнавши Мокрановскій, прислалъ мнѣ повелѣніе, чтобы предпріятіе на Мемель оставить, а выходить, какъ найскорѣе, переправляясь ниже Ковна и шествовать подъ Гродно. Генералъ Бениксенъ не могъ и Ковно удерживать и мнѣ препятствовать въ переправѣ, ибо

за Нѣмною еще часть нашихъ войскъ, кои къ Гродну слѣдовали, близко Ковна была. Генералъ Прусскій Брильнецкъ, въ нѣсколькихъ миляхъ за мною стоявшій, видно, не хотѣлъ мнѣ препятствовать въ переправѣ къ Вильнѣ. Но когда уже я переправился и, бывъ въ Мартѣ къ Гродну, проходилъ чрезъ разоренный край, то принужденъ былъ фуражировать близъ границы Прусской. И какъ Пруссаки стали уже въ то время препятствовать, то посылалъ я почти всю мою кавалерію за тѣмъ, чтобы способнѣе могъ фуражировать, что и было причиной многихъ ошибокъ съ Пруссаками, а симъ способомъ съ выгодой 20 Сентября пришелъ подъ Гродно и засталъ тамъ Генерала Мокрановскаго и все Литовское войско, въ околѣчности Гродна собранное, кромѣ корпуса въ Брестѣ, подъ командою Генерала Сѣраковскаго, который изъ войска Короннаго и Литовскаго былъ составленъ. Тамъ же получилъ извѣстіе отъ Генерала Мокрановскаго, что тотъ же корпусъ Сѣраковскаго, 6 или около 7000 составлявшій, Генераломъ Суворовымъ разбитъ совершенно. Тамъ же на завтріе послѣ сего извѣстія, уже увѣдомленный, прибылъ Начальникъ, Костюшко, осматривалъ войско и въ скорости выѣхалъ въ Варшаву, угнетенъ бывъ печалію о потерѣ корпуса Сѣраковскаго и весьма занятъ такъ, что я не могъ съ нимъ пространно и откровенно поговорить. Познавалъ, однако жъ, что онъ поддерживаніе революціи на собственныхъ силахъ только оефовываетъ. Отъ Гродна напослѣдокъ слѣдовалъ въ Подляское, въ арріергардѣ за корпусомъ Генерала Мокрановскаго. Когда мы перешли Нареву и когда Генералъ Мокрановскій остановился подъ Бѣльскомъ, а я за нимъ въ 3 миляхъ, то прислалъ онъ за мною въ ночи и показалъ мнѣ Генерала Понинскаго, увѣдомляя, что Начальникъ, Костюшко, подъ Мацѣвѣвицами, съ 11,000 хорошаго войска, разбитъ совершенно, и что самъ, съ 5 кавалеристами, спасся въ Варшаву. Послѣ этого извѣстія Мокрановскій самъ изъ Бѣльска какъ найскорѣе выступилъ и мнѣ за собою ити приказалъ, посѣщая въ Варшаву, на помощь Начальнику, ослабленному столь великими двумя потерями. Когда я возвратился отъ Мокрановскаго, то получилъ отъ Рады курьера съ повелѣніемъ, дабы какъ найскорѣе въ Варшаву прибылъ, а къ Мокрановскому также дано знать, что Начальникъ, Костюшко, взятъ въ полонъ, и что меня Рада, согласно акту Краковскому, на мѣсто его избрала, и такое же увѣдомленіе

съ повелѣніемъ публикованія во всѣ корпусы было разослажо. Отъ революціи въ Литвѣ даже до сего времени ни какого съ Радою Варшавскою не имѣлъ я сношенія, а зналъ, что она, получая отъ разныхъ корпусныхъ Начальниковъ донесенія, мною была недовольна, по тому что я ни одного разу ни о чемъ ей не доносилъ. Будучи удивленъ выборомъ ея, хотѣлъ написать, и послать курьера, что я начальства не принимаю. Но опасаясь, чтобы сіе не причлось въ неповиновеніе, и даже не навлечь бы подозрѣнія, рѣшился самъ ѣхать въ Варшаву и лично отговориться отъ чина, которымъ уже былъ обремененъ. Какъ по прибытіи подалъ Радѣ письмо, въ которомъ ссылался совершенно на неспособность выполнения обязанности, каковую на меня возлагали, и просилъ, дабы Рада приступила къ выбору иной особы, имѣющей въ себѣ таланты военные и которая бы могла снискать довѣренность отъ оставшагося еще по двухъ потеряхъ вѣйска, то Рада показала мнѣ письма почти всѣхъ начальниковъ корпусныхъ, свѣдѣтельствующія удовольствіе по сему выбору всего войска, и тамъ же на Радѣ отданы мнѣ письма отъ всѣхъ почти Генераловъ, заклинавшія, дабы не уклоняться, съ увѣреніемъ, что иному не будутъ подвластны и обѣщаютъ именемъ всего войска охотное и искреннее повиновеніе. При томъ Рада извѣстила меня, что выборъ меня удалилъ все разномысліе и разстройку между военными, которыя бы вѣрно оказались по выборѣ кого иного. Сверхъ того есть извѣстіе публики, что сей выборъ согласенъ съ ея мнѣніемъ и спокойствіемъ внутри города, которое нарушено бы было, если бъ узнали о моемъ отказѣ. Утверждаясь въ своихъ намѣреніяхъ, ссылался я на неспособность и тщетно представлялъ со слезами видимое уже и неизбѣжное несчастіе, а при томъ ихъ погрѣшностей на себя принимать и славою моею упадка революціи, а можетъ и несуществованіе отечества (zgonu ojszuznu) заключить не хочу, и напоследокъ сказалъ ясно, что Варшавы съ продолженіемъ революціи согласить не умѣю. Рада объясняла мнѣ, что несчастія, которыя я предсказывалъ, суть далеки, а опасности отъ отказа моего суть близки и неизбѣжны; ибо народъ уже на улицахъ толпится. Я, разгорячась, на сіе объявилъ, что лучше быть тѣмъ же народомъ повѣшеноу, нежели обременять себя начальствомъ; что Рада, представляющая свои распоряженія, должна владѣть и надеждой народа; что и быть

могу при избранномъ Начальникѣ, и сіе успокоить народъ должно; наконецъ, что я самъ пойду народъ увѣрять. Когда Рада отъ часу болѣе во мнѣ находила сопротивленія, затруднена моимъ отвращеніемъ и даже была тронута твердымъ отказомъ противу всякаго возбужденія (przeciwko wszelkim pobudkom), то всѣ почти Радные (Radni), слезами облившись, меня заклинали, а особливо одинъ, кажется, именемъ Гораликъ (Gogalik), выговаривалъ мнѣ со слезами, что я личное спокойствіе и праздность предпочитаю отечеству и революціи и, доканчивая сіе, упалъ въ обморокъ. Въ то время Ксѣндзъ Колонтай холодно и сухо совѣтовалъ мнѣ и поощрялъ, а Ксѣндзъ Духовскій, также въ Радѣ засѣдающій, не говорилъ ни слова. Когда все сіе не избавляло меня отъ насилія, просилъ я время до утра на размышленіе, и отступилъ отъ стола Раднаго, въ то время Радные приступали ко мнѣ по одиначкѣ и, облитые слезами, дабы принятіемъ сего чина не медлилъ, увѣдомили меня, что, будучи у Ксѣндза Колонтая въ ненависти, навѣрно сейчасъ будутъ они повѣшены, заклинали меня не такъ для собственной своей безопасности, какъ для тѣхъ обывателей, которые были подъ стражею и которые бы въ городѣ были замучены, что и самъ Король можетъ быть въ опасности, что слово: «не принялъ» будетъ сигналомъ къ революціи и страшнаго внутренняго замѣшательства. Когда все сіе я слушалъ, въ то время, предъ крыльцомъ Рады, собралась чернь, которая отзывалась: «Ежели Начальникъ не принимаетъ начальства, то у насъ революція.» Я хотѣлъ ити и говорить передъ народомъ, но Радные, пораженные симъ, окружили меня и, пока не посвятилъ себя на жертву общественному защищенію, не отступили.

Радой избранъ и публикованъ, а не вѣдаю, былъ ли назначенъ Начальникомъ Костюшкою его преемникомъ. Адьютанты его, которые по томъ при мнѣ были сказывали, что оставлено имъ было письмо при выѣздѣ изъ Варшавы, въ коемъ будто меня наименовалъ своимъ наслѣдникомъ, но не знали, у кого оставилъ. Я не видалъ сего письма и ни чего болѣе объ немъ не слыхалъ, и не было то моимъ дѣломъ о семъ допытываться. Рада сама выборъ обнародовала, ни чего объ немъ не упоминая, ни о желаніи и наименованіи Начальника Костюшки. Ненавидѣлъ я при томъ тотъ чинъ, какимъ былъ обремененъ и въ какомъ встрѣча-

лась тьма трудовъ, запрещающая изслѣдовать таковыя подробности (w którym spotykalem się s tłumem praco, nie zostawiających czasu na examinowanie tych szczegółów). Члены Рады мнѣ только сказывали, что Ксѣндзь Колонтай, имѣя тѣсную дружбу съ Генераломъ Заіончкомъ, желалъ его имѣть начальникомъ, и что, по взятіи Костюшки, сейчасъ было внесено въ Раду, дабы тотъ заступалъ его мѣсто, кому онъ при выѣздѣ изъ Варшавы поручилъ команду, а это былъ Заіончекъ. По сему предложенію Игнатій Потоцкій, или кто-то другой, представилъ меня, на что (на tą grorozycusa) Рада и согласилась большинствомъ особъ, а поддерживающіе Заіончка умолкли и на то же согласились.

Будучи чуждымъ и новымъ человѣкомъ въ Варшавѣ, желалъ прежде узнать, не имѣетъ ли наша революція какой либо подпоры заграничной, говорилъ я съ Игнатіемъ Потоцкимъ, какую имѣетъ связь, надежду и сообщеніе земля наша и правленіе революціи со стороны интересовъ заграничныхъ, бывшихъ подъ его вѣдомствомъ? на что мнѣ Игнатій Потоцкій съ истинною откровенностью отвѣчалъ, что революція Польская съ своимъ правленіемъ ни у одного Двора и нигдѣ не признана и не принята, и что Отдѣленіе интересовъ заграничныхъ, кромѣ ноть обряда (orgósz pot obrządkowych), поданныхъ въ Варшавѣ, нигдѣ не имѣетъ Министровъ и ни какихъ людей, представляющихъ ихъ, а за тѣмъ не только важныхъ депешей, но даже извѣстій не имѣетъ, которыя, въ разсужденіи окруженія Варшавы и замѣшательства на почтахъ, въ окрестности не доходятъ. Спрашивалъ я напоследокъ: не Франція ли возбудила сію революцію и не поддерживаетъ ли вспомошествованіемъ денѣгъ? И что значитъ балансированіе Австрійское, которые часть земли заняли, а отходятъ и убѣгаютъ дѣла съ нашими? отвѣчалъ мнѣ, что революція Польская ни какого сношенія съ Правленіемъ Французскимъ не имѣла и не имѣетъ, а Цесарцы стоятъ готовые для принятія части края Польскаго безъ своей потери, если бы революція была укрощена, а раздѣлъ остатка Польши состоялся. Допытывался у многихъ Радныхъ Членовъ, но всѣ мнѣ отвѣчали, что обиды Польскія были матеріялами, приготовившими революцію въ сердцахъ и умыслахъ, растравленныхъ раздѣломъ Польши, угнетеніями и несправедливостію въ остальной части. Но революція не случилась

бы такъ скоро, если бы Мадалинскій, какъ иные сказывали, убѣгая уменьшенія своей бригады, а другіе, что удаляясь смотру, не началъ; когда движеніе его распространилось, уменьшеніе войска чрезъ Гетмана Ожаровскаго поспѣшено было, арсеналь окруженъ войсками Россійскими, страхъ забранія артиллеріи и нѣкоторыхъ обывателей арестованіе имѣли поспѣшить революціею, начатою въ Краковѣ нагло и безъ основательнаго плана. Ксѣндзь же Колонтай спрашивалъ отъ меня обо всемъ, яко управляющій съ начала революціею, ропталъ на Радѹ за худое и несовершенное правленіе (по тому что хотя въ ней оного и боялись, но не имѣлъ полной власти), и на Игнатія Потоцкаго, что экспедиція дѣлъ иностранныхъ мѣшаетъ, что онъ ничего не дѣлаетъ, чтобы могло утверждать и дѣлать правой революцію Польскую за границей, словомъ на всѣ Департаменты, въ самыхъ даже неподробностяхъ усматривалъ измѣну и невѣрность революціи, и увѣдомилъ меня, что изъ Франціи не было ни чего, что Барщъ повѣренный находится въ Парижѣ, куда, по приступленіи Королевскомъ къ Конфедераціи Торговицкой, удалился, что тамъ бывши, ни малѣйшаго извѣстія не присылаетъ, или что письма его перехвачены. Наконецъ онъ, Ксѣндзь Колонтай, примолвилъ, что вѣдаетъ то изъ писемъ и газетъ публичныхъ, что правленіе Франціи не хвалитъ революцію Польскую, и что ему разныя ея учрежденія не нравятся. Спрашивалъ я его, нѣтъ ли надежды въ новыхъ Россійскихъ границахъ возмущенія? отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ ни какой, что мало кто изъ обывателей живетъ: одни взяты подъ стражу, а другіе, убѣгая того же жребія, живутъ въ Галиціи, а имѣніе ихъ секвестровано, и что совершенно о томъ никто не думаетъ. Не будучи Начальникомъ Рады, но подвластнымъ ей, согласно акту Краковскому, долженъ былъ я остановиться на семъ печальномъ освѣдомленіи, что возмущеніе наше, не подкрѣпленное и не поддерживаемое ни какимъ плечомъ, а придавленное могуществомъ силъ противныхъ, скоро упадетъ.

Рада получила извѣстіе отъ официалюста (Канцелярскаго служителя), посыланнаго въ Любельское Воеводство, который ѣздилъ въ одеждѣ купеческой для покупки хлѣба, когда просилъ у Генерала Австрійскаго Гарнонкурта о позволеніи доставки хлѣба, то не только получилъ отказъ, но имѣлъ у себя отъ Гене-

рала показанное повелѣніе и читалъ оное, въ которомъ велѣно поступать съ Поляками по непріятельски, какъ по Мацѣвицкой баталіи Австрійцы поступали подъ Радомъ.

Согласно сему положенію, я говорилъ съ Игнатіемъ Потоцкимъ откровенно, дабы выслать кого къ Графу Суворову съ просьбою о пресѣченіи дѣйствія оружія, и въ Петербургъ о мирѣ, ища способовъ достигнуть до того, чтобы Россія оставила насъ съ Прусаками. Игнатій Потоцкій, какъ меня увѣрялъ, говорилъ о томъ съ Барономъ Ашомъ и съ какимъ-то Дивовымъ, изъ коихъ одного могъ упросить, дабы поѣхалъ на паролъ въ лагерь къ Графу Суворову и дабы провѣдалъ, можно ли приносить сію просьбу и будетъ ли принято посольство? Игнатій Потоцкій на сіе былъ согласенъ, но они ѣхать не хотѣли. Между тѣмъ пока сближались войска Россійскія подъ Прагу, Прусакки стояли близко Варшавы, за Вислой, въ Вышегородѣ, при берегу Вислы, а за Бугомъ, въ Закрочимѣ и Зегржу подъ Наревой, въ Пултуску и въ Рожанѣ, во всѣхъ мѣстахъ въ маломъ количествѣ. Начальникъ Костюшко выслалъ напротивъ ихъ корпусъ изъ 6000 человекъ подъ командою Грабовскаго. На сей же сторонѣ Вислы отъ Варшавы, при рѣчкѣ Бзурѣ, стояло нѣсколько сотъ Прусаковъ, въ Каменной напротивъ Вышегорода и въ Сохачевѣ, въ знатнѣйшихъ же частяхъ, въ Ловичѣ, въ Равѣ, а въ Пётрковѣ былъ Прусской главный станъ Генерала Фаврата. На вытѣсненіе ихъ изъ Каменной и Сохачева послалъ былъ Князь Іосифъ Понятовскій съ 5000 хорошаго войска. Оба опоздали выгнать Прусаковъ, коихъ даже забрать могли, а чрезъ то дали укрѣпить тѣ мѣста. Какъ скоро я сдѣланъ Начальникомъ, то послалъ Князю Понятовскому тысячу и нѣсколько сотъ пѣхоты и кавалеріи, съ просьбою не отлагать овладѣнія Каменной и Сохачевымъ. А Юрій Грабовскій, покуда войско Россійское подъ Брокъ и Куличевъ къ Бугу придетъ, убѣгая пресѣченія отъ Варшавы и войска Польскаго, пока въ Пултуску нѣсколько сотъ стояло Прусаковъ, имѣлъ взять Пултускъ и истреблять ихъ въ Зегржѣ, въ Закрочимѣ и Вышегородѣ, и тамъ перейти Вислу и соединиться съ Княземъ Іосифомъ, или ити въ Пюцкъ, и тамъ, черезъ Вислу переправясь, удерживать комуникацію былъ долженъ. Князь Іосифъ Понятовскій обезнадеженъ, что ему не удалось атаки предъ приходомъ посланнаго

отъ меня сикурсу, и по приходѣ онаго, отлагалъ взятіе Каменной, пока Грабовскій Вышегородъ возьметъ, а Грабовскій опоздалъ и направлялъ путь свой черезъ Остроленку, Рожань, но, послѣ сближенія войскъ Россійскихъ къ Бугу, отрѣзанъ и, вмѣсто того, чтобы сблизиться къ Вислѣ и къ Плоцку влѣво, убѣгая Пруссаковъ, удалялся отъ своихъ вправо, къ старой Прусской границѣ, и тамъ между болотами встрѣтился съ корпусомъ Генерала Бри-нака и Князя Голштинскаго. Послѣ разныхъ побѣговъ, съ остаткомъ своего корпуса былъ разбитъ. Необходимо было нужно выгнать Пруссаковъ отъ Варшавы предъ приходомъ Россійскихъ войскъ, дабы они съ ними соединиться не могли и съ тылу черезъ мостъ въ Вышегородъ, а въ Зегржѣ до наведенія мостовъ, нападать и забирать наши транспорты отъ Варшавы до Новыхъ Пруссъ (часть Польши послѣдняго забранія Пруссіею), и дабы, наконецъ, войска нашего не затрудняли. И когда равномерно необходимою было на сей сторонѣ Вислы отъ Варшавы брать Каменку, Сохачевъ, Раву и Ловичъ, для открытія краю, вытѣснить Пруссаковъ, а найпаче устроить привозъ припасовъ съ кордону Прусскаго, то Князь Іосифъ и Грабовскій медлили, а по тому принужденнымъ я былъ имъ ежедневно скучать, и напослѣдокъ писалъ къ Князю Іосифу, что ежели не хочетъ тѣмъ предпріятіямъ послѣдовать, то бы сложилъ команду, на мѣсто коего назначенъ былъ Генераль-Маіоръ Гринкевичъ, который съ Домбровскимъ противу Пруссаковъ отличался. Сіе сдѣлало нѣкоторую разницу, и Князь при командѣ остался, обѣщая все выполнять, но подъ разными предлогами медлилъ.

Генералы Домбровскій, Мадалинскій, а найпаче Гринкевичъ, по отступленіи Пруссаковъ изъ подъ Варшавы, посланы были Начальникомъ, Костюшкой, съ корпусомъ, болѣе 5000 войска составлявшимъ, взяли Быдгощъ съ гарнизономъ, были на полмили отъ Торуня. Но когда Генераль Шверинъ выступилъ противу ихъ предъ Торунемъ, а найпаче когда узнали о проигранной баталіи подъ Мацѣвицами, ретировались поспѣшно подъ Гомбинъ, а оттуда перешли Бзуру и послѣ подъ Гостининомъ и подъ Пилицой, удалясь отъ Пруссаковъ, остановились. Генераль Домбровскій, пріѣхавъ въ Варшаву, занемогъ.

Австрійцы, переправясь чрезъ Вислу подъ Пулавами, въ разныхъ мѣстахъ остановились, и вездѣ препятствовали доставленію хлѣба въ Варшаву и подвигались слегка внутрь. Потребно мнѣ сколько можно было обезпечить берегъ Вислы, дабы корпусъ какой ни будь Россійскій не переправился, и чтобы очистить берегъ одинъ отъ Австрійцевъ, послалъ Бригадира Вышковскаго, который съ Бригадиромъ Язвинскимъ, подъ Новымъ Дворомъ и Гурой стоявшимъ, на обсервацію Вислы отъ Варшавы до Пулавъ, съ 3000 человекъ. Въ Сандомирское же и въ Радомское послалъ 700 кавалеріи при Маіорѣ Либерацкомъ, велѣвъ атаковать, забирать и выгонять вездѣ Австрійцевъ и обезпечивать доставленіе провіанту. Начались малыя сшибки подъ одной деревней (которой названія не упомяну). Австрійцы съ малымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ десятковъ человекъ, малую нашу команду сами атаковать начали и, по потерѣ нѣсколькихъ человекъ съ обѣихъ сторонъ и по сближеніи нашихъ командъ, возвратились къ Пулавамъ, на ту сторону. Симъ способомъ въ пустыя магазейны водой и сухимъ путемъ въ Варшаву доставлено нѣсколько хлѣба, а скота очень много.

Сими распоряженіями слабую Варшаву и Прагу еще болѣе я обезсилилъ. Варшаву же защищала часть тѣхъ только войскъ, которыя подъ Брестомъ и подъ Мацѣвицами погибли, да оборонялъ корпусъ Князя Юсифа, Домбровскаго и Мадалинскаго, равномѣрно и тотъ корпусъ, который къ Вислѣ высланъ. Не осталось, кромѣ великаго числа Генераловъ и неисчетнаго Офицеровъ новыхъ и многихъ номеровъ новыхъ полковъ, въ которыхъ войска не было. Тѣмъ временемъ, когда Начальникъ, Костюшко, окопы въ Прагѣ началъ, батареи самъ начерталъ, то я кончить оныя былъ принужденъ. Пространность ихъ была на великую мило и составляла почти столько окоповъ, сколько въ окружности Варшавы за Вислой. Видя неспособность доставить сильное и достаточное имъ вооруженіе, а за тѣмъ и удерживаніе Праги, разсуждалъ я о томъ съ нѣкоторыми Радными Членами, а наипаче съ Ксѣндзомъ Колонтаемъ, что Прага погубитъ Варшаву, а почти запертая ретирада чрезъ Вислу погубитъ не малое количество войска, которое тамъ будетъ, и всю артиллерію, а по тому и совѣтовалъ съ ними, дабы Прагу оставить, усилить кор-

пусть, препятствующій переправѣ чрезъ Вислу и, пока ни какого Россійскаго войска переправленнаго нѣтъ, укрѣпить берега Варшавы большого калибра артиллеріею, для соотвѣтствованія канонадѣ, или велѣтъ Магистрату трактовать о капитуляціи, когда Россіяне овладѣютъ Прагою, а тѣмъ временемъ вывезть все изъ Варшавы и выйти съ остаткомъ войска и тѣми, которые боятся въ ней остаться, въ Великую Польшу, просить Короля, чтобы также ѣхать, и Раду, дабы туда же перешла, оставивъ кого для переговоровъ въ Варшавѣ. На что отвѣчали мнѣ, что великое было бы нечеловѣчество оставлять городъ на мщеніе и примѣръ строгости, наказующій за подъятую въ немъ революцію, и за упрямое прилежаніе къ защитѣ во время атаки, что сей городъ доставитъ на защиту Праги 20 тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ оружіемъ и отчаяніемъ, что не можно скоропостижно оставить литейный и пороховые заводы и прочія распоряженія, которыя удерживали революцію, что выпеся ее вовсе изъ Польши, изъ столицы, стало, выставлять себя на презрѣніе и упадокъ, Прагу же удерживать необходимо нужно, ибо безъ нея строеніе города было бы разрушено. Когда сіи и многія другія причины удерживали такъ важныя предпріятія, носился слухъ по городу, что я оставляю Варшаву; по чему, избѣгая волненія, уничтожалъ я сіи вѣсти и спрашивающихъ съ печалію увѣрялъ, что вовсе изъ Варшавы выходить не думалъ.

Генералъ Мокрановскій прибылъ съ войскомъ Литовскимъ, потерявъ изъ отряженнаго корпуса въ сторону подъ Кобылку до 1500 человѣкъ и пушки. Собралъ я изъ за Вислы изъ всѣхъ мѣстъ около Варшавы на Прагу войско; не могъ же на Прагѣ оставить всего пришедшаго войска изъ Литвы, ибо прунужденъ былъ Генерала Гедройца съ корпусомъ болѣе 5000 выслать, дабы соединился съ Домбровскимъ и тѣмъ скорѣе овладѣлъ Равой и Ловичемъ. Пока его выправилъ, будучи въ отчаянномъ положеніи, узналъ, что корпусъ Генерала Дерфельдена стоитъ отдѣленнымъ отъ Генерала Суворова, верстахъ (какъ меня увѣдомляли) въ десяти, имѣющій болѣе 10 тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ болѣе рекрутъ. Хотѣлъ я изъ города собрать до 10 тысячъ вооруженныхъ и рѣшиться напасть на Генерала Суворова, и на тотъ конецъ удержалъ Г. Гедройца въ окопахъ. Генералъ Мокрановскій,

Заюнчекъ и Ясинскій отсовѣтовали мнѣ сіе намѣреніе, объясняя, что солдаты изнурены походами, голодомъ и обезкуражены, и въ кавалеріи лошади обезсилены; что и мѣсто въ Кобылѣ не позволяетъ; что граждане могутъ съ отчаяніемъ защищаться въ окопахъ и быть примѣромъ солдатамъ и защитѣ, въ полѣ же сдѣлаютъ замѣшательство и, спасаясь бѣгствомъ, въ нашихъ же волчьихъ ямахъ пропадутъ. Наконецъ выслалъ я Гедройца, а на Прагѣ осталось не болѣе отъ девяти до десяти тысячъ человекъ, въ числѣ коихъ едва до 4 тысячъ было регулярныхъ, а послѣдніе рекруты и болѣе съ косами. Желая раздѣлить на Прагѣ команду, половинную часть отдавалъ Г. Мокрановскому, но тотъ, равно думая со мной о худыхъ успѣхахъ въ защищеніи Праги, не принялъ, обѣщая при мнѣ быть неотступно.

Пребывая подъ такою тяжестію, имѣвъ намѣреніе къ отступленію изъ Праги и благовременно представляя ея опасность, послалъ я письменное увѣдомленіе къ Президенту города, дабы Магистратъ извѣстилъ жителей, чтобы выходили и вывозили все свое имѣніе за Вислу изъ Праги. Будучи такими угрожаемъ положеніями, получилъ извѣстіе, что въ городѣ говорятъ съ неудовольствіемъ о томъ, что ни чего не знаютъ, что я дѣлаю, и что начальникъ есть Диктатура арбитральная. Написалъ въ Радѣ, дабы она чернь удерживала въ спокойствіи, а ко мнѣ представила Депутацию или Радѣ военную, наименовалъ въ оную изъ служащихъ въ войскѣ, какъ-то: Генерала Заюнчка, Мокрановскаго и Варшавскаго Коменданта Орловскаго. За всѣмъ тѣмъ Ксѣндзъ Колонтай, будучи занятъ своимъ полномочіемъ (*zajęty wszechmocnością swoją*), не былъ доволенъ ни мной, ни Радой. Подкупленные имъ возмущали народъ, а самъ на сдѣланіе себя могущественнѣе въ Радѣ, предложилъ какой-то проектъ о присоединеніи къ оной трехъ Департаментовъ, т. е., для помѣщенія въ оной новыхъ персонъ и для отобранія дѣлъ и рѣшеній отъ Членовъ или застемпцовъ. Сообщенъ мнѣ тотъ проектъ, котораго не имѣя времени читать и разбирать, поѣхалъ къ Ксѣндзу Колонтаю съ просьбою, дабы ни какихъ новостей не вводилъ, и объяснялъ ему, что ихъ не позволю; онъ обѣщалъ мнѣ сіе отъ Радѣ удалить, а тѣмъ временемъ установилъ клубъ изъ 20 особъ, болѣе мѣщанскихъ, въ который вошли Генералъ Ясинскій и 2 бра-

та Заюнчковъ, подъ названіемъ: «Сборнище для удержанія революціи и акту Краковскаго» (Zgromadzenie na utrzymanie Rewolucyi i aktu Krakowskiego). Я того жъ вечера провѣдалъ о семъ клубѣ и Г. Ясинскому далъ разумѣть, что я о томъ знаю. Онъ и признался предо мной, что туда насильно заведенъ, по чему я его не медля изъ Варшавы на Прагу выслалъ. Ксѣндъ Колонтай на другой день поддерживалъ въ Радѣ свой проектъ о приумноженіи 3 Департаментовъ. Не могъ я самъ ѣхать и препятствовать, по тому написалъ къ нему письмо, что ежели онъ сіи перемѣны считалъ нужными, то выѣлъ время сдѣлать при бывшемъ прежде меня Начальникѣ, но я не хочу допустить ни одной перемѣны, хотя и не вредной, для того, чтобы примѣръ ихъ не породилъ приключеній неприятныхъ; что желая удержать все на ногѣ, какъ было за прежде бывшимъ передъ мной, совѣтую ему, дабы предалъ забвенію свой проектъ и дабы заперъ открытый клубъ, коего добродѣтельный мой предмѣстникъ никогда отпирать не позволялъ. Въ вечеру, возвращаясь изъ Праги, зашелъ я къ нему и выговорилъ о его поступкѣ; онъ объяснялся предо мной, что особенныхъ правилъ нѣтъ, что ни чего Французскаго ни вводитъ, ни удерживаетъ, а ежели вошелъ въ клубъ, то уже въ готовый и учрежденный на удерживаніе акту Краковскаго и бывъ увѣдомленъ, что я объ немъ знаю, что оный и проектъ свой оставитъ, остерегая, однако жъ, меня, чтобы отзыву къ жителямъ Варшавскимъ не писалъ и выслушалъ депутацію, когда будетъ прислана отъ тѣхъ же обывателей, жалящихся на правленіе, Раду и нѣкоторые Департаменты, а именно касательно провіанта. Я отвѣчалъ ему, что не буду имѣть коммуникаціи съ народомъ, какъ чрезъ Президента города и Магистрата, ни какой депутаціи не приму и не совѣтую никому устроить подобныя приключенія, ниже представлять таковыя депутаціи. На другой день говорили мнѣ, что имѣетъ быть объявлено равенство, а по полудни увѣдомили меня, что чернь собирается близъ Дворца, около монумента Зигмунта, по чему я поспекалъ туда верхомъ, нашелъ нѣсколько десятковъ человекъ собравшихъ и велѣлъ имъ разойтись, которые меня и послушали.

Корпусъ Россійскій пришелъ подъ Прагу рекогносцировать. Я желалъ въ то время изъ города получить до 10 тысячъ человекъ

вооруженныхъ, но не пришло болѣе 2,000. Земляная работа тогда на лѣвомъ флангѣ въ первой линіи рва продолжалась, вездѣ почти работано еще и батареи многія были не отдѣланы, а вторая линія рва не начата. Видя корпусъ пришедшій не великой, а своихъ людей имѣя въ готовности къ выступленію изъ закоповъ, послалъ двухъ Офицеровъ на Кобыльской трактъ, для провѣдыванія и предлагалъ препятствовать рекогносцированію, но остановили меня Генералы, сказывая, что близко въ лѣсу должно имѣться войска больше, и что перестать надобно на пушечныхъ выстрѣлахъ. 2-го Ноября войско Россійское построило батарею, которую назавтра и оставило. 3-го Ноября послалъ я требованіе къ Президенту города, дабы ночью изъ Варшавы на Прагу послалъ тысячь до осьми человекъ вооруженныхъ, по тому что никогда не хотѣли въ окопахъ ночевать, дома для нихъ были пригволены. Президентъ и тысячники трудились, сколько можно, по кварталамъ, но безуспѣшно, едва нѣсколько сотъ человекъ выслали. Я посылаю и Офицеровъ, но ни чего не помогло, ибо народъ былъ отовсюду отвращаемъ отъ охоты къ защитѣ. Вышедъ изъ терпѣнія такимъ непослушаніемъ и ожидая до 2 часу по полуночи, рѣшился выйти изъ Праги, разломать мостъ и старался обезпечить артиллерію. Сдѣлавъ сіе, написалъ въ Раду причины сего поступка и дабы приказала Магистрату просить о капитуляціи. А между онымъ временемъ, покуда бы сіе исполнилось и мостъ будетъ построенъ, просить Короля и Раду выйти въ Пруссію; написавъ къ тому всѣ распоряженія, велѣлъ, подъ разными предлогами, приготавливать недостатокъ лошадей подъ пушки и ящики, бывшіе на Прагѣ, хотя штурмъ и не былъ ожидаемъ по увѣдомленію прежде 6 Ноября. Сомнѣваясь, однако жъ, въ ту ночь, въ 4-мъ часу по полуночи, поѣхали на Прагу, въ квартиру Генерала Заюнчка, желая его убѣдить и пригласить къ тому замыслу и тотчасъ привести все дѣйствіе, спрашивалъ его объ осторожности въ окопахъ. Но онъ представилъ мнѣ своего Адъютанта, который предъ симъ посыланъ былъ для освѣдомленія и теперь лишь возвратился: сей увѣрялъ меня, что нашелъ пикеты и всѣхъ часовыхъ на своемъ мѣстѣ осторожными, что рунды ходятъ, и что всякая осторожность въ высшей степени. Въ разговорѣ я представлялъ ему, Заюнчку, опасность Праги. Онъ меня утѣшалъ и говорилъ, что можетъ Богъ дать, что Россіяне найдутъ здѣсь

гробъ. Въ то время, когда я все уже приуговлялъ, не болѣе, какъ черезъ часъ послѣ моего прїѣзду, услышали пушечные выстрѣлы. Заюнчекъ, вскочивъ на лошадь, побѣжалъ къ батареямъ на правый флангъ, а я на лѣвый. На бѣгу услышавъ ружейный бѣглый огонь, послалъ по кавалерію, дабы собиралась между батареями и вышла на открытое мѣсто. Самъ же, сближаясь къ батареямъ, встрѣтилъ солдатъ кучами и седьмой Литовскій полкъ бѣгущими, которые, по первомъ выстрѣлѣ съ батареей уходили, остановилъ ихъ, выговоривалъ бывшему съ ними Маіору Суходольцу и велѣлъ ити на помощь пятому Литовскому полку, защищавшемуся въ своей батарее мужественно. Проѣзжая далѣе, встрѣтилъ полкъ четвертый: остановилъ его, велѣлъ Генералу Мейну привести въ порядокъ и возвратить. Самъ же побѣжалъ на площадь, желая употребить кавалерію противу тѣхъ, кои уже чрезъ окопы внутрь вошли, но оной тамъ не засталъ, кромѣ нѣсколько человѣкъ, изъ коихъ одинъ сказалъ мнѣ, что батарея Заюнчика мало защищались, что онъ самъ раненъ въ брюхо и уже давно уѣхалъ въ Варшаву, и что Россіине, кромѣ тѣхъ, кои внутри окоповъ были, многіе бѣжали берегомъ Вислы для овладѣнія мостомъ. Возвращаясь наконецъ къ Генералу Мейну, навстрѣчу седьмой полкъ, уходящій въ безпорядкѣ и разсыпанной, часть малая кавалеріи и пѣхоты перешла чрезъ мостъ. Генералъ Мейнъ могъ также перейти съ своими людьми, но какимъ-то случаемъ миновалъ улицу, ведущую къ мосту, я же, по среди выстрѣловъ ружейныхъ и огня, спасся къ концу моста отъ Праги съ однимъ Офицеромъ и двумя жителями, изъ Праги спасавшимися. Но когда на сей сторонѣ не засталъ ни караулу, ни одного человѣка, защищающаго мостъ, и когда увидѣлъ, что на той сторонѣ мосту отъ Варшавы никого нѣтъ, а егеря Россійскіе уже входили на мостъ, изъ коихъ четверо стрѣляли, пораженъ былъ таковымъ зрѣлищемъ и думалъ, что въ то же время и Варшава взята будетъ. Противъ воли моей Офицеръ съ двумя солдатами ссадили меня съ лошади: указывая на той сторонѣ моста стоящую пушку, они обнадеживали, что людей тамъ застанемъ, а для лучшей безопасности мостъ испортимъ. Прибывъ на другую сторону моста, встрѣтилъ я двухъ Адъютантовъ, ко мнѣ бѣгущихъ, а караулъ, при мостѣ бывшій, нашелъ въ трехъ домахъ спрятавшимся, вытаскалъ ихъ изъ оныхъ и нашедъ канонера, велѣлъ ему

стрѣлять изъ пушки. Между тѣмъ посланный отъ меня привезъ двѣ пушки, съ принадлежащими къ нимъ снарядами, но безъ зажигательныхъ трубокъ. И такъ важнѣйшимъ было дѣломъ, какъ найскорѣе мостъ испортить, ибо другой, съ помощію собранныхъ людей, уже былъ испорченъ, а по тому и послалъ караульныхъ солдатъ съ топорами, дабы перерубили канаты и сколько можно мостъ портили. Но когда съ другой стороны ядрами двухъ чело-вѣкъ и подъ моими Адъютантами двухъ лошадей убили, а посланные съ топорами назадъ уходили, то принужденъ былъ самъ съ топоромъ ихъ вести. Въ 8-мъ часу, однако жъ, прибыло нѣсколько Офицеровъ и солдатъ, канонеры нашлись и изъ пушекъ большаго калибра начали стрѣлять. Канонада между Прагою и Варшавою продолжалась часу до одиннадцатаго, обыватели городскіе сидѣли по домамъ, а я нѣсколько разъ пробѣгалъ улицы и приказывалъ, чтобъ показались на берегу съ оружіемъ, и едва тысячъ до трехъ собралось. Самъ въ 11-мъ часу домой прѣхавъ, засталъ у себя Раду, которая, по взятіи Праги, при засѣданіи совершенное уполномочиваніе мнѣ написала. Ксѣндза Колонтая уже не засталъ я, ибо коль скоро Прагу взяли, то онъ ушелъ. Рада послала по казну, и сколько ея отдано въ казну главную, есть въ реестрахъ, для свидѣтельствованія коей посланъ былъ таможенный Директоръ. Заіончекъ нашелъ болѣе 6,000 червонцевъ, отдалъ нѣсколькимъ Офицерамъ, изъ числа коихъ нѣкоторые не отдали и скрылись. Обыватели, содержавшіеся подъ караулами, тотчасъ были выпущены. Стараясь о спокойствіи города, послалъ я за Генераломъ Гедройцомъ, чтобы онъ не дожидалъ подъ Равой Генерала Домбровскаго, а прибылъ бы въ Варшаву и остановился подъ Мокотовымъ. Генеральный Казначей Краузъ съ своей казною выѣхалъ въ корпусъ Князя Юсефа. Рада архиву свою выслала, я же, предвидя разсыпаніе войска, писалъ тотчасъ къ его Величеству, Королю, дабы съ тѣмъ же войскамъ ѣхать изволялъ. Въ сіе время предстала депутація къ Королю, Радѣ и ко мнѣ, дабы городъ ихъ сберечь и не предавать на ищеніе и разореніе чрезъ оборону. Въ сіе же время пополудни началась канонада. Я велѣлъ мостъ съ нашей стороны зажечь, что и отъ Праги сдѣлано. Отступило войско Россійское отъ мосту, канонада кончилась и ночью 4-го Ноября было спокойно. Потоцкій упросилъ Бароновъ Ажа и Билера, дабы какъ

другіе, такъ и они, къ Генералу Суворову поѣхали. Князь Юсифъ, какъ скоро узналъ, что Прага взята, въ Варшаву прибылъ. Генералъ Заіончекъ доноситъ мнѣ, что, будучи раненъ и пуля еще не вынута, предвидитъ опасность въ Варшавѣ лѣчиться и хочетъ для излѣченія ѣхать въ Галицію. Я послалъ ему 1,000 червонцевъ и паспортъ. Нѣкоторые Офицеры и обыватели изъ Варшавы выѣзжали. На другой же день, т. е., 5-го числа по утру, получалъ я письмо отъ Ксеіндза Колонтая, въ которомъ увѣдомлялъ меня, что онъ, боясь, дабы не былъ выданъ, ушелъ изъ Варшавы въ Козеницы. Имѣя разныя донесенія, будто бы онъ вывезъ знатныя деньги и драгоценныя вещи, которыя обыватели начальнику Костюшкѣ въ жертву отдавали, на письмо его я не отвѣчалъ, ожидая извѣстія отъ Генерала Мадалинскаго, который, въ 4 день Ноября, по полудни, поѣхалъ съ повелѣніемъ его нагнать и удержать. Но Мадалинскій, нагнавши на дорогѣ главную казну, послалъ двухъ Офицеровъ съ 200 кавалеріи въ Козеницы для взятія Колонтая, кой, по прибытіи въ Козеницы, ему о семъ открыли, а онъ и ушелъ, и какъ послѣ я слышалъ, въ Галицію гдѣ-то пойманъ, а Генералъ Мадалинскій взялъ изъ главной казны подъ свое вѣдомство 7,000 червонцевъ и 70,000 злотыхъ Польскихъ. 5 Ноября Рада опредѣлила Магнетрату выслать депутацію къ Граду Суворову съ объявленіемъ капитуляціи. Король призвалъ меня и Раду во Дворецъ, куда пришли и Генералы: Князь Юсифъ Понятовскій, Павелъ Грабовскій и Мокрановскій, изъ коихъ послѣдній, именемъ Генерала и войска, объявилъ Королю и Начальнику повинное, а Радѣ, по многихъ упрекахъ, отказалъ. Король сказывалъ мнѣ, что Графъ Суворовъ захочетъ обезоружить войско и многократно мнѣ напоминалъ оставить оружіе. Я отвѣчивался предъ Королемъ и объяснялъ, что останеся 20,000 войска и болѣе 100 пушекъ, которые, ежели не могутъ удержать революціи и спасти Отечество, то, по крайпей мѣрѣ, могутъ послужить защитою спасающемуся народу и обывателямъ, коихъ сія революція сдѣлала несчастливыми, и сдѣлаютъ какое ни будь общее обезпеченіе, или пропадутъ со славою. Столица уже и остатокъ края отдавался Генералу Суворову, а войско остальное намѣрено выйти вовсе изъ Польши въ Пруссію и тамъ зимовать. Я думалъ, что войско Россійское за нами въ Пруссію безъ именныхъ повелѣній не пойдетъ, что Король Пруссій долженъ бу-

детъ просить Императрицу, дабы ея войско съ нами уже кончилось, ибо Пруссаки такъ были разбѣяны, что, куда собрались, зима бы настала, и тѣмъ войскомъ, которое тамъ было, ни чего бы намъ не сдѣлали, а между тѣмъ Король писалъ бы къ Ея Императорскому Величеству, что ежели народъ Ее прогнѣвалъ, то тяжело и страдаетъ, представилъ бы справедливое положеніе Польши разграбленной и разрушенной безъ подобнаго въ послѣднихъ вѣкахъ и войнахъ, примѣра. Дома Дворянскіе повалены, или разорены, табуны, скотъ рогатый забраны, словомъ, всякое имѣніе движимое вывезено, обыватели, сидящіе въ домахъ, преданы въ полную власть звѣрства Казакамъ, биты, мучены, а огнѣ, въ найчувствительнѣйшихъ мученіяхъ деньги и собственность свою, купно съ здоровьемъ, или и жизнию, предать должны были, много поля не обработаннаго по причинѣ забранныхъ лошадей, хлѣба и скота, что самое краю тому голодомъ и общею бѣдностію угрожаетъ, какъ наконецъ всѣ богатства, движимости и пожитки переселились въ собственность къ Казакамъ и все, что только Польша ни имѣла, а по тому много мѣстъ безъ Шляхты и земледѣльцевъ осталось пустыхъ, и что справедливое представленіе ужаса сего несчастнаго положенія приобрѣтеть въ высокоумной Ея Императорскаго Величества чувствительности сожалѣніе, и что разсуждая о дѣйствіяхъ и причинѣ революціи, скажетъ наконецъ, чего она хочетъ отъ несчастливѣйшей Польши, а взятыхъ въ неволю и секвестрованныхъ обывателей выпустить и собственность ихъ имъ возвратитъ изволить. Въ такомъ распоряженіи повторилъ я сію просьбу къ Королю, который, по многимъ размышленіямъ, въ присутствіи Радныхъ членовъ, и общалъ ѣхать.

7-го дня денугація выслана, имѣющая повелѣніе просить для войска, которое не было подвластно Магистрату, о пресѣченіи дѣйствія оружія на 8 дней, для выступленія оному изъ Варшавы, и привезла капитуляцію, Графомъ Суворовымъ подписанную, въ коей требовалъ, дабы на 7 день Ноября мостъ отъ Варшавы былъ починенъ, ибо со стороны Праги уже былъ оконченъ. Въ капитуляціи города номѣстилъ Графъ Суворовъ для войска пресѣченіе дѣйствія оружія по сложеніи имъ онаго. Генералы и Офицеры Польскіе крайне были тѣмъ довольны, не думая ни

чего болѣе, кромѣ того только, чтобы остаться въ Варшавѣ, статскіе тоже, и не видно уже тамъ было дула революціи ни въ комъ. Обыватели города толпились къ мосту и, не смотря на препятствія караульныхъ, чернь насильно начала оный починать. По недостатку времени къ выступленію съ пушками, аммунициєю, магазинами и прочимъ, оканчивая же обмундированіе солдатъ къ зимѣ, яко исполнитель должности своей, не хотѣлъ и сего допустить и поставилъ батальонъ при мостѣ, кавалерію на берегу и разъѣзды по Вислѣ выслалъ, подѣ Пульковомъ притины егерями и пушками и вездѣ, гдѣ только могла кавалерія Россійская городъ переправиться, обезпечилъ. Король и городъ, увидя все сѣе, приступали ко мнѣ, дабы я выступилъ. Упрекалъ и народъ, что революцію начали и такъ подло ее хотятъ кончить, что я не принимаю столь скорого вступленія войска Россійскаго въ Варшаву, пока транспортъ сколько можно не вышлю, что починать мосту не позволю, и что прежде меня надо убить, или выдать, пока безъ моего на то соизволенія что ни будь исполнителся; что ежели народъ захочетъ оный починавать насильно, то я велѣлъ по нихъ стрѣлять картечами. Рапортовалъ все сіе Королю, который о сихъ надобностяхъ будучи убѣжденъ, писалъ къ Графу Суворову о пресѣченіи дѣйствія оружія до осми дней. Игнатій Потоцкій ѣздилъ въ станъ къ Графу Суворову и привезъ токмо на четыре дни, до 11 Ноября. Между тѣмъ временемъ, согласуясь съ обстоятельствами, выслалъ я Генерала Гедройца изъ подѣ Мокотова въ Тарчинъ, оставя батальонъ войска Литовскаго съ пушками при мостѣ, написалъ къ Генералъ-Маіору Каменецкому (которому Князь Юсифъ поручилъ команду), дабы въ Тарчинъ со всѣмъ своимъ корпусомъ приходилъ и оттуда слѣдовалъ въ Пруссію, Генерала же Домбровскаго полагалъ отъ Плиницы въ арріергардѣ. Транспорты въ Варшавѣ всѣ на голову посылшались, а мостъ между 7 и 8 Ноября былъ конченъ и съ обѣихъ сторонъ переходили безъ препятствія. Съ 7 на 8 Ноября поваго стили ночью я и Радные члены были призваны къ Королю, который объявилъ намъ, что хочетъ ѣхать съ войскомъ, но что его берегутъ во Дворцѣ и на улицахъ, что народъ его не пуститъ. Зналъ я навѣрно, что оиъ ѣхать изъ Варшавы былъ не намѣренъ, во Дворцѣ же не бывалъ иначе, какъ самъ третей, а въ то время пришелъ одинъ. Отвѣчалъ я Его Величеству, что ежели

дѣйствительно намѣренъ ѣхать, то можетъ другими воротами вер-
хомъ выѣхать въ корпусъ Гедройца, который не далеко еще отъ
Варшавы. Ежели же хочетъ выѣхать открыто, я ручаюсь, что съ
Мокрановскимъ и проч. Генералами выведемъ его изъ города.
Посылалъ я по всѣмъ улицамъ для развѣданія и самъ проходилъ
многія, идучи во Дворецъ, но народъ нигдѣ не попадался и всѣ
по домамъ спали спокойно. Во время моего разговора съ Коро-
лемъ Кицкій, Конюшій Коронный, пришедъ, предлагалъ мнѣ, нель-
зя ли, для безопасности проѣзда Королевскаго, привести нѣсколь-
ко сотъ кавалеріи? Я отвѣчалъ ему, что сей же часъ, ежели Ко-
роль прикажетъ, пошлю по кавалерію, которая и будетъ стоять
на улицѣ, а не во Дворцѣ, для того, чтобы даже и видѣно бы-
ло. Его Величество доволенъ былъ моимъ попеченіемъ, а я по-
вторялъ мое реченіе въ безопасномъ проѣздѣ, прося всегда
о томъ Его Величество, дабы былъ господиномъ своей воли ка-
сательно выѣзда. Ежели же вовсе выѣзжать не думаетъ, то бы
не было чинено видовъ къ приуготовленію, ибо сіе будетъ зна-
комъ, что Король ѣхать не хочетъ и можетъ подать на меня по-
дозрѣніе. По возвращеніи въ квартиру былъ я призванъ опять
къ Королю уже днемъ; предъ крыльцами Дворца засталъ каре-
ту, колобриги Королевскіе, чернь, Жидовъ и женщинъ, вообще
всѣхъ до 3,000; пріѣхалъ же только съ однимъ вершникомъ. Нѣ-
которые изъ той толпы брали за поводъ мою лошадь, плакали и
кричали. Зная, что сіе значитъ, ударилъ я лошадь, и они всѣ
отступили. Раду уже засталъ у Короля, которая, пригласивши
его къ переговорамъ о пресѣченіи дѣйствія оружія съ Графомъ
Суворовымъ, подъ предлогомъ продолженія сего, только хотѣла
оставаться по 11 Ноября въ Варшавѣ, а въ самомъ дѣлѣ оста-
валась навсегда. Король опять напомнилъ о сложеніи оружія и
что Графъ Суворовъ отъ сего не отступитъ. Я отвѣчалъ коротко,
что у насъ дѣло идетъ о сохраненіи остатка войска, Варшаву
отдаемъ, цѣлый край оставляемъ, переносимъ въ Пруссію, что
сіе Россіи можетъ вредить, когда мы будемъ зимовать въ Прус-
сіи. Какая польза обезоруживать? Развѣ та, что сей остатокъ
войска нашего, а именно хорошіе артиллеристы, достанутся Цеса-
рю и Королю Прусскому по распущеніи онаго. Еще просилъ
Его Величество, дабы ходатайствовалъ объ уваженіи въ Петер-
бургѣ, извоилъ искать у Графа Суворова, чтобы не шелъ за

намъ и насъ не разбиалъ, а пустилъ бы въ Пруссію. Обѣщавъ также Королю, что ежели на окупъ чести войска потребна будетъ жертва, для примѣру я себя посвящу и предстану для претерпѣнія найужаснѣйшей неволи, или и смерти. Наослѣдокъ до-несъ Королю, что Комендантъ Орловскій къ 11 Ноября послѣд-ніе транспорты имѣеть выслать и что я сейчасъ, сего 8 же Нояб-ря, ѣду въ Тарчинъ. А когда уже прощался съ Кородемъ, то онъ сказалъ мнѣ, что будетъ съ его выѣздомъ? Я отвѣчалъ ему, что можетъ себя видѣть не выкупаемымъ отъ народа, а не при-нужденнымъ ни отъ кого, что всегда въ его волю ѣхать, или оста- ваться и дабы, если не имѣеть надобности, толпу сію изъ Дворца выслать, а за тѣмъ ли насмѣя, ли намѣренія къ тому не было. Общее о семъ извѣстныхъ и бывшихъ при томъ будетъ свидѣтельство.

Король, Рада, Генералы: Князь Іосифъ, Велегурскій, Мокра-новскій, Цилоцкій, Павелъ Грабовскій, Петровскій, оставались въ Варшавѣ, а при томъ и многіе Офицеры изъ числа оставшагося войска крылись въ Варшавѣ; ибо дано было повелѣніе, чтобы выступали изъ Варшавы, изъ коей, по отправленіи болѣе пятидеся-ти пушекъ, по забраніи амуниціи, сколько ея забрать можно бы-ло, по взятіи золота и серебра изъ монетнаго дому, еще не штем-пелованнаго, но слитаго въ куски и цѣною въ 157,000 злотыхъ Польскихъ, и по соединеніи съ казною Казначая Греча, выслан-наго въ корпусъ Генерала Домбровскаго, ночью 8 Ноября вы-ѣхалъ я съ однимъ только Президентомъ города, Закревскимъ, въ ожиданіи за собою болѣе транспортовъ. Проѣзжая Рашинъ, остановился я тамъ оставилъ триста кавалерій, которая на зав-трее, увидя Казаковъ, оружіе сложила. Когда прибылъ въ Тар-чинъ, то вмѣсто корпуса до 5 тысячъ войска, только что одѣтаго, всѣмъ снабженнаго и заплаченнаго, не всталъ болѣе 800 чело-вѣкъ. Когда тотъ корпусъ былъ на походѣ отъ Варшавы, то Офицеры, подговоренные въ Варшавѣ и нарочно за тѣмъ выслан-ные, прибѣжавъ поспѣшно, объявили, что Начальникъ взять, а Король принялъ команду. Въ томъ корпусѣ много было Офице-ровъ и солдатъ, которые со мною были на Жмуди и въ Курлян-діи. Услыша сіе извѣстіе, начали разсыпаться, и Генералъ Ге-дройцъ едва остатокъ мелочи (*ledwie reszta drobna zproszód tej*

trwogi, złączonej z buntem, mogli utrzymać) въ семь замѣшательствѣ, болѣе схожемъ на бунтъ, могъ удержать. Въ ту же ночь Генералы и Офицеры, оставшіеся въ Варшавѣ, прислали ко мнѣ эстафету, прося, подѣ разными предлогами, объ отставкѣ, изъ коихъ ни одному я даже не отписалъ, а послѣ получилъ курьера отъ Генералъ-Маіора Каменецкаго, командующаго корпусомъ Князя Юсіа Понятовскаго, который писалъ ко мнѣ, что корпусъ, изъ наилучшаго войска составленный, одѣтый и заплаченный, не можетъ выполнить моего повелѣнія, ибо ни драться, ни въ походъ выступить не въ состояніи, и пошелъ подѣ команду Короля. Послѣ узналъ я, что Офицеровъ возмущеніи кѣ бунту и посылали изъ Варшавы возмутителей, которые събѣсти разсѣвали, что Начальникъ васъ ведетъ на зарѣзъ, идетъ только съ однимъ отчаяніемъ, не принимаетъ отъ Графа Суворова выгодныхъ для войска условій, и что тѣ только Офицеры останутся при своихъ чинахъ, которые прежде сложатъ оружіе и корпусы свои кѣ тому же наклоняютъ. На такомъ основаніи подобно бунту утвердились. Часть сего корпуса послана съ объявленіемъ кѣ Графу Суворову о сложеніи оружія, который и послалъ кѣ Кампиносу (деревнѣ) Секундъ-Маіора Князя Мещерскаго, но онъ уже войска не засталъ: все разсыпалось; часть же онаго передѣ Пруссаками сложила оружіе. Видя, что такимъ способомъ въ одинъ день терю большую половину войска, послалъ я Генералъ-Маіора Несиловскаго, дабы у Каменецкаго отнялъ команду и корпусъ велъ ко мнѣ.

Генералъ Суворовъ 9 Ноября вступилъ въ Варшаву, а Генералъ Ферзенъ пошелъ за мной. Войска Россійскія переправились черезъ Вислу подѣ Гурой (деревней), но слабому сопротивленію Бригадира Язвинскаго, который, по побѣгѣ Бригадира Вышковскаго въ Галицію, имѣлъ отъ меня повелѣніе всѣ команды по Вислѣ изъ Сандомирскаго Уѣзду собрать, пренятствовать переправѣ, а послѣ соединиться со мною въ Варшавѣ. Генералъ Денисовъ, бывшій въ авангардѣ, кѣ намъ приближался. Король, отвѣчая на письма Офицеровъ, изъ корпуса Князя Юсіа писанныя, обнадеживалъ безопасностію оставляющихъ оружіе и велѣлъ тѣ письма открытыя всѣмъ показывать.

Поѣхалъ я въ корпусъ Генерала Домбровскаго, который, не зная, что съ двумя корпусами дѣлается, отвращалъ меня отъ гра-

ницъ Прусскихъ, а совѣтовалъ ити просто къ Кракову и ваять оный для разныхъ складокъ. Генералъ Несиловскій увѣдомилъ меня, что, по прибытіи его въ корпусъ Князя Понятовскаго, едва половину корпуса волнующагося засталъ, что по принятіи команды велѣлъ выступить, что одинъ полкъ ружья бросилъ и пошелъ, Офицеры кричали, что ихъ ведутъ на погибель, и когда хотѣлъ укрощать сію неблагопристойность и Офицеровъ мятежныхъ арестовать, не нашелъ въ войскѣ повиновенія, а напротивъ того совершенный отказъ въ помощи, велъ, однако жъ, остатокъ того войска, пока не дошелъ до дороги въ Варшаву и Гарчинъ, сдѣлающейся, и войско явственно отказалось ему отъ повиновенія съ угрозами, и изъ подъ пушекъ и аммуниці выпрягши лошадей, пошли на дорогу, ведущую къ Варшавѣ, и въ разные стороны разсыпались, оставя пушки.

Не имѣя отъ Короля обѣщаннаго увѣдомленія, на чемъ рѣшился съ Графомъ Суворовымъ, желалъ остатокъ войска сохранить отъ бунта и удержаться, дабы въ состояніи договариваться о безопасности войска и обывателей, равно о преданіи забвенію прошедшаго. Въ корпусъ Домбровскаго засталъ уже я такое разсужденіе, что праздность, или отчаяніе, Начальника хочетъ насъ сдѣлать жертвою. Истреблялъ сіе, заплатилъ за мѣсяць Ноябрь жалованье, послалъ на заплату войска Язвинскому семьдесятъ пять тысячъ золотыхъ Польскихъ готовыми и столько жъ ассигнаціями; Генералъ Мадалинскій тамъ мнѣ объяснялся о забранныхъ имъ деньгахъ изъ казны, представляя свидѣтелями Офицеровъ, что оныя издержалъ на свою бригаду, а послѣднія возвратитъ въ казну. Но когда выѣхалъ, написалъ ко мнѣ съ Конска, что будучи началомъ революціи, навѣрно былъ бы предметомъ мщенія, и для того, предупреждая опасность, удаляется, забравъ 4 тысячи червонцевъ, на уплату коихъ оставляетъ свое имѣніе.

Былъ я увѣдомленъ, что Генералъ Домбровскій намѣревается перейти въ службу Прусскую съ корпусомъ своимъ и Мадалинскаго; ибо тотъ удалился только одинъ. Будучи недоволенъ медлительностію и колебаніемъ Генерала Домбровскаго, который сколько можно выступленіе изъ Гостомя откладывалъ, желая при томъ перемѣнать команду, велѣлъ я Генералу Гедройцу ити съ малымъ остаткомъ своего войска до Новаго Мѣста, Бригадиру

Язвинскому послалъ маршрутъ, дабы никогда не бывши отъ меня далѣе двухъ миль, въ Конскомъ за Пилицей съ мною соединился.

Остатки въ разныхъ частяхъ пришли изъ корпуса Князя Іосифа. Нѣсколько сотъ бѣглецовъ было поймано и наказано, а число всего войска было 10,000 человекъ.

Выступивъ изъ Гостомя, ночевалъ въ Новомъ Мястѣ. На другой день, перешедъ Пилицу, приказалъ остальной части въ аррьергардѣ, перешедши, сбросить мостъ. На пути до Пилицы получилъ чрезъ курьера отъ Короля письмо, въ коемъ писалъ, что Генералъ Суворовъ отъ сложенія оружія не отступаетъ, и обѣщаетъ предать забвенію все прошедшее.

По прибытіи въ Држевицы, прибѣжали Прусскій Офицеръ съ трубачемъ и отдалъ Генералу Домбровскому отъ Генерала Прусскаго Клейста письмо, въ которомъ писалъ ему, что имѣетъ именное письмо отъ своего Короля призывать его съ корпусомъ и со всѣмъ его войскомъ въ службу Прусскую, и имѣетъ власть заключать и подписывать договоры, для сдѣланія коихъ и просить, чтобъ къ нему пріѣхалъ, ручаясь во всякой учтивости и безопасности, содержа все оное въ тайнѣ. Необходимость имѣли мы въ томъ, чтобы войска Россійскія насъ не притѣсняли, а отъ Прусскихъ нападаемы не были. Генералъ Домбровскій принужденъ былъ, въ моей квартирѣ и подъ моимъ присмотромъ, отвѣчать Генералу Клейсту, что относительно его предложенія надобно уговориться со многими Офицерами, и какъ скоро успѣемъ ихъ согласить, не замедлимъ ему дать знать. Копію сего отвѣта написалъ я самъ по Польски. Генералъ Домбровскій перевелъ оную по Нѣмецки и я освидѣтельствовалъ, а онъ переписалъ и, при двухъ приставленныхъ отъ меня Офицерахъ, запечаталъ и отдалъ присланному, коего, съ назначенною отъ меня командою для того, что быднн съ кѣмъ не говорилъ, къ первому пикету выслалъ. Спустя нѣсколько часовъ послѣ того, прибылъ ко мнѣ Подполковникъ Каменевъ съ объявленіемъ отъ Графа Суворова весьма ограниченнымъ, изъ котораго могъ я видѣть, что обезпечивается войско о сложеніи оружія и выгодное возвращеніе въ свои дома за пашпортами своихъ командировъ. Съ тѣмъ Подполковникомъ отправилъ я Генералъ-Поручика Горенскаго, который былъ при корпусѣ

Домбровскаго, написавъ къ Королю, что сіе объявленіе для насъ невыгодно, вовсе насъ не обезпечиваетъ и я сего не понимаю, а по сему и прошу Короля, дабы списалъ обывателей, которыхъ сія революція сдѣлала несчастными, и считаю Графа Суворова превосходящимъ въ своемъ счастьи. Ежели войско, не смотря на всѣ происки, къ искушенію его употребленные, удержанное въ повиновеніи, придетъ къ отчаянію, кому прибыль и какая похвала отъ пролитія невинной крови? Какая наконецъ останется память этой строгой несправедливости? Подтвердивъ Генералу Горенскому о скорѣйшемъ возвращеніи и давъ наставленіе, выслалъ. По выѣздѣ Горенскаго, когда уже разсвѣло, пришелъ ко мнѣ Генералъ Домбровскій съ Генераломъ Гринкевичемъ, съ тѣмъ, чтобы склонить меня, дабы возволилъ переговорить съ Прусскимъ Генераломъ Клейстомъ. Представляли мнѣ счастье остатка войска и столькихъ одноземцевъ Офицеровъ, которые, въ тѣхъ же чинахъ вступя въ службу Прусскую, найдутъ счастливое состояніе, и которыхъ войско Россійское хочетъ только разсыпать и въ ничто обратить, что въ семь же случаѣ можно будетъ истребовать амнистію для возмущившихся въ Пруссіи.

Въ то время пришли Великополяне, и возмутители Прусскіе просили меня о позволеніи сихъ переговоровъ, для уваженія выше упомянутыхъ причинъ и изъ сожалѣнія объ нихъ, на что отвѣчалъ я имъ съ приличною твердостью, что, не смотря на видимыя несчастія, окружающія наше Отечество и меня, на измѣны и подлости, которыя мы видѣли на самомъ опытѣ, на будущее и видимое, что съ нами въ скорости сбудется, не могу позволить ни какихъ переговоровъ, ни того, чтобы остатекъ войска, переходя въ службу Короля Прусскаго, умножалъ и заключалъ столь предосудительныя условія; что ни на одномъ условіи и на подписѣ Короля Прусскаго основываться нельзя, который явственно публичному договору съ нашимъ Отечествомъ найбѣрломнѣйше измѣнилъ; что болѣе повѣрю подписи и ручательству Графа Суворова, ибо обяжетъ честь Императрицы соблюсти все сіе, нежели какому ни будь писъму Генераловъ, или и самаго Короля Прусскаго. А когда былъ убѣждаемъ нѣсколькими десятками персонъ неотступно, то даже съ отчаяніемъ принужденъ былъ объявить, что, находясь въ найхудшемъ положеніи, могу быть остав-

лень и брошенъ остаткомъ войска такъ, какъ половина онаго меня уже бросила. Но я никогда не допущу не только, чтобы такая знатная часть войска и артиллеріи могла доставаться Королю Прусскому, но хотя бы одинъ батальонъ и одна пушка, съ моего вѣдома и позволенія, могла перейти къ нему, и я лучше хочу быть прежде убитъ, или выданъ, нежели о томъ подумать; что не отступлю и не удаюсь отъ войска, хотя и отъ наименьшей части, всякую пушку отъ перевозу къ Пруссакамъ лично защищать буду, что лучше все истребить, закопать, загвоздить соглашусь, нежели изъ подъ моей команды перевезенную хотя одну видѣть. Наконецъ показалъ имъ объявленіе Графа Суворова, копію моего отвѣта, и тѣмъ указалъ имъ надежду блѣднѣшаго конца, а сія надежда отъ меня ихъ и удалила.

Пошедъ въ станъ, нашель, что пушки большія Варшавскія, которыя, по моему приказанію, находились подъ присмотромъ Генерала Гедройца, безъ моего вѣдома окружены карауломъ Генерала Домбровскаго. Тотъ же часъ узнавъ, что разъѣзды, посланные подъ Ново Место, частью къ Пруссакамъ, а частью къ Казакамъ перешли, что отводные пикеты или къ Пруссакамъ или къ Казакамъ, переходятъ, послалъ подъ Ново Место другой разъѣздъ, издалека за ними велѣлъ надежному Офицеру присматривать, который, черезъ нѣсколько часовъ прибѣжавъ, увѣдомилъ, что посланный разъѣздъ, не исполняя своей должности, разъѣжался то къ Пруссакамъ, то къ Казакамъ. Хотя я и хотѣлъ въ Држевицахъ стоять дня съ два, но не могъ для сихъ причинъ, а найпаче что еще бунтъ въ станѣ подымался и увѣдомился о недобрыхъ распоряженіяхъ Генерала Домбровскаго. Для того и пошелъ въ его квартиру, собралъ всѣхъ Офицеровъ и въ его присутствіи объявилъ, что крови ихъ проливать бесполезно не думаю, что послалъ Генерала Горенскаго въ Варшаву и заклиналъ ихъ, дабы до совершеннаго уложенія договора, который уже близокъ и вѣренъ, и сами остались и людей удержали въ повиновеніи. Въ присутствіи Генерала Домбровскаго получилъ отъ нихъ всѣхъ торжественное обѣщаніе съ увѣреніемъ, что ежели изъ Варшавы несогласно моему желанію получу отвѣтъ, всѣ хотятъ умереть со славою.

Дано было повелѣніе быть въ готовности къ выступленію въ походъ ночью изъ Држевиць до Конска за три мили. Оставленъ былъ хорошій Офицеръ, егерскій Подполковникъ Сокольниковскій, съ егерями и тремя эскадронами кавалеріи. Гедройцу велѣлъ не уступать команды надъ пушками, изъ Варшавы выведенными. Я занимался этѣмъ, а между тѣмъ, когда смерклося, часть кавалеріи вскочила и, забравъ много лошадей изъ подъ тѣхъ пушекъ и аммуниціи, ушла къ Пруссакамъ и Казакамъ; отговаривалъ Генералу Домбровскому, что не старался о удержаніи субординаціи въ своемъ корпусѣ и такихъ потерь есть причиною. Но онъ отговаривался неожиданностью сего приключенія. Между тѣмъ приближалось время къ походу; пушки, оставленные безъ упряжи, Генералу Гедройцу приказалъ я развозить и закапывать, а по исполненіи сего слѣдовать въ Конске. Предъ самымъ выступленіемъ Генералъ Домбровскій предлагалъ мнѣ, чтобы шелъ я прямо къ Конску, а онъ пойдетъ съ своимъ корпусомъ на Опочно, для того, что туда уже послалъ для собранія фуража и для иныхъ подобныхъ причинъ. А когда я его увѣрялъ, что, перейдя мили двѣ, сблизится къ границѣ Прусской и къ войску, тамъ стоящему, то отвѣчалъ мнѣ, что Пруссаки не въ такой силѣ, чтобы насъ въ томъ мѣстѣ могли атаковать, и усиливался, чтобы конечно ити на Опочно. Не хотя его раздражать до крайности, я на то согласился, а самъ пошелъ съ корпусомъ.

Когда пришелъ я въ Опочно, то всегда замѣчая поступки Генерала Домбровскаго, засталъ въ томъ мѣстечкѣ шляхтича изъ за границы Прусской. Приставилъ къ нему надежныхъ Офицеровъ, приказывая, дабы ни съ кѣмъ ему говорить не позволяли. Увѣдомивъ о семъ Генерала Домбровскаго, но, не имѣя случая переговорить съ нимъ наединѣ, отдалъ ему письмо отъ Прусскаго Маіора, на одну милю отъ Опочна стоящаго, и сказалъ, отозвавъ его нѣсколько въ сторону, что этѣмъ письмомъ приглашаютъ его съ корпусомъ въ Прусскую службу. А между условіями къ тому навѣрно подана, можетъ быть, сія, дабы не только Генералъ Домбровскій и Гриневицъ, но и всѣ Офицеры Польскіе были въ тѣхъ чинахъ въ Пруссіи приняты, въ какихъ дѣйствительно были. Какъ скоро меня увѣдомили, то я тотчасъ просилъ Генерала Домбровскаго, дабы мнѣ показалъ письмо отъ

Маіора Прусскаго, коего имени не упомяну. Явственно писалъ, предлагая перейти въ службу Прусскую и просилъ, дабы Генералъ Домбровскій выѣхалъ на половину дороги, обѣщая показать на письмѣ, что не изъ собственнаго умыслу ему предлагаетъ, но что по именному Королевскому повелѣнію уполномоченъ къ переговорамъ и къ подписанію всякихъ условій. Принужденъ былъ Генералъ Домбровскій сейчасъ отвѣчать, что не имѣетъ времени къ нему ѣхать.

Когда Генералъ Домбровскій присланному Шляхтичу отдалъ отвѣтъ Прусскому Маіору, снова старался меня предвѣщать, что я гублю инсургентовъ Прусскихъ и войско, и Великополянне. Пять убѣждали меня своими слезами. Я отвѣчалъ имъ съ прежнею твердостью, и боясь, дабы Домбровскій, по близости къ Пруссакамъ, не выполнилъ своего намѣренія, назначилъ походъ, какъ только поѣдутъ люди, въ ночь до Конска. Въ то время прибѣжалъ Подполковникъ Соколицкій съ извѣстіемъ, что три эскадрона кавалеріи, при немъ оставленные, встрѣтятся съ Казаками, сейчасъ къ нимъ перешли и его съ собою звали, совѣтовали даже Казацкому Офицеру, чтобы его захватилъ, но онъ съ егерями ретировался. Когда стали къ выступленію готовиться, то пошелъ я самъ къ Генералу Домбровскому, засталъ его раздѣтаго въ постели и просилъ его, дабы всталъ и выступилъ съ своимъ корпусомъ. Какъ только онъ одѣлся, услышали мы великую пальбу, пушечную и ружейную, въ станѣ: уведомили насъ, что Офицеръ изъ Великополяннъ, коего прозванія не упомяну, началъ кричать войску, что его держатъ на погибель, что всякой долженъ брать мѣры своей безопасности и уходить, что корпусъ Князя Іосифа распущенъ, что нѣту уже больше силъ, что сіе къ гибели только клонится. Я велѣлъ себѣ подать лошадей, а Генерала Домбровскаго и прочихъ послалъ арестовать того Офицера и усмирить бунтъ. Въ нѣсколько минутъ самъ прибѣжавъ на мѣсто, нашелъ пѣхоту разсыпанную, отъ 20 пушекъ и аммуниціи лошадей выпраженныхъ и весь народъ въ волненіи. Посреди огня со всѣхъ сторонъ и замѣшательства, между пулями бѣгалъ самъ, удерживая безпамятный народъ, и хотя очень мало удержалъ пѣхоты, однако мало въ то время пошло кавалеріи. Оставя послѣ сего пушки и аммуницію и боясь, дабы такимъ же способомъ и послѣдніе

почью не разбѣжались, возбуждалъ Офицеровъ къ походу до Конска, ручался имъ, что ежели Графъ Суворовъ не пришлетъ ко мнѣ основательнаго увѣренія общаго обезпеченія, то съ одною только кавалеріею пойду, пробиваясь къ Французамъ, а хотя бы сіе и не было удачно, то лучше быть принужденнымъ къ сложению оружія отъ всякаго иного войска, а предъ войскомъ Россійскимъ и Прусскимъ не сложу оружія безъ обезпеченія вѣрнаго. Сіе увѣреніе успокоило кавалерію и не было уже побѣговъ въ ту ночь, въ кобору ю я пришелъ въ Конске. На другой день, при вы тупленіи въ дальнѣйшій путь къ Радошицамъ, разсѣлся слухъ, что корпусъ Россійскій приближается. Опять бунтъ и стрѣльба непрестанная учинилась, разѣздъ не возвратился, отводные пикеты ушли и почти вся бригада Ржевускаго разсыпалась, остатокъ же ея и бригаду Бернацкаго, готовую къ выступленію, самъ удержалъ, и соединился при выходѣ изъ Конска съ корпусомъ, не зараженнымъ такимъ бѣшенствомъ, но Вислѣ шедшимъ подъ командою Бригадира Язвинскаго, чрезъ что прибыло ко мнѣ войска до 3,000 и 20 пушекъ.

По прибытіи въ Радошицы, снова былъ убѣждаетъ Генераломъ Домбровскимъ и Великополянами, и снова отвѣчалъ имъ съ тою же твердостью. На другой день, т. е., 16 Ноября, возвратился изъ Варшавы Генераль Горенскій и привезъ объясненіе, въ дополненіе первыхъ пунктовъ, Графомъ Суворовымъ подписанное, съ полнымъ обезпеченіемъ лицъ и всякаго имѣнія, и преданіемъ забвенію прошедшаго, словомъ, генеральную и общую амнистію, уже публикованную по всему тракту отъ Радошиць до Варшавы. Сверхъ того Генераль Суворовъ писалъ о томъ постановленіи къ Генералу Туттолмишу и Прусскому Генералу Фаврату. Будучи успокоенъ, въ ту же минуту отправилъ Генерала Горенскаго обратно, дабы по дорогѣ увѣдомилъ Генераловъ Ферзена и Денисова, что уже ни шагу не сдѣлаю изъ Радошиць, написалъ только къ Королю просьбу, дабы не оставилъ стараться (*aby się starał do tego objaśnienia*) о томъ постановленіи, о увольненіи вятыхъ въ неволю. По отправленіи Генерала Горенскаго, показалъ всему войску и Великополянамъ, представляя вѣрнѣйшую безопасность, что Графъ Суворовъ писалъ къ Генералу Фаврату и что публиковалъ амнистію, которую онъ почитаетъ за вѣрнѣйшую, нежели

бы когда Король Прусскій собственною рукою имъ то обѣщалъ. Генералъ Домбровскій, въ присутствіи 4 Генераловъ и многихъ другихъ особъ, просилъ меня, дабы я написалъ къ Генералу Денисову, что дѣло уже кончено, что самъ, не отдаваясь, останется въ Радошицахъ, а для выгоды поставили кавалерію въ деревняхъ. Генералъ Денисовъ отвѣчалъ мнѣ чрезъ Офицера Копьева согласно. Для расположенія въ деревняхъ кавалеріи Генералъ Домбровскій выводилъ полкъ свой и бригаду Мадалинскаго, а прочія части кавалеріи въ деревняхъ уже были расположены. Какъ только пѣхота узнала, что кавалерія выходитъ, оставя пушки и аммуницію безъ лошадей въ полѣ, перешла къ Генералу Денисову. Я давалъ пашпорты и свидѣтельства идущимъ. Не осталось при мнѣ болѣе 40 человекъ пѣхоты и 4-го Литовскаго полку да 200 кавалеріи. Всѣ прочіе шли въ Варшаву и слагали оружіе. Въ сіе время изъ главной казны довольствовалъ войско отходящее и оставшееся, также и изъ собственныхъ денегъ снабжалъ и Офицеровъ. Желая окончить все безъ замѣшательства и порядочно, велѣлъ казнѣ сдѣлать расчетъ приходу и расходу за все время моего правленія. Подписавъ оный самъ, сдѣлалъ также расчетъ приходу и расходу казны, подъ моимъ вѣдомствомъ бывшей въ Курляндіи и Жмуди, написалъ повелѣніе Казначею Краузу и Адъютанту Горновскому, дабы архивъ, который былъ, и расчеты взявъ, просили у Генерала Денисова конвою для доставленія въ Варшаву, и отдали Правленію Земскому (Rządowi krajowemu) съ реверсомъ. Когда сіе приготавливалось къ отправленію, я между тѣмъ подписывалъ свидѣтельства и пашпорты отходящимъ.

17 Ноября по утру узналъ я, что Генералъ Домбровскій съ полкомъ и бригадой Бернацкаго, вмѣсто расположенія оныхъ за полмили, пошелъ за три мили въ Лопушно и намѣренъ былъ еще далѣе слѣдовать за двѣ мили до Малогощн. Я тотчасъ послалъ въ погоню за нимъ Генерала Несиловскаго, обяывая его къ исполненію обѣщаннаго и къ возвращенію. Онъ отписалъ ко мнѣ, что возвращается, и хотя подлинно онъ былъ уже тогда въ обратномъ походѣ, однако жъ Генералъ Денисовъ писалъ ко мнѣ съ Офицеромъ Хитровымъ, жалуясь, что войско Польское идетъ по тракту къ Кракову. Я показалъ тому Офицеру Генерала Несиловскаго и отвѣтъ Домбровскаго. Самъ я написалъ въ

отвѣтъ, что кавалерію отдаленную возвратилъ и что изъ Радошицъ не выступаю.

Г. Домбровскій увѣдомилъ меня, что 2 полка Казацкіе перешли за Радошицы и остановились между деревнями, въ коихъ наша кавалерія расположена, и что онъ не ручается, чтобъ не вышло ошибки. Написалъ я къ Г. Денисову и послалъ Подполковника Сокольниковскаго съ просьбою, дабы оттуда Казаковъ удалилъ, а Г. Домбровскій, разставя кавалерію, прибылъ въ Радошицы и со мною ночевалъ.

Пока Г. Горенскій прибылъ въ Варшаву, разнесся слухъ по городу о стычкѣ, коей вовсе не бывало. Графъ Суворовъ выслалъ Г. Шевича съ нѣсколькими тысячами пѣхоты и болѣе 20 эскадроновъ кавалеріи; Подполковникъ, мною посланный, не возвратился, а на другой день прибыли ко мнѣ два Офицера съ трубачами, требуя, дабы мы сложили оружіе, согласно объявленію Графа Суворова. Желая, чтобы въ квартирахъ Командировъ оное складывали, пошелъ я въ квартиру Г. Домбровскаго, чтобы въ одномъ домѣ велѣлъ складывать. Вскорѣ послѣ сего вошелъ къ намъ Г. Денисовъ, также съ трубачемъ прибывшій, звалъ меня къ Графу Суворову въ Варшаву, на что я отвѣчалъ, что я сей обязанности въ торжественномъ его объявленіи, имъ же подписанномъ и опубликованномъ, не читалъ; что какъ скоро въ ней есть для всѣхъ лицъ обѣщанный Россійскій пашпортъ и безопасность въ дорогѣ съ свободнымъ, куда кто пожелаетъ, выѣздомъ, то я не думаю, чтобы я и прочіе Генералы, при мнѣ находящіеся, были изъ сего исключены. Г. Денисовъ объявилъ мнѣ, что онъ ни меня и ни кого изъ Генераловъ не арестуетъ и оружія не отбираетъ, а исполняетъ только повелѣніе, ему присланное, чтобы насъ звать въ Варшаву, и что не думаетъ симъ преступить опубликованнаго объявленія Графа Суворова, и такимъ образомъ, видя Г. Денисова у себя прежде, нежели я у него былъ, и что наша кавалерія, по приходѣ войскъ Россійскихъ подъ Радошицы, не слѣдъавши выстрѣлу и не давши извѣстія изъ передовыхъ пикетовъ, оружіе положила, и по сближеніи Россійскихъ эскадроновъ къ моему дому, слѣзши съ лошадей, ворвалась въ покои и, наполняя оныя, наскучала неотступно Г. Денисову просьбою о пашпортахъ, а нѣкоторые, необыкновенно на него устремля-

ась, возмущались, сказалъ ему, что я вижу себя арестованнымъ и поѣду въ Варшаву, а ему совѣтовалъ къ своей командѣ удалиться. Г. Денисовъ, желая избавиться нахальства просящихъ о пашпортахъ, и зная, что въ прошедшихъ двухъ дняхъ много оныхъ я выдалъ, отвѣчалъ мнѣ, что у насъ публиковано, дабы за пашпортами Начальника всѣ воинскія команды пропускаемы были, и никто за его пашпортъ не удерживаемъ и грубостей терпѣть не будетъ. Послѣ сего Г. Денисовъ находился при своихъ эскадронахъ близъ крыльца, а я принужденъ былъ своимъ три часа подписывать свидѣтельства и пашпорты. Изъ сего явилось подозрѣнiе, что я съ самаго выѣзда моего изъ Варшавы съ умысломъ войско по немногу распускалъ, и что будто бы съ согласія отдался въ неволю. Генералъ же Домбровскій меня обвинялъ, что и его нарочно для того вчера возвратилъ, чтобы и онъ въ неволю попался. Въ такихъ обстоятельствахъ подъ конвоемъ Россійскихъ войскъ прибылъ я въ Варшаву и отказалъ реверсъ Графу Суворову, хотя послѣ того и давалъ онъ мнѣ свободу и пашпортъ для выѣзда, куда мнѣ угодно.

Приказано мнѣ было все, со всѣми подробностями, описать. Подаю сіе признаніе съ откровенностью, хотя оно наводитъ мнѣ стыдъ и укоризну, не скрывая обстоятельствъ, даже наименованія моего не заслуживающихъ, и не утаивая въ немъ собственного упрямства и ошибокъ; вообще же объяснить долженъ, что есть равно справедливо, что по Конституціи 3 Мая не было въ народѣ Польскомъ народной къ Россіи ненависти, прошедшія обиды истребляла надежда, что Ея Императорское Величество лучше захочетъ имѣть цѣлую Польшу, нежели ее раздѣлять для выгодъ Нѣмецкихъ Правленій. Ни въ комъ сопротивленія не было до тѣснѣйшихъ съ Россією связей, и чтобы Король изъ фамиліи Императрицы владѣлъ въ Польшѣ наследственно, привязывалъ и соединялъ съ Россією народъ Польскій. Представлялось всѣмъ, что Ея Императорское Величество, въ истинномъ счастьи Польши находя пользу Россіи, приметъ ее за дѣло славы и великости своей. (Po konstytucyi 3 Maja nie było w narodzie Polskim narodowej przeciwko Rossyi nienawiści, dawne żale gasiła nadzieja, że Najjasniejsza Imperatorowa będzie wolała mieć całą Polską, niż ją rozdzielać na korzyść Niemieckich Rządów; w nikim przeciwności

nie było do najscislejszych z Rosyją związków, iżeby Król z familij Imperatorowej w Polskie panując sukcesyjnie, przywiązywał i iednoczył z Rosyją narod Polski; zdawało się wszystkim, że Najjasniejsza Imperatorowa, w prawdziwym szczęściu Polski znajdując dobro Rosyji, weźmie je za interes chwały i wielkości swojej).

По печальному раздѣлѣ Польши увяли пріятныя надежды. Поляки, будучи людьми, привыкли бы, можетъ, исподоволь къ своимъ несчастіямъ, если бы непрестанное распространение издѣвокъ о упадкѣ края, а именно, счастливымъ яко бы перерожденіемъ Польши, сердцецъ ихъ не раздражали, и когда бы, по сокращеніи пространства, надежды и знаменитости (zпасzenia) наши въ маломъ остаткѣ основанное, фундаментальное спокойствіе (założoną gruntowną spokojność) и внутренній порядокъ, а во внѣ защиту отъ ужасныхъ разореній, звѣрствъ и коварнаго Прусскаго пронырства. Въ такомъ положеніи хотѣлъ всякой забыть о несчастіяхъ края, если бѣ могъ остаться въ частной жизни при домашнемъ спокойствіи; но когда его, напротивъ того, донимала Правительственная безурядица, публичныя письма счастье Польши и ея вольность, вознося до небесъ, возобновляли и растравляли рану обидъ и соболѣзнованія, которые разсудкомъ всякой хотѣлъ истреблять, то такимъ способомъ, что ни дѣлано на уничтоженіе, угашеніе и усыпленіе замысловъ, тѣмъ паче они возбуждались и приготавливались къ революціи. По случаю выступления Мадалинскаго, ускорена въ Польшѣ революція, но она не имѣла связи съ обывателями въ Литвѣ и, статься можетъ, чтобы такъ скоро при началѣ не распространилась, если бы ея не раздували поступками и насиліями войска Россійскія, а разореніе и страхъ обывателей въ отчаяніе не приводили.

Не подлость, ниже другіе виды привязывали обывателей къ революціи; ибо сомнѣваюсь, чтобы кто что ни будь получилъ изъ Конституціи 3-го Мая, или изъ послѣдней революціи. Я, по крайней мѣрѣ, знаю о себѣ и увѣренъ, что всѣ засвидѣтельствуютъ, что будучи увѣренъ о Конституціи 3 Мая, что было для Польши лучше всего то, что послѣ воспослѣдовало, и принявъ участіе въ революціи, смѣло скажу, что хотя и не великой достатокъ имѣю, но относительно терялъ много, ни чего не приобрѣтши и не имѣвъ ни какихъ видовъ корыстныхъ. На удовольствіе командъ

очень мало взялъ я денегъ изъ казны Литовской, и когда первый разъ посылаю въ Либаву для забранія оружія и аммуниці съ заплатою денегъ, далъ повелѣніе, дабы никому ни малѣйшей не дѣлать обиды, какъ-то никому въ Курляндіи Г. Мирбахъ и не учинилъ. Но когда Герцогъ Курляндскій велѣлъ полки ловить, когда свою пѣхоту противу насъ выслалъ, которая подъ Гавезеномъ (Курляндское мѣстечко) изъ пушекъ и ружей начала стрѣлять (хотя послѣ и была прогнана), въ то время, по отпрапортованіи Генералу Велегурскому, дано имъ повелѣніе забирать доходы Герцога и изъ его имѣній довольствоваться и содержать войско. Сколько взято денегъ въ Либавской и Виндавской портовой Таможнѣ и сколько чего въ имѣніяхъ Герцога Курляндскаго, все сіе свидѣтельствовано квитанціями, и расходъ изъ суммы въ корпусной моей казнѣ къ другимъ расчетамъ присоединяетъ, мною подписанъ и оставленъ Коммиссаріату, мною учрежденному въ Либавѣ для снабженія войска. Для того, не бывъ причастнымъ ни какой подлости и корысти, при отъѣздѣ моемъ изъ Варшавы писалъ къ Графу Суворову и просилъ, дабы, для изслѣдованія моей невинности, изволилъ приказать всѣ расчеты пересмотрѣть и отдать въ Правленіе, какое на то время будетъ въ Варшавѣ.

Не духъ предпріятій Французскихъ и демократіи возбудилъ революцію въ Польшѣ. Народъ, принимая Конституцію 3 Мая, не думалъ о Конституціи Французской. Тѣ, что старались о ея введеніи, видя, что все въ ней на своемъ мѣстѣ сохранено, находили ее излѣченіемъ противу предпріятій Французскихъ, разоряющихъ основанія общежитія. Письма дипломатическія Россійскія внушали Полякамъ Якобинство, согласно коимъ послы на Сеймѣ Гродненскомъ, отрекшіеся отъ признанія трактатовъ, и обыватели, любящіе Отечество и предпочитающіе цѣлость онаго раздѣлу, были Якобинами. Когда непонятнымъ головамъ рекомендовали Якобиновъ, то просвѣщенныхъ, добродѣтельныхъ и почтенныхъ людей печаливали и до крайности обезпоковали, а къ тому и язвительныя насмѣшки къ обидѣ присоединены были. Не понимали, что тѣмъ распространяли этотъ духъ, прославляли Якобинство, когда добродѣтельныхъ и любящихъ Поляковъ Отечество называли Якобинами. Со всѣмъ тѣмъ революція Польская ни по предмету своему, ни по лицамъ, ни по чьимъ либо дѣйствіямъ, не

согласовалась съ Правленіемъ Французскимъ. Костюшко всегда былъ добрымъ Полякомъ и всегда страдалъ, взирая на несчастныя судьбы своего Отечества. Побуждаемый желаніемъ его спасенія и вступая на степень Начальника, онъ не вводилъ погрѣшностей Французскихъ и не допускалъ оныхъ, щадилъ кровь соотечественниковъ, содрогался, смотря на варварство черни и наказывалъ строго. Сердце его желало содиниться со всѣми сердцами для спасенія Отечества. О Игнатіи Потоцкомъ сказывали миѣ многіе, которые даже во время четырехлѣтняго Сейма ему неблагопріятствовали, что въ продолженіи революціи былъ примѣромъ воздержности и безкорыстія, и хотя было противъ него сомнительное подозрѣніе (ибо противъ Ксѣндза Колонтая было гораздо основательнѣйшее), по случаю скоропостижнаго замученія Князя Мосальскаго и нѣкоторыхъ другихъ, но онъ всегда честно и благоразумно держалъ себя, всячески уговаривая и отвращая жителей отъ бѣшенства Французовъ. Закревскій хотя и былъ Президентомъ города, но, будучи сама добродѣтель (*złożony z samej spoty*), понималъ несостоятельность Французскихъ началъ и не былъ демократомъ. Мостовскій, при большихъ достоинствѣхъ, былъ нѣсколько легкомысленъ и скоръ, отъ чего и считался въ Варшавѣ демократомъ. Я былъ съ нимъ въ короткихъ связяхъ, и онъ миѣ всегда объяснялъ, что нужно полагать разницу между народомъ Польскимъ и Французскимъ, и что нашей черни даже и представлять сего не прилично. Гутаковскій, съ которымъ я имѣлъ давнишнюю дружбу, откровенно и ясно, какъ честный и справедливый, говорилъ миѣ о безбожїи Ксѣндза Колонтая и о томъ, какъ онъ бѣшенъ и опасенъ и какъ дышалъ демократією, не утаивая своего отвращенія къ предпріятіямъ Французскимъ, и какъ ихъ образъ мыслей страшенъ нашему краю въ разсужденіи черни. Сулистровскій, Іосифъ Шимановскій, Горайнъ, Кохановскій и многіе другіе—хорошіе обыватели; словомъ, много и мѣщанъ такихъ даже, которые предъ снѣмъ, когда вселяли Якобинство въ Поляковъ, можетъ быть, и привязывались къ предпріятіямъ Французскимъ, но, бывъ научены домашними примѣрами благоустройства черни, имѣли въ омерзѣніи Французскую революцію, и никогда больше въ Польшѣ не была она сносною, какъ во время революціи, послѣ домашнихъ въ Варшавѣ приключеній. А ежели Ксѣндзъ Колонтай, Дмуховскій, или нѣсколько десятковъ

молодыхъ людей, дышали тѣми предпріятіями, то ни народъ, ни революція, въ которую весь вошелъ, и ни Правленіе революціи. И ежели Генералъ Ясинскій, а можетъ и Заіончекъ, съ нѣсколькими десятками Офицеровъ привязывались къ революціи Французовъ, то не все войско: Генералы всѣ противны ей были. Я внушалъ тѣмъ, которые подъ моею командою были, что ни что Полякъвъ такъ погубить не можетъ, какъ то, что всегда желали быть чужими: привязывались къ Россіи, наконецъ нѣсколько къ Пруссаку, а теперь хотятъ послѣдовать Французамъ, когда только самими Поляками быть должны и драться не за Французскія, а за собственныя, земли, вольность и права; и дѣйствительно, ни въ одномъ корпусѣ не было заразы духа Французскаго. И когда революція Польская возрастала и увеличивалась, то ни чего не вышло даже похожаго. Отряды Польскіе были въ Червонной Руси и въ предѣлахъ Бѣлоруссіи близъ Динабурга, и не было повелѣнія, дабы народъ возжигать. Огонь сей расширился бы въ сихъ мѣстахъ пламенемъ, но, напротивъ, вездѣ чернь обуздывана и никогда сего намѣренія въ Польской революціи не было. Соглашались лучше на опасность ея упадка, нежели дать волю черни и послѣ видѣть плачевныя слѣдствія. Я въ короткое время моего начальства ни какого упущенія не сдѣлалъ, заботился много и готовъ былъ жертвовать всѣмъ для недопущенія ни чего такого, чтобы могло новыя правила къ намъ переселять.

Кромѣ свѣдѣнія изъ газетъ и того, что въ семъ пространномъ письмѣ объяснилъ, не имѣю другого извѣстія о революціи, въ Краковѣ и Варшавѣ происшедшей. Въ Литвѣ быть можетъ, что Костюшко имѣлъ переписку съ войсками, которыя ее тамъ произвели, а можетъ быть писалъ и къ обывателямъ, ибо Ясинскій спрашивалъ меня въ Вильнѣ, не имѣлъ ли я отъ него какого письма, но я ему отвѣтствовалъ, что ни какого не имѣлъ передъ революціею, и самъ къ нему не писалъ.

Вавржецкій.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Алек. Макаровъ.

16.

Милостивый Государь,

Графъ Александръ Николаевичъ!

Ея Императорскому Величеству угодно, чтобъ Ваше Сіятельство изволили приказать доставить ко мнѣ копію, чистымъ письмомъ списанную, съ показанія извѣстнаго Вамъ Капостаса. Имѣю честь быть съ должнѣйшимъ почтеніемъ и совершенно преданный навсегда, пребываю

Вашего Сіятельства

всепокорный слуга

Дмитрій Троицкій.

С.-Петербургъ.
Генваря 19, 1795 г.

17.

Возвращая Вашему Сіятельству послѣднія показанія Капостаса, имѣю честь донести, что Всемилостивѣйшая Государыня находитъ ихъ довольно справедливыми, и что Ея Императорское Величество почитаетъ не нужнымъ болѣе беспокоить его по сему дѣлу.

Марта 13, 1795 г.

18.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ПОДАННОМУ МНОЮ (КАПОСТАСОМЪ), ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ, ОПИСАНІЮ ПОЛЬСКАГО ВОЗМУЩЕНІЯ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ КОСТЮШКИ.*

Поелику въ прежнемъ описаніи долженъ я былъ, при пространномъ предметѣ моемъ, стараться сколько возможно о краткости, дабы нить всей повѣсти наилучшимъ образомъ въ совокупности и вдругъ въ одномъ начертаніи тѣмъ яснѣе представить очамъ читателя, а по тому и касался я иной части только вообще, объясненіе же подробностей предоставилъ я себѣ до того времени, когда буду отвѣтствовать на дальнѣйшіе вопросы, которые мнѣ, можетъ быть, предложены будутъ, то по сей-то

* Переводъ съ Нѣмецкаго.

причинѣ почитаю я небезполезнымъ, если въ настоящемъ прибавленіи, прежде нежели мнѣ вопросы учинены будутъ, объясню предварительно тѣ статьи, о коихъ, какъ я догадываюсь, могли бы меня спросить, а именно:

1. Чѣмъ можно доказать, что Польское возмущеніе не имѣло дѣйствительно въ виду Французской системы, когда удаленіе Его Величества Короля отъ всякой дѣятельности въ инсurreкціонномъ народномъ совѣтѣ до самаго окончанія возмущенія, прямо, кажется, доказываетъ тому противное, да и введеніе новыхъ печатей вольности съ надписью: «*Wolność, Całość i Niepodległość*» подтверждаетъ таковой видъ? А если еще при томъ принять въ уваженіе уменьшеніе помѣщичьихъ службъ, послѣдовавшее по Универсаламъ Костюшки, то какъ возможно, не взирая на сіе, утверждать, чтобы Польское возмущеніе точно не имѣло иного предмета, кромѣ возстановленія Конституціи 3го- Мая, или только постановленія наследственнаго?

На сіе отвѣтвую слѣдующее. Точно такъ, какъ всѣ сіи вышеупомянутые доводы кажутся быть противу насъ, точно такимъ образомъ они не что иное противъ насъ, какъ одинъ видъ, и служатъ намъ также яснѣйшими доказательствами; ибо кто можетъ обвинять въ принятіи Французской системы, заключающей въ себѣ совершенно мечтательное равенство и общее уничтоженіе всѣхъ помѣщичьихъ службъ и всѣхъ преимуществъ Государственныхъ Чиновъ тѣхъ, кои во все время шестимѣсячнаго возмущенія ни единого изъ сихъ Французскихъ правилъ вводить не попускали? Поелику, во первыхъ, никто по истинѣ не имѣетъ столько много краснорѣчія, чтобы могъ доказать, яко бы *Wolność, Całość i Niepodległość* означаютъ равенство, по тому что три сіи слова значатъ токмо вольность (но вольность, приличную законамъ и Государству), неразрывность или, лучше сказать, цѣлость Государства и независимость отъ иностранныхъ Державъ. Во вторыхъ, никто также утверждать не въ силахъ, чтобы, на случай войны, необходимо нужное, умѣренное и токмо на короткое время предпринятое уменьшеніе помѣщичьихъ службъ, могло почестся совершеннымъ уничтоженіемъ оныхъ, о чемъ по истинѣ никто изъ насъ не думалъ, да, напротивъ того, и самый инсurreкціонный актъ не допустилъ бы никого о томъ помы-

слить, послѣнку онымъ обнадежено право собственности каждаго. Въ третьихъ, кто можетъ сказать съ основательностью, яко бы въ Польшѣ уничтожены были всѣ преимущества Государственныхъ Чиновъ, когда всѣ происшествія противное тому доказываютъ? Ибо не составленъ ли былъ Высочайшій Народной Совѣтъ токмо изъ осьми членовъ и единственно изъ Дворянъ? А мѣщане не заступали ли токмо мѣста, по чему и не имѣли *vocein decisivam*, а токмо *vocein consultivam*, что имъ можно было дать безъ оскорбленія Дворянства по силѣ Конституціи 3 Мая? Такъ по истинѣ думаю я, что если кто только нѣсколько съ размышленіемъ разсмотреть соображеніе сихъ трехъ, въ Польшѣ существовавшихъ, правилъ, съ выше помянутыми тремя Французскими правилами, тотъ, конечно, не требуя дальнѣйшихъ доказательствъ, вскорѣ убѣдится, что мы точно весьма удалены были отъ Французской системы. Вотъ истинная причина, по чему Франція толь мало о насъ заботилась и насъ безъ малѣйшаго подкрѣпленія оставила. Сія самая причина могутъ также служить доказательствомъ, что дѣйствительно возмущеніе въ Польшѣ не имѣло иной цѣли, какъ токмо возстановленіе Конституціи 3 Мая, послѣку правила возмущенія имѣли токмо своимъ основаніемъ ту самую Конституцію. Для того-то, съ добрымъ намѣреніемъ и для предупрежденія всякаго зла въ инсуррекціонномъ актѣ, въ Краковѣ сказано и предостерегаемо было, что революціонное правленіе не имѣетъ ни какой власти издавать законы, все же то, что законодательствомъ или образомъ правленія именоваться можетъ, долженствуетъ рѣшить Сеймъ, имѣющій на то исключительное право, а кромѣ онаго никто, подъ опасеніемъ уголовнаго предъ тѣмъ Сеймомъ отчета. Сия то доказано теперь намѣреніе возстановить Конституцію и созвать тотъ Сеймъ, который оную утвердилъ, а по тому и не можно безъ легкомыслія усомниться въ томъ, чтобы не предполагали ввести желаемаго наслѣдства престола, хотя бы и съ нѣкоторыми отиѣненіями, сообразно какимъ либо обстоятельствамъ. Наконецъ, если Его Величество Король, при нашемъ столь скоро кончившемся возмущеніи, долженъ былъ токмо пребывать въ недѣятельности, то сіе было естественнымъ послѣдствіемъ образа, каковымъ, къ несчастію, возмущеніе то воспламенилося; ибо кто бы, имѣющій хотя нѣсколько человѣческой умъ, могъ отважиться зазвать Короля въ столь безсильное возмущеніе, каково было не

ше въ своемъ началѣ, когда мы, не взирая на всѣ хорошіе наши подкопы, ежедневно, такъ сказать, видѣли предъ глазами гибель нашу? Слѣдственно, изъ должнаго уваженія къ Королевской особѣ не могли мы ни чего лучшаго предпринять, какъ оставить его въ продолженіи возмущенія нейтральнымъ, покуда не обезпечится болѣе въ нашемъ дѣлѣ, дабы, въ случаѣ несчастномъ неудачи нашей революціи, не лишить его средствъ, коими бы онъ могъ оправдаться по всякому праву предъ Богомъ, предъ свѣтомъ и предъ своимъ народомъ, по тому что дѣйствительно не принималъ онъ въ семъ злосчастномъ дѣлѣ ни малѣйшаго участія. Еще долженъ я въ семъ пунктѣ, къ большему оправданію нашему, присовокупить и то: буде бы возмущеніе наше возымѣло благополучнѣйшій успѣхъ, или же, буде бы оно послѣдовало по первоначальному нашему плану, то дѣйствительно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, Король получилъ бы немедленно главное начальство въ Высочайшемъ Народномъ Совѣтѣ, со всѣми ему пріятными преимуществами. Въ разсужденіи сего всѣ наши прежніе совѣщанія и планы были, такъ сказать, всегда единогласны и многіе наши соучастники были въ томъ предупреждены и соглашались на то съ великимъ удовольствіемъ, даже никто не хотѣлъ начать возмущенія безъ Короля, и всѣ просили ради Бога, чтобы не предпринимать чего либо Французскаго. Тому можетъ дать наилучшее свидѣтельство Генералъ Дзялинскій, съ которымъ я весьма часто объ этомъ предметѣ разговаривалъ.

2. Чѣмъ можно доказать, что Польша, при благополучнѣйшемъ началіи своего возмущенія, или при удачнѣйшемъ продолженіи онаго, помыслила бы конечно когда ни будь о томъ, чтобъ наслѣдство Польскаго престола предложить которому ни было Россійскому Императорскому Принцу?

Сему можетъ послужить доказательствомъ слѣдующее. Безъ сомнѣнія, планъ таковой былъ слишкомъ важенъ, чтобы сообщить оный прежде времени многимъ людямъ, въ чемъ и могу я только сослаться единственно на свидѣтельство Генерала Графа Игнатія Дзялинскаго, съ коимъ неоднократно о семъ пунктѣ разговаривалъ и который въ томъ всегда былъ одинаковаго со мною мнѣнія. Разсужденія наши по сему предмету были слѣдующія. Сперва спрашивали мы сами себя: какой образъ Правленія приличнѣе

для Польши, буде бы она дѣйствительно достигла благополучнаго возмущенія? Совсѣмъ ли демократическій, или же монархически-республиканскій? На сіе, Богъ тому свѣдѣтель, отвѣтствовали мы оба единогласно, что лучше всѣхъ есть монархически-республиканскій; ибо можетъ ли долго существовать демократическое правленіе? Не сдѣлается ли тотчасъ кто ни будь изъ народа диктаторомъ, а потомъ тираномъ, дабы все то, что къ престолу препятствуетъ, истреблять разными способами и средствами, и дабы послѣ того воцариться на престолѣ самомъ деспотическомъ, не расчисляя тѣхъ жестокостей и неуройствъ, кои послѣдовать могутъ отъ необузданной вольности народа, столь непросвѣщеннаго, какъ нашъ, который пристаеъ къ революціи каждаго рода, поелику надѣется получить добычу и обогатиться, а объ общей совокупности происшествія ни мало не заботится? Во вторыхъ, спрашивали мы другъ друга: буде же монархическо-республиканское или, по приведеннымъ мною въ первомъ моемъ показаніи причинамъ, монархическо-республиканское наследственное правленіе предпочтительнѣе прочихъ, то кому бы полезнѣе было для Польши предложить наследство престола? Саксонін ли? Нѣтъ! Ибо опыты показали уже противное, что сіе ни какъ не можетъ намъ принести нужныхъ плодовъ. Пруссін ли? Еще того менѣе, поелику Пруссія ни какъ не допуститъ, чтобы въ Польшѣ когда либо существовало устройство, чрезъ чтобы естественнымъ образомъ фабрики, торговля, а по тому и число жителей въ Польшѣ умножились, въ Пруссін же уменьшились; ибо по истинѣ никто сего не опровергнетъ, что Пруссія большую часть руководѣльныхъ своихъ товаровъ сбываетъ въ Польшу, а оттуда получаетъ для оныхъ первую еще не обдѣланную матерію, слѣдовательно, покупаетъ дешево, а продаетъ дорого, что составляетъ главнѣйшій доходъ того Государства. Сіе можно сказать и въ отношеніи ко многимъ другимъ державамъ, исключая токмо единой Россіи, ибо Государство сіе не теряетъ ни чего отъ того, если Польша возрастаетъ, напротивъ же тогда выигрываетъ оное еще явно, найпаче буде бы оно сопряжено было тѣснымъ союзомъ съ Польшею. Не имѣло ли бы оно твердую стѣну подъ своими границами, а особливо, если бы Польша въ послѣдствіи дѣйствительно содержала сто тысячъ регулярныхъ войскъ и всю чернь на воинской ногѣ? А по тому и было у

насъ предварительно опредѣлено предложить въ свое время Польскую наследственную корону никому иному, какъ токмо Россіи, или одному Россійскому Принцу, и стараться заключить съ сею Державою сколько можно скорѣе миръ, хотя бы сіе и послѣдовало съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ одной части Украйны и Подолия, а мы бы могли чрезъ то пріобрѣсть, по крайней мѣрѣ, обратно отнятыя у насъ Пруссіею при послѣднемъ дѣлежѣ земли, достигнуть нашей республиканской независимости и испровергнуть пагубный и для Польши толико злосчастный торговый съ Пруссіею трактатъ. Между тѣмъ, однако же, приняли мы намѣреніе истинный нашъ планъ сохранять до тѣхъ поръ въ тайнѣ, покуда революція совершится по нашему желанію, и тогда-то хотѣлъ Дзалинекій съ друзьями своими изъ Дворянства, а я съ мамми изъ Варшавскаго мѣщанства, предложить тотъ планъ найсилнѣйшимъ образомъ, въ чемъ мы точно и свято бы успѣли, потому какъ каждый изъ насъ имѣлъ по истинѣ не малое число преданныхъ себѣ людей. Я же не упустилъ ни единого случая, дабы повсюду предварительно пріуготовлять къ тому умы. О Россіи, которая точно такъ, какъ и Пруссія, казалась глазамъ нашимъ врагомъ, отзывался я всегда съ нѣкоторымъ уваженіемъ и оправдывалъ поступки ея тѣмъ, что она, будучи, съ одной стороны, нами обижена, имѣетъ нѣкое право на отмщеніе, къ тому же поступала она такъ, что способствовала тому, чего одна часть народа сама требовала, и по сей-то причинѣ требуетъ она завлечь. Если же бы мы, при заведеніи ста тысячнаго войска, вмѣсто несчастнаго союза нашего съ Пруссіею, заключили оный съ Россіею и назначили бы для Инфанта супругомъ одного Россійскаго Принца, то не дожили бы, конечно, до всѣхъ оныхъ несчастій. Таковыя примѣчанія были точно каждымъ хорошо приняты, и всѣ огорчались тысячу разъ болѣе противъ Пруссіи, нежели противъ Россіи, что дѣйствительно еще и понынѣ продолжается, и за сіи истины отвѣчаю я головою, буде бы захотѣли испытать точныя расположенія каждаго. Да и Польша, по многимъ злоупотребленіямъ своимъ, начала уже содѣлываться благоразумнѣе и прерорливѣе.

3. Чѣмъ можно оправдать происходившія при Варшавской революціи 17 и 18 Апрѣля жестокости противу Россіи?

На сіе не могу я, конечно, ни чего сказать опредѣлительнаго и подробнаго, поелику 1 Марта выѣхалъ изъ Варшавы, а 20 Мая возвратился туда. Однако же упомяну о томъ, что узналъ по наслышкѣ, а именно: послѣ Краковской революціи распространился въ Варшавѣ слухъ, яко бы Россіяне намѣревались въ Субботу на Страстной Недѣлѣ, а именно 19 Апрѣля, остатокъ нашихъ войскъ въ Варшавѣ совершенно обезоружить, арсеналъ со всѣми пушками и аммунициею у насъ отнять, всѣхъ людей, почитавшихся приверженцами и соучастниками возмущенія Костюшки, захватить и потомъ наказать примѣрнымъ образомъ. Въ случаѣ же хотя малѣйшаго сопротивленія убивать ихъ самихъ немедленно на мѣстѣ въ домахъ ихъ. Сіе произвело на всѣ умы, а особливо на тѣхъ, кои поставляли себя хотя и отдаленнѣйшимъ образомъ виновными, столь сильное впечатлѣніе, что они, сказавши: «Melius est praeveneri, quam praeveneri» — лучше предупредить, нежели быть предупреждену, отважились на учиненный ими отчаянный поступокъ, и пожелали гораздо лучше пожертвовать однимъ или двумя днями ранѣ своею жизнію со славою въ революціи, нежели нѣсколько дней позже лишиться оной, можетъ быть, со стыдомъ и позоромъ на эшафотѣ, думая, что право собственной защиты принадлежитъ имъ и что могутъ умерщвлять, дабы самимъ не быть умерщвленными, и по тому начали они 17 числа тѣ плачевныя явленія и кончили оныя 18, въ чаяніи, что сіе имъ иначе никогда истолковано не будетъ.

4. Какое участіе имѣлъ Килинскій въ продолженіе всей революціи?

На сіе могу я отвѣтствовать токмо нѣсколько съ достовѣрностію, поелику я ни чего не знаю по личному его увѣренію, а токмо немного по слуху, что Килинскій о намѣреніи произвести революцію не прежде узналъ, какъ уже она взятіемъ подъ стражу Венгерскаго и другихъ, такъ же бѣгствомъ моимъ изъ Варшавы, учинилась сей публикѣ извѣстною, а по тому и не имѣлъ онъ въ послѣдовавшемъ въ Краковѣ возмущеніи ни малѣйшаго участія. Но когда оное въ Краковѣ началось и слухъ объ обезоруженіи Варшавскаго гарнизона и т. под. распространился, чрезъ что духъ революціи въ нашемъ Варшавскомъ гарнизонѣ паки возродился, то нѣкоторые нижніе Офицерскіе чины просили Ки-

линскаго съ ними соединиться и имѣ сдѣлать мѣщанствомъ, въ случаѣ нужды, подкрѣпленіе, ибо въ отсутствіи моемъ надѣялось они получить наилучшее пособіе отъ него, яко отъ члена Магистратскаго, прежде бывшаго дѣйствительнаго Ратмана, и яко отъ члена цеха сапожниковъ, который цехъ всѣхъ прочихъ многочисленнѣе. На сіе согласился онъ охотно и обѣщаль, въ случаѣ возмущенія, выставить тотчасъ въ разныхъ мѣстахъ многія партіи мѣщанъ на помощь войску. Но онъ, какъ я подъ рукою узналъ, а особливо отъ нѣкоего Гащеровскаго, тогдашняго Адъютанта Коронной гвардіи, выполнилъ сіе весьма дурно, или, лучше сказать, ни чего ни выполнилъ, и если бы, какъ онъ мнѣ далѣе говорилъ, чернь не присоединилась къ нимъ вскорѣ сама собою, то бы они погибли единственно для того, что Килинскій не исполнилъ своего обѣщанія. О семъ можно весьма удобно извѣститься обстоятельнѣе отъ вышепомянутаго Гащеровскаго и отъ другихъ нижнихъ Офицерскихъ чиновъ, находившихся въ Варшавской революціи; даже многіе сказывали мнѣ, что не понимаютъ, по чему Килинскому приписываютъ столь много достохвальнаго, когда никто объ немъ не знаетъ ни какого обстоятельства, кое достойно бы было толикой хвалы. Къ сему присовокупляли они и то, что ни мало не вѣдаютъ, находился ли онъ дѣйствительно въ какомъ нѣ будь опасномъ дѣлѣ, и токмо по прошествіи всякой опасности видѣли его предводительствовавшаго чернію, а не прежде, что надлежало бы изслѣдовать; ибо, зная самолюбіе его непомерное, не сомнѣваюсь я ни мало, чтобы онъ не хвалился тридцатью подвигами, изъ коихъ едва ли справедливъ тридцатый. По истинѣ, многіе, частью друзья его, частью такіе, которые желали имѣть его начальникомъ, дабы чрезъ него въ тайнѣ дѣйствовать въ революціи, частію же и враги революціи, старались многое выдумать въ его пользу, дабы тѣмъ въ нѣкоторомъ видѣ представить оную глазамъ многимъ людей нѣсколько презрительною, когда повсюду говорили, что сапожникъ играетъ въ сей революціи первую роль; ибо сколь ни честенъ характеръ сего человѣка, однако онъ сталъ слабъ и недалковиденъ, что каждый мнимый патріотъ можетъ склонить его къ чему угодно. Но какъ бы то ни было, всѣ обстоятельства сіи произвели то дѣйствіе, что онъ точно послѣ того имѣлъ на простой народъ величайшее вліяніе, которое онъ особливо поддерживалъ тѣмъ, что начальствовалъ всегда при ра-

ботахъ шанцовъ съ музыкою и угощаль тѣхъ, кои ему сіе вліяніе доставлять могли. И точно, явное стараніе его о достиженіи онаго было истинною причиною, для которой получилъ онъ патентъ Полковника, дабы токмо чрезъ то выпроводить его съ честію изъ города, поелику таковое слишкомъ сильное его вліяніе на чернь могло бы, не взирая на честнѣйшее его сердце, при слабости ума, содѣлаться весьма легко для возмущенія вреднымъ. Да и самое принятіе Полковничей должности показываетъ уже, сколь велико его самолюбіе и непрозорливость. Но къ производству его въ Полковники послужило поводомъ несчастное происшествіе, случившееся 28 Іюня, когда необузданное буйство простаго народа ушерщало постыднѣйшимъ образомъ, безъ всякаго декрета, невинныя жертвы, и когда моль и Килинскаго старанія объ отвращеніи того злополучія были уже безплодны, поелику намъ самымъ угрожали даже висѣлицею, если будемъ далѣе сопротивляться ихъ намѣреніямъ. Но сей причинѣ Килинскій, огорчась на тѣхъ, кои не хотѣли внимать его представленіямъ, подалъ, одинъ или два дня спустя, въ Высочайшій Совѣтъ ноту, въ которой предложилъ забрать нѣсколько тысячъ частію бѣдныхъ, частію же безпокойныхъ людей, бывшихъ виновниками случившихся 28 числа несчастій и ихъ отправить въ армію рекрутами, на что Высочайшій Совѣтъ, не токмо съ патріотическою похвалою его усердія, согласился, но ему выданы были также на сей конецъ 10,000 гульденовъ изъ общей казны. Костюшко же воспользовался симъ случаемъ для доставленія ему, по выше помянутымъ причинамъ, патента на чинъ Полковника.

5. Что дѣлалъ при возмущеніи Игнатій Закржевскій, Президентъ Варшавы?

На сіе могу и токмо отвѣтствовать вкратцѣ слѣдующее. Закржевскій тогда токмо дѣйствительно приступилъ къ возмущенію, когда первая тревога, 17 Апрѣля, въ Варшавѣ уже миновала. Тогда собравшійся народъ пригласилъ его тотчасъ заступить мѣсто Президента, уничтоженное Торговицкою Конфедераціею, и тогда-то, такъ сказать, насильно взявъ его въ домъ Ратуши, гдѣ онъ сдѣлалъ нужныя по обстоятельствамъ распоряженія и исправлялъ далѣе какъ должность Президента, такъ и другія, кои на него Костюшкой возлагаемы были, до самаго окончанія возмущенія.

Впрочемъ, что принадлежитъ до предшествовавшаго, такъ называемаго, приготовленія революціи, то онъ не принималъ въ ономъ ни малѣйшаго участія; ибо хотя я уже въ Іюль мѣсяцѣ, 1793 года, у Генерала Дзялинскаго въ присутствіи его открылъ ему весь планъ нашъ въ разсужденіи революціи и его, вмѣстѣ съ Дзялинскимъ, спрашивалъ, не хочетъ ли онъ съ нами соединиться и подкрѣпить предпріятіе наше своимъ совѣтомъ и нѣсколько деньгами? но онъ, весьма благоразумно и яко добрый супругъ, не хотѣлъ ни на то, ни на другое согласиться. И хотя онъ отъ всего сердца, пожелалъ намъ къ патриотическому такому намѣренію всякаго счастья, однако же, не смотря на то изъ великой любви, къ женѣ и дѣтямъ своимъ, и сколь ни лестна мысль быть первою пружиною къ спасенію Отечества своего, не можетъ онъ рѣшиться на такое опасное дѣло, котораго малѣйшее обнаруженіе, чего, при таковыхъ случаяхъ, всегда страшиться должно, могло бы не токмо на его особу, коею бы охотно хотѣлъ онъ пожертвовать своему Отечеству, но и на всю его фамилію навлечь страшныя несчастія. Онъ обѣщалъ все сіе хранить въ тайнѣ свято и просилъ, ради означенныхъ причинъ, извиненія въ разсужденіи своего отказа, присовокупая единственно то, что если мы произведемъ въ дѣйство что либо благоразумное и буде сего дня, или завтра, что либо послѣдуетъ, то, послѣ явнаго начатія дѣла, хочетъ онъ съ величайшимъ и сердечнымъ удовольствіемъ пожертвовать собою до послѣдней капли крови благу Отечества своего. Послѣ того разошлись мы и никогда болѣе ни слова о семъ дѣлѣ вмѣстѣ не говорили.

6. Что именно Графъ Игнатій Дзялинскій въ, такъ именуемомъ, предуготовленіи революціи во всѣхъ подробностяхъ дѣлалъ, поелику вообще разсказывалъ я о немъ уже довольно, какъ въ первомъ показаніи, такъ и въ настоящемъ прибавленіи?

На сіе могу я дать слѣдующій отвѣтъ. Что Дзялинскій во всемъ происшествіи ни чего безъ общаго моего совѣта не дѣлалъ; что онъ точно такъ, какъ и я, коль скоро нужда требовала, сужалъ на посылку эмиссаровъ и на другія надобности по мѣрѣ силъ своихъ, деньгами; что, не смотря на то, однако же, придерживался онъ всегда со мною партіи хладнокровной, а по тому, подобно мнѣ, рѣдко пропускалъ конференціи, дабы предупредить

дать заблаговременно пылкіе и неблагоприятныя поступки; что онъ всегда былъ какъ личнымъ другомъ нынѣ нашего царствующаго Короля, такъ и непоколебимымъ другомъ Королевскаго достоинства; что онъ все то, что я уже говорилъ о наслѣдствѣ престола, о предложеніи онаго одному Россійскому Императорскому Принцу и о прочемъ, одобрялъ съ откровеннымъ удовольствіемъ, и конечно бы все сіе подкрѣпилъ съ величайшимъ усердіемъ, если бы первоначальный планъ нашъ совершился. За все сіе не желалъ онъ себѣ другой награды, какъ чтобы впредь въ уединенной, спокойной, философской жизни умереть съ убѣжденіемъ, что былъ не изъ послѣднихъ, кои Отечеству своему доставили прочное счастье.

7. Въ чемъ я и самъ именно въ продолженіи всего возмущенія во всѣхъ подробностяхъ занимался?

Отвѣтствую я на сіе слѣдующе. Когда я, какъ уже въ прежнемъ показаніи моемъ объявилъ, возвратился 20 Мая отъ бѣгства моего въ Варшаву, то первые 8 дней занимался приведеніемъ въ порядокъ нѣкоторыхъ купеческихъ своихъ бумагъ, кои я тогда, по внезапному выѣзду моему, долженъ былъ оставить нѣсколько въ безпорядкѣ; но 28 Мая, когда Костюшкой учрежденъ былъ Высочайшій Народный Совѣтъ, и я принялъ должность заступателя мѣста (zastępcy) въ Департаментѣ Порядка, долженъ былъ быть дѣятельнымъ, и началъ дѣятельность свою тѣмъ, что уже 28 Мая, въ пользу истинной системы нашего возмущенія, употребилъ самую хитрую политику, и именно въ слѣдующемъ происшествіи. Поелвну, до учрежденія Костюшкой Высочайшаго Народнаго Совѣта, существовалъ уже въ Варшавѣ на время опредѣленный Народный Совѣтъ, въ коемъ присутствовавшіе мѣщане числомъ до половины имѣли въ рѣшеніи одинаковыя съ Дворянствомъ преимущества, то сіи, при обнародованіи Костюшки о новомъ выборѣ Народнаго Совѣта, нашедъ себя изъ онаго исключенными, произвели въ городѣ столь сильный ронотъ неудовольствія, что Килинскій, по великой просьбѣ многихъ мѣщанъ, долженъ былъ ихъ снабдежить, что открытію сего новаго Народнаго Совѣта будетъ сопротивляться именемъ всего Варшавскаго мѣщанства до тѣхъ поръ, покуда Костюшко, сходственно съ желаніями ихъ, не назначитъ также нѣкоторыхъ мѣщанскихъ особъ; ибо заступатели мѣсть или zastępcy, какъ выше сказано, по неизмѣнно рѣшительныхъ голосовъ, не

могли почитаться дѣйствительными членами Совѣта, да и экономическія Департаментовъ рѣшенія ограничивались токмо до особы дѣйствительнаго Высочайшаго Совѣта Ратмана. По сей причинѣ почелъ я за необходимо нужное вступить въ таковыхъ обстоятельствахъ, и тѣмъ не допустить, чтобы Килинскій, предположеннымъ своимъ сопротивленіемъ, не испровергнулъ кредита Костюшки, отъ сохраненія котораго мы могли токмо единственно ожидать хорошаго для всего нашего возмущенія успѣха. Когда же я, сперва о семъ предметѣ съ Килинскимъ снесся, то хотя и велѣлъ я ему, для удовлетворенія желаній мѣщанства, оппозиціонную рѣчь свою говорить предъ собравшимся Совѣтомъ и предъ нѣсколькими стами зрителей, въ Ратушѣ обрѣтавшихся, но тотчасъ по окончаніи оной испросилъ я себѣ голосъ и успѣлъ, слава Богу, до того, что Килинскій отъ сопротивленія своего отступилъ и, не уничтожая начатія новаго Народнаго Совѣта, удовольствовался токмо тѣмъ, чтобы на другой день отправить, именемъ мѣщанства, къ Костюшкѣ делегатовъ, кои бы представили ему такое желаніе мѣщанства, въ лестномъ упованіи, что сіи представленія ихъ не останутся у Костюшки безплодными. Делегатство то дѣйствительно, два дня спустя, послано было съ нотою, подписанною нѣсколькими стами старшинъ, но возвратились безъ достиженія цѣли своего посольства, единственно съ простымъ дружественнымъ отвѣтомъ Костюшки, въ которомъ сказано, что онъ, слѣдуя желаніямъ своего сердца, охотно бы согласился на ихъ требованія, но ни какъ не можетъ сего учинить по разнымъ, ему одному извѣстнымъ, важнымъ политическимъ причинамъ, а по тому и просилъ, ради Бога, симъ ни мало не беспокоиться, поелику онъ самъ не забудетъ въ свое время пещися наисильнѣйшимъ образомъ объ ихъ истинномъ благосостояніи. Симъ успокоилось все мѣщанство совершеннѣйшимъ образомъ, и сему служитъ наилучшимъ доказательствомъ то, что точно первый выборъ Совѣта дѣйствительно остался до послѣдняго окончанія возмущенія совершенно таковымъ, каковымъ былъ постановленъ, да и пресѣкъся безъ малѣйшаго отмѣненія. Изъ сего можно заключить также, сколь правила наши удалены были отъ Французскихъ. Далѣе, до самаго окончанія возмущенія состояли упражненія мои въ томъ, что обязанности моей должности на меня возлагали, а именно: 1) въ Варшавскомъ Магистратѣ имѣлъ я, яко Ратманъ, смотрѣніе за мушниками, булочниками и мясни-

ками, дабы цѣны снѣгъ главнымъ съѣстнымъ припасамъ были въ городѣ какъ можно дешевле; также имѣлъ я надзоръ надъ раздачею денегъ бѣднымъ, изъ коихъ знатное число отсылалось тридневно на работу шанцовъ. Наконецъ долженъ я былъ сочинить проектъ дисциплины и воинскихъ правъ для мѣщанскаго войска, который, съ нѣкоторыми малыми отиѣнами, былъ одобренъ и напечатанный разосланъ по всѣмъ начальникамъ мѣщанскихъ войскъ для руководства. 2) Въ Высочайшій Совѣтъ, какъ уже часто упоминалъ, яко заступатель мѣста въ Департаментѣ Порядка, работалъ я непрерывно одинъ около шести недѣль, поелику Генералъ Сулистровскій, дѣйствительный членъ Высочайшаго Совѣта того Департамента, отправленъ былъ уже 1 Юня въ Литву, откуда не прежде, какъ около половины Юля возвратился. Въ продолженіи того времени устроилъ я тотъ Департаментъ и выполнялъ все, касавшееся до моей части, колико возможно наилучшимъ образомъ. Въ то время посѣщалъ я ежедневно засѣданія Высочайшаго Совѣта, и когда по очереди слѣдовало быть Президентомъ Сулистровскому, то я, вмѣсто его, председательствовалъ въ Высочайшемъ Совѣтѣ цѣлую недѣлю. Но послѣ, по возвращеніи Сулистровскаго, получилъ я гораздо важнѣйшую должность, а именно: введеніе въ Государствѣ публичныхъ ассигнацій, при чемъ имѣлъ я столь много труда, что съ того времени, какъ то съ половины Юля мѣсяца, не имѣлъ я даже времени, чтобы, по крайней мѣрѣ, хотя единожды, или дважды, въ недѣлю побывать въ засѣданіяхъ моего Департамента, или Высочайшаго Совѣта, для узнанія, что точно отъ времени до времени въ нашемъ возмущеніи происходило. Я долженъ признаться, что съ того времени былъ я, какъ мертвый членъ Высочайшаго Совѣта. 3) Яко предсѣдавшій Генералъ-Инспекторъ Казенной Ассигнаціонной Дирекціи, долженъ я былъ наконецъ заняться слѣдующимъ, а именно: сочинить, съ помощію разныхъ людей, а особливо купцовъ, Указъ Высочайшаго Совѣта, коимъ назначены сии Государственныя ассигнаціи. Когда сей проектъ, съ нѣкоторою переминою, одобренъ былъ Высочайшимъ Совѣтомъ, то я издалъ другой о приведеніи въ порядокъ сей Ассигнаціонной Дирекціи и о составленіи таковыхъ бумагъ. По одобреніи и сего послѣдняго, началъ я предписывать инструкціи для людей и подчиненныхъ, определенныхъ къ сему ремеслу, дабы фабрика сихъ ассигнацій производила работу свою найскорѣйшимъ образомъ, съ наилучшимъ

порядкомъ и съ таковымъ совершенствомъ, каковое позволяли обстоятельства. На сей конецъ назначалъ я не токмо для каждаго извѣстное число работы, но и всѣмъ порознь руководствовалъ, какимъ образомъ завести регистратуру и потомъ доставлять полумѣсячные рапорты въ Дирекцію и въ Генеральную Инспекцію. Каждому раздавалъ я образцы и объяснялъ оныя практически. Изъ сихъ спеціальныхъ рапортовъ составлялъ я также генеральные полумѣсячные рапорты, которые, по сличеніи съ спеціальными, въ особенномъ, для того назначенномъ, засѣданіи подписывалъ какъ я, такъ и всѣ Директоры и Ассессоры Казенной Ассигнаціонной Дирекціи. Послѣ того доставлялъ я одинъ экземпляръ такового генеральнаго рапорта въ подлинникъ прямо въ Высочайшій Совѣтъ, другой въ Казенный Департаментъ, а третій удерживалъ въ архивѣ нашей Генеральной Инспекціи. По тому-то главная бухгалтерія, по введенной мною системѣ, была всегда сходна и точно вѣрна, такъ что я ежечасно въ семь дѣлъ могъ дать самый чистый отчетъ наилегчайшимъ образомъ, и за вѣрность онаго отвѣчаю моею головою, а ожидаю токмо случая, дабы быть къ тому- призвану, поелику предъ выѣздомъ моимъ изъ Варшавы не было тамъ еще ни чего рѣшено въ разсужденіи сего важнаго пункта. Но Варшавское мѣщанство ласкается еще упованіемъ на величайшее милосердіе Ея Россійскаго Императорскаго Величества, что чрезъ Ея Высочайшее посредничество изыскано будетъ средство, дабы тѣ, теперь остановившіяся, ассигнаціи получили свою цѣну и обращеніе. Безъ сего большая часть Варшавскаго мѣщанства должна по истинѣ крайне обанкрутиться, поелику ассигнаціи таковыя, около 10 милліоновъ Польскихъ гульденовъ, существуютъ токмо между Варшавскими жителями. Между тѣмъ все, касающееся до очистки моихъ счетовъ, какъ-то: всѣ важныя письменныя дѣла и всѣ для приуготовленія ассигнацій назначенныя машины, штемпели и проч., отдалъ я, безъ всякаго отъ меня требованія, добровольно, изъ предосторожности, чрезъ три дня по вступленіи въ Варшаву Россійскихъ Императорскихъ войскъ, въ Варшавскій Магистратъ, гдѣ оныя донынѣ находятся подъ судебнымъ храненіемъ. Сверхъ того личнымъ упражненіемъ моимъ было и то, чтобы выдумать тайны, по которымъ можно бы было поддѣлку ассигнацій крайне затруднить, въ чемъ я, съ помощію нѣкоего Іоанна Фридриха Зейделя, красильщика и химика, столь далеко успѣлъ,

что по истинѣ думаю, что изъ всѣхъ разныхъ ассигнацій, которыя въ Европѣ существуютъ, наши Польскія, отъ пяти гульденовъ до тысячи, труднѣе всѣхъ для поддѣлки и могутъ выдержать строжайшее испытаніе и изслѣдованіе, но при томъ нельзя будетъ дойти до такого близкаго сходства, чтобы и простой глазъ, познакомившійся хотя нѣсколько съ дѣйствительными ассигнаціями, сего не примѣтилъ. Да и въ малыхъ ассигнаціяхъ, какъ-то 4 гульденовъ и 1 гульдена, 10 и 15 грошей, найдетъ поддѣлыватель великія затрудненія, буде бы захотѣлъ выдѣлать внутри на бумагѣ видимые знаки, поелику предъ свѣчкою можно оныя удобно замѣтить; ибо какъ въ сихъ такъ и въ другихъ, ассигнаціяхъ вмѣщены всѣ новыя, особенныя и отъ всѣхъ извѣстныхъ правилъ удаленныя, изобрѣтенія.

Андрей Капостасъ.

Въ С.-Петербургѣ.
25 Января, 1793 года.

19.

ОТВѢТЫ КАПОСТАСА НА УЧИНЕННЫЕ ЕМУ ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ.

На 1-й пунктъ. Признаюсь я токмо, что въ домѣ кушца Барща въ Краковѣ, обѣдая за столомъ съ Нидерландскимъ купцомъ, выпивъ за взаимное здоровье нѣсколько бутылокъ крѣпкихъ винъ, и когда начали разговаривать о начавшемся тамъ Польскомъ возмущеніи, говорилъ я слѣдующее: что въ происшествіи возмущенія сего принималъ я не малое участіе, поелику оное стоило уже мнѣ болѣе 1500 червонныхъ наличными деньгами, не говоря объ опасности, которой я безпрестанно подвергался, чтобы не быть ночью взяту подъ стражу. И сіе послѣдовало бы точно, когда бы я не имѣлъ всегда хорошихъ каналовъ, чрезъ кои безпрестанно извѣщался всегда заблаговременно о всѣхъ главныхъ мѣрахъ Генерала Игельстрома, имѣвшихъ отношеніе къ могущему случиться обнаруженію нашихъ патріотическихъ собраній, или даже къ захваченію меня подъ стражу. Да я, дѣйствительно, за два дня ранѣе прежде удаленія моего, узналъ уже, что весь нашъ заговоръ открытъ, и въ послѣдній день бѣгства моего увѣдомился

я, что Генералъ Игельстромъ далъ уже повелѣніе меня и многихъ другихъ, въ послѣдовавшую тогда ночь, взять подѣ стражу, а по тому и приказалъ всѣмъ, близъ Варшавы стоявшимъ, Россійскимъ Императорскимъ войскамъ приблизиться и вступать въ сей городъ. Чрезъ какіе каналы получалъ я всѣ сіи свѣдѣнія, о томъ извѣстнаюсь я въ отвѣтъ своемъ на шестой пунктъ. Сіе понудило меня уже и въ ту ночь не спать болѣе дома, и на другой день, когда я узналъ, что таковое повелѣніе дѣйствительно будетъ выполнено и уже многіе взяты подѣ стражу, удался я совсѣмъ изъ Варшавы. А чтобы я при томъ, или другомъ, какомъ-либо случаѣ сказалъ, что то, или другое, тому подобное, слышалъ посредственно, или непосредственно, отъ какого ни будь Секретаря Барона Игельстрома, о томъ по истинѣ ни слова не знаю, и буде я, разгоряча голову многими винами, сказалъ что либо на сіе похожее (въ чемъ опять принужденъ признаться, что ни мало ни чего не помню), то теперь долженъ сіе, для подтвержденія чистой предъ Богомъ истины, опровергнуть и объявить постыднѣйшею моею ложью и хвастовствомъ, что я въ такомъ случаѣ торжественнѣйше симъ отвергаю и предъ Богомъ, коему ввѣрялъ всегда рѣшеніе своего жребія, клянусь, что я никогда въ жизни моей ни съ какимъ Секретаремъ Барона Игельстрома ниже непосредственнаго, ниже сколько знаю, посредственнаго обращенія не имѣлъ, даже ни одного не знаю, и мнѣ не извѣстно также, кто изъ патриотовъ нашихъ имѣлъ какое либо тѣсное обхожденіе съ тѣмъ или другимъ изъ сихъ Секретарей, поелику сіе меня никогда столь много не интересовало, какъ то можетъ быть думать; ибо все то, что я съ той стороны знать хотѣлъ, могъ я всегда узнавать гораздо удобнѣе другими путями, менѣе опасными. Если я, на примѣръ, хотѣлъ знать, открылось ли что ни будь о нашихъ сходбищахъ, или нѣтъ, то я удостовѣренъ былъ, что если Баронъ Игельстромъ узнаетъ что либо опредѣлительное чрезъ своихъ шпионовъ, то о томъ извѣстится также и Маршалъ Полиціи, Графъ Мощинскій, или прямо отъ Барона Игельстрома, или отъ тѣхъ же шпионовъ; или же отъ своихъ собственныхъ полицейскихъ шпионовъ, а если сей что провѣдаетъ, то сообщитъ оное племяннику своему, молодому Мощинскому, который былъ всегда довѣреннѣйшимъ его любимцемъ. Но сей безъ вѣдома его былъ преданъ болѣе Отечеству,

несколи дядѣ своему, и былъ однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ заговора нашего, а по тому и могъ всегда довольно заблаговременно предупредить съ точностію о подобномъ происшествіи, не упоминая о слабости шпионовъ, которые въ таковыхъ случаяхъ открывались иногда также своимъ друзьямъ и пріятельницамъ, чрезъ коихъ опять сіе доходило до ушей нашихъ и тому подобное. Что же принадлежитъ до опасенія быть захвачену подъ стражу, то и въ разсужденіи сего каналъ чрезъ Мощинскаго былъ самый надежнѣйшій, по тому что Баронъ Игельстромъ въ семъ случаѣ не могъ также ни чего предпринять, не предвара снрва о томъ полицейскаго Маршала. А какъ арестованіе не могло прежде послѣдовать, покуда напередъ не открыдась бы тайна нашихъ собраній, то и съ сей стороны, тѣмъ паче и даже сугубо, были мы обезпечены Мощинскимъ, какъ то сіе и послѣдствіе подтвердило, въ чемъ молодой Мощинскій, буде онъ еще живъ (ибо не задолго предъ выгѣздомъ моимъ изъ Варшавы слышалъ я, яко бы онъ былъ при смерти болѣнъ, цѣкоторые сказывали даже, яко бы онъ уже умеръ, въ чемъ я, однако же, весьма сомнѣваюсь), можетъ дать наилучшее свидѣтельство; а буде онъ уже умеръ, то въ живыхъ дѣйствительно обрѣтающійся выше упомянутый дядя его, старикъ Графъ Мощинскій, можетъ самъ сіе засвидѣтельствовать. Наконецъ, если мнѣ хотѣлось знать, сколько находилось Россійскаго Императорскаго войска въ Варшавѣ и близъ Варшавы, то свѣдѣніе таковое получалъ я отъ Франца Готье, Польскаго Квартирмейстера, который узнавалъ о томъ всегда отъ Россійскихъ Квартирмейстеровъ, самымъ невиннѣйшимъ и удобнѣйшимъ образомъ, и мнѣ, какъ скоро нужда востребовалась, сказывалъ искренно. А какъ, кромѣ сего, не имѣлъ я болѣе ни какой нужды знать что либо отъ Барона Игельстрома, то и имѣлъ я весьма мало причинъ заботиться объ его Секретаряхъ, а по сему самому поводу почиталъ я токмо постороннимъ дѣломъ обѣщаніе, данное мнѣ Нецкимъ, предупредить меня заблаговременно, буде послѣдуетъ повелѣніе о взятіи меня подъ стражу, и, въ слѣдствіе сего, не убѣждалъ я его сильно, чтобы онъ сообщилъ мнѣ свои каналы, по тому что, и кромѣ его помощи, почиталъ я себя, какъ выше упомянуто, довольно въ разсужденіи сего пункта обезпеченнымъ.

На 2-й. Что говорилъ, яко бы посылалъ бумаги къ Костюшкѣ и Потоцкому, или, лучше сказать, ко всѣмъ тогдашнимъ нашимъ выходцамъ въ Дрезденъ (а не къ одному Колонтаю, по тому что я съ нимъ никогда не имѣлъ частной переписки), сіе справедливо. Также, что я сказалъ, яко бы предлагалъ въ тѣхъ бумагахъ учредить, для поддержанія предстоявшаго нашего возмущенія ассигнаціонный банкъ, въ томъ признаюсь я равнымъ образомъ. Что же принадлежитъ до содержанія сихъ тетрадей, то на вопросъ о семъ объявляю токмо, что могу пропомнить, а именно: описаніе расположенія нашихъ войскъ, числа оныхъ и числа ихъ оружія, артиллеріи и амуниціи, описаніе также расположенія Россійскихъ войскъ Императорскихъ и Королевскихъ Прусскихъ, которыя въ то время въ Польшѣ находились. Всѣ сіи исчисленія сдѣланы были, однако, не съ точностію, поелику были токмо собранныя извѣстія отъ путешествовавшихъ. Наши мысли были, какимъ образомъ и когда именно можно бы было начать революцію, совѣтуя не дожидаться до весны, а лучше предпринять оную еще и зимою, и чтобы Костюшко роздалъ повелѣнія свои такимъ образомъ, чтобы она въ одинъ и тотъ же день началась во всемъ Государствѣ, при томъ назначены ему были тѣ довѣренныя особы, которымъ могъ мы отдать свои повелѣнія. При семъ приложенъ былъ планъ расположенію по квартирамъ Россійскихъ Императорскихъ войскъ въ Варшавѣ, и какимъ бы образомъ можно было весьма удобно напасть и обезоружить оныя безъ кровопролитія; ибо изъ насъ никто не хотѣлъ рѣшиться на внезапное убійство, или допустить до онаго, въ надеждѣ, что намъ тогда возможно будетъ употребить весьма удобно сіи, хорошо выученныя Россійскія Императорскія войска противъ Пруссіи. При семъ объявили мы также мысли наши, кои включены были въ первый инсurreкціонный актъ, дабы тотчасъ въ началѣ уклонить всякой видъ къ Французской революціи, по тому что, въ противномъ случаѣ, не могли мы ни какъ повѣрить, чтобы Австрія осталась нейтральною, въ нейтралитетѣ которой должны мы были, по крайней мѣрѣ, удостовѣриться, дабы что либо предпринять, а по тому и долженствовали всѣми мѣрами и средствами угождать Австріи. Да и вообще не хотѣли, не могли и не имѣли мы нужды, предпринять что либо Французское, ибо и безъ того могли мы весьма легко склонить на нашу сторону мѣщанина и крестьянина, которые въ

просвѣщеніи весьма еще отстаи, буде бы мы хоть нѣсколько облегчили имъ жребій, не имѣя нужды доставлять полное равенство и вольность, которыхъ они ниже не понимаютъ, а еще того менѣе въ состояніи пользоваться оными благоразумнымъ образомъ, и тому подобное. Потомъ изъявили мы мысли наши объ образѣ, какъ набирать рекрутовъ, объ учрежденіи мѣщанскаго войска во всѣхъ главныхъ городахъ и объ образованіи онаго. Средства для поддержанія военныхъ расходовъ основывали мы, кромѣ обыкновенныхъ податей, на бумажныхъ деньгахъ, а вскорѣ потомъ, въ случаѣ нѣсколько благопріятнѣйшаго успѣха нашей революціи, на займѣ, именно на займѣ или внѣ Государства, или на займѣ добровольномъ, или принужденномъ, внутри онаго. Въ заключеніе спрашивали мы также, можно ли положиться хотя на нѣкоторое посредственное вспоможеніе, т. е., на диверсію со стороны Турковъ, или Шведовъ, или итѣ, и разные многіе тому подобные предметы? Но всѣ сіи бумаги сжегъ на дорогѣ тотъ, который долженъ былъ ихъ отвезти къ Костюшкѣ, а именно Генералъ Ельскій, Стольникъ Стародубовскій, опасаясь, чтобы его не обнаружили, по тому что онъ долженъ былъ ѣхать въ слѣдъ за Костюшкою въ Римъ, и потомъ самъ сдѣлалъ онъ ему изустное донесеніе весьма недостаточное, да и привезъ какъ отъ Костюшки, такъ и изъ Дрездена, куда не прежде, какъ на обратномъ пути, заѣхалъ, отвѣтъ столь же необстоятельный. И вотъ, кажется, вся повѣсть означенныхъ бумагъ.

На 3-й. Въ разсужденіи 3 пункта признаюся я совершенно, именно, что говорилъ, яко бы мы имѣли иностранное подкрѣпленіе; токмо долженъ я здѣсь примѣтить, что я сіе говорилъ единственно для того, дабы трусливый духъ Краковскихъ жителей оживить, которые навѣрно полагали, что намъ ни какъ не возможно удержаться безъ пособія иностранной Державы, и для того единственно приступили они столь добровольно къ инсurreкціонному акту (еще до пріѣзду моего въ Краковъ), поелику точно вѣрили всегда вымышленному нашими возмутителями извѣстію, яко бы мы подкрѣпляемы Императоромъ, а по поводу сего выгода наша заставляла насъ содержать ихъ въ мнѣніи таковомъ, колико возможно долѣе. Впрочемъ, я ни чего не знаю объ иностранныхъ подкрѣпленіяхъ и о какихъ либо дипломатическихъ и

рабинетскихъ дѣлахъ, поелику не получалъ объ онѣхъ ни какихъ свѣдѣній ни посредственно, ни непосредственно, какъ я уже въ прежнихъ моихъ показаніяхъ объявилъ. О семъ можетъ дать нѣкоторое извѣстіе Графъ Игнатій Потоцкій.

На 4-й. Нидерландскій купецъ или, лучше сказать, фабрикантъ, съ которымъ я въ Краковѣ говорилъ, называется Бреулсъ. Онъ хозяинъ и товарищъ купческаго дома подъ наименованіемъ: «Якобъ Бреулсъ съ сыномъ въ Ейпенѣ.» Тамъ имѣетъ онъ большую сукопную фабрику, отправляетъ великую торговлю въ Австрію, Венецію и Польшу, а по тому и пріѣзжаетъ по дѣламъ своимъ въ сіи мѣста. Онъ мой корреспондентъ, а я, какъ комиссіонеръ, исправляю всѣ дѣла его въ Польшу. Да, кромѣ сего, онъ лично хорошій пріятель; а какъ онъ около 2 мѣсяцевъ до бѣгства моего находился въ Варшавѣ и меня, такъ сказать, ежедневно посѣщалъ, даже за день предъ моимъ уходомъ у меня обѣдалъ, то и былъ весьма обрадованъ, когда, по прибытіи моемъ въ Краковъ, нашелъ его тамъ. Такимъ образомъ подало сіе поводъ выпить на радости стаканъ вина, а можетъ быть и лишній, при чемъ тогда и продолжался разговоръ тотъ, о которомъ я выше упомянулъ. Онъ тогда оставался только еще 2, или 3, дня въ Краковѣ, а потомъ, для дальнѣйшихъ дѣлъ своихъ, отправился въ Вѣну. Впрочемъ, въ дѣлахъ революціи Польской не принималъ онъ ни малѣйшаго участія, и я ему не вѣрялъ ни чего, кромѣ того, что мы говорили въ Краковѣ по окончаніи дѣла. Да онъ и вообще болѣе купецъ, нежели политикъ, а по тому и никогда въ жизни своей ни въ какую революцію вмѣшиваться не будетъ.

На 5-й. Что принадлежитъ до вопроса, чтобы я открылъ свои мысли, куда пылкія Польскія революціонныя головы могли бы теперь обратиться, дабы можно было опять что ни будь новое затѣять, и не будетъ ли, можетъ быть, Галиція мѣстомъ ихъ сборища? на сіе могу я только съ откровенностью сказать, что равномѣрно думаю, что если кто ни будь еще тамъ существуетъ, или бы хотѣлъ отважиться предпринять что либо подобное, то, конечно, избралъ бы онъ не иное мѣсто, какъ Галицію, а только не Великую Польшу, хотя тамъ недовольныхъ гораздо болѣе, по тому что они весьма близки къ непріятелю, и вся его сила падетъ имъ на шею, что они умѣютъ слишкомъ хорошо исчислять; въ Украинѣ

и въ Подоліи еще того менѣе, поелику тамъ каждый Россійскимъ Императорскимъ Правленіемъ достаточно доволенъ, а крестьянинъ, который въ семь дѣлъ важнѣе всѣхъ, желалъ уже тамъ вообще изъ давнихъ временъ, ради Закона (Вѣры), Россійскаго Правительства. По чему, безъ сомнѣнія, не остается много угла, кромѣ Галиціи. При томъ пылкая голова, и для большаго своего воспаленія, приметъ и то еще въ уваженіе, что видитъ Турецкія и Венгерскія границы гораздо ближе, нежели Австрійскія; но слишкомъ хорошая политика въ Галиціи и по истинѣ большая часть довольныхъ своимъ Правительствомъ, конечно, предупредятъ и воспрепятствуютъ такому злу. Но вообще крайне сомнѣваюсь я, чтобы кто ни будь въ нынѣшнемъ поколѣніи сыскался, который бы что либо тамъ, или въ другомъ мѣстѣ, предпринялъ, по тому что плачевныя послѣдствія таковыхъ слабосидныхъ предпріятій могутъ служить величайшимъ предостереженіемъ для каждаго, который былъ тому очевиднымъ свидѣтелемъ.

На 6 й. Что касается до вопроса о Нецкомъ, который меня предупѣдомилъ о повелѣніи Барона Игельстрома взять меня подъ стражу, откуда онъ сіе узналъ, то я упомянулъ уже о томъ въ заключеніи отвѣта на 1-й пунктъ и привелъ также тамъ яснѣйшія причины, для чего того не знаю и не имѣлъ нужды знать. Все сіе повторительно подтверждаю и здѣсь, и могу токмо присоединить единое то, что можетъ нѣсколько пояснить нѣкимъ посредственнымъ образомъ сіе обстоятельство. Сей Нецкій былъ молодой, но степенный, человекъ, лѣтъ около 25, или 26. Онъ домогался Аудиторскаго мѣста въ оставшемся Виртембергскомъ полку, гдѣ нѣкій Фабриціи находился Подполковникомъ, и онъ окружалъ всегда, какъ мнѣ сказывалъ, сего Фабриція, который былъ противъ нашей партіи, поелику, яко чрезъ Россійскую протекцію въ Подполковники произведенный, былъ онъ всегда въ Россійскихъ обществахъ. Сей могъ, конечно, чрезъ свое обхожденіе узнавать о многомъ, что, можетъ быть, даже яко тайна переходила въ Россійской партіи отъ одного уха къ другому, а онъ, можетъ быть, не удержался сообщать сего за тайну третьему въ присутствіи Нецкаго, а, можетъ быть, и Нецкому самому, по тому что онъ у него всегда игралъ роль довѣреннаго человека, по крайней мѣрѣ увѣрялъ меня самъ Нецкій и далъ мнѣ однажды прийтти, что

онъ чрезъ сей каналъ можетъ узнать многое, что для насъ трудно. Слѣдовательно, теперь должно изыскать, съ кѣмъ помянутый Подполковникъ Фабриціи имѣлъ обхожденіе, и что онъ, можетъ быть, посредственно и непосредственно довѣрилъ Нецкому. Я, съ моеи стороны, Фабриціи не знаю, а по тому и не могу ни чего далѣе объявить. Буде же и съ этой стороны ни чего нельзя будетъ узнать, то надлежало бы испытать еще и другое средство, а именно: изслѣдовать тѣхъ, которые Нецкаго короче знали въ разсужденіи сего вопроса: съ кѣмъ именно Нецкій имѣлъ тѣсное обхожденіе, съ мужчинами, или съ женщинами? Можетъ быть удастся попасть на стезю. На сей конецъ надлежало спросить нѣкоего Дворянина Хржановскаго и дочь его, въ домѣ коего сей Нецкій умеръ, а при томъ, дабы болѣе удостовѣриться въ показаніи ихъ, открыть имъ причину, для которой хотятъ точно извѣститься о такомъ его обхожденіи. Въ такомъ случаѣ увѣренъ я, что какъ отецъ, такъ и дочь, откроетъ чистоосердечно все, что знаютъ, для отысканія слѣдовъ, или для означенія тѣхъ, кои Нецкаго еще короче знали. И такимъ образомъ можно бы обратиться до какого либо измѣнника въ Канцеляріи Игельстрема, и лучше предать его праведному наказанію, нежели видѣть меня за такое обстоятельство страждущаго. Ибо, предъ Богомъ! въ семъ дѣлѣ невиненъ я столь же, какъ и агнецъ, и ни чего такъ усердно не желаю я, какъ чтобы сіи, мною теперь преподанные, способности могли достаточно объяснить сіе, для меня крайне мучительное, обстоятельство, поелику я ни какъ не въ состояніи подать подробнѣйшаго объ ономъ свѣдѣніи. Касательно вопроса о Францѣ Готье, упомянулъ я уже объ ономъ предварительно въ 1-мъ пунктѣ, что онъ мнѣ давалъ всегда надежнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ движеніяхъ Россійскаго войска, о коихъ извѣщался онъ безпрестанно отъ Россійскаго Квартирмейстра, что я и здѣсь повторяю. Однако ни какъ не могу я здѣсь сказать, какъ сихъ Квартирмейстровъ называли, отъ коихъ онъ имѣлъ таковыя извѣстія. Я никогда не спрашивалъ его о томъ, полагаясь совершенно на его дружбу и честность, а обстоятельства революціи интересовали его столько же, сколько и меня, поелику онъ богатый, въ Варшавѣ торгующій, купецъ и все о приуготовленіи революціи сначала зналъ чрезъ меня, хотя никогда и не былъ на конференціи. По сей причинѣ не могъ онъ ни какъ доставлять мнѣ лож-

ныхъ извѣстій, постигая всю важность дѣла, для коего оныя были мнѣ нужны. Но можно его самого спросить: онъ вѣдь еще живъ, и если не возвратился въ Варшаву, то находится еще въ Галиціи. Онъ былъ заступателемъ мѣста въ Верховномъ Совѣтѣ. Предварительно долженъ я при семъ обстоятельствахъ присовокупить единственно и то, что онъ узнавалъ о таковыхъ обстоятельствахъ не подкупами, но извѣщался чрезъ разговоры, какъ будто для удовлетворенія своего любопытства, при ежедневномъ обращеніи съ Россійскими Квартирмейстерами, которые, безъ малѣйшаго къ нему подозрѣнія, сказывали ему все, что онъ хотѣлъ знать. Наконецъ въ разсужденіи вопроса о Мощинскомъ, ссылаюсь я равнобѣрно на то, что сказалъ уже въ отвѣтъ на 1-й пунктъ, и присовокупаю токмо, что сей меня за день предъ бѣгствомъ моимъ изъ Варшавы предостерегъ, что не токмо въ разсужденіи насъ послѣдовала измѣна, о чемъ мы уже двумя днями раньше знали, но что даже отъ Барона Игельстрома дано повелѣніе многихъ изъ насъ на будущую ночь арестовать, слѣдовательно, кромѣ бѣгства, не остается намъ ниаго средства. Когда я его потомъ спросилъ, увѣдомленъ ли о всемъ ономъ и Маршалъ, дядя его, то онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что «точно увѣдомленъ, ибо за часъ назадъ велѣлъ онъ меня съ поспѣшностію привести къ себѣ, и спросилъ меня съ гнѣвнымъ лицомъ, по какимъ обществамъ я шатаюсь, что Баронъ Игельстромъ имѣетъ и меня въ своемъ реестрѣ. На сіе изъяснилъ я, и вывернулся сколько могъ. Но по словамъ дяди моего могъ я замѣтить, хотя онъ въ первый разъ отъ меня скрытенъ и не хотѣлъ прямо говорить, однако я совершенно удостовѣренъ, что, не взирая на всякое его покровительство, если сегодня переночую дома, то навѣрно буду подъ карауломъ у Игельстрома. Въ слѣдствіе сего укладываю я все нужное, сегодняшнюю ночь переночую у добраго пріятели, а завтра какъ можно ранѣе выберусь вонъ.» Сіе исполнилъ онъ также немедленно одно за другимъ, а я послѣдовалъ его примѣру, и сіе тѣмъ паче, поелику, когда я половиною часа позже возвратился домой, то мнѣ Цецкій подтвердилъ таковое извѣстіе слезами, не объявивъ, отъ кого слышалъ, а сказалъ токмо: «Довольно того; я совершенно знаю, что въ нынѣшнюю ночь многіе взяты будутъ подъ стражу, въ томъ числѣ и вы,» и просилъ меня, ради Бога, бѣжать. Поблагодаривъ искренне за его усердіе, исполнилъ я все тотчасъ и убѣжалъ извѣстнымъ

образомъ. Вотъ все, что я на предложенные мнѣ вопросы и на все, что къ онымъ отношеніе имѣеть, могу отвѣчать съ доброю совѣстію и предъ Богомъ! Богѣ ни чего не знаю. Между тѣмъ ласкаюсь я, что какъ сіе показаніе, такъ и предшедшія, докажутъ, по крайней мѣрѣ, любовь мою къ правдѣ такъ, что если я не удерживался въ разсужденіи ссылокъ на моихъ согражданъ, гдѣ токмо обстоятельства того требовали, то тѣмъ менѣе буду я скромнѣе въ разсужденіи иностранныхъ особъ; ибо какой интересъ могъ бы меня столь сильно привязать къ какому либо Секретарю, или Квартирмейстру, чтобы за него хотѣть страдать?

Андрей Капостасъ.

С.-Петербургъ. 7 Марта, 1795.

20.

ПОКАЗАНІЕ КИЛИНСКАГО

Родился я въ городѣ Познани; отъ роду мнѣ 34 года; называюсь Иванъ Килинскій; отецъ мой изъ Дворянъ въ должности Архитектора. Въ прошлую Конфедерацію имѣніе отца моего растащено было Казаками, по чему и принужденнымъ нашелся отъдать меня для обученія мастерства сапожнаго. По обученіи моемъ сдѣлали меня подмастерьемъ, чѣмъ и пріѣхалъ въ Варшаву, тому уже 15 лѣтъ. По пріѣздѣ моемъ записался я въ цехъ и, заплативъ должное, принялъ тамошнія правила. 4 года тому цехомъ избранъ былъ членомъ Магистрата. Собственный домъ каменный имѣю близъ подвала, имѣю жену, четырехъ сыновей и двухъ дочерей.

По уложеніи Конституціи Гродненской объ убавленіи нашихъ войскъ, въ то время Мадалинскій, собравъ свою бригаду, не знаю, по какому повелѣнію, вышелъ къ Прусскимъ границамъ и имѣлъ нѣкоторыя стычки. По приходѣ его въ Краковъ, революція уже началась. Какъ пришло извѣстіе въ Варшаву о разбитіи Россійскихъ войскъ Костюшкою, тогда Генералъ Ильгестромъ, собравъ изъ всѣхъ мѣстъ свои войска въ городъ Варшаву, расположилъ ихъ по квартирамъ, отъ 15 до 40 человекъ въ одномъ

домъ, а ежели кто не хотѣлъ имѣть постою, то принужденъ былъ платить по десяти злотыхъ на наждаго человѣка. Народъ сталъ ронгтать, что свои войска убавляютъ, землю раздѣляли, а чужихъ войскъ не выводятъ. Какъ Костюшко тронулся изъ Кракова и имѣлъ сраженіе подъ Рославицами, гдѣ имѣлъ поперхность, тогда Польскіе Офицеры начали говорить, что они не позволяютъ убавлять войскъ; а какъ Прусскія войска приближались къ Варшавѣ за четыре мили, и не стали допускать ни какихъ припасовъ, отъ чего сдѣлалась у насъ въ городѣ дороговизна, торговля вся остановилась, ремесленникамъ подати платитъ стало не изъ чего, и хлѣба купить для себя не на что, то по симъ причинамъ Генералъ Игельстромъ присылалъ въ Магистратъ спроситъ, какія хотятъ у себя имѣть войска, Прусскія, или Россійскія? на что отвѣтствовано, что желаютъ имѣть Россійскія, а о Прусскихъ просятъ, чтобъ отъ города отступили, для того, что они не впускаютъ ни какихъ припасовъ, и по тому самому Польскіе Офицеры безпрестанно ходили по городу, уговаривая, что Костюшко уже близко отъ города, и что Россійскія войска намѣрены вырѣзать весь городъ, въ случаѣ его приближенія, а ежели не то, то войска хотѣли насъ оставить, зажечь городъ и соединиться съ Костюшкой, имѣя повелѣніе отъ ихъ Гетмана Ожаровскаго, въ случаѣ надобности, соединиться нашимъ войскамъ съ Россійскими и вырѣзать насъ вмѣстѣ до остатку, впрочемъ, предоставляли на нашу волю. По такому случаю находились мы: всѣ между молотомъ и наковальнею, видя при томъ ежедневно, что Россійскія войска безпрестанно отпускали сабли, приготовляясь къ бою, угрожая, что на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія будутъ насъ рѣзать, о чемъ часто слыхали и отъ Офицеровъ и что по приближеніи Костюшки оружіе отъ нашихъ войскъ отберется непременно; а какъ началъ приближаться, то стали распускать Коронную гвардію Дзялынцовъ и Миронцовъ, что приводило въ страхъ весь народъ. Въ началѣ Страстной Недѣли Россійскій Офицеръ приходилъ ко мнѣ для покупки башмаковъ; купивъ, совѣтовалъ мнѣ выѣхать изъ Варшавы со всѣмъ моимъ семействомъ за нѣсколько миль, упоминая, что будетъ страшное позоріище, чего ради и Универсалъ объявляетъ, чтобы, по пробитіи 8 часовъ вечера, всѣ дома были заперты, что и служить знакомъ, что на сихъ дняхъ должно случиться что ни будь особенное; чему я и разсмѣлся, оказавъ ему, что вы шу-

тите, на что тотъ Офицеръ мнѣ повторилъ, что ежели начнется, то у васъ въ городѣ камень на камень не останется, и ежели не имѣешь денегъ, съ чѣмъ выѣхать, то я оными тебя ссужу, представляя мнѣ, что Россійскія войска безпрестанно собираются въ своихъ сборныхъ мѣстахъ. На Страстной Недѣлѣ, по полудни въ 8 часовъ, пришли ко мнѣ два Польскіе Офицера, просили ити съ ними, ибо имѣютъ нужду переговорить со мной. Я пошелъ съ ними въ домъ, называемый Эксъ-Езуитскій: тамъ нашелъ болѣе 20 Польскихъ Офицеровъ въ разныхъ платьяхъ и нѣкоторые узналъ, какъ то: артиллеріи Маіора Хоментовскаго, Полковника Горскаго, Капитана Линовскаго, Капитана Нецкаго, Капитана Добскаго, кавалеріи Поручика Захаржевскаго, Прапорщика Ласковскаго. Они спросили меня, принадлежу ли я къ революціи? на что я отвѣчалъ, что я не разумѣю, что такое революція. Они сказали: «Вы прежде присягните!» на что я не соглашался. Хоментовскій, вынувъ изъ одного кармана присягу, а изъ другаго родъ кинжала, сказалъ мнѣ: «Ежели не присягнешь, то убью тебя!» Я, видя такой страхъ, присягнулъ. Потомъ сказали, что «Русскіе хотятъ рѣзать въ Субботу, а мы ихъ хотимъ упредить въ этомъ. Вырѣзаемъ ихъ, соединимся съ Костюшкой, и отберемъ забранный нашъ край и Генерала принудимъ подписать, выступя изъ онаго, а вы членомъ Магистрата тоже значитесь и въ цеху, слѣдовательно, за вами въ слѣдъ всѣ пойдутъ, увидя васъ и имѣя къ вамъ привязанность.» Во Вторникъ тѣ же самыя пришли ко мнѣ, принуждая ити съ ними по другимъ цехамъ, назнача, на которыхъ улицахъ какому цеху собираться и чтобы каждый домъ былъ запертъ; коль скоро изъ пушекъ стануть стрѣлять, чтобы тогда всякій выходилъ и защищался противъ Русскихъ. Въ Среду весь народъ исповѣдывался, въ Четверкъ по утру, въ 5-мъ часу, Польская артиллерія начала стрѣлять, Королевскіе уланы, скача по улицамъ, кричали въ каждый домъ, что Россійскія войска хотятъ овладѣть нашимъ арсеналомъ. Я въ то время собралъ нѣсколько десятковъ людей, пошелъ съ ними къ арсеналу, боясь, что меня дома убьютъ. Пришедъ въ арсеналъ съ этими людьми, вывезъ пушку, ибо лошадей не было, напротивъ стоящей Россійской команды, которая еще не стрѣляла. Какъ отъ Мировской гвардіи начали стрѣлять, такъ и наши пушки стали стрѣлять, двигая ихъ все впередъ. А какъ Русскіе перебили нашихъ канонеровъ, то я заряжалъ, стрѣлялъ и пять

пушекъ отнялъ, четыре Россійскихъ, за что отъ своихъ Офицеровъ заслужилъ похвалу. Русскіе стояли на дворѣ Красинскомъ, на подвалѣ, въ Гданскомъ дворѣ, въ домѣ, гдѣ Графъ Игельстромъ стоялъ, и у Капуциновъ. Меня выбрали въ караулъ въ Королевскій замокъ, гдѣ находился до присылки смѣны. Въ то время народъ и войска выбрали своимъ начальникомъ Генерала Мокрановскаго, Президентомъ въ Старой Варшавѣ Закржевскаго. Въ Пятницу по утру начался опять огонь и Король посылалъ Закржевскаго и Мокрановскаго къ Генералу Игельstromу три раза, чтобы сдался. Но тотъ ни какъ не соглашался, только Г. Боуръ взять былъ, а Г. Игельstromъ, съ нѣсколькими десятками конницы, выскакалъ за городъ. Тогда народъ и войска наши принудили оставшихся въ квартирѣ Генерала служителей сдаться; и всѣхъ ихъ взяли въ полонъ. Когда все утихло, то меня выбрали, Венгерскаго и Малаховскаго, въ одной Комиссіи Презусомъ, для раздаванія пашпортовъ, потомъ меня назначили при допросахъ, также поручили мнѣ собирать и выпрашивать о вспомошествованіи на разныя надобности. Въ день Св. Станислава, по полуночи въ 4 часа, сдѣлалась большая тревога. Говорили, что Пруссія и Россійскія войска подходятъ къ Варшавѣ, а другіе кричали, что Король хочетъ уйти. Король только выѣхалъ прогуливаться на Пражскую сторону. Партія, стоявшая на Жабной улицѣ, хотѣла, по возвращеніи Короля, арестовать его, на что я, съ помощію другихъ, не соглашался, лучше собою хотѣлъ пожертвовать, чѣмъ до онаго допустить. Маіоръ Хоментовскій намѣревался уже, будучи во дворцѣ, меня убить въ глазахъ Королевскихъ. Король же, за оказанную привязанность къ нему, подарилъ мнѣ лошадь съ сѣдломъ и чапракомъ. Потомъ просилъ я начальствующихъ, чтобы, для сохраненія Королевской особы, нарядили жителей, двѣнадцать человекъ лучшихъ мѣщанъ, въ должность Адъютантскую въ караулъ, также купцы ходили бы. Та партія, которая хотѣла арестовать Короля, въ одну ночь выставила четыре висѣлицы, три на старомъ рынкѣ, а 4-ю на Краковскомъ предмѣстьѣ, передъ Бернардинами. На другой день пришли въ Ратушу, дождались Закржевскаго и, не допустя его въ оную войти, нѣкто Конюпка началъ ему говорить и требовать, чтобы Ожаровскій, Забѣла, Косаковскій и Анкевичъ, непременно были повѣшены, за взятіе денегъ отъ Россійскаго Двора. Закржевскій уговаривалъ ихъ въ ономъ. Но народъ закричалъ:

«Нѣтъ справедливости въ начальствующихъ!» вошелъ въ Ратушу и самъ собою побѣждалъ за женщинами. Ихъ привели, спрашивая, будутъ ли они осуждены, или нѣтъ, передали ихъ уголовному суду, который, сколько я знаю, Ожаровскаго за то повѣсилъ, что повелѣніе послалъ Полякамъ, чтобы противъ же Поляковъ были, а достальныхъ не знаю, въ чемъ я не былъ участникъ. Потомъ меня назначили уговаривать народъ къ обнесенію вала по городу, что охотно исполнялъ, и выводилъ въ сутки отъ 4 до 6 тысячъ человекъ, въ этомъ числѣ и знатныя дамы ходили, что казнѣ мало стоило. Потомъ Костюшко установилъ начальство, называемое «Рада Найвыжша.» которое раздѣлялось на 8 частей, къ каждой части 4 помощника, въ числѣ конхъ и я былъ назначенъ, къ подписи сдѣланныхъ ассигнацій, гдѣ начальствовалъ Колонтай; при мнѣ только пять засѣданій было; готовыхъ денегъ я не видалъ. Присланные отъ Начальства ассигнаціи, мы подписавъ, отсылали къ Казначей Бернадскому. Потомъ меня назначили къ лотерей Презусомъ, свидѣтельствовалъ при томъ и мостовые счета, чѣмъ такъ долженъ былъ заниматься, что недоставало мнѣ времени узнавать о другихъ дѣлахъ. Начальство установило цыркулы, назначивъ сто Десятниковъ, трехъ Тысячниковъ, для удержанія порядка къ хожденію при дѣланіи вала. Въ первый разъ, какъ приказано было тремъ цыркуламъ, для примѣру, чтобъ всякій зналъ во время тревоги свое мѣсто, вышло 6 тысячъ, и былъ тамъ Конопка, который рѣчь говорилъ народу, чтобъ они понуждали Начальниковъ наказывать измѣнниковъ Отечества; идучи назадъ, опять говорилъ рѣчь народу. Когда оную кончилъ, пошли за лѣсомъ для дѣданія висѣлицъ; иные довольны были тѣмъ, думая, что случай опять будетъ грабить. Я пошелъ съ Вице-Президентомъ Лукашевичемъ уговаривать народъ. Меня хотѣли было пераго вѣшать; и ежели бы регулярные солдаты не оборонили, то бы насъ вѣрно повѣсили. На другой день опять пришли къ Начальству и иные сопротивлялись тѣмъ, даже ранили того, которому приказано было подрубать столбы. Послѣ чего оные болѣе Начальства не просили, а осужденныхъ сами собой вѣшали. Свидѣтель тому всему Закржевскій, который, идучи со мной, съ великимъ трудомъ освободилъ Мощинскаго и другихъ. Многие отдадутъ мнѣ справедливость, что всегда уговаривалъ народъ, сказывая, что не то время, чтобъ людей приговаривать къ смерти, ибо мы еще не въ

тѣхъ обстоятельствахъ, а лучше заниматься нужнѣйшими дѣлами, когда Отечество наше опять настанетъ. Потомъ Начальство приказало арестовать болѣе 400 человекъ; сдѣлавъ допросы, приказали семерыхъ повѣсить изъ тѣхъ, которые сами собою вѣшали, а другихъ по одиночкѣ ковали въ желѣза. Копонка былъ осужденъ въ пороховомъ магазинѣ, покуда продолжится война въ Отеествѣ. Потомъ хотѣли, снявъ Дворянство, выгнать его изъ Отечества, а я ничѣмъ не приличился виновнымъ. Въ противномъ случаѣ былъ бы и я, конечно, повѣшенъ. Я сдѣлалъ предложеніе: не лучше ли праздношатающихся ловить и опредѣлять къ войску, дабы установить тишину въ Варшавѣ? ибо умножилось количество шатающихся и верхъ такой взяли было, что Начальство было въ опасности. Потомъ я былъ съ депешами отправленъ къ Костюшкѣ подъ Голковъ, который, прочтя, приказалъ 4 тысячамъ человекъ, чтобъ переловить праздношатающихся, меня снабдилъ патентомъ Полковничьимъ и далъ мнѣ повелѣніе вербовать. Я ото всѣхъ должностей отказался и началъ вербовать праздношатающихся. Подъ начальствомъ моимъ полкъ назывался двадцатый, въ коемъ состояло 670 рядовыхъ. Съ ними стоялъ я подъ Раковцами и училъ приемы дѣлать и маневры. На вербованье оныхъ и на одежду всего отъ казны получилъ 10,000 злотыхъ, на что не могъ и половиннаго числа одѣть. Принужденнымъ нашелся собственно свои тратить, коихъ и по сіе время мнѣ еще не отдали. Помощниками въ ономъ полку я имѣлъ: Подполковника: Конарскаго, Маіоровъ: Мархоцкаго и Сосновскаго, Капитановъ: Орловскаго, Августина Осѣцкаго, Буславскаго и Новицкаго, Поручиковъ. Ружанскаго, Незабытовскаго, Жыхотинскаго и Якоба Осѣцкаго, Подпоручиковъ: Манкаревскаго, Багинскаго, Геховича и Осѣцкаго, Пранорщиковъ: Закржевскаго, Вѣдровскаго, Грабовскаго и Минцера. 11 недѣль находился противъ Пруссаковъ, съ которыми имѣлъ разныя сраженія, гдѣ и раненъ 2 раза. Потомъ изъ моего полку отрядили 300 человекъ съ пушками къ Князю Іосифу подъ Сохачевъ, 200 человекъ на Прагу подъ гору, сто для печенія хлѣба, 70 для караулу лазарета, а мнѣ дали команду надъ канонерами противъ Пруссаковъ съ 8 пушками. Какъ Прагу взяли, а Варшава сдалась, то мнѣ послали повелѣніе съ пушками и людьми ити подъ Мокотовъ, куда должны наши войска собраться. Оттуда мы пошли въ Лу-

бельскѣ до Конска. Тамъ пѣхота сдалась, идучи по дорогѣ, оставлялись пушки, и уже Вавржецкому никто повиноваться не хотѣлъ. Дошелъ до Радошицъ, тамъ остальные наши войска сдались Россіи. Я, заплакавъ и видя, что все потерялъ, поѣхалъ въ Познань и тамъ явился у Коменданта, который меня приказалъ посадить подѣ стражу, не повѣривши, что всѣ наши войска сдались. Я для того поѣхалъ къ братьямъ, что считалъ, что мнѣ помогутъ, такъ какъ я все потерялъ. Содержавъ меня двѣ недѣли подѣ карауломъ, просилъ я, чтобъ меня отослали въ Варшаву, куда я и былъ посланъ къ Графу Суворову. Отъ него отосланъ къ правящему должностъ Комендантскую. Тамъ меня допрашивали, а на другой день выпустили. Послѣ опять былъ взятъ подѣ стражу и сюда привезенъ. Все оное извѣстно Закржевскому, Потоцкому, Мостовскому, Капустѣ и Костюшкѣ, а затѣмъ ссылаюсь на всѣхъ, находящихся въ Варшавѣ, что все реченное — истинная правда.

О чемъ предѣ отсылкою сюда, въ Варшавѣ, былъ допрашиваемъ: 1) Имѣли ль Поляки деньги? Оныхъ не видалъ сколько, только знаю, что забиралъ ихъ съ собой Колонтай. 2) Не занимали ли гдѣ денегъ? Признаюсь, что ни отъ кого не занимали. 3) Корреспонденціи имѣли ли и съ которыми Дворами? Объ ономъ я не извѣстенъ, о чемъ долженъ знать Потоцкій и Костюшко. 4) Съ Французами не имѣли ли переписки? Не знаю, но думаю, что нѣтъ, ибо мы не хотѣли учреждать наши дѣла на Французской ногѣ, а хотѣли имѣть Королевское наследное и основательное Правленіе, ибо народъ привязанъ къ своему Королю. Оружіе наше, по взятіи Праги, все отобрано. За тѣмъ готовъ присягнуть, ежели въ томъ есть надобность, и подвергаю жизнь свою, что болѣе ни чего не знаю, и написалъ сущую правду, въ чемъ и подписуюсь.

Янъ Килинскій.

СПИСОКЪ

**О ВСѢХЪ ШЛОСТЯХЪ, ИЗЛІЯННЫХЪ ПОКОЙНЫМЪ ГОСУДАРЕМЪ
ИМПЕРАТОРОМЪ ПАВЛОМЪ I, ВЪ ДЕНЬ ЕГО КОРОНАЦІИ,**

5 Апрѣля, 1797 года,

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ЩЕДРОСТЬ ЕГО ВЕЛИКІЯ ДУШИ ОЗНАМЕНОВАВШИХЪ,
И ПРИМѢРЪ СЕБѢ НИ ВЪ РОССІИ И НИ ВЪ КАКОМЪ ДРУГОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
НЕ ИМѢЮЩИХЪ. ***

Апрѣля 5 дня, 1797 года, въ день Святѣннѣйшаго Коронованія и Муропомазанія Его Императорскаго Величества, Всемилоствѣннѣе пожалованы:

Генераль-Фельдмаршалу Графу Салтыкову 1-му крестъ звѣзда ордена Св. Апостола Андрея, алмазами украшенные.

Генераль Фельдмаршалу Князю Репнину 6000 душъ.

Канцлеру Графу Остерману крестъ и звѣзда Св. Апостола Андрея, алмазами украшенные.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику перваго класса, Графу Безбородку, вотчина послѣ умершаго Бригадира Князя Кантемира, въ казну вступившая, въ Орловской Губерніи, и тридцать

* Выписанное заглавіе написано Вице-Канцлеромъ, Княземъ Александромъ Борисовичемъ Кураквнымъ, собственноручно; дагѣ списокъ писанъ одною рукою, вѣроятно, Писаря, или Секретаря, Князя Кураквна. Настоящій списокъ найденъ нами въ собраніи бумагъ Князя Александра Борисовича; бумаги этѣ принадлежать пынѣ Барону Михайлу Николаевичу Сердобину, который весьма обязательно предоставилъ мнѣ ими воспользоваться. М. С.

тысячъ десятинъ изъ порозжихъ казенныхъ земель въ Губерніи Воронежской. Сверхъ того ему же Княжеское Всероссійской Имперіи достоинство съ титуломъ Свѣтлости и 6000 душъ на его выборъ.

Статсъ-Дамѣ Ливенъ 1500 душъ.

Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Эльмптъ въ Генералъ-Фельдмаршалы; ему же орденъ Св. Апостола Андрея.

Генералъ отъ Кавалеріи Графъ Мусинъ-Пушкинъ въ Генералъ-Фельдмаршалы; ему же 4000 душъ.

Генералъ отъ Инфантеріи Каменскій въ Генералъ-Фельдмаршалы; ему же Графское Россійской Имперіи достоинство.

Оберъ-Каммергеру Шувалову 3000 душъ.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Измайлову крестъ и звѣзда, алмазами украшенные, ордена Св. Андрея.

Оберъ-Егермейстеру Князю Голицыну 2000 душъ.

Адмиралу Голенищеву-Кутузову 1300 душъ.

Генералу отъ Инфантеріи Каховскому Графское Россійской Имперіи достоинство и 2000 душъ.

Генералу отъ Инфантеріи Гудовичу 2-му Графское Россійской Имперіи достоинство.

Адмиралу Пуцину въ Минской Губерніи 1300 душъ.

О Р Д Е Н А

Святаго Апостола Андрея.

Оберъ-Гофмаршалу Орлову.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Стрекалову; ему же въ Малороссіи 2580 душъ.

Генералу отъ Кавалеріи Дерфельдену.

Оберъ-Шенку Князю Несвицкому.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Черткову.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Завадовскому.

Генералу Графу Воронцову; ему же въ вѣчное и потомственное владѣніе изъ купленныхъ, послѣ покойнаго Канцлера Графа Воронцова отъ Графа Скавронскаго, деревень въ Россійской Кареліи половинное число душъ.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Князю Юсупову.

Генералу отъ Инфантеріи Архарову 2000 душъ.

Генералу отъ Артиллеріи Меллисино 1000 душъ.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Вице-Канцлеру Князю Куракину 1-му, и Тайному Совѣтнику Генералъ-Прокурору Князю Куракину 3-му, въ Псковской Губерніи вотчина послѣ покойнаго Генералъ-Лейтенанта Ланскаго, въ казенное вѣдомство вступившая, называемая Велье, да изъ казенныхъ порожилъ земель двадцать тысячъ десятинъ въ Тамбовской Губерніи.

Сверхъ того особливо Вице-Канцлеру Князю Куракину въ Псковской Губерніи 2863 души, да Санктъ-Петербургской 1437.

А Генералъ-Прокурору Князю Куракину чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника.

Роды Римскія Имперіи Графовъ Воронцовыхъ, Графовъ Безбородко, Графа Дмитріева-Мамонова, Графовъ Завадовскихъ и Королевства Прусскаго Графа Буксгевдена, внести въ число родовъ Графскихъ Россійской Имперіи.

О Р Д Е Н А

Святаго Александра Невскаго.

Преосвященному Архіепископу Ростовскому Арсенію.

Преосвященному Архіепископу Евгенію.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Волкову; ему же 1000 душъ.

Генералу Свистунову.

Генералъ-Лейтенанту Князю Долгорукому.

Генералъ-Лейтенанту Графу Безбородку; ему же въ Литовской Губерніи 1049 душъ.

Генералъ-Лейтенанту Архарову 2-му; ему же 800 душъ.

Генералъ-Лейтенанту Вадковскому; ему же 1000 душъ.

Генералъ-Лейтенанту Бенкендорфу.

Гофмейстеру Загряжскому; ему же 800 душъ.

Гофмейстеру Князю Гагарину.

Шталмейстеру Князю Голицыну.

Тайному Совѣтнику Графу Румянцеву 3-му.

Тайному Совѣтнику и Гобударственному Казначею Васильеву Баронское Россійской Имперіи достоинство и 1500 душъ.

Тайному Совѣтнику Князю Гагарину.

Генераль-Маіору Плещееву; ему же въ Нижегородской Губерніи 110 душъ и на покупку дома 30,000, рублей.

Генераль-Маіору Ростопчину; ему же въ Орловской Губерніи 473 души.

Генераль-Маіору Донаурову; ему же на покупку дома 30,000 р.

Генераль-Маіору Кушелеву въ Тамбовской Губерніи 292 души, да изъ порозжихъ казенныхъ въ той же Губерніи земель 15,000 десятинъ и на покупку дома 30,000 р.

Генераль-Маіору Аракчееву; ему же Баронское Россійской Имперіи достоинство.

Генераль-Маіору Обольянинову.

О Р Д Е Н А

Святой Анны перваго класса.

Прѣосвященному Архіепископу Славенскому Никифору.

Преосвященному Епископу Суздальскому Виктору.

Преосвященному Епископу Коломенскому Аеанасію.

Синода и Большаго Успенскаго Собора Протоіерею Александру.

Синода Члену, Духовнику, Благовѣщенскаго Собора Протоіерею Исидору.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Грушецкому.

Генераль-Лейтенанту Ламбу; ему же въ Минской Губерніи 750 душъ.

Генераль-Лейтенанту Вязьмитинову; ему же въ Минской Губерніи 750 душъ.

Генераль-Лейтенанту Штрандману.

Генераль-Лейтенанту Простоквашину.

Генераль-Лейтенанту Князю Шаховскому; ему же 500 душъ.

Гофмейстеру Графу Головину.

Тайному Совѣтнику Вибикову.

Тайному Совѣтнику Квашину-Самарину.

Тайному Совѣтнику Князю Долгорукому.

- Тайному Совѣтнику Ржевскому 2-му.
 Тайному Совѣтнику и Коммерцъ-Коллегіи Президенту Сой-
 монову; ему же 800 душъ.
 Тайному Совѣтнику Кожину; ему же 500 душъ.
 Тайному Совѣтнику Колокольцову.
 Тайному Совѣтнику Князю Трубецкому 2-му.
 Тайному Совѣтнику Голохвастову 1-му.
 Тайному Совѣтнику Храповицкому; ему же 600 душъ..
 Тайному Совѣтнику и Медицинской Коллегіи Президенту
 Зиновьеву.
 Тайному Совѣтнику Князю Вяземскому 2-му.
 Тайному Совѣтнику Сабурову.
 Тайному Совѣтнику и Камергеру Нарышкину.
 Тайному Совѣтнику Мясоѣдову.
 Герцогскому Виртембергскому Оберъ-Камергеру Графу Пшк-
 леру.
 Камергеру и Сената Оберъ-Прокурору Князю Лобанову-
 Ростовскому.
 Генералъ-Маіору Графу Шувалову 1-му.
 Генералъ-Маіору Кологривову; ему же съ казенныхъ по-
 розжихъ земель въ Тамбовской Губерніи 15,000 десятинъ.
 Генералъ-Маіору Кутлубицкому.
 Генералъ-Маіору Баратынскому.
 Генералъ-Маіору Нелидову.
 Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Карадыкину; ему же
 600 душъ.
 Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Кроху; ему же въ
 С-Петербуржской Губерніи 600 душъ.
 Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Барону Николаю.

О Р Д Е Н А

Святой Анны второго класса.

- Московскаго Архангельскаго Собора Протоіерею Петру.
 Генералъ-Маіору Князю Шаховскому.
 Генералъ-Маіору Неплюеву.
 Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Московскому Губер-
 натору Козлову.

Сената Оберъ-Прокурору Муханову.

Дѣйствиельному Статскому Совѣтнику Львову; ему же 600 душъ.

Статскому Совѣтнику Голубцову.

Статскому Совѣтнику и Московскому Почтъ-Директору Пестелю; ему же 300 душъ.

Статскому Совѣтнику Обрезкову; ему же чинъ Дѣйствиельнаго Статскаго Совѣтника.

Дѣйствиельному Тайному Совѣтнику Соимонову 1200 душъ.

Дѣйствиельному Тайному Совѣтнику Князю Щербатову 800 душъ.

Шталмейстеру Ребиндеру въ Лифляндіи бывшіе за нимъ по смерть 17 годовъ; ему же чинъ Дѣйствиельнаго Тайнаго Совѣтника.

Генералъ-Лейтенанту Левашову 1000 душъ.

Генералъ-Лейтенанту Князю Голицыну 1000 душъ.

Генералъ-Лейтенанту Беклешову 1000 душъ.

Генералъ-Лейтенанту Бердяеву въ Малороссіи 678 душъ.

Генералъ-Лейтенанту Нащокину 500 душъ.

Генералъ-Лейтенанту Ступишину 400 душъ.

Вице-Адмиралу Мордвинову 1000 душъ.

Гофмаршалу Графу Тизенгаузену 800 душъ.

Оберъ-Церемоніймейстеру Валуеву 800 душъ.

Егермейстеру Потемкину 500 душъ

Тайному Совѣтнику Тучкову 800 душъ; ему же чинъ Дѣйствиельнаго Тайнаго Совѣтника.

Тайному Совѣтнику Пастухову 800 душъ; ему же чинъ Дѣйствиельнаго Тайнаго Совѣтника.

Его Императорскаго Величества Цесаревича Гофмаршалу Графу Толстому 600 душъ.

Тайному Совѣтнику Осипову 600 душъ.

Тайному Совѣтнику Протасову 800 душъ.

Тайному Совѣтнику Князю Вяземскому 800 душъ.

Тайному Совѣтнику Мусину-Пушкину Графское Россійской Имперіи достоинство.

Тайному Совѣтнику и Московскаго Университета Куратору Хераскову 600 душъ.

Тайному Совѣтнику Саблукову 500 душъ.

Тайному Совѣтнику и Бѣлорусскому Губернатору Жагулину въ Минской Губерніи 497 душъ.

Тайному Совѣтнику Молчанову 400 душъ.

Тайному Совѣтнику Сушкову 400 душъ.

Генераль-Маіору Лецано 400 душъ.

Генераль-Маіору Обрезкову 400 душъ.

Генераль-Маіору Барону Ферзену 300 душъ.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Главнаго Почтоваго Управленія Члену Судіенку въ Малороссіи 597 душъ; ему же чинъ Тайнаго Совѣтника.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Алопеусу въ С.-Петербургской Губерніи 900 душъ; ему же чинъ Тайнаго Совѣтника.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Троицкиному 1200 душъ.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Малороссійскому Губернатору Бакуринскому въ Малороссіи 431 душа.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Межевой Канцеляріи первому Члену Волчкову 600 душъ.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Левашову 400 душъ.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Смирнову 300 душъ.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Елагину 300 душъ.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Ансакову 300 душъ

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Борзову 300 душъ.

Тверскому Губернатору, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Тейльсу, 300 душъ.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Зуеву 200 душъ.

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Алексѣеву въ С.-Петербургѣ домъ казенный каменный, извѣстный подъ именемъ Вице-Губернаторскаго.

Статскому Совѣтнику Нелединскому-Мелецкому 800 душъ.

Статскому Совѣтнику и Малороссійскому Почтъ-Директору Милорадовичу въ Малороссіи 414 душъ.

Статскому Совѣтнику и Оберъ-Полиціймейстеру С.-Петербургскому Чушкову 300 душъ.

Коммерць-Коллегіи Вице-Президенту Долинскому въ Малороссіи 288 душъ.

Статскому Совѣтнику Соколовскому 250 душъ.

Статскому Совѣтнику Габлицу 250 душъ.

Статскому Совѣтнику и Придворной Конторы Члену Донаурову 250 душъ.

Статскому Совѣтнику, Присутствующему въ Кабинетъ, Борзову 200 душъ.

Статскому Совѣтнику и Синода Оберъ-Секретарю Рудановскому 200 душъ.

Статскому Совѣтнику Магницкому 100 душъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ФЛИГЕЛЬ АДЪЮТАНТЫ:

Полковнику Дризену 250 душъ.

Полковнику Герарду 250 душъ.

Инженеръ Подполковнику Опперману 200 душъ.

Флота Капитану 1 ранга Шишкову 250 душъ.

Маіору Вистицкому 150 душъ.

Полковнику Патрексову (?) 86 душъ.

Находящемуся при Ея Величествѣ Императрицѣ, Коллежскому Совѣтнику Полетикѣ 500 душъ.

Находящемуся въ Неаполѣ при Миссін, Коллежскому Совѣтнику Италинскому, въ Малороссіи 382 души.

Находящемуся при Генераль-Прокурорѣ, Коллежскому Совѣтнику Шеничному 250 душъ.

Коллежскому Совѣтнику Лѣвницеву 200 душъ.

Находящимся при Кабинетѣ, Коллежскимъ Совѣтникамъ Кайгородову и Протопопову, каждому по 150 души.

Полковнику Киселеву 200 душъ.

Маіорамъ: Семивскому, Андрееву и Звѣреву, каждому по 120 душъ

Надворному Совѣтнику и Синода Секретарю Соколову. 100 душъ.

Оберъ-Мундшенку Эмирову 120 душъ.

Камеръ-Фурьеру Назарову въ казенныхъ порозжихъ земляхъ, въ Тамбовской Губерніи, 6000 десятинъ.

Женѣ Камергера Ланскаго, урожденной Вилламовой, 600 душъ.

Вдовѣ Генераль-Лейтенанта Князя Гагарина, урожденной Плещеевой, 500 душъ.

Вдовѣ Генераль-Маіора Макоимовича въ Малороссіи 293 д.

Вдовѣ Коллежскаго Совѣтника Молчина 300 душъ.

Умершаго Генералъ-Маіора Николаева тремъ дочерямъ дѣвицамъ, каждой по 100 душъ.

Вдовѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Барона Аксебурга пенсіону по 2000 рублей на годъ съ дополненіемъ вексельнаго курса.

Отставному Генералъ-Маіору Бринку полный пенсіонъ, по чину его, изъ Кабинета.

Статскому Совѣтнику де Лоне единовременнаго награжденія 10,000 р.

Надворному Совѣтнику Сибургу пенсіона по 1520 рублей на годъ и сверхъ того единовременно 5000 р.

Надворнымъ Совѣтникамъ Цитовскому и Летохину прибавки къ ихъ нынѣшнимъ окладамъ, каждому по 450 рублей.

Коллежскому Ассессору Соколову таковой же прибавки 250 рублей.

Находящемуся при Лондонской Миссіи, Статскому Совѣтнику Лизакевичу, и Священнику Смирнову, прибавки, сверхъ нынѣшнихъ ихъ окладовъ, первому по 100, а послѣднему по 60 фунтовъ стерлинговъ на годъ.

Въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники:

ТАЙНЫЕ СОВѢТНИКИ.

Князь Трубецкой 1-й.

Свинчинъ (?).

Масловъ.

Симолинъ.

Кашталинскій.

Фонъ-Деръ-Остенъ-Сакенъ.

Въ Тайные Совѣтники:

Камергеръ и Министръ въ Берлинѣ Колычовъ.

Камергеръ и Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Членъ Графъ Панинъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

Лейбъ-Медикъ Крузъ.

Эпинусъ.

Лейбъ-Медикъ Рожерсонъ.

Бывшій Полоцкій Совѣтный Судья Храповицкій.

Министръ въ Дрезденѣ Баронъ Местмахеръ.

Рижскій Губернаторъ Графъ Менгденъ.

Курской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Шалыгинъ.

Бывшій Костромской Совѣтный Судья Михневъ.

Находящійся въ Комисіи о сочиненіи законовъ Яковлевъ.

Сената Оберъ-Прокуроръ Неклюдовъ.

Повѣренный въ дѣлахъ въ Мальтѣ Пеаро.

Министръ въ Лиссабонѣ Графъ Рехтеръ де Богребей-ингенъ.

Находящійся при Московскихъ Дворцовыхъ Строеніяхъ Князь Степанъ Куракинъ.

Кіевскій Губернаторъ Красно-Милашевичъ.

Министръ въ Мюнхенѣ Баронъ Вилеръ.

Курляндскій Губернаторъ Ламсдорфъ.

Выборгскій Губернаторъ Ридингеръ.

Совѣтникъ Правленія Ассигнаціоннаго Банка Князь Одоевскій.

Предсѣдатель бывшей Тамбовской Гражданской Палаты Чичеринъ.

Присутствующій въ Царско-Сельской Конторѣ Изъѣдиновъ.

Предсѣдатель бывшей Брацлавской Гражданской Палаты Графъ Ржеусскій.

Бывшій Тверской Губернаторъ Поликарповъ.

Лейбъ-Медикъ Бекъ.

Въ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ КАМЕРГЕРЫ:

КАМЕРЪ-ЮНКЕРЫ.

Петрово-Солово.

Загряжскій.

Камеръ-Юнкеръ Государя Цесаревича Князь Голицынъ въ Камергеры къ Его Императорскому Величеству.

Гардеробмейстеръ Кутайсовъ въ Оберъ-Гардеробмейстеры 4 класса.

Въ чины Генералъ-Маіорскіе:

ШТАТА ПРОВІАНТСКАГО БРИГАДИРЫ.

Резановъ.

Ханыковъ.

Въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники:

БРИГАДИРЫ И ГУБЕРНСКІЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ ДВОРЯНСТВА.

Тульской — Исленьевъ.

Орловской — Цуриковъ.

Харьковской Хорватъ.

Владимирской Танферъ.

Новгородской Демидовъ.

СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

Калужской Губерніи Предводитель Есковъ.

Астраханскій Вице-Губернаторъ Лаптевъ.

Въ должности Оберъ-Прокурера Сената Кононовъ въ Оберъ-Прокуроръ

Бывшій Вице-Губернаторомъ Вознесенскимъ Глинка.

С.-Петербургской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Лефевръ.

Присутствующій въ Комиссіи о расхищенныхъ въ Комиссаріатъ деньгахъ Телопневъ.

Бывшій Ревельской Гражданской Палаты Предсѣдатель Нольконъ.

Тамбовскій Вице-Губернаторъ Языковъ.

Находящійся въ Комиссіи о сочиненіи законовъ Ананьевскій.

Медицинской Коллегіи Членъ Баронъ Ашъ.

Лейбъ-Хирургъ Кельхенъ.

Бывшій Курскій Совѣстный Судья Анненковъ.

Академіи Наукъ Совѣтникъ Чихачовъ.

Коммерцъ-Коллегіи Вице-Призедентъ Васильевъ.

Совѣтники Правленія Ассигнаціоннаго Банка Козловъ и Львовъ.

Костромской Казенной Палаты Совѣтникъ Путимцовъ.

Псковской Палаты Суда и Расправы Совѣтникъ Фрауендорфъ.

Воронежской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Маринъ.

Вологодской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Норманъ.

Московской Палаты Суда и Расправы Совѣтникъ Свѣчинъ.

Ревельской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Фонъ-Деръ-Паленъ.

Рязанскій Вице-Губернаторъ Третьяковскій.

Московской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Волынскій.

Присутствующій въ Кабинетѣ Баронъ Николай.

Управляющій Третьею Экспедиціею Резанцовъ.

Праздніе въ Сенатѣ должность Оберъ-Прокурорскую въ Оберъ-Прокуроры:

Шеншинъ.

Бобарыкинъ.

Рындицъ.

Въ Статскіа Совѣтники:

ПОЛКОВНИКИ И ГУБЕРНСКІЕ ДВОРЯНСТВА ПРЕДВОДИТЕЛИ.

Рязанскій — Дмитріевъ-Мамоновъ.

Новгородскій Комбурлей.

Бывшій Пензенскій. Директоръ Экономіи Потуловъ.

КОЛЛЕЖСКІЕ СОВѢТНИКИ.

Уфимской Губерніи Предводитель Булгаковъ.

Пермскій Вице-Губернаторъ Голубцовъ.

Находящійся при Тайной Экспедиціи Макаровъ.

Московского Отдѣленія Ассигнаціоннаго Банка. Директоръ Нестеровъ.

Герольдмейстерской Конторы Совѣтникъ Кроминъ.

Сената Оберъ-Секретарь Ивановъ.

Мануфактуръ-Коллегіи Вице-Президентъ Северинъ.
 Ассигнаціоннаго Банка Директоръ Фишеръ.
 Бывшій Вологодскій Совѣстный Судья Березницковъ.
 Главнаго Почтоваго Правленія Совѣтникъ Рязановъ.
 Тульской Губерніи Ефремовскій Городничій Сафоновъ,
 Астраханской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель По-
 лѣновъ.

Придворный Докторъ Вейкартъ 1-й.
 Придворный Докторъ Кернеръ.
 Симбирской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Бе-
 стужевъ.

Бывшій Олоноцкой Казенной Палаты Совѣтникъ Ушаковъ.
 При Таврическомъ Карантинѣ Главный Докторъ Самойловичъ.
 С.-Петербургскаго Архива Старыхъ Дѣлъ Членъ Голоква-
 стовъ.

Московского Губернскаго Правленія Совѣтникъ Владыкинъ.
 Нижегородскаго Губернскаго Правленія Совѣтникъ Сева-
 стьяновъ.

Московского Архива Старыхъ Дѣлъ Членъ Протопоповъ.
 Смоленской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Реше-
 товъ.

Правленія Заемнаго Банка въ должности Совѣтника Путя-
 тинъ.

Бывшій Костромской Директоръ Экономіи Васильковъ.
 Иркутскій Губернскій Прокуроръ Федоровъ.
 Бывшій Макарьевскій Совѣстный Судья Ерлыковъ.
 При Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Татищевъ.
 Бывшій Тульскій Совѣстный Судья Ивановъ.
 Сената Оберъ-Секретарь Ивановъ.
 Курской Губерніи Бѣлогородскій Городничій Мурдовинновъ.
 Академіи Наукъ Членъ Румовскій.
 Бывшій Московскаго Губернскаго Магистрата Предсѣдатель
 Кошелевъ.

Межевой Канцеляріи первый Членъ Апрѣлевъ.
 При Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Топорковъ.

БЫВШІЕ ПРОКУРОРЫ.

Въ Главной Провіантской Канцеляріи Князь Вяземскій.

Въ Главномъ Кригсъ-Коммиссаріатѣ Яковлевъ.

Бывшій Макарьевского Верхняго Земскаго Суда Предсѣдатель
Захаровъ.

Пензенской Губерніи Прокуроръ Враскій.

Экспедиторъ Конскихъ заводовъ второй Директоръ Остгофъ.

Рижскій Вице-Губернаторъ Фонъ Рихтеръ.

Сената Оберъ-Секретарь Литвинскій.

Находящійся въ Экспедиціяхъ Государственнаго Казначеи въ
должности Совѣтника Кокушкинъ.

Вѣдомства Комиссіи Иностранныхъ Дѣлъ Северинъ и Пи-
занъ.

Московской Палаты Суда и Расправы Совѣтникъ Олсуфьевъ.

Бывшій въ Выборгскомъ Верхнемъ Земскомъ Судѣ Предсѣ-
датель Пырскій.

Находящійся при Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ
Дѣвицъ Муравьевъ.

Управляющій Московскимъ Остаточнымъ Казначействомъ Ян-
ченко.

Совѣтники Экспедицій: Бахмейстеръ.

Зубковъ.

Нелединскій.

Тозлуковъ.

Прокуроръ Адмиралтейской Коллегіи Сонинъ.

Прокуроръ Военной Коллегіи Волынский.

Петръ

Александръ } Демидовы.

Иго Императорскаго Величества Адъютанты:

Гвардіи Преображенскаго полка Капитанъ Князь Голицынъ
въ Полковники.

Флота Подполковникъ Баратынскій въ Полковники; ему
же Орденъ Св. Анны 2 класса.

Гвардіи коннаго полка Секундъ-Ротмистръ Голенищевъ-
Кутузовъ въ Ротмистры; ему же 300 душъ.

ВЪ КОЛЛЕЖСКІЕ СОВѢТНИКИ ИЗЪ НАДВОРНЫХЪ СОВѢТНИКОВЪ:

Бывшій въ Московскомъ Совѣстномъ Судѣ Засѣдатель Плюсовъ.

Лейбъ-Хирургъ Баумгартенъ.

Находящійся при Ораніенбаумскихъ Дворцахъ и Садахъ Снѣтковъ.

Сухолутнаго Кадетскаго Корпуса Докторъ Гутрій.

Академіи Наукъ Ученый Секретарь Ейлеръ.

Бывшій въ Старорусской Нижней Расправѣ Судьею Кампфъ.

Бывшей Колыванской Губерніи Губернскаго Магистрата Предсѣдатель Тимирязевъ.

Академіи Наукъ Профессоры и Члены:

Лепехинъ.

Котельниковъ.

Протасовъ.

Рязанскаго Губернскаго Правленія Совѣтникъ Кафтыревъ.

Бывшій Смоленскимъ Совѣстнымъ Судьею Ефимовичъ.

Гвардіи Преображенскаго полка Штабъ-Лѣкаръ Брозинъ.

Сенатскій Архитекторъ Патонъ.

Костромской Казенной Палаты Ассессоръ Долножировъ.

Бывшей Полоцкой Губерніи Верхняго Земскаго Суда Предсѣдатель Климбергъ.

Находящійся при Ценаурѣ въ Ригѣ Туманскій.

Адмиралтейской Госпитали Докторъ Валеріянъ.

Бывшей Коммисіи Строенія С-Петербурга и Москвы Архитекторъ Леймъ.

Той же Коммисіи Секретарь Максимовъ.

Гвардіи коннаго полка Штабъ-Лѣкаръ Книпперъ.

Курекной Палаты Суда и Расправы Совѣтникъ Переверзевъ.

Бывшій Могилевской Губерніи Таможенныхъ дѣлъ Совѣтникъ Черняевъ.

Симбирской Казенной Палаты Совѣтникъ Эколевъ.

Троицкой пограничной Таможни Директоръ Долговоловъ.

Пензенскій Уѣздіи Предводитель Огаревъ.

Смоленскаго Губернскаго Правленія Совѣтникъ Коровинъ.

Новгородской Казенной Палаты Совѣтникъ Веденяпинъ.

Тобольской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Шапиловъ.

Смоленской Палаты Суда и Расправы. Совѣтникъ Жеребцовъ.

Штата С-Петербургской Управы Благочинія Штабъ-Лѣкарь Нилусъ.

Находящійся при пограничныхъ дѣлахъ въ Иркутскѣ Рей-елейнъ.

Канцеляріи Московскаго Университета Члены: Крупениковъ и Перелевкинъ.

Могилевской Палаты Суда и Расправы Предсѣдатель Ангельгардъ.

Минской Казенной Палаты Совѣтникъ Юзефовичъ.

Веневскій Уѣздный Казначей Колобковъ.

Бывшій въ Московскомъ Верхнемъ Надворномъ Судѣ Предсѣдатель Писаревъ.

Тамбовской Казенной Палаты Совѣтникъ Богдановъ.

Бывшей Полоцкой Уголовной Палаты Предсѣдатель Лобачовъ.

Военной Коллегіи Оберъ-Секретарь Крыжовъ.

Находившійся при Архіепископѣ Могилевскомъ Римской Церкви Яксевичъ.

Московскаго Воспитательнаго Дома Смотритель Шепелевъ.

«А опрочемъ въ нижнихъ чинахъ, конхъ нѣтъ, число или безчисленное множественное число; писать здѣсь вохъ не уснѣваю, да и вамъ, надѣюсь, будутъ они безнужны.» *

Пожалованія въ Статсъ-Дамы:

Графиня Мишскъ, урожденная Замойская.

Графиня Каменская, урожденная Княжна Щербатова.

Нарышкина, урожденная Закревская.

Еропкина, урожденная Леонтьева.

Княгиня Долгорукая, урожденная Графиня Бутурлина.

Безбородко, урожденная Забѣло.

Княгиня Радзивилъ, урожденная Приедецкая.

* Строки, поставленныя нами во ясныхъ знакахъ, писаны хотя тою же рукою, какъ и весь списокъ, но, вѣроятно, писаны отъ лица Князя А. Б. Куракина, при посылкѣ къ кому-то этого списка милостямъ. М. С.

Въ Камеръ-Фрейлины:

Фрейлина Нелидова.

Фрейдинни:

Дѣвицы Обрезковы.
Княгиня Волконская.
Графиня Катерина Воронцова.
Графиня Безбородко 1-я.
Баронесса Васильева.
Марья Измайлова.
Княжна Варвара Гагарина.
Васильчикова.

Въ тотъ же день, по Высочайшему Его Императорскаго Величества дозволенію, пожалованы отъ Ея Императорскаго Величества:

Дамами Ордена Св. Великомученицы Екатерины**Большаго Креста:**

Ея Королевское Высочество, вдовствующая Ландъ-Графиня Гессенъ-Кассельская, урожденная Принцесса Прусская.

Ея Королевское Величество Королевская Великобританская Принцесса Шарлота Матильда.

Оберъ-Гофмейстерина Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина.

Меньшаго Креста:

Графиня Катерина Васильевна Скавронская.
Графиня Катерина Петровна Шувалова.
Графиня Елисавета Васильевна Мусина-Пушкина.
Госпожа Ренне.
Софья Ивановна де Лафонъ.
Графиня Анна Павловна Каменская.
Марина Осиповна Нарышкина.
Елисавета Михайловна Еропкина.
Княгиня Катерина Александровна Долгорукая.

КВАКЕРЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Изъ Записокъ.)

.....Довольно. Я, думается мнѣ, рассказалъ все, что видѣлъ, что слышалъ, что дажно самъ зналъ, что развѣдалъ отъ другихъ о свѣтилѣ нашихъ дней. Заключение мои воспоминаія выпиской изъ одной рукописи, въ которой говорится о немъ, извлеченіемъ замѣчательныхъ строкъ изъ разныхъ писемъ Владыки и приведеніемъ нѣсколькихъ изъ знаменательныхъ изреченій его въ разныхъ случаяхъ. *

Рукописью, на Французскомъ языкѣ, меня ссудилъ Редакторъ Русскаго Архива, издаваемаго при Чертковской Библіотекѣ, обязательный П. И. Бартневъ. Это—краткое извлеченіе изъ «Дневника» одного Квакера, Стефана Грелье (Etienne de Grellet de Mabillet), ** который былъ въ Петербургѣ въ 1818—1819 (съ 12 Декабря 1818 г.). Онъ уже лично былъ извѣстенъ Императору. Въ бытность Александра I въ Лондонѣ нашъ Посолъ при Великобританскомъ Дворѣ, Князь Ливень, представилъ его Государю.

Изъ «Дневника», который велъ Грелье во все время пребыванія своего въ столицѣ и по дорогѣ до Одессы, откуда, 7-го Юля, 1819, отправился, съ товарищемъ своимъ, въ обратный путь моремъ, между прочимъ видно, что въ Петербургѣ онъ познакомился съ Княземъ А. Н. Голицынымъ, съ Митрополитомъ

* Авторъ составляетъ жизнеописаніе Московскаго Первосвященника: въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности былъ прочтенъ одинъ отрывокъ изъ этого труда, другой помѣщенъ въ «Домашней Бесѣдѣ» (Декабрь, 1866), въ «Странникѣ» 1864 г. напечатанъ тоже одинъ эпизодъ (№ 9, Сентябрь), и недавно также въ «Душенполезномъ Читаніи» 1867 г. (Мартъ, стр. 114 и сл.). О. Б.

** Слышно, что этотъ «Дневникъ» напечатанъ уже въ Америкѣ.

Михаиломъ, съ Епископомъ Филаретомъ, съ Княжной Софьей Сергѣевной Мещерской и съ многими духовными и свѣтскими лицами; что онъ обозрѣвалъ Ланкастерскія школы взаимнаго обученія, посѣщалъ содержавшихся въ тюремномъ и сѣзжихъ домахъ, освободилъ изъ нихъ своимъ ходатайствомъ двухъ женщинъ, временно задержанныхъ, а потомъ и какого-то, нѣсколько лѣтъ заключеннаго, преступника въ Абовской крѣпости; что въ Новороссійскомъ краѣ онъ раздавалъ Библии, изучалъ расколы Мѣнонистовъ и Молокаль, познакомился (въ Одессѣ, гдѣ сильны были тогда Езуиты) съ Попечителемъ колоній южнаго края, И. Н. Инзовымъ, и съ Аббатомъ Никодемъ.

Говоря объ Императорѣ и Императрицахъ, Маріи Феодоровнѣ и Елисаветѣ Алексѣевнѣ, онъ хвалился ихъ пріемомъ и бесѣдою. Съ Государемъ видѣлся онъ два, или три, раза и молился (будто бы) съ нимъ колѣнопреклоненно молчною молитвою, въ чашии сошествія на обомъ Святаго Духа. То же разсказывается и о Князѣ Голицынѣ, т. е., что и Князь, вмѣстѣ съ своимъ молодымъ Секретаремъ, Г. С. Поповымъ, также призывалъ и ожидалъ Св. Духа. Бесѣды его съ Митрополитомъ и Викаріемъ не сопровождались, однако, молитвеннымъ молчаніемъ, колѣнопреклоненіемъ и т. п. Михаилъ въ тѣрѣ (конечно, въ бѣломъ клобукѣ, украшенномъ алмазнымъ крестомъ), съ панагіей на шеѣ, съ четками въ рукахъ и звѣздою на груди, произвелъ на него странное впечатлѣніе: онъ видѣлъ въ немъ Первосвященника Іудейскаго!.. Впрочемъ, Квакеръ остался доволенъ его съ нимъ бесѣдою, разумѣется, прिवѣтливой и, можно прибавить, осторожной. Воспитанникъ «Дружескаго Общества» долженъ былъ знать мнѣнія, обычаи и странности Члена «Общества Друзей.»

Сколько праздничная одежда Митрополита, его пространныя залы, не безъ украшенія, съ портретами, съ канделябрами, съ покойною мебелью, не удовлетворили простотѣ вкусовъ и приличекъ Квакерскихъ, столько же Гредль былъ доволенъ необширными покоями Викарія Филарета, безъ всякаго убранства и съ простою, необходимою только, мебелью, «какъ монашеская келья.» Молодой Епископъ былъ одѣтъ по будничному, и это также было гостю любо.

Вотъ что сказано о немъ въ «Дневникѣ» (Прилож. 48): «Это мужъ науки и знатокъ всѣхъ мертвыхъ языковъ и Восточныхъ (*familier avec toutes les langues mortes et orientales*); не менѣе того въ немъ видны признаки большого смиренія. Его уважаютъ, какъ челоѣка набожнаго и духовнаго. И по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, и по тому, что намъ о немъ говорили, мы думаемъ, что онъ заслуживаетъ эту добрую славу»... Далѣе: «Онъ сказалъ намъ, что изученіе древнихъ языковъ облегчаетъ пониманіе Св. Писанія (*parole écrite*), но что постиженіе Божіихъ дѣлъ даруется лишь Св. Духомъ, такъ какъ и постичь ихъ можно только духовно.»

Когда на вопросъ Епископа: «По чему «Общество Друзей» не приеѣтъ Св. Евхаристіи?» Квакеры объяснили по своему, что (т. е., какія качества, правила, вѣрованія и т. д.) составляетъ истиннаго Христіанина, Преосвященный имъ въ отвѣтъ молвилъ, что бывали у насъ пустынножители, совершенно отдѣлившіеся отъ міра и, слѣдовательно, не могшіе въ своемъ уединеніи ни участвовать въ общественномъ Богослуженіи, ни видимо приобщаться Тѣла и Крови Христовой (въ рукописи хлѣба и вина, *du pain et du vin*), но что, однако же, они дѣйствительно питались Господомъ Нашимъ, Іисусомъ Христомъ, что служитель алтаря былъ ихъ служитель (*le ministre du sanctuaire était leur ministre*), и что вѣрованіе ихъ было въ духъ и истинѣ.»

Здѣсь, какъ замѣтилъ мнѣ Владыка, прослушавъ эту записку, Грелье невѣрно истолковалъ его слова. Онъ объяснялъ ему историческими примѣрами, что и въ пустыни нѣкоторые изъ отшельниковъ удостоивались приобщенія предъ смертію, но не непосредственно, или въ духѣ, по Квакерскимъ понятіямъ, а видимо, при посѣщеніи ихъ священнослужителемъ, случайно ли, по слуху ли о болѣзни и т. д., всегда же по устроенію Божію. Такимъ-то образомъ «служитель алтаря былъ ихъ служителемъ,» т. е., свѣдѣтелемъ послѣдней ихъ исповѣди и подателемъ напутственной имъ Евхаристіи. Такъ «Богодвижный» Зосима пришелъ на помощь къ Маріи Египетской. Эта мысль подробно изложена имъ и въ одной изъ его проповѣдей (ч. II. стр. 43).

«Въ заключеніе, продолжаетъ Грелье, Викарій сказалъ, что церковные уставы, обряды и правила то же для Христіанъ, что

былъ законъ для Евреевъ: пѣстунъ, приводящій насъ ко Христу. Онъ есть конецъ всѣхъ ихъ и ихъ сущность.» Этѣ слова и во Французской рукописи поставлены по Русски; но вѣрно ли переданы?

Далѣе, Грелье упоминаетъ о томъ, что «Филаретъ былъ орудіемъ многихъ преобразованій въ духовенствѣ (dans le clergé); что Императоръ, зная его достоинства, имѣетъ къ нему большое довѣріе, и что ему предпочтительно предоставленъ выборъ людей, уважаемыхъ за ихъ пажобность и духовность, на важнѣйшія должности въ Греческой (въ Русской) Церкви и начальствованіе въ значительныхъ училищахъ.»

О прощальномъ свиданіи своемъ съ нимъ, онъ говоритъ, что оно было торжественно и трогательно. «Онъ (написано въ «Дневникѣ») съ полной свободой и Христіанской нѣжностью объяснилъ намъ свои упражненія и попеченія Христіанскія... (вѣроятно, Святительскія обязанности и приуготовленія къ Богослуженію). «Нѣсколько секундъ мы были погружены сами въ себя... Мы сознали наше духовное общеніе, по тому что насъ осѣнило (и въ рукописи по Русски «осѣнилъ») могущественное крещеніе во истину (le puissant baptême de la vérité)... При прощаніи съ нами онъ былъ очень умиленъ, обнялъ насъ и далъ намъ поцѣлуй любви во Христѣ.»

На сколько вѣрно переданы бесѣды Квакеровъ съ твердо Православнымъ Архіереемъ, на сколько могли понять они истинный смыслъ его выраженій, на сколько должно отнести ихъ ощущенія и выводы къ обычнымъ имъ взглядамъ и убѣжденіямъ, подъ впечатлѣніемъ которыхъ они себѣ все объясняютъ съ своей Квакерской точки зрѣнія на людей, на религію, на событія? Всѣ этѣ вопросы предоставляются собственному разрѣшенію читателя, лишь бы читающій разумѣлъ.

Новый знакомецъ представителей «Общества Друзей» снабдилъ ихъ письмами къ разнымъ, «извѣстнымъ ему своею духовностью,» лицамъ, которыхъ они предполагали посѣтить на пути своемъ изъ Петербурга въ Одессу. Въ прощальной запискѣ, «исполненной Христіанскихъ чувствъ,» онъ пожелалъ, чтобъ Гос-

нодь сопутствовалъ имъ, подобно какъ сопутствовалъ своимъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ.

Митрополитъ также пожелалъ имъ счастливаго пути. Въ заключеніе приведу изъ «Дневника» правильное мнѣніе Квакеровъ вообще о служителяхъ Православной и Латинской Церквей: «Удивительно, какъ въ высшей Іерархіи Греческой Церкви вѣра живѣе, нежели между Папистами, и образъ ихъ жизни вообще проще! Впрочемъ, тѣ, которыхъ мы видѣли, были намъ указаны по ихъ набожности.»

«Благодарю!» сказалъ Владыка, прослушавъ выписки изъ «Дневника» Грелье. «Это любопытно.» Словно тутъ не о немъ шло дѣло.

Н. Сушковъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Divers passages, tirés des mémoires d'Etienne de Grillet de Mobiller, membre de la société des amis, autrement nommés Quakers, sur son voyage en Russie en 1818.

De là nous sommes allés voir Philarète, archevêque et vicaire du Métropolitain. Il demeure dans ce même couvent. Son appartement est d'une grande simplicité, comme une cellule de moine; le peu d'ameublement y correspond; son habillement est semblable à celui de tout le clergé grec. C'est un homme de science et familier avec toutes les langues mortes et orientales; mais il a les signes d'une grande humilité; il est considéré comme un homme pieux et spirituel. Nous pensons d'après nos propres observations et ce qu'on nous en a dit, qu'il mérite cette réputation. Il nous a dit, que l'étude des langues anciennes pouvoit faciliter la compréhension de la parole écrite; mais que l'esprit de Dieu pouvoit seul donner le vrai discernement des choses de Dieu, parcequ'elles ne pouvoient être connues que spirituellement.

D'une façon très délicate il nous a exprimé le désir de savoir, pourquoi nous omettons l'usage si général parmi les chrétiens de prendre la communion, ou comme lui l'appeloit l'Eucharistie. Après que nous lui eûmes exposé ce, que nous supposons constituer le véritable chrétien, il répondit: Nous avons eu des hermites parmi nous, qui pour différentes raisons ont vécu entièrement séparés du monde et auxquels il étoit impossible de participer à la communion externe du pain et du vin et à d'autres cérémonies dans le culte de Dieu, qui néanmoins dans leur solitude, se sont effectivement nourris de notre Seigneur Jésus-Christ. Le ministre du sanctuaire étoit leur ministre et leur culte est en Esprit et vérité. Il

ajouta: Toutes les formes, les cérémonies et règles, qui ont été introduites dans l'Eglise, quoique faites avec la plus grande sincérité et dévotion, ne peuvent être, que ce qu'étoit la loi pour les juifs, прѣступъ приводящій насъ ко Христу, онъ есть конецъ всѣхъ ихъ и ихъ сущность.» Philarète a été un instrument de beaucoup de réformes dans le clergé. L'Empereur, qui connoit son mérite, a grande confiance en lui; c'est à lui, qu'est confié principalement le choix des personnes, les plus respectées pour leur piété et leur spiritualisme, qui sont appelées à remplir les places importantes dans l'Eglise grecque et à être placées à la tête des grandes écoles, dont il y a plusieurs dans l'Empire, supportées par le gouvernement.

Nous avons aussi fait une visite à Philarète pour prendre congé de lui. Notre entrevue avec lui a été réellement solennelle et pleine d'émotion; il nous a développé avec une liberté et une tendresse chrétienne ses exercices et ses préoccupations chrétiennes, et nous avons passé quelques instants de recueillement, nous avons reconnu notre communion spirituelle, car le puissant baptême de la vérité nous avoit оцѣнилъ. Il étoit très ému en se séparant de nous, nous prit dans ses bras et nous donna le baiser de l'amour en Jésus-Christ. En rentrant nous avons trouvé quelques lettres pour des personnes, dont la spiritualité lui est connue, et que nous trouverons dans notre voyage vers le midi de la Russie.

Philarète nous a adressé un billet plein de sentiment chrétien, dans lequel il désire, que le Seigneur soit avec nous dans notre route, comme il a été avec ses deux disciples dans leur route vers Emmaus! Le Métropolitain nous adressa également des adieux chrétiens. Nous avons passé la dernière journé chez Daniel Whides.

C'est étonnant, combien il y a plus de religion vivante parmi plusieurs hauts dignitaires de l'Eglise grecque, que parmi les papistes, et généralement leur genre de vie est plus simple; au reste ceux, que nous avons vus, nous ont été recoïnmandés pour leur piété.

ТРИ МИТРОПОЛИТА,

АМВРОСІЙ, МИХАИЛЪ И СЕРАФИМЪ.

(Изъ Записокъ.)

Съ любовію отзывается Московской Первосвятитель и о трехъ, послѣ Платона, ¹ первоприсутствовавшихъ въ Синодѣ Митрополитахъ: Амвросіи, Михаилѣ и Серафимѣ. «Это благодѣтель мой!» сказалъ онъ мнѣ о первомъ, вспоминая о быломъ. И дѣйствительно, Амвросій прежде всѣхъ понялъ и оцѣнилъ, вызваннаго, въ началѣ 1809 года, изъ Троице-Сергіевой Лавры, молодого Іеродіакона. Онъ первый прозрѣлъ въ немъ грядущаго проповѣдника. Онъ защитилъ его отъ нападокъ, сильнаго въ ту пору Члена Синода, Теофилакта. Онъ открылъ ему путь учено-служебный, сблизилъ его съ Оберъ-Прокуроромъ Синода и съ другими вліятельными лицами, доставлялъ ему заслуженныя награды и повышенія, ходатайствовалъ о назначеніи его своимъ Викаріемъ и постоянно сочувствовалъ его взглядамъ, видамъ, трудамъ и стремленіямъ. Въ добрый часъ палъ жребій Святительскаго служенія на избранника Божія: 5 Августа, 1867 года, минеть 50 лѣтъ, какъ Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, Архимандритъ Филаретъ, возведенъ въ Архіерейскій санъ. ² Не одна Москва, конечно, будетъ праздновать этотъ благословенный день. Всеобщая о немъ молитва, при всеобщей радости богомольнаго народа, вознесется во всѣхъ храмахъ Православной Россіи и во всѣхъ Русскихъ церквахъ за границей. И какъ не

¹ О немъ говорится въ другомъ мѣстѣ этѣхъ Записокъ.

² 5-го Августа хиротонисанъ, а Высочайшій Указъ о назначеніи его Викаріемъ С.-Петербургской Епархіи и Епископомъ Ревельскимъ данъ Святѣйшему Правительствующему Синоду 23 Юля, 1817.

помянуть на литургіи свѣтлое имя старѣйшаго въ Русской Іерархіи святителя и учителя столькихъ на Руси достойныхъ святителей и учителей? И не одно Духовенство съ Христолюбивымъ людомъ, не одна Троице-Сергіева Лавра съ Виоаніей—духовный памятникъ почившему въ ней Митролиту Платону, и съ Геосиманскимъ скитомъ — духовный памятникъ пребывающему среди насъ Филарету; не одна Московская Духовная Академія и Семинаріи Московской Епархіи будутъ торжествовать юбилей своего пастыря и проповѣдника: не останутся же равнодушны къ ученымъ трудамъ и письменной дѣятельности своего Члена и Академія Наукъ, и всѣ Духовныя и С.-Петербургская Медико-Хирургическая Академіи, и Московскій Унивѣрситетъ, и Общества: Исторіи и Древностей Россійскихъ, Любителей Россійской Словесности, Любителей Духовнаго Просвѣщенія, Человѣколюбивое, Археологическое, Географическое и другія ученыя и благотворительныя учрежденія. Не знаю, достигалъ ли кто у насъ доселѣ до полувѣковаго Архіерейскаго служенія, но собственно изъ Всероссійскихъ Митрополитовъ и Патріарховъ нашихъ никто еще не праздновалъ пятидесятилѣтней годовщины своей пастырской, ученой, письменной, служебной, проповѣднической дѣятельности. Что до подвиговъ молитвы и поста, любви къ ближнему и жертвъ на нуждающихся и страждущихъ; то уже не пятидесятилѣтіемъ ограничиваются дѣла Владыки: они продолжаютъ отъ дней честнаго и непорочнаго отрочества до дней честной и благочестивой старости. ³

Продолжу рѣчь о трехъ Митрополитахъ Петербургскихъ, рукоположившихъ во Епископа нашего Митрополита Московскаго.

По природѣ и правиламъ своимъ, Амвросій Подобѣдовъ былъ непоколебимо твердъ. Было время гоненія на него: ученый Теофилактъ, Архимандритъ Рязанскій, желаніемъ «возжела» сѣсть въ кресло Первоприсутствующаго. При сильныхъ связяхъ своимъ въ Петербургѣ, онъ приближался къ цѣли. Дру-

³ 21-го года онъ былъ уже Учителемъ Греческаго и Еврейскаго языковъ въ Сергіево-Лаврской Семинаріи; 26 Декабря, 1866 года, ему минуло 84 года.

Сказанное здѣсь о юбилеѣ напечатано, для всеобщаго извѣстія, въ Сѣверной Почтѣ 20 Марта, № 53, и переиздано въ «Москвѣ» 10 Марта, № 53 и въ Мартовской книжкѣ 1867 «Православнаго Обзорнія».

зья его успѣли охладить Императора къ Митрополиту. Друзья Митрополита совѣтовали ему удалиться въ Новгородъ. Недруги его грозили ему опалой. Но онъ, ни чѣмъ не смущаясь, стоялъ, какъ скала, на своемъ мѣстѣ. Все же въ мѣрѣ слово зависти, клеветы, лукавства не остается безъ слѣда, хотя бы оно коснулось воплощенной добродѣтели, младенческой невинности, схимническаго смиренія. «Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose!» Клеветцы, клеветцы, что ни будь да останется отъ того! Вотъ откуда, могло быть, разные, недобрые о немъ слухи возникали и носились въ Петербургѣ. Недоброжелательство къ нему довѣрчиво и усердно заносило ихъ въ памятные записки легковѣрныхъ, легкомысленныхъ, или не любившихъ его, людей и сторонниковъ Теофилакта. Не мое дѣло обсуживать, на сколько тотъ и другой (Теофилактъ и Амвросій) правы и неправы другъ передъ другомъ, И тотъ и другой пользовались въ свою пору извѣстностью и почетомъ И тотъ и другой, при непрерывной дѣятельности Ректора Фидарета, усердно потрудились въ дѣлѣ необходимыхъ улучшеній по Духовному Вѣдомству и полнаго преобразованія С.-Петербургской Духовной Академіи, Духовныхъ Училищъ и т. д. (Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи, 1847 г., соч. Профессора И. А. Чистовича). Итакъ оба они были у всѣхъ на виду. Оба, въ свою очередь, подвергались пересудамъ. Да кто же огражденъ отъ пересудовъ? Кто безъ грѣха? Впрочемъ, упоминая объ ихъ враждѣ, я ни хвалю, ни порицаю ни того, ни другаго. Исторія безпристрастнѣе оцѣнитъ обоихъ, не по молвѣ людской, не по гаданіямъ человѣческимъ, не по однѣмъ запискамъ частныхъ лицъ, а по ихъ дѣятельности Епископской, по связямъ, занятіямъ, откровеннымъ письмамъ къ друзьямъ и роднымъ, по дѣламъ Консисторіи и Синода, по явно обнаруженнымъ чертамъ характеровъ того и другаго, самой жизни при различныхъ обстоятельствахъ, столкновеніяхъ, привѣчкахъ, стремленіяхъ и т. д. Разказы современниковъ, памятные записки, мимолетные случаи, слухи, толки, въ нихъ отмѣчаемые, безспорно, важные источники для историческихъ очерковъ извѣстной поры, событій, нравовъ, лицъ, но ими нужно пользоваться съ осторожностью, повѣряя одни свѣдѣнія другими, дополняя ихъ несомнѣнными данными, а главное, оцѣняя достоинство записокъ нравственнымъ достоинствомъ самаго

составителя ихъ. На сколько извѣстна добросовѣстность его, на столѣ заслуживаютъ достовѣрности и его записки. Позже, когда соперникъ Амвросія утратилъ всѣ надежды на успѣхъ, когда связи Θεофилакта ослабли, когда покровителей не стало у него, Митрополитъ доброй волей удалился въ Новгородскую Епархію, не уронивъ своего пастырскаго достоинства и, главное, выждавъ удобный къ тому случай.

Случай представился. Государь былъ въ Москвѣ. По возвращеніи своемъ на короткое время въ Петербургъ, скоро послѣ праздника Богоявленія Господня (въ 1818 г.), Его Величеству вздумалось спросить подававшего ему мундиръ: «Что слышно? Служилъ Митрополитъ въ Крещеніе на Іорданн?»

«Какъ же, доложилъ камердинеръ (конечно, одинъ изъ прежнихъ клеветовъ Θεофилакта); въ Царскомъ облаченіи служилъ.»

«Какъ, Въ Царскомъ?»

«Въ ризѣ, горностаемъ обшитой.»

Поднялась тревога, пошли справки, понеслись толки. Открылось, что мѣхъ снятъ съ покрова, оставшагося въ Лаврѣ послѣ погребенія Царскаго младенца. Провидѣніе дважды порадовало и дважды испытало смиреніе Александра Павловича и Елисаветы Алексѣевны. Двѣ дочери были у нихъ. Обѣ скончались въ младенчествѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ моль утѣла коснуться горностаевой опушки надгробнаго покрова. Чтобъ сберечь мѣхъ на память усопшей, Амвросій придумалъ оторочить имъ саккосъ, который, бывая хоть изрѣдка въ употребленіи и сохраняясь въ ризницѣ, надолго былъ бы соблюденъ. Императоръ, не удовольствовавшись такимъ объясненіемъ, сказалъ, что онъ только къ лѣтамъ Митрополита оказываетъ снисхожденіе. Вскорѣ послѣ тако-го отзыва Преосвященнѣйшій испросилъ увольненіе отъ предсѣдательства въ Синодѣ и позволеніе остаться Новгородскимъ Митрополитомъ.

Въ Маѣ 1818 онъ покинулъ Петербургъ. Дорога утомила старца. Прибывъ въ Новгородъ, онъ съ недѣлю собрался съ си-

« Въ 1817 — 1818 г. Царскій Домъ гостилъ въ Москвѣ, привѣтствовавшей рожденіе Александра II.

лами. Первый выѣздъ его былъ въ Знаменскій монастырь, гдѣ получилъ какъ бы знаменіе о близкой кончинѣ своей: молясь предъ иконой Богоматери, онъ какъ-то зацѣпилъ клобукомъ лампаду, и масло изъ нея вылилось на его обнаженную голову. Оттуда отправился онъ въ одну изъ загородныхъ обителей, верстахъ въ 10 отъ Новгорода. На обратномъ пути простудился. Болѣзнь въ немъ быстро развилась. Онъ потребовалъ духовника. На предложеніе же пособороваться сказалъ: «Меня уже пособоровала Богородица», намекая на вылившееся изъ лампы, предъ образомъ знаменія Пресвятыя Богородицы, масло на его волосы. На другой день Митрополитъ скончался.

Передъ выѣздомъ изъ Петербурга покойный пригласилъ Викарія Филарета посѣтить его около Троицына дня, на обратномъ пути изъ Москвы, куда Преосвященный былъ отправленъ для обозрѣнія Духовной Академіи. Но Викаріи уже не засталъ его. Владыка недавно еще сказывалъ мнѣ, въ защиту Амвросія отъ преслѣдователей его даже за гробомъ, что Митрополитъ Платонъ отличалъ его особеннымъ къ нему вниманіемъ, что онъ велъ съ нимъ откровенную переписку, что переписка ихъ сохраняется на добрую память обоимъ Святителямъ, и что Платонъ умѣлъ распознавать людей. И дѣйствительно, онъ всегда удалялся отъ недостойныхъ и сближался съ достойнѣйшими.

Упомянувъ выше о преобразованіяхъ по Духовному Вѣдомству, я намекнулъ и о непрерывной въ ту пору дѣятельности Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи. Приведу, въ подтвержденіе моихъ словъ, двѣ выписки изъ сочиненія Профессора Чистовича. Въ нихъ видно отчасти его благотворное участіе въ столь важномъ дѣлѣ; видны вполне его убѣжденія касательно воспитанія, образованія и просвѣщенія; видна мудрость строгаго пѣстуна въ томъ совѣтѣ, какой онъ преподалъ относительно испытанія познаній воспитанниковъ. Съ того времени протекло полстолѣтія слишкомъ, а лучшаго способа испытанія нигдѣ не придумано; опытъ показалъ всю его полезность, и нынѣ остается только пожелать, чтобъ онъ былъ введенъ во всѣхъ училищахъ, не только духовныхъ, но и военныхъ, и гражданскихъ и т. д.

Но, кромѣ ученой дѣятельности, Ректоръ успѣшно заботился и въ отношеніи хозяйства: въ продолженіи немногихъ лѣтъ, съ

Марта 1812 по Августъ 1817, имъ сбережено изъ остатковъ отъ штатнаго оклада на Академію 67,000 р.; изъ нихъ 50,000 обращены въ запасный капиталъ, съ тѣмъ чтобы % съ него употребить на содержаніе Академической церкви, на пособіе издателямъ полезныхъ книгъ, на поощреніе учащихъ и учащихся и т. п. Къ 1830 этотъ капиталъ дошелъ уже до 227 тысячъ.

Вотъ выписки изъ сочиненія Профессора Чистовича:

1.

Первое торжественное собраніе Конференціи Санктпетербургской Духовной Академіи, 13 Августа, 1814 года.

Собраніе открыто было духовною пѣснію, послѣ которой и по занятію посѣтителеми мѣстъ, Ректоръ Академіи, Архимандритъ Филаретъ говорилъ къ собранію слѣдующее:

«Наконецъ, достопочтенное сословіе покровителей и любителей благочестивой мудрости, вотъ полагается послѣдній камень во главу и совершеніе новосоздаемой обители духовнаго просвѣщенія. То, что доселѣ, въ уединенной, по большей части, простотѣ, постепенно назидаемо было трудомъ и бдѣніемъ, торжественностію настоящаго собранія довершается, увѣнчивается, открывается взорамъ и вниманію просвѣщеннаго свѣта.

«Не болѣе шести лѣтъ тому, какъ основаніе сего величественнаго нынѣ зданія лежало токмо въ волѣ, и весь чертежъ онаго скрывался токмо въ мудрости Благочестивѣйшаго Самодержца. Даровавъ новыи блескъ и силу просвѣщенію гражданскому, отеческимъ сердцемъ обратился онъ и къ смиреннымъ обителямъ духовнаго просвѣщенія, въ которыхъ люди, пожертвовавшіе небесной мудрости блескомъ земнаго счастья и выгодами общежитія, посѣяли первыя сѣмена полезныхъ знаній не токмо для Церкви, но и для Отечества, и въ которыхъ юношество, по состоянію родителей, скудное въ средствахъ къ своему образованію, болѣе терпѣніемъ и неутомимостію, нежели обиліемъ пособій, приготовлялось къ служенію Церкви, въ самыхъ обыкновенныхъ степеняхъ важному. Государь, котораго никто вѣрнѣе не оправдалъ

присвоеннаго ему Церковію именованія Благочестивѣйшаго и котораго Провидѣніе избрало вселенскимъ проповѣдникомъ благочестія, вѣдалъ, что если тѣлесное обученіе, которое токмо вмалѣ, токмо въ тѣсномъ кругѣ земнаго бытія, есть подезно, должно быть предметомъ попеченій Правительства мудраго и человѣколюбиваго, то ученіе, еже по благовѣрію, и разумѣніе истины, яже по благочестію, которое на все полезно есть, обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго, не менѣе заслуживаетъ вниманія Правительства Христіанскаго, которое, такъ сказать, изъ рукъ Царя. Царей, Христа, для того приѣмлетъ насъ подъ свой покровъ, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Изъ сихъ, безъ сомнѣнія, чувствованій Царя Христіянина возникла Державная воля облегчить, распространить и усовершенить образованіе уготовляемаго въ служеніе Церкви юношества, и дать самимъ служителямъ Вѣры новыя средства и побужденія къ преспѣванію въ ученіи истины, яже по благочестію. Вскорѣ, посреди общихъ предначертаній къ исполненію сего намѣренія, открылся чертежъ и сея обители духовнаго просвѣщенія; поспѣшно вещества для ея созиданія собраны по пространству Россійскихъ и даже чуждыхъ странъ: и вотъ, наконецъ, послѣдній, какъ сказалъ я, камень полагается во главу и совершеніе новаго зданія.

«Вашей, достопочтенное сословіе, проницательности не нужно изъясненіе трудностей, съ которыми должно было сопряжено начало и продолженіе сего дѣла. Но здѣсь, — если можно мѣру великихъ всемірныхъ событій прилагать также къ полезнымъ дѣланіямъ отечественнымъ, — здѣсь можно примѣчать тотъ же Законъ судьбы надъ дѣланіями нашего возлюбленнаго Богу Монарха, какой видѣнъ былъ въ недавнихъ знаменитыхъ происшествіяхъ. По мѣрѣ высоты Его предпріятій, какъ горы возстаютъ препятствія: возстаютъ, однако, не для того, чтобы уничтожить Его благодѣтельныя намѣренія, но чтобы своимъ уничтоженіемъ очевиднѣе показать Вышнее надъ его начинаніями благословеніе.

«Какихъ трудовъ стояло совершителямъ благодѣтельной воли Монаршей одно то, чтобъ избрать наставниковъ, способныхъ быть образователями наставниковъ! По многимъ предметамъ знаній ихъ не было и въ виду — изысканы! Нѣкоторые не устояли въ

испытаніи — даны новыя. Недоставало нѣкоторымъ опытности — она восполнена неослабнымъ за ними наблюденіемъ, наставленіями, поощреніями. Ещѣ нѣкоторые внезапно похищены съ поприща довольно долгаго: руководимые ими сѣтовали, но, немедленно получая новыхъ руководителей, не колебались и не коснили въ своемъ теченіи.

«Радость о достиженіи, чрезъ толякія препоны, къ предѣлу поприща должна быть естественнымъ и могла быть единственнымъ, въ настоящее время, чувствованіемъ и подвигоположниковъ и подвижниковъ просвѣщенія, здѣсь [собранныхъ: если бы сей предѣлъ, будучи окончаніемъ, не должествовалъ быть выѣстѣ и началомъ трудныхъ подвиговъ. Зданія, сооружаемыя изъ стихійнаго вещества, созидаются единожды, и потомъ даютъ покой трудившимся, но то, что зиждется въ живыхъ каменій, по совершеніи первоначальнаго созиданія, требуетъ непрестаннаго возсозиданія, утвержденія, возвышенія, расширенія, украшенія, по размѣрамъ возрастающаго внутренняго совершенства: и о семъ то наипаче родъ созиданія сказать должно съ искуснымъ Зодчимъ въ дому Божіемъ, что, аще не Господь созиждетъ, всуе трудишася зиждущи.

«По сему возвышаемая вашимъ, знаменитые мужи, присутствіемъ обитель сія, открывая нынѣ торжественное судилище знаній, предлагая награды для поощренія подвизающихся на поприщѣ духовнаго просвѣщенія, не столько плѣняется торжественностію, сколько поражается важностію настоящаго случая, и приглашаетъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ прежде всего соединиться въ благоговѣйномъ стремленіи желаній къ Единому Премудрому, да благословитъ Онъ сію обитель знаній благословеніемъ Державнаго ея Основателя, да не уподобится она никогда гордому столпу Вавилонскому, не разъ воздвигнутому землею мудростію, но да будетъ твердою крѣпостію Сіона, да предсѣдятъ выну въ сихъ собраніяхъ вѣра и благочестіе, да будутъ предлагаемыя здѣсь награды не корыстію честолюбивыхъ искателей, но залогомъ безкорыстнаго служенія истинѣ; да не будетъ здѣсь инаго просвѣщенія, кромѣ того, которое во весь кругъ истинныхъ знаній истекаетъ отъ единаго средоточія — отъ свѣта истиннаго, вже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ!»

2.

ОБЪ ЭКЗАМЕНАХЪ.

Относительно производства испытаній вообще, Ректоръ Петербургской Академіи, Архимандритъ Филаретъ, обозрѣвавшій по порученію Комиссіи, здѣшнюю Семинарію, въ 1813 году, представилъ слѣдующія предположенія:

«Безъ сомнѣнія, каждый изъ обучающихъ желаетъ испытаніе порученнаго класса представить въ наилучшемъ видѣ, и по тому какъ бы принужденъ уже избрать таковой образъ преподаванія уроковъ, который бы служилъ наилучшимъ приготовленіемъ къ принятому образу испытанія. Нынѣ вообще въ училищахъ, духовныхъ и свѣтскихъ, болѣе или менѣе господствуетъ такой образъ испытанія, по которому отличіе ученика составляетъ скорый, обильный и блистательный отвѣтъ на данный ему отъ учителя вопросъ, но при семъ не довольно вниманія обращается на то: собственныя ли мысли объясняетъ ученикъ, или разсужденія учащаго, твердо замѣченныя и обдуманныя, какъ собственность, произносить изъ хранилища разсудка, или помощію одной памяти повторяетъ то, что читалъ въ учебной книгѣ и вытвердилъ на случай экзамена. Отъ сего возникаетъ образъ преподаванія уроковъ, который дѣйствуетъ болѣе на память, нежели на разумъ, и который толь сильно осуждается 16 и 17 пунктами «Введенія къ Уставу Духовныхъ Училищъ.» Дабы предупредить въ духовныхъ училищахъ распространеніе сей слабой методы ученія, нужно утвердить болѣе строгую методу испытанія, по которой бы ученикъ менѣе могъ надѣяться на свою память и временное приготовленіе, и болѣе имѣлъ случая показывать свой умъ и постоянное вниманіе къ своему предмету; для сего:

1. Въ испытаніяхъ, особенно внутреннихъ (на которыхъ не классы вообще показываются публикѣ, для ея увѣренія въ совершенствѣ училища, но ученики порознь испытываются и сравниваются для ихъ поощренія), менѣе должно заботиться о красотѣ ученическихъ отвѣтовъ, но стараться каждаго ученика показывать тѣмъ, что онъ есть, и по тому давать вопросы не однимъ лучшимъ, но и слабѣйшимъ.

2. Вопросы можетъ начинать учитель испытываемаго класса, дабы нечаянность не приводила учениковъ въ смятеніе, а продол-

жаеть непремѣнно или Ректоръ, или тотъ изъ другихъ учителей, кому какой предметъ болѣе извѣстенъ и кого назначить предсѣдательствующій на испытаніи, при чемъ, впрочемъ, должно держаться учебной книги.

3. Въ отвѣтахъ учениковъ должно уважать болѣе основательность, нежели скорость.»

Амвросія замѣнилъ воспитанникъ «Дружескаго Общества», Михаилъ Десницкій, славившійся проповѣдями, часто говоренными имъ еще въ ту пору, когда онъ былъ Священникомъ. Москва постоянно стекалась послушать его въ церковь во имя Іоанна Воина за Москвой рѣкой. Онъ говорилъ звучно, ясно, выразительно и увлекалъ слушателей. Но въ чтеніи рѣчь его не всегда стройна, порой темна, даже непонятна и тяжеловата.

Воспитаніе всегда кладеть свою печать на чело и сердце воспитанника: развивая силы духа и мышленія, оно дѣйствуетъ на убѣжденія и вѣрованія наши, оставляетъ свой слѣдъ на пути жизни нашей и отражается въ нашихъ вкусахъ, наклонностяхъ, страстяхъ и пристрастіяхъ, въ нравѣ и дѣятельности. Не безъ слѣда остались мистическія, высокія, благородныя стремленія «Дружескаго Общества» въ трудахъ и въ цѣлой жизни его лучшихъ воспитанниковъ, каковы были, на примѣръ: А. А. Прокоповичъ-Антонскій, братъ его, Архимандритъ Донскаго монастыря, Викторъ, Митрополиты Михаилъ и Серафимъ, Лабзинъ, Грибовскій, Подшиваловъ, Максимовичъ, Сохацкій, Перелоговъ, Черепановъ, Тимковскій, Невзоровъ, Багрянскій, Походяшинъ и другіе (М. У. Б. Пансіонъ и воспитанники Университета, Гимназій, Пансіона и Дружескаго Общества. Москва, 1858. Унив. Тип.).

Набожный мистикъ, Михаилъ, все досужное отъ служебныхъ занятій время посвящалъ наукѣ. Религія и просвѣщеніе, однако, не спасли его отъ нареканія въ челоуѣкоугодіи, даромъ что вообще онъ былъ болѣе твердъ, нежели уклончивъ. Графъ Аракчеевъ съумѣлъ вынудить отъ него согласіе молиться въ обѣдню о «Военныхъ Поселеніяхъ», и вскорѣ послѣ бесѣды ихъ было объявлено Высочайшее повелѣніе: «помянуть на ектеніи въ церквахъ поселенныя войска всѣхъ округовъ Военнаго Поселенія.» Оберъ-Священникъ И. С. Державинъ, извѣстный отвѣтомъ, сочинен-

нымъ, однако, не имъ, а Священникомъ Пакатскимъ, за него и отъ него, поэту Державину на стихи:

Единъ есть Богъ, единъ Державинъ,
Одна мнѣ рима древній Навинъ, и пр.

замѣтилъ Митрополиту, что ходатайство Графа Алексѣя Андреевича подлежало обсужденію Синода, а не одного Первоприсутствующаго. Михайлъ смиренно выслушалъ замѣчаніе, и не оправдывался. Это черта честнаго характера. Не легко сознаваться въ ошибкахъ.

Что до гордой, чтобъ не сказать хульной, выходки строптиваго Гаврила Романовича, и не смиренной, чтобъ не сказать ругательной, на нее отвѣди, подробности объ этой перебранкѣ и о лицахъ, въ ней участвовавшихъ, двоихъ Державиныхъ и Пакатскомъ, изложены въ III т. сочиненій нашего Пиндара, какъ величали его во время оно. Теперь ужъ не стихи ихъ, а примѣчанія Я. К. Грота любопытны (стр. 420—430). Вся война возникла изъ за того, что къ поэту Державину занесли письмо, или бумагу, отправленную къ Державину Священнику.

Серафимъ Глаголевскій, товарищъ Михаила по воспитанію, не обладалъ ни той ученостью, ни той высокодаровитостію, какими отличаются его предмѣстники и особенно преемникъ (по Московской Епархіи). Не остался онъ въ памяти народной. Нѣтъ разсказовъ о немъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Рѣдко бесѣдовалъ онъ съ паствою своею и вовсе не слылъ проповѣдникомъ. Его, конечно, любили, какъ пастыря мирнаго и доступнаго, уважали какъ Митрополита разумнаго и осторожнаго. Не менѣе того, не было у него ни пламенныхъ почитателей, ни завистливыхъ недруговъ, какъ у знаменитаго Іерарха. Мистическое воспитаніе какъ бы не оставило своихъ слѣдовъ на Серафимѣ. Онъ какъ бы подавилъ въ себѣ пытливость, сталъ общую лучшимъ питомцамъ «Дружескаго Общества,» которые влеклись духомъ къ всему таинственному, загадочному, сверхъестественному. Они стремились умомъ и сердцемъ въ область Духовъ, искали общенія съ безплотными силами, жаждали чудесъ. Онъ затаилъ въ глубинѣ души своей мистическія мышленія и ощущенія, гаданія и убѣжденія.

Митрополитъ Московскій какъ-то молвилъ, что духовному лицу нужно быть твердымъ, прозорливымъ и искуснымъ. Я прибавлю: и порой скрытнымъ. Природа не многихъ одаряетъ благоразумною скрытностью. И чѣмъ шире, чѣмъ независимѣе характеръ, чѣмъ даровитѣе и могучѣе натура, чѣмъ выше поставленъ чело-вѣкъ обстоятельствами, тѣмъ меньше въ немъ скрытности: чувствуя силу свою, онъ смѣлъ и словомъ и дѣломъ. Честная, благородная душа всегда откровенна и часто довѣрчива. Геніяльные мужи рѣдко махивельничаютъ. Что до Серафима, онъ, при всей осторожности въ обращеніи съ людьми, при нѣкоторой даже скрытности, не лишенъ былъ и прекраснаго свойства великодушной твердости, при Христіанскомъ смиреніи. Вотъ какой былъ съ нимъ случай: собрался онъ куда-то со двора; въ прихожей какой-то раскольникъ неистово ринулся на него и такъ сильно его ударилъ, что Митрополитъ пошатнулся, и если бы не близость стѣны, къ которой онъ безсознательно прислонился, то былъ бы на полу. Внезапность огорчительная поразила всѣхъ, при этомъ бывшихъ. Каково же должно было быть потрясеніе оскорбленнаго?... Безумца схватили. Думалъ ли онъ, нанеся оскорбленіе Православному Архипастырю, оскорбить въ лицѣ его Православную паству? Личная ли ненависть къ Владыкѣ обуяла его? Какъ бы то ни было, Серафимъ не смутился: не возвратился въ свои покои послѣ такого происшествія: молча сошелъ съ лѣстницы и отправился, куда собирался. Здѣсь ярко проявляется и Христіанское смиреніе, и великодушная твердость. Такъ, когда Декабристы смертельно ранили Графа Милорадовича, героя столькихъ битвъ, героя, котораго никогда не коснулась ни вражья пуля, ни сабля, Серафимъ пошелъ къ мятежникамъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и словомъ мира. Государь, стоявшій въ виду ихъ у забора около Исакиевской, не достроенной еще тогда, церкви, приказалъ ему вернуться. Святитель шелъ на вѣрную смерть, также неустрашимо, какъ мужественный Николай неустрашимо шелъ отъ дворца къ Исакиевскому храму, соизувствуя 1-му батальону Преображенскаго полка.

Возвращусь къ нашему Московскому Святителю и (какъ выше сказано) Учителю столькихъ Святителей и Учителей.

Не возможно прослѣдить пути всѣхъ учениковъ и воспитанниковъ его съ 1803 г. по Сергіево-Лаврской Семинаріи, по Семинаріи Петербургской и Александрo-Невскому при ней Училищу, по Санктпетербургской Духовной Академіи, по Семинаріи и прочимъ Училищамъ Тверской Губерніи, по Академіи, Семинаріямъ и т. д. Московской.

Ограничусь на первый разъ указаніемъ на извѣстнѣйшихъ изъ воспользовавшихся его руководствомъ лицъ съ 1810 года.

Вотъ возможно полный имъ списокъ.

Изъ окончившихъ курсъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, Магистровъ и Кандидатовъ, при Ректорѣ Архимандритѣ Филаретѣ:

1. Григорій, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, Первенствующій Членъ Святѣйшаго Синода. Скончался въ 1856 году.
2. Гавріиль, Архіепископъ Рязанскій. Скончался на покоѣ.
3. Моисей, Экзархъ Грузіи. Скончался въ 1834 году.
4. Кирилль, Ректоръ Московской Духовной Академіи, потомъ Викарій своего прежняго Ректора, Архіепископа Московскаго, въ послѣдствіи Архіепископъ Подольскій. Скончался въ Петербургѣ 28 Марта, 1841 года. Погребеніе совершилъ Митрополитъ Московскій Филаретъ.
5. Мелетій, Архіепископъ Харьковскій. Скончался въ 1840 г.
6. Венедиктъ, проходившій должность Ректора Виѣанской Семинаріи, Архіепископъ Олонецкій и Членъ Святѣйшаго Синода. Скончался въ 1850 году.
7. Павелъ, Архіепископъ Черниговскій. Скончался.
8. Аванасій, Архіепископъ Тобольскій. Скончался.
9. Наѳанайль, Архіепископъ Псковскій. Скончался въ 1849 г.
10. Иринархъ, Архіепископъ Рязанскій.
11. Іоаннь, Докторъ Богословія и Архіепископъ Новочеркасскій и Донской. Теперь на покоѣ.
12. Іоанникій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій; перемѣщенъ съ кафедры Оренбургской. Скончался

13. Членъ Святѣйшаго Синода, Василій Кутневичъ, Оберъ-Священникъ арміи и флотовъ; съ 1815 по 1824 годъ былъ Профессоромъ Московской Духовной Академіи и Каѳедральнымъ Протоіереемъ Архангельскаго Собора. Скончался.

Сверхъ названныхъ лицъ изъ среды высшаго Духовенства, въ числѣ питомцевъ С.-Петербургской Духовной Академіи извѣстны:

1. Поликарпъ, Архимандритъ первокласснаго Московскаго Новоспасскаго монастыря и Ректоръ Московской Духовной Академіи (1-го выпуска).

2. Протоіерей Іоаннъ Скворцовъ, Докторъ Богословія и досточтимый Профессоръ Кіевской Духовной Академіи и Университета Святаго Владимира. Скончался (второго выпуска) 1863.

3. Протоіерей Г. П. Павскій, первый ученикъ перваго выпуска и Законоучитель Императора Александра Николаевича и Великой Княгини Маріи Николаевны. Скончался 1863.

Еще ближайшимъ руководствомъ маститаго Іерарха пользовались тѣ, которые имѣли счастье служить Церкви и наукѣ уже во время управленія Его Московскою Епархією (съ 1821 года). Такъ, при немъ проходили важную должность Ректоровъ Семинарій и по его указанію избраны въ Архіерейскій санъ:

1. Никаноръ, Первенствующій Членъ Святѣйшаго Синода, Митрополитъ С.-Петербургскій, который возведенъ въ санъ Епископа Ревельскаго въ 1826 году. До того былъ Архимандритомъ Высоко-Петровскаго монастыря и Ректоромъ Спасо-Виеанской Семинаріи. Онъ управлялъ, между прочимъ, Епархіями: Минской, во время воссоединенія Унѣтовъ, потомъ Волынской, даже, будучи Варшавскимъ Архіепископомъ, подвизался за Православіе въ Царствѣ Польскомъ. Скончался въ 1856 году.

2. Исидоръ, Первенствующій Членъ Святѣйшаго Синода, Митрополитъ С.-Петербургскій, который изъ Ректоровъ Московской Семинаріи, въ 1834 году, рукоположенъ былъ во Епископа Дмитровскаго и потомъ украшалъ кафедръ Полоцкую, Грузинскую и Митрополию Кіевскую.

Викарія Московскаго Первосвятителя Филарета:

1. Высокопреосвященный Исидоръ.

2. Аонасій, по 1821 годъ Архимандритъ Воскресенскаго монастыря, въ 1821 году Епископъ Дмитровскій, въ 1824 году Епископъ Тамбовскій.

3. Кириллъ, изъ Архимандритовъ Новорспаскаго монастыря и Ректоровъ Московской Духовной Академіи, рукоположенъ въ Успенскомъ Соборѣ во Епископа, 26 Октября, 1824 годѣ, переведенъ въ Вятскую Епархію, потомъ въ Каменецъ-Подольскую и назначенъ присутствующимъ въ Святѣйшемъ Синодѣ.

4. Иннокентій, изъ Ректоровъ Псковской Семинаріи и Архимандритовъ Елизарова монастыря, рукоположенъ во Епископа Дмитровскаго, 23 Мая, 1827 года, въ 1831 году переведенъ въ Курскъ, отсюда въ Волынскую Епархію, а послѣ въ Орелъ, гдѣ и скончался.

5. Николай, изъ Ректоровъ Тамбовской Семинаріи рукоположенъ во Епископа въ 1831 году, въ 1834 году переведенъ на Епархію въ Калугу. Скончался.

6. Виталій, изъ Ректоровъ Московской Семинаріи назначенъ Ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи, а 27 Іюля, 1837 года, рукоположенъ во Епископа Дмитровскаго, въ 1842 году, переведенъ въ Костромскую Епархію, гдѣ и скончался.

7. Іосифъ, былъ Инспекторомъ и Ректоромъ Московской Семинаріи, 27 Декабря, 1842 годѣ, рукоположенъ во Епископа Дмитровскаго въ Чудовъ монастырь, перемѣщенъ въ Оренбургскую Епархію, нынѣ въ Воронежѣ Архіепископомъ.

8. Филосей, былъ Ректоромъ Виземской Семинаріи, потомъ Московской, въ Декабрѣ 1849 года рукоположенъ во Епископа Дмитровскаго, отсюда переведенъ на Костромскую кафедру, нынѣ Архіепископъ Тверской и Членъ Святѣйшаго Синода.

9. Алексій, постриженъ Московскимъ Митрополитомъ въ Чудовъ монастырь, при мощахъ Святителя Алексія, въ присутствіи Высочайшихъ Особъ, изъявившихъ желаніе видѣть обрядъ постриженія въ иночество. Проходилъ должность Инспектора и потомъ Ректора Московской Семинаріи, а съ 1847 года Ректора Московской Духовной Академіи. Въ Октябрѣ 1853 года, въ Успенскомъ Соборѣ,

рукоположенъ во Епископа Дмитровскаго, въ 1857 году переведенъ на Тульскую Епархію, а съ 1860 года Епископъ Таврической.

10. Евгений, Профессоръ и Инспекторъ Московской Духовной Академіи, потомъ Ректоръ въ обѣихъ Семинаріяхъ и Академіи. Въ 1857 году, въ Успенскомъ Соборѣ, рукоположенъ во Епископа Дмитровскаго, а черезъ годъ переведенъ въ Симбирскъ.

11. Порфирій, изъ Ректоровъ Костромской Духовной Семинаріи, рукоположенъ во Епископа 21 Ноября, 1858 года, въ Апрѣлѣ 1859 года переведенъ въ Уфу, а оттуда въ Томскъ, гдѣ и скончался.

12. Леонидъ, проходилъ должность Профессора въ Виѣанской Семинаріи и Московской Духовной Академіи, былъ Ректоромъ въ обѣихъ Семинаріяхъ, 26 Апрѣля, 1859 года, рукоположенъ въ Успенскомъ Соборѣ во Епископа Дмитровскаго.

13. Савва, по окончаніи курса проходилъ должность въ Кремль Синодальнаго Ризничаго, потомъ Ректора Московской Семинаріи и Московской Духовной Академіи, въ 1862 году, въ Ноябрь, рукоположенъ во Епископа Можайскаго, втораго. Викарія Московскаго, съ 1866 году назначенъ Епископомъ Полоцкимъ и Видебскимъ.

14. Игнатій, по окончаніи курса проходилъ должность Инспектора Московской Семинаріи и Ректора обѣихъ Семинарій, 7-го Августа, 1866 года, въ Свято-Троицко-Сергіевой Лаврѣ рукоположенъ во Епископа Можайскаго.

Воспитанники Московской Семинаріи съ 1821 года:

1. Іоаннъ, Епископъ Смоленскій, Докторъ Богословія.
2. Платонъ, Епископъ Екатеринославскій.
3. Серафимъ, Епископъ Старорусскій.
4. Игнатій, Епископъ Можайскій.

Изъ Ректоровъ Московской Академіи:

1. Филаретъ, Докторъ Богословія, извѣстный своими учеными трудами, Архіепископъ Черниговскій. Скончался 1866.

2. Евгений, былъ Инспекторомъ и Ректоромъ въ Московской, а потомъ Ректоромъ Петербургской Духовной Академіи, въ санѣ Епископа, оттуда поступилъ на вакантную кафедру Самарскую, потомъ въ Иркутскъ, былъ Архіепископъ Могилевскій.

3. Сергій, Епископъ Курскій.

Изъ служившихъ въ Московской Академіи и Семинаріяхъ:

1. Евлампій, Архіепископъ Тобольскій, возведенъ во Епископа изъ Ректоровъ Виѣанской Семинаріи, а прежде былъ Инспекторомъ Московской Духовной Академіи. Скончался въ 1862 году.

2. Платонъ, Епископъ Костромской, былъ Профессоромъ и исправлялъ должность Инспектора въ Московской Духовной Академіи.

3. Агаѣангель, изъ Бакалавровъ и Инспекторовъ Московской Духовной Академіи, нынѣ Епископъ Волинскій и Священно-Архимандритъ Почаевской Лавры.

4. Аѣзасій, Архіепископъ Астраханскій, былъ Бакалавромъ въ Московской Академіи, а потомъ Ректоромъ въ С.-Петербуржской.

5. Феоногость, Архіепископъ Псковской, былъ Бакалавромъ Московской Духовной Академіи. Въ Псковъ переведенъ изъ Тобольска.

6. Иліодоръ, Архіепископъ Курскій, изъ Инспекторовъ Московской Семинаріи.

7. Феоодотій, Архіепископъ Симбирскій, изъ Инспекторовъ Виѣанской Семинаріи.

Оба послѣдніе были присутствующими въ Святѣйшемъ Синодѣ, и оба скончались.

Этѣмъ спискомъ я обязанъ благосклонной внимательности Пресвященнаго Игнатія, Епископа Можайскаго, къ труду, изъ котораго предложенъ мною настоящій отрывокъ.

Желательно было бы собрать свѣдѣнія и объ извѣстнѣйшихъ Іереяхъ, Протоіереяхъ, Архимандритахъ и т. д., свершившихъ и свершающихъ, подъ начальствомъ и руководствомъ Владыки (съ 1821 года и понынѣ), свое служеніе Церкви и наукъ. Многіе изъ нихъ извѣстны какъ проповѣдники, писатели, преподаватели, подвижники, схимники, опытные дѣльцы (изъ Членовъ Московской Синодальной Конторы и Духовной Консисторіи), замѣчательные слѣдователи, на примѣръ, Архимандритъ Даниловскаго монастыря, о. Іаковъ, и другіе.

Любопытно было бы также узнать и о числѣ воспитанниковъ (съ 1821 года) Московскихъ Духовныхъ Академіи, Семинарій и

Училищъ, разсѣявшихся по всемъ поприщамъ Государственной службы, предпочтительно же, если не ошибаюсь, ученой и литературной. На многихъ можно указать, какъ на полезныхъ дѣятелей, по какому бы поприщу ни вела ихъ жизнь, не рѣдко покоряющаяся не столько призванію, сколько обстоятельствамъ.

Впрочемъ, собственно о воспитаникахъ Петербургской и Московской Академій можно почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія изъ Исторіи первой (почтенный трудъ ея Профессора Ил. А. Чистовича), изъ Исторіи Московской Славено-Греко-Латинской Академіи (тоже полезное и добросовѣстное сочиненіе одного изъ ея Профессоровъ, С. К. Смирнова, 1855 года), изъ Исторической Записки о ней и Сборника, изданныхъ къ празднованію ея пятидесятилѣтія. Но чтобы вполне узнать и оцѣнить всѣхъ, на разныхъ путяхъ странствующихъ, отличавшихся и отличающихся, или загложившихъ въ безвѣстности, Академистахъ и Семинаристахъ, нужно, сверхъ со ранія о нихъ свѣдѣній отъ всѣхъ Вѣдомствъ въ Государствѣ и отъ всѣхъ Епархій, разработать архивы Синода, обѣихъ Академій, Синодальной въ Москвѣ Конторы и Консисторій и Семинарій въ обѣихъ столицахъ и Твери. Первые два выпуска изъ Петербургской Академіи, въ 1814 и 1817 годахъ, относятся непосредственно ко времени Владыки, но и ученики третьяго выпуска, въ 1819 году частью ему же обязаны своими знаніями, такъ какъ многіе изъ нихъ подготавливались въ его время и при томъ еще передъ началомъ 2 курса, просвѣщенный педагогъ, по свидѣтельству Чистовича, «разсматривалъ всѣ конспекты съ строгимъ вниманіемъ, сокращалъ, или распространялъ ихъ объемъ примѣнительно къ цѣли и времени ихъ преподаванія, и устанавливалъ опредѣленность понятій въ тѣхъ пунктахъ и вопросахъ, которые могли сдѣлаться сами предметами недоразумѣній, или погнать къ нимъ поводъ.» Изъ 25 курсовъ Московской Академіи, считая, если не съ третьяго выпуска въ 1822 году, то хоть съ четвертаго въ 1824, можно отнести ко времени Митрополита 22 курса. Сколько же вышло изъ нея почтенныхъ, полезныхъ и замѣчательныхъ лицъ! Каково же число вышедшихъ изъ Семинарій на всѣ распутья жизни въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ 1803 года по нынѣ!

В. Сушковъ.

ЗАМѢТКА

КЪ СТАТЬѢ:

О ПОСТРОЙКѢ СЕНАТСКАГО ЗДАНІЯ ВЪ МОСКВѢ. *

Если громадное зданіе Московскаго Сената, и въ особенности большая круглая зала, недавно возникшая буквально из праха, напоминаютъ одну, изъ блестящихъ сторонъ царствованія Екатерины, сторону зодчества, прославленнаго величественными созданіями Русскихъ художниковъ, Казакова, Кокорина, Бажанова и др., отличающимися отъ прежнихъ и позднѣйшихъ построекъ снѣжностію задуманнаго плана, громадностію размѣровъ и изяществомъ очертаній, то 18 горельефовъ, находящихся въ этой залѣ, какъ произведеніе искусства, въ которомъ свободнѣе, чѣмъ въ зодствѣ, совершается откровеніе духа, изображаютъ рядъ великихъ дѣлій Екатерины, всѣ выдающіяся стороны ея обильнаго царствованія, на которыхъ прочіютъ ея слава и безсмертіе.

Со времени воссоединенія нашего съ Малой Русью, наше домашнее искусство замѣтно внесло въ себя, между прочимъ, и аллегорію: это видно какъ въ мистеріяхъ, такъ и во всѣхъ торжествахъ прошлаго вѣка, устраиваемыхъ по случаю побѣдъ, царскихъ вѣздовъ, коронацій и пр. Въ этѣхъ горельефахъ сохранились также слѣды аллегорій, но уже такой, которая вполне подчинилась художественнымъ законамъ и носитъ несомнѣнную печать творческой мысли. Выбѣсть съ аллегорическими изображеніями здѣсь помѣщены и историческія лица съ ясными признаками портретовъ. По этому подробное описаніе горельефовъ было бы весьма важно и полезно. Кромѣ объясненія общей мысли

См. Чтенія въ Общ. Ш. и Д. Р. 1864 г., кн. 4.

событія, или совокупности однородныхъ событій, сдѣловъ необходимо коснуться и тѣхъ живыхъ, говорящихъ образовъ; чьи имена, какъ въ пору минувшей дѣйствительности, такъ и въ созданіи искусства, блестятъ вокругъ лучезарнаго царственнаго имени. Тутъ надобно поднять всю исторію, все законодательство, все умственное движеніе вѣка и т. д.

Но въ назѣтныхъ намъ объясненіяхъ, увлекающихся вообще современными горельефамъ подписями, въ которыхъ есть своя доля и символической краткости и отчасти схоластики, мы видимъ только развитіе въ общихъ словахъ той же самой подписи, нѣсколько похожей на нареченіе сѣшикса, а историческая часть, на которую наталкиваютъ живые облики сподвижниковъ Великой, опущена. Повторяемъ, намъ желательно видѣть подробное объясненіе каждаго горельефа съ исторической его стороны, такъ чтобы, помимо общезнаменательныхъ атрибутовъ важнаго, предъ нами ожидала каждая историческая личность, какихъ не мало почти въ каждомъ горельефѣ. Художникъ, очевидно, былъ проникнутъ историческимъ чувствомъ, подписи же слишкомъ обобщили, отделили его мысль. Но этому руководствоваться одними подписями и только пересловить ихъ было бы недостаточно для столь важныхъ по своему одержанію горельефовъ (не говоря уже о томъ, что самое вниманіе ихъ требовало бы въ свою пользу нѣсколькихъ словъ), и могло бы ввести толкователя въ невѣроятную ошибку.

Указать на одну подобную ошибку, какъ уклоненіе отъ историческаго смысла, цѣль нашей «Замѣтки.» Она относится къ горельефу, подъ которымъ стоитъ подпись: «До вѣчности.» Его толкуютъ такъ: «Минерва (Екатерина) и Сатурнъ требуютъ отчета у Россіи; Несторъ уже занесъ въ раскрытую передъ нимъ книгу дѣянія Екатерины и сдѣлалъ это какъ бы безъ вѣдома самихъ дѣятелей.» Съ этимъ толкованіемъ, которое съ перваго разу уже кажется натянутымъ, мы не можемъ согласиться. Во первыхъ, въ самомъ толкованіи есть уже несообразность: Минерва и Сатурнъ, какъ божества, по мысли художника, не могутъ требовать у Россіи отчета, т. е., сознательнаго отношенія народа къ дѣяніямъ самой же Екатерины (Минервы), ибо предполагается, она должны лучше знать и постигать то, что сдѣлано. Если Исто-

рія уже занесла на свои страницы подвиги царствованія Екатерины, то вторичный отчетъ отъ Россіи уже не нуженъ; да при томъ Минерва, богиня мудрости и всякаго вѣдѣнія, и Сатурнъ, богъ распорядитель и хозяинъ времени, не могли не знать, что Несторъ уже записалъ дѣянія Екатерины, тѣмъ болѣе, что книга разогнута передъ ними. И какъ же бы Несторъ могъ сдѣлать это безъ ихъ вѣдома, какъ боговъ? Слѣдовательно, толкованіе само не выдерживаетъ критики и, скорѣе, наноситъ ущербъ достоинству художественнаго представленія ваятеля. Во вторыхъ, указательное движеніе руки, данное колѣнопреклоненной женщинѣ въ царскомъ облаченіи, опирающейся на щитъ съ двуглавымъ орломъ (Россіи), не имѣло бы смысла, по тому что если отъ Россіи требуется отчетъ, то за чѣмъ стала бы она указывать на другія лица, даже и не на лѣтописца? Прочія фигуры въ горельефѣ оставались бы безъ всякаго участія и связи съ цѣлымъ и, очевидно, съ умысломъ сдѣланная отличка ихъ одной отъ другой не имѣла бы также значенія. Въ третьихъ, горельефъ, изображающій, по толкованію подписи, вѣнецъ всего царствованія, какъ бы внесеніе въ книгу Исторіи всѣхъ достославныхъ его дѣяній, былъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, помѣщенъ въ концѣ ряда горельефовъ, а не въ срединѣ, между прочими.

По нашему мнѣнію, горельефъ этотъ изображаетъ одно изъ величественнѣйшихъ дѣяній Великой, котораго одного, какъ говоритъ Карамзинъ, достаточно для того, чтобы обезсмертить ея имя и перейти, по выраженію подписи, до вѣчности: это — изданіе Наказа. И страннымъ показалось бы, принимая иное толкованіе, не найти въ ряду горельефовъ указанія на такое важное событіе! Напротивъ, вникая во всѣ подробности этого горельефа, въ обликъ и постановку фигуръ, мы убѣждаемся, что этотъ горельефъ именно представляетъ не что иное, какъ изданіе Наказа. Минерва возсѣдаетъ на престолѣ: это сама Екатерина. Сзади нея спутницы ея царствованія, служебныя силы, представленныя въ общемъ аллегорическихъ фигурахъ, одежда коихъ или доспѣхи сходствуютъ съ ея одѣяніемъ. Передъ нею колѣнопреклоненная царственная жена — Россія, которая указываетъ на собранный державной волею Русскій народъ. Она привела къ своей Монархинѣ представителей всѣхъ своихъ сословій и преклонилась за нихъ,

какъ полное олицетвореніе всего народа, съ признательностью передъ престоломъ Монархини, дарующей Наказъ для того, чтобы «не было на землѣ народа счастливіе Россійскаго». Представители сословій стоятъ сзади нея полукругомъ: Бояринъ, въ мантии и шапкѣ, — потомокъ Княжескаго рода; воинъ—служилый Дворянинъ; горожанинъ—торговецъ; крестьянинъ—землепашецъ, и наконецъ инокъ—совершеннѣйшій представитель духовнаго званія. Хотя послѣдній выдвинулся нѣсколько къ срединѣ горельефа, но онъ на заднемъ планѣ, и рука художника иначе и не могла распорядиться постановкою фигуръ. Рядъ начинается Бояриномъ и замыкается инокомъ. Какъ олицетвореніе двухъ крайнихъ, по своему значенію, сословій, первенствующаго въ семь мірѣ, Боярскаго, и отрекшагося отъ сего міра, духовнаго, Бояринъ и инокъ разумно поставлены съ краю прочихъ сословныхъ представителей, и при томъ первый, естественно, долженъ стоять на первомъ планѣ, тогда какъ второй необходимо отодвигается на противоположный конецъ. Отъ того помѣщеніе инока сзади книги, въ которой начертанъ Наказъ, не можетъ состоять въ зависимости отъ самой книги, или обратно, какъ подразумеваютъ тѣ, которые видятъ въ этой фигурѣ Нестора съ его лѣтописью. Книга помѣщена на своемъ мѣстѣ, иначе и негдѣ быть ей: ежели на первомъ планѣ, то, такъ какъ листы ея, по смыслу изображаемаго предмета, должны быть обращены къ дѣйствующимъ лицамъ, мы видѣли бы только ея оболочку или окладъ, а это составляло бы недостатокъ въ художественномъ исполненіи; ежели же дать ее въ руки Минервы, то это не исполнѣ отвѣчало бы мысли художника и исторической вѣрности, по тому что Наказъ былъ не только написанъ, но уже и врученъ сословнымъ представителямъ, собраннымъ, для законодательной дѣятельности, Манифестомъ 14 Декабря, 1767 года. Такимъ образомъ, чтобы соединить полногу впечатлѣнія, рассчитанную на зрителя, и единство дѣйствія относительно изображаемыхъ лицъ, художникъ долженъ былъ непремѣнно помѣстить книгу Наказа по срединѣ, нѣсколько отодвинувъ на задній планъ, такъ чтобы разогнутые листы съ начертаннымъ на нихъ Наказомъ были равно видимы какъ для лицъ, живущихъ въ изваяніи, такъ и для подлинно живаго зрителя. Отъ того-то развернутая книга и пришлась передъ изображеніемъ инока. Она не есть собственность инока, но даръ Сѣдящей на престолѣ. Сатурнъ, на пер-

вомъ планѣ въ сторонѣ Мшиервы, протягиваетъ руку, какъ бы желая коснуться книги для того, чтобы передать ее грядущимъ временамъ, сдѣлать достояніемъ вѣчности.

Вотъ, по нашему разумѣнію, мысль горельефа. Онъ воспомяетъ рядъ дѣяній Екатерины изданіемъ Наказа. При этой мысли всѣ фигуры получаютъ единство сочетанія и внутренней смыслъ.

Кстати прибавимъ: въ нынѣшнемъ году, 30 Іюля, минетъ сто лѣтъ со дня изданія Наказа. Распространяться о самомъ Наказѣ, равно о томъ, съ какими помыслами и желаніями вспомняемъ мы объ этомъ знаменательномъ дѣяніи Великой, какъ по свойству основной мысли и взглядовъ, выраженныхъ въ Наказѣ, такъ и по цѣли его, сдѣсь не мѣсто; но нельзя умолчать, что если въ Наказѣ начертано: «Мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы живемъ для нашего народа», то столѣтнюю годовщину его изданія мы встрѣтимъ съ освобожденными крестьянами, съ земскими учрежденіями, съ присяжными и гласными судами и многими богатыми задатками, оправдывающими дѣйствительную силу изреченія Великой.

А. Майковъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Достопочтенный Профессоръ И. И. Срезневскій помѣстилъ въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій 1867 годъ (кн. I, стр. 76—115): «Обзоръ Матеріаловъ для изученія Славяно-Русской Палеографіи.» Въ заключеніи его (стр. 110), говоря о моемъ сочиненіи: «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ,» изданномъ въ Москвѣ, въ 1855 году, съ 19 литографическими снимками, замѣчаетъ, между прочимъ: «Въ этомъ трудѣ дано мѣсто и разсмотрѣнію другихъ изслѣдованій о древнихъ письменахъ Славянскихъ, довольно обстоятельному, хотя и не безпристрастному.»

Съ изданія этого сочиненія прошло уже 12 лѣтъ; многіе раз-но смотрѣли на него, но никто еще до сего времени не упрекалъ его въ пристрастіи къ кому либо. По этому мнѣ чрезвычайно любопытно было бы узнать, какія тамъ имѣются у столько заслуженнаго Профессора, каковъ И. И. Срезневскій, доказательства моего не безпристрастіи къ другимъ изслѣдователямъ древнихъ письменъ Славянскихъ. Не могу же я удовольствоваться голословнымъ обвиненіемъ въ такомъ недостаткѣ, хуже котораго едва ли и выдумать можно въ занимающемся древностями вообще, особенно же отечественными. Правда, въ бѣгломъ обзорѣ не до подробностей, но и ограничиваться одной голословностью, основанной на: «Мнѣ такъ кажется, я такъ думаю,» едва ли слѣдуетъ. По этому не лзя оставить такого учительскаго отзыва вовсе безотвѣтнымъ, если онъ представляется намъ совершенно неосновательнымъ. Вотъ по чему, въ дѣлѣ разузнанія истины, по крайней мѣрѣ, ближайшаго знакомства съ нею, я желалъ бы, чтобы высокоуважаемый мною Профессоръ почтилъ меня указаніемъ тѣхъ основаній, въ силу коихъ «мое разсмотрѣніе другихъ изслѣдованій о древнихъ письменахъ Славянскихъ показа-

лось ему не безпристрастнымъ.» Напечатаніе сообщенія своего совершенно зависитъ отъ его усмотрѣнія, въ какомъ угодно ему повременномъ Русскомъ изданіи, прямо ли, особой ли статьей, или же въ томъ, либо другомъ, ученомъ своемъ трудѣ, какъ говорится, кстати: отзывъ его, во всякомъ случаѣ, дойдетъ до меня, и я не замедлю отвѣтить ему за любезность не меньшей любезностью. Дѣло идетъ, повторяю, объ истинѣ, которая, говоритъ Русскій людъ, свѣтъ духа, какъ свѣтъ плоти — солнце.

Что до того, что «Сборники Петербургскаго Археологическаго Общества для палеографа еще дороже, чѣмъ сборники Московскаго Общества Исторіи и Древностей, по тому что памятники описываются и издаются въ нихъ съ большимъ вниманіемъ и археологически» (стр. 95), то кто же себѣ ворогъ? Кто хвалить дочку Аннушку? — Мать да бабушка. При томъ, иному по нутру попь, другому попадья, а третьему нуще всего попова дочка. Каждому воля, во что угодно цѣнить себя и своё. И все это ладно, кума, только бы правда была!

«Изъ неудачныхъ приемовъ изданій памятниковъ, замѣчаетъ въ этомъ же мѣстѣ (стр. 95) почтеннѣйшій Профессоръ о томъ же Обществѣ, стоитъ отмѣтить: 1) печатаніе вариантовъ отдѣльно отъ печатаемаго текста, въ слѣдъ за нимъ, и 2) печатаніе одного памятника по многимъ спискамъ отдѣльно, хотя бы памятникъ и повторялся въ нихъ дословно.» Первый пунктъ, очевидно, мѣтитъ на помѣщенное мною въ «Чтеніяхъ» еще въ 1858 году: «Житіе Θεодосія.» по харатейному списку Сборника Вольшаго Московскаго Успенскаго Собора XII вѣка. Это единственный памятникъ во всѣхъ «Чтеніяхъ», при которомъ разночтенія не находятся; но онъ обѣщанъ въ предисловіи къ нему, при особомъ изслѣдованіи о самомъ памятникѣ. Позволительно ли же единичный случай возводить въ общее правило? Иной, пожалуй, повѣря на слово Г-ну Профессору, подумаетъ, что все такъ въ нихъ («Чтеніяхъ») дѣлается съ старинными памятниками новыми. Второй же пунктъ касается тоже единичнаго случая, именно, предпринятаго мною: «Собранія памятниковъ, до дѣятельности Святыхъ Первоучителей и Просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся.» Въ этомъ изданіи я, по чрезвычайной важности предмета, рѣшился всё, какіе извѣстны и имѣются у меня, списки, чрезвычайно разнорѣчащіе

однѣ другому, напечатать каждый отдѣльно, съ необходимыми краткими примѣчаніями, обобщая въ заключеніе представить и сводить ихъ. Что же? Изъ этого исключительнаго и оговореннаго случая высокоуважаемый Профессоръ опять построилъ общее правило для всѣхъ изданій подобнаго рода Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, увѣряя, что это дѣлается въ немъ «и тогда даже, когда памятникъ повторяется въ спискахъ дословно.» Просимъ покорнѣйше указать намъ подобное повтореніе хотя на одномъ изъ помѣщенныхъ мною въ «Чтеніяхъ.» Ясно, что И. И. или не обратилъ должнаго вниманія на сказанное мною въ Предисловіи (кн. 2, 1858 г.) о способѣ изданія этого «Собранія,» или же забылъ справиться съ онымъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло сдѣлано имъ, и сдѣлано, какъ каждый видитъ, не совсѣмъ-то ладно. Хорошо обобщать, по только то, что, по природѣ своей, допускаетъ это; въ противномъ случаѣ обобщеніе — тоже посягательство на правду дѣла, что не всегда безопасно, а ужь куда какъ непохвально! Какъ тамъ ни уложено мудрено, говоритъ пословица о такихъ дѣлахъ, а рано, поздно, все же будетъ найдено.

На стр. 99 Г-нъ Профессоръ говоритъ: «Необходимость сколько возможно большаго количества буквально вѣрныхъ выписокъ стала признаваться уже позже, со времени изданія «Извѣстій 2-го Отдѣленія Академіи», т. е., съ 1852 года. Необходимость снимковъ чувствовалась всегда, но издержки на нихъ всегда останавливали желавшихъ. Какъ самое счастливое исключеніе въ этомъ отношеніи, можемъ вспомнить палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ Славянскихъ, Э. И. Буслаева, изданные Московскимъ Университетомъ въ книгѣ: «Матеріаловъ для Исторіи письменъ (1855 г.), съ 22 листами снимковъ,» приготовленныхъ прекрасно Г. Шелковниковымъ.» Во первыхъ: невѣрно, что только съ «Извѣстій» необходимость сколько возможно большаго количества буквально вѣрныхъ выписокъ стала признаваться, равно и то обстоятельство, будто издержки на снимки всегда останавливали сознававшихъ эту необходимость, а и того невѣроятнѣе утвержденіе о вліяніи «Извѣстій 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ» въ этомъ отношеніи. «Извѣстія» тутъ ни съ сего, ни съ того, такъ себѣ, хотя цѣль-то панегирика такъ и просвѣчиваетъ. Во вторыхъ: не одни «Матеріалы для Исторіи письменъ» составляютъ исключеніе каса-

тельно множества снимковъ съ рукописей за этотъ періодъ: не слѣдуетъ забывать и о другихъ, то же дѣлавшихъ не только одновременно, но и гораздо до того, съ меньшей любовью къ дѣлу и отчетливостью.

Вообще, всякое подобное обозрѣніе должно быть непременно въ оба зрѣніе. Краткость его—не извиненіе, когда многое существенное опускается какъ бы съ намѣреніемъ, либо выставляется въ полусвѣтъ, прикрывается, перетолковывается, а на многое возводится даже чистѣйшая напраслина, съ другой же стороны дюженное сопровождается такими эпитетами, что, слыша то, самъ себѣ не вѣришь, дивишься и, хватаясь за голову, невольно восклицаешь: «Какъ же то я такое сокровище проглядѣлъ!» Разумѣется, не съ проста же все это дѣется, не на обумъ творится.

О. Бодяскій.

22-го Марта, 1867 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

- О Самозванкѣ, выдававшей себя за дочь Императрицы Елисаветы Петровны. По архивнымъ источникамъ, съ документами. Сообщилъ Поч. Членъ Графъ В. Н. Панинъ. Стр. 1—92 и 4—68.

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

- Матеріалы для Исторіи Сибири: 3. Цѣны на разные предметы. 4 Невольничество, кабала и полонъ. 5. Торговля и промышленность. 6. Бѣглые. Сообщилъ Г. Н. Потанинъ. 129 — 230.

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

- Славянство и миръ будущаго. Посланіе Славянамъ съ береговъ Дуная покойнаго Людевита Штурра. Переводъ неизданной Нѣмецкой рукописи, съ примѣчаніями Д. Члена В. И. Ламанскаго. 1—191.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

	Стран.
Дневникъ Іоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда 1-го въ Московское Государство въ 1698 г. и проч. Переводъ съ Латинскаго Б. Женева и М. Семеваго...	123 — 206.

V.

С М Ъ С Ъ.

Подметное письмо о Князѣ А. Д. Меншиковѣ...	1—3.
Доклады Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Президента Академіи Наукъ, Графа Кс. Г. Разумовскаго.....	4—6.
Докладъ Святейшаго Синода Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ о книгахъ, противныхъ Вѣрѣ и нравственности.....	7—8.
Директоръ Академіи Наукъ Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.....	9—53.
Доклады Государынѣ Императрицѣ Комиссіи о учрежденіи Народныхъ Училищъ.....	54—56.
Допросы Костомарѣ, Рязанскому и др. о книгъ поглазненія.....	60—130.
Списокъ о всѣхъ милостяхъ, оказанныхъ покойнымъ Государемъ Императоромъ Павломъ 1-мъ, въ день его коронаціи, 5-го Апрѣля, 1797 года. Сообщ. М. И. Семеваго.....	131—148.
Квакеры въ Петербургѣ. Н. В. Сушкова.....	149—153.
Три Митрополита: Амвросій, Макарій и Серафимъ. Н. В. Сушкова.....	156—173.
Замѣтка къ статьѣ о постройкѣ Сенатскаго админіра въ Москвѣ. Д. Члена А. А. Майкова.....	174—178.
Объясненіе О. М. Бодненскаго.....	179—182.

О П Е Ч А Т К И

ВЪ КН. IV-ОЙ «ЧТЕНІЙ» 1866 ГОДА.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

		<i>Напечатано:</i>	<i>Читайте:</i>
Стран.	Стр.		
6,	5	Кефельсдорфъ	Кефельсдорфъ
33,	2	снизу: Радзинъ	Кадницъ
71,	5	сверху: Педжетъ	Паджетъ
87,	3	Карловича	Карловица (такъ и всюду)
102,	2	Федора	Вѣра
	4	снизу: Федоры Колужкиной	Вѣры Васютинской и Федоры Колужкиной
104,	15	Федора	Вѣра
111,	2	снизу: Гаврила Меньшиковъ	Гаврила Головкинъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

232,	3—4	снизу: Гдѣ сложена была тема разыправшейся столь печальной драмы	слѣдуетъ помѣстить это послѣ словъ: «каменный съ колоннами домъ.»
233,	1	сверху: На Никольской	На Николаямской
242,	10	параграфовъ	парафовъ
256,	7	снизу: вышегъ	вошегъ

ВЪ КН. I-ОЙ 1867 ГОДА.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

132,	15	Regni	Regni
151,	7	снизу: Католической	Католической
174,	4	Ахентонъ	Ахентонъ
177,	4	снизу: Буханъ	Буханъ
194,	11	Воротынскомъ	Воротынскимъ

